Библіотека очень проситъ бережнѣе обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой, и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой, если загибаютъ углы страницъ, и т. п.

СОЧИНЕНІЯ

Н. И. ПИРОГОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ автора

ИЗДАНІЕ ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА
1810 — 13 Ноября — 1910

ИЗДАНІЕ ПИРОГОВСКАГО Т-ВА. КІЕВЪ.
1910

ТИП. П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 12

I-й томъ

Сочиненій Н. И. Пирогова

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Предисловіе.

Собраніе сочиненій Н. И. Пирогова было издано послѣ смерти автора его вдовою два раза—въ 1887 и въ 1900 годахъ— въ одной и той-же редакціи. Въ обоихъ изданіяхъ особый томъ былъ посвященъ педагогическимъ и публицистическимъ статьямъ, написаннымъ, главнымъ образомъ, въ 1856—1864 годы, въ періодъ наиболѣе интенсивной дѣятельности великаго хирурга на педагогическомъ поприщѣ. Сюда, однако, не были включены многія произведенія обще-педагогическаго и публицистическаго содержанія, хотя они были въ свое время опубликованы въ разныхъ изданіяхъ и представляютъ высокій самостоятельный интересъ, существенно дополняя матеріалы для біографіи незабвеннаго учителя жизни.

Принявъ лестное приглашеніе Пироговскаго товарищества дополнить и приготовить къ печати первый томъ настоящаго юбилейнаго изданія, въ который должны быть включены педагогическія и публицистическія статьи Николая Ивановича, я прежде всего озаботился приведеніемъ въ извѣстность наличнаго литературнаго наслѣдства Пирогова. Выяснилось, что не только письма и записки Н. И., хранящіяся въ рукописяхъ въ разныхъ учрежденіяхъ, но и многое извѣстное въ печати не можетъ быть включено въ настоящій томъ, въ виду чего пришлось ограничиться лишь наиболѣе важными и законченными статьями. И эту задачу удалось разрѣшить съ достаточной полнотой благодаря увеличенію объема изданія.

При составленіи примѣчаній я старался болѣе или менѣе подробно изложить исторію каждой статьи: ея происхожденіе, время и мѣсто опубликованія, историко-біографическое значеніе для характеристики автора и т. п. На ряду съ этимъ приводятся указанія на другія произведенія Н. И. Пирогова, близкія по содержанію помѣщеннымъ въ этомъ томѣ, а также излагаются мотивы невключенія ихъ въ настоящее изданіе. Въ разныхъ мѣстахъ примѣчаній помѣщены письма и отрывки изъ рѣчей Н. И. Пирогова, извлеченные изъ архивовъ или изъ чужихъ со-

чиненій и, въ виду случайности содержанія, невключенные въ соотвѣтственные отдѣлы текста. Эти письма и отрывки выдѣлены подзаголовками и отмѣчены въ хронологическомъ указателѣ. Все заново включенное въ настоящее изданіе отмѣчено въ оглавленіи.

Статьи Н. И. Пирогова раздѣлены на 3 отдѣла и въ каждомъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Нѣкоторыя отступленія отъ этого порядка пришлось допустить во избѣжаніе пестроты текста, въ виду чего, наряду съ оглавленіемъ, составленъ хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ. Къ тексту статей Пирогова приложенъ алфавитный указатель именъ.

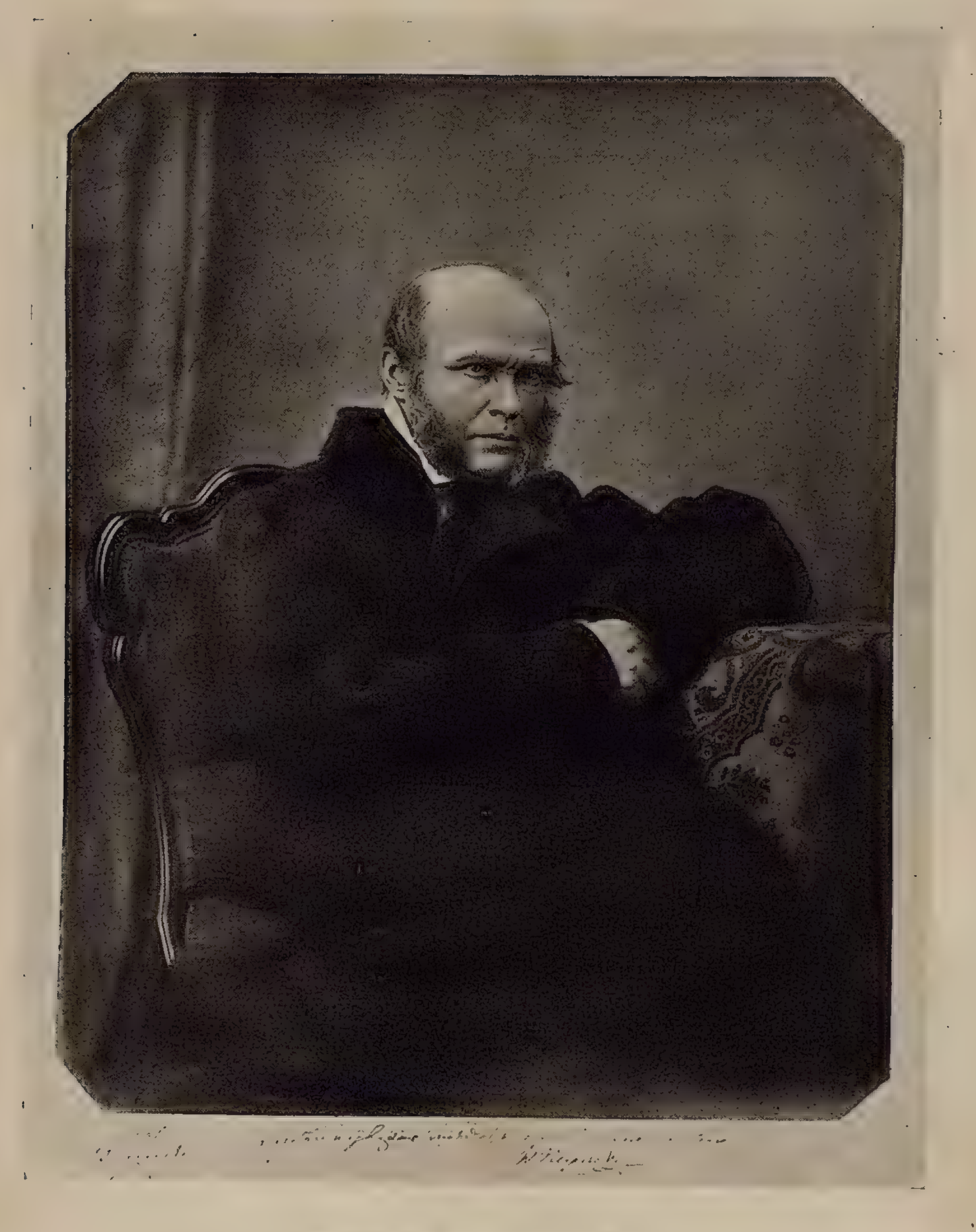
Если удалось достигнуть извѣстной правильности въ выборѣ и расположеніи матеріала, то этимъ я обязанъ любезности академика Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, профессоровъ Новороссійскаго университета И. А. Линниченко и М. Г. Попруженко, прив.-доцента Московскаго университета Л. А. Тарасевича и доктора медицины Ю. Г. Малиса. Ихъ совѣтами мнѣ неоднократно приходилось пользоваться. Относительной полнотой примѣчаній я обязанъ содѣйствію помощника завѣдующаго одесской городской публичной библіотеки Л. М. Де-Рибаса. Всѣмъ этимъ лицамъ я приношу свою искреннюю признательность.

Благодаря содѣйствію профессора А. В. Корша получилась возможность приложить къ этой книгѣ снимокъ съ портрета Н. И. Пирогова, снабженнаго его собственноручною надписью. Портретъ хранится въ читальной залѣ Новороссійскаго университета.

С. Я. Штрайхъ.

Одесса, 1910, октябрь.

Изд. Пироговскаго Т-ва.

Портретъ Н. И. Пирогова
въ періодъ кіевскаго попечительства.

(1861. 13 Апрѣля, Кіевъ.—Люблю и уважаю молодость, потому что помню свою.—Н. Пироговъ).

Автобіографія Н. И. Пирогова.

Письма къ І. В. Бертенсону.

Село Вишня, 1880 г., сентября 27.

Хотя, многоуважаемый Іосифъ Васильевичъ[1], я и не помню, чтобы когда-либо намекалъ о недостаточности моего содержанія, какъ это пишетъ вамъ наипочтеннѣйшій Евгеній Венцеславичъ (Пеликанъ) отъ доброты своей прекрасной души; но, дѣйствительно, было время, когда мнѣ казалось, что я имѣлъ нѣкоторое право на прибавку къ моей пенсіи въ 1.800 руб.[2]; это было именно тогда, когда неудобозабываемый графъ Толстой[3] на мой скромный вопросъ, желалъ-ли онъ, чтобы я продолжалъ данныя мнѣ порученія по университетскимъ дѣламъ[4], исполнялъ и далѣе, отвѣтилъ мнѣ чрезъ г. Делянова[5], что, по представленію его, графа Толстого, Государю Императору, я увольняюсь и получавшееся мною содержаніе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія затѣмъ прекращается; между тѣмъ я получалъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія содержаніе по двумъ должностямъ, а въ отвѣтѣ графа Толстого упоминалось только объ увольненіи отъ одной, именно отъ порученій, данныхъ мнѣ Министромъ Головнинымъ[6] по университетскимъ дѣламъ, а не отъ должности члена Учебнаго Комитета, и мнѣ выслали свидѣтельство отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на мою старую пенсію отъ Медико-Хирургической Академіи, въ которомъ сказано, что я состою при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; такъ это свидѣтельство и теперь у меня въ рукахъ и я его ежегодно обязанъ представлять въ мѣстное казначейство для полученія пенсіи, не увеличенной ни на грошъ послѣ того, какъ я былъ на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія почти 10 лѣтъ, да и теперь считаюсь якобы состоящимъ при немъ. Мнѣ кажется, я имѣлъ нѣкоторое юридическое право требовать отъ Мин. Нар. Просвѣщенія разъясненія о моемъ положеніи и отношеніяхъ къ нему; я не въ отставкѣ, мой формулярный списокъ находится въ этомъ-же Министерствѣ, имѣю отъ него свидѣтельство, что-же я такое? Но, послѣ такого неблаговиднаго поступка со мною графа Толстого, я предпочелъ поступить какъ тотъ итальянскій монахъ, который, уходя изъ протестантской Германіи, взошелъ на пригорокъ, спустилъ штаны и изрекъ: «aspice denudatas, barbara terra, nates». Сверхъ весьма неучтиваго отношенія ко мнѣ со стороны классическаго графа, которому humaniora не пошло въ прокъ и не сдѣлало его гуманнымъ, нерасположеніе его ко мнѣ завершилось еще и тѣмъ, что и другое дѣло, а именно представленіе меня къ арендѣ Головнинымъ, Высочайше утвержденное и переданное Министерству Государственныхъ Имуществъ, кануло ко дну. Во всемъ сказанномъ Вы можете убѣдиться документально, если потрудитесь посмотрѣть на бумаги, которыя я пересылаю моему сыну въ Петербургъ съ порученіемъ сообщить Вамъ ихъ содержаніе; можетъ быть, это будетъ для васъ небезъинтересно.

Я далъ порученіе сыну (Владиміру Николаевичу) зайти къ вамъ*. Если вся эта продѣлка графа Толстого еще нѣсколько интересуетъ меня, то только потому, что она нѣкогда была

* Я заблагоразсудилъ послать вамъ самимъ бумаги отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чтобы васъ не безпокоить посѣщеніемъ моего сына. Будьте такъ добры и перешлите прямо ко мнѣ эти документы, когда они вамъ не нужны будутъ. Пироговъ.

обидна для моего самолюбія; въ средствахъ-же къ жизни я, благодаря Бога, не нуждался. Обидно и не для одного самолюбія то, что личность, обязанная своимъ высокимъ положеніемъ только одному несчастному случаю[7], имѣла право сильнаго унизить и заподозрить предъ Главою государства достоинства человѣка, безкорыстно посвящавшаго всю жизнь безкорыстному служенію истинѣ и отечеству. Я вѣрю въ Nemesis, хотя еще болѣе вѣрую въ Божіе правосудіе; враги мои, ненавидѣвшіе меня только за то, что не былъ уступчивъ, велъ не по ихнему, сошли со сцены, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ нелестныхъ для ихъ памяти воспоминаній и упрековъ.

Но, довольно; я употребляю assa foetida только въ клистирахъ.

Что-же вамъ написать изъ моей автобіографіи, которую пишу только для себя и моего семейства, на память[8]. Вотъ вамъ названіе главъ изъ этой автобіографіи: Вступленіе въ Московскій университетъ студентомъ-ребенкомъ 14 лѣтъ, въ 1824—25 годахъ; я—студентъ не въ нынѣшнемъ вкусѣ и не по послѣдней модѣ. Вступленіе въ профессорскій институтъ, въ 1827—28 годахъ, лекаремъ—17-ти лѣтъ. Защищеніе докторской диссертаціи въ 1833 г., послѣ 5-ти-лѣтняго пребыванія не по своей винѣ въ Дерптѣ; посланъ былъ туда только на 2 года съ тѣмъ, чтобы приготовиться для отправленія за-границу; но французская-же іюльская революція замедлила это отправленіе на 3 года, изъ нихъ 2 зачислены въ службу.

Пребываніе въ Берлинѣ и Геттингенѣ 2 года. Во время возвращенія въ Россію, опасная болѣзнь на пути, въ Ригѣ, и въ то время, какъ я лежалъ больной въ рижскомъ военномъ госпиталѣ, Иноземцевъ[9], мой товарищъ, былъ избранъ гр. Строгановымъ (опять графъ!)[10], профессоромъ хирургіи въ Москву, а я, москвичъ, остался на бобахъ и на госпитальной койкѣ.

Нежданно и негаданно, вдругъ предложеніе бывшаго ректора Дерптскаго университета и моего учителя Мойера[11] занять его каѳедру въ Дерптѣ, но не безъ оппозиціи со стороны другихъ факультетовъ, и особенно теологическаго. Итакъ, случай, болѣзнь, выводитъ на новое поприще. 5-ть лѣтъ профессуры, требовавшей ежедневно 8 часовъ занятій въ клиникѣ, аудиторіи и анатомическомъ театрѣ съ слушателями. Въ это время изданы: 1) Хирургическ. анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ атласомъ in folio; 2) Анналы хирургической клиники за 1836—37 г.г.; 3) Клиническіе анналы за 1837—1838 г. г.; 4) Монографія о разрѣзахъ Ахиллесова сухожилія. 1840—Академическая Демидовская премія за хирургич. анатомію фасцій и артерій.

Въ 1840 вручаю Клейнмихелю[12], назначенному тогда попечителемъ (Петерб. Мед.-Хир. Академіи), объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ классовъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. Проектъ принятъ, утвержденъ и я вызванъ занять въ М.-Х. Академіи каѳедру госпитальной хирургіи при 2-мъ военносухопутномъ госпиталѣ и должность старшаго врача хирургическаго отдѣленія этого госпиталя съ правомъ принимать въ него и грудныхъ больныхъ[13]. Съ тѣхъ поръ постепенно начали организовываться госпитальныя клиники и въ русскихъ университетахъ. Проекты этой организаціи и выборъ лицъ составлялись въ Комитетѣ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Уварова (тогда еще не графа), въ члены котораго, т.-е. Комитета, я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ проф. Зейдлицемъ и д-ми Спасскимъ и Раухомъ, подъ предсѣдательствомъ М. А. Маркуса. Это было въ 41 г., и въ то-же время я былъ избранъ членомъ Медицинскаго Совѣта (можетъ быть, въ 42 г.—не помню). Въ теченіе 5 лѣтъ издалъ: 5) 6 выпусковъ прикладной анатоміи съ атласомъ in folio; изданіе, вслѣдствіе банкротства книгопродавца Ольхина, не конечно. 6) Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей, по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ то-же время я принялъ на себя читать на трупахъ курсъ Патологической Анатоміи и въ теченіе 14

лѣтъ велъ протоколы 11.000 вскрытій труповъ.

Въ 1845 году я внесъ проектъ въ конференцію М.-Х. Акад. объ учрежденіи Анатомическаго Института, который, не смотря на жестокую оппозицію черниговцевъ, былъ утвержденъ попечителемъ Веймарномъ, и я въ 1846 г. отправился заграницу отъ Академіи для пріисканія ученаго прозектора и для ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ. Да, я и забылъ упомянуть выше, что я былъ отправленъ въ Парижъ въ 1837 г. Дерптскимъ университетомъ (что въ то время было рѣдкостью) и вывезъ оттуда весьма лестное обо мнѣ мнѣніе Вельпо[14], съ которымъ сблизился чрезъ мою хирургическую анатомію фасцій и артерій. Пребываніе-же мое заграницею въ 46 году доставило М.-Х. Академіи лицо, въ видѣ молодого прозектора, рекомендованнаго мнѣ проф. Гиртлемъ и сильно меня заинтересовавшаго своими прекрасными работами. Это былъ Груберъ[15], выборомъ котораго Академія по справедливости можетъ гордиться, такъ-же точно, какъ и я самъ. Въ 1847 году было въ первый разъ въ Россіи примѣненіе эѳиризаціи (эѳированіе) при операціяхъ, дѣлаемыхъ мною въ С.-Петербургскихъ госпиталяхъ: Обуховскомъ, Петропавловскомъ, Маріи Магдалины и дѣтской, консультантомъ которыхъ я безплатно служилъ почти 14 лѣтъ.

Опыты надъ животными, потомъ надъ людьми привели меня въ первый разъ къ примѣненію эѳированія per rectum; результаты моихъ наблюденій я изложилъ въ изданныхъ мною въ 1847 г. на французскомъ языкѣ Etherisation par le rectum. Едва я кончилъ эту работу, какъ тогдашній директоръ Военно-Медиц. Департамента В. В. Пеликанъ[16] (расположеніемъ ко мнѣ и дружбою котораго я всегда дорожилъ) предложилъ мнѣ отправиться по Высочайшему повелѣнію на Кавказъ и испробовать анестезированіе на полѣ сраженія. Въ іюлѣ 1847 года я, весьма благосклонно принятый княземъ Воронцовымъ и начальникомъ штаба Коцебу, участвовалъ при осадѣ крѣпостнаго аула Салты; осада продолжалась цѣлыхъ 6 недѣль, были постоянно ночныя вылазки, подкопы, штурмовали также одну часть аула; все это доставило нѣсколько сотенъ раненыхъ, и тогда у всѣхъ, требовавшихъ операціоннаго пособія, я употреблялъ эѳированіе моимъ приборомъ per os и per rectum въ первый разъ на полѣ сраженія. И въ первый-же разъ употреблена была мною неподвижная крахмальная повязка на полѣ сраженія въ сложныхъ переломахъ конечностей. Статистика была ведена весьма аккуратно сопровождавшимъ меня ассистентомъ, д-мъ Неммертомъ (теперь покойнымъ). Осмотрѣвъ на Кавказѣ и на югѣ Россіи, по порученію военнаго вѣдомства, почти всѣ военные госпитали (болѣе 100), я возвратился зимою къ новому 1848 году, въ полномъ невѣдѣніи о чреватости его событіями, и занялся изданіемъ моего «Отчета о медицинскомъ путешествіи на Кавказъ», съ атласомъ, статистикою всѣхъ произведенныхъ съ анестезированіемъ операцій и моими изслѣдованіями на живыхъ и на трупахъ различныхъ свойствъ огнестрѣльныхъ ранъ; книга эта была переведена и на русскій языкъ въ журналѣ М.-Х. Академіи. Уже при поѣздкѣ моей по Кавказу я встрѣчалъ на пути холеру, сильно свирѣпствовавшую въ станицахъ и въ войскѣ; по возвращеніи въ С.-Петербургъ, она, лѣтомъ 1848, не замедлила и здѣсь явиться. Я организовалъ въ моей Госпитальной клиникѣ особое отдѣленіе для однихъ только больныхъ настоящею азіатскою холерою и въ теченіе 6 недѣль въ моемъ отдѣленіи и другихъ госпиталяхъ сдѣлалъ 800 вскрытій холерныхъ; результаты этихъ наблюденій изложены въ моей книгѣ «Патологическая анатомія азіатской холеры», съ атласомъ in folio, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Моя прикладная анатомія и патологическая анатомія холеры были удостоены большой Демидовской преміи отъ Академіи наукъ. Съ 1849 по 1852 г., сверхъ моихъ обыкновенныхъ занятій по госпитальной клиникѣ, патологической анатоміи, анатомическаго института (директоромъ ко-

тораго я былъ назначенъ) и по консультаціямъ въ 5 гражданскихъ госпиталяхъ (Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской, Дѣтской и Максимиліановской лечебницъ), я трудился надъ моими Анналами госпитальной клиники и изданіемъ книги на нѣмецкомъ: «О счастьи въ хирургіи». Въ анналахъ я описалъ мою операцію остеотомичной ампутаціи въ суставѣ ноги. Восточная война (1851—1852 г.) застала меня въ этой работѣ и я принялся за приспособленіе моей неподвижной гипсовой повязки на полѣ сраженія, узнавъ изъ опыта при осадѣ Салты различныя невыгоды крахмальной повязки Сетена въ полевой хирургической практикѣ; зашедъ однажды къ скульптору, я познакомился съ гипсованіемъ холста и тотчасъ-же приложилъ его къ наложенію неподвижныхъ и съемныхъ гипсовыхъ повязокъ, испыталъ ихъ въ госпиталяхъ въ различныхъ видахъ и, достаточно убѣдившись въ ихъ удобствахъ, описалъ въ одномъ томѣ анналовъ мою гипсовую повязку, а потомъ описалъ ее и въ особой брошюрѣ: «Неподвижныя гипсовыя повязки». Въ этотъ-же періодъ времени я началъ издавать выпусками мой большой атласъ съ текстомъ, на иждивеніе Академіи, подъ именемъ «Топографо-анатомическій атласъ разрѣзовъ на человѣческихъ трупахъ».

Между тѣмъ насталъ 1853 годъ, потомъ война перенеслась съ Дуная подъ Севастополь; я предложилъ себя къ услугамъ при осадѣ и получилъ не безъ труда разрѣшеніе отправиться въ Крымъ. Великая Княгиня Елена Павловна[17] много содѣйствовала моему отправленію подъ Севастополь, поручила мнѣ руководить занятіями организованной ею тогда Крестовоздвиженскою Общиною сестеръ; впослѣдствіи такое-же порученіе руководить занятіями Сердолюбивыхъ вдовъ дано было мнѣ и по волѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; сверхъ этого, Великая Княгиня Елена Павловна предоставила мнѣ сформировать небольшую корпорацію врачей-хирурговъ на ея иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ моемъ завѣдываніи и никуда не назначались военнымъ вѣдомствомъ безъ моего согласія; д-ра Каде, Обермиллеръ, Хлѣбниковъ, Беккерсъ, Тарасовъ, а впослѣдствіи и С. П. Боткинъ (при второй моей поѣздкѣ въ Крымъ) принадлежали къ этой категоріи врачей.

Имѣвъ 6 мѣсяцевъ, съ октября по іюнь, въ завѣдываніи моемъ перевязочный главный пунктъ въ дворянскомъ собраніи, госпитальные бараки на Сѣверной сторонѣ и госпитали въ Николаевской батареѣ и въ 5 частныхъ домахъ Севастополя, я усталъ до крайности, а главное, до глубины души разстроенный госпитальною тогда неурядицею и самыми вопіющими злоупотребленіями администраціи, я возвратился въ Петербургъ, полагая чѣмъ-нибудь способствовать перемѣнѣ военно-врачебнаго дѣла въ Севастополѣ къ лучшему. Я успѣлъ только выхлопотать для себя новую командировку въ Севастополь съ вновь набранными мною врачами, въ числѣ которыхъ былъ и С. П. Боткинъ, рекомендованный мнѣ его товарищемъ по университету Беккерсомъ и только-что окончившій курсъ.

Мы пріѣхали уже послѣ паденія Южной стороны Севастополя, расположились на Сѣверной сторонѣ, заставъ тамъ еще нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, которыхъ перевязали и отправили въ Симферополь; здѣсь я получилъ въ завѣдываніе вновь выстроенные бараки; врачи, состоявшіе при мнѣ, и сестры были распредѣлены по палатамъ, и между ними С. П. Боткину я предоставилъ тифозное отдѣленіе. Пробывъ въ Симферополѣ отъ октября до декабря 1855 г., я отправился въ путь и осмотрѣлъ до 70 госпиталей Перекопа, Херсона, Екатеринослава, Харькова и пр., переполненныхъ дизентеричными, тифозными, ранеными и множествомъ больныхъ, отморозившихъ себѣ ноги во время транспортовъ въ открытыхъ саняхъ при 20° мороза. Тяжелое, страшное-то было время, его нельзя забыть до конца жизни[18].

Возвратясь въ 1856 г. въ С.-Пе-

тербургъ, я принялся оканчивать мой анатомическій атласъ и напалъ на мысль, вмѣстѣ съ разрѣзами замороженныхъ труповъ пластинками, въ 3-хъ направленіяхъ, представить первые опыты скульптурной анатоміи; для этого я придумалъ обнажать разные (особенно подвижные) органы въ нормальномъ ихъ положеніи на замороженныхъ трупахъ, работая чрезъ оледенѣвшія ткани долотомъ и молоткомъ; вышли превосходные препараты, чрезвычайно поучительные для врачей; положеніе многихъ органовъ (сердца, желудка, кишекъ) оказалось вовсе не такимъ, какъ оно представляется обыкновенно при вскрытіяхъ, когда, отъ давленія воздуха и нарушенія цѣлости герметически закрытыхъ полостей, это положеніе измѣняется до крайности. И въ Германіи, и во Франціи пробовали потомъ подражать мнѣ, но я смѣло могу утверждать, что никто еще не представилъ такого полнаго изображенія нормальнаго положенія органовъ, какъ я; атласъ мой разошелся по библіотекамъ европейскихъ университетовъ, и теперь его нѣтъ болѣе у книгопродавцевъ.

Въ это время (1855—1856 гг.) у насъ приняли заниматься вопросомъ о воспитаніи; всѣ убѣдились, что по прежнему шаблону нельзя воспитывать, если общество и государство желаютъ имѣть людей, а не обезьянъ и куколъ; у меня также выростали сыновья; знакомый изъ 20-ти-лѣтняго опыта съ воспитаніемъ студентовъ, бывшихъ моими учениками, и зная его вопіющіе недостатки, я, подъ вліяніемъ общаго въ то время настроенія, написалъ «Вопросы о жизни»[19], пропущенные цензурой только потому, что они печатались съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича въ «Морскомъ Сборникѣ». Рѣзкое выраженіе, глубокое убѣжденіе въ нелѣпости тогда всеобщаго почти сословно-специальнаго воспитанія и страшный разладъ между школою и жизнью произвели сильное впечатлѣніе; это, можетъ быть, не вполнѣ забыто и теперь, когда такъ легко забывается все прошедшее. Министръ Народнаго Просвѣщенія Норовъ, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія,—какъ онъ самъ мнѣ писалъ о томъ, пригласилъ меня занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа; рѣшившись оставить службу въ М.-Х. академіи, я принялъ это предложеніе, подъ условіемъ, чтобы программа моихъ дѣйствій была принята Министерствомъ; дано было полное согласіе, и вотъ съ 1857 г. начинается моя научно-педагогическая дѣятельность.

Первымъ дѣломъ моимъ было настоять на преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ; я въ томъ-же году, послѣ совѣщанія съ профессорами, послалъ проектъ объ учрежденіи университета; препятствіе къ утвержденію его вышло изъ Министерства Финансовъ, не дозволявшаго увеличить для существованія университета вывозную пошлину на пшеницу съ портовъ Чернаго и Азовскаго морей; тѣмъ не менѣе, проектъ мой остался неотвергнутымъ и впослѣдствіи осуществился въ другомъ видѣ и при другихъ средствахъ, безъ медицинскаго факультета, однако-же мною предложеннаго для всего южнаго и южно-восточнаго края. Вскорѣ, какъ я и предвидѣлъ въ объясненіяхъ моихъ съ Министромъ, начались столкновенія моихъ убѣжденій со взглядами другихъ властей за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ; случилась и перемѣна Министра, мнѣ предложено было другое мѣсто, попечителя Кіевскаго округа въ самое критическое время, въ началѣ развитія польскаго возстанія. Въ Кіевѣ выпали на мою долю новыя трудности и столкновенія. Я отстаивалъ мой коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихъ и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ, другія-же власти желали навязать мнѣ тайно-полицейскій надзоръ, то-есть, именно ослабить мое нравственное значеніе въ глазахъ учащихъ и учащихся; не помогли ни протесты, основанные на явныхъ, доказывающихъ вредъ навязываемыхъ мнѣ функцій, фактахъ, ни то, что въ теченіе моего 2-хъ лѣтняго управле-

нія, не смотря на возбужденное состояніе умовъ, не было ни одной серьезной студенческой демонстраціи, безпрестанно случавшихся тогда въ другихъ университетахъ. Тщетно я представлялъ, что, взявъ на себя несвойственную своему призванію роль полицейскаго соглядатая, попечитель лишилъ-бы себя возможности дѣйствовать, въ случаѣ надобности, энергически нравственнымъ своимъ вліяніемъ на среду людей, наиболѣе подвластныхъ этому вліянію, и долженъ-бы былъ прибѣгать къ силѣ. Наконецъ, клеветѣ удалось очернить меня, гдѣ слѣдуетъ, и я долженъ былъ оставить мой постъ, не смотря на мою рѣшимость и увѣренность удержать необдуманный порывъ учащейся молодежи въ взволнованномъ политическими интригами краѣ. Я уѣхалъ въ мое имѣніе и принялъ выборъ въ мировые посредники, но черезъ годъ новый Министръ Народнаго Просвѣщенія Головнинъ предложилъ мнѣ отправиться за-границу и руководить вновь учрежденнымъ профессорскимъ институтомъ. Я принялъ это назначеніе съ условіемъ, по которому я долженъ былъ имѣть вліяніе на выборъ лицъ и на организацію всего учрежденія; къ сожалѣнію, когда я уже распорядился моими дѣлами такъ, что отказъ для меня сдѣлался невозможнымъ, я получилъ инструкцію, не заключавшую въ себѣ моего главнаго условія; дѣлать было нечего; пріѣхавъ за-границу, я вошелъ въ сношенія со многими профессорами, отъ которыхъ узнавалъ о занятіяхъ молодыхъ ученыхъ, присланныхъ по выбору большею частью Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія и нѣкоторыхъ университетовъ, и дѣлалъ, что могъ, для сообщенія точныхъ свѣдѣній Министерству о ходѣ дѣла. Но мнѣ оставалось довольно времени, чтобы принять предложеніе одного лейпцигскаго издателя-книгопродавца, и я принялся за разработку собраннаго мною при осадѣ Севастополя матеріала. Это было въ 1863 году; въ Германіи приготовились къ Голштинской войнѣ, и книга моя «Основы общей военно-полевой хирургіи», напечатанная (на нѣм. яз.) въ Лейпцигѣ въ 1863—1864 году, пошла въ ходъ. Въ ней я изложилъ мой взглядъ на госпитали, медицинскую администрацію, перевязочные пункты и леченіе ранъ. Предложенная мною система разсѣянія раненыхъ и энергическій протестъ противъ зла, наносимаго раненымъ госпиталями, произвели глубокое впечатлѣніе. Въ этой-же книгѣ уже излагался идеалъ Общества Краснаго Креста прежде, чѣмъ оно осуществилось на дѣлѣ,—неосуществившійся еще и до сихъ поръ,—это нейтралитетъ врачей обѣихъ воюющихъ сторонъ; противогнилостное леченіе ранъ тогда еще мало занимавшее умы врачей, я описалъ такъ, какъ его употреблялъ съ различнымъ успѣхомъ въ теченіе 10-ти лѣтъ въ госпитальной практикѣ, въ которой ввелъ ирригацію ранъ, замѣнивъ губки чайниками съ водою, изгнавъ всѣ цераты, мази и липкіе пластыри и ввелъ въ употребленіе только одни противогнилостные растворы; старался изгнать и корпію, но скудныя средства тогдашней госпитальной практики не дозволяли мнѣ разнообразить мои испытанія.

Наконецъ, моя неподвижная гипсовая повязка описана была мною съ ея различными примѣненіями къ леченію ранъ въ военнополевой практикѣ. Я былъ однимъ изъ первыхъ въ началѣ 50-хъ годовъ и потомъ въ 63 г. (въ моихъ клиническихъ анналахъ и въ «Основахъ военно-полевой хирургіи») возставшій противъ господствовавшей въ то время доктрины о травматичекой піэміи; доктрина эта объясняла происхожденіе піэміи механическою теоріею засоренія сосудовъ кусками размягченныхъ тромбовъ; я же утверждалъ, основываясь на массѣ наблюденій, что піэмія,—этотъ бичъ госпитальной хирургіи съ разными ея спутниками (острогнойнымъ отекомъ, злокачественною рожею, дифтеритомъ, ракомъ и т. п.) есть процессъ броженія, развивающійся изъ вошедшихъ въ кровь или образовавшихся въ крови ферментовъ, и желалъ госпиталямъ своего Пастера для точнѣйшаго изслѣдованія этихъ ферментовъ. Блестящіе успѣхи антисептическаго лече-

нія ранъ и листеровой повязки подтвердили, какъ нельзя лучше, мое ученіе. Послѣ изданія моихъ «Основъ» я получилъ предложеніе и отъ нашего военно-медицинскаго вѣдомства, чрезъ директора Департамента Цыцурина, заняться изданіемъ руководства на русскомъ языкѣ. 1864—1865 годъ я и посвятилъ дальнѣйшей разработкѣ скопившагося у меня матеріала. Результатомъ была моя Военнополевая хирургія, въ 2-хъ частяхъ, купленная у меня военнымъ гражданскимъ и морскимъ военнымъ вѣдомствами. Въ 1866 г. я возвратился въ Россію, получивъ отъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Головнина приглашеніе посѣтить всѣ русскіе университеты, преимущественно медицинскіе факультеты университетовъ, и представить результаты моего осмотра; но, при перемѣнѣ Министерства, я былъ уволенъ отъ исполненія данныхъ мнѣ порученій и поселился въ моемъ имѣніи. Занимаясь съ тѣхъ поръ хозяйствомъ и практикою, я въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ исполнилъ и еще два немаловажныя порученія, которыми почтило меня, по волѣ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы, Главное Управленіе Общества Краснаго Креста. Это были двѣ экспедиціи: одна въ 1870 году—для обзора военныхъ госпиталей во время франко-прусской войны и въ 1877 году—экспедиція въ Болгарію во время нашей послѣдней восточной войны. Результаты моихъ наблюденій въ области военно-полевой медицины и военно-медицинской администраціи въ эти двѣ войны я сообщилъ въ моемъ отчетѣ (изданномъ въ 1871 году), выведенномъ изъ осмотра 70-ти военныхъ госпиталей Германіи, Эльзасъ-Лотарингіи, и въ моей книгѣ: «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 года». Въ заключеніе приведу въ общихъ чертахъ начала, руководившія меня въ двухъ областяхъ моихъ занятій и обязанностей.

Въ медицинѣ я, какъ врачъ и начальникъ, съ перваго-же моего вступленія на учебно-практическое поприще, поставилъ въ основаніе анатомію и физіологію въ то время, когда это направленіе,—теперь уже общее,—было еще ново, не всѣми признано и даже многими значительными авторитетами (какъ, напримѣръ, въ то время въ Германіи Рустомъ, Греффе-отцомъ и Диффенбахомъ) вовсе, и даже для хирургіи, отрицаемо. Мой первый авторскій трудъ, докторская диссертація: «num vinctura aortae» (я работалъ надъ нею съ 29-го по 33-й годъ) была основана единственно на анатомическихъ изслѣдованіяхъ и вивисекціяхъ надъ животными. По новости метода изслѣдонія, она не осталась незамѣченною и была переведена на нѣмецкій языкъ въ знаменитомъ тогда хирургическомъ журналѣ Греффе и Вальтера.

Мои анатомо-хирургическіе труды, изданные на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ то время, когда въ Германіи только одинъ Лангенбекъ-старшій былъ анатомомъ и хирургомъ вмѣстѣ, не могли не обратить на себя вниманія. Мои работы показали въ первый разъ съ точностью и наглядно отношенія фасціи къ артеріальнымъ стволамъ и указали на способы, наиболѣе удобные и точные къ производству операціи надъ артеріальными стволами. Разрѣзы замороженныхъ въ различныхъ положеніяхъ членовъ и полостей, вмѣстѣ съ анатомическою скульптурою, дали способъ опредѣлить съ точностью, невозможною при обыкновенномъ способѣ изслѣдованія, нормальное анатомическое положеніе и взаимное отношеніе различныхъ органовъ и суставовъ.

Мои анатомо-физіологическія изслѣдованія перерѣзанныхъ подъ кожей сухожилій, произведенныя надъ животными, едва-ли не въ первый разъ послѣ забытыхъ предположеній Гунтера, показали важное значеніе кровянаго тромба и его способность къ организаціи и къ возстановленію нарушенной цѣлости тканей.

Въ моихъ «Анналахъ хирургической клиники» я объявилъ во всеуслышаніе, что главное достоинство клиничнаго учителя состоитъ въ откровенности и чистосердечіи, требующихъ

отъ него признанія сдѣланныхъ ошибокъ и промаховъ предъ самими учениками, и въ первыхъ моихъ клиническихъ анналахъ я далъ примѣръ этой откровенности, раскрывъ всѣ сдѣланныя мною ошибки; критика,— конечно, нетрудная,—появившаяся въ нѣмецкихъ журналахъ тотчасъ по появленіи моей книги на свѣтъ, показала, что я вложилъ перстъ въ раны многихъ клиничныхъ учителей.

Въ книгѣ «О счастьи въ хирургіи» я указалъ многочисленными примѣрами изъ практики, на чемъ должно основывать это счастье и въ чемъ искать его. Въ моихъ новыхъ клиничныхъ анналахъ, появившихся на свѣтъ черезъ 14 лѣтъ послѣ первыхъ, я изобразилъ наглядно всю жестокость той борьбы, которую ведетъ хирургъ въ госпиталѣ съ заразами и міазмами, и указалъ въ первый разъ на существованіе госпитальной конституціи, особенной и своеобразной почти для каждаго госпиталя. Анестезированіе на полѣ битвы было въ первый разъ испытано мною, и тогда какъ многіе врачи колебались употреблять его въ голштинской первой и во второй войнахъ, мы въ огромныхъ размѣрахъ и почти безъ исключенія анестезировали нашихъ раненыхъ при осадѣ Севастополя.

Неподвижная повязка, неизвѣстная или совсѣмъ забытая германскими, французскими и англійскими хирургами, въ 1849—1855 годахъ введена была мною въ видѣ моей гипсовой повязки въ первый разъ въ военно-полевую практику, и въ 1870 году была уже почти во всеобщемъ употребленіи въ германскихъ военныхъ госпиталяхъ, хотя и вовсе не въ томъ разнообразномъ ея примѣненіи, которое она находитъ въ моихъ рукахъ. Мой взглядъ, основанный на горькомъ опытѣ о госпитальныхъ заразахъ, изолированіи, госпитальномъ карантинѣ и необходимости разсѣянія тяжело-раненыхъ высказанъ уже 30 лѣтъ тому назадъ и, энергично подтвержденный мною за 16 лѣтъ, раздѣляется теперь почти всѣми. Этотъ взглядъ, по моему мнѣнію, еще болѣе утвержденъ, чѣмъ ослабленъ, и введеніемъ Листеровой повязки въ хирургическую практику.

Неподвижность поврежденной части самой раны, антисептическія средства при леченіи раны, тщательная забота о свободномъ выходѣ ферментовъ, ее заражающихъ и методичное давленіе, съ возбужденіемъ мѣстной испарины въ поврежденной части, вотъ главныя основы, по моему мнѣнію, благотворнаго дѣйствія Листеровой повязки, были не разъ уже давно испытаны мною въ госпитальной практикѣ, и если онѣ не дали такихъ блестящихъ результатовъ, какъ эта повязка, то причиною тому было несовершенство техники и недостатокъ въ приспособленіи удобнаго матеріала.

Открытое леченіе ранъ, извѣстное мнѣ также давно изъ опытовъ надъ животными, я также испытывалъ при большихъ пластическихъ операціяхъ и при резекціи суставовъ и костей и при міотоміяхъ и ущемленныхъ грыжахъ, и потому нисколько не удивляюсь результатамъ, заставившимъ о себѣ такъ много спорить современныхъ хирурговъ.

Моя остеопластическая операція, введенная теперь почти повсемѣстно въ хирургическую практику, сначала была предметомъ недоумѣнія и недоразумѣнія всѣхъ сомнѣній и ложныхъ слуховъ; такъ было и съ предложенною мною системою разсѣянія раненыхъ, подавшей поводъ къ ложному ея примѣненію въ нашей недавней восточной войнѣ; надѣюсь, что впослѣдствіи, лучше понятая, она примется и въ нашемъ отечествѣ съ тѣмъ-же успѣхомъ, которымъ она пользовалась во франко-прусской войнѣ, въ Германіи.

Въ моей педагогической дѣятельности я преимущественно заботился о соглашеніи школы съ жизнью, о свободѣ научнаго разслѣдованія, о возбужденіи въ учащихъ и учащихся уваженія къ человѣческому достоинству и истинѣ.

Въ моихъ «Вопросахъ жизни», въ статьяхъ «Чего мы желаемъ?», въ моихъ циркулярахъ Кіевскаго Учебнаго Округа и въ Университетскомъ вопросѣ, опубликованныхъ мною въ теченіе моей дѣятельности въ званіи попечителя, я изложилъ мои взгля-

ды на образъ дѣйствій и средства къ достиженію предположенной цѣли, и я увѣренъ, что немалая часть тогдашнихъ, близкихъ ко мнѣ, педагоговъ и учениковъ засвидѣтельствуетъ о послѣдовательномъ проведеніи этого направленія моихъ началъ. Воскресныя школы, въ первый разъ въ Россіи учрежденныя мною въ Кіевѣ, введенный мною судъ чести въ высшихъ классахъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ директоровъ и наставниковъ, и мой регламентъ о наказаніяхъ были предметомъ клеветы, ложныхъ слуховъ и кривотолковъ; регламентъ наказаній, по моему мнѣнію, былъ крайне необходимъ при существовавшихъ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ между учителями, директорами, инспекторами и учениками, когда безъ разбора почти никогда проступки учениковъ не соотвѣтствовали наказаніямъ, опредѣляемымъ инспекторами и педагогическими совѣтами. Всѣ эти три учрежденія не пережили меня, но, не смотря на одногодичное свое существованіе, принесли несомнѣнную пользу. Воскресныя школы, быстро распространившіяся и предоставленныя въ столицахъ на произволъ общества, были закрыты именно по этому, давъ пріютъ нелѣпой политической пропагандѣ, тогда какъ мною онѣ назначались за неимѣніемъ другихъ народныхъ школъ, къ благому воздѣйствію учебнаго вѣдомства на праздное народонаселеніе. Судъ чести былъ оклеветанъ передъ высшимъ правительствомъ, какъ какой-то варварскій самосудъ, тогда какъ онъ именно уничтожилъ существовавшій въ краѣ самосудъ между учениками высшихъ классовъ и служилъ къ развитію истинныхъ понятій о достоинствѣ и чести между учащимися. Регламентъ наказаній, осмѣянный нуждающимися въ вспомоществованіи литераторами, въ одинъ годъ понизилъ огромную цыфру тѣлесныхъ и другихъ тяжкихъ наказаній на 90%, прекративъ произволъ директоровъ и инспекторовъ. Я, какъ врачъ, обратилъ главное вниманіе, во время моего попечительства, наставниковъ на различную индивидуальность учениковъ. Я настаивалъ преимущественно на томъ, чтобы они слѣдили за индивидуальнымъ внутреннимъ бытомъ учениконъ, ихъ склонностями и ихъ пороками, изъ которыхъ такіе, какъ онанизмъ, были распространены и въ нашихъ, и въ духовныхъ училищахъ (на что я не разъ обращалъ вниманіе и высшаго духовенства). Я твердо былъ убѣжденъ, что уваженіе и любовь къ святому, высокому и прекрасному не могутъ быть иначе развиты въ душѣ ребенка, какъ слѣдя за развитіемъ его индивидуальнаго быта, его воспріимчивости и склонностью къ этимъ чувствамъ. Притворство и поддѣльность, такъ легко усвоиваемыя дѣтьми при одномъ внѣшнемъ надзорѣ за школьнымъ порядкомъ и дисциплиною, не могли быть иначе искоренены, какъ откровеннымъ и болѣе свободнымъ обращеніемъ съ ними наставниковъ, слѣдящихъ за ихъ индивидуальностью, и я настаивалъ, чтобы они слѣдили не столько за соблюденіемъ внѣшняго порядка, сколько пріучали-бы дѣтей къ откровенности, устраняя все, что пріучаетъ ихъ къ притворству. Въ моей статьѣ «Быть и казаться» я указывалъ и родителямъ на вредное вліяніе дѣтскихъ театровъ, баловъ и т. п., развивающихъ въ дѣтяхъ поддѣльность, тщеславіе и мишурность.

При моихъ взглядахъ на воспитаніе, я главную надежду возлагалъ не на надзирателей и воспитателей ex-officio, а на самихъ наставниковъ, т. е. на знаніе и науку. Я полагалъ, что наука въ рукахъ дѣльнаго учителя есть единственое мощное средство въ школахъ и къ нравственному образованію. Дѣльный учитель въ классѣ и при урокахъ всего лучше можетъ узнать индивидуальныя склонности ученика, его воспріимчивость къ высокому и прекрасному, его внимательность,—развить которую есть главная задача учителя,—и его склонности. Я не отдавалъ (предпочтенія) въ этомъ отношеніи, для меня самомъ главномъ въ школьномъ дѣлѣ, ни классицизму, ни реализму; для меня оба направленія были одинаково пригодны для достиженія поставленной мною цѣли, лишь-бы ни

то, ни другое не вводилось въ школы съ задней мыслью; опытъ доказалъ, что не разъ мѣнявшееся у насъ направленіе, не разъ классицизмъ—замѣнявшійся реальнымъ направленіемъ, и реальное—классицизмомъ, не оправдало надеждъ и, какъ я полагаю, именно потому, что эти перемѣны дѣлались съ заднею мыслью воздѣйствія на будущій образъ мыслей и влеченій учащихся, какъ будто-бы одинъ родъ знаній можетъ оказать болѣе или менѣе вредное вліяніе на будущія убѣжденія и дѣйствія учившихся. Всякій родъ знаній можетъ быть и вреденъ, и полезенъ, смотря по употребленію и примѣненію къ жизни, которое изъ него дѣлаютъ впослѣдствіи; говорили, что классицизмъ, будто-бы возбудилъ первую французскую революцію; теперь утверждаютъ, что естественныя науки развили нигилизмъ, между тѣмъ наука и знаніе въ отношеніи ко вреду и пользѣ безразличны, различны только условія жизни, склоняющія людей къ тѣмъ или другимъ знаніямъ, въ ту или другую сторону.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, обзоръ моей 50-лѣтней дѣятельности на двухъ поприщахъ. Согласно съ вашимъ желаніемъ, я сообщилъ его для того, что знающимъ меня лично, можетъ быть, интересно прочесть его (самъ-же я, написавъ его, не читалъ и потому прошу поправить вкравшіяся ошибки); для знающихъ-же меня только по слухамъ онъ дастъ болѣе точное понятіе о томъ, что я дѣлалъ, какъ думалъ и чего не сдѣлалъ; наконецъ, каждый, прочитавъ его, можетъ разсудить по своему: заслуживаетъ-ли моя біографія быть внесенною въ исторію науки и культуры моего отечества. Сообщенные вамъ документы, доказывающіе, что культъ произвола и интриги не чуждъ представителямъ научной и нравственной истины, которыми должны-бы быть министры народнаго просвѣщенія,—я прошу возвратить опять мнѣ, сообщивъ ихъ, если желаете и Евг. Венц. Пеликану, а ему засвидѣтельствуйте отъ меня мою искреннюю благодарность за добрую память обо мнѣ.* Н. Пироговъ.

С. Вишня. 80. Декабря 30.

Въ моемъ біографическомъ очеркѣ, почтеннѣйшій Іосифъ Васильевичъ, я ничего не сказалъ о занимавшемъ меня нѣкогда еврейскомъ вопросѣ. Дополните этотъ пробѣлъ. Вотъ мой взглядъ:

Я считалъ не только не гуманнымъ, но и не раціональнымъ, а всего болѣе непрактичнымъ существующій еще анахронизмъ,—территоріальное гето съ кагаломъ, свѣчнымъ и коробочными сборами, служившими средствомъ для Министерства Народнаго Просвѣщенія Уварова къ устройству какихъ-то уродливыхъ еврейскихъ училищъ[20].

Если ограниченіе правъ евреевъ у насъ можетъ быть еще объяснено временнымъ протекторатомъ неразвитаго туземнаго народонаселенія отъ эксплоатаціи семитовъ, то исключительныя и ограничительныя мѣры для евреевъ въ кругѣ дѣятельности учебнаго вѣдомства не находятъ рѣшительно никакого оправданія.

Въ странѣ обширной, малонаселенной, нуждающейся въ интеллектуальномъ и матеріальномъ капиталахъ, стѣснять и ограничивать весьма ненадежными полицейскими и административными мѣрами разсчетливое и вымуштрованное уже этими-же самыми мѣрами и вѣковымъ опытомъ семитическое племя—есть по истинѣ величайшій политическій абсурдъ, ведущій только къ деморализаціи какъ стѣсненной, такъ и стѣсняющей среды. Для обитателей территоріальной полосы, назначенной для еврейскаго гетто, эта прогрессирующая деморализація проявляется на каждомъ шагу въ ужасающихъ размѣрахъ и видахъ. Поэтому, бывъ попечителемъ двухъ округовъ въ этой полосѣ, я считалъ первымъ моимъ долгомъ обращать вниманіе правительства на оче-

---

* Безъ очковъ плохо вижу, а въ очкахъ не хочу писать, чтобы не испортить еще болѣе зрѣнія, и потому потрудитесь сами разобрать, что написано неразборчиво. Н. Пироговъ.

видное зло и старался всѣми законными и нравственными мѣрами смягчить суровыя ограниченія и происходящій отъ нихъ вредъ. Я помогалъ, сколько могъ, еврейской молодежи, воспитывавшейся въ 2-хъ учебныхъ округахъ, которыми завѣдывалъ, выйти изъ безвыходнаго положенія, и не разъ обращался въ Министерство съ проектами о коренномъ преобразованіи еврейскихъ школъ, предлагалъ и полное уничтоженіе ихъ замкнутости чрезъ слитіе съ общеобразовательными учрежденіями; впослѣдствіи это предложеніе было отчасти осуществлено.

Ненормальное состояніе еврейскаго образованія у насъ ведетъ къ тому, что образующійся еврей можетъ скорѣе сдѣлаться нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ евреемъ, и потому я старался облегчать молодежи входъ въ наши учебныя заведенія, что въ то время было сопряжено съ немалыми трудностями; не забудемъ, что это было то время, когда самъ Министръ Народнаго Просвѣщенія мѣрилъ саженями разстояніе еврейскаго училища отъ православной церкви. По моему ходатайству, съ неимовѣрными затрудненіями и проволочками было, наконецъ, разрѣшено изданіе перваго еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ въ Одессѣ, и я вмѣняю себѣ не въ малую заслугу, что увеличилъ значительно кружокъ русскихъ образованныхъ евреевъ тогда, какъ само Министерство Народнаго Просвѣщенія толкало ихъ, такъ сказать, сдѣлаться нѣмцами, распространяя въ еврейскихъ училищахъ нѣмецкіе переводы священныхъ еврейскихъ книгъ (Маймонидъ и т. п.), сдѣланные на казенный счетъ (то-есть, на деньги изъ коробочнаго сбора), а въ то время еще не былъ поднятъ антисемитскій вопросъ въ Германіи и наши евреи считали ее обѣтованною землею для своего образованія. Наши юдофобы теперь, конечно, радуются поднятію этого вопроса и, безъ сомнѣнія, воспользуются имъ для своихъ цѣлей, если имѣющіе власть не поймутъ хорошенько огромнаго различія мотивовъ, заставляющихъ нѣмцевъ вооружаться противъ семитовъ, отъ тѣхъ, которые заставляютъ нашихъ юдофобовъ поддерживать нелѣпыя опасенія и предлагать еще болѣе нелѣпыя мѣры къ осуществленію своихъ цѣлей.

На окраинахъ государства, въ которыхъ я былъ попечителемъ, мнѣ предстояла, какъ я полагалъ, обязанность заботиться и о сближеніи въ школахъ другихъ національностей, а не одной еврейской.

Наставники, по моему мнѣнію, имѣли къ тому мощное средство—въ словѣ, тѣмъ болѣе, что государство имѣло полное право требовать въ своихъ школахъ господства одного отечественнаго языка. Я предложилъ наставникамъ воспользоваться этимъ средствомъ и для большаго сближенія съ учениками и учениковъ между собою учредить, подъ предсѣдательствомъ директоровъ, инспекторовъ и моимъ собственнымъ, литературныя и научныя бесѣды. Нельзя не удивляться, сколько благотворныхъ и вовсе нежданныхъ результатовъ дали эти бесѣды.

Ученики, безъ различія національностей, съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросались за работу (письменную, не словесную) и подготовлялись къ устному веденію бесѣды о томъ или другомъ предметѣ и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣдъ не по силамъ, но всегда по склонности; и эти склонности какъ учениковъ, такъ и учителей обнаруживались наглядно; свобода воззрѣній, конечно, не допускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣды, и обнаруживала неузнанныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія.

Во время моего попечительства былъ поднятъ университетскій вопросъ (снова теперь возникшій). Я объявилъ прежде всего, что университетъ долженъ сколько можно болѣе имѣть свое самоуправленіе, съ ректоромъ во главѣ. Попечитель-же учебнаго округа долженъ быть въ отношеніи къ университету ничѣмъ другимъ, какъ правительственнымъ контролеромъ дѣйствій университета. Но

въ моемъ университетскомъ вопросѣ (напечатанномъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но не пущенномъ въ продажу) я утверждалъ, что главная немощь нашихъ университетовъ состоитъ въ недостаточномъ обновленіи и оживленіи интеллектуальныхъ силъ университета, дающая поводъ къ квіетизму и непотизму въ средѣ профессоровъ. Вина лежитъ не въ выборномъ началѣ; напротивъ, оно должно быть такъ-же дорого для нашихъ университетовъ, какъ зѣница ока для каждаго изъ насъ. Я былъ и прежде, остался и теперь того мнѣнія, что пока въ нашихъ университетахъ не будутъ значительно усилены средства къ развитію доцентуры и не надо ей какъ можно болѣе льготъ для привлеченія свѣжихъ силъ, пока будетъ существовать обязательное курсовое слушаніе лекцій съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — чисто экзаменаціоннымъ направленіемъ ученія, пока будетъ налогъ на право ученія въ университетѣ, замѣняющій гонораръ въ заграничныхъ университетахъ, пока профессора различныхъ по существу предметовъ при различныхъ научныхъ достоинствахъ, заслугахъ и способностяхъ будутъ получать однообразное штатное содержаніе, а университеты не будутъ имѣть никакихъ другихъ средствъ къ привлеченію лицъ, заслужившихъ имя въ наукѣ,—до тѣхъ поръ нельзя возлагать надежды на прочный, истинный научный прогрессъ нашихъ университетовъ. И, конечно, оживленія и обновленія силъ нельзя ожидать тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ ограниченіемъ доцентуры, сдѣлалось болѣе возможнымъ, чѣмъ когда-нибудь, удержаніе за собою каѳедры отъ 25 до 40 лѣтъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ.

Студенческій вопросъ, какъ часть учебнаго, занималъ тогда умы не менѣе, какъ и теперь.

Въ совѣтѣ попечителей, созванномъ въ 61 году въ С.-Петербургѣ, въ моихъ посланіяхъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія и, наконецъ, къ самому Государю Императору я докладывалъ слѣдующее о студенческихъ волненіяхъ, противъ которыхъ правительство требовало принятія мѣръ и преобразованій.

«Какъ ни желательно,—говорилъ я,—для русской науки требовать отъ вступающихъ въ университеты солидной научной подготовки и имѣть дѣло съ одними учащимися элитами, но въ настоящее время это немыслимо для насъ. Большая часть учащейся въ университетахъ молодежи, это дѣти чиновниковъ, военныхъ, поповъ, мѣщанъ, едва не пролетаріи и не имѣютъ средствъ окончить солидное гимназическое или приготовительное образованіе. А наши университеты имѣютъ пока и долго еще будутъ имѣть не столько научное, сколько общеобразовательное значеніе. Затруднивъ входъ въ нихъ, не нанесемъ-ли вредъ стремящейся въ нихъ молодежи и самому государству? Другихъ высшихъ учебныхъ заведеній у насъ почти нѣтъ, а если и будутъ, то приливъ къ нимъ той-же силы, которая теперь вступаетъ въ университеты, должна имѣть и тѣ-же самыя послѣдствія. Причины волненій останутся тѣ-же самыя. Университетъ у насъ не есть, какъ должно быть, одна общая корпорація учащихъ и учащихся, скрѣпленная общими научными и нравственными интересами. У насъ университетъ представляетъ двѣ корпораціи, изъ которыхъ только одна организована и стоитъ отдѣльно отъ другой, другая-же,—студенческая,—неорганизованная, представляетъ собою скученную массу силъ, управляемыхъ и сдерживаемыхъ только извнѣ. При такомъ способѣ управленія, только строгая, внѣшняя дисциплина можетъ удерживать порядокъ. Но всякій понимаетъ, что университетъ не казарма и не корпусъ, и студенчество не солдатство. Поэтому, и не представляется никакихъ другихъ мѣръ къ возстановленію порядка въ нашихъ университетахъ, какъ одна изъ двухъ слѣдующихъ: нужно или сдѣлать изъ университетовъ нѣчто въ родѣ Collège de France, то-есть сдѣлать ученіе въ немъ свободнымъ, открытымъ для всѣхъ, безъ всякой корпораціи, съ общимъ гражданскимъ или полицейскимъ надзоромъ за порядкомъ, какъ въ теат-

рахъ, концертахъ и т. п., или-же соединить сколько можно крѣпче учащихъ и учащихся въ одну общую и хорошо организованную корпорацію, но въ такомъ случаѣ она должна быть насколько можно самостоятельною и пользующеюся правами самоуправленія».

Въ этихъ словахъ я высказалъ мое убѣжденіе, не предвидя, что то, что я считалъ тогда немыслимымъ, черезъ 5 лѣтъ (въ 1866 году) сдѣлалось не только мыслимымъ, но и выйдетъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ полномъ вооруженіи; въ классическихъ, выросшихъ по заказу, гимназіяхъ будутъ оканчивать 8-лѣтніе курсы, а университеты наполнятся элитами. Но еще менѣе того я предвидѣлъ, чтобы черезъ 5 лѣтъ Министерство Народнаго Просвѣщенія превратилось въ такого цербера просвѣщенія для уничтоженія студенческихъ безпорядковъ.

Но пора перестать. Въ моемъ семейномъ дневникѣ, я, болтая, по крайней мѣрѣ не наскучаю другимъ; я, впрочемъ, не виноватъ, если наскучилъ. Вы сами хотѣли имѣть отъ меня замѣтки обо мнѣ.

Вы писали, что исправляющій должность Розова вамъ сказалъ, кажется, о 18.000 собраннаго капитала[21]; это, вѣрно, неправда, въ «Голосѣ» 28 декабря напечатано изъ «Прав. Вѣст.» только о 6.000. Прощайте. Съ Новымъ годомъ. Вашъ Пироговъ.

Село Вишня. 81. Января 13.

Милостивый государь Іосифъ Васильевичъ.

Я выслалъ вамъ, какъ вы знаете, мои служебные документы по инициативѣ Евг. В. Пеликана, въ доказательство, что я имѣлъ давно (не скажу нравственное) юридическое право на арендную пенсію, не имѣя никакого намѣренія употреблять ихъ въ видѣ улики или основывать на нихъ какія-либо претензіи.

Только инициатива сверху, проведенная сильною рукою, могла-бы еще на основаніи этихъ документовъ возстановить юридическую правду; но, какъ вы справедливо замѣтили, болѣзнь будетъ для Евг. В. препятствіемъ привести его инициативу къ исполненію. Въ такомъ случаѣ, мои документы ни къ чему вамъ служить не будутъ; сдѣлавъ изъ нихъ, если найдете для себя интереснымъ, извлеченіе, перешлите ихъ пожалуйста, поскорѣе мнѣ въ ящикъ, подъ спудъ, изъ котораго они не выходили 15 лѣтъ. Отложивъ ихъ въ 66-мъ году въ сторону, я махнулъ спокойно головою на произволъ, сказавъ себѣ: насильно милъ не будешь и, ей Богу, никогда не роптал.

Что касается до другихъ бумагъ, то, во-первыхъ, да будетъ извѣстно всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что мой лекарскій юбилей уже прошелъ, докторскій еще не наступилъ, служебный-же дѣйствительно наступитъ, судя по хранящемуся у меня документу отъ военнаго вѣдомства, въ 1881 г., такъ (какъ) съ 1831 по 1833 г. я обрѣтался въ Дерптѣ въ числѣ учащихся не по моей винѣ, а по причинѣ французской и польской революцій.

Послужной мой списокъ еще находится въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, или Богъ знаетъ гдѣ, но не у меня. Я не служу, безъ отставки, которую не получилъ. Главныя черты моей автобіографіи (которую пишу для себя только и для моей семьи) я вамъ сообщилъ только для того, чтобы зажать изложенными тамъ фактами ротъ другимъ незнакомцамъ, если-бы они вздумали что-либо сообщать обо мнѣ непутное и шиворотъ на выворотъ. Сохрате ихъ на память для справокъ, въ случаѣ надобности, и употребляйте ихъ, не ссылаясь на нихъ. Наконецъ, не забудьте, что Сабуровъ не Лорисъ[22].

Село Вишня. 1881. Марта 29.

Признаюсь откровенно, многоуважаемый Іосифъ Васильевичъ, я не читалъ еще «Русской Старины» за мартъ, но и не читавъ я знаю навѣрное, что вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, не иначе отнеслись обо мнѣ, какъ искренно и сочувственно, а потому и примите мою не менѣе искреннюю благодарность.

Не имѣли-ли вы случай говорить

съ проф. Коломнинымъ[23] объ изданіи моей книги? Любопытно-бы было знать ея судьбу. Какъ вы рѣшились? Быть или не быть главнымъ докторомъ Одесской Городской больницы. Увѣдомьте при случаѣ. Какъ всегда, вамъ искренно преданный Н. Пироговъ.

Село Вишня. 1881. Апрѣля 16.

Спѣшу васъ увѣдомить, многоуважаемый Іосифъ Васильевичъ, что надняхъ ко мнѣ пріѣзжалъ проф. Склифасовскій (Ник. Вас.) изъ Москвы съ письмомъ и посланіемъ отъ университета и врачей для приглашенія меня на мой юбилей въ Москву, мѣсто моего рожденія и первоначальнаго образованія. Какъ я ни отговаривался, но, наконецъ, долженъ былъ уступить повтореннымъ и усиленнымъ настояніямъ московскаго посланника и далъ ему слово пріѣхать въ Москву ко 2-му мая, на 2 дня, но не иначе, какъ условно: 1) если буду къ тому времени свободенъ отъ пароксизмовъ моего стараго непріятеля —кишечнаго катарра; 2) если сверху, со стороны предержащихъ властей, не будетъ ничего замѣчено въ этомъ предпріятіи якобы демонстративнаго. Если уже нужно было покориться судьбѣ и decorum требовалъ оставить для отпразднованія одного дня мое уединеніе и обыкновенный образъ жизни, то катарръ мой принужденъ былъ избрать, или, вѣрнѣе, принудилъ меня выбрать изъ двухъ золъ меньшее, то-есть предпочесть сухую Москву сырому Петербургу.

Засимъ я условился съ проф. Склифасовскимъ, что въ Москву, на имя ректора университета Тихонравова (Ник. Сав.), будутъ посылаемы всѣ депеши и отъ него-же будутъ сдѣланы приглашенія, распоряженія и т. п. Вашъ истинно преданный

Н. Пироговъ.

Письма къ Е. Н. Огонь-Догановской.[24]

11 іюля (1842). Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами разстался, я столько встрѣтилъ и испыталъ неожиданнаго, что одинъ поверхностный разсказъ о томъ былъ бы достаточенъ едва-ли не для двадцати писемъ; разумѣется, эти письма содержали бы въ себѣ, между прочимъ, и описаніе моихъ чувствъ; но я знаю, какъ намъ трудно, даже невозможно описать, что мы чувствуемъ и особенно, что чувствуемъ живо и глубоко; я знаю также, какъ ничтожны и приторны кажутся наши усилія выразить ощущаемое зрителями и слушателями разыгрываемыхъ нами трагикомедій на сценѣ жизни. Итакъ, я удержусь отъ подробныхъ описаній, я надѣюсь сообщить вамъ все послѣ, на словахъ. Но я знаю и то, что вы берете живое участіе во мнѣ, добрая и почтеннѣйшая Екатерина Николаевна; у меня нѣтъ тайнъ для васъ, потому вамъ будетъ вѣрно пріятно узнать —я знаю, вы всегда радуетесь счастію другихъ,—что я счастливъ любовью дѣвушки, настоящаго ангела по своему характеру, я имѣю неоспоримыя доказательства ея любви ко мнѣ: вы знаете, что значитъ неоспоримыя у меня, я имѣю ея слово и благодарю Провидѣніе! Наши дѣла съ отцомъ приняли, сверхъ моего ожиданія, очень хорошій оборотъ: онъ не только согласенъ, но и показалъ живое участіе въ судьбѣ дочери—до сихъ поръ все идетъ хорошо; но вы знаете меня, я не довѣряю ни людямъ, ни обстоятельствамъ до тѣхъ поръ, пока все рѣшится; особливо въ предстоящемъ случаѣ можно ли положиться на нравъ человѣка, который мѣняется каждый день? Итакъ, я подожду радоваться,—впрочемъ, я не могу быть вполнѣ счастливымъ и потому, что долженъ самое лучше время моей жизни проводить въ разлукѣ съ той, съ которою хочу соединить судьбу мою. Теперь я прилагаю все мое стараніе, чтобы учредить поѣздку моей невѣсты и ея матери въ Ревель: только когда мнѣ удастся это, я скажу: «я счастливъ». Ожидаю безпрестанно моего будущаго тестя въ С.-Петербургъ; если онъ ихъ не пуститъ, тогда я долженъ буду ѣхать опять въ деревню и тогда буду въ Ревелѣ не прежде іюля. Вотъ вамъ

короткій, но вѣрный разсказъ моихъ дѣлъ; вы можете себѣ легко представить то безпокойство, въ которомъ я безпрестанно нахожусь теперь. Если Провидѣніе хотя нѣсколько благосклонно ко мнѣ, то оно, вѣрно, доставитъ мнѣ средство исполнить мое желаніе—быть вмѣстѣ въ Ревелѣ съ моимъ ангеломъ и увидѣть васъ, поблагодарить васъ за вашу необъяснимую доброту ко мнѣ и за ваше благословеніе, которымъ вы снабдили на путь вамъ навѣки преданнаго Пирогова.

4 ноября (1842).

Вотъ вы говорили, что не можетъ быть никакихъ препятствій; свадьба наша опять отложена до 11-го ноября, то-есть, до среды. Это впрочемъ очень кстати, потому что въ понедѣльникъ занемогъ было не на шутку, но вчера сдѣлался кризисъ, и я сегодня чувствую себя недалекимъ отъ выздоровленія. Кто хочетъ оставаться въ правилахъ благоразумія, кто дорожитъ своимъ здоровьемъ, своими занятіями, своимъ сердцемъ и умомъ, тому не совѣтую любить, или лучше, не совѣтую жениться, по крайней мѣрѣ, не такъ любить и жениться, какъ я. Я хочу остаться дома до субботы, и потому еще нѣсколько дней не буду имѣть удовольствія васъ видѣть. Если можно, то прошу васъ прислать мнѣ для развлеченія «Mathilde» (которую не всю читалъ) или что-нибудь; я хочу постараться въ эти дни сдѣлаться опять эгоистомъ и не думать ни о чемъ другомъ, какъ о собственномъ спокойствіи. Сцены, волненія, ожиданія, не сбывающіяся надежды, все это мнѣ надоѣло, опротивѣло болѣе, чѣмъ растворъ tartre émétique, который теперь предо мною въ склянкѣ. Вашъ на вѣки Пироговъ.

Начало 1851 года (1846?).

Ея ужъ нѣтъ! Уже нѣтъ матери моихъ двухъ бѣдныхъ сыновей! Она оставила меня такъ скоро, такъ неожиданно, что я еще не могу свыкнуться съ этою мыслію, что я оставленъ, я овдовѣлъ и осиротѣлъ; куда ни посмотрю, все кругомъ меня такъ живо, такъ умилительно напоминаетъ мнѣ ее: Вотъ комната, которую она сама убирала; вотъ ея простой, милый вкусъ, вотъ плющъ, вьющійся по окнамъ, который она сама разсадила; давно-ли въ этой самой комнатѣ, гдѣ стоитъ ея гробъ, стояла елка, которую она сама убирала для Коко. Еще я не знаю, что будетъ со мною, когда я увижу этого бѣднаго ребенка и когда въ первый разъ послѣ смерти матери прижму его къ груди моей; я его отослалъ къ бабушкѣ, онъ не видѣлъ матери нѣсколько дней и, говорятъ, веселъ, играетъ, а другой спитъ себѣ спокойно на рукахъ кормилицы; ахъ, они не знаютъ, чего лишились они, какая жалкая участь предстоитъ имъ—провесть первые годы своей жизни безъ материнскихъ попеченій, не имѣть передъ собою матери, и какой еще матери: это горько, это такъ горько, что я не знаю, можетъ ли въ жизни человѣка встрѣтиться что нибудь горше, какъ провести свою юность безъ матери. Говорятъ, что достойны сожалѣнія только тѣ, которые оплакиваютъ смерть близкихъ своему сердцу, а не тѣ, которыхъ оплакиваютъ; но я плачу не за себя одного и не за однихъ дѣтей; я плачу тоже и за ту, которую оплакиваю: ей еще хотѣлось пожить; за нѣсколько недѣль она, проснувшись по утру, сказывала мнѣ, что она проплакала цѣлую ночь: ей вдругъ стало страшно умереть и покинуть Колю, она его призвала къ себѣ и цѣловала и обнимала, какъ будто предчувствовала, и такъ жизнь ей была мила... Вотъ пришелъ мой Коля съ гулянья, вотъ въ первый разъ послѣ смерти матери я увидалъ его, онъ улыбается—вы помните его улыбку—также мило, какъ и прежде... За что ни примусь, на что ни посмотрю, все она, вездѣ слѣды ея минувшаго существованія: то заглавіе книги въ моей библіотекѣ, написанное ея рукою, и книги разставлены были ею, и эстампы развѣшивала она... Грустно, грустно, невыразимо грустно... Надобно было имѣть лошадиные нервы, чтобы хладнокровно видѣть мученія, которыя пред-

шествовали смерти; ужасное воспаленіе мозговыхъ оболочекъ развилось на десятый день послѣ родовъ, съ корчами, съ раздирающимъ душу крикомъ, съ бредомъ; и между тѣмъ сознаніе не было еще совершенно уничтожено; она узнавала и меня, и предстоящихъ. До седьмого дня все шло какъ нельзя лучше, только безсонница и затѣмъ сонливость были нѣсколько сомнительными явленіями, какъ вдругъ вечеромъ она призываетъ меня къ себѣ, упрекая меня, что я на нее сержусь. «Ну вотъ, видишь-ли какъ это хорошо, когда переговоришь о томъ, что насъ занимаетъ», говорила она, когда я ее успокаивалъ;—«теперь я спокойна». Но тутъ-же трясясь отъ лихорадочнаго зноба, она увѣряла меня и доктора Ш., что она насъ обманываетъ, что ей очень хорошо; спустя два дня послѣ этого, у ней образовалась совершенная религіозная меланхолія: она ни на что не отвѣчала, а только иногда, потупивъ глаза или смотря неподвижно на одинъ предметъ, говорила, что она,—большая грѣшница, что ей нужно покаяться; еще и до того, впрочемъ при первомъ развитіи бреда, она ночью, не велѣвъ мнѣ сказывать, позвала священника и пріобщилась, сказавъ ему, что хочетъ умирать. Въ теченіе цѣлыхъ пяти дней постоянно мѣнялся предметъ ея бреда... Причина извѣстна одному Богу; кажется, однако-же, что неисполненное желаніе имѣть дочь играло важную роль въ произведеніи болѣзни. Я на нѣсколько минутъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ она родила, а когда воротился къ ней и съ радостнымъ чувствомъ хотѣлъ поцѣловать ее, меня вдругъ обдало какимъ-то холодомъ, когда я услышалъ отъ нея: «Я не рада, родился мальчикъ, онъ для тебя; мнѣ хотѣлось дочь». Цѣлую эту ночь и на другой день была безсонница, на третій день пріѣхалъ къ ней случайно докторъ Спасскій, взошелъ и не зная еще, что она родила, спросилъ, какъ она себя чувствуетъ, она отвѣтила: «Я родила, но мальчика: я не рада». Потомъ отвернулась къ стѣнѣ и сказала, что она хочетъ спать. Мнѣ она во время беременности ничего не говорила, и я не знаю, точно-ли это желаніе было ея постоянною мыслью. Не слыхали-ли вы чего-нибудь отъ нея? Всѣ малѣйшія подробности о ней теперь для меня драгоцѣнны. Я знаю, вы ее любили, и вамъ вѣрно будетъ также, какъ и мнѣ, пріятно горько поговорить о ней. Воспоминаніе—лучшій памятникъ, воздвигаемый нами усопшимъ; въ воспоминаніи заключается откровеніе безсмертія души; пусть воспоминаніе передаетъ сыновьямъ моимъ прекрасныя черты изъ жизни ихъ матери; пусть они современемъ узнаютъ, что, не смотря на суровость судьбы, на нравственныя огорченія, совершавшіяся передъ ней въ самые воспріимчивые дни дѣтства и юности, она умѣла сохранить и нѣжное чувство, и свѣтлый взглядъ на жизнь. Пишите, пишите мнѣ объ ней; дайте и мнѣ покуда жить этими отрадными воспоминаніями о моей незабвенной Катѣ. Неужели она была не откровенна со мной? Мнѣ бы, еслибъ я зналъ, можетъ быть удалось разсѣять суетность желанія... Завтра, во вторникъ, предается на разрушеніе опустѣвшее жилище, въ которомъ такъ недолго обитала юная жизнь. Вашъ навсегда Пироговъ.

День моего отъѣзда,
13 марта—(1850).—(1846?).

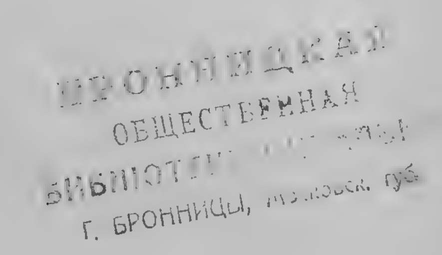
Прощайте. Наконецъ, сегодня вечеромъ. Когда за 16 лѣтъ передъ этимъ я отправлялся въ первый разъ въ чужіе края изъ Дерпта, сколько было надеждъ, сколько мечтаній! А теперь?... Еще въ прошломъ году, въ Ревелѣ, мы не рѣдко говорили съ женою о поѣздкѣ за-границу, и это было всегда моей лучшей мечтою—ѣхать съ любимою женою въ Италію. А теперь я ѣду одинъ, съ пустымъ сердцемъ, съ грустными воспоминаніями; еще слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, голова моя свободна, и я надѣюсь наконецъ осуществить мысль, которою долженъ быть проникнутъ всякій вступающій въ жизнь, что нѣтъ другого средства охранить сердце отъ разрушительныхъ сотрясеній, какъ-то, что нужно

стать выше бѣдствій. Трудно этого достигнуть; но, кто хочетъ быть добрымъ, тотъ долженъ рѣшиться на это. Тутъ двѣ крайности. Если самъ не задушишь твердою волею и размышленіемъ о необходимости бѣдствія жизни, то они тебя задушатъ. Только жаль, что насъ мало пріучаютъ съ дѣтства, что насъ не учатъ смотрѣть на жизнь съ настоящей стороны, обманываютъ нашу неопытность. Какъ мало, напримѣръ, мы все еще проникнуты мыслью о безсмертіи! Мы выговариваемъ только это слово, какъ попугаи, но въ сущности, вѣрьте мнѣ, мы тѣ-же язычники и грубые, невѣжественные матеріалисты. Мы толкуемъ только, что мы вѣримъ въ другой міръ, а соотвѣтствуетъ-ли хоть одинъ нашъ поступокъ этому вѣрованію? Когда бы эта мысль проникнула совершенно наше существованіе, то она отражалась бы вездѣ... Я ѣду прямо въ Италію, чтобы избѣжать самые жаркіе мѣсяцы; въ іюнѣ хочу выѣхать въ южную Францію и въ Пиренеи, оттуда въ Парижъ и потомъ черезъ Швейцарію и Тироль ворочусь въ Вѣну. Я столько слышалъ объ Италіи, что боюсь, сдѣлаетъ-ли она на меня такое-же впечатлѣніе, какъ на другихъ. Я буду вести однако-же журналъ. Дѣтей отправляю съ матушкою и съ сестрами на дачу въ Парголово—одно сухое мѣсто кругомъ Петербурга.

Бывши уже разъ въ Италіи хочу проѣхать и въ Сицилію. Вы видите, что я собираюсь сдѣлать нешуточное путешествіе.

Прощайте, прощайте, моя добрая Екатерина Николаевна, храни васъ и всѣхъ вашихъ Богъ! Вспоминайте временемъ объ вашемъ Пироговѣ.

Я беру съ собою дагеротипный портретъ Коли: онъ удался; мальчишка сидитъ пресерьезный съ апельсиномъ въ рукѣ, на подушкѣ, въ своей пестрой рубашенкѣ.

I. Статьи общепедагогическія.

Вопросы жизни.

Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неоффиціальными статьями Морского Сборника о воспитаніи.

Первая редакція.[25]

„Къ чему вы готовите вашего сына?—кто-то спросилъ меня.

„Быть человѣкомъ—отвѣчалъ я.

„Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди“.

Правда это или нѣтъ?

Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «по преимуществу» практическомъ.

Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть дѣйствительно только одно отвлеченіе.

Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками, и держится ими крѣпко за существенность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо принадлежитъ настоящему.

Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями; но—все-таки искали.

Правда, языческая древность была не слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всевозможныя нравственно-религіозныя убѣжденія; можно было ad libitum сдѣлаться эпикурейцемъ, стоикомъ, пиѳагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

Не смотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя однакоже не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія мудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, въ послѣдствіи, новые пути и образовать новыя школы; только жрецы, тираны и зелоты отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчили повѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

Язычество древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось; но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

Если эпикуреецъ утопалъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это, основываясь, хотя и на ложно понятомъ ученіи школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго значитъ быть мудрымъ».

Если стоикъ дѣлался самоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идеалу высшаго совершенства.

Даже кажущаяся непослѣдовательность въ поступкахъ скептика извиняется ученіемъ школы, проповѣдывавшей, что «ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже сомнѣніе сомнительно».

Въ самымъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все таки самый существенный атрибутъ духовной натуры человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія.

Правда, и въ древности случалось, точно также какъ и у насъ, что были люди, не задававшіе себѣ никакихъ вопросовъ при вступленіи въ жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идіотизмъ.

Во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчекъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи.

Оба эти рода, конечно, не принадлежатъ къ исключеніямъ; но и не могутъ служить правилами.

Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль и средоточіе житейскихъ стремленій.

Найдя въ Откровеніи самый главный вопросъ жизни—«о цѣли нашего бытія»—разрѣшеннымъ, казалось бы, человѣчество ничего другого не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ.

Но протекли столѣтія, а все осталось «яко-же бо бысть во дни Ноевы» (Матѳ., гл. XXIV, 37).

Къ счастію еще, что наше общество успѣло такъ организоваться, что оно для большей массы людей, само безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ вопросы жизни, и даетъ этой массѣ, пользуясь силою ея инерціи, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія.

Не смотря однако на преобладающую въ массѣ силу инерціи, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ и для общества, живемъ еще и сами собою и въ самихъ себѣ.

Но узнавъ по инстикту или по опыту, что общество приняло извѣстное направленіе, намъ все таки ничего не остается болѣе дѣлать, какъ согласовать проявленія нашей самостоятельности, какъ можно лучше, съ направленіемъ общества.

Безъ этого мы или разладимъ съ обществомъ и будемъ терпѣть и бѣдствовать, или основы общества начнутъ колебаться и разрушаться.

И такъ, какъ бы ни была велика масса людей, слѣдующихъ безсознательно данному обществомъ направленію, какъ бы мы всѣ ни старались, для собственнаго блага, приспособлять свою самостоятельность къ этому направленію, всегда останется еще много такихъ изъ насъ, которые сохранятъ довольно сознанія, чтобы вникнуть въ нравственный свой бытъ и задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать мы?

Какъ мы принадлежимъ къ послѣдователямъ христіанскаго ученія, то казалось бы, что воспитаніе должно намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предположеніе возможно только при д в у х ъ условіяхъ:

во-первыхъ, если воспитаніе приноровлено къ различнымъ способностямъ и темпераменту каждаго, то развивая, то обуздывая ихъ;

во-вторыхъ, если нравственныя основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, совершенно соотвѣтствуютъ направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ.

Первое условіе необходимо, потому что врожденныя склонности и темпераментъ каждаго подсказываютъ ему, впопадъ и не впопадъ, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо, потому что безъ него, какое бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ, мы, видя, что поступки общества не соотвѣтствуютъ этому направленію, непремѣнно удалимся отъ него и собьемся съ пути.

Но, къ сожалѣнію, наше воспитаніе не достигаетъ предполагаемой цѣли, потому что:

Во первыхъ, наши склонности и темпераменты не только слишкомъ разнообразны, но еще и развиваются въ различное время; воспитаніе же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части изъ насъ въ одни и тѣ же періоды жизни. И такъ, если воспитаніе, начавшись для меня слишкомъ поздно, не будетъ соотвѣтствовать склонностямъ и темпераменту, развившимся у меня слишкомъ рано, то какъ бы и что бы оно мнѣ ни говорило о цѣли жизни и моемъ назначеніи, мои, рано развившіеся, склонности и темпераментъ будутъ мнѣ все таки нашептывать другое.

Отъ этого сбивчивость, разладъ и произволъ.

Во-вторыхъ, талантливые, проницательные и добросовѣстные воспитатели также рѣдки, какъ и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число ихъ не соотвѣтствуетъ массѣ людей, требующихъ воспитанія.

Не въ этомъ, однакоже, еще главная бѣда. Будь воспитаніе наше, со всѣми его несовершенствами, хоть бы равномѣрно только приноровлено къ развитію нашихъ склонностей, то послѣ мы сами, чутьемъ, еще могли-бы рѣшить основные вопросы жизни.— Добро и зло вообще довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому, нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и прозорливости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу.

Но вотъ главная бѣда:

Самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество.

Вспомнимъ еще разъ, что мы христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе.

Всѣ мы, съ нашего дѣтства, не напрасно же ознакомлены съ мыслію о загробной жизни, всѣ мы не напрасно же должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней.

Выступая изъ школы въ свѣтъ, что находимъ мы, воспитанные въ духѣ христіанскаго ученія? Мы видимъ тоже самое раздѣленіе общества на толпы, которое было и во времена паганизма, съ тѣмъ отличіемъ, что языческія увлекались разнородными, нравственно-религіозными убѣжденіями различныхъ школъ, и дѣйствовали, слѣдуя этимъ началамъ, послѣдовательно; а наши дѣйствуютъ по взглядамъ на жизнь, произвольно ими принятымъ, и вовсе несогласнымъ съ религіозными основами воспитанія, или и вовсе безъ всякихъ взглядовъ.

Мы видимъ, что самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ.

Мы видимъ другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, но слѣдующія уже различнымъ взглядамъ на жизнь, стараясь то противоборствовать этому увлеченію, то оправдать предъ собою слабость и недостатокъ энергіи.

Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется много.

Разобравъ, не трудно убѣдиться, что въ нихъ отзываются тѣ же начала Эпикуреизма, Пиронизма, Цинизма, Платонизма, Еклектизма, которыя руководствовали и поступками языческаго общества,—но лишенныя корня, безжизненныя и въ разладѣ съ вѣчными истинами, перенесенными въ нашъ міръ Воплощеннымъ Словомъ.

Вотъ, напримѣръ, первый взглядъ очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетитъ и сонъ. Время-же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ для наслажденій и трудовъ. Сонъ опять для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія для счастія.

Вотъ другой взглядъ—высокій. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте изъ всего самое полезное. Когда умъ вашъ просвѣтлѣетъ, вы узнаете, кто вы и что вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимымъ для черни. Поумнѣвъ, повѣрьте, вы будете дѣйствовать какъ нельзя лучше. Тогда предоставьте только выборъ вашему уму, и вы никогда не сдѣлаете промаха.

Вотъ третій взглядъ—старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги; но въ смыслъ не вникайте. Это главное для спокойствія души. Затѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется.

Вотъ четвертый взглядъ—практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе, или, по-крайней-мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно также какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

Вотъ пятый взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно; но только строго соблюдайте всѣ приличія, и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь, и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите; только молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

Вотъ шестой взглядъ, очень печальный. Не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете. Новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству, и принадлежите къ обществу прогрессистовъ. Зритель и комедіантъ по неволѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, за чѣмъ жили.

Вотъ седьмой взглядъ, очень веселый. Работайте для моціона, и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко,—оно у васъ подъ руками. Какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло—это одна фантасмагорія для вашего же развлеченія, тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ, и живите себѣ припѣваючи.

Вотъ восьмой взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развле-

ченія; но на практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. Счастіе—искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пеняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите.

И прочее, и прочее, и прочее.

Убѣждаясь при вступленіи въ свѣтъ въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ трехъ крайностей.

Или мы пристаемъ къ одной какой нибудь толпѣ, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекаясь матеріальнымъ стремленіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелькомъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасительному Его дѣйствію, чтобы на время подкрѣпить себя и утѣшить.

Или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь еще вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ искаженнаго на другой ладъ паганизма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или мы отдается произволу. Не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, не имѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться совсѣмъ отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все Высокое и Святое, мы оставляемъ основные вопросы жизни нерѣшенными, избираемъ себѣ въ путеводители случай, переходимъ отъ одной толпы къ другой, смѣемся и плачемъ съ ними для разсѣянія, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій.

Подвэргнувъ себя первой крайности, мы пристаемъ именно къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ насъ наши врожденныя склонности и темпераментъ.

Если мы родились здоровыми и даже черезъ-чуръ здоровыми, если матеріальный бытъ нашъ развился энергически, и чувственность преобладаетъ въ насъ; то мы склоняемся на сторону привлекательнаго и веселаго взглядовъ.

Если воображеніе у насъ не господствуетъ надъ умомъ, если инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе наше было болѣе реальное,—то мы дѣлаемся послѣдователями благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

Если, напротивъ, при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, мечтательность составляетъ главную черту нашего характера, инстинктъ управляется не умомъ, а воображеніемъ, воспитаніе же не было реальнымъ,—мы увлекаемся то религіознымъ то печальнымъ взглядами, то переходимъ отъ печальнаго къ веселому и даже къ привлекательному.

Если, наконецъ, воспитаніе сдѣлало изъ ребенка старуху, не давъ ему быть ни мущиною, ни женщиною, ни даже старикомъ, или при тускломъ умѣ преобладаетъ воображеніе, или при тускломъ воображеніи тупой умъ, то выборъ падаетъ на ложно-религіозный взглядъ.

Впослѣдствіи, различныя внѣшнія обстоятельства, матеріальныя выгоды, кругъ и мѣсто нашихъ дѣйствій, слабость воли, состояніе здоровья и т. п. нерѣдко заставляютъ насъ перемѣнять эти взгляды и быть, поочередно, ревностными послѣдователями то одного то другого.

Если кто нибудь изъ насъ, сейчасъ при вступленіи въ свѣтъ или и послѣ, переходя отъ одной толпы къ другой, наконецъ остановился въ выборѣ на которомъ нибудь взглядѣ,—то это значитъ, что онъ потерялъ всякую наклонность перемѣнить или перевоспитать себя; это значитъ, онъ вполнѣ удовлетворенъ своимъ выборомъ; это значитъ, онъ рѣшилъ, какъ умѣлъ или какъ ему хотѣлось, основные вопросы жизни. Онъ самъ себѣ обозначилъ и цѣль, и назначеніе, и призваніе. Онъ слился съ которою нибудь толпою. Онъ счастливъ по-своему. Человѣчество конечно не

много выиграло пріобрѣтеніемъ этого новаго адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждаго изъ насъ всегда непремѣнно оканчивалось такимъ выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда паралельно одни съ другими и съ направленіемъ огромной толпы, движимой силою инерціи; то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Столкновеній между ними нечего бы было опасаться. Всѣ бы спокойно забыли то, о чемъ имъ толковало воспитаніе. Оно сдѣлалось бы продажнымъ билетомъ для входа въ театръ. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда:

Люди, родившіеся съ притязаніями на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспріимчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота Высокое и Святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ; все глубже и глубже роются въ рудникахъ своей души, и, неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія; оставляютъ поочередно и то и другое; съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются, во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути.

Люди, родившіеся съ преобладающимъ чувствомъ, живостію ума и слабостію воли, не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, устаютъ, отдаются на произволъ и бродятъ на распутьи. Готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то невѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А, съ другой стороны, удовлетворенные и ревностные послѣдователи различныхъ взглядовъ не идутъ паралельно ни съ массою, ни съ другими толпами. Пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою. Менѣе ревностные, слѣдуя вполовину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи.

Этотъ разладъ сектаторовъ и инертной толпы, этотъ раздоръ нравственно-религіозныхъ основъ нашего воспитанія съ столкновеніемъ противоположныхъ направленій общества, при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ, можетъ все таки рано или поздно поколебать его.

На-бѣду еще, эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіяся толпы громадны, а правительства, какъ исторія учитъ, не всегда дальнозорки.

Существуютъ только три возможности или три пути вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія:

Или согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества.

Или перемѣнить направленіе общества.

Или, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой.

Слѣдовать первымъ путемъ не значило бы ли искажать то, что намъ осталось на землѣ Святаго, Чистаго и Высокаго. Одна только упругая нравственность Фарисеевъ и Іезуитовъ можетъ поддѣлываться высокимъ къ низкому, и соглашать произвольно вѣчныя истины нашихъ нравственно-религіозныхъ началъ съ меркантильными и чувственными интересами, преобладающими въ обществѣ. Исторія показала, чѣмъ окончились попытки Папизма, подъ личиною Іезуит-

ства, ультрареформаторовъ и энциклопедистовъ, шедшихъ этою тропою человѣческихъ заблужденій.

Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ: избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя.

Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

«Сдѣлать насъ людьми»,

то есть, тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ самаго нашего дѣтства, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и тоже время, на занятіяхъ, требующихъ напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; или же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлію практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

Не спѣшите съ вашею прикладною реальностію. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку; наружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ, выходя позже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, какъ воспитанники реальныхъ школъ; но за то на него можно будетъ вѣрнѣе положиться; онъ не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у васъ будутъ люди и граждане.

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители такъ самоуправ-

но распоряжаются участью своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и разсчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній.

Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благими дарами Творца, которыми Онъ снабдилъ дѣтей?

Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ? —Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

И развѣ нѣтъ другого средства, другого пути, другого механизма для реально-спеціальнаго воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ знаній, какъ распространяя его на счетъ общаго человѣческаго образованія?

Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!

Еще со временъ языческой древности существуютъ два рода образованія:

Общечеловѣческое и спеціальное или реальное.

Въ Аѳинахъ и Родосѣ философы имѣли право содержать школы для общечеловѣческаго образованія. Не вдалекѣ отъ Аѳинъ, между свѣтлыми источниками, окруженныя садами, размѣщены были самыя главнѣйшія изъ нихъ.

Въ серединѣ стояла школа эпикурейцевъ, къ сѣверу отъ нея жили послѣдователи Платона, а къ югу ученики Аристотеля. Мирты и оливы раздѣляли одно ученіе отъ другого, и служили границами различныхъ взглядовъ на жизнь и свѣтъ. Учители и ученики жили обществами, вмѣстѣ; кромѣ учениковъ и постороннимъ лицамъ входъ былъ открытъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ отдаленныхъ земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитыхъ наставниковъ. Философія и краснорѣчіе были самыми главными предметами занятія. Не всѣ реальныя науки въ то время были рѣзко отдѣлены отъ философіи: онѣ обыкновенно преподавались вмѣстѣ съ нею, такъ что главнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ считалась философія. Богъ, свѣтъ и человѣкъ были главнѣйшими предметами отвлеченныхъ созерцаній.—Краснорѣчіе было въ то время искусствомъ, тѣсно соединеннымъ и гражданскимъ бытомъ и исторіею народа. Поэтому и философія и краснорѣчіе считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловѣческаго образованія.

Сверхъ этого, и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ Египтѣ существовали еще и спеціальныя школы. Палестры и гимназіи Греціи, находившіяся подъ надзоромъ магистрата (тогда какъ школы философовъ были частныя учрежденія, въ управленіе и ученіе которыхъ греческое правительство не вмѣшивалось), занимались преимущественно приготовленіемъ учениковъ къ Олимпійскимъ и другимъ публичнымъ играмъ; въ Римѣ существовало училище правовѣдѣнія; въ Александріи—училище математическихъ и физическихъ наукъ, и т. п.

Въ средніе вѣка христіанская религія сдѣлалась первая покровительницею и разсадникомъ потухшаго просвѣщенія.

Начало университетовъ и спеціальныхъ училищъ образовалось постепенно изъ монастырскихъ, орденскихъ школъ. Спеціальныя школы Парижа и Оксфорда, назначенныя сначала для обученія философіи и богословію, и находившіяся подъ покровительствомъ и надзоромъ духовенства, постепенно получили особыя права и привиллегіи, и возвысились на степень первыхъ, въ то время, университе-

товъ. Пишутъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи въ Парижскомъ Университетѣ было до 10.000, а въ Оксфордскомъ даже до 30.000 студентовъ. Съ этимъ мощнымъ развитіемъ общечеловѣческаго или университетскаго образованія въ Европѣ не могли болѣе состязаться спеціальныя монастырскія школы, и начали съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ.

Въ новѣйшія времена, наконецъ, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія и гражданскаго быта, университеты и спеціальныя училища достигли постепеннно той степени развитія, на которой мы ихъ теперь находимъ. Различіе въ назначеніи и цѣли тѣхъ и другихъ ясно обозначились. Правительства всѣхъ образованныхъ націй, понявъ это болѣе или менѣе ясно, упрочили новыми правами существованіе этихъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія.

Въ различныхъ странахъ, по мѣрѣ временныхъ, иногда случайныхъ надобностей, возникало и усвоивалось болѣе то университетское, или общечеловѣческое, то прикладное, или спеціальное направленіе воспитанія.

Но ни одно образованное правительство, какъ бы оно ни нуждалось въ спеціалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ университетскіе факультеты почти превратились въ спеціальныя училища; но нигдѣ еще не исчезло совершенно ихъ существенное и первобытное стремленіе къ главной цѣли: общечеловѣческому образованію.

Имѣя въ виду этотъ прямой, широко открытый путь къ «образованію людей», для чего бы, казалось, имъ не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше къ вопіющимъ потребностямъ настоящаго?

Для чего не расширить и не открыть его еще болѣе для насъ, столь нуждающихся въ истинно-человѣческомъ воспитаніи?

Но, общечеловѣческое воспитаніе не состоитъ еще въ одномъ университетѣ; къ нему принадлежатъ и приготовительно-университетскія школы, направленныя къ одной и той-же благой и общей цѣли, учрежденныя въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же направленіемъ.

Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются: «humaniora», то-есть, необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданскаго быта различныхъ націй, измѣненныя въ ихъ видѣ, остаются навсегда однакоже тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка.

И такъ, направленіе и путь, которымъ должно совершаться общечеловѣческое образованіе для всѣхъ и каждаго, кто хочетъ заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ.

Для правительствъ, потому что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образоваться, руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлію; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ. Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинакою энергіею и одновѣдомственными лицами.

Для подданныхъ, потому что всѣ воспитанники до вступленія ихъ въ число гражданъ будутъ дружно пользоваться одинакими правами и одинаковыми выгодами воспитанія.

Это тождество духа и правъ воспитанія должно считать выгоднымъ не потому, что будто бы вредно для

общества раздѣленіе его на извѣстныя корпораціи, происходящія отъ разнообразнаго воспитанія. Нѣтъ, напротивъ, я вижу въ поощреніи корпорацій средство: поднять нравственный бытъ различныхъ классовъ и сословій, вселить въ нихъ уваженіе къ ихъ занятіямъ и къ кругу дѣйствій, опредѣленному для нихъ судьбою. Но, чтобы извлечь пользу для общества изъ господствующаго духа корпорацій, нужно способствовать къ его развитію не прежде полнаго развитія всѣхъ умственныхъ способностей въ молодомъ человѣкѣ. Иначе, должно опасаться, что это же самое средство будетъ и ложно понято, и не кстати приложено.

Есть, однакоже, немаловажныя причины, оправдывающія существованіе спеціальныхъ школъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ.

Сюда относится почти жизненная потребность, для нѣкоторыхъ націй, въ спеціальномъ образованіи гражданъ по различнымъ отраслямъ свѣдѣній и искусствъ, самыхъ необходимыхъ для благосостоянія и даже для существованія страны, и именно когда ей предстоитъ постоянная необходимость пользоваться, какъ можно скорѣе и какъ можно обширнѣе, плодами образованія молодыхъ спеціалистовъ.

Но, во-первыхъ, нѣтъ ни одной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность «въ истинныхъ людяхъ». Количество не устоитъ передъ качествомъ. А если и превозможетъ, то все таки, рано или поздно, подчинится не произвольно, со всею его громадностію, духовной власти качества.

Это историческая аксіома.

Во вторыхъ, общечеловѣческое или университетское образованіе нисколько не исключаетъ существованія такихъ спеціальныхъ школъ, которыя занимались бы практическимъ или прикладнымъ образованіемъ молодыхъ людей, уже приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

А спеціальныя школы и цѣлое общество несравненно болѣе выиграютъ, имѣя въ своемъ распоряженіи нравственно и научно, въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи приготовленныхъ учениковъ.

Учителямъ этихъ школъ придется сѣять уже на воздѣланномъ и разработанномъ полѣ. Ученикамъ придется легче усвоивать принимаемое. Наконецъ, развитіе духа корпорацій, понятіе о чести и достоинствѣ тѣхъ сословій, къ вступленію въ которыя приготовляютъ эти школы, будетъ и своевременно и сознательно для молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

Да и какіе предметы составляютъ самую существенную цѣль образованія въ спеціальныхъ школахъ?

Развѣ не такіе, которые требуютъ для ихъ изученія уже полнаго развитія душевныхъ способностей, тѣлесныхъ силъ, талантовъ и особаго призванія?

Къ чему же, скажите, спѣшить такъ и торопиться съ спеціальнымъ образованіемъ? Къ чему начинать его такъ преждевременно?

Къ чему промѣнивать такъ скоро выгоды общечеловѣческаго образованія на прикладной, односторонній спеціализмъ?

Я хорошо знаю, что исполинскіе успѣхи наукъ и художествъ нашего столѣтія сдѣлали спеціализмъ необходимою потребностію общества; но, въ то же время, никогда не нуждались истинные спеціалисты такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ.

Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ.

Отыскавъ самое удобное и естественное направленіе, которымъ должно вести нашихъ дѣтей, готовящихся принять на себя высокое званіе человѣка, остается еще, главное, рѣшить одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни: «какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить ихъ къ неизбѣжной, имъ предстоящей борьбѣ.».

Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство.

Пользуйтесь этими благими дарами Творца; но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума.—Вотъ второе условіе.

Вы скажете, что это общія, риторическія фразы.

Но я не виноватъ, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ, и вашимъ дѣтямъ.

Не требуйте отъ меня большаго; больше этого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Пусть ваши педагоги, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, лучше меня одаренные, съ горячей любовью къ правдѣ и ближнему, постараются изъ моихъ и вашихъ дѣтей сдѣлать то, чего я такъ искренно желаю, и я обѣщаюсь никого не безпокоить риторическими фразами, а молчать, и молча за нихъ молиться.

Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю,—тотъ ли же успѣхъ.—Молитесь и не осуждайте.

Вы не хотите слышать общихъ и отвлеченныхъ положеній; вы хотите имѣть подробное изложеніе всего механизма, которымъ бы можно было достигнуть желаемой цѣли.

Подождите немного! я прежде вамъ представлю въ лицахъ, какъ приготовлялись и приготовляемся мы теперь къ этой борьбѣ, какъ мы ее ведемъ на поприщѣ жизни, и тогда, можетъ быть, вы поймете, безъ риторическихъ фразъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и мой механизмъ. —Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ хуже общепринятаго.

Начнемъ ab ovo. Сначала пусть каждый или каждая изъ васъ представитъ себѣ, что онъ или она принадлежитъ къ числу тѣхъ членовъ нашего общества, которые имѣютъ притязаніе на умъ и чувство. Представьте, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лицо не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ.

Васъ крестили. Вы въ свою очередь выросли.

Понемногу, Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе осмотрѣться.

До сихъ поръ вы составляли, съ другими вамъ подобными, на всемъ пространствѣ земли, одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который Самимъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

Теперь же, подросши и немного осмотрѣвшись, вы видите себя въ одномъ изъ слѣдующихъ, различныхъ видовъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, всѣ пуговицы застегнуты, все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете: кто вы такой?

Вы узнаете, что вы ученикъ Гимназіи и со временемъ можете сдѣлаться ученымъ человѣкомъ,—ревностнымъ распространителемъ просвѣщенія: студентомъ Университета, кандидатомъ, магистромъ и даже директоромъ училища, въ которомъ вы учитесь. Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете: что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы ученикъ Правовѣдѣнія, будете навѣрное блюстителемъ закона и правды, дѣловымъ чиновникомъ, директоромъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Вамъ весело и лестно.

Вотъ второй видъ.

Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ или бѣломъ кантикѣ мундира и воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко, что вы

назначаетесь для защиты родной земли,—вы кадетъ, будущій офицеръ, и можете сдѣлаться генераломъ, адмираломъ, героемъ. Вы въ восхищеніи.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талья и все—въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ.

Вотъ четвертый, но также еще не послѣдній видъ.

Узнавъ все это, вы спрашиваете: что же вамъ дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь, слушайтесь и слушайте, ходите въ классы, ведите себя благопристойно и отвѣчайте хорошо на экзаменахъ; безъ этого вы ни къ чему не будете годиться.

Вы учитесь, посѣщаете классы, ведете себя прилично и отвѣчаете на экзаменахъ хорошо.

Проходятъ годы. Выросши до нельзя изъ себя, вы начинаете уже рости въ себя.

Вы замѣчаете, наконецъ, что вы дѣйствительно уже студентъ, окончившій курсъ Университета, правовѣдъ, бюрократъ, офицеръ, дѣвушка—невѣста.

На этотъ разъ вы уже не спрашиваете: кто вы такой? и что вамъ дѣлать? Вы это сами уже понимаете и сами должны знать, что теперь дѣлать.

Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Вы достигли теперь того періода жизни, въ которомъ и умъ и чувство начинаютъ уже тревожить васъ. Первый, задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи рѣшить; второе, поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете теперь понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили, и что дѣлается вокругъ васъ.

Вы вспоминаете, васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили и поступали не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь, чтобы жить. Пили, ѣли, ходили въ бани, нѣжились, дрались, кутили на пропалую.

Васъ учили, что между ними были и герои, и именитые граждане, и образцы добродѣтели, и покровители наукъ и искусствъ; но большая часть вообще все таки ходили въ потемкахъ, не зная ничего лучшаго кромѣ здѣшней жизни. Ихъ Аидъ и Елисейскія поля были гдѣ-то тоже на землѣ или подъ землею, да и то не для души, а для тѣней.

Васъ учили, что воплощенное Слово положило конецъ безтолковому разгулу ума и чувства.

Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что Откровеніе, поднявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: «стремись туда».

Вы узнали въ школѣ, и должны были узнать, какая бездна отдаляетъ васъ отъ развалинъ того разрушеннаго міра, который только въ самомъ себѣ искалъ препоны страстей, не имѣя будущаго за своими предѣлами.

Благоговѣющіе къ благодатному ученію Откровенія, вы озираетесь вокругъ себя, и что же?

Вы видите, что окружающіе васъ разыгрываютъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Оно объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастія.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію.

Видя это ясно, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы. Натурально, вы не хотите оставаться мистифицированными.

Вы начинаете еще глубже вникать въ окружающее васъ, анализировать и, наконецъ, вы ясно замѣчаете предъ собою одну огромную толпу, безсознательно влекомую невидимою силою, и нѣсколько другихъ меньшихъ, но дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Вы начинаете знакомиться съ взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ.

Сначала это васъ интересуетъ. Но скоро вы убѣждаетесь, что вамъ предстоитъ безутѣшная альтернатива:

Или заглушить въ себѣ голосъ Завѣтнаго Ученія.

Или пристать къ одной изъ этихъ группъ.

Но вы не атлетъ ни святотатства, ни самоотверженія. Вы начинаете колебаться, сѣтовать, роптать. А время летитъ; нужно дѣйствовать.

Вы бросаетесь въ первую, вамъ попавшуюся толпу, и дѣлаетесь ея ревностнымъ послѣдователемъ.

Не удовлетворенные, переходите къ другой, и къ третьей.

Наконецъ, для васъ наступаетъ самый критическій періодъ жизни.

Вамъ нужно вывести себя положительно на чистую воду; узнать рѣшительно: кто вы такой?

Пристать ли вамъ окончательно къ одной толпѣ, вступить ли въ борьбу со всѣми?

Вы рѣшаетесь на первое. Прощайте. Я съ вами болѣе не имѣю дѣла.

Вы рѣшаетесь на второе. Но готовы ли вы? Гдѣ ваши средства и силы?

Немного разсудивъ объ этомъ, вы ясно убѣждаетесь, что для этой борьбы вамъ нужно сначала перевоспитать себя. Рѣшившись на это, вы бросаете еще взглядъ на вашу прошлую жизнь и мало-по-малу узнаете, что у васъ или внутренній человѣкъ, развившись слишкомъ рано и скоро, пересилилъ черезъ-чуръ наружнаго, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ, безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ; или наружный, распущенный, игралъ по произволу, кутилъ, и внутреннему не подчинялся.

Воспитатели были или слишкомъ близоруки, или слишкомъ заняты, и не замѣтили, что въ васъ происходило.

Такъ прошла юность.

Вашъ внутренній или наружный человѣкъ, убѣдившись наконецъ опытомъ, что дѣйствуетъ противъ себя же самаго, уставъ, мало по малу остепенился.

Пріучившись немного вникать въ себя, вы видите, что вамъ осталось одно изъ двухъ:

Или сказать вѣчное прости отвлеченію, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь формы, одѣть жизнь въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юпку, и въ книгѣ вашего бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву.

Или же, съ утра и до ночи, роясь въ тайникахъ души, подстерегая всѣ мгновенія ея нравственной свободы, заставить ее рѣшить вопросы жизни, вступивъ въ борьбу съ собою и съ окружающимъ.

И, вотъ проведя полжизни, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ, во что бы то ни стало, перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьи вашего поприща. Лѣнь и страхъ одолѣваютъ васъ. Наслажденіе подъ сѣнію мірскаго счастія и спокойной формы манитъ васъ на перепутье. Тысячи и тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ такъ заманчиво располагаются около васъ, что всѣ ваши предположенія рѣшить вопросы жизни, которые, было, такъ стройно вытянулись предъ вами, послѣдовательною нитью, начинаютъ колебаться и сбиваться.

Вы думали, было, что вы уже убѣждены.

Вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ Неба, требующій усиленной разработки. Прежде, чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать: можете ли вы еще ихъ имѣть.

Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горою, и быть непринужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій.

А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностію отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Вы дошли теперь до самыхъ первыхъ, самыхъ главныхъ основъ истинно человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей.

И такъ, вы видите, что вамъ приходится съ неимовѣрнымъ трудомъ пріобрѣтать то, что съ перваго вступленія вашего на поприще жизни должно бы быть вашею неотъемлемою собственностію.

Не лучше ли воротиться назадъ, попробовать опять пристать къ той или другой толпѣ и быть счастливымъ по своему?

Прожить полжизни и не знать себя, это плохо.

Все лучше, однако-же, чѣмъ умереть, не знавъ себя.

Вы принимаетесь опять за дѣло. Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну струну самопознанія; а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ какъ нельзя лучше.

И вотъ, вы становитесь теперь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души и не умѣете еще подстеречь быстролетныхъ мгновеній, когда затихаетъ изверженіе вѣчно клокочущей лавы, боясь даже украдкою взглянуть въ эту страшную глубину.

Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что вы не умѣете ее вести безъ вражды, не умѣете любить безпристрастно то, съ чѣмъ боретесь; не умѣете достаточно оцѣнить того, что хотите побѣдить.

Но чтобы любить, съ чѣмъ вы боретесь, и устоять въ такой борьбѣ—вамъ нужно еще одно свойство.

Вамъ нужна способность жертвовать собою.

Не образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ, безсознательнымъ ощущеніемъ Высокаго, вы превращаетесь въ искателя сильныхъ ощущеній.

Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ распространена, въ нашемъ вѣкѣ реализма, эта болѣзнь временъ рыцарства. Убѣдитесь же изъ этого, что никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтѣ не въ состояніи уничтожить вдохновенія въ человѣкѣ.

Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ его ненормальныхъ проявленій.

Грусть или, какъ будто, тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ не достаетъ чего-то.

Вамъ нужны вдохновеніе и сочувствіе.

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, устремляя его на небо.

Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣснь, напоминаетъ отдаленную родину.

Какая борьба можетъ совершиться безъ вдохновенія и безъ сочувствія? Какая борьба покажется вамъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ васъ.

Если послѣдователи торговаго направленія, въ нашемъ реальномъ обществѣ, намъ съ улыбкою намекаютъ, что теперь не нужно вдохновенія, то они не знаютъ, какая горькая участь ожидаетъ ихъ въ будущемъ, пресыщенныхъ и утратившихъ Небесный даръ, единственную нашу связь съ Верховнымъ Существомъ.

Всѣ,—и тѣ, которые въ немъ не нуждаются, ищутъ вдохновенія; но

только подобно дервишамъ и шаманамъ,—по-своему.

Безъ вдохновенія нѣтъ воли; безъ воли нѣтъ борьбы; а безъ борьбы ничтожество и произволъ.

Безъ вдохновенія умъ слабъ и близорукъ.

Чрезъ вдохновеніе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденіе, что въ насъ существуетъ Завѣтно-Святое.

Нуждаясь въ сочувствіи, вы невольно думаете: можно ли надѣяться, чтобы мнѣ сочувствовали, чтобы другіе взяли на себя трудъ узнать меня, тогда какъ мнѣ самому стоило столько труда, борьбы и усилій вымолить отъ собственной моей души позволеніе взглянуть въ нее, и то украдкою.

Не лучше ли, проживъ болѣе полжизни, прошедъ чрезъ школу самопознанія, узнавъ толпу и толпы, и научившись жертвовать собою, сдѣлаться однимъ холоднымъ и буквальнымъ исполнителемъ моего призванія, сочувствуя другимъ только по долгу, и не призывая никакой взаимности?

Вы вспоминаете невольно, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ, когда, съ полнымъ сознаніемъ высокаго, они увлекались вдохновеніемъ и сочувствіемъ. Оно искони было однимъ только искателемъ сильныхъ ощущеній. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни?

Не Онъ, не воплощенное Слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ, Варрава, былъ подаренъ участіемъ.

Но потомство—безсмертіе земли! Не должны ли мы дорожить его сочувствіемъ?

Да, все, что живетъ на землѣ, животно-духовною жизнью, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ Высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ и, безсознательно и сознательно, стремится жить въ немъ. О, если бы самопознаніе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченія! Если бы этотъ слабый проблескъ идеи безсмертія одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, предъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣніемъ. Тогда исторія, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенія, достигала бы своей цѣли остерегать и одушевлять его.

Не говорите, что не всякій можетъ дѣйствовать для потомства. Всякій въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ.

Вы дошли теперь до убѣжденія, что, живя здѣсь, на землѣ, вы привязаны участіемъ къ этой отчизнѣ, —должны искать его; но отыскивая, должны жить не въ настоящемъ, а въ потомствѣ.

И такъ, когда потребность въ сочувствіи однажды родилась у васъ, гдѣ искать ее, какъ не въ потомствѣ всего человѣчества и вашей собственной семьѣ?

И вотъ, вамъ предстоитъ теперь въ вашей борьбѣ рѣшить еще одинъ вопросъ жизни.

Но, прежде этого, вы еще разъ останавливаетесь и озираетесь опять невольно назадъ. Вы видите, что уже давно истерты мундиръ и юпка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ въ жизни осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда-то восхищались, смотря и на мундиръ, и на вашъ корсетъ, и ощущая, что подъ ними такъ тихо и такъ сладко волновалось.

Вы вспоминаете, какъ наряженные въ мундиръ, затянутые въ корсетъ, вы въ полной формѣ выступили на поприще свѣта; какъ радовались вы, глядя на Божій свѣтъ. Горе съ ранней поры не принуждало слезами нищеты орошать насущный хлѣбъ вашъ; думы заботъ и треволненья вседневной жизни не тревожили дѣтскаго сна; вамъ такъ и рвалось кружиться и ликовать въ шумныхъ хороводахъ толпы.

Въ этомъ чаду разгулья вамъ и въ голову не приходило подумать, что вы еще не воспитаны. Какъ это могло быть, когда разноцвѣтный воротникъ мундира, корсетъ и юпка, облекавшіе стройно вашъ станъ, иностранные языки, на которыхъ вы чи-

тали и ловко объяснялись, нравственныя и ученыя книги, по которымъ вы учились, клавикорды, на которыхъ вы бѣгло играли, такъ ясно показывали вамъ, что вы воспитаны какъ нельзя лучше?

Прошло нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ этомъ убѣжденіи; вашъ умъ и чувство, которые, благодаря судьбѣ, еще не успѣли совсѣмъ оглохнуть и онѣмѣть отъ шума и ликованья, начали вамъ нашептывать что-то въ родѣ наставленій.

Вы бросили испытующій взглядъ на кружащіяся толпы, съ которыми вы до того такъ безсознательно кружились. Предъ вашими глазами открылась ясно Вальпургіева ночь земного бытія. Блуждая между очарованными группами вамъ не легко было выбраться на свѣтъ изъ вакханалій чародѣйства. Пытаясь, падая, вы остановились, чтобы, собравшись съ силами, спросить себя: гдѣ вы? куда идете? чего вы хотите?

Теперь-то, наконецъ, началось для васъ то, съ чего бы нужно было давно начать вамъ,—нѣтъ, ошибаюсь я, не вамъ, а тѣмъ, которые пустили васъ въ бушующій разгулъ,—на своевольства пиръ. Сѣтуя на прошлое, въ борьбѣ съ собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ душѣ, вы дошли до убѣжденій, вы научились жертвовать собою; борьба уже не такъ тревожитъ васъ. Съ трудомъ вы, наконецъ, дошли и до извѣстной степени самопознанія. Вотъ и вдохновеніе васъ осѣнило.

Протекло полжизни. Въ минуты вдохновенія, когда вамъ можно было глубоко и проницательно взглянуть на себя, вамъ открылся таинственный источникъ, котораго струи должны васъ освѣжать на поприщѣ борьбы. Предчувствіе объ отдаленной вѣчности вы перенесли и на земное бытіе. Тоска объ отдаленной родинѣ напомнила вамъ искать сочувствія.

Вы убѣдились, что, отыскивая земное участіе, вы хотите проявить мысль о безсмертіи въ семьѣ и обществѣ. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ?

Но что, если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотите найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?

Взглядъ на прошедшее напомнитъ вамъ, что вы не должны предоставлять ни случаю, ни произволу, ни корыстной чувственности произнести приговоръ; его отголосокъ отзовется чрезъ четверть столѣтія на потомствѣ, которое, быть можетъ, будетъ попирать ногами давно забытый прахъ вашъ.

Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марфа, расточая всѣ возможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію: угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полжизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

А знаете ли, что значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль.

Мужчина, обманутый надеждой на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать, развита несравненно болѣе, и которой не достаетъ еще довольно опыта, чтобъ хладнокровнѣе перенести обманъ надежды, скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?

Гдѣ средства избѣжать всѣхъ этихъ горькихъ слѣдствій заблужденія?

Гдѣ средства съ полною надеждою успокоить вопіющую потребность къ сочувствію?

Что можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ?

Ни возрастъ женщинъ, ни наше воспитаніе, какъ видите, ни опытъ жизни—не вѣрныя поруки.

Молодость влечетъ ихъ къ суетѣ.

Воспитаніе дѣлаетъ куклу. Опытъ жизни родитъ притворство.

Еще счастлива та молодость, въ которой суета не совсѣмъ искоренила воспріимчивость души, въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпенить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ Высокомъ и Святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падетъ на колѣни предъ Провидѣніемъ, когда положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святого вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли.

Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготитъ надъ нею. Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но зато воспитаніе, обыкновенно, превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а чрезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація, вотъ эта мысль. Паденіе — вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однако же раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мужчины. Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ, —ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобы избирать, и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женскіе педанты, толкуя объ эманципаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эманципацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Женщина эманципирована и такъ уже, да еще можетъ быть болѣе, нежели мущина. Хотя ей и нельзя по нашимъ законамъ сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ, но развѣ можно мущинѣ сдѣлаться кормилицею и матерью — воспитательницею дѣтей, до 8-лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его. Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя.

Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ,—искусство, вдохновеніе, наука — не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнію; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

И такъ, пусть женщины поймутъ

свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марфа и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

Не положеніе женщины въ обществѣ,—но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что требуетъ перемѣны. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи.

Но если ни возрастъ, ни воспитаніе женщины не служатъ ручательствомъ для разрѣшенія вопроса, то еще менѣе можетъ положиться искатель идеальнаго участія на опытъ жизни.

Если мущину, который не жилъ отвлеченіемъ, холодитъ и сушитъ этотъ опытъ, то пресыщенный, охолодѣвшій, обманутый жизнью, онъ рѣдко скрываетъ то, что онъ утратилъ безвозвратно. А женщина вооружается притворствомъ. Ей какъ-то стыдно самой себя, предъ свѣтомъ высказать эти горькія слѣдствія опыта. Она ихъ прикрываетъ остатками разрушенной Святыни. Инстинктъ притворства и наклонность нравиться ей помогаютъ выдержать прекрасно роль подъ маскою на сценѣ жизни. Подложная восторженность, утонченное искусство выражать взглядомъ и рѣчью теплоту участія и даже чистоту души,—всѣмъ этимъ, всѣмъ снабжаетъ ее суета въ исканіи побѣды. Ей дѣла нѣтъ тогда, какъ дорого окупится эта побѣда, когда, достигнувъ цѣли, сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ была...

Вы ищете. А жизнь между тѣмъ приближается къ закату. Вопросы жизни еще далеко не всѣ разрѣшены для васъ. Вамъ такъ хотѣлось бы снова начать ее; но что однажды кончилось, тому уже —

Продолженія впредь—нѣтъ.

Новоселье лицея.

Рѣчь на торжественномъ актѣ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, 1 сентября 1857 года.[26]

Милостивые государи!

Не даромъ существуетъ обычай праздновать новоселье.—Не знаю, когда и у кого родилась первая мысль праздновать перемѣну жилища.

Думаю, что впервые эта мысль родилась у народа кочевого.

Все существованіе кочевого народа зависитъ отъ избраннаго имъ мѣста.

Но если у номадовъ все настоящее, то зато у осѣдлыхъ народовъ все будущее зависитъ отъ избраннаго мѣста.

У первыхъ одна чисто матеріальная, у вторыхъ и матеріальная, и умственная, и даже нравственная сторона жизни находятся въ зависимости отъ мѣста пребыванія.

Перенесемъ этотъ взглядъ отъ народовъ къ обществамъ и общественнымъ учрежденіямъ.

И у нихъ, также какъ у цѣлыхъ народовъ, есть своя жизнь, осущест-

вляющая извѣстную идею, и свое будущее.

И то, и другое—не зависятъ ли также отъ выбора мѣста?

Никто, и изъ частныхъ людей, не перемѣнитъ безъ цѣли и надобности своего жилища; никто не переѣдетъ изъ одного мѣста въ другое, не задумавъ, сообразуясь съ обстоятельствами, перемѣнить образъ жизни.

Итакъ, перемѣняя мѣстопребываніе, —будетъ ли то страна, провинція, городъ, улица, домъ и даже комната, —всѣ мы руководимся явною или скрытою мыслью о большей или меньшей перемѣнѣ нашего образа жизни. Желая перемѣнить его, мы всѣ ищемъ лучшаго.

Каждый по своему: хорошо или худо.

Но перемѣняя, и не зная никогда будущаго, мы обращаемся съ мольбою къ Богу, призываемъ друзей, сосѣдей, сверстниковъ и знакомыхъ, какъ бы желая ихъ сдѣлать нашими соучастниками въ предстоящемъ.

Такъ я объясняю себѣ празднество новоселья.

Такъ я смотрю и на новоселье нашего лицея.

Мы празднуемъ переходъ въ новое зданіе.

Но съ какою цѣлью сооружено оно?

Назначается ли оно только замѣнить ветхія стѣны стараго лицея новыми?

Своды ли, мраморъ ли и паркетъ половъ должны отличать новый лицей отъ стараго?

Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы, въ сущности, не выше и даже ниже той, которою, вѣроятно, руководствуются номады, перемѣняя кочевье.

Перемѣна кочевья есть необходимое условіе жизни цѣлаго народа. Перемѣна ветхихъ стѣнъ на новыя есть только одно удобство нѣсколькихъ людей.

Нѣтъ, мы не для этого празднуемъ новоселье лицея. Не одна ветхость стѣнъ, не одно удобство и прихоть побудили правительство замѣнить старое новымъ.

Въ нашемъ новосельи обнаруживаются двѣ высокія мысли.

Оно, в о - п е р в ы х ъ, доказываетъ, что старый лицей съ честью отжилъ свое время.

Онъ и родился во время, когда потребность къ просвѣщенію въ краѣ начала только-что проявляться, и то только въ высшихъ слояхъ общества.

Онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія, что поставленные учредителемъ предѣлы образованію сдѣлались узки. Ихъ не разъ уже измѣняли и расширяли. Но они всетаки оказываются узкими.

Больше ничего не нужно приводить въ доказательство успѣшной дѣятельности стараго лицея. Этого одного довольно для безпристрастныхъ.

В о - в т о р ы х ъ, праздникъ нашего новоселья, останавливая невольно нашъ взглядъ на новомъ зданіи, заставляетъ думать, что не понапрасну же увеличенъ объемъ его стѣнъ, не понапрасну увеличено помѣщеніе для учащихся, кабинетовъ, лабораторій.

Не напрасно пекущееся правительство, вмѣсто огромныхъ издержекъ на меблировку новаго зданія, обратило значительную сумму на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

Все это ясно говоритъ, что съ новосельемъ должна начаться и новая жизнь лицея, новый періодъ его дѣятельности, и новый лицей дѣйствительно долженъ сдѣлаться новымъ для Новороссіи.

Вотъ, мм. гг., почему мы празднуемъ день нашего новоселья.

Но будущее—не въ нашихъ рукахъ.

И мы начали нашъ праздникъ молитвою.

Мы пригласили и всѣхъ васъ быть нашими соучастниками и въ мольбѣ, и въ достиженіи высокаго будущаго лицея.

Мы всѣ стремимся, и сознательно, и безсознательно, олицетворить тотъ идеалъ человѣка, который каждая нація создаетъ для себя въ различные періоды своего развитія.

Лицей, какъ и всѣ другія учрежденія, назначенныя для воспитанія, образованія и просвѣщенія одной извѣстной части націи, пользуясь собственною жизнью, непремѣнно, какъ

бы невольно, участвуетъ и въ этомъ общемъ національномъ стремленіи.

Въ каждомъ учебномъ округѣ высшее образовательное заведеніе можно сравнить съ маякомъ, назначеннымъ проливать свѣтъ на извѣстную окружность.

Чѣмъ выше стоитъ такой маякъ, чѣмъ удобнѣе избрано мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, и чѣмъ ярче онъ свѣтитъ, тѣмъ ярче и тѣмъ больше освѣщается вся окружность.

Но, какъ бы маякъ ни былъ хорошо устроенъ, если мореплаватели, въ немъ нуждающіеся, не озаботятся изъ собственныхъ же выгодъ, поддержать его, и, незнакомые съ его назначеніемъ, не воспользуются благодѣтельнымъ свѣтомъ,—маякъ будетъ только значиться безъ пользы на морской картѣ.

Правительство, какъ бы ни были мудры и высоки его предначертанія, не въ силахъ освѣтить всѣхъ желающихъ блуждать во мракѣ, беззаботныхъ и нерадивыхъ о собственномъ благѣ.

Сознательное стремленіе къ общей цѣли, живое участіе и содѣйствіе по мѣрѣ силъ, всегда, вездѣ и при всякой формѣ правленія, составляютъ необходимое условіе для успѣшнаго осуществленія каждой общественной мысли.

Настало время, когда мы всѣ ясно сознаемъ, что главною порукою за будущее благосостояніе нашего общества, и мало того,—главною его основою,—должно служить воспитаніе нашихъ дѣтей и даже отчасти перевоспитаніе насъ самихъ.

Нашъ благодѣтельный монархъ открываетъ намъ разные способы къ осуществленію этой мысли.

Но настало также время, когда сознательное содѣйствіе со стороны общества оказывается болѣе, чѣмъ когда-нибудь, возможнымъ и необходимымъ къ достиженію главной цѣли воспитанія.

Въ нашъ предпріимчивый и практическій вѣкъ вездѣ, безпрестанно заводятся новыя общества, собираются огромные капиталы для предпріятій, сулящихъ выгоды и улучшенія матеріальнаго быта.

Но что же мы сами дѣлаемъ для высшаго, нравственнаго быта нашихъ дѣтей, безъ котораго шатки основанія и матеріальнаго?

Употребляемъ ли мы достаточно наши матеріальныя средства къ достиженію этой высокой цѣли?

Отреклись ли мы, хоть сколько-нибудь, отъ эгоизма и корыстныхъ взглядовъ на жизнь, чтобы осуществить высокій идеалъ воспитанія на нашемъ потомствѣ?

Стремимся ли мы съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ, забывъ хоть на время настоящее, жить въ нашемъ будущемъ?

Сознаемъ ли мы ясно все прекрасное и высокое этого будущаго?

Какъ смотритъ еще до сихъ поръ наше общество на воспитателей и наставниковъ будущаго поколѣнія цѣлой націи?

Цѣнитъ ли оно довольно ихъ призваніе, трудъ и заслуги?

Существуетъ ли довѣренность и полное сочувствіе между родителями и наставниками, и внушены ли эти чувства дѣтямъ?

Какъ смотритъ большая часть самихъ наставниковъ на свое призваніе?

Многіе ли изъ нихъ изучали сами, или подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, на дѣлѣ и съ любовью къ дѣлу, трудное искусство воспитанія?

Пусть каждый изъ насъ рѣшитъ эти вопросы, положивъ руку на сердце.

Что касается до меня, то какъ ни больно, но я долженъ признаться, что нахожу преобладающимъ взглядъ чисто-матеріальный на эту, послѣ религіи, самую высокую сторону нашей общественной жизни.

И богатые, и бѣдные, всѣ мы немногое, очень немногое, приносимъ въ жертву воспитанію нашихъ дѣтей.

Просвѣщеніе ума и образованіе есть для насъ не цѣль высокая жизни, а только средство,—и то невѣрное,—къ улучшенію матеріальнаго быта.

Правда, мы зато и страдаемъ—и недовольствомъ, и недовѣріемъ другъ къ другу.

Желая прогресса по своему, мы бросились съ какою-то жадностью отыскивать недостатки и злоупотребленія въ нашемъ обществѣ.

Но мы забываемъ, что одна сатира еще никогда не исправляла общества.

Разрушая, нужно и созидать.

Для исправленія, кромѣ упрека, нужно еще другое,—и самое главное,—уяснить, сдѣлать сознательнымъ и, по возможности, достижимымъ тотъ идеалъ, къ которому каждый, исправляясь, долженъ стремиться.

Безъ полнаго сознанія этого идеала, не пробудивъ готовности со стороны общества сознательно участвовать въ достиженіи его, новое вино будетъ вливаться въ старые мѣхи, всѣ усилія сдѣлать ветхое новымъ останутся тщетными, и многозначительность нашего новоселья будетъ ничтожна.

А выраженіе этого сознанія и готовности должно искать въ воспитаніи.

Пусть же сочувствующій нашему новоселью родитель, отдавая сына или дочь на попеченіе одесскаго учебнаго округа, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: «Я всѣмъ жертвую для воспитанія моего дитяти, и ничего другого не требую отъ воспитателей, какъ того, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ».

Пусть каждый изъ питомцевъ начнетъ свое образованіе, слѣдуя словамъ отца: «не ищи ничего другого, какъ быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова». Пусть каждый наставникъ, проникнутый высокою цѣлью своего земного назначенія, скажетъ самоотверженно: «Я не ищу ничего другого, какъ сдѣлать людьми ввѣренныхъ мнѣ питомцевъ».

Но какъ бы ни было велико сочувствіе въ нашемъ краѣ къ истинному прогрессу, котораго представителемъ мнѣ такъ бы хотѣлось почитать новый лицей, я знаю, что все-таки этотъ взглядъ на воспитаніе, вызванный новосельемъ лицея, покажется слишкомъ идеальнымъ, недостижимымъ и неновымъ.

Я скажу, на это, что истина не старѣется, что жизнь безъ сознательныхъ идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и безплодна.

И что же, наконецъ, въ моемъ идеалѣ воспитанія выражаютъ слова отца (сыну): «ищи быть и будь человѣкомъ»?

Конечно, не новое; напротивъ, старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легкое, но достижимое.

Значатъ ли эти слова дѣйствительно, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ человѣкѣ земного совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго?

Нѣтъ; человѣкомъ, какъ я его понимаю, можетъ быть каждый, въ своемъ родѣ, пріучившись съ раннихъ лѣтъ хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ.

Въ дѣлѣ воспитанія главное—намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей; успѣхъ—отъ Бога.

Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности.

Но всѣ эти идеалы человѣка, и слѣдовательно идеалы воспитанія, какъ бы различно ни проявлялся въ нихъ національный типъ, должны имѣть одну исходную точку—откровеніе.

Итакъ, словами: «ищи быть и будь человѣкомъ»—выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей, съ раннихъ лѣтъ, подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной.

Итакъ, если отецъ, сознавая вполнѣ значеніе этой мысли, скажетъ сыну: «будь человѣкомъ», то это значитъ—онъ рѣшается воспитать сына безъ всякой задней мысли и отдаетъ его въ школу изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища.

Это значитъ, что отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо увѣренъ, что все прочее въ жиз-

ни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности.

Сынъ, помня слова отца, съ раннихъ лѣтъ пріучается видѣть въ образованіи нравственную необходимость и цѣнить его, какъ самую жизнь.

Наставникъ, говоря: «я хочу сдѣлать людьми моихъ питомцевъ», значитъ, рѣшается предпочитать формѣ духъ, мертвой буквѣ живую мысль; значитъ, въ наукѣ онъ видитъ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставитъ ребенка изучать науку одними устами, но направитъ ее на развитіе той или другой душевной способности дѣтей, и каждый учитель сдѣлается вмѣстѣ и воспитателемъ.

Наконецъ, если цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, сдѣлаетъ для всѣхъ и каждаго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: «будь человѣкомъ».

Вотъ смыслъ моего идеала, не новаго, но и не недостижимаго.

Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро.

И вотъ, вѣря въ это, надѣясь на ваше общее сочувствіе и содѣйствіе, ожидая этого прекраснаго будущаго, новый лицей и празднуетъ свое новоселье. Празднуетъ, надѣемся, не напрасно. И я не напрасно обращаюсь къ вамъ—правительствующія лица края, къ вамъ—преосвященный владыко, къ вамъ—пастыри церкви, къ вамъ—граждане и родители, къ вамъ—наставники, къ вамъ—учащіеся, прося васъ принять къ сердцу эти искреннія желанія, прося васъ всѣхъ и каждаго объ участіи и содѣйствіи истинному просвѣщенію въ краѣ, и скрѣпляю слабую рѣчь мою словами молитвы ко Всевышнему:

«Да пріидетъ царствіе Его»!

Быть и казаться.[27]

Ученики 2-й одесской гимназіи обратились ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи имъ играть на публичномъ театрѣ, по примѣру гг. студентовъ лицея, играть съ цѣлью помочь нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Узнавъ, что и прежде ученикамъ гимназій, воспитывающимся въ сиротскомъ домѣ, позволялось дѣйствовать на сценѣ, я также позволилъ.

Но совѣсть моя этимъ не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогическій вопросъ: можно ли позволять молодымъ людямъ, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену и представлялись дѣйствующими лицами предъ публикою?

Извѣстно, что вездѣ, гдѣ вмѣстѣ съ гимназіею существуетъ высшее учебное заведеніе—университетъ или лицей, гимназисты стараются во всемъ подражать студентамъ *. Извѣстно также, что такое подражаніе обыкновенно не ведетъ къ добру.—Но я смотрю на заданный себѣ вопросъ съ другой, болѣе общей, стороны.

* См. въ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ два письма Н. И. Пирогова о выступленіяхъ студентовъ на сценѣ и на концертной эстрадѣ.

Спрашивается: вообще дозволяетъ ли здравая нравственная педагогика выставлять дѣтей и юношей предъ публикою въ болѣе или менѣе искаженномъ и, слѣдовательно, не въ настоящемъ ихъ видѣ? оправдываетъ ли цѣль въ этомъ случаѣ средство?

Не обязаны ли истинные нравоучители смотрѣть на духовную сторону юноши и дитяти, какъ на святой храмъ, о которомъ сказано: «храмъ мой, храмъ молитвы наречется». Не обязанъ ли нравоучитель изгонять изъ него все продающееся и покупающееся? Совмѣстима ли съ этимъ взглядомъ на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславіе? Родитель или наставникъ, дозволяя себѣ выставлять юношество въ искаженномъ видѣ на публичное созерцаніе, не вноситъ ли въ воспріимчивую душу начало лжи и притворства? Развѣ разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, съумѣть сдѣлать удачный жестъ и живо выразить миною поддѣльное чувство, развѣ—говорю—все это не есть школа лжи и притворства? А шумныя похвалы, воздаваемыя именно тому притворству, которое сдѣлалось натуральнымъ, развѣ не пробуждаютъ желанія усовершенствоваться, и въ какой душѣ?—еще не коротко знакомой съ н а у к о ю б ы т ь и к а з а т ь с я.

Но цѣль?—Да, на свѣтѣ существуетъ одна школа, которая цѣлью освящаетъ средства. И всѣ мы,—что грѣха таить, — употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подъ-часъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ. Но, согласитесь, нельзя же, не отказавъ себѣ въ послѣдовательности, защищать открыто ея ученіе, утверждая, что благая цѣль оправдываетъ выборъ средства, нравственно ненадежнаго.

Еслибы еще это средство было только неприлично важности и святости задуманной цѣли, но само по себѣ невинно, то почему бы не такъ. Свѣта мы, конечно, не исправимъ; онъ останется, не смотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни,—извѣстной своей непослѣдовательностью,—не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны? Но другое дѣло, если мы вздумаемъ для этой цѣли развивать въ молодой душѣ такія склонности, которыхъ послѣдствій нельзя ни предвидѣть, ни исчислить. Тутъ уже, мнѣ кажется, цѣль никакъ не можетъ оправдать средства.

Дѣтскіе балы, дѣтскіе театры и всевозможныя зрѣлища, въ которыхъ дѣти являются дѣйствующими лицами, слава Богу, изобрѣтеніе не наше, а чужое, и потому извинительно и не знать, кѣмъ впервые и почему они введены были въ моду. Но, судя по вѣроятностямъ, такая мысль могла придти въ голову или родителямъ, желавшимъ похвастаться милымъ искусствомъ дѣтей, подъ предлогомъ доставить имъ удовольствіе, или же наставнику, желавшему, безъ сомнѣнія, съ какою-нибудь педагогическою цѣлью, возбудить соревнованіе въ своихъ ученикахъ.

Я думаю, что родители были легкомысленны, а наставникъ близорукъ. Уже не одинъ разъ, и прежде, и послѣ, родители, подъ благовиднымъ предлогомъ утѣшить дѣтей, утѣшали свою суетность. Не разъ педагоги ошибались въ выборѣ средствъ, ослѣпленные случайной удачею или стараясь приноровиться ко вкусу общества. Признаюсь, я самъ еще недавно позволилъ дѣтямъ въ лицейскомъ пансіонѣ разыграть одну маленькую пьесу; но театръ былъ чисто домашній, зрителями были товарищи и наставники; я видѣлъ въ игрѣ только средство для изученія языка.

Я замѣтилъ и тутъ, однако же, что, несмотря на всю безыскусственность и простоту обстановки, въ нѣкоторыхъ изъ актеровъ обнаруживался такой пріемъ суетности, который еще болѣе увеличивать было бы опасно. Потому, и дома, и въ учебныхъ заведеніяхъ, можно бы только, и даже должно, позволять дѣтямъ, отъ 12 до 14 лѣтъ, выучивать избранныя роли изъ различныхъ пьесъ, но безъ всякой обстановки и только единственно съ цѣлью упражненія въ языкѣ

и способѣ выражать отчетливо мысли. Пусть наставникъ объяснитъ этимъ ученикамъ, что именно хотѣлъ выразить авторъ тѣмъ или другимъ оборотомъ рѣчи. Пусть покажетъ вмѣстѣ, какіе пріемы свойственны тому или другому характеру дѣйствующаго лица,—но безъ всякой обстановки, безъ огласки, безъ постороннихъ зрителей. Наставникъ и его ученики должны быть и публикою, и дѣйствующими лицами; школьная комната — сценою. Пусть воображеніе довершитъ и украситъ все остальное. Но опаснѣе сцена для мальчика въ 15 лѣтъ и болѣе. Въ этомъ возрастѣ, особливо на югѣ, дѣти, во что бы то ни стало, не хотятъ уже быть дѣтьми. Воображеніе въ эти лѣта уже начинаетъ терять свою калейдоскопическую подвижность. Оно уже не съ съ прежнею быстротою превращаетъ одинъ предметъ въ другой и не такъ легко замѣняетъ призракомъ дѣйствительное. Несмотря на то, юноша все-таки еще не ясно различаетъ два свойства своего я: быть и казаться.

Должны ли же мы преждевременно давать поводъ юной душѣ обнаружить ея двойственность? Пусть быть и казаться остается покуда въ жизни юноши однимъ и тѣмъ же. Скоро, слишкомъ скоро, и безъ всякихъ побужденій, проявляется въ его дѣйствіяхъ то, о чемъ апостолъ Павелъ сказалъ: «еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу сіе творю: но еже ненавижду, то содѣлываю» (къ Римл. VII, 15).

И не выходя на театральную сцену,—и безъ того, на одной сценѣ жизни,—онъ скоро научится лучше казаться, чѣмъ быть.

Подождите, дайте время развиться духовному анализу. Дайте время начать борьбу съ самимъ собою и въ ней окрѣпнуть. Тогда, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе, пожалуй, пусть будетъ и актеромъ: онъ все-таки не перестанетъ быть человѣкомъ. И если и Тальма, и Каратыгинъ были только кажущимися героями, то, по крайней мѣрѣ, вашъ сынъ или ученикъ не будетъ однимъ только кажущимся актеромъ.

Но не лучше выставокъ дѣтей на паркетѣ и театральной сценѣ и публичныя выставки на сценѣ школьной. Это тоже театръ въ своемъ родѣ. Да еще на театрѣ выставляется, по крайней мѣрѣ, то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великій даръ заставлять себя чувствовать по собственной волѣ. А на публичныхъ экзаменахъ выставляется на показъ знаніе, котораго истина и значеніе ничѣмъ столько не оцѣняются, какъ скромностью.

Всѣ эти искусственныя и натянутыя попытки такъ называемаго развитія ума и сердца развиваютъ только преждевременно двойственность души человѣка, еще не окрѣпшаго въ борьбѣ съ самимъ собою. Онѣ довершаютъ только то, что и безъ нихъ начинаютъ слишкомъ рано общество, школа и, увы! самъ родительскій домъ.

Пусть каждый изъ насъ припомнитъ, когда онъ началъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. И, вѣрно, отвѣчая на этотъ вопросъ, немногіе изъ насъ похвалятся своею памятью. А когда мы вступили въ борьбу съ самими собою,—полагая, что мы всѣ уже вступили, то мы, навѣрное, казались давно не тѣмъ, чѣмъ мы были. Неужели же мы захотимъ то же самое передать въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ? Неужели всѣ попытки нравственной педагогики, всѣ успѣхи, все стремленіе человѣка къ совершенству—одна только пустая игра словъ, одинъ обольстительный вымыселъ?

Нѣтъ! Мы не имѣемъ права не вѣрить въ истину. Еслибы мы принялись общими силами, мы бы много такого исправили въ нашихъ дѣтяхъ, чего не успѣли или не умѣли исправить наши отцы въ насъ. Правда, мы можемъ дать только то, что мы сами имѣемъ. Но кто хочетъ идти впередъ, не по однѣмъ только грязнымъ и пыльнымъ улицамъ, тотъ найдетъ въ душѣ довольно силы и вести борьбу съ собою, и слѣдить за первыми обнаруживаніями душевной двойственности у своихъ дѣтей. Первое ея проявленіе есть: притворство и ложь. Трудно опредѣлить время жизни, въ которое они впервые обнаруживаются у ребенка. Я зналъ шести-лѣтнюю дѣвочку,

которая была уже такая виртуозка лжи, что трудно было различать длинные разсказы ея собственнаго изобрѣтенія отъ правды: такъ все въ нихъ было связно и отчетливо. Зналъ я еще и одного мальчика четырехъ лѣтъ, который на вопросъ: видалъ ли онъ колибри?—не желая, изъ хвастовства, сказать просто: н е з н а ю, описалъ какъ нельзя подробнѣе видѣнную имъ колибри, которая, однако-же, оказалась просто вороною; а когда ему замѣтили, что колибри водятся не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, а въ Китаѣ, то онъ, нисколько не конфузясь, увѣрялъ, что большую черную птицу прислалъ въ подарокъ его маменькѣ китайскій императоръ. Про дѣвочку я послѣ ничего не слыхалъ, но про мальчика знаю навѣрное: онъ теперь пересталъ такъ безбожно хвастать.

Изъ этихъ и изъ множества другихъ фактовъ нельзя ли заключить, что уже съ первымъ лепетомъ ребенка начинаетъ обнаруживаться и двойственность нашей духовной стороны? И да, и нѣтъ. Я не сомнѣваюсь, что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Воображеніе создало этотъ міръ ребенку, и онъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ по своему. Взрослый, дѣйствующій, какъ ребенокъ, есть въ нашихъ глазахъ или лгунъ, или сумасшедшій. И если дитя намъ не кажется ни тѣмъ, ни другимъ,—то именно потому, что оно—дитя. Итакъ, если мы, достигши извѣстнаго возраста, не перестаемъ жить въ мірѣ, созданномъ нашимъ дѣтскимъ воображеніемъ, мы дѣлаемся непремѣнно или лжецами, или взрослыми дѣтьми, т.-е. чудаками, помѣшанными, или назовите какъ угодно, только не обыкновенными людьми.

Мы привыкли называть сумасшедшимъ того только, въ дѣйствіяхъ котораго мы замѣчаемъ явную несообразность и непослѣдовательность. Но эта к а ж у щ а я с я несообразность словъ съ дѣствіями и одного поступка съ другимъ иногда только служитъ признакомъ помѣшательства, а иногда и нѣтъ. Кто сомнѣвается еще въ этой неопредѣленности и сбивчивости нашихъ понятій, пусть спроситъ у судебныхъ врачей, всегда ли и во всякомъ ли данномъ случаѣ имъ бываетъ легко рѣшить вопросъ о сумасшествіи.

Нелегко рѣшить также объ иномъ: заблуждается ли онъ, или лжетъ. Извѣстно, что привыкшій лгать, наконецъ, это дѣлаетъ вовсе несознательно.

Но если у взрослаго, въ практической жизни, такъ трудно бываетъ провести точныя границы между здравомысліемъ и помѣшательствомъ, между убѣжденіемъ и ложью, то еще осторожнѣе мы должны оцѣнивать поступки ребенка.

У ребенка кажущаяся намъ непослѣдовательность поступковъ и мыслей, сознательная ложь и безсознательная, такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что почти каждаго изъ дѣтей можно назвать глупымъ и лгуномъ,—примѣняя къ нему слова и понятія, взятыя изъ жизни взрослыхъ. Но въ этомъ-то и заключается именно ошибка и родителей, и наставниковъ, что они, не въ пору устарѣвъ, забыли про тотъ міръ, въ которомъ сами нѣкогда жили. И въ лжи, и въ несообразностяхъ дѣйствій, ребенокъ еще не перестаетъ к а з а т ь с я именно тѣмъ, что онъ е с т ь, потому что онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ, и дѣйствуетъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы и поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя: «аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное».

Еслибы все человѣческое общество состояло изъ однихъ дѣтей, то двойственность души въ ребенкѣ никогда бы не обнаружилась, и онъ всегда бы к а з а л с я тѣмъ, что онъ е с т ь. Онъ всю окружающую природу переносилъ бы въ свой духовный міръ и дѣйствовалъ бы въ немъ, вѣрно, послѣдовательнѣе насъ.

Но мы, мы—взрослые—нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него,

переносимъ ребенка, на каждомъ шагу, къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ по своему.

Мы не хотимъ «ни умалиться», «ни обратиться и быть какъ дѣти», и между тѣмъ быть ихъ наставниками, и даже считаемъ себя въ правѣ пользоваться званіемъ наставника, не исполнивъ этого перваго и самаго главнаго условія.

Кто же теперь виноватъ, что мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее?

Дѣйствительно, наши усилія вѣнчаются успѣхомъ. Но какимъ? Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть, и понимать по нашему, мы, наконецъ, достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики, вотъ non plus ultra всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій!

Чего не придумано у насъ къ достиженію этого результата? И дѣтскіе балы, и театры, и живыя картины, и костюмы и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убѣдиться, дѣйствительно ли ребенокъ намъ кажется не такимъ, какъ онъ есть,—мы изобрѣли и срочныя испытанія. Мало этого: нашлись и такіе педагоги, которые придумали изъ самихъ дѣтей сдѣлать орудіе наблюденія за дѣтьми же, чтобы и тѣ, и другія, какъ можно лучше двоили свой духовный бытъ и какъ можно точнѣе раздѣляли бы «быть и казаться». Извѣстно, какихъ блестящихъ результатовъ на этой почвѣ достигли отцы-іезуиты. Если мы, при нашей общественной методѣ воспитанія много способствуемъ,—хотя безсознательно и дѣйствуя по крайнему разумѣнію,—къ развитію въ ребенкѣ лжи и притворства, то іезуиты, не довольствуясь этимъ, уже сознательно доводятъ двойственность до степени клеветы.

Твердо вѣрящему въ стремленіе человѣчества впередъ, къ усовершенствованію, кажется уже неприличнымъ утверждать, что и дѣти, и вообще люди въ старину, то-есть, когда-то, были лучше. Но, тѣмъ не менѣе, въ этой извѣстной поговоркѣ стариковъ и недовольныхъ есть доля и правды.

Во-первыхъ, для всякаго старика это, дѣйствительно, относительная истина. Онъ, принимая менѣе участія въ дѣйствіяхъ переходного состоянія отъ стараго къ новому, видитъ яснѣе худое, всегда сопровождающее каждый переходъ, чего современное ему свѣжее поколѣніе не примѣчаетъ, будучи само проводникомъ новаго. Во-вторыхъ, есть и дѣйствительно такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще недостаточно состарѣлось, а новое, втекая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амальгамироваться со старымъ.

Эти періоды также вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ. И это уже не одна только относительная истина для стариковъ.

Чуть ли мы сами не живемъ въ одномъ изъ такихъ періодовъ.

Если такъ, то немудрено, что въ то время, когда старое было еще во всей своей силѣ, то-есть, еще не было старымъ, и воспитаніе совершалось съ большею послѣдовательностью, и именно потому, что было болѣе односторોннимъ. Правда, и прежде, точно также какъ теперь, и даже больше, взрослые мѣряли дѣтей по своей мѣркѣ, особенный дѣтскій міръ и прежде для взрослыхъ также мало существовалъ, какъ и теперь. Но средства, которыя они употребляли для сообщенія дѣтямъ своихъ понятій и взглядовъ, были грубѣе и именно потому лучше нашихъ. Наши отцы и праотцы, слѣдуя буквально правилу царя Соломона: «кто щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего: любящій же наказуетъ прилежно», переносили ре-

бенка насильно изъ его внутренняго міра въ свой собственный, но зато скорѣе и отпускали назадъ.

Если уже нужно выбирать одно изъ двухъ, то, безъ сомнѣнія, лучше вторгаться въ духовно-дѣтскій міръ съ жезломъ въ рукѣ, чѣмъ съ театральною афишею и бальнымъ костюмомъ. Ядъ и позолоченная отрава опаснѣе палки и синяковъ.

Воображеніе ребенка и развивается, и дѣйствуетъ, по мѣрѣ развитія внѣшнихъ чувствъ и понятія. У него мысль никогда не опережаетъ воображенія. Окружающая природа, для него еще новая, доставляетъ ему столько пищи, что оно постоянно въ работѣ. Это—калейдескопъ въ безпрестанномъ вращеніи, черезъ который дитя смотритъ на все окружающее. Берегитесь нарушать эту фантастическую игру вашими дѣйствіями. Вашею искусственною обстановкою, какъ бы она ни была обворожительна, вамъ все-таки не удастся замѣнить тѣ чудные образы, которые творитъ дѣтская фантазія. Вы только понапрасну развлечете ея дѣятельность и рано пробудите чувство недовольства. Ребенокъ, недовольный своимъ, будетъ самъ проситься въ вашъ міръ и выкажется уже въ немъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ своей сферѣ. Двойственность и пресыщеніе должны необходимо слѣдовать.

Итакъ, немудрено, если въ старину, при менѣе искусственной обстановкѣ воспитанія, яснѣе обозначались высокіе и выдержанные характеры. Кто выходилъ невредимъ изъ школы жезла, тотъ выносилъ духъ, такъ же хорошо закаленный, какъ закалено тѣло дикихъ и номадовъ, купающихъ новорожденныхъ дѣтей въ студеной водѣ.

Но наша современная обстановка воспитанія еще слишкомъ нова, чтобы точно обсудить ея результаты. Только надъ однимъ іезуитскимъ способомъ воспитанія, который также не вовсе потерялъ современность, судъ исторіи уже произнесенъ. Вездѣ, гдѣ онъ господствовалъ, и теперь еще господствуетъ двойственность души. Насильственно раздѣленное іезуитствомъ «быть и казаться» породило и притворство, и коварство, и клевету съ ябедою и доносомъ.

Если все, что я сказалъ, заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то скажите мнѣ: не лучше ли—предъ Богомъ и человѣчествомъ — замѣнить всѣ искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти?

Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ; когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы—говорю—именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

Скажите, что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ божіимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруживаніями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О! еслибы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и не разгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только-что начинаемъ пользоваться.

Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ! Вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни! Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленныя играми и всегда готовыя снова начать ихъ!

Я бы далъ и еще совѣтъ, но не-

знаю, какъ вы примите и этотъ. Подчиняясь однимъ влеченіямъ души къ добру и правдѣ, вы, можетъ быть, и безъ меня придумали что-нибудь лучше.—Я самъ обращусь теперь за совѣтомъ, всегда уважая его, если онъ данъ отъ души, если въ немъ проглядываютъ смыслъ и любовь къ истинѣ и добру. Скажите мнѣ, отцы и педагоги, всѣ ли вы принимаете со мною этотъ дѣтскій міръ съ его особенными законами? Если—да, то скажите мнѣ откровенно: какъ вы въ него вступаете? и потомъ посовѣтуйте мнѣ, долженъ ли я и впредь позволять дѣтямъ и юношамъ играть на публичной сценѣ? Пусть будетъ вашъ совѣтъ, пожалуй, и чисто-теоретическій,—все равно, я приму его съ благодарностью.

Нужно-ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей? [28]

Не правда-ли—мелочной и даже, такъ сказать, неприличный вопросъ для публики образованнной и занятой серьезными дѣлами? Но для дѣтей розга—не мелочь, и сѣкутъ ихъ также и образованные, и занятые серьезными дѣлами люди. А я именно и хочу говорить только съ сѣкущими. Да, наконецъ, вспомнивъ бывалое, мало ли еще между нами найдется такихъ, которые чѣмъ-нибудь да обязаны розгѣ—хорошимъ или худымъ, но, по крайней мѣрѣ, думаютъ, что обязаны. Розга—предметъ немаловажный и не для однихъ дѣтей: о ней говорится и въ библіи, и въ педагогикѣ, и въ законовѣдѣніи. А въ жизни ребенка она—изъ важнѣйшихъ вещей важнѣйшая. Правда, для многихъ отцовъ, матерей и учителей высѣчь ребенка—все равно, что высморкаться. Я знавалъ и такихъ, которые увѣряли, что до 12 лѣтъ съ ребенкомъ нужно обращаться, какъ съ котенкомъ или щенкомъ. Я не преувеличиваю—именно этими словами выразилъ мнѣ одинъ отецъ,—и не изъ простыхъ,—свой взглядъ на воспитаніе, и увѣрялъ, что онъ такъ воспитывалъ всѣхъ своихъ дѣтей. Сынъ его, образованный по этой методѣ, мнѣ и теперь знакомъ; онъ—довольно извѣстный ученый, но человѣкъ не надежный. Еще и многіе теперь живутъ изъ сѣченныхъ по субботамъ; и многіе изъ нихъ не нахвалятся этой методой, приписывая ей даже и то, что они дослужились до почета. Есть, наконецъ, и такіе, которые не повѣрятъ, чтобы можно было теперь еще терять время на разсужденія о томъ, что, по ихъ мнѣнію, всѣмъ и каждому извѣстно, что освящено временемъ, и потому не подлежитъ никакимъ возраженіямъ. Нашимъ училищнымъ уставомъ опредѣляется тѣлесное наказаніе только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія исправительныя мѣры оказались недостаточными, и то только въ низшихъ классахъ. Но училищный уставъ писанъ не для родителей, а дѣти, поступающія 10 и болѣе лѣтъ въ школу, уже воспитывались до того,—такъ или иначе,—дома. Поэтому учители и директоры училищъ поставлены въ затруднительное положеніе, и нерѣдко недоумѣваютъ: должно ли продолжать начатое, или начинать новое. Сѣченныхъ дѣтей не сѣчь—значитъ терять надъ ними авторитетъ; а если сѣчь, то нужно больнѣе. Человѣкъ, и еще болѣе дитя, скоро ко всему привыкаетъ; а высѣкши одного или двухъ, захочется попробовать и на другихъ: эта метода какъ-то проще и дѣйствія ея нагляднѣе.

Большая часть сѣкущихъ родителей и учителей, безъ сомнѣнія, дѣйствуютъ или по привычкѣ, или подражая. Недавно я видѣлъ двухъ-лѣтняго ребенка, который, держа въ рукѣ палку, билъ ею отца, смѣясь тѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ, который такъ за-

манчивъ и для всѣхъ взрослыхъ. Въ движеніяхъ этой ручонки было также мало смысла, какъ и въ наказующей рукѣ многихъ отцовъ и учителей.

Въ чемъ же состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) Выместить причиненную злобу. 2) Пристыдить. 3) Устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, не свойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: — стыдѣ и страхѣ.—Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значитъ ли—хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Какъ вы хотите, чтобы удары розгою по обнаженному тѣлу ребенка могли пристыдить его, когда они именно и уничтожаютъ стыдъ, заставляя его дѣлать то, чего онъ долженъ стыдиться дѣлать? Пусть ребенокъ всегда стыдится заслужить такое наказаніе, —это не худо; но если онъ себя до него довелъ, то уже тутъ поздно стыдомъ дѣйствовать. Тутъ остается одинъ только страхъ. Но какой? Не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ,—а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть, наконецъ, того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно ли, утѣшительно ли это? Хорошо ли пріучать совѣсть, это свободное чувство человѣка,—съ самыхъ юныхъ его лѣтъ, —къ зависимости отъ тѣлесныхъ или даже и духовныхъ, но болѣе зависимыхъ ощущеній? Или, можетъ быть, думаютъ, что одна мысль о боли достаточно устрашаетъ? При такомъ воззрѣніи, розга должна сдѣлаться для ребенка чѣмъ-то въ родѣ memento mori. Одинъ взглядъ на нее, даже брошенный украдкою, уже долженъ страшить и потрясать. Тогда страхъ дѣлается чѣмъ-то среднимъ: ни чисто-физическимъ, ни чисто-нравственнымъ чувствомъ. Но въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательными, мы не должны его допускать до конечнаго осуществленія. Есть нѣмецкая поговорка: «чертъ не такъ черенъ, какъ намъ его описываютъ». Ее изобрѣли, вѣрно, тѣ, которые уже видѣли, по крайней мѣрѣ, во снѣ или въ бреду чорта. Трусъ, испытавъ однажды на дѣлѣ то, чѣмъ его пугало воображеніе, можетъ сдѣлаться вдругъ храбрецомъ. И ребенокъ, боявшійся одного взгляда на розгу, перестанетъ бояться, когда узнаетъ a posteriori, что она не такъ ужасна, какъ ему прежде казалось. Но, наконецъ положимъ, вы достигли вашей цѣли; вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ,—чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклова меча, если онъ хоть вскользь убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, какъ вы думаете, — воспользуется ли онъ, или нѣтъ, своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — «быть и казаться». Покуда розга въ виду—все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду — кутежъ и разливъ. И это нравственность!—Если же у васъ въ дому или въ школѣ обстоитъ все въ такомъ отличномъ порядкѣ, что ни одинъ проступокъ ребенка не можетъ остаться незамѣченнымъ,—то на что тогда розга? Лишь бы было это убѣжденіе, и преступленій бы не было: по крайней мѣрѣ, они случались бы какъ нельзя рѣже.—Но въ этомъ-то вся и загадка. Поселите это убѣжденіе, займитесь серьезно; это не такъ

трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, хотя, конечно, это сдѣлать труднѣе, чѣмъ приготовить хорошій березовый чай. Но и это еще далеко не все. Это только шагъ къ хорошему; но есть и еще лучшее. Сдѣлайте такъ, чтобы наказаніе за проступокъ было не внѣ, а внутри виновнаго—и вы дойдете до идеала нравственнаго воспитанія. Не забудьте, что я говорю это родителямъ: у нихъ въ рукахъ и мягкая масса для моделей, и форма. Но и учители не должны забывать, что къ нимъ поступаетъ въ руки эта масса еще не совсѣмъ застывшею. Они могутъ изъ нея также еще кое-что вылѣпить.

Итакъ, розга—слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда. А чувство стыда—это такой нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ. Розга вселяетъ страхъ,—это правда,—но не исправительный, не надежный, а прикрывающій только внутреннюю порчу. Она исправляетъ только слабодушнаго, котораго исправили бы и другія средства, менѣе опасныя.

Я пишу все это только потому, что вѣрю въ слова покойнаго преосвященнаго Иннокентія. Онъ мнѣ сказалъ однажды: «всякая мысль, высказанная съ убѣжденіемъ, есть живое сѣмя, брошенное на землю; рано или поздно оно пуститъ ростки». Классъ сѣкущихъ, разумѣется, останется при своемъ убѣжденіи,—если онъ дѣйствуетъ точно по убѣжденію, а не по слѣпой привычкѣ и безтолковому подражанію; для нихъ розга, что ни говорите, все-таки останется незамѣнимою и неизбѣжною.—Но эти господа, согласные между собою въ основномъ принципѣ, не всѣ еще согласны въ способахъ, какъ его приводить въ дѣйствіе, и потому распадаются на нѣсколько сектъ.

Одна секта утверждаетъ, что надобно сѣчь сгоряча, тотчасъ же на мѣстѣ преступленія, en flagrant délit. По ея мнѣнію, и наказуемый, и наказующій въ это время бываютъ въ такомъ особенномъ настроеніи духа, что первый лучше воспринимаетъ, а второй—лучше сообщаетъ. Другая секта откладываетъ наказаніе до болѣе удобнаго времени и совершаетъ его методически, съ толкомъ и съ разстановкою. Эту секту, въ ея высшемъ развитіи, составляли древніе наши педагоги-субботники, которые сѣкали всѣхъ своихъ питомцевъ по субботамъ, сплошь и рядомъ, увѣряя, что виноватымъ это служитъ возмездіемъ за прошедшее, а не виноватымъ пригодится въ будущемъ. Далѣе, третій родъ сѣкущихъ сторонниковъ, опасаясь возбудить въ дѣтяхъ нелюбовь или ненависть къ наказующему, запрещаетъ сѣчь самимъ учителямъ и воспитателямъ, предоставляя это занятіе особеннымъ, нарочно къ тому подготовленнымъ, экспертамъ. Кажется, не нужно и упоминать, что такой дипломатическій разсчетъ могли придумать только одни отцы-іезуиты. Впрочемъ, еще замысловатѣе четвертый классъ, который не такъ давно еще у насъ сѣкъ невиноватаго, полагая этимъ исправить виноватаго, да еще и доказать ему свою любовь. Не нужно объяснять, что виновные были родныя дѣти, а невиноватые—слуги и пріемыши. Наконецъ, чтобы сдѣлать наказаніе нравственно-полезнымъ не для одного только виновнаго, а и для другихъ его товарищей, пятый родъ адептовъ розги сѣчетъ не келейно, а торжественно, съ драматическою обстановкою, и самъ еще подраздѣляется на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна призываетъ къ присутствію всѣхъ товарищей наказываемаго, чтобы ему было стыднѣе, а другая—вмѣняетъ это присутствіе въ наказаніе только однимъ провинившимся.—Вотъ съ этою-то отраслью, существованіе которой обнаруживается и въ Новороссіи, я хочу еще переговорить немного. Я уже ей сказалъ, что ея дѣйствія въ моихъ глазахъ безнравственны. Но она сомнѣвается. Будемъ судиться гласно.

— Покуда все дѣло ограничивается только одною угрозою виноватому, что его заставятъ быть при наказаніи товарища или брата, то я ничего не имѣю сказать противъ этого. Если отецъ или учитель въ минуту гнѣва накажетъ ребенка передъ его братьями или соучениками, я также не

сочту этого еще худымъ. Но если воспитатель вмѣнитъ обдуманно въ наказаніе виноватымъ присутствовать при наказаніи другихъ, и заставитъ ихъ это сдѣлать, и не однажды, то, по моему, это значитъ—или не знать вовсе человѣческаго сердца, или имѣть о немъ самое худое мнѣніе, и тѣмъ именно его портить еще болѣе, нежели оно и безъ того уже испорчено. Чего вы хотите? Поселить въ присутствующемъ отвращеніе къ наказанію? Да вы поселяете одно отвращеніе къ наказующему. Вы хотите возбудить отвращеніе къ виновному? Но вы возбуждаете къ нему сочувствіе. Развѣ можно, не огрубѣвъ душою, безъ сожалѣнія, слушать вопль и смотрѣть на борьбу сильнаго съ безсильнымъ? Какой родъ страха вы желаете развить въ вашемъ воспитанникѣ? Страхъ физическій или нравственный? Если первый,—то къ нему скоро привыкаютъ, и онъ, смотря по характеру, рано или поздно переходитъ въ тупое равнодушіе, то прямо, то постепенно восходя отъ боязни до ужаса. А если второй, то вы не достигнете вашей цѣли розгою, будете ли ею дѣйствовать a priori, или a posteriori.

Но его можетъ вселить только тотъ, кто его самъ имѣетъ, да и имѣетъ въ избыткѣ. Этотъ страхъ есть страхъ Божій, который—насъ учили—есть и начало премудрости. Можетъ быть, вы и устрашите, но только однихъ трусовъ, да и тѣ будутъ бояться не наказанія, а наказующаго.

Желаете ли вы возбудить негодованіе на виновнаго въ его товарищахъ и однокашникахъ,—а этого вы должны желать,—то вы не достигнете и этой цѣли, заставивъ, напротивъ, жалѣть его и сочувствовать его горю. Негодованіе обращается не на него, а на того, кто наказываетъ. Итакъ, исправительная мѣра, развивающая чувства, совершенно противныя тѣмъ, которыя вы хотѣли ею пробудить, по малой мѣрѣ, неприлична и неблагоразумна. Но если она еще къ тому можетъ зародить порочныя чувства, то она безнравственна. —Я знаю, что послѣдователи правилъ, упроченныхъ лишь временемъ, тяжелы на подъемъ,—и въ этомъ случаѣ они правы: время—важный аргументъ, когда оно вынесло на свѣтъ что-нибудь хорошее. Но въ этомъ-то вся и трудность. Докажите мнѣ, что при такой-то мѣрѣ дѣло шло хорошо,—да докажите еще, что хорошее именно и зависѣло отъ этой мѣры, тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розгѣ, какъ бы я мало ни былъ расположенъ къ ней. А покуда, не испытавъ ничего другого и не доказавъ, что хорошее зависитъ именно отъ нея, если вы будете ссылаться на опытъ,—даже вѣковой,—я въ правѣ вамъ не повѣрить. Въ педагогикѣ, какъ и въ другихъ практическихъ наукахъ, логика все одна: все тоже вѣчное—post hoc, ergo propter hoc—должно непремѣнно и непреложно доказывать пользу той или другой мѣры; да присоединяется и еще одно доказательство въ родѣ слѣдующаго: такой-то способъ или такое-то средство, очевидно—энергическое, а потому оно не можетъ остаться безъ слѣдствій, оно должно непремѣнно или помочь, или повредить; если же оно не вредитъ, то, слѣдовательно, помогаетъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, и въ медицинѣ: основываясь на такихъ силлогизмахъ, цѣлыя столѣтія все пускали кровь въ воспаленіяхъ легкаго. Врачъ, не пустившій кровь больному въ такомъ случаѣ, могъ попасть подъ судъ. Наконецъ, нашлись люди, которые цифрою доказали, что страдающій воспаленіемъ легкаго можетъ выздоровѣть и безъ кровопусканія, да еще и чаще, и скорѣе выздоравливаетъ. А уже если есть на свѣтѣ энергическое средство, такъ—вѣрно—кровопусканіе; оно не розгѣ чета: не каплями, а фунтами льетъ кровь. Къ чему же тутъ служила вся оффиціальная логика? Умозаключенія были правильны, опытъ также подтверждалъ, время упрочивало факты,—да позабыли только одно:—испытать, не будетъ ли хорошо и иначе, безъ энергическихъ способовъ? А на повѣрку и вышло, что энергическое-то иногда прикидывается и на видъ вовсе таковымъ не кажется.

О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій.[29]

Экстраординарныя педагогическія засѣданія и циркуляры, содержащіе въ себѣ изложеніе мнѣній гимназическихъ наставниковъ, учреждены мною съ тою цѣлью, чтобы—1) дать возможность гимназическимъ наставникамъ свободно, откровенно и безпристрастно обсудить различныя педагогическія мѣры и предлагаемые способы преподаванія; 2) познакомить ближе высшія учебныя инстанціи какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами нашихъ педагоговъ; 3) дать средство высшимъ инстанціямъ судить по этимъ взглядамъ о степени развитія нашей педагогики; 4) посредствомъ размѣна взглядовъ познакомить и сблизить одну съ другою различныя дирекціи округа; 5) наконецъ, чтобы учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ педагогическихъ мѣрахъ и способахъ преподаванія.

Поэтому никто не вздумаетъ, чтобы всѣ излагаемыя въ циркулярѣ мнѣнія, взгляды, способы преподаванія и другія предложенія гимназическихъ наставниковъ были безусловно одобряемы или принимаемы начальствомъ округа. Иначе оно бы не излагало въ этихъ циркулярахъ взглядовъ, діаметрально противоположныхъ одинъ другому, или способовъ преподаванія и мѣръ отсталыхъ и несообразныхъ съ правилами здравой педагогики. Чтобы выработать педагогическое искусство для нашихъ учебныхъ заведеній изнутри, или изъ самого себя, нужно сначала познакомиться съ нимъ такъ, какъ оно есть въ настоящее время, хорошенько промѣрить его уровень и узнать, хотя приблизительно, направленіе большинства нашихъ педагоговъ. Съ другой стороны, для нихъ необходимо узнать, какъ смотритъ учебное начальство округа на ихъ взгляды и предлагаемыя ими мѣры, или, другими словами: имъ нужно также хорошо знать направленіе учебнаго начальства, какъ и ему—направленіе подвѣдомственныхъ лицъ. Въ педагогикѣ, возведенной на степень искусства, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, нельзя мѣрить дѣйствіи всѣхъ дѣятелей по одной мѣркѣ, нельзя закабалить ихъ въ одну форму; но, съ другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти дѣйствія были совершенно произвольны, неправильны и діаметрально-противоположны. Какъ то, такъ и другое противорѣчитъ духу здравой педагогики, успѣхъ которой въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ зависитъ, очевидно, отъ правильности и гармоническаго единства дѣйствій главныхъ ея дѣятелей. Итакъ, педагогическія совѣщанія столько же необходимы для наставниковъ, сколько и для самого учебнаго начальства. Но чтобы и наставники, и начальство, извлекли изъ нихъ существенную пользу, необходимо согласиться въ началахъ. Совѣщанія не могутъ быть истинно научными, если оня не будутъ чисто коллегіальными и если всѣ голоса совѣщателей не будутъ равны. Въ этомъ мы всѣ, конечно, согласны. Но можно ли согласиться, чтобы въ дѣлѣ педагогическомъ, слѣдовательно въ дѣлѣ науки и искусства, верховнымъ судьею было наше общественное мнѣніе, и именно наше, еще не развитое, шаткое и даже нисколько не общественное? Намъ многое еще придется уяснять и развивать прежде, нежели мы будемъ въ правѣ положиться въ дѣлахъ науки и искусства на мнѣніе нашего общества, едва-едва начинающаго имѣть, да и то еще смутное, понятіе о сущности воспитанія и об-

разованія. У насъ не образовалось еще порядочнаго сужденія между экспертами, а мы уже хотимъ аппелировать, обращаясь къ цѣлому обществу, которое должно сначала поучиться и кое-что заимствовать отъ людей науки. Для чего-же не постараться сначала, чтобы хорошо выработалось, путемъ научнымъ, общественное мнѣніе нашихъ педагогическихъ учрежденій? Неясно также и то, какъ можетъ быть критика, хотя бы она была и оффиціальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе. Наконецъ, рѣшительно неясно уже, почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно того и требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ,—будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ или высшею инстанціею,—конечно, нисколько не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно. Но какъ же можно осуществить мысль, чтобы приговоръ дѣлали у насъ одни педагоги, избранные общественнымъ мнѣніемъ? Если въ этомъ случаѣ подъ именемъ общественнаго мнѣнія разумѣть мнѣніе большинства всѣхъ нашихъ ученыхъ экспертовъ, то, конечно, это было бы справедливо и прекрасно; но покуда у насъ еще не существуетъ такого ареопага; предоставить же рѣшеніе педагогамъ, избраннымъ общественнымъ мнѣніемъ публики, которыхъ еще нѣтъ на лицо, будетъ дѣломъ въ настоящее время по малой мѣрѣ ненадежнымъ и несбыточнымъ. Гдѣ, какъ и чѣмъ выразится это мнѣніе,—если бы оно дѣйствительно существовало? Кто поручится, что мнѣніе, которое вы называете общественнымъ, не есть мнѣніе одной партіи? Остается, слѣдовательно, одно, и именно то, что покуда и дѣлается,—хотя и съ грѣхомъ пополамъ: предоставить рѣшеніе большинству голосовъ коллегіальнаго учрежденія, считая,—хотя и по-неволѣ,—его членовъ опытнѣйшими педагогами. И я не вижу, почему бы можно было менѣе вѣрить этому большинству, чѣмъ другому, составляющему общественное мнѣніе нашей публики? Если у насъ существуютъ причины, которыя препятствуютъ большинству коллегіальныхъ учрежденій дѣлать безпристрастные и вѣрные— приговоры, то тѣ же самыя причины существуютъ и для большинства публики. Причины же эти очевидны, и изъ нихъ одна,—самая главная,—есть недостатокъ основательнаго образованія и шаткость убѣжденій. Эта шаткость обнаруживается вездѣ и даже въ понятіи о главныхъ основахъ тѣхъ учрежденій, члены которыхъ, казалось бы, должны были имѣть, судя по степени ихъ образованія, болѣе ясныя понятія. Какъ иначе объяснить тѣ странные взгляды, которые, напримѣръ, имѣютъ члены коллегіальныхъ педагогическихъ учрежденій о дѣйствіяхъ меньшинства; какъ объяснить иначе, что одни члены этихъ учрежденій стараются ограничиться только исполненіемъ формальныхъ требованій, а другіе, считающіе себя прогрессистами, ищутъ выраженія общественнаго мнѣнія у толпы незрѣлыхъ учениковъ? — Не лучше ли же, при такой шаткости нашихъ убѣжденій, похлопотать предварительно о лучшей организаціи той среды, къ которой мы принадлежимъ, и постараться, путемъ убѣжденія и добросовѣстнаго труда, развить здравое мнѣніе объ обязанностяхъ въ этой самой средѣ?—Обращаясь къ самымъ первоначальнымъ основаніямъ педагогики, мы видимъ, что 1) еще не всѣ гимназическіе наставники (даже новаго поколѣнія) отдаютъ преимущество тому способу преподаванія, который наиболѣе содѣйствуетъ къ развитію душевныхъ способностей учащихся; 2) что не всѣ еще наставники отвергаютъ пользу и необходимость заучиванія. Дѣйствительно, въ дѣлѣ практической педагогики, какъ и вообще во всѣхъ дѣлахъ жизни, нельзя ничего ни отвергать, ни принимать безусловно. Въ практической жизни рѣдко кому-либо удается быть такимъ твердымъ и счастливымъ, чтобы про-

вести свои убѣжденія совершенно послѣдовательно, не сбиваясь, безъ исключеній и не давая поблажки обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ преніяхъ нашихъ гимназическихъ наставниковъ о педагогическихъ принципахъ, какъ и всегда во всѣхъ преніяхъ, споръ идетъ болѣе о словахъ, нежели о сущности дѣла. Одни говорятъ, что преподаваемая наука должна служить сама себѣ цѣлью, что главная и единственная цѣль преподаванія есть сообщеніе и усвоеніе знанія. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что въ гимназіяхъ каждая наука не есть цѣль, а только средство; главное же есть развитіе способностей. Но кто не пойметъ, что съ какою бы цѣлью вы ни излагали науку, все-таки знаніе есть и всегда будетъ conditio sine qua non для достиженія этой цѣли. Въ этомъ, вѣрно, согласны обѣ стороны. Но какое знаніе?

Вѣрно, ни тѣ, ни другіе сторонники не будутъ защищать то оффиціально-школьное знаніе, которое я, пожалуй, назову экзаменаціоннымъ и классно-переводнымъ. Вѣрно, и тѣ, и другіе, искренно желаютъ, чтобы ихъ ученики усвоили себѣ, сколько можно сознательнѣе, истинное знаніе науки. Такое знаніе не можетъ быть однимъ чисто-формальнымъ; оно непремѣнно должно касаться и самаго содержанія; оно всегда будетъ сообразно и съ возрастомъ, и со способностями ученика. Если такъ, то о чемъ же споръ? Всякій, кто самъ учился не напрасно, долженъ знать по опыту, что въ каждой наукѣ, или по крайней мѣрѣ, въ каждой группѣ наукъ, есть своя собственная образовательная сила, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и на характеръ ученика, какъ скоро истинное знаніе науки имъ будетъ дѣйствительно усвоено. Слѣдовательно, тотъ наставникъ, который излагаетъ науку такъ, что она сознательно усвояется ученикомъ, уже eo ipso и дѣйствуетъ на развитіе его душевныхъ способностей. Итакъ, главное—для учителя—съумѣть изложить свой предметъ именно такъ, чтобы ученикъ его усвоилъ. Вотъ объ этомъ-то и нужно разсуждать: докажите на опытѣ фактами, что вашъ способъ преподаванія достигаетъ именно этой цѣли, тогда вы тѣмъ самымъ непремѣнно докажете, что та или другая способность вашего ученика развилась посредствомъ вашего способа преподаванія. Взявъ отвлеченно, главная заслуга будетъ, конечно, принадлежать не вамъ, а образовательной силѣ самой науки; но практически наука безъ лицъ не существуетъ, слѣдовательно все-таки заслуга останется за вами. Правда, образовательная сила каждой науки распространяется не на одну только, а болѣе или менѣе на всѣ способности учащагося; которая же именно изъ его способностей разовьется наукою по преимуществу—будетъ зависѣть отъ четырехъ условій: 1) отъ свойства самой науки; 2) отъ личности и степени развитія ученика; 3) отъ личности и степени образованія учителя и 4) отъ способа преподаванія избраннаго имъ предмета. Итакъ, вотъ опять важный предметъ для обсужденій. Доказывайте опять фактами, что избранный вами способъ преподаванія соотвѣтствуетъ лучше, чѣмъ другой, степени развитія и личностямъ большей части вашихъ учениковъ.

То же должно замѣтить и о необходимости заучиванія. Одни говорятъ, что заучиваніе есть остатокъ прежней схоластической рутины, требовавшей «jurare in verba magistri»; что оно не только не развиваетъ учениковъ, но, напротивъ, подавляетъ всякое умственное и душевное развитіе. Другіе говорятъ, что «заучиваніе необходимо, что его нечего пугаться, что безъ него нельзя совсѣмъ научиться нѣкоторымъ предметамъ (напримѣръ, иностраннымъ языкамъ и грамматическимъ формамъ), что безъ него преподаваніе можетъ обратиться въ игрушку» и проч. Но, слава Богу, у насъ уже нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ приверженцевъ заучиванія, которые не требовали бы вмѣстѣ съ заучиваніемъ, чтобы оно было разумно. Что же значитъ это требованіе? Что значитъ это разумное заучиваніе? Не то ли, что оно не должно быть дѣломъ одной памяти,

а разумнымъ усвоеніемъ знанія. Если такъ, то и спорить не о чемъ. Всѣ знаютъ, что одинъ разумъ, безъ памяти, не можетъ дѣйствовать. Нельзя составить ни одного силлогизма, даже и энтимемы, безъ памяти. Кто забудетъ первую или вторую посылку, тотъ и до заключенія не доберется. Но можно ли разумное и, слѣдовательно, сознательное усвоеніе знанія памятью назвать заучиваніемъ? Это—вопросъ, о которомъ если будемъ спорить, то будемъ спорить о словѣ, а не о дѣлѣ. Отъ разумно-заучивающаго, или, лучше, отъ разумно-помнящаго дѣло, вѣрно, никто не будетъ требовать, чтобы онъ всегда отвѣчалъ учителю слово въ слово по книгѣ или по тетрадкѣ. Никто также не скажетъ, что подчиненіе памяти разуму обращаетъ преподаваніе въ игрушку, потому только, что оно облегчаетъ знаніе, дѣлая его сознательнымъ, или, лучше, дѣлая его именно тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, то-есть истиннымъ знаніемъ.

Упомяну, наконецъ, еще объ одномъ взглядѣ на гимназическое преподаваніе. Этотъ взглядъ, оставленный безъ обсужденія, могъ бы подать поводъ къ пренію уже не объ однихъ словахъ. Утверждаютъ, что много времени теряется понапрасну «въ спрашиваніи уроковъ, которое, при раціональномъ воспитаніи, совершенно не нужно». Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что «нужно задавать ученикамъ не только то, что во время каждой лекціи объяснено, но и требовать, чтобы они повторили предыдущій урокъ, и такъ продолжать распоряжаться съ репетиціею и урокомъ въ теченіе цѣлаго года. По этому способу ученикъ повторяетъ каждую лекцію два раза, и то въ скоромъ времени послѣ объясненія оной. При этомъ нужно еще, чтобы ученики составляли для себя конспекты по изученному ими предмету». Вотъ какія противоположныя мнѣнія еще господствуютъ въ нашей педагогикѣ! Вотъ какъ мало мы имѣемъ еще положительныхъ правилъ о выгодахъ и невыгодахъ той или другой методы преподаванія! Какъ далеки мы еще отъ того, чтобы дѣйствовать сообща, по опредѣленнымъ и точнымъ началамъ! Одни изъ нашихъ гимназическихъ учителей смотрятъ на свои обязанности, какъ профессоры университета, и считаютъ уроки безполезными; другіе находятъ спасеніе только въ репетиціяхъ и конспектахъ! Но разберите и обсудите безпристрастно, и вы увидите, что во всѣхъ этихъ крайностяхъ есть доля правды. Примѣните и сюда тѣ же четыре условія, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе образовательной силы на развитіе той или другой способности ученика, и вы увидите, въ чемъ дѣло. Нельзя всѣхъ и каждаго стричь подъ одинъ гребень, а дѣйствовать разумно, примѣняясь къ свойству самого предмета, къ личности и степени развитія учениковъ и самихъ учителей,—вотъ въ чемъ заключается главное дѣло педагогическаго искусства. Это-то и должно быть по преимуществу предметомъ обсужденія педагогическихъ совѣтовъ. Что касается до меня, то я раздѣляю объ этомъ предметѣ мнѣніе, что «учитель никогда не долженъ проводить рѣзкой черты между т.-н. спрашиваніемъ и объясненіемъ урока». Метода преподаванія, наиболѣе соотвѣтствующая духу гимназическаго ученія, есть, и по моему мнѣнію, та, которую употреблялъ Сократъ. Но какъ Сократовъ, сколько мнѣ извѣстно, еще нѣтъ между нашими учителями, то, конечно, нельзя и вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они такъ же излагали свой предметъ, какъ это дѣлалъ греческій философъ. Сократовъ способъ требуетъ большой сноровки и логики. Немногіе владѣютъ искусствомъ дѣлать логическія наведенія, такъ, чтобы учащіеся незамѣтно и непринужденно доходили до сознательнаго отвѣта на заданный вопросъ. Но какъ бы ни были различны личныя способности, свѣдѣнія и степень развитія нашихъ наставниковъ и какъ бы далеко они ни отстояли отъ Сократа, все-таки они всѣ должны почитать прямою ихъ обязанностью удерживать внимательность цѣлаго класса въ постоянномъ напряженіи. И въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что весь успѣхъ «гимна-

зическаго ученія основанъ на взаимодѣйствіи учителя и учениковъ». Я бы желалъ, чтобы педагогическіе совѣты гимназій серьезно занялись изобрѣтеніемъ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія внимательности въ нашихъ классахъ. Опытъ убѣдилъ меня, что въ нашихъ гимназіяхъ еще весьма немногіе изъ учителей обратили свое вниманіе на внимательность учениковъ. Входя въ классъ, видимъ учениковъ, сидящихъ предъ раскрытыми учебниками; одинъ изъ учениковъ, обыкновенно, стоитъ и отвѣчаетъ; другіе сидятъ и читаютъ про себя въ книгѣ или тетрадкѣ; никто не слѣдитъ за отвѣтами товарища; немногіе слушаютъ учителя. Я не разъ пробовалъ останавливать отвѣчающаго на недоконченномъ отвѣтѣ, заставляя продолжать другого, сидящаго чрезъ одну или двѣ скамейки, и нерѣдко убѣждался, что онъ совсѣмъ и не слышалъ, о чемъ шло дѣло. Можно ли ожидать успѣха при такомъ способѣ преподаванія? можно ли думать, что гимназистъ, привыкшій быть невнимательнымъ, или, лучше, не научившійся быть внимательнымъ въ классѣ, будетъ съ пользою посѣщать университетскія лекціи, гдѣ онъ уже совершенно предоставленъ самому себѣ? Быть внимательнымъ къ словамъ и мыслямъ другого есть искусство, и искусство не легкое, которому нельзя научиться, не упражнявшись съ раннихъ лѣтъ; а кто не научился ему въ школѣ, тотъ не годится и для университета. Пора, пора понять намъ, что обязанность гимназическаго учителя не состоитъ только въ одномъ сообщеніи научныхъ свѣдѣній, и что главное дѣло педагогики состоитъ именно въ томъ, какъ эти свѣдѣнія будутъ сообщены ученикамъ. Ошибаются тѣ изъ наставниковъ, которые думаютъ, что они все уже сдѣлали, если изложили науку ученикамъ въ современномъ ея видѣ. Наука—дѣло великое, безграничное, едва достижимое и для жизни, не только для школы. Если школѣ удастся сдѣлать учениковъ воспріимчивыми къ наукѣ, дать имъ сознательное научное направленіе, поселить въ нихъ любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ наукою, то больше ничего и требовать нельзя.

Школа только тогда достигаетъ своего назначенія, когда вышедшій изъ нея ученикъ будетъ понимать, что такое научная истина,—когда ему будетъ указано, что такое истинная наука и когда онъ научится вырабатывать ее изъ себя самого, сознательно и самостоятельно. Но этого-то именно наши школы, если и постигаютъ, то еще далеко не достигаютъ. И могутъ ли онѣ достигнуть, если не стараются всѣми силами развить вниманіе учениковъ,—это первое и основное условіе всякой, и научной, и практической, самостоятельности. Разсмотрите начало всякой науки, всякаго открытія, читайте жизнеописанія высокихъ дѣятелей науки, и вы убѣдитесь, что первымъ основаніемъ всему была внимательность. Только тотъ постигалъ истину, кто внимательно изучалъ природу, людей и самаго себя.

Итакъ, я предлагаю дирекціямъ, ревностно заботящимся о распространеніи истинно-научнаго образованія, возбудить въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ слѣдующіе жизненные вопросы нашей педагогики: 1) какой способъ изложенія, при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ, долженъ считаться удобнѣйшимъ для сознательнаго усвоенія каждой науки? 2) какъ направить изложеніе каждаго предмета къ развитію той или другой душевной и умственной способности большей части нашихъ учащихся? и 3) какими мѣрами возбудить и поддержать внимательность цѣлаго класса, столь необходимую для усвоенія науки?

Основныя начала правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа.[30]

Въ дѣлѣ воспитанія,—будетъ-ли оно домашнее, или общественное,—всегда, болѣе или менѣе, преобладаетъ одно изъ трехъ началъ: призваніе, администрація и спекуляція.

По призванію воспитываютъ дѣтей только нѣкоторые, немногіе родители и нѣкоторые избранные педагоги. Въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ господствуетъ административное начало, а въ большей части частныхъ школъ и пансіоновъ—спекуляція. Это такъ есть, и не можетъ быть иначе, при современномъ состояніи нашего общества, хотя собственнно одно только призваніе должно бы быть господствующимъ началомъ воспитанія. Понятно, что правила, которымъ слѣдуютъ призванный педагогъ, воспитатель—чиновникъ и воспитатель—спекулянтъ, если и не діаметрально противоположны, то, по крайней мѣрѣ, весьма различны. Первый слѣдуетъ внутреннему внушенію; второй—предписаніямъ и постановленіямъ начальства; третій—тому, что приноситъ ему самому больше выгоды. Правда, въ образованномъ обществѣ и призванный, и администраторъ, и спекулянтъ не могутъ безнаказанно отступать вовсе отъ началъ, принимаемыхъ современною педагогикою; но, тѣмъ не менѣе, всѣ основныя педагогическія правила, въ рукахъ каждаго изъ этихъ трехъ воспитателей, принимаютъ другой характеръ и другое направленіе, а потому и исполненіе ихъ даетъ другой результатъ. Кромѣ того, самое педагогическое искусство,—смотря по тому, будетъ ли оно этими воспитателями приспособлено къ домашнему или общественному воспитанію,—также получаетъ другой характеръ. Такъ, при воспитаніи массъ, въ многолюдныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, и призванные, и спекулянты, принужденные дѣйствовать по однообразнымъ и опредѣленнымъ предписаніямъ начальства, невольно дѣлаются воспитателями-чиновниками. Въ этихъ учрежденіяхъ почти совсѣмъ исчезаетъ возможность индивидуализировать, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается невозможнымъ и примѣненіе одного изъ самыхъ основныхъ правилъ педагогики, предписывающаго сообразоваться, въ каждомъ данномъ случаѣ, съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника. Дѣло воспитанія въ большихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ ни съ чѣмъ нельзя лучше сравнить, какъ съ медицинскою практикою въ большихъ госпиталяхъ, которая также, по невозможности хорошо индивидуализировать, рѣзко отличается отъ частной практики. Невозможность вникать въ натуру каждаго воспитанника, въ большихъ общественныхъ учрежденіяхъ, нарушаетъ и тѣ сердечныя, патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитаннику, которыя составляютъ отличительную черту домашняго, родительскаго и того воспитанія, которымъ (въ малыхъ объемахъ) занимаются педагоги по призванію. Счастливое время патріархальныхъ отношеній—если оно когда либо и существовало въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ—прошло. Теперь, подъ предлогомъ этой патріархальности, нерѣдко ждешь не добра, а скрытыхъ злоупотребленій. Прислушиваясь къ говору учениковъ въ школахъ, не только ничего не услышишь о сердечной привязанности ихъ къ наставникамъ, но, напротивъ, еще узнаешь, что не существуетъ даже и довѣрія къ справедливости и правосудію воспитателей. При такомъ положеніи дѣла толковать объ отече-

скихъ отношеніяхъ директоровъ, инспекторовъ, надзирателей и учителей къ воспитанникамъ—значило бы, фарисействовать или не хотѣть видѣть того, что уже слишкомъ ясно. Еще недавно педагогическій совѣтъ одной изъ гимназій округа, осуждая провинившагося ученика, раздѣлился на двѣ противныя стороны, изъ которыхъ одна утверждала, что учители должны быть отцами, а другая,—что они должны быть братьями учениковъ. Я замѣтилъ на это, что наставники, по моему мнѣнію, должны остаться тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, то-есть ни болѣе и ни менѣе, какъ наставниками. И теперь, предлагая дирекціямъ округа принять въ руководство прилагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, я полагаю имъ въ основаніе это убѣжденіе. Убѣжденный опытомъ, что патріархальныя отношенія учащихъ къ учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлались миѳомъ, обольщающимъ только однихъ непосвященныхъ, я предлагаю оставить въ покоѣ недостижимое, а обратиться лучше къ усовершенствованію другой, болѣе практической, стороны общественнаго воспитанія. Не входя въ разсмотрѣніе, худо ли, или хорошо, что административное начало преобладаетъ въ большихъ учебныхъ учрежденіяхъ и принимая это какъ «un fait accompli», я полагаю, что при такомъ состояніи дѣла нужно, по крайней мѣрѣ, извлечь все хорошее изъ этого начала и приспособить его какъ можно лучше къ воспитанію ввѣреннаго намъ юношества. Хорошаго же въ этомъ началѣ я вижу то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать къ развитію въ дѣтяхъ чувства законности Это чувство, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ, между тѣмъ, столько не нужно, какъ у насъ, въ Россіи. Всѣ мы ощущаемъ крайнюю необходимость развить въ насъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, это жизненное условіе гражданственности, взаимнаго довѣрія и прогресса. Но административное начало нашихъ воспитательныхъ учебныхъ учрежденій можетъ достигнуть этой важной цѣли только тогда, когда: 1) всѣ начальники и наставники заведеній, при обсужденіи отношеній ихъ къ воспитанникамъ, при разсмотрѣніи поступковъ учащихся и при опредѣленіи наградъ и наказаній, будутъ безпристрастно и вѣрно слѣдовать одним ъ, извѣстнымъ и точно опредѣленнымъ, правиламъ и постановленіямъ; 2) когда сами учащіеся, съ перваго вступленія въ школы, будутъ хорошо ознакомлены съ правилами и постановленіями, касающимися ихъ проступковъ и наказаній, и когда они будутъ хорошо знать, что ожидаетъ ихъ за сдѣланный ими проступокъ, и 3) когда учащіеся будутъ убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ, и что каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка. Очевидно, что всѣмъ этимъ требованіямъ нельзя удовлетворить иначе, какъ составленіемъ кодекса; но, очевидно, также и то, что одинъ кодексъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, еще недостаточенъ; нужны и лица, понимающія всю важность цѣли. Какъ правила безъ исполнителей, такъ исполнители безъ правилъ ничего не сдѣлаютъ. Какъ бы исполнители ни желали остаться вѣрными ихъ призванію и долгу, они ничего путнаго не сдѣлаютъ, если будутъ идти по пословицѣ: «кто въ лѣсъ, а кто по дрова», и если, не имѣя точныхъ и опредѣленныхъ правилъ, одни изъ нихъ, за одинъ и тотъ же проступокъ и въ одномъ и томъ же заведеніи, будутъ наказывать учащагося, а другіе—смотрѣть на него сквозь пальцы. Не хорошо тоже и то, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ, одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе—прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя развиться чувству

законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законнности. Произволъ и капризъ воспитателя вызываютъ, по закону противодѣйствія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ. А что всѣ эти разнорѣчія и упущенія, о которыхъ я сейчасъ намекнулъ, дѣйствительно существуютъ въ учебныхъ заведеніяхъ нашего округа, я вижу и изъ протоколовъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, и изъ статистическихъ данныхъ о наказаніяхъ, вытребованныхъ мною отъ разныхъ дирекцій. Изъ этихъ данныхъ я вижу, что не только въ разныхъ дирекціяхъ существуютъ различныя наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ, но и одно и то же наказаніе употребляется съ разною цѣлью. Для примѣра я приведу здѣсь краткій перечень тѣлесныхъ наказаній, опредѣленныхъ различными дирекціями. Разность въ численности этихъ наказаній нельзя объяснить различною численностью учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ неопредѣленностью взглядовъ гг. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ.—Такъ, въ 1858 г. наказано было розгами: 1) въ кіевской 2-й гимназіи изъ 625—43; 2) въ житомірской—изъ 600—290; 3) въ немировской—изъ 600—67; 4) въ подольской—изъ 400—37; 5) въ полтавской изъ 399—39; 6) въ ровенской—изъ 300—6; 7) въ нѣжинской—изъ 260—20; 8) въ новгородсѣверской—изъ 250—8; 9) въ черниговской изъ 240—18; 10) въ бѣлоцерковской—изъ 220—38; 11) въ кіевской 1-й гимназіи—изъ 215—3. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й кіевской, напримѣръ, и житомірской гимназій такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (600—625) высѣчены были въ прошломъ году только 43, а въ другой—почти 300 учениковъ! Итакъ, убѣжденный вполнѣ, что 1) при господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія можетъ служить только развитіе чувства законности и справедливости между учащимися; что 2) главнымъ средствомъ къ развитію этого чувства могутъ служить точныя, положительныя и одинаковыя (для всѣхъ дирекцій) правила о проступкахъ и наказаніяхъ, я подвергъ все это дѣло, столь важное по его слѣдствіямъ для воспитываемаго юношества, тщательному обсужденію. Съ этою цѣлью составленъ былъ мною особый комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ; членами комитета были: помощникъ попечителя, директоры, инспекторы двухъ кіевскихъ гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессоры и нѣкоторые учители. Обсудивъ тщательно всѣ мнѣнія, касающіяся этого предмета, я предлагаю теперь дирекціямъ ввести, на первое время, для гимназій, въ видѣ опыта, слѣдующія опредѣленія комитета, вполнѣ раздѣляемыя и мною. Но прежде, нежели приступлю къ подробному изложенію опредѣленій комитета, я считаю необходимымъ предпослать еще нѣкоторыя начала, служившія основаніемъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, исходною точкою которыхъ было развитіе въ воспитанникахъ чувства законности и правды. 1) Для искорененія вредныхъ убѣжденій, распространенныхъ между учащимися, что произволъ воспитателей, капризъ и личность управляютъ ихъ поступками и дѣйствіями, необходимо распространить и усилить дѣятельность и нравственное вліяніе педагогическихъ совѣтовъ. Всѣмъ извѣстно, какъ въ настоящее время ослабѣло нравственное вліяніе учителей на поступки уча-

щихся. Изъ мнѣній, сообщенныхъ мнѣ педагогич. совѣтами, я вижу даже, что нѣкоторые наставники полагаютъ внѣ своихъ обязанностей слѣдить за нравственностью учениковъ, разсматривая себя какъ бы назначенными только для одного научнаго преподаванія и относя все остальное къ обязанностямъ директора, инспектора и надзирателей. Такимъ образомъ въ нашихъ школахъ произошло, съ одной стороны, вредное разъединеніе учебной и административно-полицейской части, а съ другой стороны—то, что одни и тѣ же лица сдѣлались и слѣдователями проступковъ, и опредѣлителями наказаній. Отсюда и начало недовѣрія, господствующаго между учащимися (особенно высшихъ классовъ) къ справедливости суда. Итакъ, чтобы возстановить это довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и нравственное вліяніе учителей, нѣтъ другого, болѣе вѣрнаго, средства, какъ распространить дѣйствіе педагогич. совѣта и предоставить ему, въ большей части случаевъ, опредѣленіе наказаній; для обсужденія же тѣхъ проступковъ, которые предоставляются суду надзирателей, инспектора и директора, включить въ число слѣдователей (по очереди или по выбору) и нѣкоторыхъ членовъ совѣта. Опытъ доказываетъ, что заключенія и опредѣленія педагогич. совѣта несравненно болѣе пользуются довѣріемъ между учащимися, чѣмъ рѣшенія одного лица, будетъ ли оно второстепенное въ заведеніи, какъ учители и надзиратели,—или главное, какъ директоръ. Поэтому необходимо также,—что и совершенно согласно съ существующимъ уставомъ,—чтобы и правомъ опредѣлять тѣ наказанія, которыя имѣютъ болѣе сильное вліяніе на нравственность учащихся, пользовался преимущественно одинъ педагог. совѣтъ, а инспекторъ и директоръ имѣли бы право распоряжаться преимущественно въ случаяхъ экстренныхъ и нетерпящихъ никакого отлагательства. Эта мѣра нисколько не уменьшитъ уваженія учащихся къ этимъ лицамъ, но еще, напротивъ, устранивъ причину подозрѣній и нареканій о личностяхъ, капризѣ и произволѣ, заставитъ ихъ болѣе довѣрять своимъ непосредственнымъ начальникамъ, а слѣдовательно и болѣе уважать ихъ. 2) Введеніе предлагаемыхъ здѣсь правилъ и постановленій, конечно, не имѣетъ цѣли распространить между учащимися вредное убѣжденіе, что участь провинившихся будетъ зависѣть единственно отъ одного только мертваго кодекса. Напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло—точное изслѣдованіе и правосудное приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю, все-таки предоставлено воспитателямъ. Какъ въ каждомъ судопроизводствѣ, такъ, особливо, и въ дѣлѣ воспитанія, при обсужденіи проступковъ учащихся, все зависитъ отъ слѣдователей и судей, примѣняющихъ законъ къ случаю. Поэтому введеніе кодекса нисколько не нарушитъ нравственной связи между воспитателями и воспитанниками. Напротивъ, учащіеся, съ одной стороны, скоро поймутъ, что ихъ дѣйствія подчиняются не только мертвой буквѣ закона, но и живой силѣ убѣжденія ихъ воспитателей о мѣрѣ вины и степени наказанія, съ другой же стороны—введеніемъ кодекса учащіеся убѣдятся, что и самые ихъ воспитатели руководствуются, при обсужденіи проступковъ, не произволомъ, а точными и опредѣленными постановленіями. 3) Главная цѣль наказаній въ учебныхъ заведеніяхъ есть исправленіе. А когда надежда исправить виновнаго вовсе потеряна, то предстоитъ трустная необходимость удалить неисправимаго, для блага цѣлаго заведенія. Необходимостью существованія этой мѣры и отличается воспитаніе въ заведеніяхъ отъ частнаго или семейнаго воспитанія. Воспитатели, имѣя это въ виду, должны, при обсужденіи каждаго проступка, хорошо вникнуть въ тѣ обстоятельства, которыя его сопровождали и ему предшествовали. Потому-то необходимо, при каждомъ проступкѣ, принимать во вниманіе: усиливающія, ослабляющія и вовсе отъ наказанія освобождающія условія. Всѣ они изложены, съ этою цѣлью, въ особой графѣ приложенной таблицы проступковъ

и наказаній. Учащіеся должны имѣть и объ этихъ обстоятельствахъ точныя свѣдѣнія. 4) Никто изъ провинившихся не долженъ отговариваться и извиняться незнаніемъ правилъ и постановленій. Ничто столько не содѣйствуетъ къ развитію чувства законности, какъ точное знаніе закона. Итакъ, прежде, нежели мы приступимъ къ осуществленію изданныхъ правилъ на дѣлѣ, необходимо ознакомить учащихся въ точности съ сущностью самаго дѣла. Съ этою цѣлью предлагается дирекціямъ развѣсить во всѣхъ классахъ прилагаемыя здѣсь таблицы кодекса. Весьма полезно было бы, если-бы воспитатели молча подводили воспитанника, послѣ каждаго совершеннаго имъ проступка, къ таблицѣ и указывали ему на то, что его ожидаетъ. Напоминая такимъ образомъ виновному, воспитатель даетъ ему почувствовать, что слѣдуемое за вину наказаніе будетъ опредѣлено не произволомъ, а по закону. 5) Но, какъ бы строго и безпристрастно мы ни наказывали виновныхъ за каждый проступокъ, мы не должны забывать, что этимъ не уничтожается самая причина зла. Дѣйствуя на проступки, мы не всегда еще дѣйствуемъ на пороки, служащіе имъ основаніемъ. Наши дѣйствія можно назвать въ этомъ случаѣ болѣе паліативнымъ, нежели радикальнымъ леченіемъ. Корень зла, и послѣ наказанія за вину, еще остается въ душѣ виновнаго, хотя и то правда, что, не давая ему пускать на свѣтъ отростки, мы прекращаемъ, по крайней мѣрѣ, обнаруживаніе зла; а это уже много значитъ. Зло питается зломъ. Препятствуя ему обнаруживаться и сегодня, и завтра, мы можемъ, наконецъ, и того достигнуть, что оно совершенно заглохнетъ. Но все-таки эта мѣра еще недостаточна. Нужно стараться, по мѣрѣ силъ, прямо дѣйствовать па самый корень. Для этой цѣли я предлагаю воспитателямъ, принимающимъ къ сердцу ихъ служеніе дѣлу воспитанія (а именно въ закрытыхъ заведеніяхъ), завести у себя карманные журналы, въ которыхъ бы они отмѣчали, съ надлежащею подробностью и только для себя, всѣ замѣченные ими поступки учениковъ, ихъ образъ мыслей и т. п. Записать въ классный, оффиціальный журналъ или въ кондуитный списокъ: шалилъ, лѣнился, наказанъ за ослушаніе, и т. п., нетрудно; но если поступокъ не описанъ подробно и если ни слова не будетъ упомянуто о сопровождавшей его обстановкѣ и о другихъ, повидимому, мелочныхъ, но, тѣмъ не менѣе, характеристическихъ обстоятельствахъ, то потомъ безпристрастному судьѣ трудно будетъ судить о мотивахъ проступка и трудно будетъ узнать, что было его причиною: легкомысліе, темпераментъ, предшествовавшее воспитаніе или испорченность воли. Собравъ же, посредствомъ такихъ журналовъ, подробныя фактическія свѣдѣнія о поведеніи, характерѣ, темпераментѣ учащагося, легче будетъ попасть на корень зла, и какъ бы ни было трудно въ большихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ индивидуализированіе воспитанниковъ, но все-таки, при рвеніи и любознательности воспитателей, оно въ извѣстной степени можетъ быть осуществлено этимъ способомъ. Само по себѣ разумѣется, что воспитатели, занимаясь веденіемъ такихъ журналовъ, должны поступать осторожно и не обращаться къ помощи самихъ учениковъ; иначе вмѣсто добра они будутъ способствовать къ развитію наушничества и шпіонства, какъ это было въ школахъ іезуитскихъ. 6) Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется неоткрытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ, случаевъ строгія тѣлесныя наказанія. Извѣстно, что, какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно

привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеалъ справедливаго наказанія есть то, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самого проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе: Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ: она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на адмистративномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ и возмущающимъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для ихъ наказанія (по крайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства.

Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію. 7) Извѣстно, что во всѣхъ учебныхъ учрежденіяхъ рано или поздно развивается духъ корпораціи, который, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ и повредить законности, и поддержать ее. Онъ дѣлается вреднымъ, когда корпорація организуется тайно, или когда она вовсе не организована, а существуетъ по одному преданію и, такъ сказать, инстинктивно. Еще хуже бываетъ, когда въ основаніе ея принято какое-нибудь ложное, несовременное и незаконное начало. Напротивъ, корпоративный духъ много содѣйствуетъ распространенію законности и нравственной связи между учащимися и цѣлымъ учрежденіемъ, когда основаніемъ корпораціи служитъ благородное научное соревнованіе, чувство чести и собственнаго достоинства. Главная задача педагогіи состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь этою естественною наклонностью человѣка, живущаго въ обществѣ, проявляющеюся съ самаго его дѣтства, дать ей надлежащее направленіе и устремить ее къ развитію чувства законности, правды и чести. Безъ сомнѣнія, примѣненіе корпоративнаго духа, болѣе или менѣе господствующаго въ нашихъ училищахъ, къ педагогическимъ цѣлямъ должно быть дѣлаемо съ большою осторожностью. Такимъ образомъ характеръ нѣкоторыхъ проступковъ учащихся можетъ быть несравненно точнѣе опредѣленъ ими самими, нежели воспитателями. Существуютъ, напримѣръ, такіе проступки, причину и значевніе которыхъ разузнать нельзя иначе, какъ посредствомъ товарищей виновнаго, и именно потому, что эти проступки преимущественно касаются взаимныхъ отношеній одного учащагося къ другимъ. Если же педагогъ вздумаетъ воспользоваться этимъ средствомъ и прибѣгнетъ, для обнаруженія виновнаго и причины его проступка, къ помощи его товарищей, то онъ, очевидно, на-

рушитъ нравственное основанiе воспитанiя, нарушитъ взаимное довѣрiе и ту связь учащихся между собою и съ ихъ воспитателями, которая такъ необходима для всякаго учебнаго учрежденiя. Поэтому, въ подобныхъ случаяхъ, здравая педагогика требуетъ, чтобы разслѣдованiе и, въ извѣстной степени, и самый судъ виновнаго были болѣе предоставлены его товарищамъ, нежели наставникамъ; наставникъ же въ такихъ случаяхъ долженъ играть роль болѣе пассивную; онъ долженъ точно наблюдать за ходомъ всего дѣла, не допуская ни малѣйшаго уклоненiя отъ правды и, такъ сказать, издали руководя дѣйствiемъ воспитанниковъ. Съ этою цѣлью я и предлагаю на первый разъ, въ видѣ опыта, ввести въ пяти высшихъ классахъ совѣстный судъ товарищей, правильно организированный, подъ руководствомъ воспитателей. Правила его будутъ изложены ниже. Къ проступкамъ, подлежащимъ этому суду, можно отнести, какъ я уже сказалъ, только тѣ, которые касаются нарушенiя взаимныхъ отношенiй учениковъ, какъ то: порчу вещей товарищей, ложь и клевету противъ товарища, оскорбленiе товарища словомъ или дѣломъ. Право такого суда можетъ быть предоставлено учащимся въ видѣ особеннаго довѣрiя начальниковъ къ ихъ нравственности, и тотчасъ же должно быть отнято, какъ скоро педагогическiй совѣтъ удостовѣрится, что предоставленное имъ дѣло было ведено неправильно и пристрастно. Такой судъ, хотя и въ грубомъ видѣ, существуетъ и теперь въ закрытыхъ заведенiяхъ, и даже между приходящими учениками; они и теперь находятъ случай, собравшись, общими силами разругать и даже приколотить товарища, провинившагося въ ихъ глазахъ; только оффицiально такая ученическая расправа не признается. Но мнѣ кажется, что гораздо безвреднѣе, для нравственности общества, такiя естественныя проявленiя корпоративнаго духа правильно организировать и подчинить законному надзору, нежели, закрывъ глаза рукою, признать ихъ какъ бы несуществующими. Наконецъ, я долженъ объявить дирекцiямъ, что и таблицу, и мнѣнiя, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказанiяхъ, нисколько не разсматриваю я какъ совершенно уже законченныя и не подлежащiя дальнѣйшимъ улучшенiямъ и измѣненiямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я прошу всѣхъ и каждаго изъ воспитателей сообщить мнѣ, чрезъ педагогическiй совѣтъ или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣнiй, сдѣланныя ими замѣчанiя, замѣченные недостатки и указать на придуманныя каждымъ исправленiя.

Школа и жизнь.

Отрывокъ изъ варiацiй на ту же тему.[31]

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школѣ, и школу—жизни. Мы привыкли видѣть, что воспитанiе и ученiе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ. Мы привыкли думать, что требованiя школы не сходятся съ требованiями жизни. И чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятiи школа и жизнь.

Правда, въ настоящее время всѣ усилiя передовыхъ людей стремятся помирить одну съ другою. Но покуда, эта мировая ограничивается только одними усилiями помирить.

Прислушайтесь и вникните. Вы при-

дете къ тому результату, что мы еще слишкомъ далеки отъ убѣжденій о неразрывной связи школы съ жизнью. И навѣрное мы замѣтимъ не одну насмѣшливую улыбку, когда вздумаемъ сказать, что учиться и жить есть одно и то же.

Большая часть самыхъ образованнѣйшихъ изъ насъ, вѣрно, скажетъ не болѣе того, что ученіе есть только приготовленіе къ настоящей жизни.

Это, впрочемъ, и не могло быть иначе. Обыкновенно начинаютъ учиться, воспитываться и образовываться съ дѣтскаго возраста; и понятіе о воспитаніи, ученіи и школѣ сливается съ понятіемъ о дѣтскомъ возрастѣ человѣка. А дѣти не живутъ еще тою жизнью, которую мы себѣ представляемъ настоящею, собственно такъ называемою и опредѣленною. Дѣтская жизнь, по нашимъ понятіямъ, это еще такъ что-то такое въ родѣ предисловія, или въ родѣ hors d'œuvre жизни. Съ нею, мы думаемъ, нѣтъ еще надобности много церемониться; ее можно, мы полагаемъ, и сжать, и расширить, какъ намъ угодно; ее можно влить въ какую угодно форму и изъ нея вылѣпить, что намъ,— взрослымъ и истинно-живущимъ,—заблагоразсудится.

Есть, правда, у насъ оффиціальныя фразы и пословицы, въ родѣ такихъ, что воспитаніе человѣка начинается съ самаго рожденія и продолжается до смерти, что ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма; но ихъ говорятъ, а вѣрятъ имъ немногіе; а если имъ и вѣрятъ, то мертво—безъ дѣлъ.

Вообще же большую часть родителей, родственниковъ и опекуновъ, которые учатъ и образуютъ, или заставляютъ учиться и образовываться дѣтей, можно подвести подъ три разряда.

Одни изъ нихъ это дѣлаютъ потому, что это такъ уже принято, а все, что всѣми принято, нужно дѣлать охотно и безъ дальнѣйшихъ размышленій.

Другіе учатъ и образовываютъ своихъ дѣтей какъ-то нехотя, съ заднею мыслью, что хотя это и принято, но что все-таки имъ послѣ,—въ настоящей жизни,—придется разучиваться.

Третьи, наконецъ,—и это еще самые мыслящіе и вкусившіе плодовъ образованія—посылаютъ дѣтей въ школу для того, чтобы ихъ послѣ вытолкнуть въ жизнь по той дорогѣ, которая имъ болѣе знакома, или по той колеѣ, которая ведетъ ближе къ заранѣе придуманной цѣли.

Надобно признаться: прошедшее и всѣ обстоятельства сложились дѣйствительно такъ, что было бы сверхъестественное чудо, если-бы большинство лучше поняло связь жизни съ школою.

Надобно признаться: школа — съ своей, а сложившаяся изъ прошедшаго жизнь—съ своей стороны, сдѣлали все возможное, чтобы убѣдить большинство, что между ними ничего нѣтъ общаго.

Школа дѣлала что-то свое, не заботясь о жизни; а жизнь шла по своему, не обращая вниманія на школу.

Такъ проходило, такъ и теперь еще проходитъ время. Но, рано или поздно, слѣдствія, началомъ которыхъ были заблужденія, хотя бы и вѣковыя, приводятъ, наконецъ, къ такому порядку вещей, который дѣлается невыносимъ и невозможенъ, и именно потому, что онъ ставитъ насъ въ противорѣчіе со всѣмъ окружающимъ и самими собою, заставляя насъ говорить въ одно и то же время и да, и нѣтъ.

Въ такомъ, или почти такомъ, состояніи находимся мы теперь съ нашими понятіями о воспитаніи. Съ одной стороны, школа начинаетъ понимать, что она безъ жизни и внѣ жизни—нелѣпость, а жизнь видитъ, что она безъ школы не можетъ ни одного шага сдѣлать впередъ,—идти же назадъ ей запрещено предвѣчнымъ закономъ. Наконецъ, всѣ мыслящіе начинаютъ убѣждаться, что школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое, что жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ, жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей.

И если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способовъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспро-

вергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей.

Безъ сомнѣнія, и отцы, и общество, должны заботиться о будущности дѣтей; но это право ограничивается обязанностью развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ.

Другого права нѣтъ и быть не можетъ, безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ, и во взросломъ.

Правда, это ограниченіе правъ общества и отцовъ идеально; на практикѣ, безъ логическаго ослѣпленія, нельзя недопустить исключеній. Но тѣмъ не менѣе, если идеалъ—истинный, то и стремленія къ нему также справедливы. А если такъ, то отцы и общество должны, по возможности, стремиться къ его осуществленію.

Если же недостаточность средствъ, ограниченность ума и недостатокъ образованія отцовъ препятствуютъ имъ осуществлять эти стремленія, то не обязано ли общество и государство, съ своей стороны,—предполагая, что оно богаче и средствами, и мыслями,—помогать къ достиженію этого всецѣлаго, всесторонняго развитія способностей и добрыхъ склонностей ребенка? И эти обязанности общества и государства не дѣлаются ли еще священнѣе тамъ, гдѣ они признаютъ воспитаніе своей монополіей?

Правда, монополія воспитанія, признаьная цѣлымъ обществомъ за собою, никогда не обходится, какъ и всѣ прочія монополіи, безъ заднихъ мыслей; общество употребляетъ его какъ средство къ достиженію своихъ извѣстныхъ цѣлей и часто по необходимости дѣлаетъ его не общечеловѣческимъ, а только прикладнымъ. Но если это отступленіе отъ идеала уже необходимо въ практической жизни, то все-таки оно, въ моихъ глазахъ, извинительнѣе отцовскаго отступленія.

Чѣмъ болѣе организовано общество, чѣмъ выше и чище его взглядъ, тѣмъ болѣе оправдывается предъ судомъ исторіи его монополія, и тѣмъ извинительнѣе дѣлаются ея прикладныя цѣли въ воспитаніи. А чѣмъ извинить отца, если онъ, также приноравливаясь къ потребностямъ общества, да еще нерѣдко и изъ иныхъ выгодъ, превращаетъ высшее назначеніе воспитанія въ односторонній утилитаризмъ? Но и общество, удерживающее за собою монополію воспитанія, и отцы, воспитывающіе своихъ дѣтей съ прикладною цѣлью, не могутъ быть оправданы предъ судомъ совѣсти, если они начинаютъ направлять воспитаніе къ ихъ прикладнымъ цѣлямъ съ колыбели дѣтей.

Тогда и общество, и отцы не мирятъ, а ссорятъ школу съ жизнью.

Тогда одностороннее, искусственное воспитаніе, съ его временными и прикладными цѣлями, получаемое въ школѣ, рано или поздно вступитъ въ разладъ съ жизнію.

Она, вѣчно движущаяся, безпрерывно требуетъ полноты и всесторонняго развитія человѣческихъ способностей. Все прикладное, какъ бы оно одностороннимъ ни казалось, уживается и переходитъ въ плоть и кровь только при одномъ этомъ непремѣнномъ условіи.

И откуда взялась школа, какъ не изъ жизни? Не врожденная ли человѣку наклонность развивать болѣе и болѣе все ему присущее была началомъ школы? И если, вышедъ изъ жизни, при первомъ ея началѣ,—стала противорѣчить жизни, то не произошло ли это отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя, и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ, нерѣдко ставили и самую церковь въ противорѣчіе съ жизнью?

Одно изъ двухъ: или понятія, которыя школа сообщала жизни, были невѣрны, и начала, которыми она руководствовалась, не оправдывались жизнью; или же жизнь предъявляла нелѣпыя притязанія къ школѣ и требовала отъ нея того, чего сама не могла дать.

Какъ бы то ни было, но мы видимъ,—иногда доходило и до того, что школа учила не тому, какъ жить, а тому, какъ умирать должно; а жизнь отвергала все школьное, сомнѣваясь даже въ пользѣ и необходимости грамоты.

Наконецъ, какъ болѣзнь, проистекая изъ жизни, иногда ее разрушаетъ, такъ и болѣзнь школы не разъ

угрожала разрушеніемъ жизни общества.

Теперь, слава Богу, люди приходятъ все болѣе и болѣе къ тому убѣжденію, что церковь, школа и государство нераздѣльны съ жизнью народовъ.

Но, прежде нежели человѣчество окончательно сольетъ въ своихъ понятіяхъ школу съ жизнью и сдѣлаетъ одну немыслимою безъ другой, школѣ приходится испытать еще много треволненій и превращеній.

Положительной формулы для нея еще не найдено. Современное общество бьется, какъ рыба объ ледъ, отыскивая эту формулу.

Въ настоящее время, и именно въ обществѣ еще несозрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнью, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то въ родѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей.

И въ самомъ дѣлѣ, чего лучше? Общество является потребителемъ, а школа фабрикою, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть; стоитъ только удовлетворить ему, и обѣ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе сердцу и доступнѣе мысли, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ чрезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое? Правда, что всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но, проживъ такъ или сякъ и безъ того, и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя и ему поступать такъ же и идти по его стопамъ.

И вотъ школа, сначала разронившаяся съ жизнью, начинаетъ сливаться съ нею; и та, и другая, начинаютъ болѣе понимать другъ друга, но какъ?

Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляетъ школу, в о - п е р в ы х ъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; в о - в т о р ы х ъ, какъ разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей.

Отцы, примѣняясь къ этому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: в о - п е р в ы х ъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба, и, притомъ, елико возможно, не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи; в о - в т о р ы х ъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ.

Итакъ, школа, и примиренная съ жизнью, на первыхъ порахъ не преслѣдуетъ еще никакихъ широкихъ и общечеловѣческихъ цѣлей. Напротивъ, она дѣлается еще болѣе односторонннею и прикладною, чѣмъ въ началѣ своего существованія, когда она, основанная благочестіемъ и гуманностью передовыхъ людей, была болѣе отдѣлена отъ жизни.

Но все же лучше примириться съ жизнью, какова она ни есть, нежели быть съ нею въ полномъ разладѣ. Вотъ почему настоящее положеніе школы все-таки нужно считать шагомъ впередъ.

Но остановиться на этомъ—значило бы мирить школу съ жизнью только на половину. Мало этого: это значило бы признать безусловно первенство жизни предъ школою и рабскую зависимость отъ настоящаго, тогда какъ все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ г е г е м о н і я.

Если мы, привыкнувъ считать понаслышкѣ, по преданію и по собственному опыту, школу въ разладѣ съ жизнью и теорію—какимъ-то противоположеніемъ практикѣ, теперь, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе убѣждаемся, что настало время имъ помириться, то уже нельзя останавливаться на серединѣ дороги.

И отцы, и общество, и государство, должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, про-

истекающія изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью,—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему.

И этого достигнемъ только тогда, когда всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія, найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи.

Когда учиться, образоваться и просвѣтиться—сдѣлается такою же инстинктивною потребностью общества, какъ питаться и кормиться тѣлу, тогда приложеніе придетъ, безъ хлопотъ, само собою.

Надобно достигнуть того, чтобы здравый смыслъ измѣнилъ самый языкъ. И когда будемъ говорить и мыслить о воспитаніи, то нужно, чтобы высшія понятія, присущія словамъ: ученіе, образъ и свѣтъ, замѣнили матеріальное представленіе питанія, приличнаго тѣлу, а не духу.

Только тогда мы можемъ быть спокойны за успѣхъ въ будущемъ, только тогда можемъ ожидать истиннаго прогресса въ нашемъ обществѣ, когда приложеніе будетъ проистекать само собою, безъ всякой искусственной и насильной моделировки незрѣлыхъ умовъ и понятій.

Человѣческому духу, всецѣло и всесторонне развитому, присуща наклонность употреблять и примѣнять имъ пріобрѣтенное, безъ всякой насильственной подготовки. Просвѣщенному уму не нужны рамы, заказанныя по мѣркѣ; онъ самъ для себя создаетъ ихъ, убѣждаемый безконечностью и безпредѣльностью свѣдѣнія.

Не врождена ли всѣмъ намъ наклонность сообщать другъ другу пріобрѣтенныя свѣдѣнія? И что же это такое, какъ не свойство духа примѣнить пріобрѣтенное?

Если же прикладное образованіе и считается покуда необходимымъ въ нашемъ обществѣ, то предъ истиннымъ идеаломъ воспитанія оно оказывается только временнымъ и неизбѣжнымъ недостаткомъ. Оно доказываетъ только слабость нашихъ силъ, слабость воли, слабость любви къ человѣчеству и къ истинѣ.

И въ настоящее время невозможность дать образованію всѣхъ слоевъ общества высшее общечеловѣческое значеніе зависитъ отъ такихъ причинъ, которыя, отчасти по крайней мѣрѣ, могли бы быть уменьшены, если-бы мы всѣ были проникнуты его необходимостью и истиною.

Къ этимъ причинамъ принадлежатъ:

Во-первыхъ, природная ограниченность ума, врожденная слабость и односторонность способностей учащихся.

Во-вторыхъ, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, заставляющій учащихся какъ можно скорѣе доставать, а ихъ отцовъ—доставлять имъ—пропитаніе и насущный хлѣбъ.

Въ третьихъ, убѣжденіе, что вредно выводить высшимъ образованіемъ цѣлые классы общества изъ той сферы занятій, привычекъ и понятій, въ которой они родились.

Въ-четвертыхъ, жизненныя потребности общества въ ограниченной, прикладной и односторонней дѣятельности большинства лицъ.

Въ-пятыхъ, особенности нѣкоторыхъ спеціальныхъ занятій, требующія изученія съ самаго ранняго возраста жизни.

Наконецъ, въ-шестыхъ, сословные и другіе предразсудки, повѣрья и предубѣжденія отцовъ и цѣлаго общества

Но изъ всѣхъ этихъ причинъ только врожденныя слабость и односторонность способностей и особенности нѣкоторыхъ занятій болѣе или менѣе оправдываютъ рановременную спеціальность образованія. Да и про нихъ можно думать, что время и дальнѣйшіе успѣхи науки многое перемѣнятъ. Сколько ограниченныхъ и тупоумныхъ дѣтей нашлось бы теперь между нашими учениками, если-бы ихъ заставили учиться грамотѣ по прежней методѣ: «буки-азъ-ба»? Сколько учениковъ, и въ наше время, слывутъ въ школѣ тупоголовыми, а въ жизни оказываются умнѣе учителей?

Еще менѣе можно сомнѣваться въ

томъ, что и тѣ спеціальныя занятія, которымъ приносятъ въ жертву ранній возрастъ и неразвившіяся способности ребенка, съ успѣхами образованія потребуютъ гораздо менѣе времени жизни. Не будучи морякомъ, я не смѣю утверждать, но позволяю себѣ думать, напримѣръ, что съ введеніемъ пароходовъ можно гораздо скорѣе научиться морской службѣ, чѣмъ прежде.

Что же касается до всѣхъ другихъ причинъ, то ни одна изъ нихъ не можетъ назваться и приблизительно непреодолимою.

Если-бы все общество и истинные его филантропы приняли къ сердцу общечеловѣческое образованіе, то что могло бы помѣшать имъ открыть, напримѣръ, воскресныя школы и публичные курсы въ свободные отъ работъ часы и употребить всѣ средства современной педагогики къ распространенію общечеловѣческихъ свѣдѣній въ рабочихъ классахъ? Чего бы ни могло сдѣлать для нихъ одно наглядное ученіе въ рукахъ дѣльныхъ наставниковъ? И развѣ мало пропадаетъ времени, даромъ употребляемаго этимъ классомъ народа не на работу, а на праздный разгулъ?

Убѣжденіе, что обществу вредно переносить цѣлые его классы, общечеловѣческимъ или высшимъ образованіемъ, въ другой кругъ дѣйствій, взглядовъ и понятій, можетъ быть, и имѣетъ свою долю правды, но только очень относительной.

Только одно слишкомъ неравномѣрно распредѣленное образованіе въ различныхъ слояхъ общества дѣйствительно вредитъ ему. Только при такомъ ненормальномъ распредѣленіи вкореняется убѣжденіе, что образованіе должно быть монополіей привилегированныхъ кастъ, и только при господствѣ такихъ взглядовъ переходы массами изъ одного класса въ другой нарушаютъ общій порядокъ. Но кто же не видитъ, что распространеніе общечеловѣческаго образованія между всѣми классами именно и назначено устранить ненормальное состояніе общества? И не этимъ ли путемъ только можно уничтожить бездну, раздѣляющую касты?

Также и временная, хотя бы жизненная, потребность общества въ одностороннихъ, но дѣятельныхъ спеціалистахъ нисколько не опровергаетъ еще болѣе существенной необходимости общечеловѣческаго образованія. Есть время и для того, и для другого. Нужны только добрая воля, здравый смыслъ и умѣнье распространить и то и другое. А если этого нѣтъ, то, повѣрьте, и спеціализмъ не превратится въ плоть и кровь общества. Онъ будетъ сухою и безсочною выжимкой, приготовленной гнетомъ.

Говорить ли, наконецъ, объ общественныхъ, сословныхъ, семейныхъ и личныхъ предразсудкахъ, поддерживающихъ искусственную систему спеціальнаго образованія?

Напрасно; тѣ, которые ихъ имѣютъ,—неизлечимы. Что же слѣдуетъ? Значитъ ли все это, что спеціальное образованіе вовсе не нужно?

Жаль, если здѣсь высказанныя убѣжденія будутъ такъ перетолкованы.

Что здѣсь говорится—есть только варіація на прежнюю тэму. Пусть же увѣрятся, что и теперь, и прежде сказанное есть глубокое убѣжденіе, котораго ни время, ни опытъ, ни обстоятельства, не измѣнили. А это чего нибудь да стоитъ.

Въ этомъ убѣжденіи есть много идеальнаго и, слѣдовательно, недостижимаго. Но все-таки указанъ путь и указано направленіе; указана и далекая цѣль.

Школа не иначе можетъ совершенно и нераздѣльно слиться съ жизнью, какъ принявъ на себя дѣло и общечеловѣческаго, и спеціальнаго образованія. Скажу болѣе: настанетъ время, когда и самые высшіе представители человѣческаго образованія—университеты—распадутся на отдѣльныя спеціальныя, или факультетскія, школы.

Это распаденіе не нуждается въ Наполеоновскихъ реформахъ, разрушившихъ насильно связь факультетовъ во Франціи.

Постоянно увеличивающійся объемъ научнаго матеріала дѣлаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе то, что отдѣльныя части науки возводятся

на степень самой науки. Жизни дѣлается мало для полнаго изученія каждаго отдѣла. Это одно обстоятельство уже должно способствовать болѣе спеціальному, чѣмъ общечеловѣческому образованію.

Оно, не нарушая, а укрѣпляя органическую связь, повидимому самыхъ разнородныхъ связей, дѣлаетъ однако-же невозможнымъ изучать серьезно двѣ или нѣсколько наукъ вмѣстѣ. Поэтому всеобъемлющіе умы прошедшихъ столѣтій сдѣлались невозможными въ наше время.

Итакъ, вотъ первое условіе, заставляющее по-неволѣ и самыхъ любознательныхъ ограничиваться спеціальнымъ образованіемъ.

Есть еще и другое. Если не для всѣхъ, то для большей части умовъ вредны многостороннія занятія. Умъ, слишкомъ развлекаемый, скользитъ, такъ сказать, мыслью по поверхности. А много есть предметовъ, которыхъ лучше совсѣмъ не знать, чѣмъ плохо знать. При спеціальномъ образованіи можно легче избѣгнуть поверхностности ума; при общечеловѣческомъ—говорятъ—невозможно.

Есть, наконецъ, и третье условіе, изобрѣтенное слабоуміемъ и лѣнью. Это—убѣжденія въ родѣ тѣхъ, которыя Фонъ-Визинъ выставлялъ на позоръ еще въ прошедшемъ столѣтіи.

Всѣ эти условія особливо убѣдительны для общества несозрѣвшаго, гдѣ люди еще не привыкли вдумываться, гдѣ прямое слѣдствіе поражаетъ умы такъ сильно, что дѣлаетъ ихъ неспособными думать о слѣдствіяхъ отдаленныхъ, хотя бы и болѣе существенныхъ, болѣе важныхъ. Такое общество живетъ постоянно подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Прямыя и непосредственныя выгоды спеціальнаго образованія такъ очевидны и разительны для большинства, что ему и въ голову не приходитъ раздуматься о невыгодахъ, которыя не такъ ясны и медленно появляются наружу.

Трудно, неимовѣрно трудно, разувѣрить людей въ томъ, что они однажды приняли не вдумавшись.

Трудъ разувѣрять ихъ неблагодарный, нерѣдко опасный; но совѣсть требуетъ его исполнить.

Въ сущности, вся оппозиція нашего большинства противъ общечеловѣческаго образованія вертится на одномъ для многихъ еще неразрѣшенномъ вопросѣ: на что учиться тому, изъ чего нельзя сдѣлать непосредственнаго приложенія?

Вопросъ этотъ не могъ не возникнуть для тѣхъ, которые не понимаютъ образовательной силы, присущей каждой отрасли человѣческихъ свѣдѣній, или плохо ей вѣрятъ.

И дѣйствительно, тому, кто на самомъ себѣ не испыталъ дѣйствія этой силы, нельзя никакъ растолковать, въ чемъ дѣло.

Пожалуй, найдутся и такіе, которые и вообще не поймутъ надобности давать дѣйствовать этой силѣ на всѣ способности человѣка. Но это будутъ опять Фонъ-Визинскіе типы, которымъ девятнадцатое столѣтіе не отвѣчаетъ.

Если-бы же этотъ вопросъ можно было уяснить для большинства,—а уяснить его можно только опытомъ,—то оставалось бы только доказать: во-первыхъ, что и въ настоящее время, несмотря на громадность научнаго матеріала, общечеловѣческое образованіе все еще возможно настолько, насколько оно необходимо для равномѣрнаго и всесторонняго развитія всѣхъ способностей души; во-вторыхъ, что, проводя систему общечеловѣческаго образованія, проводя во-время, съ пониманіемъ дѣла и цѣли, можно избѣгнуть неудобствъ поверхностнаго всезнайства и энциклопедизма.

А это, дѣйствительно, такъ и есть. Нужно только: первое и главное, начать во-время и перейти во-время къ образованію спеціальному.

Потомъ,—второе,—выбрать такіе способы ученія, которые направляли бы образовательную силу каждой отрасли свѣдѣнія на способность духа, служившую ей началомъ, помня, что въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа.

Третье,—распредѣлить хорошо занятія, не обременяя слишкомъ въ одно и то же время разнородную дѣя-

тельность памяти, воображенія, ума и наружныхъ чувствъ, но и не напрягая слишкомъ дѣйствія одной способности однообразнымъ занятіемъ.

Исполнивъ эти три условія, нечего бояться, что общечеловѣческое образованіе можетъ сдѣлать умъ поверхностнымъ. Правильно развитыя способности души заставятъ уже умъ углубляться и останавливаться на томъ, что требуетъ сосредоточенныхъ его дѣйствій.

Тѣ грубо ошибаются, которые думаютъ, что одни только сосредоточенныя дѣйствія духа по одному направленію ведутъ къ глубокимъ познаніямъ предмета и порождаютъ глубокомысліе. Ничего не бывало. Безъ правильнаго развитія всѣхъ способностей души и способность ума сосредоточиваться можетъ быть врожденнымъ даромъ Бога, но уже никакъ не плодомъ воспитанія.

Если духъ, разъ безъ подготовки направленный на изученіе одного предмета, и можетъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія, то все-таки ему, и въ этомъ одностороннемъ изученіи, никогда не будутъ доступны тѣ взгляды на изучаемый предметъ, которые возможны только при умѣньи отдаляться отъ него въ другія, высшія или низшія, сферы созерцанія. Это умѣнье пріобрѣтается не иначе, какъ знакомствомъ съ различными отраслями свѣдѣній, служившихъ къ развитію всѣхъ способностей духа.

Одно только трудно преодолѣть въ системѣ общечеловѣческаго образованія. Это—распредѣленіе времени для разностороннихъ занятій ученика. Нужно осторожно лавировать между крайностей: нужно хорошо знать, когда остановиться и когда идти далѣе, когда замѣнить одно занятіе и одинъ способъ другимъ.

Но и спеціальное образованіе не изъято отъ этихъ трудностей и невыгодъ. И въ томъ, и въ другомъ, все зависитъ отъ личности наставниковъ.

То вѣрно: кто проникнутъ высокимъ значеніемъ школы въ жизни человѣка; кто оправдываетъ благородныя стремленія къ идеалу,—какъ бы онъ недоступенъ ни былъ,—тотъ не долженъ ни минуты сомнѣваться въ выборѣ. Только одна бѣдность можетъ извинить отца, избирающаго произвольно спеціальное поприще для образованія сына, и то только въ такомъ случаѣ, когда спеціальное образованіе можетъ быть скорѣе окончено и обѣщаетъ ему дать, не очерствляя лучшихъ способностей души, независимое положеніе въ обществѣ съ насущнымъ хлѣбомъ на цѣлую жизнь.

Даже и тѣмъ отцамъ, которые въ воспитаніи своихъ дѣтей ищутъ средства удовлетворить сословнымъ и корпоративнымъ предразсудкамъ, нечего опасаться общечеловѣческаго образованія. Если ребенокъ, въ пеленкахъ, окруженъ уже всѣми аттрибутами будущаго призванія, которое ему готовитъ отецъ; если цѣлое общество не противорѣчитъ сословнымъ понятіямъ отца и сочувствуетъ любимымъ его мечтамъ, то чего же бояться? Общечеловѣческое образованіе разовьетъ способности; но оно не сильно убить склонности, возбужденныя въ ребенкѣ отъ колыбели и находящія пищу въ томъ, что его окружаетъ. Спѣшить нечего; придетъ время, и онъ выберетъ самъ то поприще, къ которому его готовятъ иногда до рожденія на свѣтъ. Для чего же лишать его выгодъ общечеловѣческаго образованія?

Да, впрочемъ, въ сущности, и нѣтъ никого, кто бы совершнно и сознательно отрицалъ его необходимость. Недоразумѣнія только относятся до степени. Никто не сомнѣвается, что всѣмъ образованнымъ, и спеціалистамъ, нужна грамота, нужно знаніе слова, нужно понятіе о числѣ, времени и пространствѣ. О чемъ же споръ? Не ясно-ли, что дѣло идетъ только о степени.

Одни повышаютъ, другіе понижаютъ только уровень, до котораго должно доходить общечеловѣческое образованіе.

Одни примѣшиваютъ къ первымъ его началамъ уже извѣстную спеціальность и реализмъ; другіе стараются сохранить чистымъ гуманное начало ученія до того возраста, когда человѣкъ по-человѣчески, то-есть съ полнымъ сознаніемъ, скажетъ: я буду именно тѣмъ, а не другимъ.

Одни, примѣняясь къ обстоятель-

ствамъ и къ господствующимъ мыслямъ общества,—иногда заднимъ,—обращаютъ плащъ по вѣтру и дѣлаютъ воспитаніе своихъ дѣтей съ самаго начала прикладнымъ. Другіе смотрятъ выше,—хотятъ подчинить общество воспитанію и чрезъ воспитаніе управлять будущими его судьбами.

Еще менѣе согласны въ томъ, какіе уровни нужно назначить общечеловѣческому образованію для различныхъ классовъ общества.

То только несомнѣнно, что чѣмъ менѣе будетъ для него назначено различныхъ уровней, тѣмъ выше поднимется гражданственность общества.

Лучшая норма будетъ опредѣляться двумя.

Одинъ изъ нихъ долженъ быть приведенъ для большинства, то-есть для тѣхъ слоевъ общества, которые, по скудости средствъ, не могутъ пользоваться долго благами общечеловѣческаго просвѣщенія и ищутъ какъ можно скорѣе матеріальной помощи.

Другой должно назначить для всѣхъ стремящихся получить высшее образованіе,—все равно, останется-ли оно для нихъ на цѣлую жизнь чисто-гуманнымъ, или перейдетъ современемъ въ спеціально-реальное.

Во всѣхъ народныхъ, сельскихъ и городскихъ школахъ общечеловѣческое образованіе должно какъ можно ранѣе и какъ можно прямѣе переходить въ реальное и прикладное. А общечеловѣческое образованіе среднихъ и высшихъ классовъ, до перехода въ спеціальное, ничѣмъ, въ сущности, не можетъ быть различно. Уровень его для этихъ двухъ классовъ можетъ быть повышенъ или пониженъ, не по сословіямъ и не по кастамъ, а по состоянію, смотря по тому, кто богаче или бѣднѣе, кто болѣе или менѣе можетъ обойтись безъ матеріальныхъ пособій, доставляемыхъ приложеніями науки къ жизни.

Опредѣливъ, что уровень общечеловѣческаго образованія долженъ быть, въ настоящее время, двоякій для различныхъ слоевъ общества, нужно еще опредѣлить, какія отрасли вѣдѣнія и въ какомъ объемѣ должны относиться къ одному и какія—къ другому уровню. Но этотъ вопросъ никогда не разрѣшится окончательно. Его разрѣшить можно не иначе, какъ пожертвовавъ одною отраслью для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя.

Но если этотъ вопросъ и остается еще неразрѣшеннымъ для науки и педагогическаго искусства, то это не интересуетъ родителей. Если у васъ есть больное дитя, то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лечить, — лишь бы возвратили здоровье.

Для чего же вамъ спорить, хлопотать и теряться въ недоумѣніяхъ: что полезнѣе вашему сыну—учиться-ли по-латыни и по-гречески, или по-французски и по-англійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога, и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Ищите убѣдиться въ другомъ,—и въ самомъ главномъ,—въ личности людей, которымъ вы повѣряете образованіе вашего сына. Посредствомъ-ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына, все равно—лишь бы сдѣлать его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности, въ настоящее время, сказать, который лучше.

Когда школа была въ полномъ разладѣ съ жизнью; когда она и родителямъ, и дѣтямъ казалась какимъ-то гробомъ, то и грамота, и изученіе родного слова казались бременемъ, вовсе лишнимъ для жизни. Жилось и такъ прекрасно. Теперь это повѣрье перешло на древніе языки, да и на другіе предметы гуманнаго образованія. И теперь еще не совсѣмъ кончилась борьба жизни съ грамотою. Какъ прежде, въ разгарѣ этой борьбы, для самыхъ высшихъ слоевъ общества, неясна была польза отъ связи съ грамотою, и они поддерживали эту борьбу напропалую, такъ и теперь еще для многихъ не разъяснилась органическая связь жиз-

ни съ высшими звеньями гуманизма, и они отъ грамоты,—съ которою уже помирились,—спѣшатъ, что называется сломя голову, удариться въ реализмъ.

Школа и жизнь все еще не помирились.

О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ.[32]

Цѣль всѣхъ научныхъ бесѣдъ есть размѣнъ мыслей, взглядовъ и убѣжденій бесѣдующихъ. Онѣ мощно содѣйствуютъ къ узнанію и разъясненію истины, а слѣдовательно и къ усовершенствованію науки.—Принадлежатъ-ли — спрашивается — наши гимназическія литературныя бесѣды къ числу научныхъ бесѣдъ?

Дѣлая этотъ вопросъ, мы, значитъ, спрашиваемъ себя: служитъ-ли разработка и усовершенствованіе науки ихъ главною цѣлью? Очевидно, нѣтъ, и именно по той очевидной причинѣ, что сама гимназія не можетъ имѣть своею цѣлью—разрабатывать и подвигать науку впередъ. Это дѣло университетовъ и академій. Гимназія есть только преддверіе университета; она должна только приготовить учащихся къ воспріятію и разработкѣ науки, излагая ее въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстномъ объемѣ и въ современномъ видѣ и способствуя общечеловѣческимъ образованіемъ къ всестороннему развитію всѣхъ благихъ способностей человѣскаго духа. Какая же—спрашивается опять—цѣль гимназическихъ бесѣдъ? Онѣ названы литературными не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ этого слова. Не собственно такъ-называемая литература отечественнаго или иностранныхъ языковъ, а упражненіе въ литературныхъ занятіяхъ всѣхъ въ гимназіи преподаваемыхъ наукъ должно быть цѣлью этихъ бесѣдъ. Онѣ должны служить мощнымъ пособіемъ учащимся къ ученическому образованію. Онѣ должны приготовлять къ университету. А вамъ нужно знать, какъ важно значеніе этого слова: «быть приготовленнымъ къ вступленію въ университетъ». Вамъ нужно знать, что изъ 100 оканчивающихъ гимназическій курсъ 90 навѣрное еще не приготовлены, хотя бы по экзамену и вступили въ число студентовъ университета. А отчего? Оттого, что въ гимназіяхъ они не приготовлялись къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученіе въ университетѣ безплодно.—Итакъ, вотъ собственная цѣль нашихъ т.-н. литературныхъ бесѣдъ. Итакъ, онѣ должны послужить средствомъ къ упражненіямъ этого рода. И потому всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся въ литературной бесѣдѣ должно быть дорого и знаменательно для наставниковъ-руководителей въ этихъ бесѣдахъ. Оно возбуждаетъ надежду, что университетъ получитъ изъ ихъ рукъ ученика, уже хорошо ознакомленнаго съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ во время бытности его въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ умственнымъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что выборъ предметовъ для упражненія въ научномъ самостоятельномъ трудѣ въ нашихъ литературныхъ бесѣдахъ можетъ быть совершенно своеволенъ и безразличенъ, что онъ можетъ быть предоставленъ случаю? Кто такъ думаетъ изъ участниковъ въ нашихъ бесѣдахъ, тотъ сильно ошибается и смѣшиваетъ чисто-научныя бесѣды съ нашими литературными, не уяснивъ себѣ хорошо того различія, которое должно существовать между ними и о которомъ я уже намекнулъ, кажется, довольно ясно. Допустить совершенную безразличность въ выборѣ предметовъ труда, значило бы допустить мысль, что учащійся въ

гимназіи уже настолько опытенъ въ самостоятельномъ трудѣ, настолько созрѣлъ умствено и научно, что можетъ уже соразмѣрить свои силы и свѣдѣнія съ предстоящимъ ему дѣломъ. Не значило-ли бы это, другими словами, предположить, что онъ вполнѣ знакомъ и со всѣми трудностями, и съ тѣми вопросами, которые обыкновенно возникаютъ при предстоящей ему разработкѣ предмета, съ тѣми средствами, которыми ему нужно будетъ воспользоваться и, наконецъ, что онъ уже уяснилъ себѣ вполнѣ и ту органическую связь, которая обнаруживается во всѣхъ научныхъ вопросахъ, требующую, для разрѣшенія ихъ, свѣдѣній нерѣдко глубокихъ и многостороннихъ. Предположивъ это, значитъ, мы бы предположили такія условія, которыхъ мы не можемъ въ настоящее время требовать и отъ учащихся въ университетѣ. Все это и было причиною, почему, при самомъ учрежденіи литературныхъ бесѣдъ, я предложилъ гг. наставникамъ указать учащимся именно на такіе предметы, которые бы имъ были дѣйствительно по силамъ, и которые бы, при ихъ разработкѣ, могли дѣйствительно пріучить учащихся къ самостоятельному труду. Вся будущая участь нашихъ бесѣдъ, все осуществленіе ихъ цѣли—зависитъ именно отъ искусства выбрать такой предметъ, который не осилилъ бы избравшаго, а, напротивъ, котораго бы осилилъ избравшій. Это есть особеннаго рода тактъ. Его имѣютъ не всѣ, и даже рѣдкіе. Мы видимъ, что и болѣе опытные дѣятели науки, при избраніи предмета, впадаютъ въ непростительныя ошибки отъ недостатка этого такта, отъ самонадѣянности, желанія блеснуть и подражать другимъ, болѣе счастливымъ, не размѣривъ хорошо ни собственныхъ силъ, ни глубины предстоящаго имъ труда. Чѣмъ неопытнѣе самъ избиратель, чѣмъ менѣе онъ созрѣлъ и чѣмъ болѣе онъ самонадѣянъ, тѣмъ легче онъ можетъ промахнуться въ избраніи предмета.—Наблюдая постоянно и зорко за ходомъ нашихъ литературныхъ бесѣдъ, я именно это замѣтилъ. Не скажу, чтобы онѣ совсѣмъ не достигли своей полезной цѣли. Нѣтъ, многіе изъ участвовавшихъ въ нихъ доказали явное и научное стремленіе и любовь къ занятіямъ, и дарованіе; и слѣдовательно оправдали наши надежды въ томъ, что бесѣды могутъ дѣйствительно послужить средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности и къ приготовленію въ университетъ. Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ, я замѣтилъ, что немногіе прислушались къ голосу опыта и воспользовались даннымъ совѣтомъ. Нѣкоторые, напримѣръ, избирали предметъ самый обширный, не имѣвъ твердости ограничить свой кругозоръ и желая лучше скользить мыслью по огромной поверхности, чѣмъ проникнуть ею въ ограниченное пространство поглубже. Отъ этого вся ихъ работа оказывалась разведенною общими мѣстами и ничего не заключающими въ себѣ взглядами. Другіе, напротивъ, избирали предметъ уже самый ограниченный и замкнутый въ предѣлахъ, доступныхъ для одного только спеціалиста, посвятившаго цѣлую жизнь разработкѣ одной отрасли человѣческихъ свѣдѣній. Третьи, наконецъ, грѣшили не столько относительно границъ и объема избраннаго ими предмета, сколько въ отношеніи его свойствъ, а потому и промахъ былъ не количественный, а качественный. Ни тѣ, ни другіе, ни третьи, не взяли въ соображеніе, при выборѣ предмета, окружающей ихъ среды; всѣ перецѣнили свои силы, и потому всѣ, вмѣсто ясныхъ и неподдѣльныхъ усилій самостоятельнаго труда, обнаружили въ своихъ работахъ не свое, а чужое, отъ котораго они не могли отдѣлаться, потому что не могли сладить съ избраннымъ ими предметомъ, не имѣя еще достаточной зрѣлости и опыта жизни, чтобъ умѣть на него смотрѣть не съ одной и не съ двухъ, а со всѣхъ сторонъ. Многіе не уяснили себѣ даже и того, что и чужое передать такъ, чтобы оно не оказалось непереваренною массою, нужно имѣть много своего въ запасѣ.

Но мнѣ было бы очень жаль, если сказанное мною будетъ перетолковано въ худшую сторону и отниметъ у иныхъ желаніе участвовать въ нашихъ бесѣдахъ. Правда, хотя бы и жестоко выраженная, не должна быть страшна

никому. Намъ всѣмъ, отыскивая ее, и на пути къ ней, придется еще не разъ спотыкнуться. Бѣда не въ этомъ; но то бѣда, если мы останемся глухи къ голосу опыта, которому уже знакома дорога къ правдѣ со всѣми ея трудностями.

А опытъ говоритъ, что самостоятельный трудъ никому сразу не дается. Въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайною постепенностью. Самый высокій талантъ легко опозорится, если, слишкомъ самоувѣренный, захочетъ съ перваго раза измѣрить свои силы въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ огромныхъ предварительныхъ свѣдѣній, зрѣлости ума въ сужденіи и опыта въ жизни. Ни «Фауста» Гете, ни «Анналовъ» Тацита, никогда не напишетъ шестнадцатилѣтній юноша уже и потому, что онъ, незнакомый съ жизнью, не можетъ еще и понять вполнѣ все высокое и всю глубину мыслей, содержащихся въ этихъ твореніяхъ. Итакъ,—повторяю,—искусный и съ тактомъ предпринятый выобръ труда, означающій вѣрное знаніе самого себя и слѣдующее отсюда искусство совладать съ избраннымъ предметомъ, — вотъ необходимое условіе для начинающихъ пріучаться къ самостоятельно-научному труду. Прошу принять къ сердцу эти указанія, вытекшія изъ желанія быть вамъ истинно полезнымъ на пути къ научному образованію, и руководствоваться ими, приготовляясь выступать на эту многотрудную дорогу.

Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній за 1859 годъ.[33]

Не касаясь, при разсмотрѣніи отчетовъ, частностей, требующихъ знанія морского дѣла, я изложу мое мнѣніе только о главныхъ основаніяхъ, общихъ для учебной части всѣхъ вѣдомствъ.

I.

Изъ всѣхъ отчетовъ видно, что въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ тоже экзаменаціонное направленіе, какъ и въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но въ морскомъ вѣдомствѣ, кажется, оно развито еще болѣе. Такъ, изъ отчета по морскому кадетскому корпусу усматривается, что годичные экзамены для гардемариновъ и офицеровъ офицерскихъ классовъ продолжались съ 23-го марта по 28-е апрѣля, для кадетъ—съ 20-го апрѣля по 23-е мая, для старшихъ гардемариновъ—съ 24-го августа по 4-е сентября; а въ офицерскихъ классахъ лекціи весною окончились 31-го марта, съ началомъ экзамена, который продолжался въ старшемъ классѣ до 28-го апрѣля, а въ остальныхъ двухъ—до 2-го мая. Главный экзаменъ продолжался съ 1-го по 8-е мая. Въ инженерномъ артиллерійскомъ училищѣ переводный экзаменъ продолжался съ 20-го марта по 15-е мая, а выпускной—съ 15-го марта по 1-е мая, и т. д.

Не знаю, что опытъ показалъ морскому учебному вѣдомству о пользѣ и необходимости переводныхъ и другихъ экзаменовъ; но я почти ежедневно убѣждаюсь изъ опыта, что экзаменац направленіе въ нашихъ училищахъ не приноситъ никакихъ благихъ результатовъ. Оно вредно, оно возбуждаетъ наклонность въ учащихся учиться для экзамена, а не для науки. Многіе изъ учащихся плохо занимаются цѣлый годъ, съ тою заднею мыслью, что предъ экзаменами они засядутъ и догонятъ. Оффиціальная же обстановка, съ которой обыкновенно соединены эти испытанія, не содѣйствуетъ, а ско-

рѣе препятствуетъ безпристрастному и точному рѣшенію вопроса о свѣдѣніяхъ учащихся. Переводные экзамены отнимаютъ много времени отъ учебнаго курса, которое, при нашемъ, и безъ того уже (по причинѣ многихъ праздниковъ) кратковременномъ, годичномъ курсѣ, могло бы быть употреблено съ большею пользою. Вообще можно сказать, что наши годичные или переводные экзамены назначаются болѣе для учителей, нежели для учениковъ. Они означаютъ только недовѣріе къ безпристрастію учителей, потому что, если-бы не было этой задней мысли, то нельзя объяснить для чего переводные экзамены у насъ дѣлаются при оффиціальной, болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ и продолжаются цѣлые мѣсяцы въ ущербъ учебному курсу. Развѣ учители, вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ, не могутъ между собою рѣшить безъ всякихъ формальностей, можетъ ли тотъ или другой ученикъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ, или нѣтъ. Развѣ каждый учитель не долженъ настолько узнать каждаго изъ своихъ учениковъ въ теченіе года, чтобы рѣшить, можетъ ли онъ идти далѣе и достоинъ ли онъ быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ, или нѣтъ? Если же учитель не узналъ способностей къ занятію изъ годичнаго курса и свѣдѣній своихъ учениковъ, то что же онъ узнаетъ чрезъ испытаніе, которое продолжается для каждаго по нѣскольку минутъ.

Въ этомъ отношеніи переводные экзамены съ большою пользою, и для учебнаго курса, и для самого образованія воспитанниковъ, можно бы замѣнить мнѣніями классныхъ учителей. Подъ именемъ классныхъ учителей въ германскихъ школахъ разумѣютъ тѣхъ избранныхъ наставниковъ, которымъ поручается, кромѣ преподаванія главныхъ предметовъ, наблюденіе за ходомъ ученія и за успѣхами учениковъ въ цѣломъ классѣ. Число такихъ учителей соотвѣтствуетъ числу классовъ, и голоса ихъ преимущественно рѣшаютъ, на педагогическихъ совѣщаніяхъ, можетъ ли тотъ или другой ученикъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ. Эти классные учители (Classenlehrer) несравненно лучше знаютъ и успѣхи, и способности каждаго ученика, потому что, наблюдая надъ меньшимъ числомъ учениковъ, они имѣютъ и болѣе времени, и средствъ, изучить и узнать ихъ въ подробности, нежели директоръ или инспекторъ, наблюдающій за ходомъ ученія въ цѣломъ заведеніи.

При этомъ способѣ оцѣнки знаній берутся въ соображеніе успѣхи, оказываемые каждымъ ученикомъ въ теченіе года, и его способности, а не минутныя испытанія, подверженныя различнаго рода случайностямъ.

Какъ можно менѣе формальныхъ экзаменовъ и какъ можно болѣе дѣятельныхъ занятій наукою, при наблюденіи личныхъ особенностей каждаго ученика, его способностей и прилежанія,—вотъ правило здравой педагогики, по моему, убѣжденію, не неисполнимое въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя въ морскомъ вѣдомствѣ, какъ это видно изъ отчетовъ, снабжены достаточными средствами.

II.

Неразрывно соединена съ экзаменаціоннымъ направленіемъ и сопровождающими его формальностями еще и другая педагогическая несообразность, господствующая, какъ это также видно изъ отчетовъ, въ огромныхъ размѣрахъ въ учебномъ морскомъ вѣдомствѣ,—это оцѣнка не только свѣдѣній, но и самой нравственности (поведенія) учениковъ по цифрамъ и балламъ.

Нельзя безъ удивленія, напримѣръ, читать слѣдующія мѣста отчетовъ: «изъ свѣдѣній, доставленныхъ кондуитными списками, оказывается, что для средняго годового числа воспитанниковъ (380) было слѣдующее процентное отношеніе по всѣмъ разряднымъ балламъ: 12-ти-бальныхъ—28, 6%, 11-ти—22, 5%, и проч. Средній баллъ, выражающій поведеніе всей массы, есть 10 или 83, 39% полнаго числа балловъ. Отличные по поведенію воспитанники (11—12 балловъ) составляютъ 50, 9% и т. п.»

Неужели же у насъ есть еще лица,

которыя серьезно убѣждены, что нравственное состояніе заведенія можно вѣрно опредѣлять этимъ математическимъ способомъ? Не надежнѣе ли и не логичнѣе ли бы было со стороны учебнаго начальства, вмѣсто цифры 11 и 12, опредѣлить, что оно назоветъ отличнымъ поведеніемъ ученика, потому что если цифра 11 и 12 есть знакъ, выражающій опредѣлительно извѣстное количество и поставленный условно взамѣнъ слова: «отлично», то самое-то слово «отлично» вовсе не такъ опредѣлительно и означаетъ понятія весьма относительныя. Для одного директора и инспектора или надзирателя за нравами тотъ будетъ отличнымъ по поведенію ученикомъ, кто скроменъ, тихъ, аккуратенъ и даже подобострастенъ; для другого воспитателя эти качества покажутся нисколько не блестящими, и онъ назоветъ отличнымъ разбитного, живого, остраго мальчика и даже упрямца, если въ упрямствѣ его замѣтна энергія воли и благородство. Одинъ будетъ довольствоваться для опредѣленія отличнаго поведенія только тѣмъ, что ученикъ въ теченіе года не былъ замѣченъ ни въ одной шалости и не сдѣлалъ ни одного проступка. Другой, зная, что зло, и не обнаруживающееся, все-таки не перестанетъ быть зломъ, не удовлетворится кондуитнымъ спискомъ, а постарается заглянуть и за кулисы. Короче, если и эпитетъ «отличный» еще выражаетъ понятія чрезвычайно относительныя, то что же сказать о цифрѣ, которая прикрываетъ неопредѣленное понятіе выраженіемъ опредѣленнаго количества? То же самое и въ опредѣленіи успѣховъ и свѣдѣній баллами, которыхъ въ морскомъ учебномъ вѣдомствѣ считается также немало. Непонятно, почему оцѣнщики человѣческихъ свѣдѣній цифрами не хотятъ вникнуть въ главное. Чего требуютъ отъ переводныхъ испытаній, допустивъ даже ихъ необходимость? Не рѣшенія ли простого вопроса: имѣетъ ли испытуемый столько свѣдѣній, чтобы съ пользою продолжать ученіе въ слѣдующемъ классѣ? Какая цѣль экзаменовъ выпускныхъ? Не рѣшеніе ли вопроса: имѣетъ ли испытуемый достаточныя свѣдѣнія для полученія той или другой ученой степени или для занятія той или другой должности? Если такъ, то что можно отвѣчать на эти вопросы? Мнѣ кажется, только: да или н ѣ т ъ. Къ чему же тутъ баллы, цифры дроби, проценты? Уже давнымъ-давно я утверждаю, что чрезъ экзамены мы не должны и не можемъ добиваться узнать maximum свѣдѣній испытуемаго. Этого maximum нѣтъ; потому что по направленію вверхъ нѣтъ никакой границы человѣческихъ свѣдѣній. Но есть законное,—конечно условное,—minimum*. Его-то мы и опредѣляемъ чрезъ испытаніе. Но несмотря на то, что все это дѣло ясно какъ день, мои мысли объ испытаніи едва еще принимаются. Впрочемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ появленіемъ устава объ испытаніи врачей (1846 года), эти убѣжденія нашли отголосокъ, и я увѣренъ, что рано или поздно здравый смыслъ одержитъ побѣду надъ привычкою и теоретическими воззрѣніями.

III.

Что касается до у м с т в е н н а г о о б р а з о в а н і я, то я, разумѣется, могу судить изъ отчетовъ только объ общеобразовательной его сторонѣ.

---

* Вопросъ о неудовлетворительности существующей у насъ системы опредѣленія нравственности и познаній воспитанниковъ возбужденъ въ „Морск. Сбор.“ еще въ 1857 г. г. Шестаковымъ, который, между прочимъ, говоритъ объ американскихъ училищахъ и по поводу ихъ слѣдующее:

„Экзаменъ производится только изъ курса послѣдняго года—и въ этомъ нельзя не видѣть несомнѣнной пользы. Всегда и вездѣ курсъ располагается такъ, что науки, преподавамыя вначалѣ, служатъ только средствами къ понятію окончательныхъ, нужныхъ въ службѣ. Только послѣднія необходимы,—слѣдовательно, не зачѣмъ напрягать память ученика и отвращать его отъ наукъ повтореніемъ азбуки при каждомъ экзаменѣ. Можно весьма легко доказать совершенную безполезность содержанія въ умѣ начальныхъ правилъ нѣкоторыхъ наукъ,—многочисленными примѣрами; но простѣйшій и наиболѣе понятный изъ всѣхъ испытывается каждымъ почти на самомъ себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство, и

Во-первыхъ, слышатся тоже жалобы о недостаткѣ руководствъ и преподавателей спец. наукъ (отч. 24 и 47), какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Слѣдовательно, предстоитъ вопіющая необходимость заняться серьезно составленіемъ однихъ и образованіемъ другихъ. Можно бы заняться и тѣмъ, и другимъ. Но всего необходимѣе для насъ дѣльные учители, и потому всего необходимѣе заняться ихъ подготовленіемъ. Нужно открыть въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ педагогическіе курсы и обезпечить существованіе наставниковъ, давъ сначала имъ средства образоваться и наукою, и практикою. Каждая школа должна быть вмѣстѣ и разсадникомъ учителей. Въ ней они должны найти средства выработать свои педагогическія способности занятіемъ и упражненіемъ съ учениками. Всѣ наши воспитатели-педагоги образуются только тогда, когда уже дѣлаются воспитателями.

Между тѣмъ образовать и учить есть не только искусство, но и наука, которой нужно научиться сначала у другихъ, а не у одного самого себя. Этотъ важный пробѣлъ, хотя и давно уже былъ у насъ замѣченъ, но только теперь обратили на него нѣкоторое вниманіе, и съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ успѣховъ нашей гражданственности, мы все болѣе и болѣе будемъ чувствовать его слѣдствія. Составители отчетовъ, какъ видно, приписываютъ большое значенію числу лицъ въ дѣлѣ воспитанія. Они требуютъ только увеличенія числа воспитателей, предлагая для этой цѣли усилить штатъ ротныхъ офицеровъ, вѣроятно, въ твердомъ убѣжденіи, что изъ нихъ можно легко выбрать образователей юношества, безъ всякой искусственной подготовки къ этому мѣсту. Такъ легко оно кажется. Нѣтъ, не подготовивъ серьезно и научно людей къ исполненію этихъ обязанностей, мы никогда не достигнемъ желанной цѣли въ дѣлѣ образованія. Эти подготовки должны быть теперь нашимъ краеугольнымъ камнемъ, если мы хотимъ жить въ

въ томъ числѣ люди весьма полезные, у насъ не скажутъ наизусть русской азбуки въ послѣдовательномъ порядкѣ, а между прочимъ это нимало не мѣшаетъ имъ читать все, касающееся ихъ обязанности, понимать читаемое и прилагать его къ дѣлу. При нашей методѣ экзаменовъ изъ всего курса, достоинство воспитанника основывается единственно на памяти, которая, какъ извѣстно, не есть мѣрило ни способностей человѣка, ни его рвенія.

„Еще важная особенность обѣихъ американскихъ академій состоитъ въ оцѣнкѣ поведенія воспитанниковъ. Существующій у насъ способъ означать нравственность цифрами не удовлетворяетъ цѣли —не выдержитъ самаго снисходительнаго даже разбора. Это—произведеніе больного ума, до того увлекшагося математическими выкладками, что высшій моральный вопросъ былъ совершенно упущенъ.

„Въ обществѣ, для котораго молодые люди воспитываются, существуетъ только два различія—есть люди хорошіе и дурные. Можно еще допустить посредственность; но раздѣленіе качествъ воспитанниковъ на 12 степеней несообразно ни съ тѣмъ, что бываетъ въ обществѣ, ни съ здравымъ разсудкомъ. Идея эмуляціи, безмѣрно развитая въ Германіи, примѣняется тамъ, сколько мнѣ извѣстно, къ наукамъ и ремесламъ, а не къ поведенію. Умъ несравненно эластичнѣе нравственности, и соревнованіе, возбуждаемое дробною разностью въ баллахъ поведенія, будучи противно естеству, весьма вредно. Если взять, напримѣръ, кадетъ съ 12 и 10 баллами, разность между ними окажется единственно въ темпераментѣ. Одинъ — флегматикъ, и потому избавленъ природою отъ дѣтскихъ промаховъ, другой—боекъ, рѣзокъ, стоитъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ, но въ немъ сильно кипитъ кровь. Между тѣмъ, зная, что отъ большаго числа балловъ будетъ зависѣть его повышеніе въ спискѣ выхода, по свойственному каждому самолюбію, рѣзвый мальчикъ будетъ добиваться тѣхъ же 12-ти балловъ однимъ изъ двухъ способовъ: или переламывая свою дѣтскую природу, вѣчно наблюдая за собою, удерживая себя, (а это можетъ породить въ неокрѣпшемъ еще тѣлѣ болѣзни и непремѣнно отвлечетъ его мысли отъ наукъ),—или ведя себя скромно на глазахъ офицеровъ и предаваясь шалостямъ въ ихъ отсутствіи,— а отъ этого рождается пагубная привычка обманывать, притворяться. Судьба многихъ,— достигшихъ въ корпусѣ maximum'a нравственности—на службѣ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ приведенныхъ выше доводовъ. Система американскихъ заведеній, къ сожалѣнію, основанная также на цифрахъ, болѣе соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ, цѣли. Здѣсь цифрами клеймится дурное поведеніе. Проступки раздѣлены

будущемъ. Впрочемъ, въ отчетѣ начальника инженернаго и артиллерійскаго училища обращено вниманіе на это: онъ говоритъ, что «давно ощущается необходимость въ преобразованіи учебныхъ заведеній морского вѣдомства, но полагаю, что никакое преобразованіе не принесетъ желанной пользы, если предварительно не будетъ достигнута возможность имѣть такихъ офицеровъ-преподавателей, которые основательно бы знали свое дѣло и при этомъ умѣли бы систематически передавать свои познанія учащимся, будетъ ли это теорія, или практика» (стр. 48). Никто, сколько-нибудь знающій наши учебныя заведенія, не усомнится въ справедливости словъ г. начальника. Но достигнуть этого иначе нельзя, какъ открывъ для желающихъ возможность въ самой школѣ научиться образовать другихъ. Для этого-то именно и должны служить педагогическіе курсы при учебныхъ заведеніяхъ, въ которые, разумѣется, поступали бы только тѣ, которые уже кончили курсъ наукъ и желали бы себя посвятить исключительно педагогической дѣятельности. Имъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ, болѣе опытныхъ педагоговъ, должны быть поручены внѣ-классныя занятія съ учениками. Вмѣстѣ съ этими занятіями должно обращать вниманіе молодыхъ педагоговъ на различные недостатки въ изложеніи предмета, предлагая имъ изыскать мѣры для объясненія всего того, что трудно понимается учениками, и заставляя ихъ дѣйствовать различными педагогическими пріемами на внимательность учениковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно дать будущимъ наставникамъ и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукѣ и ея приложеніяхъ.

Наконецъ, закончу мои замѣчанія еще однимъ, касающимся до распредѣленія времени занятій разными предметами. Мнѣ кажется, что какъ бы ни было спеціально образованіе моряковъ, штурмановъ, инженеровъ и артиллеристовъ, но для нихъ всѣхъ занятіе исторіею, по крайней мѣрѣ столько же необходимо, какъ и изученіе языковъ. Между тѣмъ изъ от-

на восемь степеней. Неблагородство и неспособности ведутъ прямо къ исключенію. За всякій проступокъ ставится противъ имени кадета извѣстное число—отъ десяти до одного. Въ первый годъ пребыванія въ академіи поведеніе не берется въ разсчетъ; новичку даютъ время узнать все, что отъ него требуется. Если въ годъ наберется 150 такихъ балловъ, воспитанникъ лишается права на долговременный отпускъ къ роднымъ, который дозволяется по прошествіи двухъ лѣтъ пребыванія въ академіи, а въ случаѣ увеличенія до 200,—исключается, если нѣтъ извинительныхъ причинъ. Въ третій годъ пребыванія въ академіи, къ числу накопившихся балловъ прибавляютъ 1/6, въ четвертый—1/5, а въ послѣдній—половину. Цѣль такой прогрессіи соотвѣтствуетъ большей способности наблюдать за собою, растущей съ возрастомъ. Воспитатели-счетчики, безъ сомнѣнія, скажутъ, что наша и американская методы одинаковы; но вникающіе въ предметъ глубоко—увидятъ, что въ двухъ способахъ общее—только цифры; во всемъ остальномъ они противоположны. Обозначая цифрами каждый проступокъ, съ вѣдома самого провинившагося и согласно утвержденной постановленіями мѣрѣ, кадету безпрестанно напоминаютъ, чего онъ не долженъ дѣлать; ставя же одному въ концѣ мѣсяца 9 балловъ, а другому 12, конечно, не только не дадутъ отчета кадетамъ, за что сдѣлали между ними такую разницу,—но и самому себѣ. Отсюда со стороны воспитателей произволъ и несправедливость, а со стороны кадетъ—уловка поправиться въ послѣднюю половину мѣсяца, въ надеждѣ прощенія проступковъ въ первой, разумѣется съ преднамѣреніемъ вновь дать свободу наклонностямъ въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Притомъ кадетъ не узнаетъ опредѣлительно, что ему дозволено, и что запрещено, какъ по американской методѣ. Но главное противорѣчіе двухъ системъ—въ томъ, что при нашей вселяется невольно мысль, будто хорошее поведеніе достойно наградъ, и не есть необходимое условіе въ быту, а при американской, хорошее поведеніе есть правило, дурное—исключеніе. Несмотря на большую раціональность здѣшней системы, послѣдняя экзаменная коммиссія просила конгрессъ сдѣлать измѣненія, при которыхъ поведеніе въ академіи имѣло бы менѣе вліянія на будущую служебную участь воспитанника.—По мнѣнію этой коммиссіи, при существующихъ постановленіяхъ, исключающихъ за пороки и недостатки, на службѣ нетерпимые, остальные проступки, по маловажности своей и легкости, съ которою отъ нихъ отстаютъ, живя въ обществѣ, не должны затмевать способностей, которыя не пріобрѣтаются. „М. Сб.“ 1857 г., № 9 Смѣсь, стр. 26—29.

четовъ видно, что эта наука преподается въ инженерномъ и штурманскомъ училищахъ не болѣе одного раза, тогда какъ языки французскій и англійскій преподаются 3 раза въ недѣлю. Я нахожу излишнимъ здѣсь распространяться, въ какой мѣрѣ изученіе исторіи дѣйствуетъ на развитіе и на воспитаніе молодого человѣка. Въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ дается учащимся реальное или утилитарное направленіе, остаются, кромѣ закона божія, только два предмета, которые обращаютъ вниманіе человѣка на міръ внутренній (субъективный), т.-е. на самого себя,—это исторія и словесность. А оставлять этотъ міръ слишкомъ закрытымъ—значитъ, черствить спеціалиста, и безъ этого уже слишкомъ погруженнаго въ міръ объективный.

IV.

Читая въ отчетахъ о воспитаніи нравственномъ, результаты котораго, какъ я уже сказалъ, выражаются цифрами, нужно замѣтить, что тѣлесныя наказанія въ училищахъ инженерномъ и артиллерійскомъ, и штурманскомъ, играютъ, какъ кажется, слишкомъ значительную роль. Изъ отчетовъ этихъ двухъ училищъ видно, что въ первомъ подвергались тѣлесному наказанію изъ 19 учащихся 1, а во второмъ—даже изъ 13—1 ученикъ; всего разительнѣе и наименѣе сообразно съ педагогическими правилами есть то, что въ этихъ училищахъ и за лѣность присуждается тѣлесное наказаніе. Розги еще не скоро выведутся изъ употребленія въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ, хотя опытъ показываетъ, что, обративъ вниманіе, предпринявъ нѣкоторыя мѣры и вооружась терпѣніемъ, можно безъ нихъ справиться даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прежде это казалось невозможнымъ. Но изъ всѣхъ проступковъ, безъ сомнѣнія, лѣность всего менѣе подходитъ къ категоріи тѣхъ, которые требуютъ тѣлеснаго наказанія. Одно изъ двухъ: лѣность есть слѣдствіе или какого-нибудь физическаго недостатка, или недостатка охоты и воли. Но ни та, ни другая причина не можетъ быть устранена розгою. Правда, подъ именемъ лѣности часто разумѣютъ разсѣянность ребенка или особенное настроеніе умственныхъ способностей, препятствующее ему сосредоточить вниманіе на занятіи тѣмъ или другимъ предметомъ. Но это, во-первыхъ, не лѣность, а во-вторыхъ, противъ разсѣянности и особеннаго настроенія ума и воображенія есть много другихъ, болѣе надежныхъ средствъ, какъ, напримѣръ, сосредоточенное вниманіе наставника, въ классахъ, на такихъ ученикахъ, или же, наконецъ, арестъ въ уединенномъ мѣстѣ, соединенный съ занятіемъ. Да изъ отчета и видно, что инспекторъ классовъ судитъ о лѣности по класснымъ журналамъ, то-есть по отмѣткамъ преподавателей о знаніи уроковъ. Кто изъ знающихъ дѣло не видитъ, что такое сужденіе о лѣности—болѣе чѣмъ шатко; ученикъ можетъ нѣсколько разъ не знать своего урока совсѣмъ не отъ лѣности, а именно отъ разсѣянности, отъ непонятливости и отъ причинъ, указанныхъ въ самомъ же отчетѣ, гдѣ говорится: «что нѣкоторые, хотя и лѣнивые, и съ малыми способностями, воспитанники занимаются съ успѣхомъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ преподаватель основательно знаетъ свой предметъ». Неужели нужно сѣчь и такихъ воспитанниковъ, которые лѣнятся въ классахъ, гдѣ преподаватель н е о с н о в а т е л ь н о знаетъ свой предметъ? Вообще, какъ кажется, въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, также какъ и вообще во всѣхъ нашихъ училищахъ, мало заботятся о с о о т в ѣ т с т в е н н о с т и н а к а з а н і я н а т у р ѣ п р о с т у п к а. Между тѣмъ здравая педагогика предписываетъ именно, чтобы всякое наказаніе, сколько можно, соотвѣтствовало свойству проступка и, такъ сказать, само собою бы слѣдовало за нимъ. Такъ, напримѣръ, изъ отчета о штурманскомъ училищѣ видно, что изъ 27 подвергавшихся тѣлесному наказанію наказаны: 9 за упорную лѣность, 3—за куреніе табаку, 4—за ослушаніе, 6—за грубость, 4—за драку, 1—за шалость. Слѣдовательно за самые разнородные поступки присуждалось одно и то же

—розги. Что же руководило въ этихъ случаяхъ педагога при опредѣленіи наказанія? Страхъ и физическое сотрясеніе — вотъ дѣйствіе розги. Но страхъ, какъ это опытъ показываетъ, нисколько не зависитъ отъ степени наказанія, а отъ убѣжденія, что ни одна вина не останется безнаказанною. Сотрясеніе же полезно только въ тѣхъ проступкахъ, въ которыхъ воля виновнаго совершенно опустилась и ослабла, и слѣдовательно въ проступкахъ болѣе пассивныхъ и чисто животной натуры, дѣлая которые, виновный забываетъ, что онъ — человѣкъ, и превращается временно въ животное. Но ослушникъ, шалунъ, курящій табакъ, могутъ быть, напротивъ, личности, владѣющія большимъ запасомъ воли, и тогда розга, сотрясая, раздражаетъ и вредитъ, а не помогаетъ.

Вообще, я остаюсь того мнѣнія, что въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ исправительныя мѣры и наказанія для каждаго рода проступковъ должны быть не только опредѣлены съ точностью, но и объявлены положительно всѣмъ ученикамъ и воспитателямъ. Объявивъ эти мѣры къ всеобщему свѣдѣнію, учебное начальство должно озаботиться, чтобы онѣ и исполнялись въ точности и безъ всякихъ отступленій. У насъ нужно пріучать молодыхъ людей съ раннихъ лѣтъ къ законности; они должны знать положительно, что ожидаетъ ихъ за тотъ или другой проступокъ и какія обстоятельства начальство беретъ въ соображеніе, опредѣляя степень вины ихъ и мѣру наказанія. Еще болѣе они должны быть убѣждены, что наказанія опредѣляются не по произволу начальника, а по утвержденнымъ постановленіямъ. Наконецъ, чувство справедливости въ учащихся разовьется еще болѣе, если они убѣдятся, что воспитатели ихъ вѣрно и безпристрастно слѣдуютъ однажды принятымъ постановленіямъ, не дѣлая никакихъ исключеній. На этихъ основаніяхъ я ввелъ въ гимназіяхъ кіевскаго учебнаго округа краткій кодексъ для учащихся и для воспитателей, содержащій въ себѣ правила о проступкахъ и наказаніяхъ, и, несмотря на многія его несовершенства, я твердо увѣренъ, что онъ рано или поздно окажетъ вліяніе на нравственность воспитанниковъ, особливо если воспитатели добросовѣстно постараются объ исполненіи предписываемыхъ имъ правилъ.

Странно показалось еще мнѣ въ статьѣ отчетовъ о надзорѣ за поведеніемъ, что въ кондуитные списки учениковъ вносится, вмѣстѣ съ баллами за поведеніе, и отмѣтка о знаніи фронтовой службы (см. Отч. инж.арт. уч., стр. 10). Мнѣ кажется, что фронтовая служба, какъ всякое техническое знаніе, не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности и поведенію учащихся.

Изъ отчетовъ видно также, что въ морскомъ учебномъ вѣдомствѣ, какъ и въ нашихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, естественная связь между учителями и учащимися нарушена. Учители только отмѣчаютъ въ классныхъ журналахъ, кто зналъ и не зналъ уроки. («Въ классахъ имѣлись журналы, въ которыхъ обозначались лекціи, какія читались. Также вносили замѣчанія о прилежныхъ и лѣнивыхъ. Въ субботу инспекторомъ классовъ дѣлался выборъ изъ этихъ журналовъ». Отч. инжен. и арт. учил., стр. 10). Инспекторъ классовъ въ концѣ недѣли судитъ и дѣлаетъ расправу по этимъ журналамъ. Учители остаются въ сторонѣ,—они, разумѣется, очень довольны этимъ. Воспитательный комитетъ состоитъ изъ инспектора, его помощниковъ и ротныхъ командировъ. Слѣдовательно воспитательный элементъ науки совершенно удаленъ отъ дѣла воспитанія. Правда, ротные командиры занимаются преподаваніемъ наукъ (см. Отч. объ инжен. учил., стр. 25); но именно потому начальство училищъ и жалуется, что число ихъ недостаточно, и потому считаетъ «необходимымъ, по примѣру прочихъ учебныхъ заведеній, при каждой ротѣ имѣть, кромѣ ротнаго командира, не менѣе четырехъ такихъ офицеровъ —в о с п и т а т е л е й» (ibidem). Какъ бы различныя обстоятельства ни оправдывали необходимость такого рода воспитанія, но все-таки оно неестественно, и недостатки его именно потому важны, что наукѣ и представите-

лямъ ея—учителямъ—не дается почти никакого мѣста въ дѣлѣ нравственнаго образованія.

Нравственная и научная сторона остаются совершенно раздѣльными, а это не можетъ быть полезно ни для нравственности, ни для науки. Трудно еще убѣдить у насъ, что наука нужна не для одного только пріобрѣтенія свѣдѣній, что въ ней кроется,—иногда глубоко, и потому для поверхностнаго наблюдателя незамѣтно,—другой важный элементъ—воспитательный. Кто не съумѣетъ имъ воспользоваться, тотъ еще не знаетъ всѣхъ свойствъ науки и выпускаетъ изъ рукъ своихъ такой рычагъ, которымъ можно легко поднять большія тяжести.

Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.[34]

Въ чемъ состоятъ главныя начала проекта? Проведены-ли они съ безукоризненною послѣдовательностью? Исполнимы-ли они на дѣлѣ и примѣнимы-ли они къ настоящему состоянію нашего общества? Вотъ вопросы, которые я предполагаю рѣшить, основываясь на собственныхъ убѣжденіяхъ и на собственномъ опытѣ.

Въ основныхъ началахъ проекта господствуетъ эклектизмъ. Такъ, въ направленіи ученія выразилось желаніе соединить гуманизмъ съ реализмомъ; въ учрежденіи и открытіи школъ правительственная монополія соединяется съ свободною конкурренціею; въ администраціи коллегіальное начало идетъ рука-объ-руку съ бюрократическимъ; наконецъ, въ назначеніи училищъ, открываемыхъ для всѣхъ званій, проявляется и начало сословное. Избрать изъ различныхъ тенденцій и соединить вмѣстѣ все хорошее, избѣгнуть всѣхъ крайностей—мысль весьма естественная и благая. Она почти всегда руководствуетъ учредителей новаго порядка. Но, при всемъ желаніи и при всемъ умѣньи извлекать изъ крайностей одно только хорошее, рѣдко удается, однако-же, избѣгнуть обыкновенныхъ и почти неминуемыхъ слѣдствій эклектизма, которыя состоятъ въ томъ, что, вмѣсто соединенія всѣхъ выгодныхъ сторонъ различныхъ крайностей, на дѣлѣ выступаютъ наружу новые недостатки. Можно-ли, напримѣръ, соединить въ одной и той же школѣ старый гуманизмъ съ новымъ реализмомъ такъ, чтобы недостатки одного уничтожались выгодною стороною другого? Не выйдетъ-ли изъ этой смѣси что-то новое, не имѣющее отличительныхъ свойствъ ни того, ни другого, и, слѣдовательно, что-то безцвѣтное и безхарактерное? Можно-ли коллегіальное и выборное начало, сближающее различные интересы и ограничивающее произволъ, соединить съ іерархическимъ бюрократизмомъ? Остановимся на самомъ существенномъ:

1) Направленіе ученія. Оно собственно нигдѣ прямо не высказано. Въ § 173 говорится только, что гимназіи имѣютъ цѣлью развить молодыхъ людей посредствомъ обученія общеобразовательнымъ наукамъ. Но какія науки проектъ принимаетъ за общеобразовательныя — нигдѣ не говорится. Между тѣмъ, въ наше время, отвѣтъ на такой вопросъ не такъ простъ, какъ это было прежде, когда всѣ знали, что называлось humaniora. Теперь и политическую экономію, и статистику уже хотятъ внести въ гимназическій курсъ: слѣдовательно, считаютъ и эти спеціальныя науки общеобразовательными. Но, положимъ, нѣтъ и нужды въ уставѣ слишкомъ распространяться о направленіи ученія. Оно и безъ того разъяснится, какъ скоро узнаемъ, сколько времени опре-

дѣлено въ распредѣленіи часовъ для обученія тому или другому предмету. Итакъ, посмотримъ на таблицу распредѣленія уроковъ. Мы видимъ, что въ нормальной гимназіи положено для рускаго языка 24 часа, для двухъ древнихъ языковъ — въ недѣлю 41 часъ (для латинскаго 24 и для греческаго 17), для двухъ новыхъ языковъ—46 часовъ (23 для нѣмецкаго и 23 часа для французскаго), для математики и естествовѣдѣнія — 38 (для первой 22, для второго 16), а для исторіи и географіи — 22 часа (для первой 13, для второй 9). Отдѣлимъ отечественный языкъ, математику и географію, какъ предметы необходимые, всегда, которые бы изъ двухъ направленій ученія (классическое или реальное) ни было избрано, потому что эти три предмета, по крайней мѣрѣ въ наше время, настолько же относятся къ реальному, какъ и къ классическому образованію. Отдѣливъ, мы увидимъ, что 54 часа назначены для предметовъ чисто-классическихъ (то-есть 41 часъ для древнихъ языковъ и 13 часовъ для исторіи) и 62 часа — для предметовъ реальныхъ (46 ч. для двухъ новыхъ языковъ и 16 часовъ для естествовѣдѣнія). Изъ этого будетъ слѣдовать, что проектъ колеблется между двумя направленіями, отдавая нѣкоторое преимущество реальному. Неминуемымъ слѣдствіемъ такого колебанія въ началахъ будетъ то же, въ чемъ и теперь можно упрекнуть наши гимназіи: —обремененіе учащихся множествомъ разнородныхъ предметовъ и поверхностность въ образованіи, которая иногда хуже незнанія. Да едва-ли упрекъ новому уставу не будетъ въ этомъ отношеніи еще сильнѣе, потому что онъ прибавляетъ еще одинъ предметъ — греческій языкъ.

Если германскія, нѣкоторыя англійскія и нѣкоторыя французскія школы пользуются уже давно заслуженнымъ уваженіемъ, то это именно потому, что онѣ идутъ вѣрно по одному, однажды ими принятому, направленію; а наши школы, мнѣ кажется, именно потому неславны результатами, что онѣ съ самаго начала текущаго столѣтія безпрестанно колебались, стремясь приблизиться въ направленіи то къ германскимъ, то къ наполеоновскимъ. Если же эта нерѣшительность, перемѣна взглядовъ и частые переходы отъ одного направленія къ другому отчасти и оправдываются степенью образованія нашего общества и различными потребностями нашего обширнаго отечества; если мы до сихъ поръ не могли еще достаточно убѣдиться изъ опыта, что необходимѣе для нашего образованія—гуманизмъ или реализмъ: то, вмѣсто того, чтобы, колеблясь между двумя, смѣшивать оба вмѣстѣ, не лучше-ли бы было, отдѣливъ рѣзко классическое направленіе отъ реальнаго, учредить и два совершенно отдѣльные рода среднихъ учебныхъ заведеній, предоставивъ проводить всецѣло одному одно, а другому другое направленіе?—Не видимъ-ли мы и теперь жалкихъ слѣдствій этихъ попытокъ насильственнаго соединенія двухъ противоположныхъ началъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи? Отчего наши гимназисты и даже большая часть студентовъ не отличаются ни самостоятельностью научнаго труда, ни склонностью къ серьезно-научнымъ занятіямъ? Не оттого-ли, что, обремененные изученіемъ множества разнородныхъ предметовъ, они съ самаго начала ихъ образованія пріучаются скользить мыслью по одной поверхности, не имѣя ни силъ, ни времени, ни побужденій, ни умѣнья, углубиться въ изученіе, и по-неволѣ дѣлаются скорѣе верхоглядами, чѣмъ солидно - образованными людьми, способными къ самодѣятельности.

Правда, проектъ устава допускаетъ раздѣленіе среднихъ учебныхъ заведеній на нормальныя и такія, въ которыхъ преподается естествовѣдѣніе въ большемъ объемѣ; то-есть, проектъ почти-что допускаетъ раздѣленіе гимназій на классическія и реальныя. Но мы видѣли, что въ нормальныхъ гимназіяхъ ни классическое, ни реальное направленіе не выразилось ясно и точно; а въ другихъ (см. таблицу № 11) вмѣстѣ съ естествовѣдѣніемъ, преподаваемымъ въ большомъ объемѣ, латинскій языкъ признанъ обязательнымъ и для него назначено 19 часовъ въ недѣлю, а для преподаванія исторіи,—несмотря на то, что она принад-

лежитъ къ существеннымъ предметамъ гуманизма,—въ этихъ гимназіяхъ назначено 2 часами болѣе въ недѣлю, чѣмъ въ гимназіяхъ нормальныхъ. Итакъ, рѣзкаго и точнаго раздѣленія учебныхъ заведеній по двумъ различнымъ направленіямъ проектъ не допускаетъ. Онъ, и принявъ два рода гимназій, все-таки нерѣшительно колеблется въ избраніи предметовъ для той и другой. Но, признавъ необходимымъ и гуманизмъ, и реализмъ, если мы не раздѣлимъ точно одного отъ другого и не скажемъ: пусть это заведеніе будетъ назначено для изученія humaniora, а это — для предметовъ реальныхъ, то и другое—въ такомъ объемѣ, который необходимъ для солиднаго образованія, — то намъ не видать самостоятельныхъ дѣятелей науки, намъ не видать и истинно-образованныхъ людей. Наше образованіе останется на той же поверхности, на которой оно стоитъ и теперь. Развѣ, можетъ быть, время и новыя потребности общества сдѣлаютъ и безъ насъ то, чего мы не могли достигнуть нашими школами.— Мы должны допустить это рѣзкое раздѣленіе по двумъ направленіямъ нашихъ училищъ, потому что оно въ настоящее время найдетъ уже достойное приложеніе къ жизни. Мы теперь не безъ людей, желающихъ высшаго образованія, хотя еще ихъ и немного; число ихъ, нѣтъ сомнѣнія, еще увеличится, если одинъ родъ школъ поддержитъ и разовьетъ эту наклонность. Мы имѣемъ опять много такихъ, которые, по несклонности и по недостатку матеріальныхъ средствъ, не могутъ долго учиться и просятся скорѣе въ практическую жизнь. Мы должны удовлетворить и тѣхъ, и другихъ. Для однихъ пусть будутъ назначены классическія гимназіи, открывающія прямой путь въ университеты, для другихъ — реальныя, съ выходомъ въ практическую жизнь. Здѣсь не мѣсто распространяться, почему я отдаю безусловно преимущество классическому образованію для вступающихъ въ университетъ. Скажу только, что это я дѣлаю потому, что приписываю высшую образовательную силу исключительно глубокому изученію древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики. Я сошлюсь въ этомъ на вѣковой опытъ, который, вопреки всѣмъ возгласамъ противниковъ, всетаки доказалъ, что изученіе этихъ наукъ одно и с а м о п о с е б ѣ уже достаточно образуетъ и развиваетъ духъ человѣка, приготовляя его къ воспринятію всевозможныхъ — и нравственныхъ, и научныхъ — истинъ. Оно достигаетъ этой цѣли, имѣя предметомъ преимущественно міръ внутренній (субъективный) человѣка, (то-есть самого себя), открываемый религіею, словомъ и исторіею, и міръ внѣшній (объективный), изслѣдуемый математикою въ ближайшей его связи (черезъ отвлеченіе) съ міромъ внутреннимъ. Реализмъ же хотя и развиваетъ наблюдательную способность и разумъ человѣка—упражненіемъ чувствъ и изученіемъ міра внѣшняго, но никогда еще одинъ, самъ по себѣ, не могъ вполнѣ развить всѣ высшія способности духа. Соединить эти два начала можно, но не иначе какъ насчетъ полноты и глубины изученія каждой изъ образовательныхъ наукъ, входящихъ въ составъ и того, и другого; а тогда легко можетъ случиться,—какъ и случается на дѣлѣ,—что чрезъ насильственное соединеніе выходятъ наружу одни только недостатки и того, и другого. Но точно и рѣзко отдѣлить одно направленіе ученія отъ другого еще не значитъ замкнуть безвыходно переходъ отъ одного къ другому. Въ жизни молодого человѣка встрѣчается столько и нравственныхъ, и матеріальныхъ перемѣнъ, что несправедливо бы было дѣлать ему невозможнымъ этотъ переходъ отъ одного направленія къ другому. Поэтому самымъ главнымъ основаніемъ въ учрежденіи школъ, по моему мнѣнію, вмѣстѣ съ точнымъ раздѣленіемъ направленій, должна служить неразрывность въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ границахъ. Въ каждой школѣ, начиная съ элементарной и доходя до университета, образованіе должно быть закончено и округлено до извѣстной степени, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно такъ распорядиться, чтобы каждая школа могла служить и преддверіемъ другой. Это важное условіе также не совершенно выполнено въ проектѣ ус-

тава. Въ высшихъ народныхъ училищахъ проектъ не представляетъ почти никакой возможности перехода ни въ гимназіи, ни въ университетъ. Изъ низшихъ народныхъ училищъ, въ которыхъ курсъ ученія не ограниченъ временемъ, переходъ возможенъ только въ первый классъ гимназіи. Такимъ образомъ низшія и высшія народныя училища составляютъ учрежденія почти совсѣмъ замкнутыя, и кончившій четырехъ-лѣтній курсъ въ высшемъ народномъ училищѣ можетъ едва поступить только въ первый классъ гимназіи.—Но какъ достигнуть законченности ученія въ каждой школѣ, не прерывая общей связи всѣхъ учебныхъ учрежденій? Какъ сдѣлать, другими словами, чтобы каждая школа готовила и къ выходу въ жизнь, и къ переходу въ другое высшее учебное заведеніе? Не понадобится-ли, именно для достиженія этой цѣли, соединеніе въ каждой школѣ классическаго направленія съ реальнымъ? Отвѣтъ, я думаю, не такъ труденъ, какъ онъ кажется, но онъ приводитъ насъ къ разбору другого начала, а именно:

2) Сословность въ учрежденіи школъ. Для рѣшенія сдѣланныхъ вопросовъ стоитъ только принять за аксіому, столь же важную и въ педагогическомъ, и въ нравственномъ, и въ государственномъ отношеніи, что ученіе до извѣстнаго возраста должно быть одно и то же для всѣхъ сословій и для всѣхъ состояній. Вѣрно, всѣ согласны, что первыя основанія закона божія, грамотности и счетности нужны для всѣхъ. Вѣрно, не будутъ противорѣчить и тому, что при воспитаніи всѣхъ сословій необходимо осмыслить все окружающее и развить мыслительную и наблюдательную способности души посредствомъ нагляднаго ученія. Это, со временъ Песталоцци, сдѣлалось также аксіомою. И я не буду противорѣчить тѣмъ, которые утверждаютъ, что для дѣтей высшихъ сословій необходимы, кромѣ грамоты, счетности и нагляднаго ученія, еще практическія упражненія въ языкахъ. Эти сословные предразсудки въ наше время не стоятъ опроверженія. Кто хочетъ, можетъ пожалуй, учить дѣтей, только-что вышедшихъ изъ пеленокъ, лепетать на трехъ и на четырехъ языкахъ; но, по моему, всѣ сословія гораздо болѣе выиграютъ, если научатъ ихъ мыслить хорошо, хотя и на одномъ—своемъ природномъ. Итакъ, согласимся, во-первыхъ, чтобы элементарныя школы, по числу и свойству предметовъ, были для всѣхъ безъ исключенія однѣ и тѣ же. Это, кажется, принимаетъ и проектъ устава, говоря о низшихъ народныхъ училищахъ, что «цѣль ихъ заключается въ распространеніи первоначальныхъ, всякому нужныхъ, свѣдѣній между людьми всѣхъ сословій» (§ 19). Говоря это,—скажу мимоходомъ,—проекту слѣдовало бы для нашей публики и назвать эти школы не низшими народными, а первоначальными или элементарными, потому что названіе народныхъ школъ, взятое съ нѣмецкаго Volksschule, для нѣмца имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, нежели для русскаго.

Но если въ предѣлахъ элементарнаго ученія нельзя встрѣтить серьезныхъ разногласій; то за предѣлами его взгляды дѣлаются діаметрально противоположными. Одни, и къ числу ихъ принадлежатъ и составители проекта, тотчасъ же за этими предѣлами назначаютъ для воспитанія извѣстныхъ сословій,—и не только низшаго, но и торговаго и промышленнаго,—особенный родъ школъ, совершенно выключенный изъ связи съ другими высшими учебными учрежденіями и открывающій одинъ выходъ—въ практическую или, лучше, въ одну меркантильную жизнь. Это школы высшія народныя проекта, «назначенныя преимущественно для лицъ промышленнаго и торговаго класса» (§ 52). Другіе—и къ числу ихъ принадлежу и я—желаютъ непрерывной связи между всѣми учебными заведеніями государства, не уничтожая, какъ я уже сказалъ, извѣстной законченности въ курсѣ ученія каждаго изъ нихъ. Если вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ уничтожится и самая сильная преграда, раздѣляющая наши сословія; если проектъ назначаетъ и низшія народныя училища, и прогимназіи, и гимназіи для всѣхъ сословій; если, наконецъ, наши уни-

верситеты откроются также для всѣхъ сословій: то для чего же одни высшія народныя училища проекта будутъ составлять исключеніе? Или, можетъ быть, учрежденіе ихъ оправдывается особенными потребностями нашего торговаго и промышленнаго общества? Нисколько; какъ наши мѣщане, горожане, промышленники, ремесленники и купцы не посылали своихъ дѣтей въ теперешнія уѣздныя училища, такъ точно они не будутъ ихъ посылать и въ высшія народныя. Почему наши уѣздныя училища теперь пусты, или если и ходятъ туда ученики, то не дѣти мѣщанъ и купцовъ, а чиновниковъ, однодворцевъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ? По весьма простой причинѣ: ни ремесленники, ни купцы, ни мѣщане, не видятъ ни надобности, ни выгоды, 3 или 4 года учить въ школѣ дѣтей своихъ, тогда какъ они, и на самихъ себѣ, и на другихъ, видятъ, что у насъ можно быть и зажиточнымъ мѣщаниномъ, и занятымъ ремесленникомъ, и даже богатымъ купцомъ—и безъ училища. «Для чего,—разсуждаютъ отцы,—наши дѣти должны терять три или четыре года и учиться тамъ, когда этого совсѣмъ не нужно, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ мы сдѣлались и даже гораздо лучше насъ? Если они научатся гдѣ нибудь и какъ-нибудь читать, писать да считать, такъ они и безъ училища пойдутъ дальше нашего, лишь бы научились помогать намъ и наживать деньги». И они правы, хотя, можетъ быть, и недальновидны. Развѣ наши законы или наше общество требуютъ отъ ремесленника, отъ торгаша и даже отъ купца, —какой бы онъ ни былъ гильдіи,— грамотности или окончанія курса въ училищѣ? Развѣ училище даетъ имъ особыя права на вступленіе въ гильдіи, на производство торговли?—Почему же полагаетъ проектъ, что, съ перемѣною названія уѣздныхъ училищъ на высшія народныя школы, тѣ же самые ремесленники, купцы и мѣщане будутъ туда охотнѣе посылать своихъ дѣтей? Неужели только потому, что вмѣсто штатнаго смотрителя будетъ инспекторъ, вмѣсто почетнаго смотрителя изъ дворянъ— будетъ попечительный совѣтъ, въ которомъ засѣдаетъ градской глава, или потому что курсъ, вмѣсто 3-хъ-лѣтняго, будетъ продолжаться еще долѣе, и что, можетъ быть, откроются дополнительные курсы и публичныя лекціи? Или, можетъ быть, проектъ предоставляетъ новымъ училищамъ и другія права, важныя для торговаго и промышленнаго сословія? Нѣтъ, «аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи курса даетъ только такія преимущества, которыми не можетъ воспользоваться ни купецъ, ни мѣщанинъ. Аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи курса даетъ тому преимущество на вступленіе въ государственную службу, кто, на основаніи существующихъ положеній, имѣетъ на это право (§ 135)»; но права вступить въ службу не имѣетъ ни мѣщанинъ, ни ремесленникъ. Вступить въ высшее учебное заведеніе, не приготовившись въ среднемъ, онъ также не можетъ; а если у нѣкоторыхъ лицъ изъ этого класса встрѣтится высшее понятіе объ образованіи, то, будь у нихъ только средства, они пошлютъ скорѣе своихъ дѣтей въ губернскую гимназію, чѣмъ въ училище, которое такъ мало отличается отъ уѣзднаго.

Итакъ, были двѣ главныя причины, почему наши уѣздныя училища мало посѣщались коренными жителями городовъ—мѣщанами, ремесленниками и купцами. Это 1) совершенная необязательность предъявлять предъ обществомъ, при вступленіи въ цехи, въ гильдіи и для полученія права на торговлю, хотя какую-нибудь степень образованія, и 2) малая потребность образованія со стороны самаго общества, для достиженія промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Эти двѣ причины остаются и теперь. Поэтому, мнѣ кажется, у насъ только и есть въ рукахъ два средства поднять образованіе народа въ городахъ: 1) сдѣлать обязательными для однихъ грамотность, для другихъ —окончаніе курса въ элементарныхъ училищахъ, предоставивъ только однимъ грамотнымъ права для полученія торговыхъ свидѣтельствъ и для всту-

пленія изъ поселянъ въ мѣщане и въ цехи, и только однимъ кончившимъ курсъ въ этихъ училищахъ—права на вступленіе въ гильдіи; 2) приспособить ученіе въ элементарныхъ школахъ въ настоящимъ потребностямъ городского общества, которое, для достиженія промышленныхъ и торговыхъ цѣлей, ни въ чемъ покуда не нуждается болѣе, какъ только въ первыхъ началахъ закона божія, въ грамотности и умѣньи писать и читать. Первая изъ этихъ мѣръ уже и предлагается отчасти § 50 проекта,—по моему мнѣнію, самымъ существеннымъ; и потому стоитъ только распространить его силу на желающихъ вступить въ мѣщане и въ цехи и требовать отъ желающихъ получить право торговать свидѣтельства о грамотности, даннаго училищнымъ вѣдомствомъ. Но, сверхъ того, окончившимъ курсъ въ элементарномъ училищѣ необходимо еще право—быть освобожденными отъ тѣлеснаго наказанія, если они вышли изъ малолѣтства. Вторая же мѣра осуществится, какъ скоро, вмѣсто двухъ родовъ народныхъ училищъ (высшихъ и низшихъ) проекта, останутся только одни элементарныя, прямо соотвѣтствующія настоящимъ потребностямъ нашего промышленнаго и торговаго общества. Въ этихъ первоначальныхъ училищахъ можно бы было допустить, сообразуясь съ мѣстными потребностями, и нѣкоторые дополнительные, но чисто-практическіе курсы. Можетъ быть даже и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удалось бы соединить эти училища съ ремесленными школами, и потому не худо бы было въ проектѣ сдѣлать объ этомъ хотя одинъ намекъ, предоставивъ осуществленіе этого полезнаго соединенія времени и опыту. Курсъ ученія въ элементарныхъ школахъ нужно ограничить двумя годами, не стѣсняя, впрочемъ, перехода изъ одного класса въ другой, для болѣе успѣвшихъ и способныхъ, и до истеченія года. Сверхъ этого, во всѣхъ элементарныхъ училищахъ необходимо открыть воскресные и праздничные уроки для желающихъ. Для тѣхъ же учащихся, которые пожелаютъ дальнѣйшаго образованія, имѣя для того достаточно средствъ, долженъ быть открытъ выходъ изъ элементарныхъ школъ прямо въ прогимназіи. Затѣмъ уѣздныя училища и предлагаемый проектомъ суррогатъ подъ именемъ высшихъ народныхъ должно исключить изъ числа нашихъ учебныхъ учрежденій, какъ несоотвѣтствующія требованіямъ общества и своею замкнутостью прерывающія естественную связь между этими учрежденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что съ открытіемъ прогимназій, которыя, согласно съ § 176 проекта, могутъ быть открыты не въ однихъ только губернскихъ городахъ, учащіеся въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ (въ кіев. учебн. округѣ почти всѣ дѣти однодворцевъ, мелкихъ дворянъ и чиновниковъ, наполняющіе, по окончаніи курса, земскіе суды и другія низшія присутственныя мѣста), перемѣстились бы въ прогимназіи. Сюда же перейдутъ и тѣ изъ учениковъ первыхъ классовъ нашихъ губернскихъ гимназій, которыхъ родители живутъ въ уѣздныхъ городахъ и по-неволѣ принуждены отсылать своихъ дѣтей,—иногда далеко,—въ губернскіе города.

Но самыя прогимназіи, состоящія изъ четырехъ классовъ, должны быть непремѣнно двухъ родовъ: классическія и реальныя. Изъ нихъ первыя должны открывать путь къ высшему университетскому образованію; вторыя, не прекращая учащимся возможности переходить въ первыя, должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть выходъ и прямо въ практическую жизнь. Бюджетъ, назначаемый правительствомъ для уѣздныхъ или для высшихъ народныхъ училищъ, получитъ другое назначеніе: на учрежденіе этихъ прогимназій въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ.—Можно принять за правило (съ рѣдкими исключеніями), что у дѣтей до 13 или 14 лѣтъ не обозначаются ясно и положительно наклонности къ тому или другому роду научныхъ занятій, и потому развитіе всякой исключительной спеціальности до этого возраста не только не ведетъ ни къ какимъ результатамъ, но даже вредно, способствуя односторонности и ограниченно-

сти мышленія. Только одинъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, а не сословные предразсудки могутъ извинить въ глазахъ просвѣщеннаго общества спеціальное образованіе до 14-лѣтняго возраста. Слѣдуя этому правилу, нужно такъ распорядиться съ распредѣленіемъ ученія въ классическихъ и реальныхъ прогимназіяхъ, чтобы предметы, преподаваемые въ первыхъ трехъ классахъ обѣихъ прогимназій, соотвѣтствовали, сколько можно, общему образованію съ однимъ только легкимъ оттѣнкомъ того или другого (классическаго или реальнаго) направленія. Этимъ сдѣлается возможнымъ свободный переходъ (безъ испытанія) изъ III-го и IV-го класса прогимназіи реальной въ III-й классъ прогимназіи классической. Итакъ, мы достигнемъ и извѣстной законченности ученія въ каждой школѣ, и не прервемъ общей, соединяющей всѣ училища, связи, и избѣгнемъ насильственнаго и вреднаго соединенія гуманизма съ реализмомъ въ одномъ и томъ же училищѣ, если учредимъ, для всѣхъ сословій безъ различія, три школы, которыми обозначатся три степени образованія:

1) Школу элементарную, состоящую изъ двухъ классовъ, предметами которой будутъ: законъ божій (молитвы, основныя правила вѣры и краткая священная исторія въ разсказахъ), грамота, письменность, счетность (четыре правила ариѳметики) и наглядное ученіе, — всѣ, начиная съ грамоты и закона божія до ариѳметики и нагляднаго ученія, направленые къ развитію мышленія, къ предварительному практическому знакомству съ міромъ внутреннимъ человѣка и внѣшнимъ. Число уроковъ въ этихъ школахъ должно быть сообразно съ возрастомъ учащихся и никакъ не болѣе 20-ти въ недѣлю. Вступленіе въ эти школы, способъ преподаванія, переходы изъ одного класса въ другой и самое открытіе школъ не должны стѣсняться ни регламентаціею, ни сроками. Зимнее время назначается для учениковъ, занятыхъ полевыми работами; зима и лѣто—для другихъ, имѣющихъ время; поэтому уроки не должны быть распредѣлены съ излишнею систематическою послѣдовательностью. Ученіе продолжается въ воскресенья и праздники для всѣхъ желающихъ и всѣми желающими. Гдѣ можно, школы эти соединяются съ ремесленными школами. Если, по недостатку въ настоящее время дѣльныхъ учителей, наглядное ученіе не можетъ быть тотчасъ же введено, то его нужно замѣнять чтеніемъ дѣтскихъ и популярныхъ книгъ съ объясненіемъ, по рисункамъ и моделямъ, самыхъ необходимыхъ вещей въ общежитіи. Я думаю, что именно однимъ недостаткомъ въ учителяхъ можно объяснить важный пробѣлъ въ проектѣ устава, ни слова не упоминающемъ о наглядномъ ученіи въ низшихъ народныхъ школахъ. Объѣзжая округъ, я достаточно убѣдился, что одна грамота еще мало развиваетъ дѣтей безъ нагляднаго ученія. Я видѣлъ дѣтей, бойко читавшихъ грамоту, но не понимавшихъ почти нисколько читаннаго, особливо, если природный ихъ языкъ былъ не чисто-русскій, а малороссійскій. Элементарныя училища открываютъ путь или прямо въ жизнь, съ правомъ вступить въ цехи и гильдіи и съ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, или же—

2) Прогимназію реальную, состоящую изъ четырехъ классовъ. Предметы ученія въ ней будутъ: законъ божій (катехизисъ, священная исторія, чтеніе евангелистовъ и апостольскихъ посланій, литургія) и русскій языкъ, письменность и орѳографія, наглядное ученіе, ариѳметика, алгебра (въ III-мъ классѣ) и геометрія (въ IV-мъ), два новые языка, географія, исторія въ біографическихъ очеркахъ, естествовѣдѣніе (излагаемое наглядно, для развитія наблюдательной способности), черченіе и другіе реальные предметы, сообразуясь съ мѣстными потребностями. Въ эти прогимназіи могутъ поступать безъ испытанія окончившіе курсъ въ элементарныхъ училищахъ или же изъ домашняго воспитанія умѣющіе читать, писать и считать (четыре правила ариѳметики). Уроки въ двухъ первыхъ классахъ занимаютъ не болѣе 24, въ двухъ послѣднихъ—не менѣе 26 часовъ въ недѣлю, и каждый продолжается не болѣе одного

часа. Въ послѣобѣденное время—дополнительные практическіе курсы изъ реальныхъ предметовъ для желающихъ. Вмѣсто черченія или другого реальнаго предмета, или же вмѣсто одного новаго языка—языкъ латинскій для желающихъ этого учениковъ III-го класса. Кромѣ правъ, предоставленныхъ учившимся въ элементарныхъ училищахъ, аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи курса въ реальной прогимназіи даетъ еще исключительное право на полученіе почетнаго гражданства и на поступленіе въ гильдію, если только удостоенный аттестата исполнитъ всѣ другія, законами поставленныя, условія на полученіе этихъ правъ; реальная прогимназія, также какъ и элементарное училище, открываетъ путь учащимся или: 1) прямо въ практическую жизнь, приготовляя къ ней изученіемъ различныхъ реальныхъ предметовъ, или 2) въ реальную гимназію, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ томъ же самомъ направленіи, или, наконецъ, 3) имъ представляется возможность перейти (если пожелаютъ, вступить въ университетъ); и въ:

3) Классическую прогимназію, въ первыхъ двухъ классахъ которой учебные предметы остаются почти тѣ же, какъ и въ реальной, за исключеніемъ только того, что въ классической прогимназіи изученіе не двухъ, а только одного новаго языка обязательно, хотя уроки такъ распредѣлены, что желающіе могутъ заниматься и двумя; а именно, эти уроки даются въ одно и то же время, ни въ одномъ классѣ не менѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю, и изъ 4—5 уроковъ три —чисто-практическаго содержанія, состоящіе въ переводахъ авторовъ. Поэтому учащійся, не прерывая нисколько послѣдовательности въ ученіи, половину часовъ въ недѣлю можетъ употребить на изученіе одного, а половину — на изученіе другого языка, если онъ при самомъ вступленіи въ прогимназію, или еще и до того уже, занимался обоими языками. Первоначальныя понятія въ естествовѣдѣніи и географіи сообщаются нагляднымъ образомъ въ классической прогимназіи только въ первыхъ двухъ классахъ. Но на изученіе русскаго языка и одного новаго полагается болѣе времени (по 5-ти часовъ въ недѣлю, а въ реальныхъ—только 4 часа). Преподаваніе исторіи въ біографическихъ и географическихъ очеркахъ въ классическихъ прогимназіяхъ начинается со II-го класса. Первое раздѣленіе въ направленіи ученія начинается только съ III-го класса. Въ этомъ классѣ классическихъ прогимназій начинается преподаваніе языка (6 часовъ въ недѣлю), и потому окончившіе курсъ въ реальныхъ прогимназіяхъ поступаютъ прямо въ III-й классъ. Въ IV-мъ классѣ начинается и греческій языкъ (также 6 часовъ въ недѣлю). Итакъ, въ классическія прогимназіи могутъ поступать: 1) кончившіе курсъ въ элементарныхъ школахъ — въ I-й классъ безъ испытанія; 2) кончившіе курсъ въ реальныхъ прогимназіяхъ, безъ испытанія, въ III-й классъ, или же и некончившіе, по испытаніи, въ тотъ же классъ, и 3) изъ домашняго воспитанія въ различные классы, — по экзамену. Число уроковъ и права этихъ прогимназій должны быть тѣ же, какъ и реальныхъ; при нихъ откроются педагогическіе курсы для образованія учителей элементарныхъ школъ. Но кончившимъ курсъ въ классическихъ прогимназіяхъ хотя и открыта возможность выступить прямо въ жизнь,—потому что они, во всякомъ случаѣ, будутъ болѣе образованы воспитанниковъ нынѣшнихъ уѣздныхъ училищъ (которые, какъ извѣстно, находятъ мѣста въ службѣ, дѣлаются и чиновниками, и учителями), однако прямое назначеніе классическихъ прогимназій все-таки состоитъ исключительно въ приготовленіи къ гимназіямъ классическимъ и къ вступленію въ университетъ.

Послѣ этихъ первыхъ трехъ степеней ученія и, слѣдовательно, трехъ родовъ школъ, въ которыхъ уже обозначается первое начало раздѣленія двухъ направленій — классическаго и реальнаго, остаются еще два рода среднихъ учебныхъ заведеній, каждое съ особеннымъ направленіемъ, обозначеннымъ рѣзко и положительно. Это гимназіи — реальныя и классическія. Что касается до пер-

выхъ, то я еще не вполнѣ убѣжденъ, удастся-ли въ настоящее время ихъ учрежденіе. Мнѣ кажется, на первый разъ, можно бы было ограничиться однѣми реальными прогимназіями. Дѣйствительно, во-первыхъ, я не вижу удобнаго выхода для окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ; во-вторыхъ, чтобы доставить этотъ выходъ, нужно бы было (какъ въ Германіи и Франціи) ихъ превратить въ настоящія политехническія школы, но я не знаю, достанетъ-ли у насъ къ тому и людей, и средствъ; въ-третьихъ, у насъ всѣ специальныя школы находятся не въ вѣдомствѣ министерства народн. просв., а въ другихъ, различныхъ вѣдомствахъ, которыя едва-ли дадутъ преимущества окончившимъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ. Извѣстно, что до сихъ поръ преимущества даютъ въ специальныхъ школахъ другихъ вѣдомствъ только окончившимъ курсъ въ университетахъ (какъ, наприм., по вѣдомству путей сообщенія); безъ этого наврядъ-ли найдется много желающихъ окончить курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ. А дать окончившимъ въ нихъ курсъ одинаковыя права съ учениками классическихъ гимназій для вступленія въ университеты, значило бы дѣлать подрывъ общечеловѣческому или классическому образованію, и безъ того у насъ слабо развитому, тогда какъ, по моему мнѣнію, предстоитъ жизненная необходимость возвысить и развить это направленіе образованія. Но если учрежденіе реальныхъ гимназій, не смотря на эти соображенія, признано будетъ возможнымъ, то вотъ какъ нужно бы было распорядиться:

1) Каждая гимназія, сохраняя вполнѣ свое реально-практическое направленіе, должна, при выборѣ реальныхъ предметовъ ученія, какъ можно болѣе сообразоваться съ мѣстными потребностями края. Въ однѣхъ, напримѣръ, занятія будутъ исключительно посвящены изученію прикладныхъ математическихъ, въ другихъ—наукъ коммерческихъ, и т. д. Поэтому 2) однѣ изъ этихъ гимназій будутъ состоять изъ четырехъ, другія — изъ трехъ классовъ, съ различными дополнительными курсами; 3) большая половина учебнаго времени (какъ, напримѣръ, изъ 28 недѣльныхъ часовъ 16) должна быть опредѣлена для изученія математики, новыхъ языковъ, естествовѣдѣнія и специально техническихъ предметовъ. Остальное время уроковъ посвящается изученію русскаго языка, исторіи и географіи въ ограниченномъ объемѣ; 4) всѣ чисто-реальные и техническіе предметы должны излагаться сколько можно практически и наглядно; 5) въ реальныя гимназіи вступаютъ безъ испытанія окончившіе курсъ въ прогимназіяхъ реальныхъ, по экзамену — изъ прогимназій классическихъ и изъ домашняго воспитанія (въ различные классы), и только молодые люди не ранѣе 14 лѣтъ; при испытаніи должно обращать преимущественно вниманіе на то, къ которому изъ реальныхъ предметовъ они оказываютъ наиболѣе способностей; 6) окончившіе курсъ съ успѣхомъ въ реальныхъ гимназіяхъ, кромѣ правъ, которыми пользуются кончившіе курсъ въ прогимназіяхъ, должны имѣть еще право вступить безъ испытанія въ высшія специальныя школы различныхъ вѣдомствъ.

Наконецъ, гимназіи классическія должны имѣть главною и исключительною цѣлью подготовленіе, посредствомъ солиднаго изученія языковъ (отечественнаго, двухъ древнихъ, одного новаго), исторіи и математики, къ высшему университетскому образованію. Своимъ гуманистическимъ направленіемъ онѣ должны рѣзко отличаться отъ гимназій реальныхъ, которыя, въ сущности, суть не что иное, какъ политехническія школы. Итакъ, большая половина учебнаго времени въ этихъ училищахъ, и именно изъ 27 часовъ въ недѣлю не менѣе 10, посвящается изученію древнихъ языковъ, не менѣе 4 часовъ—исторіи, 4 или 5 часовъ—математикѣ и 4 или 3 часа—отечественному языку. Въ классическихъ гимназіяхъ число уроковъ греческаго языка не должно быть менѣе числа уроковъ латинскаго языка. Оба эти языка должны быть изучаемы съ одинаковою отчетливостью: ни въ одномъ классѣ не менѣе 4 часовъ въ недѣлю. Намъ русскимъ, получившимъ отъ грековъ

и вѣру, и первые начатки образованія, нельзя отставать отъ народовъ Запада, которые уже давно приняли за доказанное, что серьезное изученіе латинскаго языка, какъ предмета въ высшей степени образовательнаго, не можетъ быть безъ знанія языка греческаго, и что чрезъ незнаніе послѣдняго теряется, болѣе чѣмъ вполовину, для воспитанія и образовательная сила перваго. Остальное время раздѣляется на изученіе закона божія, одного изъ новыхъ языковъ (всегда вмѣстѣ съ сравнительною грамматикою) и географіи. Естествовѣдѣніе и другіе реальные предметы совсѣмъ не входятъ въ курсъ ученія классической гимназіи. И это-то, именно, ограниченное число извѣстныхъ, одному только направленію соотвѣтствующихъ, предметовъ ученія и должно характеризовать классическую гимназію. Въ ней не разнообразность, не многосторонность, а глубина въ изученіи немногаго должна играть главную роль. И потому, въ классахъ гимназіи сосредоточивается все вниманіе учащихся только на тѣ немногіе отдѣлы наукъ, которые наиболѣе, какъ это опытъ показалъ, содѣйствуютъ къ развитію основательности и глубины знанія. А успѣвъ развить это въ учащемся, можно смѣло надѣяться, что всѣ пробѣлы въ его свѣдѣніяхъ легко пополнятся дальнѣйшимъ университетскимъ образованіемъ. Что касается до числа классовъ, то необходимо или увеличить его однимъ классомъ, какъ это предлагаетъ проектъ, или же—опредѣлить (по примѣру германскихъ гимназій), чтобы курсъ въ двухъ послѣднихъ классахъ продолжался не по одному году, а два года. Послѣднее, мнѣ кажется, удобнѣе, потому что въ этихъ классахъ преподаются почти всѣ тѣ же предметы; распространивъ же курсъ въ каждомъ классѣ на два года, можно изучить каждый предметъ гораздо основательнѣе. Одно обстоятельство, на которое, мнѣ кажется, въ проектѣ не обращено достаточнаго вниманія, есть *самостоятельность ученія* въ двухъ послѣднихъ классахъ гимназій. Подъ этимъ, конечно, не нужно разумѣть самостоятельныхъ розысканій въ наукѣ. Этихъ требованій не могутъ удовлетворить не только ученики гимназій, но даже и не всѣ профессоры университетовъ. Но мы въ правѣ требовать и отъ гимназистовъ, приготовляющихся къ университету, дѣятельнаго упражненія мыслительной способности, самостоятельныхъ и мотивированныхъ отчетовъ о ихъ занятіяхъ, разработки собственными силами нѣкоторыхъ извѣстныхъ источниковъ (Quellenstudium). Учителямъ должно быть вмѣнено въ непремѣнную обязанность занимать учащихся въ этихъ классахъ исключительно самостоятельными трудами; въ классахъ преподаватели должны разбирать внѣ-классные труды учениковъ, разъяснять недоумѣнія, предлагать классическія сочиненія для дальнѣйшаго изученія и требовать отчетовъ о прочитанномъ. Короче, занятія въ послѣднихъ классахъ должны имѣть болѣе видъ бесѣдъ, нежели школьныхъ уроковъ. Они должны подготовлять учащихся къ настоящему университетскому ученію и составлять непосредственный переходъ отъ классовъ къ лекціямъ. Это есть единственное средство поднять самостоятельность научныхъ занятій между студентами въ нашихъ университетахъ, до сихъ поръ извѣстную у насъ только по слухамъ. Но, имѣя это въ виду, нельзя допустить, чтобы молодые люди до 18-лѣтняго возраста были достаточно зрѣлы и достаточно приготовлены для университетскаго образованія, а потому, съ увеличеніемъ времени пребыванія въ классическихъ гимназіяхъ, должно бы было уменьшить и возрастъ вступающихъ въ первый классъ классическихъ прогимназій. Десятилѣтній возрастъ, опредѣляемый проектомъ для вступленія въ классъ, слишкомъ великъ; если гимназическій курсъ будетъ продолжаться около десяти лѣтъ, то нужно бы было допустить къ вступленію и 8-ми или 9-лѣтнихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что для поступленія въ первый классъ ничего болѣе не требуется, какъ умѣнье читать, писать, считать и начала закона божія. Уроковъ въ классической гимназіи должно быть не менѣе 27 въ недѣлю, и

это не трудно сдѣлать, опредѣливъ время для занятій отъ 8 часовъ утра до 2 часовъ, съ небольшими перемежками, и назначивъ для каждаго урока (по образцу германскихъ школъ) не болѣе одного часа. Ни для учителей, ни для учащихся, нѣтъ никакой пользы продолжать урочное занятіе до 1¼ часа. Утомлять слишкомъ вниманіе, ни у учителей, ни у учениковъ, не нужно. Да и число часовъ, опредѣленныхъ проектомъ для каждаго учителя, слишкомъ велико. И въ Германіи, гдѣ обстановка учителей несравненно лучше, отъ нихъ требуется не болѣе 20 часовъ въ недѣлю. Вообще опредѣленіе времени для классныхъ занятій зависитъ отъ опредѣленія объема преподаваемаго предмета, а при опредѣленіи объема нужно постоянно имѣть въ виду, что цѣль гимназическаго, и именно классическаго, образованія состоитъ не только въ обогащеніи учащихся свѣдѣніями, но преимущественно въ развитіи, посредствомъ образовательныхъ наукъ, всѣхъ высшихъ способностей духа. Поэтому-то и съ составленіемъ программъ должно поступать чрезвычайно осторожно. Можно смѣло утверждать, что программы у насъ до сихъ поръ не принесли никакой существенной пользы, а, напротивъ, многому повредили; до сихъ поръ еще, какъ это я знаю изъ опыта, всякій посредственный и бездарный учитель всегда ссылается на программу, какъ скоро замѣчаютъ ему, то его уроки не развили ученика. Между тѣмъ, если для кого программы еще нужны, то именно для учителей посредственныхъ и несовѣстливо исполняющихъ свои обязанности; такіе преподаватели, при существованіи программъ, уже обязаны непремѣнно,—худо ли, хорошо ли,—прочесть все то, что предписываетъ программа. Но, съ другой стороны, эти программы стѣсняютъ до-нельзя даровитыхъ и самодѣятельныхъ наставниковъ и учениковъ. Не лучше ли будетъ ежегодно опредѣлять программы въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, и то въ общихъ чертахъ, касаясь преимущественно объема каждой науки, и разсматривать ихъ въ попечительскихъ совѣтахъ округовъ. Допущеніе же отступленій въ программахъ, не иначе какъ съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, опредѣляемое проектомъ (§ 275), сопряжено съ большею потерею времени и не имѣетъ никакой существенной цѣли.

Имѣя въ виду также развитіе самостоятельности въ научныхъ занятіяхъ учащихся, должно еще осторожнѣе поступать съ переводами изъ одного класса въ другой. Система переводныхъ испытаній въ гимназіяхъ, каковы бы ни были инструкціи, утвержденныя высшимъ начальствомъ (ср. § 279 проекта), только поддерживаетъ экзаменаціонное направленіе, и безъ того уже развитое въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учиться для экзамена,—вотъ цѣль большей части нашихъ учащихся. Наши переводные экзамены отнимаютъ много учебнаго времени и, несмотря на всю ихъ оффиціальную обстановку, не служатъ вѣрнымъ ручательствомъ за свѣдѣнія учащихся. Я думаю, гораздо полезнѣе бы было взять въ образецъ германскія школы; тамъ нѣтъ нашихъ переводныхъ экзаменовъ, а ученіе идетъ несравненно лучше. Классные учители и директоръ, безъ всякихъ формальностей, судятъ по однимъ годичнымъ успѣхамъ учениковъ и рѣшаютъ про каждаго изъ нихъ, можетъ ли онъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ, или нѣтъ. Только въ сомнительныхъ случаяхъ, или въ случаѣ возникшаго несогласія въ мнѣніяхъ учителей, могутъ быть допущены испытанія въ присутствіи всего педагогическаго совѣта. И инспекторъ, и каждый учитель, должны непремѣнно настолько знать своихъ учениковъ, чтобы опредѣлить, по истеченіи года, степень свѣдѣній и способностей каждаго изъ нихъ; а наставники, хорошо знающіе своихъ учениковъ, могутъ лучше и надежнѣе, безъ всякихъ оффиціальныхъ испытаній по билетамъ и балламъ, рѣшить, можетъ ли тотъ или другой учащійся слѣдить за ходомъ преподаванія наукъ въ томъ классѣ, въ который онъ переводится, даже если-бы онъ по нѣкоторымъ предметамъ и былъ нѣсколько сла-

бѣе. Зная и способности, и прилежаніе, и свѣдѣнія ученика по класснымъ занятіямъ и испытаніямъ, каждый порядочный учитель можетъ опредѣлить, успѣетъ ли въ томъ или другомъ предметѣ отставшій ученикъ догнать своихъ сверстниковъ въ слѣдующемъ классѣ, или нѣтъ. Если же учитель не умѣетъ узнать этого, слѣдя за занятіями и успѣхами ученика въ теченіе года, то что же онъ узнаетъ чрезъ испытаніе, которое для каждаго продолжается по нѣскольку минутъ? Вообще, пора уже въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ усилить вліяніе и голосъ наставниковъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, не ограничивая ихъ одною оффиціальностью. Но дѣло въ томъ, что переводные экзамены учреждены, какъ кажется, не столько для учениковъ, сколько для учителей. Если это такъ, то нужно сознаться, что и въ этомъ отношеніи они не достигли цѣли, и переводные экзамены составляютъ такой же невѣрный контроль надъ учителями, какъ и надъ учениками.

Къ правамъ классическихъ гимназій нужно прибавить, что лица податного состоянія, кончившіе курсъ въ этихъ гимназіяхъ, совершенно освобождаются отъ рекрутской повинности, и всѣ кончившіе курсъ съ аттестатомъ вступаютъ въ университетъ безъ испытанія. Въ классическія гимназіи, какъ это уже явствуетъ изъ направленія ученія и распредѣленія курса наукъ, поступаютъ всѣ готовящіеся къ университетскому образованію, будутъ ли это ученики, окончившіе курсъ въ классическихъ прогимназіяхъ (безъ испытанія—въ V-й классъ), или учащіеся изъ домашняго воспитанія (по экзамену въ разные классы). Для сокращенія расходовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно и реальныя, и классическія гимназіи и прогимназіи помѣщать въ одномъ и томъ же зданіи, подъ начальствомъ одного и того же директора, да и учители многихъ предметовъ могутъ быть въ обѣихъ гимназіяхъ тѣ же самые.

Вотъ, кажется, самая простая система для организаціи всѣхъ учебныхъ учрежденій, начиная съ элементарной школы и доходя до университета. Правда, говоря точнѣе, она все-таки искусственная, и не можетъ быть другою тамъ, гдѣ общественное образованіе составляетъ правительственную монополію. Что бы случилось съ нашими школами при совершенно-свободной конкурренціи—я не знаю; знаю только навѣрное то, что,—какую бы систему ни избрали при учрежденіи училищъ и какъ бы искусно ни былъ составленъ уставъ, какъ бы хороши ни были инструкціи и программы, словомъ, какъ бы хорошо ни былъ организированъ правительственный контроль за ходомъ ученія,—все-таки весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ личностей, которымъ ввѣряется приложеніе правилъ къ дѣлу, и по учебной, и по административной части. Но лица остаются покуда тѣ же самыя, какъ и теперь. Въ этомъ, конечно, никто не виноватъ. Но измѣняются ли, по крайней мѣрѣ, въ новомъ проектѣ взаимныя отношенія лицъ, которымъ вручается учебная и административная часть школъ, и отношенія ихъ къ школѣ, къ обществу и къ правительству?—Да, но на какихъ началахъ?—И здѣсь проектъ избираетъ два совершенно различныя начала и старается соединить ихъ вмѣстѣ. Разсмотримъ, достигаетъ ли онъ цѣли.

Въ училищной администраціи проектъ принялъ, какъ кажется, исключительно начало коллегіальное. На немъ основаны и попечительные совѣты, и правленія училищъ. Безспорно, несмотря на нѣкоторыя невыгодныя стороны этого начала (какъ-то: медленность въ ходѣ дѣлъ, духъ партій, и т. п.), оно все-таки остается до сихъ поръ еще самымъ надежнымъ. Но проектъ, принявъ это начало, въ то-же самое время приводитъ другое, едва-ли противоположное, и именно бюрократическое. Какъ соединить въ одномъ и томъ же учрежденіи коллегіальность и бюрократизмъ?—Изъ § 199 проекта мы видимъ весьма благое и раціональное стремленіе сблизить директора съ наставниками, или, по крайней мѣрѣ, не исторгать его изъ этой среды,—

потому что этотъ § вмѣняетъ ему въ непремѣнную обязанность «преподавать въ гимназіи одинъ изъ учебныхъ предметовъ». Но въ то же время на должность директора, по проекту, имѣютъ право не одинъ только классъ учителей, а всѣ «лица, кончившія курсъ въ университетѣ и служившія 10 лѣтъ по учебной части» (§186); далѣе, должность директора полагается проектомъ въ V-мъ классѣ государственной службы (§185), тогда какъ наставникъ, «отличившійся особенными педагогическими способностями и трудами, по выслугѣ въ этомъ званіи не менѣе 15 лѣтъ», полагается § 215-мъ проекта только въ VIII-мъ классѣ. Слѣдовательно директоръ не по особымъ педагогическимъ заслугамъ, даже и не по старшинству службы, а только потому, что онъ есть начальникъ и посредникъ, а не просто наставникъ, ставится тремя ступенями выше на іерархической лѣстницѣ государства. Итакъ, съ одной стороны, проектъ выражаетъ раціональное желаніе сблизить директора съ средою наставниковъ, а съ другой стороны, слѣдуя бюрократическому началу, отдаляетъ его отъ этой среды. Хотя я и не раздѣляю мнѣнія педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ гимназій, которые предлагаютъ избраніе директора членами педагогическаго совѣта по большинству голосовъ, какъ это должно быть съ должностью ректора, избиравшагося нѣкогда и у насъ членами университетскаго совѣта; но я увѣренъ, что, допустивъ однажды въ управленіи и администраціи гимназій коллегіальное начало, непремѣнно слѣдуетъ распространить его и на учебно-воспитательную часть. Если гдѣ польза этого начала очевидна, то именно въ дѣлѣ учебно-воспитательномъ. Правда, есть много случаевъ и въ дѣлѣ учебномъ, которые требуютъ единства дѣйствій, недостижимаго при коллегіальномъ управленіи; но въ такихъ экстренныхъ случаяхъ коллегія можетъ передать на время свою власть въ руки одного изъ своихъ представителей. А главное—необходимо, чтобы вся корпорація гимназическихъ учителей имѣла полное довѣріе и уваженіе и къ научнымъ, и къ педагогическимъ свѣдѣніямъ своего директора, чтобы его совѣты и мнѣнія она принимала не только какъ одни приказанія начальника, но какъ убѣжденія человѣка опытнаго и искуснаго въ дѣлѣ воспитанія. Поэтому необходимо, чтобы директоръ былъ непремѣнно самъ изъ среды заслуженныхъ преподавателей и чтобы онъ назначался по выбору лицами также опытными и знающими дѣло. Мнѣ кажется, что этотъ выборъ можно бы было предоставить попечительскому совѣту округа. Всѣ члены совѣта могли бы имѣть право вносить, за нѣсколько времени до выборовъ, имена своихъ кандидатовъ (не означая своего имени), изъ числа имъ извѣстныхъ учителей, въ особенную книгу съ изложеніемъ научныхъ, литературныхъ и педагогическихъ заслугъ каждаго. Назначеніе директора по выбору изъ среды наставниковъ и потому еще было бы цѣлесообразно, что оно было бы неотъемлемой привилегіей ихъ однихъ и служило бы къ поощренію ихъ дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ. На этомъ поприщѣ у нашихъ учителей нѣтъ другой перспективы, и если § 199-й возлагаетъ на директора учительскую обязанность, то уже, конечно, никто на исполненіе ея не имѣетъ болѣе правъ, какъ учитель. Отъ примѣси бюрократизма къ коллегіальному началу, принимаемому проектомъ въ значительномъ объемѣ, не вижу пользы; напротивъ, и здѣсь, также какъ и въ направленіи ученія, попытка соединить въ одно два противоположныя начала не достигнетъ цѣли, а обнаружатся только одни недостатки того и другого. Если ученіе и воспитаніе въ нашихъ училищахъ до сихъ поръ не дѣлали блестящихъ успѣховъ, то много въ этомъ виноваты существующія и теперь еще чисто-бюрократическія отношенія наставниковъ къ ихъ непосредственному начальству. Перемѣнить ихъ на коллегіальныя есть вопіющая потребность нашего времени. Не чиномъ, а одними только научными и педагогическими достоинствами долженъ директоръ отличаться и внушать къ

себѣ уваженіе и сослуживцевъ, и общества. Бюрократическое начало, въ соединеніи съ коллегіальнымъ, выражается въ проектѣ и при классификаціи преподавателей (§ 215) на учителей (въ IX классѣ), наставниковъ (въ VIII) и профессоровъ (въ VII классѣ); изъ нихъ послѣдніе два (наставники и профессоры) избираются педагогическимъ совѣтомъ по выслугѣ (5—15) лѣтъ (§218, 219), а учители утверждаются по представленію директора (§ 217). Слѣдовательно лица, исполняющія одни и тѣ же обязанности, назначаются, слѣдуя то одному, то другому началу.

Мнѣ кажется, что, какая бы классификація преподавателей ни была принята, всегда будетъ послѣдовательнѣе назначать всѣхъ ихъ по выбору педагогическаго совѣта. Это справедливо даже и съ бюрократической точки зрѣнія. Если высшее начальство довѣряетъ ему столько, что предоставляетъ выборъ чиновниковъ VIII-го и VII-го классовъ, то почему же не можетъ довѣрить еще болѣе выборъ учителей, по разряду относящихся къ IX-му классу; а между тѣмъ назначеніе именно учителей есть самое важное дѣло для всего педагогическаго совѣта, интересующее его всего болѣе.

Тотъ же самый бюрократизмъ, господствующій теперь въ отношеніяхъ учителей къ ихъ непосредственному начальству, нарушая самыя естественныя отношенія между ними, прерываетъ и органическую связь наставниковъ съ учащимися. Худыя и вредныя слѣдствія этого еще очевиднѣе въ нашихъ гимназіяхъ. Между учениками и ихъ наставниками стоятъ не только одно, но два лица: директоръ и инспекторъ. Хотя § 224-й проекта и предписываетъ учителямъ слѣдить за умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ учениковъ, но покуда будутъ инспекторы, то отношенія учениковъ къ учителямъ никогда не сдѣлаются такими, какими имъ быть нужно. Учители, кромѣ уроковъ, все также, какъ и теперь, не будутъ ничѣмъ связаны съ учениками. Только въ недавнее время, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, начали учители избираться и въ надзиратели. Между тѣмъ значительная и едва-ли не главная часть воспитательной силы заключается въ самой наукѣ, и преподаватель того или другого предмета есть вмѣстѣ и самый дѣятельный воспитатель. Смотря на дѣло съ этой точки, я нахожу, что инспекторы могли бы быть безъ труда замѣнены нѣсколькими учителями. Извѣстно, что въ германскихъ школахъ вмѣсто инспекторовъ существуютъ такъ-называемые классные учители (Classenlehrer). Въ каждомъ классѣ гимназіи находится по одному такому учителю. Имъ поручается: 1) преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые всего болѣе выражаютъ господствующее направленіе ученія (древнихъ языковъ, словесности и исторіи —въ гимназіяхъ классическихъ; математики и реальныхъ предметовъ —въ гимназіяхъ реальныхъ); 2) посредничество между учащимися и ихъ родителями; 3) научный и нравственный надзоръ за цѣлымъ классомъ. Отношенія классныхъ учителей къ учащимся несравненно тѣснѣе и нравственное вліяніе ихъ поэтому на учащихся гораздо сильнѣе, чѣмъ инспектора.

Въ многолюдныхъ гимназіяхъ одному инспектору почти нѣтъ возможности слѣдить за успѣхами всѣхъ учениковъ и каждаго изъ нихъ, тогда какъ нѣсколько классныхъ учителей могутъ сдѣлать это, безъ сомнѣнія, легче. А въ закрытыхъ заведеніяхъ мѣсто инспектора могутъ заступать учителя и надзиратели. Противъ отмѣненія должности инспектора въ нашихъ гимназіяхъ можно сказать только то, что директоръ, обремененный письменными дѣлами и надзоромъ за училищами въ цѣлой губерніи, не въ состояніи хорошо наблюдать за ходомъ ученія и воспитанія въ ввѣренной ему гимназіи. Но на это можно возразить, что именно многосложность обязанностей директора и вредна для гимназій, не позволяя ему сосредоточить всю свою дѣятельность на одно это учебное заведеніе. Если директоръ долженъ быть не только оффиціальнымъ начальникомъ, но и дѣйствительнымъ блюстителемъ, зорко наблю-

дающимъ за ходомъ гимназическаго образованія, то онъ не долженъ быть обремененъ другими дѣлами, требующими отлучекъ отъ гимназіи, огромной переписки и т. п. Да при этой многосложности обязанностей терпятъ и другія училища его дирекціи; контроль за ними, отвлекая его отъ главнаго занятія, бываетъ между тѣмъ поверхностный и болѣе временный, чѣмъ постоянный. Несравненно полезнѣе было бы и для гимназіи, и для другихъ училищъ, если бы при округѣ находилось нѣсколько визитаторовъ. Обязанность ихъ состояла бы въ постоянныхъ разъѣздахъ по училищамъ, въ испытаніи учениковъ, въ посѣщеніи классовъ, въ присутствіи при экзаменахъ и въ педагогическихъ совѣтахъ. Тогда директоръ былъ бы освобожденъ отъ надзора за училищами; мѣста инспекторовъ гимназій могли бы быть упразднены, и смотрители училищъ по различнымъ административнымъ дѣламъ могли бы обращаться прямо въ округъ. Теперь же, когда управленіе гимназіями раздѣлено между директоромъ и инспекторомъ, рѣдко встрѣчается единство въ дѣйствіи этихъ двухъ лицъ; по большей части или вся власть сосредоточивается все-таки въ рукахъ одного, или же, если оба дѣйствуютъ самостоятельно, одинъ дѣлается антагонистомъ другого и одинъ парализируетъ дѣйствія другого.

Въ недостаткѣ органической связи между учителями и учениками нужно искать также причины, почему ни духъ, господствующій между учащимися въ нашихъ гимназіяхъ, ни взглядъ на жизнь, ни занятія, ни самые нравы, не носятъ того отличительнаго характера, который дается имъ наукою, когда она не успѣла проникнуть все существованіе юнаго человѣка. Ни чиновники - надзиратели, ни чиновники - инспекторы и директоры, ни закрытыя заведенія, не могутъ перемѣнить того направленія, того прозаическаго и чисто - формальнаго взгляда на жизнь, который дѣти обыкновенно приносятъ съ собою въ школу и который они и уносятъ съ собою изъ школы, не развитыя наукою и не приготовленныя къ самостоятельной дѣятельности. Надзоръ за нравственностью и поведеніемъ, поручаемый и инспекторамъ, и надзирателямъ, есть только формальный. Наблюденіе за приходящими въ большихъ городахъ уже совсѣмъ невозможно. Поэтому и надзиратели за приходящими, — люди большею частью мало образованные и рѣдко пользующіеся вліяніемъ на учениковъ,—не приносятъ никакой существенной пользы, и со стороны гимназій несправедливо успокоивать заботливость родителей одною оффиціальною обстановкою и мнимымъ контролемъ за нравственностью ихъ дѣтей. Пусть бы лучше отцы знали навѣрное, что, при нашемъ недостаткѣ воспитателей, имъ нужно самимъ заботиться и пріискивать болѣе надежныя средства для наблюденія за нравсвенностью ихъ дѣтей внѣ гимназій. —Что же касается до нашихъ закрытыхъ заведеній (пансіоновъ) при гимназіяхъ, то кредитъ ихъ еще болѣе потрясенъ. Несмотря на всѣ, повидимому, раціональныя и остроумно придуманныя средства для надзора за воспитанниками, на повѣрку выходитъ, что ни одно изъ нашихъ закрытыхъ заведеній при гимназіяхъ не можетъ похвалиться, или, лучше, не можетъ сказать предъ судомъ совѣсти, что оно воспитываетъ дѣтей. Если же эти заведенія еще должны быть терпимы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то ни подъ какимъ видомъ не должно допускать въ нихъ сближенія различныхъ возрастовъ, дѣйствующаго убійственно на нравственность воспитанниковъ. Это такое зло, послѣдствія котораго неисчислимы, и я считаю первымъ моимъ долгомъ протестовать противъ него всѣми силами и настаивать особливо на томъ, чтобы новый уставъ гимназій не допускалъ пребыванія въ этихъ заведеніяхъ дѣтей старше 13 или 14 лѣтъ, а терпѣлъ бы гимназическіе пансіоны только при однѣхъ прогимназіяхъ, для учениковъ первыхъ четырехъ классовъ. Если же, наконецъ, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, невозможно еще отмѣнить закрытыя заведенія для воспитанниковъ старшаго возраста, то, во всякомъ случаѣ, нужно измѣнить совершенно ихъ организацію. Тамъ, гдѣ

воспитываются вмѣстѣ и дѣти 10-ти лѣтъ, и молодые люди въ 16 и 17 лѣтъ, очевидно, нельзя вести ихъ воспитаніе одинаковымъ образомъ, какъ это дѣлается теперь въ нашихъ гимназическихъ пансіонахъ. Можно-ли подчинить молодого человѣка и десятилѣтняго ребенка однимъ и тѣмъ же правиламъ? Можно-ли надѣяться, что онъ будетъ заниматься наукою такъ, какъ этого требуетъ его возрастъ, то-есть съ большею самостоятельностью, если ему не дать хотя особеннаго угла, гдѣ-бы онъ могъ съ свободою предаться своимъ научнымъ занятіямъ? Можно-ли, безъ опасности, вывести его прямо изъ общей дѣтской комнаты въ университетскую аудиторію или прямо въ жизнь? Конечно, во всѣхъ государствахъ существуютъ еще и теперь закрытыя заведенія и для совершеннолѣтнихъ — но на другомъ основаніи, а не такъ, какъ у насъ. Тамъ для молодыхъ людей (не болѣе двухъ вмѣстѣ) отводятся особыя помѣщенія съ общимъ столомъ; имъ дозволяется въ внѣ-классное время выходить изъ заведенія, но всегда возвращаться въ извѣстный часъ; имъ самимъ поручается надзоръ за ихъ собственностью, короче — они не такъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ у насъ; поэтому и нарушеніе необходимаго во всякомъ закрытомъ заведеніи порядка не такъ часто, какъ у насъ. У насъ же, училищное начальство, не имѣя никакой возможности принудить молодыхъ людей дѣйствовать такъ, какъ дѣтей, принуждено бываетъ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ проступки, или же прикрывать все худое, кроющееся въ этихъ заведеніяхъ, исполненіемъ однѣхъ наружныхъ формальностей.

Итакъ, покуда мы будемъ стараться достигнуть невозможнаго и несообразнаго съ натурою вещей, мы не должны и надѣяться на хорошій результатъ отъ нашихъ закрытыхъ заведеній.

Въ высказанныхъ здѣсь мысляхъ и замѣчаніяхъ я нисколько не стою за непогрѣшимость всѣхъ предлагаемыхъ мною мѣръ въ частности; но я стою за главное — за истину основныхъ началъ, мною изложенныхъ. Я утверждаю, что: 1) Два различныхъ направленія ученія должны быть точно раздѣлены; каждое изъ нихъ должно быть проведено отдѣльно, съ строгою послѣдовательностью и для каждаго должно быть назначено особое учебное заведеніе. 2) Классическому направленію ученія должно быть отдано преимущество въ училищахъ, приготовляющихъ исключительно къ университетскому образованію. 3) Ученіе въ каждомъ училищѣ должно имѣть извѣстную степень законченности, — но безъ нарушенія общей связи всѣхъ училищъ. Каждое изъ училищъ должно быть и преддверіемъ другого, и открывать выходъ въ жизнь. 4) Основаніемъ классификаціи училищъ не должно служить сословное начало. Одна степень получаемыхъ въ нихъ свѣдѣній должна служить основаніемъ къ раздѣленію ихъ на различные разряды. Не сословіе, съ свойственными ему убѣжденіями и предубѣжденіями, а способности, склонности и матеріальныя средства каждаго учащагося должны опредѣлить выборъ училища и направленіе въ ученіи. 5) Принявъ за доказанную истину, что коллегіальное начало, несмотря на его нѣкоторые недостатки, есть все-таки самое лучшее въ дѣлѣ общественнаго образованія, нужно сохранить его въ чистотѣ, не допуская примѣси другого противоположнаго начала, — бюрократическаго. 6) Самое дѣйствительное средство къ улучшенію нравственности въ учебныхъ заведеніяхъ есть сама наука, и учитель, знающій свое дѣло, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый лучшій воспитатель, а потому нравственное вліяніе его на учениковъ не должно быть стѣсняемо никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ. 7) Оффиціальный контроль надъ программами и классными переводами, какъ не достигающій цѣли, долженъ быть сколько можно менѣе стѣснительнымъ. Однимъ наставникамъ исключительно должно поручать, вмѣстѣ съ надзоромъ за учащимися, и рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о свѣдѣніяхъ и способностяхъ учениковъ. Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его не совсѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполнѣ заслуживающимъ. 8) Закрытыя за-

веденія, и особливо тѣ, которыя назначаются для различныхъ возрастовъ, не достигаютъ цѣли и нисколько не содѣйствуютъ къ развитію нравственнаго чувства въ воспитанникахъ, а потому могутъ быть только терпимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ. 9) Ученіе въ элементарныхъ школахъ должно быть сколько можно менѣе формальнымъ и систематическимъ. Входъ въ нихъ и выходъ долженъ быть открытъ для всѣхъ и во всякое время. Наглядное ученіе, наравнѣ съ грамотою и счетностью, должно быть однимъ изъ главныхъ предметовъ элементарнаго ученія.

Наконецъ, — прибавлю еще,—для того, чтобы распространить у насъ какъ можно болѣе грамотность въ народѣ, нужно не только дозволять всѣмъ желающимъ учреждать элементарныя школы, но еще и допускать въ элементарныя училища, открываемыя правительствомъ и общинами, всѣхъ желающихъ учить грамотѣ, письму и счетности (какъ это уже и теперь дѣлается въ воскресныхъ училищахъ). При нашемъ недостаткѣ въ учителяхъ, нужно допустить и женщинъ къ преподаванію, какъ это дѣлается въ Америкѣ [35].

Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебн. округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій.[36]

Мм. Гг.—Два года прошло съ тѣхъ поръ, когда я созывалъ комитетъ для составленія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій кіевскаго учебнаго округа. Почти всѣ, присутствующіе теперь, были членами этого комитета. Итакъ, вы знаете причины, побудившія меня къ составленію правилъ, и начала, служившія имъ основаніемъ. Поэтому мнѣ бы не нужно было снова обращать на нихъ ваше вниманіе, если бы я не убѣдился, что они,—не знаю, по нашей-ли винѣ,—были непоняты, искажены и представлены въ превратномъ видѣ.

Кто знакомъ съ гимназіями западнаго края, кто знаетъ ихъ прошедшее, тотъ, вѣрно, согласится со мною, если только будетъ откровененъ,—что въ настоящее время чисто-патріархальныя отношенія воспитателей съ воспитанниками здѣсь невозможны. Насколько они возможны въ другихъ такихъ же гимназіяхъ,—гдѣ число учениковъ доходитъ до 500 и 600,—я не берусь рѣшить; думаю, однако же, что въ наше время вообще эти отношенія сдѣлались преданіемъ. Всѣ знакомые съ краемъ и любящіе правду, вѣрно, согласятся со мною и въ томъ, что, вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, братской любви и т. п., произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ здѣшнихъ гимназій, такъ и учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведеній. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ. Всѣ эти вопіющіе недостатки требовали, по моему мнѣнію, немедленнаго исправленія, котораго нельзя было откладывать до времени полныхъ и радикальныхъ реформъ. Да, если-бы дѣло шло о полномъ преобразованіи основъ общественнаго воспитанія, если-бы нужно было изобразить намъ идеалъ воспитанія, и если-бы комитетъ, за два года созванный мною, долженъ былъ рѣшать вопросъ, которому изъ началъ воспитанія нужно отдать преимущество, или какъ и чѣмъ замѣнить бюрократическое начало въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ,—то мы, вѣрно, не отстали-бы ни въ гуманности, ни въ обширности взгляда, отъ нашихъ современни-

ковъ. Но намъ никто не давалъ права преобразовывать наши школы и замѣнять въ нихъ бюрократизмъ другимъ, болѣе раціональнымъ, началомъ воспитанія. Централизація неизбѣжна при правительственной монополіи воспитанія, а бюрократизмъ есть неминуемое слѣдствіе централизаціи. Кто-же виноватъ, кромѣ исторіи, что начальники нашихъ учебныхъ учрежденій—болѣе чиновники, чѣмъ воспитатели? Могъ-ли я созывать комитетъ для составленія правилъ, противорѣчащихъ господствующему началу въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ измѣнить его не имѣю никакого права? Я его не касался; я принялъ его за существующій фактъ, нисколько, впрочемъ, не выражая къ нему моего сочувствія. Дѣло шло не объ идеалѣ воспитанія, который мы также съумѣли-бы изобразить яркими красками. Мы, вѣрно, тогда всѣ согласились-бы, что и директоръ, и инспекторъ, и наставники, и надзиратели должны быть личности высокой нравственности, одушевленныя призваніемъ къ своему дѣлу, проникнутыя истинно-христіанскою любовью къ своимъ воспитанникамъ. Но если-бы всѣ воспитатели или хотя большая часть ихъ были дѣйствительно воспитателями по призванію, то тогда-бы и не было тѣхъ вопіющихъ недостатковъ, которые намъ нужно было немедленно устранить. Откуда-бы тогда взялся произволъ? откуда недовѣріе? откуда та ужаснувшая насъ цифра тѣлесныхъ наказаній, которую я представилъ въ восьмомъ нумерѣ циркуляра 1859 года? Мнѣ скажутъ, наоборотъ, что безъ дѣльныхъ и совѣстныхъ исполнителей по призванію, и правила, въ какую бы форму оии ни были облечены, ни къ чему не поведутъ. Да, совершенно согласенъ,—если правила будутъ составлены, нисколько не припоравливаясь къ воззрѣніямъ или степени образованности этихъ исполнителей. А эта-то именно необходимость приспособляться къ тому, что у насъ есть на лицо,—необходимость, въ которую мы поставлены обстоятельствами и всѣмъ нашимъ прошедшимъ, и заставила составить правила, далеко не совершенныя, но и не несообразныя съ существующимъ еще порядкомъ вещей. Читая журнальную полемику и возраженія, сдѣланныя и публицистами, и педагогическими совѣтами, и нѣкоторыми наставниками (по моему требованію), я, удивляясь, спрашивалъ себя: неужели-же серьезно кто-нибудь убѣжденъ, что мнѣ или, лучше, комитету не были извѣстны самыя первыя начала педагогики, — неужели кто-нибудь могъ, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что мы не понимаемъ различія между юриспруденціей и воспитаніемъ, между чиновникомъ юстиціи и воспитателемъ, между провинившимся ребенкомъ и подсудимымъ преступникомъ? Неужели,—думалъ я,—у насъ незнаніе фактической стороны дѣла можетъ еще, такъ смѣло прикрываясь фразою, толковать объ идеальныхъ свойствахъ воспитателей и воспитанниковъ,—о любви, какъ главномъ принципѣ воспитанія,—о возможности обойтись вообще безъ наказаній, тогда какъ мы боремся въ нашемъ общественномъ воспитаніи съ самыми грубыми его недостатками? Какъ достаетъ духа у нашихъ мыслителей мечтать о сохраненіи правды внутренней въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ воспитателей и воспитанниковъ, тогда какъ мы едва справляемся съ соблюденіемъ самой внѣшней ея стороны? Кого хотятъ удивить крайностью убѣжденій, идеальностью взглядовъ, тонкостью логическаго анализа? Все крайнее, высокое и недостижимое уже давно высказано о воспитаніи. Намъ-ли обманывать себя мечтою идеальнаго воспитанія, которое и не у насъ недостижимо? Въ правѣ-ли мы требовать отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого они могли заимствовать образцы высокихъ качествъ? У прежнихъ-ли своихъ наставниковъ, въ жизни-ли общества, въ окружающей-ли ихъ средѣ, въ семьѣ-ли своей, въ воспитательныхъ-ли заведеніяхъ? И чѣмъ общество можетъ отблагодарить ихъ въ свою оче-

редь? Давно-ли у насъ начали думать и гласно говорить о дѣлѣ общественнаго воспитанія, и вотъ уже стали требовать отъ нашихъ учителей, инспекторовъ и директоровъ не только знанія дѣла,—котораго одного еще неоткуда взять,—но самыхъ высокихъ добродѣтелей: любви и самоотверженія, которыя посылаетъ человѣку божія благодать! Требовательные идеологи вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, — нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже имъ было невозможно. Увлекаясь мыслью о коренныхъ преобразов. цѣлой системы воспитанія, хотя бы и превосходныхъ, но далекихъ, можно-ли позабыть всѣ вопіющія потребности настоящаго, которыя необходимо удовлетворить чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше? Можно-ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директоры покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде; одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500 и 600 учениками, по-неволѣ ограничиваются одною оффиціальностью. Какъ забыть такъ скоро, что педагогическіе совѣты—самая лучшая сторона нашихъ учебныхъ учрежденій — еще вчера существовали только для формальныхъ испытаній? Какъ не знать, что учители позабыли думать о нравственной связи съ учениками? Какъ не напасть на мысль, если-бы безпристрастіе и любовь къ правдѣ управляли перомъ антагонистовъ нашего кодекса, видящихъ въ немъ посягательство на нравственность, какъ, — говорю, — не напасть на самую простую мысль, что, при отличныхъ и искусныхъ воспитателяхъ и при другихъ нормальныхъ условіяхъ, никто бы и не думалъ стѣснять ихъ дѣйствія искусственною регламентаціею, а если-бы кто вздумалъ, то и самый худой кодексъ оказался-бы безвреднымъ? Не ясно-ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ прямо въ глаза, что мы вводили наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей? Итакъ, не ясно-ли, что, вмѣсто голословныхъ нареканій, нужно было цѣнить ихъ путемъ прямого опыта, соображаясь съ данными обстоятельствами? Когда дѣло нашего воспитанія такъ ненормально, какъ оно есть теперь, то опыты дозволены. Отъ нихъ хуже не будетъ. Но не этотъ путь избрали наши критики. Будемъ же сами безпристрастными и вѣрными критиками нашихъ попытокъ. И я надѣюсь, что комитетъ, зная все дѣло ближе, вѣрно, понялъ, что нашъ вопросъ, при составленіи правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, былъ не такъ широко поставленъ; но зато рѣшеніе его касалось нашихъ самыхъ близкихъ, самыхъ существенныхъ и самыхъ вопіющихъ потребностей. Комитетъ, вмѣстѣ со мною, смотрѣлъ на все дѣло какъ о н о е с т ь, а не какъ о н о д о л ж н о б ы т ь, и заботился о томъ, какъ сдѣлать лучше, соображаясь съ существующимъ, а не съ другимъ, далекимъ или лучшимъ, порядкомъ вещей. Онъ, вѣрно, помнитъ, что нашъ ограниченный вопросъ былъ: какъ, при настоящей организаціи нашихъ гимназій и при настоящихъ средствахъ, уничтожить произволъ дѣйствій, возбудить въ учащихся упадшее довѣріе къ начальству гимназіи и постепенно возстановить нарушенную связь между учениками и наставниками? Поставивъ такъ вопросъ, комитетъ и я руководствовались существующимъ уставомъ гимназій, и потому не могли имѣть въ виду никакихъ радикальныхъ преобразованій. Предполагалось, что и основныя начала, и дѣйствующія лица, остаются тѣ же самыя, какъ и прежде, потому что мы не имѣли ни возможности, ни законнаго права, перемѣнить то или другое. Для рѣшенія этого вопроса, при такой обстановкѣ, и мнѣ, и комитету, представлялся возможнымъ только одинъ путь: усиленіе нравственнаго вліянія педагогическихъ совѣтовъ и составленіе правилъ для учениковъ и воспитателей. Мы полагали,—и не безъ причины,—что возстановить вдругъ нарушенную нравственную связь между учениками и

учителями невозможно, и что самымъ ближайшимъ средствомъ къ этому можетъ служить измѣненіе отношеній учениковъ къ цѣлому обществу ихъ наставниковъ. Это было легче сдѣлать, нежели возстановить всѣ нарушенныя отношенія учениковъ къ каждому учителю въ отдѣльности,—что должно было возстановиться постепенно само собою, какъ неминуемое слѣдствіе перваго. Имѣя все это въ виду, вѣрно, никто изъ членовъ комитета не смотрѣлъ иначе на наши правила, какъ на мѣру временную и приготовительную къ другому, лучшему, порядку вещей. Ни я и никто также не мечталъ искоренить этими правилами самое начало проступковъ—пороки. Это все было нами и сознано, и сказано во всеуслышаніе. Въ какой мѣрѣ намъ удалось достигнуть нашей главной цѣли—уничтожить произволъ и усилить вліяніе педагогическихъ совѣтовъ—мы увидимъ тотчасъ же изъ отчетовъ, сообщенныхъ мнѣ всѣми дирекціями округа. Но покуда я долженъ еще обратить вниманіе комитета на одно обстоятельство, которое всего болѣе возбудило нашихъ противниковъ. Это—то, что мы не исключили изъ нашего кодекса тѣлесное наказаніе и удаленіе изъ гимназіи. Члены комитета, безъ сомнѣнія, припомнятъ, что на мой вопросъ, сдѣланный ему за два года: нельзя ли въ нашихъ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу?—большинство отвѣчало отрицательно. Собственно, я и не имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость; но, сдѣлавъ этотъ вопросъ, я желалъ узнать предварительно, насколько онъ возбудитъ сочувствіе въ лицахъ опытныхъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Не нашедъ его въ большинствѣ членовъ, я вскорѣ убѣдился, что безполезно бы было уничтожать на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели, и большая часть родителей признаютъ еще необходимымъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи розга была уже уничтожена на бумагѣ. Въ руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го разряда Россійской Имперіи 1794 г. запрещались: «1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ-то: ослиныя уши, названіе скотины и т. п.». Однакоже, эти запрещенія не помогли, потому что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей. Отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей, и сами сѣкутъ дома. Ученики VI и VII классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, и за поступки противъ чести, сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества. Мнѣ скажутъ, что школа должна бороться съ предубѣжденіями и ложными взглядами. Да мы это и дѣлаемъ. Мы боремся, да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. Потому мы возстаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ. Воспитаніе ребенка есть очень сложный, нравственно-физическій экспериментъ. Успѣхъ его зависитъ отъ такого множества условій, что нельзя съ точностью опредѣлить результаты ни одной мѣры, какъ бы она ни казалась раціональною или нераціональною. Отвергать, что и розгою можно дѣйствовать безъ вреда и даже удачно, значило бы отвергать фактъ. Правда, что эта мѣра требуетъ въ общественномъ воспитаніи, со стороны педагога, большого такта; но правда и то, что другія, болѣе нравственныя средства требуютъ еще болѣе искусства, знанія дѣла и такта. Я знаю по опыту, что это не легко. Я пятнадцать лѣтъ такъ воспиты-

валъ моихъ дѣтей; но, и воспитывая ихъ дома, какъ отецъ, я съ большимъ трудомъ могъ обойтись однѣми чисто-нравственными мѣрами. А требовать отъ посторонняго воспитателя терпѣнія и заботливости отца—значило бы мечтать о возстановленіи тѣхъ патріархальныхъ отношеній въ общественномъ воспитаніи, которыя и прежде существовали только на бумагѣ. Тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства, сообразуясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой животной чувственности, и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ. Но, чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры, уже нельзя сообразоваться съ однимъ только свойствомъ проступка, а нужно знать трудное искусство индивидуализировать и очеловѣчивать звѣрскую сторону ребенка. Дѣйствіе этихъ мѣръ не такъ просто и однообразно, какъ дѣйствіе розги на физическую сторону дитяти; оно до безконечности различно и, безъ умѣнья приспособляться къ каждому данному случаю, можетъ привести къ результатамъ—совершенно противоположнымъ съ тѣми, которыхъ желаютъ достигнуть. Но возможно ли въ нашихъ многолюдныхъ гимназіяхъ учителямъ, занятымъ оффиціальными приватными уроками, директору, занятому служебною перепиской, и инспектору, имѣющему на рукахъ до 500 и 600 учениковъ, входить во всѣ тонкости индивидуализированія, даже если-бы всѣ наши педагоги и были какъ нельзя лучше знакомы съ этимъ труднымъ искусствомъ? А безъ этого къ чему поведетъ уничтоженіе розги, исключенія и всѣ нравственныя мѣры въ дѣлѣ общественнаго воспитанія? Не къ той ли же самой формальности, которая и теперь тяготѣетъ надъ нашими учебными заведеніями, да еще съ прибавленіемъ самыхъ худыхъ образцовъ; ихъ нужно будетъ терпѣть въ училищѣ во вредъ другимъ, изъ одного уваженія къ гуманному правилу, которое учредители съумѣли написать на бумагѣ, но не умѣютъ исполнить на дѣлѣ.

Читая о способахъ воспитанія нѣкоторыхъ нашихъ педагоговъ и дилеттантовъ, дѣйствующихъ безъ наказаній, одними увѣщаніями и моралью, мнѣ невольно приходятъ на мысль тѣ гомеопаты, которые хвалятся предъ публикою излеченіемъ болѣзней дециліонными пріемами, а за кулисами, вмѣстѣ съ гомеопатіей, пускаютъ кровь и ставятъ піявки и промывательныя. Но допустимъ, что всѣ наши соображенія разлетаются въ пухъ и въ прахъ предъ общественнымъ мнѣніемъ; допустимъ, что дѣйствительно это оно вопіетъ и громко требуетъ отмѣнить тѣлесное наказаніе. Чего же лучше и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ,—и что за дѣло тогда, будутъ ли наши правила угрожать виновнымъ розгою или нѣтъ,—все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила—и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ; а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ. Къ сожалѣнію, однако-же, у насъ еще не такъ легко узнать общественное мнѣніе. Съ одной стороны, судя по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, отмѣнить розгу въ училищахъ; но, съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, а слѣдовательно также и общества, да еще и самаго правогласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить совсѣмъ противное. Изъ 11-ти дирекцій кіевскаго округа на вопросъ мой: считаютъ ли онѣ возможнымъ и полезнымъ въ настоящее время отмѣнить вовсе тѣлесное наказаніе въ низшихъ классахъ, и если считаютъ это возможнымъ, то чѣмъ полагаютъ замѣнить его?—четыре педагогическихъ совѣта отвѣчали: «нѣтъ» (2-й кіевскій, нѣжинскій, немировскій и подольскій); изъ остальныхъ одинъ (1-й кіевскій) изъ 11-ти голосовъ рѣшилъ только 6-ю, что можно, но, взамѣнъ розги, предложилъ едва-ли

осуществляемое учрежденіе исправительной гимназіи, а другой (бѣлоцерковскій) предложилъ вызывать, въ случаяхъ, требующихъ строгаго взысканія, родителей и опекуновъ и предоставить имъ распоряжаться наказаніемъ; четыре предлагаютъ замѣнить тѣлесное наказаніе исключеніемъ; наконецъ, одинъ директоръ, вопреки мнѣнію педагогическаго совѣта своей гимназіи, считаетъ необходимымъ не исключать розги изъ списка возможныхъ наказаній. Итакъ, предлагаемые суррогаты или непрактичны, или изобличаютъ незнаніе другихъ исправительныхъ средствъ. Шаткость сужденій ставитъ насъ еще въ большее недоумѣніе, когда отъ публицистовъ мы слышимъ упреки въ излишней жестокости правилъ, а отъ директоровъ гимназій читаемъ донесенія (см. ниже), что тѣлесныя наказанія нашими правилами почти совсѣмъ выводятся изъ употребленія.

Мало этого: если судить по журнальнымъ статьямъ, то можно, пожалуй, подумать, что наше общественное мнѣніе вовсе не хочетъ никакихъ наказаній. Говорятъ, что самое ужасное наказаніе за всякое преступленіе есть глубокая скорбь, потрясающая человѣка въ минуты раскаянія; что въ воспитаніи при проступкахъ дѣтей нужно только примѣромъ и словомъ показать превосходство слѣдовать другимъ порядочнымъ правиламъ; что наказаніе за худое производится самимъ худымъ дѣломъ, и т. п. (см. стат. г. Григоровича въ «Педагогич. Вѣстн.», № 10). Эти убѣжденія невольно приводятъ къ другимъ, болѣе общимъ, вопросамъ: справедлива-ли вообще теорія наказаній, достигаетъ-ли наказаніе цѣли и можетъ-ли идея наказанія за преступленія взрослыхъ быть примѣняема въ дѣлѣ воспитанія дѣтей? Мнѣ кажется, если и въ самомъ божественномъ ученіи, проникнутомъ чистѣйшею любовью къ человѣчеству, проводится мысль о наградѣ и наказаніи въ будущемъ, то наврядъ-ли удастся намъ выдумать что-нибудь болѣе соотвѣтствующее натурѣ человѣка, будетъ-ли то касаться законовъ общества, или воспитанія дѣтей. Что полное раскаяніе и внутреннее наказаніе, причиняемое самимъ зломъ, есть лучшее средство къ исправленію, — въ этомъ никто изъ насъ, вѣрно, не усомнится; но чтобы человѣка, и еще болѣе юнаго, можно было всегда однимъ увѣщаніемъ и примѣромъ довести до этого раскаянія и внутренняго сознанія, въ этомъ усомнится всякій, безъ фарисейства заглянувшій въ глубину собственной души. И всякій, наученный собственнымъ опытомъ, согласится, что можно содѣйствовать къ уничтоженію порочной наклонности тѣмъ, если будемъ постоянно препятствовать ея обнаруживаніямъ, какимъ-бы то ни было образомъ, даже посредствомъ зла. Такую мѣру, конечно, нельзя предпочитать другимъ; по дѣйствія ея оспаривать также нельзя. Возможно-ли же въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, заключающихъ въ себѣ учениковъ до безконечности разнородныхъ, исправлять проступки всегда одними увѣщаніями, когда воспитатель едва имѣетъ время наблюдать за общимъ порядкомъ, необходимымъ вездѣ, а еще болѣе у насъ? Справедливо-ли будетъ укорять его въ лѣни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторое утописты, когда онъ, вмѣсто долгаго увѣщанія, постарается прекратить какъ можно скорѣе дальнѣйшее проявленіе проступка и распространеніе его дѣйствій на всю массу учениковъ, безотлагательнымъ удаленіемъ виновнаго и его сообщниковъ? Это не исправленіе, это—кара, это—возмездіе, это—наказаніе не ученика, а его родителей, — возражаютъ уже не одни утописты, а и нѣкоторые наставники, проникнутые духомъ христіанской любви. Но я не знаю, что тутъ болѣе говоритъ: эта-ли высокая любовь, сожалѣніе-ли, или самоувѣренность и желаніе прослыть гуманнымъ.

Никто и не утверждаетъ, что цѣль удаленія есть исправленіе. Учебное заведеніе, удаляя изъ своей среды ученика, этимъ самымъ уже сознается предъ обществомъ, что оно не въ состояніи исправить виновнаго. Но оно не утверждаетъ, что при другихъ пособіяхъ, при другой обстановкѣ, онъ-бы не могъ еще исправиться. Учебное

заведеніе, сознавая свою несостоятельность, обязано удалить виновнаго съ цѣлью оградить другихъ отъ нравственнаго вреда и порчи. И развѣ не лучше и не справедливѣе воспитателю сознаться откровенно предъ родителями и обществомъ въ своемъ неумѣньи, нежели обольщать ихъ ложными надеждами? Откровенно говоря, нашимъ учебнымъ заведеніямъ нужно-бы было не только при исключеніи учениковъ, но и вообще сознаться предъ обществомъ, что ихъ нравственно-исправительное вліяніе очень слабо. Если кто воспитываетъ человѣка у насъ, то это — наука и жизнь. Я невольно прихожу къ этому убѣжденію, всматриваясь глубже въ бытъ нашихъ учебныхъ заведеній и ихъ отношенія къ ученикамъ и обществу. Какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ; и покуда въ рукахъ школы находится одно только надежное средство вліять на нравственную сторону учащихся: это—наука. Но оставимъ голословныя сужденія и перейдемъ къ фактической сторонѣ вопроса. Порицавшіе съ этой стороны наши правила за чрезмѣрную строгость нашли, что изъ 27-ми различнаго рода проступковъ въ 16-ти, возведенныхъ въ послѣднюю степень, опредѣляется исключеніе, а въ 3-хъ — тѣлесное наказаніе. Но при этомъ забыли, что, уничтоживъ произволъ исполнителей, можно и при драконовыхъ законахъ достигнуть гуманныхъ результатовъ. Разсмотримъ-же теперь, изъ собранныхъ нами данныхъ отъ всѣхъ 11-ти гимназій округа, насколько достигли мы нашими строгими правилами самой главной цѣли — уничтоженія произвола—посредствомъ усиленнаго вліянія педагогическихъ совѣтовъ? Пусть факты и цифры говорятъ сами за себя и докажутъ это лучше, чѣмъ голословные пересуды. Остановимся сначала на тѣлесномъ наказаніи, увольненіи и исключеніи.

Въ теченіе года, предшествовавшаго составленію кодекса, изъ 4,109 учениковъ одиннадцати гимназій округа подвергались тѣлесному наказанію 551. Въ теченіе года, истекшаго послѣ обнародованія правилъ, изъ 4,310 учениковъ этихъ же гимназій подвергнуто было тѣлесному наказанію только 27, и именно — отъ 5 до 10 ударовъ розгою*. Но изъ этихъ 27 тѣлесно наказанныхъ одинъ въ подольской гимназіи наказанъ по просьбѣ матери за оказанную ей дерзость; про двухъ еще неизвѣстно, наказаны-ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ (нѣж. гимн.) наказаніе было опредѣлено несообразно правиламъ (за неприличныя слова въ тетради), а въ 4 другихъ случаяхъ директоръ (ровенской гимназіи) поступилъ произвольно: онъ наказалъ трехъ учениковъ, безъ согласія педагогическаго совѣта и противъ правилъ, за сквернословіе, постоянныя шалости, за умышленный ударъ товарища и за введеніе лотереи въ классѣ, по просьбѣ родителей и «по предоставленной ему, какъ онъ писалъ въ донесеніи ко мнѣ, родителями власти и попеченію» **. Итакъ, введеніе нашихъ правилъ уменьшило

* Подвергались тѣлесному наказанію:

	Въ 1858 году (до составленія кодекса)		Въ 1859—60 (послѣ обнародов. кодекса)	
Въ кіевской 1-й гимназіи	изъ 215 учен.	3	изъ 201 учен.	1
„ кіевской 2-й гимназіи	„ 625 „	43	„ 650 „	2
„ бѣлоцерковской	„ 220 „	38	„ 266 „	0
„ волынской	„ 600 „	290	„ 635 „	5
„ ровенской	„ 300 „	6	„ 354 „	5
„ подольской	„ 400 „	37	„ 470 „	7
„ немировской	„ 600 „	67	„ 568 „	5
„ черниговской	„ 240 „	18	„ 276 „	0
„ новгородсѣверской	„ 250 „	8	„ 288 „	0
„ нѣжинской	„ 260 „	2	„ 264 „	2
„ полтавской	„ 399 „	39	„ 338 „	0
	Изъ 4,109 учен.	551	Изъ 4,310 учен.	27

** Директоръ ровенской гимназіи, г. Тумановъ, перешелъ въ нынѣшнемъ году, по окончаніи 25-лѣтія, въ виленскій учебный округъ.

слишкомъ въ 20 разъ процентное содержаніе тѣлесныхъ наказаній къ числу учениковъ. Нашъ разсчетъ, — какъ вы видите, — былъ совершенно справедливъ при составленіи правилъ. Несмотря на кажущуюся ихъ жестокость, намъ удалось введеніемъ ихъ такъ ограничить произволъ, опредѣлявшій прежде тѣлесныя наказанія, что въ теченіе одного года число ихъ уменьшилось слишкомъ въ 20 разъ. Мы можемъ остаться довольными такимъ результатомъ. Главная цѣль правилъ — уменьшеніе произвола — достигается ими, и только въ 6 или 7 случаяхъ изъ 27 опредѣленіе наказанія со стороны дирекцій было произвольное, противъ правилъ и безъ согласія педагогическаго совѣта. Такой-же или почти такой-же результатъ представляетъ и другое наказаніе: увольненіе и исключеніе. Изъ 4,109 — 4,310 учениковъ уволено по прошенію 34 и исключено 10 учениковъ послѣ введенія правилъ. Самая большая цифра уволенныхъ (изъ 34 — 14) и исключенныхъ (изъ 10 — 6) принадлежитъ 2-й кіевской гимназіи, самой многолюдной (650 учен.); самая малая (по одному ученику)— ровенской и новгородсѣверской; наконецъ, въ четырехъ гимназіяхъ: новгородсѣверской, черниговской, бѣлоцерковской и полтавской, не было ни уволенныхъ, ни исключенныхъ, ни наказанныхъ розгой—ни одного ученика. Изъ 34 уволенныхъ почти цѣлая треть уволена по желанію родителей.

Теперь посмотримъ, соотвѣтствовали-ли самые проступки строгости наказаній. Изъ 27 наказанныхъ тѣлесно 6 были наказаны за дерзость и оскорбленіе наставниковъ и надзирателей; всѣ остальные — за болѣе или менѣе сложныя продѣлки воровства. Вотъ краткое описаніе этихъ случаевъ. — Дерзость. Одинъ ученикъ III-го класса немировской гимназіи обругалъ учителя въ классѣ за то, что тотъ поставилъ ему единицу на урокѣ. Другой (ученикъ II-го класса 1-й кіевской гимназіи) поднялъ руку на надзирателя. Трое (ученики IV и II-го классовъ волынской и подольской гимназій) оскорбили учителя рисованія въ классѣ и надзирателя, одинъ оскорбилъ мать и наказанъ по ея просьбѣ (уч. I-го кл. подольской гимназіи). Къ сожалѣнію, въ донесеніяхъ дирекцій не описаны подробности каждаго случая. — Воровство. Обыкновенно книги составляли предметъ воровства. Ихъ воровали ученики низшихъ трехъ классовъ у товарищей для того, чтобы продать и купить лакомства или вымѣнивать на игрушки. Въ четырехъ случаяхъ за повторенное воровство наказаніе было сдѣлано въ присутствіи родителей (въ волынской и ровенской гимназіяхъ). Въ одномъ случаѣ виновный, укравши у товарища краски, вымочился ночью съ умысломъ въ чужую постель (уч. III-го класса немировской гимназіи). Въ другомъ случаѣ ученикъ 13-ти лѣтъ, изъ дворянъ (I-го класса немировской гимназіи), продалъ товарищу, безъ вѣдома матери, географическій атласъ, и когда мать хватилась, то онъ обманулъ товарища, прося возвратить ему на время проданную книгу; когда же тотъ не согласился это сдѣлать, то воришка пришелъ къ хозяйкѣ товарища во время его отсутствія и, подъ предлогомъ, что присланъ имъ, взялъ у нея эту книгу, потомъ отъ всего отперся и увѣрялъ, съ необыкновенною изворотливостью и безстыдствомъ, что никогда не бралъ и ничего не знаетъ. Только достаточное число собранныхъ обличительныхъ фактовъ и духовное увѣщаніе законоучителя довели его до совершеннаго сознанія. Еще въ одномъ случаѣ ученикъ I-го класса подольской гимназіи, 13-ти лѣтъ, сынъ чиновника, былъ наказанъ 7-ю ударами за частое пьянство, воровство плошекъ на улицахъ и за прошеніе милостыни у заѣзжихъ дворянъ.

Изъ 34-хъ, уволенныхъ по прошенію, 6 учениковъ высшихъ классовъ принимали участіе въ воровствѣ; изъ нихъ двое (учен. 1-й кіев. гимн.) участвовали въ кражѣ книгъ у книгопродавца, продолжавшейся болѣе года; книги продавались и деньги употреблялись на различныя потребности; главный участникъ уничтожилъ во время ареста оставшіяся у него еще непроданными книги; 6—за самоуправство (ученики 1-й кіевской гимна-

зіи): они всѣ, подозрѣвая своего товарища въ кражѣ и въ онанизмѣ положили зазвать его тайкомъ въ ватерклозетъ и высѣкли. 4 (ученики 2-й кiев., немировск. и под. гимн.) уволены за повторенную дерзость противъ учителей, за ослушаніе приказаній педагогическаго совѣта, за хожденіе по трактирамъ и непосѣщеніе классовъ. Одинъ (ученикъ, 18 л., V-го класса немиров. гимназіи, изъ дворянъ) уволенъ за распространеніе между учениками ложнаго слуха, разнесшагося потомъ и по городу, что будто-бы онъ далъ одной дѣвицѣ конфортативъ. Одинъ ученикъ исключенъ за пьянство и онанизмъ (ученикъ подольской гимназіи, 19 лѣтъ); остальные—за неявку въ теченіе продолжительнаго времени, за постоянную лѣность и нехожденіе въ классы (большею частью уволены по прошенію родителей).

Изъ 10 исключенныхъ 4 обличены въ воровствѣ, какъ зачинщики. Изъ нихъ двое руководили дѣломъ, при покражѣ книгъ у книгопродавца (учен. 1-й и 2-й кiевскихъ гимн.); одинъ (ученикъ IV кл. 2-й кiевск. гимн.) разломалъ въ отсутствіе родственника, его шкатулку, забралъ деньги и вещи и заложилъ ихъ; одинъ (учен. 2-й кiевской гимн., IV кл.) укралъ изъ гардероба 2 пальто и продалъ ихъ студенту. Остальные 6 исключены за различные поступки, означающіе также сильную испорченность воли. Такъ одинъ ученикъ, постоянно лѣнившійся (изъ евреевъ, I-го кл. 2-й кiев. гимн.) училъ другихъ въ классѣ онанизму, и пойманъ на дѣлѣ. Одинъ (III-го кл. 2-й кiевской гимназіи) продалъ свою шинель, промоталъ деньги, занялъ потомъ за большіе проценты у какого-то лакея и поднялъ руку на надзирателя (бросивъ въ него комкомъ снѣга). Одинъ (ученикъ IV-го класса 2-й кiевск. гимн.) стрѣлялъ изъ пистолета въ цѣль на квартирѣ, гдѣ найдены у него, кромѣ пороха, табакъ, карты и др. принадлежности, и за неявку въ классы исключенъ. Одинъ (учен., 17 лѣтъ, 2-й кiевской гимназіи) предъявилъ фальшивое свидѣтельство и ложную подпись на билетѣ. Одинъ (учен. VI-го кл. житомірской гимназіи) возвратясь изъ отпуска, долго не являлся въ гимназію, и, проживая въ городѣ, ходилъ по трактирамъ и другимъ публичнымъ мѣстамъ. Не знаю, можно-ли, послѣ этого итога проступковъ, обвинять наши гимназіи въ излишней строгости и несправедливости. Развѣ въ случаяхъ дерзости и грубости противъ наставниковъ можно-бы еще было, не отступая отъ правилъ, избѣжать тѣлеснаго наказанія; потому что эти случаи—самые неопредѣленные, и воспитателю можно легко поставить себя выше всякаго оскорбленія, отыскивая причину его не въ зломъ умыслѣ, а въ грубости нрава, неразвитости, легкомысліи и т. п. Никто также не будетъ утверждать, что и въ другихъ случаяхъ искусные воспитатели, согрѣтые любовью и вооруженные терпѣніемъ, не могли-бы исправить виновныхъ, оставивъ ихъ въ школѣ. Но кто предъ другими дѣтьми, ихъ отцами и предъ судомъ совѣсти возьмемъ на себя эту отвѣтственность? Кто самоувѣренный изъ насъ, указавъ на себя, скажетъ:—я? И кто намъ далъ право быть такъ требовательными? А не надѣясь на свое искусство, въ правѣ-ли мы оставлять такіе проступки безнаказанными? Пусть рѣшитъ это безпристрастный судъ здравомыслящаго общества. Пусть предложатъ намъ суррогаты тѣлеснаго наказанія и удаленія изъ училища для нашихъ гимназій, не только болѣе нравственные, но и болѣе практичные. Мы примемъ ихъ съ благодарностью. Мѣры же, или, лучше, воззрѣнія, предложенныя до сихъ поръ и публицистами, и педагогами, не выдерживаютъ еще строгой критики въ примѣненіи ихъ къ настоящему состоянію нашихъ гимназій. Изъ 6-ти педагогическихъ совѣтовъ, желающихъ, болѣе или менѣе ясно, отмѣны тѣлеснаго наказанія, какъ мы видѣли, одинъ (1-й кiевской гимназіи) предлагаетъ замѣнить розгу учрежденіемъ исправительной гимназіи. Эта мысль была уже нами высказана въ комитетѣ за два года предъ симъ. Но, кромѣ трудности, лица, которыя, владѣя вполнѣ искусствомъ исправлять закоренѣлое зло, пожелали бы управ-

лять такимъ заведеніемъ, оно носило-бы на себѣ въ глазахъ общества печать отверженія,—что едва-ли бы способствовало нравственному улучшенію отверженцевъ. Впрочемъ, если-бы нашлось достаточно лицъ, желающихъ посвятить себя благому дѣлу, то, можетъ быть, и удалось-бы въ видѣ опыта устроить подобное учрежденіе. Другое предложеніе (бѣлоцерковской гимназіи) — предоставить родителямъ распоряжаться ихъ дѣтьми, присужденными гимназіею къ строгому наказанію, — еще менѣе практично, потому что или большая часть родителей стала бы наказывать виновныхъ дѣтей, точно также какъ и гимназія, или же эта мѣра ничѣмъ бы не отличалась отъ удаленія изъ гимназіи. Что же касается до удаленія изъ гимназіи, предлагаемаго четырьмя другими педагогическими совѣтами взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, то о немъ мнѣнія нашихъ педагоговъ и публицистовъ чрезвычайно различны. Одни считаютъ удаленіе не исправительною мѣрою, а карою, или возмездіемъ, говоря, что оно наказываетъ не виновныхъ дѣтей, а невинныхъ родителей. Другіе требуютъ не только не уничтожать этой мѣры, но, напротивъ, предоставить педагогическимъ совѣтамъ право немедленнаго увольненія, чтобы они могли дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе (нѣжин. гимн.). Нѣкоторыя гимназіи возстаютъ при этомъ противъ простого увольненія и временнаго исключенія, основываясь на томъ, что увольненіе зависитъ отъ родителей, а родители иногда оставляютъ насильно сына, хотя онъ самъ и не хочетъ остаться въ заведеніи, чрезъ что онъ балуется и балуетъ другихъ. Поэтому предлагаютъ замѣнить увольненіе исключеніемъ (волынская гимназія). Противъ временнаго удаленія говорятъ, что ученикъ внѣ заведенія, безъ присмотра, можетъ испортиться еще болѣе и отстанетъ въ ученіи такъ, что его нельзя будетъ опять принять въ тотъ же классъ; если-же (говорятъ они) допустить, что удаленный изъ гимназіи можетъ еще исправиться, то всякое исключеніе слѣдуетъ сдѣлать временнымъ (полтавская и черниговская гимназ.). Полагаютъ тоже, что увольненіе съ хорошей отмѣткою пораждаетъ сомнѣніе въ ученикѣ о правотѣ дѣйствій начальства, поступающаго двулично (полтав.). Что главная цѣль удаленія виновнаго не есть исправленіе, — объ этомъ я уже говорилъ; но что оно есть кара или несправедливое наказаніе невинныхъ родителей,—съ этимъ я несогласенъ. Нѣтъ ни одного такого наказанія дѣтей, которое-бы не наказывало вмѣстѣ и родителей нравственно или матеріально. Тутъ нѣтъ никакой несправедливости. Если-бы воспитатели или наставники въ сужденіяхъ своихъ о дѣтяхъ должны были имѣть въ виду интересы родителей, то тогда нужно-бы было многихъ учениковъ гимназіи, несмотря на плохіе успѣхи, переводить въ высшіе классы или въ университетъ: потому что, не переводя ихъ, мы часто наказываемъ этимъ болѣе родителей, чѣмъ ихъ самихъ. Если же, исключая виновнаго изъ училища, мы, во-первыхъ, гласно сознаемся въ нашемъ неумѣньи исправить худое и въ недѣйствительности тѣхъ средствъ исправленія, которыми владѣемъ; во вторыхъ, считаемъ необходимымъ, для блага заведенія, удалить его изъ среды другихъ воспитанниковъ, то это не значитъ, что мы имѣемъ цѣлью карать его. Если же кто его караетъ, то это—свойство и степень его проступка, а не законъ, который есть только слѣдствіе проступка. Если намъ возражаютъ, что наши правила, для большей части проступковъ, въ послѣдней ихъ степени назначаютъ удаленіе, то это принято нами, предполагая, что всѣ они, въ крайней степени и при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно могутъ обнаружить, въ глазахъ воспитателей, неисправимую и вредную для другихъ и для цѣлаго заведенія испорченность права и воли. Сюда относятся: умышленная порча вещей, равная воровству; воровство и лихоимство, употребленіе спиртныхъ напитковъ, пороки чувственности, развратъ, картежъ, клевета и наушничество; дерзость и оскорбленіе воспитателей; закоренѣлая лѣность, нарушеніе общественнаго благочинія и неповиновеніе. Что

всѣ эти проступки и не въ зрѣломъ возрастѣ могутъ зависѣть не отъ одного только легкомыслія, а имѣть болѣе глубокій корень и созрѣть до степени порока, въ этомъ, я думаю, усомнятся не многіе. Судить, исправимы ли они, или нѣтъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, могутъ только сами воспитатели. Правила же наши нисколько не стѣсняютъ ихъ сужденій, а, напротивъ, даютъ имъ просторъ, принимая различныя степени и допуская различныя, и смягчающія, и усиливающія, обстоятельства. Наши правила, поставляя извѣстныя степени наказаній, нисколько не исключаютъ всѣхъ возможныхъ нравственныхъ мѣръ, увѣщаній и т. п. Скажу болѣе: они предоставляютъ воспитателямъ право и совсѣмъ не возводить многихъ худыхъ дѣйствій воспитанниковъ на степень вины или проступка. Если ребенокъ, страдающій глистами или раздраженіемъ дѣтородныхъ частей, подвергается онанизму, вмѣнитъ ли мыслящій воспитатель это въ вину воспитаннику? Если взрослые люди напоили ребенка виномъ,—можно ли это будетъ отнести къ проступкамъ? Если родители посылали сына воровать съ цѣлью доставлять себѣ пропитаніе, и, не вразумивъ его ни закономъ божіимъ, ни понятіями о нравственности, отдали въ школу, то неужели воспитатель, дѣйствующій не по одной мертвой буквѣ кодекса, первое сдѣланное ученикомъ въ школѣ воровство поставитъ ему въ вину и пригрозитъ розгою? Мнѣ кажется, наши правила нигдѣ не запрещаютъ воспитателямъ имѣть здравый смыслъ, тактъ и прозорливость. Кто изъ воспитателей владѣетъ этими качествами, тотъ будетъ ими владѣть и дѣйствовать и при правилахъ. Кто—нѣтъ, того они, по крайней мѣрѣ, удержатъ отъ самоуправства и не допустятъ до слишкомъ грубыхъ промаховъ и ошибокъ. Приводя эти случаи безсознательной вины, то-есть не-вины, я не раздѣляю, однако-же, мнѣнія тѣхъ, которые начало всѣхъ проступковъ находятъ внѣ воли виновнаго, въ окружавшей его средѣ и т. п. (между прочимъ, утверждаетъ это и г. учитель черниговской гимназіи Страховскій, въ особомъ мнѣніи). Я согласенъ, что, проводя слѣдствія и аналогіи изъ приведенныхъ мною случаевъ до послѣдней крайности, можно не только всѣ наши дѣйствія представить независимыми отъ нашей воли, но и самую волю принять за слѣдствіе различныхъ индивидуальныхъ условій, совершенно отъ насъ независимыхъ. Логически это будетъ, можетъ быть, и справедливо, но на дѣлѣ, какъ и всѣ до крайности проведенные принципы, это будетъ логическимъ ослѣпленіемъ. Не спорю,—чрезвычайно трудно воспитателю различить, что въ каждомъ проступкѣ есть безсознательнаго, что есть въ немъ слѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ и что зависитъ отъ воли и сознанія виновнаго. Но если воспитатель рѣшилъ однажды, по своимъ соображеніямъ, что принятый имъ въ училище—онанистъ, или воръ, или замѣченный пьянымъ —не самъ виноватъ въ этомъ, или не виноватъ сознательно, то можетъ быть одно изъ двухъ: или училище имѣетъ средства его исправить, или —нѣтъ; въ первомъ случаѣ оно должно довести его до сознанія дѣлаемаго имъ зла; а во второмъ—не приниматься за его исправленіе и удалить. Какимъ способомъ доведется худое въ поступкахъ воспитанника до его сознанія, это предоставлено благоразумію и опытности воспитателей. Наказанія же, опредѣляемыя нашими правилами, назначаются ими только для проступковъ, слѣдовательно для худыхъ, сознательныхъ дѣйствій. Только при обсужденіи такихъ дѣйствій берутся въ соображеніе и различныя смягчающія или усиливающія обстоятельства. Если же между этими обстоятельствами для трехъ проступковъ: порчи вещей, обмана и клеветы, означенъ умыселъ, то изъ этого нельзя заключать, что мы относимъ къ проступкамъ и несознательныя или неумышленныя дѣйствія, потому что виновный въ порчѣ чужой вещи, въ обманѣ и въ клеветѣ, поступая и сознательно худо, можетъ еще дѣйствовать съ умысломъ повредить другому, или не

имѣя этого умысла, что, конечно, усиливаетъ или ослабляетъ его вину.

Какъ другого суррогата тѣлеснаго наказанія въ школахъ нѣтъ, кромѣ исключенія, а исключеніе не есть чисто-исправительная мѣра, то, изгнавъ изъ школъ розгу, остается принять для всѣхъ случаевъ, требующихъ крайнихъ наказаній, одно изъ двухъ: или систему вѣчнаго извиненія—и прощать (какъ выразился одинъ изъ нашихъ педагоговъ, учитель черниговской гимназіи г. Страховскій) «семьдесятъ кратъ седмерицею»; или же ограничиться одними чисто-нравственными мѣрами, употребленія которыхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ нисколько не ограничиваютъ, какъ мы видѣли, и наши правила. И если ихъ понимаютъ, или стараются понять, иначе, какъ мы ихъ понимали, то мы виноваты, можетъ быть, только въ томъ, что не съумѣли разъяснить наши мысли какъ слѣдуетъ. Но мы, кажется, довольно ясно выразились въ циркулярѣ, сказавъ: учащіеся должны скоро понять, что ихъ дѣйствія подчиняются не одной мертвой буквѣ закона, но и живой силѣ убѣжденія воспитателей о мѣрѣ вины и наказанія (№ 8, стр. V). Наши правила назначаютъ тѣлесное наказаніе въ двухъ случаяхъ: за воровство и за оскорбленіе. Нѣкоторые рецезенты, безъ дальнѣйшаго размышленія, хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленіе товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово: «фанатизмъ», въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ воспитатель не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, то-есть дѣтей 10—12 лѣтъ, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ.

Всѣ случаи тѣлеснаго наказанія и удаленія, исчисленные мною по донесеніямъ дирекцій округа, были разслѣдованы въ педагогическихъ совѣтахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, сколько видно изъ подробныхъ (именныхъ) списковъ, взяты во вниманіе смягчающія и усиливающія обстоятельства: характеръ, инниціатива, домашнее воспитаніе и т. п. Насколько сужденіе было точно и справедливо,—конечно, остается на совѣсти всѣхъ членовъ. Но мнѣ кажется уже и тѣмъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ, что вся коллегія учителей вовлечена въ эти нравственныя разбирательства и не имѣетъ болѣе права, какъ это бывало прежде, выступать изъ органической связи съ учениками. Итакъ, кромѣ ограниченія произвола, правила достигнутъ еще и другой цѣли, которую мы и имѣли при ихъ составленіи: это—увеличеніе вліянія учителей на воспитанниковъ. Нарушенную временемъ и обстоятельствами связь между ними нельзя вдругъ возстановить,—это требуетъ другихъ, болѣе обширныхъ и болѣе радикальныхъ реформъ всей организаціи нашихъ учебныхъ заведеній. Нельзя требовать, чтобы сейчасъ же усилилось моральное вліяніе каждаго наставника въ отдѣльности. На первый разъ довольно уже того, что цѣлая коллегія имѣетъ средство дѣйствовать на нравственную сторону учениковъ. Нѣкоторые признаки обнаруживаютъ уже, что воспитанники гимназій даже въ трехъ западныхъ губерніяхъ (гдѣ связь по различію національностей была болѣе нарушена) начинаютъ чувствовать это вліяніе цѣлой коллегіи и крѣпко интересуются имъ. Такъ, напримѣръ, изъ отчетовъ немировской гимназіи видно, что нѣсколько учениковъ получили выговоръ отъ педагогическаго совѣта (Богъ знаетъ для чего?) за то, что разсказывали другимъ ученикамъ мнѣніе учителей, высказанное ими въ совѣтѣ о томъ или другомъ ученикѣ. Какъ узнали они эти мнѣнія—не объяснено. Но явленіе это въ моихъ глазахъ знаменательно, и нѣтъ сомнѣнія, что путемъ, избраннымъ нами, рано или поздно желаемая связь воспитателей и воспитанниковъ будетъ возстановлена. Съ моей стороны, я постараюсь сдѣлать это, сколько могу и сколь-

ко съумѣю. Комитетъ же вѣрно поможетъ мнѣ своими соображеніями и совѣтами.

Перейдемъ теперь къ другимъ, менѣе важнымъ наказаніямъ. Если взять ихъ итогъ (послѣ введенія правилъ), то онъ окажется весьма значительнымъ. Изъ 4,310 учениковъ было 1891 наказанныхъ*. Но большая часть наказаній состояла въ выговорахъ (отъ директора, инспектора), домашнихъ и классныхъ арестахъ съ обязательною работою, лишеніи отпуска и обѣда, ужина или одного блюда. Наказанныхъ такимъ образомъ было почти до 1,700 (изъ нихъ—лишеній пищи до 500 и до 1,200 оффиціальныхъ выговоровъ и арестовъ). Число самыхъ наказаній простиралось до 3,961. Оно потому болѣе числа наказанныхъ, что многіе изъ нихъ были оштрафованы по нѣскольку разъ; такъ въ волынской и подольской гимназіяхъ нѣкоторые ученики подвергались по 15 и 18 разъ арестамъ въ теченіе года,—оттого итогъ наказаній въ этихъ двухъ гимназіяхъ значительно превышалъ число наказанныхъ. Увѣщательныя замѣчанія и неоффиціальные выговоры не записывались, и поэтому не внесены у насъ въ число наказаній. Самое меньшее число наказанныхъ относилось къ числу учениковъ какъ 1 къ 4 (бѣлоцерк.); самое большее—какъ 1 къ 2, къ 1½ и менѣе (въ полтавской, новгородсѣверской, немировской). Многочисленностью или малочисленностью учениковъ той или другой гимназіи нельзя еще объяснить численность наказаній; и въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ гимназіяхъ (какъ, напр., волынская и 2-я кіевская), и въ нѣкоторыхъ малолюдныхъ гимназіяхъ (какъ, напр., бѣлоцерковская) сравнительно число наказанныхъ было менѣе значительно (какъ 1 къ 4 и къ 3), нежели въ другихъ. Обширность и многолюдность города, гдѣ помѣщается та или другая гимназія, также не оказываютъ слишкомъ большого вліянія на цифру наказаній; однако-же въ двухъ большихъ губернскихъ городахъ (Кіевѣ и Житомірѣ) замѣтно меньше число наказанныхъ; напротивъ, въ другихъ небольшихъ городахъ или мѣстечкахъ (какъ, напримѣръ, въ Немировѣ и Новгородсѣверскѣ) — замѣтно значительнѣе. Это, вѣроятно, происходитъ оттого, что въ малыхъ городахъ контроль за учениками удобнѣе, чѣмъ въ большихъ, а потому и надзоръ сильнѣе. Арестъ былъ всегда соединенъ съ обязательною работою. Къ болѣе значительнымъ наказаніямъ принадлежали: 1) выговоръ отъ педагогическаго совѣта, 2) черная доска, 3) переводъ въ низшій классъ. Изъ числа 1,891 приговорено: къ выговору отъ педагогическаго совѣта 120; къ переводу въ низшіе классы—50; къ внесенію имени на черную доску—42. Всего—болѣе 200

* Число наказанныхъ и наказаній въ теченіе 1 года и 2-хъ мѣсяцевъ (кромѣ тѣлеснаго и удаленія).

	Учениковъ	Наказанныхъ	Наказаній
1. Въ 1-й кіевской гимназіи	251	99	210
2. „ 2-й кіевской	650	194	452
3. „ бѣлоцерковской	266	61	88
4. „ немировской	568	427	534
5. „ волынской	635	197	728
6. „ ровенской	354	121	218
7. „ подольской	470	160	254
8. „ черниговской	276	124	252
9. „ новгородсѣверской	258	157	175
10. „ нѣжинской	264	132	180
11. „ полтавской	398	219	850
Число учениковъ	4,310	1,891	3,961

такихъ наказаній*. Большая половина наказанныхъ оффиціальными выговорами и арестами принадлежитъ первымъ тремъ классамъ, тогда какъ изъ числа исключенныхъ и уволенныхъ только 5 или 6 были ученики низшихъ классовъ.

Проступки учениковъ, за которые присуждались оффиціальные выговоры отъ директора и инспектора, аресты съ обязательною работою и лишеніе пищи, можно раздѣлить на четыре главные разряда, изъ которыхъ будутъ относиться: 1. Къ первому — шалости, и преимущественно шалости въ классѣ, нарушавшія вниманіе товарищей. Я исчислю здѣсь чаще встрѣчавшіяся въ главныхъ чертахъ, чтобы показать ихъ общій характеръ: толчки и щелчки другъ другу во время урока; прятанье подъ скамейки; шумъ и борьба въ классѣ: пусканіе мыльныхъ пузырей и шариковъ изъ бумаги и хлѣба другъ въ друга во время уроковъ; свистъ и игра на гармоникѣ, также во время ученія въ классѣ; вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги и приклеиваніе ихъ къ доскамъ, къ верху дверей и къ потолку, передъ приходомъ учителя и во время класса (особливо рисовальнаго), перестановка классной мебели и т. п. Насмѣшекъ надъ учителями почти не было; въ одномъ случаѣ только натертъ былъ учительскій столъ чеснокомъ. Къ шалостямъ же отнесены: неполное соблюденіе формы, изъ франтовства, и порча вещей, принадлежавшихъ товарищамъ, безъ худого умысла повредить имъ. Самое большое число наказаній относилось къ этому роду проступковъ (изъ 1,891—489); всего чаще за шалости были присуждаемы первые три класса (изъ 489—303). 2) Къ второму разряду— лѣность. Сюда отнесены случаи, когда ученикъ часто сказывался больнымъ, чтобы отдѣлаться отъ урока, а его между тѣмъ находили на улицахъ гуляющимъ; отлучка изъ классовъ и повторенная неявка безъ всякой причины; повторенное незнаніе уроковъ, несмотря на сдѣланныя замѣчанія, и часто случавшійся поздній приходъ въ классъ, также безъ причины. 3) Дерзость и грубость нрава, высказавшіяся: обидною бранью съ товарищами, пощечинами и нанесеніемъ сильныхъ ударовъ (иногда до крови), неявкою на вызовъ инспектора и грубыми выраженіями на замѣчанія наставниковъ; такъ, напримѣръ, одинъ ученикъ на предложеніе учителя выйти вонъ изъ класса за шалость,—возразилъ, что только собакъ выводятъ вонъ; на замѣчаніе же учителя, что можно выводить и учениковъ,—отвѣчалъ: «и учителей». Въ черниговской гимназіи, какъ особенность, были случаи, означающіе оригинальную грубость нравовъ. Нѣсколько учениковъ выпуска-

---

* Въ какой мѣрѣ увеличилось число такихъ наказаній, какъ оффиціальные выговоры, замѣчанія (отъ директора, инспектора и педагогическаго совѣта), вмѣстѣ съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ наказаній и карцерныхъ арестовъ, послѣ введенія нашихъ правилъ, видно изъ слѣдующаго перечня, сообщеннаго новгородсѣверскою дирекціею.

Изъ числа 258 учениковъ наказаны:	До введенія правилъ.	Послѣ введенія правилъ.
Розгами	3	0
Карцеромъ	10	1
Выговоромъ совѣта	0	1
Арестомъ	35	121
Замѣчаніями и выговорами директора и инспектора	2	444

Если до введенія правилъ въ этой дирекціи, какъ объясняетъ г. директоръ, число случаевъ заключенія въ карцеръ показано 10, а послѣ введенія—1, то это произошло оттого, что послѣ введенія правилъ значеніе карцера такъ поднялось, что онъ теперь очень часто замѣняется училищнымъ арестомъ. Число арестовъ увеличилось такъ значительно потому, что къ нимъ причислены и такіе случаи, когда ученики оставлялись въ классѣ, часто незапертомъ, для повторенія недоученнаго урока. Наконецъ, умноженіе выговоровъ послѣ введенія правилъ произошло оттого, что до введенія правилъ выговоры почти совсѣмъ не записывались въ штрафной журналъ.

ли мочу въ классныхъ комнатахъ въ чернильницы. Наказанныхъ за дерзость и грубость во всѣхъ гимназіяхъ было изъ 1,891—214 (вполовину почти менѣе, чѣмъ за шалости) и большее число случаевъ встрѣтилось въ IV-мъ и V-мъ классахъ (изъ 214 —165). 4) Куреніе табаку, преслѣдуемое у насъ, не безъ причины, въ классахъ, ватерклозетахъ и въ закрытыхъ заведеніяхъ. Всѣхъ попавшихся на дѣлѣ было вообще немного—изъ 4,310 учениковъ только 78. Большая часть попавшихся были ученики II-го и III-го классовъ (изъ 78 —35); изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать, что въ низшихъ классахъ болѣе курятъ, чѣмъ въ высшихъ; но только то, что болѣе взрослые ученики опытнѣе и умѣютъ лучше скрыть свои слабости*. Сверхъ того, наказаніе карцеромъ дѣлалось за самовольныя отлучки изъ заведенія и изъ города, за различныя сдѣлки, за порчу вещей и за повторенное ослушаніе.

Болѣе знаменательныхъ наказаній, какъ-то: выговоровъ отъ педагогическаго совѣта, внесенія имени на черную доску и переводовъ изъ высшихъ классовъ въ низшіе, считается, по доставленнымъ мнѣ спискамъ, до 210; изъ нихъ 120 выговоровъ отъ педагогическаго совѣта; число ими оштрафованныхъ имѣетъ еще менѣе отношенія къ числу учениковъ, чѣмъ другія наказанія. Это заставляетъ думать, что однѣ гимназіи смотрѣли на выговоры отъ педагогическаго совѣта серьезнѣе, чѣмъ другія. Такъ, изъ 120 выговоровъ педагогическихъ совѣтовъ—цѣлыхъ 73 принадлежатъ немировской гимназіи: они сдѣланы совѣтомъ этой гимназіи, по большей части, за лѣность. Другіе проступки, кромѣ лѣности, заслуживавшіе это наказаніе, были: за побои и грубое обращеніе съ надзирателями, товарищами, слугами, за попытки въ утайкѣ чужихъ вещей и за шалости, возмущавшія цѣлый классъ. Въ одномъ случаѣ выговоръ былъ, по жалобѣ родственника, за грубость; въ двухъ—за продажу учебника и чужихъ галошъ; въ одномъ—за воровство по бѣдности; въ одномъ—оскорбленіе еврея (за вѣру). Наконецъ, одинъ изъ учениковъ (черниговской гимназіи) II-го класса, 11-ти лѣтъ, получилъ выговоръ за то, что во время часто случавшихся городскихъ пожаровъ, купивъ хлѣбъ у булочника, отдалъ ему деньги, завернутыя въ бумагу, гдѣ написана была угроза о поджигательствѣ.—Изъ 11-ти гимназій округа въ 7-ми имена виновныхъ были занесены 42 раза на черную доску. Къ проступкамъ, заслужившимъ это наказаніе, принадлежали: клевета, умышленная порча вещей, подлогъ (штрафного свидѣтельства), грубая ложь, площадныя слова, утайка вещей, подстрекательство товарищей къ худымъ поступкамъ и неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ. Число наказанныхъ за опьяненіе было довольно значительно, а именно: 6 учениковъ черниговской гимназіи, 4—немировской и 2—нѣжинской, изъ которыхъ одинъ—III класса, остальные —IV, V и VI классовъ.—Число временно-переведенныхъ изъ высшихъ классовъ въ низшіе простиралось до 50. Это наказаніе примѣнялось только въ 4 гимназіяхъ округа (двухъ кіевскихъ, волынской и немировской) и цѣлая половина переведенныхъ на срокъ (25) были ученики волынской гимназіи; изъ нихъ исправились въ назначенный срокъ и возвратились въ свои классы 13; не исправились и остались въ низшихъ классахъ 7. Остальные сами уволились

---

* Вотъ перечень числа проступковъ, принадлежащихъ къ этимъ 4 разрядамъ. Къ 1,212 наказаннымъ оффиціальными выговорами и арестами относятся:

	Къ I, II и III классамъ.	Къ IV и V классамъ.	Къ VI и VII кл.	Итого.
За куреніе табаку	35 (II и III кл.)	19	24	78
За дерзость и грубость	109	71	34	214
За шалости	257	141	33	431
За лѣность	303	166	21	489
	704	407	112	1212

по желанію родителей. Всѣ 30 переведенныхъ были ученики II и III классовъ.—Наконецъ, наказаній, опредѣленныхъ судомъ товарищей, было до 70 въ 11 гимназіяхъ округа. Всѣ проступки, подлежавшіе этому суду, заключались въ нанесеніи обиды или оскорбленія товарищамъ словомъ и дѣломъ и въ умышленной порчѣ вещей, принадлежавшихъ товарищамъ. Всѣ почти подсудимые были ученики II, III и IV классовъ; только 3 ученика были V-го и 1 — VII-го классовъ. Наказанія, назначавшіяся судомъ, состояли въ томъ, что виновнаго заставляли просить извиненія у обиженнаго, присуждали къ аресту, къ оффиціальному выговору, къ лишенію пищи и платѣ за испорченную вещь *.

Судъ товарищей, какъ я объяснилъ при введеніи нашихъ правилъ (см. Циркуляръ 1859 года, № 8, стр. VII), имѣлъ цѣлью искорененіе произвольнаго и беззаконнаго самоуправства, существующаго между учениками гимназій (особливо въ западномъ краѣ). Эта мѣра, какъ и вообще всѣ наши правила, конечно, не могли еще въ теченіе столь короткаго времени (одного года) совершенно достигнуть цѣли. Къ сожалѣнію, и послѣ введенія суда товарищей встрѣтились еще два случая такой самовольной расправы, которую ложные слухи приписали именно введенію нашей мѣры, потому только, что оба эти случая сдѣлались гласными, тогда какъ подобные же случаи оставались скрытыми. Одинъ изъ нихъ встрѣтился въ бѣлоцерковской гимназіи. Ученикъ VI-го класса былъ уволенъ изъ 1-й кіевской гимназіи за самый гнусный порокъ чувственности. Я былъ такъ слабъ, что, по настоятельной просьбѣ его родственниковъ, ручавшихся за его исправленіе, дозволилъ ему вступить въ бѣлоцерковскую гимназію, спустя нѣсколько времени послѣ его увольненія. Здѣсь же, находясь и подъ надзоромъ родителей, онъ былъ вовлеченъ за одинъ скандалъ въ ссору съ товарищами, которые, не объявя гимназическому начальству, сами присудили его къ позорному наказанію (спустили у него исподнее платье и дали нѣсколько ударовъ), исполнивъ которое, —помирились. Все это было сохраняемо въ тайнѣ. Но чрезъ нѣсколько времени этого ученика нашли застрѣлившимся на улицѣ. Изъ найденныхъ послѣ смерти двухъ писемъ въ одномъ онъ прощается съ своими школьными друзьями въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; въ другомъ, къ отцу, упрекая себя, сожалѣетъ, что не исполнилъ его надеждъ. Другой случай, который я уже разсказалъ выше, встрѣтился въ 1-й кіевской гимназіи. Ученики V-го класса высѣкли —также за скандальное поведеніе— своего товарища самоуправно въ ватерклозетѣ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ статистика проступковъ и наказаній, встрѣтившихся въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ послѣ введенія нашихъ правилъ. Разсмотрѣвъ ее, я думаю, безъ всякаго пристрастія можно вывести такое заключеніе. 1) Вообще наказанія, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, назначались не несообразно съ свойствами проступковъ. 2) Наказанія не обнаруживали излишней строгости, и всѣ, не исключая даже тѣлеснаго, которымъ воспитатели старались возбудить не боль, а чувство стыда, имѣли преимущественно нравственный характеръ. 3) Число наказаній именно потому было значительно, что къ нимъ причислялись всѣ оффиціальные выговоры, имѣвшіе болѣе характеръ увѣщанія, нежели на-

* Вотъ краткій обзоръ случаевъ: 1) Въ 1-й кіевской гимназіи 4 ученика, за драку, осуждены ихъ товарищами остаться безъ ужина. 2) Во 2-й кіевской гимназіи 4. за драку и обиду, присуждены просить извиненія (см. ниже). 3) Въ бѣлоцерковской и новгородсѣверской—5 тоже. 4) Въ немировской—8, за побои—извиненіе и арестъ. 5) Въ волынской—10. Оскорбленіе, драка и порча вещи. Извиненіе, арестъ и уплата за испорченную вещь. 6) Въ полтавской гимназіи—30 (III и IV кл.). Обида, драка, порча вещей. Присуждены къ аресту и къ уплатѣ за испорченную вещь. 7) въ черниговской—6. Оскорбленіе, драка. Извиненіе, выговоръ, арестъ. 8) Въ подольской—2. Побои и драка. Арестъ. —Въ нѣжинской и ровенской гимназіяхъ не встрѣтилось ни одного случая.

стоящаго наказанія. 4) Произволъ въ опредѣленіи крайнихъ наказаній (каково тѣлесное) значительно уменьшился и со стороны дирекцій былъ замѣченъ только въ весьма немногихъ (пяти или шести) случаяхъ (о которыхъ и потребованы объясненія). 5) Вліяніе педагогическихъ совѣтовъ усилилось, потому что значительное число случаевъ, прежде нисколько не касавшихся до учителей, представлялось теперь на обсужденіе цѣлаго ихъ общества. 6) Судя по значительно уменьшившемуся числу крайнихъ наказаній въ столь короткое время (послѣ введенія правилъ), нужно полагать, что они выйдутъ совсѣмъ изъ употребленія и превратятся въ одну только угрозу. Итакъ, составляя правила, мы справедливѣе разсчитали нашихъ антагонистовъ. Факты оправдали наши надежды, что съ введеніемъ правилъ усилится вліяніе цѣлой коллегіи наставниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшатся произволъ и крайнія, насильственныя мѣры. Теперь разсмотримъ возраженія и замѣчанія, вызванныя мною же самимъ, противъ правилъ (вообще и въ частности) и воспользуемся ими для нашего усовершенствованія.

1-е. Говорятъ, что вся система наказаній въ нашихъ школахъ вообще есть несправедливое подражаніе наказаніямъ взрослыхъ людей, опредѣляемымъ гражданскими законами; между тѣмъ идея наказанія вообще еще не опредѣлена и юристами. Вѣрнѣе та мысль, что худое дѣло само себя наказываетъ, а доброе—само себя награждаетъ; потому главное въ воспитаніи—довести виновнаго до раскаянія («Педаг. Вѣстн.», статья г. Григоровича). Юридическую же правду положить въ основу разбирательства поступковъ и системы наказаній при воспитаніи дѣтей — значитъ, принять въ основаніе правду самую шаткую изъ всѣхъ существующихъ («Журн. для воспит.» № 11, статья г. Бѣлова). О т в ѣ т ъ. Мы не принимали на себя роли реформаторовъ, мы нисколько не хотѣли нашими правилами положить основаніе новой системы воспитанія. Мы поставили нашъ вопросъ ограниченнѣе. Мы хотѣли только регулировать систему извѣстныхъ и употребительныхъ уже наказаній въ нашихъ школахъ, примѣняясь къ существующему еще порядку вещей. Мы не могли его измѣнить, — на то у насъ не было ни права, ни средствъ; —мы могли только улучшить его самые вопіющіе недостатки; и, какъ опытъ показалъ, достигаемъ нашей цѣли. Если-бы же мы вздумали излагать идеи о преобразованіи всей системы наказанія, то все-таки не могли бы обойтись и безъ юридическихъ взглядовъ на правду, которые, въ сущности, тѣ-же самые, какъ и всего человѣческаго общества: то-есть судить по справедливости и по совѣсти о винѣ и проступкахъ другихъ; коренное же начало проступковъ, и у дѣтей, и у взрослыхъ, въ сущности, одно и то же. Всякій проступокъ—и у взрослаго, и у ребенка — долженъ быть разсматриваемъ и въ отношеніи къ виновному, и въ отношеніи къ другимъ или къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. Въ первомъ отношеніи, зло находитъ наказаніе въ самомъ себѣ, слѣдовательно наказаніе внутреннее; въ другомъ отношеніи, оно должно найти наказаніе внѣшнее. Наши правила, имѣя въ виду исключительно второе, нисколько не препятствуютъ дѣйствіямъ перваго. Воспитателямъ или примѣнителямъ правилъ предоставляется благоразумно пользоваться и тѣмъ, и другимъ.

2-е в о з р а ж е н і е. Правила только составляютъ отрицательную сторону законодательства, а нужны еще правила положительныя, которыя бы давали ученикамъ ясное понятіе объ ихъ обязанностяхъ. Нужно дать одну инструкцію ученикамъ, а другую — наставникамъ, опредѣливъ maximum и minimum власти каждаго лица, и ограничить произволъ болѣе или менѣе тѣсными предѣлами (мнѣнія волынской, черниговской, новгородсѣверской гимназій). О т в ѣ т ъ. Мысль совершенно справедливая. И я предлагаю комитету заняться составленіемъ положительной инструкціи ученикамъ, вмѣсто простой таблицы проступковъ и наказаній. Касательно же правилъ для воспитателей, заключающихся и въ нашемъ кодексѣ, нужно будетъ

присоединить еще и другія, сообразныя съ предлагаемыми улучшеніями, взятыми изъ опыта.

3-е возраженіе. Идея законности, развитіе которой составляло также цѣль правилъ, разовьется только тогда, когда воспитатели будутъ осуществлять ее на дѣлѣ по собственному убѣжденію. Правила же еще не уничтожаютъ произвола, потому что все-таки ими дается право подводить проступки подъ ту или другую рубрику, а ученики еще не понимаютъ, что директоръ не можетъ измѣнить опредѣленіе педагогическаго совѣта (одинъ ученикъ, напримѣръ, присужденный къ выговору отъ педагогическаго совѣта, просилъ у директора перемѣнить это опредѣленіе,—мнѣн. черн. гимн.): Отвѣтъ. Мысль несправедливая. Въ общественномъ учрежденіи, при извѣстной, принятой системѣ воспитанія, нельзя предоставить право каждому воспитателю проводить идеи законности по однимъ собственнымъ убѣжденіямъ, т.-е. распоряжаться по произволу. Тогда будетъ опять по прежнему: за одинъ и тотъ же проступокъ будутъ одного и того же ребенка то сѣчь розгами, то извинять. Это предложеніе черниговской гимназіи противорѣчитъ именно той цѣли, которой мы хотѣли достигнуть, и вводитъ произволъ, который мы хотѣли уничтожить. Если же правила даютъ право цѣлому обществу наставниковъ, вмѣстѣ съ непосредственнымъ начальствомъ гимназіи, примѣнять ихъ по собственному убѣжденію, то этого избѣгнуть нельзя и не должно, если хотимъ проводить идею справедливости. Иначе нашъ кодексъ превратится въ мертвую букву, а мы именно этого хотѣли также избѣгнуть, какъ и произвола. Ученики же, привыкнувшіе къ произвольнымъ распоряженіямъ одного лица, не могли еще вдругъ привыкнуть къ мысли о неизмѣнности приговоровъ цѣлаго общества воспитателей. Постарайтесь это доказать имъ на опытѣ.

4-е возраженіе. Правила не даютъ возможности индивидуализировать. Два ученика — индивидуально разные — наказываются, по правиламъ, за одинъ и тотъ же проступокъ одинаково, а между тѣмъ ихъ личности такъ различны, что требуютъ, по убѣжденію воспитателей, различнаго наказанія (мнѣніе черн. гимн.). Отвѣтъ. А на что же разбирательство проступковъ однимъ воспитателемъ или цѣлымъ обществомъ воспитателей? Для чего же соображенія различныхъ, смягчающихъ или усиливающихъ, обстоятельствъ? Эти соображенія, конечно, трудны въ многолюдныхъ гимназіяхъ (какъ справедливо замѣтила волынская дирекція). Но эта трудность индивидуализировать не увеличивается и не уменьшается нашими правилами. Все дѣло разбирательства поручается, какъ вездѣ и всегда, искусству, такту, добросовѣстности и опытности воспитателей.

5-е возраженіе. Знаніе и выставка правилъ для учениковъ потому нехороши, что ученикъ, зная, какое наказаніе ожидаетъ его за извѣстный проступокъ, ропщетъ, если воспитатели, взявъ въ соображеніе обстоятельства, одного накажутъ слабѣе за тотъ же проступокъ, чѣмъ другого. Невѣдѣніе же о мѣрѣ наказанія, напротивъ, можетъ служить предостереженіемъ отъ проступковъ и мѣрою къ исправленію. Теперь провинившійся приходитъ въ судъ равнодушно, зная, что его ждетъ ни большее, ни меньшее наказаніе. Онъ можетъ протестовать противъ несправедливости и нарушенія закона, думая, что смягчающія и усиливающія вину обстоятельства обсуждены несправедливо. Поэтому ненужно стѣснять совѣтъ и наставниковъ правилами, а дать имъ средства присуживать самимъ исправительныя мѣры. Нравственный ученикъ, погрѣшая, никогда не отговорится незнаніемъ запрещенія, потому что всѣ пороки уже обозначены въ ученіи закона божія. А отговорки дурного ученика должно устранять примѣромъ и дѣйствіями воспитателей. Ученикъ, не зная, что его ожидаетъ за проступокъ, но съ вѣрою въ безпристрастіе суда, предстаетъ предъ него, давъ уже обѣтъ въ душѣ не дѣлать дурного, только бы его простили (мнѣніе учителя черниговской

гимназіи Страховскаго). Отвѣтъ. Если ученики, и при извѣстныхъ и опредѣленныхъ постановленіяхъ, ропщутъ и мало имѣютъ вѣры въ правду и безпристрастіе суда учителей, то откуда же у нихъ возьмется болѣе вѣры, когда ихъ безъ опредѣленныхъ постановленій будутъ — одного наказывать такъ, а другого—иначе, за тотъ же самый проступокъ? Не предполагаютъ-ли такія произвольныя распоряженія воспитателей еще болѣе недовѣрія къ ихъ справедливости со стороны учениковъ? Одно изъ двухъ: или ученикъ вѣритъ въ безпристрастіе и справедливость своихъ наставниковъ, или нѣтъ. Если онъ вѣритъ, то онъ будетъ вѣрить—и зная, что его ожидаетъ за совершенные проступки; если же нѣтъ, то откуда онъ возьметъ вдругъ эту вѣру, когда воспитатели будутъ наказывать по собственному убѣжденію? Если воспитатели докажутъ на дѣлѣ, что они умѣютъ взвѣшивать справедливо всѣ обстоятельства, сопровождавшія проступокъ,—а правила не только не препятствуютъ, но требуютъ, чтобы они это дѣлали,—то виновный не предстанетъ равнодушно предъ судомъ, потому что еще не знаетъ, какъ рѣшатъ дѣло его судьи. Если же воспитателямъ не удалось внушить своимъ воспитанникамъ этого убѣжденія и довѣрія, то имъ не удастся это сдѣлать и тогда, если правила не будутъ существовать. Протестовать же противъ несправедливости ученикъ можетъ и безъ правилъ, если не внѣшнимъ образомъ, то внутренно, затаивъ этотъ протестъ въ своей душѣ, что еще хуже.

6-е возраженіе. Въ правилахъ не обращено вниманія на сущность проступковъ, на ихъ общія свойства, на отношенія между волею виновнаго и ея слѣдствіемъ — проступкомъ, не опредѣлена степень участія воли, не опредѣлено, какія дѣйствія должно считать умышленными, какія неумышленными. Умыселъ относится, по правиламъ, къ усиливающимъ обстоятельствамъ, и слѣдовательно неумышленность—къ смягчающимъ, тогда какъ неумышленность исключаетъ вовсе всякое вмѣненіе въ вину. Соображенія о степени вины, т. е. усиливающія и смягчающія обстоятельства разбросаны въ различныхъ графахъ, и потому теряютъ единство и общность. Нѣтъ опредѣленія точныхъ признаковъ каждаго проступка, а безъ этого рождаются затрудненія, къ какой рубрикѣ отнести тотъ или другой проступокъ. Наказанія слишкомъ разнообразны. Ученикъ, зная, что его проступокъ занесенъ въ книгу, что прошедшее невозвратимо, а въ будущемъ не можетъ быть ничего хуже исключенія, потеряетъ побужденіе къ исправленію (мнѣніе 1-й кіевской гимназіи). Отвѣтъ. Недостатокъ общаго обзора смягчающихъ и усиливающихъ вину обстоятельствъ въ правилахъ есть дѣйствительно такой пробѣлъ, который нужно пополнить. Опредѣлять же сущность каждаго проступка и отношенія его къ волѣ виновнаго, хотя и полезно въ томъ отношеніи, что обнаружитъ одинъ извѣстный взглядъ на различные проступки съ педагогической точки зрѣнія,—но едва-ли возможно будетъ воспитателямъ, на практикѣ, руководствоваться этимъ взглядомъ. Взвѣшиваніе отношеній воли къ проступкамъ я считаю дѣломъ неуловимымъ на бумагѣ, и всѣ письменныя соображенія не замѣнятъ такта и опытнаго взгляда искусныхъ педагоговъ. Что умыселъ отнесенъ нашими правилами къ усиливающимъ обстоятельствамъ, то это, очевидно, недостатокъ не логики, а редакціи. Подъ именемъ умысла разумѣлась злоумышленность, которая и означена такъ въ статьѣ о порчѣ вещей. Если мы хотѣли наказывать одни проступки, то, разумѣется, что и самый худой поступокъ, но сдѣланный неумышленно и несознательно, благоразумный воспитатель не поставитъ въ вину воспитаннику. Что же касается до убѣжденія ученика, что худо сдѣланное имъ въ прошедшемъ невозвратимо, а въ будущемъ можетъ заслужить только одно исключеніе, то такое убѣжденіе можетъ скорѣе послужить къ исправленію, чѣмъ повредить ему. Развѣ не хорошо намъ пріучаться, съ самаго ранняго возраста, къ мысли, что всякое зло, сдѣланное нами, не

исчезаетъ безъ слѣда? Развѣ эта мысль не можетъ насъ удержать отъ худыхъ дѣйствій? И если эта мысль насъ печалитъ и угнетаетъ, то зато не рождаетъ ли она въ душѣ и другого утѣшительнаго убѣжденія, что и сдѣланное нами добро также никогда не пропадаетъ? Исключеніе изъ гимназіи есть, конечно, самое худшее, чего можетъ ожидать виновный въ будущемъ; но онъ это будетъ знать и безъ правилъ, точно также какъ мы всѣ знаемъ, что все, что бы мы ни дѣлали въ жизни, кончится, наконецъ, смертью. Мысль еще менѣе утѣшительная, но нисколько не препятствующая намъ исправляться и дѣлать добро.

7-е возраженіе. Цѣль наказанія есть исправленіе. А большая часть проступковъ дѣтей имѣютъ основаніе въ рѣзвости, забывчивости, опрометчивости и неправильномъ пониманіи своихъ обязанностей, а не въ испорченности воли,—въ таблицу не вошли эти проступки. Передовая мѣра воспитанія есть объясненіе проступковъ и вреда, отъ нихъ происходящаго, въ присутствіи цѣлаго класса, не нападая на личность провинившагося (мнѣніе учителя полтавской гимназіи, Вакуловскаго). Отвѣтъ. Если проступки, происходившіе отъ рѣзвости, забывчивости и т. п., не вошли въ таблицу, то это именно потому, что мы не считаемъ ихъ проступками, требующими наказанія. Есть много и другихъ кажущихся проступковъ, не вошедшихъ въ таблицу, именно потому, что они только кажутся такими, а въ сущности могутъ обнаруживать скорѣе хорошую, чѣмъ худую сторону характера. Объясненіе же проступковъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, важная педагогическая мѣра; но на нее одну, въ общественномъ воспитаніи, нельзя положиться, даже и тогда, если-бы приходящіе ученики не одни только классные часы, а цѣлые дни оставались въ школѣ. Впрочемъ предлагающіе такую мѣру забываютъ нашу обстановку, забываютъ, что сдѣлать ее обязательною для всѣхъ нашихъ педагоговъ,—значило бы, только писать постановленія, не думая о томъ, найдутся ли, или нѣтъ, ихъ исполнители. Необязательно же никто не препятствуетъ нашимъ наставникамъ, согласясь вмѣстѣ, общими силами дѣйствовать на учениковъ путемъ убѣжденія.

8-е возраженіе. На проступки учениковъ должно смотрѣть какъ на болѣзни душевныя, начало которыхъ кроется въ средѣ общества, изъ котораго они вышли (сюда принадлежатъ: воровство, лихоимство, порча вещей, картежъ и т. п.). Нужно уничтожить источникъ заразы. Нужно наказывать не дѣтей, а общество. Нужны примѣры въ семьѣ и въ воспитательномъ заведеніи, вмѣстѣ съ развитіемъ нравственно-религіознаго чувства. Всѣ наказанія должны быть въ духѣ христіанской любви (мнѣніе учителя черниговской гимназіи Страховскаго). Отвѣтъ. Нельзя не согласиться, что все это было бы очень желательно; но оно, къ сожалѣнію, въ настоящемъ мало примѣнимо къ дѣлу. Преобразовать общество мы вдругъ не можемъ, а между тѣмъ дѣйствовать должны въ пользу общественнаго воспитанія. И душевные недуги требуютъ нерѣдко матеріальныхъ пособій. Ни нашими правилами и никѣмъ не оспаривается, что исправленіе проступковъ должно проистекать изъ чувства христіанской любви; но христіанская любовь одна,—безъ извѣстныхъ, болѣе опредѣленныхъ, правилъ въ воспитаніи, и особливо общественномъ,—еще недостаточна и можетъ быть даже понимаема различно, какъ это, напримѣръ, видно изъ—

9-е—мнѣнія г. учителя 1-й кіевской гимназіи, Богатинова, который предлагаетъ воспитателямъ дѣйствовать и розгою въ духѣ христіанской любви, тогда какъ г. Страховскій вовсе отвергаетъ тѣлесное наказаніе. Г. Богатиновъ говоритъ, что дѣйствія педагогическаго совѣта должно ограничить и дать болѣе правъ распоряжаться каждому учителю; а г. Страховскій, напротивъ, требуетъ распространить еще болѣе кругъ дѣйствій педагогическихъ совѣтовъ.

10-е. Правила, основанныя на примѣненіи административнаго начала къ

воспитанію (1-й кіевской гимназіи), уменьшаютъ нравственную связь между воспитателями и воспитанниками и не развиваютъ, а ослабляютъ идею законности въ воспитанникахъ, во-первыхъ, потому, что они воспитателя дѣлаютъ автоматомъ; во-вторыхъ потому, что ученикъ можетъ принять всякое наказаніе, не буквально подходящее къ таблицѣ, за незаконное и произвольное отступленіе отъ закона (мнѣніе г. Францена, учителя черниговской гимназіи); въ-третьихъ потому, что лица, которыя должны руководствовать чувствомъ правды въ дѣтяхъ, стѣснены правилами (мнѣніе г. Богатинова, учит. 1-й кіевск. гимн.).—Правила обнаруживаютъ недовѣріе къ воспитателямъ и потому были бы хороши лѣтъ за 20, а не теперь (г. Франценъ). Отвѣтъ. Уже мы говорили, что введеніе административнаго начала въ дѣлѣ воспитанія зависитъ не отъ насъ. Мы ему не сочувствуемъ, но оно есть существующій фактъ. Принявъ же его такимъ, какъ онъ есть, намъ ничего болѣе не оставалось, какъ регулировать, сколько можно, вредныя уклоненія этого начала къ произволу. А если воспитатели приняли наши правила автоматически, то намъ нужно сожалѣть объ этомъ; мы внушали, однако-же, что не мертвая буква закона, а живое убѣжденіе воспитателя, обнаруживаемое въ приложеніи правилъ къ каждому случаю, должно играть главную роль. Да если-бы и не внушали, то воспитатели, которые такъ ясно излагаютъ свои убѣжденія о необходимости нравственной связи съ воспитанниками, должны бы, казалось, сами все сдѣлать съ ихъ стороны, чтобы ни одно школьное правило не казалось ученикамъ мертвою буквою и ни одинъ наставникъ не казался бы имъ автоматомъ. Тѣ воспитатели, которые умѣли это дѣлать до введенія правилъ, безъ всякаго сомнѣнія съумѣютъ то же самое сдѣлать и послѣ ихъ введенія. Воспитанники ихъ вѣрно вскорѣ узнаютъ на дѣлѣ, что воспитатель, примѣняющій правила согласно съ внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, поступаетъ не произвольно, а законно и справедливо. И это несомнѣнно должно болѣе развить въ ученикахъ чувство законности, правды и довѣрія къ наставникамъ, нежели дѣйствія воспитателя — совершенно произвольныя и ничѣмъ не ограниченныя. Если же думаютъ, что наши правила обнаруживаютъ недовѣріе къ воспитателямъ, то это опять не наша вина, когда объясняютъ въ худую сторону наши добрыя намѣренія. Напротивъ, мы оказали полное довѣріе къ цѣлому обществу наставниковъ и педагогическимъ совѣтамъ гимназій, полагая, что, при существующей администраціи нашихъ училищъ и при несовершенствѣ нашей педагогіи, мы ничего лучшаго не можемъ сдѣлать. Цѣлая коллегія наставниковъ—въ общественномъ воспитаніи—можетъ лучше и систематичнѣе слѣдить за его ходомъ и правильнѣе судить о его недостаткахъ, подвергая общему обсужденію всѣ частности. Несправедливо также и то, что, будто-бы, грубый произволъ воспитателей въ общественныхъ учрежденіяхъ былъ возможенъ только за 20 лѣтъ предъ этимъ, и что наши правила устарѣли. Правда, наши правила мы иначе и не считаемъ какъ мѣрою временною, палліативною, и ведущею къ другимъ, болѣе радикальнымъ улучшеніямъ; но, къ сожалѣнію,—говорю: къ сожалѣнію,—опредѣленныя правила для ограниченія произвола мы и въ настоящее время все еще считаемъ необходимыми. Еще очень недавно мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ, и, къ нашему удивленію, узнали, что въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ дворянскихъ училищъ учители позволяютъ себѣ дѣлать дико-грубыя наказанія въ классахъ, а педагогическій совѣтъ опредѣлилъ тѣлесное наказаніе за лѣность также въ классѣ, не сообразуясь нисколько ни съ уставомъ гимназій, ни съ нашими правилами, ни съ здравымъ смысломъ. Послѣ этого можно ли же, слѣдуя предложенію г. Богатинова (учителя 1-й кіевской гимназіи), предоставить власть «творить наказанія немедленно послѣ проступка каждому учителю, въ духѣ христіанской любви»,

нисколько не отвергающей, по его мнѣнію, и тѣлеснаго наказанія? Но если нѣкоторые наставники, вмѣстѣ съ г. Богатиновымъ, упрекаютъ наши правила, что они слишкомъ распространили дѣйствія педагогическихъ совѣтовъ, основываясь на томъ, что учители для рѣшенія не могутъ быть такъ часто созываемы, и если 1-я кіевская гимназія утверждаетъ, что частое вмѣшательство педагогическаго совѣта ослабляетъ его значеніе; то другія дирекціи, напротивъ, требуютъ, чтобы дѣйствія педагогическихъ совѣтовъ были еще болѣе распространены и приговоры ихъ, какъ приговоры суда присяжныхъ, были бы неизмѣнны (нѣжинская гимназія), что въ настоящее время,—когда педагогическіе совѣты, нашими усиліями, едва только начинаютъ обнаруживать признаки жизни,—будетъ едва-ли полезною крайностью. Мнѣ кажется, что такое неограниченное усиленіе власти педагогическихъ совѣтовъ, въ настоящее время, такъ же мало будетъ способствовать къ увеличенію, какъ и частыя засѣданія—къ уменьшенію значенія ихъ въ глазахъ учениковъ. Если педагогическіе совѣты, движимые чувствомъ долга и святостью возложенныхъ на нихъ обязанностей, будутъ вникать во всѣ частности, слѣдя, вмѣстѣ съ непосредственными начальниками гимназій, за ходомъ воспитанія, то чѣмъ чаще и постояннѣе они это будутъ дѣлать, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ нравственное вліяніе на учениковъ, что утверждаетъ и ровенская дирекція: она требуетъ также распространенія дѣйствій педагогическаго совѣта, полагая, что это «возстановитъ болѣе нравственное вляніе учителей и напомнитъ каждому изъ нихъ заботиться о нравственности учащихся». Иначе, примѣняя мнѣніе 1-й кіевской гимназіи, о вредѣ частаго вмѣшательства педагогическихъ совѣтовъ въ дѣла учениковъ, къ дѣйствіямъ директоровъ и инспекторовъ, находящихся, по обязанности, въ безпрестанныхъ отношеніяхъ къ воспитанникамъ, нужно будетъ принять одно изъ двухъ: или что эти лица не исполняли своихъ обязанностей, то-есть не находились въ безпрерывной связи съ учениками, или же что значеніе ихъ въ глазахъ учениковъ всегда было слабо.

Изъ этого обзора различныхъ мнѣній, я думаю, можно заключить, что многіе изъ педагоговъ не совсѣмъ уяснили себѣ, чего мы хотѣли достигнуть введеніемъ нашихъ правилъ. Это, конечно, наша вина. Но въ томъ, кажется, мы не виноваты, что однихъ привели наши правила къ мысли о громадныхъ переворотахъ въ дѣлѣ воспитанія и къ крайнимъ взглядамъ вообще на всю нравственную сторону человѣка; а другіе, увидѣвъ въ нашемъ кодексѣ только одну внѣшнюю сторону, приняли ихъ за новое проявленіе безплоднаго бюрократизма. Никто не хотѣлъ посмотрѣть на дѣло, какъ оно есть, и вникнуть трезвою мыслью въ тѣ, не зависящія отъ насъ, обстоятельства, которыя побудили насъ къ составленію правилъ. А главное, никто не хотѣлъ судить о нихъ по фактамъ,—потому что это не такъ легко, а по однимъ своимъ любимымъ соображеніямъ.—Даже самые педагогическіе совѣты (за исключеніемъ одной новгородсѣверской гимназіи) и наставники доставили мнѣ свои сужденія о правилахъ, не приводя въ доказательство почти никакихъ фактовъ, хотя я нарочно выжидалъ болѣе года, прежде нежели потребовалъ отъ нихъ мнѣній. Во всѣхъ сужденіяхъ, доставленныхъ мнѣ, преобладали умозрѣнія. Фактическая сторона вопроса до такой степени считалась всѣми неважною, что одинъ изъ учителей 1-й кіевской гимназіи, г. Богатиновъ, упоминая объ авторитетѣ наставниковъ, который, по его мнѣнію, правилами не утвердился, говоритъ откровенно: «фактовъ я не привожу, потому что это мнѣніе составилось у меня изъ множества фактовъ, которые *трудно припомнить, и потому нужно вѣрить словамъ наставника*». А мнѣ кажется, что въ серьезномъ дѣлѣ науки и правды такъ голословно утверждать нельзя никому, и еще менѣе наставнику. Короче, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ сужденій и статей — только одинъ г. Бѣловъ, въ «Журналѣ для воспита-

нія», приводитъ свои наблюденія въ доказательство, что можно обойтись и безъ наказаній, замѣнивъ ихъ одними убѣжденіями,—за что мы должны благодарить его отъ души, хотя приводимые имъ факты доказываютъ только личныя достоинства этого педагога, но не абсолютное превосходство его способа воспитанія при настоящемъ состояніи нашихъ школъ.

Перейдемъ теперь къ обзору различныхъ проступковъ и предлагаемыхъ мѣръ исправленія, въ частности. Замѣтимъ при этомъ, что принимаемое нашими правилами раздѣленіе проступковъ и наказаній на три степени было непонято большею частью дирекцій.

А. Проступки. 1-е. Злоумышленную порчу вещей чужихъ, казенныхъ воровство и лихоимство—нѣкоторыя дирекціи предлагаютъ разсматривать какъ одинъ и тотъ же проступокъ. Въ сущности, говорятъ онѣ,—воръ менѣе вредитъ владѣльцу вещи, нежели тотъ, кто ее портитъ; украденная вещь еще можетъ быть возращена въ цѣлости, а испорченная — нѣтъ. Дѣлать же различіе между порчею вещи посторонняго лица и вещью казенною, значитъ—уменьшать въ глазахъ воспитанника значеніе частной собственности, которое въ его понятіи должно быть столь же велико, какъ и значеніе собственности общественной. Наказанія, по мнѣнію этихъ дирекцій, за порчу вещей слишкомъ строги. Лишить казеннаго содержанія за порчу казенной вещи гимназія, по уставу 1828 г., не имѣетъ права. Это наказаніе назначается уставомъ только за лѣность. Слишкомъ строгое наказаніе ведетъ къ обману и утайкѣ. Достаточны увѣщанія, выговоръ и арестъ.—Воровство отъ лихоимства также ничѣмъ не отличается. Да и вообще лихоимство между учениками гимназій возможно только тамъ, гдѣ существуютъ аудиторы и репетиторы. Наказаніе за воровство собакъ—предмета прихоти—опредѣлено выше наказанія за порчу вещей постороннихъ лицъ, иногда принадлежащихъ бѣднякамъ (мнѣніе г. Страховскаго). Всѣ эти замѣчанія требуютъ дальнѣйшаго обсужденія со стороны комитета.

2-е. Куреніе табаку, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не нужно такъ строго преслѣдовать. Преслѣдуемый не думаетъ о предосторожности и часто бросаетъ зажженную папироску куда ни попало. Лучше не упоминать въ частности о такихъ проступкахъ, какъ куреніе табаку, а подвести ихъ всѣхъ подъ одну рубрику: нарушенія благочинія (Страховскій). Нѣкоторые педагоги предлагаютъ даже для куренія отвести особую комнату въ гимназіяхъ (мнѣніе надзирателя черниговской гимназіи Выковскаго)!!!

3-е. Картежъ. Нѣкоторые смѣшали этотъ проступокъ съ картною игрою для развлеченія.

4-е. О порокахъ чувственности и разврата нѣкоторыя дирекціи полагаютъ лучше не упоминать потому что они безъ этого не пришли бы и въ голову ребенку (ровенская дирекція), а нѣкоторые полагаютъ, что правила вообще распространяютъ между учениками печальное значеніе ихъ проступковъ (мнѣніе учителя Богатинова). Я полагаю, что—не правила, а окружающая среда.

5-е. О сквернословіи предлагается удалять малыхъ отъ сообщенія съ взрослыми и запрещать прислугѣ говорить дурныя слова въ присутствіи учениковъ (мнѣніе г. Страховскаго). (А на улицѣ какъ сдѣлать, чтобы ученики не слыхали скверныхъ словъ?) Развратъ, по мнѣнію его же (г. Страховскаго), наказывается правилами слишкомъ строго (исключеніемъ). При хорошемъ надзорѣ, — говоритъ онъ,—и нравственно-религіозномъ направленіи, одинъ примѣръ разврата не можетъ еще имѣть разрушительнаго вліянія на нравы другихъ учениковъ. (А гдѣ доказательства этого «не можетъ»?)

6-е. Про нарушеніе благочинія въ церкви говорится: если это нарушеніе происходитъ отъ вольнодумства, то исключенный вольнодумецъ дѣйствуетъ какъ язва и заражаетъ другихъ — деревенскихъ мальчиковъ и простяковъ своимъ примѣромъ (г. Страховскій). (А оставленный въ гимназіи—не заражаетъ?).

7-е. Въ оскорбленіи за вѣру предлагаются нравственно - исправительныя мѣры,—какъ будто наши правила ихъ отвергаютъ. Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя правилами за этотъ проступокъ, не только были перетолкованы воспитателями, но вмѣнены намъ даже въ преступленіе нѣкоторыми журналами, хотя прибавленное въ скобкахъ слово: фанатизмъ (см. таб. Цирк. 1859 г., № 8), довольно ясно показывало, о какомъ проступкѣ и о какихъ виновныхъ говорится въ правилахъ. Понять,—говорю,—кажется, можно бы было, что для фанатиковъ, которые встрѣчаются не между дѣтьми, а между учениками высшихъ классовъ, правила назначаютъ не розги, а выговоръ отъ совѣта и, въ крайнемъ случаѣ, исключеніе. Въ здѣшнемъ краѣ такіе случаи, въ которыхъ исправленіе въ гимназіи, при нашихъ средствахъ,невозможно,встрѣчаются, какъ я слыхалъ,—хотя, слава Богу, и рѣдко.

8-е. Дерзость къ начальству имѣетъ начало не въ испорченности воли и не въ замышленіи, а въ грубости, неразвитости, непониманіи значенія сказаннаго или сдѣланнаго. Поэтому наказанія нужно смягчить и предоставить виновному самому произвести судъ надъ собою, и, когда онъ сознаетъ себя виновнымъ,—потребовать отъ него подписку (мнѣніе г. Страховскаго). За оскорбленіе же прислуги потому не нужно строго наказывать, что чрезъ это можно возбудить большой ропотъ между дворянами и чиновниками, привыкшими смотрѣть на этотъ проступокъ не такъ строго (его же)!!!

9-е. Наказанія за лѣность (пристыженіе, выговоръ, арестъ съ обязательною работою, лишеніе пищи, лишеніе безплатнаго или казеннаго содержанія, переводъ въ низшій классъ, увольненіе) почитаются также нѣкоторыми дирекціями слишкомъ строгими и, вѣроятно, потому, что подъ именемъ лѣности разумѣютъ каждое незнаніе урока, и, несмотря на изложенныя въ таблицѣ смягчающія и усиливающія обстоятельства (возрастъ, повтореніе, способности, число предметовъ, результаты предшествовавшихъ испытаній), полагаютъ (хотя, конечно, этого не дѣлаютъ), что пролѣнившійся три раза уже долженъ быть исключенъ. Немировская дирекція предлагаетъ къ наказаніямъ за лѣность присоединить еще лишеніе званія репетитора. За неявку въ срокъ предлагается выдумать такое наказаніе, которое бы поразило родителей, а не учениковъ, потому что этотъ проступокъ зависитъ отъ родителей. За невнимательность и разсѣянность (чтеніе романовъ въ классахъ, и т. п.) въ высшихъ классахъ предлагается болѣе строгое взысканіе, потому что отсылка къ инспектору для такихъ учениковъ ничего не значитъ (г. Страховскій); притомъ же не опредѣлено, какъ инспекторъ долженъ наказывать виновныхъ (мнѣніе бѣлоцерковской гимназіи).

Тогда какъ нѣкоторыя дирекціи полагаютъ, что исчисленія проступковъ въ нашихъ правилахъ уже слишкомъ спеціальны, волынская и немировская дирекціи предлагаютъ добавить въ нихъ еще слѣдующіе проступки, нерѣдко замѣченные въ большихъ гимназіяхъ. 1) Долги (къ которымъ даютъ поводъ сами родители, открывая дѣтямъ кредитъ). 2) Посѣщеніе трактировъ, билліардныхъ и маскарадовъ. 3) Подложныя подписи именъ родителей. 4) Несвоевременную явку въ училище (ученики, пріѣзжая въ городъ, не являются долго въ гимназію). 5) Охоту, отвлекающую отъ исполненія обязанностей. Сверхъ того, предлагается замѣнить нѣкоторыя, непонятныя для учениковъ западнаго края, названія проступковъ, болѣе простыми: лихоимство—взятками, продажу своихъ вещей—мотовствомъ, пороки чувственности—развратомъ.

В. Наказанія. Касательно опредѣленія наказаній вообще предлагается: 1) Раздѣлить засѣданія педагогическихъ совѣтовъ, созываемыхъ для этой цѣли, на полныя и неполныя, состоящія изъ учителей, находящихся на-лицо во время классовъ. Въ первыхъ будутъ разбираться случаи болѣе, а во-вторыхъ—ме-

нѣе важные; разбирательство же случаевъ маловажныхъ предлагается предоставить директору, инспектору, учителямъ и надзирателямъ (какъ это, впрочемъ, и теперь дѣлается), опредѣливъ maximum и minimum власти каждаго (какъ это и теперь нашими правилами принято). Каждому воспитателю предоставить право взысканія (кромѣ крайнихъ наказаній), а контроль надъ ихъ дѣйствіями предоставить совѣту, опредѣливъ для этого еженедѣльныя засѣданія, на которыхъ отъ каждаго воспитателя требовать отчета: a) о мѣрахъ взысканій, имъ употребленныхъ, и b) о степени успѣшности этихъ мѣръ въ частности (мнѣніе г. Страховскаго). 2) Раздѣленіе наказаній на степени уничтожить, потому что постепенность эта не можетъ быть послѣдовательно выдержана въ большихъ гимназіяхъ и потому что опредѣленіе степеней отдано на произволъ судей, что даетъ поводъ къ разочарованію учениковъ и къ ропоту противъ учителей (волынск. гимн.). Нѣкоторыя изъ дирекцій понимаютъ даже степени въ нашихъ правилахъ такъ, что если провинившійся одинъ разъ снова сдѣлаетъ проступокъ, то онъ долженъ уже быть наказанъ какъ ослушникъ, а за ослушаніе правила опредѣляютъ исключеніе. Мнѣ кажется, что такое толкованіе правилъ несообразно; уличенный, напримѣръ, и три, и четыре раза въ лѣности—все-таки есть лѣнивецъ, а не ослушникъ. 3) Наказанія, опредѣляемыя правилами слишкомъ разнообразны и многочисленны. Я полагаю, что и это воззрѣніе неосновательно. Если справедливо наше положеніе, что каждое наказаніе должно проистекать какъ бы само собою изъ сущности проступка, то оно не можетъ быть однообразно. Мнѣ всегда казалось несообразнымъ и нераціональнымъ опредѣлять, какъ это прежде дѣлалось въ нашихъ гимназіяхъ, одно и тоже наказаніе за самые разнородные проступки: оставлять, напримѣръ, безъ обѣда и за лѣность, и за шалости, и за драку. Поэтому мы и старались по возможности приспособить характеръ наказанія къ характеру проступка. Но, несмотря на кажущіяся разнообразія нашихъ наказаній, основаніемъ ихъ служатъ три дѣйствія: напоминаніе (внесеніе вины въ штрафной журналъ, штрафной билетъ, угроза), возбужденіе чувства стыда (черная доска, оффиціальный выговоръ, стояніе у доски въ низшихъ классахъ) и дѣйствія на волю виновнаго (уединеніе, обязательная работа, тѣлесное наказаніе). 4) Принять мѣры, чтобы наказаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ было немедленное. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ правилахъ, относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. Это дѣйствительно противорѣчіе, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все.

1-е. Выговоръ. Нѣкоторыя дирекціи спрашиваютъ: долженъ ли каждый выговоръ записываться въ штрафную книгу? (Кіевская 2-я гимназія). И слѣдуетъ ли каждое замѣчаніе считать выговоромъ? (Черниговская). Мнѣ кажется, что наши правила отдаютъ на благоусмотрѣніе воспитателей разрѣшеніе вопроса, въ какихъ случаяхъ дѣлать и въ какихъ не дѣлать различія между выговоромъ, замѣчаніемъ и увѣщаніемъ, и одни выговоры оффиціальные, данные директоромъ, въ присутствіи цѣлаго класса, и выговоры отъ педагогическаго совѣта должны быть непремѣнно вносимы въ штрафной журналъ.

2-е. Лишеніе пищи. Противъ этого наказанія замѣчено 1-ою кіевскою дирекціею, что оно вредно въ гигіеническомъ отношеніи тѣмъ, что производитъ безотрадное состояніе духа и вообще относится къ тѣлесному

наказанію. Его предлагаютъ замѣнить отсрочиваніемъ обѣда, который тотчасъ же должно давать по исправленіи (напримѣръ, послѣ окончанія урока). На это можно замѣтить, что въ нашей таблицѣ собственно не упоминается объ этомъ наказаніи, но наставникамъ и надзирателямъ дается право (см. Циркуляръ 1859 г., № 8, стр. IX) назначать его, предполагая, что оно возможно только въ закрытыхъ заведеніяхъ. Что же касается до вреда въ гигіеническомъ отношеніи, то если лишеніе пищи будетъ продолжаться не слишкомъ долго (до ужина) и не повторяться часто, вреда не будетъ,—это я знаю изъ собственнаго опыта. Впрочемъ, правила, препятствуя вредному произволу, не запрещаютъ воспитателямъ дѣлать наказанія болѣе гуманными, а потому не препятствуютъ и лишеніе пищи замѣнить, по благоусмотрѣнію, отсрочиваніемъ.

3-е. Штрафной билетъ. Почти всѣ дирекціи требуютъ отмѣны этой мѣры. Дѣйствительно, опытъ показалъ, что штрафной билетъ теряется, подаетъ поводъ къ обману, и вообще неудобенъ при отдаленномъ жительствѣ родителей и опекуновъ. Его предлагаютъ замѣнить кондуитнымъ спискомъ, который долженъ оставаться въ гимназіи и долженъ быть составленъ въ алфавитномъ, а не въ хронологическомъ порядкѣ. Для родителей, освѣдомляющихся о поведеніи своихъ дѣтей, могутъ быть дѣлаемы вымѣтки изъ этого журнала. Съ этимъ я совершенно согласенъ.

4-е. Черная доска и книга. Нѣкоторыя дирекціи (1-я кіевская,—новгородсѣверская,—полтавская) требуютъ отмѣны этого наказанія, почитая его слишкомъ чувствительнымъ и позорнымъ. Предлагаютъ замѣнить его арестомъ. Касательно этого наказанія вкралось противорѣчіе уже ненамѣренное. Черная книга назначена для проступковъ значительныхъ (см. циркуляръ), а между тѣмъ ученикъ, записанный два раза въ книгу, подлежитъ, по таблицѣ, наказанію, опредѣляемому и за неважные проступки (аресту).

5-е. Арестъ съ обязательною работою и карцеръ. Въ правилахъ неясно разграничено значеніе карцера и ареста. Волынская дирекція требуетъ (какъ это и теперь тамъ дѣлается) предоставить назначеніе ареста за лѣность и шалости въ классахъ самимъ учителямъ, а инспектору поручить только надзоръ за его исполненіемъ. Эта мѣра мнѣ кажется полезною для усиленія власти каждаго учителя.

6-е. Переводъ въ низшіе классы. Немировская дирекція требуетъ допустить эту мѣру послѣ тентаменовъ, а переводъ обратный безъ испытанія—по однимъ отзывамъ учителей. Волынская же гимназія находитъ эти переводы недостигающими цѣли. Изъ переведенныхъ въ низшіе классы, по ея наблюденіямъ, никто не получилъ перевода въ слѣдующіе высшіе классы; слѣдовательно наказаніе не содѣйствовало тамъ къ возбужденію прилежанія. Притомъ, въ большихъ гимназіяхъ, нельзя хорошо слѣдить за успѣхами переведенныхъ и потому лучше оставлять ихъ уже въ низшихъ классахъ безъ возврата до годичнаго испытанія; тогда они, по крайней мѣрѣ, займутся повтореніемъ пройденнаго. Отмѣны ея требуютъ также дирекціи черниговская и новгородсѣверская (онѣ, впрочемъ, и не испытывали этой мѣры, какъ видно изъ донесеній, ни однажды).

7-е. Судъ товарищей. Объ этой мѣрѣ, предложенной нашими правилами по причинамъ, изложеннымъ въ циркулярѣ (1859 г., № 8, стр. VII), мнѣнія дирекцій не согласны между собою. Дирекція 2-й кіевской гимназіи говоритъ, что судъ этотъ способствуетъ къ развитію общественнаго мнѣнія. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести всего класса; инспекторъ чрезъ то могъ легче отыскать виновнаго. Но судъ выборныхъ не всегда былъ безпристрастенъ. Въ доказательство приводятся два случая. Въ первомъ ученики VII класса вытолкали изъ комнаты для занятій одного ученика V-го класса за то, что онъ не шелъ спать въ положенное время и безъ по-

зволенія инспектора сидѣлъ до 10 часовъ, тогда какъ этимъ правомъ пользуется только VII-й классъ; при этомъ одинъ ученикъ VII-го класса ударилъ ученика V-го класса и назвалъ его товарищей дураками. Оскорбленный далъ, на другой день, за это пощечину оскорбившему. Судъ выборныхъ судилъ 3 часа и ничѣмъ не рѣшилъ. VII-й классъ не захотѣлъ подчиниться приговору выборныхъ. Инспекторъ, наконецъ, высказалъ свое мнѣніе, на которое и согласились всѣ. Другой случай. Ученикъ VI-го класса ударилъ одного ученика изъ евреевъ V-го класса въ лицо за то, что тотъ обругалъ его. Выборные присудили арестъ еврею за то, что онъ осмѣлился обругать христіанина. И тутъ дѣло рѣшилъ инспекторъ справедливѣе, что и доказываетъ необходимость бо̀льшаго участія въ судѣ товарищей инспектора или другого члена педагогическаго совѣта. Того же мнѣнія и бѣлоцерковская гимназія. Ровенская дирекція предлагаетъ также предоставить опредѣленіе наказанія совѣту, а выборнымъ—только одно разбирательство дѣла. Дирекція новгородсѣверской гимназіи утверждаетъ, напротивъ, что на выборы и на судъ всѣ ученики гимназіи смотрѣли весьма серьезно и выборные разбирали всегда и всякое дѣло внимательно и безпристрастно. Не было ни одного случая, въ которомъ бы нужно было усилить наказаніе, опредѣленное выборными, и только былъ одинъ случай излишней строгости: одного ученика приговорили къ выговору отъ совѣта, вмѣсто выговора отъ директора или ареста— Дирекція эта полагаетъ, что этотъ судъ необходимо удержать и для IV-го класса. Полтавская дирекція говоритъ также, что учрежденіе это въ высшей степени полезно. Опытъ показалъ, что вражды между учениками, которую предсказывали журнальныя статьи, не было и слѣда, и виновные безропотно подчинялись приговорамъ суда. По мнѣнію этой дирекціи, нужно еще болѣе развить это учрежденіе.—Но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я долженъ былъ прекратить его дѣйствія. Между тѣмъ, усматривая изъ донесеній этихъ дирекцій, какъ горячо они вступаются за пользу суда товарищей, невольно нужно согласиться съ мнѣніемъ нѣжинской гимназіи, что «каждая мѣстность имѣетъ свои условія и преданія, съ которыми слѣдуетъ сообразоваться въ назначеніи и примѣненіи дисциплинарныхъ мѣръ». Наконецъ, факты и сужденія о тѣлесномъ наказаніи и исключеніи я сообщилъ уже выше.

Изложивъ съ полною откровенностью и факты, и мнѣнія, собственныя и чужія, о введенныхъ нами правилахъ, я предлагаю гг. членамъ комитета заняться рѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: Во-первыхъ. Какъ изложенные мною факты достаточно убѣждаютъ, что введеніе опредѣленныхъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ оказало существенную пользу и какъ мы убѣждаемся этими фактами, что въ настоящемъ состояніи нашихъ школъ оно было необходимо, то первый и главный вопросъ будетъ состоять въ томъ, какимъ образомъ, на основаніи сообщенныхъ мною и другими данныхъ, измѣнить наши правила и какъ удобнѣе сдѣлать ихъ приложенія въ частности? — Другой вопросъ. Большинство полагаетъ, какъ мы видѣли, что подробное изложеніе проступковъ и наказаній необходимо только для однихъ воспитателей, а для руководства воспитанниковъ достаточно составить инструкцію, въ которой бы излагались ихъ обязанности, предостереженія отъ проступковъ и другія школьныя наставленія. Мы видѣли также, что три степени проступковъ и наказаній, равно какъ и обстоятельства, опредѣляющія эти степени, не всѣми дирекціями были понимаемы одинаково. Итакъ, нужно опредѣлить объемъ и содержаніе правилъ для воспитателей, инструкцію для воспитанниковъ. Въ-третьихъ. Хотя и теперь мы не вправѣ еще измѣнить общія постановленія устава гимназіи (перешедшія и въ новый проектъ устава) о тѣлесномъ наказаніи и исключеніи, но, желая убѣдиться, не перемѣнило ли теперь боль-

шинство членовъ комитета своего мнѣнія, я предлагаю еще разъ обсудить вопросъ о необходимости этихъ двухъ наказаній.

Я вполнѣ увѣренъ, что комитетъ поставитъ себѣ главною цѣлью сдѣлать рѣшеніе этихъ вопросовъ примѣненнымъ къ существующему порядку и не пожертвуетъ фактическою истиною изъ одного угожденія мнѣніямъ современниковъ, моимъ или своимъ собственнымъ.

Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній.[37]

Я—того мнѣнія, что, какъ бы хорошо ни были организированы наши закрытыя воспитательныя заведенія, они, въ настоящее время, не достигнутъ той нравственной цѣли, для которой учреждаются. Я сравниваю эти заведенія съ госпиталями. Что ни дѣлали и что ни дѣлаютъ къ улучшенію госпиталей,—ничто не помогаетъ противъ госпитальныхъ болѣзней: ни обширныя зданія, ни вентиляція, ни чистота. Сначала все идетъ хорошо; но пройдетъ нѣсколько времени, пролежатъ въ нихъ нѣсколько больныхъ вмѣстѣ,—смотришь— и госпитальныя болѣзни—тутъ, какъ тутъ. Казалось бы, что можетъ быть благодѣтельнѣе, какъ призрѣть безпомощныхъ страдальцевъ, дать имъ хорошее помѣщеніе, учредить за ними тщательный присмотръ? Такъ и съ закрытыми воспитательными заведеніями. Казалось бы, что могло лучше оправдать надежды общества, какъ не тщательный контроль за нравственностью молодого поколѣнія? Что, казалось бы, раціональнѣе, какъ отдѣлить его отъ пороковъ и заблужденій окружающей среды и воспитать для лучшаго будущаго, по всѣмъ правиламъ искусства? Но что же выходитъ на дѣлѣ? Глядишь, и въ эти образцовыя заведенія, гдѣ питомцы должны жить вмѣстѣ одною жизнью для лучшаго будущаго, закрадываются, также какъ и въ госпитали, свои болѣзни, свои заразы—не госпитальныя, а воспитательныя. Откуда онѣ берутся? Какъ проникаютъ онѣ сквозь нравственный контроль?

Мнѣ укажутъ на блестящія исключенія, на закрытыя заведенія, существующія цѣлые вѣка и воспитавшія для общества не мало передовыхъ людей.

Но гдѣ встрѣчаются эти исключенія? Не тамъ ли, гдѣ жизнь цѣлаго общества, сложившись уже и окрѣпнувъ, произвела школу, предъявила ей свои требованія и отдала ей гегемонію? Но, вообще говоря, эта гегемонія, по праву принадлежащая школѣ, и потому долженствующая руководить взглядами и убѣжденіями будущихъ поколѣній, есть до сихъ поръ еще только pium desiderium. Жизнь, уже сложившаяся до школы, несравненно могучѣе вліяетъ на школу, чѣмъ школа на жизнь. И это-то могучее вліяніе окружающей школу жизни проникаетъ и чрезъ стѣны закрытыхъ заведеній. Подъ обаяніемъ этой жизни находятся и воспитатели, и наставники, и воспитанники. Какъ бы ни старались уберечь отъ этого вліянія наши закрытыя заведенія, жизнь общества беретъ свое и отражается на воспитанникѣ и на воспитателѣ, со всѣми ея и худыми, и хорошими сторонами. Пусть будутъ всѣ воспитатели самые передовые люди общества,—предположеніе, конечно, неосуществимое,—все-таки они внесутъ непремѣнно въ школу съ отрадною стороною и извѣстную долю безотраднаго, вынесеннаго ими изъ жизни. Воспитанники, въ свою очередь, продолжая сношенія съ тою средою, изъ которой они вышли, также приносятъ свою долю изъ той же

жизни. Пока нѣсколько воспитываются у добрыхъ родителей или подъ наблюденіемъ одного дѣльнаго воспитателя, все идетъ хорошо. Тогда индивидуальныя силы каждаго, хорошо направленныя, перерабатываютъ и худое, вошедшее отъ соприкосновенія съ окружающею жизнью. Но какъ скоро эти же самые воспитанники перейдутъ въ заведеніе, сойдутся вмѣстѣ съ сотнею другихъ и подвергнутся надзору не одного, а цѣлой дюжины педагоговъ-воспитателей,— слабѣютъ, и худому окружающей жизни дѣлается легко ихъ одолѣть; въ толпѣ, сведенной вмѣстѣ, развиваются нравственные недуги, неизвѣстные отдѣльнымъ личностямъ. Какъ въ госпиталяхъ больные, скопившись, вмѣсто излеченія заражаются госпитальными болѣзнями и пропадаютъ, такъ и въ закрытыхъ заведеніяхъ нравственныя заразы, развившіяся отъ скопленія, губятъ воспитанниковъ.

Сохрани меня Богъ отвергать всякое благое вліяніе школы на новое поколѣніе, на жизнь нашего общества. Нѣтъ; но школа одолжена своимъ мощнымъ вліяніемъ наукѣ и—скажу прямо мое убѣжденіе—одной только наукѣ. Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое, и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ люди, вынесшіе изъ школы только одну привязанность къ наукѣ, едва узнавъ первые ея начатки. Безъ всякаго надзора и приготовленія къ жизни, брошенные въ жизнь, въ борьбѣ съ лишеніями и нуждами, они въ одной наукѣ находятъ и утѣшеніе, и крѣпость, и мужество въ борьбѣ. Также и того я не отвергаю абсолютно, что нравственный надзоръ школы можетъ помогать развитію характера и воли; но гдѣ и когда? Тамъ, гдѣ характеръ и воля цѣлаго общества достаточно окрѣпли, гдѣ его взгляды на жизнь достаточно установились, гдѣ цѣлое общество уже окрѣпло въ борьбѣ и положительно знаетъ, чего оно хочетъ и къ чему стремится,—въ такомъ обществѣ школа, вѣрно, исполнитъ его желанія и его цѣли. Она —дочь общества, хотя и не всегда послушная. Но мы хотимъ, чтобы она была его матерью; а для этого нужно, чтобы она прежде окрѣпла, возмужала и опередила общество, получая всѣ свои силы отъ него же самого. Для этого нужно, чтобы вся исторія общества, всѣ внѣшнія и внутреннія условія способствовали къ развитію его нравственныхъ силъ, его воли, его характера. Тогда, и только тогда школа можетъ выработать, развить все ею полученное отъ общества и сдѣлаться передовою. Пока этого нѣтъ, то отъ школы ничего болѣе и ожидать нельзя, кромѣ вліянія путемъ науки. Пусть же живое слово изъ школы распространится въ массахъ и приготовитъ ихъ сначала къ воспріятію высшихъ нравственныхъ началъ.

Со временъ Бецкаго, мы идемъ по ложному пути, полагая все еще найти въ закрытыхъ заведеніяхъ точку опоры для нравственнаго обновленія нашего общества. Мы беремъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ нимъ, не имѣя возможности удовлетворить самымъ первымъ требованіямъ раціональной педагогики. Не будетъ ли надежнѣе, оставивъ эти притязанія школы передъ обществомъ на высшую нравственность, сосредоточить всѣ ея силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ? Не будетъ ли вѣрнѣе, вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ неудававшихся, улучшить нравственность путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность школы на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ ненужно будетъ много опасаться за его нравственность. Она всегда лучше тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла. Самый законъ Божій— самое главное нравственное средство для школы—развѣ можетъ излагаться въ ней иначе, какъ не въ видѣ науки? Развѣ, не зная Слова, можно учить слову жизни и правды? Одинъ англійскій миссіонеръ мнѣ сказывалъ, что онъ и его сотрудники ни о чемъ другомъ не заботятся, какъ только раздавать сколько можно болѣе книгъ Новаго Завѣта, въ полномъ убѣжденіи, что читанное Слово найдетъ са-

мо себѣ дорогу къ сердцу. Въ этомъ убѣжденіи есть глубокая истина. Лишь бы наставникъ съумѣлъ довести истину, какой бы наукѣ она ни принадлежала, до понятія ученика,—она не останется безъ дѣйствія; потому что во всякой истинѣ, и отвлеченной, и чувственной, есть своя доля образовательной и, слѣдовательно, воспитательной силы. Остальное докончитъ индивидуальность каждаго, кто воспринимаетъ истину. Итакъ, я не отвергаю и нравственнаго вліянія нашей школы; но я ищу его въ одной наукѣ, и потому требую, чтобы наставники, представители науки, были вмѣстѣ и воспитателями. Я требую отъ нихъ, чтобы они, пользуясь образовательной силой науки, позаботились развить здравый смыслъ и любовь къ истинѣ въ своихъ ученикахъ, а черезъ это улучшили бы и нравы будущаго поколѣнія. Въ этомъ способѣ я нахожу несравненно болѣе условій для успѣха, нежели въ раздѣленіи научной части училища отъ воспитательной, постепенно вкравшемся въ наши закрытыя заведенія, ко вреду и науки, и воспитанія. Въ моихъ глазахъ и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часового ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей, или какъ бы они ни назывались, —имя не перемѣнитъ дѣла.. А безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны. Мнѣ скажутъ: гдѣ найти столько наставниковъ, которые съумѣли бы дѣйствовать на ученика образовательною силою науки? Я спрошу, въ свою очередь, гдѣ взять столько дѣльныхъ воспитателей, которые съумѣли бы охранить ученика отъ невоспитательнаго вліянія жизни? Я говорю—охранить, потому что закрытыя заведенія ничего не дѣлаютъ другого, какъ охраняютъ. Будь безукоризненна жизнь всего общества, имѣй она опредѣленный, уже выразившійся характеръ, для чего бы тогда нужны были эти заведенія? Жизнь, и одна жизнь, воспитала бы и человѣка, и гражданина. Но заведенія эти безполезны теперь, потому что безсильны. Они не могутъ удержать струю житейской грязи, проникающую черезъ ихъ стѣны.

Да, въ сущности, я думаю, всѣ, сознательно или безсознательно, убѣждены, что наука составляетъ главную основу воспитанія будущаго поколѣнія. Иначе для чего столько разсуждаютъ—и правительства, и передовые люди всѣхъ образованныхъ націй—о преимуществахъ или недостаткахъ классическаго и реальнаго направленія ученія, если не для того, что находятъ въ томъ или другомъ, главную основу будущаго направленія цѣлаго общества? Почему же, принимая это за доказанную истину, такъ мало предоставляютъ у насъ самой наукѣ заботиться о воспитаніи, рѣзко отдѣляя въ школахъ нравственную сторону отъ научной? Да еще я помирился бы съ притязаніями закрытыхъ нашихъ заведеній, если бы они захотѣли ограничиться нравственнымъ вліяніямъ только на однихъ дѣтей; но они думаютъ воспитывать и нашихъ юношей, да еще какъ,—подъ одною крышею съ дѣтьми. Какая самоувѣренность, какое самообольщеніе и какія результаты!

Раздѣлять свои силы, и безъ того слабыя, вмѣсто того, чтобы ихъ всѣ сосредоточить на одно. Усыплять нерадѣніе и беззаботность родителей, безсмысленно радующихся, что пристроили дѣтей, тогда какъ нужно бы имъ было прямо и откровенно заявить, что пора имъ самимъ заботиться объ участи своего поколѣнія, и что ни одно общество не имѣетъ средствъ къ воспитанію безъ ихъ прямого содѣйствія.

Я не преувеличиваю ничего, говоря о безполезности закрытыхъ заведеній у насъ. Да и лучшая часть нашего общества не безъ причины все и болѣе склоняется въ пользу домашняго воспитанія. Рано или поздно, всѣ убѣдятся, что вредно отрывать юнаго человѣка изъ круга семейной жизни и даже изъ круга семьи ему чужой. А еще вреднѣе скучивать молодыхъ людей вмѣстѣ, подъ предлогомъ нравственнаго надзора. Мнѣ не трудно привести факты, доказывающіе существованіе нравст-

венныхъ недуговъ, хотя не безъизвѣстныхъ и въ семейной жизни, но быстро развивающихся тамъ, гдѣ дѣти и молодые люди осуждены бываютъ жить вмѣстѣ. Но къ чему выставлять на показъ все, что унижаетъ человѣческое достоинство,—когда оно и безъ того уже у насъ стоитъ невысоко, и когда здравый смыслъ и безъ того уже ясно показываетъ несообразность желанія воспитать нравственно и научно молодого человѣка въ большихъ закрытыхъ заведеніяхъ. Такія заведенія, вмѣщая значительное число воспитанниковъ, не могутъ быть организированы безъ строгаго соблюденія дисциплинарнаго порядка, касающагося исключительно обрядной стороны жизни. Но кому не извѣстно, какъ трудно въ воспитаніи сохранить полное равновѣсіе между внѣшнею и внутреннею, самою существенною его стороною? Кто не знаетъ, какъ легко внѣшнее и обрядное въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ, заглушая его безпощадно? Кто, знакомый съ натурою молодежи, не знаетъ, какъ она враждебно смотритъ на внѣшнія стѣсненія, когда они имѣютъ цѣлью одно только соблюденіе формы? Она переноситъ эти стѣсненія, но скрѣпя сердце и затаивъ въ глубинѣ души протестъ и неудовольствіе. И чѣмъ болѣе молодежь развита, чѣмъ болѣе умъ ея направленъ на серьезныя научныя занятія, и чѣмъ болѣе она чувствуетъ къ нимъ призваніе въ себѣ, тѣмъ неохотнѣе она покоряется формальности.

Это лежитъ въ натурѣ вещей, и это направленіе молодыхъ умовъ можно подавить дисциплинарною строгостью, но уничтожить нельзя. Убѣжденіемъ и примѣромъ можно довести самыхъ легкомысленныхъ до того, что они безпрекословно покорятся всѣмъ законамъ вѣчной правды; безъ ропота снесутъ они и строгость, если мѣры строгости будутъ направлены къ соблюденію этихъ законовъ. Но нельзя никого, даже ребенка, убѣдить безъ насилія, что вѣчная правда требуетъ непремѣнно точнаго исполненія всѣхъ условій и всѣхъ постановленій обрядной стороны жизни. Этого можно достигнуть однимъ только приказаніемъ, которому все-таки не будетъ доставать главной нравственной опоры—убѣжденія. Какихъ же слѣдствій должно ожидать для развитія характера, воли и чувства правды, если, желая молодыхъ людей воспитать научно и нравственно въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы по необходимости будемъ, съ одной стороны, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія дисциплинѣ и обряду, а съ другой стороны, вмѣсто убѣжденія, дадимъ затаиться въ юной душѣ притворству и скрытности или ропоту и протесту?!

Ни усиленное вліяніе законоучителей (§§ 107—111 проекта), ни дорого заплаченные воспитатели (см. Штатъ, стр. 431), не помогутъ ввести въ закрытое заведеніе болѣе нравственнаго начала, нежели сколько можетъ дать его сама жизнь нашего общества. Они сами, также какъ и воспитанники, находятся подъ вліяніемъ жизни того же самаго общества, которое хотятъ исправить воспитаніемъ въ закрытыхъ заведеніяхъ. И если цѣлью закрытыхъ заведеній не будетъ одно только пріученіе къ дисциплинѣ, внѣшнему порядку и соблюденію обрядности (что, конечно, можетъ быть достигнуто ими); если воспитаніемъ мы желаемъ поселить истинную любовь къ наукѣ, образовать характеръ и волю, то отъ закрытыхъ заведеній можно только при двухъ условіяхъ ожидать пользы въ дѣлѣ воспитанія: во-первыхъ, когда они будутъ учреждены подъ видомъ небольшихъ семейныхъ кружковъ, при тщательномъ выборѣ мѣста и лицъ, и, во-вторыхъ, когда каждый изъ молодыхъ людей одного возраста и преслѣдующихъ одну и ту же научную цѣль будетъ пользоваться въ заведеніи отдѣльнымъ помѣщеніемъ, не стѣсняемый въ своихъ домашнихъ занятіяхъ излишними дисциплинарными ограниченіями и соблюдая только общія правила нравственности. Но я не могу навѣрное рѣшить, въ какой мѣрѣ у насъ осуществимы эти условія.

Еще менѣе цѣлесообразны заведенія смѣшанныя, состоящія изъ полныхъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ (§ 20). Въ нихъ уже совершенно неосуществимо и то теоретическое воззрѣніе, которымъ руководствуются до

сихъ поръ всѣ учредители полныхъ закрытыхъ заведеній. Чего желаютъ, въ сущности, эти учредители? Не того ли, чтобы изолировать воспитанниковъ отъ общественной среды, изъ которой они вышли, подвергнуть ихъ самому тщательному надзору, вести ихъ однимъ избраннымъ путемъ на предстоящее имъ поприще? Но какъ скоро къ изолированнымъ и тщательно оберегаемымъ дадутъ доступъ и другимъ, не совершенно отдѣльнымъ отъ окружающей ихъ среды, какъ скоро допустятъ такое смѣшеніе, то основная цѣль уже нарушена. Тогда не вольноприходящіе заимствуютъ всѣ воображаемыя блага надзора и дисциплины, охраняющей живущихъ въ заведеніи, а наоборотъ, эти такъ тщательно надзираемые поддаются вліянію приходящихъ. Это фактъ, обыкновенно наблюдаемый всегда въ смѣшанныхъ заведеніяхъ. Дисциплина закрытыхъ заведеній требуетъ, напримѣръ, чтобы введенная форма строго соблюдалась пансіонерами; а полупансіонеры, за которыми нельзя такъ усмотрѣть, не упустятъ ни одного случая хвастнуть предъ своими товарищами-затворниками, какъ они мало обращаютъ вниманія на эту дисциплину, и вызовутъ и въ нихъ желаніе вкусить запрещеннаго плода.

Еще хуже для нравственности и еще менѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ образованія и воспитанія, когда въ закрытомъ или смѣшанномъ заведеніи число воспитанниковъ ограничено извѣстнымъ комплектомъ (§ 20) и когда вся обстановка его направлена къ опредѣленной, спеціальной цѣли. Ни то, ни другое несообразно съ истиннымъ назначеніемъ такихъ учрежденій, какими должна быть гимназія. Гимназія не должна воспитывать будущее поколѣніе въ духѣ касты, — не должна давать никакого намека на спеціальную цѣль въ образованіи,—не должна развивать отдѣльность и высокомѣріе, котораго непремѣнно нужно опасаться, потому что довольно значительная плата (§ 21) и ограниченный комплектъ не дозволятъ несостоятельнымъ лицамъ отдавать своихъ дѣтей въ новое учрежденіе. Наши гимназіи и университеты до сихъ поръ тѣмъ только замѣчательны для общественнаго просвѣщенія, что они доступны для всѣхъ сословій и для всѣхъ почти состояній. Мы знаемъ, что въ нашихъ гимназіяхъ именно дѣти бѣдныхъ родителей и дѣти евреевъ принадлежатъ къ числу лучшихъ учениковъ и своимъ примѣромъ распространяютъ наклонность къ труду и уваженіе къ наукѣ. Для чего же увеличивать число привиллегированныхъ заведеній, когда и безъ того уже сословія у насъ рѣзко отдѣлены одно отъ другого, когда вопіющая потребность времени и состоитъ именно въ томъ, чтобы проводить мысль о доступности и необходимости общественнаго образованія для всѣхъ и для каждаго. Но направленіе новаго учрежденія не только не содѣйствуетъ этому, но прямо и исключительно ведетъ воспитанниковъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства, къ односторонней цѣли—къ приготовленію поступить на службу по морскому вѣдомству, хотя проектъ и скрываетъ это направленіе подъ видомъ общечеловѣческой, образовательной цѣли, что доказать не трудно. Дѣйствительно, если проектъ, съ одной стороны, дѣлаетъ доступнымъ входъ въ новое учрежденіе дѣтямъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право воспитывать ихъ въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія (§ 7), если онъ и называетъ это учрежденіе также гимназіею, то, съ другой стороны, онъ удерживаетъ ее восемь лѣтъ въ вѣдѣніи морского министерства (§ 2); онъ ставитъ ее, по значительности матеріальныхъ средствъ, назначенныхъ на содержаніе и жалованье (см. Штатъ гимназіи, стр. 435 и 436), по ограниченному числу воспитанниковъ и по платѣ за воспитаніе, въ такое исключительное положеніе, что она непремѣнно должна сдѣлаться не гимназіею, а привиллегированнымъ заведеніемъ избранныхъ, превышающимъ далеко уровень всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Да и общеобразовательное или гимназическое направленіе ученія, принимаемое проектомъ, не достигнетъ цѣли, потому что, при такой обстановкѣ новаго учебнаго заведенія, безъ сомнѣнія, почти всѣ воспитанники постараются только дойти до V класса,

а изъ него поступить въ морской кадетскій корпусъ. Всѣ, и родители, и дѣти, поймутъ очень хорошо, что не понапрасну же программа ученія въ этихъ пяти классахъ такъ приспособлена къ программѣ вступительнаго экзамена въ морской кадетскій корпусъ (сравн. прил. № 2, стр. 398, съ прилож. 4, стр. 200) и не безъ цѣли изученіе англійскаго языка въ этой привиллегированной гимназіи для всѣхъ обязательно. Что же касается до древнихъ языковъ, то хотя изученіе ихъ и обязательно, и обширно по содержанію программы, но воспитанники, невидя къ чему бы они могли служить, когда все такъ обставлено, чтобы ихъ привлечь къ поступленію въ спеціальное учебно-морское заведеніе, найдутъ средства учиться этимъ предметамъ для одного только вида, а многіе родители, отдавая дѣтей въ новую школу съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать изъ нихъ непремѣнно моряковъ, позаботятся также и съ своей стороны подкрѣпить это убѣжденіе о безполезности подобнаго рода занятій. Правда, остаются еще три высшіе класса (VI, VII и VIII), которые, повидимому, свидѣтельствуютъ объ общеобразовательномъ (а не спеціальномъ) направленіи ученія въ новой гимназіи; но наврядъ ли число желающихъ окончить курсъ ученія въ этихъ классахъ будетъ соотвѣтствовать огромнымъ издержкамъ, опредѣляемымъ проектомъ на поддержаніе осьми классовъ вмѣсто пяти, которые собственно имѣлись въ виду.

Но допустимъ, наконецъ, что мы ошибаемся, что составители проекта вовсе не хотѣли, чтобы изъ новой гимназіи сдѣлать одно только приготовительное отдѣленіе морского корпуса; тогда—спрашивается—съ какою же цѣлью они оставляютъ заведеніе, назначенное для общечеловѣческаго образованія, на цѣлыхъ 8 лѣтъ въ морскомъ вѣдомствѣ? Для чего стараются такъ отличить его отъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія? Неужели для эксперимента и для одного доказательства, что съ большими средствами можно получить лучшіе результаты?

Для чего тогда вырывать изъ цѣлой системы одно учрежденіе и ставить его въ совершенно исключительное положеніе? Если гимназіи министерства народнаго просвѣщенія имѣютъ свои несовершенства, то вѣрно уже не потому, что находятся въ вѣдѣніи этого министерства, а не другого. Причины довольно извѣстны, и самая главная—недостатокъ въ дѣльныхъ педагогахъ. Этого недостатка не избѣгнетъ и новая гимназія при морскомъ министерствѣ. Если же составители проекта полагаютъ, что за большое содержаніе они могутъ довольно найти людей, вполнѣ обладающихъ труднымъ искусствомъ педагогіи, то тоже самое можетъ сдѣлать и министерство народнаго просвѣщенія, если оно будетъ имѣть такія средства въ своемъ распоряженіи. Итакъ значительныя средства (47.000 руб. сер.), на которыя можно бы было содержать двѣ гимназіи и нѣсколько прогимназій, открытыхъ для всѣхъ лицъ безъ исключенія, проектъ назначаетъ для учрежденія полузакрытаго, полуспеціальнаго въ сущности, хотя и общеобразовательнаго по виду; старается сдѣлать его образцовымъ по числу преподаваемыхъ предметовъ, по составу и содержанію наставниковъ и воспитателей, а вмѣстѣ съ этимъ открываетъ доступъ въ него однимъ только достаточнымъ. Почему же онъ полагаетъ, что между тѣми, которые не въ состояніи платить за ученіе по 250 и 275 рублей въ годъ, не найдется способныхъ къ морской службѣ? Почему ученикъ V или VI класса гимназіи министерства народнаго просвѣщенія не могъ бы поступить въ морской корпусъ, для спеціальнаго изученія морского дѣла, если находитъ въ себѣ влеченіе и склонность? Если требованія вступительнаго экзамена въ морскомъ корпусѣ не соотвѣтствуютъ программамъ наукъ, проходимыхъ въ первыхъ пяти или шести классахъ нашихъ гимназій, то почему бы нельзя было, по взаимному соглашенію морского вѣдомства съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, измѣнить программы? Если для моряка необходимъ англійскій языкъ, то почему бы не ввести его, какъ предметъ необязательный, если не во

всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ нашихъ гимназіяхъ также по взаимному соглашенію? И много ли нужно научиться этому языку для того, кто знакомъ съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ? Да и поступивъ въ корпусъ, развѣ молодой человѣкъ не могъ бы еще довольно научиться по-англійски, если это такъ необходимо?

Для чего затруднять доступъ къ образованію провинціаламъ, открывая одно центральное учрежденіе въ столицѣ? Постановленіе проекта «отдавать преимущество при замѣщеніи пансіонерскихъ вакансій дѣтямъ лицъ, по мѣсту служенія живущихъ не въ Петербургѣ» (§ 20), не облегчитъ затрудненія и не сдѣлаетъ заведенія болѣе доступнымъ. Но возможность образованія тотчасъ же облегчится, какъ скоро тѣ значительныя средства, которыя опредѣляетъ проектъ на учрежденіе одной гимназіи, будутъ употреблены на открытіе нѣсколькихъ, въ различныхъ мѣстахъ Имперіи и на общихъ основаніяхъ съ существующими уже въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Перейдемъ къ администраціи и плану ученія въ предполагаемомъ заведеніи. Проектъ и въ этихъ отношеніяхъ старается поставить свою гимназію въ совершенно исключительное положеніе, и тогда какъ министерство народнаго просвѣщенія, въ новомъ своемъ проектѣ о среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стремится распространить коллегіальное начало въ управленіи, проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній сосредоточиваетъ всю власть въ рукахъ одного или двухъ лицъ. Хотя онъ и назначаетъ при новой гимназіи учебно-педагогическій совѣтъ; но, давъ тѣ права директору и инспектору, которыя изложены въ §§ 73, 74 и 103, и ограничивъ число наставниковъ—членовъ совѣта, двумя преподавателями, онъ ограничиваетъ такъ его вліяніе на учащихся, что, безъ сомнѣнія, и этотъ слабый проблескъ коллегіальнаго начала въ проектѣ будетъ существовать только на бумагѣ. Между тѣмъ нигдѣ столько не обнаруживается необходимость этого начала, какъ у насъ, въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Несмотря на нѣкоторыя его невыгодныя стороны, оно все-таки одно можетъ ослабить вредный произволъ, вкравшійся въ наши учебн. заведенія со стороны непосредственныхъ ихъ начальниковъ; только однимъ общимъ содѣйствіемъ цѣлой коллегіи наставниковъ можно поднять у насъ и значеніе науки, и все дѣло воспитанія; только усиливъ ихъ нравственно-научную связь съ учениками, распространивъ ихъ вліяніе, можно привлечь нашихъ учителей къ серьезнымъ педагогическимъ занятіямъ. Наставникъ, не имѣющій голоса въ учебно-воспитательныхъ, а слѣдовательно и административныхъ дѣлахъ училища, связанный по рукамъ и ногамъ властью директоровъ и инспекторовъ, подвергается двумъ крайностямъ, обоюдно-вреднымъ для цѣлаго учрежденія: онъ или играетъ жалкую роль въ глазахъ учениковъ, или же старается вознаградить потерянный авторитетъ путемъ заискиванія у начальниковъ и стараніями пріобрѣсти популярность у учениковъ. А если онъ не избралъ ни той, ни другой крайности, то впадаетъ въ полную апатію, превращается въ наемника и будетъ считать себя лицомъ совершенно постороннимъ для цѣлаго дѣла. Не усиливъ сначала вліянія цѣлой коллегіи наставниковъ, можно-ли надѣяться усилить нравственное вліяніе и каждаго изъ нихъ? Не забудемъ еще, что дать большія права начальникамъ учебныхъ заведеній, у насъ значитъ поставить ихъ въ отношенія чисто бюрократическія къ подчиненнымъ имъ учителямъ. Между тѣмъ бюрократизмъ нигдѣ столько не причиняетъ вреда, какъ въ дѣлѣ науки и воспитанія, гдѣ все должно быть основано на призваніи, пониманіи дѣла и на дружномъ соединеніи для одной цѣли нравственныхъ и умственныхъ силъ всѣхъ воспитателей и наставниковъ. Не подчиненный долженъ быть учитель директору, а товарищъ въ общемъ дѣлѣ. Недаромъ въ средневѣковыхъ университетахъ и до сихъ поръ еще осталась формула, съ которою обращаются наставники къ учащимся: «commilitones», напоминаю-

щая имъ всѣмъ, что они товарищи по цѣли. Если же составители проекта предполагаютъ замѣнить вліяніе наставниковъ на учащихся введеніемъ новыхъ лицъ—воспитателей, которые, подъ другимъ только именемъ и съ большимъ содержаніемъ, будутъ тѣ же самые наши надзиратели, то невыгоды такого раздѣленія учебной и нравственной части въ нашихъ училищахъ уже всѣмъ извѣстны и давно подтверждены несомнѣнными фактами. Никто, даже самые родители не могутъ равняться, по вліянію, оказываемому на молодые умы, дѣльнымъ и любимымъ наставникамъ. Живое слово науки говоритъ не одному только уму. Оно проникаетъ глубже и облагораживаетъ сильнѣе натуру юнаго человѣка, чѣмъ всѣ оффиціальные и дисциплинарные надзоры. Но проектъ не только ограничиваетъ всѣ права коллегіальнаго начала въ дѣлѣ воспитанія; онъ до того еще увеличиваетъ права директора, что отдаетъ въ его распоряженіе и выборъ инспектора, и выборъ учителей, и назначеніе имъ жалованья «съ строгою отвѣтственностью, если для сего лица будутъ избраны не по достоинству» (§§ 73 и 74). Можно себѣ представить, какъ легко долженъ развиться непотизмъ, произволъ и низкопоклонство въ школѣ, учреждаемой на подобныхъ основаніяхъ: уже навѣрное это успѣетъ сдѣлаться прежде, чѣмъ она перейдетъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Объ инспекторѣ гимназіи я уже высказалъ свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ. Я считаю эту должность въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно излишнею, и твердо убѣжденъ, что ее можно замѣнить съ большею пользою введеніемъ классныхъ учителей (См. Цирк. кіев. учебн. округа, № 10, 1860 года). Если мы замѣчаемъ въ настоящее время, какъ ослабѣли авторитетъ и вліяніе наставниковъ на молодыхъ людей, посѣщающихъ наши университеты, то это, безъ сомнѣнія, зависитъ много отъ того, что большая часть ихъ, подчиненная постоянно одному инспекторскому надзору, отдалилась отъ наставниковъ и разучилась подвергать себя нравственному ихъ вліянію. Но, кромѣ этихъ невыгодъ, вся система подчиненія учителей одному лицу, раздѣленіе учителей отъ воспитателей, допущеніе къ педагогическимъ занятіямъ совѣта только нѣсколькихъ избранныхъ лицъ, поведетъ неминуемо къ раздѣленію членовъ новаго учрежденія на двѣ стороны: къ одной будутъ принадлежать директоръ, инспекторъ, законоучитель, воспитатели и, можетъ быть, нѣсколько избранныхъ учителей, къ другой—остальные учители и, по всей вѣроятности, ученики. Духъ оппозиціи не замедлитъ обнаружиться въ заведеніи. Ученики, отъ которыхъ не укроется ни одна худая сторона школы, видя произволъ, непотизмъ, соперничество и разнаго рода пренія между учителями и начальствомъ, какой будутъ имѣть примѣръ предъ глазами? Учители, не допущенные въ засѣданія совѣта и, слѣдовательно, не-близкіе начальству гимназіи, найдутъ средства объяснить ученикамъ съ ироническою улыбкою его распоряженія. Привиллегированные воспитатели, изъ угожденія начальству, постараются отличиться строгимъ дисциплинарнымъ надзоромъ; а обойденные наставники намеками вызовутъ насмѣшки и противодѣйствія отъ воспитанниковъ. Такого зла не предотвратитъ въ училищѣ и усиленное вліяніе обрядно-религіозной стороны жизни (§§ 48, 49, 50). Никто, безъ сомнѣнія, изъ здравомыслящихъ людей не будетъ отвергать пользу и силу ея дѣйствій на нравственность воспитанниковъ; но вліяніе ея тогда только будетъ благодѣтельно, когда законоучитель примѣромъ и словомъ, безъ всякихъ школьныхъ регламентовъ, сдѣлаетъ юную душу своихъ питомцевъ способною къ воспріятію высшей благодати. Усиленная обрядность, несмотря на то, что проектъ даетъ совсѣмъ новое положеніе законоучителю въ гимназіи, врядъ-ли увеличитъ между учениками (и именно старшихъ классовъ) тотъ нравственный авторитетъ, который проектъ желаетъ ему доставить въ дѣлѣ воспитанія.

Если недостатокъ коллегіальнаго начала въ проектѣ я признаю за

одно изъ самыхъ существенныхъ препятствій къ развитію истинной нравственности въ воспитанникахъ, то еще вреднѣе окажется онъ въ дѣлѣ учебномъ. Я не могу и объяснить себѣ тѣхъ вопіющихъ противорѣчій, которыя вкрались въ проектъ отъ такого ограниченія коллегіальнаго начала въ его дѣйствіяхъ. Такъ, проектъ, ограничивая, съ одной стороны, составъ учебнаго педагогическаго совѣта только директоромъ, инспекторомъ, законоучителемъ, двумя учителями и двумя воспитателями, предоставляетъ параграфами 32, 33, 36 и 44 этому же совѣту и измѣненія въ распредѣленіи уроковъ, и перемѣны въ размѣрахъ преподаванія, и переводы учениковъ изъ одного класса въ другой, и выборъ книгъ для чтенія.

Значитъ, два привилегированные и избранные директоромъ учителя будутъ, вмѣстѣ съ начальствомъ гимназіи, рѣшать всѣ вопросы о размѣрахъ и, слѣдовательно, способахъ преподаванія и о достоинствахъ учениковъ. Мнѣ кажется, несообразность этой мѣры не заслуживаетъ дальнѣйшаго опроверженія.

Вообще, въ учебномъ отношеніи, проектъ не устранилъ ни одного изъ многихъ недостатковъ всѣхъ нашихъ гимназій, хотя и обнаружилъ наклонность устранить ихъ нѣкоторыми полумѣрами. Такъ, онъ, кажется, отмѣняетъ систему ученія по обширнымъ и подробнымъ программамъ, опредѣляя только въ общихъ чертахъ объемъ преподаванія каждой науки и представляя педагогическому совѣту опредѣлить размѣръ преподаванія, —и это была бы самая лучшая, самая прогрессивная сторона проекта; но въ то же время онъ предписываетъ давать вопросы ученикамъ на испытаніяхъ по учебнымъ программамъ (§ 38), и не даетъ, какъ мы видѣли, права каждому учителю выразить свое мнѣніе о способѣ и объемѣ преподаванія своего предмета. Проектъ измѣняетъ нѣсколько систему переводныхъ экзаменовъ, подвергая ежегодному испытанію только однихъ малоуспѣшныхъ и заставляя остальныхъ экзаменоваться чрезъ два года (при переходѣ изъ II въ III, изъ IV въ V и изъ VI въ VII классъ,—§ 36), но не рѣшается еще вовсе отмѣнить эти оффиціальныя испытанія, хотя они несравненно съ большею пользою для учащихся могли бы быть замѣнены переводами по годичнымъ успѣхамъ, обсуждаемымъ всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи; для этого нужно бы было только сдѣлать контроль за этими успѣхами со стороны преподавателей менѣе формальнымъ, а болѣе существеннымъ, что, при такихъ средствахъ, которыя назначаются для новой гимназіи, и при такомъ ограниченномъ числѣ воспитанниковъ, гораздо легче было сдѣлать, нежели въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ точно и съ отмѣтками при испытаніяхъ. Проектъ сокращаетъ количество балловъ до 12; но не рѣшается отмѣнить совсѣмъ эту математическую оцѣнку человѣческихъ знаній и способностей. Я столько разъ уже говорилъ и писалъ о недостаточности этой системы, о неправильности господствующихъ у насъ взглядовъ на испытанія, что не имѣю болѣе терпѣнія повторять нѣсколько разъ высказанное. Для чего цифры, баллы съ дробями, безъ дробей, сложенія и дѣленія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рѣшить вопросъ однимъ только «да» или «нѣтъ»?

Направленіе ученія, принимаемое проектомъ, есть по преимуществу, классическое. Но, назначая, какъ я догадываюсь по вышеизложеннымъ причинамъ, новую гимназію преимущественно для желающихъ вступить въ морскую службу, все классическое образованіе учениковъ, которые будутъ переходить изъ V класса въ морской кадетскій корпусъ, ограничиваетъ латинскою грамматикою и переводами изъ Юлія Цезаря, Федра и Саллюстія. Перешедъ же, въ 14 или 15 лѣтъ, въ спеціальное учебно-морское заведеніе, гдѣ уже, конечно, не преподаются древніе языки, ученики немного вынесутъ пользы изъ этихъ начатковъ гуманизма. И хотя хорошее начало никогда не пропадаетъ безъ слѣда, но я думаю, что если-бы министерство народнаго просвѣщенія приняло мое предложеніе о рѣзкомъ раздѣленіи двухъ направленій ученія (гу-

маннаго и реальнаго), начиная съ послѣдняго (IV-го) класса прогимназій (см. Цирк. кіев. учебн. округа 1860 года, № 10), то морское вѣдомство ничего бы не потеряло, принимая въ свои спеціальныя учебныя заведенія учениковъ обѣихъ прогимназій (реальныхъ и классическихъ), тѣмъ болѣе, что при вступительныхъ испытаніяхъ въ морской корпусъ не требуется знанія древнихъ языковъ (см. Програм. второго экзам., стр. 200).

Остается еще сказать о различныхъ мѣрахъ взысканія и наградахъ (Прил. № 3, 425). Изъ общихъ правилъ, которыя едва-ли не извѣстны и каждому непосвященному въ дѣло воспитанія (ст. 426), но которыя едва-ли выполнимы на дѣлѣ въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, нельзя съ точностью опредѣлить, какія отношенія воспитанниковъ къ воспитателямъ принимаются проектомъ: патріархальныя ли, или чисто-начальническія? Между тѣмъ это нужно обозначить точно, ясно и откровенно. Судя по тому, что проектъ предоставилъ законоучителю значительное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія, нужно полагать, что онъ допускаетъ возможность удержать первыя, т.-е. патріархальныя. Дай Богъ, чтобы это удалось. Но, насколько я знаю наши школы, по крайней мѣрѣ, двухъ учебныхъ округовъ, то я сомнѣваюсь, можно ли сохранить отношенія этого рода. Они, мнѣ кажется, еще менѣе возможны тамъ, гдѣ заведеніе предоставляется въ полное распоряженіе одному лицу—директору. При этой обстановкѣ, несмотря на нравственную власть законоучителя, бюрократическія и чисто-начальническія отношенія директора къ его подчиненнымъ—наставникамъ и воспитанникамъ—неизбѣжны. Въ такомъ случаѣ и примѣненіе общихъ правилъ о взысканіяхъ и наградахъ будетъ зависѣть отъ его личнаго произвола. Я не вхожу въ частности, потому что сообщилъ подробно мое мнѣніе объ этомъ предметѣ (въ Циркулярѣ кіевскаго учебнаго округа, № 12, 1860 года).

Наконецъ, заключу мое мнѣніе о проектѣ замѣчаніемъ, касающимся до всѣхъ проектовъ и уставовъ вообще, хотя не новымъ, но тѣмъ не менѣе справедливымъ. Прежде чѣмъ всѣ новыя постановленія, какъ бы хорошо они ни были составлены, и какія бы средства ни предлагались для ихъ осуществленія, будутъ приведены въ исполненіе, нужно имѣть въ виду исполнителей. Они, и при введеніи новыхъ постановленій, останутся тѣ же самые. А проектъ даже и не упоминаетъ о способѣ избранія его исполнителей. Правда, онъ говоритъ, что директоръ выбирается попечителемъ (§ 67); инспекторъ, преподаватели и воспитатели—директоромъ (§ 73); но на чемъ и на какихъ данныхъ будутъ основываться выборы наставниковъ и воспитателей, какимъ способомъ они должны будутъ доказать требуемыя отъ нихъ «основательныя свѣдѣнія, нравственныя достоинства и способность свободно и правильно изъясняться» (§120)—это неизвѣстно. Особенныхъ испытаній имъ не производится, конкурсовъ нѣтъ; выбираетъ и назначаетъ жалованье одинъ начальникъ заведенія; судитъ онъ тоже одинъ. Гдѣ же гарантіи? Неужели только одни слова 73-го параграфа: «директоръ выбираетъ — съ строгою отвѣтственностью, если эти лица будутъ избраны не по достоинству». Но начальникъ заведенія, снабженный такими правами, конечно, всегда найдетъ средства оправдать свой выборъ и сдѣлаетъ его безукоризненнымъ извнѣ. Если проектъ составлялся для совершенно новаго и исключительнаго учрежденія, снабженнаго такими средствами, имѣющаго даже отдѣльнаго попечителя, то мнѣ казалось бы—нужно было придумать и ручательства болѣе положительныя о достоинствахъ и заслугахъ его исполнителей.

Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ.[38]

1. Народныя училища. При условіяхъ, требуемыхъ министерствомъ для открытія этихъ училищъ, они въ настоящее время не примутся,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя мнѣ наиболѣе знакомы. Немного найдется сельскихъ или городскихъ обществъ, которыя согласились бы постановить обезпеченіе училищъ, требуемое ст. 40 проекта (стр. 12). 200—250 руб. жалованья каждому учителю, 50—80 руб. законоучителю и снабженіе училища всѣмъ необходимымъ—это такія требованія, которыя и въ настоящее время препятствуютъ открытію училищъ, при малой потребности обществъ просвѣщаться. Не лучше ли предоставить все дѣло добровольному соглашенію обществъ съ учителями и не требовать на нихъ обезпеченій. Что худаго, если училище, однажды открытое, можетъ быть, вскорѣ закроется по недостатку средствъ или по небрежности общества? Отъ этого никто ничего не потеряетъ. При ощутительномъ недостаткѣ учителей въ провинціяхъ, я думаю, что и другое условіе будетъ не менѣе препятствовать къ открытію училищъ,—а именно то, которое требуется ст. 36 и примѣчаніемъ къ ней на стр. 10 и 11. Гдѣ достать учителей, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и учительскихъ институтахъ (послѣднихъ двухъ еще не существуетъ)? Много ли найдется желающихъ выдержать испытаніе по предметамъ прогимназическаго или гимназическаго курса? Не лучше ли эти мѣры,—впрочемъ, совершенно цѣлесообразныя тамъ, гдѣ просвѣщеніе составляетъ правительственную монополію,—привести въ дѣйствіе тогда, когда откроются повсемѣстно, или во многихъ мѣстахъ народныя училища. Надзоръ за ними опредѣляется же проектомъ весьма достаточный; назначается особенный директоръ; на него возлагается обязанность, чтобы наставники не вредили, а приносили пользу; не довольно-ли же на первый разъ и этого? Время будетъ, когда нужно регулировать и ограничивать; а теперь нужно еще поощрять и развивать. Когда есть директоръ, то ему не трудно будетъ, если онъ найдетъ необходимымъ, удалить учителя вздорнаго и неуча.

2. Учительскіе институты. Мысль объ учрежденіи такихъ институтовъ въ губерніяхъ, безъ сомнѣнія, весьма благая. Но думать объ осуществленіи ея и объ учрежденіи такихъ институтовъ, какъ заведеній независимыхъ, мнѣ кажется, теперь еще рано. Дай Богъ, если бы въ нашихъ провинціяхъ, въ настоящее время, открылась возможность при каждой гимназіи учредить одно небольшое учительское отдѣленіе, въ которое бы поступали люди, желающіе посвятить себя учительскому званію. При нашемъ недостаткѣ въ учителяхъ, довольно бы было и того, если бы учители гимназій или прогимназій, за особенное вознагражденіе, удѣляли часть своего времени на образованіе будущихъ наставниковъ. Правда, что самые учители въ нашихъ гимназіяхъ еще сами требуютъ дальнѣйшаго образованія на педагогическомъ поприщѣ и есть немного такихъ, которые были бы въ состояніи сами сдѣлаться учителями будущихъ учителей; но все-таки покуда это наше единственное прибѣжище,—намъ негдѣ взять будетъ другихъ учителей для этихъ институтовъ, когда и въ самыхъ гимназіяхъ нерѣдко учительскія мѣста остаются долго вакантными. Между тѣмъ учрежденіемъ учительскихъ отдѣленій при гимназіяхъ открылась бы, по крайней мѣрѣ, возможность для

учителей еще неотсталыхъ развить ихъ педагогическія способности чрезъ упражненіе въ педагогикѣ молодыхъ людей, готовящихся къ учительскому званію. Другаго средства къ учрежденію учительскихъ институтовъ въ провинціяхъ я не вижу, и считаю счастливою мечтою образованіе такихъ учрежденій независимо отъ гимназій. Проектъ представляетъ эти институты, какъ закрытыя заведенія. Я понимаю очень хорошо всѣ выгоды закрытаго заведенія, приносимыя имъ образованію будущихъ наставниковъ; но тоже хорошо знаю и вредную сторону, которая у насъ едва ли не затмитъ хорошую, и, мнѣ кажется, что мысль прежде приспособить закрытое заведеніе къ семейному быту (ст. 66 стр. 18) также есть едва-ли не счастливая мечта, которая до сихъ поръ еще ни разу не подтвердилась опытомъ. Въ учебной части учительскихъ институтовъ, мнѣ кажется, есть одинъ весьма важный пробѣлъ: между предметами преподаванія нѣтъ наглядного обученія; а этотъ предметъ требуетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе, педагогической сноровки и не можетъ быть излагаемъ лицомъ, неознакомившимся съ нимъ чрезъ долгое упражненіе. Учрежденіе народнаго училища при институтѣ — мысль также, безъ сомнѣнія, прекрасная; но для практическихъ педагогическихъ упражненій могутъ быть назначены и низшіе классы гимназій или прогимназій, если учительскіе институты будутъ открыты при гимназіяхъ.

3. Прогимназіи. Ст. 132 проекта стр. 28, очевидно, относится къ будущему времени; въ настоящее же время требованіе о выслушаніи особаго педагогическаго курса отъ каждаго преподавателя не можетъ быть проведено вездѣ, по малочисленности воспитанниковъ или кандидатовъ, слушающихъ эти курсы. Прогимназіи проекта то же, что теперь существующія въ западныхъ губерніяхъ уѣздныя дворянскія училища. По окончаніи курса въ прогимназіяхъ, ученики получаютъ право вступать въ 1-й классъ гимназій; но какъ въ прогимназіяхъ древніе языки не преподаются, то, очевидно, что всѣ кончившіе курсъ въ прогимназіяхъ будутъ поступать только въ гимназіи реальныя, потому что навѣрное немного найдется охотниковъ начинать изученіе Латинскаго и Греческаго языковъ въ 13 лѣтъ, ученики же прогимназій, поступая въ эти заведенія не ранѣе 9 лѣтъ (ст. 162), окончатъ въ нихъ курсъ только чрезъ 4 года, слѣдовательно, 13-ти лѣтъ. Въ устраненіе этого неудобства, теперь въ дворянскихъ училищахъ западныхъ губерній стараются ввести преподаваніе Латинскаго языка. Когда же ученикамъ откроется возможность поступать въ гимназіи безъ знанія Латинскаго языка, то нельзя разсчитывать, чтобы изученіе этого предмета, начинающееся въ такомъ (позднемъ) возрастѣ (въ 13 лѣтъ), дало результатъ лучшій настоящаго; можно ли ожидать, чтобы настоящее филологическое направленіе развилось и принесло плоды въ учрежденіяхъ, названныхъ проектомъ филологическими, когда ученики не моложе 13 лѣтъ только-что будутъ начинать знакомиться съ первыми начатками древнихъ языковъ? Конечно, и тутъ встрѣтятся счастливыя исключенія; но вообще такое развитіе было бы безпримѣрно въ лѣтописяхъ педагогики. Если министерство полагаетъ для нашего отечественнаго просвѣщенія необходимымъ основательное изученіе древнихъ языковъ и учреждаетъ для этой цѣли особыя гимназіи, то, мнѣ кажется, слѣдовало бы столько же озаботиться и объ учрежденіи учебныхъ заведеній, приготовляющихъ ко вступленію въ филологическія заведенія. Высшее заведеніе, направленное къ извѣстной цѣли, не можетъ процвѣтать, безъ низшаго, учрежденнаго съ этою же цѣлію; иначе, необходимая для успѣха непрерывная связь между высшими и низшими учебными заведеніями прервется, и тѣ или другія изъ нихъ сдѣлаются отрывочными. Министерство, принявъ раздѣленіе гимназій по двумъ направленіямъ, и отдѣливъ,— какъ это и необходимо было сдѣлать;—одно отъ другаго, должно было, по моему мнѣнію, сдѣлать также одно изъ двухъ и съ приготовительными заведеніями — прогимназіями:

или раздѣлить ихъ также по двумъ, тѣмъ же направленіямъ, или же приспособить курсъ ученія въ прогимназіяхъ къ приготовленію въ гимназіи реальныя и къ приготовленію въ гимназія филологическія; иначе послѣднія, какъ я уже сказалъ, останутся безъ фундамента. Есть и еще одинъ, по моему убѣжденію, еще болѣе важный недостатокъ въ основной мысли всѣхъ учебныхъ учрежденій проекта. Въ системѣ учебныхъ заведеній необходимо достиженіе двухъ цѣлей: во-первыхъ, необходимо, чтобы всѣ они, начиная отъ элементарной школы и до университета имѣли непрерывную связь между собою, чтобы одно учебное заведеніе служило основаніемъ или фундаментомъ другому; во-вторыхъ, не менѣе необходимо и то, чтобы каждое изъ учебныхъ заведеній, открывая собою входъ въ другое,—высшее, доставляло бы вмѣстѣ съ тѣмъ учащимся и выходъ въ жизнь, на одно изъ ея поприщъ. Система, недостигающая этихъ двухъ цѣлей, недостаточна и недостатки ея неминуемо обнаружатся, рано-ли или поздно. Если все это правда, то спрашивается: какой выходъ въ жизнь доставитъ учащимся прогимназіи проектъ? Ровно никакого: потому что правомъ на занятіе должности учителя народныхъ училищъ, предоставляемымъ кончившимъ курсъ въ прогимназіяхъ (ст. 173.—2), конечно, никто не воспользуется, не достигнувъ 19-лѣтняго возраста, а такихъ, вѣроятно, будетъ очень не много. Въ этомъ отношеніи нынѣшнія уѣздныя училища даже относительно цѣлесообразнѣе; изъ нихъ выходятъ, по крайней мѣрѣ,—конечно, не въ пользу просвѣщенія,—канцелярскіе служители. Не лучше ли было бы и не болѣе ли бы соотвѣтствовало изложенной мною двойной цѣли учебныхъ заведеній рѣзкое раздѣленіе и прогимназій на два рода, принимаемое проектомъ только для однѣхъ гимназій? Прогимназіи классическія могли бы быть учреждены при гимназіяхъ филологическихъ, составляя съ ними одно непрерывное цѣлое; а прогимназіи реальныя могли бы быть учреждены и при гимназіяхъ реальныхъ и отдѣльно отъ нихъ. Эти реальныя прогимназіи могли бы впослѣдствіи, при большемъ развитіи образованности въ среднихъ классахъ народа, послужить основаніемъ различнаго рода техническихъ школъ низшаго разряда, а гимназіи реальныя могли бы со временемъ превратиться въ политехническія школы; и тѣ, и другія доставили бы учащимся выходъ на практическое поприще жизни; прогимназіи же и гимназіи классическія готовили бы учащихся преимущественно ко вступленію въ университетъ; между тѣмъ можно бы было сдѣлать возможнымъ и переходъ изъ прогимназій реальныхъ въ классическія для тѣхъ, у которыхъ съ лѣтами открылось бы желаніе поступить на ученое поприще.

4. Гимназіи. Проектъ министерства, раздѣливъ гимназіи на 2 разряда (реальныя и филологическія), не провелъ вполнѣ этого раздѣленія: между предметами ученія въ реальныхъ гимназіяхъ онъ оставилъ Латинскій языкъ (въ извѣстномъ объемѣ, 18 часовъ въ недѣлю), очевидно, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность учащимся къ поступленію въ университетъ. Конечно, можно предполагать и другую цѣль,—объ ней и упоминается въ проектѣ на стр. 44 ст. 207, это «развитіе мысли и упражненіе ума въ послѣдовательномъ мышленіи, посредствомъ грамматическаго изученія формъ древнихъ языковъ, отличающихся полнотою и разнообразіемъ»; —но можно ли этого достигнуть, изучая одинъ только Латинскій языкъ безъ Греческаго (въ реальныхъ гимназіяхъ) и при томъ только 4 года, начавъ это изученіе въ 13-лѣтнемъ возрастѣ? Вотъ вопросъ, который я не берусь рѣшить, не имѣя для того никакихъ примѣровъ подъ рукою. Если мнѣ укажутъ на Германскія и Англійскія системы, которыя дѣйствительно достигаютъ этой цѣли, посредствомъ основательнаго изученія древнихъ языковъ; то я отвѣчу, что въ Германскихъ и въ нашихъ Остзейскихъ школахъ изучаются и Греческій и Латинскій языки не такъ, какъ это предлагаетъ сдѣлать проектъ; тамъ начинаютъ учиться обоимъ

языкамъ, вмѣстѣ съ отечественнымъ, съ самаго ранняго возраста, и дѣйствительно доводятъ учащихся до того, что они по окончаніи гимназическаго курса въ состояніи бываютъ читать и прозаиковъ, и поэтовъ, усвоять вполнѣ разнообразіе и полноту грамматическихъ формъ древнихъ языковъ, сравнивая ихъ съ формами отечественнаго и другихъ новѣйшихъ языковъ. Полагать же, какъ это дѣлаетъ проектъ, чтобы можно было въ самомъ дѣлѣ читать (въ 4 года), послѣ 4-годоваго курса, свободно прозаическія сочиненія древнихъ классиковъ, а съ приготовленіемъ и—поэтическія (стр. 44, ст. 207), значитъ, мнѣ кажется, или слишкомъ многаго требовать отъ опытности и таланта наставниковъ, или слишкомъ большія полагать надежды на способности, охоту и прилежаніе учениковъ. Съ введеніемъ раздѣленія гимназій на классическія и реальныя наши учители древнихъ языковъ останутся покуда тѣ же, то есть, не получившіе большею частію нигдѣ основательнаго филологическаго образованія,—имъ его негдѣ было взять въ теченіе послѣдняго 20-лѣтія, конечно, за исключеніемъ немногихъ; ученики же останутся тоже тѣ же самые, то есть приносящіе изъ дому въ школы понятіе, что древніе языки вообще мало нужны, и потому занимающіеся ими неохотно. Можно ли же, при этихъ условіяхъ, ожидать, чтобы въ теченіе 4-годичнаго курса въ новоорганизированныхъ гимназіяхъ произошла такая счастливая перемѣна и ученики достигли бы также знанія древнихъ языковъ, которое предписывается проектомъ. Я это говорю, основываясь на опытѣ; я видѣлъ, какъ учатся древнимъ языкахъ въ нашихъ Балтійскихъ провинціяхъ, и какъ у насъ; при воспитаніи моихъ собственныхъ дѣтей я обращалъ преимущественно вниманіе на изученіе этого предмета, дѣти мои учились древнимъ языкамъ безъ обыкновеннаго у насъ предубѣжденія, а напротивъ съ охотою,—они не тупы, и все-таки въ теченіе 8 лѣтъ, занимаясь съ дѣльными учителями и ежедневно 2 часа, они только-что понимаютъ древнихъ классиковъ (прозаиковъ и поэтовъ) и только-что научились сравнивать полноту и разнообразіе грамматическихъ формъ древнихъ языковъ съ формами отечественнаго и новыхъ языковъ, и то, конечно, еще весьма не совершенно. И такъ, мнѣ кажется, если нужно раздѣлить рѣзко два направленія ученія, —а это дѣйствительно необходимо, если желаемъ видѣть настоящіе результаты каждаго изъ нихъ,—то уже нужно это сдѣлать вполнѣ, а не вполовину, должно сначала рѣшить безпристрастно и безъ всякаго предубѣжденія: необходимо ли для желающихъ вступить въ университетъ или для университетскаго ученія знаніе древнихъ языковъ или нѣтъ; можно въ этомъ сомнѣваться и колебаться, но, наконецъ, необходимо на чемъ-нибудь одномъ остановиться. Если да, то тогда нужно сказать: никто не можетъ вступить въ университетъ, или, справедливѣе, никто не можетъ кончить курса въ университетѣ (вступать въ университетъ можетъ всякій), не зная основательно древнихъ языковъ и всего того, что считается главнымъ основаніемъ филологическаго нанаправленія ученія: тогда и учебныя заведенія, приготовляющія къ университету, должны быть вполнѣ и совершенно приспособлены къ этой цѣли; филологическое направленіе въ нихъ должно господствовать и преобладать,—сверхъ того, въ нихъ также основательно должна быть изучаема и математика, какъ наука необходимая столько же, сколько и древніе языки, для полнаго и всесторонняго развитія мыслительной способности учащихся. Если нѣтъ, то пусть вступаютъ въ университетъ и получившіе классическое и получившіе одно чисто-реальное образованіе, и тогда для чего вводить въ реальныя гимназіи изученіе,—и то поверхностное,—одного Латинскаго языка, развѣ только для того, чтобы послѣ понимать терминологію нѣкоторыхъ наукъ; да и та, чтобы ее понимать, требуетъ еще болѣе знанія Греческаго языка. Не лучше ли тогда будетъ замѣнить время, употребленное на изученіе Латинскаго языка (18 часовъ въ недѣлю), изученіемъ другаго

предмета, болѣе необходимаго для практической жизни; не лучше ли быть односторонне, но основательно образованнымъ, нежели получить многостороннее, но отрывочное, и потому поверхностное образованіе, результаты котораго мы, кажется, уже довольно видѣли и похвалиться ими не можемъ. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, гимназіи, по моему мнѣнію, наименѣе приспособляются къ выходу учащихся прямо въ жизнь; образованіе въ гимназіяхъ, будутъ ли онѣ реальныя или классическія, не можетъ быть въ такой степени законченнымъ, чтобы учащіеся, окончивъ курсъ, могли выступить съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній прямо на практическое поприще жизни; учащіеся, вышедшіе изъ классическихъ гимназій, не будутъ достаточно учеными, а вышедшіе изъ реальныхъ не въ состояніи сдѣлаться тотчасъ же дѣльными практическими спеціалистами. И тѣ и другіе должны еще докончить ихъ образованіе въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи; для тѣхъ и другихъ, конечно, можно сдѣлать университетъ мѣстомъ окончательнаго образованія; этого, кажется, и желаетъ достигнуть проектъ министерства. Но университеты, такъ какъ они теперь организированы, могутъ быть мѣстомъ окончательнаго образованія только для тѣхъ учащихся, которые воспитывались въ классическихъ гимназіяхъ; можно сдѣлаться дѣйствительно ученымъ, если кто имѣетъ къ тому охоту и способности, окончивъ курсъ въ классической гимназіи и въ университетѣ; оба эти заведенія могутъ доставить къ тому достаточно средствъ. Другое дѣло—отношеніе университетовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, къ реальнымъ гимназіямъ. Въ настоящее время университеты наши не представляютъ никакой возможности къ образованію дѣльныхъ практиковъ-спеціалистовъ; они не представляютъ никакихъ средствъ къ окончанію практическаго образованія ни врачей, ни химиковъ, ни механиковъ, ни агрономовъ, и никакихъ другихъ техниковъ; да и въ будущемъ нельзя предвидѣть, чтобы это когда-нибудь осуществилось; это, впрочемъ, и не можетъ быть цѣлію университетскаго образованія, принимая университетъ въ томъ значеніи, которое ему дано въ Германіи, а по примѣру Германіи и у насъ. Всѣ наши высшія техническія учебныя заведенія не въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія и не въ рукахъ одного вѣдомства, а многихъ. И такъ, какъ ни справедлива, и какъ ни очевидна мысль министерства о раздѣленіи ученій по двумъ направленіямъ (я принадлежу къ самымъ ревностнымъ ея защитникамъ); но нельзя не согласиться, что реальныя гимназіи министерства оказываются учрежденіями, такъ сказать, отрывочными и безсвязными: образованіе въ нихъ не приспособлено къ университету, потому что въ нашихъ университетахъ, какъ я уже сказалъ, нельзя докончить реальнаго образованія и оно до сихъ поръ никогда не было цѣлію университетовъ; реальныя гимназіи останутся безъ связи и съ высшими учебными учрежденіями этого рода другихъ вѣдомствъ: потому что эти учрежденія или сами приготовляютъ для себя своихъ учащихся, или же требуютъ отъ вступающихъ однѣхъ общихъ элементарныхъ свѣдѣній. Поэтому, вводя въ систему нашего отечественнаго образованія реальныя гимназіи, необходимо слѣдуетъ учредить для окончанія получаемаго въ нихъ образованія и высшія реальныя учебныя заведенія, вполнѣ приспособленныя къ этимъ гимназіямъ и направленныя къ той же цѣли (политехническія школы); а классическія гимназіи оставить однѣ въ неразрывной связи съ университетами, не препятствуя, впрочемъ, ко вступленію въ университетъ и получившимъ образованіе въ реальныхъ заведеніяхъ, а требуя только отъ окончившихъ курсъ въ университетѣ доказательствъ полнаго гимназическаго классическаго образованія. Иначе, что будетъ съ учениками, окончившими курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ? Представимъ себѣ, напримѣръ, желающаго посвятить себя одной изъ отраслей математическихъ наукъ. Онъ, окончивъ курсъ въ реальной гимназіи, поступаетъ въ университетъ; тамъ онъ, положимъ,

можетъ еще сдѣлаться, при извѣстныхъ условіяхъ, ученымъ, профессоромъ математики или учителемъ гимназіи,—но и только; техникомъ онъ не выйдетъ изъ университета; куда же ему обратиться, если онъ, окончивъ курсъ въ этой гимназіи, пожелаетъ сдѣлаться техникомъ? Ему уже 17 л. (потому что онъ вступилъ въ гимназію 13 л. и пробылъ въ ней 4 г.); не начинать же ему образованіе въ какомъ-нибудь технич. учеб. заведеніи другаго вѣдомства, съ низшаго класса; а гдѣ у насъ такія высшія реальныя заведенія, въ которыхъ бы могли образоваться молодые люди въ 17 лѣтъ, а если они и существуютъ, то ихъ очень не много и требованія ихъ отъ вступающихъ не приспособлены къ окончившимъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ молодыхъ людей будетъ вступать въ университеты; но вотъ тутъ-то и бѣда; не имѣя никакого желанія сдѣлаться учеными, профессорами, учителями, а, отыскивая въ университетѣ только такого образованія, которое впослѣдствіи доставило бы имъ кусокъ хлѣба или нѣкоторыя выгоды, они скоро убѣдятся, что настоящее университетское образованіе имъ не по силамъ и даетъ имъ не то, чего они требуютъ; слѣдствіемъ этого будетъ нѣкотораго рода разочарованіе или желаніе окончить какъ-нибудь университетскій курсъ и спустить съ рукъ кое-какъ экзаменъ; праздность и праздношатательство невольно овладѣваетъ въ университетѣ этою молодежью, стремящеюся совсѣмъ не туда, куда долженъ стремиться каждый, получающій настоящее университетское образованіе; профессора университетовъ,—и именно самые дѣльные изъ нихъ,—ставятся этою молодежью также въ трудное положеніе, потому что аудиторіи ихъ составляются изъ слушателей, ищущихъ совсѣмъ не того, что тѣ желали бы сообщить имъ. И теперь, когда еще реальныя гимназіи не существуютъ, и тогда, когда онѣ будутъ существовать, я вижу главную причину безпорядковъ въ нашихъ университетахъ именно въ томъ, что большая часть молодыхъ людей, по ихъ предварительному образованію,—и главное,—по ихъ влеченіямъ, должны бы были докапчивать свое образованіе не въ университетахъ, а въ другихъ болѣе реальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; тамъ бы они нашли болѣе пищи, болѣе средствъ для осуществленія ихъ стремленій и оставались бы менѣе праздными, а, слѣдовательно, и менѣе склонными къ причиненію безпорядковъ, слѣдствія которыхъ падаютъ на университеты, которые тѣмъ только и виноваты, что не могутъ быть никогда приспособлены вполнѣ къ удовлетворенію чисто-практическихъ цѣлей. Если въ наше время мы замѣчаемъ, что приливъ учащихся въ университеты съ каждымъ годомъ увеличивается все болѣе и болѣе, то это не значитъ, что большая часть вступающихъ дѣйствительно ищетъ настоящаго университетскаго образованія,—до этого мы еще не дошли (что доказываетъ и трудность, увеличивающаяся также съ каждымъ годомъ, замѣщать въ провинціальныхъ университетахъ вакантныя каѳедры),—а только то, что большая масса вступающихъ ищетъ вообще, посредствомъ университета, какого-либо выхода въ практическую жизнь, которая, къ нашему утѣшенію, также все болѣе и болѣе заявляетъ притязанія на образованіе. При оказавшемся уже стремленіи этого рода, справедливость требуетъ удовлетворить его, и чѣмъ же? если не учрежденіемъ высшихъ реальныхъ учебныхъ заведеній, которыя бы составили истинное чистилище университетовъ и послужили бы къ сохраненію университетскаго ученія въ первобытной его чистотѣ. Только съ учрежденіемъ такихъ заведеній,—и только при этомъ условіи,—можно ожидать благихъ результатовъ и отъ учрежденія реальныхъ гимназій, которыя иначе, какъ я уже сказалъ, останутся заведеніями отрывочными и безсвязными; а молодые люди, воспитывающіеся въ нихъ, останутся безпріютными и будутъ наводнять наши университеты, какъ и теперь, отыскивая въ нихъ не того, чего бы найти хотѣлось.

5. Касательно обязанностей директора и педагогическаго совѣта гимназій я долженъ замѣтить, что въ проектѣ не ясно выражено, долженъ-ли директоръ исполнять постановленія педагогическаго совѣта, или же ему дается право и измѣнять, а слѣдовательно и не исполнять этихъ постановленій. Мнѣ кажется, послѣднее было бы несправедливо и вредно. Директору можно бы было предоставить право аппеляціи противъ постановленій совѣта у высшаго начальства; но онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ самовольно измѣнять ихъ. Это необходимо, мнѣ кажется, выразить ясно и точно. То же должно сказать и о правѣ, которое дается проектомъ директору избирать учителей (ст. 190 а, стр. 39). Проектъ, правда, добавляетъ, что «о причинахъ такого избранія директоръ заявляетъ совѣту и мнѣніе его прилагаетъ къ своему представленію» (стр. 40); но, мнѣ кажется, было бы справедливѣе предоставить это право совѣту, а директору предоставить при представленіи заключенія совѣта прилагать свое мнѣніе. Это право тѣмъ болѣе могло бы быть дано совѣту, что проектъ даетъ ему еще большее право (которое, впрочемъ, не выражено въ ст. 200, гдѣ говорится объ обязанностяхъ педагогическаго совѣта, а ниже въ ст. 201)—избраніе въ званіе заслуженныхъ учителей и въ члены губернскаго училищнаго комитета (ст. 200.7).

6. Пансіоны при гимназіяхъ. Какъ въ проектѣ не опредѣляется возрастъ воспитанниковъ, имѣющихъ право на поступленіе въ пансіоны, то изъ этого я заключаю, что пансіонерами будутъ по прежнему ученики различнаго возраста отъ 13 до 17 лѣтъ. Имѣя это въ виду, я не могу удержаться, чтобы не выразить того же мнѣнія, которое я уже заявлялъ и прежде нѣсколько разъ, а именно: ни что, по моему убѣжденію, не дѣйствуетъ столь вредно на воспитаніе въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ, какъ то, что въ нихъ живутъ вмѣстѣ и дѣти 13 лѣтъ и молодые люди въ 17 лѣтъ. Это корень многихъ золъ, во-первыхъ уже потому, что тѣ и другія не могутъ быть подвергнуты одной и той же дисциплинѣ, и какъ бы ни старались помѣщенія тѣхъ и другихъ отдѣлять стѣнами и перегородками, они всегда найдутъ случаи къ взаимному сообщенію; множество физическихъ и нравственныхъ пороковъ, мало извѣстныхъ въ домашнемъ быту, развивается вслѣдствіе этого сообщенія. Что бы мы ни предприняли, при настоящемъ состояніи нашего общества, намъ не удастся провести воспитаніе сообразно строгимъ началамъ нравственности и педагогики въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ; воспитателей (въ которыхъ проектъ переименовываетъ бывшихъ надзирателей) мы не найдемъ и министерство беретъ на себя, по моему мнѣнію, учрежденіемъ закрытыхъ заведеній, трудную и неисполнимую въ настоящее время отвѣтственность, по крайней мѣрѣ, въ провинціяхъ. Немногіе изъ родителей, отдавая своихъ дѣтей въ пансіоны при гимназіяхъ, думаютъ о ихъ настоящемъ воспитаніи; большая часть хочетъ только пріютить своихъ дѣтей или сбыть ихъ съ рукъ, слагая съ себя отвѣтственность предъ судомъ собственной совѣсти, и министерство, учреждая закрытыя заведенія при учебныхъ учрежденіяхъ, даетъ только поводъ родителямъ сложить съ себя эту прямую и натуральную отвѣтственность.

Къ нововведеніямъ, предлагаемымъ проектомъ заслуживаютъ, по моему мнѣнію, полнаго одобренія: 1) освобожденіе директора гимназій отъ всѣхъ постороннихъ обязанностей, возлагаемыхъ на него теперь по уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ; 2) уничтоженіе инспекторства въ тѣхъ гимназіяхъ, при которыхъ не будутъ открыты пансіоны; 3) учрежденіе особаго губернскаго училищнаго совѣта, которое современемъ можетъ принести большую пользу для нашего просвѣщенія. Желательно бы было, чтобы къ обязанностямъ этого совѣта относилось еще сзываніе учительскихъ съѣздовъ для обсужденія различныхъ педагогическихъ вопросовъ и обмѣна мыслей, касающихся до предметовъ ученія и воспитанія; 4) организація воскресныхъ школъ; 5) уничто-

женіе уѣздныхъ училищъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, то-есть не принося никакой существенной пользы ни обществу, ни отечественному просвѣщенію. Въ какой мѣрѣ удастся министерству замѣнить эти училища гимназіями и будетъ-ли это такъ успѣшно, какъ нужно бы этого желать, — это другой вопросъ. Мой взглядъ на прогимназіи тѣмъ отличается отъ взгляда министерства, что я желалъ бы допустить первое начало раздѣленія двухъ направленій ученій (классическаго и реальнаго), начиная съ самыхъ прогимназій и проводя его все болѣе и болѣе чрезъ гимназіи и высшія учебныя заведенія. Допустивъ это, мнѣ кажется, также необходимымъ допустить и большую степень законченности ученія въ реальныхъ прогимназіяхъ; тогда онѣ могли бы сдѣлаться заведеніями, приготовляющими къ поступленію въ гимназіи и къ выходу прямо въ различныя практическія поприща жизни. Въ этомъ случаѣ реальныя прогимназіи могли бы быть соединены съ различными техническими и ремесленными училищами. При организаціи же прогимназій, предлагаемой проектомъ министерства, я не вижу никакой возможности для дѣтей бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ средствъ къ дальнѣйшему ихъ воспитанію, выдти скорѣе въ жизнь и быть полезными обществу и себѣ. Единственный выходъ изъ этихъ училищъ въ учителя народныхъ школъ, открываемый проектомъ, очень узокъ: имъ воспользуются, на первое время по крайней мѣрѣ, весьма немногіе; тогда какъ, принявъ мое предложеніе, можно было бы доставить обществу много полезныхъ, хотя и не далеко образованныхъ, техниковъ; успѣхъ, конечно, зависѣлъ бы отъ искусства, съ которымъ должна быть приспособлена связь прогимназій съ техническими учрежденіями различнаго рода. Еще полезнѣе бы, мнѣ казалось, проводить эту мысль о соединеніи школъ съ ремесленными и техническими заведеніями, начиная еще ранѣе, съ самыхъ народныхъ училищъ, открывая чрезъ то и учащимся въ этихъ заведеніяхъ (обыкновенно еще менѣе достаточнымъ) возможность выступать съ пользою въ практическую жизнь. Министерство имѣло это уже отчасти въ виду, приспособляя время ученія къ занятіямъ общества (стр. 8, ст. 24 и 25); но, вѣроятно, стѣсняясь недостаткомъ нашихъ средствъ въ настоящее время, ничего не упомянуло о прямой связи народныхъ школъ съ ремесленными; между тѣмъ, мнѣ кажется, стоило бы заняться точнѣе этимъ важнымъ предметомъ, и употребить всѣ усилія къ соединенію грамотности съ практическими занятіями, столь необходимому въ воспитаніи дѣтей низшихъ и бѣдныхъ классовъ народонаселенія, для которыхъ преимущественно и назначаются народныя школы. Это, конечно, не прямая обязанность министерства народнаго просвѣщенія, имѣющаго въ виду просвѣщеніе въ самостоятельномъ значеніи этого слова; но тѣмъ не менѣе отъ счастливаго рѣшенія этого вопроса зависитъ вся будущность нашихъ низшихъ, а отчасти и среднихъ учебныхъ заведеній. Желательно бы было тоже видѣть въ проектѣ обученіе въ низшихъ заведеніяхъ болѣе обязательнымъ для простого народа; хотя обязательность и нельзя отнести къ мѣрамъ современнымъ, но едва-ли у насъ можно безъ нея обойтись, если мы желаемъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, въ томъ размѣрѣ, въ которомъ необходимость его ощущается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, при начавшейся эманципаціи крѣпостного сословія.

По окончаніи моей записки, мнѣ пришло на мысль сдѣлать предложеніе о приспособленіи прогимназій къ обоимъ родамъ гимназій. Мнѣ кажется, что достаточно бы было составить прогимназіи изъ двухъ классовъ (или много изъ трехъ); предметами ученія въ этихъ классахъ могли бы быть: законъ Божій, отечественный языкъ, географія, исторія въ біографическихъ очеркахъ, новѣйшіе языки и математика (ариѳметика и начало алгебры или геометріи). Ученики, окончившіе двухгодичный курсъ въ прогимназіяхъ, могли бы поступить въ классическую или реальную гимназію, изъ которыхъ въ каж-

дой курсъ послѣдняго класса (4-го) долженъ бы быть также двухгодичный. Тогда бы открылась, по крайней мѣрѣ, возможность вступившимъ въ филологическую гимназію въ 11-ти лѣтнемъ возрастѣ и пробывшимъ въ ней 5 лѣтъ (по 1-му году въ трехъ первыхъ классахъ и 2 года въ послѣднемъ) нѣсколько основательнѣе изучить древніе языки, тогда какъ это трудно или не возможно достигнуть въ филологическихъ гимназіяхъ проекта, поступивъ въ нихъ въ 13 лѣтъ и обучаясь только 4 года. Не могу при этомъ замѣчаніи не повторить еще разъ моего убѣжденія, что при предлагаемой проектомъ системѣ школъ, филологическія гимназіи останутся пустыми; большая часть учащихся будетъ стремиться поступить въ университеты изъ реальныхъ гимназій и чрезъ то ни филологическое, ни реальное направленіе ученія, не проведенныя послѣдовательно и совершенно, не доставятъ основательно приготовленныхъ людей къ высшему образованію въ классическихъ или реальныхъ предметахъ ученія.

О воскресныхъ школахъ.[39]

Прочитавъ записку: «Воскресныя школы въ Россіи», я не могу удержаться, чтобы не высказать мнѣнія о предметѣ мнѣ знакомомъ не по слухамъ, а занимавшемъ меня въ теченіе двухъ лѣтъ.

Первая русская воскресная школа открыта была мною, въ Кіевѣ, при подольскомъ училищѣ, въ 1859 году (въ остзейскихъ провинціяхъ, какъ извѣстно, нѣмецкія воскресныя школы существуютъ уже давно). Итакъ, еслибы навѣтъ на происхожденіе воскресныхъ школъ былъ справедливъ, то слѣдовало бы, что я былъ и первымъ виновникомъ учрежденія пропаганды либеральныхъ, или, скорѣе (по смыслу навѣта), преступныхъ идей «въ осязательной формѣ». Конечно, къ извиненію моему могло бы послужить то, что я былъ виноватъ неумышленно. Но и такое извиненіе, ни для меня, ни для самого дѣла, вовсе не утѣшительно.

Что основная идея воскресныхъ школъ, какъ и всякая новая мысль, *можетъ* казаться подозрительною, противъ этого спорить нельзя. Что учредители и учители воскресныхъ школъ *могли* имѣть свои заднія мысли, это также неоспоримо. Но неоспоримо и то, что одна *возможность* не даетъ еще нравственнаго права уничтожать кажущееся подозрительнымъ. Противникамъ школъ нужно было доказать *фактически*, что въ основаніи ихъ легла политическая пропаганда, и начало ея, конечно, нужно было имъ отыскивать въ Кіевѣ. Они это и сдѣлали, указавъ на подозрительное ихъ происхожденіе въ этой мѣстности. Но я знаю, также не менѣе другихъ, о происхожденіи воскресныхъ школъ, и знаю тѣ личности, которымъ школы обязаны своимъ учрежденіемъ. Дѣйствительно, зная ихъ хорошо, я долженъ былъ заподозрить основную идею въ эксцентричности. За учрежденіе воскресныхъ школъ принялись первые —малороссы, ревностные поклонники Кулиша и Шевченки, лучшіе изъ учениковъ проф. Павлова,—этого, конечно, уже было довольно, чтобы считать все задуманное и предпринимаемое ими эксцентричнымъ. Но я разсчитывалъ съ одной стороны, что предпріятія подобнаго рода,—лишь бы они не были положительно злы и безнравственны,—выступая на жизненное поприще и безпрестанно сталкиваясь съ грубою непроницаемостью факта, дѣлаются постепенно изъ центробѣжныхъ центростремительными; а

съ другой стороны, я положительно былъ убѣжденъ, что осуществленіе идеи воскресныхъ школъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ жизненной потребности края. Для меня было весьма знаменательно, что въ учители предлагали себя одни только истые малороссы и ни одинъ полякъ; я надѣялся, что самымъ вѣрнымъ и самымъ нравственнымъ средствомъ противъ польской пропаганды (о существованіи которой въ краѣ никто не сомнѣвается) послужитъ пропаганда русско-малороссійская. Въ 1859 г. попечители только-что получили право открывать, не испрашивая разрѣшенія высшей инстанціи, частныя школы, и потому когда учредители, студенты кіевскаго университета, испросили у меня дозволеніе открыть подольскую воскресную школу (на Подолѣ, въ дворянскомъ училищѣ); то я, разсматривая ее какъ частное предпріятіе, воспользовался даннымъ правомъ и, подчинивъ ее извѣстнымъ условіямъ, тотчасъ же дозволилъ открытіе. Условія же эти заключались въ томъ, что для преподаванія Закона Божія учредители обязывались пригласить священника, школа должна была сдѣлаться открытою для всѣхъ посѣтителей, а надзоръ за порядкомъ, направленіемъ и ходомъ ученія былъ порученъ штатному смотрителю и инспектору казенныхъ училищъ; сверхъ того, учредители подчинялись одному изъ профессороввъ; на первыхъ порахъ взялся за это дѣло г. Павловъ, который оставался послѣ того не болѣе одного мѣсяца (или около 6 недѣль) и уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Я самъ, помощникъ попечителя и многіе посторонніе посѣтители различныхъ сословій и вѣдомствъ, бывали почти каждое воскресенье, во время ученія, въ школѣ. Итакъ, первая воскресная школа и началась, и развилась на моихъ глазахъ. Съ перваго же раза въ ней оказались такія отрадныя педагогическія явленія, которыя предсказывали ей несомнѣнную будущность. Учители,—почти на отборъ лучшіе изъ малороссовъ и по способностямъ, и по нравственности,—принялись учить грамотѣ, письму и счетности съ неожиданнымъ педагогическимъ тактомъ, обратили вниманіе на всѣ новые способы ученія, занялись ими и успѣвали сверхъ всякаго ожиданія. Училище скоро переполнилось учениками. Его начали посѣщать и ученики уѣзднаго и приходскаго училищъ. Различіе между воскресною и казенными школами (такъ называютъ по-просту уѣздныя и приходскія), и въ пріемахъ, и въ способахъ ученія, и въ обхожденіи учителей съ учениками, было разительное. Во всемъ этомъ не трудно было убѣдиться каждому изъ посѣтителей; а входъ, какъ я уже сказалъ, былъ открытъ для всѣхъ. Вскорѣ огромное число желающихъ учиться въ воскресной школѣ заставило учредителей открыть новыя, на тѣхъ же основаніяхъ. Надобно было въ то время сдѣлаться отчаяннымъ пессимистомъ, чтобы заподозрить въ учредителяхъ преступные замыслы, не радоваться и не желать всякаго успѣха предпріятію. Хозяева мастеровыхъ не могли удерживать своихъ учениковъ и подмастерій, а господа—своихъ дворовыхъ, которые вдругъ захотѣли учиться. Не замедлило развиться и соревнованіе между учредителями различныхъ школъ, которое нерѣдко переходило и въ открытую непріязнь. Но, несмотря ни на разнохарактерность учащихъ и учащихся, ни на полную открытость школъ и надзоръ со стороны и учебнаго, и гражданскаго (секретный) вѣдомства, во время моего попечительства, не было ни однажды открыто въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ ничего такого, что могло бы хотя издалека намекнуть о существованіи въ нихъ политической пропаганды, преступной или вредной для государства. Это, однако-же, не спасло отъ нареканій. Уже и тогда слышались въ извѣстныхъ кружкахъ общества отзывы, въ которыхъ просвѣчивало подозрѣніе и сомнѣніе о чистотѣ намѣреній учредителей школъ. И что всего замѣчательнѣе,—мнѣ приходилось слышать такіе отзывы всего чаще отъ польскихъ уроженцевъ западнаго края. Зная тенденціи и учредителей и лицъ, выражавшихъ болѣе или менѣе ясно свои подозрѣнія, я нисколько не удив-

лялся. Въ моихъ глазахъ невыгодные слухи о школахъ, распространявшіеся польскимъ обществомъ, скорѣе доказывали, что школы дѣйствительно достигаютъ своей цѣли. Но, однажды, подозрѣніе было навлечено съ другой, противоположной, стороны «въ формѣ болѣе осязательной», особою очень вліятельною, которая при посѣщенія школъ нашла худымъ, что учители разъясняютъ дѣтямъ низкаго сословія отечеств. исторію.

Это показаніе пошло по инстанціямъ, заставило еще болѣе усилить оффиціальный надзоръ и повлекло за собою министерское распоряженіе объ ограниченіи преподаванія въ воскресныхъ школахъ исключительно одною грамотностью. Причиною тревоги было, однако-же, и тутъ только одно недоразумѣніе. Исторіи въ кіевскихъ воскресныхъ школахъ, кромѣ священной, никто и никогда не училъ, а ученики, упражняясь въ чтеніи, читали иногда и историческіе отрывки, въ которыхъ, по заведенному для всякаго чтенія порядку, все непонятное должно было разъясняться учителемъ. Кто знаетъ, какъ велики неразвитость и непониманіе великорусскаго языка въ нашихъ классахъ малороссійскаго народонаселенія, тотъ, вѣрно, согласится, что безъ объяснительнаго чтенія кіевскія воскресныя школы распространяли бы въ народѣ не грамотность, а механическое заучиваніе звуковъ и словъ. Вліятельное лицо, присутствуя, однажды, при такомъ разъясненіи чтеній, и приняло это за преподаваніе исторіи.

Успѣхи учениковъ воскресныхъ школъ, какъ я самъ не разъ убѣждался, были, при прилежномъ способѣ ученія, изумительны. Грамота усвоивалась почти вдвое и даже втрое скорѣе, чѣмъ въ приходскихъ и другихъ училищахъ, посѣщаемыхъ ежедневно. Читая, ученики понимали всегда, что читаютъ,—явленіе, какъ извѣстно, не такъ-то часто наблюдаемое въ другихъ школахъ. То же, или почти то же, доносили мнѣ директоры и другихъ воскресныхъ школъ округа, открытыхъ въ Нѣжинѣ, Полтавѣ, Черниговѣ. Менѣе замѣтна была дѣятельность школъ на Волыни и въ Подоліи.

Чѣмъ же воскресныя школы кіевскаго учебнаго округа не оправдали оказаннаго имъ сначала довѣрія? Чѣмъ навлекли онѣ на себя подозрѣніе въ преступныхъ дѣйствіяхъ? Чѣмъ заслужили онѣ наказаніе, прекратившее ихъ существованіе? Я уже сказалъ, что нѣкоторые изъ основателей школъ были мнѣ извѣстны эксцентричностью; я объяснилъ также мой взглядъ на эту эксцентричность и то, чего я отъ нея ожидалъ; послѣдствія не обманули меня: быстрые и нежданные успѣхи я приписываю именно характеру личностей, горячо принявшихся за дѣло образованія народа. Мнѣ остается опровергнуть еще тотъ доводъ навѣта, что будто-бы **главные** учредители воскресныхъ школъ въ Кіевѣ были студенты, исключенные изъ харьковскаго университета за участіе въ какомъ-то тайномъ политическомъ обществѣ (въ 1855 году). Между первыми учредителями было, дѣйствительно, человѣка 4 или 5 бывшихъ харьковскихъ студентовъ; насколько они участвовали прежде (за 4 года) въ таїномъ обществѣ, мнѣ, конечно, такъ же неизвѣстно, какъ и о существованіи его самого; они были приняты въ кіевскій университетъ по сношенію съ попечителемъ харьковскаго университета и съ самимъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, которые не находили препятствія къ ихъ принятію, а безукоризненное поведеніе этихъ студентовъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ устраняло отъ нихъ также всякое подозрѣніе. Главное же,—эти студенты не были вовсе вліятельными дѣятелями въ школахъ*, и чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца, послѣ открытія школъ, они были вытребованы въ С.-Петербургъ (въ январѣ 1860 г.) на слѣдствіе; когда возвратились оттуда снова въ Кіевъ (кромѣ одного или двухъ,—не помню), то уже не участвовали ни въ обученіи, ни въ завѣдываніи школами. Большая же, и самая вліятельная, самая дѣятельная часть учре-

* Изъ нихъ трое евреевъ.

дителей были кіевскіе студенты, и почти всѣ—истые малороссы, оказавшіе впослѣдствіи самое энергическое противодѣйствіе безпорядкамъ польскаго элемента и письменно протестовавшіе мнѣ противъ этихъ безпорядковъ. Прокламацій, во время моего попечительства, въ воскресныхъ кіевскихъ школахъ не раздавали; запрещенныхъ книгъ не читали; библіотеки школъ,—кромѣ «Народнаго Чтенія», «Дѣтскаго» и «Божьяго Міра» и другихъ общеизвѣстныхъ книгъ,—никакихъ другихъ не содержали.

Всѣ школы, разсматриваемыя съ полицейской точки зрѣнія, представляются самымъ удобнымъ мѣстомъ для распространенія всевозможныхъ пропагандъ, и потому легко навлекаютъ на себя подозрѣніе. Но можетъ ли и должна ли быть эта точка зрѣнія исходною тамъ, гдѣ невѣжество массъ представляется также самымъ удобнымъ условіемъ для распространенія самыхъ нелѣпыхъ пропагандъ? А имѣя это въ виду, нельзя не сознаться, что воскресныя школы въ Россіи имѣютъ другое—и несравненно болѣе важное—значеніе, чѣмъ на Западѣ. На Западѣ, и именно въ Германіи, онѣ составляютъ предметъ роскоши, у насъ—необходимости. У насъ воскресныя школы важны не столько потому, что распространяютъ грамотность путемъ самымъ надежнымъ,—то-есть путемъ частной инціативы и благотворительности,—сколько тѣмъ, что заохочиваютъ къ ученію ремесленный и рабочій классы народа, отвлекая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ праздности и разгула. Ученики, посѣтивъ нѣсколько разъ школу въ праздничные дни, занявшись въ ней часа 2 или 3 безъ всякаго принужденія, подъ руководствомъ наставниковъ, учившихъ также по одной охотѣ,—ставились, конечно, въ такія условія, которыя могли легко возбудить въ нихъ желаніе учиться и продолжать ученіе. Это подтверждалъ не разъ опытъ. Я это наблюдалъ даже и надъ крестьянскими дѣтьми въ моемъ имѣніи (подольской губерніи). Занявшись нѣсколько по праздникамъ у меня на дому, они получали охоту къ ученію и начинали посѣщать прилежнѣе и сельскую школу,—изъ которой, правда, выносили немногое.—А въ нашихъ западныхъ провинціяхъ воскресныя школы, очевидно, могли бы служить сильною нравственною поддержкою русскаго и малороссійскаго элементовъ, противодѣйствуя открыто и явной, и тайной польской пропагандѣ. Въ этомъ меня также убѣдилъ опытъ, хотя и кратковременный. — Оставалось бы только найти гарантію противъ ложнаго или вреднаго направленія. Но можно ли ее было найти иначе, какъ путемъ опыта? Развѣ злоупотребленіе можно уничтожить иначе какъ употребленіемъ? И гарантія, и средства противъ злоупотребленій непремѣнно нашлись бы при трезвомъ и безпристрастномъ взглядѣ на значеніе и дѣятельность воскресныхъ школъ; тогда правила контроля составились и ввелись бы не регламентаціей, a priori,—къ которой по-неволѣ прибѣгаютъ, когда предъ глазами стоитъ tabula rasa,—а на самомъ дѣлѣ, которымъ все осуществляется, и доброе, и злое. Надзоръ не есть исповѣдь намѣреній, а зоркое наблюденіе проявленій. Отдѣльныя же и частныя проявленія злонамѣренія—гдѣ бы они ни встрѣчались—нельзя смѣшивать съ пропагандою. Пропаганда именно тѣмъ и сильна, что она никогда не дѣйствуетъ отдѣльно и отрывочно. Обаятельное дѣйствіе на умы и способность распространяться каждой пропаганды зависятъ отъ того, что въ основаніи ея всегда лежитъ болѣе или менѣе систематизированная доктрина, какъ бы она ни была безсмысленна и нелѣпа. Но кто же можетъ теперь утверждать, положа руку на сердце, чтобы основаніемъ воскресныхъ школъ служила какая-нибудь систематически проводимая доктрина? Или скажутъ, что она еще не успѣла выработаться, а потому не успѣла и проявиться? Но одно уже то, что за ученіе въ воскресныхъ школахъ принялось быстро и открыто столько людей, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, и, очевидно, по разнымъ причинамъ: кто по добротѣ сердца, кто по модѣ и минут-

ному увлеченію,—не доказываетъ ли ясно, что тутъ ничего не было похожаго на систематическую пропаганду; а если-бы и было что-нибудь такое, то оно должно было разстроиться и неминуемо пасть само собою, отъ разнохарактерности и неурядицы. Пропагандисты, такъ нелѣпо дѣйствовавшіе, были бы лица, по правдѣ, самыя безопасныя для государства и общества.

Нельзя не удивляться, почему въ обществѣ такъ легко принимается ложный взглядъ, которымъ смотрятъ на учебныя заведенія, какъ на источники всѣхъ вредныхъ и опасныхъ доктринъ, тогда какъ всѣ такія доктрины всегда берутъ свое начало внѣ школъ и вырабатываются въ самомъ же обществѣ. Подозрѣвая и преслѣдуя изъ-за нихъ школы, постоянно забываютъ, что образовательныя учрежденія нигдѣ еще не получили гегемоніи надъ жизнью. Видя, что идеи распространяются въ обществѣ преимущественно школьнымъ образованіемъ и литературою, дѣлаютъ ложное заключеніе: проводные каналы принимаютъ за родники. Ни одна доктрина и никогда не образовалась въ самой школѣ, а входила всегда готовая и выработанная за стѣнами. Это свидѣтельствуетъ исторія. А препятствовать распространенію ложныхъ доктринъ можно только распространеніемъ другихъ, имъ противодѣйствующихъ. Если закроютъ каналы, проводящіе грязную воду, то отъ этого еще не изсякнетъ мутный источникъ; не лучше ли же провести отъ нихъ новые—къ родникамъ съ чистою струею?

Удастся ли теперь возстановить довѣріе къ воскреснымъ школамъ, когда онѣ сдѣлались такъ заподозрѣнными въ глазахъ учащихся, общества и правительства,—это вопросъ. Тѣмъ не менѣе попытка къ ихъ возстановленію есть дѣло первой необходимости для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Можно смѣло утверждать, что если удастся ихъ возстановить и упрочить, то ихъ благотворная дѣятельность не замедлитъ отразиться и на учрежденіи первоначальныхъ училищъ. Но другого пути къ ихъ открытію, кромѣ того, которымъ онѣ прежде открывались, я и теперь не вижу. Правительственными учрежденіями онѣ, безъ сомнѣнія, никогда не будутъ. О жалованьи и вознагражденіяхъ учителей и учредителей, тѣмъ или другимъ способомъ, покуда не можетъ быть также никакой рѣчи. Программою ихъ должны служить: осмысленная грамота, письменность, счетность и нѣкоторые техническіе предметы. Законъ Божій долженъ входить въ программу тамъ, гдѣ нѣтъ раскольниковъ; тамъ же, гдѣ ихъ много, нужно ограничиться изложеніемъ одной священной исторіи и для этого пригласить, вмѣсто священниковъ, семинаристовъ и учениковъ духовныхъ академій. Другой программы для простыхъ, народныхъ воскресныхъ школъ не можетъ и не должно быть. Преподаваніе другихъ наукъ, которымъ занимались въ столичныхъ воскресныхъ школахъ, было, очевидно, увлеченіемъ ложнаго самолюбія наставниковъ, которые брали на себя слишкомъ многое, не зная всей трудности дѣла. Чѣмъ ограниченнѣе и опредѣленнѣе будетъ цѣль, тѣмъ вѣрнѣе результаты. А цѣль народныхъ воскресныхъ школъ и должна состоять въ распространеніи о с м ы с л е н н о й грамотности. Научныя и техническія воскресныя школы должны быть учреждаемы только для грамотныхъ и подъ условіемъ, чтобы сами учители были сколько-нибудь уже извѣстны ихъ спеціальными свѣдѣніями. Иначе нужно будетъ ожидать только нелѣпостей, а не науки, и ученикамъ придется послѣ разучиваться, чтобы чему-нибудь дѣльному научиться. Учителями и учредителями народныхъ воскресныхъ школъ, конечно, должны быть по-прежнему всѣ желающіе. Но правительство, по контролю за школами, должно имѣть дѣло не съ учителями, а съ учредителями, которые и будутъ отвѣтственными лицами предъ закономъ. Такую отвѣтственность могутъ принять на себя, безъ сомнѣнія, только одни полноправные граждане, неукоризненной нравственности, по одному или по нѣскольку для каждой школы. На ихъ обязанности будетъ лежать: выборъ учителей съ ручатель-

ствомъ за ихъ нравственныя качества, распоряженіе учебными средствами, пожертвованными суммами и надзоръ за порядкомъ. Всѣ школы должны быть непремѣнно открытыя для всѣхъ посѣтителей, которые въ свою очередь обязываются не нарушать порядка и хода ученія. Кромѣ ручательства учредителей за направленіе школы, открытіе школъ не должно быть стѣсняемо никакою другою формальностью. Для контроля со стороны правительства оно назначаетъ особыхъ попечителей, если школы возникаютъ внѣ существующихъ учебныхъ заведеній; а надъ тѣми, которыя учреждаются при учебныхъ заведеніяхъ, контроль поручается попечителямъ учебныхъ округовъ, директорамъ и инспекторамъ учебнаго вѣдомства. Вообще, регламентація контроля a priori невозможна. Правительству нѣтъ надобности стѣснять себя, въ этомъ отношеніи, излишними формами. Оно имѣетъ неоспоримое право учреждать, измѣнять и приспособлять контроль, сообразуясь съ обстоятельствами и по указаніямъ опыта. Проводить контроль предупредительный нельзя послѣдовательно. Онъ непремѣнно перейдетъ въ мелочную подозрительность и причинитъ раздраженіе ко вреду, а не къ пользѣ. Смотря на школы съ той точки зрѣнія, что онѣ никогда не бываютъ мѣстомъ происхожденія политическихъ пропагандъ, а употребляются пропагандистами только какъ средства къ распространенію различныхъ доктринъ, нужно обратить вниманіе на способы, которыми они пользуются для своихъ цѣлей. Эти способы различны, смотря по свойству почвы, съ которою они имѣютъ дѣло. Въ народныхъ школахъ, и именно нашихъ, нечего бояться искусной замаскировки мысли, тонкихъ намековъ, софистической діалектики, увлекательнаго краснорѣчія, мистицизма и т. п. Для этого здѣсь почва еще слишкомъ груба и слишкомъ мало подготовлена для воспринятія доктрины. Здѣсь излагается то, что хотятъ довести до пониманія прямо и наглядно или же въ видѣ самаго простого и осязательнаго иносказанія. Извѣстно, что этотъ способъ есть искони единственное прибѣжище всѣхъ пропагандистовъ, имѣющихъ дѣло съ простымъ народомъ. Поэтому онъ и обнаруживается обыкновенно скоро и легко; поэтому и надзоръ не соединенъ съ большими трудностями,—лишь бы ученіе было открыто, а не замкнуто. Если въ нашихъ столичныхъ воскресныхъ школахъ и подмѣчены были иногда нелѣпыя выходки со стороны учителей, если учители и позволяли себѣ иногда толковать ученикамъ о такихъ предметахъ, которыхъ, можетъ быть, и сами хорошо не понимали, если, наконецъ, и случилось разъ или два, что неблагонамѣренные и увлеченные люди рѣшались внушать ученикамъ возмутительныя мысли, то все это легко объяснится не тѣмъ, что, будто-бы, контроль былъ очень труденъ или невозможенъ, а тѣмъ, что его не было. Дѣло, дѣйствительно, объясняется тѣмъ, что у насъ, съ непривычки, закрылись глаза отъ блеска первыхъ лучей общественнаго мнѣнія. Первымъ весьма естественнымъ слѣдствіемъ гласности и большей свободы мысли, былъ страхъ и стыдъ. Этимъ чувствамъ поддались, безъ сомнѣнія, всего скорѣе тѣ оффиціальные контролеры, которыхъ положеніе въ обществѣ было хотя нѣсколько шатко. Что же мудренаго, если они, боясь и стыдясь гласности, не имѣя никакой нравственной опоры въ своей жизни и въ своемъ характерѣ, вздумали, во что бы то ни стало, играть поддѣльную роль прогрессистовъ и смотрѣли сквозь пальцы или вовсе не смотрѣли на то, за чѣмъ они должны бы были пристально наблюдать, если бы были дѣйствительными прогрессистами и желали бы благому общему дѣлу успѣха отъ души. Были между ними, конечно, и пессимисты; они вовсе не смотрѣли, прикидываясь либералами, съ заднею мыслью уронить все дѣло, обѣщавшее столько благихъ результатовъ. Все это—въ натурѣ вещей. Общественное мнѣніе, гласность, свобода научнаго разслѣдованія,—какъ и все хорошее въ мірѣ,—требуютъ привычки и понимаются не всѣми и не вдругъ; ихъ первое появленіе на свѣтъ никогда не проходитъ безъ гру-

быхъ промаховъ, нелѣпостей и катастрофъ. Но мыслящимъ не трудно помириться съ неизбѣжнымъ и вытерпѣть первый напоръ увлеченій и недоразумѣній. Если кого нужно обвинять въ неудавшемся и такъ печально прекратившемся дѣлѣ воскресныхъ школъ, то это именно нашихъ оффиціальныхъ контролеровъ, за то, что у нихъ недостало ни мысли, ни духа, выдержать этотъ напоръ. Сдѣлай они это, то невѣрный взглядъ на школы, какъ на источникъ пропагандъ, не обнаружился бы въ такихъ огромныхъ размѣрахъ и все кончилось бы, вѣроятно, закрытіемъ одной или нѣсколькихъ школъ, удаленіемъ нѣсколькихъ учителей или учредителей.

Итакъ, если-бы теперь удалось возобновить воскресныя школы вновь,—на что я, признаюсь, не совсѣмъ надѣюсь,—то весь успѣхъ и вся ихъ будущность будутъ зависѣть отъ трехъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, оттого, найдутся-ли учредители, которые захотѣли бы взять на себя отвѣтственность за направленіе школы; во-вторыхъ, найдется ли довольно благоразумныхъ контролеровъ, какіе бы они ни были: духовные, гражданскіе, общественные или правительственные; и, въ-третьихъ, наконецъ, уступитъ ли невѣрный взглядъ о происхожденіи пропаганды другому, менѣе опасному для существованія школъ. А если не представятся личности надежныя и умѣющія, въ случаѣ нужды, жертвовать собою, — если не перемѣнятся убѣжденія о значеніи школъ, то лучше и не начинать. Иначе можно навѣрное предсказать, что случится. Обманчивый взглядъ поведетъ опять къ ложнымъ заключеніямъ. Недосмотръ и излишняя подозрительность контролеровъ, точно также какъ и нерадѣніе или недобросовѣстность учредителей, при господствующемъ убѣжденіи о происхожденіи пропагандъ, поведутъ неминуемо къ заключенію о необходимости уничтожить корень зла закрытіемъ всѣхъ воскресныхъ школъ безъ исключенія. А этимъ вѣроятность ихъ будущаго существованія еще болѣе уменьшится или исчезнетъ надолго.

Циркуляры по Одесскому округу.[40]

Циркулярное предложеніе гг. директорамъ училищъ Одесск. уч. округа.[41]

Окончивъ мой объѣздъ всего учебнаго округа, я счелъ нужнымъ сообщить вкратцѣ мои замѣчанія всѣмъ дирекціямъ для общаго соображенія.

А. По Дирекціи Херсонской.

1. Наружная обстановка благороднаго пансіона этой гимназіи вообще плоха, по независящимъ отъ дирекціи обстоятельствамъ. По причинѣ худого помѣщенія и малой платы (относительно высокихъ цѣнъ на мѣстные и другіе припасы) нельзя требовать отъ дирекціи большихъ улучшеній. Я полагаю, однакожъ, что можно бы было улучшить нѣсколько столъ воспитанниковъ. Вмѣсто трехъ кушаньевъ лучше бы было опредѣлить два блюда, но сытныхъ, питательныхъ и хорошо приготовленныхъ. Мясо для второго блюда я нашелъ не отличнаго качества: оно было жестко, и не сочно; а третье кушанье (сырники) вовсе неудобоваримо. Не хорошо также и то, что вываренное мясо изъ супа подается иногда вмѣсто второго блюда. Отъ этого и супъ и второе блюдо мало питательны. Столовый приборъ также оказался не въ порядкѣ: черенки у ножей и вилокъ были изломаны и замѣнены простыми деревянными отрубками; столовая холодна.

2. По учебной части я съ удовольствіемъ нашелъ одного младшаго учителя, г. Абрамова, именно такимъ, какими бы мнѣ желательно было ви-

дѣть всѣхъ учителей низшихъ и даже высшихъ классовъ. Этотъ наставникъ постигаетъ прекрасно свое назначеніе. Его метода преподаванія отличная. Онъ содержитъ цѣлый классъ въ постоянномъ напряженіи и старается уяснить ученикамъ, обращаясь къ каждому съ вопросами. Я приношу ему полную благодарность и прошу продолжать преподаваніе, слѣдуя по пути, имъ проложенному. Я почитаю для пользы заведенія необходимымъ чтобы и другіе преподаватели слѣдовали подобному же способу изложенія.—Не менѣе заслуживающимъ похвалы и полной признательности я нашелъ преподаваніе закона Божія, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ классахъ гимназіи.

3. Учебныя пособія по части географіи и естественной исторіи я нашелъ весьма скудными и прошу дирекцію озаботиться немедленно пріобрѣтеніемъ глобусовъ, картъ, рисунковъ и моделей.

4. Успѣхи во французскомъ и латинскомъ языкахъ я нашелъ недостаточными, что также нужно приписать недостаткамъ способа преподаванія.

5. Еще менѣе можно сказать утѣшительнаго о методѣ преподаванія въ низшихъ училищахъ (уѣздныхъ и приходскихъ) дирекціи, въ которыхъ я не встрѣтилъ ни одного преподавателя, отличающагося живымъ и нагляднымъ способомъ изложенія, которое было бы обращено на развитіе смысла въ учащихся и поселяло бы въ нихъ охоту къ просвѣщенію. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, раздѣленъ Херсонскою дирекціею въ большей или меньшей степени и со всѣми дирекціями округа.

6. Что же касается до еврейскихъ училищъ, то по числу учениковъ и способамъ преподаванія, онѣ не много уступаютъ одесскимъ, то-есть лучшимъ въ округѣ. Особливо заслуживаютъ одобренія частныя женскія учебныя заведенія, за что и прошу изъявить мою благодарность смотрителю казеннаго еврейскаго училища 2 разряда, отличающемуся своею дѣятельностью, учителямъ и содержателямъ частныхъ училищъ.

В. По Дирекціи Екатеринославской.

1. Мои замѣчанія объ измѣненіи стола пансіонеровъ, выше изложенныя, относятся также и до пансіона Екатеринославской Гимназіи.

2. Выборъ надзирателей за пансіонерами оказался весьма неудаченъ. Ограниченность содержанія и невозможность получить въ Екатеринославѣ при настоящей платѣ, людей, знакомыхъ съ дѣломъ, требуетъ, по моему мнѣнію, уменьшенія числа гувернеровъ, увеличенія окладовъ и пріисканія болѣе опытныхъ лицъ въ Одессѣ или другихъ городахъ. Это измѣненіе можно бы было сдѣлать на слѣдующихъ основаніяхъ. Теперь надзирателей на 76 пансіонеровъ 4; они получаютъ жалованья по 214 руб., число это можно бы было уменьшить весьма удобно до 3-хъ; тогда жалованье каждаго увеличивалось бы до 285 руб., прибавивъ сюда по 100 р. на каждаго, жертвуемыхъ почетнымъ попечителемъ гимназіи, оно увеличилось бы до 385 р., а, соединивъ ихъ должность съ репетиторскою и, слѣдовательно, прибавивъ еще 100 р. каждому, жалованье бы увеличилось до 485 р. Пользуясь при томъ столомъ воспитанниковъ и казенною квартирою, они были бы довольно обезпечены и тогда можно бы было пріобрѣсти людей дѣйствительно способныхъ къ занятію этой должности.

3. По части учебной, методъ преподаванія естественной исторіи я нашелъ *неестественнымъ*. Учитель не обращалъ никакого вниманія на развитіе наглядности и наблюдательности въ дѣтяхъ,—что именно и составляетъ главную цѣль ученія этимъ наукамъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ мало пользуется даже и тѣмъ собраніемъ минераловъ, которые находятся при гимназіи.

4. Библіотека и кабинеты, особливо минералогическій, приведенный въ порядокъ г. Директоромъ, находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи, за что и приношу мою благодарность г. Директору.

5. Преподаваніе Русскаго языка, Исторіи и Математики въ низшихъ классахъ я нашелъ весьма яснымъ;

желательно бы было только чтобы гг. преподаватели этихъ предметовъ обратили нѣсколько болѣе вниманія на развитіе самостоятельной дѣятельности ума учащихся.

6. Менѣе успѣшнымъ я нашелъ и въ этой Дирекціи преподаваніе Латинскаго и Французскаго языковъ.

7. Безымянные доносы на состояніе училищъ, преимущественно подвѣдомственныхъ Екатеринославской Дирекціи, заставили меня обратить особое вниманіе на управленіе. Я убѣдился, что большая часть этихъ доносовъ несправедлива и основана или на личностяхъ, или на однѣхъ подозрѣніяхъ. Значительное отдаленіе уѣздныхъ училищъ отъ центра Дирекціи дѣлаетъ контроль дѣйствительно трудною, потому, при такихъ разстояніяхъ, при настоящей дороговизнѣ, при недостаткахъ другихъ средствъ, кромѣ жалованья, злоупотребленія и недостатки могутъ легко вкрасться въ управленіе. Такъ и случилось въ Новомосковскомъ уѣздномъ училищѣ. По этому я предписалъ г. Директору еще болѣе усилить свой надзоръ и бдительно слѣдить за дѣйствіями училищъ Дирекціи.

С. По Дирекціи Таганрогской.

Изъ всѣхъ гимназій округа я нашелъ Таганрогскую какъ по наружности (по огромному, помѣстительному и хорошо расположенному зданію), такъ и по составу учителей, болѣе другой соотвѣтствующею ея важному назначенію. Много способствуетъ процвѣтанію этой гимназіи еще и то обстоятельство, что учители ея рѣдко смѣняются и большая ихъ часть отправляютъ уже нѣсколько лѣтъ свою должность при гимназіи.

Приношу мою благодарность преимущественно гг. преподавателямъ Русскаго языка, Исторіи и языка Латинскаго—за ясность и хорошее изложеніе преподаваемыхъ ими предметовъ и за удовлетворительные успѣхи учениковъ.

Низшія училища этой Дирекціи, вообще немногія и менѣе отдаленныя отъ дирекціи, я нашелъ также относительно лучшими. Особливо пріятно мнѣ было убѣдиться въ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Таганрогскаго приготовительнаго Ланкастерскаго училища, и прошу г. Директора изъявить мою полную признательность г. Учителю этого училища за его практическій, весьма успѣшный методъ преподаванія ариѳметики. Многіе ученики могли при мнѣ производить умноженіе и дѣленіе на 3 цифры на память. Такихъ успѣховъ я еще не находилъ ни въ одной школѣ округа. Свидѣтельствую также полную мою признательность законоучителю означеннаго училища, преподающему безмездно, за его живое, устное и назидательное изложеніе Священной Исторіи.

Училище еврейское, хотя и незначительное по числу учениковъ, замѣчательно тѣмъ, что учитель его есть почти единственный во всемъ округѣ, который объясняетъ дѣтямъ еврейскій законъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, а не на еврейскомъ жаргонѣ.

Д. По Дирекціи Таврической.

По предшествовавшимъ военнымъ обстоятельствамъ и по молодости и неопытности большей части преподавателей Симферопольской Гимназіи, я нашелъ вообще какъ способъ преподаванія, такъ и успѣхи учениковъ весьма посредственными. Тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ благодарить двухъ гг. преподавателей: математики высшихъ классовъ Хамарито и Латинскаго языка Тиграніана, болѣе другихъ постигшихъ трудное искусство преподаванія.

Кабинеты физическій и Естественной Исторіи, да и вообще всѣ учебный пособія этой Гимназіи я нашелъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи и потому предписалъ испр. должность директора немедленно заняться составленіемъ каталога всѣмъ необходимымъ учебнымъ пособіямъ и пріисканіемъ средствъ къ ихъ пріобрѣтенію.

Какъ Естественная Исторія, преимущественно въ дирекціи Таврической, можетъ быть, по богатству и разнообразію природы края, изучаема съ особеннымъ интересомъ, то нужно дирекціи преимущественно обратить вниманіе на этотъ предметъ и предложить г. преподавателю заниматься

съ учащимися нагляднымъ способомъ и пріохотить ихъ самихъ къ составленію собраній растеній, насѣкомыхъ, бабочекъ и т. п.

О другихъ училищахъ дирекціи я не могу ничего сказать положительнаго;—онѣ едва только открылись послѣ войны, но тѣмъ не менѣе еврейское училище Симферополя я нашелъ въ довольно удовлетворительномъ (относительно) состояніи.

Е. По Дирекціи Кишиневской.

Гимназія Кишиневская, помѣщающаяся въ наемномъ частномъ домѣ, раздѣляетъ недостатокъ наружной обстановки съ тремя другими гимназіями округа.

По причинѣ вакаціоннаго времени я не могъ присутствовать на урокахъ и потому не могу судить о достоинствѣ методовъ преподаванія, но, присутствуя при экзаменахъ, я вообще считаю долгомъ сказать, что, несмотря на значительное число иноплеменныхъ учениковъ въ Гимназіи, успѣхи ихъ въ наукахъ оказались относительно весьма удовлетворительными. Особливо я долженъ объявить мою искреннюю признательность за успѣхи гг. преподавателямъ: русскаго языка Шугурову (перемѣщенному теперь во вторую одесскую Гимназію),—Географіи Чернявскому, который съ большимъ рвеніемъ и съ любовью къ предмету распространяетъ свѣдѣнія между учениками преимущественно по части отечественной Географіи, Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ.

Изученіе новѣйшихъ языковъ я нашелъ въ этой гимназіи относительно въ лучшемъ состояніи противъ другихъ гимназій округа; особливо очевидны успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ. Не менѣе успѣшнымъ оказался при гимназіи и способъ преподаванія латинскаго языка, хотя еще молодымъ, но ревностно и хорошо постигшимъ всю важность своего предмета преподавателемъ г. Бѣлюговымъ. Приношу ему, а также г. Давыдову мою благодарность.

Менѣе успѣшнымъ оказалось изученіе Исторіи. Г. преподавателю этого предмета не удалось поселить въ учащихся высшихъ классовъ стремленія къ болѣе самостоятельному обсужденію историческихъ событій и мѣстностей странъ, гдѣ они совершились.

Низшія училища оказались не лучше другихъ училищъ округа. Всѣ обозначены общимъ недостаткомъ, слабостью и неприспособленностью методовъ ученія, нисколько не приноровленныхъ къ развитію умственныхъ способностей учащихся и къ распространенію общихъ необходимыхъ свѣдѣній.

F. По Одесской Дирекціи.

Въ 1-й Гимназіи. Ни въ одномъ благородномъ пансіонѣ округа я не находилъ столь хорошаго стола, какъ въ пансіонѣ 1-й одесской гимназіи, особливо съ тѣхъ поръ, какъ я отмѣнилъ употреблять вываренное мясо изъ супа вмѣсто 2-го кушанья.

Вообще нельзя не похвалить всей наружной обстановки пансіона и содержанія учениковъ.

Но многаго еще остается желать касательно наблюденія за нравственностью и домашними (внѣклассными) занятіями учениковъ. Нельзя довольно подтвердить надзирателямъ, чтобы они обращали тщательное вниманіе на поведеніе учениковъ въ высшихъ классахъ и старались бы разговорами и чтеніемъ нравственныхъ книгъ развивать въ дѣтяхъ понятіе о долгѣ, чувство чести и любовь къ научнымъ занятіямъ. Надѣюсь, что новое распредѣленіе надзирательскихъ должностей и соединеніе ихъ обязанностей съ репититорскими поможетъ имъ влiять еще сильнѣе на развитіе и нравственную сторону дѣтей.

По учебной части я долженъ сказать, что, отдавая полную справедливость знаніямъ и ревности многихъ преподавателей, я не нашелъ однакожъ ни одного вполнѣ владѣющаго надлежащимъ педагогическимъ тактомъ и вполнѣ знакомаго съ лучшими способами преподаванія. Ни одному еще преподавателю этой гимназіи не удалось того достигнуть, чтобы держать въ постоянномъ напряженіи вниманіе учащихся и изложить науку такъ, чтобы она была воспри-

нята не устами, а головою учениковъ. Между тѣмъ именно учителя одесскихъ учебныхъ заведеній, имѣющіе случай давать уроки во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ города, могли бы болѣе другихъ гимназій округа доставить образцы истинныхъ педагоговъ.

Особливо слабыми я нашелъ успѣхи въ языкахъ, хотя бы казалось, въ Одессѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо можно было ожидать хорошихъ результатовъ по части языковѣдѣнія.

Я подтверждаю гг. учителямъ, что не проложивъ новой колеи въ способахъ преподаванія, болѣе соотвѣтствующей безмѣрно малоразвитому мышленію здѣшнихъ учениковъ, нельзя достигнуть существенной цѣли образованія и прошу принять къ сердцу мой искренній совѣтъ.

Желательно бы было также для лучшаго развитія улучшить дѣтскую библіотеку, ввести чтеніе въ свободные часы и праздничные дни группами, подъ руководствомъ надзирателей и гг. инспекторовъ и вообще распорядиться такъ, чтобы это время было употреблено въ свою очередь къ возбужденію любви къ занятіямъ и къ развитію понятія.

Гг. экзаменаторы Лицея, при пріемныхъ испытаніяхъ, замѣтили у вступающихъ въ Лицей значительную недостаточность и неопредѣленность знаній преимущественно по части географіи и исторіи.

Объясненіе Евангелія и Апостольскихъ дѣяній въ внѣклассные часы, положенное уставомъ о пансіонахъ, до сихъ поръ не существовало въ одесскомъ пансіонѣ, несмотря на то, что при Лицейскомъ пансіонѣ находится два священнослужителя. Я замѣтилъ также, что и воспитанники, пріобщающіеся святыхъ тайнъ, не приготовлялись чтеніемъ и толкованіемъ Евангелія, между тѣмъ священнослужитель могъ бы воспользоваться именно этими мгновеніями, которыя дѣлаютъ юную душу легко доступною къ воспріятію вѣчныхъ истинъ.

Вообще я нашелъ, что преподаваніе Закона Божія не достаточно направлено, и преимущественно въ низшихъ классахъ, на сердце и нравственность учащихся, и дѣйствуетъ на душу дѣтей не живящимъ словомъ, а только буквою.

Въ литературныхъ бесѣдахъ, недавно введенныхъ, желательно бы было также, чтобы присутствующіе наставники предоставляли болѣе самимъ учащимся разсуждать между собою. Я считаю нужнымъ въ настоящее время допустить и отличнѣйшихъ учениковъ 5 класса къ литературнымъ бесѣдамъ.

Изъ низшихъ училищъ Дирекціи, относительно лучшими, я нашелъ Еврейскія. Хотя онѣ еще далеко не достигли своего назначенія, но все-таки онѣ остаются лучшими по Дирекціи —какъ по числу учениковъ, такъ и по качествамъ преподавателей. Главное дѣло со стороны Дирекціи должно состоять въ томъ, чтобы стараться всѣми силами замѣнять еврейскій жаргонъ изученіемъ чистаго русскаго или нѣмецкаго языковъ.

Приходскія городскія училища не лучше сельскихъ. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ низшихъ училищахъ округа, господствуетъ ложная мысль, что главное—какъ бы научить механизму чтенія, писанія и счета, и если и въ гимназіи мало обращено вниманія на развитіе понятія дѣтей, то въ этихъ училищахъ для этой цѣли уже ровно ничего не дѣлается.

Всѣ мною изложенные недостатки, конечно, нисколько не касаются новаго Директора, едва только вступившаго въ должность, озабоченнаго до сихъ поръ еще и другими служебными обязанностями.

По 2-й гимназіи. Вообще успѣхи учащихся въ этомъ заведеніи болѣе замѣчательны, чѣмъ въ 1-й. Ученики болѣе развиты. Вѣроятно, этому содѣйствуетъ преимущественно то обстоятельство, что во 2-ю Гимназію поступаютъ особливо дѣти бѣдныхъ родителей, болѣе ревностныя труду.

Нельзя не отдать полную справедливость рвенію г. Директора, который самъ даетъ уроки ученикамъ въ различныхъ классахъ и съ безпристрастною строгостію наблюдаетъ за классными переводами учениковъ. Изъявляю также полную признательность

неутомимости и рвенію учителей математики гг. Косенко и Ильина. Вполнѣ заслуживаетъ похвалы также дѣятельность молодого преподавателя географіи, едва оставившаго Лицей, г. Цвѣта. Желая ему также преимущественно озаботиться изысканіемъ лучшаго способа преподаванія, я надѣюсь, что онъ, съ его рвеніемъ вполнѣ достигнетъ желаемой цѣли.

Ни въ одной гимназіи не представляется такъ разительно счастливый результатъ хорошей методы преподаванія нѣмецкаго языка, какъ во 2-й Одесской. Конечно, успѣхамъ занятій г. Топорова много способствуетъ и то обстоятельство, что между учащимися этой гимназіи находится до 50 человѣкъ Евреевъ, болѣе или менѣе знающихъ нѣмецкій языкъ, но тѣмъ не менѣе нельзя довольно похвалить неутомимаго рвенія и педагогическаго такта г. Топорова, оказывающагося не только въ его урокахъ, но и на поприщѣ педагогической литературы, и потому я отъ души благодарю его.

Способъ преподаванія г. Шапеллона, много отличается также своею живостью, практичностью и отчетливостью. Успѣхи дѣтей во французскомъ языкѣ несмотря на то, что они, кромѣ уроковъ гимназіи, имѣютъ мало случая практически съ нимъ ознакомиться, вообще весьма удовлетворительны; приношу и ему мою полную благодарность.

Менѣе утѣшительны результаты дѣятельности другихъ болѣе опытныхъ преподавателей, именно Латинскаго, Греческаго и Русскаго языковъ (въ низшихъ классахъ).

Замѣчанія, касающіяся всѣхъ дирекцій округа вообще.

1. При обзорѣ всѣхъ учебныхъ заведеній округа мнѣ разительнымъ показалось то обстоятельство, что за исключеніемъ Кишиневской гимназіи, въ другихъ число учениковъ 7-го класса было весьма незначительно; въ Таганрогской гимназіи я нашелъ только двухъ. Это показываетъ, что въ настоящее время Дирекціи обратили болѣе вниманія на классные переводы. При такомъ маломъ числѣ учениковъ высшаго класса, мнѣ казалось полезнымъ соединить уроки 7-го класса съ 6-мъ по тѣмъ наукамъ, которыя по программѣ только повторяются въ 7-мъ классѣ.

2) Я предположилъ подобное же соединеніе одного класса съ другимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо учителя того или другого предмета (въ случаяхъ вакансіи, болѣзни) и если онъ не можетъ быть замѣнимъ никѣмъ другимъ.

3) Я убѣдился неоднократно, что учителя и гг. инспекторы еще не довольно соблюдаютъ главное правило педагогики: содержать вниманіе всѣхъ учениковъ въ постоянномъ напряженіи. Несмотря на мои предписанія, я замѣтилъ въ различныхъ гимназіяхъ, что ученики, слушая изложеніе учителя, имъ отвѣчая на вопросы, держатъ предъ собою открытыя книги, просматривая въ нихъ заданные имъ уроки, не готовясь умственно, а только изустно отвѣчаютъ на предлагаемый вопросъ.

Вниманіе большей части изъ нихъ такъ мало упражнено, что они часто не вникаютъ въ слова и даже не слышатъ словъ, произносимыхъ возлѣ сидящими товарищами, не замѣчаютъ сдѣланныхъ ошибокъ и не обдумываютъ заранѣе отвѣта на предлагаемые вопросы. Предлагаю какъ г. г. Директорамъ, такъ Инспекторамъ и Наставникамъ принять къ сердцу это замѣчаніе. Слѣдствія этого педагогическаго недостатка исключительны. Лѣниваго и шалуна еще можно исправить; но ребенокъ, не пріучившійся напрягать свое вниманіе въ низшихъ классахъ, никогда не пойдетъ впередъ и дѣятельность его ума никогда не будетъ самостоятельною, если онъ не будетъ пріученъ вникать въ слышанное и обдумывать заранѣе то, что сказать долженъ.

4) Вообще во всѣхъ Дирекціяхъ наставники мало обращаютъ вниманія на различіе способовъ преподаванія въ низшихъ и высшихъ классахъ и еще недостаточно убѣждены въ другой педагогической истинѣ, что преподаваніе наукъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на-

значается не только для распространенія научныхъ свѣдѣній, но и преимущественно, на развитіе той или другой умственной способности учащихся. А этого результата можно достигнуть только извѣстными способами преподаванія, которые въ различныхъ классахъ, для одной и той же науки, должны быть различны. И такъ я предлагаю г.г. Директорамъ и Инспекторамъ руководить и направлять наставниковъ, имѣя постоянно въ виду цѣль: развивать методами преподаванія различныхъ предметовъ ту или другую способность души учащихся. Желательно бы было, чтобы члены педагогическихъ совѣтовъ для этой цѣли почаще собирались для обсужденія и изложенія тѣхъ способовъ, которымъ они слѣдуютъ, представляя на судъ совѣта наглядные примѣры и результаты своихъ дѣйствій.

5) Не въ ходу также между преподавателями и то важное педагогическое правило, чтобы одинъ наставникъ своими уроками помогалъ дѣйствіямъ другого. Учителя исторіи недостаточно обращаютъ вниманія на географическія свѣдѣнія ученика, учителя географіи на историческія; учителя русскаго языка на древніе классическіе и новѣйшіе языки; темы, предлагаемыя ими для сочиненій, рѣдко бываютъ историческаго содержанія и т. п.

6) Дирекціи мало заботятся о томъ, какой участи подвергались бывшіе ихъ воспитанники по выходѣ изъ заведеній. Нигдѣ еще не заведены книги при училищахъ, изъ которыхъ можно было бы усмотрѣть, какой родъ жизни и какую карьеру избрали воспитанники. Между тѣмъ для всякаго учебнаго заведенія поучительно и утѣшительно было бы узнать, какой конечный результатъ имѣли его дѣйствія надъ учащимися.

7) Библіотеки гимназій и уѣздныхъ училищъ содержатъ болѣе книгъ полезныхъ для наставниковъ, но не дѣтямъ. Учащіеся мало и даже совсѣмъ не пользуются библіотеками и чтеніе въ училищахъ во внѣ-классные часы, группами, подъ наблюденіемъ наставниковъ, инспекторовъ и штатныхъ смотрителей училищъ еще мало введено въ употребленіе. Предлагаю Дирекціямъ обратить на это мощное средство къ распространенію просвѣщенія особенное вниманіе.

8) Наконецъ самое главное: изложеніе законоучителями Евангелія и Апостольскихъ дѣяній для дѣтей въ цѣломъ округѣ или вовсе не производится, или же не дѣлается съ надлежащею дѣятельностью, настоятельно и усердно. Попечитель Пироговъ».

О тѣлесныхъ наказаніяхъ.[42]

Усмотрѣвъ изъ донесенія директора училищъ Херсонской губ., что въ числѣ мѣръ наказанія учениковъ херсонской гимназіи была допущена мѣра нравственная—присутствіе учениковъ при наказаніяхъ розгами другихъ, и находя эту мѣру скорѣе безнравственною, предлагаю вамъ строго наблюдать, чтобы тѣлесное наказаніе отнюдь не было допускаемо въ присутствіи другихъ учениковъ.

О методахъ преподаванія.

I.[43]

Мнѣ въ настоящее время было бы желательно, чтобы преподаватели занялись серьезно обсужденіемъ не того, что преподается, а какъ они преподаютъ — практически-педагогическіе пріемы для лучшаго и сознательнаго воспріятія учащимися сообщаемаго имъ учителями. Во время моего посѣщенія гимназій округа я, напр., замѣтилъ, что естественная исторія излагается не довольно наглядно, что дѣйствующія лица въ классахъ болѣе сами учителя, нежели ученики, которые по этой причинѣ дѣлаются недовольно внимательными, полагая, что достаточно только сидѣть въ классахъ. Вотъ именно то было бы мнѣ желательно, чтобы учителя, собираясь въ педагогическомъ совѣтѣ, сообщали другъ-другу, какіе они употребляютъ педагогическіе пріемы для развитія воспріимчивости учениковъ, ихъ внимательности и пониманія, словомъ, какія они употребляютъ средства къ возбужденію умственно-самостоятельной дѣятельности учениковъ. Вообще учителя высшихъ и низшихъ классовъ мало еще обращаютъ вниманія на эту сторону преподаванія

и думаютъ, что уже все сдѣлано, если они внесутъ какія-либо перемѣны въ программы, кажущіяся имъ неудобоисполнимыми. Нисколько не отвергая важнаго значенія хорошо составленныхъ программъ, я однако же остаюсь того мнѣнія, что учитель, владѣющій педагогическимъ тактомъ и опытный въ искусствѣ изложенія предмета, и при несовершенной программѣ можетъ сдѣлать то, чего другой и при самой лучшей не сдѣлаетъ.

Итакъ, предлагаю еще разъ г. г. Директорамъ обсудить вмѣстѣ съ г.г. учителями тѣ способы и методы, которые будутъ ими употреблены при изложеніи различныхъ предметовъ для развитія воспріимчивости учениковъ, ихъ вниманія и самостоятельнаго сужденія. Пусть каждый изъ учителей предложитъ и введетъ тотъ способъ изложенія, который ему будетъ казаться болѣе соотвѣтствующимъ этой педагогической цѣли, представитъ педагогическому совѣту доказательства, преимущественно наглядныя, достоинства своего способа и результаты, которыхъ онъ достигаетъ, а педагогическій совѣтъ пусть мнѣ сообщитъ результаты его обсужденій.

II.[44]

Убѣдившись по осмотрѣ моемъ всего учебнаго округа въ прошедшемъ году, что гг. учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, при всей ревности къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, и употребляя все стараніе и всѣ умственныя свои силы на точное и пунктуальное соблюденіе офиціальныхъ программъ, упускаютъ изъ виду самое главное—приложеніе къ дѣлу тѣхъ практическихъ способовъ и пріемовъ, которыми современная педагогика такъ много содѣйствуетъ къ органическому усвоенію ребенкомъ научныхъ истинъ, и такъ мощно развиваетъ умственныя способности учащагося, и чтобы обратить вниманіе учителей на этотъ важный, у насъ едва затронутый, предметъ,—я циркулярно сообщилъ всѣмъ дирекціямъ округа мое желаніе, чтобы педагогическіе совѣты учителей собирались по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ, для обсужденія и повѣрки различныхъ педагогическихъ методъ и пріемовъ преподаванія, которымъ слѣдуетъ каждый учитель при изложеніи науки. Мысль моя, къ сожалѣнію, не была одинаково понята всѣми дирекціями. Нѣкоторые изъ педагогическихъ совѣтовъ, какъ я это увидѣлъ изъ присылаемыхъ мнѣ протоколовъ, продолжали обсуждать самыя программы, придавая имъ гораздо болѣе значенія, нежели сколько онѣ въ сущности заслуживаютъ. Я того мнѣнія, что программа преподаванія необходима для неопытнаго и посредственнаго преподавателя. Дѣльный, опытный и талантливый учитель, проникнутый любовью къ своему предмету и къ своимъ занятіямъ, не нуждается въ программѣ: она у него въ головѣ, а не на бумагѣ. Главное, по моему мнѣнію, въ обученіи дѣтей, состоитъ не въ томъ, что имъ сообщается, а въ томъ, какъ имъ сообщается изучаемое. Самые обыкновенные и ежедневные предметы, хорошо и искусно внушенные ребенку для него въ сто кратъ полезнѣе въ будущемъ, чѣмъ самыя высокія истины, худо изложенныя и нисколько не приноровленныя къ его понятіямъ. Разъяснивъ еще разъ, чего я собственно требую отъ педагогическихъ совѣтовъ училища, я считаю весьма полезнымъ сообщать отъ времени до времени во всеуслышаніе сужденія различныхъ дирекцій объ этомъ важномъ предметѣ, взятыя изъ присылаемыхъ ко мнѣ протоколовъ. Посредствомъ гласности доводя до свѣдѣнія всѣхъ дирекцій и всѣхъ любителей воспитанія (покуда у насъ еще воспитаніе, какъ музыка и живопись имѣетъ только избранныхъ любителей) сужденія, заслуживающія особеннаго вниманія, я думаю этимъ путемъ возбудить хотя нѣкоторое соревнованіе въ новомъ для насъ педагогическомъ дѣлѣ, зная, впрочемъ, хорошо, что отъ сужденія до исполненія еще не такъ близко.

Циркуляры по Кіевскому округу.[45]

Преподаваніе закона Божія.

По поводу мнѣнія законоучителя, свящ. Петра Лебединцева: «О способѣ преподаванія въ гимназіяхъ вообще и преподаванія закона божія въ особенности».

Изъявляя г. Лебединцеву мою благодарность за его основательное и подробное изложеніе избраннаго имъ способа ученія и вообще раздѣляя многія его прекрасныя мысли, я не могу, однако-же, съ нимъ согласиться въ слѣдующемъ: 1) Я не согласенъ, что священную исторію можно и должно излагать «не иначе», какъ въ выраженіяхъ библейскаго разсказа. Библейскій языкъ, за исключеніемъ книгъ пророковъ, псалтыря и, можетъ быть, первыхъ главъ книги Бытія, вообще такъ же простъ, какъ и языкъ самаго простого разсказа; если же этотъ языкъ намъ кажется необыкновенно высокимъ, то это происходитъ, я думаю, только отъ того, что онъ—не нашъ, а славянскій; переведите хорошо содержаніе на свой отечественный, и все будетъ такъ же просто, какъ сердечные разсказы, которые мы слыхали въ дѣтствѣ отъ нашихъ отцовъ и матерей. Да если-бы онъ былъ и дѣйствительно выше обыкновеннаго, то я не вижу причины, для чего не упростить его для дѣтей. Предметъ святого писанія, уже по своей сущности, такъ высокъ, и заключающіяся въ немъ истины такъ ясны и непреложны, что нечего опасаться въ наше время (какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ), «будто-бы христіанская вѣра извратится, если слова, встрѣчающіяся въ библіи и псалтырѣ, будутъ замѣны другими подобно-значащими, но болѣе доступными для ребенка».

По этой самой причинѣ я не могу согласиться и 2) чтобы катехизисъ нужно было учить наизустъ, какъ увѣряетъ почтенный законоучитель; нѣтъ, я положительно предлагаю всѣмъ законоучителямъ кіевскаго учебнаго округа не давать ничего дѣтямъ учить наизустъ, за исключеніемъ однихъ текстовъ и молитвъ. Изустное ученіе еще можетъ быть принято для такихъ предметовъ, каковы легкая литература, басни, стихи или вокабулы языковъ, но уже никакъ для предметовъ вѣры,—начнемъ ли изученіе ихъ съ ума, какъ предлагаетъ законоучитель бѣлоцерковской гимназіи, или съ сердца,—какъ я думаю. 3) Несогласно и то съ моимъ убѣжденіемъ, чтобы можно было предоставить ученикамъ низшихъ классовъ «самимъ угадывать» нравоученіе, заключающееся въ описаніи событій св. исторіи. Если законоучитель, который есть eo ipso, и нравоучитель, не обратитъ вниманіе и сердечное чувство дѣтей на нравственное начало, заключенное въ св. исторіи, и не проникнетъ этимъ началомъ до глубины сердца своихъ учениковъ, то какія бы высокія выраженія онъ ни употреблялъ и какую бы высокую важность ни старался ими придать своимъ разсказамъ, они все-таки останутся не болѣе какъ разсказами. Я согласенъ, что св. повѣсть можетъ и одна, сама по себѣ, произвесть глубокое впечатлѣніе на ребенка; но это предполагаетъ въ законоучителѣ особенный, Богомъ ниспосланный, даръ слова и талантъ необыкновенный, который дается однимъ избраннымъ и котораго мы не въ правѣ отъ всѣхъ требовать. 4) Не могу безусловно подписать и того, что «вѣра начинается въ мысляхъ и отъ ума передается сердцу». Въ мысляхъ—да; но чтобы вѣра передавалась отъ ума сердцу,—не вѣрю. Да развѣ любовь дѣтей къ родителямъ передается умомъ сердцу, и развѣ любовь къ Богу и ближнему, служащая главнымъ основаніемъ нашей вѣры, не есть также чувство, присущее нашей натурѣ во всѣхъ возрастахъ жизни?

Я не понимаю, что сдѣлаетъ зако-

ноучитель, дѣйствуя святынею его ученія на умъ, если онъ съ начала не приготовитъ и не растворитъ къ принятію ея сердце и чувства ребенка. Если мы всѣ искренно желаемъ воспитать новое поколѣніе болѣе твердое, въ началахъ истинной нравственности, то мы должны безпрестанно обращаться къ тому, что въ человѣкѣ есть сильнѣе ума. Не забудемъ, нравоучители и учители, что умъ можетъ и заблуждаться, и сомнѣваться; но въ сердцѣ нашемъ есть что-то иное, что хотя нерѣдко и заблуждается, но уже никогда не сомнѣвается.

О наглядномъ обученіи.

Прочитавъ мнѣніе г. старшаго учителя, Худзинскаго, о его способѣ преподаванія естественныхъ наукъ, я не могу скрыть моего удивленія, почему тотъ же самый преподаватель, которому извѣстно «любопытство дѣтей, и который самъ предлагаетъ его питать, поддерживать и удовлетворять разумно», съ другой стороны, принимаетъ такой несовременный и столь мало раціональный способъ изученія естественной исторіи въ 1-мъ классѣ. —Если для дѣтей 10-ти лѣтъ полезно уже начинать изученіе естественной исторіи, то, очевидно, это дѣлается для нихъ только съ тою цѣлью, чтобы, посредствомъ естествоизученія, дѣйствовать на развитіе чувствъ и наблюдательности. Другой цѣли изученія естественной исторіи въ этомъ возрастѣ и быть не можетъ. Вообще, главная обязанность педагога заключается преимущественно въ томъ, чтобы науку излагать не столько для самой науки, сколько для развитія, посредствомъ науки, той или другой умственной или душевной способности (какъ это дѣльно замѣтилъ и г. Мануйловичъ,—см. ниже,—за что и благодарю его отъ души). Естествознаніе и должно именно служить къ развитію наблюдательной способности у ребенка, начинающаго знакомиться съ окружающею его природою. Надобно пріучить съ раннихъ лѣтъ и его глазъ, и его осязаніе, къ отчетливому отыскиванію различныхъ наружныхъ признаковъ, характеризующихъ естественныя тѣла; дайте ему въ руки минералъ, растеніе, животное и спрашивайте его, что онъ видитъ и что онъ находитъ особеннаго; заставьте его найти и описать различіе между тѣмъ и другимъ тѣломъ, и задача ваша будетъ разрѣшена, цѣль будетъ вполнѣ достигнута.

Но какъ же можно этого достигнуть, если вы заставляете дѣтей 1-го класса писать на доскѣ продиктованное вами и потомъ заучивать это наизусть, полагая, что наглядное ученіе одно недостаточно и что, будтобы, «оно требуетъ хорошей памяти при развитомъ воображеніи». Нѣтъ! оно менѣе требуетъ памяти и воображенія, чѣмъ ученіе наизусть, и наглядное ученіе есть единственно вѣрное средство развить и наружныя чувства, и память и воображеніе, у дѣтей не только 10, но даже 5 лѣтъ. Если вы не начнете дѣтей учить наглядно, начиная съ азбуки и постепенно доходя до естественной исторіи, а будете болѣе налегать на одно заучиваніе, то, повѣрьте, ваше ученіе непрочно, какъ оно дѣйствительно у насъ еще до сихъ поръ и нейдетъ въ прокъ. Но дѣло состоитъ въ томъ, что наглядно учить не легко; это—искусство, съ которымь наши учители знакомы только по слухамъ. Въ ученіи на память играетъ главную роль не учитель, а память ребенка; а ученіе наглядное все зависитъ отъ того, какъ самъ учитель примется за дѣло и будетъ ли своего дѣла мастеръ. Итакъ, кто отъ души желаетъ научить и воспитать будущее поколѣніе, тотъ долженъ и наглядное ученіе принять къ сердцу, ознакомиться съ нимъ, посредствомъ размышленія и опыта, и положить его основою преподаванія и именно въ низшихъ (до IV-го класса включительно) Sapienti sat.

О наказаніяхъ учениковъ.

Въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта волынской гимназіи, 24-го и 31-го января (1860 г.), опредѣлено было:

1) Наказать одного ученика переводомъ изъ II-го класса въ I-й за двукратное воровство и перепродажу книгъ у товарищей.

2) Наказать розгами—отъ 3-хъ до 5-ти ударовъ—26 учениковъ (24 января) и 10 учениковъ (31 января), первыхъ трехъ классовъ—за лѣность; итого, въ теченіе мѣсяца—36 учениковъ. Этотъ же совѣтъ, въ трехъ засѣданіяхъ—января 24-го, февраля 7 и 14—предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) Учениковъ во время классовъ не выпускать изъ классовъ ни подъ какимъ предлогомъ, исключая болѣзни. 2) Уничтожить квартирные журналы (по крайней мѣрѣ, въ учительскихъ квартирахъ), въ которыхъ дѣлаются отмѣтки учениковъ о знаніи уроковъ репетиторами (т.-е. учениками изъ старшихъ классовъ), на томъ основаніи, что репетиторы эти часто дѣлаютъ отмѣтки на-обумъ,—что доказывается замѣтною разницею между отмѣтками классными и квартирными. 3) Объявить на актѣ родителямъ, что гимназія налагаетъ на нихъ обязанность надзирать тщательнѣе за малоуспѣшными дѣтьми, которыя въ неклассные часы дома лѣнятся и не радѣютъ объ исполненіи заданныхъ имъ уроковъ. 4) (По предложенію г. директора). Въ наказаніе за малоуспѣшность и лѣность, возвращать дѣтей въ прежніе классы, по истеченіи перваго полугодія, за производствомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ испытанія и по разсмотрѣніи совѣтомъ сводной вѣдомости.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа, разсмотрѣвъ эти опредѣленія педагогическаго совѣта, полагаетъ, что по правиламъ здравой педагогики: 1) Наказанія, опредѣленныя совѣтомъ, неосновательны. Характеръ наказаній долженъ всегда сколько можно болѣе соотвѣтствовать характеру самыхъ проступковъ. Какая же соотвѣтственность между воровствомъ и переводомъ въ низшій классъ? Ученика, замѣченнаго въ двукратномъ воровствѣ съ перепродажею книгъ, слѣдовало бы скорѣе исключить изъ гимназіи, чтобы онъ своимъ примѣромъ не заражалъ другихъ, а не наказывать тѣмъ же, чѣмъ должны наказываться только одни лѣнивые и нерадивые. Наказаніе розгами за лѣность есть также мѣра, не имѣющая никакого педагогическаго смысла. Это—остатокъ рутинной методы воспитанія. Это—мое убѣжденіе, и я такъ думаю потому, что считаю розгу совершенно лишнею въ дѣлѣ общественнаго воспитанія,—хотя она есть зло покуда неизбѣжное,—потому что она въ этомъ случаѣ неумѣстна и не соотвѣтствуетъ характеру проступка. 2) Что мѣра—не выпускать учениковъ изъ классовъ, исключая болѣзни—вполнѣ основательна. 3) Квартирные журналы, составляемые учениками,—репетиторы тѣ же ученики,—по моему мнѣнію, не имѣютъ никакой цѣли, кромѣ соблюденія ни къ чему не ведущей формальности, успокаивающей развѣ только одну дирекцію. Мало того: эти журналы, при недосмотрѣ, могутъ развить взяточничество, недобросовѣстность и пристрастіе между учащимися. Кто можетъ поручиться, что репетиторъ, за угощеніе, за подарки, или такъ, по дружбѣ, не поставитъ хорошей отмѣтки. Если же его отмѣтки будутъ контролированы отмѣтками классныхъ журналовъ, то не значитъ ли это, что отъ него будутъ требовать не собственнаго, а чужого мнѣнія объ успѣхахъ ввѣренныхъ ему учениковъ? Не долженъ ли онъ будетъ тогда приноровляться всѣми позволенными и непозволенными средствами къ мнѣніямъ учителей, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ пристрастіи? Тогда, какъ бы плохо ученикъ ни отвѣчалъ на репетиціяхъ, репетиторъ, зная, что онъ на хорошемъ счету у учителя, не поставитъ ему худой отмѣтки въ квартирномъ журналѣ. 4) Наконецъ, что касается до перевода нерадивыхъ и лѣнивыхъ учениковъ въ низшіе классы, то многое говоритъ въ пользу этой мѣры.

Я не рѣшаюсь, однако-же, одобрить ее безусловно, и отлагаю дать мое окончательное мнѣніе до тѣхъ поръ, когда въ особенномъ комитетѣ будутъ пересмотрѣны всѣ мѣры наказанія, употребляемыя теперь въ различныхъ гимназіяхъ округа, къ чему вскорѣ и приступлю. Покуда я ограничусь

только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Гимназіи округа, какъ видно изъ опытовъ, дѣйствуютъ въ опредѣленіи наказаній, говоря по пословицѣ: «кто въ лѣсъ, а кто по дрова»,—не руководствуясь, какъ кажется, нисколько педагогическими соображеніями или одною принятою системою, а болѣе по принятому обычаю или рутинѣ.—Очевидно, что дѣло такой важности, какъ система наказаній, имѣющее вліяніе на всю будущность дѣтей, не можетъ долѣе оставаться предоставленнымъ случаю, и личнымъ (произвольнымъ) мнѣніямъ директоровъ. Слѣдствіемъ этого произвола мы и видимъ именно то, что происходитъ теперь въ гимназіи волынской: дѣтей сѣкутъ за лѣность и переводятъ изъ класса въ классъ за воровство, и та же самая дирекція предлагаетъ ввести это же самое наказаніе и за безуспѣшность. Надѣюсь, что тщательное обсужденіе системъ наказанія, предпринимаемое теперь мною въ комитетѣ при управленіи округа, распространитъ болѣе здравыя понятія и прекратитъ произволъ въ дѣлѣ столь важномъ для общественнаго воспитанія.

О преподаваніи географіи.

Изъ числа разсужденій о преподаваніи географіи, читанныхъ, по моему распоряженію, въ педагогическихъ совѣтахъ различныхъ уѣздныхъ училищъ округа, заслуживаетъ вниманія мнѣніе учителя зеньковскаго уѣзднаго училища (полтав. губерніи) Шевича, которое здѣсь и излагается. Мысль г. Шевича хороша и современа, особливо въ отношеніи нашихъ уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназіи. Ничто не развиваетъ столько понятіе дѣтей, какъ наглядный и разговорный способъ ученія. Г. Шевичъ избралъ послѣдній, и очень жаль, что не соединилъ его съ первымъ. Здѣсь предлагаются только нѣкоторые образчики его способа. Въ цѣлости же записка г. Шевича не печатается потому, что многія мѣста въ ней служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ трудно преподавателю, несмотря на рвеніе и добросовѣстность, справиться съ такимъ предметомъ, каковъ наглядно-разговорный способъ. Онъ, кажется, и простъ, а требуетъ гораздо болѣе свѣдѣній и такта со стороны учителя, чѣмъ самый мудренный книжный.

Преподаватель, объясняющій наглядно-разговорно, долженъ приготовиться и приготовиться, прочесть многое, а подумать—еще больше; иначе съ нимъ можетъ то же случиться, что случилось и съ г. Шевичемъ, при его разговорныхъ объясненіяхъ. Можно ученикамъ дать легко ложную мысль о предметѣ мало знакомомъ; можно навлечь и насмѣшку, если имъ, напримѣръ, начнемъ объяснять наглядно (посредствомъ сжатаго кулака), почему полюсы сжаты отъ холода, или спросимъ ихъ, въ какой части тѣла у человѣка находится любовь (въ сердцѣ). Но, несмотря на эти неудобства и недостатки, нельзя не поблагодарить г. Шевича за то, что онъ первый, сколько извѣстно, въ нашемъ округѣ, ввелъ въ употребленіе методу, заслужившую довѣріе у самыхъ лучшихъ и опытныхъ педагоговъ.

Задачи учителя въ школѣ.

Усматривая изъ протоколовъ нѣкоторыхъ педагогическихъ совѣтовъ и отдѣльныхъ мнѣній, что многіе изъ наставниковъ невѣрно понимаютъ ихъ нравственно-педагогическія обязанности и дѣйствуютъ несоотвѣтственно духу моихъ распоряженій, я считаю необходимымъ поставить совѣтамъ на видъ слѣдующее:

1) Доставивъ каждому изъ учителей удобный случай, посредствомъ сужденій въ засѣданіяхъ совѣта, высказывать откровенно свои мнѣнія о способѣ преподаванія, о достоинствахъ и проступкахъ учениковъ и о нравственно-педагогическихъ пріемахъ, я зналъ очень хорошо, что мнѣнія всѣхъ членовъ совѣта не могутъ быть одни и тѣ же. Если бы всѣ и обо всемъ имѣли одинаковые взгляды и убѣжденія, то не было бы и необходимости въ коллегіальныхъ и совѣщательныхъ учрежденіяхъ. Изъ этого, однако-же, никакъ не слѣду-

етъ, что тѣ изъ членовъ совѣта, мнѣнія которыхъ несогласны съ мнѣніемъ большинства, должны своими дѣйствіями противорѣчить рѣшеніямъ педагогическаго совѣта, основаннымъ на большинствѣ голосовъ. Такой образъ дѣйствій доказываетъ, что дѣйствующіе неясно понимаютъ духъ и главное основаніе коллегіальныхъ учрежденій. Первая и главная обязанность всѣхъ членовъ коллегіальныхъ, и преимущественно учебныхъ коллегіальныхъ учрежденій, есть именно та, чтобы проводить свои убѣжденія на дѣлѣ путемъ прямымъ и законнымъ, т. е. посредствомъ рѣшеній коллегіальнаго учрежденія или, другими словами, посредствомъ большинства.

Если же большинство не сочувствуетъ убѣжденіямъ нѣкоторыхъ изъ членовъ,—будутъ ли они прогрессисты или непрогрессисты, все равно, —то этимъ нѣкоторымъ, или меньшинству, ничего болѣе не остается, какъ остаться при своихъ убѣжденіяхъ, протестовать подачею отдѣльныхъ мнѣній, предоставить прочее на рѣшеніе главнаго начальства, къ которому должно имѣть законное довѣріе, и не препятствовать ходу дѣла неуспѣшными и настойчивыми обнаруживаніями своихъ личныхъ и частныхъ воззрѣній предъ подчиненными. Иначе благая и высокая цѣль коллегіальныхъ учрежденій будетъ нарушена, и нарушится ко вреду общаго блага. Популярность въ этомъ случаѣ, и именно въ дѣлѣ образованія, неумѣстна. Суетнымъ желаніемъ нравиться и пріобрѣсти почетъ у молодежи незрѣлой и впечатлительной развивается только неуваженіе къ законности и къ тому учрежденію, которое, въ глазахъ этой молодежи, должно быть ареопагомъ, и къ членамъ котораго принадлежатъ эти же сами дѣятели, противорѣчащіе его рѣшеніямъ. Слѣдовательно, неуваженіе, несмотря на ихъ популярность, рано ли, поздно ли, распространится и на нихъ самихъ. Но всего важнѣе подчиненіе собственнаго убѣжденія убѣжденіямъ большинства въ дѣлахъ судебныхъ. Въ этихъ дѣлахъ членовъ педагогическаго совѣта можно сравнить съ присяжными.—А отдѣльныя мнѣнія каждаго присяжнаго не объявляются подсудимымъ. Это было бы противно здравому смыслу. Поэтому меня удивляетъ несообразность тѣхъ отдѣльныхъ мнѣній педагогическаго совѣта, въ которыхъ высказано желаніе сообщить ихъ подсудимымъ ученикамъ при рѣшеніи дѣла.—Они, въ глазахъ моихъ, означаютъ незрѣлость взглядовъ и непониманіе благой цѣли коллегіальныхъ педагогическихъ судовъ. Въ этихъ случаяхъ члены, не раздѣляющіе мнѣній большинства, обязаны, подъ строгою отвѣтственностью предъ закономъ и начальствомъ, содержать въ глубокой тайнѣ ихъ личные взгляды, какъ скоро они отвергнуты большинствомъ. — Эти взгляды должны быть извѣстны только одной высшей инстанціи, а уже никакъ не подсудимымъ. Иначе неминуемо выйдетъ разладъ и безпорядокъ, за который будутъ отвѣчать агитаторы подсудимыхъ предъ лицомъ закона. Это правило еще важнѣе, когда подсудимые —ученики.

Только высшей инстанціи подлежитъ сужденіе, справедливо ли рѣшеніе низшей. Только высшая инстанція, разсмотрѣвъ рѣшеніе большинства и протесты меньшинства, можетъ опредѣлить, кто дѣйствовалъ справедливѣе, но уже никакъ не сами подсудимые-ученики. А если такъ, то для чего же имъ знать, какъ думало меньшинство? Развѣ для того только, чтобы меньшинство пріобрѣло популярность. Такое требованіе со стороны меньшинства означало бы только одну неблагомыслящую суетность: тѣ, которые желаютъ, чтобы рѣшеніе меньшинства сообщать подсудимымъ, доказываютъ, что они вообще еще не умѣютъ проводить надлежащимъ путемъ своихъ взглядовъ, или не имѣютъ для того надлежащаго терпѣнія, выдержки и твердости духа, желая достигнуть своей цѣли не путемъ логики и настойчиваго убѣжденія, а ненадежною дорогою агитаціи, привлекая на свою сторону незрѣлую толпу и отдаваясь ей на судъ. А что будетъ тогда, если ихъ взгляды ошибочны? (Вѣдь они не могутъ быть собственными безпристрастными судь-

ями своихъ мнѣній?) Не завлекутъ ли они тогда и толпу въ заблужденіе?

2) Изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣній видно, что въ педагогическихъ совѣтахъ гимназіи существуютъ два взгляда объ отношеніяхъ наставниковъ къ ученикамъ. Одни думаютъ, что учители—братья, другіе—что они отцы ученикамъ. А я думаю, что—ни то, ни другое. Наставники должны остаться наставниками, въ полномъ смыслѣ, ни болѣе и не менѣе. Болѣе отъ нихъ нельзя требовать. Тѣ, которые хотятъ наложить на учителей обязанности родительскія,—забываютъ, что они требуютъ болѣе, нежели сколько человѣкъ можетъ исполнить. Отцомъ можно быть только своихъ дѣтей. А тѣ, которые сравниваютъ учителей съ братьями, отвергая всѣ принудительныя мѣры, и говорятъ, «что не должно учениковъ понуждать ходить въ классы, не взыскивать за незнаніе и лѣность», и т. п.,—очевидно, смѣшиваютъ способъ университетскаго образованія съ образованіемъ гимназическимъ. Сторонники такихъ взглядовъ, чтобы остаться послѣдовательными, должны будутъ дозволить ученикамъ и выборъ предметовъ: они должны будутъ допустить, чтобы одни ученики посѣщали только тѣ уроки и только тѣ классы, которые имъ заблагоразсудится посѣщать. Можно ли же серьезно надѣяться провести такой принципъ? Неужели все то, что прилично дѣлать зрѣлому юношѣ, можетъ быть дозволено и ребенку? Неужели мы еще такъ мало имѣемъ здраваго смысла, чтобы не умѣть отличить крайности?

Если теперь выражается общее желаніе сдѣлать университетское образованіе какъ можно менѣе принудительнымъ, то неужели слѣдуетъ изъ этого, что должно желать распространить это же самое начало и на гимназіи? Здѣсь опять проявляется на сцену та же суетность, какъ и при рѣшеніи вопроса о дѣйствіяхъ меньшинства. Учителямъ гимназіи хочется играть роль университетскихъ профессоровъ, а гимназистамъ—студентовъ.—Какъ будто одно выше или лучше другого въ нравственно-гуманномъ отношеніи!—Еще болѣе, эта мелочная суетность и непониманіе самыхъ первыхъ началъ педагогіи проявляются у тѣхъ, которые хотятъ дозволить ученикамъ читать романы или другія книги въ классахъ и отдавать на ихъ волю слушать или не слушать учителя. Эти господа имѣютъ, очевидно, ложное понятіе и о волѣ человѣка, и объ обязанностяхъ учителя. Позвольте сегодня одному ученику, отрапортовавшему свой урокъ, читать въ классѣ что ему угодно, и завтра же цѣлый классъ будетъ заниматься въ классѣ чѣмъ ему угодно. Да развѣ долженъ хоть одинъ ученикъ сидѣть въ классѣ незанятый и не въ постоянномъ ожиданіи, что имъ займется учитель? Развѣ не должны всѣ ученики быть à qui vive въ классѣ; развѣ не должны они съ съ постояннымъ напряженіемъ внимательно слѣдить и за отвѣтами своихъ товарищей, и за вопросами учителя?

Развѣ учитель въ своемъ классѣ можетъ оставлять хотя одного изъ своихъ учениковъ въ убѣжденіи, что онъ уже отдѣлался, и потому можетъ заниматься чѣмъ угодно? Все это такъ несообразно, такъ противорѣчитъ основнымъ началамъ педагогики, что я не понимаю, какъ такія мысли могли когда-нибудь придти въ голову опытныхъ наставниковъ.

3) Если въ настоящее время обнаруживается какой-то антагонизмъ между учениками и учителями, не пользующимися милостью учениковъ, «если проявляется духъ своеволія и неповиновенія, если учители для сближенія съ учениками, приглашая ихъ къ себѣ, критикуютъ съ ними же вмѣстѣ другихъ наставниковъ», то все это доказываетъ, что ни учители, такъ поступающіе, ни самые педагогическіе совѣты, не понимаютъ надлежащимъ образомъ прямыхъ своихъ обязанностей. Учители,—потому, что во вредъ и ученикамъ, и всему учебному учрежденію, поселяютъ вражду, неуваженіе и недовѣріе тамъ, гдѣ весь успѣхъ дѣла основанъ на гармоническомъ согласіи дѣйствій и взаимномъ уваженіи и довѣріи; педагогическіе

совѣты—потому, что имъ слѣдовало бы тотчасъ же предпринять энергическія мѣры для прекращенія зла, подвергнувъ въ своихъ засѣданіяхъ не простымъ намекамъ, а безпристрастному суду и точному изслѣдованію поступки его членовъ, употребляющихъ во зло имя и достоинство учителя.

Прошу настоящее предложеніе заслушать въ первомъ засѣданіи педагогическаго совѣта.

Взаимоотношенія учителей.

Всякій контролеръ учебной дѣятельности долженъ имѣть для контролируемаго какой-нибудь авторитетъ,—конечно, не одинъ оффиціальный. Само собою предполагается, что директоръ и инспекторъ гимназіи избираются изъ лицъ, извѣстныхъ опытностью и педагогическою дѣятельностью; на нихъ лежитъ отвѣтственность за состояніе учебной части въ гимназіи, и потому замѣчанія директора и инспектора относительно преподаванія имѣютъ особенное значеніе для учителей и для самого преподаванія. Но всѣхъ ли учителей извѣстной гимназіи замѣчанія могутъ имѣть свойство замѣчаній, заслуживающихъ вниманія преподавателя и тогда, когда ихъ не просятъ,—это еще вопросъ.—Если директоръ и инспекторъ бѣлоцерковской гимназіи подписали предложенную имъ нѣкоторыми учителями мѣру, болѣе или менѣе ограничивающую ихъ вліяніе на преподаваніе, то это скорѣе показываетъ ихъ благородное самоотреченіе отъ права, имъ принадлежащаго, ихъ умѣренность и гуманность, чѣмъ доказываетъ необходимость самой мѣры, подписанной ими.

Итакъ, наблюденіе за преподаваніемъ въ гимназіи и необходимыя при томъ замѣчанія должно предоставить тому, кому это ввѣрено уставомъ гимназіи, съ тѣмъ, однако-же, чтобы директоръ и инспекторъ свои замѣчанія дѣлали извѣстными въ педагогическомъ совѣтѣ.

Утверждаю это мнѣніе, рискуя получить упрекъ въ робости, который такъ легко сдѣлать, и котораго многіе часто опасаются до того, что скрываютъ свое убѣжденіе въ безмолвной подписи.

Но поелику способы преподаванія могутъ быть изучаемы не изъ однихъ только циркуляровъ г. попечителя кіевскаго учебнаго округа, а и нагляднымъ образомъ—чрезъ наблюденіе надъ преподаваніемъ другихъ, то должно допустить, что всякій учитель гимназіи можетъ быть на урокѣ другого учителя—съ цѣлью усвоить то, что найдетъ для себя лучшаго въ его способѣ преподаванія, но не съ цѣлью инспектировать своего товарища подъ—иногда — лукавымъ предлогомъ дружескихъ замѣчаній, которыхъ послѣдній почему-либо вовсе не расположенъ ни просить, ни принимать отъ него. Когда эта цѣль будетъ извѣстна, то взаимныя посѣщенія уроковъ учителями, производя благотворное вліяніе во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительно примутъ видъ посѣщеній дружескихъ, не будутъ возбуждать подозрѣній ни въ преподавателѣ, ни въ ученикахъ, относительно личности посѣтителя, не будутъ стѣснять на урокѣ дѣятельности преподавателя, а, напротивъ, возбуждать ее и развивать, а съ другой стороны, ограничатся взаимностью **нѣкоторыхъ** учителей, дѣйствительно сближенныхъ сродствомъ преподаваемыхъ ими предметовъ и другими отношеніями.

Надѣюсь, что съ мнѣніемъ моимъ согласны слова апостола: «**не мнози учители бывайте, братіе, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ**», и старинное правило: «de se ipso modicice, de aliis honorifice».

Несмотря на кажущееся различіе мнѣній касательно пользы взаимнаго посѣщенія уроковъ учителями гимназіи, возникшее въ педагогическомъ совѣтѣ бѣлоцерковской гимназіи, мнѣ кажется, что обѣ стороны согласны въ главномъ и существенномъ. Если учители будутъ посѣщать уроки своихъ товарищей, съ цѣлью, какъ говоритъ законоучитель Лебединцевъ, усвоить то, что найдутъ для себя лучшаго въ способѣ преподаванія своего товарища, если, кромѣ того, цѣлью

будетъ сравненіе различныхъ способовъ преподаванія, употребляемыхъ другими, съ своимъ собственнымъ, то отъ такого посѣщенія нельзя ничего болѣе ожидать, кромѣ пользы. Да, предложивъ педагогическимъ совѣтамъ гимназій собираться въ экстраординарныя засѣданія для обсужденія различныхъ способовъ преподаванія и различныхъ мѣръ къ устраненію существующихъ недостатковъ въ преподаваніи, я иначе и не полагалъ возможнымъ осуществить эту цѣль, какъ тѣмъ способомъ, чтобы наставники доставляли другъ другу фактическія доказательства достоинства предлагаемаго или принятаго ими способа изложенія той или другой науки. Безъ такихъ, ясныхъ, фактическихъ, доводовъ, ихъ сужденія, сообщаемыя въ засѣданіяхъ педаг. совѣта, остались бы голословными. Бумага все терпитъ. Можно написать многое, и свое, и чужое, и кто хоть сколько-нибудь владѣетъ перомъ—можетъ красно и убѣдительно изложить свои мысли; но въ дѣлѣ практическомъ, каково педагогическое искусство, этого еще мало. Нужно сказать: 1) что тотъ, кто изложилъ свое мнѣніе на бумагѣ о своемъ способѣ преподаванія, слѣдуетъ ему дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ; и 2) что излагаемый имъ способъ дѣйствительно имѣетъ тѣ выгоды, которыя онъ ему приписываетъ. Какъ же можно это доказать иначе, какъ не пригласивъ товарищей на свой урокъ и не убѣдивъ ихъ на самомъ опытѣ или посѣтивъ лекціи своего товарища и сравнивъ его способъ преподаванія съ своимъ собственнымъ? Если одинъ не убѣдится и опытомъ, то должно рѣшить большинство вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ, также убѣдившись на опытѣ, слѣдовательно посѣтивъ лекціи. Если и это еще не убѣдитъ приверженцевъ своихъ собственныхъ взглядовъ, то у начальства округа, на разсмотрѣніе котораго посылается и мнѣніе большинства, и отдѣльныя мнѣнія, безъ сомнѣнія, найдется довольно средствъ убѣдиться въ истинѣ сужденій той или другой стороны. Безъ сомнѣнія, въ школьномъ, какъ и во всякомъ другомъ общественномъ кругу, найдутся и такія личности, которыя скроютъ свое недоброжелательство, пристрастіе или насмѣшку «подъ лукавымъ предлогомъ дружескихъ замѣчаній», какъ говоритъ законоучитель Лебединцевъ,—но на это смотрѣть нечего. Это вездѣ и всегда можетъ случиться, и не должно останавливать доброе дѣло. Противъ всѣхъ возможныхъ золъ уберечься нельзя, а если станемъ слишкомъ оберегаться, то, пожалуй, никогда и добра не достигнемъ. Впрочемъ, во избѣжаніе личностей и ссоръ, наставники могутъ уговариваться въ томъ, чтобы сообщать свои замѣчанія не иначе, какъ въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта.

Образованіе и воспитаніе.

Въ кіево-подольскомъ дворянскомъ училищѣ, по предложенію штатнаго смотрителя, обсуживался вопросъ: пользу или вредъ приносятъ аудиторы? По мнѣнію г. Слѣпушкина, польза аудиторовъ весьма гадательна, а нравственный вредъ, приносимый ими, такъ великъ, что едва ли оправдываетъ ихъ существованіе. Эта мѣра можетъ возбуждать въ дѣтяхъ такія нечистыя побужденія и привычки, которыя грустно видѣть во взросломъ человѣкѣ, не только въ ребенкѣ. Она же, можетъ быть, дастъ посылку, изъ которой образуется иногда будущій, не всегда честный, взглядъ на вещи. Учитель Стефановскій при этомъ возразилъ, что назначеніе аудиторовъ вызывается необходимостью, такъ какъ преподаватель не имѣетъ возможности спросить въ теченіе урока всѣхъ учениковъ, а между тѣмъ, въ низшихъ классахъ внѣшнее побужденіе къ ученію (т.-е. неизбѣжность спроса) существенно необходимо,—иначе дѣти не будутъ регулярно приготовлять своихъ уроковъ. Поэтому онъ полагаетъ, что аудиторовъ должно допустить въ I-мъ классѣ, по крайней мѣрѣ на два мѣсяца, пока поступившіе не привыкнутъ къ систематическимъ занятіямъ.

Послѣ того штатный смотритель учебныхъ заведеній предложилъ: не

найдутъ ли гг. преподаватели необходимымъ отмѣчать въ циркулярахъ округа то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ быть приложимымъ или съ пользою введеннымъ въ училищѣ. Совѣтъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ и опредѣлилъ: 1) чтобы каждый преподаватель отмѣчалъ тѣ теоретическія и практическія замѣчанія, которыя, по его мнѣнію, могутъ принести пользу въ примѣненіи; 2) чтобы о такихъ замѣткахъ онъ сообщалъ совѣту въ одно изъ засѣданій, и затѣмъ 3) если его мнѣніе будетъ одобрено, чтобы оно переходило непремѣнно въ практику.

Въ заключеніе предложено не выпускать учениковъ изъ класса, во время уроковъ, ни подъ какимъ предлогомъ, кромѣ случаевъ болѣзни и крайней необходимости. Необходимость такого распоряженія объясняется тѣмъ, что ученики безъ всякой надобности пользуются этимъ установившимся обычаемъ, развлекаются, привыкаютъ баловаться и приходятъ въ классъ не для занятій, а для празднаго препровожденія времени на дворѣ. Члены совѣта, признавая справедливость высказанныхъ замѣчаній и принявъ во вниманіе, что такое же постановленіе уже принято совѣтомъ волынской гимназіи и одобрено г. попечителемъ округа, положили привести эту мѣру въ исполненіе.

Наши заведенія въ полномъ смыслѣ слова—учебныя заведенія, и мы сами—учители, отнюдь не воспитатели. Отчего это произошло—объяснять здѣсь не мѣсто, но несомнѣнно одно, что мы преслѣдуемъ исключительно научныя цѣли. Повѣряя результаты нашихъ трудовъ на испытаніяхъ, мы требуемъ отъ ученика прежде всего фактическаго знанія,—пожалуй, въ извѣстной мѣрѣ, формальнаго развитія, но не болѣе. При естественномъ состояніи общества такой порядокъ вещей былъ бы совершенно законенъ. Тогда ребенокъ, получая въ семействѣ доброе, нравственное направленіе, въ школу могъ бы приходить только за научнымъ матеріаломъ. Между тѣмъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ, уже не трудно замѣтить, какъ далеки мы отъ такого идеала. Если наши учебныя заведенія, несмотря на всю неудовлетворительность обученія, все же еще выпускаютъ ученика съ запасомъ систематическихъ и въ извѣстной мѣрѣ отчетливыхъ свѣдѣній, то наши семейства слишкомъ чужды не только исполненія, даже правильнаго пониманія своего долга. Особенно это слѣдуетъ сказать о тѣхъ, которые, и по средствамъ, и по своему общественному положенію, занимаютъ низшія ступени общества. Но если мальчикъ не получаетъ теперь нравственнаго воспитанія дома, не получаетъ его и въ школѣ,—слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ его вовсе не получаетъ? Думаю, что нѣтъ.

Несомнѣнно, что воспитаніе ребенка можетъ происходить помимо всякой преднамѣренной теоріи и независимо отъ того, обращено ли на это вниманіе. Не учивши дитя, можно вырастить круглаго невѣжду; но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами, и вся разница будетъ заключаться въ томъ, что оно можетъ воспитаться дурно тогда, когда могло бы воспитаться разумно и правильно. Словомъ, отъ образованія нѣкотораго взгляда на вещи—правильнаго или неправильнаго,—отъ образованія своего рода нравственнаго кодекса вы его не убережете. Въ школьное же время, когда умственная пытливость возбуждена, кругъ понятій и дѣятельности дѣлается шире, и особенно когда является сильное стремленіе къ подражанію старшимъ, — нравственное формированіе ребенка происходитъ еще осязательнѣе. Но школьное, подъчасъ сухое ученіе не въ состояніи удовлетворить дѣтскую подвижную натуру и отвѣтить на всѣ вопросы, которые представляются ея умственному взору. А между тѣмъ кругъ этихъ вопросовъ съ каждымъ годомъ становится все обширнѣе, и рѣшеніемъ ихъ уже, очевидно, начинаетъ опредѣляться характеръ будущей личности человѣка. Если же ребенокъ не находитъ отвѣта у старшихъ, не находитъ его прямо въ ученіи,—онъ рѣшаетъ его по своему или примѣняясь къ готовому рѣшенію другихъ. Вообще трудно подмѣтить, какъ со-

вершается этотъ любопытный процессъ; еще труднѣе указать законы, по которымъ дѣтская натура вноситъ въ свой міръ всякое новое пріобрѣтеніе.

Если все это справедливо, то остается рѣшить вопросъ не о необходимости воспитательнаго элемента въ преподаваніи, а только о томъ: въ какой мѣрѣ необходимо примѣнить его и какимъ образомъ? Прежде, однако-же, не будетъ лишнимъ уяснить, что должно разумѣть подъ правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ? Конечная цѣль разумнаго воспитанія должна заключаться въ постепенномъ образованіи въ ребенкѣ яснаго пониманія вещей окружающаго міра и преимущественно общественнаго, т.-е. того, въ которомъ ему современемъ придется дѣйствовать. Это прежде всего. Затѣмъ послѣдовательнымъ результатомъ такого пониманія должно быть возведеніе добрыхъ инстинктовъ дѣтской натуры въ сознательное стремленіе къ идеаламъ правды и добра. И, наконецъ, въ задачу воспитанія, какъ результатъ того и другого, должно входить постепенное образованіе нравственныхъ современныхъ убѣжденій, образованіе твердой и свободной воли и, слѣдовательно, воспитаніе тѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ доблестей, которыя составляютъ лучшее украшеніе времени и общества. Задача, очевидно, не легка, но не надо забывать, что приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ въ большей части случаевъ послушнымъ и воспріимчивымъ. Не надо забывать, что многое изъ начертанной программы уже хранится въ дѣтской натурѣ и ей присуще.

Что касается до того, въ какой мѣрѣ можетъ быть введенъ воспитательный элементъ въ преподаваніе, то я не изъ тѣхъ, которыя видятъ въ немъ исключительную задачу общественнаго образованія. Преподаваніе должно прежде всего обогатить умъ положительными свѣдѣніями. Я отъ всего сердца сочувствую тому правилу дидактики, по которому «преподаваніе должно соображаться не только съ дѣтскою природою, но и съ сущностью сообщаемой науки». Преподаваніе должно подчиняться научнымъ требованіямъ предмета и самый предметъ не долженъ быть только орудіемъ для постороннихъ цѣлей. Основаніе для такого взгляда слѣдующее: всего чаще у насъ прямыя цѣли обученія приносятъ въ жертву такъ-называемому развитію, т.-е. заботятся не столько о томъ, чтобы учащійся зналъ дѣло, сколько о томъ, чтобы схватилъ его конечные результаты. Но развитіе,—будетъ ли оно слѣдствіемъ воспитанія, или преподаванія,—если оно не подкрѣплено положительнымъ знаніемъ, переходитъ въ фразу, въ мыльный пузырь, который гроша не стоитъ: оно образуетъ людей поверхностныхъ и заносчиво-самоувѣренныхъ, людей шаткихъ, не имѣющихъ ни одного, собственной работой добытаго, мнѣнія, фразеровъ, мечтателей, дурныхъ исполнителей. Въ этомъ ли должна заключаться цѣль разумной педагогики? Еще ли у насъ мало людей, которые весь вѣкъ задаютъ себѣ великія задачи, говорятъ громкія вещи и не умѣютъ приложить ихъ въ жизни къ самому легкому дѣлу? Но изъ всего сказаннаго мною опять не слѣдуетъ, чтобы я отрицалъ пользу развитія. Оно необходимо существенно уже потому, что образуетъ человѣка, тогда какъ знаніе даетъ только ученаго. Я хочу сказать, что развитіе должно опираться на фактъ, на знаніе, быть его прямымъ, конечнымъ выводомъ, и только тогда можетъ получить цѣну. Поэтому я полагалъ бы, что въ преподаваніи воспитательный элементъ не долженъ стоять на первомъ мѣстѣ. Наставникъ никогда не долженъ забывать свою прямую цѣль—систематическую передачу знанія; но, не забывая ея, онъ долженъ столь же постоянно помнить и о второй задачѣ.

Остается теперь сказать, какимъ образомъ примѣнимъ воспитательный элементъ въ преподаваніи? Но положительно рѣшить этотъ вопросъ я не берусь. Въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ даровитости преподавателя, его собственнаго развитія и, наконецъ, отъ свойства самаго предмета.

Извлеченіе изъ записки г. Слѣпушкина помѣщается здѣсь только потому, что я желаю, чтобы другіе наставники приняли участіе въ обсужденіи поднятаго имъ вопроса. Г. Сл., конечно, не разрѣшилъ его удовлетворительно. Онъ даже попалъ не на прямую дорогу. Онъ, по моему мнѣнію, неясно опредѣляетъ, что такое воспитательный элементъ въ преподаваніи и что такое развитіе ученика путемъ преподаванія науки. Изъ его записки выходитъ, что онъ какъ будто противополагаетъ развитіе и воспитательный элементъ обогащенію ума положительными свѣдѣніями посредствомъ преподаванія. Г. Сл. говоритъ, что будто-бы у насъ «всего чаще прямыя цѣли обученія приносятся въ жертву так.-наз. развитію». «А развитіе,—продолжаетъ онъ,—если не будетъ подкрѣплено положительнымъ знаніемъ, то переходитъ въ пустую фразу». Но кто не знаетъ, что истинное развитіе безъ положительныхъ свѣдѣній не существуетъ. Какъ можно развить душевныя способности ребенка, не употребивъ орудіемъ развитія положительныя, научныя свѣдѣнія? И если въ чемъ нужно упрекать наши школы, такъ именно въ томъ, что онѣ не владѣютъ или плохо владѣютъ этимъ орудіемъ. Поэтому-то я, получивъ записку г. Сл., обрадовался-было, думая, что онъ, примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, докажетъ въ ней, какимъ образомъ можно бы было осуществить мысль о необходимости воспитательнаго элемента въ преподаваніи. Къ сожалѣнію, этого г. Сл. не сдѣлалъ, а предоставляетъ дѣлать другимъ, ссылаясь на то, что ему недостаетъ еще педагогической опытности. Во всякомъ случаѣ поблагодаримъ его и за то, что онъ возбуждаетъ вопросъ, и будемъ надѣяться, что другіе, болѣе опытные наставники скажутъ намъ, какъ они понимаютъ это дѣло.

О врачахъ педагогахъ.

Предложеніе г. Коляновскаго (о допущеніи медиковъ къ педагогическимъ должностямъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ) заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я думаю, что никто не имѣетъ столько правъ на занятіе педагогическихъ должностей въ закрытыхъ заведеніяхъ, какъ врачи. Кромѣ причинъ, изложенныхъ г. Коляновскимъ (общество имѣетъ превратное понятіе о медицинѣ, медики лучше другихъ могутъ преподавать анатомію, физіологію и т. п.), есть и еще одна важная сторона воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ, которая доступна исключительно только однимъ врачамъ. Это—п о р о к и ч у в с т в е н н о с т и; до того скрытые въ нашихъ заведеніяхъ, что начальники едва подозрѣваютъ ихъ существованіе, тогда какъ эти пороки постоянно вносятся въ заведенія извнѣ (учениками домашняго воспитанія) и развиваются въ немъ самомъ нерѣдко въ поразительныхъ размѣрахъ и въ различныхъ видахъ. Обратить на это зло должное вниманіе, узнать его начало и предпринять раціональныя мѣры, чтобы предупредить и остановить его можетъ только одинъ опытный врачъ. И такъ врачъ при закрытомъ заведеніи могъ бы въ одно и тоже время быть съ пользою и надзирателемъ за н р а в с т в е н н о ю стороною учащихся, и преподавателемъ энциклопедіи медицинскихъ наукъ въ высшихъ классахъ, и врачемъ гимназической больницы.

II. Статьи о высшей школѣ.

Чего мы желаемъ?

Отрывокъ изъ статьи: Школа и жизнь.[46]

Кажется, очень легко отвѣчать на вопросъ: чего мы желаемъ? Но если-бы мы обо всемъ, начиная съ уличной продѣлки до государственнаго дѣла, должны были отвѣчать на эту тэму, то немногіе изъ насъ получили бы отмѣтку изъ логики: «cum eximia laude». Да мало этого: мы, говоря по совѣсти, и не желаемъ спрашивать себя: чего мы желаемъ? Отчего же это?—или нѣтъ,—я спрошу прежде: правда ли это? и спрошу недаромъ, потому что, знаю, люди практическіе скажутъ тотчасъже: «неправда». Они дѣйствительно всегда спрашиваютъ себя,—а если и не спрашиваютъ, то все-таки хорошо знаютъ, чего хотятъ. И отвѣтъ ихъ всегда коротокъ и ясенъ, оттого что они всегда преслѣдуютъ ближайшую цѣль,—что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть и дальновидными. Дальновидность мѣряется результатами. А преслѣдуя одну ближайшую цѣль за другою, можно дойти до результатовъ самыхъ блестящихъ. Истый практикъ не заботится о послѣдовательности. Онъ непричастенъ аномаліи, извѣстной подъ названіемъ «логическаго ослѣпленія».

Я дѣйствительно виноватъ, не сказавъ, что мой вопросъ касается не одной только ближайшей цѣли. Такая цѣль и слишкомъ ясна, и слишкомъ близка нашему *я*, чтобы затруднять отвѣтъ. Правда, иногда нелегко открыть фактъ, опредѣляющій ближайшую цѣль; нелегко иногда достигнуть такой цѣли, какъ бы она близка ни казалась; нужно иногда много воли и ума, чтобы вѣрно ея достигнуть; но опредѣлить ее вообще нетрудно. И практическій геній совсѣмъ не тотъ, кто преслѣдуетъ далекія цѣли. Такія достоинства приписываютъ ему только его исторіографы и біографы. Онъ великъ тѣмъ, что умѣетъ настойчиво преслѣдовать одну цѣль за другою и достигать—одну за другою. Но вопросъ: чего мы желаемъ, поставленный въ моемъ смыслѣ, наврядъ-ли когда-нибудь занималъ великихъ практиковъ. Имъ было не до того. Изъ этого, однакоже, не слѣдуетъ, что онъ не долженъ занимать и насъ. У насъ болѣе досуга, чѣмъ у великихъ дѣятелей; а на-досугѣ, имѣя въ виду не одну только ближайшую цѣль, не худо иногда спросить себя: чего мы желаемъ? Скажутъ, что сужденіе объ отдаленномъ, когда ближайшее и подручное еще не достигнуто, безполезно. Скажутъ, что несравненно полезнѣе удовлетворить очевиднымъ и настоящимъ потребностямъ способами, которые окажутся подъ руками. Скажутъ, что, будь эти способы даже полумѣры, лишь бы были сподручны, то они дѣйствительнѣе самихъ мѣръ, назначенныхъ для достиженія далекихъ цѣлей. Нѣтъ спора, эти возраженія, взятыя изъ опыта жизни, трудно одолѣть. Но, съ другой стороны, этотъ же самый опытъ не убѣждаетъ ли насъ, что, преслѣдуя нашими полумѣрами одно ближайшее, мы незамѣтно попадаемъ въ такой лаби-

ринтъ, изъ котораго трудно бываетъ выбраться. Правда, не мы одни виноваты. Еще отцы и праотцы наши не однажды заводили насъ въ безвыходное положеніе. Но нельзя сказать по совѣсти, чтобы мы дѣятельно пытались выйти изъ него. Мы только попеременно дѣлаемъ шагъ впередъ и шагъ назадъ, преслѣдуя однѣ ближайшія и слишкомъ осязательныя цѣли. А привыкнувъ къ этому способу прогресса, мы отвыкаемъ—и потомъ даже боимся спросить себя: *чего мы желаемъ?* Да, я утверждаю,—и сознаюсь—утверждаю, основываясь на собственномъ опытѣ,—что намъ дѣлается жутко при этомъ простомъ вопросѣ. Мы чувствуемъ, что отвѣтъ на него слишкомъ ясно представитъ нашу собственную нищету духа, разслабленнаго противорѣчіями и непослѣдовательностями. Но, кромѣ боязни, внушаемой одною суетностью, этотъ вопросъ можетъ возбудить еще другое, болѣе серьезное, опасеніе. Спрашивая себя: *чего мы желаемъ?* мы невольно, хотя издалека, касаемся *идеальной стороны* того дѣла, о которомъ судимъ. А затрагивать эту сторону страшно. Она-то и наводитъ иногда *логическое ослѣпленіе*, которое дѣйствительно ни для кого не здорово. Но, побѣдивъ суетность, можно одолѣть и робость ума. Можно взглянуть и на идеалъ, какъ бы онъ ни казался свѣтелъ или непроницаемъ. Конечно, тутъ все зависитъ отъ индивидуальнаго склада ума. Говорятъ, что каковъ человѣкъ, такова его и философія. Одинъ—подробно разбираетъ лицевую сторону дѣла. Другой—доводитъ до крайнихъ предѣловъ разныя стороны того же дѣла и разсматриваетъ въ немъ идеальныя противоположности. Почему же одинъ способъ воззрѣнія долженъ быть непремѣнно лучше другого? Есть, правда, и на это мода: одинъ способъ бываетъ больше въ модѣ сегодня, чѣмъ вчера; но, по закону противодѣйствія, можетъ быть и на другой улицѣ праздникъ. И въ нашъ вѣкъ, который судитъ о вещахъ, какъ онѣ есть на-лицо, проявляются такіе взгляды, что могутъ поспорить въ идеальности и съ стародавними. Съ другой стороны, если мое *«чего мы желаемъ»* и опасно, потому что затрагиваетъ идеальную сторону, то зато оно предохраняетъ насъ вѣрнѣе отъ противорѣчій и непослѣдовательностей. Того, кто не потерялъ еще способности быть собственнымъ экзаменаторомъ, этотъ вопросъ скоро выведетъ на чистую воду. На него самому себѣ нельзя отвѣчать увертливо. Да и идеальная сторона въ дѣлахъ совсѣмъ не такъ опасна, какъ кажется, Она не препятствуетъ дѣйствовать. Положимъ, вы предлагаете нововведеніе. Положимъ, что, спрашивая себя, чего вы желаете, вамъ невольно представляется идеалъ вашего нововведенія,—это натурально; потому что мы всегда желаемъ болѣе чѣмъ можемъ достигнуть.—Что же за бѣда? Если вы человѣкъ энергическій и истинный практикъ, т.-е. умѣете находить средства и ими дѣйствовать во-время, то вамъ и нужды не будетъ до идеальной стороны дѣла.—Если же вы человѣкъ обыкновенный, то чѣмъ же опасно пристальнѣе всмотрѣться въ далекую песпективу идеала? Опасность логическаго ослѣпленія не должна устрашать васъ. Это ослѣпленіе происходитъ не столько отъ логическихъ слѣдствій одного идеальнаго начала, проведенныхъ до послѣдней крайности, сколько отъ ошибочнаго взгляда на самое начало. Я, напримѣръ, когда-то разсуждалъ съ однимъ логически-ослѣпленнымъ о гласности, и услыхалъ отъ него, что будто-бы мы въ каждой печатной книгѣ должны всегда читать между строкъ одобрительную подпись правительства. Еслибы это было такъ, то, конечно, ни одно правительство не допускало бы ни противорѣчащихъ мнѣній, ни критики, потому что иначе оно одобряло бы и «да», и «нѣтъ». Но мало этого: мой логически-ослѣпленный собесѣдникъ доказывалъ, что нельзя ни хвалить, ни одобрять ни одну общественную мѣру и ни одно оффиціальное лицо, утверждая, что если кто позволяетъ хвалить и одобрять, тотъ долженъ также позволить хулить и порицать. Не очевидно ли, что логическое ослѣпленіе произошло въ этомъ

случаѣ не отъ крайнихъ слѣдствій принципа, выведенныхъ совершенно логически, но отъ ложно идеализированной стороны самаго принципа. Всѣ заключенія ослѣпленнаго непремѣнно бы распались, еслибы онъ уяснилъ себѣ задачу всѣхъ общественныхъ охранительныхъ мѣръ, и на вопросъ: чего мы желаемъ отъ этихъ мѣръ? отвѣтилъ бы: того, чтобы онѣ не выходили изъ предѣловъ, за которыми въ видѣ контрабандъ начинаются вредныя слѣдствія противодѣйствія. Впрочемъ логическое ослѣпленіе отъ идеала для большинства людей рѣдко бываетъ продолжительно. Жизнь скоро убѣждаетъ, что всѣхъ противорѣчій и непослѣдовательностей совершенно избѣжать нельзя. Да они и не такъ вредны, если только вѣрно служатъ одному общему, послѣдовательно проведенному, началу. Итакъ, правильно рѣшая вопросъ: чего мы желаемъ?—намъ нечего опасаться логическаго ослѣпленія.

Если бѣдствія и грубое воспитаніе не сдѣлали насъ идіотами; если наша практичность не чрезъ мѣру озабочиваетъ насъ достиженіемъ ближайшей цѣли; если эта же самая практичность, односторонне развитая, не превратила насъ въ чистыхъ формалистовъ,—то, судя о томъ или другомъ дѣлѣ, какъ бы оно ни казалось намъ житейскимъ и вседневнымъ, намъ нельзя не коснуться идеальной его стороны. Коснувшись этой стороны, вы узнаете,—а если не узнаете, то почувствуете, какъ далеко вы отстоите отъ нея. Да не только это, вы еще вдобавокъ узнаете и про самого себя, что вы за человѣкъ. Сравнимъ для примѣра два крайнихъ случая. Первый случай. Вы стоите на одной изъ низшихъ ступеней нашей чино-іерархической лѣстницы. Вы ищете мѣста въ уѣздномъ или приходскомъ училищѣ. Покуда нѣтъ вакансіи, вы задаете себѣ вопросъ: чего вы желаете? Положимъ, что на первомъ планѣ вашего отвѣта рельефно выступитъ вся матеріальная обстановка дѣла: жалованье, квартира, чинъ, доходы. Но если вашъ отвѣтъ вамъ ничего болѣе не вынесетъ, какъ одну эту обстановку, то и этого довольно: вы, по крайней мѣрѣ, узнаете, что вы за человѣкъ. Положимъ, однако-же, хоть изъ ста одинъ разъ, что сѣдина волосъ и служба еще не сдѣлали изъ васъ закоснѣлаго практика, или черствѣйшаго формалиста:—вы непремѣнно услышите еще въ вашемъ отвѣтѣ и отголосокъ съ другой, отдаленной стороны. Можетъ быть, вы услышите, что вамъ хотѣлось бы совѣстливо исполнить обязанности наставника. Такой отвѣтъ вызоветъ новый вопросъ объ обязанностяхъ, а сужденіе о нихъ доведетъ васъ и до значенія того скромнаго мѣста, которое вы ищите. Вотъ уже предъ вами и идеалъ вашего дѣла, и вы узнаете, насколько есть у васъ желанія, насколько воли—приблизиться къ этому идеалу. Это значитъ—вы узнаете въ одно и то же время и чего вы ищите, и что вы за человѣкъ.

Другой случай. Вы—государственное лицо. Вы разсматриваете государственныя учрежденія какого-нибудь народа. Вы находите то или другое учрежденіе недостаточнымъ. Но, чтобы измѣнить его, вы дѣлаете себѣ предварительно вопросъ: чего вы желаете отъ государства? Имѣя въ виду одну ближайшую цѣль, вы скажете: я желаю, чтобы государство не находилось въ противорѣчіи съ жизненною цѣлью народа, а, напротивъ, чтобы оно было ея выраженіемъ и потребностью. Но, бросивъ взглядъ на идеальную сторону вопроса, вы отвѣтите: я желаю, чтобы государство непрерывно и постоянно стремилось къ гармоническому развитію всѣхъ врожденныхъ силъ народа. Смотря по тому, который изъ этихъ двухъ отвѣтовъ вы положите основаніемъ вашихъ дѣйствій, они могутъ быть діаметрально противоположными. Принявъ за основаніе первый отвѣтъ, вы, можетъ быть, отвергнете цѣлый рядъ такихъ нововведеній, которыя, мощно содѣйствуя развитію народа, будутъ противорѣчить его жизненной цѣли, или наоборотъ. И тутъ же, полагая тотъ или другой отвѣтъ въ основаніе вашихъ дѣйствій, вы сказываетесь вмѣстѣ, что вы за человѣкъ.

Итакъ, я остаюсь при моемъ убѣжденіи, что, задавая себѣ вопросъ: чего мы желаемъ? мы открываемъ себѣ путь къ идеальной сторонѣ каждаго дѣла; рѣшая этотъ вопросъ, мы узнаемъ, насколько мы еще отдалены отъ идеала, и съ тѣмъ вмѣстѣ узнаемъ самихъ себя. Ясно ли это для другихъ,—не знаю; но я, при моемъ складѣ ума, никогда не пойму, чтобы идеалъ, какъ ложный призракъ недосягаемаго совершенства, не могъ руководить насъ ни въ дѣйствіяхъ, ни въ сужденіяхъ. Идеальное мнѣ представляется нитью электрическаго телеграфа, одинъ конецъ котораго тянется къ намъ чрезъ всю земную жизнь, а другой—исчезаетъ въ безпредѣльности. Какъ идея времени, пространства, числа и мѣры, такъ и идея совершенства, служащая незримою мѣрою нашихъ дѣйствій, присущи человѣку.—Такъ или нѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, я высказался, и вы, познакомившись съ складомъ моего ума, не удивитесь, когда услышите, что я мой взглядъ прилагаю и къ сужденію о дѣлѣ, близкомъ моему сердцу,—именно о дѣлѣ университетскомъ.

Семь цѣлыхъ вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ многозначительнымъ именемъ: «universitas» назвались корпораціи, организированныя замѣчательными личностями въ Парижѣ, въ Салерно и въ Болоньѣ. Да еще и прежде, въ десятомъ столѣтіи, существовали высшія школы при Омміадахъ въ Испаніи, а изъ нихъ — кордовская, — основанная сыномъ Абдеррахмана Великаго и замѣчательная тѣмъ, что была мѣстомъ образованія папы Сильвестра II, — вѣроятно, служила поводомъ къ учрежденію медицинской школы въ Салерно. Съ тѣхъ давнихъ поръ много перемѣнъ испытали университетскія корпораціи. Но всѣ эти перемѣны можно подвести подъ три разряда. Однѣ—касались только учрежденія и администраціи. Другія—происходили въ самомъ духѣ, оживляющемъ всѣ разсадники просвѣщенія. Третьи—относились къ способамъ ученья. Каждая изъ этихъ трехъ перемѣнъ проходила различныя фазы, смотря по тому, какая мысль господствовала, измѣняя организацію, духъ и способъ ученія университетовъ.

Исторія среднихъ вѣковъ, приписывая первое начало школъ арабскимъ калифамъ и Карлу Великому, тѣмъ самымъ доказываетъ, что распространеніе просвѣщенія на Западѣ, точно такъ же, какъ и у насъ, шло прежде сверху внизъ. Но, пропустивъ все окончательное время переселенія народовъ и крестовыхъ походовъ, мы видимъ, также изъ исторіи, что въ началѣ тринадцатаго столѣтія частныя лица собираютъ вокругъ себя учениковъ, читаютъ публичныя лекціи, составляютъ небольшія общины и кладутъ первое основаніе университетамъ.—Потомъ правительства признаютъ законнымъ существованіе этихъ корпорацій и утверждаютъ за ними особенныя права. Сначала регенты и папы, а потомъ и одни регенты утверждаютъ эти права. Впослѣдствіи уже папы, императоры и короли сами основываютъ университеты по образцу первыхъ, самородныхъ общинъ, и также снабжаютъ ихъ особенными привилегіями. Такимъ образомъ, университеты дѣлаются мало-по-малу status in statu. Наконецъ, когда правительства, на континентѣ Европы, ничего лучшаго не могли придумать для благостоянія народовъ, какъ бюрократическую централизацію, то и университеты, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, покоряются ея всемогущему вліянію.

Итакъ, перемѣны въ учрежденіяхъ университетовъ можно опредѣлить тремя періодами, сказавъ, что они родились подъ вліяніемъ умственной силы передовыхъ личностей, развились и окрѣпли подъ защитою правительствъ и, наконецъ, на-ряду съ другими государственными учрежденіями, подчинились механизму бюрократической централизаціи. Одни англійскіе университеты (за исключеніемъ шотландскихъ) остались до сихъ поръ такими же почти корпораціями, какими были и въ тринадцатомъ вѣкѣ; даже и тотъ изъ нихъ нисколько не подвергся дѣйствію централизаціи, который основанъ въ наше время

(лондонскій университетъ, въ 1828 г.), подъ вліяніемъ виговъ, на акціяхъ.—Наши русскіе университеты со дня рожденія перваго изъ нихъ (московскаго) до сихъ поръ являются учрежденіями чисто правительственными, уже съ самаго начала централизированными. Потому, если въ нашихъ университетахъ встрѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ учрежденіи, то онѣ касаются не основныхъ началъ, а болѣе частностей, какъ-то: преобразованій гимназій и лицеевъ въ университеты (въ Казани и Кіевѣ), перемѣщеній центральной власти изъ одного вѣдомства въ другое, и т. п.

Измѣненія въ самомъ духѣ и направленіи университетовъ означаются на Западѣ также рѣзко-опредѣленными фазами. Мы видимъ, въ теченіе семивѣкового существованія университетовъ, поперемѣнно господствующимъ, то элементъ духовно-церковный, то народный (національный), то филантропическій, то чисто научно-образовательный. Хотя основателями первыхъ университетовъ были не одни духовныя лица, а часто —и даже чаще—свѣтскія, но съ тринадцатаго до шестнадцатаго столѣтія (за исключеніемъ, можетъ быть, одного университета въ Неаполѣ, учрежденнаго императоромъ Фридрихомъ II) всѣ университеты учреждались не иначе, какъ съ утвержденія папъ, а теологическіе факультеты даже и образовались подъ вліяніемъ нищенствующихъ монаховъ и священниковъ. Все это несомнѣнно доказываетъ, что церковь имѣла сильное вліяніе на духъ университетовъ въ первое время, да и впослѣдствіи, даже послѣ реформаціи, мы замѣчаемъ еще сильное вліяніе церкви на теологическіе факультеты протестантскихъ университетовъ, ограничивающей свободу религіознаго ученія символическими книгами. Но съ самаго начала также обнаруживается въ университетскихъ корпораціяхъ и національный элементъ. Члены корпорацій раздѣляются прежде по народностямъ и потомъ уже по факультетамъ. Вліяніе національнаго элемента было по временамъ такъ сильно, что подавало не разъ поводъ къ серьезнымъ столкновеніямъ. Когда національное чувство обижалось предпочтеніемъ, оказаннымъ правительствомъ другой націи, то и профессора, и студенты, переселялись на новыя мѣста и основывали новую корпорацію. Такъ лейпцигскій университетъ основали въ 1400 г. нѣмецкіе студенты и профессоры, вытѣсненные изъ Праги богемцами. Преобладанію національнаго элемента нужно приписать тѣ политическія движенія (приписываемыя «обществу буршеншафтовъ»), которыя обнаружились въ германскихъ университетахъ въ семнадцатыхъ годахъ нашего столѣтія и извѣстны подъ именемъ «вартбургскаго праздника». — Филантропическій элементъ также не былъ чуждъ западнымъ университетамъ, хотя и никогда не былъ господствующимъ. Извѣстно, что такъ-называемыя collegia, существующія еще теперь въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ, и bursae германскихъ университетовъ были вначалѣ не что иное, какъ заведенія, учрежденныя для помѣщенія недостаточныхъ студентовъ, въ которыхъ они получали и квартиру, и столъ. А въ Оксфордѣ студенты (извѣстные подъ именемъ «servitors») разсылались по окрестностямъ для собиранія милостыни, снабженные оффиціальными дозволеніями отъ университетскаго начальства. Наконецъ, научно-образовательный элементъ, какъ присущій самому первому учрежденію западныхъ университетовъ, стремился всегда къ преобладанію надъ другими. Имѣя главнымъ основаніемъ свободу мысли и слова, онъ нерѣдко боролся и съ церковно-догматическими, и съ бюрократическими началами. Извѣстно, какую важную роль играли и въ дѣлахъ Гусса и Лютера Сорбона и теологическіе факультеты въ Прагѣ и Виттенбергѣ. Извѣстно также, какое вліяніе въ дѣлахъ реформаціи оказали гуманисты, вышедшіе изъ нѣдръ средневѣковыхъ университетовъ. Трудно было университетамъ промѣнять свои средневѣковыя привилегіи на бюрократическія нововведенія. Но должно сознаться, что вмѣшательство бю-

рократіи, сравнительно съ дѣйствіями церкви, не столько препятствовало развитію научнаго элемента. Мы видимъ это, сравнивая германскіе университеты съ англійскими. Тогда какъ первые, несмотря на вліяніе бюрократизма, развили научный элементъ въ чистотѣ; вторые, оставшись во власти господствующей (англиканской) церкви, едва сохранили одинъ образовательный характеръ, да и то благодаря только неподражаемой системѣ государственнаго правленія Англіи. Изъ всѣхъ четырехъ элементовъ, которые поперемѣнно вліяли на духъ западныхъ университетовъ, только одинъ образовательно-благотворительный (филантропическій) господствовалъ исключительно въ нашихъ университетахъ. — Говорятъ, что еще Петръ Великій въ проектѣ академіи «строго отдѣлилъ ея задачу отъ задачи университета». Я не читалъ этого проекта, и потому ссылаюсь на слова г. Шевырева. Если мысль Петра была дѣйствительно такова, то ясно, что и преобразователь нашъ не положилъ русскимъ университетамъ цѣлью быть двигателями науки. Тогда какъ на Западѣ первые учредители университетовъ были вмѣстѣ и первыми представителями тогдашней науки, въ Россіи эту роль присуждено было играть «по преимуществу» академикамъ. Впослѣдствіи и Петръ, и особливо его преемница, Екатерина I, кажется, имѣли намѣреніе дать самой академіи не одинъ научный, но и образовательный характеръ. Это видно, по крайней мѣрѣ, изъ страннаго проекта того времени выписывать для академіи чужеземныхъ учениковъ, за недостаткомъ собственныхъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Долго и послѣ того существовали при нашей академіи наукъ такъ-называемые элевы, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались профессорами. Хотя и въ другихъ странахъ академіи, съ ихъ чисто-научнымъ характеромъ, отдѣлены отъ университетовъ, но, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ университетъ на Западѣ еще не отвергалъ жизненной необходимости соединенія двухъ элементовъ— научнаго и образовательнаго—въ одно цѣлое. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ положить границы тому и другому? Кто истинно двигаетъ науку, тотъ, по врожденной человѣку склонности, желаетъ и другихъ сдѣлать участниками этого движенія. Кто излагаетъ науку, тому естественно и желаніе быть ея двигателемъ. Да и у насъ, въ указѣ, данномъ Елисаветою (1755), объ учрежденіи московскаго университета, односторонняя мысль, приписываемая Петру, выражается уже не такъ ясно. Изъ словъ указа: «нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе», скорѣе можно заключать, что императрица имѣла намѣреніе сообщить оба характера будущей дѣятельности университета. Какъ бы то ни было, но опытъ, однако-же, подтвердилъ мысль Петра, если она дѣйствительно существовала. Наши университеты, въ самомъ дѣлѣ, получили и усвоили себѣ одинъ только образовательный характеръ, соединивъ его съ филантропическимъ элементомъ, выразившимся въ призрѣніи бѣдныхъ студентовъ, въ стипендіяхъ и т. п. Даже сто лѣтъ спустя послѣ учрежденія перваго университета въ Россіи, на его юбилеѣ, ораторъ рѣзко разграничиваетъ дѣятельность университета и академіи, говоря, что «дѣло университета преподавать молодому поколѣнію науки въ современномъ ихъ состояніи; дѣло академіи—двигать науку впередъ».

Наконецъ, измѣненія третьяго рода, относящіяся до способа ученія, обнаружились во всѣхъ университетахъ въ двухъ видахъ. Онъ былъ и есть то обязательно-принудительный, то свободный. Въ первые вѣка существованія университетовъ преподаватели не были на жалованьи у правительства; они содержались гонораріями. При такой обстановкѣ трудно себѣ представить ученіе принудительно-обязательнымъ. Но оно и безъ принужденія должно было сдѣлаться обязательнымъ, отъ самаго способа изложенія науки, потому что до изобрѣтенія книгопечатанія учащіеся не имѣли другого спо-

соба изучать науку, какъ записывая лекціи своихъ наставниковъ, и, слѣдовательно, поневолѣ должны были и посѣщать ихъ, и дорожить ими. Правда, учрежденіе коллегій и бурсъ указываетъ болѣе на принудительный характеръ образованія; но, вѣроятно, въ первое время, все дѣло ограничивалось исполненіемъ обязанностей корпоративныхъ, а не научныхъ. Впослѣдствіи, однако-же, ученіе въ коллегіяхъ приняло дѣйствительно принудительный характеръ, какъ это мы и теперь еще видимъ въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ. Извѣстно, что ученики каждой коллегіи (а коллегій въ Оксфордѣ 20, въ Кембриджѣ 17) посѣщаютъ не публичныя лекціи профессоровъ, а обязаны заниматься отдѣльно, съ такъ-называемыми туторами, чтеніемъ, переводами классиковъ, рѣшеніемъ задачъ; отъ студентовъ требуется отчетъ о содержаніи прочитанныхъ книгъ и т. п. Совершенно свободное посѣщеніе и слушаніе лекцій осталось преимущественною принадлежностью германскихъ университетовъ. Что касается до насъ, то извѣстно, какъ часто колебались мнѣнія о пользѣ свободнаго и обязательнаго способа ученія, съ самаго начала учрежденія русскихъ университетовъ. Такъ, еще на моей памяти—ежедневныя переклички по спискамъ, ежедневныя репетиціи у однихъ и совершенно свободное посѣщеніе лекцій у другихъ профессоровъ одного и того же университета. Я помню, какъ, приноравливаясь къ обстоятельствамъ, испытывали сравнительныя выгоды перекличекъ послѣ лекцій, передъ лекціями и даже къ срединѣ лекцій. Я слушалъ лекціи у профессоровъ, дѣлавшихъ репетиціи ежедневно, не понимая, гдѣ они возьмутъ времени излагать науку. Я знаю также, что пробовали, для вѣрности, сажать студентовъ на нумерованныя мѣста и потомъ перекликать; знаю даже, что ихъ запирали въ аудиторіяхъ вмѣстѣ съ профессорами. Я присутствовалъ и при перекличкахъ по спискамъ, хранившимся въ карманѣ у профессоровъ, и по разграфованнымъ книгамъ. Но я также учился, и самъ читалъ лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, въ которомъ никто не слыхивалъ ни о репетиціяхъ, ни о перекличкахъ. Въ недавнее время всѣ эти принудительные способы начали мало-по-малу исчезать изъ нашихъ университетовъ, и теперь наврядъ-ли существуютъ они гдѣ-нибудь въ прежней силѣ. Безполезность ихъ, кажется, для всѣхъ сдѣлалась очевидною; касательно перекличекъ, кажется, всѣ убѣдились, что сидѣть на лекціи и слушать, т.-е. вникать,—двѣ совершенно различныя вещи. Какъ бы ни было велико ученое самолюбіе доцентовъ, но всѣ они, кажется, поняли, что гораздо пріятнѣе учить аудиторію свободныхъ любителей просвѣщенія, хотя неполную, но за то внимательную. Нѣсколько замѣчательныхъ обстоятельствъ были слѣдствіемъ нашего принудительнаго способа ученія. Они показываютъ, какъ легко мѣры, проводимыя нами, если онѣ ненормальны, могутъ породить и ненормальное понятіе о собственномъ достоинствѣ. Нѣкоторые изъ прежнихъ профессоровъ, слѣдуя ревностно системѣ перекличекъ, наконецъ, получили неизъяснимое отвращеніе отъ тѣхъ слушателей, имена которыхъ у нихъ не значились въ спискахъ. Слабостью ихъ пользовалась легкомысленно молодежь, и пугала воображеніе почтенныхъ доцентовъ именемъ «чужака» (т.-е. посторонняго посѣтителя), заставляя ихъ прерывать чтеніе лекцій и изобрѣтать различныя эволюціи для изгнанія пришельца. Сверхъ того, я не однажды слыхалъ, какъ нѣкоторые профессора горько жаловались на то, что студенты не посѣщаютъ ихъ лекцій. Что можно отвѣчать автору, который жалуется, что его книгу мало читаютъ? Конечно,—одно изъ двухъ: или читатели его не понимаютъ, или онъ не понимаетъ читателей. Въ обоихъ случаяхъ, кажется, онъ долженъ болѣе винить самого себя. Есть и еще одно слѣдствіе, которое, вѣроятно, осталось не въ одномъ только университетѣ отъ принудительнаго способа ученія; слѣдствіе это хотя и незначительно, но все-таки нехо-

рошо тѣмъ, что пріучаетъ молодыхъ людей смотрѣть на законъ, какъ на мертвую букву. Я хочу сказать о лекціонныхъ листахъ, подписываемыхъ профессорами и деканомъ въ удостовѣреніе будто-бы того, что владѣтель этого листа дѣйствительно посѣщалъ лекціи. Гдѣ переклички вывелись, а такіе листы остались, тамъ очевидно, что подписываніе ихъ въ видѣ удостовѣренія есть чистая комедія, которую разыгрываютъ и учащіе, и учащіеся. Но я долженъ сознаться, что вся эта, довольно забавная, обстановка принудительно-обязательнаго ученія еще не говоритъ противъ него; потому что нашъ университетскій способъ ученія собственно былъ не принудительный, а какъ большая часть нами принимаемыхъ мѣръ, полупринудительный. Этимъ-то, я думаю, и должно объяснять его несостоятельность. Дѣйствительно, для достиженія цѣли можно сдѣлать только одно изъ двухъ: или принять систему обязательно-принудительнаго ученія, и принять ее вполнѣ, со всѣми ея выгодами и недостатками; или же отвергнуть ее вполнѣ и замѣнить системою свободнаго ученія. Принявъ первое, нужно, по крайней мѣрѣ, распорядиться такъ, какъ въ англійскихъ университетахъ: ввести коллегіи, туторовъ, замѣнить публичныя лекціи уроками и изъ открытаго заведенія сдѣлать закрытое. Принявъ послѣднее, не должно мѣшать его пополамъ съ первымъ; такое mixtum compositum, вмѣсто выгодъ, будетъ вмѣщать въ себѣ только одни недостатки обоихъ, одинъ другому противоположныхъ, способовъ. Но чтобы остановиться на одномъ изъ двухъ, нужно предварительно спросить себя: чего мы желаемъ, вводя тотъ или другой способъ ученія? А этотъ вопросъ приведетъ насъ непремѣнно къ другому: чего мы желаемъ вообще отъ университетовъ? Требуемъ ли мы того, чтобы университетъ доставлялъ всѣ способы и средства къ образованію самостоятельныхъ дѣятелей науки, или же ограничиваемся мы только желаніемъ, чтобы университетъ образовалъ достаточное число людей хотя и дюжинныхъ, но полезныхъ для исполненія различныхъ потребностей общества и государства?

Изъ краткаго очерка измѣненій, которыя происходили въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и въ учрежденіи, и въ способѣ ученія, и въ самомъ духѣ университетовъ, нетрудно убѣдиться, что правительства, общество и различныя сословія неодинаково смотрѣли на цѣль этихъ учрежденій и не одного и того же отъ нихъ требовали. Университетскія корпораціи, при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ, были, повидимому, не болѣе какъ выраженіемъ частнаго любознанія, свойственнаго каждому человѣку при извѣстной степени развитія. Къ пробужденію любознательности, вѣроятно, немало содѣйствовало нравственно-духовное вліяніе нѣкоторыхъ передовыхъ личностей вѣка. Собственно же этимъ путемъ стремилась выразиться врожденная человѣку наклонность къ свободѣ мысли и слова, и учрежденіе университетскихъ общинъ на Западѣ было въ ту эпоху умственнаго оцѣпенѣнія, первымъ признакомъ начинавшейся реакціи духа. Въ то время, когда идея государства еще не была выработана, когда законъ самосохраненія требовалъ, чтобы каждое сословіе, каждое занятіе, составляло особую корпорацію, понятно, что и научныя занятія должны были принять такой же видъ. Университеты сами организовали себя, сами писали себѣ уставы, сами себѣ назначали, изъ своей же среды, особенное управленіе, и потомъ уже обращались къ правительству, чтобы оно утверждало своею властью ихъ самобытное существованіе въ обществѣ. Но правительства,—и именно церковно-правительственная (папская) власть,—уже съ самаго начала стремились подчинить себѣ университетскую общину, и, безъ сомнѣнія, не съ одною цѣлью нравственнаго контроля, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ послушными орудіями своего вліянія на умы. И дѣйствительно, вліяніе университетовъ на современное общество, даже и въ первомъ періодѣ ихъ существованія,

было немаловажно. Мы это видимъ, между прочимъ, изъ того, что при Людовикѣ IX (Святомъ) университетская община, не найдя у двора удовлетворенія за нанесенную ей обиду, ушла изъ Парижа, и французское правительство само искало съ нею примириться, чрезъ посредничество папы Григорія IX, увеличивъ потомъ еще болѣе ея права и привилегіи. Итакъ, хотя и нельзя думать, чтобы въ тѣ отдаленныя времена правительства ясно понимали всю силу нравственнаго вліянія университетовъ на общество; хотя и трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ сами университеты сознавали имъ присущую нравственную силу; но все-таки можно принять, что и тогда уже и свѣтскія и духовныя власти предугадывали возможность оппозиціи въ этихъ общинахъ, а сами общины, болѣе или менѣе сознательно, чувствовали въ себѣ возможность противодѣйствія. Впослѣдствіи мы видимъ, что университеты преслѣдуютъ не одну научную цѣль, но получаютъ отчасти и политическій характеръ. Сами правительства, какъ это мы видимъ изъ исторіи прагскаго университета, стараются поддержать вошедшій въ университеты элементъ народности, и не только не препятствуютъ, но даже стараются упрочить вліяніе университетовъ и на политическій ходъ событій. Мы знаемъ, что юристы, получившіе образованіе въ университетахъ, становятся на сторонѣ правительствъ въ борьбѣ феодальной власти съ монархическою. Правительства пользуются также вліяніемъ теологическихъ факультетовъ во время религіозныхъ споровъ и въ дѣлахъ реформаціи. Наконецъ, когда въ Германіи научно-духовное вліяніе университетовъ, послѣ реформаціи, и нравственно-національное, послѣ народной войны 12-го года, дѣлается уже слишкомъ могущественнымъ, правительства находятъ необходимымъ противодѣйствовать излишней свободѣ мысли и слова централизаціею и бюрократизмомъ. Итакъ, вопросъ: *чего желали правительства отъ университетовъ на Западѣ и чего желали сами университеты*, рѣшается различно. Вообще, однако-же, можно сказать, что до послѣдняго времени къ дѣйствіямъ университетовъ, направленнымъ для достиженія научно-образовательной цѣли, всегда присоединялись еще и другіе элементы. Въ наше время мы видимъ, что всѣ университеты на Западѣ распались на два главные разряда, изъ которыхъ одинъ, заключающій въ себѣ англійскіе университеты, преслѣдуетъ болѣе образовательную цѣль; другой же разрядъ, къ которому принадлежатъ германскіе университеты и университетъ французскій, подчиняютъ эту цѣль другой, чисто-научной.

Эта научно-образовательная цѣль западныхъ университетовъ, выражавшаяся сначала *чисто-гуманнымъ* направленіемъ образованія, впослѣдствіи, съ успѣхами наукъ, обнаруживается въ направленіи *гуманно-реальномъ* и, наконецъ, даже въ *чисто-реальномъ*. Когда просвѣщеніе въ массахъ, или въ извѣстныхъ слояхъ общества, уже достаточно распространилось; когда объемъ каждой отрасли свѣдѣній получилъ громадные размѣры; когда соревнованіе усилилось и, съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличилось число адептовъ каждой науки;—то понятно, что учащимся не оставалось ничего болѣе, и для успѣха въ наукѣ, и для обезпеченія своего существованія, какъ ограничить кругъ своей умственной дѣятельности, сосредоточивъ ее всю на глубокое изученіе одной какой-нибудь науки и даже одной ея части. Понятно также, что выборъ долженъ былъ падать на отрасли свѣдѣній, которыя направлены къ удовлетворенію современныхъ потребностей общества. Направленіе же современнаго общества, съ развитіемъ торговли и другихъ международныхъ отношеній, сдѣлалось по преимуществу реальнымъ и практическимъ. А въ самихъ университетахъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ этого направленія, должна была обнаружиться необходимость и въ новыхъ спеціальныхъ учрежденіяхъ (институтахъ), и въ союзѣ съ другими гражданскими учрежденіями, представляющими болѣе средствъ для дости-

женія реальной цѣли. Правда, до сихъ поръ едва-ли не одинъ только медицинскій факультетъ обращался за помощью къ гражданскому и военному вѣдомствамъ, чтобы пользоваться ихъ филантропическими заведеніями для образованія врачей, и эти отношенія между факультетомъ и госпитальнымъ управленіемъ даже не такъ новы. Но очевидно, что и другимъ факультетамъ предстоитъ, болѣе или менѣе, та же необходимость. Какъ бы университеты ни были щедро снабжены средствами, эти средства, одни, по мѣрѣ распространенія реальнаго направленія, все болѣе и болѣе будутъ оказываться недостаточными. Вотъ почему я убѣжденъ, что всѣмъ университетамъ предстоитъ коренное измѣненіе организаціи. Извѣстно, что первыя начала факультетовъ существовали еще до университетовъ. Facultas artium liberalium, съ его trivium и quadrivium, проявляется еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ монастырскихъ школахъ; къ нему присоединились потомъ факультеты теологическій, составленный изъ нищенствующихъ монаховъ и священниковъ, а наконецъ—юридическій и медицинскій. Но связь этихъ факультетовъ была основана или на народности, или она была болѣе административная. Внутреннее-же или научное соединеніе основывалось, кажется, только на томъ, что учащіеся могли, а потомъ и должны были посѣщать лекціи не одного, но нѣсколькихъ факультетовъ. Сродство наукъ поддерживало эту связь и дѣлало ее органическою. Въ наше время открываются новыя условія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ сдѣлаться для факультетовъ и соединительными и разъединительными. Такъ, напримѣръ, потребность современной медицины очевидно обусловливаетъ ея соединеніе съ другими естественными науками—физикою и химіею. Но, съ другой стороны, каждая изъ наукъ сдѣлалась такъ обширна, что цѣлой жизни становится мало даже для изученія одной ея части; и мнѣ кажется, что если не будетъ открыта новая формула связи университетскихъ факультетовъ, то имъ предстоитъ скорѣе разъединеніе, чѣмъ соединеніе. Они и теперь собственно соединены только въ небольшихъ германскихъ университетахъ; а въ столицахъ студенты различныхъ факультетовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ и лекцій профессоровъ, пріобрѣвшихъ особенную популярность, почти не имѣютъ никакого сближенія между собою. Современемъ, чѣмъ сильнѣе будетъ для факультетовъ необходимость проникать различными отраслями наукъ въ другія общественныя учрежденія, тѣмъ слабѣе сдѣлается корпоративно-органическая связь факультетовъ, и тѣмъ болѣе увеличится вѣроятность распаденія всей университетской корпораціи. Да и въ настоящее время, и у насъ, и въ чужихъ краяхъ, кромѣ факультетовъ существуютъ уже высшія спеціальныя школы для той или другой отрасли наукъ,—а главное, и теперь уже эти школы подлежатъ въ системѣ централизаціи не тому вѣдомству, къ которому относятся университеты. Говоря иносказательно, и теперь уже различныя вѣдомства, вмѣсто того, чтобы пользоваться плодами одного дерева, выросшаго въ общемъ саду, добиваются, во что бы то ни стало, получать плоды изъ доморощенныхъ питомниковъ. Учрежденіе такихъ спеціальныхъ школъ понятно въ странѣ—какъ Англія, гдѣ нѣтъ собственно ни министерства просвѣщенія, ни правительственной монополіи, гдѣ частные люди и частныя общества имѣютъ полное право заводить не только школы, но даже университеты. Но тамъ, гдѣ преобладаетъ начало централизаціонное, и гдѣ просвѣщеніе составляетъ монополію правительства, распредѣленіе учебныхъ учрежденій въ различныхъ вѣдомствахъ было бы необъяснимо, еслибы мы не приняли въ соображеніе двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ,—то, что именно тамъ, гдѣ господствуетъ централизація, обыкновенно каждое вѣдомство стремится къ отдѣльности и независимости отъ другихъ, хотя бы и казалось, что этотъ принципъ долженъ бы всего болѣе способствовать гар-

монической связи частей одного цѣлаго; во-вторыхъ,—то, что каждое вѣдомство, имѣя потребность въ значительномъ числѣ спеціалистовъ, считаетъ удобнѣе образовать ихъ собственными средствами. Дѣйствительно, еслибы въ цѣломъ государствѣ на одномъ университетѣ лежала обязанность образовать практическихъ спеціалистовъ по всѣмъ частямъ; еслибы университетъ проникалъ своими учебно-спеціальными учрежденіями, какъ корнями одного вѣкового дерева, во всѣ гражданскія и военныя вѣдомства государства;—то задача его была бы слишкомъ многосложна и едва-ли исполнима. Однако-же, при системѣ централизаціи, казалось бы, удобнѣе было подчинить всѣ учебныя спеціальныя учрежденія, вмѣстѣ съ университетами, одному вѣдомству. Казалось бы, что такое сосредоточеніе должно было способствовать гармоническому дѣйствію научно-образовательной дѣятельности въ различныхъ направленіяхъ, и вообще соотвѣтствовало бы болѣе самому свойству преобладающаго принципа. Но какъ существующіе факты доказываютъ начавшееся уже разъединеніе, то я остаюсь при томъ, что въ будущемъ всѣмъ университетамъ предстоитъ, если не жизненная, то по крайней мѣрѣ морфологическая реформа. Если университетъ съ его факультетами можно сравнить въ настоящее время съ вѣковымъ стволомъ вѣтвистаго дерева, то будущіе университеты уподобятся деревьямъ, развѣтвленнымъ у самаго корня. Говоря просто, я думаю, что связь между отдѣльными факультетами университета перенесется сверху внизъ, такъ что ее нужно будетъ искать не въ самомъ университетѣ, а въ образовательныхъ учрежденіяхъ, приготовляющихъ къ университету.

Примѣняя все сказанное къ нашимъ русскимъ университетамъ, не трудно убѣдиться, что, какъ бы ни была выражена первоначальная мысль ихъ учрежденія, фактически они были, и до сихъ поръ продолжаютъ быть, учебными учрежденіями, приспособленными преимущественно къ образованію людей должностныхъ на службу государству. Государство сознаетъ эту цѣль, предоставляя получившимъ ученыя степени извѣстныя служебныя права. Что наши университеты соотвѣтствуютъ этому требованію, доказывается и числомъ слушателей, поступающихъ послѣ на службу, и степенью ихъ образованія. А что дѣятельность нашихъ университетовъ все-таки еще недостаточна для достиженія этой цѣли въ обширномъ государствѣ, доказывается существованіемъ другихъ спеціальныхъ заведеній (школы правовѣдѣнія, медико-хирургической академіи, педагогическаго института и проч.), пользующихся почти тѣми же правами. Наконецъ, что наши университеты никогда не имѣли главною задачею образовать ученыхъ спеціалистовъ, это доказывается недостаткомъ въ выборѣ кандидатовъ на вакантныя каѳедры и часто встрѣчающеюся трудностью замѣстить выбывшихъ профессоровъ дѣльными спеціалистами. Итакъ, говоря по чистой совѣсти, наши университеты никогда не имѣли другихъ, болѣе западныхъ, цѣлей, да, судя по историческому развитію, и не могли ихъ имѣть. Въ нашихъ университетахъ никогда ни одна наука не излагалась въ полномъ ея объемѣ, и весьма немногія каѳедры были снабжены всѣми средствами, необходимыми для современнаго изложенія науки. У насъ никогда не было конкурренціи, столь благодѣтельной для научнаго прогресса, и никогда одна и та же наука не преподавалась нѣсколькими профессорами. Наше университетское ученіе (можетъ быть, за исключеніемъ одного дерптскаго университета) никогда не было совершенно свободнымъ, и потому никто изъ учащихъ не могъ посвятить себя съ самаго поступленія въ университетъ исключительному изученію одного предмета; всякій, имѣя въ виду обязательные курсы, срочное время пребыванія въ университетѣ и экзамены, спѣшилъ покончить и развязаться какъ можно скорѣе съ формальными требованіями, и потому никто не имѣлъ и времени заняться наукою для одной науки. Теперь, однако-же, когда поднялись различные

современные вопросы, то послышались голоса и о преобразованіи нашихъ высшихъ школъ. Если эта потребность дѣйствительно обнаруживается, то поспѣшимъ задать себѣ опять вопросъ: чего мы желаемъ, въ настоящее время, отъ нашихъ университетовъ? Вѣроятно, мы всѣ теперь желаемъ, чтобы и у насъ служебно - образовательное направленіе нашихъ университетовъ приняло чисто-научный характеръ. Если такъ, то значитъ ли это, что мы желаемъ преобразованія коренного и фундаментальнаго. Но мнѣ кажется, мы оказались бы слишкомъ вѣрующими, если-бы вздумали вѣрить, что такой реформы можно достигнуть однимъ измѣненіемъ уставовъ, курсовъ, распредѣленія лекцій, программъ, испытаній и т. п. Для коренного преобразованія чего бы то ни было нужны не одни новые законы, а новые люди. Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствія такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя однѣ, сами по себѣ, хотя и быстро измѣняютъ —но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква. Такъ, по моему мнѣнію, для преобразованія нашихъ университетовъ нужно обратить все вниманіе на предварительное образованіе главныхъ дѣятелей нашей науки. Кто, какъ я, лѣтъ тридцать тому назадъ видѣлъ хотя одинъ изъ нашихъ университетовъ, тотъ знаетъ, чему должно приписать прогрессъ въ теченіе этого времени. Надобно знать, въ какой мѣрѣ, въ то отдаленное время, научное въ университетѣ замѣнялось смѣшнымъ; какъ, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ, все прочее, устарѣвшее поколѣніе преподавателей принадлежало скорѣе допотопнымъ временамъ, чѣмъ девятнадцатому столѣтію. Чего не дѣлалось за тридцать лѣтъ въ нашихъ университетахъ? Многіе изъ тогдашнихъ профессоровъ теперь стали притчею. О иныхъ и теперь мы, старые ихъ слушатели, сойдясь вмѣстѣ, не можемъ вспомнить безъ смѣха. Нерѣдко на лекціяхъ изложеніе науки замѣнялось семейными хрониками и проповѣдями о нравственности; для другихъ, читать лекцію—значило читать слово въ слово, да и то съ ошибками, учебникъ, напечатанный когда-то лѣтъ за двадцать; у третьихъ, на лекціяхъ играли въ карты и бѣгали за чужаками. Все это прошло безвозвратно, и теперь едва вѣрится тому, чему когда-то былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. И въ настоящее время существуетъ еще ветхое и несовременное въ нашихъ университетахъ; многое и многое еще остается сдѣлать; но смѣшного уже не существуетъ болѣе: этотъ несомнѣнный шагъ къ прогрессу мы уже сдѣлали. Но кому принадлежитъ заслуга? Университетскій coup d'état совершился (въ тридцатыхъ годахъ) посредствомъ введенія новыхъ элементовъ, и то были не новые уставы, а свѣжія личности. Новое поколѣніе профессоровъ подоспѣло разомъ и во время для замѣны отжившаго. Началось съ того, что академикъ Парротъ предложилъ образовать профессорскій институтъ изъ молодыхъ людей, окончившихъ или оканчивающихъ курсъ, изъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Избранные должны были подвергнуться испытанію въ академіи наукъ, потомъ отправиться на два года въ дерптскій университетъ, для спеціальнаго изученія избранныхъ ими предметовъ, и отсюда на два же года за-границу. Сколько я помню, Парротъ предлагалъ сдѣлать этотъ институтъ постояннымъ; а если нѣтъ, то, по моему убѣжденію, онъ бы долженъ былъ это предложить. Вмѣстѣ съ институтскими, въ числѣ которыхъ находился и я, были въ то же время посланы отъ гр. Сперанскаго воспитанники семинарій и духовныхъ академій. Сверхъ этого, къ намъ примкнуло и еще нѣсколько молодыхъ ученыхъ, выѣхавшихъ за-границу на собственномъ иждивеніи. Такимъ образомъ были приготовлены и распре-

дѣлены по нашимъ университетамъ болѣе тридцати преподавателей. Вмѣстѣ съ этимъ обнаружилось и прогрессивное направленіе, именно въ тѣхъ университетахъ, на долю которыхъ досталась большая часть свѣжихъ силъ.—Съ другой стороны, я былъ также свидѣтелемъ, какъ весьма дѣльныя перемѣны въ уставахъ, но не поддержанныя личною силою исполнителей, остались безъ всякаго результата. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ перемѣны учебныхъ постановленій безполезны. Напротивъ, я сейчасъ предложу на судъ мое мнѣніе объ измѣненіи экзаменовъ и способовъ преподаванія. Но всѣ эти нововведенія предложу не съ тѣмъ, чтобы измѣнять мертвую букву, а чтобы дать большій просторъ дѣйствію личности наставниковъ. И такъ, въ животворныхъ и образовательныхъ силахъ личностей я нахожу единственное ручательство за истинный прогрессъ.

Учрежденіе особенныхъ, постоянныхъ институтовъ преподавателей при нашей академіи наукъ и при нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ; постоянное обновленіе университетовъ свѣжими силами; внесеніе новыхъ элементовъ въ научную дѣятельность,—вотъ, по моему убѣжденію, гдѣ намъ нужно искать главной помощи и противъ нашей апатіи, и противъ нашей инерціи, и противъ нашего непотизма. Какъ скоро окажется въ нашихъ университетахъ вліяніе силъ, постоянно освѣжаемыхъ новыми личностями; какъ скоро силы эти окажутся достаточными въ такой степени, что каждый научный предметъ будетъ раздѣленъ, по крайней мѣрѣ, между двумя преподавателями, то тогда и вопросъ о распредѣленіи лекцій, объ испытаніяхъ и способѣ ученія будетъ рѣшенъ положительно. А существующій теперь—полуобязательный, полусвободный — способъ ученія, какъ ни къ чему не служащая полумѣра, долженъ будетъ уступить мѣсто совершенно свободному. Если нельзя отвергать, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, еще необходима цѣлая масса людей и слегка образованныхъ, для исполненія самыхъ вопіющихъ потребностей общества, то, съ другой стороны, нельзя отвергать и того, что для насъ также необходима и образовательная сила дѣятелей науки, для которыхъ нѣтъ лучшаго способа воспитанія, какъ университетское—свободное. Онъ одинъ можетъ развить талантъ и дарованіе. Если обязательный способъ ученія оксфордской и кембриджской коллегій развилъ высокія личности, то не забудемъ, что образовательную силу Англіи должно искать не въ однихъ ея университетахъ, а въ ея конституціи и ея неподражаемомъ самоуправленіи.

Но умноженіе свѣжихъ силъ въ нашихъ университетахъ, очевидно, потребуетъ и другого опредѣленія, и другого распредѣленія дѣятельности, и большихъ матеріальныхъ средствъ. Во-первыхъ, при увеличеніи конкурренціи, посредствомъ такого института, понадобится опредѣлить точнѣе условія для занятія каѳедръ. Такъ, напримѣръ, нужно будетъ, сократив сроки эмеритуры, требовать, чтобы всѣ доценты, по истеченіи первой половины срока (примѣрно десяти лѣтъ), необходимаго для эмеритуры, представляли доказательства ихъ научной дѣятельности;—требовать, чтобы каждый составилъ, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ учебникъ по избранному имъ предмету, и потомъ, по истеченіи этого срока, подвергался бы вторичному выбору съ правомъ получить полпенсіи, если не будетъ вновь избранъ, и т. п. Что касается до средствъ, необходимыхъ для содержанія института, то суммы, собираемыя за слушанье лекцій во всѣхъ университетахъ, по справедливости, должны бы были получить это назначеніе, и содержаніе такого института общими силами университетовъ было бы, безъ сомнѣнія, весьма осуществимо. Можетъ быть, могли бы найтись и другіе источники при общемъ содѣйствіи. Справедливо замѣчено, что наши медицинскіе факультеты теперь потому такъ переполнены, что изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ — медицинскій только одинъ имѣетъ спеціально-практическое значеніе. Расширеніе реаль-

ной дѣятельности другихъ факультетовъ, доставивъ имъ право пользоваться нѣкоторыми изъ учрежденій другихъ вѣдомствъ, было бы, безъ сомнѣнія, дѣйствительнымъ средствомъ къ поощренію учащихся заниматься предметами физико-математическаго и естественнаго факультетовъ, остающимися до сихъ поръ безъ приложенія и не открывающими никакой дороги къ жизни. Занятія въ агрономическихъ, техническихъ и инженерныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ съ цѣлью практическаго образованія, безъ сомнѣнія, привлекли бы въ эти факультеты многихъ учащихся, а съ этимъ вмѣстѣ увеличилась бы и сумма, собираемая за ученіе. Сверхъ этого, мы знаемъ, что и въ Германіи, и въ Англіи существуютъ учебныя учрежденія на акціяхъ. У насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяются общества акціонеровъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо уже касаются народнаго просвѣщенія. Я не вижу, почему бы нельзя было приложить этотъ способъ дѣйствія и къ учрежденію различныхъ практическихъ заведеній при нашихъ университетахъ. Впрочемъ, я не менѣе другихъ знаю, какъ теперь малоисполнимы еще эти предположенія объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ; но я и не брался доказывать, въ какой мѣрѣ у насъ возможно коренное преобразованіе нашихъ университетовъ; я здѣсь доказываю, что наши университеты, разсматриваемые какъ образовательно-служебныя заведенія, достаточно удовлетворяютъ этой ограниченной цѣли; но какъ учрежденія, назначенныя для развитія чисто-научной и спеціально-научной дѣятельности, они требуютъ коренныхъ преобразованій, посредствомъ живыхъ, личныхъ силъ. Я доказываю, что всѣ другія мѣры, предпринятыя съ этой цѣлью, оставляя главное основаніе ненормальнымъ, будутъ также ненормальными. Я утверждаю, что вся надежда на успѣхъ заключается именно въ томъ, чтобы придумать самое вѣрное средство для постояннаго обновленія нашихъ учебныхъ учрежденій свѣжими силами. Въ этомъ вся задача. Впрочемъ эти разсадники свѣжихъ и дѣятельныхъ личностей нужны и не для однихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Правда, и теперь университеты высылаютъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ, достигнувшихъ ученыхъ степеней, за-границу; и теперь эти молодые ученые, возвращаясь съ свѣжими силами, съ запасомъ свѣдѣній, или тотчасъ же опредѣляются на вакантныя мѣста, или имѣются въ виду для замѣщенія открывающихся вакансій.—Все это правда, и я хорошо знаю, что не всѣ согласятся со мною въ необходимости особыхъ учрежденій (институтовъ) для этой цѣли. Но мнѣ, можетъ быть, удастся убѣдить несогласныхъ, разсмотрѣвъ механизмъ, которымъ ведутся какъ выборныя, такъ и другія учебныя дѣла въ нашихъ университетахъ. Университетъ, перенесенный съ Запада на нашу почву, остается и у насъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, все еще учрежденіемъ коллегіальнымъ. Ученыя и учебныя дѣла рѣшаются въ совѣтѣ профессоровъ большинствомъ голосовъ. Этотъ способъ рѣшенія предполагаетъ обсужденіе предмета со всѣхъ сторонъ. Онъ предполагаетъ и свободу мысли и слова,—слѣдовательно, совѣтъ есть учрежденіе въ высшей степени гуманное и прогрессивное. Въ нашихъ университетскихъ совѣтахъ, какъ и вездѣ, должны быть и партіи; и дѣйствительно, между членами совѣтовъ есть и прогрессисты, и консервативные, и срединники, и защитники личныхъ интересовъ; но всѣмъ имъ недостаетъ двухъ условій: во-первыхъ, въ совѣтахъ нѣтъ внутренняго довѣрія къ собственному авторитету, и, во-вторыхъ, нѣтъ ревности къ собственнымъ убѣжденіямъ,—или, другими словами, нѣтъ глубокихъ, искреннихъ убѣжденій. Можно прибавить еще и третье: нѣтъ равномѣрнаго умѣнья вести дѣла. Этимъ искусствомъ владѣютъ только сторонники личныхъ интересовъ; прогрессисты же, по большей части, люди молодые, безъ связей, горячіе, восторженные, дѣйствующіе по однимъ убѣжденіямъ, рѣдко успѣваютъ. Осѣдлыя личности (партикуляристы), по самому свойству своего принципа,

ищутъ связей и протекцій, и, находя ихъ сверху, берутъ верхъ. Они умѣютъ дѣйствовать на срединниковъ; къ нимъ почти всегда пристаютъ и консервативные. Еще хуже, если голоса въ совѣтѣ раздѣляются не по взглядамъ, а по народностямъ. Въ такомъ случаѣ ни одно начало не можетъ быть проведено послѣдовательно; ревностные прогрессисты, примкнувъ къ большинству своихъ консервативныхъ соплеменниковъ, сами дѣлаются консервативными, и наоборотъ. Когда же въ совѣтѣ преобладаютъ сторонники личныхъ интересовъ (партикуляристы), то этимъ уничтожается и собственное достоинство, и достоинство совѣта. Въ побѣжденныхъ рождается недовѣріе къ собственному авторитету, а вслѣдъ за тѣмъ распадаются и главныя основы коллегіальнаго учрежденія. Постоянно побѣждаемые дѣлаются равнодушными къ своимъ убѣжденіямъ, а побѣдители пріобрѣтаютъ приверженцевъ и изъ числа тѣхъ, которые не раздѣляли прежде ихъ убѣжденій. Затѣмъ слѣдуетъ непотизмъ и упрочивается стабилизмъ. То же самое, только въ меньшемъ видѣ, повторяется иногда и въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій. —Когда же коллегіальное учрежденіе достигло до такого состоянія, когда нравственная и образовательная его сила ослабѣла уже до такой степени, что вліяніе высшей власти сдѣлалось необходимымъ, то какъ бы это вліяніе ни было благотворно и разумно, авторитетъ совѣта уже сильно потрясенъ, и онъ дѣйствуетъ тогда, можетъ быть, и хорошо, но не по собственнымъ убѣжденіямъ. Представимъ себѣ теперь, что избраніе будущихъ дѣятелей науки совершилось большинствомъ голосовъ при такой обстановкѣ коллегіальныхъ учрежденій. Надежно ли это избраніе? Положимъ даже, что выборъ былъ счастливый; но избранный, окончивъ свое образованіе за-границею, возвращается въ тотъ же университетъ, гдѣ началъ учиться. Какъ легко, выступая на новое поприще, онъ можетъ заразиться духомъ непотизма и завесть связи и протекціи на почвѣ родного университета! Долго-ли ему отстать отъ науки и принять другое направленіе? Наконецъ, положимъ, что всѣ университеты вышлютъ, дѣйствительно, лучшихъ своихъ питомцевъ для дальнѣйшаго образованія; гдѣ же искать между ними связи, единства и общаго духа, который одушевлялъ бы ихъ на пути къ достиженію одной цѣли? Вотъ уже прошло тридцать лѣтъ,—а я и многіе изъ моихъ товарищей еще живо и съ наслажденіемъ вспоминаемъ то время, когда мы были воспитанниками профессорскаго института, дружно приготовляясь выступить на одно поприще. Единство направленія, размѣнъ взглядовъ, вѣра въ науку, такъ сближали и одушевляли насъ, что мы всѣ считали себя однимъ семействомъ, имѣвшимъ и общую цѣль, и одно и тоже будущее.

Итакъ, я остаюсь при моемъ мнѣніи, что нѣтъ вѣрнѣйшаго средства къ доставленію свѣжихъ и крѣпкихъ силъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ учрежденіе общаго всѣмъ университетамъ разсадника, съ тѣмъ, чтобы каждый университетъ посылалъ туда своихъ избранныхъ. Только этимъ способомъ можно контролировать достоинство выбора, водворить единства направленія, воодушевить молодыхъ людей общимъ стремленіемъ къ одной цѣли и, наконецъ, дать имъ болѣе средствъ приготовиться къ дѣятельности на избранномъ ими поприщѣ. Эта мѣра, впрочемъ, нисколько и не противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ объ образованіи наставниковъ. Развѣ мы не видимъ, напримѣръ, что учители гимназій образуются не однѣми гимназіями, а и вдали отъ нихъ—въ университетахъ? Безспорно, такое удаленіе будущихъ наставниковъ отъ училищъ, въ которыхъ они могли бы познакомиться съ педагогикой на практикѣ,—худо; но это неудобство легко поправить. Между тѣмъ еще было бы хуже поручать однѣмъ гимназіямъ образованіе гимназическихъ учителей. Какъ обновленіе племенъ и семействъ новыми связами родства считается лучшимъ средствомъ противъ нравственнаго одряхлѣнія, такъ и въ учебныхъ учрежденіяхъ ничто столь силь-

но не противодѣйствуетъ научному застою, апатіи и непотизму, какъ введеніе свѣжихъ посторонпихъ силъ. Но если учрежденіе, назначаемое для образованія учителей и наставниковъ, я назвалъ институтомъ, то это слово я отношу не къ формѣ, а къ сущности дѣла. Меня худо бы поняли, еслибы вздумали, напримѣръ, что я предлагаю будущихъ профессоровъ помѣстить, всѣхъ вмѣстѣ, въ одно зданіе, съ надписью у входа: профессорскій институтъ; что я требую отъ нихъ непремѣннаго посѣщенія лекцій, годичныхъ экзаменовъ, ставлю ихъ подъ надзоръ инспекторовъ о нравственной и учебной части. Нѣтъ! дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ. Я поставляю задачею института, во-первыхъ, соединить избранныхъ единствомъ направленія и цѣли; во-вторыхъ, подготовить ихъ къ будущему призванію въ отдаленіи отъ родныхъ университетовъ и, слѣдовательно, на другой научной почвѣ; въ-третьихъ, снабдить ихъ всѣми необходимыми средствами для спеціальнаго изученія избранной ими науки, и наконецъ, въ-четвертыхъ, сблизивъ ихъ какъ можно болѣе между собою и съ наставниками, требовать, чтобы наставники постоянно руководили ихъ въ научныхъ занятіяхъ къ опредѣленной цѣли. Отъ такого сближенія, основаннаго на общемъ имъ научномъ интересѣ, я ожидаю болѣе всего благодѣтельныхъ слѣдствій. Приготовленіе избранныхъ —на предстоящее имъ поприще—въ отдаленіи отъ того университета, въ которомъ они получили свое первое образованіе, служило бы вмѣстѣ и повѣркою самаго выбора. Избиратели, зная это, были бы осторожнѣе и безпристрастнѣе; а правительство, посылая потомъ за границу молодыхъ людей, достаточно подготовленныхъ не однимъ, а двумя высшими учебными заведеніями, имѣло бы болѣе вѣрную гарантію въ научныхъ достоинствахъ кандидатовъ. Впрочемъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы всѣ избранные отсылались отъ университетовъ въ одно мѣсто: они могутъ быть распредѣлены и группами. Одни изъ нихъ, смотря по тому, кто какой избралъ предметъ для спеціальнаго изученія, могутъ приготовляться при академіи наукъ, подъ руководствомъ ученыхъ ея членовъ; другіе—могутъ быть поручены тѣмъ изъ нашихъ университетскихъ профессоровъ, которые пріобрѣли извѣстность по спеціальнымъ занятіямъ какою-либо наукою. Въ доказательство, какъ много дѣйствуетъ такой способъ подготовленія спеціалистовъ, я могу привести собственный опытъ. Мнѣ было поручено приготовить къ практической хирургіи шестерыхъ молодыхъ людей, да еще избранныхъ и не университетами, а взятыхъ прямо со служебнаго поприща; несмотря на то, что война помѣшала имъ отправиться за границу, трое изъ нихъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій, доказали на дѣлѣ, какой пользы можетъ ожидать и правительство, и общество, когда образованіе научныхъ спеціалистовъ будетъ исключительно поручаемо тѣмъ изъ наставниковъ, которые заслуживаютъ имя экспертовъ. Хотя въ приведенномъ случаѣ и не было цѣли приготовить будущихъ профессоровъ, но я и тутъ убѣдился, что прежде испыталъ и при моемъ собственномъ образованіи, какъ мощно вліяетъ на развитіе таланта и знаній сближеніе наставника и учащихся, направленное къ достиженію одной опредѣленной научной цѣли.

Второе условіе, которое я почитаю не менѣе жизненнымъ для нашихъ университетовъ и нашей науки, состоитъ въ коренной реформѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Если живою силою личности я предлагаю обновить среду наставниковъ сверху, то я въ этой же одной силѣ вижу возможность и преобразованія среды учащихся—снизу. Но и въ этомъ случаѣ спрошу предварительно: чего мы желаемъ отъ нашихъ училищъ?

Идеально-нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ было бы то, еслибы всѣ, безъ различія, однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ широкимъ— университетскимъ.—Это значило бы, что всѣ, безъ различія со-

словій и состояній, были бы обязаны пройти общій гимназическій курсъ, поступить въ университетъ, избрать одинъ изъ его факультетовъ, и потомъ уже выйти въ жизнь, слѣдуя одному избранному пути. Этимъ обязательнымъ для всѣхъ гражданъ способомъ просвѣщеніе равномѣрно распространилось бы черезъ всѣ среды общества, и избраніе того или другого рода жизни молодымъ человѣкомъ совпадало бы съ окончаніемъ его университетскаго ученія. Но если рано созрѣвшій реализмъ общества требуетъ совсѣмъ другого отъ образованія; если общество спѣшитъ располагать людьми-спеціалистами, и ему некогда долго ждать окончанія университетскаго ученія; если, съ другой стороны, это ученіе не по средствамъ каждаго, и требуетъ со стороны учащихся большихъ пожертвованій, такъ что только одни люди съ достаткомъ могутъ учиться по двѣнадцати и по пятнадцати лѣтъ, пока попадутъ на путь жизни,—то мысль общаго гимназическо-университетскаго образованія, конечно, въ настоящее время неосуществима. Если такъ,—то должно по крайней мѣрѣ—сохранить въ чистотѣ духъ истинно-университетскаго образованія, отдѣливъ его гуманно-реальное направленіе отъ направленія чисто-реальнаго. Итакъ, пусть высшія спеціальныя школы, назначенныя для удовлетворенія насущной потребности общества, остаются въ рукахъ различныхъ вѣдомствъ; но пусть и научное направленіе, съ присущимъ ему гуманно-реальнымъ элементомъ, сохранится въ гимназіяхъ и университетахъ во всей его чистотѣ. Пусть раздѣленіе школъ начнется внизу, а гимназіи, лишенныя теперешней своей двуличности, пусть будутъ приспособленными къ одному только университетскому ученію. Какъ ни грустно такое расщепленіе при самомъ корнѣ образованія, но если оно жизненно-необходимо для общества, то нужно, по крайней мѣрѣ, сохранить университетское начало въ первобытной его чистотѣ. Тогда остается еще надежда развить это начало впослѣдствіи, когда общество, по законамъ противодѣйствія, само убѣдится, наконецъ, въ его необходимости, и прибѣгнетъ снова къ нему за помощью.

Но если мы требуемъ, чтобы университетское образованіе сохранилось въ первобытной его цѣлости, то это не значитъ, что оно должно сдѣлаться отсталымъ и несовременнымъ; это не значитъ также, что оно не должно быть нисколько реальнымъ и спеціальнымъ. Нѣтъ! основаніемъ истинно университетскому ученію служитъ наука, во всемъ ея обширномъ значеніи; а наука не можетъ быть не-прогрессивна. Мы желаемъ отъ нашего университетскаго образованія только того, чтобы оно сохранило гуманное начало съ реальнымъ въ неразрывной связи, нисколько не выпуская изъ виду тѣхъ нововведеній, которыми обогатилась въ послѣднее время реальная сторона нашихъ знаній. Но и гуманное начало также вѣдь не осталось назади; оно также богато примѣненіями, и примѣненія эти касаются самой важной—нравственно-духовной стороны нашей жизни. Конечно, они не такъ наглядны, не такъ очевидны, отъ нихъ выигрываетъ не столько утилитарное направленіе общества; но зато ничто столько не содѣйствуетъ развитію самыхъ драгоцѣнныхъ свойствъ человѣческой натуры,—мысли и слова,—какъ гуманизмъ. Онъ выводитъ мысль изъ тѣснаго круга реальности на широкое поле, снимаетъ оковы, налагаемые близорукою дѣйствительностью, и знакомитъ человѣка съ самою лучшею частью природы—съ внутреннимъ человѣкомъ. Если и всегда слышались, а теперь еще громче слышатся, возгласы противъ гуманнаго начала образованія, то, во-первыхъ, порицатели принадлежатъ къ тѣмъ недовольнымъ, которые опасаются излишней свободы мысли и слова, будто-бы распространяемой гуманизмомъ. Но если нужно бояться этой свободы, то развѣ она не такъ же страшна и въ реализмѣ? Кто имѣетъ такой взглядъ, тотъ долженъ вообще опа-

саться науки.—Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, къ чему привелъ этотъ страхъ? Когда была въ модѣ германская философія, когда направленіе германской школы было, по преимуществу, гуманное, а между тѣмъ потребности общества дѣлались со дня на день болѣе реальными, то естественнымъ наукамъ удалось, наконецъ, вытѣснить изъ школъ излишекъ гуманизма. Казалось бы, нужно было успокоиться. Вышло совсѣмъ другое: теперь уже естественнымъ наукамъ, наиболѣе способствующимъ развитію реальнаго, приписываютъ вольнодумство и невѣріе, и начинается уже противодѣйствіе тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое еще не такъ давно казалось опаснымъ.

В о-в т о р ы х ъ, порицаютъ гуманное направленіе люди, замѣчающіе недостатки не тамъ, гдѣ должно искать ихъ. Дѣйствительно, ничто такъ легко не принимаетъ безжизненную, оцѣпенѣлую форму, какъ гуманныя науки, если онѣ излагаются непризванными наставниками. И мертвые языки, и наука о древностяхъ, и самая исторія мертвятъ умъ учащихся, если мы не съумѣемъ воспользоваться тѣмъ живительнымъ началомъ, которое въ нихъ заключается. Многое для поверхностнаго наблюдателя кажется въ этихъ наукахъ безполезнымъ хламомъ, которымъ учители съ раннихъ лѣтъ забиваютъ головы своихъ учениковъ; многое, и дѣйствительно, нисколько не нужно для жизни, и не имѣетъ никакого непосредственнаго приложенія. Но кто хотя однажды испыталъ или на самомъ себѣ, или видѣлъ на другихъ, что могутъ сдѣлать эти науки для ума и сердца, въ рукахъ опытныхъ и даровитыхъ наставниковъ, тотъ, вѣрно, согласится, что нигдѣ не заключается столько образовательности для внутренняго человѣка, какъ въ ученіи, недаромъ названномъ гуманнымъ. Не виноваты гуманныя науки, если онѣ въ рукахъ нашихъ учителей сдѣлались чѣмъ-то ни къ чему непримѣнимымъ, отдѣльнымъ и безжизненнымъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ въ образованіи человѣка могутъ быть совершенно замѣнены спеціально-мелкимъ реализмомъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что гуманное направленіе для насъ должно быть безвозвратно потеряно, и именно для насъ, едва выступившихъ на поприще гражданственности? Не слѣдуетъ ли скорѣе, что нужно обратить вниманіе на л и ч н о с т ь с а м и х ъ н а с т а в н и к о в ъ и серьезно заняться ихъ приготовленіемъ, ознакомивъ ихъ со всѣми способами изученія гуманныхъ наукъ? Наконецъ, реакція противъ гуманизма понятна еще въ странахъ, гдѣ гражданственность достигла высшей степени развитія; понятно это противодѣйствіе въ отечествѣ Гуттена, Эразма, Рейхлина; понятно оно, гдѣ гуманизмъ, проникнувъ до низшихъ слоевъ общества, уже давно навлекъ на себя нареканіе папистовъ и обскурантовъ. Тамъ, можетъ быть, онъ вредилъ и з л и ш к о м ъ, способствуя абстрактному направленію умовъ и отвлекая ихъ отъ дѣйствительности. Гдѣ общечеловѣческое образованіе уже просвѣтило всѣ классы общества, тамъ можетъ развиться и самый утонченный—гуманный и реальный—спеціализмъ; тамъ просвѣщенное общество съумѣетъ уже само отличить истиннаго, научнаго спеціалиста отъ шарлатана, которому спеціализмъ служитъ только вывѣскою. Но другое дѣло—у насъ. Что будетъ изъ насъ, если, мы, не приготовленные еще образовательною силою гуманизма, бросимся, очертя голову, на спеціальность? и какую спеціальность предпочтетъ наше большинство? Конечно, самую реальную и насущную,—то-есть, такую, которая, требуя какъ можно менѣе общечеловѣческаго образованія, обѣщаетъ какъ можно болѣе прибыли и выгодъ. Не значило ли бы это открывать входъ въ маловоспитанное общество грубому шарлатанству и давать пріютъ спекуляціи на невѣжество и легковѣрность?—Нѣтъ, не намъ возставать противъ истиннаго гуманизма, плодами котораго мы еще никогда и не пользовались. Не намъ сомнѣваться въ необходимости этого начала для образованія нашего юнаго общества. Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми спеціалистами, мы не должны за-

бывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе. Возьмите и сравните двухъ специалистовъ: одного—прошедшаго чрезъ школу гуманныхъ наукъ, другого—прямо напавшаго на реализмъ; я берусь вамъ ихъ тотчасъ же отличить, и не только по дѣйствіямъ, но даже по мыслямъ. Если и въ классической землѣ гражданственности, если и въ Англіи, которую, вѣрно, никто не упрекнетъ въ непрактичности и въ недостаткѣ реализма, гуманныя науки продолжаютъ быть главною основою высшаго (университетскаго) образованія, то намъ ли,—едва выступившимъ на поприще гражданственности,—сомнѣваться въ образовательной ихъ силѣ? Мы можемъ, пожалуй, еще извиниться въ нашей апатіи къ общечеловѣческому началу просвѣщенія тѣмъ, что мы вышли на это поприще поздно, когда реализмъ уже началъ оказывать противодѣйствіе; мы можемъ, пожалуй, сказать въ оправданіе, что для нашего общества жизненно-необходимы самые дюжинные реалисты. Но уже никакъ намъ не идетъ возставать противъ самаго принципа, основываясь на однихъ только временныхъ и случайныхъ причинахъ, обусловливающихъ историческое развитіе нашего общества. Нѣтъ! наши университеты должны твердо и дружно отстоять неразрывную связь гуманнаго съ реальнымъ. Это ихъ задача, это ихъ святая обязанность и предъ обществомъ, и предъ лицомъ всего человѣчества. И если прежняя формула этой связи уже устарѣла, то наши университеты должны найти новую. И еслибы даже оказалось, что гуманизмъ на Западѣ отыгралъ свою роль, то мы должны привлечь стараго учителя людей на нашу сторону и открыть ему новое поприще въ гостепріимной Россіи.

Итакъ, если мы всѣ въ этомъ согласны, и если мы желаемъ отъ нашихъ учебныхъ заведеній, чтобы они вели въ жизнь и путемъ общечеловѣческаго, и путемъ специально-научнаго образованія, то опять спрашивается: гдѣ должна быть поставлена граница раздѣленія этихъ двухъ путей? Въ настоящее время всѣ три разряда нашихъ училищъ (приходскія, уѣздныя, гимназіи) такъ организированы, что ни одно изъ нихъ не приготовляетъ къ другому, и каждое открываетъ путь прямо въ жизнь. Во многихъ уѣздныхъ училищахъ можно начать учиться грамотѣ такъ же, какъ и въ приходскомъ; обыкновенное (недворянское), уѣздное училище не приготовляетъ къ гимназіи; окончивъ курсъ въ уѣздномъ, можно такъ же сдѣлаться чиновникомъ, какъ и по окончаніи курса въ гимназіи. Собственно же такихъ училищъ, которыя бы приготовляли исключительно только въ университету, у насъ нѣтъ, и раздѣленіе двухъ путей у насъ поставлено, въ гимназіяхъ, въ четвертомъ классѣ, слѣдовательно какъ нельзя выше. Потому ни одно изъ трехъ разрядовъ нашихъ училищъ не имѣетъ точно опредѣленнаго направленія; нѣкоторыя же изъ нихъ, какъ дворянскія училища, имѣютъ болѣе сословный характеръ. Правда, такая организація имѣла цѣлью облегчить и расширить выходъ въ жизнь, и съ этимъ началомъ, имѣя въ виду огромную потребность государства въ практикахъ и служащихъ, можно бы было легко примириться; но только при двухъ условіяхъ.

Во-первыхъ, еслибы наши школы давали такое общечеловѣческое образованіе, которое могло бы быть непосредственно приложено къ различнымъ родамъ занятій, или же находились бы въ связи съ другими реальными школами. Во-вторыхъ, еслибы, сверхъ того, были и другія школы, назначенныя преимущественно для образованія, приготовляющаго къ университету. Но ни то, ни другое условіе не исполнено. Для распространенія общечеловѣческаго образованія у насъ недостаетъ лицъ, знакомыхъ съ современными успѣхами педагогики; низшихъ реальныхъ школъ также почти вовсе не существуетъ, и если онѣ и существуютъ, то не имѣютъ надлежащей связи съ школами научно-образовательными. Для большей же части посвящающихъ себя занятіямъ реальными предметами (какъ, напримѣръ, для ремесленни-

ковъ и торговаго сословія) ученіе въ школахъ вовсе не обязательно. Слѣдовательно, наше школьное общечеловѣческое образованіе не имѣетъ никакой связи съ реальнымъ направленіемъ общества. Съ другой стороны, наши гимназіи, назначенныя вести образованіе двумя путями, именно потому и не достигаютъ ни той, ни другой цѣли, а кромѣ нихъ мы не имѣемъ школъ, исключительно приготовляющихъ къ университету.

Для раціональной организаціи училищъ возможно только одно изъ двухъ: нужно или учредить два разряда училищъ, изъ которыхъ одинъ велъ бы, путемъ общаго образованія, въ реализмъ общественной жизни, а другой—преслѣдовалъ бы цѣль чисто-научнаго образованія, и приготовлялъ бы исключительно къ университету; или же учредить первоначальныя школы, общія для того и другого направленія, и отсюда уже начать раздѣленіе на два пути. Принявъ одинъ изъ этихъ двухъ способовъ преобразованія, можно будетъ легче дать и университету чисто-научное значеніе. Я выразилъ уже мое мнѣніе о будущности всѣхъ университетовъ. Для насъ, для нашего просвѣщенія, для нашей науки, мнѣ кажется, болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, необходимо стараться не приближать, но, сколько можно, отдалять время распаденія университета. Если наши университеты не въ состояніи проникнуть, посредствомъ своихъ факультетовъ, въ другія вѣдомства, и тѣмъ усилить свои средства, то мы и объ этомъ не должны слишкомъ сожалѣть. Тогда мы должны предоставить образованіе практическихъ реалистовъ, которые численно необходимы для государства, спеціальнымъ учрежденіямъ другихъ вѣдомствъ; а наши университеты пусть лучше станутъ на одну чисто-научную почву. Если же мы замѣчаемъ, что большая часть нашихъ студентовъ недостаточно приготовлены къ свободнымъ и самостоятельнымъ занятіямъ наукою, то намъ нужно не понижать уровень университетскаго образованія, какъ это нѣкоторые полагаютъ, а, напротивъ, возвысить уровень гимназическаго, сдѣлавъ его исключительно приготовительнымъ къ университету, уничтоживъ двухстороннее раздѣленіе гимназическаго курса и продолживъ его до девяти и болѣе лѣтъ. Намъ нужно усилить и научныя требованія отъ учащихся въ университетѣ, продлить сроки ученія въ нѣкоторыхъ факультетахъ, положить правиломъ, что желающій получить ученую степень по одной отрасли наукъ долженъ предварительно имѣть ученую степень по другой, сродственной отрасли; отъ испытуемаго, напр., на степень д-ра медиц. требовать, чтобы онъ имѣлъ степень кандидата по физ.-мат. и естеств. фак., и т. п. Только этими способами, думаю, можно оградить чисто-научное значеніе нашихъ университетовъ. Если, съ одной стороны, умственная и научная дѣятельность наставниковъ будетъ постоянно обновляться свѣжими силами; если, съ другой стороны, образованіе въ гимназіяхъ будетъ исключительно направлено на приготовленіе къ университету; если, наконецъ, факультеты, не стѣсняясь урочными сроками времени, будутъ предоставлять учащимся заниматься спеціально наукою, —то безъ сомнѣнія, чисто-научное значеніе университетовъ поднимется. Но зато, — нѣтъ сомнѣнія, — число учащихся, ищущихъ въ университетскомъ образованіи только средства, доставляющаго имъ или пропитаніе, или положеніе въ обществѣ, значительно уменьшится на первый разъ. И это хорошо; это необходимо для очищенія университетовъ и для поднятія ихъ чисто-научнаго значенія. Не университетъ, а спеціальныя школы гражданскаго и военнаго вѣдомствъ нужны для тѣхъ, которымъ нужна не наука, а хлѣбъ, и для тѣхъ научныхъ субалтерновъ, служба которыхъ необходима для государства (чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ лекарей). Тогда университетъ, съ его свободнымъ ученіемъ, поставитъ себѣ главною цѣлью развитіе таланта, самостоятельной дѣятельности ума и истинной любви къ наукѣ. Тогда и связь гуманнаго направленія съ реальнымъ въ нашихъ университетахъ будетъ еще надолго ограждена для

пользы истиннаго просвѣщенія. Тогда можно надѣяться, что наши спеціалисты, избѣгнувъ вредной односторонности, будутъ и гуманно-образованными людьми.

Итакъ, преобразованіе нашей системы просвѣщенія нужно начинать не съ одного конца, а съ обоихъ. Дѣйствительно, если начать снизу (съ училищъ), то что можно сдѣлать? Можно измѣнить распредѣленіе наукъ по классамъ, можно улучшить программы, можно измѣнить курсы и испытанія; но все-таки недостанетъ главнаго—дѣльныхъ и опытныхъ педагоговъ. Откуда взять ихъ, если высшія учебныя заведенія не будутъ преобразованы съ этою цѣлью и не будутъ оживляемы свѣжими силами?—Если начать сверху (съ университетовъ), то—спрашивается — гдѣ взять хорошо приготовленныхъ студентовъ, образованіе которыхъ подходило бы подъ уровень университетскаго ученія?—Слѣдовательно, не иначе, какъ начавъ съ обоихъ концовъ въ одно и то же время, можно ожидать успѣха. Образованіе въ высшихъ и низшихъ школахъ такъ органически связано, что, затронувъ одно, нельзя не тронуть другого. У насъ, въ сущности, тотъ же самый недостатокъ Петровскихъ и Екатерининскихъ временъ продолжается и до сихъ поръ. Какъ въ тѣ времена для нашего просвѣщенія недоставало главнаго — наставниковъ, такъ и теперь ихъ еще мало. Какъ тогда мы прибѣгали за помощью къ Западу, такъ и теперь еще мы не полагаемся на однихъ нашихъ доморощенныхъ наставниковъ. Одно только перемѣнилось: тогда нужно было еще доставать учениковъ, которыхъ вздумали-было также выписывать изъ-за границы; теперь же, слава Богу, они есть на-лицо. Но какъ тогда жаловались заграничныя знаменитости, выписанныя для насъ, что наши ученики слишкомъ плохи, какъ тогда высокопросвѣщеннымъ наставникамъ нужно было по-неволѣ спускаться до нашего уровня, такъ и теперь жалуются наши отечественныя знаменитости въ университетахъ, что слушатели ихъ не понимаютъ. Поговариваютъ и теперь о томъ, что профессорамъ приходится спускаться до уровня гимназическихъ учителей, чтобы ихъ труды не пропадали даромъ. По-неволѣ, однако, спросишь: да какимъ же образомъ наши профессоры сами достигли той степени образованія, на которой они теперь стоятъ? Вѣдь они также вышли изъ нашихъ школъ, изъ нашихъ университетовъ. Вѣдь не одному же пребыванію за-границею они всѣмъ обязаны? Не будутъ же они отвергать, что они, по малой мѣрѣ, половиною своего образованія обязаны самимъ себѣ и тѣмъ университетамъ, въ которыхъ они начали свое ученіе. Скажутъ, что такихъ вообще немного, что всѣ эти наставники, которые вышли изъ нашихъ университетовъ и достигли высокаго научнаго образованія, составляютъ исключенія, что зато для сотни другихъ студентовъ университетское ученіе было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но, опять повторяю, согласимся сначала: чего мы желаемъ отъ университета? — Если главная его задача состоитъ въ развитіи таланта и самостоятельной личности, то отложимъ попеченіе когда-нибудь достигнуть образованія сотенъ даровитыхъ и самостоятельныхъ людей. Если университету удалось образовать и десятки, то уже должно благодарить Бога; а если ему удалось въ двадцатилѣтіе вывести на свѣтъ хотя одного истиннаго двигателя науки, то цѣль его вполнѣ достигнута. Мнѣ скажутъ, что талантъ и геній вездѣ себѣ проложитъ путь, что для него не нужны университеты, что развитіе талантовъ пропорціонально распространенію просвѣщенія въ массѣ. Все это правда, но только при извѣстныхъ условіяхъ. При извѣстномъ состояніи гражданственности общества невозможно установить научное образованіе такъ, чтобы оно приспособлялось и къ массивной посредственности, и къ даровитымъ личностямъ. Нельзя содержать оранжереи и для сѣнокоса, и для тропическихъ растеній. Знаю я, что талантъ для насъ не долженъ быть растеніемъ тропиковъ; онъ долженъ быть нашъ родной дубъ, а не пальма; но и для дуба все-таки

нужна удобная почва, а главное, нужны хорошіе полѣсовщики: иначе его срубятъ на дрова вмѣстѣ съ сосной и березой. Не всегда также развитіе талантовъ находится въ прямомъ отношеніи съ распространеніемъ просвѣщенія въ массахъ. Если бы всегда была такая соотвѣтственность, то въ наше столѣтіе мы встрѣчали бы на каждомъ шагу Бэконовъ, Коперниковъ и Галилеевъ. Нельзя, наконецъ, сказать и того, что для насъ сотни посредственныхъ необходимѣе одного талантливаго. Нѣтъ, у насъ еще нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, даровитые люди; мы не должны забывать, что каждый изъ нихъ можетъ подвинуть болѣе массу впередъ, чѣмъ сотни стоящихъ въ уровень съ нею, хотя и правда, что способъ образованія, приноровленный къ развитію даровитыхъ, дѣлается въ ущербъ самой массѣ. Я знаю, что мы въ настоящее время безъ посредственности—все равно, что машина безъ рукъ, безъ лошадей или безъ паровъ. Но повторяю: невозможно и вредно сближать два противоположныя стремленія. Нельзя вести однимъ и тѣмъ же путемъ и посредственность, стремящуюся удовлетворять насущнымъ потребностямъ общества, и даровитую любознательность, стремящуюся къ чисто-научнымъ цѣлямъ. Первая торопится выйти въ жизнь, чтобы какъ можно скорѣе приложить свои ограниченныя свѣдѣнія и извлечь изъ нихъ пользу; въ ней нуждается общество и вызываетъ ее безпрестанно на помощь. Ее нужно брать на выучку и научить въ срокъ. Для нея нужны курсы и опредѣленное по одной мѣрѣ minimum свѣдѣній, достаточное для насущной потребности общества. Съ нею нужно спѣшить образованіемъ, чтобы не оставить то или другое вакантное мѣсто незамѣщеннымъ. Для второй, срокъ ученія —жизнь, и мѣра — наука. Ей нельзя сказать: учись только тому, а не этому. Она учится, не опредѣляя ни minimum, ни maximum свѣдѣній. Ее не вызываетъ крикъ толпы на выручку, и потому ей некуда и не къ чему торопиться. Она всегда найдетъ вакантное мѣсто.—Я не отвергаю, что можно и въ одномъ и томъ же учебномъ учрежденіи образовать и ту, и другую. — можно организовать университетъ и такъ, что онъ будетъ удовлетворять и насущнымъ потребностямъ общества, и высшимъ требованіямъ науки. Но это возможно только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, когда къ университетамъ примкнутъ спеціальныя учрежденія другихъ вѣдомствъ и увеличатъ его образовательныя средства; а во-вторыхъ, если вмѣстѣ съ этимъ университетское ученіе раздѣлится на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ будетъ свободный и неограниченный срокомъ времени, а другой—срочный и обязательный. Въ какой мѣрѣ такое преобразованіе возможно и выгодно въ настоящее время, я не берусь теперь рѣшать. Но если оно неисполнимо, то я остаюсь при моемъ убѣжденіи, что нѣтъ другого, болѣе вѣрнаго, средства для развитія высшаго образованія, какъ-то, чтобы дать нашимъ университетамъ чисто-научное значеніе, предоставивъ приготовленіе путемъ науки къ служебной должности спеціальнымъ школамъ другихъ вѣдомствъ.

Наконецъ, кромѣ преобразованій коренныхъ, я прилагаю мое: «чего мы желаемъ» и къ измѣненіямъ второстепеннымъ учебныхъ постановленій, касающимся способовъ ученія и испытанія.

На вопросъ: чего мы желаемъ отъ университетскаго преподаванія—я, конечно, не отвѣчу: изложенія науки по печатной программѣ, я скажу: я желаю, чтобы учащійся въ университетѣ усвоилъ себѣ науку образовательною силою мысли и слова. За исключеніемъ клиникъ и немногихъ другихъ практическихъ демонстрацій (при которыхъ наставникъ и его ученики мѣняются мыслями), на всѣхъ другихъ университетскихъ лекціяхъ учащіеся обыкновенно остаются пассивными слушателями. Между тѣмъ извѣстно, что ничто не возбуждаетъ столько умственной дѣятельности, какъ активное участіе въ научныхъ занятіяхъ. Въ то самое время, когда

мы слѣдимъ за ходомъ мыслей другого, намъ самимъ многое приходитъ на мысль; у насъ тутъ же рождаются вопросы, сомнѣнія и возраженія. И всѣ наставники, если они желаютъ, чтобы ихъ слушатели усвоивали себѣ науку, должны также желать, чтобы умъ слушателей на лекціяхъ былъ въ постоянной работѣ. Но обыкновенно слушателю приходится только напрягать свое вниманіе и боротъся съ собственными мыслями, которыя вырываются обнаружиться; въ этой борьбѣ онъ нерѣдко теряетъ нить въ изложеніи предмета; закравшееся сомнѣніе остается у него нерѣшеннымъ, и онъ выноситъ съ лекціи многое неяснымъ и неразгаданнымъ. И потому я думаю, что учащійся долженъ оставаться пассивнымъ лицомъ на лекціяхъ только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда преподаватель излагаетъ новыя научныя истины, еще не обнародованныя или ему одному извѣстныя и имъ однимъ дознанныя; во-вторыхъ, когда преподаватель владѣетъ особеннымъ даромъ слова. Понятно, что въ тѣ времена, когда книгопечатаніе еще не было распространено, не было и другого средства къ распространенію знаній, кромѣ устныхъ лекцій; понятно также, что и въ наше время истинные двигатели науки имѣютъ въ изустномъ преподаваніи мощное средство для перваго обнаруживанья новыхъ идей, еще не столько выработанныхъ, чтобы выйти въ свѣтъ въ печатномъ сочиненіи; наконецъ, даръ слова также обнаруживаетъ свое волшебное дѣйствіе на учащихся путемъ изустнаго преподаванія. Но мы хорошо знаемъ, что не всѣ преподаватели отличаются даромъ изложенія, чего при другихъ существенныхъ достоинствахъ нельзя отъ нихъ и требовать. Мы знаемъ также, что учащіеся обыкновенно слышатъ такія истины, которыя уже обнародованы въ сотняхъ учебниковъ и не одному только преподавателю извѣстны. И такъ, если не встрѣчается непреодолимаго препятствія въ громадномъ числѣ слушателей; если преподаватель излагаетъ уже извѣстныя данныя по учебникамъ и запискамъ, и если онъ не отличается особеннымъ даромъ слова, я предложилъ бы ввести для многихъ предметовъ, вмѣсто обыкновенныхъ лекцій, Сократовскій способъ ученія въ видѣ бесѣдъ, главною цѣлью которыхъ было бы обсужденіе основныхъ и самостоятельныхъ вопросовъ науки. Учащіеся должны бы были приготовляться у себя дома чтеніемъ указанныхъ имъ источниковъ, руководствъ или записокъ, а на бесѣдахъ для уясненія предмета они не только бы отвѣчали какъ на репетиціяхъ, но и сами бы спрашивали, судили и возражали. При этомъ способѣ преподаванія профессору не было бы никакой необходимости читать свои лекціи всякій день и терять время на систематическое изложеніе такихъ истинъ, которыя каждый слушатель, знающій грамоту и хотя сколько-нибудь подготовленный, можетъ самъ прочитать, не спѣша и хорошенько обдумавъ, въ любомъ учебникѣ. А каждый наставникъ могъ бы съ большею пользою употребитъ свое время на составленіе хорошихъ руководствъ, монографій, и на разговорное объясненіе того, что дѣйствительно должно быть уяснено. Нѣтъ сомнѣнія, что такія бесѣды несравненно болѣе дали бы пищи для ума и болѣе бы содѣйствовали къ усвоенію науки самостоятельною дѣятельностью ума учащихся.

Перейдемъ къ испытаніямъ. Экзаменъ есть мѣра, означающая вообще недостаточную образованность общества. Онъ излишенъ тамъ, гдѣ само общество можетъ оцѣнить свѣдѣнія необходимыхъ для него людей. Экзаменъ есть привилегія цеховъ и кастъ, препятствующая конкурренціи и, слѣдовательно, только тогда необходимая, когда эта конкурренція вредна для общества. Если бы, напримѣръ, общество могло само цѣнить достоинство всякаго врача, то оно и безъ экзаменованныхъ врачей не обращалось бы къ шарлатанамъ. Итакъ, экзаменъ—это мѣра временно и условно необходимая. Если успѣхъ просвѣщенія подтвердитъ мнѣніе, которое уже и теперь слышится, то цехи и монополіи не столько полезны,

сколько вредны къ развитію промышленности и торговли; то и ученыя касты, съ ихъ привиллегіями, едва-ли удержатся. Но покуда правительства должны еще ручаться предъ обществомъ за свѣдѣнія привилегируемыхъ ими лицъ, и мы должны заняться рѣшеніемъ вопроса: чего мы желаемъ отъ экзамена? Если онъ есть ручательство одного привилегированнаго сословія предъ лицомъ общества; то—спрашивается — предъ кѣмъ же ручаются университеты вступительными своими экзаменами? Не предъ самими ли собою только и не предъ одними-ли испытуемыми? Положимъ, обществу необходимо знать, что учитель, врачъ или юристъ, образовавшіеся въ университетѣ, дѣйствительно имѣютъ необходимыя свѣдѣнія для ихъ занятій; но какое дѣло обществу до того, что при поступленіи въ университетъ студенты дѣйствительно имѣютъ свѣдѣнія, необходимыя для высшаго образованія? Собственно и университету до этого также мало дѣла. Если большая часть вступающихъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній, то тѣмъ хуже для нихъ. Итакъ, если вступительные экзамены необходимы, то они необходимы для самихъ учащихся, чтобы доказать имъ достаточность или недостаточность ихъ свѣдѣній для высшаго образованія. Мнѣ скажутъ, что цѣль вступительныхъ испытаній совсѣмъ не та. Мнѣ скажутъ, что тамъ, гдѣ образованіе составляетъ правительственную монополію вступительными (университетскими) экзаменами повѣряется степень развитія гимназій и другихъ учебныхъ заведеній. Мнѣ скажутъ, что если я возстаю противъ этихъ испытаній, то противорѣчу самъ себѣ, и, отворивъ всѣмъ настежъ входъ въ университетъ, могу повредить его истинно-научному значенію, котораго я столько добиваюсь. Наконецъ, — мнѣ скажутъ, — съ уничтоженіемъ вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ, гимназіи навѣрное опустѣютъ, число студентовъ увеличится непомѣрно, и многіе изъ нихъ будутъ только понапрасну терять время, не-въ-прокъ ни себѣ, ни обществу, мѣшая истиннымъ адептамъ науки хорошо пользоваться учебными средствами университета и т. д. Но положимъ, —какъ это теперь и есть,—что университеты посредствомъ своихъ вступительныхъ экзаменовъ убѣдились въ недостаточности знаній большинства вступающихъ. Положимъ, что и дипломы объ успѣшномъ окончаніи полнаго гимназическаго курса—не вѣрныя доказательства. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Очевидно, представляются три возможныя мѣры. Нужно: или измѣнить университетское ученіе, приспособивъ его къ уровню гимназическаго; или возвысить уровень гимназическаго; или же, наконецъ, принявъ правиломъ извѣстное «laisser faire», предоставить все дѣло времени. Мысль понизить университетское ученье до гимназическаго, и именно потому, что университетъ ушелъ слишкомъ далеко впередъ, мнѣ кажется такъ странною и несовременною, что я не могу на ней остановиться, и потому я, не колеблясь, тотчасъ бы оправдалъ вторую мѣру, какъ единственную для улучшенія всего дѣла. Но вотъ бѣда. Гимназій гораздо болѣе, чѣмъ университетовъ, и ихъ нельзя такъ скоро поднять. Для университетовъ нужны сотни, для гимназій — тысячи дѣльныхъ преподавателей; если въ университетахъ нужны дѣятели, стоящіе въ уровень съ современною наукою, то въ гимназіяхъ необходимы наставники, владѣющіе, кромѣ свѣдѣній, особеннымъ педагогическимъ тактомъ; между тѣмъ ни правительство, ни самый родъ занятій гимназическихъ наставниковъ, не можетъ имъ доставить столько средствъ, чтобы они всѣ были обезпечены отъ самыхъ вопіющихъ житейскихъ нуждъ. Если это такъ, то, значитъ, ничего болѣе не остается, какъ оставить все дѣло улучшенія in statu quo. Но можно ли все оставлять на произволъ времени, тогда какъ труды экзаменаторовъ съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, и возрастаютъ безполезно, потому что съ увеличивающимся числомъ поступающихъ въ университетъ нѣтъ никакой возможности соблюдать строгій контроль при испытаніяхъ. Уже во всѣхъ универ-

ситетахъ обнаруживается новый родъ промышленности между учащимися, которая и теперь уже дѣлаетъ для экзаменатора невозможнымъ узнать подставныхъ самозванцевъ; а это зло можетъ современемъ развиться въ огромныхъ размѣрахъ. — Опытъ убѣждаетъ, что всѣ мѣры такого рода, какъ экзаменъ, только тогда достигаютъ благой цѣли, когда онѣ будутъ проведены послѣдовательно, точно и съ безпристрастною строгостью. Иначе онѣ превращаются въ ничтожную формальность, и скорѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ. Но есть ли физическая возможность университетскимъ экзаменаторамъ, при всей огромной тратѣ времени въ ущербъ преподаванію наукъ, послѣдовательно провести вступительныя испытанія, когда нельзя положиться, какъ опытъ показываетъ, и на гимназическія, при которыхъ правосудные и просвѣщенные наставники могли бы гораздо легче оцѣнить достоинства своихъ учениковъ. Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что если мы искренно желаемъ предоставить нашимъ университетамъ чисто-научное значеніе, то мы должны также желать одного изъ двухъ: или пусть останутся вступительныя испытанія, но внѣ университетовъ; или же пусть университетъ откроетъ всѣмъ свободный входъ въ свое святилище наукъ, оставивъ каждому заботиться самому о собственномъ образованіи и самому судить—созрѣлъ ли онъ для университета, или нѣтъ, и требуя только при выходѣ строгаго отчета, чтобы отличить знаніе и талантъ отъ невѣжества и бездарности. —Первое средство могло бы осуществиться подъ видомъ экзаменаціонныхъ коммиссій при гимназіяхъ, съ присутствіемъ университетскихъ депутатовъ. Такое учрежденіе предохранило бы, по крайней мѣрѣ, университетъ отъ обмана подставными испытаніями, и профессоры, экзаменуя несравненно меньшее число учащихся, могли бы строже и отчетливѣе исполнить трудную свою обязанность.

Вторая мѣра, повидимому, опасна тѣмъ, что покровительствовала бы невѣжеству и праздности, и дѣлала бы подрывъ гимназическому ученію. Но эти опасенія, мнѣ кажется, скоро бы исчезли. Правда, на первое время число учащихся въ университетахъ слишкомъ бы увеличилось; многіе изъ университететскихъ профессоровъ не были бы поняты ихъ слушателями. Вся масса неподготовленной къ университетскому ученію молодежи устремилась бы въ тѣ факультеты, въ которыхъ преподаваніе требуетъ менѣе гимназическихъ свѣдѣній. Но стоило бы только однажды убѣдить учащихся на опытѣ, что университетъ требуетъ, не щадя, серьезнаго отчета при выходѣ, и—я твердо убѣжденъ—все скоро бы пришло опять въ порядокъ. Испытавъ это, учащіеся сами увидѣли бы ясно, какъ необходимо для университетскаго ученія предварительное солидное образованіе, и сами бы впередъ постарались о себѣ. Тогда они перестали бы торопиться окончаніемъ гимназическаго курса. Они и ихъ родители перестали бы хлопотать и просить у директоровъ и инспекторовъ о скорѣйшемъ переводѣ въ старшіе классы, несмотря на плохія отмѣтки. А если бы нѣкоторые изъ нихъ и поступили въ университетъ худо приготовленными, то у нихъ достало бы еще и въ университетѣ довольно времени, чтобы восполнить пробѣлы въ головѣ. Вѣдь истинное университетское ученіе — свободно и не ограничено урочными курсами и опредѣленными сроками времени. Скажите, положивъ руку на сердце: кто изъ насъ въ прежніе годы не учился «чему-нибудь и какъ-нибудь»? И неужели мы всѣ обязаны нашими свѣдѣніями только тому, что насъ принуждали учиться по курсамъ и срокамъ? Наконецъ, возьмемъ самое худшее. Положимъ, что дѣятельность нѣкоторыхъ факультетовъ, и именно тѣхъ, въ которыхъ безъ гимназическаго приготовленія нельзя сдѣлать ни шагу впередъ (филологическ., математическаго), на время прекратится и аудиторіи ихъ опустѣютъ. Что же за бѣда? Вмѣсто того, чтобы профессорамъ приспособляться къ массамъ и, для поддержанія одного имени факультета, унижать университетское ученіе до уровня гимназическаго, не лучше ли сдѣлаться самимъ

учителями гимназій? Пусть при нихъ останутся ихъ права и содержаніе, но пусть они сами идутъ въ гимназіи подготовлять для себя же достойныхъ учениковъ. Почему же университетскимъ наставникамъ, если они искренно любятъ отечество и науку, не попытаться внести свое направленіе въ нѣдра гимназій, и только тогда возвратиться въ факультеты, когда они будутъ увѣрены, что образовали настоящихъ университетскихъ слушателей, изъ которыхъ, въ свою очередь, могли бы образоваться новые наставники.

Но какъ бы то ни было, изберется ли та или другая мѣра, нужно все-таки рѣшить окончательно, чего мы желаемъ отъ испытанія вообще, будетъ ли оно вступительное или окончательное? Я бы отвѣтилъ коротко и просто; опредѣлить не maximum, а извѣстное minimum свѣдѣній испытуемаго. Maximum свѣдѣній, для достиженія какой бы то ни было цѣли, безпредѣльно и безконечно. Какъ ни разнообразьте ваши отмѣтки, какъ ни распредѣляйте число балловъ, вы никогда не обозначите всѣхъ степеней свѣдѣнія. Вы никогда и ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе и спросите: имѣетъ ли такой-то достаточно знанія, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно: да или нѣтъ; потому что для каждой цѣли есть извѣстное minimum, котораго уже непремѣнно нужно достигнуть. Конечно, и различныя степени, и minimum знаній, условны; но, безъ сомнѣнія, гораздо легче условиться въ одномъ, нежели во многомъ. Итакъ, только два слова: да или нѣтъ, должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленный вопросъ о minimum свѣдѣній испытуемаго. Правда, внутренняя цѣнность и этихъ двухъ отмѣтокъ будетъ опредѣляться личностью экзаменатора; но все-таки эта цѣнность будетъ несравненно менѣе условна, нежели та, которая выражается словами, означающими безчисленныя степени хорошаго и худого. А замѣняя слова цифрами и оцѣнивая человѣческія свѣдѣнія ариѳметическими выкладками, мы нисколько не поступаемъ точнѣе, и какъ бы ни хлопотали выразить всѣ оттѣнки знанія,—простыми ли, или десятичными дробями,—все будетъ напрасно, и именно потому, что и здѣсь мы не спросили себя: чего мы желаемъ?

Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ.[47]

Преобразованіе устава нашихъ университетовъ вызывается въ настоящее время, по моему мнѣнію, тремя главными обстоятельствами: 1) Недостаткомъ въ преподавателяхъ для занятія вакантныхъ каѳедръ, насколько этотъ недостатокъ зависитъ отъ условій, опредѣляемыхъ нынѣ существующимъ уставомъ. (Теперь въ провинціальныхъ университетахъ многія каѳедры остаются долгое время незанятыми, да и не предвидится возможности занять ихъ дѣльными и извѣстными по своимъ заслугамъ ученому свѣту лицами). 2) Распредѣленіемъ факультетскихъ каѳедръ, несообразнымъ съ цѣлью университетскаго образованія и зависящею отъ того неправильностью въ ходѣ научныхъ занятій. 3) Испытаніями, мало приспособленными къ современнымъ требованіямъ науки и къ прочному научному образованію.

Конечно, однимъ измѣненіемъ устава не устранятся всѣ обстоятельства, препятствующія развитію прочной и серьезной учебной дѣятельности по

всѣмъ отраслямъ наукъ въ нашихъ университетахъ. Недостатокъ въ дѣятеляхъ и исполнителяхъ будетъ еще долго ощущаться и при всякомъ коренномъ преобразованіи нашихъ факультетовъ; но все-таки цѣлесообразно составленный уставъ можетъ открыть возможность и способствовать къ образованію будущихъ дѣятелей и исполнителей.

Разсматривая преобразованіе устава съ этихъ точекъ зрѣнія, я постараюсь изложить въ общихъ чертахъ мои соображенія, направленныя преимущественно къ устраненію трехъ упомянутыхъ недостатковъ нашихъ университетовъ.

I. Нельзя не согласиться, что въ настоящее время одна изъ причинъ, дѣлающихъ профессорское званіе вовсе непривлекательнымъ, есть ограниченность и даже скудость содержанія. Излишне доказывать, что содержаніе, получаемое теперь нашими профессорами, не обезпечиваетъ ихъ, и что необходимость заставляетъ ихъ въ столицахъ искать другихъ средствъ существованія, а въ провинціяхъ—претерпѣвать различнаго рода лишенія въ ущербъ научнымъ занятіямъ. Но, съ другой стороны, нельзя льстить себя надеждою, что одно увеличеніе содержанія будетъ достаточнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію для университетовъ истинныхъ дѣятелей науки и людей преданныхъ наукѣ, точно такъ же какъ и нельзя надѣяться, чтобы одно увеличеніе жалованья нашихъ чиновниковъ уничтожило злоупотребленія въ различныхъ отрасляхъ администраціи. Обезпеченіе служащихъ лицъ достаточнымъ содержаніемъ необходимо потому, что оно даетъ начальству нравственное право требовать отъ подчиненныхъ точнаго и ревностнаго исполненія обязанностей,—но только потому, полагать же, что этимъ однимъ можно будетъ пріобрѣсть вдругъ совѣстливыхъ исполнителей или возбудить любовь къ занятіямъ, значило бы—думать, что одними матеріальными средствами можно измѣнить и нравственность, и убѣжденія, пріобрѣтаемыя воспитаніемъ и взглядами цѣлаго общества на жизнь и науку. Итакъ, какъ бы въ настоящее время ни было необходимо увеличеніе содержанія нашихъ профессоровъ и преподавателей, но все-таки нельзя разсчитывать, что послѣ осуществленія этой благодѣтельной мѣры тотчасъ же перемѣнится вся обстановка персонала и вакантныя университетскія каѳедры тотчасъ же будутъ замѣщены людьми преданными наукѣ и пріобрѣвшими себѣ почетное имя въ ученомъ свѣтѣ. Нужно будетъ еще позаботиться и объ образованіи достойныхъ личностей для занятія вакантныхъ и новыхъ каѳедръ. Правда, съ увеличеніемъ содержанія вакантныя каѳедры будутъ скоро замѣщены, но кѣмъ?—это другой вопросъ. Поэтому нужно пріискать еще средства, какъ бы поднять значеніе самой науки въ нашихъ университетахъ и приготовить въ достаточномъ числѣ истинныхъ ея дѣятелей, такъ чтобы и на будущее время не ощущался въ нихъ столь чувствительный недостатокъ. Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время мы нуждались въ желающихъ учиться. Найдутся и такіе, которые будутъ учиться изъ одного любознанія и любви къ наукѣ. Но, чтобы дать ходъ такимъ личностямъ, чтобы образовать изъ нихъ дѣльныхъ преподавателей, мы ничего другого не можемъ сдѣлать, какъ поощрить желающихъ поступить на это поприще и облегчить имъ возможность оставаться при нашихъ университетахъ. За исключеніемъ медицинскаго факультета, который иногда замѣщаетъ свои каѳедры лицами изъ вольнопрактикующихъ врачей, всѣ другіе факультеты принуждены или приглашать преподавателей другихъ университетовъ, или же вербовать своихъ воспитанниковъ. Но изъ практикующихъ врачей весьма немногіе поступаютъ на университетскія каѳедры; преподаватели неохотно переходятъ изъ одного университета въ другой, а воспитанники университетовъ избираются обыкновенно безъ конкурренціи и безъ гласнаго заявленія своихъ научныхъ достоинствъ. Адъюнкты въ нашихъ университетахъ составляютъ единственный разсадникъ преподавателей. Но онъ имѣетъ существенные недостатки. Избранные въ адъюнк-

ты, безъ конкурренціи и безъ гласнаго заявленія своихъ научныхъ достоинствъ, поступаютъ на эти должности съ полною увѣренностью, что, рано ли, поздно ли, они непремѣнно сдѣлаются полными обладателями профессорскихъ каѳедръ и дойдутъ до нихъ оффиціальнымъ порядкомъ. Эта увѣренность, въ большей части случаевъ, дѣйствуетъ вредно на ихъ дальнѣйшее образованіе и нерѣдко отнимаетъ у нихъ соревнованіе, столь необходимое въ дѣлѣ науки. Адъюнктъ, прослуживъ извѣстное число лѣтъ и ничѣмъ особеннымъ не отличившись, считаетъ себя все-таки самымъ достойнымъ и почти непремѣннымъ кандидатомъ къ занятію вакантнаго профессорскаго мѣста, не только по тому предмету, которымъ онъ долженъ былъ заняться ex officio, но и по всякому другому, болѣе или менѣе съ нимъ сродному. Такъ обыкновенно смотрятъ на адъюнктовъ и факультеты, и совѣты нашихъ университетовъ. И, при всемъ томъ, все-таки вакантныя каѳедры у насъ замѣщаются съ трудомъ. Къ устраненію этого вопіющаго недостатка, мнѣ кажется, самымъ надежнымъ средствомъ будетъ введеніе конкурренціи и гласнаго заявленія научныхъ заслугъ со стороны искателей каѳедръ. Отъ учрежденія института д о ц е н т о в ъ при каждомъ университетѣ можно бы было надѣяться, что и то, и другое условіе будетъ достигнуто. Вмѣсто адъюнктовъ, съ опредѣленнымъ жалованьемъ и съ опредѣленною перспективою, было бы несравненно полезнѣе дать въ распоряженіе каждаго университета извѣстную сумму для вознагражденія доцентовъ, не опредѣляя имъ извѣстнаго жалованья, и предоставивъ совѣтамъ назначать quantum содержанія каждому доценту, сообразно съ его заслугами и съ числомъ его занятій. При этомъ необходимо открыть путь всѣмъ, желающимъ поступить въ доценты изъ окончившихъ университетскій курсъ со степенью к а н д и д а т а или л е к а р я, но не иначе какъ посредствомъ п у б л и ч н а г о к о н к у р с а. Исполнившій всѣ требованія конкурса имѣлъ бы право, по опредѣленію факультета и совѣта, быть доцентомъ только извѣстное время, примѣрно до 2 или 3 лѣтъ; по истеченіи же этого срока, совѣтъ, принявъ въ соображеніе его способъ преподаванія и руководствуясь общественнымъ мнѣніемъ, долженъ былъ бы подвергать его второму новому конкурсу, результаты котораго уже окончательно показали бы, можетъ ли конкурсистъ далѣе оставаться доцентомъ, или нѣтъ.—Доцентство, само по себѣ, не должно давать еще права на занятіе профессорской должности. И для этого именно долженъ назначаться новый конкурсъ. Число доцентовъ при каждомъ университетѣ не можетъ быть опредѣлено a priori; но совѣтамъ университетовъ должно озаботиться, чтобы въ каждомъ факультетѣ было хотя по одному доценту для каждой науки. Тогда на всякую вакантную каѳедру въ одномъ университетѣ могли бы конкуррировать не только доценты того университета, гдѣ открывается вакансія, но и всѣхъ другихъ университетовъ должно озаботиться, центы того предмета, каѳедра котораго сдѣлалась вакантною.

Для большаго развитія доцентства въ нашихъ унивеситетахъ, доцентамъ должно бы предоставить еще слѣдующія права: a) право пользоваться платою за ученіе отъ учащихся; b) право давать privatissima въ заведеніяхъ университета, пользуясь его учебными пособіями; c) право быть отправляемымъ за границу и въ другіе отечественные университеты для дальнѣйшаго усовершенствованія; наконецъ, d) доцентъ, выдержавшій два раза конкурсъ, занимающій каѳедру одного изъ существенныхъ предметовъ факультета и отличившійся своими заслугами, долженъ пользоваться и правомъ голоса въ факультетскихъ собраніяхъ и при факультетскихъ испытаніяхъ на степень. Если въ факультетѣ одинъ и тотъ же предметъ будетъ преподаваться и профессоромъ, и доцентомъ, то студентамъ должно быть предоставлено право выбора слушать лекціи у того или у другого. Испытуемые же раздѣляются факультетомъ поровну между экзаменаторами—профессорами и тѣми доцентами, которые пользуются правомъ голоса въ

факультетскихъ сорбаніяхъ. Всѣ эти права способствовали бы конкурренціи, поощрили бы желающихъ выступить на учебное университетское поприще и возбудили бы между ними соревнованіе къ достиженію профессорскаго званія путемъ конкурренціи и гласности. Такъ образовался бы разсадникъ для будущихъ наставниковъ и дѣятелей науки.

Съ учрежденіемъ доцентства при университетахъ на изложенныхъ основаніяхъ, адъюнкты должны быть навсегда уничтожены, и жалованье, назначаемое теперь адъюнктамъ, съ прибавленіемъ болѣе или менѣе значительной суммы, должно быть обращено на вознагражденіе доцентовъ. Число ихъ, также какъ и вознагражденіе каждому, какъ я уже сказалъ, никакъ не можетъ и не должно быть опредѣлено a priori, и будетъ зависѣть: первое—отъ нуждъ и потребностей университета, а второе—отъ заслугъ и занятій каждаго доцента. Доцентство въ нашихъ университетахъ до сихъ поръ не удалось именно потому, что ему не было предоставлено никакихъ поощрительныхъ правъ, и оно не было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи ни со стороны университета, ни со стороны учащихся. Адъюнктство же препятствовало его дальнѣйшему развитію. А съ другой стороны, по неимѣнію доцентовъ, у насъ никто не являлся на конкурсы, и вакантныя каѳедры остаются долгое время незанятыми. Но еще разъ повторяю: безъ свободной конкурренціи, безъ матеріальной поддержки, примѣненной къ личнымъ заслугамъ каждаго доцента, и безъ поощрительныхъ правъ, доцентство и теперь не будетъ упрочено.

Принявъ свободную конкурренцію главнымъ основаніемъ доцентства, я полагалъ бы необходимымъ принять и другое, не менѣе существенное, измѣненіе въ уставѣ, а именно: постановить для замѣщенія вообще всѣхъ профессорскихъ вакансій не выборное начало, а конкурсъ; выборъ же допустить какъ исключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда никто не явится на конкурсъ или когда имѣется въ виду лицо, слишкомъ уже извѣстное своими научными и учебными заслугами всему ученому свѣту. Хотя, въ настоящее время, исключеніе, можетъ быть, и чаще будетъ встрѣчаться, нежели правило, но все-таки оно, по моему мнѣнію, необходимо на будущее время. Несмотря на недостатокъ въ искателяхъ професс. званія, который, съ увеличеніемъ содержанія, безъ сомнѣнія, уменьшится, нужно положить конецъ произволу, господствующему при выборахъ профессоровъ, и особливо въ провинціальныхъ университетахъ. И хотя судьи останутся тѣ же при конкурсахъ, которые были и при выборахъ, но все-таки гласное заявленіе научныхъ достоинствъ конкуррирующихъ заставитъ этихъ же самыхъ судей быть осторожнѣе въ ихъ сужденіяхъ. Это доказываетъ несомнѣнный опытъ тамъ, гдѣ конкурсы пользуются полною гласностью и производятся публично. Теперь же существующій уставъ допускаетъ, при выборѣ и при назначеніи профессоровъ, полный произволъ, опредѣляя только одно положительно, что каѳедра поручается экстраординарному профессору тогда, «когда есть ученый, который хотя, по возрасту, и не можетъ быть ординарнымъ, но отличными дарованіями вознаграждаетъ незрѣлость лѣтъ» (Уст. 1835 г.; ст. 79). Правда, существующій уствъ университетовъ предписываетъ попечителямъ «обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправлять нерадивыхъ замѣчаніями и принимать законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ». Уставъ предоставляетъ также и совѣту, «въ случаѣ нерадѣнія преподавателей и чиновниковъ, зависящихъ отъ его выбора, представлять объ удаленіи ихъ отъ должностей». Но на практикѣ большая часть этихъ предписаній неисполнима. Попечитель, какъ лицо, отъ котораго закономъ не требуется научнаго авторитета, очевидно, не можетъ быть судьею научныхъ способностей профессоровъ, а совѣтъ также никогда не исключитъ за нерадѣніе одного изъ своихъ членовъ. Голосъ слушателей и учащихся могъ бы въ этомъ случаѣ приниматься въ сообра-

женіе. Хотя и случается нерѣдко, что слушатели благоволятъ наиболѣе къ тѣмъ профессорамъ, которые снисходительнѣе другихъ на экзаменахъ; но вообще все-таки общественное мнѣніе безпристрастнѣе мнѣнія товарищей и начальниковъ преподавателя, и не безполезно было бы, въ настоящее время, сдѣлать указаніе въ уставѣ, чтобы къ нему прислушивалось учебное начальство при опредѣленіи достоинствъ и способностей преподавателей; а публичные конкурсы дали бы ему достаточное средство узнать общественное мнѣніе.

При этомъ рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ, при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ по конкурсамъ и выборамъ и при соблюденіи контроля надъ учебною дѣятельностью преподавателей, можно допустить автономію факультетовъ, совѣтовъ и попечителей округовъ? Можно ли, напримѣръ, допустить полную автономію факультетовъ при выборахъ новыхъ профессоровъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Члены факультета суть вмѣстѣ и члены совѣта. Предоставить ихъ выборъ однимъ факультетамъ—значило бы допускать въ совѣтъ такихъ членовъ, въ выборѣ которыхъ онъ не принималъ вовсе никакого участія. И не подало ли бы это повода къ непотизму, всего болѣе, какъ извѣстно, укореняющемуся въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, каковы спеціальныя школы и факультеты? По справедливости, факультетъ, при выборѣ новыхъ преподавателей, долженъ имѣть въ виду только одни ихъ научныя достоинства, а совѣтъ долженъ заявить свое мнѣніе о нравственныхъ и коллегіальныхъ достоинствахъ кандидата, какъ будущаго своего члена. Итакъ, при конкурсахъ и выборахъ, совѣту принадлежатъ автономія и окончательныя сужденія о достоинствахъ избираемаго, и я не вижу никакой логической необходимости въ утвержденіяхъ этихъ выборовъ со стороны попечителей, которые, не будучи компетентными судьями въ дѣлахъ науки, въ утвержденіяхъ этого рода соблюдаютъ только одну формальность. Порученіе же контроля надъ исполненіемъ учебныхъ обязанностей преподавателей совѣту и попечителю, оказавшееся непрактичнымъ, должно быть замѣнено мѣрами болѣе раціональными, о которыхъ скажу послѣ. Что касается до распредѣленія преподаванія и возведенія въ высшія ученыя степени, то и эти распоряженія должны быть предоставлены автономіи совѣтовъ, потому что и здѣсь окончательныя утвержденія со стороны попечителей составляютъ одну только формальность, безъ всякой пользы ослабляющую авторитетъ совѣтовъ въ глазахъ учащихся и общества. Попечитель въ отношеніи къ университету есть - контролеръ. Онъ наблюдаетъ только, чтобы всѣ дѣйствія совѣта и правленія были законны. Роль его, какъ контролера за дѣйствіями совѣта, относящимися до науки (куда принадлежатъ: преподаваніе, конкурсы, выборы и испытанія), должна ограничиваться извѣщеніями высшей инстанціи о замѣченныхъ имъ незаконныхъ упущеніяхъ и недостаткахъ. Судить же, справедливы ли его замѣчанія, можетъ только та инстанція, которая болѣе его компетентна въ сужденіи о дѣлахъ науки.—Усиленіе автономіи факультетовъ и совѣтовъ, конечно, имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свои невыгоды; пристрастіе, непотизмъ, духъ партіи, неизбѣжные въ коллегіальныхъ управленіяхъ, встрѣчающіеся и теперь, при усиленной автономіи могутъ встрѣтиться еще въ большей степени. Но если эти невыгоды такъ значительны, что и въ дѣлахъ научнаго содержанія требуютъ посторонняго контроля, то не раціональнѣе ли будетъ предоставить приговоръ о замѣченныхъ недостаткахъ коллегіи не одному лицу, а в ы с ш е й н а у ч н о й и н с т а н ц і и, основанной, также какъ и низшая, на коллегіальномъ началѣ? Въ ней должно быть рѣшеніе контроля окончательное и безъ аппеляцій. Недостатки коллегіальнаго управленія не должны, однакоже, поколебать автономіи университетскихъ коллегій въ принципѣ: потому что, когда, при успѣхахъ просвѣщенія и гласности, конкурсы и выборы достигнутъ, наконецъ, того, что профессорскія мѣста будутъ замѣщены настоящими представителями науки, то тогда усилен-

ная автономія факультета и совѣта увеличитъ соревнованіе, возбудитъ самодѣятельность и возвыситъ наши университеты въ глазахъ учащихся и цѣлаго общества. А это привлечетъ и дѣльныхъ, любящихъ самостоятельность, людей къ занятію профессорскихъ должностей. Это, конечно, случится не такъ скоро, но вѣдь и уставы составляются не на короткое время и составители ихъ, какъ я думаю должны имѣть въ виду не одно настоящее, но и будущее.

Къ измѣненіямъ устава нашихъ научно-учебныхъ коллегій, устраняющимъ недостатокъ въ преподавателяхъ, принадлежатъ также измѣненія въ срокѣ службы и въ системѣ пенсіи. Срокъ служебной дѣятельности профессора съ правомъ полученія полпенсіи могъ бы быть сокращенъ, по моему мнѣнію, до 15 лѣтъ. Полпенсію должны бы получить, однако же черезъ 15-ть лѣтъ только тѣ лица, которыя прослужили это число лѣтъ въ званіи профессора. Но избираніе ихъ на слѣдующее десятилѣтіе не должно быть допущено безусловно, и выборъ этотъ можетъ состояться только при двухъ условіяхъ; во-первыхъ: когда прослужившій первое пятнадцатилѣтіе представитъ какое-либо ученое или учебное сочиненіе (руководство или монографію), изданное имъ во время службы при университетѣ въ званіи профессора и принятое съ одобреніемъ въ ученомъ свѣтѣ; во-вторыхъ: когда профессоръ, прослужившій 15 лѣтъ, представитъ, по крайней мѣрѣ, одного кандидата изъ обучавшихся въ университетѣ подъ непосредственнымъ и ближайшимъ его руководствомъ, который достигъ такого научнаго образованія, что могъ бы занять, или уже занимаетъ, мѣсто доцента по предмету, преподаваемому избираемымъ въ профессоры, или по одному изъ предметовъ, сродныхъ съ преподаваемымъ. Первое условіе поощрило бы многихъ къ литературнымъ занятіямъ. Второе же служило бы доказательствомъ учебной дѣятельности избираемаго и поощряло бы профессоровъ къ частнымъ занятіямъ съ слушателями, обнаружившими любовь и склонности къ спеціальному изученію какой-либо науки. Цѣль, съ которою я предлагаю новый, условный, выборъ профессора, по истеченіи первыхъ 15 лѣтъ его служенія при университетѣ, очевидна.

Никто изъ университетскихъ преподавателей не долженъ находитьнію, что не всѣ одинаково смотрятъ мысли, что, вступивъ однажды въ число членовъ совѣта, ему ничего болѣе не остается, какъ спокойно и безусловно выжидать 25 лѣтъ полной пенсіи. Нѣтъ, каждый, истинно любящій свою науку, преподаватель можетъ и долженъ въ первыя 15 лѣтъ своего служенія университету, кромѣ чтенія лекцій, доставить еще и другія доказательства своей научной дѣятельности. И изъ двухъ, предложенныхъ мною, доказательствъ второе мнѣ кажется еще важнѣе перваго. Опытъ научаетъ, къ сожалѣнію, что не всѣ одинаково смотрятъ на высокое призваніе профессора. Были примѣры явнаго нежеланія со стороны преподавателей образовать преемниковъ по своей наукѣ. Между тѣмъ ничто не можетъ такъ ясно свидѣтельствовать о надлежащемъ пониманіи профессорскихъ обязанностей, какъ то, что каждый профессоръ укажетъ, по истеченіе 15 лѣтъ, хотя на одного доцента-преемника, образовавшагося подъ его руководствомъ. И кто любитъ свой предметъ, кто совѣстливо и искренно занимается его преподаваніемъ, тотъ, вѣрно, будетъ въ состояніи заохотить и образовать одного изъ своихъ слушателей, который бы могъ современемъ занять его мѣсто. Сверхъ того, это условіе послужило бы къ большему сближенію слушателей съ преподавателями, которое почти не существуетъ въ нашихъ университетахъ или ограничивается одними только оффиціальными отношеніями. А извѣстно, что ничто столько не содѣйствуетъ къ образованію будущихъ дѣятелей науки и вообще къ распространенію научнаго интереса, какъ сближеніе посредствомъ науки профессоровъ съ слушателями. Если же первыя 15 лѣтъ служенія профессора университету про-

шли, такъ сказать, безслѣдно, то не думаю, чтобы университетъ могъ ожидать отъ такого профессора чего-нибудь болѣе и въ остальныя 10 лѣтъ его служенія. Между тѣмъ такой преподаватель, еще не устарѣвъ на службѣ и получивъ полпенсію, могъ бы съ большею пользою для общества избрать себѣ другой родъ занятій, а его мѣсто при университетѣ, съ большею надеждою на успѣхъ, могло бы быть занято другимъ лицомъ. Вообще, по моему мнѣнію, всего необходимѣе, для уменьшенія застоя въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, такія мѣры, которыя бы наиболѣе способствовали введенію и обращенію въ нихъ свѣжихъ силъ.—Если же профессоръ въ теченіе 15 лѣтъ только по недостатку въ средствахъ не могъ издать въ свѣтъ своихъ литературныхъ трудовъ, то онъ можетъ представить сочиненіе и въ рукописи, съ тѣмъ, однако-же, что одобреніе его будетъ зависѣть не отъ одного только совѣта университета, въ которомъ онъ занимаетъ каѳедру, но и отъ другой, высшей научной инстанціи, куда оно передается по распоряженію министерства. Тогда одобренное сочиненіе можетъ быть напечатано и на счетъ университета. — Профессоръ, прослужившій 15 лѣтъ, можетъ получить полпенсію только по оставленіи службы при университетѣ. Если же прослужившій 15 лѣтъ не удовлетворитъ двумъ сказаннымъ требованіямъ, то онъ увольняется съ полпенсіею, и на вакантную его каѳедру объявляется публичный конкурсъ! По истеченіи же 25 лѣтъ, каѳедра его во всякомъ случаѣ объявляется вакантною, и также съ открытіемъ публичнаго конкурса. Но профессоры, прослужившіе полныхъ 25 лѣтъ и желающіе еще продолжать при университетѣ свои учебныя и административныя занятія (преподаваніе, испытанія, деканство), должны пользоваться этимъ правомъ съ званіемъ заслуженнаго профессора, если будутъ избраны совѣтомъ, получая послѣ новаго избранія одну только полную пенсію безъ жалованья. Желающіе же изъ заслуженныхъ профессоровъ пользоваться полною пенсіею и содержаніемъ отъ университета должны, наравнѣ съ другими кандидатами, подвергаться публичному конкурсу на каѳедру, объявленную вакантною, представляя на соисканіе литературные труды, произведенные ими вновь или въ послѣднее 10-лѣтіе. Можно бы, по моему мнѣнію, предоставить профессорамъ, окончившимъ свое 25-лѣтіе и желающимъ еще продолжать свою службу съ полученіемъ пенсіи и содержаніемъ, еще одно право: право аппеляціи ко всѣмъ совѣтамъ нашихъ университетовъ, которые могли бы также давать свое мнѣніе и участвовать въ выборахъ, если научныя заслуги аппелирующаго имъ извѣстны. Тогда результаты ихъ выборовъ должны быть сообщены совѣту того университета, въ которомъ находится избираемый. А чтобы избраніе оградить еще болѣе отъ случайностей, нужно принять при рѣшеніяхъ не абсолютное большинство, а большинство ограниченное ¾ голосовъ. При этомъ, смотря по степени развитія доцентства, совѣтамъ должно быть предоставлено право требовать или не требовать отъ конкуррента личной явки для чтенія пробныхъ лекцій на конкурсѣ того университета, который объявилъ каѳедру вакантною. Конкурсъ же долженъ состоять не изъ одного только публичнаго чтенія лекцій, но и изъ защищенія конкуррентомъ представленнаго на конкурсъ сочиненія и демонстрацій разнаго рода (въ наукахъ естественныхъ и медицинскихъ).

Итакъ, средства, которыя, по моему крайнему разумѣнію, послужили бы какъ къ устраненію ощущаемаго теперь недостатка при замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ, такъ и къ тому, чтобы выборъ профессоровъ сдѣлался менѣе подверженнымъ случайностямъ, пристрастію и непотизму коллегій, состоятъ: 1) въ такомъ увеличеніи содержанія, которое бы вполнѣ обезпечивало существованіе преподавателя и давало ему средство къ дальнѣйшимъ занятіямъ наукою. (Для опредѣленія въ точности этого содержанія нужно бы потребовать отъ всѣхъ университетовъ справочныхъ цѣнъ квартирамъ, отопленію, научнымъ пособіямъ и т.

п. Тогда можно бы было, по справедливости, оцѣнить, въ какой мѣрѣ необходимо у насъ увеличить содержаніе профессоровъ). Увеличивъ содержаніе, нужно постановить закономъ, чтобы ни одинъ изъ преподавателей не занималъ никакой должности и чтобы никакія другія занятія не служили ему извиненіемъ въ неисполненіи прямыхъ его обязанностей по университету. 2) Въ распредѣленіи платы, собираемой за ученіе, между профессорами и доцентами. 3) Въ сокращеніи срока службы при университетѣ для полученія права на полпенсію. 4) Въ усиленной автономіи факультетовъ и совѣтовъ. 5) Въ учрежденіи доцентства, какъ разсадника для образованія будущихъ преподавателей. 6) Въ конкурренціи и гласномъ заявленіи научныхъ достоинствъ избираемаго въ преподаватели. 7) Въ болѣе точномъ опредѣленіи порядка, способа и требованій выборовъ, которые представляли бы болѣе гарантій въ справедливой оцѣнкѣ научныхъ достоинствъ избираемаго лица.

Какъ бы ни казалась съ перваго раза суровою мѣра, препятствующая безусловнымъ выборамъ на продолженіе службы лицъ, прослужившихъ въ званіи профессора 25 лѣтъ, какъ бы ни казалась обидною мѣра, предписывающая новое и также условное избраніе профессоровъ, прослужившихъ 15 лѣтъ при университетѣ, но я считаю и ту, и другую, самою существенною при настоящемъ порядкѣ вещей. Въ наше время профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ, какъ бы мало онъ ни соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки может почти навѣрное разсчитывать, что будетъ вновь выбранъ еще на 5-лѣтіе, и еще, и еще, лишь бы онъ самъ имѣлъ къ тому охоту. Этотъ вѣрный разсчетъ, основанный на взаимномъ молчаливомъ соглашеніи коллегіи, преграждаетъ путь внесенію свѣжихъ силъ въ научную дѣятельность университета и препятствуетъ образованію доцентовъ-преемниковъ. Избраніе въ профессоры, совершающееся теперь безгласно, безъ положительнаго заявленія достоинствъ избираемаго лица, дѣйствія на учебномъ поприщѣ, также не обусловливаемыя опредѣленными научными, литературными и учебными, трудами и ихъ результатами, и, наконецъ, увѣренность въ новомъ избраніи по истеченіи 25-лѣтія,—все это, безъ сомнѣнія, такія условія, которыя не служатъ къ поощренію, не поддерживаютъ энергіи дѣятельности, а скорѣе причиняютъ застой и апатію. И почему бы, напримѣръ, конкурсъ, назначаемый на вакантную каѳедру, по окончаніи 25-лѣтняго служенія профессора, требующій отъ всѣхъ желающихъ конкуррировать исполненія однихъ и тѣхъ же условій, долженъ казаться обиднымъ з а с л у ж е н н о м у? За его службу онъ получаетъ полную пенсію; по выбору совѣта онъ можетъ продолжать свои занятія при университетѣ, пользуясь почетнымъ именемъ заслуженнаго, и если пожелаетъ получать и пенсію, и содержаніе, то имѣетъ право состязаться на конкурсѣ, представляя плоды научныхъ своихъ трудовъ за послѣднее десятилѣтіе, проведенное имъ на каѳедрѣ. Что же тутъ обиднаго и несправедливаго?

II. Второе обстоятельство, которое настоятельно требуетъ коренныхъ измѣненій въ уставѣ нашихъ университетовъ, есть несвоевременное и несообразное съ цѣлью расредѣленіе научныхъ предметовъ въ различныхъ факультетахъ. А отъ этого зависитъ и ненормальное расредѣленіе научныхъ занятій учащихъ и учащихся. Нѣкоторыя науки совсѣмъ не вошли въ число преподаваемыхъ въ университетахъ предметовъ, между тѣмъ какъ значеніе ихъ въ настоящее время сдѣлалось чрезвычайно важнымъ. Нѣкоторыя, существенно различныя, преподаются вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ. Къ числу первыхъ принадлежитъ, напримѣръ, землевѣдѣніе, которое въ наше время играетъ такую важную роль въ кругу наукъ и естественныхъ, и политическихъ. Я указываю на эту науку особливо потому, что недостатокъ ея влечетъ за собою еще и другое важное неудобство: наши учители гимназій не имѣютъ средства получать достаточныя свѣдѣнія по географіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. У насъ нѣтъ и

каѳедры лингвистики, и сравнительной грамматики, также необходимой для образованія будущихъ педагоговъ. Кромѣ того, въ составъ университетскаго курса наукъ не вошли еще психіатрія, физіологическая и патологическая химія, гистологія, сравнительная анатомія и многія математическія науки. Напротивъ, есть каѳедры такихъ наукъ, которыя, по своей спеціальности, не иначе могутъ быть преподаваемы, какъ при огромныхъ и едва ли въ нашихъ университетахъ возможныхъ пособіяхъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, сельское хозяйство и технологія. Очевидно, что эти науки могутъ съ практическою пользою преподаваться только въ особаго рода учрежденіяхъ (земледѣльческихъ и технологическихъ институтахъ), снабженныхъ всѣми пособіями для нагляднаго изученія и для практическихъ примѣненій. Очевидно также, что учрежденія такого рода не соединимы съ университетами. Правда, для преподаванія практическихъ медицинскихъ наукъ (терапіи, хирургіи, акушерства) требуются также особыя, спеціальныя учрежденія (госпитали). Но, съ одной стороны, медицина находится въ болѣе тѣсной связи съ общимъ университетскимъ образованіемъ, нежели технологія и агрономія; безъ университетскаго образованія немыслимъ ни одинъ истинный врачъ; а съ другой стороны, нужно признаться, что и для образованія врачей въ настоящее время университеты, и именно провинціальные, безъ отношеній и безъ связи съ большими госпиталями другихъ вѣдомствъ, не представляютъ достаточныхъ средствъ. Технологія и агрономія въ нашихъ университетахъ могли бы быть замѣнены съ большею пользою для учащихся прикладною (технологическою и агрономическою) химіею. Изученіе этой науки, конечно, не образуетъ технологовъ и агрономовъ; но зато практическія занятія прикладною химіею, вмѣстѣ съ изученіемъ другихъ предметовъ физико-математическаго факультета, приготовили бы гораздо лучше учащихся къ спеціальному образованію въ технологіи и агрономіи. Знаніе прикладной химіи, физики и естественной исторіи сообщило бы учащимся всѣ необходимыя для этого образованія научныя основы, которыя имъ оставалось бы только пополнить практическими примѣненіями къ самому дѣлу. Теперь же изученіе технологіи и агрономіи въ нашихъ университетахъ ограничивается одними теоретическими воззрѣніями и жалкими указаніями на рисунки и нѣкоторыя, немногія, модели. Вообще взглядъ на университетъ, какъ на вмѣстилище всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, хотя и вполнѣ справедливъ, но въ настоящее время,— когда спеціальныя учебныя учрежденія не сосредоточиваются въ одномъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія,— неосуществимъ на дѣлѣ. Поэтому даже и такія науки, какъ медицина, знаніе которой тѣсно связано съ общимъ университетскимъ образованіемъ, не могутъ быть изучаемы съ надлежащею полнотою и отчетливостью въ одномъ университетѣ. Въ немъ недостаетъ самыхъ существенныхъ пособій для этой цѣли—большихъ и хорошо устроенныхъ госпиталей и другихъ институтовъ, имѣющихъ цѣлью практическое образованіе. И этотъ недостатокъ сильно ощущается въ наше время при образованіи врачей. Поэтому, при составленіи новаго устава и новыхъ штатовъ, необходимость усилить и вновь организировать спеціально-учебныя учрежденія (институты) при университетахъ должна быть непремѣнно взята въ соображеніе и серьезно обсуждена. Безъ хорошо устроеннаго и приноровленнаго ко всѣмъ современнымъ потребностямъ науки госпиталя, безъ поликлиническаго института, безъ физіологическаго института, безъ лабораторіи, назначенной исключительно для практическихъ занятій прикладною химіею, въ наше время немыслимъ медицинскій факультетъ. Но, кромѣ недостаточной обстановки въ учебно-матеріальномъ отношеніи многихъ каѳедръ, есть еще и другія обстоятельства, дѣлающія научное образованіе учащихся, равно какъ и научныя занятія учащихъ, несообразными съ цѣлью и мало-примѣнимыми къ дѣлу. Сюда относится преимущественно обязанность со сто-

роны учащагося прослушать въ извѣстный срокъ времени всѣ предметы того факультета или того отдѣленія факультета, къ которому онъ принадлежитъ. Въ нѣкоторыхъ факультетахъ эта обязательность распространяется на такое громадное число предметовъ, что у молодого человѣка отнимается всякая возможность посвятить себя болѣе спеціальному и серьезному изученію одной науки. Чтобы способствовать этому, необходимо принять другое раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія. Такъ, въ физико-математическомъ факультетѣ, къ которому у насъ причисляются и чисто-математическія, и естественныя науки, и физика, и химія, необходимо провести болѣе рѣзкія границы между этими отраслями свѣдѣній, и при образованіи спеціалистовъ по этимъ отраслямъ не требовать, напримѣръ, чтобы желающіе посвятить себя химіи обязательно посѣщали весь курсъ математическихъ и естественныхъ наукъ и подвергались испытанію въ этихъ предметахъ по окончаніи курса,—не требовать отъ желающихъ изучить естественныя науки обязательнаго посѣщенія лекцій математики, агрономіи и технологіи. Такъ и въ историко-филологическомъ факультетѣ нужно непремѣнно допуститъ болѣе опредѣленное раздѣленіе предметовъ, которое бы также способствовало къ спеціальному изученію трехъ различныхъ отраслей наукъ, входящихъ въ его составъ, а именно: 1) наукъ, относящихся до спеціальнаго изученія древнихъ языковъ и классической древности; 2) языка отечественнаго и языковъ новѣйшихъ и 3) наукъ историко-политическихъ. Въ настоящее же время требованія этого факультета, очевидно, несовмѣстны съ серьезнымъ, точнымъ и спеціальнымъ изученіемъ одной изъ этихъ отраслей. Можно ли, напримѣръ, требовать отъ посвятившаго себя изученію древностей обязательнаго изученія новой исторіи и отъ изучающаго отечественную филологію—посѣщенія лекцій статистики, географіи, исторіи и политической экономіи и испытаній по этимъ предметамъ? А для научнаго образованія врачей мнѣ казалось бы, наоборотъ, современною мѣрою серьезное изученіе наукъ естественныхъ, физики и химіи. По моему мнѣнію, справедливо бы было требовать, чтобы молодые люди, желающіе себя посвятить медицинѣ, сначала вступали въ факультетъ физико-математическій и въ теченіе 2-хъ лѣтъ изучали бы однѣ естественныя науки, физику и химію, а потомъ уже, окончивъ сокращенный курсъ въ этомъ факультетѣ, приступали бы къ занятіямъ практическими частями медицины. Дѣйствительно изучившему физику, химію, анатомію и физіологію растеній, геогнозію и сравнительную анатомію при современномъ состояніи медицины (съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вступающей въ составъ естественныхъ и экзактныхъ наукъ), легко бы было изучить анатомію и физіологію человѣческаго тѣла, а при свѣдѣніяхъ изъ этихъ наукъ и занятія патологіею и практическою медициною получили бы совершенно другое, болѣе научное и болѣе современное направленіе. Правда, и теперь отъ студентовъ медицины, при такъ-называемомъ полукурсовомъ испытаніи, требуются свѣдѣнія по всѣмъ этимъ предметамъ; но на самомъ дѣлѣ эти требованія слабы и чрезвычайно поверхностны, потому что экзаменаторы естественныхъ наукъ, физики и химіи, принадлежащіе къ физико-математическому факультету, смотрятъ на эти требованія, какъ на едва необходимыя для врачей и потому допускаютъ ихъ къ занятіямъ практическою медициною безъ надлежащаго приготовленія.

Наконецъ, я считаю невозможнымъ опредѣлить въ уставѣ съ точностью полный штатъ всѣхъ каѳедръ наукъ, которыя должны быть преподаваемы въ университетахъ, и мнѣ казалось бы гораздо полезнѣе и практичнѣе, при назначеніи штатовъ каждаго университета, ограничиться опредѣленіемъ числа только тѣхъ каѳедръ, которыя считаются основными для каждаго факультета; а на содержаніе другихъ (второстепенныхъ) каѳедръ, число и потребности которыхъ измѣняются со временемъ, опредѣлить только одну общую штатную сумму. Необходимость въ измѣненіяхъ и по-

требностяхъ той или другой отрасли свѣдѣній оказывается въ наше время не такъ медленно, какъ это бывало прежде, и предвидѣть ее въ будущемъ, на продолжительное время, невозможно. Поэтому, если университетъ не будетъ имѣть общей запасной, штатной суммы, для удовлетворенія столь существенной научной потребности, каково открытіе новыхъ каѳедръ по той или другой отрасли свѣдѣній, то отсталость въ ходѣ спеціальнаго образованія будетъ неминуемымъ этого слѣдствіемъ. Въ доказательство, возьмемъ, напримѣръ, медицинскій факультетъ. Лѣтъ за 45 никто еще не предвидѣлъ необходимости въ учрежденіи особой каѳедры патологической гистологіи или физіологической и патологической химіи; а теперь изученіе этихъ наукъ считается всѣми уже существенною потребностью образованія врачей. Запасная штатная сумма, при всякой вновь обнаруживающейся потребности могла бы быть съ пользою назначаема, по опредѣленію совѣта, для вознагражденія доцентовъ, желающихъ посвятить себя спеціальному изученію и преподаванію какого-либо и особенно новаго предмета. Вообще я полагаю, что въ дѣлѣ университетскаго (спеціально-научнаго) образованія гораздо полезнѣе бы было, при учрежденіи и замѣщеніи каѳедръ, болѣе сообразоваться съ имѣющимися на-лицо людьми, способными излагать ту или другую науку въ современномъ ея видѣ и направленіи, нежели съ отвлеченными требованіями науки. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужитъ нашимъ университетамъ увеличеніе числа каѳедръ въ каждомъ факультетѣ, хотя бы и вполнѣ удовлетворяющее всѣмъ современнымъ требованіямъ науки, когда налицо не будетъ достойныхъ представителей каждаго преподаваемаго предмета? Не вѣрнѣе ли будетъ открывать новыя каѳедры, соображаясь съ имѣющимися на-лицо кандидатами, посвятившими себя спеціальному изученію одного предмета и достойными занять новую каѳедру? Въ такомъ случаѣ запасная сумма послужила бы, во-первыхъ, къ удовлетворенію и современныхъ потребностей науки и, во-вторыхъ,—къ достойному награжденію и поощренію доцентовъ, оказавшихся способными къ занятію новыхъ каѳедръ. Возьмемъ для примѣра медицинскій факультетъ. Вмѣсто того, чтобы распредѣлить бюджетъ его на 18 и болѣе каѳедръ, почитаемыхъ въ настоящее время необходимыми къ удовлетворенію современныхъ требованій науки, научная дѣятельность не была ли бы возбуждена гораздо болѣе, если бы штатныхъ каѳедръ было не болѣе 7 (основныхъ: анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерства и судебной медицины), а для другихъ, новыхъ и существующихъ уже (какъ то: физіологической и патологической химіи, патологической гистологіи, гигіены, госпитальныхъ клиникъ и т. п.), была бы опредѣлена извѣстная сумма, распредѣленіе которой предоставлялось бы автономіи факультетовъ и совѣтовъ, съ обязательствомъ назначать какъ самыя каѳедры, такъ и количество содержанія, сообразно съ требованіями науки, съ имѣющимися на-лицо спеціалистами, съ числомъ ихъ занятій и съ научными заслугами каждаго изъ нихъ, предъявляемыми на публичныхъ конкурсахъ.

III. Факультетскія испытанія, также какъ и распредѣленіе каѳедръ, мало приспособлены въ настоящее время къ прочному спеціально-научному образованію учащихся. Слишкомъ большое число различныхъ ученыхъ степеней, съ необходимыми для достиженія ихъ испытаніями, стоитъ на первомъ планѣ. Къ чему служитъ это болѣе бюрократическое, нежели научное различіе ученыхъ степеней: дѣйствительныхъ студентовъ, кандидатовъ, магистровъ, докторовъ, лекарей, докторовъ медицины и хирургіи? Не замѣчается ли въ этомъ разнообразіи стараніе законодателей примѣниться болѣе къ существующему чино-іерархическому порядку, нежели къ требованіямъ науки и истиннаго образованія? Наука и спеціальное научное образованіе чрезъ многосложность и разнообразіе этихъ степеней у насъ ничего не выиграли. Этимъ затрудняется только вступленіе на учебно-университетское поприще; но образова-

ніе преподавателей науки нисколько не подвигается впередъ. Прежде, когда въ нашихъ университетахъ большая часть профессоровъ были лица, не достигшія высшихъ ученыхъ степеней, составители нынѣ существующаго устава думали возвысить профессорское достоинство, не допуская къ этому званію никого изъ недостигшихъ степени доктора. Хотя требованіе вообще и было справедливо; но достиженіе высшей ученой степени, кромѣ степени доктора медицины, у насъ безъ всякой нужды затруднялось предварительными испытаніями по двумъ другимъ степенямъ (кандидата и магистра), требующими много времени и отвлекающими испытуемаго отъ спеціальныхъ занятій избраннымъ имъ предметомъ. А это отняло охоту у спеціалистовъ избирать учебное университетское поприще, не представляющее имъ, съ другой стороны, никакихъ особенныхъ матеріальныхъ выгодъ. Поэтому, уменьшеніе требованій при испытаніи на высшую ученую степень, вмѣстѣ съ тѣмъ сокращеніе сроковъ времени для достиженія этой степени и вообще ограниченіе числа ученыхъ степеней двумя—степенью кандидата и доктора, по моему мнѣнію, составляютъ вопіющую потребность нашего времени. Мнѣ кажется даже, что удостоеніе высшей ученой степени могло бы быть предоставлено университетамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безъ особаго испытанія. Я знаю по собственному опыту, какъ спеціальное совѣстливое и ревностное занятіе наукою мало располагаетъ человѣка подвергаться продолжительнымъ и повтореннымъ испытаніямъ: занимавшись спеціально, и во время моего пребыванія въ университетѣ, и послѣ хирургіею, я никогда бы не рѣшился подвергнуться испытанію на степень доктора медицины и хирургіи, еслибъ отъ меня этого потребовали для занятія каѳедры хирургіи. Почему не предоставить права университетамъ принимать въ соображеніе спеціальныя занятія однимъ предметомъ и допускать лицъ, заявившихъ на дѣлѣ неоспоримыми доказательствами свои способности, знаніе и любовь къ избранной наукѣ, къ достиженію профессуръ, безъ особенныхъ оффиціальныхъ испытаній, основываясь только на предшествовавшихъ трудахъ или на удовлетвореніи всѣмъ требованіямъ публичнаго конкурса? Свидѣтельство объ окончаніи полнаго гимназическаго курса могло бы служить доказательствомъ полученнаго такимъ лицомъ образованія; а спеціальныя занятія наукою въ университетѣ, научно-литературная извѣстность или конкурсъ могли бы служить доказательствомъ его заслугъ и достоинствъ.

Вообще, при составленіи устава, нужно бы имѣть въ виду сколько можно болѣе уменьшеніе испытаній, производимыхъ въ университетахъ. Экзамены, въ настоящее время, особливо въ нѣкоторыхъ факультетахъ (именно въ медицинскомъ), похищаютъ у преподавателей значительное время въ ущербъ наукѣ.—Если мы возьмемъ всю сумму вступительныхъ полукурсовыхъ, годичныхъ испытаній (существующихъ еще въ кіевскомъ университетѣ для желающихъ освободиться отъ платы за ученіе) и испытаній на различныя ученыя степени и званія (учителей, учительницъ, уѣздныхъ врачей, инспекторовъ управъ, акушеровъ, повивальныхъ бабокъ, дантистовъ, фармацевтовъ, лекарей, дѣйствительныхъ студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ), то убѣдимся, что преподаватели университета на преподаваніе и собственно научныя занятія употребляютъ менѣе времени, нежели на эти испытанія учащихся и постороннихъ лицъ. Такая многочисленность испытаній не оправдываетъ ли мысли объ учрежденіи особыхъ экзаменаціонныхъ комитетовъ, въ которыхъ поочередно, каждый годъ, мѣнялись бы экзаменаторы (въ столицахъ могли бы въ нихъ учавствовать, кромѣ профессоровъ университета, и другіе извѣстные ученые)?

Учрежденіе доцентства и увеличеніе числа доцентовъ могли бы дать средства также смѣнять экзаменаторовъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо уменьшить число испытаній уничтоженіемъ передержекъ экзаменовъ въ короткіе сроки, допускаемыхъ въ настоящее время закономъ

для лицъ не выдержавшихъ испытаній на степень.

Вотъ начала, которыми, по моему мнѣнію, нужно бы руководствоваться при составленіи устава. Признаюсь, что я самъ вижу трудности, соединенныя съ ихъ осуществленіемъ. Знаю также, что нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ мною мѣръ, какъ, напримѣръ, усиленная автономія совѣтовъ и факультетовъ, доцентство и конкурсъ, еще не скоро приведутъ къ желаннымъ результатамъ. Но, съ другой стороны, я, во-первыхъ, убѣжденъ, что безъ коренныхъ преобразованій, безъ увеличенія матеріальныхъ средствъ университета, перемѣна устава не принесетъ никакой существенной пользы, а во-вторыхъ, что при введеніи предлагаемыхъ мною мѣръ, я имѣлъ въ виду не столько настоящее, которое вдругъ измѣнить невозможно, сколько будущее состояніе нашихъ университетовъ.

Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.[48]

На § 3. «Каждый университетъ ввѣряется особому начальству попечителя».

Начальство попечителя надъ университетомъ должно быть собственно только контролью за правильнымъ исполненіемъ университетскихъ постановленій и законовъ лицами, подвѣдомственными университету. Такъ я, по крайней мѣрѣ, понимаю попечительство, и мнѣ казалось бы, что въ новомъ уставѣ это значеніе попечителя должно быть ясно и опредѣленно выражено. Попечитель не есть ни представитель науки, ни даже администраторъ университета, научная и административная часть котораго ввѣряется двумъ коллегіальнымъ учрежденіямъ: совѣту и правленію— а потому всякое вмѣшательство со стороны попечителя въ дѣла этихъ коллегіальныхъ учрежденій не можетъ быть полезно: оно препятствуетъ развитію автономіи совѣта и ослабляетъ то значеніе, которымъ, для прцвѣтанія науки и для блага просвѣщенія, университетъ долженъ непремѣнно пользоваться въ цѣломъ краѣ. Итакъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы сказать въ § 3: «Каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется (или поручается) особенной (или ближайшей, непосредственной) контроли попечителя».

На § 6. «Число преподавателей опредѣляется штатомъ».

При быстромъ и почти-неуловимомъ прогресѣ различныхъ наукъ, въ настоящее время невозможно опредѣлить, на продолжительный срокъ, штатъ или число каѳедръ въ факультетахъ. Науки, которыя еще вчера считались несущественными, сегодня дѣлаются уже необходимыми и существенными; предметы, возведенные предшествовавшими вѣками на степень наукъ, въ настоящее время едва заслуживаютъ это названіе. Поэтому, гораздо современнѣе и полезнѣе для университетскаго ученія было бы не опредѣлять въ уставѣ, который пишется не на одинъ годъ, штатнаго числа каѳедръ или преподавателей, а назначить для каждаго факультета извѣстную сумму, по однимъ общимъ соображеніямъ и по средствамъ, находящимся въ распоряженіи министерства. Распредѣленіе же этой суммы, опредѣленіе числа каѳедръ и другихъ предметовъ, подверженныхъ частнымъ измѣненіямъ и колебаніямъ, предоставить автономіи факультетовъ и совѣтовъ, подъ контролью мини-

стерства и общественнаго мнѣнія. Опредѣленіе штата преподавателей уставомъ имѣетъ ту важную невыгоду, что оно поселяетъ заботу въ учебныхъ учрежденіяхъ объ удовлетвореніи одной формальной стороны дѣла, то есть объ укомплектованіи этого штата; между тѣмъ, главное средство къ процвѣтанію университета состоитъ въ томъ, чтобы членами факультетовъ были истинные представители науки. Для просвѣщенія и для науки несравненно лучше, напримѣръ, такой факультетъ, который хотя бы и считалъ у себя одну каѳедру, по недостатку дѣльнаго преподавателя, вакантною, но зато на другой каѳедрѣ имѣлъ бы двухъ настоящихъ представителей науки, нежели факультетъ полный по штату, но состоящій изъ однѣхъ посредственностей. Положимъ, напримѣръ, что уставъ опредѣляетъ пять штатныхъ преподавателей для одного факультета, и одна изъ пяти каѳедръ открывается вакантною; на нее не является ни одного достойнаго кандидата—между тѣмъ, у факультета есть въ виду два спеціалиста, пріобрѣтшіе себѣ уже извѣстность въ наукѣ, но спеціалисты по такому предмету, который, по уставу, не вошелъ еще въ составъ университетскаго преподаванія (напримѣръ, физіологической или другой прикладной химіи), хотя, по важности и современности, и заслуживалъ бы этого. Что дѣлаетъ въ этомъ случаѣ факультетъ, стѣсненный штатомъ устава? Онъ поневолѣ отказываетъ двумъ истиннымъ представителямъ и авторитетамъ въ наукѣ, и отдаетъ вакантную каѳедру наконецъ, такому, который только и хорошъ потому, что удовлетворяетъ формальному требованію устава. Не лучше ли же было бы, и для науки, и для славы заведенія, въ этомъ случаѣ оставить каѳедру на нѣкоторое время вакантною? Что за бѣда, если будетъ распредѣленіе предметовъ неравномѣрное, если будетъ недостатокъ съ одной, избытокъ съ другой стороны—лишь бы факультетъ состоялъ изъ людей дѣльныхъ и знатоковъ своего дѣла: просвѣщеніе отъ этого ничего не проиграетъ. Конечно, при такомъ порядкѣ, можетъ случиться, что студенты, въ теченіе цѣлаго курса, не въ состояніи будутъ прослушать лекціи по вакантной каѳедрѣ; но, во-первыхъ, это встрѣчается и теперь, и впредь будетъ встрѣчаться, если только факультеты будутъ требовательны къ кандидатамъ на вакантныя каѳедры,—что, разумѣется необходимо; во-вторыхъ, совѣты и факультеты, дѣйствующіе подъ контролью министерства и общественнаго мнѣнія, всегда могутъ найдти временныя и палліативныя средства помочь этому недостатку, сохраняя за собою право, при первомъ появленіи достойнаго кандидата, поручить ему преподаваніе по вакантной каѳедрѣ; наконецъ, въ-третьихъ, можно смѣло утверждать, что, при настоящемъ состояніи научной литературы, для хорошо приготовленныхъ студентовъ нѣтъ никакой существенной надобности посѣщать, по крайней мѣрѣ, цѣлую половину факультетскихъ лекцій, чтобы познакомиться довольно хорошо съ многими предметами; для многихъ предметовъ п р е п о д а в а н і е только тогда истинно полезно учащимся, когда профессоръ авторитетъ въ наукѣ и обладаетъ особеннымъ даромъ изложенія—иначе, студенты и внѣ лекцій, по однимъ руководствамъ и сочиненіямъ, могутъ довольно ознакомиться съ различными предметами преподаванія. И такъ, по моему мнѣнію, не штатное число преподавателей должно быть опредѣлено уставомъ, а только извѣстная сумма должна быть опредѣлена и отдана въ распоряженіе факультетовъ и совѣта, подъ контролью министерства, на всѣ научныя потребности, а въ томъ числѣ и на содержаніе преподавателей. Но если содержаніе каждаго профессора или доцента будетъ заранѣе опредѣлено и одинаково, какъ теперь, то, конечно, и предлагаемая мною мѣра ничѣмъ не будетъ отличаться отъ существующаго порядка. Нѣтъ, предлагая опредѣлить не штатное число преподавателей, а только общую сумму на покрытіе издержекъ того или другаго факультета, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю—какъ самое коренное измѣненіе существую-

щаго порядка—и различное содержаніе для каждаго преподавателя, которое опредѣляется личными заслугами въ дѣлѣ науки каждаго изъ нихъ. На чемъ, въ самомъ дѣлѣ, основаны однообразность и равномѣрность содержанія всѣхъ преподавателей, и почему допущено одно только различіе содержанія по степени учебнаго званія? Съ какою цѣлью присвоено одно и то же содержаніе преподавателямъ различныхъ предметовъ, не обращая вниманія на то, кто преподаватель: извѣстный ли свѣту ученый, авторитетъ ли въ наукѣ, или авторитетъ только потому, что имѣетъ ученую степень и занимаетъ каѳедру? Не принятъ ли въ основаніе принципъ, очевидно, нераціональный, по которому вознагражденіе опредѣляется по занимаемому каждымъ мѣсту, а не по заслугамъ въ наукѣ, тогда какъ именно въ дѣлѣ науки главную роль играетъ личная заслуга ея представителя, а не званіе его и не занимаемое имъ мѣсто? Не уничтоженъ ли этимъ принципомъ путь къ добровольному соглашенію между учебнымъ учрежденіемъ и лицами, желающими вступить въ число его членовъ, тогда какъ эти соглашенія и условія о мѣрѣ вознагражденія трудовъ необходимы при оцѣнкѣ научныхъ достоинствъ вступающаго для занятія вакантной каѳедры? Не лишены ли наши факультеты возможности приглашать истинныхъ представителей науки, именно потому, что не имѣютъ права назначить имъ, изъ своихъ суммъ, приличное вознагражденіе? Я знаю, что нѣкоторые изъ заграничныхъ знаменитостей охотно заняли бы у насъ каѳедры (конечно, по предметамъ, при изложеніи которыхъ играютъ главную роль знаніе дѣла и опытность, а не языкъ), если бы наши факультеты могли имъ дать приличное содержаніе. Конечно, можно возразить, что въ подобныхъ случаяхъ министерство могло бы исходатайствовать увеличенное содержаніе такимъ лицамъ, но тогда это было бы не въ примѣръ другимъ, и поставило бы приглашеннаго профессора въ исключительное положеніе къ цѣлой коллегіи, чего не было бы, если бы сами факультеты и совѣтъ имѣли право, по добровольному соглашенію съ призываемымъ, назначать различное содержаніе, смотря по его заслугамъ и достоинствамъ. Наблюдая за ходомъ университетскаго ученія и научною дѣятельностью преподавателей, и въ нашихъ, и въ заграничныхъ учебныхъ учрежденіяхъ, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что только положительною оцѣнкою и зависящимъ отъ нея приличнымъ вознагражденіемъ за трудъ и заслугу каждаго лица можно поднять и научную дѣятельность, и рвеніе преподавателей. Предлагаемая же мною мѣра будетъ имѣть еще и ту важную выгоду, что факультеты получатъ возможность, при назначеніи каѳедръ и при замѣщеніи вакансій, сообразоваться съ мѣстными потребностями. Министерству и ближайшему контролеру университета—попечителю, не оставалось бы ничего болѣе, какъ слѣдить за распоряженіями научно-учебныхъ коллегіальныхъ учрежденій и наблюдать, чтобы существенные предметы каждаго факультета не были непреподаваемы долгое время.

На § 8. «Равнымъ образомъ присутствуетъ въономъ (правленіи), какъ членъ, проректоръ или инспекторъ».

Званіе инспектора желательно было бы вовсе уничтожить. Хотя въ объяснительной запискѣ къ проекту (стр. 34) и сказано, что «нѣкоторые университеты встрѣтили препятствія (которыя и признаны уважительными) въ возложеніи обязанности наблюдать за исполненіемъ университетскихъ правилъ студентами на одного изъ членовъ совѣта»; но если разбирательству университета будутъ подлежать только нарушенія порядка студентами въ университетскихъ зданіяхъ, то мнѣ казалось бы, что нельзя эти препятствія считать уважительными. Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ членовъ совѣта или факультета не имѣетъ права отказаться отъ обязанности наблюдать за порядкомъ въ его аудиторіи, во время лекціи—и кто же, какъ не самъ преподаватель, водворяетъ тишину и порядокъ въ своей аудиторіи? Еще менѣе можетъ отказаться

ректоръ отъ наблюденія за порядкомъ въ зданіи университета. Если же члены совѣта нѣкоторыхъ университетовъ полагаютъ, что ихъ авторитетъ, въ настоящее время, слишкомъ слабъ для того, чтобы удержать порядокъ въ зданіяхъ университета и въ отношеніяхъ студентовъ къ преподавателямъ, то что можетъ сдѣлать авторитетъ лица, избираемаго изъ постороннихъ чиновниковъ? Въ такомъ случаѣ, не лучше ли бы уже было поручить наблюденіе за порядкомъ и въ университетскихъ зданіяхъ городской полиціи, какъ это дѣлается въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ.

На § 13. Примѣчаніе. «Вмѣсто вводимой симъ уставомъ технической и агрономической химіи, могутъ быть, до времени, сохранены двѣ отдѣльныя каѳедры технологіи и сельскаго хозяйства, гдѣ таковыя нынѣ существуютъ».

Это примѣчаніе потому уже неумѣстно, что оно уничтожаетъ всю хорошую сторону истинно-полезнаго и необходимаго нововведенія каѳедры технической и агрономической химіи. Основываясь на этомъ примѣчаніи, нѣтъ сомнѣнія, во всѣхъ нашихъ университетахъ останутся еще на неопредѣленное время каѳедры агрономіи и технологіи, и будутъ еще долго влачить ихъ жалкое существованіе. Я говорю жалкое, потому что преподаваніе этихъ двухъ наукъ, внѣ особенныхъ, спеціальныхъ учрежденій (институтовъ), въ настоящее время, немыслимо; преподаваемыя же въ нашихъ университетахъ, при ничтожныхъ вспомогательныхъ средствахъ, агрономія и технологія представляются не науками, а пародіями на науки. Техническая же и агрономическая химія составила бы дѣйствительно истинное обогащеніе факультетскаго преподаванія, но, конечно, профессора существующихъ еще теперь, при университетахъ, технологій и агрономій не пожелаютъ быть уволенными за штатомъ, и такимъ орбазомъ эти обѣ каѳедры будутъ сохранены еще на долгое время.

Къ § 15. Почему въ составъ преподаванія наукъ въ медицинскомъ факультетѣ не вошли физіологическая и патологическая химія, и почему гигіена причисляется, какъ добавокъ къ общей терапіи и фармакологіи—непонятно.

Къ § 17. «Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая, непринадлежащая ни къ какому факультету, каѳедра для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія».

Судя по тому, что проектъ опредѣляетъ «особую каѳедру для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія», нужно заключить, что посѣщеніе лекцій богословія будетъ обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Это заставляетъ меня выразить откровенно мое мнѣніе о мнимой пользѣ и объ истинномъ вредѣ, который происходитъ отъ обязательнаго посѣщенія богословія студентами факультетовъ,—что заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны учебнаго начальства. Въ дѣлѣ такой важности, каково религіозное образованіе юношества, соблюденіе одного только decorum, можетъ отозваться самыми худыми послѣдствіями въ будущемъ. Страшно ошибаются тѣ, которые думаютъ обязательнымъ преподаваніемъ богословія сдѣлать учащихся нравственнѣе и предохранить ихъ отъ матеріализма и безвѣрія. Богословіе, какъ наука, преподаваемая всѣмъ, безъ связи съ предъидущимъ и будущимъ, не можетъ этого сдѣлать, и даже не послужитъ къ распространенію благочестія между учащимися; это дѣло задушевныхъ и теплыхъ религіозныхъ убѣжденій, внушенныхъ съ колыбели, или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки. И еще можно было бы допустить вліяніе богословія на нравственность, если бы къ изученію богословской науки въ университетѣ приступали люди, достаточно-приготовленные къ тому въ дѣтствѣ, по-внутреннему призванію, или сдѣлавшіе себѣ серьезное изученіе этого предмета цѣлью жизни. Такимъ, конечно, не опасны со-

мнѣнія и недоумѣнія—неизбѣжныя слѣдствія всякаго научнаго анализа. Но если опытъ научаетъ, что и у такихъ посвященныхъ научныя занятія богословскими предметами развиваютъ, иногда, скептицизмъ и направленіе духа, совершенно противоположное чисто религіозному, то чего должно ожидать отъ поверхностнаго изученія богословія студентами различныхъ факультетовъ? И вотъ мы видимъ, что именно молодые, развитые люди, посвятившіе себя изученію исторіи, математики, медицины, естественныхъ наукъ, обязанные формально посѣщать лекціи богословія, вносятъ въ изученіе этого предмета то же критическое направленіе и тотъ же скептицизмъ, которые необходимы при занятіи науками историческими, математическими и естественными. Прямое же слѣдствіе анализа и скептицизма, внесеннаго въ поверхностное занятіе богословіемъ, есть безвѣріе. Я это говорю изъ опыта: я зналъ многихъ молодыхъ людей, университетскаго образованія, которыми овладѣвало безвѣріе по мѣрѣ того, какъ они принимались за обязательное изученіе богословія. Пусть богословіе преподается въ нашихъ университетахъ, не имѣющихъ богословскаго факультета, какъ вспомогательная наука, или, еще лучше, пусть, вмѣсто богословія, излагается въ историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юридическомъ каноническое право; пусть семинаріи и духовныя академіи замѣняютъ для насъ недостатокъ богословскихъ факультетовъ; пусть богословіе излагается въ нихъ, для посвященныхъ, въ полномъ его объемѣ. Sancta sanctis! Но обязательный неполный курсъ этой науки въ университетѣ, назначенный, подъ видомъ отдѣльной и самостоятельной каѳедры, для всѣхъ учащихся, принесетъ, повторяю, не пользу, а вредъ благочестію молодыхъ людей, образующихся въ университетахъ.

Къ § 18. «Для преподаванія новѣйшихъ иностранныхъ языковъ полагаются лекторы».

При ограниченности нашихъ средствъ, назначаемыхъ для содержанія университетовъ и преподавателей, лекторовъ при университетахъ можно считать уже излишнею роскошью, по крайней мѣрѣ въ провинціальныхъ университетахъ. Я не знаю еще ни одного студента, который научился бы какому-нибудь новому языку въ университетѣ; аудиторіи лекторовъ обыкновенно пусты—по этой причинѣ многіе изъ нихъ и сами перестали являться на лекціи. Впрочемъ, если бы принята была предлагаемая мною мѣра (см выше въ § 6), то и рѣшеніе вопроса: нужны ли лекторы для университета, можно было бы предоставить факультетамъ и совѣту каждаго университета,—что они и рѣшили бы, вѣроятно, различнымъ образомъ, сообразуясь съ различными мѣстными потребностями.

Къ § 22. «Вакаціи назначаются два раза въ годъ».

Судя по этому, можно бы полагать, что наконецъ въ нашихъ университетахъ вводится семестральное раздѣленіе курса, общепринятое въ цѣлой почти Европѣ. Но, между тѣмъ, въ проектѣ устава нигдѣ это не выражено. Выгоды семестральнаго раздѣленія очевидны, потому что преподаваніе многихъ предметовъ и многихъ отраслей наукъ можетъ быть удобно закончено въ теченіе одного семестра. Если же, не смотря на это, раздѣленіе семестральное не принимается проектомъ, то для чего же тогда назначать вакаціи два раза въ годъ?

Къ § 23. «Изъ числа доцентовъ правомъ голоса пользуются только занимающіе отдѣльныя каѳедры».

Слѣдовало бы прибавить «а не занимающіе отдѣльныя каѳедры имѣютъ право подавать отдѣльныя мнѣнія» (votum separatum), которыя, во многихъ случаяхъ, не смотря на то, что доцентъ не занимаетъ отдѣльной каѳедры, могутъ имѣть болѣе или менѣе важное значеніе, зависящее отъ личности подающаго мнѣніе.

Къ § 26. Къ предметамъ занятій въ факультетскихъ собраніяхъ, въ числѣ всѣхъ другихъ, должно быть прибавлено: «разсмотрѣніе и подробное обсужденіе потребностей и нуждъ каждой науки и каѳедры».

Сверхъ того, опущенъ еще одинъ

важный предметъ факультетскихъ занятій, о которомъ, между тѣмъ, упоминается въ другомъ § проекта (въ § 76, стр. 11), а именно, избраніе, посредствомъ баллотировки или конкурса, преподавателей на вакантныя каѳедры.

Къ § 30. «Во время вакацій совѣтъ можетъ имѣть лишь чрезвычайныя собранія, по дѣламъ, нетерпящимъ отсрочки».

Это право совѣта, какъ я знаю уже изъ опыта, можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ ректорской власти. Этими чрезвычайными собраніями можно воспользоваться для избранія новыхъ членовъ совѣта, которые въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ не получили бы въ свою пользу большинства голосовъ; оговорка въ § 30: «съ полною отвѣтственностью ректора за дѣйствительную безопасность (??) этихъ дѣлъ (т. е. нетерпящихъ отлагательства)» не уменьшитъ пристрастія партій, если одна изъ нихъ, болѣе вліятельная, захочетъ, для проведенія своихъ цѣлей, воспользоваться чрезвычайными собраніями. Гораздо безопаснѣе будетъ, если эти собранія не будутъ признаны вовсе уставомъ.

Къ § 31. «При равенствѣ голосовъ въ дѣлахъ совѣта перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя».

Въ дѣлѣ такъ важномъ, какъ избраніе профессора, нужно равенство голосовъ считать отрицаніемъ, будетъ ли на одной сторонѣ голосъ предсѣдателя или нѣтъ; а къ словамъ того же § «опредѣленіе объ оставленіи на службѣ должно быть утверждено, по крайней мѣрѣ, $^2/_3$ голосовъ», слѣдовало бы прибавить «при закрытой подачѣ голосовъ». Почему, очевидно.

Въ примѣчаніи къ § 31 должно бы сказать, что на разсмотрѣніе попечителя прилагаются и отдѣльныя мнѣнія меньшинства, т. е. каждаго члена меньшинства, если они того пожелаютъ.

Къ § 35. 3. (Предметы занятій совѣта). 3) «Сужденіе по представленіямъ факультета и по заявленіямъ отдѣльныхъ членовъ совѣта о мѣрахъ усовершенствованія преподаванія наукъ въ университетѣ».

Здѣсь нужно бы также прибавить «сужденіе о потребностяхъ и нуждахъ каждой каѳедры и объ учрежденіи новыхъ каѳедръ».

Къ § 35. 9. Разрѣшеніе пріема студентовъ въ университетъ могло бы быть предметовъ сужденій только въ особенныхъ исключительныхъ случаяхъ; въ обыкновенныхъ же, такъ какъ теперь разрѣшается пріемъ студентовъ по испытанію въ гимназіяхъ, обсужденіе этого пріема въ совѣтѣ составитъ одну только излишнюю формальность.

Вообще, мнѣ кажется, слѣдовало бы предметы занятій совѣта (въ § 35) не смѣшивать въ одномъ § съ правами совѣта, куда относятся: 1) право избранія ректора, почетныхъ членовъ (1); 2) утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ (5); это не занятія, а права.

Къ § 36. Вмѣсто «совѣтъ имѣетъ право печатать тѣ изъ своихъ (протоколовъ) опредѣленій, которыя признаетъ нужнымъ довести до общаго свѣдѣнія», слѣдовало бы опредѣлить въ уставѣ положительно, что совѣтъ обязанъ печатать протоколы своихъ засѣданій. Гласность заставила бы членовъ совѣта быть осмотрительными въ своихъ сужденіяхъ, и вообще принимать болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ университета. Тогда можно было бы совсѣмъ исключить изъ устава §§ 37 и 38, потому что попечитель могъ бы всегда прочесть печатные протоколы совѣтскихъ засѣданій; изъ нихъ же можно было бы легче узнать и о всѣхъ «главнѣйшихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по университету», такъ какъ ни одно главное дѣйствіе и распоряженіе по университету не предпринимается безъ предварительнаго обсужденія въ засѣданіяхъ совѣта.

Къ § 51. «Попечитель употребляетъ всѣ средства къ приведенію университета въ цвѣтущее состояніе».

Вмѣсто того, чтобы возлагать на попечителя обязанность, едва ли для него исполнимую, «привести университетъ въ цвѣтущее состояніе», мнѣ кажется, слѣдовало бы опредѣлить яснѣе и положительнѣе его главное

назначеніе, сказавъ въ уставѣ, что попечитель есть ближайшій и непосредственный контролеръ университета и всего учебнаго округа, со стороны министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій обязанностью наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій ввѣренными его контролю учебными учрежденіями. Болѣе этого попечитель не можетъ и не долженъ ничего дѣлать. Обязывать его «къ употребленію средствъ для приведенія университета въ цвѣтущее состояніе», значитъ, давать ему право вмѣшательства въ научныя дѣла университета, въ которыхъ онъ не можетъ быть компетентнымъ судьею. По этому, и другое право попечителя—«предсѣдательствовать по своему усмотрѣнію въ совѣтѣ», даруемое ему § 54 проекта, не представляетъ никакой очевидной пользы для университета; въ этомъ случаѣ, попечитель принялъ бы на себя временныя обязанности ректора, и пользовался бы еще большимъ правомъ вмѣшательства въ дѣла коллегіи, что не можетъ остаться безъ вреднаго вліянія на автономію совѣта. Между тѣмъ, чтобы поднять упавшее у насъ значеніе совѣта въ глазахъ учащихся и цѣлаго образованнаго общества, необходимо усилить его автономію. Отъ ослабленія власти и правъ совѣта, отъ его малой самостоятельности происходятъ у насъ и безпорядки между студентами, потерявшими довѣріе и уваженіе къ совѣту. Безъ этой автономіи невозможно и процвѣтаніе университета, который процвѣтаетъ тамъ, гдѣ сами правительства заботятся усилить его самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его научно-нравственное вліяніе на цѣлое общество.

Къ § 61. Избраніе ректора изъ среды профессоровъ, на четыре года, составляетъ срокъ слишкомъ продолжительный, отвлекающій избраннаго слишкомъ долго отъ его научныхъ занятій. Между тѣмъ, чтобы пользоваться высокимъ вліяніемъ на учащихъ и учащихся, ректоръ самъ долженъ быть авторитетъ въ наукѣ, и слѣдовательно, не долженъ надолго покидать научныя занятія. Мнѣ кажется, что двухгодичный срокъ былъ бы вполнѣ достаточенъ.

Къ § 62. Вмѣсто «ректоръ наблюдаетъ 2) чтобы университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности», было бы цѣлесообразнѣе выразить: «чтобы университетское преподаваніе соотвѣтствовало современнымъ и существеннымъ требованіямъ каждой науки». Но собственно ректоръ, одинъ, не въ состояніи исполнить этой обязанности. Эта обязанность столько же его, какъ и всѣхъ декановъ.

Въ § 64 сказано, что «ректоръ имѣетъ право предсѣдательствовать въ факультетскихъ собраніяхъ»; но нигдѣ не сказано, что онъ есть несмѣнный предсѣдатель совѣта, между тѣмъ какъ это составляетъ одну изъ главныхъ его обязанностей.

Въ § 68 сказано, «что въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, мѣсто его занимаетъ проректоръ»; но нигдѣ въ проектѣ устава не говорится о томъ, что проректоръ избирается совѣтомъ, и какія его обязанности.

Къ § 69. Избираніе декана на четыре года есть срокъ также слишкомъ продолжительный, который представляетъ еще большія неудобства, чѣмъ избраніе ректора на четыре года, отвлекая преподавателя на долгое время отъ его научно-учебныхъ занятій. Годичный срокъ для деканства весьма достаточенъ, и при избраніи въ деканы на одинъ годъ, факультетъ гораздо скорѣе можетъ убѣдиться, кто изъ его членовъ способнѣе исправлять деканскія обязанности; ничто не будетъ препятствовать избрать болѣе способнаго и еще на одинъ годъ, и еще нѣсколько разъ, если избираемый самъ не откажется.

Сверхъ того, въ проектѣ нигдѣ не говорится о главныхъ обязанностяхъ декановъ: 1) наблюдать, что бы преподаваніе соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ каждой науки; 2) слѣдить за упущеніями со стороны преподавателей и представлять о замѣченныхъ ими упущеніяхъ факультету и совѣту, отъ имени которыхъ деканъ имѣетъ право и дѣлать замѣчанія неисправному; 3) предсѣдательствовать въ факультетскихъ собраніяхъ и экзаменаціонныхъ комис-

сіяхъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы испытанія были безпристрастны и не противорѣчили законнымъ постановленіямъ.

Къ § 70. Раздѣленіе преподавателей университета на профессоровъ ординарныхъ, экстра-ординарныхъ, доцентовъ: старшихъ и младшихъ, лекторовъ, приватъ-доцентовъ и учителей искусствъ слишкомъ многосложно, и не имѣетъ никакой научной или практической цѣли. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, послужитъ раздѣленіе доцентовъ на старшихъ, младшихъ и приватъ-доцентовъ? Не принятъ ли въ основаніе этого раздѣленія принципъ чисто іерархическій? Не превратятся ли доценты опять въ прежнихъ адъюнктовъ, если избраніе на должность будетъ совершаться прежнимъ, іерархическимъ порядкомъ (?) и не будетъ представлять болѣе гарантій, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ науки? Эти соображенія заставляютъ меня здѣсь высказать мое мнѣніе и о способѣ назначенія преподавателей вообще, изложенное въ § 76.

Въ проектѣ устава принято въ основаніе избраніе преподавателей посредствомъ баллотировки — слѣдовательно, принятъ тотъ же самый способъ, которому до сихъ поръ слѣдовали въ нашихъ университетахъ, и съ недостатками котораго мы уже довольно знакомы по опыту. Почему же проектъ остановился на этомъ способѣ, и допускаетъ другой—конкурсъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, приводимое въ дѣйствіе тогда только, когда совѣтъ не имѣетъ въ виду кандидата, достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя (§ 77);—этого п о ч е м у не объяснено и въ пояснительной запискѣ проекта. Между тѣмъ этотъ другой способъ избранія—конкурсъ—представляетъ болѣе гарантій для справедливой оцѣнки достоинствъ преподавателя, хотя, конечно, и онъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ свои недостатки. Въ чемъ же состоятъ недостатки и неудобства конкурса? Не единственно ли въ томъ только, что кандидаты, пріобрѣтшіе уже огромную извѣстность въ наукѣ, неохотно ему подвергаются; неохотно также въ наши провинціальные университеты, по отдаленію, являются и другіе, менѣе знаменитые, кандидаты на конкурсъ. Но, принявъ главнымъ способомъ избранія университетскихъ преподавателей конкурсъ, нѣтъ никакой необходимости уничтожать и баллотированіе безъ конкурса, какъ исключеніе, для тѣхъ случаевъ, когда научныя заслуги кандидата извѣстны ученому свѣту, и потому очевидны. Баллотированіе, напримѣръ, можетъ и должно быть оставлено для тѣхъ случаевъ, когда профессоръ одного университета вызывается другимъ, для замѣщенія вакантной каѳедры. Принять же баллотированіе за правило, за главный способъ избранія, даже для доцентовъ—людей обыкновенно молодыхъ и только что выступившихъ на ученое поприще, не значитъ ли оставить нетропутымъ то, что давало до сихъ поръ средство вліятельной партіи въ совѣтѣ (и нерѣдко отсталой) сажать на адъюнктскія мѣста покровительствуемыхъ ею фаворитовъ? Въ § 72, правда, опредѣляется, что «ищущій званія доцента долженъ прочесть двѣ пробныя лекціи». Но то же, или почти то же, требовали и отъ ищущихъ званія адъюнкта, а между тѣмъ это не прекращало дѣйствій непотизма и протекцій. Почему же не усилить научныхъ требованій и не возвести ихъ на степень настоящаго и правильнаго конкурса? Степень магистра (§ 71) еще не представляетъ достаточныхъ гарантій о спеціальныхъ свѣдѣніяхъ доцента, по избранному имъ предмету преподаванія, а двѣ пробныя лекціи легко превратятся въ ничтожную формальность, какъ это случалось съ пробными лекціями адъюнктовъ. Почему бы не требовать отъ доцента сочиненія на спеціальную тему, заданную для конкурса факультетовъ, по предмету вакантной каѳедры? Почему не требовать отъ него публичнаго защищенія диссертаціи на эту тему и, сверхъ пробныхъ лекцій, еще другихъ, болѣе наглядныхъ доказательствъ (напримѣръ), опытовъ по каѳедрамъ физики, химіи и демонстрацій) его научныхъ свѣдѣній, предъ собраніемъ цѣлаго совѣта и другихъ

ученыхъ? Короче, въ проектѣ новаго устава должны быть приняты всѣ мѣры противъ вырожденія новаго института доцентовъ въ нашихъ университетахъ въ прежнее іерархическое адъюнктство. Противъ усиленія требованій отъ конкуррентовъ и вообще противъ конкурса, конечно, можно выставить опасенія о томъ, что мало найдется охотниковъ на доцентство, пріобрѣтаемое съ такими трудами. Но если бы была принята предлагаемая мною мѣра (см. выше замѣчаніе на § 6), если бы факультеты не были стѣсняемы опредѣленнымъ штатомъ каѳедръ, а распоряжались бы, подъ контролью совѣта и попечителя, общею суммою, назначенною на содержаніе каждаго факультета, то не было бы и препятствія образовать при каждомъ университетѣ цѣлый разсадникъ доцентовъ, и охотниковъ было бы довольно. Доценты, имѣя въ виду, что содержаніе и вознагражденіе за труды будетъ назначаться по мѣрѣ научныхъ заслугъ каждаго лица, а не по штату, ревностно принялись бы за дѣло и заблаговременно напрягли бы всю свою дѣятельность для достиженія цѣли на конкурсѣ. Успѣхъ въ такомъ дѣлѣ зависитъ единственно отъ средствъ, принятыхъ къ возбужденію научнаго соревнованія. А предлагаемая мною мѣра, именно, и направлена къ достиженію этой цѣли. Во всякомъ случаѣ, будетъ ли принятъ конкурсъ, какъ общее правило, или баллотированіе, невозможно въ дѣлѣ, столь важномъ, какъ назначеніе преподавателей университета, ограничиться одною только подачею голосовъ pro или contra, безъ предварительныхъ дебатовъ, обязательныхъ для каждаго факультета, о достоинствахъ избираемаго; основаніемъ дебатовъ должны служить заслуги кандидата, его сочиненія, даръ слова, опытность и т. п., которыя должны быть тщательно обсуждены, и непремѣнно по извѣстнымъ, фактическимъ даннымъ; а для обсужденія необходимо дать право участія въ дебатахъ всѣмъ членамъ факультета, не исключая и доцентовъ.

Къ § 75. «Доценты и приватъ-доценты оставляются на службѣ (при университетѣ) не иначе какъ по новому избранію и утвержденію попечителя».

Новое избраніе черезъ три (лучше бы срокъ укоротить, и потому черезъ два) года, дѣйствительно, необходимо; но принявъ въ основаніе, что попечитель есть только контролеръ и наблюдатель за исполненіемъ закона, я не вижу никакой существенной пользы для научнаго дѣла въ его утвержденіи, такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ не есть компетентный судья. За попечителемъ должно остаться только право протеста противъ утвержденій совѣта, еслибы онъ нашелъ, что нравственныя качества доцента не таковы, чтобы могли оправдать его избраніе.

Къ § 78. «Профессоръ утверждается министромъ, которому, впрочемъ предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать на вакантныя каѳедры людей, отличныхъ ученостью и имѣющихъ требуемыя ученыя степени.

До министерства графа Уварова, избраніе профессоровъ было исключительнымъ правомъ однихъ совѣтовъ; нѣкоторыя вкравшіяся злоупотребленія, и именно непотизмъ и система протекціи, дали поводъ бывшему министру народнаго просвѣщенія измѣнить законъ; но непотизмъ, если и уменьшился послѣ того, то не вслѣдствіе однакожь новаго закона, а съ того времени, когда въ наши университеты, въ 30-хъ годахъ, вошли болѣе живительныя силы, принесенныя новымъ поколѣніемъ преподавателей. Мнѣ казалось бы, что для процвѣтанія нашихъ университетовъ необходимо снова усилить автономію совѣтовъ, которою они пользовались прежде, и, можетъ быть, пользовались тогда преждевременно. Это усилило бы ихъ значеніе и авторитетъ, и возвысило бы ихъ въ глазахъ учащихся и цѣлаго общества. Теперь это было бы уже непреждевременно.

Къ §§ 81 и 83. «Профессоръ, по выслугѣ срока на полную пенсію, не иначе оставляется на службѣ, какъ по избранію... Это вторичное избраніе имѣетъ силу не болѣе, какъ на

пять лѣтъ, по истеченіи коихъ профессоръ, для дальнѣйшаго продолженія службы, подвергается новому избранію, тоже не болѣе какъ на 5 лѣтъ, и т. д.».

Продолжительный, 25-лѣтній срокъ, назначенный для выслуги профессоромъ пенсіи, и вѣроятность, или лучше достовѣрность, и по прошествіи 25 лѣтъ, еще и еще разъ быть вновь избраннымъ, производятъ застой, отсталость, и препятствуютъ сильно введенію въ наши университеты новыхъ и свѣжихъ силъ, столь необходимому для успѣха наукъ. Немногіе, весьма немногіе изъ профессоровъ остаются по истеченіи, и даже въ теченіе, этого времени, на одномъ уровнѣ съ современною наукою. Большая часть профессоровъ уже въ первой половинѣ ихъ служенія при университетѣ оказываются несостоятельными въ дѣлѣ науки. Хотя § 83 проекта и доставляетъ, въ этихъ печальныхъ случаяхъ, средство университету избавиться отъ «нерадивыхъ», но это средство, можно сказать навѣрное, не поможетъ. Никто изъ членовъ совѣта, по закону самохраненія, не рѣшится подать голосъ объ удаленіи нерадиваго сотоварища, да и «нерадѣніе» есть такой недостатокъ въ преподавателѣ, котораго ему избѣжать не трудно: стоитъ только являться аккуратно на лекціи и читать или перечитывать составленныя однажды записки и принятое руководство—и никто, по совѣсти, не сдѣлаетъ ему упрека въ нерадѣніи. Другое дѣло, будетъ ли профессоръ, аккуратно исполняющій свои оффиціальныя обязанности, соотвѣтствовать, своимъ преподаваніемъ, современнымъ требованіямъ науки, и будетъ ли онъ пользоваться заслуженнымъ авторитетомъ у своихъ товарищей и слушателей? А чтобы вывести, сколько возможно, отсталость въ наукѣ изъ нашихъ университетовъ, чтобы удержать научную дѣятельность преподавателей въ постоянномъ прогрессѣ, нужны мѣры болѣе энергическія. Я знаю только одну: это переоцѣнка ихъ научныхъ заслугъ на половинѣ совершеннаго ими учебнаго поприща. Законъ долженъ былъ бы требовать отъ профессоровъ, по прошествіи первыхъ 12½—13 лѣтъ ихъ служенія при университетѣ, «фактическихъ доказательствъ» ихъ научно-учебной дѣятельности, посредствомъ открытія конкурса. Если бы финансовыя соображенія не препятствовали прослужившимъ при университетѣ 12½ лѣтъ назначать полпенсіи, какъ это было прежде, то должно было бы, по прошествіи этого времени, объявлять каѳедру вакантною, и открывать публичный конкурсъ. Конечно, и при этомъ способѣ, многіе изъ преподавателей остались бы на своихъ мѣстахъ, потому что они всегда имѣли бы болѣе шансовъ выдержать конкурсъ, чѣмъ другіе, младшіе, конкурренты, но при этомъ все-таки открылась бы возможность общественному мнѣнію лучше оцѣнить ихъ заслуги, а другимъ, младшимъ, конкуррентамъ открылась бы возможность показать и свои достоинства; и, сверхъ того, каждый преподаватель, имѣя въ виду, что на половинѣ его учебнаго поприща ему предстоитъ переоцѣнка его заслугъ, принужденъ былъ бы не вдаваться въ апатію и не отставать отъ науки, какъ это случается теперь, при полной увѣренности, что двадцать пять лѣтъ его каѳедра останется непремѣнно за нимъ. На конкурсѣ можно было бы требовать серьезныхъ и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ и доказательствъ того, что преподаватель, въ теченіе двѣнадцати съ половиною лѣтъ, въ состояніи былъ образовать хотя одного кандидата, способнаго выступить на учебное поприще и занять мѣсто доцента при университетѣ. По окончаніи же 25 лѣтъ службы при университетѣ, слѣдовало бы непремѣнно объявлять каждую каѳедру вакантною и открывать конкурсъ. Я полагаю, что профессоръ, прослужившій съ честью двадцать пять лѣтъ, будетъ имѣть опять все-таки болѣе шансовъ быть вновь избраннымъ, и никакъ не можетъ считать обиднымъ для себя выступить на арену состязанія съ младшими собратами по наукѣ, тѣмъ болѣе, что по выдержаніи конкурса ему предстоитъ и болѣе преимуществъ предъ другими младшими конкуррентами на службѣ:

онъ будетъ получать вмѣстѣ съ содержаніемъ и полную пожизненную пенсію. Если же заслуженный профессоръ пожелалъ бы, вмѣсто конкурса, оставить за собою мѣсто почетнаго преподавателя, получая, безъ содержанія, пенсію за двадцати-пятилѣтнюю службу, или почетнаго члена совѣта, съ правомъ голоса, то и это право должно быть оставлено за нимъ.

Къ § 85. «Преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета по восьми часовъ въ недѣлю, если того потребуетъ отъ нихъ совѣтъ».

Это правило ведетъ къ тому, что никто изъ преподавателей не будетъ преподавать болѣе восьми часовъ въ недѣлю, между тѣмъ есть предметы, особенно реальные, изложеніе которыхъ, соединенное съ опытами и демонстраціями, требуетъ гораздо болѣе восьми часовъ въ недѣлю. Я самъ, бывъ преподавателемъ въ Дерптскомъ университетѣ, читалъ практическія и теоретическія лекціи по тридцати часовъ въ недѣлю. Мнѣ казалось бы, лучше правило о числѣ часовъ въ уставѣ такъ формулировать: каждый преподаватель обязанъ посвящать чтенію теоретическихъ или практическихъ лекцій столько времени, сколько факультетъ и совѣтъ признаютъ необходимымъ для полнаго и современнаго преподаванія предмета.

Къ § 87. «Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ, возлагается на особое лицо, избираемое совѣтомъ, или изъ членовъ онаго, или изъ постороннихъ чиновниковъ».

Возлагать, въ настоящее время, эту обязанность на посторонняго чиновника, по малой мѣрѣ, безполезно. Въ настоящее время, для предупрежденія безпорядковъ въ университетахъ, нужно избрать одно изъ двухъ: или предоставить наблюденіе за исполненіемъ университетскихъ правилъ самому университету, тамъ, гдѣ онъ не потерялъ еще совершенно нравственнаго вліянія надъ умами учащихся, или же сдѣлать университетъ, наравнѣ съ другими публичными заведеніями, доступнымъ общему полицейскому надзору. Конечно, послѣднее средство кажется несообразнымъ съ исключительнымъ положеніемъ университета, какъ научнаго заведенія, но думать, что въ настоящее время университетская полиція, съ постороннимъ чиновникомъ въ главѣ ея, или еще болѣе, что одинъ инспекторъ, могутъ оказать нравственное вліяніе на студентовъ и предупредить безпорядки—невозможно.

Къ § 99. Требованіе отъ вступающихъ въ университетъ, кромѣ гимназическаго экзамена, еще одного или двухъ «сочиненій на заданныя темы, по предметамъ гимназическаго курса, и устнаго объясненія по симъ сочиненіямъ», нѣтъ сомнѣнія, превратится въ чистую формальность, и, не принося никакой существенной пользы, будетъ только отнимать время у профессоровъ. Пусть университетъ контролируетъ другимъ образомъ ходъ ученія въ гимназіяхъ и слѣдитъ за нимъ, посылая своихъ членовъ на гимназическія экзамены, но, допустивъ однажды компетентность гимназическихъ экзаменовъ, и предоставивъ право выдержавшимъ ихъ вступать въ университеты, нѣтъ никакой причины довѣрять только на половину или на три четверти. Или довѣрять, или не довѣрять; если довѣрять, то вполнѣ.

Къ § 100. Пріемъ «студентовъ бываетъ разъ въ году».

Семестральное распредѣленіе лекцій есть, какъ опытъ показалъ, во всѣхъ почти Европейскихъ университетахъ, самое цѣлесообразное. Принявъ же его, нужно было бы и пріемъ студентовъ въ университетъ опредѣлить не одинъ, а два раза въ году,—въ началѣ лѣтняго и въ началѣ зимняго полугодія; не принявъ, не нужно было бы принимать и вакаціи два раза въ годъ (§ 22).

Къ § 102. Если кончившіе курсъ во всѣхъ русскихъ университетахъ пользуются одинаковыми правами, то нѣтъ также никакой причины требовать отъ переходящихъ изъ одного университета въ другой удовлетворенія требованіямъ совѣта того университета, въ который они переходятъ. Требованія совѣта отъ учащихся вез-

дѣ одни и тѣ же.—«Зачетъ времени пребыванія въ первомъ университетѣ въ число лѣтъ полнаго курса»—о которомъ упоминается въ этомъ же §, мнѣ кажется правиломъ, напоминающимъ принудительный способъ университетскаго ученія, еще такъ недавно господствовавшій въ нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ. Не времени, но другихъ болѣе знаменательныхъ доказательствъ свѣдѣнія и успѣховъ должно требовать отъ учащихся.

Къ § 101. Плата за ученіе, въ пятьдесятъ рублей въ столичныхъ и въ сорокъ рублей въ провинціальныхъ университетахъ (за годичное слушаніе лекцій) для насъ слишкомъ высока. При этой высокой, для многихъ студентовъ, платѣ, попечители будутъ завалены, по прежнему, прошеніями объ освобожденіи отъ платы, или объ уменьшеніи вполовину. Въ Кіевскомъ университетѣ поступаетъ такихъ прошеній до 400, два раза въ годъ, на разсмотрѣніе попечителя, и ему трудно, и даже невозможно, при такомъ множествѣ просьбъ, дѣлать безпристрастныя и справедливыя рѣшенія. Значительность платы дѣлаетъ также необходимыми разнаго рода правила, для облегченія недостаточныхъ, для отсрочки и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти правила, на практикѣ, оказываются чрезвычайно неудобными. Университеты ничего бы не потеряли, если бы плата за ученіе была значительно уменьшена, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была бы обязательна для всѣхъ безъ исключенія. Каждый бѣднякъ, а если не онъ, то другіе, богатые его товарищи, могли бы легко внести въ годъ, за ученіе, до пятнадцати рублей, и въ сложности вышла бы та же сумма, которою и теперь пользуются университеты, при высокой платѣ, но освобождая отъ нея почти до половины слушателей. За нѣкоторые практическіе, необязательные, курсы, требующіе многихъ вспомогательныхъ средствъ, можно было бы опредѣлить особенный взносъ, въ пользу заведенія и преподавателей. Вообще, справедливость требовала бы обратить всю плату за ученіе въ пользу преподавателей. А одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ поощренію научной и учебной дѣятельности преподавателей состояло бы въ распредѣленіи между каждымъ изъ нихъ извѣстной платы за ученіе, различно, смотря по числу слушателей и учебныхъ часовъ.

Къ § 115... «Съ разрѣшенія совѣта предоставляется учащимся оставаться въ университетѣ и долѣе срока».

Слѣдовало бы предоставить совѣту разрѣшеніе оставаться учащимся «и менѣе» положеннаго срока. Иной, при напряженной дѣятельности и съ счастливыми способностями, можетъ научиться и выдержать экзаменъ и въ три года, чего другой не сдѣлаетъ и по окончаніи полнаго курса.

Къ § 118... «съ тѣмъ, чтобы (испытанія) одна часть испытанія была обязательна для студентовъ, послѣ двухлѣтняго ихъ пребыванія въ университетѣ».

Обязательность экзамена для студентовъ послѣ двухгодичнаго пребыванія ихъ въ университетѣ не имѣетъ и не будетъ имѣть той пользы, которой отъ нея ожидаютъ. Она: 1) поддерживаетъ вредное направленіе въ учащихся—учиться для экзамена; 2) изъ того, что студентъ не выдержитъ экзамена по прошествіи двухъ лѣтъ, нельзя сдѣлать заключенія о его неспособности или нерадивости. Были примѣры того, что учащіеся, съ перваго ихъ вступленія въ университетъ, предавались исключительному занятію однимъ предметомъ, и потому не успѣвали въ другихъ. Такое направленіе ученія, конечно, одностороннее, но тѣмъ не менѣе похвально, и заслуживаетъ поощренія, хотя и не годится для экзамена. Я самъ былъ нѣкогда однимъ изъ такихъ студентовъ; 3) нерѣдко случается, что студенты, отбывъ первый экзаменъ послѣ двухъ лѣтъ, перестаютъ заниматься предметами, входившими въ составъ этого испытанія, тогда какъ многіе изъ этихъ предметовъ именно такого рода, что изучаются съ большою пользою и большимъ смысломъ, когда учащійся ознакомился съ другими высшими, невходящими въ составъ перваго двухгодичнаго курса.

Вообще, чѣмъ менѣе экзаменовъ,

тѣмъ лучше. Одинъ окончательный, на степень, но серьезный и дѣльный —вполнѣ достаточенъ.

Къ § 119. Званіе дѣйствительнаго студента слѣдовало бы совершенно и навсегда уничтожить, какъ неимѣющее никакого научнаго значенія. Оно нужно было прежде, и то только для полученія чина. Теперь оно превратилось въ нашихъ университетахъ въ asylum ignorantiae.

Къ § 122. Запрещеніе студентамъ «выражать одобреніе или порицаніе преподаванію» слѣдовало бы, мнѣ кажется, формулировать какъ-нибудь иначе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ запретить, напримѣръ, студентамъ выразить ихъ одобреніе преподавателю, прилично и учтиво, послѣ лекціи, поблагодаривъ его за доставленную имъ пользу? Не лучше ли было бы сказать вообще, что запрещаются всѣ демонстраціи, подъ какимъ бы предлогомъ онѣ не дѣлались, и внѣ университета, и въ самомъ университетѣ.

Къ § 123. Раздѣленіе «замѣчанія» отъ «выговора» слишкомъ тонко, и различіе между тѣмъ и другимъ едва уловимое. Притомъ же, отъ кого замѣчаніе, и отъ кого выговоръ? Отъ ректора? Отъ совѣта? Арестъ также врядъ ли теперь удобоисполнимъ въ нашихъ университетахъ; студенческій карцеръ теряетъ, сколько мнѣ извѣстно, и въ Германскихъ университетахъ свое вѣковое значеніе; а у насъ онъ едва ли поможетъ.

Къ § 125. Вмѣсто «наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго», мнѣ кажется, лучше было бы сказать:

«Университетское начальство судитъ студентовъ только за проступки, совершенные ими въ зданіяхъ университета, и за несоблюденіе университетскихъ постановленій»—чтобы избѣжать «наблюденія за студентами», невозможнаго на дѣлѣ.

Къ § 129. Изъ трехъ степеней: кандидата, магистра и доктора, одна лишняя. Чѣмъ менѣе ученыхъ степеней, тѣмъ больше дѣла, тѣмъ менѣе разнообразія въ экзаменахъ; тѣмъ менѣе экзаменаціоннаго направленія — вреднаго истинно-научному. Во всякомъ случаѣ, когда идетъ дѣло о степеняхъ, слѣдовало бы въ уставѣ обозначить точное значеніе каждой изъ нихъ. Что такое магистръ? Что такое докторъ? Различаются ли эти степени только количественно или качественно? Магистръ, напримѣръ, по проекту, различается отъ доктора только представленіемъ диссертаціи. Уже изъ этого одного слѣдуетъ, что которая-нибудь изъ двухъ степеней— лишняя; если же уже нужно непремѣнно удержать обѣ, то, по крайней мѣрѣ, нужно было бы, разнообразія ради, требовать отъ магистра представленія диссертаціи такой, которая бы назначалась къ защищенію только послѣ предварительнаго разбора и обсужденія въ факультетѣ; а отъ доктора требовать публичнаго защищенія такой диссертаціи, которая не подвергалась бы предварительному разбору; въ этомъ послѣднемъ случаѣ защищеніе было бы самое главное, и отъ того, успѣлъ ли докторантъ защитить ее противъ всѣхъ возраженій, или нѣтъ, зависѣло бы и полученіе или неполученіе степени доктора.

Къ § 130. «Пріобрѣтать ученыя степени могутъ какъ русскіе подданные, такъ и иностранные». Слѣдовало бы прибавить: «какъ обучавшіеся въ русскихъ, такъ и заграничныхъ университетахъ».

Къ § 132. Не могу понять цѣли, почему ученыя степени должны непремѣнно пріобрѣтаться по порядку; почему бы, напримѣръ, студентъ не имѣлъ права прямо держать на доктора (въ медицинскомъ факультетѣ это дозволяется), лишь бы только выдержалъ испытаніе. Но повтореніе экзамена нѣсколько разъ на одну и ту же степень слѣдовало бы ограничить въ уставѣ.

— —

Наконецъ, не могу здѣсь не сказать моего мнѣнія о необходимости учрежденія при министерствѣ постояннаго научно-учебнаго комитета, состоящаго изъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ, на первый разъ по выбору самого министра и съ правомъ комплектованія посредствомъ баллотировки. Это была бы высшая на-

учно-учебная коллегія. Какъ всѣ научно-учебныя дѣла въ университетахъ рѣшаются коллегіально, то, восходя, въ извѣстныхъ случаяхъ, до министерства, они и здѣсь, какъ въ высшей инстанціи, должны были бы рѣшаться тоже коллегіально. Въ засѣданіяхъ этого комитета могли бы производиться и нѣкоторые конкурсы, когда конкурренты, по отдаленности мѣста, не могли бы являться на конкурсы въ тотъ университетъ, который объявилъ каѳедру вакантною, и открылъ конкурсъ.

Университетскій вопросъ.[49]

Ist es Ernst?

Я думаю, что первообразы университетовъ были ближе нашего къ идеалу. Основанные передовыми людьми своего времени, они были настоящими и единственными представителями современной науки. Не было различія между академіей и университетомъ. Кто двигалъ науку впередъ, тотъ и училъ. Ученіе приноровлялось къ наукѣ, а не къ знаніямъ учениковъ. До возраста учащихся не было университету никакого дѣла. И учители, и ученики были общими сподвижниками науки, commilitones. Съ развитіемъ гражданственности, съ распространеніемъ просвѣщенія въ массахъ, не могла сохраниться первобытная чистота идеала. Правительства, церковь, общество—заявили свои требованія. Безусловность чисто-научныхъ стремленій не могла устоять противъ условій жизни.

И вотъ, мы видимъ, уже давно, университеты не чисто-научными, а правительственными, церковными, учебно-общественными и національными учрежденіями. Давно внесены уже въ университетъ начала, чуждыя его идеалу. Церковный догматъ, бюрократизмъ, элементы: національный, филантропическій и воспитательный попеременно обусловливаютъ и измѣняютъ чисто-научныя, университетскія стремленія. Сама наука, все болѣе и болѣе проникая въ жизнь общества, выноситъ изъ нея и вноситъ съ собою въ университеты прикладное, утилитарное направленіе. Наконецъ, университеты въ системѣ общественнаго образованія занимаютъ высшее мѣсто въ ряду школъ, а чисто-научное начало, отдѣляясь отъ учебнаго, переходитъ въ академіи.

Что же университетъ въ наше время?

Его можно опредѣлить болѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Можно сказать, что онъ пересталъ быть учрежденіемъ чисто-научнымъ, т. е. такимъ, которое назначено удовлетворять одной потребности знанія. Большинство въ немъ учится съ извѣстною, практическою цѣлью. Въ немъ приготовляются для общества: служители церкви, судьи, врачи и наставники. Но нельзя его назвать и спеціально-учебнымъ учрежденіемъ. Тогда онъ пересталъ бы быть университетомъ. Тогда соединеніе всѣхъ факультетовъ въ одно цѣлое—существенная характеристика университета—перестала бы быть существенною. Сверхъ того, университетъ не есть спеціально-учебное учрежденіе и потому, что многія науки въ его факультетахъ не изучаются такъ спеціально, какъ этого требуетъ ихъ современное состояніе. Нельзя считать нынѣшній университетъ и такимъ учебнымъ учрежденіемъ, котораго цѣлью было бы одно высшее обще-человѣческое образованіе. Его факультеты для этого слишкомъ уже спеціальны. Нынѣшній университетъ не открытъ для любознательности различныхъ возрастовъ, половъ и сословій. Большинство учащихся въ немъ состоитъ изъ молодыхъ людей извѣстнаго пола и возраста. Но онъ не есть и воспитательное за-

веденіе. Оставшуюся въ нѣкоторыхъ университетахъ отъ среднихъ вѣковъ администрацію, конечно, никто не будетъ считать за настоящій воспитательный элементъ. Наконецъ, ни одинъ университетъ въ свѣтѣ, несмотря на названіе, не представляетъ всеобъемлющаго научно-учебнаго учрежденія. Ни одинъ университетъ не есть универсальный представитель современной науки, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Во всѣхъ странахъ мы видимъ множество высшихъ учебныхъ и спеціально-научныхъ учрежденій, которыя возникаютъ возлѣ университетовъ и не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. И ни въ одномъ университетѣ мы не находимъ каѳедръ не только всѣхъ, но даже и половины современныхъ наукъ. Не находимъ ни одного университета, снабженнаго пособіями для полнаго изложенія всѣхъ научныхъ предметовъ на дѣлѣ, хотя вездѣ замѣчается стремленіе къ сближенію науки съ жизнью.

Итакъ, все, даже до самаго названія, неопредѣленно въ университетѣ настоящаго времени.

Задача о цѣли и назначеніи его сдѣлается еще неопредѣленнѣе, если мы, съ нѣкоторыми моралистами, перенесемъ вопросъ далѣе, на другую почву, и спросимъ: есть ли научное образованіе человѣка конечная цѣль, или только средство къ чему-то другому, еще высшему?

Но, не заходя такъ далеко, остановимся покуда на ближайшемъ и болѣе намъ доступномъ.

Знать и умѣть приложить знаніе къ дѣлу и жизни—эти два стремленія умственной дѣятельности человѣка проявляются при самыхъ первыхъ зачаткахъ общества. Они проявились и при учрежденіи университетовъ. Но одно изъ нихъ преодолѣваетъ другое.

Жизнь общества, съ ея прикладными стремленіями, беретъ перевѣсъ надъ чисто-научнымъ. Поэтому прикладное направленіе не замедлило обнаружиться въ университетахъ.

Это и не могло быть иначе. И правительство, и церковь, и общество, не могли не воспользоваться университетами для достиженія своихъ цѣлей. И странно было бы, съ ихъ стороны, выпускать изъ рукъ такой сильный рычагъ.

Но для прикладного, для утилитарнаго, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливается въ нашемъ обществѣ, университеты одни сдѣлались уже недостаточными. Для прикладного, которое пересилило чисто-научное стремленіе, понадобились еще другія, болѣе практическія, учрежденія; оно даже перешло и въ тѣ школы, которыхъ прямое назначеніе было приготовлять только къ университету. И отъ нихъ начали требовать, чтобы онѣ приготовляли прямо къ вступленію въ жизнь. Это утилитарное стремленіе грозитъ реформой университетамъ. Оно все болѣе и болѣе разрываетъ органическую связь между факультетами. Въ одной странѣ (Франціи) удалось ему почти совсѣмъ прервать эту связь.

Покуда, однако-же, чисто-научное начало еще живетъ въ университетахъ, и къ чести человѣчества нужно думать, что оно никогда не умретъ; оно еще снабжаетъ ихъ свѣжими силами;—еще готовитъ передовыхъ людей обществу;—еще борется съ прикладнымъ, и этой борьбой облагораживаетъ его. Чисто-научное не разсталось еще съ учебною дѣятельностью и не вышло совсѣмъ изъ университета въ академію. Какъ ни мельчаетъ это направленіе, какъ ни сгромазживается научный матеріалъ, какъ ни распадается наука на множество отраслей, какъ, наконецъ, правительство, церковь и общество ни обусловливаютъ чисто-научное направленіе,—университеты не перестаютъ еще сознавать и поддерживать духовную связь наукъ и не перестаютъ стоять за свободу науки. Въ этой борьбѣ, въ этомъ высокомъ стремленіи—все достоинство нынѣшняго университета. Въ этомъ заслуга Германіи, страны по преимуществу университетской.

Но, какъ бы ни было неопредѣленно значеніе современнаго университета въ Европѣ, мы видимъ, что оно выражается предъ нами болѣе или менѣе ясно въ трехъ направленіяхъ. Одно

изъ нихъ, которое болѣе другихъ напоминаетъ средневѣковое происхожденіе, еще довольно сохранило чисто-научный видъ, едва сдѣлавъ нѣкоторыя уступки современнымъ требованіямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и всего болѣе подчинилось вліянію церкви и сословія, принявъ характеръ воспитательный, выразившійся и въ учебной сторонѣ, и въ цѣлой жизни учрежденія. Другое, удерживая отъ средневѣковой жизни одно только корпоративное начало и уступая болѣе вопіющимъ требованіямъ современной жизни, соединило въ себѣ чисто-научное съ прикладнымъ. Отстаивая упорно свободу и самостоятельность научнаго элемента, оно не разъ должно было уступать и вліянію церкви и бюрократизма; но устояло,—не сдѣлалось ни церковнымъ, ни сословнымъ, ни бюрократическимъ, и сохранило въ себѣ еще духовную связь наукъ и свою дорогую Lehr und Lernfreiheit. Третье, наконецъ, удержавъ отъ среднихъ вѣковъ одни берреты и тоги профессоровъ да названіе университета, поддалось совершенно централизирующей власти правительства, и сохранило научный характеръ, благодаря только способностямъ и прогрессивнымъ стремленіямъ націи. Университетъ, при этомъ направленіи, сдѣлался однимъ номинальнымъ и бюрократическимъ центромъ разныхъ учебныхъ учрежденій.

Что же такое нашъ университетъ въ Россіи?

Если трудно было сказать что-нибудь положительное и общее о современномъ университетѣ въ Европѣ, то еще труднѣе это сказать про нашъ. Въ немъ еще болѣе отрицательнаго, еще менѣе положительнаго. Онъ не есть учрежденіе ни реальное, ни свободно-научное, ни спеціальное, ни общеобразовательное, ни воспитательное, ни церковное, ни сословное, ни средневѣковое—корпоративное, ни филантропическое, ни чисто-бюрократическое.

Между тѣмъ каждое изъ этихъ началъ внесено въ него въ извѣстной степени. Положительнаго про нашъ университетъ можно сказать только то, что онъ есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ оттѣнкомъ и съ нѣкоторою примѣсью корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера. Созданный, какъ и большая часть германскихъ университетовъ, правительствомъ, онъ никогда не былъ такъ формально подчиненъ вліянію господствующей церкви, какъ многіе изъ этихъ университетовъ, хотя въ ученіи и не могъ отступать отъ догмы православія. Основанный сильною централизирующею властью, въ то время, когда образованіе нуждалось еще во внѣшнемъ поощреніи сверху, онъ по необходимости долженъ былъ принять въ себя бюрократическое начало, котораго рѣзкій формализмъ долженъ былъ, также необходимо, смягчиться и ослабнуть подъ вліяніемъ научнаго элемента. Не имѣя вовсе средневѣковыхъ преданій, возникшій въ обществѣ, вовсе не имѣющемъ цеховыхъ стремленій, нашъ университетъ никогда не могъ сдѣлаться ни настоящею корпораціею, ни настоящимъ сословнымъ учрежденіемъ. Но нѣкоторыя права и коллегіальное начало внесенное въ него уставомъ, а главное—одинаковость или сходство цѣлей, занятій, воспитанія и возрастовъ—успѣли развить въ немъ товарищество или что-то похожее на корпорацію; рѣзкое же различіе въ правахъ и образованности сословій сдѣлали его болѣе или менѣе сословнымъ. Устроенный по образцу германскихъ университетовъ, стремившихся къ свободѣ ученія, онъ не могъ получить опредѣленный, воспитательный характеръ. Но исключительно для него регламентированный полицейскій надзоръ заставилъ думать, что въ немъ дѣйствительно в о с п и т ы в а ю т с я молодые люди, также какъ бурсы, стипендіи и казеннокоштество могли заставить думать, что университетъ есть филантропическое учрежденіе.

При такой неопредѣленности характера и основныхъ началъ, еще менѣе опредѣленно должно было выразиться направленіе. Правительство, учреждая университетъ, очевидно, имѣло нужду и въ спеціалистахъ, и вообще въ образованныхъ людяхъ. Оно

желало черезъ университетъ получить и тѣхъ, и другихъ. Оно желало развить въ обществѣ присущую ему способность знать и умѣть приложить свое знаніе. Оно учреждало новые и преобразовывало существовавшій уже университетъ, въ то время, когда въ современномъ европейскомъ обществѣ начинали значительно развиваться утилитарныя стремленія, и потому прикладное должно было развиться на счетъ чисто-научнаго. Мало этого,—чисто-научное и не могло быть въ нашемъ университетѣ преобладающимъ началомъ. Онъ не былъ обязанъ, какъ нѣкоторые изъ средневѣковыхъ университетовъ, передовымъ людямъ общества. Духъ же и стремленія централизирующей власти и самый духъ націи болѣе благопріятствовали прикладному, чѣмъ чисто-научному. Не было ни борьбы направленій, ни духовной связи между факультетами, ни средневѣкового корпоративнаго элемента, который бы также стремился поддержать эту связь. Да и прикладное направленіе, не выработавшееся наукой на родной почвѣ, не могло развиться и идти прогрессивно впередъ. Поощряемое только извнѣ, искусственной регламентаціей государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопіющимъ его потребностямъ.

Итакъ, нашъ университетъ отличается совершенно отъ средневѣкового англійскаго тѣмъ, что онъ нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Нашъ университетъ похожъ только тѣмъ на французскій, что въ него внесенъ—и еще сильнѣе и оригинальнѣе—бюрократическій элементъ; но онъ не есть еще департаментъ народнаго просвѣщенія, какъ французскій, и факультеты въ нашемъ еще не лишены такъ взаимной связи, какъ въ томъ. Наконецъ, нашъ университетъ еще менѣе похожъ на германскій, который ему служилъ образцомъ, потому что въ немъ нѣтъ самаго характеристичнаго: полной Lehr und Lernfreiheit и стремленія научнаго начала преобладать надъ прикладнымъ и утилитарнымъ.

И вотъ, для насъ наступило время реформъ. Въ чемъ же должна состоять наша университетская реформа? Тутъ нѣмецкій вопросъ: ist es Ernst?—я думаю, не такъ ненуженъ, какъ оно, можетъ быть, кажется. З а п р а в д у можно дѣлать только то, что в н у т р е н н о н е о б х о д и м о и, при данныхъ условіяхъ, в о з м о ж н о.

Нѣтъ сомнѣнія, внутренняя необходимость въ опредѣленномъ направленіи и въ большей соотвѣтственности съ современными требованіями науки и общества ощущается почти всѣми, кому университеты близки къ сердцу или сколько-нибудь извѣстны. Даже и въ германскихъ университетахъ слышатся голоса о реформахъ. Въ нихъ нѣтъ уже прежняго наплыва студентовъ; утилитарныя школы многихъ уже отвлекли, да большинство и посѣщающихъ не остается вѣрнымъ университетскому призванію. У насъ, напротивъ, хотя число учащихся и растетъ, но врядъ ли находитъ то, чего ищетъ, и врядъ ли ищетъ того, что можетъ дать университетъ. Это потому, что направленіе нашего университета еще вовсе не опредѣлилось. Вакантныя каѳедры его трудно замѣщаются. Это потому, что внутренняя, динамическая жизнь университета слаба до чрезвычайности. Матеріальное существованіе его членовъ не обезпечено. Научныя и учебныя средства недостаточны. Это значитъ, что и матеріальная сторона университета также скудна, хотя и относительно. Итакъ, причинъ внутреннихъ, вызывающихъ реформу довольно. Но, несмотря на это, если мы будемъ откровенны, то согласимся, что все-таки самый главный толчокъ, заставившій у насъ такъ дѣятельно заняться реформою университета, былъ данъ обстоятельствомъ чисто-внѣшнимъ,—студенческими безпорядками. Оно внѣшнее потому, что не зависѣло отъ университета,—это я постараюсь доказать послѣ, если это еще требуетъ доказательствъ.

Но, какъ бы то ни было, если внутренняя необходимость реформы несомнѣнна, то другое дѣло—вопросъ о ея возможности при существующихъ условіяхъ.

Не говоря уже объ условіяхъ финансовыхъ,—безъ которыхъ ничего рѣ-

шать нельзя,—трудность его рѣшенія представляется еще съ разныхъ сторонъ.

Во-первыхъ. Если инціатива реформы въ правительственномъ университетѣ и принадлежитъ самому правительству, то всетаки она не иначе можетъ быть приведена въ исполненіе, какъ силами самого же университета. А существуютъ ли эти силы налицо?

Во-вторыхъ. Правительство, реформируя, должно постоянно сообразоваться съ тѣмъ, насколько реформа совмѣстна съ основными началами государства. Тутъ будетъ идти дѣло о томъ, какъ согласить требованія современной науки съ требованіями самого государства. А это возможно не вполнѣ, а только въ нѣкоторой степени.

Въ-третьихъ. Реформа предпринимается и для того, чтобы удовлетворить потребностямъ общества. Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не окрѣпло, гдѣ взгляды еще до того не установились, что университетъ является и учащимся, и отцамъ, и даже учащимъ, въ самыхъ разнохарактерныхъ, нерѣдко странныхъ, видахъ,—тамъ угадать истинныя потребности общества хотя и можно (смотря на него сверху), но удовлетворить, съ сознательною пользою для всѣхъ, едва ли возможно.

Не исполнивъ же этихъ трехъ условій, реформа не будетъ внутренняя и легко превратится въ одну внѣшнюю регламентацію.

Что же дѣлать? Не предпринимать реформы? Это значило бы отказаться отъ всякаго прогресса, который сдѣлался уже жизненною и потому безотлагательною потребностью. И если при реформѣ нельзя никакъ обойти эти три условія, то нужно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, что имѣло бы какъ можно болѣе шансовъ ихъ сгладить.

Всякая реформа есть экспериментъ. А въ новомъ экспериментѣ, какъ бы осторожно ни пробовали, всегда есть два черныхъ шара: или онъ будетъ сдѣланъ неудачно; или онъ окажется неспособнымъ разрѣшить ту задачу, для рѣшенія которой былъ сдѣланъ. Противъ первой неудачи могутъ помочь только личныя качества экспериментаторовъ, а противъ второй—правило: испробовать рѣшеніе не однимъ, а нѣсколькими путями, и особливо, когда имѣемъ передъ собою вопросъ сложный. Почему же и въ сложномъ дѣлѣ университетской реформы не испробовать нѣсколько путей? Почему бы реформа должна была у насъ выразиться непремѣнно однимъ и тѣмъ же уставомъ для всѣхъ университетовъ? Взгляды на значеніе университетовъ вообще не вездѣ еще установились, а наши университеты въ Россіи совсѣмъ не такъ одинаковы, какъ это можно заключить изъ того, что для нихъ пишется одинъ и тотъ же уставъ. Разлада и неурядицы отъ разнообразія университетовъ опасаться нечего. При разнообразномъ характерѣ одного и того же учрежденія правительственной власти еще легче убѣдиться, гдѣ, чѣмъ и почему лучше, или гдѣ, чѣмъ и почему хуже. Тутъ есть только одно кажущееся неудобство: это—то, что разнообразіе эксперимента, или реформы, противорѣчитъ началу централизаціи. Но въ дѣлѣ науки централизація и безъ того невозможна, а въ дѣлѣ управленія разнообразность университетовъ скорѣе поможетъ, чѣмъ повредитъ истинному, не-формальному, внутреннему порядку. Если различная организація и нарушитъ внѣшнюю связь университетовъ, зато скорѣе выработается изъ нея другая, внутренняя связь, которая болѣе удовлетворитъ требованію общества—знать и умѣть приложить знаніе къ дѣлу.

Итакъ, изъ трехъ условій, затрудняющихъ возможность коренной реформы нашего университета, первое—это адинамія, слабость жизненныхъ его силъ. Безъ воздѣйствія этой силы всякая реформа останется внѣшнею регламентаціею. Источникъ этой силы—наука, которая олицетворяется въ коллегіи профессоровъ. Но жизнедѣятельность коллегіи была такъ слаба въ нашемъ университетѣ, что она никогда не могла возстановляться сама собою. Правительство пытается возстановлять его періодически свѣжими силами и предотвращать безсиліе. Въ

теченіе 30 лѣтъ во второй уже разъ дѣлается эта попытка. Она, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что молодые волонтеры, болѣе или менѣе соотвѣтствующіе будущему ихъ призванію, высылаются разомъ,—en masse, въ заграничные университеты, для спеціальнаго образованія. Какъ бы ни казался искусственнымъ и даже насильственнымъ этотъ экспериментъ, онъ вызванъ необходимостью. На него указалъ старикъ Парротъ—и не ошибся. При второй регламентированной реформѣ, въ 1836 году, этотъ опытъ далъ средство отдалить, по крайней мѣрѣ на время, угрожавшую атрофію. Дерптскій университетъ, который тѣмъ отличается отъ другихъ русскихъ университетовъ, что онъ возобновляетъ свои силы, заимствуя ихъ прямо отъ Запада, казался тогда Парроту самымъ удобнымъ мѣстомъ приготовленія, искуса и сближенія будущихъ членовъ коллегіи. И въ этомъ онъ тогда не ошибся. Но онъ ошибся въ томъ, что думалъ найти въ этой попыткѣ такое средство, которое заставитъ жить наши университеты собственною жизнью. Второй опытъ, предпринимаемый ровно чрезъ 35 лѣтъ послѣ перваго, доказываетъ несостоятельность разсчета. Теперь уже, вѣрно, никто такъ разсчитывать не будетъ. Теперь нужно подумать, какъ бы упрочить жизнь коллегіи болѣе надежнымъ способомъ. Для этого нужно вникнуть, почему въ ней самой нѣтъ достаточнаго фонда производительной силы.

И вотъ, прежде всего, бросается въ глаза матеріальная сторона дѣла:—необезпеченное существованіе лицъ и недостатокъ средствъ. Какъ первое, такъ и второе, доказано уже математически. Но дѣло въ томъ, что эта причина, какъ бы она главною ни казалась, все-таки не главная. Увеличивая матеріальныя средства къ существованію и исполненію обязанностей, мы отнимемъ у людей поводъ и предлогъ дѣлать худое, но никакъ еще не сдѣлаемъ ихъ хорошими и, еще менѣе, лучшими. Правительство или общество, давая эти средства, получаетъ нравственное, внутреннее право—внѣшнее оно имѣетъ всегда—требовать точнаго исполненія извѣстныхъ обязанностей,—и только. Но кто не знаетъ, что въ дѣлѣ науки одно «исполненіе обязанностей», какъ бы оно ни было формулировано, еще не придастъ ей ни силы, ни жизни.

Профессоръ, аккуратно преподающій въ узаконенные часы, составляющій учебники, пишущій всѣ отчеты,—и потому имѣющій полное право требовать, чтобы и его существованіе, и его учебная дѣятельность, были обезпечены всѣми средствами,—можетъ быть, все-таки не тотъ, который необходимъ для самостоятельной и производительной жизни коллегіи. И потомъ, обезпечивъ только существованіе людей, мы никогда не отнимаемъ у нихъ желанія имѣть еще больше; а кто не носитъ въ себѣ призванія, кого высшая сила не удерживаетъ на пути къ нравственному совершенству, того нельзя удержать и деньгами на пути науки. Никакое огромное содержаніе не удержитъ, напримѣръ, врача отъ прибыльной практики и отъ отсталости въ наукѣ, если онъ самъ не имѣетъ научнаго призванія. Искатель выгодныхъ мѣстъ будетъ, и при обезпеченномъ существованіи, искать ихъ, также какъ и достаточный чиновникъ допуститъ злоупотребленіе за деньги, если его не будетъ удерживать нравственный взглядъ на себя и на общество. Кто не сдѣлалъ самоусовершенствованіе главною задачею жизни, того и обезпеченное существованіе не удержитъ на научномъ пути.

Мнѣ будетъ очень жаль, если мои мысли перетолкуютъ такъ, что я отвергаю необходимость увеличенія матеріальныхъ средствъ для существованія и занятій коллегіи; никто болѣе меня не убѣжденъ въ необходимости этого; я самъ много терпѣлъ и жаловался; но я также убѣжденъ опытомъ, что если, вмѣстѣ съ обезпеченіемъ существованія университетской коллегіи, мы не успѣемъ въ ней водворить еще другимъ способомъ научной жизни съ ея высшими стремленіями, то на одно улучшеніе матеріальнаго быта разсчитывать нельзя, точно также какъ нельзя разсчитывать и на то, чтобы усиленныя вспомога-

тельныя средства, богатыя библіотеки, обширные музеи, огромныя лабораторіи, одни могли возбудить интересъ и рвеніе къ наукѣ. Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются въ университетской жизни, какъ слѣдствія, а не какъ причины научной дѣятельности. Гдѣ господствуетъ духъ науки, тамъ творится великое и малыми средствами. Все это я привожу здѣсь потому, что не разъ слышалъ, какъ многіе приписывали главную причину апатіи и застоя въ нашей университетской жизни недостаточности матеріальныхъ средствъ.

Но, принявъ улучшеніе матеріальной стороны коллегіи, какъ одну изъ самыхъ существенныхъ потребностей, я предполагаю и въ отношеніи ея не дѣлать эксперимента однообразно. Для чего опредѣлять содержаніе не лицу, а должности,—тогда какъ въ университетской коллегіи главное—лицо, а не должность, духъ, а не форма? Вотъ талантъ, посвятившій себя всецѣло учебной дѣятельности; труды его уже обогатили науку; но они такого рода, что не могутъ ему принести никакой матеріальной выгоды. Онъ, кромѣ университетскаго содержанія, ни на что не разсчитываетъ, потому что отдаетъ все время и силы университету.— Вотъ другой: онъ приглашенъ, «за неимѣніемъ лучшаго», для замѣщенія каѳедры. Его занятія такого рода, что, кромѣ университетскаго содержанія, они доставляютъ ему еще огромные доходы и помимо университета, въ которомъ онъ «исполняетъ только аккуратно свои обязанности». Что же общаго между этими двумя личностями? Одинъ,—находка и пріобрѣтеніе для университета,—удесятеряетъ фондъ производительныхъ его силъ. Другой исполняетъ только должность.—Вотъ третій случай: профессоръ одного университета заслужилъ уже имя въ наукѣ. Его бы хотѣли имѣть у себя нѣсколько университетовъ. Онъ и самъ бы не прочь перемѣнить мѣсто, по домашнимъ обстоятельствамъ; но университетъ, который онъ предпочелъ бы другимъ, въ такомъ городѣ, гдѣ жизнь дорога. Будь у этого университета средства и онъ получилъ бы профессора, увеличивъ его содержаніе по взаимному договору. Родилось бы соревнованіе, которое оказываетъ такую пользу для германскихъ университетовъ, старающихся другъ передъ другомъ привлечь къ себѣ личности, знаменитыя въ наукѣ. Словомъ, логичность принципа—назначать въ университетскихъ коллегіяхъ матеріальныя вознагражденія по степени личныхъ заслугъ и таланта, а не по должности—неоспорима. Точно также неоспорима необходимость соразмѣрять и бюджетъ научныхъ вспомогательныхъ средствъ—по свойству каждаго предмета, а не поровну. Остается только рѣшить, насколько этотъ принципъ примѣнимъ къ нашему университетскому быту. Почему бы не ввести его, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ университетахъ, которые, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, труднѣе могутъ привлечь къ себѣ дѣльныхъ преподавателей, и потому не выдерживаютъ конкурренціи? Можно, наконецъ, если это уже такъ необходимо, сохранить и содержаніе по штату, давъ право университету увеличивать его изъ особеннаго бюджета, по договору съ лицомъ, которое коллегія желаетъ пріобрѣсти, и по разрѣшеніи министерства. Вѣдь признается же возможнымъ (какъ видно изъ проектовъ) назначать различное содержаніе приватъ-доцентамъ; почему же для приватъ-доцентовъ это можно, а для профессоровъ нельзя? Для чего упускать изъ рукъ средство, которымъ университетъ могъ бы привлечь къ себѣ лучшія и дѣятельныя силы, войдя въ частные договоры съ лицами, заслужившими себѣ авторитетъ въ наукѣ? Почему не воспользоваться этимъ средствомъ для привлеченія свѣжихъ силъ и изъ-за моря? Неужели въ наше время, когда международныя отношенія дѣлаются съ каждымъ днемъ сильнѣе, мы должны держаться узкаго взгляда на науку и общее достояніе всего человѣчества замкнуть въ ограниченные предѣлы національностей? Этотъ взглядъ (какъ видно изъ обсужденій проектовъ), еще существуетъ у насъ. Онъ, правда, существуетъ еще и на Западѣ. Но для чего намъ брать за образецъ узкую односторонность другихъ? Что насъ

можетъ заставить?—языкъ, нравы, религіи? Но мы считаемъ знаніе языковъ необходимымъ для нашихъ студентовъ, а для преподаванія многихъ наукъ чужестранный языкъ еще не помѣха. Къ національной разнохарактерности мы привыкли, а для вѣротерпимости у насъ нѣтъ препятствій: наши университеты—не церковныя учрежденія. Лодеръ, Франкъ, Фишеръ, Струве, Зейдлицъ, Бушъ, читая намъ лекціи на латинскомъ, нѣмецкомъ и ломанномъ русскомъ языкахъ, одушевляли аудиторіи и возбуждали любовь къ наукѣ въ слушателяхъ. Всѣ мы, любившіе родину не менѣе другихъ, предпочитали ихъ единогласно доморощеннымъ и кровнымъ русскимъ наставникамъ. Моя милость читала также лекціи цѣлыхъ пять лѣтъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ; нѣмецкіе слушатели,—пусть справятся,—слушали меня такъ же охотно, какъ и русскіе; а нѣмцы чувствительнѣе нашего къ грамматическимъ промахамъ и ошибкамъ въ произношеніи. Я теперь знаю одного профессора анатоміи, котораго я самъ вызвалъ изъ-за границы; онъ* уже 15 лѣтъ излагаетъ свою науку не на русскомъ языкѣ,—я не хвалю этого,—но знаю, какую онъ пользу приноситъ своимъ слушателямъ знаніемъ и ревностью къ наукѣ. Говорятъ, что ученые, вызванные изъ-за границы первою реформою нашихъ университетовъ, мало принесли выгоды нашему образованію. Это неправда! Они внесли свою долю образованія,—и долю значительную. Но они были призваны въ то время, когда не науки и не образованіе притягивали въ наши университеты студентовъ, а русская почва была тогда слишкомъ не по натурѣ западнаго ученаго. Я не утверждаю, что приглашеніемъ научныхъ авторитетовъ изъ-за границы мы упрочимъ духовную жизнь нашихъ университетовъ. Но безъ другихъ коренныхъ реформъ мы не упрочимъ ея и посылкою нашихъ молодыхъ ученыхъ за-границу. И то, и другое,—только вспомогательныя, палліативныя мѣры, и каждая изъ нихъ имѣетъ свои выгоды и свои удобства. Посылка за-границу есть сильное поощреніе молодежи къ дѣятельности и роднитъ сильнѣе науку съ націей; но результатъ для самой науки скрытъ въ будущемъ,—въ невысказанной еще способности будущаго ученаго. Ему предстоитъ уча учиться. Въ приглашеніи изъ-за границы авторитета есть уже порука за науку, но оно не даетъ ручательства за то, успѣетъ ли онъ ее сроднить съ націей. Одно другого стоитъ. Отдѣлить учебное отъ научнаго въ университетѣ нельзя. Но научное без учебнаго все-таки свѣтитъ и не грѣетъ. А учебное безъ научнаго,—какъ бы ни была для національности приманчива его внѣшность,—только блеститъ. Это не нужно терять изъ виду, и я возвращусь къ этому предмету еще разъ послѣ.

* Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ.

Поищемъ теперь другой, менѣе внѣшней и менѣе матеріальной причины, почему такъ слаба жизненная сила нашей университетской коллегіи, отчего она требуетъ такихъ сильныхъ періодическихъ реставрацій? Отчего силы ея не возстановляются постепенно и сами собою? Органическій ли это порокъ, или только нервная адинамія?

Она слабою родилась на свѣтъ; въ ея организаціи не было источника, откуда бы она могла черпать свѣжія силы, она не воспитывалась самостоятельностью; ея хилое тѣло тщательно предохраняли отъ заразъ и повѣтрій. Цѣлыхъ 50 лѣтъ употреблялись стимулы, чтобы поддержать ея жизнедѣятельность, и они сдѣлались такъ необходимы, что теперь, когда она выходитъ изъ своего младенчества,—боятся, устранивъ ихъ, повредить существованію. Между тѣмъ въ ней успѣли развиться такіе недуги, которые свойственны старческому возрасту.

Казалось бы, коллегіальное начало, внесенное въ ея организацію, должно было сдѣлать корпорацію крѣпкою и самостоятельною; но на дѣлѣ вышло не такъ. Это начало настолько же развиваетъ, насколько и само требуетъ извѣстной уже развитости. Вступая въ коллегію, каждый членъ долженъ умѣть цѣнить ее и, слѣдовательно, свое значеніе. Цѣль, инте-

ресы и достоинство коллегіи должны сдѣлаться и его цѣлью, его интересами, его собственнымъ достоинствомъ. Ни одна сторона ея, какъ бы она ни казалась отдаленною отъ индивидуальной дѣятельности каждаго члена, не должна быть для него недоступна. Каждый членъ долженъ быть проникнутъ мыслью, что малѣйшее отступленіе отъ главной и общей цѣли коллегіи неминуемо повлечетъ за собою разладъ интересовъ и униженіе достоинства. Каждый долженъ помнить, что его заблужденія, недостатки и страсти рано или поздно отзовутся, вмѣстѣ съ его голосомъ, въ рѣшеніяхъ коллегіи, и могутъ повредить всему ея строю и цѣлому поколѣнію людей. Все это, конечно, идеальная сторона дѣла, и потому неудивительно, что первичные, вовсе не развитые, элементы нашей университетской коллегіи мало подходили къ идеалу; но они также мало соотвѣтствовали и требованіямъ коллегіальнаго начала, разсматриваемаго съ чисто-житейской точки зрѣнія.

Неоспоримыя преимущества этого начала состоятъ въ томъ, что оно представляетъ болѣе шансовъ на сознательную разумность дѣйствій, поддерживаетъ въ лицахъ стремленіе къ достиженію общей пользы и устраняетъ личный произволъ. Но, несмотря на то, самое обыкновенное зло коллегій,—заражающее нерѣдко весь ихъ организмъ,—это преслѣдованіе личныхъ интересовъ, которые имѣютъ только то особенное, что они проявляются не подъ видомъ интересовъ одного, а нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ, и потому раздѣляютъ коллегію на нѣсколько партій. Этого рода партіи не должно, однако же, смѣшивать съ тѣми, которыя образуются отъ различія направленій. Первыя теряютъ изъ вида общую, главную цѣль коллегіи, унижаютъ ея достоинство, дѣлая ее орудіемъ мелкихъ интригъ и низкихъ происковъ. Вторыя, напротивъ, берутъ свое начало въ сильномъ, часто страстномъ, нерѣдко идеальномъ стремленіи достигнуть общей цѣли, такъ что самыя ихъ заблужденія нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ высокаго. Борьба ихъ, если она ведена неискусно, иногда кончается катастрофою и разрушеніемъ цѣлаго, но не униженіемъ, не нравственнымъ безсиліемъ.

Извѣстно, какъ личности въ коллегіи, хорошо организованной, группируются по направленіямъ, какъ крайнія изъ нихъ расходятся направо и налѣво, какъ въ самомъ центрѣ образуются оттѣнки и незначительные переходы къ крайностямъ и наконецъ, все веденіе борьбы основывается на умѣньи стягивать группы, пользуясь ихъ силою взаимнаго тяготѣнія, дѣлая взаимныя уступки въ пору, во время, и не во вредъ общей пользѣ и главной цѣли учрежденія. Гдѣ все это дѣлается, тамъ, значитъ, коллегія живетъ уже полною, самостоятельною жизнью.

Въ нашей университетской коллегіи есть также неизбѣжное раздѣленіе на партіи, но формула этого раздѣленія совершенно иная. Одну партію,—не скажу, къ чести коллегіи, что она самая значительная,—составляютъ преслѣдователи личныхъ интересовъ; вторую—прогрессисты, настоящіе и кажущіеся; третью — равнодушные. Здѣсь есть также различіе направленій, но основаніемъ ему служитъ не одно и то же начало: прогрессу не полагается, какъ охранительная сила, консерватизмъ, а личный интересъ,—и центръ составляетъ не умѣренность въ стремленіяхъ, а равнодушіе.

Прогрессисты, выработали уже болѣе отчетливый взглядъ на свое призваніе, на цѣль и значеніе коллегіи; но они покуда меньшинство и сами еще распадаются, по рѣзкимъ оттѣнкамъ въ направленіи, на нѣсколько малыхъ и даже единичныхъ группъ. На нихъ-то и обнаруживается сила тяготѣнія двухъ другихъ партій, и большинству нетрудно бываетъ, чрезъ нѣкоторыя уступки, разъединить эти группы. Противъ обаятельной силы личныхъ интересовъ, если они проникли въ большинство, устоять трудно. Еще легче ему бываетъ привлечь на свою сторону равнодушныхъ. Близкое каждому личное расшевелитъ легче равнодушіе, чѣмъ далекое, общее. Да и равнодушною я называю сторону

коллегіи только относительно, потому что она не такъ сильно и настойчиво проводитъ прогрессъ или личные интересы. Этотъ индифферентизмъ есть особенное явленіе, едва-ли не исключительно принадлежащее только намъ. Нельзя сказать, чтобы въ числѣ равнодушныхъ не было достойныхъ личностей, охотно занимающихся для себя наукою; но это натуры или слишкомъ добрыя, флегматическія и вялыя, или напуганныя и забитыя превратностями жизни, или не имѣющія вовсе общественнаго смысла. Ихъ еще можетъ разбудить личный интересъ, но волноваться ради общественнаго и высшаго имъ не подъ силу; особливо пугаютъ ихъ неизбѣжныя крайности стремленій; а наука, которою занимаются иногда прилежно, настолько не одушевляетъ ихъ, чтобы они могли увлечься этими стремленіями. Въ такомъ положеніи, вообще, теперь дѣло. Есть и нѣкоторые варіанты. Въ наше время, конечно, прогрессисты не могли не воспользоваться привлекательною стороною ихъ направленія; возбужденные духомъ времени, они сгруппировались и сдѣлались смѣлѣе. Но къ ихъ знамени нашли выгоднымъ для себя примкнуть и нѣкоторые изъ другой партіи, видя, что прогрессъ можетъ сдѣлаться хорошимъ проводникомъ и личныхъ интересовъ. Какъ это, впрочемъ, очень натуральное, явленіе ни затемняетъ свѣтлую сторону дѣла, оно все-таки знаменательно для жизни коллегіи, какъ и для жизни всего общества. Было время, когда знамя другого лагеря стояло въ коллегіи такъ высоко, что его нельзя было не замѣтить самому поверхностному наблюдателю. Было и такое время, когда университетская коллегія дѣлилась только на два лагеря, по національностямъ: на русскихъ или малоросовъ и нѣмцевъ. Прежде «нѣмецъ» въ нашей коллегіи значилъ или авторитетъ въ наукѣ, слишкомъ вліятельный по своимъ связямъ, слишкомъ во всемъ отличный, не имѣвшій ничего общаго съ другими, и потому ни съ какой стороны недоступный; или же страшный оригиналъ въ глазахъ русскаго; или, наконецъ, чиновникъ, обладающій—и въ веденіи коллегіальныхъ, и въ преслѣдованіи частныхъ интересовъ—недосягаемою для русскихъ аккуратностью.

Національный элементъ и теперь еще играетъ немалую роль; но въ немъ выражается уже болѣе сознательно извѣстное направленіе. Направленія сближаютъ теперь національности; однако же и въ наше время, въ нѣмецкомъ элементѣ коллегіи, и прогрессивность, и отсталость, и преслѣдованіе частныхъ интересовъ, и самое равнодушіе, имѣютъ все-таки особенный оттѣнокъ. Взгляды на жизнь, и при одинаковости направленій, какъ-то не сходятся, и это-то, вмѣстѣ съ другими, внѣшними условіями, въ каждой изъ трехъ партій коллегіи заставляетъ тотчасъ же отличать русскій и малорусскій элементъ отъ нѣмецкаго.

Понятно, что, при такомъ состояніи университетской коллегіи, въ ней не могло быть самостоятельной жизни. Правда, всегда велась, и даже сильно, борьба слишкомъ крайнихъ направленій и взглядовъ. Но участь рѣшалась не самою коллегіею, а за предѣлами ея власти. И прогрессисты, и искатели личныхъ интересовъ искали ее въ высшей инстанціи, съ которою коллегія не имѣла никакой духовной связи, а одну только чисто-служебную. Можно себѣ легко представить, какъ это одно нарушало независимость и препятствовало развитію самостоятельной жизни, не говоря уже о томъ, что коллегіи и закономъ не дано было достаточно независимой организаціи. Никто изъ членовъ не понималъ, что для жизни и дѣятельности не все равно: рѣшается ли возникшее въ ней разногласіе ею же самою, или лицомъ, поставленнымъ закономъ внѣ и выше ея. Партіямъ было все равно, какъ достигались ихъ цѣли, тѣмъ или другимъ путемъ, лишь бы достигались. Даже и тогда, какъ разность направленій начала выражаться яснѣе, никому и въ голову не приходило хлопотать о правильной, коллегіальной тактикѣ, группировкѣ партій и компромиссахъ. Искусства располагать большинство въ пользу дѣла разумными уступками, не вредя его сущности, этого искусства, безъ котораго немыслима дѣятельность ни одной коллегіи,

никто не хотѣлъ знать. И то сказать: и служебныя отношенія, и законы, и начальство въ коллегіи были не таковы, чтобы могли развить и укрѣпить ея самостоятельность. Начальникъ, услышавъ о преніяхъ, улыбался и говорилъ: «тамъ у меня спорятъ», а секретарь рѣшалъ нерѣдко все по своему. Искатели личныхъ интересовъ, люди уже по своему направленію болѣе практичные, дѣлались и болѣе вліятельными. Иногда же безгранично самолюбивый произволъ клонился на сторону прогрессивнаго меньшинства. Иногда и безъ участія коллегіи совершались дѣла истинно полезныя для науки, но не для самостоятельной жизни коллегіи. Университетъ былъ только по имени коллегіей. Ни преданіе, ни общественное мнѣніе, ни духъ времени и науки не поддерживали слабыхъ ея силъ. При такихъ условіяхъ не трудно было развиться тремъ злымъ недугамъ; непотизму, апатіи и бюрократическому формализму. Первымъ болѣютъ и лучше организованныя корпораціи; расположеніе ко второй кроется въ славянской натурѣ; третій родился отъ недостатка другихъ, болѣе высокихъ стремленій.

И вотъ, мы, наконецъ, дошли до того времени, когда реформа сдѣлалась для университета тѣмъ, что въ леченіи болѣзней называется: жизненнымъ показаніемъ. Правда, не всѣ терапевты этого мнѣнія; нѣкоторые еще предлагаютъ выжидательный способъ. Но старинное: «anceps remedium melius quam nullum»—едва ли здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Тогда это будетъ третья реформа, которую переживаютъ наши университеты въ теченіе 50 лѣтъ. Первую изъ нихъ можно бы было назвать—по Мухину—«кентрологической», потому что ученіе о стимулахъ служило ей основаніемъ. Оно служило и къ возрожденію, и къ рожденію. Вторая полезна была только тѣмъ, что при ней, хотя и не черезъ нее, вносились свѣжія силы въ университетъ и изгонялось уродливо-смѣшное. Кто вмѣстѣ со мною вспомнитъ, какъ, лѣтъ 35 тому назадъ, мы ходили на лекціи, чтобы посмѣяться, тотъ пойметъ меня. Но, къ сожалѣнію, эта реформа взамѣнъ комическаго принесла печальное. Ее можно бы было назвать, по тенденціи, анти-коллегіальною. Третья должна сдѣлаться коренною и жизненною.

Всѣ согласны въ томъ, что университетъ не можетъ быть не-коллегіальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, коллегія представляетъ болѣе ручательствъ противъ личнаго произвола; въ ней интересы каждой науки могутъ найти своего представителя; ею поддерживается связь наукъ и вырабатывается направленіе учебной дѣятельности. Итакъ, если нѣтъ лучшей формулы для научнаго и учебнаго учрежденія, то все вниманіе реформаторовъ должно быть обращено на организацію коллегіи. Организующія постановленія должны ее сдѣлать сильною, прогрессивною и производительною. Почти всѣ въ томъ также согласны, что для этого нужна автономія. Автономія воспитываетъ коллегію; она даетъ ей болѣе внутренняго содержанія, но не уберегаетъ отъ непотизма. Непотизмъ—болѣзнь всѣхъ корпорацій—ведетъ къ застою; застой—къ упадку. Противъ этого зла есть только два надежныя средства: общественное мнѣніе и хорошій резервуаръ свѣжихъ силъ.

Но насколько у насъ возможна автономія коллегіи? Этотъ вопросъ заставляетъ меня обратиться къ другому условію, которое затрудняетъ возможность полной реформы. Какъ согласить полную автономію коллегіи съ началомъ централизаціи въ государствѣ. Легко было учредителямъ средневѣковыхъ университетовъ дѣлать изъ нихъ status in statu. Тогда государственное начало было слабо, и государи и папы смотрѣли на университеты, какъ на сильные проводники своихъ интересовъ, и автономіи не трудно было развиться. Теперь—другое дѣло. Въ Старомъ Свѣтѣ, кромѣ англійскаго университета не осталось уже ни одного съ прежней автономіей, да и тамъ она уже сдѣлала уступки.

Теперь въ централизированномъ государствѣ вся автономія университета можетъ состоять только въ томъ, чтобы сдѣлать его какъ можно менѣе бюрократическимъ и какъ можно менѣе зависимымъ отъ бюрократіи. Ав-

тономія и чиновничество нейдутъ вмѣстѣ. Ученый, стремящійся къ независимости, это дѣло самое обыкновенное; чиновникъ съ этимъ стремленіемъ немыслимъ. Тамъ, гдѣ ученые —чиновники, а ихъ ученики—искатели чина, тамъ сейчасъ родятся такія понятія и отношенія, которыя рано или поздно превратятъ учебное мѣсто въ присутственное. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновною, она теряетъ свое значеніе. Говорятъ, что у насъ, при существованіи табели о рангахъ, вывести одни только университеты изъ этого строя—значило бы унизить образованіе въ глазахъ всѣхъ сословій. Но именно у насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его внѣ всего іерархическаго строя. Пусть свѣтится оттуда.

И что общаго имѣетъ дѣятельность корпораціи, соединенной въ одно цѣлое духовными интересами науки и взявшей на себя нравственную обязанность просвѣщать, съ дѣятельностью другихъ гражданскихъ сословій? Права этой корпораціи—въ свободѣ мысли и слова. Ея сила—въ силѣ правды. Ея призваніе сходно съ призваніемъ духовенства, которое потому-то на Западѣ и получаетъ, и распространяетъ свое просвѣщеніе въ университетѣ. Какъ бы гражданственность и образованіе у насъ ни были ничтожны, какъ бы почетъ и уваженіе ни были чиновны, какъ бы это чинопочитаніе ни было вкоренено въ понятіяхъ общества, университетъ, поставленный внѣ табели о рангахъ, не потеряетъ своего достоинства. Напротивъ, его исключительное положеніе заставитъ скорѣе смотрѣть на него, какъ на нѣчто высшее, болѣе нравственное и болѣе духовное. Теряя данное ему зависимостью, онъ выигрываетъ въ самостоятельности. Тогда, и только тогда, результаты духовной дѣятельности коллегіи заставятъ общество судить о ней не по правамъ ея на пріобрѣтеніе чиновъ, а по личнымъ ея достоинствамъ.

И, наконецъ, согласимся,—а не согласиться въ этомъ нельзя,—что чины и права на нихъ даны были нашему университету не столько для того, чтобы найти ему мѣсто въ государственномъ строѣ, сколько потому, что законодатель считалъ ихъ полезными стимулами. Примѣненіе къ нему извѣстной аксіомы: «ubi stimulus, ibi affluxus», принесло дѣйствительно извѣстную долю пользы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повредило внутреннему содержанію университета, поставивъ его въ ложное положеніе. Теперь мы уже убѣждены, что и безъ этого искусственнаго раздраженія приливъ свѣжихъ и здоровыхъ соковъ не прекратится. И если кто первый въ дѣлѣ новомъ долженъ дать собою примѣръ гражданскаго самообновленія, то это, вѣрно, университетъ. Выходя изъ строя, онъ выходитъ изъ ложнаго положенія, пріобрѣтаетъ самостоятельность и дѣлается нравственно выше. Это не значитъ, что онъ дѣлается вовсе безправнымъ. Во-первыхъ, автономія, если ей дадутъ должные размѣры,—уже настоящее и важное право; во-вторыхъ, право на свободу мысли и слова, которымъ университетская коллегія всегда, вездѣ и при самомъ стѣсненномъ положеніи общества, пользуется въ большихъ размѣрахъ; въ третьихъ, наконецъ, право раздавать и пріобрѣтать ученыя степени и званія, которыя, въ свою очередь, должны имѣть право на занятіе извѣстныхъ мѣстъ и должностей. За эти три преимущества университетъ смѣло можетъ отдать всѣ свои чиновническія привиллегіи.

Автономія въ широкихъ размѣрахъ, какъ это и нужно при коренной реформѣ, можетъ быть дана только университету децентрализированному. Тогда каждый университетъ могъ бы сдѣлаться высшею ученою и учебною инстанціею для всего края. Тогда и кругъ автономическихъ дѣйствій въ каждомъ изъ нихъ могъ бы быть различенъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, дознаннымъ изъ опыта. На министерствѣ лежала бы обязанность контроля за законностью дѣйствій. Тогда и членамъ университета, какъ высшей учебной инстанціи, нужно бы было предоставить участіе въ дѣйствіяхъ мѣстнаго училищнаго комитета. Министерство могло бы организировать контроль за правильнымъ

ходомъ университетскаго самоуправленія также различно, не придерживаясь одной общей для всѣхъ формулы: чрезъ попечительства, ревизіи, непосредственныя сношенія съ совѣтами.

При централизаціи границы самоуправленія съуживаются. Тогда каждый университетъ долженъ сообразоваться не съ мѣстными обстоятельствами, не съ потребностями, не съ убѣжденіями своего большинства, не съ обычаемъ и преданіемъ, но съ общимъ для всѣхъ россійскихъ университетовъ уставомъ. Невыгоды такого порядка вещей очевидны, и они гораздо важнѣе, чѣмъ кажутся. Думаютъ обыкновенно такъ: если ученой коллегіи предоставлено слишкомъ много самой распоряжаться, то стоитъ только испортиться большинству,—а это нетрудно,—и все пойдетъ худо; а ограничивъ ее различными предписаніями, распоряженіями, и стѣснивъ надзоромъ ближайшаго начальства, можно, во-первыхъ, усилить голосъ лучшаго меньшинства, а во-вторыхъ, можно поправить и большинство. Все это правда. Но бѣда въ томъ, что при этомъ способѣ худая коллегія, въ сущности, все-таки останется худою, а будетъ только лучшею казаться. И если, несмотря на всѣ административныя мѣры, дѣло не пойдетъ на ладъ, то виноваты будутъ распоряженія и законы, а не лица. Отъ этого ни университетъ, ни общество, ничего не выиграютъ; главное зло останется зломъ, только скрытымъ, менѣе чувствительнымъ, и въ рану никто не положитъ пальца. Не лучше ли же будетъ, если въ коллегіи самостоятельной, при порчѣ большинства, вся худая сторона дѣла обнаружится, какъ она есть. Тогда и обществу, и правительству, можно будетъ ясно видѣть, гдѣ кроется причина и что нужно дѣлать. Тогда вся отвѣтственность падетъ на лица. При такой автономіи, которая дастъ коллегіи возможность пользоваться всѣми обстоятельствами для общей пользы, то, именно, и отлично, что въ ней и хорошее, и худое, какъ на ладони, спрятать трудно, отговариваться нечѣмъ. Кому много дается, съ того много и взыскивается. Но если нашимъ университетамъ даны будутъ всѣ настоящія преимущества автономіи, то уставъ и не можетъ быть, въ сущности, для всѣхъ одинъ и тотъ же; останутся только однѣ, самыя общія для всѣхъ черты. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается вся сущность этой автономіи? Не въ правѣ ли располагать, по своему усмотрѣнію, бюджетомъ, распредѣлять его различно, сообразуясь съ потребностями; наблюдать за правильнымъ его употребленіемъ, выбирать изъ своей среды распорядителей, имѣть подъ своимъ наблюденіемъ всю административную часть университета; распоряжаться своею учебною дѣятельностью въ интересахъ науки и просвѣщенія края; и, наконецъ, отвѣтствовать въ законности и правильности своихъ дѣйствій, непосредственно, передъ высшею учебно-административною инстанціею? Но всѣ эти права могутъ ли быть даны, совершенно въ одинаковомъ размѣрѣ и одинакимъ образомъ всѣмъ университетскимъ коллегіямъ? И будетъ ли практично, вводя такую коренную реформу, разсматривать всѣ наши университеты въ ихъ statu quo, какъ учрежденія ничѣмъ другъ отъ друга не отличныя, потому только, что они до сихъ поръ руководствовались однимъ и тѣмъ же уставомъ? Не извѣстно ли, что каждый изъ нихъ все-таки имѣлъ такія особенности, которыя не разъ требовали отступленій, дополненій и даже измѣненій устава? Не видимъ ли и теперь, что въ иномъ, напримѣръ, вліяетъ уже преданіе, въ другихъ его вовсе нѣтъ; одними интересуется уже общество, другими—мало; въ однихъ ученая коллегія желаетъ принудительнаго, въ другихъ—свободнаго ученія; у однихъ бюджетъ больше, у другихъ—меньше? и проч., и проч. Для чего не дать возможности каждой университетской жизни выработаться и проявиться по своему? Развѣ мы не видимъ, какой благодѣтельный результатъ принесла просвѣщенію Германіи разнообразность ея университетовъ? Чѣмъ это будетъ противно, или вредно, нашему государственному устройству? Вводя новый порядокъ вещей, правитель-

ство не лучше ли можетъ и наблюдать, и сравнивать, въ разнообразіи формулъ всѣ ихъ выгоды и недостатки? Не облегчится ли въ будущемъ возможность улучшенія, выведенная изъ результатовъ, добытыхъ опытомъ и при условіяхъ хотя и не одинакихъ, но все-таки сходныхъ между собою?

Двумя правами, пріобрѣтаемыми автономіею, наши университеты, какъ видно, не хотятъ воспользоваться вполнѣ, считая ихъ или не слишкомъ важными, или опасаясь неурядицы, или наконецъ, не довѣряя себѣ. Это—право распоряжаться вполнѣ бюджетомъ и учебною дѣятельностью. Хотятъ непремѣнно заранѣе опредѣленныхъ штатовъ должностей и содержаній, присвоенныхъ должностямъ. Про одинакость содержанія лицамъ, посвятившимъ себя наукѣ и ученью, я сказалъ уже, что это способъ въ принципѣ несправедливый, да и на практикѣ нисколько еще не доказавшій особенныхъ преимуществъ. У насъ, какъ кажется, видятъ въ различномъ содержаніи причину распрей и зависти; въ германскихъ университетахъ сидятъ одинъ возлѣ другого профессоры, получающіе отъ правительства и сотни, и тысячи,—не ссорятся и не завидуютъ. Но и у насъ принимаютъ de jure и de facto различное вознагражденіе; а распредѣляютъ его по званіямъ и должностямъ, считая это не то что справедливымъ, а болѣе спокойнымъ. И у насъ экстраординарный, ничѣмъ не уступающій ординарнымъ, сидитъ спокойно вмѣстѣ съ ними;—это въ порядкѣ вещей, потому что для него не открылась еще ординарія, или потому, что онъ не докторъ. У насъ также никто не считаетъ предосудительнымъ, или неудобнымъ, прибавку жалованья профессору, исправляющему двѣ учебныя должности; но никто не хочетъ допустить, что должно дать болѣе содержанія тому, кто вдвое долженъ работать и вдвое менѣе получать, или тому, кѣмъ университетъ долженъ дорожить. У насъ еще непремѣнно хотятъ все, даже научныя заслуги и достоинства, цѣнить по штату и должностямъ. Также не хотятъ отстать и отъ штатнаго числа каѳедръ, говоря, что университетъ есть учрежденіе государственное, и если не опредѣлить штата, а принять принципъ замѣщенія по наличному числу достойныхъ кандидатовъ, то главнѣйшія каѳедры могутъ остаться вакантными, а другія—сдѣлаться дублетами,—и тогда для государства нельзя будетъ образовать ученыхъ по полной программѣ. Но вѣдь штатъ также не помогаетъ противъ вакансій!—вакантныя каѳедры все-таки существуютъ, и это еще хорошо, что существуютъ; это значитъ, что наши университеты и теперь, безъ автономіи, не черезъ-чуръ легки на выборъ, иначе охотники непремѣнно бы нашлись. Но если хотятъ заправду дать автономію коллегіямъ, то прежде всего нужно имъ довѣрять; а довѣряя, нельзя предполагать, чтобы постановленія штата были сильнѣе убѣжденій коллегіи, пріобрѣвшей автономію, или чтобы она не позаботилась всѣми силами о замѣщеніи какой-нибудь каѳедры основной науки, надолго оставляя ее вакантною. Если же и въ этомъ нельзя положиться на добросовѣстность нашихъ ученыхъ, то нечего и хлопотать объ автономіи. Если я привелъ, какъ примѣръ, что для образованія и науки лучше пусть одна каѳедра остается вакантною, если нѣтъ достойнаго кандидата, а другую пусть займутъ два авторитета, если они найдутся, то это и былъ только примѣръ, точно также какъ и то было только примѣрное указаніе противъ штатнаго числа каѳедръ, что нѣкоторыя науки, вовсе не вошедшія въ штатъ, могутъ, несмотря на него, родиться, а другія, вошедшія, умереть. Но, примѣръ, въ сущности, совершенно справедливъ, если только справедливъ мой взглядъ, что не каѳедры, не штатъ каѳедръ, не имена наукъ и не отвлеченія, а лица составляютъ главную силу и значеніе ученой и учебной коллегіи.

Самостоятельная коллегія—это, значитъ, такая корпорація, которая беретъ на себя нравственную отвѣтственность предъ правительствомъ и предъ обществомъ распространять науку и просвѣщеніе. Чѣмъ свободнѣе она будетъ располагать своею науч-

ною и учебною дѣятельностью и данными ей средствами, тѣмъ болѣе на ней отвѣтственности, тѣмъ болѣе въ рукахъ ея условій оправдать передъ лицомъ общества данную ей довѣренность. Она сама опредѣлитъ свой ежегодный бюджетъ, сама назначитъ себѣ штатъ каѳедръ, въ который, по крайнему своему разумѣнію, включитъ, конечно, все, что считаетъ необходимымъ, пользуясь примѣромъ и опытомъ другихъ коллегій, не насилуя своихъ учрежденій; она сама старается найти достойныхъ представителей для каждой науки и, въ случаѣ продолжительныхъ вакантныхъ каѳедръ, замѣщаетъ ихъ сама же, временно, по найму, или другимъ способомъ. Короче,—дѣлаетъ все также, что и теперь дѣлается, только лучше теперешняго, потому что будетъ дѣйствовать съ убѣжденіемъ и какъ лицо отвѣтственное. Этого нужно надѣяться, или, безъ этой надежды, лучше не вводить автономію. Да и само государство,—принимая даже, что его интересы противорѣчатъ интересамъ науки,—когда болѣе выигрываетъ: тогда ли, если университетъ ему дастъ подданныхъ, научившихся хоть одной наукѣ у дѣльныхъ и талантливыхъ наставниковъ, или тогда, если онъ заставитъ ихъ слушать и экзаменоваться у всѣхъ штатныхъ посредственностей? Я знаю, что и автономія не гарантируетъ отъ посредственности. Но въ обоихъ случаяхъ, и при автономіи, и при штатѣ, выборъ—въ рукахъ коллегіи; только въ первомъ ей предоставлено будетъ выбирать свободно по убѣжденію и по нравственной обязанности; а во второмъ она принуждена будетъ это дѣлать по предписанію и по штату. Въ которомъ же изъ двухъ случаевъ можетъ встрѣтиться скорѣе выборъ съ предикатомъ: «за неимѣніемъ лучшаго»?—Впрочемъ, нѣтъ никакого препятствія, и при полной автономіи, каждому университету составить для себя, по его научнымъ убѣжденіямъ, такой штатъ, какой ему кажется лучшимъ. И каждая автономическая коллегія должна отвѣчать передъ государствомъ еще болѣе, чѣмъ не-автономическая, что она по всѣмъ каѳедрамъ имѣетъ достойныхъ представителей науки. Вѣдь и при одномъ общемъ штатѣ, который войдетъ, какъ законъ, въ уставъ всѣхъ россійскихъ университетовъ, все-таки этотъ штатъ составится учеными и профессорами, по ихъ соображеніямъ, основаннымъ отчасти на сводѣ мнѣній различныхъ университетовъ, отчасти на собственномъ убѣжденіи. Отчего же предполагать, что эти же самые университеты, когда отъ нихъ потребовали,—то они могли составить для себя штаты, а когда это предоставили на ихъ волю, то не могутъ? Или отчего предположить, что убѣжденія ученыхъ составителей одного общаго штата непремѣнно справедливѣе убѣжденій, составлявшихъ частные штаты? Развѣ министерству народнаго просвѣщенія, при несуществованіи общаго штата, труднѣе будетъ, чѣмъ теперь, убѣдиться, почему какая-нибудь каѳедра остается вакантною? Какая цѣль автономіи? Почему само министерство убѣждается, что она необходима для нашихъ университетовъ?—развѣ не потому, чтобы возвысить нравственное достоинство коллегіи, придать ей болѣе силы? Чѣмъ же болѣе—спрашиваю—можетъ обнаружиться это достоинство, какъ не тѣмъ, что каждая коллегія будетъ сама заботиться о своемъ возстановленіи и о цѣлости всѣхъ, представляемыхъ ею, научныхъ интересовъ? Поэтому, чѣмъ болѣе дадутъ ей средствъ выразить себя свободно, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе можно будетъ о ней судить.

Мнѣ всегда казалась односторонней тенденція предотвращать закономъ зло, а не развивать добро въ гражданахъ, и направлять весь ихъ разумъ только на уничтоженіе существующихъ, или въ будущемъ возможныхъ злоупотребленій. Выходитъ обыкновенно такъ, что, какъ бы ни обдумывали и ни изощряли такое направленіе закона,—всегда окажутся непредвидѣнныя лазейки. Еще болѣе поразительно оно тамъ, когда новый законъ долженъ бы имѣть главною цѣлью поднятіе нравственнаго чувства его исполнителей и возвышеніе ихъ нравственнаго достоинства въ глазахъ общества. Имѣть же это въ

виду, въ отношеніи университетской коллегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять пунктуально ея штатъ,—это значить самому себѣ противорѣчить. Мы знаемъ всѣ очень хорошо, что злоупотребленія могутъ быть, и все возможное, если угодно, можно вычислить. Профессоры могутъ, если допустить ихъ распоряжаться самимъ бюджетомъ, дѣлить содержаніе между собою; тогда, чѣмъ меньше каѳедръ, тѣмъ выгоднѣе будетъ для нихъ; могутъ нарочно оставить одну каѳедру вакантною, чтобы посадить на другую двухъ—близкихъ къ сердцу; никто не согласится, пожалуй, признать другого, кромѣ себя, болѣе достойнымъ получать вдвое болѣе жалованья; возможенъ и откупъ на каѳедры. Это все можетъ быть; но тогда для чего же останавливаться и не предположить также того, что и выборъ на штатныя каѳедры будетъ дѣлаться за деньги, дипломы будутъ раздаваться также за деньги; короче — предположить лихоимство самыми обыкновенными пороками коллегіи и всѣ законы написать съ цѣлью самаго энергическаго противодѣйствія этому злу? Вѣдь мы всѣ знаемъ, что оно и a posteriori не невозможно въ коллегіяхъ. Но вѣдь мы также знаемъ, что дѣло не въ законѣ, который можно всегда обойти, а въ совѣстливомъ и разумномъ контролѣ за исполненіемъ закона. Кто же препятствуетъ учредить такой контроль? Кто мѣшаетъ не только имѣть его въ высшей инстанціи, но поставить возлѣ, сдѣлать его живымъ и основать не на одномъ бюрократическомъ началѣ, а также и на жизненныхъ интересахъ, въ которыхъ течетъ неисчерпаемый источникъ и зла, и добра? Но про это—рѣчь впереди; а теперь скажу еще одно слово про вознагражденіе по заслугамъ, а не по должностямъ. Что имѣетъ основаніемъ правду, того нельзя не повторять, даже и опасаясь надоѣсть. Если, въ самомъ дѣлѣ, бояться распространить автономію коллегіи до такой степени, чтобы она сдѣлалась оцѣнщицею и судьею собратскихъ по наукѣ заслугъ,—право, которое, въ сущности, она и теперь имѣетъ, когда возводитъ адъюнктовъ въ экстраординарные, экстраординарныхъ въ ординарные, ординарныхъ въ заслуженные,—то почему же не вмѣнить ей въ обязанность и не дать ей возможности вступать въ договоры съ лицами, достойными занять каѳедру, и о кондиціяхъ представлять на утвержденіе правительству? Неужели и тогда коллегія, опасаясь возбудить въ себѣ зависть или ложное самолюбіе, не захотѣла бы никого пригласить по договору, чтобы одному не дать болѣе, чѣмъ другому? Извѣстное minimum содержанія могло бы быть опредѣлено, и было бы, положимъ, штатное; число каѳедръ для каждаго университета, положимъ, также было бы опредѣлено; но коллегія, уполномоченная договариваться съ приглашаемыми лицами, могла бы, съ разрѣшенія правительства, увеличивать это содержаніе на счетъ особыхъ суммъ, опредѣленныхъ закономъ, для этой цѣли. Но и при такой ограниченной автономіи коллегія должна пользоваться распоряжаться суммами, остающимися отъ штатнаго содержанія, въ случаѣ вакансіи, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти суммы были употреблены въ уплату доцентамъ или приглашаемымъ преподавателямъ на время и по найму. До сихъ поръ вакантное содержаніе поступало или въ экономію университета, или на прибавку жалованья профессорамъ, взявшимъ на себя обязанность преподавать предметъ вакантной каѳедры, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Университетъ отъ этого мало выигрывалъ. Доценты при университетѣ должны бы, конечно, первые имѣть право на временное занятіе вакантной каѳедры по найму, и если бы, наконецъ, изъ нихъ никого не нашлось, то остающаяся сумма ни въ какомъ случаѣ не должна оставаться праздною или переходить въ экономію, а расходоваться на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій по вакантной каѳедрѣ. Но все это будетъ одно только pis-aller и должно уступить мѣсто полной автономіи, какъ скоро ея принципъ найденъ необходимымъ для жизни и благосостоянія университета.

Итакъ, я тогда только увижу университетскую коллегію живою, сильною и прогрессивною, когда: 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ; самъ, по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ, съ полною отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ; когда 3) самъ докажетъ, что съумѣлъ оправдать полную къ нему довѣренность государства, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ науки, въ лицѣ ея представителей; когда 4) наконецъ, взамѣнъ бюрократическаго элемента, съ его формализмомъ, рангами и привилегіями, внесетъ въ свою жизнь другой, ему родной—научный и духовный, доказавъ тѣмъ, что наука стоитъ у него выше предразсудковъ и самообольщенія.

Какъ бы ни казался мой взглядъ идеальнымъ, но я не перестану утверждать, что въ дѣлѣ духовномъ и нравственномъ, какъ просвѣщеніе, дѣятелямъ его нельзя довѣрять вполовину, и потому статутами нужно не ограничивать къ нимъ довѣренность, а направлять ее къ извѣстной цѣли.

Я знаю, что внутреннее состояніе, коллегіи, которое я изобразилъ, дѣйствительно таково, что не можетъ внушить полнаго довѣрія къ ея дѣятельности. Скажу болѣе: еще время очень близко къ намъ, когда проявлялись въ ней такія черты уродливой отсталости и терпима была преравнодушно такая полная апатія къ научнымъ интересамъ, что, вспоминая объ этомъ, невольно стыдишься за нее. Но, именно, все это зная изъ собственнаго опыта, и не должно увлекаться своимъ знаніемъ къ заключенію, которое, казалось бы, неминуемо изъ него слѣдуетъ. Вѣдь если-бы наша университетская коллегія была хотя издалека образцовою, то никто бы и не подумалъ дѣлать надъ нею эксперименты. Условія, въ которыхъ она была поставлена,—мы видѣли,—были такія, при которыхъ не могли въ ней не развиться самые рѣзкіе, самые вопіющіе недостатки. Теперь все дѣло идетъ только о томъ, должно ли удалить всѣ эти условія, или наполовину?—Я убѣжденъ, что взглядъ на полную автономію кажется идеальнымъ не потому, что въ основу его кладется полная довѣренность къ лицамъ, а потому, что онъ никакъ не подходитъ къ нашимъ понятіямъ о государственномъ учрежденіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, совмѣстить коллегіальное, децентрализированное и вовсе не чиновное самоуправленіе ученой и учебной коллегіи съ государственною и іерархическою централизаціею? Въ какія отношенія поставить ее къ попечительству, къ министерству, къ обществу? Но мнѣ кажется, что трезвость взгляда именно тогда и обнаруживается, когда смотрѣть прямо на цѣль. Если цѣль учрежденія—такого рода, что исключительно требуетъ свободы и самостоятельности для благихъ проявленій своей дѣятельности, то и положеніе его въ государствѣ должно быть исключительное; иначе это положеніе будетъ ложное, и никакія регламентаціи въ мірѣ не придадутъ живучести его дѣйствіямъ. Точно также и съ отношеніями къ высшимъ инстанціямъ. Что такое попечитель университета? De jure—начальникъ, обязанный приводить университетъ въ цвѣтущее состояніе, которое de facto зависитъ отъ его личнаго взгляда; одни изъ попечителей полагали его въ увеличеніи экономическихъ суммъ, другіе—въ постройкахъ и чистотѣ; всѣ знали, однако же, что оно зависитъ и отъ состава коллегіи. А чтобы улучшить этотъ составъ, попечитель долженъ былъ вмѣшиваться въ ея дѣла. Такое вмѣшательство лица, не обязаннаго, по закону, быть образованнымъ въ наукѣ, не могло обходиться безъ произвола, ставившаго его во враждебное положеніе къ коллегіи. Поэтому болѣе умѣренные ограничивались обыкновенно однимъ надзоромъ за дѣйствіями коллегіи и студентовъ, для которыхъ попечитель былъ высшею, и полицейскою, и судебною, инстан-

ціею. Если теперь коллегія пріобрѣтетъ автономію и получитъ право сноситься непосредственно съ министерствомъ, то роль попечителя опредѣлится сама собою. Онъ дѣлается контролеромъ безъ права на veto; правительство же, по указанію опыта, можетъ избрать и другую формулу контроля. Это значеніе мнѣ кажется такъ очевиднымъ, что я не понимаю, какъ тѣ, которые столько заботятся объ автономіи, не хотятъ между тѣмъ отличить начальство отъ контроля. Остаются еще отношенія попечителя къ студентамъ. Но вопросъ объ этомъ рѣшается различно, смотря по тому, останется ли университетъ централизированнымъ, или нѣтъ. Объ этомъ послѣ; здѣсь скажу только, что должность контролера, если на его рукахъ будетъ надзоръ за ходомъ просвѣщенія цѣлаго края, несовмѣстна съ должностью полиціймейстера, которымъ непремѣнно сдѣлается тотъ, кто возьметъ на себя надзоръ за студентами.

Скажу также, что теперь нельзя на этотъ контроль смотрѣть такъ легко, какъ прежде. Теперь нельзя думать, что за ходомъ просвѣщенія въ цѣломъ краѣ можетъ слѣдить всякій, кто только достигъ, по своему званію или чину, извѣстнаго положенія въ обществѣ. Дѣло, имѣющее такое высокое и духовное, и нравственное значеніе, требуетъ, кромѣ научной образованности и спеціальныхъ педагогическихъ свѣдѣній, еще особаго призванія, безъ котораго нельзя посвятить себя всецѣло занятіямъ, изъ всѣхъ самымъ сложнымъ и самымъ труднымъ.

Отношенія коллегіи къ высшей административной инстанціи—министерству просвѣщенія—опредѣляются также различно, смотря по тому, будетъ ли каждый университетъ руководствоваться своимъ уставомъ, или всѣ, по прежнему, получать одинъ общій. Въ первомъ случаѣ, министерству достаточно будетъ имѣть одну совѣщательную коммиссію экспертовъ; во второмъ—эта коммисія получитъ болѣе административный характеръ. Сношенія автономической коллегіи съ министерствомъ будутъ, во всякомъ случаѣ, непосредственныя,—это главное. Контролеръ, или попечитель, слѣдитъ за всѣми дебатами совѣта, которые должны быть непремѣнно гласные; требуетъ отъ него еще и другихъ, подробныхъ указаній для каждаго болѣе замѣчательнаго распоряженія, и сообщаетъ министерству свои собственныя заключенія о дѣлахъ университетской коллегіи, нисколько не останавливая этимъ ихъ хода и сношеній съ министерствомъ. Если же однажды принято, что коллегіальное начало всего болѣе соотвѣтствуетъ свойству научныхъ и учебно-административныхъ дѣлъ, если принято также, что многіе изъ нихъ окончательно рѣшаются въ министерствѣ, то учрежденіе при немъ совѣщательнаго ученаго или учебно-административнаго комитета я считаю совершенно послѣдовательнымъ и необходимымъ.

Если университетъ останется централизированнымъ, если автономія его будетъ ограниченная,—тогда рѣшеніе какого-нибудь учебно-административнаго вопроса въ одной коллегіи будетъ непремѣнно вліять на всѣ другія; принятіе какой-либо мѣры въ одномъ университетѣ нужно будетъ распространять и на другіе; это—извѣстное правило, неудобства котораго также извѣстны. Въ такомъ случаѣ, рѣшать въ высшей инстанціи дѣла и распоряженія коллегіи, имѣющія такое обширное значеніе, простымъ бюрократическимъ, а не коллегіальнымъ порядкомъ, значило бы грѣшить противъ самого принципа. Поэтому учебно-административный комитетъ при министерствѣ, состоящій изъ экспертовъ, будетъ учрежденіемъ существенно необходимымъ. Если предѣлы университетской автономіи будутъ расширены, если каждый университетъ будетъ руководствоваться своимъ уставомъ, то коллегіальный комитетъ при министерствѣ будетъ также слѣдствіемъ того же принципа, но приметъ характеръ болѣе совѣщательный. Составленный изъ спеціалистовъ въ наукѣ и экспертовъ, знакомыхъ съ университетами, комитетъ этотъ полезенъ не по одной только теоріи. Польза его доказана и на опытѣ. При министерствѣ народнаго просвѣщенія состоялъ уже по-

добный комитетъ, въ ограниченномъ только размѣрѣ, въ 40-хъ годахъ. Это былъ временно-медицинскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ д-ра Маркуса; я также въ немъ участвовалъ, и я думаю, что ни одинъ изъ медицинскихъ факультетовъ, которыхъ дѣла передавались министромъ въ этотъ комитетъ, не могъ пожаловаться на наши сужденія.—Почему?—понятно. Потому что въ немъ преобладалъ взглядъ на факультетскія дѣла не бюрократическій, а научный, и потому что всѣ прогрессивныя требованія факультетовъ находили и поддержку, и дальнѣйшее развитіе. Хотя при автономіи университетовъ большая часть дѣлъ и будетъ рѣшаться въ совѣтахъ и факультетахъ, но для министра совѣщательный комитетъ экспертовъ всегда будетъ нравственно-необходимымъ. Его необходимость особливо окажется, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если факультеты, несмотря на автономію, не въ состояніи будутъ пріискать дѣльныхъ преподавателей для занятія вакантныхъ каѳедръ,—а это можетъ случиться, и правительство вынуждено будетъ само, или чрезъ тѣ же факультеты, пригласить ученыхъ, на особенныхъ условіяхъ. Конечно, такое учрежденіе нарушаетъ принципъ автономіи университета, но настолько же, насколько онъ нарушается и существованіемъ самого министерства. Какъ и изъ кого будетъ составленъ этотъ комитетъ,—будутъ ли къ нему приглашаемы академики или профессоры изъ различныхъ университетовъ на извѣстное время,—это дѣло иное. Онъ, какъ и все на свѣтѣ, можетъ сдѣлаться и прогрессивнымъ, и отсталымъ, смотря по выбору.—Принципъ автономіи еще менѣе совмѣстимъ съ правомъ министра назначать профессоровъ, признаннымъ уставомъ при второй реформѣ университетовъ. Министры, какъ извѣстно, пользовались имъ рѣдко,—и вводить его въ новый уставъ я не вижу никакой необходимости. Но если содержаніе профессорамъ будетъ назначаться не по должностямъ, а по достоинствамъ и по договорамъ, то за министромъ останется право утверждать эти договоры и приглашать извѣстныхъ лицъ къ занятію каѳедръ по факультетскимъ представленіямъ или по представленіямъ ученаго совѣщательнаго комитета, если бы факультеты не имѣли въ виду ни одного достойнаго кандидата. Это дѣлается и въ германскихъ университетахъ. Опредѣливъ точно, какія дѣла могутъ быть окончательно рѣшены въ совѣтѣ и факультетѣ и какія должны восходить для рѣшенія въ высшую инстанцію, можно только тогда, когда опредѣлено будетъ, останется ли университетъ централизированнымъ, или нѣтъ. А этотъ важный вопросъ, какъ кажется, мало обращаетъ на себя вниманія.

Въ понятіи о централизаціи лежитъ уже стремленіе извлечь какъ можно болѣе общаго изъ частностей различныхъ университетовъ, и потому понятно, что составители общаго устава университетовъ всегда заботятся опредѣлить извѣстное число каѳедръ для каждаго факультета, съ извѣстнымъ содержаніемъ, число учебныхъ часовъ и общее для всѣхъ раздѣленіе учебнаго курса. Для чего? Не для того ли, чтобы никто не отступалъ отъ постановленій, признанныхъ для всѣхъ университетовъ необходимыми? Не потому ли, что отступленіе отъ нихъ считается уже чѣмъ то ненормальнымъ? Если такъ, то каждое постановленіе, хотя нѣсколько измѣненное, нарушаетъ уже нормальность и можетъ быть допущено не иначе какъ съ разрѣшенія высшей инстанціи, которая одна и можетъ судить, въ какой мѣрѣ это безвредно для цѣлаго. Допустить въ такомъ общемъ уставѣ возможность для каждаго университета или факультета дѣлать какія бы то ни было отступленія, не сносясь съ высшею инстанціею,—непослѣдовательно. Правда, есть и общее для всѣхъ университетовъ одного государства, но оно заключается не въ числѣ каѳедръ, не въ бюджетѣ, даже не въ числѣ факультетовъ. Это общее—права, которыми университеты пользуются въ государствѣ. Направленіе, учебная дѣятельность и отношеніе къ учащимся не могутъ и не должны быть во всѣхъ университетахъ одинаковы, потому что ни для

одного изъ этихъ трехъ условій не найдено еще нигдѣ абсолютной формулы. Она, можетъ быть, для насъ современемъ и найдется. Но для этого ее нужно отыскивать путемъ опыта. А опытъ,—я уже сказалъ,—тѣмъ скорѣе можетъ удаться, чѣмъ болѣе онъ будетъ многосторонен. И вотъ, вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ «общій уставъ россійскихъ университетовъ»,—то есть найти еще нигдѣ не найденное общее,—а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для «каждаго изъ россійскихъ университетовъ», которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества.

Но все хорошее, что я сказалъ объ автономіи университета, нисколько не отвело моихъ глазъ отъ худого. Я знаю очень хорошо, что она одна не предохраняетъ его отъ порчи и упадка. Нужно противодѣйствіе, но такое, которое, не мѣшая его свободной дѣятельности, препятствовало бы только развитію апатіи, застоя и непотизма.

Въ нашемъ малоразвитомъ обществѣ, и особливо провинціальномъ, столько парализирующихъ условій, наша жизнь такъ скудна возбуждающими стремленіями, наше самолюбіе такъ мелочно, искусственные его стимулы такъ мало приноровлены къ духовнымъ интересамъ, что у насъ всего труднѣе уберечь университетъ отъ апатіи и застоя. Непотизмъ, съ его системою протекцій, существуетъ вездѣ,—у насъ онъ только принимаетъ иногда грубыя и уродливыя формы, доходя даже до лихоимства, которое, какъ извѣстно, проявлялось не разъ въ нашихъ университетахъ подъ видомъ пансіонерства и т. п. Но противъ него или, по крайней мѣрѣ, противъ его уродливостей, много уже подѣйствуетъ улучшеніе матеріальнаго быта коллегіи и правительственный контроль, обращенный не на соблюденіе одной только законной формы, а на внутреннее содержаніе. Но несравненно труднѣе предотвратить апатію и застой, соединенные съ непотизмомъ. Противъ этого сложнаго зла, самаго страшнаго для самосоятельной жизни нашихъ коллегій, я считаю всякій экспериментъ не только позволительнымъ, но и единственнымъ средствомъ, обѣщающимъ хотя что-нибудь лучшее, такъ какъ употреблявшіеся до сихъ поръ палліативы: регламентація, предписанная закономъ, заботливость начальника о процвѣтаніи университета, и т. п. оказались вполнѣ несостоятельными.

Есть два только средства, которыя нужно испробовать: общественное мнѣніе и конкурренція. Но гдѣ ихъ взять? Начальство и регламентъ можно создать, а эти два развиваются не иначе какъ сами собою. Это правда; можно, однако же, многое сдѣлать для ихъ развитія.

Общественное мнѣніе для университета можетъ быть трехъ родовъ. Оно образуется или въ ученомъ свѣтѣ, или въ образованной части общества, или, наконецъ, между самими учащимися. Наши университеты поставлены совершенно внѣ мнѣнія западнаго ученаго свѣта; у насъ въ Россіи сфера его покуда ограничивается почти исключительно самими же университетами и академіею наукъ. У насъ мнѣніе одного университета, не смотря на общій уставъ, или, какъ я думаю, вслѣдствіе устава, мало вліяетъ на другой; между ними есть только одна формальная связь,—духовной же, или внутренней, не существуетъ. Еще менѣе вліяетъ академія на университетъ. Поэтому, гласность въ университетскихъ дѣлахъ и съѣзды профессоровъ у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, необходимы, если мы хотимъ развить общественное мнѣніе нашего ученаго микрокозма. Гдѣ и чѣмъ только можно, нужно способствовать у насъ этому сближенію. Я твердо убѣжденъ, что эта мѣра, сколько бы ей еще ни препятствовали наши дороги и разстоянія, такъ же существенно необходима для просвѣщенія, какъ и поѣздка за границу съ ученою цѣлью. То же самое думаю и о связи университета съ ака-

демiею. Мы живемъ въ такое время, когда сильно чувствуется необходимость въ сближенiи чисто-научнаго и прикладного, научнаго и учебнаго. Слышатся нерѣдко голоса, что наша академiя, съ ея чисто-научнымъ стремленiемъ, поставлена въ какое-то исключительное положенiе въ Россiи. Мнѣ кажется, эта исключительность зависитъ именно отъ недостатка связи съ учебною дѣятельностью нашихъ университетовъ. А въ этомъ-то отношенiи академiя и могла бы имѣть огромное и самое благодѣтельное влiянiе на наше просвѣщенiе. Я знаю, что укажутъ на Западъ; знаю, что препятствiя откроются не съ одной стороны; но, тѣмъ не менѣе, я не перестану утверждать, что наши молодые ученые, имѣющiе въ виду каѳедру, гораздо бы лучше были приготовлены къ дальнѣйшему усовершенствованiю въ заграничныхъ университетахъ и лучше бы напитались научнымъ духомъ, если-бы на нихъ было обращено вниманiе академiи. Правда, прежде былъ уже институтъ академическихъ элевовъ. Но онъ погибъ отъ несвоевременности. Итакъ, я полагаю, что и у насъ можно всетаки развить общественное мнѣнiе ученаго свѣта, крайне необходимое для университетовъ.

Общественное мнѣнiе нашего образованнаго меньшинства также слабо. Если мы вспомнимъ, что существованiе нѣкоторыхъ университетовъ едва извѣстно обществу; если вспомнимъ, что находились отцы, которые отдавали своихъ сыновей въ пансiонеры къ профессорамъ съ тѣмъ только, чтобы они ихъ выручали на экзаменахъ; если, наконецъ, подумаемъ, какимъ малымъ,—да и то болѣе наружнымъ, —уваженiемъ пользуются наши профессора, сравнительно, напримѣръ, съ германскими, то, конечно, усомнимся въ дѣйствительности нашего общественнаго мнѣнiя. Чины, при скудномъ жалованьи, вывели нашего профессора совсѣмъ изъ его колеи и прiучили общество, крѣпко придерживающееся iерархическаго начала, смотрѣть на него совершенно съ ложной точки зрѣнiя. Большая часть ищущихъ университетскаго образованiя, это—дѣти лицъ маловлiятельныхъ въ обществѣ; многiе изъ нихъ едва имѣютъ насущное пропитанiе. Направленiе учебной дѣятельности каждаго университета не приноровлено къ потребностямъ общества; все это не могло его сблизить съ университетами, и оно знаетъ про нихъ только съ внѣшней, дисциплинарной, да еще бюрократической стороны; а раздѣленiе просвѣщенiя въ государствѣ между различными вѣдомствами препятствовало обществу обратить вниманiе на университеты и гимназiи, какъ на главные разсадники просвѣщенiя. Сами университеты безгласные, несамостоятельные, ни нисколько и не зависимые отъ общества, мало заботились о его мнѣнiи; они его знали также съ одной матерiальной стороны.

Но если теперь настало для насъ время новой жизни, если правительства убѣдились, что они одни не могутъ за всѣмъ усмотрѣть и все сдѣлать для общества, то, значитъ, и пришло время поставить наши университеты въ другiя отношенiя къ обществу. Сдѣлавъ ихъ сколько можно болѣе самостоятельными, нужно ихъ еще сдѣлать общественными. У насъ наука—не то что на Западѣ; на нее нельзя смотрѣть съ одной только высшей точки зрѣнiя; нельзя видѣть въ ней и одну только прикладную сторону. Наша задача—обнародить ее всѣми средствами, которыя имѣемъ подъ рукою. А ихъ у насъ немного. Если мы не употребимъ для этого и университетовъ и дадимъ имъ одно чисто-научное, спецiальное, направленiе, или сдѣлаемъ ихъ спецiально научными учрежденiями, то—мы достигнемъ цѣли только вполовину. И въ Германiи, гдѣ есть тысяча другихъ средствъ распространить просвѣщенiе въ обществѣ, университеты всетаки употребляются, или сами себя употребляютъ для этой цѣли, и это не мѣшаетъ имъ быть прогрессивными и въ высшихъ областяхъ науки. Наши же университеты имѣютъ только порученiе отъ министерства финансовъ, за извѣстное вознагражденiе, читать публичныя лекцiи изъ нѣкоторыхъ прикладныхъ наукъ (физики, химiи, технологiи), но это дѣло, какъ из-

вѣстно, идетъ очень вяло и по нашему, то-есть какъ обязательное исполненіе предписаній высшаго начальства. Почему только однѣ прикладныя науки считаются полезными для публики? Почему въ однѣхъ столицахъ только профессоры приглашаются читать публичныя лекціи по другимъ предметамъ, а въ провинціяхъ,—гдѣ это гораздо нужнѣе,—публичные университетскіе курсы не входятъ въ обязанности университетовъ? Наши университеты привыкли считать себя до того государственными учрежденіями, что все ихъ вниманіе сосредоточилось на одну подготовку для государства людей съ дипломами, званіями и правами на чины, а на просвѣщеніе края и общества они смотрятъ какъ на дѣло для нихъ вовсе постороннее. Изъ этого вышло то, что для чистой науки они оказались еще мало воспріимчивыми; для прикладной—еще мало, а для общаго просвѣщенія—слишкомъ много спеціальными, да еще и слишкомъ замкнутыми. Между тѣмъ прямое назначеніе нашихъ университетовъ—это быть маяками, разливать свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтить. У насъ никто болѣе самого университета не могъ бы развить общественное мнѣніе, если-бы онъ взялъ на себя обязанность разъяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ теперь немало. Теперь, когда подняты и крестьянскій, и юридическій вопросы, и вопросъ о народномъ образованіи, университеты живымъ голосомъ могли бы распространять въ обществѣ болѣе здравыя понятія и болѣе убѣдительно, чѣмъ журналы и книги. Нужно увеличить вліяніе университетовъ и на гимназіи; это также усилитъ ихъ связь съ обществомъ. Я считаю, въ этомъ отношеніи, попечительскіе совѣты, педагогическіе институты и съѣзды учителей въ университетскихъ городахъ важнымъ шагомъ впередъ; но, мнѣ кажется, на нихъ смотрятъ еще легко и на дѣятельность ихъ не обращаютъ довольно вниманія. У насъ нельзя среднія училища такъ рѣзко отдѣлять отъ университета, какъ на Западѣ; намъ нужно стараться связать ихъ еще сильнѣе. Словомъ, нужно все употребить, чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣніе, необходимое для его жизни. Всѣ мѣры, однако-же, безъ гласности будутъ непрочны. Такъ, реформа какого-бы то ни было учрежденія, если она должна сдѣлаться дѣйствительно коренною, непремѣнно возбудитъ множество другихъ вопросовъ, повидимому, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. И вотъ, мы видимъ, что коренное преобразованіе нашего университета, безъ рѣшенія вопроса о свободѣ мысли и слова, невозможно. Прежде всего нужно сдѣлать науку независимою, а потомъ, чтобы противодѣйствовать апатіи и застою университета, и нужно поощрять гласность къ участію въ университетской жизни. Меня удивляетъ, напримѣръ, почему наши журналы такъ мало знакомятъ съ содержаніемъ профессорскихъ лекцій и такъ рѣдко подвергаютъ ихъ критическому разбору. Нашлось бы много такого, что, вѣрно, заинтересовало-бы публику; нашлись бы и настоящія curiosa. Автономія безъ гласности немыслима; безъ гласности она не устоитъ противъ своего начала, выродится и вынесетъ на свѣтъ одни недостатки.

Также немыслимъ автономическій университетъ и безъ общественнаго мнѣнія учащихся. Есть на свѣтѣ худыя книги, которыя много читаются, и худыя лекціи, которыя слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекція никѣмъ не слушается, то хорошими ихъ назвать нельзя; въ нихъ, вѣрно, есть что-нибудь не такъ. И мнѣніе читателей и слушателей всегда нужно узнать. Мнѣніе слушателей имѣетъ, конечно, свою слабую сторону, на которую и налегаютъ противники. Имъ бы хотѣлось, чтобы заставили читать и заставили слушать, что не читается и не слушается. Отъ этого, однако-же, если кто выиграетъ, то ужъ, вѣрно, не просвѣщеніе. Слабая же сторона заключается, во-первыхъ, въ томъ, что аудиторія можетъ быть еще не доросла или—что все равно—профессоръ переросъ аудиторію. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, ни онъ, ни она не могутъ остаться довольными другъ дру-

гомъ. Но очевидно также, что и ни онъ, и ни она невиноваты, и тутъ нужно одно изъ двухъ: или поднять, или спуститься. Если же самъ преподаватель не можетъ сдѣлать ни того, ни другого, то при свободной конкурренціи и при свободномъ ученіи найдутся другіе, а если только слушатели будутъ этимъ подготовлены, то безъ сомнѣнія аудиторія непонятаго прежде профессора не останется пустою, лишь-бы онъ былъ точно дѣльный. Чѣмъ болѣе, впрочемъ, гимназическое ученіе будетъ приноровлено къ требованіямъ университета, тѣмъ рѣже могутъ встрѣтиться подобные случаи. Во-вторыхъ, говорятъ, нельзя основываться на мнѣніи слушателей, потому что это значитъ вводить въ искушеніе преподавателей. Немногіе изъ нихъ не соблазнятся угодить своей аудиторіи и приноровиться къ ея вкусу. Но это возраженіе направлено противъ слабости человѣческой натуры вообще. Мы видимъ, что и тамъ, гдѣ коллегія, не обращая никакого вниманія на мнѣнія слушателей, безразлично смотритъ на профессора съ пустою и на профессора съ полною аудиторіею, все-таки не многіе находятся, которымъ бы не было пріятно видѣть у себя болѣе слушателей, а для этого иные стараются также привлечь на свои лекціи, а иные не стыдятся жаловаться начальству на пустоту аудиторіи. Этотъ horror vacui свойствененъ одинаково и прогрессистамъ, и отсталымъ. Желать и заботиться, чтобы привилось слушателямъ только содержаніе науки, это прекрасно; но требовать этого, во что бы то ни стало, невозможно. Для этого нужно еще воспитать свою аудиторію, а это дѣло дается не всякому. Принудительныя же мѣры не помогаютъ. Прежде для такого воспитанія заставляли насильно слушателей являться на лекціи, перекликали и запирали ихъ на ключъ, вмѣстѣ съ профессоромъ, но и это ни ни къ чему не повело; потомъ экзаменовали по нѣскольку разъ въ годъ, —это заставляло учиться для экзамена, а аудиторія все-таки не воспитывалась. Теперь, вѣрно, не наберется много охотниковъ испытать эти мѣры. Всего опаснѣе, наконецъ, когда слушатели начнутъ оцѣнять профессора по его политическимъ убѣжденіямъ. Это зло есть вѣрный признакъ настроенія умовъ въ цѣломъ обществѣ и оно никогда не беретъ своего начала въ университетѣ; оно никогда долго не господствуетъ въ университетѣ, а является періодически и сопровождаетъ перевороты и переходы. И потому, имѣя его въ виду и преувеличивая его значеніе, вооружаться противъ общественнаго мнѣнія учащихся—значитъ вырывать вмѣстѣ съ сорною травою травою и хорошую. Нѣтъ, университетъ обязанъ прислушиваться къ ихъ голосу, въ которомъ, несмотря на всѣ увлеченія, онъ всегда услышитъ довольно правды, чтобы оцѣнить достоинство своихъ преподавателей, и этотъ голосъ будетъ для него всегда однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ отсталости и застоя. Университетъ же автономическій безъ него вовсе неосуществимъ. Только благоразумію коллегіи должно быть предоставлено пользоваться этимъ средствомъ въ мѣру и въ пору. Основать сужденіе о достоинствѣ профессора на одномъ мнѣніи аудиторіи было бы и не у насъ несправедливо и ненаучно; не слушаться его вовсе—нелѣпо. Кромѣ отсталости и худого способа изложенія науки, о которыхъ слушатели судятъ вѣрно, по сравненію съ другими лекціями, иногда грубыя выходки и пристрастіе при испытаніяхъ вооружаютъ учащихся противъ наставниковъ; строгая же справедливость дѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, когда другіе экзаменаторы слабы изъ равнодушія, худо понимаемой снисходительности или заискиванія ложной популярности. Но все это дѣлается скоро извѣстнымъ, и виноваты, очевидно, не слушатели, а коллегія профессоровъ. Пусть она скажетъ себѣ: «врачу—исцѣлися самъ» и дѣйствуетъ,—какъ?—это ея дѣло; для этого ей и дается автономія. Итакъ, въ настоящее время нельзя не допустить слушателей въ нашихъ университетахъ къ заявленію ихъ мнѣній. Нужно только придумать для этого самую удобную формулу. Аппло-

дировать въ знакъ одобренія, какъ извѣстно, въ обычаѣ у французскихъ студентовъ, стучать пальцами по столамъ—у нѣмецкихъ; это допущено и считается только въ особенныхъ случаяхъ демонстраціею. Напротивъ, свистать, шикать и стучать ногами, въ знакъ порицанія, принимается всегда за демонстрацію, хотя на такъ-называемое «herausstrommeln» профессора, въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ смотрятъ довольно снисходительно, и дѣло обыкновенно кончается примиреніемъ. Какъ бы эти обычаи ни казались ригористамъ несоотвѣтствующими достоинству науки и слишкомъ разсчитанными на эффектъ, но они ввелись, и ихъ никто не считаетъ вредными. У насъ въ университетахъ этихъ обычаевъ прежде не было, и потому не было на нихъ ни запрещенія, ни дозволенія. А теперь —стали привлекательны. Привлекательно въ нихъ, конечно, право на выраженіе своего чувства и своего мнѣнія, которымъ всякій желалъ-бы пользоваться. Худого въ этомъ правѣ, если оно не клонится ни къ чьему вреду, нѣтъ; худое—въ его злоупотребленіи. Вѣрнымъ средствомъ противъ этого-то злоупотребленія и считается абсолютное запрещеніе всѣхъ знаковъ одобренія и порицанія. Запретить легко; но запретъ придаетъ порывамъ простого одушевленія, иногда непроизвольнымъ и вовсе незлобнымъ, серьезный характеръ неповиновенія закону. Я самъ въ молодости не разъ апплодировалъ въ парижскихъ госпиталяхъ хорошо сдѣланной операціи, и самъ слышалъ съ удовольствіемъ, какъ мнѣ апплодировали. Хотя въ домѣ болѣзней и страданій шумныя выраженія какихъ-бы то ни было чувствъ вовсе неприличны, но я хлопалъ и мнѣ хлопали вовсе не думая и не видя ничего худого, а просто увлекаясь. Другое дѣло — выраженіе порицанія на лекціяхъ. Въ этихъ выраженіяхъ заключается дѣйствительно худое — обида личности и самолюбія, иногда вовсе незаслуженная и возбуждающая противодѣйствіе. Порицаніе—всегда демонстрація, оскорбляющая достоинство и противная закону. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется болѣе надежнымъ не формально запрещать, а предоставить все дѣло благоразумію каждаго наставника. Каждый долженъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ охранять достоинство науки, порядокъ и тишину аудиторіи. Допустимъ, однако-же, съ ригористами, что всѣ эти внѣшнія выраженія чувствъ на лекціяхъ вовсе неумѣстны; согласимся, что аудиторія—не для чувствъ, а для мысли. Тогда все-таки нельзя отвергать у мыслящей аудиторіи права на мнѣніе. Я знаю, что не всѣ такъ думаютъ. Я зналъ, напримѣръ, нѣкогда одного заслуженнаго профессора который совѣтовалъ новичкамъ въ дѣлѣ преподаванія, какъ лучшее средство противъ застѣнчивости, считать свою аудиторію вовсе глупою, самъ же онъ гласно объявлялъ своимъ слушателямъ что они—бараны. Да и недавно я слышалъ отъ одного ученаго, что даже посланные университетами за границу не могутъ составить себѣ мнѣнія о достоинствѣ лекцій, которыя они посѣщаютъ. Но я увѣренъ, что такіе взгляды не возьмутъ верхъ при реформѣ нашихъ университетовъ. Итакъ, все-таки нужно будетъ дать университетской аудиторіи возможность выражать если не чувства, то мнѣніе приличнымъ и законнымъ образомъ. Иначе нужно ожидать выраженій незаконныхъ, взрывовъ и безпорядковъ. Гдѣ коллегія внушаетъ къ себѣ полное довѣріе въ учащихся, тамъ аудиторія слѣпо вѣритъ въ достоинство преподавателей, тамъ никто не заботится отыскивать формулу этого выраженія. Но у насъ избрать этотъ путь—значило бы попасть въ circulus vitiosus. Мы именно о томъ и хлопочемъ, чтобы создать еще коллегію, внушающую довѣріе. При гласности аудиторія можетъ выразить свое мнѣніе печатью; но и не доводя до этого, ей нужно дать право высказываться предъ коллегіей или предъ лицомъ ея представителей. Это право еще необходимѣе тамъ, гдѣ преподаватели—вмѣстѣ съ тѣмъ и экзаменаторы. Аудиторія можетъ изложить свои требованія на письмѣ или словестно, чрезъ депутатовъ.

Послѣ общественнаго мнѣнія оста-

ется еще конкурренція, какъ самое надежное средство противъ коллегіальнаго непотизма и застоя. Изъ всѣхъ средневѣковыхъ учрежденій корпорація профессоровъ подвергалась менѣе всѣхъ нападкамъ современныхъ стремленій. Если и образованіе осталось до сихъ поръ принадлежностью меньшинства, то наука осталась занятіемъ еще меньшаго меньшинства; и только тамъ, гдѣ научныя стремленія перешли границы требованій и общества, тамъ уже успѣлъ развиться ученый и полу-ученый пролетаріатъ. У насъ, сверхъ ожиданія, онъ также начинаетъ обнаруживаться, но не отъ избытка научныхъ стремленій, не отъ недостатка въ охранительной силѣ корпораціи, а отъ искусственной системы, на которой построены наши учебныя учрежденія. Онѣ—то манили къ себѣ правами, доставлявшими пропитаніе только тѣмъ, которые вступили въ государственную службу, то увеличивали не въ мѣру число студентовъ, соотвѣтствовавшее потребностямъ общества только во время катастрофъ. Бѣдняки всего болѣе привлекались въ нѣкоторые факультеты нашихъ университетовъ, отыскивая въ нихъ свою будущность. И вотъ, мы видимъ уже врачей, которыхъ едва уже доставало во время войнъ и холеры, теперь безъ куска хлѣба и вовсе лишнихъ для населеній, которыя не лечатся. Видимъ и учителей, и чиновниковъ безъ мѣстъ, а между тѣмъ все-таки чувствуемъ недостатокъ въ образованныхъ людяхъ. Конкурренція у насъ всегда и вездѣ распредѣлена страшно неравномѣрно: гдѣ ея слишкомъ много, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Такъ и въ нашемъ университетѣ. Число студентовъ растетъ непомѣрно, а конкурренціи для профессоровъ совсѣмъ нѣтъ, и профессорская коллегія страдаетъ не только застоемъ и непотизмомъ, но еще и атрофіею. Причину этого явленія объяснить не трудно. Учатся въ университетахъ не только у насъ, но и вездѣ большею частью для хлѣба и другихъ матеріальныхъ выгодъ. Мы это видимъ, напримѣръ, и въ Германіи. Въ германскихъ университетахъ число студентовъ съ каждымъ годомъ уменьшается именно по этой же причинѣ, по которой въ Россіи оно увеличивается. У насъ бѣдняку, хотя нѣсколько образованному, дорога чрезъ университетъ кажется еще самою выгодною, потому что дѣйствительно у насъ другой для него почти нѣтъ; въ Германіи же открылось множество реальныхъ школъ, а мѣста на государственной службѣ всѣ заняты съ излишкомъ, и учащіеся отхлынули отъ университетовъ въ другія техническія учебныя учрежденія, имѣя въ перспективѣ должности по частной службѣ. Итакъ, университетская коллегія для своего укомплектованія можетъ разсчитывать только на самый малый процентъ изъ числа учащихся. Процессъ образованія профессора совершается не такъ скоро; по времени онъ равняется, по малой мѣрѣ, времени образованія двухъ студенческихъ поколѣній. Единственное мѣсто для образованія профессоровъ въ Россіи составляетъ почти исключительно университетъ, и то для многихъ наукъ пополамъ съ грѣхомъ; а посылать за границу коллегіи часто не имѣли ни права, ни средствъ. Съ другой стороны, охранительныя корпоративныя мѣры заслоняли къ нимъ входъ. Мудрено-ли послѣ этого, что имъ грозитъ дефицитъ. При такихъ условіяхъ, если-бы каждый изъ членовъ, совершенно отрекшись отъ эгоизма и забывъ его правило: «aprés nous le déluge», сталъ всѣми силами заботиться о замѣщеніи своего мѣста молодымъ ученымъ, то и тогда бы это дѣло было не легкое. Что же теперь можно перемѣнить изъ этихъ условій? Очевидно—не время и не мѣсто образованія. Нельзя также заставить насильно профессора, чтобы онъ готовилъ себѣ будущаго преемника, хотя и можно бы было его подстрекнуть къ этой нравственной обязанности. Слѣдовательно, остается только или открыть болѣе входъ въ коллегію, или образовать возлѣ нея другую, менѣе корпоративную, съ входомъ въ нее болѣе открытымъ, или же, наконецъ допустить обѣ мѣры вмѣстѣ. Очевидно, что одно ослабленіе корпоративно охранительной системы если и увеличитъ число желающихъ вступить въ коллегію, то все-таки не

будетъ еще надежнымъ средствомъ противъ непотизма и апатіи. Нужно еще для этого создать оппозицію на самыхъ естественныхъ и самыхъ нравственныхъ началахъ. Нужно покровительствовать состязанію свѣжихъ силъ съ застоемъ. Поэтому учрежденіе института доцентовъ при нашихъ университетахъ сдѣлалось общею потребностью. Но сущность его представляютъ себѣ еще различно. Одни смотрятъ на него просто какъ на суррогатъ стараго адъюнкта. Адъюнктъ долгое время разсматривался въ нашихъ университетахъ какъ казенный исполнитель порученій профессора по учебной части: читалъ составленныя имъ записки и продолжалъ, по случаю болѣзни или отлучки профессора, прекращенныя лекціи; потомъ онъ сдѣлался самостоятельнѣе, исправлялъ должность менѣе зависимо, но никогда не принималъ участія въ дѣлахъ коллегіи, и только иногда призывался въ факультетъ для совѣщаній по своему предмету. Избранный обыкновенно по одной рекомендаціи своего патрона, онъ довольствовался своимъ незавиднымъ положеніемъ, только имѣя въ виду, что рано или поздно онъ все-таки сдѣлается самъ профессоромъ или опять чрезъ покровительство, или уже по привычкѣ къ нему всего факультета. Особенныхъ побудительныхъ причинъ къ усовершенствованію себя въ наукѣ не было; главный разсчетъ былъ основанъ на покровительствѣ. Профессору, даже съ высшимъ взглядомъ на свое призваніе, было какъ-то неловко отказать человѣку въ протекціи, котораго онъ самъ же взялся вывести въ люди. И tacito consensu было принято, что адъюнктъ долженъ современемъ занять мѣсто въ коллегіи. Были, разумѣется, блестящія исключенія; но вообще этотъ взглядъ на адъюнктство, я думаю, справедливъ. Итакъ, его нельзя разсматривать какъ разсадникъ свѣжихъ силъ, стоявшій возлѣ коллегіи и заключавшій въ себѣ всѣ условія, необходимыя для конкурренціи. Другіе допускаютъ организацію доцентовъ въ смыслѣ германскихъ университетовъ. Въ Германіи доценты по большей части подвергаются тяжкимъ условіямъ для вступленія въ коллегію профессоровъ, и конкурренція здѣсь очень далека отъ того, чтобы ее можно было назвать, хотя приблизительно, свободною. Для Германіи такой взглядъ совершенно справедливъ. У нея столько конкуррентовъ, что въ особенныхъ льготахъ и въ образованіи особеннаго института не было никакой надобности. И поэтому у нея доцентство находится совершенно въ рукахъ коллегіи. Для молодого ученаго въ Германіи уже большая награда, если ему коллегія дозволитъ состоять при ней безъ всякихъ другихъ матеріальныхъ выгодъ, въ надеждѣ обратить на себя ея вниманіе, и надобно удивляться, какъ нѣкоторые изъ доцентовъ, люди бѣдные, существуютъ, прилежно занимаются наукою и еще пишутъ, при самой малой аудиторіи, и при самомъ незначительномъ гонорарѣ. Есть такіе, которые живутъ такъ же, какъ бѣдные студенты. Безъ протекцій также не обходится; но общественное мнѣніе уже такъ сильно, что большихъ непотическихъ промаховъ сдѣлать нельзя или, по крайней мѣрѣ, трудно. Къ намъ, очевидно, эта система доценстства нейдетъ. У насъ, въ подражаніе Германіи, хотѣли ее вывести, да еще и вмѣстѣ съ адъюнктствомъ; но эта попытка, какъ извѣстно, не удалась. Теперь же, кажется, всѣ уже поняли, что доцентство и адъюнктство несовмѣстимы. Я еще въ 58-мъ и 59-мъ годахъ представлялъ объ этомъ мое мнѣніе министерству. У насъ должно организовать или, лучше, создать эту естественную конкурренцію на началахъ болѣе широкихъ, чѣмъ въ Германіи. Начнемъ съ того, что у насъ студенты вообще бѣднѣе. Въ Германіи священники, адвокаты, врачи и чиновники, посылающіе своихъ дѣтей въ университеты, относительно имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ наши; потому что жизнь для человѣка, ищущаго образованія, дешевле и приспособленнѣе, а университеты ближе. У насъ многіе, по бѣдности, не только не могутъ оставаться въ университетѣ такъ долго, чтобы получить высшую ученую степень, но едва оканчиваютъ курсъ, перебиваясь съ трудомъ и теряя время, въ ущербъ об-

разованію, на частные уроки и другія средства къ пропитанію. Такимъ студентамъ, конечно, рѣдко приходитъ въ голову ученая карьера; богатые избираютъ ее еще рѣже, а людей средняго состоянія немного.

И такъ, главнымъ средствомъ для того, чтобы увеличить число искателей каѳедръ, представляется съ перваго взгляда вспомоществованіе кончившимъ курсъ, если они пожелаютъ остаться при университетѣ. Но съ этимъ средствомъ вносится въ университетъ филантропическій элементъ, который неосторожно трогать нельзя. Если введутся стипендіи, то должно ввести и конкурсъ. Я сейчасъ скажу—почему. Конкурсъ до сихъ поръ не удавался, также какъ и доцентство; поэтому у насъ ему мало довѣряютъ. Но онъ не удавался потому, что не было конкуррентовъ; такъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Если же будутъ введены стипендіи, то конкурренты найдутся, я не сомнѣваюсь; какіе?—это другой вопросъ. Но однѣхъ стипендій мало, чтобы увеличить число желающихъ серьезно заниматься наукою. Для этого нужна еще живая сила: это—дѣятельность представителя науки, профессора. И на Западѣ, и у насъ, вездѣ замѣтно, что это число растетъ въ прямомъ отношеніи къ таланту преподавателя, его занятіямъ и умѣнью привлечь къ наукѣ. Теперь готовится новое поколѣніе профессоровъ; на нихъ будетъ лежать эта обязанность, и надобно надѣяться, что они поймутъ ея значеніе. Имъ нужно будетъ позаботиться, начиная свое поприще еще не съ увядшими силами, привлечь къ наукѣ такъ, чтобы послѣ можно было кого выбирать. Я знаю, что не только не всѣ профессоры, но и не всѣ науки пользуются одинаково привлекательною силою. Кромѣ этой силы и кромѣ конкурсовъ на стипендіи, есть еще одно матеріальное средство возбудить желаніе къ доцентству: сдѣлать перспективу ближе и лучше. Перспектива—это профессорство. Если вступленіе въ него будетъ л е г ч е, а матеріальный бытъ л у ч ш е, то охотниковъ, разумѣется, будетъ больше. Но первое имѣетъ ту важную невыгоду, что можетъ нарушить достоинство корпораціи, охраняемое замкнутостью. Охранительная система вредна для международныхъ отношеній, но въ ученую корпорацію безъ паспорта впускать нельзя,—это аксіома; вопросъ только въ томъ, какъ его выдавать. Я думаю такъ: дипломъ университета и другого высшаго учебнаго заведенія даетъ право на доцентство, но не право на стипендію, если получившій дипломъ уже прежде не обратилъ на себя вниманія университета своими занятіями и дарованіемъ. Вступая въ институтъ доцентовъ, онъ получаетъ право на конкурсъ и гонораръ, но съ этимъ вмѣстѣ становится подъ контроль университетской коллегіи и отвѣчаетъ передъ закономъ за направленіе, если оно окажется вреднымъ. По прошествіи извѣстнаго срока, который опредѣлитъ сама коллегія, онъ получаетъ и право на стипендію, если она его найдетъ достойнымъ. Мѣра достоинства опредѣляется числомъ слушателей, литературными, другими научными трудами доцента и значеніемъ для университета излагаемой науки. Если окажется нѣсколько претендентовъ на вознагражденіе, то объявляется конкурсъ. Если кто изъ такихъ приватныхъ доцентовъ желаетъ сдѣлаться ш т а т н ы м ъ, то-есть получить право экзаменовать на степень, то онъ долженъ самъ имѣть дипломъ на высшую ученую степень и, сверхъ того, подвергнуться конкурсу, даже въ томъ случаѣ, когда не будетъ другихъ конкуррентовъ. Правомъ голоса на экзаменахъ пользуются и тѣ приватъ-доценты, которые по недостатку стипендій не могли получить вознагражденіе отъ университета, а между тѣмъ исполнили два другихъ условія. Лица, и не бывшія приватъ - доцентами, но имѣющія высшую ученую степень и подвергавшіяся конкурсу дѣлаются штатными доцентами съ правомъ на стипендію. Правомъ голоса въ факультетскихъ собраніяхъ пользуются только тѣ штатные доценты, которые состояли при университетѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ и имѣли слушателей не менѣе профессора въ это время. Штатный доцентъ, пріобрѣтая право экза-

меновать, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ на себя обязанность преподавать извѣстные предметы по указанію факультета и пользуется за это стипендіею и гонораромъ. Отъ факультета зависитъ принимать доцента и ранѣе въ число членовъ и даже избирать въ профессоры, если онъ представитъ несомнѣнныя доказательства своихъ достоинствъ. Число стипендій каждый университетъ опредѣлитъ самъ ежегодно въ своемъ бюджетѣ, который утверждается министерствомъ. Онъ принимаетъ также и пожертвованія частныхъ лицъ на этотъ предметъ. Предметъ преподаванія, объемъ его, число часовъ, способъ преподаванія, опредѣляются самимъ приватъ-доцентомъ по частнымъ договорамъ съ слушателями. Гонораръ же опредѣляется, какъ и для профессорскихъ лекцій, по числу часовъ и получается черезъ университетское казначейство. Университетъ даетъ свои аудиторіи, а учебныя пособія выдаются приватъ-доцентамъ не иначе, какъ по опредѣленію коллегіи. Снабженіе же учебными пособіями штатныхъ доцентовъ обязательно; только рѣдкими или дорогими для науки и по цѣнѣ собраніями, инструментами, препаратами и т. п. они пользуются не иначе, какъ по согласію съ директорами музеевъ. Если же предметъ преподаванія требуетъ упражненій въ какомъ-нибудь спеціальномъ заведеніи (лабораторіи, анатомическомъ театрѣ), то издержки покрываются слушателями наравнѣ съ другими въ пользу заведенія. Права на стипендію остаются за доцентомъ, не принимающимъ еще участія въ дѣлахъ коллегіи, до тѣхъ поръ, пока аудиторія его не опустѣла. Число приватъ-доцентовъ неопредѣленное; число доцентовъ-стипендіатовъ зависитъ отъ суммъ, которыми будетъ располагать университетъ.

Итакъ, одинъ университетскій дипломъ открываетъ входъ къ доцентству при университетѣ; другой, вмѣстѣ съ конкурсомъ, даетъ право на вступленіе въ коллегію. Изъ этого видно, что я, во-первыхъ, принимаю только два ученыхъ званія; во-вторыхъ, считаю конкурсъ необходимымъ условіемъ и для полученія стипендіи, и для полученія другихъ коллегіальныхъ правъ; въ-третьихъ, наконецъ, открываю просторъ конкурренціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараюсь охранить и права корпораціи, давая возможность доцентамъ получать ихъ постепенно или по мѣрѣ заслугъ.

Я знаю,—два диплома, два ученыя званія, это покажется у насъ мало. Но посмотримъ на дѣло безъ всякаго предубѣжденія. Не правда-ли, что существуетъ только два рода экзаменовъ: на должность и на званіе? Первый, собственно, не касается университетовъ; и въ Германіи такъ-называемый Staatsexamen дѣлается весьма раціонально, въ особенныхъ комитетахъ, составленныхъ изъ спеціалистовъ и чиновниковъ. У насъ, по недостатку въ способныхъ экзаменаторахъ, нельзя еще этого сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ. Второй—есть существенное право университета, но несущественное условіе для полученія ученаго званія, потому что оно можетъ и должно пріобрѣтаться и другимъ путемъ, безъ экзамена. Всякій, кто научно-литературными трудами, опытностью, талантомъ пріобрѣлъ себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ, имѣетъ и нравственное право на ученое званіе. Испытываютъ не того, кого уже знаютъ, а того, кого не знаютъ; иначе экзаменъ теряетъ всякій смыслъ. Но должности раздѣляются на разряды; и ученыя званія, говорятъ, также нужно раздѣлить на степени, и каждую изъ нихъ опредѣлять экзаменомъ. Для чего же это нужно? Что значатъ эти различныя степени ученаго званія? Открываетъ-ли у насъ каждая изъ нихъ путь къ извѣстной должности или просто служитъ школьною мѣркою научныхъ познаній? Первое, хотя и не касающееся университета, имѣло-бы еще практическое значеніе, но извѣстно, что у насъ ученыя степени не составляютъ еще необходимаго условія для занятія государственныхъ должностей; второе не имѣло бы никакого примѣненія къ жизни. На дѣлѣ выходитъ, что эта градація человѣческихъ свѣдѣній была вызвана табелью о рангахъ, безъ которой на-

ши университеты не могли до сихъ поръ обойтись. Но если пришла уже пора научной самостоятельности университета, безъ искусственной приманки на чины, то разныя степени на ученыя званія теряютъ свой смыслъ. Останется только одна, которая даетъ право на вступленіе въ ученую корпорацію; она вездѣ называется докторствомъ.

Она одна, потому что вопросъ, на который она отвѣчаетъ, при экзаменѣ, одинъ, и именно такой: можетъ-ли испытуемый, по его свѣдѣніямъ, научнымъ заслугамъ, вступить въ корпорацію? Она отвѣчаетъ: да. Всѣ прочія степени, какъ бы онѣ ни назывались, будутъ званіями на должность, которыя мы только по нуждѣ удерживаемъ при университетѣ. Очевидно, чѣмъ менѣе ихъ будетъ, тѣмъ лучше для него. Вѣдь, кромѣ Китая, нигдѣ нѣтъ экзаменовъ на всѣ безконечные разряды должностей. Но, допустивъ одну только ученую степень,—мнѣ скажутъ,—мы сдѣлаемъ именно то, чего стараемся избѣжать: мы или слишкомъ затруднимъ входъ въ университетскую коллегію, если экзаменъ на эту степень будетъ очень требователенъ, или слишкомъ облегчимъ, если онъ будетъ слабъ; а избѣжать этихъ крайностей трудно, когда не будетъ другихъ, среднихъ и низшихъ, степеней. Мы убѣдились—скажутъ—изъ опыта, что требовать для профессуры докторской степени стѣснительно, и потому мы хотимъ открыть къ ней дорогу магистрамъ; какъ же можно уничтожить эту степень? Но, при всѣхъ этихъ разсчетахъ, мнѣ кажется, насъ стѣсняетъ чинъ. Намъ трудно представить, чтобы можно было разомъ шагнуть до VIII-го класса, не прошедши прежде хоть нѣсколькихъ ступеней іерархической лѣстницы. Это, я полагаю, и было когда-то главнымъ возраженіемъ противъ права держать прямо на доктора-медицины. Президентъ временнаго медицинскаго комитета, я помню, долженъ былъ, при введеніи новаго устава объ экзаменахъ врачей, математически доказывать, что они безъ этого права будутъ обижены въ чинопроизводствѣ на службѣ. Теперь возражаютъ уже другое: говорятъ, что университетъ, раздавая студентамъ докторскіе дипломы, унижаетъ ученое достоинство и расплождаетъ не въ мѣру докторовъ-медицины. Теперь хотятъ поправить слабость экзамена, зависѣвшую совершенно отъ факультета, несправедливостью, и запретить, чтобы никто не смѣлъ шагать слишкомъ скоро, несмотря на способности и средства. Какъ будто законъ мало требовалъ отъ экзамена; какъ будто запрещалось испытывать строго и безпристрастно? Забыто и то, что, 20 лѣтъ тому назадъ, я высказалъ въ обстоятельной запискѣ къ уставу. Никто не хочетъ понять, что уже первая медицинская степень даетъ самое существенное право — на жизнь и смерть; а достигнуть его, учась 5-ть лѣтъ и выдержавъ одинъ экзаменъ, считаютъ возможнымъ. Никто не вѣритъ, что ученость, какъ она ни трудна, дѣлается еще труднѣе, когда требуетъ опыта и искусства. Разсуждаютъ такъ: чтобы сдѣлаться ученымъ въ медицинѣ, нужно не менѣе 7-ми лѣтъ и двухъ экзаменовъ, а лечить можетъ и не ученый, проучившись только 5 лѣтъ и выдержавъ одинъ экзаменъ. Самое трудное, и то, что требуетъ много опыта, знанія и искусства,—то сначала. Нѣмцы—такъ тѣ дѣлаютъ наоборотъ: они сначала даютъ степень доктора, а право лечить—послѣ. Наконецъ, забываютъ, что прежде, когда медицинскій факультетъ не имѣлъ права дѣлать студентовъ докторами, докторовъ, правда, было меньше; но они не были лучше, и ни наука, ни просвѣщеніе, ничего не выигрывали. И эта сбивчивость взгляда все отъ того, что чины помѣшали намъ отличить званіе отъ должности. Въ университетѣ безъ чиновъ различіе разъяснится. Докторъ, какого бы то ни было факультета,—это званіе, съ которымъ не соединено понятіе о какой-нибудь опредѣленной должности. Учитель, профессоръ, лекарь — это должность съ опредѣленной обязанностью. Званіе это только цензъ на должность; а чтобы получить ее, нужно еще подвергнуться вы-

бору, экзамену или конкурсу. У насъ до того понятія о званіи и должности смѣшались, что, лѣтъ тому назадъ 25, университеты производили лекарей, а совѣтъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ — докторовъ. Эта сбивчивость довела насъ до того, что мы и теперь во всякомъ докторѣ-медицины непремѣнно хотимъ видѣть и лекаря. Отъ этого выходитъ, что у насъ и анатомъ, и физіологъ, непремѣнно долженъ быть и лекарь. Механизмъ чинопроизводства, съ его постепенностью примѣнился у насъ и къ университетскимъ экзаменамъ. Какъ никто изъ насъ не можетъ себѣ представить коллежскаго совѣтника, который бы не былъ сначала титулярнымъ и надворнымъ, такъ мы не можемъ себѣ представить и доктора, который бы прежде не былъ кандидатомъ и магистромъ. Не такъ давно еще у насъ въ университетѣ было столько же степеней и званій (числомъ 13), сколько чиновъ по табели о рангахъ. Къ чему же это служило съ научной или учебной точки зрѣнія?! Защитники этого порядка вещей видятъ въ немъ поддержку значенія и ученаго достоинства каждой степени. Судя по этому, нужно бы было думать, что нашъ докторъ, прошедшій всю ученую іерархическую лѣстницу и выдержавъ цѣлыхъ четыре экзамена (на степень дѣйствительнаго студента, кандидата магистра, доктора) —это верхъ учености; что почти всѣ наши профессоры — самые лучшіе представители европейской науки, что они, по крайней мѣрѣ, втрое и вчетверо стоятъ выше германскихъ профессоровъ, изъ которыхъ большая часть въ цѣлой жизни держала не болѣе одного или двухъ экзаменовъ на степень. Опытъ, однако-же, сколько это ни противно нашему самолюбію, не подтверждаетъ такого предположенія. Значитъ, экзамены не имѣютъ такой спасительной для науки силы, которую мы имъ приписываемъ. Значитъ, цѣль, которой мы хотимъ достигнуть, увеличивая число экзаменовъ, — чисто механическая. Мы хотимъ механически, одною численностью испытаній и количествомъ времени, затруднить достиженіе высшей ученой степени, требуя, напримѣръ, отъ доктора трехъ экзаменовъ и 8 или 9 лѣтъ ученія. И дѣйствительно, немногіе пользуются возможностью пріобрѣсти это званіе. Но не доказывается ли этимъ полное недовѣріе закона къ экзаменаторамъ, или экзаменаторовъ — къ самимъ себѣ? Не должно ли заключить изъ этого, что мы отказываемся рѣшить однимъ экзаменомъ, достоинъ ли такой-то, по его свѣдѣніямъ и способностямъ, получить званіе доктора: и потому прибѣгаемъ къ повторенію, съ увеличеніемъ каждый разъ нашихъ требованій. Но, я знаю, мнѣ скажутъ, что нѣсколько различныхъ экзаменовъ нужно удержать для тѣхъ, которые захотѣли бы остановиться на одномъ изъ низшихъ и не идти выше. Но для чего же тогда сохранять такую постепенность? Для чего не разсудить, напримѣръ, такъ: изъ четырехъ степеней двѣ (магистръ, докторъ) открываютъ дорогу въ университетскую коллегію и на службу, а двѣ—только на службу; въ каждой изъ двухъ, исключая разницу въ чинахъ, только одна имѣетъ существенныя преимущества; такъ, магистры и доктора имѣютъ оба одинаково право быть членами ученой коллегіи; оба могутъ быть прямо опредѣлены въ департаменты и канцеляріи министерствъ и отдѣльныхъ главныхъ управленій; и дѣйствительный студентъ съ кандидатомъ, оба, не имѣя правъ первыхъ двухъ степеней, могутъ быть опредѣлены по всѣмъ гражданскимъ вѣдомствамъ къ однѣмъ и тѣмъ же должностямъ. Слѣдовательно, изъ четырехъ степеней, существенно различныхъ двѣ: одна —болѣе служебная, другая— болѣе ученая. Правда, покуда различіе между ними только количественное, такъ какъ экзамены отличаются только степенью требуемыхъ свѣдѣній; но это потому, что экзаменъ на должности по гражданской службѣ, собственно, не дѣло университета и остается при немъ по нуждѣ. Неужели же, пристрастившись къ бюрократизму и къ принципу устрашенія числомъ испытаній и сроковъ,

мы должны для этого удерживать все ненужное число ученыхъ степеней?

Но наша незрѣлость —скажутъ— требуетъ еще опредѣлять экзаменомъ всѣ оттѣнки свѣдѣній. Безъ этого —скажутъ — знаніе останется безъ поощренія, станетъ наряду съ полузнаніемъ и заглохнетъ. Надобно признаться — тутъ есть доля правды. У насъ и полузнаніе еще въ ходу; у насъ и тотъ, кто кончилъ университетскій курсъ, не выдержавъ никакого экзамена, можетъ быть еще полезнѣе многихъ другихъ. И вотъ, отчасти это, отчасти состраданіе къ безвыходному положенію бѣдняковъ заставляло удерживать всѣ низшія степени учености и дѣлать изъ нихъ настоящее asylum ignorantiae. Поэтому не трудно объяснить, отчего иные хотятъ даже ввести прежнія три степени лекаря. Дѣйствительно, куда дѣвать тѣхъ, у которыхъ невѣжество переходитъ точку замерзанія? Такъ, если изъ двухъ степеней, нужныхъ для опредѣленія къ гражданской должности, оставить одну, положимъ, кандидата, то все, что выше нуля, можетъ еще войти въ нее, но куда помѣстить то, что ниже? Туда же? Это будетъ уже какъ-то неловко. Если руководствоваться такими соображеніями, то, конечно, нужно остаться при прежней системѣ. Но если принять другой принципъ, по которому экзаменъ разсматривается не какъ школьная оцѣнка всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ знанія цифрами и дробями, а какъ положительное рѣшеніе опредѣленныхъ вопросовъ словами: д а или н ѣ т ъ, степеней окажется всего-на-всего двѣ. Одна будетъ служить цензомъ для гражданскихъ, другая — для учено-учебныхъ должностей. Экзаменъ для первой (только по необходимости университетскій) будетъ отвѣчать на вопросъ: образованъ ли испытуемый настолько, чтобы занять с р е д н ю ю должность въ гражданскомъ вѣдомствѣ? (низшую могутъ занять и тѣ, которые только кончили курсъ въ университетѣ; а высшую—тѣ, которые получили ученое званіе или пріобрѣли опытность на службѣ). Экзаменъ для второй отвѣтитъ на вопросъ: имѣетъ ли испытуемый достаточныя свѣдѣнія для полученія права вступить въ университетскую коллегію? Да или нѣтъ? Одна будетъ званіе кандидата, другая—доктора.

А чтобы и тѣ не пропадали даромъ, которые прослушали весь курсъ наукъ въ университетѣ, но не держали или не выдержали экзамена, —пусть получатъ удостовѣреніе отъ университета съ правомъ занимать низшія гражданскія должности, пока сами не захотятъ снова подвергнуться одному изъ двухъ испытаній. Но почему одно изъ нихъ не можетъ существовать безъ другого; почему экзаменъ на доктора долженъ непремѣнно включать въ себѣ и экзаменъ на кандидата; для чего требовать, что нужно, не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ, колеблясь и недовѣряя себѣ?—этого я не понимаю, и въ пользѣ этой ученой инквизиціи, также какъ и всякой другой, убѣдиться не могу.

Возвратимся теперь къ доцентству. Оно, какъ оппозиція застою и непотизму, должно быть учрежденіемъ болѣе подвижнымъ, чѣмъ коллегія, которую оно снабжаетъ свѣжими силами. У насъ много студентовъ, а мало охотниковъ до профессорства; доцентство же еще совсѣмъ пусто. Такъ, измѣнивъ систему экзаменовъ, откроемъ настежь двери въ пустое мѣсто и скажемъ: пусть всякій, кончившій курсъ и выдержавшій экзаменъ въ какомъ бы то ни было высшемъ учебномъ заведеніи, вступитъ въ доценты; онъ получитъ и стипендію, если будетъ имѣть слушателей,—получитъ и право голоса на экзаменахъ, если предъявитъ дипломъ на ученую степень; можетъ, наконецъ, не только преподавать, получать стипендію и гонораръ, но участвовать на экзаменахъ и имѣть голосъ въ коллегіи, если въ два года докажетъ на дѣлѣ свои способности. А это могутъ доказать: его докторскій дипломъ, полная аудиторія, конкурсъ. Эти условія не стѣснительны и справедливы. Одинъ экзаменъ, хотя бы онъ назывался и «докторскимъ», выдержать не будетъ такъ

трудно, какъ теперь. Пусть будутъ докторами и тѣ, которые, по нынѣшнему, были бы только магистрами; сдѣлайте изъ докторскаго экзамена магистерскій,—въ этомъ бѣды нѣтъ никакой; чина не будетъ,—для науки все равно; магистръ для нея можетъ столько же сдѣлать, сколько и докторъ, а отличить ихъ знанія по экзамену,—для этого нормальныхъ логометровъ еще не найдено. Конкурсъ нуженъ для безпристрастія, разумѣется, тогда, когда есть на-лицо конкурренты; а если ихъ будетъ хотя двое, то они, вѣрно, сами захотятъ лучше гласнаго конкурса, чѣмъ скрытой баллотировки. Наконецъ, слушатели для доцента еще необходимѣе, чѣмъ читатели для автора. Но доцентство, безъ свободы выбора лекцій, безъ нѣмецкаго Lernfreiheit, неосуществимо. Итакъ, студентамъ предоставляется выбирать между профессоромъ и доцентомъ, когда оба читаютъ одинъ и тотъ же предметъ. Наше доцентство, покуда еще бумажное, можетъ быть, останется по-прежнему пустымъ, а можетъ и будетъ не въ мѣру полнымъ. Это рѣшитъ перспектива. Входъ въ корпорацію не будетъ замкнутъ тремя экзаменами; дойти до него можно будетъ и въ 5 или 6, а не по-прежнему—въ 8 или 9 лѣтъ. Итакъ, главное: будетъ ли привлекательна сама корпорація? Если, при ея самостоятельности, и существованіе каждаго члена будетъ болѣе обезпечено, чѣмъ теперь, то, я думаю, конкурренты явятся. А если будетъ ихъ слишкомъ много, то и это не худо: тѣмъ больше выбора. Экзамены, конкурсы, выборы —дѣла чрезвычайно эластическія. Ихъ регламентировать нельзя. Но изъ этихъ трехъ мѣрокъ знанія я предпочитаю все-таки конкурсъ. Противъ него можно сказать, что онъ не вездѣ удобенъ; но утверждать, что онъ—то же, что и выборъ, съ тѣми же самыми невыгодами, — это значитъ совсѣмъ не понимать его значенія. Въ немъ есть и экзаменъ, и выборъ, да и еще открытое соревнованіе. Пока нѣтъ еще конкурсовъ, то, разумѣется, и его нѣтъ. Онъ будетъ, когда будутъ на-лицо въ одной мѣрѣ извѣстные или въ одной мѣрѣ неизвѣстные по ихъ достоинству. У насъ, при лучшей обстановкѣ и университетскаго быта, которой мы въ правѣ ожидать отъ реформы, вѣроятно, встрѣтятся и тѣ, и другіе. Если доценты, изъ которыхъ коллегіи придется выбирать, будутъ баллотироваться безъ конкурса, то пристрастіе, настоящее или кажущееся, для доцентовъ, неизбѣжно. Каждый изъ нихъ будетъ всегда считать себя равно достойнымъ, а коллегіи не разсчетъ раздражать ихъ противъ себя. Конкурсъ же имѣетъ въ себѣ, для молодыхъ людей, то привлекательное, что онъ, въ глазахъ ихъ, всегда менѣе произволенъ, чѣмъ простой выборъ. Каждый кандидатъ на конкурсѣ получаетъ возможность высказаться и показать, сколько можетъ или сколько сумѣетъ, свое достоинство. Это одно уже удовлетворяетъ болѣе или менѣе самолюбіе. Всякій убѣждается своими глазами, что цѣнили его достоинства. Каждый, имѣя въ виду конкурсъ, готовится дѣятельнѣе. Это для конкуррентовъ. Но судьи—скажутъ—остаются все тѣ же и для конкурса, и для выбора. Конецъ концовъ — все-таки тотъ же выборъ, тотъ же взглядъ, тѣ же страсти. Правда; но на конкурсѣ закрытой или открытой баллотировкѣ предшествуетъ гласный и открытый актъ, который всѣмъ судьямъ даетъ въ руки важный матеріалъ для оцѣнки. Можно судить и по литературнымъ трудамъ, и по другимъ научнымъ заслугамъ, и даже вѣрнѣе. Но нагляднѣе конкурса нѣтъ ни одного средства. И вотъ, представляются три случая: или есть на-лицо два кандидата, оба извѣстные своими трудами и заслугами; или же есть двое неизвѣстныхъ; или, наконецъ, одинъ извѣстный, а другой готовый обнаружить свои способности и знанія на конкурсѣ. Первый случай можетъ встрѣтиться только въ центрахъ образованности, гдѣ наука процвѣтаетъ; онъ служитъ тамъ сильнымъ поощреніемъ таланта и дѣятельности; поэтому въ централи-

зованной Франціи конкурсъ былъ явленіемъ естественнымъ и знаменательнымъ для науки; въ Германіи, гдѣ много талантовъ, много учености, но гдѣ нѣтъ централизаціи, не было и конкурса. Второй случай чаще встрѣтится у насъ, если разовьется доцентство, хотя и всѣ доценты будутъ, болѣе или менѣе, извѣстны коллегіи, по числу слушателей, по личному знакомству съ профессорами, по ихъ занятіямъ; но конкурсъ приведетъ въ ясность ихъ достоинства для всей коллегіи, удовлетворитъ, какъ сказано, самолюбію кандидатовъ и представитъ коллегію болѣе безпристрастною въ ихъ глазахъ. Но еще лучше для просвѣщенія, для науки и для дарованія— тамъ, гдѣ представится третій случай. Тамъ разовьется истинное соревнованіе въ новомъ поколѣніи. Общественное же мнѣніе развивается всякимъ конкурсомъ. Закрытый выборъ, какого бы рода пренія коллегіи ему не предшествовали, все-таки, въ сущности, безгласенъ. Его можно сравнить съ судомъ инквизиціоннымъ, а конкурсъ — съ гласнымъ. И какъ бы ни были равнодушны и апатичны присутствовавшіе на конкурсѣ, они не могутъ молча положить шаръ, не сказавъ своего мнѣнія; какъ бы ни были пристрастны судьи, имъ недостанетъ духа возстать противъ очевидности; самая тонкая казуистика уступаетъ грубой наглядности факта. Поэтому-то и должно требовать отъ конкуррентовъ самыхъ наглядныхъ доказательствъ ихъ способностей. И нашъ нынѣшній конкурсъ par distance свидѣтельствуетъ, что наши университеты знали его только съ худой стороны. Я принималъ участіе только въ четырехъ конкурсахъ, и о двухъ знаю въ подробности по наслышкѣ. Я зналъ навѣрное, что между судьями были люди уже съ готовымъ мнѣніемъ, но я видѣлъ также ясно, какого труда имъ стоило проводить свой взглядъ, и какъ они принуждены были остановиться на половинѣ, уступивъ очевидности фактовъ. И такъ, если мы хотимъ, заправду, образовать у насъ общественное мнѣніе, возбудить соревнованіе и дѣйствовать противъ непотизма, то мы должны всѣми силами отстаивать конкурсъ и вводить его вездѣ, гдѣ только представится случай. Основываясь на этомъ убѣжденіи, я предлагаю его и для раздачи стипендій доцентамъ. Разумѣется, всѣ они захотятъ быть стипендіантами. Какъ судить тутъ? По одному числу слушателей? Это было бы односторонне. Это условіе слишкомъ подвижное, число нерѣдко колеблется; а по конкурсу коллегія лучше познакомится съ достоинствомъ доцента и покажетъ себя болѣе независимою въ глазахъ студентовъ. Но эта независимость, однако-же, не должна превышать мѣру, и число слушателей всегда должно оставаться на передовомъ планѣ. Но для этого конкурсы непремѣнно должны быть публичные. Превратныя понятія о конкурсѣ у насъ образовались отъ того, что его никогда не дѣлали серьезно. Его обыкновенно считали за одно съ формальнымъ чтеніемъ пробныхъ лекцій нашими адъюнктами; а это, извѣстно, дѣлалось такъ: сначала выбирали адъюнкта, потомъ задавали тему и заставляли его читать въ присутствіи факультета и членовъ совѣта одну или двѣ лекціи, на одномъ, двухъ и даже трехъ языкахъ (самъ былъ свидѣтелемъ), и все дѣло оканчивали tacito consensu. Я знаю, что все можно испортить; можно и конкурсъ сдѣлать хуже выбора; но не нужно говорить, что онъ въ принципѣ то же, что выборъ. Лишь бы явились доценты, а тамъ увидятъ, что безъ конкурса нельзя будетъ регулировать ихъ отношенія къ коллегіи. Послѣ выдержаннаго конкурса доцентъ получаетъ право экзаменовать; безъ этого нельзя разсчитывать на успѣхъ. Какъ бы жизненное условіе доцентства — выборъ лекцій самими слушателями — ни былъ свободенъ, какъ бы лекціи доцента ни казались студенту полезнѣе профессорскихъ, онъ всегда предпочтетъ профессора доценту, если-одинъ будетъ давать свой голосъ на экзаменахъ, а другой — нѣтъ. Это такъ въ гер-

манскихъ университетахъ, но тамъ нужно доцентство сдерживать, а у насъ — поддерживать. Кто поручится слушателю, что профессоръ не косо смотритъ на доцентскую аудиторію и, при экзаменѣ, нисколько не намѣренъ выместить свое неудовольствіе? Дай Богъ, чтобы этого никогда не было; но и наводить на такія мысли не нужно. Тоже и съ гонораромъ, безъ котораго осуществить доцентство едва-ли возможно, хотя это будетъ камнемъ преткновенія. Если останется наша теперешняя система платы за ученье, при которой профессоръ ничего не получаетъ за лекціи, а лекціи доцентовъ будутъ обложены гонораромъ, то опять преимущества остаются на сторонѣ профессора. На его сторонѣ —и авторитетъ, и ученыя пособія. Доцентство не выдержитъ конкурренціи. Наша плата за ученіе въ университетахъ введена, какъ извѣстно посвященнымъ въ дѣло, случайно, по поводу ремонта университетскихъ зданій, и собственно не имѣетъ отношенія къ ученію. Правда, съ нѣкотораго времени часть суммы, составляющаяся изъ этой платы, расходуется на учебныя пособія, на поѣздки профессоровъ за-границу и т. п.; но первобытное ея назначеніе былъ все-таки ремонтъ. Теперь, возможно ли, при свободѣ ученія, которое есть conditio sine qua non университета, чтобы студентъ ежегодно вносилъ равную плату за ученіе? Это будетъ тогда пошлина за право учиться въ университетѣ. Такъ оно теперь и есть. Будь это дѣйствительно плата за ученіе, то на какомъ основаніи учащійся платитъ одно и то же, читаются ли ему всѣ положенныя науки, или нѣтъ? Каѳедра, напримѣръ, годъ и два, три, стоитъ вакантная; ему или совсѣмъ не излагаютъ науку, или не вполнѣ, а онъ все-таки платитъ одно и то же. Или: за что съ него требовать, и въ настоящемъ, и въ будущемъ году, ту же плату, когда онъ въ 62-мъ году выбралъ для своихъ занятій только два, а въ 63-мъ—четыре предмета? Въ 62-мъ студентъ хотѣлъ практически заняться химіей или анатоміею, и не могъ посѣщать болѣе двухъ лекцій; или онъ не былъ при деньгахъ, и не могъ болѣе платить, какъ за двѣ. Въ 63-мъ его обстоятельства поправились, и онъ охотно вноситъ за четыре. Положимъ даже, что нынѣшняя оптовая плата за ученіе такъ умѣренна, что въ сложности,—въ теченіе цѣлаго курса,—не будетъ превышать платы дробной, за каждый предметъ; но вѣдь для небогатаго не все равно, заставятъ ли его платить 20-ть рублей разомъ, когда онъ можетъ заплатить только 10-ть, или позволятъ ему распорядиться годовымъ бюджетомъ такъ, какъ ему выгоднѣе. А для ученія развѣ это хорошо, если меня въ одномъ году заставляютъ слушать и платить за слушаніе четырехъ или пяти предметовъ, тогда какъ меня, что называется, тянетъ заняться однимъ или двумя? Итакъ, дробная плата, очевидно, и справедливѣе, и болѣе приспособлена къ свободному ученію. Но если она введется, то такса за лекціи должна быть одна и та же, какъ для профессора, такъ и для доцента. Тогда деканъ, съ согласія факультета, долженъ объяснить всѣмъ вступающимъ въ университетъ, какъ, по его мнѣнію, они должны распредѣлить свое ученіе, въ какой послѣдовательности должны проходить одну науку за другою. Но это будетъ только совѣтъ наставниковъ, не болѣе. Гонораръ вносится въ казначейство, и тамъ составляются списки, по которымъ можно бы было судить о числѣ слушателей каждаго профессора и доцента. Освобожденіе отъ платы будетъ зависѣть, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ самого правительства, во всѣхъ другихъ—отъ совѣта, который долженъ руководствоваться положительными правилами. Частныхъ сдѣлокъ объ освобожденіи съ профессорами и доцентами допустить нельзя. Это дастъ поводъ къ различнымъ столкновеніямъ и ложнымъ слухамъ. Для общей пользы учрежденія лучше будетъ, если коллегія возьметъ на себя и хорошую, и худую сторону дѣла. Экзаменъ не нужно вмѣшивать въ освобожденіе отъ платы.

Опытъ показалъ его несостоятельность. Какъ ни мало надежды на наши testimonia paupertatis, несмотря на печати и подписи, но все-таки не остается другого средства, какъ принять только бѣдность,—хотя бы и мнимую,—за принципъ освобожденія. Отцы, если бы они болѣе заботились о своихъ дѣтяхъ, могли бы узнать, что сыновья прогуливаютъ плату за ученіе и потомъ просятъ отсрочекъ; а вмѣсто этого сострадательные родители сами хлопочутъ достать свидѣтельство о бѣдности и потворствуютъ праздности и разгулу.

Но, вотъ, предположимъ, доцентъ обезпечилъ себя стипендіей и гонораромъ, получилъ право экзаменовать и сдѣлался уже участникомъ въ дѣлахъ коллегіи; теперь рождается вопросъ: какъ сдѣлаться ему профессоромъ? На чемъ основать его выборъ? Опять на конкурсѣ или просто на баллотировкѣ?

Этотъ вопросъ заставляетъ меня возвратиться назадъ. Я не могу себѣ иначе представить хорошо организированный университетъ, какъ съ полнымъ правомъ распоряжаться своимъ бюджетомъ и съ полною отвѣтственностью передъ закономъ, совѣстью и наукою въ правильности своихъ распоряженій Я представляю себѣ, что правительство назначаетъ извѣстную сумму на каждый университетъ, соображаясь, во-первыхъ, съ своими финансовыми средствами, вовторыхъ—съ существующимъ теперь штатомъ каждаго университета. Зная съ математическою точностью, сколько оно можетъ дать, сколько оно должно дать, чтобы обезпечить существованіе каждаго члена и всѣ учебныя потребности науки, оно даетъ составленную по этому разсчету сумму въ полное распоряженіе каждаго университета и требуетъ, чтобы: 1) учащіеся всѣхъ факультетовъ имѣли возможность получить полное и современное научное образованіе; 2) всѣ факультеты были бы снабжены необходимыми учебными пособіями; 3) каждый университетъ былъ бы вмѣстѣ питомникомъ новаго поколѣнія наставниковъ; 4) соотвѣтствовалъ бы всѣмъ научнымъ потребностямъ края, былъ бы для него центромъ просвѣщенія,—и 5) несъ бы на себѣ отвѣтственность передъ правительствомъ въ законности и правильности своихъ дѣйствій, контролируемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Каждая университетская коллегія, слѣдуя этимъ началамъ, прежде всего опредѣляетъ норму годичнаго профессорскаго содержанія. Она должна имѣть въ виду человѣка семейнаго, безъ всякихъ другихъ доходовъ, и сообразоваться съ мѣстными справочными цѣнами. Потомъ она опредѣляетъ учебныя пособія, число каѳедръ по факультетамъ и, наконецъ, бюджетъ каждой изъ нихъ, сообразуясь съ свойствомъ предмета (чисто-научнымъ и научно-прикладнымъ), съ научными достоинствами лица и возможностью, съ его стороны, имѣть другія занятія, приносящія доходъ, не вредя преподаванію. Извѣстная часть бюджета (примѣрно равняющаяся бюджету одной или двухъ каѳедръ въ каждомъ факультетѣ) назначается на стипендіи, на содержаніе по частнымъ договорамъ съ приглашаемыми лицами, на ремонтъ зданій и т. п. Если коллегія, не довѣряя себѣ, или по другой причинѣ, отказалась бы отъ неравномѣрнаго распредѣленія бюджета по каѳедрамъ, то она обязана тогда представить въ высшую административную инстанцію — министерство — всѣ данныя, по которымъ бы оно само могло назначить бюджетъ для каждой каѳедры въ отдѣльности. Предположимъ теперь, что при такой обстановкѣ каѳедра дѣлается вакантною и есть въ виду доцентъ, или же нѣтъ вакансіи и имѣется въ виду замѣчательная личность, желающая занять каѳедру. Если доцентъ, на которомъ мы остановились, подходитъ къ первой категоріи и кромѣ его нѣтъ никого другого, то, казалось бы, и дѣло кончено. Такъ и бывало прежде съ адъюнктами. Изъ этого и происходило понятіе о неизбѣжности, котораго въ доцентствѣ, какъ въ учрежденіи свободномъ, не должно развивать. Есть ли въ виду только одинъ кандидатъ на вакантную каѳедру, есть ли ихъ нѣсколько, во

всякомъ случаѣ нужно согласиться, на чемъ основывать оцѣнку достоинствъ. Мы имѣемъ для этого научно-литературные труды и другія научныя заслуги, рекомендацію извѣстныхъ ученыхъ, отличный способъ изложенія предмета, доказывающій знаніе и способность, и число слушателей на лекціяхъ. Каждое изъ этихъ условій, взятое отдѣльно, еще недостаточно, но между тѣмъ каждое такъ важно, что безъ него всѣ другія теряютъ свою силу. Такъ, отличнѣйшій ученый безъ слушателей будетъ едва-ли на своемъ мѣстѣ. Профессоръ съ полной аудиторіей, но безъ всякихъ заслугъ въ наукѣ и неизвѣстный никому, кромѣ своихъ слушателей, также явленіе неутѣшительное. Доцентъ, участвовавшій уже въ дѣлахъ коллегіи, будетъ, конечно, ей извѣстенъ. Не трудно будетъ убѣдиться въ числѣ слушателей, въ способѣ преподаванія, въ его научной дѣятельности; серьезныхъ литературныхъ трудовъ отъ него требовать нельзя. Такъ, при этихъ условіяхъ, конечно, все равно, какъ бы его ни выбирали; онъ одинъ, и о немъ мнѣніе уже сформировалось. Такъ лучше просто, безъ всего, поручить ему преподаваніе, увеличить содержаніе, но и не оставлять окончательно за нимъ каѳедры. Если же доцентовъ не одинъ, а двое, то, какъ бы одинъ ни казался лучше другого, я все-таки считаю конкурсъ необходимымъ; безъ него понятіе о неизбѣжности легко развивается и губитъ конкурренцію. Итакъ, если, кромѣ доцентовъ, нѣтъ другихъ лицъ, которыхъ бы коллегія ставила и выше конкурса, и выше выбора, то бюджетъ вакантной каѳедры долженъ быть снова опредѣленъ коллегіей, смотря по достоинству и заслугамъ доцента, принимающаго на себя обязанность профессора. А какъ заслуги доцента рѣдко такъ будутъ велики, чтобы онъ могъ получить все содержаніе, то остатокъ отъ этого бюджета должно назначать на увеличеніе другихъ доцентскихъ стипендій, на учебныя пособія и т. п. Другое дѣло, если нѣтъ вакантной каѳедры, да есть достойная личность. Ее пріобрѣсть, я думаю,—прямой интересъ коллегіи. Если научныя и учебныя заслуги одного лица несомнѣнны, то коллегіи, одна передъ другой, должны стараться привлечь его къ себѣ и войти съ нимъ въ переговоры. Такое пріобрѣтеніе, несмотря на полный комплектъ каѳедръ, никогда не будетъ лишнее. Это будетъ новый капиталъ, новая сила коллегіи. Разумѣется, тутъ о конкурсѣ говорить нечего.

При конкурренціи, при содержаніи, опредѣляемомъ не должностью, а личными заслугами, можно надѣяться, что научное соревнованіе не заглохнетъ въ доцентахъ. Оно будетъ этимъ же поддерживаться до извѣстной степени и въ членѣ коллегіи. Но учить 25 лѣтъ — не шутка. Правда, на Западѣ каѳедра пожизненна. Правда,—старый профессоръ, идущій впередъ, неоцѣнимъ. Счастливыя натуры, однако, вездѣ рѣдки. Двадцатипятилѣтній срокъ съ пенсіей дѣлаетъ честь нашему законодательству. Но на дѣлѣ этотъ срокъ у насъ едва-ли не пожизненный. Между тѣмъ у насъ именно научное какъ-то изнашивается и выдыхается скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. У насъ, въ университетѣ, 25 лѣтъ—это вѣкъ. Разсчитывать на то, чтобы наши каѳедры всегда замѣщались людьми уже извѣстными въ наукѣ, нельзя. Вся наша надежда на доцентство.

Но каѳедра, съ перспективою 25-лѣтняго владѣнія ею, вводитъ въ искушеніе. Сколько я видѣлъ уже всходившихъ на нее съ блестящими надеждами, и черезъ 20 лѣтъ не узнавалъ ихъ! Что же, если 25 лѣтъ невозмутимаго покоя усыпятъ и свѣжія силы? Если эта перспектива сдѣлаетъ и оппозицію безгласною? Я не раздѣляю мнѣнія коммунистовъ, что человѣкъ работаетъ изъ удовольствія. Нѣтъ, нужны могучія силы цѣлаго общества, чтобы поддержать личную дѣятельность. И я думаю, что для насъ еще мало поощрительныхъ мѣръ конкурренціи. Намъ еще нужна необходимость. И съ каѳедры намъ должно видѣть ее не въ дальней перспективѣ, а на серединѣ поприща. Какъ сдѣлать это—дру-

гое дѣло. Я соглашаюсь, что мѣры, которыя я предложилъ (въ замѣчаніяхъ на проектъ) стѣснительны. Но это — свойство всѣхъ будильниковъ. Я самъ знаю, что переоцѣнка жизни на серединѣ жизни, сдѣланная не тѣмъ, кому она принадлежитъ,—это насиліе, это грубый толчокъ, но онъ страшенъ только тому, кто крѣпко спитъ. Я, впрочемъ, нисколько не отстаиваю моихъ мѣръ, я отстаиваю принципъ. Не забудемъ, что наши профессоры, будутъ ли они выбраны изъ доцентовъ, или нѣтъ, обыкновенно приносятъ съ собою па каѳедры только надежды. Когда же онѣ оправдаются, если и на серединѣ поприща будутъ однѣми надеждами? Пусть будутъ для самолюбія не такъ пріятны пустая аудиторія и малый гонораръ; ни пустота, ни дефицитъ, не тронутъ 25 лѣтъ съ мѣста; а это убѣжденіе очень пріятно для застоя. Время искуса — на первомъ полупоприщѣ профессорской жизни. Если кто увидитъ, что онъ не разгадалъ себя и попалъ не туда, то сойти еще не поздно; жизнь на серединѣ, силы не въ упадкѣ, дорогъ другихъ много. Какимъ образомъ убѣдиться въ заслугахъ, объ этомъ можно спорить, но что убѣдиться необходимо — это безспорно. Въ Германіи литературные труды въ наукѣ, и ученики, вышедшіе изъ школы профессора, признаются мѣрою его достоинствъ. И вправду—другой, болѣе вѣрной, нѣтъ. Приладятъ ли ее когда-нибудь и къ нашей почвѣ,—это вопросъ. Рѣшится ли онъ — не знаю. Но рѣшать его нужно, оттого что намъ нужны и такіе труды, и такіе ученые.

Автономія потому есть неотъемлемое достояніе науки, что наука себя цѣнитъ. Если же законъ даетъ это право представителямъ науки въ государствѣ, если онъ заботится развить общественное мнѣніе, вноситъ свѣжія силы, а коллегія не находитъ средствъ безпристрастно цѣнить себя, то это значитъ, что она сама дѣлаетъ приговоръ своей автономіи, переноситъ судъ внѣ себя и передаетъ его въ руки другой инстанціи. Вся будущность нашего университета — въ этомъ приговорѣ.

Перехожу, наконецъ, къ направленію университета. Реформа предпринимается, чтобы удовлетворить потребностямъ общества. Обществу нѣтъ дѣла до того, что такое университетъ, что такое наука, что значитъ связь наукъ. Будетъ ли это университетъ въ самомъ дѣлѣ, или только по названію, или будетъ называться иначе,—это для большинства все равно. Если для хлѣба уже нужно образованіе, то главное, чтобы оно было недорого и тотчасъ же шло бы въ дѣло. Вотъ взглядъ толпы. Этотъ взглядъ не у насъ однихъ. Въ ученой Германіи университеты уже пустѣютъ отъ него. Правда, для грамотнаго меньшинства университетъ еще привлекателенъ, но не сознательно.

Между тѣмъ видя, какъ растетъ у насъ университетское населеніе, все-таки подумаешь, что не можетъ же это дѣлаться такъ безсознательно. Посмотримъ.

Что такое студенчество — не у насъ, а вездѣ?

Жажда знаній, извѣстно, тревожитъ немногихъ. Тревожимые образуютъ въ университетѣ группу—едва не микроскопическую.

Жизнь общества неизбѣжно отражается въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Его нужды пробуждаютъ интересы и дремавшія склонности, отсылая ихъ въ университетъ. Вотъ вторая группа разной величины.

Ея передовые, въ свою очередь, возбуждаютъ подражаніе, которое, дѣлается, наконецъ, безотчетнымъ въ интересахъ, неразборчивымъ въ склонностяхъ. Вотъ начало третьей, самой большой.

Подражаніе, безотчетное не только въ интересахъ и склонностяхъ, но и вообще, это—мода. Мода, преимущественно сословная, выводитъ на свѣтъ четвертую группу.

Про микроскопичность первой говорить нечего. Происхожденіе второй и третьей доказывается разными фактами. Такъ, лѣтъ 40 тому назадъ, когда Германія нуждалась въ юрис-

тахъ и медикахъ, юридическій и медицинскій факультеты до того переполнились, что правительства, наконецъ, принуждены были предостерегать отцовъ, чтобы перестали посылать въ университеты дѣтей. Но это длилось еще довольно долго и многихъ сдѣлало безъ хлѣба.

Когда число нашихъ студентовъ, кромѣ медиковъ, было ограничено, то наплывъ въ медицинскій факультетъ продолжался еще долго и послѣ того, какъ ограниченіе было уничтожено.

Потомъ разнесся слухъ, что нѣсколько математиковъ, кончившихъ курсъ въ университетахъ, получили выгодныя мѣста, и вдругъ началъ наполняться математическій факультетъ. Поднялся юридическій вопросъ, и вотъ уже въ нѣкоторыхъ университетахъ дѣлается больше юристовъ, нежели медиковъ.

А студенты-феодалы, студенты-баричи и панычи служатъ доказательствомъ тому, что мода,—и именно сословная,—заставляетъ людей не только ѣздить за море, но и учиться въ университетахъ.

Итакъ, сознательнаго во всѣхъ этихъ элементахъ немного; да и то, что есть, сознаетъ только въ себѣ влеченіе или способность удовлетворить требованіямъ общества, но не науки, и, слѣдовательно, не университета. А требованія того и другого не всегда сходятся и не всегда могутъ сойтись.

Найди большинство возможность удовлетворить требованіямъ общества, помимо университета, оно тотчасъ же отъ него отхлынетъ. А меньшинство удержится модою, преданіемъ и любознательностью, переживающею преданіе.

Изъ этого рождается вопросъ: университетъ для большинства или для меньшинства? Изъ этого — другой: наука—госпожа или слуга общества? По рожденію она имѣетъ за собою «le droit divin»; но не такое, чтобы могла сказать: «общество—это я». Общество ее воспитало для себя, но не въ слуги себѣ. Отношенія могутъ уладиться только по договору.

Общество тогда только и начинаетъ жить, — а не просто расти,— когда все, чѣмъ оно живетъ,—языкъ, вѣра, обычаи и преданіе — слагаются въ науку.

Такъ за наукой, по этому договору, остается и законодательная, и судебная, и всякая другая власть, со всѣми правами, кромѣ кулачнаго.

Жизнь общества, которою живетъ и наука,—поэтому и та, и другая, —развиваютъ въ немъ все болѣе и болѣе новыя потребности.

Наука обязывается удовлетворить ихъ. Но общество обязано не нарушать свободы изысканія, на которой основана законодательная власть науки.

Всѣ не рождены посвящать себя служенію этой власти. Немногимъ суждено понимать ея значеніе.

Для изученія этой-то законодательной власти науки, слѣдовательно для меньшинства, общество и обязано основать особыя учрежденія.

Это учрежденіе есть университетъ.

Зато наука, обязанная удовлетворить потребностямъ общества,—которыя развитъ сама способствовала,— должна внести свои начала въ другія его учрежденія.

Эти учрежденія — прикладныя и реальныя.

Итакъ, что же? Университетъ для избранныхъ, для меньшинства, безъ приложеній, чисто-научный, отвлеченный? Можетъ ли онъ быть современникомъ девятнадцатаго вѣка? Можно ли такъ обходить потребности общества? Можно ли теперь дѣлать науку достояніемъ меньшинства и тратить огромные капиталы для его образованія?

Возраженія серьезныя; ихъ обойти нельзя.

Представляются три пути. Можно усилить предварительное образованіе, и этимъ сдѣлать университетское гораздо доступнѣе. Но собственно доступнымъ оно все-таки останется для меньшинства. Меньшинство, и лучше приготовленное, вступивъ въ университетъ, все-таки распадется на тѣ же самыя группы. Это мы видимъ на Западѣ.

Можно приноровиться къ одному большинству: сдѣлать университетъ

прикладнымъ, то-есть оставить за нимъ одно названіе, понизить уровень ученія, ограничить свободу ученія, ввести школьные пріемы. Но это значитъ пожертвовать меньшинствомъ, отложиться отъ избранныхъ и, слишкомъ довѣряя энергіи любознанія, предоставить ихъ самимъ себѣ.

Можно соединить то и другое вмѣстѣ. Сдѣлать университетъ питомникомъ избранныхъ и доступнымъ для большинства,—оранжереей и садомъ, научнымъ и прикладнымъ.

Этого-то и стараются достигнуть, но съ опасностью нарушить цѣлость и единство научнаго элемента.

Уже давно убѣдились, что есть науки, которыя, по самому ихъ свойству, не могутъ быть не прикладными, которыя, вращаясь въ ограниченной области фактовъ, не терпятъ почти никакого отвлеченія, распадаются на мелкія отрасли, требуютъ другихъ общественныхъ учрежденій и въ нѣдрахъ самого университета дѣлаются основаніемъ отдѣльныхъ, спеціальныхъ школъ. Къ такимъ наукамъ, напримѣръ, давно уже принадлежитъ медицина.

Въ наше время, на Западѣ, прибавились еще и другія отрасли наукъ, которыя потребовали такихъ техническихъ свѣдѣній, пособій, что уже скоро потеряли связь съ университетомъ, перешли въ реальныя школы и перетянули сюда едва не большинство, искавшее прежде образованія въ университетахъ.

Съ другой стороны, государства для своихъ громадныхъ предпріятій, то учреждали спеціальныя школы, безъ всякой связи съ университетомъ, то, перенося свои требованія въ самый университетъ, обращали всю его дѣятельность на образованіе спеціалистовъ, и тѣмъ разрывали научную связь цѣлаго.

Наконецъ, огромное скопленіе научнаго матеріала возводитъ различныя отрасли знанія на степень наукъ, слѣдовательно, самый прогрессъ науки начинаетъ также нарушать ихъ органическую связь.

Итакъ, съ одной стороны, стремленіе сдѣлать университетъ доступнымъ для массъ; съ другой, стремленіе каждой отрасли знанія къ индивидуальной самостоятельности, — вотъ силы, колеблющія вѣковое зданіе.

Но еще живутъ передовые люди. Ихъ духъ и слово напоминаютъ распадающейся семьѣ наукъ общаго родоначальника. Ни огромность матеріала, ни раздробленіе, не устрашаютъ ихъ въ борьбѣ за цѣлость научнаго организма. Они отстаиваютъ заповѣдную связь всѣхъ человѣческихъ знаній и не дадутъ наукѣ сдѣлаться вавилонскимъ столбомъ для строителей.

А законъ самосохраненія долженъ напомнить обществу, что самыя благотворныя его учрежденія, ведущія къ скопленію массъ, рождаютъ недуги, вредные и для массъ, и для самой цѣли.

Которымъ же изъ трехъ путей долженъ идти нашъ университетъ?

Чего требуютъ отъ него государство, общество и наука?

Государству нужно въ университетѣ образованіе въ извѣстномъ направленіи новаго поколѣнія, которому оно обѣщаетъ за это извѣстныя права. Но эти права для государства —дѣло второстепенное. Оно дало ихъ нѣкогда университету, чтобы привлечь къ образованію. Общество же, то-есть грамотное меньшинство, прежде расходившееся съ государствомъ во взглядахъ на университетъ и ставившее въ немъ на первомъ планѣ права, а образованіе на второмъ, теперь начинаетъ сходиться въ томъ отношеніи, что считаетъ уже и образованіе, и права, для себя выгодными.

Нужно ли же привлекать или отвлекать?

Государству нужны образованные люди, еще нужнѣе—спеціалисты. Общество также ищетъ образованія: но, главное, ищетъ обезпечить существованіе своего поколѣнія хлѣбомъ и извѣстнымъ положеніемъ въ государствѣ; а такъ какъ государству нужны спеціалисты, то общество въ образованіи ихъ находитъ свою выгоду.

Слѣдовательно привлекать нѣтъ необходимости.

Отвлекать можетъ казаться нужнымъ государству, когда оно видитъ, что масса учащихся растетъ и вноситъ стремленія, не имѣющія ничего общаго съ наукою, что учебныя пособія дѣлаются недостаточными, и университетъ не можетъ дать большинству то, чего оно ищетъ. Это значитъ, что наступило время для новыхъ учрежденій, которыя могли бы выгоднѣе удовлетворить потребностямъ массы, учрежденій прикладныхъ и реальныхъ, но также какъ университетъ требующихъ подготовки общечеловѣческимъ образованіемъ. Это мы и видимъ теперь на Западѣ. Въ классической странѣ университетовъ, въ Германіи, большинство тотчасъ же поняло, какую огромную выгоду,—неосуществимую при университетскомъ образованіи,—доставятъ ему высшія реальныя школы, и отхлынуло туда изъ университетовъ. — У насъ также пора заботиться объ удовлетвореніи этой потребности общества; но намъ еще необходимо и общечеловѣческое образованіе въ университетѣ, да и необходимы т а к і е спеціалисты, образованіе которыхъ немыслимо внѣ университета. Другого отвлекательнаго средства, полезнаго обществу и государству,—нѣтъ.

Затруднять большинству входъ въ университеты регламентаціей, экзаменами въ самомъ университетѣ, обязательными курсами и т. п., и для государства, и для общества, и для университета, положительно вредно.

Для государства не можетъ быть выгодно, если потребности большинства не будутъ удовлетворены, и оно останется въ безвыходномъ положеніи. Это ведетъ къ пролетаріату и недовольству.

Для общества теряется образованіе цѣлаго поколѣнія. Допустивъ даже, что трудность вступленія въ университетъ и заставитъ общество на будущее время лучше подготовлять молодежь въ среднихъ школахъ, то все-таки прошедшаго не воротишь. Пройдутъ еще годы, и что станется съ цѣлыми сотнями людей, имѣвшими прежде возможность познакомиться съ наукою въ университетѣ, хотя бы и по наслышкѣ? Они отупѣютъ и сгинутъ; они разсѣются по провинціямъ и будутъ вредны для государства.

Для университета, наконецъ,—и это главное,—эти мѣры вредны тѣмъ, что онѣ его выводятъ изъ настоящаго положенія, дѣлая изъ свободнаго ученія искусственную дрессировку. Правда, курсовые экзамены и обязательное ученіе, если это будетъ не одною только формальностію, сдѣлаютъ университетъ университетомъ меньшинства; но какого?—Не того, которое развиваетъ на свободѣ свои дарованія и охоту къ наукѣ, не того, которымъ дорожатъ настоящіе университеты такъ, что готовы существовать для него одного, но меньшинства, которое узкимъ экзаменаціоннымъ направленіемъ влачится къ посредственности.

Посредственность, — говорятъ, — намъ-то и нужна, а талантъ самъ найдетъ себѣ вездѣ дорогу. Это заблужденіе, противъ котораго нужно возставать. Талантъ вездѣ нужнѣе посредственности, а у насъ — во сто разъ. Талантомъ живетъ посредственность. Гдѣ задача образованнаго — распространять образованность въ окружающей средѣ, тамъ талантъ —жизненная сила общества. Поэтому, какъ бы обществу,—и именно нашему,—ни были нужны руки, ему въ стократъ нужнѣе головы. Всякая школа славна не числомъ, а славою своихъ учениковъ. Но талантъ не такъ несокрушимъ, какъ думаютъ. Его можно погубить, и даже легко. Его не нужно представлять себѣ геніемъ, или демономъ, одареннымъ страшною энергіею воли. Талантъ, не окрѣпшій, гораздо легче сбить съ толку, чѣмъ посредственность; его легче привести въ противорѣчіе съ собою и со всѣмъ окружающимъ. Не давая ему развиваться на свободѣ, его можно довести до того, что онъ будетъ казаться ниже посредственности и сдѣлается зимоспящимъ. Да не только талантъ, и простую любознательность не трудно заглушить обязательнымъ и экзаменаціоннымъ ученіемъ. Я помню, какъ меня самого парализировали экзамены. Ничего я такъ скоро не за-

бывалъ, какъ то, что обязанъ былъ приготовить для экзамена. Лѣтъ 30-ть послѣ того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства, то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ. Ни одной наукой я не занимался такъ нехотя, какъ той, которой учился для экзамена, и ни одна лекція не наводила на меня столько дремоты, какъ обязательная. Но я далекъ отъ того, чтобы считать для всѣхъ университетовъ всякую обязанность и экзаменъ несовмѣстными съ университетскимъ образованіемъ. Объ этомъ еще рѣчь впереди, а теперь перейдемъ къ другому вопросу.

Должно ли реальныя учрежденія, назначаемыя для большинства, поставить въ связь съ университетомъ или вовсе отдѣлить отъ него.

Въ Германіи, несмотря на развитіе реализма, университетъ остался все еще въ прежнемъ видѣ, но факультеты въ германскихъ университетахъ и прежде имѣли одну научную связь; въ нихъ совѣтъ или сенатъ состоитъ изъ однихъ выборныхъ членовъ всѣхъ факультетовъ; дѣла идутъ въ министерство на утвержденіе прямо изъ факультетовъ, даже нѣкоторыя изъ дѣлъ одинъ факультетъ неохотно или вовсе не сообщаетъ другому. Во Франціи факультеты составляютъ почти совсѣмъ отдѣльныя школы (école de médecine, école de droit). Но университетъ ни тамъ, ни здѣсь, не имѣетъ ничего общаго съ другими высшими, учебно-реальными заведеніями.

Примѣнить ли это къ намъ?

Я думаю, что и въ этомъ отношеніи подводить всѣ наши университеты подъ одинъ уровень не слѣдуетъ.

Намъ необходимо съ одной стороны:

Удержать въ университетѣ всѣ элементы общечеловѣческаго образованія и органическую связь наукъ.

Съ другой стороны:

Намъ нужно усилить реальныя учрежденія, не нарушая, сколько возможно, этой связи наукъ.

Если бы мы захотѣли, въ настоящее время, уменьшить скопленіе массъ въ университетѣ, развлекая ихъ въ разныя направленія, то мы, можетъ быть, удовлетворили бы потребностямъ общества, но лишили бы эти массы дѣйствія той образовательной силы, которая всегда присуща университету, и ничѣмъ незамѣнима.

Эта сила и зависитъ отъ органической связи наукъ и отъ воздѣйствія одного факультета на другой. Она существуетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Она дѣйствуетъ и на избранныхъ, и на большинство. Одни подвергаются ея вліянію сознательно; другіе—безсознательно.

Съ этой стороны университеты еще долго будутъ пополнять недостатки нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ которыми и должны оставаться въ связи.

Поэтому, и высшія реальныя учрежденія, какъ вспомогательныя факультетамъ, должны находиться также въ связи съ нашимъ университетомъ.

Мало этого: высшія реальныя учрежденія требуютъ у насъ органической связи съ университетомъ еще и по недостатку въ образованныхъ спеціалистахъ. Намъ едва ихъ достаетъ для вакантныхъ каѳедръ. Что же будетъ, если реальныя школы потребуютъ ихъ для такихъ предметовъ, которые можно бы изучать и въ университетахъ? если каждому учрежденію, напримѣръ, понадобится отдѣльная профессура физики, химіи, естественной исторіи, которая существуетъ уже на-лицо въ факультетахъ?

Но въ каждомъ изъ нашихъ университетовъ всѣ условія этого соединенія не могутъ быть выполнены однимъ и тѣмъ же способомъ и въ той же степени.

Централизація университета только затруднитъ нормальный ходъ дѣла

Университеты столичные могутъ быть связаны съ различными спеціальными учрежденіями, служить имъ центромъ и вносить въ ихъ дѣятельность элементы общечеловѣческаго, научнаго образованія. И тотъ, и другія выигрываютъ отъ соединенія. Скопленіе массъ въ одномъ пунктѣ прекратится. Однѣ науки могли бы

изучаться въ университетѣ, другія—въ учрежденіяхъ. А общечеловѣческое образованіе, доставляемое университетомъ, вліяло бы вездѣ и удерживало бы спеціалистовъ отъ односторонности и рутинерства. Спеціальное образованіе, въ свою очередь, направляло бы къ положительности и серьезному труду. Во Франціи уже давно, напримѣръ, всѣ столичные госпитали имѣютъ въ своихъ палатахъ профессоровъ факультета, и всѣ приспособлены къ практическому изученію спеціальностей медицины. А у насъ эта связь почти вовсе не существуетъ, и это въ ущербъ наукѣ и спеціальному образованію.

Въ провинціальныхъ университетахъ, при увеличеніи матеріальныхъ средствъ, нѣкоторые факультеты могли бы въ себѣ самихъ развить реальныя учрежденія. Другіе могли бы сохранить одно чисто-научное призваніе.

Въ одномъ университетѣ разнородная масса слушателей могла бы искать на лекціяхъ общаго научнаго образованія; въ другомъ могло бы сосредоточиваться меньшинство для спеціальнаго изученія науки въ бесѣдѣ съ профессоромъ и въ особенныхъ научныхъ семинаріяхъ.

Все должно примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ потребностямъ общества и учащихся. Каждый университетъ пусть руководствуется своею программою. Я убѣжденъ, что только такъ, а не иначе, можетъ для насъ рѣшиться университетскій вопросъ. Какъ бы ни были велики трудности,—я ихъ хорошо понимаю,—но сдѣлать университетъ равно и вездѣ доступнымъ и равно и вездѣ полезнымъ для меньшинства и большинства иначе нельзя.

Другой формулы соединенія началъ: чисто-научнаго и прикладнаго, въ одномъ и томъ же учрежденіи, для насъ нѣтъ.

Раздѣлить то и другое, безъ вреда для тѣхъ и другихъ,— избранныхъ и массъ—также не возможно.

Невозможно рѣшить однимъ и тѣмъ же путемъ и вопросъ о воспитательномъ значеніи университета.

Слово, имѣющее смыслъ чисто-матеріальный,—воспитаніе,—получило у насъ другой смыслъ, и теперь сказать: я «воспитываю», а не «образую» можно только про дерево или проскотину. Остались слова: «ученіе» и «просвѣщеніе», которыя отличаются отъ «воспитанія», но не отъ «образованія». А какъ воспитывать безъ образованія и образовывать, не уча и не просвѣщая,—нельзя, то, стало быть, воспитывать, не уча, можно развѣ въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще безсловесенъ.

Но и учить, не образуя и не воспитывая, также нельзя. Вся наша нравственность, правда, добро, свѣтъ—все ученіе. И учить, не воспитывая, не образуя, значило бы не учить, а дѣлать что-то другое.

Между тѣмъ университетъ, какъ учрежденіе учебное, еще никто не признаетъ, eo ipso, воспитательнымъ; а требуютъ его такимъ сдѣлать—значитъ, принимаютъ, что можно учить, не образуя и не воспитывая.

Если скажутъ, что учить можно и худому, то на это отвѣтъ, что и воспитывать можно худо. Но учить—значитъ, по преимуществу, учить добру. Если же кто не отвергаетъ, что учить, не образуя, нельзя, тотъ можетъ только утверждать, что для воспитанія учить,—это мало; нужно еще что-то. Что же?

Что же другое, какъ не надзоръ, не присмотръ. И весь вопросъ вертится на томъ, какъ и надъ чѣмъ надзирать? Надъ тѣми ли, чтобы заправду учился тотъ, кого хотятъ воспитать? Вѣдь въ ученіи все и есть. Воспитаніе безъ ученія не можетъ быть; чѣмъ болѣе кто учится, тѣмъ болѣе и образуется, тѣмъ болѣе и воспитывается. Кто учится, тотъ и узнаетъ, какъ и что нужно дѣлать. Или этого мало,—ученіе идетъ и не въ-прокъ,—надо еще умѣть исполнять то, что знаешь. То-есть, надо, чтобы кто-нибудь и за этимъ надзиралъ,—значитъ, училъ еще, какъ исполнять то, что знаешь и — долженъ знать, если учишься.

Такіе учители будутъ воспитатели par excellence, въ отличіе отъ тѣхъ, которые учатъ только знать.

А такіе воспитатели будутъ, ни болѣе, ни менѣе, отцы, да еще какіе! — которые выше учителей, потому что не только знаютъ, но и знаютъ еще, какъ дѣлать, что знаютъ. Или, наконецъ, это будетъ сама жизнь. Разумѣется, этихъ отцовъ и воспитателей не только въ университетѣ на-лицо нѣтъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ немного. А жизнь впереди. И потому, за неимѣніемъ, прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ отрицательнымъ, то-есть, надзираютъ не за тѣмъ, чтобы было все хорошо, а за тѣмъ, чтобы не было слишкомъ худо.

Это и значитъ полиція.

Итакъ, все воспитательное сводится на полицейское.

Въ другомъ смыслѣ воспитательнаго университета нѣтъ, и быть не можетъ. Играть и обольщать себя словами безполезно.

Однако-же, есть, говорятъ, въ Англіи воспитательный университетъ. Про него чаще начали говорить, когда прочли Визе.—Но Визе, приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забылъ одно—habeas corpus. А это одно воспитываетъ англичанъ,—и не одинхъ лордовъ,—не хуже всякихъ университетовъ. Въ англійскихъ университетахъ хорошо учатъ,—это правда. Но ихъ способъ ученія въ коллегіяхъ, ихъ туторы,—хороши для меньшинства, для массъ—не годятся. О реальномъ же, которое стало живою потребностью для университетовъ континента, и котораго нѣтъ ни въ Оксфордѣ, ни въ Кембриджѣ, Визе какъ будто и знать не хотѣлъ. Визе не хотѣлъ также знать и о шашняхъ, которыя тамъ водятся, не смотря на закрытость заведенія, на студенческій костюмъ и на обязательное посѣщеніе церкви.

Если англійскія коллегіи такъ сдѣлались славны славою ихъ учениковъ, то этимъ обязаны онѣ, кромѣ habeas corpus, еще и ихъ способу ученія, который потому и не дешевъ. Способъ этотъ совершенно противоположенъ свободѣ ученія германскихъ университетовъ, на которую теперь, кромѣ Визе, и многіе другіе сердятся. Вотъ, слѣдовательно, — мнѣ скажутъ, —англійская обязательность ученія, экзамены, и т. п., нисколько не вредятъ ни таланту, ни любознанію.

Но обязательность въ ученіи меньшинства, и еще избраннаго, можетъ проводиться разумно, не иначе, какъ вникая въ личности, заботясь о каждомъ; и талантъ, и посредственность, отъ нея въ выигрышѣ. Если бы учителей было столько же, сколько учениковъ, — было бы еще лучше. А, можетъ, верхъ совершенства былъ бы, если бы всѣ только и дѣлали, что обязательно учили и учились. Всѣ сдѣлались бы учениками и учителями ex professo. Вся жизнь превратилась бы въ обязательное ученіе. Не нужно бы было ни воспитателей, которыхъ и теперь нѣтъ, ни полиціи, которой много. И то правда, что обязательнымъ способомъ можно выучивать и не одно меньшинство. Всѣмъ извѣстно, что этимъ способомъ можно цѣлыя массы не только учить, но даже учить умирать стойко.

Но изъ защитниковъ обязательнаго ученія немногіе мечтаютъ о возможности учредить въ Россіи хотя что-нибудь подобное оксфордскому или кембриджскому университету. Обыкновенно представляютъ себѣ обязательность такъ, или почти такъ, какъ прежде: то-есть: раздѣленіе на курсы, обязательный выборъ предметовъ, годичные или двухъ-годичные экзамены и т. п. И вмѣстѣ съ этимъ хотятъ удержать теперешній способъ преподаванія, взятый изъ нѣмецкихъ или французскихъ университетовъ. Что же изъ этого выйдетъ? Преподаваніе свободное, а ученіе обязательное. Студентъ долженъ посѣщать лекціи и держать экзамены, а на лекціяхъ онъ — пассивный слушатель, и профессору дѣла нѣтъ, слѣдитъ ли онъ и понимаетъ ли онъ его лекціи, или нѣтъ. И хотятъ увѣрить, что такая обязательность хороша.

Обязательное ученіе и экзамены дѣйствительно принесутъ пользу, если наши студенты, вмѣсто занятій, по-англійски, съ туторами,—что для нихъ слишкомъ дорого,— составятъ,

группируясь по различнымъ предметамъ, отдѣльные кружки, а профессоры — отдѣльныя семинаріи, съ обязательствомъ для слушателей заниматься по извѣстной программѣ. Тогда они будутъ играть активную роль на лекціи, и будутъ уже студентами, а не слушателями. Эта обязательность не насильственна; она соединена съ постоянною, самостоятельною дѣятельностью ученика; она сближаетъ его съ учителемъ и часто лучше соотвѣтствуетъ и сущности предмета, и личности наставника, и способностямъ ученика. Для многихъ наукъ и многихъ профессоровъ другого способа и найти нельзя, если хотимъ, чтобы слушатели выносили что-нибудь съ лекцій. Но для множества и этотъ способъ, и эта обязательность, непримѣнимы. Ничто не препятствуетъ ввести его для преподаванія извѣстныхъ предметовъ въ тѣхъ изъ нашихъ университетовъ, въ которыхъ число слушателей незначительно. Стало быть, и въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности одному университету сообразоваться во всемъ съ другими.

Итакъ, обязательность вообще несовмѣстима съ университетскимъ ученіемъ, потому что для массъ она легко переходитъ въ безплодную формальность, а для избраннаго меньшинства должна быть употребляема съ осторожностью и большимъ знаніемъ дѣла;—иначе она вредитъ и свободному развитію научной дѣятельности, и развитію таланта.

Поэтому ее и нельзя принять, какъ воспитательный элементъ университета.

Вотъ почему я возстаю и противъ обязательныхъ лекцій богословія. Я отъ души желаю, чтобы всѣ были истинными христіанами; еще болѣе желаю, чтобы религіозныя истины и чувства укрѣпляли молодое поколѣніе; но я слишкомъ уважаю и научное, и нравственное достоинство религіи, и потому не желаю видѣть каѳедру богословія поставленною въ университетѣ для одного только приличія. Между тѣмъ обязательность непремѣнно ведетъ къ этому. Еще можно защищать обязательное ученіе тамъ, гдѣ имѣютъ цѣлью формальное знаніе, которое можно навязывать насильно. Но никто, я думаю, не оправдаетъ такой цѣли въ ученіи богословія. Никто также не будетъ утверждать, что учредители этой каѳедры въ нашемъ университетѣ имѣли въ виду одну научную ея сторону; обязательность, соединенная съ ученіемъ богословія, указываетъ на другую. А въ неожиданныхъ слѣдствіяхъ этой обязательности могутъ сомнѣваться другіе, но не я. Причину печальной апатіи къ святому и безвѣріе можно, если угодно, объяснять и другимъ образомъ, но я ее нахожу именно въ томъ, что люди, пріученные уже нѣсколько къ критическому анализу въ наукѣ, переносятъ невольно это направленіе и на ученіе,—основаніемъ которому служитъ вѣра,—если это ученіе дѣлаютъ обязательнымъ. Это-то убѣжденіе, которому не противорѣчитъ и знаніе человѣческаго сердца,—и заставило меня сказать мое мнѣніе, по долгу совѣсти,—откровенно.

Теологическіе факультеты въ католическихъ и, особенно, въ протестантскихъ университетахъ можно дѣйствительно разсматривать какъ сильную оппозицію скептическому матеріализму. Но сила ихъ не въ обязательности,—которой тамъ не существуетъ. Они дѣйствуютъ, во-первыхъ, научною стороною, допускающею глубокій анализъ и свободу изысканія (то, что нѣмцы называютъ Freiheit der Forschung), во-вторыхъ, —сближеніемъ слушателей, не замкнутыхъ еще въ одно сословіе и готовящихся къ священнослуженію и проповѣди, съ студентами другихъ факультетовъ; въ-третьихъ,— органическою связью богословскихъ наукъ съ филологическими и историческими; въ-четвертыхъ, наконецъ, — сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое оказываютъ представители богословскихъ наукъ не только на учащихся, но и на цѣлое общество.

Изъ этого слѣдуетъ, что внесеніе богословскаго ученія въ университеты,—съ цѣлью противодѣйствія матеріальному направленію другихъ на-

укъ,—требуетъ отчетливаго и глубокаго изложенія всѣхъ его элементовъ, въ научной связи. Иначе оно представится, въ глазахъ учащихся, чѣмъ-то отрывочнымъ, слабымъ, неимѣющимъ органической связи съ другими предметами и, наконецъ, чисто формальнымъ decorum, — если посѣщеніе лекцій будетъ еще къ тому обязательнымъ для всѣхъ.

Въ какой мѣрѣ можно всего этого достигнуть у насъ,—я судить не берусь. Это — вопросъ, требующій глубокихъ соображеній. Отъ рѣшенія его зависитъ не только будущность нашихъ университетовъ, но и вообще судьба нашей русской науки.

Не зная этого, я считалъ своимъ долгомъ возстать только противъ худого, которое знаю, и которое состоитъ въ обязательномъ приличіи.

Я не отвергаю, что и при существованіи одной каѳедры богословія высокая личность наставника можетъ имѣть свою долю благотворнаго вліянія. Не скажу, всегда ли можно на это разсчитывать, но я убѣжденъ, что оно можетъ обнаружиться не иначе, какъ при свободномъ ученіи.

Поможетъ ли палліативъ, состоящій въ учрежденіи, вмѣсто одной, двухъ или трехъ каѳедръ,—также не знаю; а потому удерживаюсь и теперь, какъ прежде, предлагать его. Предлагаю же устранить худое, которое знаю: это — обязательное посѣщеніе лекцій для приличія.

Итакъ, ни обязательность ученія вообще, ни обязательное посѣщеніе лекцій богословія въ особенности, не сдѣлаютъ университетъ учрежденіемъ воспитательнымъ.

Остается рѣшить: можно ли этого достигнуть мѣрами полицейскими, съ которыми у насъ также соединяютъ понятіе о воспитаніи.

Мысль учрежденія университетской полиціи, sui generis, весьма натуральна, хотя средневѣковые университеты, учреждая ее, едва-ли имѣли въ виду воспитательную цѣль. Это была ни болѣе и не менѣе, какъ одна изъ корпоративныхъ привилегій. Въ Германіи остались еще и теперь университетская полиція и университетскій судъ, потому что они имѣютъ нѣкоторыя удобства и для университетовъ, и для городской администраціи. Университеты могутъ распорядиться сами, безъ долгихъ формальностей и скоро, гдѣ нужно; городская администрація избѣгаетъ непріятныхъ столкновеній съ студентами и множества мелкихъ судебныхъ случаевъ. Студенты считаютъ также приличнѣе достоинству учащихся не имѣть никакого дѣла съ полиціею и судиться не одинакимъ судомъ съ «кнотами». Хотя университетскій судъ и поддерживается взглядомъ на студенчество, какъ на общество людей, еще незрѣлыхъ, легко увлекающихся, и т. п., но тутъ играютъ свою роль и сословныя или корпоративныя понятія, еще оставшіяся во всѣхъ средневѣковыхъ учрежденіяхъ.

У насъ, какъ извѣстно, никогда не было настоящаго университетскаго суда; была только университетская полиція, которая, въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, находилась въ рукахъ попечителя. Попечитель былъ собственно главный инспекторъ и начальникъ студентовъ. Все шло спокойно до послѣдняго времени, и вопросъ остался бы, можетъ быть, еще долго нетронутымъ, если бы не обнаружились такъ-называемые студенческіе безпорядки. Съ ними вмѣстѣ поднялся вопросъ и о воспитательномъ значеніи университетовъ.

Какая причина безпорядковъ, которые выросли какъ будто изъ земли?

Устарѣла ли университетская полиція? Виноваты ли попечители? Молодежь ли испортилась, или ее набралось уже слишкомъ много въ университетахъ?

Эти вопросы обойти нельзя,—иначе и вопросъ объ университетской реформѣ, поднятый безпорядками, рѣшить нельзя.

Я слышалъ много разговоровъ объ этомъ. Одни обвиняли университетскій уставъ, другіе — молодежь, третьи — попечителей, въ томъ числѣ и меня. Къ удивленію, весьма немногіе обвиняли время. Иные смотрятъ на университеты какъ на что-то отдѣльное, какъ на храмъ Весты.

Положимъ, это — взглядъ, приносящій честь и университету, и тѣмъ, которые такъ смотрятъ. Но на дѣлѣ,—и это немногіе знаютъ,— университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. И нашъ университетъ выражаетъ это еще болѣе, чѣмъ всѣ западные, потому что въ нашемъ мало сословнаго и вовсе нѣтъ преданія, или оно очень слабо. Разумѣется, кто хочетъ по немъ судить о состояніи общества, долженъ имѣть въ виду не одно положительное, но и отрицательное, т.-е. судить не по тому одному, что есть, но и потому, чего нѣтъ въ университетѣ.

Въ университетѣ два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія и зрѣлости общества; другіе—его молодость, его нужды, потребности, направленіе, взгляды, увлеченія, страсти, пороки. Все сосредоточено въ одномъ пунктѣ и потому выказывается яснѣе и сильнѣе. Всѣ оттѣнки выражаются на матеріалѣ, правда, еще не выработанномъ, но зато чрезвычайно емкомъ и чувствительномъ. Это — положительная сторона университета. Чего въ немъ нѣтъ, того или нѣтъ въ обществѣ, или то спитъ и не живетъ духовно. Это — отрицательная сторона, по которой тоже надо судить. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть и лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,—лучше все-таки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать.

Этотъ взглядъ на университеты подтверждаетъ исторія. Гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе — научная дѣятельность. Университетъ дѣлается тамъ барометромъ просвѣщенія.

Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни—свои; иногда и тѣ, и другіе, сходятся; но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а чрезъ нее и на университетѣ. Вюртембергскій профессоръ писалъ протестъ общества противъ злоупотребленій папской власти. На лекціяхъ Фихте выражалась готовность націи возстать за свободу. О жизни и смерти говорилъ Биша, когда смерть гуляла по Франціи вмѣстѣ съ гильотиною. Передовые люди, окружавшіе короля прусскаго въ 10-хъ годахъ нашего столѣтія, хорошо знали это, когда дали ему совѣтъ учредить новый университетъ (въ Берлинѣ), для выраженія новыхъ стремленій. Когда, послѣ войны за свободу, началась новая жизнь для Германіи и явилась мысль о единствѣ, —она тотчасъ же высказалась въ ваттенбургскомъ праздникѣ буршеншафтеровъ.

Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко чрезъ всѣ слои общества, они уже неясно отражаются на университетѣ. Но чѣмъ болѣе застигаютъ они общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. Во Франціи едва слышно про него, во время политическихъ реформъ. Въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ бытъ общества открытъ и установился, студенты живутъ средневѣковою жизнью и не мѣшаются въ политику, предоставивъ ее другой сферѣ; общество не мѣшается въ ихъ коммерши, дуэли и стычки съ кнотами. Напротивъ, у насъ,—едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новыя стремленія, —и тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ университетѣ. Но отражательныя движенія не могли быть цѣлесообразны, и потому они перешли въ безпорядки.

Анализируя эти безпорядочные рефлексы, намъ не трудно убѣдиться, что они не всѣ въ одинаковой мѣрѣ

были безправны, безсознательны и безпорядочны. Ихъ всѣхъ можно раздѣлить на три рода. Въ однихъ проявляется только грубая сторона общества, въ видѣ насилія; въ другихъ выражается, болѣе сознательно, извѣстная мысль, относящщаяся до интересовъ студенческаго быта; въ третьихъ, наконецъ, эта мысль имѣетъ уже болѣе обширное, болѣе общественное значеніе. Всѣ три, однако-же, обнаружились подъ вліяніемъ настроенія, перешедшаго изъ общества въ университетъ. Вездѣ дѣйствіе проявлялось корпоративно. Вездѣ обнаруживалось понятіе о достоинствѣ, значеніи и силѣ корпораціи. Такъ и поступкамъ насильственнымъ, нарушившимъ общественный порядокъ, лежало въ основаніи это же понятіе, и какъ бы такой взглядъ на коллективную личность корпораціи ни былъ безтолковъ и ложенъ, онъ совпадаетъ съ развитіемъ мысли о личномъ достоинствѣ во всемъ образованномъ обществѣ; самоуправство же было только его необдуманное примѣненіе. Сюда относились буйства и драки за нанесенныя обиды одному или нѣсколькимъ студентамъ. Шумныя сходки и сужденія о дѣлахъ, касающихся до интересовъ студенческаго быта, имѣли своимъ началомъ также вопросы объ общественныхъ интересахъ, возбужденные въ наше время новыми потребностями и реформами. Сюда принадлежали вопросы о студенческой библіотекѣ (въ Кіевѣ), о кассѣ для бѣдныхъ, о платѣ за ученіе, о лекціяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Наконецъ, третьи зависѣли уже отъ непосредственнаго перенесенія общественныхъ вопросовъ изъ общества въ его новое поколѣніе. Это дѣлалось или невольно и почти безсознательно, или переносилось самимъ обществомъ, отцами—сознательно. Въ Одессѣ, въ 1857 году, едва пришла вѣсть чрезъ иностранныя газеты «объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей», и студенты лицея первые собрались и пили за здоровье освобождающаго и освобождаемыхъ,—это примѣръ невольнаго увлеченія. Напротивъ, вопросъ о національности былъ перенесенъ въ западныхъ губерніяхъ изъ общества и семействъ, уже сознательно, на университетскую почву.

Извѣстно, какъ при этихъ проявленіяхъ старый порядокъ вещей оказывался несостоятельнымъ. И университетская полиція, и вліяніе профессоровъ, и власть попечителей—все сдѣлалось недѣйствительнымъ. Но если несостоятельность стараго стала очевидна, то зато трудность придумать что-нибудь лучше стала еще очевиднѣе.

Еще въ 1859 году я представлялъ—на вопросъ министерства—мое мнѣніе о необходимости коренной реформы въ университетской администраціи. Я высказалъ тогда мое убѣжденіе, что необходимо избрать одно изъ двухъ: или ослабить корпоративное начало, или правильно его организировать. Черезъ два года послѣ того, на эту тэму много писали и полемизировали. Не обошлось, разумѣется, и безъ комбинацій. Но какъ бы ни рѣшали и какъ бы ни комбинировали, не нужно упускать изъ виду главнаго, — того, что успѣшность всѣхъ средствъ можетъ быть только относительная. Они не уничтожаютъ, и не могутъ уничтожить, причину; а покуда эта причина будетъ дѣйствовать, до тѣхъ поръ прямое назначеніе университета, — учебно-научная дѣятельность,—не будетъ соблюдена въ ея ненарушимомъ спокойствіи. Изъ этого, конечно, не будетъ слѣдовать, что принятыя мѣры негодны. Каждая изъ нихъ можетъ принести только извѣстную долю пользы и при извѣстныхъ условіяхъ.

Если увлеченія, движенія, безпорядки—приняли характеръ корпоративный, то уничтоженіе корпоративнаго начала представляется, съ перваго же взгляда, самымъ надежнымъ средствомъ. Чтобы не спорить о словахъ, нужно согласиться, что студенческой корпораціи, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается въ германскихъ университетахъ, у насъ нѣтъ. Но гдѣ только собираются люди на продолжительное время, въ виду извѣстной цѣли, да къ тому же еще если ихъ сближаютъ возрастъ, воспитаніе и національности, то тамъ кор-

поративное начало уже есть непремѣнно. Оно въ нашемъ студенчествѣ имѣло, въ нѣкоторой степени, и юридическое значеніе, потому что было соединено съ нѣкоторыми правами. Если угодно, это были не настоящія права, а только снисхожденіе къ возрасту и исключительному положенію студентовъ въ обществѣ (status pupillaris); но, тѣмъ не менѣе, студенты смотрѣли на это снисхожденіе какъ на привилегію. Сюда относились мундиръ и особая университетская расправа. Съ другой стороны, экзамены, курсы, обязательность ученія, стипендіи, казенный коштъ, также не мало пособили развитію корпоративныхъ идей между студентами. Итакъ, естественно, для противодѣйствія этимъ понятіямъ, нужно было, во-первыхъ, уничтожить ихъ внѣшнее основаніе, или формальную, юридическую поддержку, и, во-вторыхъ, внести въ студенчество другіе элементы, которые ослабляли бы корпоративную связь. Это значило—сдѣлать университетъ какъ можно болѣе открытымъ и болѣе доступнымъ. Ни я и никто другой, конечно, не думалъ такими средствами совершенно уничтожить корпоративное начало; его причина бытія, его raison d'être,—я сказалъ уже—лежитъ гораздо глубже. Я нисколько не имѣлъ и сангвиническихъ надеждъ разомъ прекратить всѣ безпорядки, причина которыхъ лежитъ также глубоко и, притомъ, внѣ университета. Но, дѣлая корпорацію безправною, лишая ее законности, внося въ нее другіе элементы и уничтожая внѣшнее различіе между студентомъ и гражданиномъ, можно было надѣяться, что дальнѣйшее ея развитіе современемъ прекратится. Въ этомъ отношеніи, я думаю, трудно оспаривать логичность предложенной мѣры. Слабая же сторона, очевидно, та, что, несмотря на всѣ соображенія, понятіе о корпораціи можетъ еще сохраниться въ большинствѣ учащихся, соединенныхъ возрастомъ, цѣлями, воспитаніемъ и т. п. Въ такомъ случаѣ, корпорація будетъ всетаки существовать, но уже совершенно незаконная, неорганизированная и вовсе устраненная отъ нравственнаго вліянія университета.

Другое средство, казавшееся болѣе воспитательнымъ, была правильная организація корпоративнаго начала. Если успѣшность перваго нельзя подтвердить никакими фактами,—примѣръ Франціи не соотвѣтствовалъ вполнѣ,—то зато практичность второго кажется доказанною на дѣлѣ: у насъ—дерптскимъ и въ Германіи средневѣковыми университетами. Но, къ сожалѣнію, это только кажется. Для организаціи студенчества въ правильную корпорацію намъ недостанетъ двухъ главныхъ условій: преданія и нравственной суприматіи организаторовъ. Будь они у насъ на-лицо, то уже давно бы все было организировано само собою. Въ преданіи есть сила организирующая изнутри. А организировать извнѣ могъ бы тотъ только, кто пользуется глубокимъ нравственнымъ довѣріемъ. Это, конечно, могла бы быть коллегія наставниковъ. Но въ нашихъ университетахъ нравственная связь между этою коллегію и студенчествомъ была нарушена, и возстановить ее,—если она когда-нибудь возстановится,—могутъ только время и обстоятельства. А чтобы дать этой организаціи,—какъ этого, кажется, хотятъ,—еще другое, высшее, воспитательное значеніе,—о! для этого нужно многое и многое, чего у насъ вовсе нѣтъ. Правда, сохраненія порядка можно скорѣе достигнуть въ университетскихъ судахъ и расправахъ, которыми, пожалуй, также воспитываютъ. Но для этого устройства понадобится со стороны коллегіи столько самоотверженія, столько нравственной силы, а со стороны студентовъ столько довѣрія и того, у насъ незнакомаго, чувства, которое прежде называлось pietas erga praeceptores, что успокоительное дѣйствіе этихъ судовъ и расправъ у насъ болѣе чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее переходное время. А правильно-организованная корпорація студентовъ немыслима безъ выборнаго начала и безъ суда, главнымъ основаніемъ которому служитъ не внѣшняя, а нравственная власть судей. Такъ, во многихъ случаяхъ, универ-

ситетскій судъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлою корпораціею, и если у нея не будетъ отвѣтственныхъ выборныхъ, то судъ или ровно ничего не сдѣлаетъ, или дѣйствія его будутъ произвольны, случайны и возбудятъ непремѣнно ропотъ и неудовольствіе. Отвѣтственные выборные необходимы также для удержанія порядка, а главное,—если организація предпринимается съ воспитательною цѣлью,—для поддержанія нравственнаго начала въ корпораціи, которой въ извѣстной степени должно быть предоставлено право судить о поступкахъ ея членовъ. А это будетъ требовать студенческихъ собраній и сходокъ. Насколько у насъ удастся дать имъ правильный видъ и устранить все подозрительное, это опять рѣшить трудно. Съ другой стороны, внушить довѣріе къ суду въ молодежи, увлекающейся и смотрящей на все еще слегка,—дѣло не легкое. Университетскій судъ нигдѣ не бываетъ инквизиціонный; судьи рѣшаютъ обыкновенно по убѣжденію, и потому должны пользоваться чрезвычайнымъ довѣріемъ, чтобы рѣшенія ихъ признавались справедливыми и безпристрастными. А этого у насъ достигнуть еще труднѣе.

Итакъ, введеніе и той, и другой мѣры представляетъ много препятствій. Рѣшить a priori, которая дастъ болѣе шансовъ на успѣхъ, невозможно. Стало быть, и здѣсь нельзя экспериментировать во всѣхъ университетахъ однимъ и тѣмъ же способомъ. Можно ли, напримѣръ, полагать, чтобы въ многолюдномъ столичномъ университетѣ удалось организированіе, а въ небольшомъ провинціальномъ, — дезорганизированіе корпораціи? Можно ли организировать, не нарушая порядка, тамъ, гдѣ національности рѣзко или враждебно стоятъ одна противъ другой, и, напротивъ, почему не испробовать этого средства тамъ, гдѣ число студентовъ незначительно и гдѣ національной разнохарактерности не существуетъ? Въ одномъ университетѣ, напримѣръ, мнѣ удалось, до извѣстной степени, устройство судной коммиссіи; въ другомъ учебномъ заведеніи довольно хорошо шелъ совѣстный судъ между студентами. Но общаго ничего нельзя сказать, и введеніе одной и той же мѣры вездѣ не дастъ ожидаемыхъ результатовъ, —особливо если будемъ ждать быстраго уничтоженія слѣдствій, тогда какъ причинъ устранить не можемъ.

Еще менѣе должно разсчитывать на успѣхъ, если ни одну изъ мѣръ не удастся провести послѣдовательно и всецѣло. Такъ, если студенты, за проступки въ стѣнахъ университета, будутъ подлежать одному, а за проступки внѣ университета другому суду, то нравственное вліяніе перваго будетъ ослаблено вторымъ; если корпоративное начало, съ одной стороны, ослабится уравненіемъ правъ и подчиненіемъ студента общей гражданской власти, а съ другой, допущены будутъ сходки для обсужденія дѣлъ студенчества, или ежели вмѣстѣ съ судомъ гражданскимъ признается необходимымъ и судъ университетскій, то понятія студентовъ объ отношеніи ихъ къ обществу и университету сдѣлаются сбивчивы и невѣрны; а за судомъ университетскимъ останется не высокое нравственное, а одно карательное и внѣшнее значеніе.

Наконецъ, рѣшить a priori, въ какой мѣрѣ окажется на студентахъ моральное вліяніе коллегіи, обновленной чрезъ автономію, также невозможно. Сильной нравственной связи между коллегіею профессоровъ и студентами у насъ почти никогда не было. Замѣчалось иногда частное вліяніе даровитыхъ личностей. Преданіе не соединяло цѣлыхъ поколѣній съ университетомъ, какъ въ Германіи, Англіи и у насъ, въ Дерптѣ. Настоящей университетской жизни также никогда не существовало. Счастливыя воспоминанія объ «alma mater» не передавались изъ рода въ родъ. Итакъ, трудно вѣрить, чтобы новый порядокъ вещей, и при автономіи университета, скоро укрѣпилъ связь коллегіи съ студенчествомъ. А до тѣхъ поръ нельзя и мечтать о воспитательномъ значеніи университета, которое только и держится этою связью. Если же и при

такихъ условіяхъ коллегія возьметъ на себя отвѣтственность передъ правительствомъ за сохраненіе порядка между студентами, то это будетъ готовность, которой нельзя не желать успѣха. Но для этого коллегія, прежде всего, должна возстановить свое нравственное вліяніе,—а чтобы возстановить его, одной автономіи мало; недостаточно также и личнаго вліянія любимыхъ наставниковъ; не личное оно должно быть, а коллективное, и требуетъ свойствъ въ наше время рѣдкихъ: самоотверженія, безъ котораго нельзя имѣть дѣла съ студентами; справедливости и безпристрастія, которыя высоко цѣнятся молодежью; любви и уваженія къ молодости, безъ которыхъ зрѣлый человѣкъ невѣрно судитъ, теряетъ терпѣніе и ожесточается, смотря на поступки незрѣлаго.

Итакъ, чтобы достигнуть успѣха, нужно будетъ много времени, много дѣла и, главное, много знанія дѣла. А покуда, нельзя не обратить вниманія на одно важное обстоятельство, которое вредитъ нормальности всѣхъ проявленій нашей жизни. Это наше неуваженіе къ факту. Не знаю, выражаю ли я довольно ясно этими словами то, что замѣчаю не только въ молодомъ, но и въ зрѣломъ поколѣніи нашего образованнаго общества. Мнѣ кажется, что германское и англо-саксКое племя сдѣлалось знаменательнымъ въ исторіи просвѣщенія человѣчества, именно, своимъ уваженіемъ къ факту. Какъ бы германская философія ни казалась намъ анти-фактическою, но и она не только не ослабила, а, напротивъ,—какъ показываютъ слѣдствія,—еще усилила въ нѣмцахъ это замѣчательное свойство. У насъ же,—потому ли, что мы позже другихъ выступили на поприще просвѣщенія, оттого ли, что мы все еще слишкомъ молоды, или почему другому,—выразилось какое-то равнодушіе, и даже презрѣніе, къ чисто-фактической сторонѣ науки. Я называю неуваженіемъ, равнодушіемъ и презрѣніемъ то, что мы недовольно цѣнимъ значеніе каждаго факта; самъ по себѣ онъ не имѣетъ для насъ ни интереса, ни прелести. Услышавъ, увидѣвъ, узнавъ или открывъ фактъ, мы не стараемся убѣдиться въ его точности или въ подробностяхъ. Если намъ не удалось разомъ и свысока понять его значеніе, связь или примѣненіе, то онъ для насъ какъбудто бы никогда не существовалъ. Мы пренебрегаемъ фактомъ и отворачиваемся отъ него, пока не покажется въ немъ какая-нибудь привлекательная сторона. Поэтому и рано проявляется у насъ въ молодомъ поколѣніи наклонность хвататься за то, что манитъ къ себѣ блестящими результатами, воззрѣніями, слѣдствіями, и тому подобное; отъ этого и странная наклонность у нашей молодежи браться за дѣло не по силамъ, слишкомъ высоко цѣнить свой трудъ и слишкомъ низко цѣнить трезвое дознаніе трудомъ. Правда, одинъ французскій ученый называлъ факты «эзоповыми языками». Но фактъ вовсе не такъ поворотливъ, какъ языкъ, а дознанный фактъ—такъ неповоротливъ, что онъ всегда былъ камнемъ преткновенія умозрѣній. А у насъ, съ малолѣтства, пріучаютъ его обходить. Грамота для насъ ни почемъ, намъ нужно развитіе, и, не имѣя грамотныхъ учителей, мы хотимъ имѣть учителей развитыхъ. Въ училищахъ намъ не нужна ни латинская, ни греческая грамматика, потому что намъ вовсе не нужно фактическое знаніе мертвыхъ языковъ, а только результаты, добытые ими на Западѣ. Нашимъ дѣтямъ не нужны и фактическія мелочи и числа въ исторіи, а взгляды на жизнь народовъ. Въ наукахъ естественныхъ, не уча систематикѣ, мы излагаемъ ученикамъ теорію зачатія и исторію развитія. Въ математикѣ, не теряя времени на рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, мы спѣшимъ переходить къ отвлеченнымъ величинамъ; въ ученіи языка — къ отвлеченнымъ обозрѣніямъ литературы всѣхъ народовъ, и т. д. Вступая, послѣ такой подготовки, въ университетъ, прежде мы бросались на Гегеля и Шеллинга; теперь, когда они не въ модѣ,—начали развивать себя различными воззрѣніями, приня-

лись за открытія, проводимъ новые взгляды на жизнь и науку, а потомъ дѣлаемся педагогами, отрицая педагогію, углубляемся въ научныя изслѣдованія, отрицая науку, и, обязанные всѣмъ западному просвѣщенію, отвергаемъ его значеніе. Мы смотримъ на факты, дѣйствительно, какъ на поворотливые языки, какъ на пѣшки, которыя можно передвигать съ одного мѣста на другое. Фактъ, самъ по себѣ, безъ пикантной приправы, безъ интриги, для насъ — такая мелочь, что не стоитъ о ней хлопотать. Поэтому мы лучше понимаемъ нѣмецкую философію, чѣмъ самого нѣмца, съ его охотою къ кропотливымъ изслѣдованіямъ. Намъ смѣшна его усидчивость въ розысканіи фактовъ. Она кажется намъ слѣдствіемъ тупоумія и ограниченности взгляда. У насъ, кромѣ лекцій, нѣтъ другой оцѣнки достоинству профессора. Учась, мы не интересуемся изучать скучный процессъ фактическаго дознанія и не заботимся прослѣдить тотъ механизмъ, которымъ дошелъ нашъ наставникъ до убѣжденія. Ни наши ученики не имѣютъ охоты заглянуть въ рабочую учителя, ни учители — пригласить ихъ туда. Нужно—или, послѣ этого, скорѣе не нужно — удивляться, какъ туго идетъ у насъ вообще вся фактическая сторона знанія. У насъ не было каѳедры философіи, и потому не мудрено, что нѣтъ философовъ и мало людей, понимающихъ связь наукъ, значеніе университета, и т. п. Но у насъ почти нѣтъ и естественниковъ, и физиковъ, и анатомовъ, и хирурговъ, хотя и не было никакихъ препятствій къ изученію этихъ наукъ. Это, конечно, доказываетъ, что нарушеніе общей связи наукъ не идетъ въ прокъ ни одной изъ нихъ, и что произвольно нельзя содѣйствовать успѣху однѣхъ, устраняя другія. Но, все-таки, это одно не объясняетъ антифактическое направленіе въ молодомъ и свѣжемъ народѣ, а потому оно и знаменательно. Отъ науки переходитъ это направленіе и въ жизнь. Тогда какъ въ политикѣ образованныхъ народовъ «un fait accompli» получаетъ теперь все болѣе и болѣе значенія, у насъ совершившійся фактъ теряетъ и то, которымъ онъ пользуется у необразованныхъ. Мы,—на пути къ отвлеченію,—все ищемъ смысла въ фактѣ и теряемъ свой, забывая, что осмысленный или неосмысленный фактъ, если только вѣренъ, такъ же важенъ, какъ опытъ Гальвани надъ лягушкою, котораго значеніе для общества тогда только поняли, когда сдѣлали электрическіе телеграфы. Между тѣмъ вся связь общества, все вліяніе одного поколѣнія на другое и одной среды на другую, основано на уваженіи къ фактической сторонѣ жизни. Взгляды и воззрѣнія раздѣляютъ общество, фактъ—соединяетъ. Потому-то развить въ новомъ поколѣніи уваженіе къ факту я считаю одною изъ самыхъ главныхъ задачъ нашего университета.

Децентрализація университета, разнообразность реформнаго эксперимента, неразрывная связь научнаго начала съ прикладнымъ и учебнымъ, усиленное значеніе того или другого и направленіе, приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ, университетъ самостоятельный, но не іерархическій, университетъ для большинства и меньшинства, автономія при раціональномъ контролѣ, Lehr und Lernfreiheit, доцентство, при гласности и общественномъ мнѣніи, какъ оппозиція застою и непотизму, свободная конкурренція и конкурсъ, какъ средства къ развитію доцентства и оцѣнки научныхъ заслугъ, вознагражденіе по личнымъ достоинствамъ, а не по должностямъ, улучшеніе матеріальной стороны университетскаго быта, раздѣленіе званія отъ должности, обсужденіе университетскихъ дѣлъ въ высшей инстанціи не только путемъ бюрократическимъ, но и путемъ науки, зависимость нравственнаго значенія университета отъ нравственнаго состоянія общества, развитіе уваженія къ факту, какъ задача университета,—вотъ программа, которую я предлагаю. Мѣры къ ея осуществленію далеки отъ совершенства. Не это, однако-же, меня безпокоитъ; я боюсь, что не сумѣлъ выразить мысли, и опять не буду такъ

понять, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Найдутся противорѣчія, особливо съ тѣмъ, что я высказалъ въ моихъ замѣткахъ на проектъ. Но писать замѣчанія на чужое и писать свое, это—не одно и то же.

Многимъ покажется, что я слабо отстаиваю улучшеніе матеріальнаго быта нашихъ университетовъ, которое, между тѣмъ, есть conditio sine qua non реформы.

Но я потому мало о немъ распространялся, что, во-первыхъ, считаю необходимость его слишкомъ очевидною, а, во-вторыхъ, потому, что не полагаю его единственнымъ условіемъ, устраняющимъ всѣ другія.

Меня занимаютъ болѣе отношенія университета къ государству, обществу и наукѣ. Не разъяснивъ, не опредѣливъ этихъ отношеній, нѣтъ возможности и установить вѣрный взглядъ на значеніе университета.

А отъ этого взгляда зависитъ и его будущность, и нормальность его отправленій (функцій).

Такъ, если отношенія университета къ государству и обществу должны быть утилитарно-вещественныя, то университетъ теряетъ свою причину бытія, свой raison d'être, и распадается непремѣнно на нѣсколько спеціальныхъ школъ.

Если, напротивъ, эти отношенія должны опредѣляться стремленіями высшими и болѣе духовными, то университетъ, для сохраненія своего истиннаго значенія, требуетъ также непремѣнно полной свободы научнаго разслѣдованія и ученія.

Эта свобода, въ свою очередь, легко рождаетъ въ государствѣ и обществѣ непріязненные взгляды на дѣятельность университета, и онъ легко заподозрѣвается въ стремленіяхъ, противныхъ принятому порядку вещей. Рождаются недоразумѣнія и взгляды, вредные для жизни и будущности университета.

Съ другой стороны, если при существованіи университета свобода научнаго разслѣдованія признается опасною для спокойствія и порядка въ обществѣ, и потому ограничивается различными мѣрами, то она, какъ жизненный аттрибутъ науки, проявляется путемъ скрытымъ и противозаконнымъ. А это развиваетъ въ дѣятельности университета стремленія еще болѣе опасныя, нерѣдко антинаучныя, соединенныя съ ложнымъ пониманіемъ, превратнымъ толкомъ и деморализаціей цѣлыхъ поколѣній.

Если университетъ, признанный такимъ въ государствѣ формально, но, съ одной стороны, ограниченный въ свободѣ научнаго изслѣдованія, а, съ другой — не удовлетворяющій вещественнымъ потребностямъ государства и общества, не будетъ поставленъ въ связи съ другими, реальными, учрежденіями, имѣющими средства удовлетворить этимъ потребностямъ, но не оживленными духомъ науки, то значеніе его въ государствѣ и обществѣ дѣлается еще болѣе шаткимъ и сбивчивымъ, будущность—еще болѣе сомнительною. Отъ него требуютъ того, чего онъ не можетъ дать.

Если, наконецъ, время и перевороты общественной жизни вносятъ въ такой университетъ стремленія, угрожающія порядку и самой наукѣ, а бытъ представителей науки и порядка въ университетѣ,—то-есть посредниковъ между государствомъ, обществомъ и университетомъ,—не измѣняется ни въ матеріальномъ, ни въ научномъ отношеніи, то университетъ приходитъ въ ложное положеніе относительно государства, общества, науки и учащихся. А это еще болѣе увеличиваетъ непріязненность и сбивчивость взгляда на его значеніе. Все худое, въ глазахъ государства и общества, обрушивается на науку, наставниковъ и учениковъ.

Главная задача во всякомъ механизмѣ—пользоваться силою, теряемою отъ тренія. И въ университетскомъ вопросѣ главное—уменьшать треніе и утилизировать силы, которыя съ нимъ пропадаютъ. Мирить, уяснять и способствовать къ распространенію здравыхъ понятій о значеніи университета и его отношеніяхъ — я считаю обязанностью каждаго благонамѣреннаго человѣка. Успѣлъ ли я хоть сколько-нибудь ее исполнить — судить не мнѣ.

Письма изъ Гейдельберга.[50]

I.

Извлеченіе изъ письма.

24 марта (5 апрѣля) 1863 г.

Признаюсь, не доброе чувство возбудило во мнѣ посѣщеніе германскихъ университетовъ, а зависть. Скажу въ мое оправданіе, что она была невольная и неличная. Завидовать тому, чего нельзя достигнуть, и грѣшно, и безумно—это я знаю. Но сколько я себя ни убѣждалъ, что стариковъ съ дѣтьми и юношами, а русскихъ съ нѣмцами сравнивать нельзя, что у каждаго возраста и народа есть свое хорошее, и т. п. —все это не помогало, и я не переставалъ завидовать, посѣтивъ восемь университетовъ, восемь настоящихъ—не фантастическихъ— очаговъ науки, расположенныхъ на такомъ небольшомъ пространствѣ, что самые крайніе изъ нихъ отстоятъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на 20 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и то не по прямой, а чрезвычайно извилистой линіи. Второе, болѣе сознательное, хотя тоже невольное, впечатлѣніе, оставленное во мнѣ сравненіемъ этихъ университетовъ съ нашими, есть то, что ни значеніе ихъ, ни ихъ дѣятельность къ намъ непримѣнимы. Потому ли, что я уже устарѣлъ, потому ли, что прежде менѣе зналъ наши университеты или менѣе вникалъ въ значеніе германскихъ, только оно мнѣ никогда не казалось такъ мало примѣнимымъ къ нашимъ, какъ теперь. Кто вглядѣлся въ германскіе университеты, тотъ только и пойметъ хорошо, какую важную услугу оказала нѣмцамъ и ихъ гражданственности децентрализація университетскаго ихъ быта. Это, дѣйствительно, понимаютъ и самые рьяные унисты. Они ясно видятъ, что Германія только и соединена децентрализованнымъ университетомъ. Приватные интересы — эта язва германской національности, разрушающая всѣ мечты унистовъ — слабѣютъ, и даже исчезаютъ, приходя въ прикосновеніе съ университетомъ. Только вступая въ университетскую корпорацію, нѣмцы дѣлаются нѣмцами и перестаютъ—сколько можно — быть пруссаками, австрійцами, баварцами и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, нигдѣ, какъ въ университетахъ, и не могла родиться мысль—или покуда—мечта о единствѣ Германіи, потому что только они и связываютъ германцевъ въ одно цѣлое, хотя еще и очень отвлеченное. Надобно удивляться, съ какимъ стараніемъ, настойчивостью и съ какими пожертвованіями хлопочутъ самыя правительства, нисколько несочувствующія единству, о привлеченіи въ свои университеты лучшихъ представителей науки, хотя бы они были и самые рьяные приверженцы единства. Случись только—какъ это и случалось—знаменитому профессору, извѣстному своимъ либеральнымъ направленіемъ, не ужиться съ какою-нибудь, тоже либеральною университетскою корпораціею—и вотъ другой университетъ, подъ покровительствомъ правительства строго консервативнаго, тотчасъ же принимаетъ его къ себѣ съ открытыми объятіями. Могло ли бы это случиться въ централизованной, напримѣръ, Франціи?

Есть профессуры, однакожъ, которыя находятся еще въ исключительномъ положеніи. Богословскіе—и католическіе и протестанскіе—факультеты, такъ много содѣйствовавшіе гражданственности Германіи, стоятъ еще и теперь во главѣ многихъ университетовъ. Въ этомъ есть и хорошая, и слабая сторона. Начать съ того, что гдѣ теологическій факультетъ есть одна изъ составныхъ частей университета, тамъ гегемонія его, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ гегемоніи — неизбѣжны. А тогда,

какая бы она ни была: католическая ли, ортодоксальная ли лютеранская, раціональная ли, она всегда отзывается на дѣлѣ различною нетерпимостью, конечно, въ извѣстной степени, и главное—въ извѣстномъ видѣ, такъ что ее вдругъ и не подмѣтишь; но она всегда есть, и слѣдствія ея всегда неминуемы. Стремленіе властвовать и вліять, не только нравственно, но и матеріально, сильно развито у теологическихъ факультетовъ. Оно, напримѣръ, особенно замѣтно въ тѣхъ университетахъ, которыхъ факультеты имѣютъ право прямо сноситься съ правительствомъ: теологи и тутъ не могутъ отказать себѣ въ желаніи узнать, хотя бы и косвеннымъ путемъ, заключенія факультетскихъ засѣданій, факультеты же, пользуясь даннымъ имъ правомъ, ревниво стараются (въ свою очередь) скрыть свои заключенія отъ любопытныхъ богослововъ. Конечно, теперь не то уже время, чтобы теологическіе факультеты въ Германіи могли вовсе пріостановить направленіе другихъ наукъ, кажущееся имъ вреднымъ или безнравственнымъ; но, тѣмъ не менѣе, они на столько еще сильны и въ раціонально-протестантскихъ университетахъ, что ведутъ борьбу, которая изъ закулисной переходитъ иногда въ открытую, и отражается преимущественно на выборахъ другихъ факультетовъ. Профессорамъ философіи и исторіи приходится, конечно, всѣхъ болѣе испытывать на себѣ слѣдствія теологической гегемоніи. Да и правительства въ Германіи всего менѣе равнодушны къ профессорамъ исторіи. Къ чести германскихъ правительствъ надобно сказать, что регенты вообще очень интересуется профессорами и знаютъ лично почти всѣхъ своихъ профессоровъ. Но каѳедра исторіи служитъ особенно предметомъ ихъ заботливости. И правда, вліяніе этой каѳедры на цѣлый университетъ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, замѣтно. Послѣ того, какъ философія въ Германіи не играетъ уже той важной роли, какъ лѣтъ тридцать назадъ, вся доля ея вліянія перешла, какъ кажется, на исторію. Понятно, что иначе и быть не могло съ наукою, которая находится не менѣе философіи въ связи съ богословскими науками, да еще, къ тому и болѣе соотвѣтствуетъ фактическому направленію духа времени, а главное тяготѣетъ, какъ нельзя болѣе къ политическому и національному быту общества. Гегемонія, которую прежде оспаривала у теологическихъ факультетовъ философія, теперь оспаривается исторіею. Ей, при дальнѣйшемъ развитіи политическаго быта въ Германіи, суждена, очевидно, важная роль въ будущности.

Я избѣгаю здѣсь говорить объ отдѣльныхъ личностяхъ профессоровъ, во-первыхъ, потому, что не о всѣхъ могу быть компетентнымъ судьей, во-вторыхъ, потому, что направленіе большей части изъ нихъ уже довольно извѣстно, а въ-третьихъ, наконецъ, потому, что сужденіе по личнымъ впечатлѣніямъ щекотливо и не всегда вѣрно. Скажу вообще, что на историческихъ лекціяхъ можно болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ, подмѣтить желаніе профессоровъ затронуть самыя животрепещущія стороны современнаго, и этимъ дѣйствовать на аудиторію не только научно, но и нравственно. Этимъ-то вліяніе ихъ и отличается отъ вліянія, которое оказывали нѣкогда на умы слушателей лекціи философовъ и которое влекло къ отвлеченности. Этимъ-то и отличается прошедшее германскихъ университетовъ отъ настоящаго. Университетское ученіе въ Германіи удалилось въ послѣднія 30 лѣтъ, огромными шагами, отъ своего любимаго отвлеченнаго направленія. Его теперь узнать нельзя старому знакомому. Консерваторы,—и то только политическіе и богословскіе—остались еще въ двухъ прусскихъ университетахъ, которые я успѣлъ посѣтить. Изъ этого не нужно заключать, что университетская молодежь сильно заинтересована современнымъ состояніемъ германскаго общества. Правда, въ берлинскомъ университетѣ она болѣе, чѣмъ когда-нибудь, читаетъ политическія вѣдомости, оказываетъ замѣтное сочувствіе политическимъ прогрессистамъ—но не выходя ни-

сколько изъ границъ приличія и законности. А въ другихъ германскихъ университетахъ молодежь даже вовсе не занимается политикою и испаряетъ, попрежнему, политическія тенденціи въ коммершахъ и дуэляхъ. Да и сами профессора, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, крайнихъ, нисколько не сочувствуютъ участію студентовъ въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, а напротивъ, смотрятъ на это подозрительно и съ неудовольствіемъ. Вотъ новое доказательство тому, что я всегда утверждалъ: «политическія броженія никогда не рождаются въ университетахъ, а переносятся въ нихъ изъ общества». Правда, профессора теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, служатъ посредниками между обществомъ и молодымъ поколѣніемъ, занимая и каѳедры, и мѣста на скамьяхъ представительныхъ собраній; но, какъ я уже сказалъ, они же первые противъ того, чтобы молодежь принимала слишкомъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества.

Совершившаяся въ наше время рѣзкая перемѣна въ направленіи и характерѣ германской науки есть такое явленіе, въ моихъ глаазхъ, которое стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Кто бы могъ, за 30 лѣтъ, предсказать, что нѣмецкая безграничная отвлеченность въ наукѣ такъ скоро (относительно) отрезвится и перейдетъ въ безграничный фактизмъ? Кто предвидѣлъ, что увлекавшееся фантазіей a priori, такъ скоро замѣнится трезвымъ a posteriori? Правда, нѣмецкое терпѣніе, усидчивость, совѣстливость и основательность въ научномъ трудѣ всегда считались образцовыми. Правда, нѣмецъ никогда не переставалъ быть истиннымъ труженникомъ науки. Но въ первое двадцатилѣтіе нашего вѣка, надъ кропотливою разработкою фактовъ парилъ, въ Германіи, духъ отвлеченнаго міросозерцанія. Предъ нимъ фактическая сторона блѣднѣла и терялась. Теперь же торжествуетъ и господствуетъ фактъ, и голый и осмысленный. Всего яснѣе эта перемѣна обнаружилась въ наукахъ естественныхъ и медицинѣ. Прежде довольно было иногда и одного какого-нибудь факта, вовсе неточнаго, даже одного намека на фактъ, чтобы построить на немъ отвлеченное заключеніе. Въ естественныхъ наукахъ аналогія, наведеніе и фантазія были едва-ли не нужнѣе пяти чувствъ, чтобы подняться до высоты систематика и основателя новой школы. Въ Берлинѣ, я помню, на публичныхъ лекціяхъ профессоръ не затруднялся изобразить первые три класса животныхъ представителями трехъ добродѣтелей нашей христіанской нравственности: млекопитающія—вѣры, амфибіи—надежды, птицы—любви. Въ медицинѣ—я все говорю про Германію за 30 лѣтъ—играли силами, писали трактаты и читали лекціи о жизненной силѣ: она подраздѣлялась на различныя категоріи, роды и виды. Все темное казалось тотчасъ же разъясненнымъ и осмысленнымъ, когда его называли динамическимъ. Фантастическія причины были источниками болѣзней. Этіологія стояла выше діагноза. Отвлеченіе отдѣляло болѣзнь отъ больного тѣла и превращало ее въ естественное тѣло, подобное растенію, минералу или животному. Только хирургія и акушерство, по своей грубости, не поддавались еще всеобщему увлеченію и не оставляли фактической почвы. Истые приверженцы германской школы смотрѣли какъ-то свысока, съ презрѣніемъ на французскую, въ которой господствовалъ анатомическій матеріализмъ. Нѣмцы съ насмѣшкою говорили про французскихъ врачей, что они только узнаютъ болѣзни, а не лечатъ. Дѣйствительно, въ то время нельзя было себѣ представить ничего болѣе противоположнаго, какъ нѣмецкаго и французскаго врача. Французъ постукивалъ, выслушивалъ, ощупывалъ своего больного все его вниманіе было сосредоточено на томъ, чтобы отыскать больной органъ; онъ его мѣрялъ, и хвалился, когда могъ отыскать пораженное мѣсто, величиною не болѣе дюйма; отыскавъ, онъ обыкновенно вдавался въ одну изъ двухъ крайностей: онъ или лечилъ хирургически, дѣлалъ, напримѣръ, больному кровопусканіе одно за другимъ—coup sur

соир—ставилъ сотни и тысячи піявокъ и т. п., или-же ничего не дѣлалъ, ограничиваясь тизанами и режимомъ. Искусство достигало, въ понятіяхъ французской школы, своего идеала, когда вскрытіе трупа подтверждало діагнозъ. Нѣмецъ, напротивъ, не столько хлопоталъ о больномъ органѣ, сколько о больныхъ силахъ, не столько о мѣстѣ болѣзни, сколько о причинѣ, и, выдумывая ее, тотчасъ-же направлялъ противъ нея весь свой запасъ фармакологическихъ свѣдѣній. Это значило, въ его глазахъ, быть дѣятельнымъ терапевтомъ при постели больного. Такъ въ общихъ чертахъ, отличалась французская анатомическая школа отъ школы нѣмецкихъ динамистовъ, этіологовъ и экклектиковъ. Въ то время Шенлейнъ, Рокитанскій и Скода только что начали примирять—нисколько, впрочемъ, не сочувствуя французамъ—эти два, чуть не враждебныя направленія. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось до нельзя.

Но и въ совершившейся перемѣнѣ нельзя не замѣтить вліянія философскаго духа, обладавшаго нѣкогда ученою Германіею. Французы остановились—то есть, не то, чтобы они перестали идти впередъ въ наукѣ, но остановились въ направленіи и не удержали въ рукахъ гегемоніи въ современной наукѣ. Нѣмцы, принявъ направленіе, придали ему другой характеръ и пошли впередъ по новому пути. Я готовъ назвать его и теперь почти отвлеченнымъ, насколько такое названіе прилично утонченному матеріализму. Между тѣмъ, какъ французская школа довольствовалась болѣе грубымъ и до простоты нагляднымъ изученіемъ матеріи, нѣмцы, по своей наклонности къ отвлеченію и основательности, углубились въ самый тонкій анализъ органическихъ элементовъ и принялись разсматривать, то чего нельзя было усмотрѣть простыми глазами. Микроскопъ сдѣлался, мало-по-малу самымъ любимымъ инструментомъ націи, такъ любящей отвлеченіе. Я сказалъ, что нѣмцы «приняли» это направленіе; но это только потому, что историческое первенство, по крайней мѣрѣ для медицины, принадлежитъ въ этомъ случаѣ не имъ. Также вѣрно можно сказать, что это направленіе само выработалось на германской почвѣ. Оно произошло и какъ слѣдствіе господствовавшей философіи, и какъ неизбѣжная реакція противъ крайностей отвлеченія, противъ апріористическихъ стремленій, внесенныхъ германскою философіей въ естественныя науки.

Всѣхъ болѣе одолжена германская наука своимъ новымъ характеромъ, безъ сомнѣнія, Іоганну Мюллеру. Мы живемъ теперь такъ скоро, первенствующія лица такъ быстро мѣняются на сценѣ жизни, что современники, впопыхахъ, мнѣ кажется, не довольно много остановили свое вниманіе на высокой личности этого геніальнаго реформатора. Правда, всѣ отдаютъ справедливость его огромнымъ заслугамъ, почти всѣ каѳедры физіологіи, зоологіи и анатоміи въ Германіи замѣщены его учениками; но мнѣ кажется, что все-таки еще его оцѣнили недовольно. Онъ былъ, по всей вѣроятности, послѣдній изъ физіологовъ, въ обширномъ значеніи, вмѣстивъ въ одномъ себѣ всѣ стороны науки: и мыслитель, и натуралистъ, и анатомъ, и физикъ-экспериментаторъ; и фактъ, и отвлеченіе нашли въ немъ своего представителя. Послѣ него германская физіологія распалась на составныя ея части, и каждая получила своихъ спеціальныхъ представителей. Теперь, я уже сказалъ, нельзя узнать старому знакомому прежнюю германскую медицину. Вездѣ, при постели больного, ищутъ всѣми пятью чувствами, простыми и вооруженными разными физическими снарядами, больного органа, мѣряютъ и вѣшаютъ—и все стараются сдѣлать нагляднымъ и графическимъ: тушью обводятъ на поверхности тѣла очерки помѣщенія внутреннихъ органовъ, восходящими и нисходящими линіями выражаютъ на бумагѣ колебанія температуры и пульса, зеркаломъ освѣщаютъ глубины, сколько-нибудь досягаемыя для рефлекса, микроскопомъ и анализомъ опредѣляютъ составныя части костологическихъ продуктовъ. Словомъ, то, въ чемъ прежде нѣмцы упрекали фран-

цузовъ, т. е. матеріально-діагностическое направленіе клинической медицины, доведено ими теперь до несравненно большей точности. О причинахъ болѣзней и силахъ нѣтъ болѣе и помину. Клиницисты перестали быть всеобъемлющими терапевтами и дѣлаются спеціальными діагностами. Фармакологія и рецептура не играютъ уже почти никакой роли при постели больного. И это направленіе сдѣлалось до крайности общимъ; оно принято вездѣ, и въ большихъ и въ малыхъ клиникахъ, и всѣми безъ исключенія. Но я—скептикъ и по натурѣ, и по лѣтамъ—не вѣрю въ его постоянство и законченность. Покуда, оно необходимо для поощренія чувственной наблюдательности, дѣлая для учащихся все наглядимымъ; придетъ время, наскучитъ людямъ и слишкомъ ясная наглядность видимаго, пойдутъ дальше—туда, гдѣ покуда все еще темно. Этіологія, которою перестали теперь заниматься, рано или поздно выступитъ опять съ своими требованіями. Сила, которая теперь сдѣлалась атрибутомъ матеріи, также заявитъ еще свои требованія на самостоятельность—конечно, по другому—не въ видѣ крылатой личности.

Обращаюсь къ морали дѣла, которую я вывожу изъ моего взгляда на современное состояніе германской медицины, для примѣненія къ намъ. Примѣнимо, я думаю, здѣсь только то, что относится до способовъ и методовъ ученія. Не бывъ первыми въ дѣлѣ, намъ поневолѣ нужно подражать покуда. Не подражать прогрессу нельзя. А что это прогрессъ—хотя, въ моихъ глазахъ, и временной только—въ томъ поневолѣ нужно согласиться. Наглядность, во что бы то ни стало, намъ необходимо перенести на нашу почву. Спачала скажу, что изъ посланныхъ отъ университетовъ за-границу я нахожу мало медиковъ; одна медико-хирургическая академія выслала ихъ за-границу болѣе чѣмъ всѣ наши университеты. Не потому ли это, что наши медицинскіе факультеты, повидимому, не столько нуждаются въ лицахъ для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, какъ другіе факультеты? Одинъ количественный разсчетъ? А качественный?—Между тѣмъ то, что я знаю о нашихъ медицинскихъ факультетахъ, и что слышалъ отъ бывшихъ учениковъ, вовсе не такъ отрадно. Съ другой стороны, если гдѣ бросается такъ прямо въ глаза прогрессъ въ способахъ и методахъ ученія, то это именно въ естественныхъ наукахъ и въ медицинѣ. Всего же болѣе удивляетъ меня, что изъ нашихъ никто не высланъ за-границу по анатоміи, и только одинъ по физіологіи. Это отчего? Анатомія и физіологія здѣсь и у насъ, это-все равно, какъ небо отъ земли. Изъ всѣхъ нашихъ университетовъ только одинъ, сколько мнѣ извѣстно, вызвалъ недавно профессора анатоміи изъ-за-границы; во всѣхъ-же другихъ не знаю кого готовятъ на эту каѳедру. А пока анатомія и физіологія не будутъ имѣть въ нашихъ школахъ дѣльныхъ представителей, до тѣхъ поръ намъ нечего надѣяться на прогрессъ ни въ медицинѣ, ни въ естественныхъ наукахъ. Въ Германіи, напримѣръ, по волѣ и по неволѣ большая часть учащихся (натуралистовъ и медиковъ) занимаются микроскопомъ и распространяютъ все болѣе и болѣе знакомство съ этимъ инструментомъ въ образованномъ обществѣ. У Келликера, въ Вюрцбургѣ, стоитъ въ аудиторіи 30 микроскоповъ, для лекцій; у Ферстера 15; сверхъ того, многіе изъ учащихся имѣютъ еще и свои собственные. Профессора и привать-доценты вездѣ читаютъ курсы микрографіи и занимаютъ своихъ слушателей практически. Для нагляднаго ученія вездѣ сдѣланы (въ анатомическихъ аудиторіяхъ) большія стеклянныя доски, подъ которыя ставятся рисунки, изображающіе, въ огромныхъ размѣрахъ, различныя части тѣла или скелетъ, а профессоръ на самой доскѣ, по просвѣчивающемуся рисунку, который служитъ какъ бы канвой, изображаетъ разноцвѣтными мѣлами сосуды, нервы и все, что трудно было бы демонстрировать на однихъ препаратахъ. Въ физіологическихъ институтахъ вез-

дѣ выставляются также огромные чертежи, изображающіе истологическое устройство органовъ. У Дюбуа, напримѣръ, въ Берлинѣ, изготовлено такихъ рисунковъ, величиною въ два и три аршина, до 800. Вездѣ сотнями и даже тысячами заготовлены микроскопическіе препараты, для демонстрацій на лекціяхъ; словомъ, придумано и безпрестанно придумывается еще все, что нужно для наглядности. Этому-то направленію и должны бы учиться наши будущіе профессора; они должны его пересадить, en masse, и какъ можно скорѣе, на нашу почву. Безъ этого мы, отсталые, будемъ все болѣе и болѣе отставать.

Но если наши университеты, судя по тому, какъ мало выслали они молодыхъ людей за-границу съ этой цѣлью, еще не вполнѣ оцѣнили всю важность нагляднаго направленія въ наукѣ, то, къ чести нашей молодежи, я долженъ сказать, что съ удовольствіемъ увидѣлъ въ Вюрцбургѣ, у Келликера и Ферстера, до десяти человѣкъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ и пріѣхавшихъ сюда на свой счетъ, чтобы познакомиться съ современнымъ направленіемъ. Имъ нетрудно было убѣдиться, чего имъ и всѣмъ намъ еще недостаетъ. Признаюсь, часто я ропщу на провидѣніе, что оно дало намъ такъ много пространства. Это раздолье—какъ бы оно для насъ ни было выгодно въ будущемъ—теперь, по моему, только одно и мѣшаетъ намъ испробовать свою силу въ наукѣ. Что мы выступили на ея поприще позднѣе другихъ, это, по мнѣ, еще не главная помѣха. Насъ мало, а пространства много — вотъ главное. Оттого намъ трудно сосредоточиваться, и понимать нашу силу. Узнавъ науку послѣ другихъ и отъ другихъ, мы бы могли зато, не имѣя ни научныхъ преданій, ни предразсудковъ вести все дѣло гораздо безпристрастнѣе, чѣмъ на Западѣ, если бы только физическая необходимость заставила насъ обратить на него серьезное вниманіе и понять наше выгодное положеніе къ западной наукѣ. Извѣстно, самый рьяный порывъ славянофильства останавливается предъ естественными и точными науками. Математику, естественную исторію и медицину нельзя сдѣлать національными. Истинные адепты этихъ наукъ поневолѣ космополиты. Только способъ занятія ими, только методъ и взглядъ могутъ носить еще на себѣ отпечатокъ національности. И вотъ, мы русскіе, свободные отъ научныхъ преданій и предубѣжденій, подражатели по нуждѣ — могли бы принести огромную пользу человѣчеству, воздѣлывая чужую науку безъ увлеченій, безъ крайностей, все испытывая, все принимая и ничему не вѣря на слово. Эту роль, кромѣ насъ, нельзя играть ни одной западной націи. Каждая, увлекаясь поневолѣ однажды выработаннымъ ею направленіемъ въ наукѣ, дѣлается односторонней и пристрастною. Нашъ эклектизмъ могъ бы сдѣлаться, наконецъ, и самостоятельнымъ, и творческимъ, если бы мы только сосредоточили на немъ всѣ наши умственныя силы. Бѣда наша, что пространство и раздолье насъ разсѣиваетъ. Западная цивилизація вся обусловливается отношеніемъ народонаселенія къ пространству. А національный характеръ? Да вліяніе его на цивилизацію только въ томъ и состоитъ, что одинъ народъ живѣе чувствуетъ нужду и яснѣе сознаетъ необходимость, а другой менѣе. Эту-то нужду и необходимость и не даетъ намъ сильно чувствовать наше раздолье. Въ децентрализированной Германіи, напротивъ, нужда и потребность должны были сознаваться яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и потому намъ, русскимъ, удивителенъ этотъ наплывъ умственныхъ силъ, которыя группируются здѣсь въ каждомъ маленькомъ университетѣ. Нѣмецкіе приватъ-доценты доказываютъ своимъ существованіемъ, какую важную роль играетъ нужда въ распространеніи научной дѣятельности. Что заставляетъ молодыхъ людей, нерѣдко талантливыхъ и почти всегда прилежныхъ, по окончаніи университетскаго курса, жить и бѣдствовать по-студенчески, имѣя обыкновенно не болѣе одной или двухъ сотенъ гульденовъ ежегоднаго дохода?

Что заставляетъ ихъ, неимѣющихъ иногда почти никакого дохода, издерживать собственныя, скудныя средства, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣя въ виду только одно, и то невѣрное, будущее? Чистая ли любовь къ наукѣ, призваніе ли, самолюбіе ли? Конечно, все это вліяетъ на выборъ поприща. Но главное все-таки, разсчетъ по нуждѣ. Крестьянинъ въ Германіи иногда отдаетъ своего сына въ учительскій институтъ, приплачивая нѣсколько лѣтъ, на его содержаніе, по 200 талеровъ въ годъ; онъ разсчитываетъ, что его издержки окупятся, когда сынъ займетъ учительское мѣсто и будетъ получать жалованье. Такъ и приватъ-доцентъ рискуетъ нѣсколько лѣтъ своими небольшими средствами, безъ которыхъ никто и не вступаетъ въ приватъ-доцентство—имѣя въ виду занять нѣкогда каѳедру въ одномъ изъ двадцати университетовъ. Оба, и крестьянинъ, и молодой докторъ, не могутъ придумать болѣе выгоднаго употребленія ихъ маленькому капиталу. Можно себѣ представить, какъ велика вѣроятность для приватъ-доцента получить профессуру, если вспомнимъ, что она въ Германіи пожизненна, а искателей не онъ одинъ! Весь разсчетъ основанъ только на значительномъ числѣ университетовъ. Гдѣ-нибудь да откроется или вакансія, или новая каѳедра, а между тѣмъ есть надежда своими трудами сдѣлаться извѣстнымъ въ научной литературѣ, или привлечь слушателей въ свою аудиторію. Можно ли было бы намъ надѣяться на такія соображенія и на этихъ основаніяхъ учредить у насъ доцентство? Хотя у насъ профессура и не пожизненна —этимъ, слава Богу, наши законодатели опередили Западъ — хотя наши университеты и стали бы раздавать стипендіи на поддержку приватъ-доцентства, но, несмотря на то, нужно много другихъ условій, чтобы оно принялось у насъ. А въ Германіи, старые профессора, при всемъ добродушіи, въ которомъ, по справедливости, нельзя отказать ни одному нѣмецкому ученому— смотрятъ все-таки какъ-то ревниво на доцентовъ и дозволяютъ имъ преподавать только извѣстныя части науки; въ экзаменахъ, доставляющихъ обыкновенно профессору и слушателей и значительный доходъ, приватъ-доценты не участвуютъ, въ совѣтахъ никогда не засѣдаютъ — терпятъ, дожидаются и не перестаютъ работать серьезно.

Почти всѣ профессора въ нѣмецкихъ университетахъ прошли по этой колеѣ, только немногіе призваны на каѳедру изъ гимназіи или отъ частной практики. Про Германію можно навѣрное сказать, что ея университеты существуютъ теперь не для бѣдняковъ, и даже не для большинства средняго сословія. Теперь число студентовъ замѣтно уменьшилось: много отхлынуло въ политехническіе институты. Реальныя гимназіи также переполняются. Изъ классическихъ, также какъ у насъ, большая половина выходитъ на срединѣ курса. Учебныя заведенія какъ ярмарки: гдѣ интересъ и выигрышъ нашли себѣ мѣсто, туда они и стремятся, пока не найдутъ другого, болѣе выгоднаго. Теперь покуда не уменьшилось только число студентовъ медицины въ столицахъ и большихъ городахъ. Госпитали и практики привлекаютъ туда и учениковъ, и учителей. Медицина и въ Германіи, болѣе, чѣмъ всѣ другія науки, расположена къ централизаціи. Но этотъ приливъ студентовъ медицины въ столичные университеты нисколько не вредитъ небольшимъ и провинціальнымъ. Напротивъ, студенты въ этихъ университетахъ, съ уменьшеніемъ ихъ числа, получили возможность учиться основательнѣе. Учебныя пособія, недостаточныя въ небольшихъ университетахъ для множества учащихся, сдѣлались болѣе чѣмъ достаточными для немногихъ. Эти немногіе (числомъ отъ 60 до 70) могутъ теперь гораздо болѣе и лучше видѣть и наблюдать. А времени и удобствъ въ провинціальныхъ университетахъ для студентовъ несравненно болѣе, чѣмъ въ столичныхъ. Здѣсь студентъ маломальски недостаточный — потерянъ: ему приходится избѣгать въ день, изъ угла въ уголъ, нѣсколько верстъ,

чтобы слѣдить за преподаваніемъ нѣсколькихъ профессоровъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, отъ университета и анатомическаго театра до госпиталей слишкомъ полчаса ѣзды; жизнь несравненно дороже. А въ маленькихъ германскихъ городахъ для студента и дешево, и удобно. Все, что было уже прежде говорено въ пользу университетовъ въ малыхъ городахъ, то для Германіи неоспоримо. Она знаетъ это и дорожитъ своею научною децентрализаціею.

А для насъ? Странное наше положеніе. Безъ примѣненій намъ нельзя обойтись, и нѣтъ для насъ ничего опаснѣе, какъ примѣненія. Если мы допустимъ коллективное существованіе германскаго университета, то должны будемъ характеристикою его означить: полную автономію составныхъ частей, связанныхъ въ одно цѣлое единствомъ цѣли. Автономія каждой части опредѣляется политическимъ бытомъ Германіи, а связь поддерживается одною научною семьею, имѣющей одну и ту же цѣль и сходные обычаи, преданія и воспитаніе. Это — нравственная связь, слѣдовательно, не нарушаетъ нисколько полной и самой разнообразной автономіи частей. Но какъ бы самостоятельность германскихъ университетовъ ни поддерживалась политическою организаціею Германіи, уже одно отношеніе народонаселенія къ пространству само по себѣ достаточно, чтобы упрочить автономію каждой изъ нихъ. Гдѣ это отношеніе родило сильную конкурренцію, гдѣ конкурренція дѣлаетъ деревни похожими на наши города, поля на наши огороды, дороги на фруктовые сады, тамъ различіе между жизнью столичною и провинціальною дѣлается только количественнымъ, да это количественное различіе сглаживается желѣзною дорогою. Въ Германіи есть теперь уже мѣста, которыя соединяютъ въ себѣ удобства большихъ и малыхъ городовъ. И потому, уѣздный университетъ здѣсь и у насъ—двѣ вовсе несравнимыя вещи. Что же примѣнимаго къ намъ? Я думаю только одно: с т р е м л е н і е осуществить и у насъ принципъ децентрализаціи, съ возможно полною автономіею каждаго университета. Это—не одно только германское, а общечеловѣческое начало, заключающее въ себѣ всѣ условія истиннаго прогресса въ просвѣщеніи и наукѣ. Сколько я ни уважаю и другихъ стремленій, чисто національныхъ, но никому не повѣрю, чтобы изъ-за нихъ мы должны были забыть вовсе общечеловѣческія.

Въ Германіи, кромѣ научной связи и направленія, которое для большей части наукъ — теологія составляетъ исключеніе — сдѣлалось общимъ во всѣхъ университетахъ, про все остальное нельзя ничего сказать общаго. Администрація, учебныя и научныя средства, бытъ и характеръ каждаго университета — все различно и самостоятельно. Г. Кавелинъ, который неутомимо изучаетъ теперь организацію нѣмецкихъ университетовъ, скажетъ объ ней болѣе моего. Я замѣчу только, что ни одинъ университетъ не имѣетъ одного и того же бюджета, ни въ одномъ профессора не получаютъ одного и того же жалованья; гонораръ въ различныхъ университетахъ распредѣленъ также различно. Одни университеты пользуются значительными доходами отъ принадлежащихъ имъ земель, домовъ и пр., другіе получаютъ содержаніе только отъ правительства. Въ иныхъ университетахъ (и именно прусскихъ) есть попечители, въ другихъ ихъ вовсе нѣтъ; но и тамъ, гдѣ есть попечители, назначеніе ихъ вовсе другое; они — коронные администраторы, имѣющіе мало вліянія на учебную часть. Совѣтъ или сенатъ университетовъ организованъ также различно. Въ нѣкоторыхъ онъ составленъ такъ же, какъ и у насъ —изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ; въ другихъ факультеты посылаютъ въ совѣтъ только нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, по выбору. Въ иныхъ только совѣтъ, въ другихъ и самые факультеты имѣютъ прямыя и оффиціальныя сношенія съ высшею инстанціею. Въ однихъ совѣтъ или факультеты представляютъ правительству на утвержденіе трехъ или четырехъ, въ другихъ только двухъ кандидатовъ (по выбору) на вакант-

ныя каѳедры. Въ однихъ правительство утверждаетъ только одного изъ представленныхъ совѣтомъ кандидатовъ, въ другихъ оно, кромѣ того, оставляетъ еще за собою право назначать профессора и по собственному выбору. Одни университеты считаютъ лучшимъ оставлять за собою иниціативу выбора, другіе — въ избѣжаніе личностей и пристрастія, какъ они сами утверждаютъ,—охотнѣе предоставляютъ выборъ на вакантную каѳедру самому правительству, которое это дѣлаетъ обыкновенно по сношенію съ другими университетами. Содержаніе по штату назначается только тѣмъ профессорамъ, которые поступаютъ на каѳедру изъ приватъ-доцентовъ того же университета; а когда профессоръ приглашается на каѳедру, то ему назначается содержаніе по уговору. Если же избранный или занявшій уже каѳедру профессоръ получаетъ приглашеніе отъ другого университета, то онъ обыкновенно требуетъ увеличенія содержанія отъ правительства, чтобы остаться на прежнемъ мѣстѣ. Иногда правительство, уговариваясь съ приглашаемымъ, ручается и за извѣстную сумму ежегоднаго гонорара. Самымъ высшимъ содержаніемъ пользуются профессора, приглашаемые прусскими университетами—до 3.000 талеровъ жалованья и до 2.000 талеровъ гонорара. Но жалованье это до чрезвычайности различно, и въ нѣкоторыхъ университетахъ, напримѣръ, колеблется между 600 и 3.000 гульденовъ. Одно увеличеніе жалованья— не главное. Опредѣленіе содержанія не по штату, а по уговору и по заслугамъ—дѣло важное; но еще важнѣе конкурренція, которую намъ нужно создать, а здѣсь ее и безъ конкурсовъ (вовсе несуществующихъ въ Германіи) очень много. Экзаменаціонное направленіе, несмотря на всѣ успѣхи просвѣщенія, и здѣсь все еще довольно сильно, и аудиторіи экзаменаторовъ особенно переполнены слушателями. Штатные экзамены въ нѣкоторыхъ университетахъ дѣлаются въ особой коммиссіи, или же и вовсе не при университетѣ; въ иныхъ коммиссіяхъ участвуютъ только профессора, въ другихъ одни посторонніе экзаменаторы. Учебники, записки и другія пособія къ экзамену все еще въ ходу. Но все это, нужно согласиться, здѣсь все-таки болѣе осмыслено, чѣмъ гдѣ-нибудь. Германскіе университеты, мнѣ кажется, переживаютъ, также, какъ и наши, переходное время, только въ другомъ смыслѣ. И здѣсь есть лица, желающія нѣкоторыхъ принудительныхъ мѣръ, желающія еще усилить экзаменаціонное направленіе; онѣ думаютъ этимъ заставить учиться и ту часть университетскаго народонаселенія, которая всегда плохо училась, то-есть, истыхъ членовъ корпорацій и ландсманшафтовъ. Извѣстно, что послѣ войны за освобожденіе, въ германскихъ университетахъ родилась оппозиція противъ ландсманшафтскаго партикуляризма, въ видѣ буршеншафтеровъ. Теперь эта оппозиція совсѣмъ ослабѣла. Правительства, видя въ буршеншафтерахъ стремленіе къ единству, а въ ландсманшафтахъ нѣмецкій партикуляризмъ, сдѣлались еще снисходительнѣе къ послѣднимъ. Ландсманшафты, несмотря на всѣ потоки современныхъ идей, не перестаютъ все-таки сочувствовать средневѣковымъ преданіямъ и, придерживаясь старины, предпочитаютъ пивные погреба, и фехтбадены, и теперь еще аудиторіямъ. Время, однакожъ, понемногу беретъ свое. «Bemooste Häupter», между нѣмецкими студентами, становятся все рѣже и рѣже. Корпораціи только тѣмъ и хороши, что никогда не компрометируютъ университеты въ политическомъ отношеніи; студенты, ведя игру въ корпоративныя учрежденія, отвлекаются отъ всякихъ стремленій высшаго разряда, и потому легче управляются университетскою полиціею, которая существуетъ еще вездѣ въ Германіи, не исключая и столичныхъ университетовъ. Безъ организованныхъ корпорацій было бы трудно дѣйствовать этой полиціи, состоящей только изъ нѣсколькихъ педелей, съ ректоромъ и университетскимъ судомъ во главѣ. При корпораціяхъ, напротивъ, ректоръ, имѣя подъ рукою сеніоровъ, можетъ чрезъ нихъ вліять и на массы. Все

это къ намъ, теперь, конечно, непримѣнимо. Здѣсь, благодаря этой организаціи, воззваніе педеля, карцеръ, денежный штрафъ и временное исключеніе еще не потеряли своего правственнаго дѣйствія, и неповиновеніе университетской расправѣ ни минуты бы не устояло противъ общественнаго мнѣнія. Но зато и полицейская власть въ Германіи уже давно привыкла снисходительно смотрѣть на университетскую молодежь, и не считаетъ всякую вспышку страсти уголовнымъ преступленіемъ. Нѣмцы вѣрятъ отъ души своей поговоркѣ: «Die Jugend muss austoben», и шумные коммерши, процессіи по улицамъ, даже уличную драку съ кнотами не разсматриваютъ, какъ нарушеніе общественнаго порядка и благочинія. Въ маленькихъ университетскихъ городахъ, однакожъ, существуютъ еще и исполняются довольно строго нѣкоторыя стѣснительныя мѣры, напримѣръ, запрещеніе собираться позже девяти или десяти часовъ.

Уже одна наружность студентовъ въ германскихъ университетахъ доказываетъ, что большая часть изъ нихъ люди не той среды, изъ которой поступаетъ большинство въ наши университеты. Здѣсь нашихъ пролетаріевъ между студентами почти незамѣтно. Нетрудно понять, почему политехническія школы въ Германіи такъ скоро наполнились, притянувъ къ себѣ и тѣхъ, которые прежде поступали въ университеты. Я помню, что берлинскій профессоръ Рудольфи, еще за 35-ть лѣтъ передъ этимъ, говорилъ на лекціяхъ своимъ слушателямъ, что если они пришли учиться медицинѣ для хлѣба, то лучше бы имъ было сдѣлаться сапожниками, а не врачами, которыхъ и безъ того слишкомъ много въ Германіи. Я помню также, что нѣмецкія правительства, въ то время еще, когда я учился, оффиціально совѣтовали родителямъ отклонять своихъ дѣтей отъ университетовъ, если они разсчитываютъ на служебное поприще, которое и безъ того уже переполнено множествомъ кандидатовъ на всякую вакансію. Въ этомъ есть доля примѣнимости и къ намъ. У насъ хотя и нѣтъ такого излишка въ образованныхъ людяхъ, который уже давно замѣчается въ Германіи; но и здѣсь, и у насъ значительная часть студентовъ учится въ университетахъ, имѣя въ виду мѣсто на службѣ. Поэтому, вся будущность этихъ лицъ зависитъ отъ правильности отношеній ихъ числа къ числу ежегодныхъ вакансій на службѣ. Этой правильности, конечно, не существуетъ, и мы видимъ, что множество молодыхъ людей у насъ бѣдствуетъ нѣсколько лѣтъ въ университетѣ, для того, чтобы бѣдствовать и по окончаніи университетскаго курса. И вотъ намъ представляется странное явленіе: съ одной стороны, мы чувствуемъ страшный недостатокъ въ образованныхъ людяхъ и вообще недостатокъ въ образованіи; съ другой, уже развитый пролетаріатъ въ классахъ людей, получившихъ извѣстную степень образованія. Врачи безъ мѣстъ и безъ практики; кандидаты и студенты, кончившіе курсъ, едва достающіе мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ и писарей въ волостяхъ; офицеры въ отставкѣ, едва достающіе пропитаніе — это явленіе у насъ такъ же точно нерѣдкое, какъ и вакантныя каѳедры въ университетахъ и гимназіяхъ, съ приватъ-доцентствомъ, до сихъ поръ неосуществимымъ, по неимѣнію желающихъ.

Въ Германіи такой контрастъ немыслимъ. Въ ней избытокъ искателей всякаго рода. Причину нашей ненормальности отыскать, конечно, не трудно. Съ одной стороны, отношеніе пространства къ народонаселенію мѣшаетъ у насъ распространенію образованія; а, съ другой, искусственный стимулъ — права по службѣ и казенный хлѣбъ — притянулъ въ наши университеты пролетаріевъ. Бѣдность, оставивъ за собою исключительное право образованія въ нашихъ университетахъ, и побуждаетъ и препятствуетъ учиться. Оттого студентовъ довольно, относительно даже много, а желающихъ усовершенствоваться въ наукѣ мало. Это фактъ, который едва ли обнаруживается гдѣ-нибудь такъ рѣзко, какъ у насъ. Поэтому, и наши университеты по-

лучили другое значеніе, чѣмъ въ Германіи. Поэтому у насъ и нужно, еще болѣе, чѣмъ въ Германіи, заботиться о реальномъ образованіи. За-границею я знаю только одинъ университетъ, который соединенъ съ политехническимъ институтомъ— это цюрихскій. А намъ, я убѣжденъ, предстоитъ необходимость соединить всѣ наши университеты съ политехническими заведеніями. Оба учрежденія у насъ отъ этого соединенія только выиграли бы. Но какъ бы то ни было, въ связи или безъ связи, а политехническія и реальныя школы для насъ еще болѣе жизненная потребность, чѣмъ въ Германіи. И у насъ, какъ въ Германіи, онѣ должны служить отводами для научно-университетскаго или чисто-научнаго образованія, принимая въ себя всѣхъ тѣхъ, которые, по незнанію или по нуждѣ, ищутъ въ университетахъ того, чего они имъ не могутъ дать.

Кромѣ децентрализаціи и автономіи, отличительною чертою германскихъ университетовъ служатъ еще: свобода научнаго изслѣдованія и свобода ученія. Надобно удивляться, или, лучше, нужно радоваться, что и тѣ германскія правительства, которыя не сочувствуютъ либеральнымъ стремленіямъ, не стѣсняютъ, однакожъ, ни той, ни другой свободы, хотя всѣ почти имѣютъ право назначенія и выбора профессоровъ. Правда, вездѣ обращаютъ особенное вниманіе на каѳедру исторіи; правда также, что теологи почти нигдѣ не упускаютъ случая заявить вліяніе на направленіе ученія; но всѣ эти ограниченія обнаруживаются въ извѣстныхъ, и то ограниченныхъ, размѣрахъ. Съ другой стороны, и самому подозрительному правительству нетрудно было убѣдиться на дѣлѣ, что ничто столько не противодѣйствовало, въ Германіи, распространенію опасныхъ и вредныхъ общественныхъ псевдодоктринъ, какъ именно эта свобода научнаго разслѣдованія, которой такъ боятся въ другихъ странахъ, и которую преслѣдуютъ близорукіе. Здѣсь убѣждаются, что истина тогда только дѣлается страшною, когда къ ней запрещено идти столбовою дорогою.

Въ исторіи преслѣдованій научной свободы встрѣчается весьма замѣчательный фактъ, на которомъ стоитъ нѣсколько остановиться. Очень понятно, что въ глазахъ государственныхъ людей и теологовъ прежде всего должны были сдѣлаться опасными, при свободѣ научнаго разслѣдованія, философія, исторія и правовѣдѣніе. Эти науки легко могли показаться пороховыми погребами, отъ которыхъ проведены мины и подъ государство, и подъ церковь. И потому, казалось, всего труднѣе было дать имъ свободу научнаго анализа. Но, при такомъ взглядѣ, который, впрочемъ, нельзя было провести послѣдовательно въ протестанской Германіи, упустили изъ виду цѣлый рядъ наукъ, казавшихся совершенно консервативными, и потому очень невинными. Это были науки естественныя и точныя — имъ нельзя было не дать свободы; результаты ихъ были слишкомъ полезны и слишкомъ необходимы для цѣлаго общества. Но, къ ужасу гражданскихъ и церковныхъ ортодоксовъ, эти-то именно науки оказываются теперь, по своимъ, правда, отдаленнымъ и косвеннымъ выводамъ, вовсе не такъ консервативными и невинными. Онѣ-то именно всего менѣе уживаются съ стариною. Хотя прямыя и непосредственныя ихъ приложенія и выходятъ еще чисто практическими, даже очень выгодными и для стараго порядка вещей; но постепенно и постоянно онѣ вносятъ въ жизнь новые взгляды и выводы, несоотвѣтствующіе тому міросозерцанію, которое служитъ основою современнаго общества; онѣ вносятъ свои результаты, добытые опытомъ и неопровержимо наглядные, и въ философію, и въ исторію, и во всѣ сферы, повидимому, для нихъ неприступныя. Теперь и самому отъявленному противнику научной свободы, вѣрно не придетъ на умъ ограничивать свободу изслѣдованія точныхъ и естественныхъ наукъ. Да и вообще, послѣ возрожденія и реформаціи, одной только Испаніи удалось лѣтъ полтораста удержать ихъ нормальное развитіе.

Итакъ, къ чему же могутъ теперь послужить препятствія, поставленныя свободѣ научнаго изслѣдованія только съ одной стороны, тогда какъ другая, болѣе широкая, остается открытою? Но, къ счастью, всѣ эти опасности, которыми стращаютъ общество — только кажущіяся. Онѣ никогда не придутъ со стороны наукъ, если присущее имъ стремленіе открыть истину не будетъ сдержано никакимъ препятствіемъ, кромѣ того, которое кроется въ слабости и несовершенствѣ человѣческой натуры. Признавъ однажды науку и допустивъ существованіе ея въ обществѣ, никто безъ вреда для самого же общества, не можетъ лишить ее самостоятельности и заставить идти такъ, а не иначе. Какъ бы ни казались опасными столкновенія съ ложью и заблужденіемъ на путяхъ, прокладываемыхъ наукою къ истинѣ—обойти или запереть эти пути еще опаснѣе для блага и спокойствія общества. И вотъ, мы видимъ между профессорами германскихъ университетовъ представителей всѣхъ возможныхъ доктринъ, имѣющихъ научное основаніе. и видимъ также, что, при всей германской «Freiheit der Forschung», псевдодоктрины, невыдерживающія научной критики, никогда не пускали глубокихъ корней въ университетской почвѣ. Свобода науки въ Германіи тѣсно соединена съ свободою ученія и жизни въ университетѣ. Наши русскіе студенты, пріѣзжая сюда, смотрятъ какъ-то свысока на нѣмецкихъ; всѣ ихъ коммерши, дуэли и проч. кажутся нашимъ чистымъ ребячествомъ. Намъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя не разсмѣяться, видя, какъ эти средневѣковыя, потерявшія весь смыслъ, продѣлки еще держатся въ новомъ поколѣніи образованнаго общества. Но мы такъ судимъ, разучившись жить преданіями. Поди наша молодежь по этой колеѣ, и она пропадетъ навѣрное. Пропадаетъ иногда и нѣмецкая, но не забудемъ, что изъ стараго поколѣнія нѣмецкихъ профессоровъ немногіе найдутся, которые не жили нѣкогда этою жизнію. Есть много профессоровъ и новаго поколѣнія, которые, бывъ студентами, принимали также дѣятельное участіе въ попойкахъ и дуэляхъ. Съ нѣмецкими буршами случается нерѣдко, что они, прогулявъ напролетъ два первые года, потомъ принимаются также ревностно за дѣло, и выходятъ людьми недюжинными.

Изъ этого, конечно, нельзя сдѣлать никакого примѣненія къ намъ. Слава Богу, что у насъ нѣтъ средневѣковыхъ преданій; жаль только, что нѣтъ никакихъ... Другое дѣло примѣненіе къ намъ германской свободы ученія. Въ Германіи, если и слышатся кое-гдѣ голоса въ пользу усиленія экзаменовъ, то нигдѣ—даже между самыми отчаянными консерваторами—не встрѣчаются противники свободы университетскаго ученія: она перешла уже въ обычай. Нужно сознаться, что этотъ прекрасный обычай предполагаетъ хорошую подготовку, довольно здраваго смысла и нравственную окрѣплость. Но все это — дѣло нажитое, а у насъ, какъ и многое другое, можетъ быть и привитое. Вмѣсто всѣхъ толковъ о примѣненіи германской свободы ученія къ намъ, мнѣ кажется, лучше бы не упускать изъ виду главное. Безъ сомнѣнія, никто не сталъ бы защищать, ее, если бы, замѣнивъ ее принудительнымъ способомъ, можно было достигнуть той цѣли, которую предполагаютъ. Вѣрно не найдется такого безсовѣстнаго учителя, который не желалъ бы видѣть успѣховъ отъ своего ученья. Никому тоже невесело подумать, что цѣлыя сотни молодыхъ людей теряютъ по пустякамъ самое золотое время жизни. Но лишь только, вслѣдствіе этого желанія видѣть успѣхъ и пользу, учредятъ систему научнаго и нравственнаго контроля—результаты выходятъ еще неутѣшительнѣе прежняго. Свобода образуетъ, по крайней мѣрѣ, личности; я говорю «по крайней мѣрѣ», между тѣмъ какъ это главное—а принудительный способъ, дѣйствуя сомнительно на массы, не развиваетъ и личностей.

Ненужно, однакожъ, представлять себѣ свободу ученія въ Германіи такъ, какъ будто бы профессорамъ

вовсе нѣтъ никакого дѣла до ихъ слушателей. Есть, во-первыхъ, много такихъ наукъ, занятія которыми не могутъ быть неконтролированы. Можно ли, напримѣръ, студенту заниматься микрографіей, химическими работами въ лабораторіи, трупоразсѣченіями, практикою въ клиникахъ, безъ контроля со стороны профессора? Тутъ успѣхъ или не успѣхъ не можетъ скрыться отъ глазъ учителя. А для другихъ наукъ существуютъ семинаріи, бесѣды и т. п., гдѣ сближеніе съ профессорами также неизбѣжно—для тѣхъ, разумѣется, которые хотятъ учиться. Почти для каждаго профессора есть возможность убѣдиться въ успѣхахъ слушателей и безъ принудительныхъ мѣръ—попробуйте ввести ихъ, и все тотчасъ же приметъ другой характеръ: дѣятельность изъ свободной сдѣлается натянутою, охота и соревнованіе замѣнятся формою и выправкою. И въ Германіи, и у насъ, большинство учится для хлѣба, и потому казалось бы, что и здѣсь, и тамъ интересъ самихъ учащихся требуетъ отъ нихъ и безъ принужденія учиться какъ можно лучше и дѣятельнѣе. Но на дѣлѣ встрѣчаются два препятствія: средневѣковый обычай—въ Германіи, и казенный хлѣбъ—у насъ. Кто изъ нѣмецкихъ студентовъ имѣетъ отъ отца вексель талеровъ на 300 или 400 въ годъ, тому трудно не попасть въ корпорацію, въ которую манятъ обычаи и преданіе, а однажды, вступивъ, ему дѣлается еще труднѣе не потерять половину времени на пустяки. Про богатыхъ и говорить нечего: они вездѣ почти одни и тѣ же.

А у насъ студенту пролетарію нуженъ хлѣбъ не въ будущемъ, а насущный, для котораго онъ и шелъ прежде на казенный коштъ, а теперь добивается казенной стипендіи; бѣдняку у насъ не разсчетъ спѣшить съ ученьемъ; мѣсто на службѣ далеко впереди, и какое еще достанется—вопросъ; во всякомъ случаѣ, онъ знаетъ, что это мѣсто мало имѣетъ отношеній къ его успѣхамъ въ наукѣ. И та, и другая причина какія бы ни вызывали принудительныя мѣры, но противъ нашей казенной апатіи онѣ не помогаютъ— въ этомъ опытъ насъ уже убѣдилъ, кажется, довольно; а противъ средневѣковыхъ обычаевъ онѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, оказались бы еще менѣе дѣйствительными. Главное то, что всѣ эти вопросы о принудительномъ способѣ ученія, о воспитательномъ значеніи университета и т. п., возникли у насъ отъ ненормальнаго его положенія. Университетъ, какъ бы его ни повернули по существу своему—не для большинства, и какъ бы его ни прилаживали къ современнымъ потребностямъ общества—или онъ, или большинство должны переродиться, чтобы удовлетворять другъ друга. И вотъ, наше критическое положеніе. Нашъ университетъ — единственное пока прибѣжище для молодого поколѣнія образованныхъ и полуобразованныхъ пролетаріевъ, есть вмѣстѣ и единственный разсадникъ науки. Поэтому, ему приходится удовлетворять требованіямъ и большинства и меньшинства. Такое состояніе, конечно, можетъ быть только временнымъ и преходящимъ; но оно такъ важно, по непосредственнымъ слѣдствіямъ для общества, что должно быть непремѣнно приведено въ ясность и получить организацію, приспособленную ко времени и обстоятельствамъ. Иначе, нужно опасаться или за науку, или за пролетаріатъ, ищущій образованія для хлѣба. Германіи, въ этомъ случаѣ, подоспѣла на помощь западная гражданственность, съ ея фабриками, рельсами, паромъ и всѣми атрибутами современнаго реализма, и Германія завела, поэтому, реальныя школы и политехническіе институты; въ запасѣ у ней осталась еще Америка. У насъ же ничего этого нѣтъ, и Америки намъ не нужно; но университетскій пролетаріатъ мы все-таки, такъ или иначе, должны удовлетворить, и потому намъ ничего болѣе не остается, какъ ввести въ наши университеты сколько можно болѣе реальнаго элемента и соединить его, на сколько хватитъ силъ, съ чисто-научнымъ. Безъ этого соединенія, или университетъ не будетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ большинства, или реальныя учеб-

ныя заведенія, отрѣшенныя вовсе отъ университета, заглохнутъ. Мнѣ кажется, такъ рѣшается задача, все-таки, удобнѣе, чѣмъ, напримѣръ, пониженіемъ уровня университетскаго образованія, или стѣснительными мѣрами, направленными къ отвлеченію пролетаріата отъ университетскаго ученія. Поэтому-то мнѣ и любопытно поближе познакомиться съ Цюрихомъ, гдѣ университетъ, одинъ изъ всѣхъ, вступилъ въ связь съ политехническимъ институтомъ; но это намѣреніе я принужденъ отложить до августа мѣсяца.

Германская свобода ученія и научное воспитаніе въ университетахъ находятъ большую поддержку въ авторитетѣ профессоровъ. Хотя и здѣсь прошло уже то время, когда нужно было учить съ каѳедры правилу: noli jurare in verba magistri. Это первое прогрессивное наставленіе уже давно и здѣсь слишкомъ хорошо выполняется на дѣлѣ. Но все-таки про нѣмецкихъ студентовъ нельзя никакъ сказать, чтобы они потеряли уваженіе къ авторитету наставника. Лежитъ ли это въ личности и неоспоримыхъ научныхъ заслугахъ самихъ наставниковъ, или въ національномъ характерѣ—только жалобы на профессоровъ, протесты, демонстраціи и насмѣшки со стороны студентовъ здѣсь почти не слышны. Даже отжившіе профессора—а такіе при пожизненной профессурѣ должны встрѣчаться—не перестаютъ пользоваться уваженіемъ и въ опустѣвшихъ аудиторіяхъ. Понятно, что такая сила, какъ авторитетъ, при свободномъ ученіи, можетъ и руководить въ научныхъ занятіяхъ, и располагать къ нимъ. У насъ—это не секретъ—онъ потрясенъ. На мѣсто его ставится собственное я, обольщенное поверхностнымъ взглядомъ или плохо-понятою доктриной. Виноваты въ этомъ не одни студенты. Много предшествовало такого, что должно было поколебать авторитетъ нашихъ наставниковъ. Студентъ не вѣритъ, обыкновенно, учителю или потому, что неувѣренъ въ глубинѣ его знанія, или потому, что заподозрѣваетъ его въ неискренности научныхъ убѣжденій. Такъ называемая непопулярность профессора иногда доводитъ до выходокъ, но одна, сама по себѣ, не лишаетъ еще профессора довѣрія къ его авторитету и уваженія. И въ Германіи есть довольно непопулярныхъ профессоровъ, но ихъ научный авторитетъ стоитъ все таки высоко у студентовъ и охраняетъ порядокъ аудиторіи. Новому поколѣнію нашихъ профессоровъ предстоитъ трудъ понять хорошенько значеніе авторитета въ наукѣ и его необходимость для учащихся. Въ Германіи у нихъ будетъ довольно случаевъ и средствъ убѣдиться въ этомъ. Здѣсь всѣ, отъ мала до велика, убѣждены въ томъ, что ученикъ, до поры до времени, не можетъ сдѣлать ни одного шага въ наукѣ безъ авторитета. Кто хочетъ что нибудь узнать, тотъ долженъ сначала вѣрить въ то, что онъ узнаетъ, и вѣрить тому, отъ кого онъ узнаетъ. Съ критическимъ способомъ ученія нельзя спѣшить. Чѣмъ болѣе для него будетъ собрано матеріаловъ, тѣмъ основательнѣе будетъ ученіе по этому способу. Но, съ другой стороны, тоже въ Германіи можно увидѣть на опытѣ, какъ авторитетъ наставника поддерживается свободою научнаго разслѣдованія, которая даетъ просторъ убѣжденіямъ профессора и, вмѣстѣ, убѣждаетъ слушателей въ искренности его ученія. Посѣтивъ восемь университетовъ, я видѣлся, въ четырехъ изъ нихъ (кромѣ Гейдельберга) съ посланными за-границу отъ министерства и отъ университетовъ (въ Тюбингенѣ, Іенѣ, Вюрцбургѣ, Берлинѣ). Большая часть изъ нихъ избрали мѣстомъ своихъ занятій Берлинъ. Тамъ я нашелъ ихъ восемнадцать. Это были историки (гг. Шиховскій, Васильевскій, Геррье, Копыловъ и Стефановичъ), словесники (гг. Миллеръ, Потебня, Веселовскій, Михайловъ), математики (гг. Бессель, Лебедевъ, Авенаріусъ, Яковлевъ, Беркевичъ; одного изъ нихъ Шеймана, я уже не засталъ въ живыхъ), политико-экономы и юристы (гг. Вольскій, Лебедевъ и Думашевскій), медики (гг. Зарубинъ и Стадіонъ). Изъ филологовъ, занима-

юощихся древними языками всѣ остались, въ этомъ семестрѣ, или въ Боннѣ (гг. Іонинъ, Модестовъ), или въ Гейдельбергѣ (гг. Нейлисовъ, Новоселовъ, Чистяковъ). Здѣсь же (въ Гейдельбергѣ) оставались почти всѣ юристы (гг. Власьевъ, Сергѣевичъ, Пассоверъ); два словесника (по исторіи г. Миротворцевъ и по педагогикѣ г. Модзалевскій), двое по философіи (гг. Аутократовъ и Владиславлевъ), одинъ математикъ (г. Деларю), одинъ химикъ (г. Тихоновичъ) и два естественника (гг. Степановъ и Головкинскій). Въ Тюбингенѣ занимался органическою химіею, у профессора Штекерта, г. Алексѣевъ, въ Іенѣ, философіею, г. Троицкій; въ Вюрцбургѣ, патологическою истологіею г. Хжонщевскій, и сравнительною истологіею г. Борзенковъ (отъ московскаго университета); остальные находятся теперь въ Парижѣ (три математика и одинъ историкъ), въ Гиссенѣ (по сравнительной анатоміи), въ Цюрихѣ (по химіи) и въ австрійскихъ университетахъ (по медицинѣ и славянскимъ языкамъ).

Признаюсь, я часто жалѣю, что наши молодые ученые, вышедшіе изъ разныхъ университетовъ, разсѣянные теперь по Германіи и Франціи, а потомъ разсѣясь по Россіи, врядъ ли когда узнаютъ другъ друга, хотя и посланы за-границу съ одною и тоюже цѣлью. А это знакомство—обстоятельство, повидимому, не очень важное—могло-бы, по моему мнѣнію, чрезвычайно много способствовать единству цѣли и общему дѣлу науки. Недаромъ же германскіе профессора ищутъ сближенія и личнаго знакомства. Познакомившись, какъ-то охотнѣе слѣдишь за трудами извѣстнаго уже намъ лица; читая намъ лично знакомаго автора, какъ-то лучше его понимаешь и легче слѣдишь за его мыслью. Только сблизившись можно воспитать въ себѣ мысль, что мы члены одного общества, имѣющіе ту же цѣль, тѣ же обязанности и тоже направленіе. Многіе изъ посланныхъ, я думаю, не имѣли довольно времени и средствъ, для того, чтобы, что называется, осмотрѣться и нѣсколько привыкнуть къ мѣсту своихъ научныхъ занятій. Многіе не слыхали никогда лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, не свыклись съ нѣмецкимъ способомъ преподаванія, и, вѣрно, чувствовали себя первое время, несовсѣмъ ловко, а особенно тѣ, которые посланы были въ срединѣ или въ концѣ семестра. Для нихъ, вѣрно, часть времени потерялась на одну подготовку. Въ Германіи, при избраніи мѣста для научныхъ занятій, нужно руководствоваться, я думаю, такимъ соображеніемъ: каждый университетъ извѣстенъ или отличною обстановкою одного какого либо факультета, или высокимъ именемъ въ наукѣ одного, либо нѣсколькихъ профессоровъ, въ различныхъ факультетахъ. За исключеніемъ берлинскаго университета, въ которомъ почти всѣ факультеты равно замѣчательны научнымъ авторитетомъ профессоровъ, всѣ прочіе университеты подходятъ подъ одну изъ тѣхъ двухъ категорій. Одни изъ нихъ могутъ принести болѣе пользы начинающимъ; другіе спеціалистамъ, третьи спеціалистамъ изъ спеціалистовъ (и это именно тѣ, которые замѣчательны одною или нѣсколькими личностями, снискавшими себѣ имя въ наукѣ, разработкой какой либо ея отрасли); нѣкоторые изъ этихъ университетовъ замѣчательны учебными пособіями и учрежденіями, другіе привлекательны для ищущихъ сближенія съ извѣстными представителями науки. Все это должно имѣть въ виду, отправляясь въ Германію. Занимающимся, напримѣръ, чистою математикою — предполагая, разумѣется, что это не начинающіе —нечего дѣлать въ южныхъ германскихъ университетахъ: это не значитъ, чтобы здѣсь вовсе не было отличныхъ математиковъ; но студенты здѣсь такъ мало подготовлены къ занятіямъ высшею математикою, что профессору, обыкновенно, не удается собрать столько подготовленныхъ слушателей, чтобы читать спеціальный курсъ о какомъ-либо предметѣ изъ высшей математики. И потому, чистые математики могутъ провести съ пользою время только въ трехъ университетахъ: берлинскомъ, кенигсбергскомъ и геттингенскомъ. Также

и хорошо подготовленнымъ филологамъ нужно выбирать только одинъ изъ трехъ университетовъ: берлинскій, боннскій и галлескій (для греческаго языка); юристамъ преимущественно два: берлинскій и гейдельбергскій; для занимающихся философіею: геттингенскій, іенскій, лейпцигскій и гейдельбергскій; для историковъ: Берлинъ, Боннъ, Гейдельбергъ и Тюбингенъ (для спеціалистовъ); для естественниковъ: Берлинъ (отчасти), Гиссенъ, Вюрцбургъ и Тюбингенъ; для химиковъ и физиковъ: Гейдельбергъ, Кенигсбергъ, Геттингенъ, Берлинъ (а для спеціалистовъ по органической химіи: Ерлангенъ, Тюбингенъ и, черезъ полтора года Боннъ); для медиковъ, наконецъ, кромѣ столичныхъ университетовъ (въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ), я считаю необходимымъ посѣтить всѣ германскіе университеты: въ каждомъ изъ нихъ они найдутъ непремѣнно одинъ или два высокіе авторитета въ какой-либо спеціальной части науки. Всѣмъ, тѣмъ, которые, кромѣ лекцій и другихъ научныхъ занятій, ищутъ еще сближенія съ профессорами—что для всякаго спеціалиста чрезвычайно важно—я совѣтую выбрать одинъ изъ маленькихъ и отдаленныхъ университетовъ, въ которыхъ они найдутъ и радушный пріемъ и дружески—откровенный совѣтъ лицъ, высоко стоящихъ въ наукѣ; къ такимъ университетамъ принадлежатъ исключительно: Іена, Ерлангенъ, Тюбингенъ и Гиссенъ.

Къ чести всѣхъ нашихъ посланныхъ отъ министерства и университетовъ, нужно, по справедливости, сказать, что они съ большою ревностью приготовляются къ будущему своему призванію, въ германскихъ университетахъ. У нѣкоторыхъ, напряженныя занятія въ библіотекахъ, лабораторіяхъ и госпиталяхъ разстроили здоровье до того, что я просилъ ихъ обратить на себя серьезное вниманіе и воспользоваться вакаціоннымъ временемъ, для отдыха. Нѣкоторые весьма сблизились съ профессорами и занимаются постоянно подъ непосредственнымъ ихъ руководствомъ; отъ нѣсколькихъ знаменитыхъ профессоровъ мнѣ пріятно было слышать лестные отзывы о моихъ соотечественникахъ. Нѣкоторые изъ посланныхъ, пріѣхавъ въ Германію, имѣли намѣреніе, сверхъ посѣщенія лекцій, заняться еще сочиненіемъ диссертаціи на степень. Я старался отклонить ихъ отъ этого занятія, полагая что двухгодичный срокъ ихъ пребыванія за-границею едва достаточенъ для усовершенствованія себя въ тѣхъ частяхъ науки, въ которыхъ непремѣнно остались пробѣлы послѣ окончанія курса въ нашихъ университетахъ; для диссертаціи же можно ограничиться однимъ собраніемъ матеріала за-границею. Я не раздѣляю также и убѣжденія тѣхъ, которые хотятъ все время, или большую его часть, посвятить какой-либо спеціальной работѣ. Я сознаю въ этомъ способѣ занятій огромную пользу; такою работой можно даже сдѣлаться извѣстнымъ въ наукѣ—это я знаю; знаю также, что, занимаясь исключительно однимъ предметомъ, подъ руководствомъ знаменитаго наставника, можно хорошо изучить методъ и механизмъ занятія и найти ему дальнѣйшее приложеніе; безспорно также то, что лучше сосредоточить всѣ силы на разработкѣ одной самой малой частицы науки, нежели разсѣивать ихъ на изученіе всѣхъ ея частей; но всему есть граница, а при этомъ способѣ занятій, увлекшись, можно легко переступить ее и оставить огромные пробѣлы, которые послѣ, взойдя на каѳедру, будетъ трудно выполнить, да и механизмъ выполненія нерѣдко бываетъ очень невыгоденъ для слушателей. Это я говорю по опыту; тоже самое я слышалъ отъ многихъ профессоровъ и, между прочимъ, отъ профессора Бунзена. Правда, въ два или три года, по окончаніи университетскаго курса, невозможно и тому, кто хорошо приготовленъ, совершенно равномѣрно заняться всѣми частями одной науки, предполагая извѣстную степень основательности въ занятіяхъ. Пробѣлы останутся, все-таки, неминуемо. Но, съ другой стороны, нельзя найти болѣе благопріятнаго времени для равномѣрнаго

занятія цѣлой наукою, en bloc, какъ именно тотчасъ по окончаніи курса. Послѣ это сдѣлается уже вовсе невозможнымъ. Впрочемъ, главное въ этомъ дѣлѣ, я полагаю, знать хорошо самого себя и, зная хорошо чего еще недостаетъ, преодолѣть самолюбіе, которое понуждаетъ насъ сдѣлаться какъ можно скорѣе дѣятелями научнаго прогресса. Замѣчу еще, что слѣдить за цѣлою наукою не значитъ еще упускать вовсе изъ виду спеціальныя занятія. Но, на первое время, эти занятія должны состоять болѣе въ собираніи матеріала для будущихъ спеціальныхъ работъ, чѣмъ въ настоящей его разработкѣ. Я признаюсь, однакожъ, что мой взглядъ справедливъ относительно, и справедливъ именно тогда, когда занимающійся имѣетъ въ виду назначеніе преподавателя науки въ полномъ ея объемѣ. Другой вопросъ, выполнимо ли это назначеніе для молодого, только что выступающаго на учебное поприще, преподавателя? По нуждѣ, по недостатку въ научныхъ дѣятеляхъ, такое назначеніе, конечно, необходимо, и потому извинительно. Но въ сущности оно ненормально и неестественно. Въ настоящее время, въ цѣлости всю науку можетъ хорошо излагать только тотъ, кто долго занимался разработкою отдѣльныхъ ея частей, и, конечно, чѣмъ болѣе онъ ихъ разрабатывалъ, тѣмъ лучше, тѣмъ дѣльнѣе будетъ изложеніе цѣлаго. Поэтому, гораздо натуральнѣе поручать начинающимъ профессорамъ преподаваніе не цѣлой науки, а одной ея части. Въ такомъ случаѣ, и разработка спеціальностей, какъ способъ занятій, приготовительный для молодыхъ ученыхъ, былъ бы на своемъ мѣстѣ; онъ былъ бы для нихъ выгоденъ уже однимъ тѣмъ, что они, усвоивъ себѣ, при одномъ спеціальномъ изслѣдованіи, какой-либо методъ, могли бы впослѣдствіи приложить его и къ другому подобному изслѣдованію. Я замѣтилъ, что этотъ способъ избираютъ преимущественно люди или талантливые или трудолюбивые—и въ обоихъ случаяхъ самонадѣянные... Въ Германіи, начинающимъ учебную карьеру—приватъ-доцентамъ—всегда поручается сначала преподаваніе какой-нибудь отдѣльной части, и весьма рѣдко цѣлая наука.

Начало весеннихъ вакацій застало меня въ Берлинѣ, и я долженъ былъ отложить мою поѣздку въ остальные германскіе университеты (геттингенскій, боннскій, гиссенскій и австрійскіе) до мая мѣсяца. Радушіе, съ которымъ я былъ вездѣ принятъ моими старыми и новыми знакомыми по наукѣ, и ихъ дружескія бесѣды останутся мнѣ надолго памятными...

II.

По поводу занятій русскихъ ученыхъ за-границей.

3-го (15-го) октября 1863 г.

Описывать въ подробности каждый изъ двадцатипяти университетовъ (въ томъ числѣ и швейцарскіе), съ которыми я возобновляю старое мое знакомство,—дѣло интересное и полезное, но не мое. Моя задача гораздо ограниченнѣе. Я стараюсь извлечь все, что найдется въ нихъ прикладного къ нашему научному и учебному быту. Сначала — я судилъ по памяти — мнѣ казалось, что я много найду такого. Но память, какъ это случается, обманула. Послѣ перваго осмотра нѣсколькихъ университетовъ, я уже думалъ, что мнѣ придется только завидовать. Къ счастью, первое впечатлѣніе не обезкуражило меня до отчаянія. Я продолжаю искать, и надѣюсь еще отыскать примѣнимое, какъ бы оно глубоко ни скрывалось. Но я надѣюсь также, что меня извинятъ читатели, если найдутъ въ моихъ письмахъ не то, чего они ожидали, и не то, можетъ быть, что ихъ, а

то только, что меня занимаетъ,—не столько то, что въ Германіи уже есть, сколько то, что могло бы и должно бы быть (по моему) въ Россіи. И вотъ, знакомясь съ германскими университетами, я прежде всего знакомился съ нашими посланными. Чтобы извлечь полезный результатъ изъ знакомства съ ними, я долженъ постоянно помнить, во-первыхъ, что они принадлежатъ къ одному, а я—къ другому поколѣнію. У нихъ есть преимущество. Духъ современной науки можетъ проникать въ нихъ чрезъ всѣ поры, изъ которыхъ многія у меня уже закрылись. Зато на моей сторонѣ есть другое. На моихъ глазахъ исчезло уже много въ Летѣ, что нѣкогда мнѣ казалось прочнымъ на-вѣки; выплыло наверхъ не то, что когда-то было, а только то, что теперь стало современнымъ. Я видѣлъ это — они только слышали; имъ предстоитъ еще увидѣть то же самое. Знакомясь съ ними, я радуюсь, когда узнаю, что мои взгляды и убѣжденія согласны съ ихъ убѣжденіями: это значитъ, что я еще живу. Я радуюсь, когда и несогласны: это значитъ, что они —именно то, чѣмъ должны быть— дѣти своего времени. Итакъ, надѣюсь, ни они, ни кто другой, не поставятъ мнѣ въ упрекъ, если я буду говорить объ ихъ настоящемъ и будущемъ такъ, какъ это понимаю и какъ понять могу.

Предпріятіе, показавшееся бы вездѣ громаднымъ, у насъ же интересующее вообще немногихъ, начато и продолжается болѣе года. Успѣхъ его, какъ и всѣхъ предпріятій, основанныхъ на личныхъ свойствахъ агентовъ, нельзя опредѣлить даже и приблизительно. Человѣческія достоинства измѣряются только по совершившимся уже дѣйствіямъ, и то не всегда вѣрно. А тѣхъ, которые приготовляются только къ дѣйствію, какъ судить? Сколько людей, подававшихъ блестящія надежды — обманули эти надежды! сколько другихъ, считавшихся посредственными, какъ будто переродились, начавъ заниматься и дѣйствовать самостоятельно! Сколько разъ ошибались въ выборахъ ученыя общества, корифеи науки и опытные наставники! Гдѣ вѣсы, гдѣ мѣра? Для руководства существуютъ только общіе признаки да личный взглядъ людей, имѣющихъ вѣсъ и довѣріе. Но и на это можно положиться только тамъ, гдѣ просвѣщеніе пустило глубокіе корни, гдѣ жизнь идетъ впередъ, какъ заведенные часы. А тамъ, гдѣ и приливъ, и отливъ приходятъ неопредѣленно, не въ пору и во-время,—и эти признаки также ненадежны.

Было время, когда наши университеты приготовляли сами своихъ будущихъ дѣятелей, каждый для себя. Дѣло шло постепенно, восходя по іерархической лѣстницѣ вверхъ. Отправленіе за-границу было рѣдкостью. Я помню еще, какъ одинъ почтенный профессоръ жаловался мнѣ на безпутство учившихся за-границею и довѣрялъ только однимъ доморощеннымъ. Такъ дошло дѣло, наконецъ, до того, что вездѣ оказался дефицитъ. Вступилось правительство. Открылось вербованіе въ университетахъ; выборъ былъ, однакожъ, предоставленъ совѣтамъ; выбранные должны были, для вѣрности, выдержать сначала одно испытаніе, каждый въ своемъ университетѣ;—испытывали же не одни только знанія, но и здоровье, и голосъ; потомъ второе—въ академіи наукъ, наконецъ, еще третье—въ дерптскомъ университетѣ. Такъ образовался профессорскій институтъ. Кажется, соблюдены были всѣ предосторожности, и что же? Развѣ результатъ удовлетворилъ всѣхъ? Послушайте, какъ судятъ о немъ многіе изъ современныхъ. Еще недавно одинъ ученый намекнулъ (въ газетѣ), что кандидаты профессорскаго института разстроили прежній университетскій бытъ, а не настроили. Послѣ того университеты опять сами принялись за дѣло, при другихъ, правда, условіяхъ, — и опять дефицитъ. Наконецъ, снова правительство вступилось, и уже по другому способу. Лучше ли онъ окажется прежняго, такимъ ли же, нѣтъ ли—неизвѣстно; но то уже извѣстно, что наши университеты покуда еще не выработали никакого лучша-

го способа; самый нормальный, при ненормальныхъ условіяхъ всего университетскаго быта, оказался также ненадежнымъ. Формулы болѣе вѣрной для образованія профессоровъ еще не найдено. Эта забота предоставляется будущему.

Не мнѣ поднимать его завѣсу. Я буду продолжать только начатое въ первомъ моемъ письмѣ, гдѣ я остановился на томъ, что молодые доценты въ Германіи начинаютъ свою учебную дѣятельность не такъ, какъ у насъ. Они начинаютъ почти всегда преподаваніемъ не цѣлой науки, а одного какого-нибудь ея отдѣла. Этотъ фактъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Кто же—мы или нѣмцы поступаемъ нормальнѣе? Есть ли физическая возможность молодому человѣку, только что окончившему курсъ въ университетѣ, учившемуся еще, положимъ, года два за-границею, исполнить такую необъятную обязанность, какъ систематическое преподаваніе цѣлой науки? Если мы видимъ теперь, и въ Германіи, и даже во Франціи, у самыхъ опытныхъ профессоровъ, наклонность замѣнять систематическіе курсы спеціальными, если, въ наше время, эта обязанность дѣлается почти неисполнимою и для корифеевъ науки, для дѣятелей, посвящавшихъ цѣлую жизнь на разработку различныхъ отдѣловъ предмета, то что сказать о новичкахъ? Что должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ принятой у насъ системы преподаванія? Очевидно, одно изъ двухъ: или самое поверхностное, школьное изложеніе цѣлой науки, или преждевременная усталость и апатія. Будущій нашъ доцентъ, отправляясь за-границу, съ цѣлью занять, по возвращеніи, каѳедру обширнаго предмета, нравственно обязывается въ какіе-нибудь два года пополнить пробѣлы, оставшіеся у него послѣ университетскаго образованія, прислушаться къ различнымъ способамъ изложенія, сравнить, оцѣнить ихъ, составить планъ своихъ будущихъ оффиціальныхъ занятій, и проч., и проч. По окончаніи срока, каждый увидитъ, что въ громадномъ трудѣ ему не удалось пополнить и сотой части всѣхъ пробѣловъ, а что и удалось, то все еще отрывочно и неровно. Вступивъ съ этимъ на каѳедру, каждый начнетъ дѣйствовать по характеру, по взгляду на жизнь и по силѣ воли. Одинъ, смотря на жизнь серьезно, будетъ продолжать свой трудъ, который уже увеличится для него, по малой мѣрѣ, вдвое противъ прежняго: прежде онъ работалъ только для себя, теперь, черезъ себя, и для другихъ,—а вмѣстѣ съ этимъ и пробѣлы въ знаніи покажутся ему еще яснѣе и объемистѣе. Чѣмъ онъ совѣстливѣе, тѣмъ труднѣе будетъ выполнять ихъ равномѣрно. На каждомъ шагу онъ увидитъ, что онъ то переложилъ, то не доложилъ. Цѣль сдѣлается мечтою. А тутъ еще проявятся домашнія, семейныя заботы. И вотъ, за напряженнымъ трудомъ, не ведущимъ къ цѣли, настанетъ усталость и разочарованіе, если молодой доцентъ былъ хоть сколько-нибудь способенъ къ увлеченію. Другой случай. Доцентъ — личность, смотрящая на жизнь и обязанность слегка, нисколько не увлекаясь, и не рѣзко отличающая «быть» отъ «казаться». Такой, конечно, недолго задумается, видя предъ собою необъятный горизонтъ науки. Тутъ научная отчетливость легко замѣнится смазливымъ изложеніемъ. Аудиторія на первый разъ будетъ удовлетворена, а наука съ перваго же раза скажетъ: прости. Конечный результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: отсталость и апатія.

Что это такъ, въ томъ я убѣждаюсь, вспоминая мое прошлое, прошлое моихъ товарищей и цѣлыхъ десятковъ другихъ лицъ, за дѣятельностью которыхъ я слѣдилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Есть, конечно, науки менѣе разработанныя, не устрашающія безпредѣльнымъ горизонтомъ, съ пробѣлами, которые для казеннаго преподавателя могутъ оставаться нетронутыми. Есть счастливыя личности, на долю которыхъ выпало занятіе этими науками. Есть еще счастливѣе, которые, по врожденному такту, скоро разгадываютъ искусство заниматься, и для себя, и для дру-

гихъ, соблюдая во всемъ мѣру, не вредя ни цѣлости, ни частямъ знанія. Но это—исключенія. Въ наше время, кто хочетъ сдѣлать что-нибудь путное и для науки, и для аудиторіи, тотъ непремѣнно долженъ избрать заранѣе одинъ отдѣлъ—сосредоточиться, не расплываться, а главное—выбирать по силамъ. Чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствія на первый разъ, тѣмъ болѣе надежды на результатъ, тѣмъ одушевленнѣе работа; а намъ нужно одушевленіе, чтобы не попасть въ руки нашихъ непримиримыхъ враговъ — апатіи и отсталости въ наукѣ. Нечего бояться ни односторонности, ни узкости взгляда, ни мелочности. Это все обвиненія a priori. Односторонность опасна въ училищѣ — отсюда она переходитъ въ науку. Не давайте одностороннягo направленія школьному образованію, а кто получилъ хотя мало-мальски общечеловѣческое, тотъ смѣло можетъ, послѣ университета и даже въ университетѣ, приступить къ специализированію. Пора убѣдиться, что въ ограниченной области нагляднѣе выкажутся разныя стороны. Никакая философія не докажетъ такъ хорошо необходимой для всѣхъ наукъ связи, какъ спеціальная разработка одной части какой ни-на-есть науки. Тутъ на каждомъ шагу прикоснешься къ чему-нибудь такому, чего не поймешь, не зная еще одного или другого; а за справкою иногда приходится идти далеко. Тутъ-то всего яснѣе и окажется, что науки не просто граничатъ одна съ другою, а внѣдряются и проникаютъ другъ въ друга. Но при спеціальныхъ занятіяхъ **методъ и направленіе** — вотъ главное. А этому изъ однѣхъ лекцій не научишься, изъ книгъ—также. Не отыскавъ вѣрной методы, не найдя направленія, растеряешь множество времени и самъ растеряешься. Найти то и другое безъ руководителя можетъ только талантъ; воображаетъ найти — самообольщеніе. Но мы привыкли видѣть въ университетскихъ наставникахъ не этихъ руководителей, а какихъ-то схоліастовъ или парламентскихъ ораторовъ. Только въ реальныхъ наукахъ они, въ наше время, уже то, чѣмъ должны быть. Будь профессоръ хотя бы нѣмой, да научи примѣромъ, на дѣлѣ, настоящей методѣ занятія предметомъ—онъ для науки и для того, кто хочетъ заниматься наукою, дороже самаго краснорѣчиваго оратора. Этотъ хорошо выставитъ науку на сцену; а тотъ покажетъ закулисный механизмъ. безъ котораго не узнаешь науки. Покажите образованному въ самомъ ограниченномъ масштабѣ, на какой-нибудь частичкѣ науки, только на самомъ дѣлѣ, методъ и механизмъ, которыми современная наука доходитъ до ея результатовъ — и остальное онъ добудетъ все самъ, если онъ дѣйствительно ищетъ знанія. Широкому любознанію покажется трудно ужиться съ этимъ узкимъ взглядомъ. Но пусть эта система занятій распространится, и, вѣрно, мелкіе научные собственники, чрезъ ассоціацію, составятъ огромный умственный капиталъ; пущенный въ оборотъ, онъ удовлетворитъ самому затѣйливому любознанію. Какъ бы то ни было, другого выхода — если не хотимъ отстать —теперь нѣтъ. Теперь, не занимавшись спеціально хотя бы однимъ отдѣломъ науки, принять на себя имя представителя и наставника — уже почти самозванство и анахронизмъ.

У насъ не хотятъ ничего этого понять. Въ Германіи доценты по нуждѣ уже идутъ; наши, также по нуждѣ, еще нейдутъ этою дорогою. Германская система, не дающая большого простора доцентской дѣятельности, введена въ предположеніи, что университетъ уже довольно имѣетъ опытныхъ представителей цѣлой науки. У насъ затрудненіе встрѣтится именно съ этой стороны. Гдѣ намъ будетъ взять преподавателей цѣлой науки, если всѣ наши доценты начнутъ заниматься отдѣльными ея частями? Можно ли намъ останавливаться на спеціалистахъ, когда у насъ десятки каѳедръ по основнымъ факультетскимъ наукамъ остаются цѣлыми годами вакантными? Взглянувъ на дѣло вольно и смѣло, мы увидимъ, что эти возраженія не такъ

страшны, какъ кажутся. Не забудемъ одного: намъ труднѣе, можетъ быть, бороться съ народными предразсуками, чѣмъ на Западѣ; но зато гораздо легче съ научными. Тамъ, въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ университетскаго образованія выработался уже извѣстный взглядъ, который перемѣнить трудно, хотя и много еще найдется такого, что требовало бы перемѣнъ.

Кѣмъ и какъ въ германскихъ университетахъ преподаются основныя факультетскія науки? Почти въ каждомъ университетѣ средней руки дѣлается это такъ: или систематическое изложеніе одной науки раздѣляется между нѣсколькими профессорами (отъ 2-хъ до 5-ти); или одинъ профессоръ излагаетъ цѣлую науку совершенно элементарно, въ главныхъ чертахъ; или, наконецъ, наука вовсе не излагается въ цѣлости и систематически. Первому и послѣднему способу слѣдуютъ профессоры наукъ отвлеченныхъ, словесныхъ и историческихъ; второй — почти во всеобщемъ употребленіи у профессоровъ наукъ практическихъ и естественныхъ. Вообще, можно сказать, что систематически излагаются только науки, входящія въ программу штатныхъ экзаменовъ. Въ Германіи едва ли, напримѣръ, найдется университетъ, въ которомъ, въ теченіе двухъ и болѣе лѣтъ, посѣщая лекціи трехъ или четырехъ профессоровъ исторіи, можно было бы выслушать курсъ всей древней, средней и новой исторіи. А многія изъ наукъ, излагаемыхъ систематически и вполнѣ, преподаются такъ элементарно, даже профессорами, пріобрѣвшими громкую извѣстность, что съ перваго раза скандализируютъ нашихъ кандидатовъ, окончившихъ курсы въ русскихъ университетахъ. Пріѣхавъ съ надеждою услышать на всякой лекціи германскихъ знаменитостей высшіе взгляды, они часто находятъ одинъ сжатый и трезвый обзоръ фактической стороны современной науки. Это не можетъ не поразить тѣхъ, которые привыкли у себя дома къ растянутымъ на два года, или нескончаемымъ систематическимъ курсамъ, исполненнымъ всѣхъ возможныхъ взглядовъ, созерцаній и т. п. Есть, впрочемъ, и въ Германіи еще довольно длинные систематическіе курсы нѣкоторыхъ юридическихъ и философскихъ наукъ, по тетрадямъ и подъ диктантъ, посѣщаемые многочисленною аудиторіей, и по охотѣ, и по привычкѣ. Но все это относится собственно только до профессоровъ; изъ доцентовъ же, какъ я уже сказалъ, никто почти не преподаетъ систематически цѣлую науку. Уже изъ однихъ матеріальныхъ разсчетовъ, едва ли бы какой факультетъ въ Германіи допустилъ доцента сдѣлать это.

Итакъ, мы видимъ: въ Германіи при обиліи умственнаго капитала, многія науки вовсе не излагаются въ цѣлости или систематически; въ Россіи, при скудости этого капитала, науки во всѣхъ университетахъ излагаются не иначе, какъ систематически и въ полномъ объемѣ. Въ Германіи систематическіе курсы наукъ практическихъ, опытныхъ, естественныхъ сжаты, коротки, элементарны, но зато соединены всегда съ множествомъ опытовъ, демонстрацій, и излагаются какъ можно нагляднѣе. Въ Россіи эти же самые курсы, при пространномъ изустномъ изложеніи, растянуты иногда на цѣлые годы и часто въ ущербъ наглядности. Въ Германіи при самыхъ скудныхъ доходахъ многихъ мѣстностей и правительствъ, профессоры опытныхъ наукъ располагаютъ всѣми современными средствами для нагляднаго преподаванія. Въ богатой Россіи почти отъ каждаго преподавателя реальныхъ наукъ услышишь жалобу на недостатокъ и скудость средствъ въ лабораторіяхъ, музеяхъ, и т. п. Въ Германіи систематическое изложеніе наукъ на лекціяхъ по руководствамъ, запискамъ, тетрадямъ встрѣчается какъ одинъ изъ средневѣковыхъ обычаевъ, съ которыми нелегко разстается западное общество. У насъ, въ университетахъ, это почти общепринятый способъ, хотя мы не имѣемъ ни средневѣковыхъ обычаевъ, ни преданій. Въ Германіи профессоры начинаютъ свое учебное поприще преподаваніемъ частностей и спеціально-

стей науки, потомъ, постепенно расширяя кругъ своей дѣятельности, нерѣдко послѣ многихъ лѣтъ, переходятъ къ полному, систематическому преподаванію,—да и то не всегда. Въ Россіи профессоръ, излагающій науку въ полномъ ея объемѣ, является какъ Минерва изъ головы Юпитера. Почему? Отвѣтъ, безъ сомнѣнія, у всѣхъ готовъ. Именно потому, что нашъ умственный капиталъ еще слишкомъ ограниченъ.

У насъ нѣтъ охотниковъ къ спеціальностямъ изъ слушателей, и очень мало—изъ преподавателей. Да намъ еще и не надо. Съ насъ довольно, если найдутся люди, способные передать нашей мало подготовленной аудиторіи науку въ цѣлости, не входя во всѣ ея подробности и частности. Намъ нужнѣе, для возбужденія нашихъ аудиторій къ дѣятельности, взгляды, воззрѣнія, системы, и проч., и проч. Вотъ въ этихъ-то отвѣтахъ, которые я не разъ слыхалъ, и кроется громадное заблужденіе, громадно ложный взглядъ на нашу науку и на способъ ея распространенія въ учащейся молодежи. Вотъ въ этомъ-то и лежитъ причина, почему мы все еще остаемся диллетантами въ наукѣ, искателями общихъ мѣстъ или дѣлаемся слишкомъ скоро разочарованными, усталыми и, потому, отсталыми.

Начнемъ съ того, дѣйствительно-ли наши студенты не могутъ иначе научиться, какъ изъ систематическихъ, университетскихъ курсовъ? Это было необходимо до введенія книгопечатанія; это было еще нужно въ прошломъ и даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія; это, наконецъ, еще и теперь необходимо для тѣхъ наукъ, съ которыми нельзя познакомиться изъ однихъ книгъ и руководствъ. Понятно, что въ такихъ наукахъ цѣлая библіотека всѣхъ возможныхъ руководствъ и учебниковъ не замѣнитъ одной наглядной лекціи. Я понимаю также необходимость систематическаго изложенія цѣлой науки и тогда, если она еще нова и только-что начинаетъ заявлять свои права, не входя въ общую систему наукъ. Но скажите, для чего излагать съ каѳедры цѣлые годы такіе предметы, которые не требуютъ ни опытовъ, ни демонстрацій, и которымъ можетъ научиться изъ книгъ всякій получившій хорошее гимназическое образованіе? Почему лекція должна быть такимъ специфическимъ средствомъ? Неужели изъ хорошихъ книгъ образованный человѣкъ не можетъ получить яснаго понятія о началахъ науки, основныхъ ея фактахъ, взглядахъ и т. п.? Для чего же эти сотни современныхъ руководствъ? Для чего многія изъ знаменитостей (и нерѣдко тѣ же самыя, которыя читаютъ и систематическіе курсы) занимаются составленіемъ руководствъ? Для чего гимназическое образованіе, если ученики, окончившіе курсъ въ гимназіи, не въ состояніи сами научиться какому-нибудь предмету изъ книгъ? Къ чему же служатъ эти руководства, если по нимъ иначе нельзя научиться, какъ слушая еще то же самое у профессора? Или читается на лекціи что-то другое? Для чего не печатается? Или руководство — это только компендій, рамка безъ содержанія? Но вѣдь есть всѣхъ возможныхъ объемовъ и видовъ оригинальныя компиляціи, въ систематическомъ и алфавитномъ порядкѣ.

Признаюсь, эти вопросы часто занимаютъ меня, и я до сихъ поръ не нахожу на нихъ удовлетворительнаго отвѣта ни у насъ, ни въ Германіи. Въ Россіи, пожалуй, еще можно сослаться именно на недостатокъ хорошихъ руководствъ; но почему же оставлять такъ долго этотъ пробѣлъ безъ вниманія? Развѣ это менѣе необходимо, чѣмъ образованіе профессоровъ? Можно ли достигнуть одного безъ другого? Почему не сосредоточить умственныя силы на переводы и изданія? Средства понадобятся не чрезмѣрныя. Издаютъ же студенты плохіе переводы руководствъ, изъ спекуляціи, и рѣдко остаются въ накладѣ. Стоило бы учредить комитетъ изъ переводчиковъ, какъ это было нѣкогда въ Веймарѣ, и всѣми средствами поддерживать конкурренцію. Съ лекціями ли, безъ лекцій ли, руководства необходимы;

безъ нихъ и думать нельзя о распространенiи науки. А чтобы были читатели, объ этомъ именно и должны заботиться и гимназiи, и университеты—вотъ это дѣло; но вкуса къ чтенiю еще никто не получитъ отъ одного посѣщенiя систематическихъ курсовъ.

Обилiе учебниковъ въ современной Германiи, сочиненiемъ которыхъ не брезгаютъ и знаменитости въ наукѣ, есть, въ моихъ глазахъ, фактъ, ясно отрицающiй необходимость систематическаго преподаванiя наукъ съ каѳедры. Оно, и дѣйствительно, уменьшилось въ Германiи почти наполовину противъ прежняго. Возьмемъ любой каталогъ лекцiй, и намъ нетрудно будетъ убѣдиться, напримѣръ, что ни въ одномъ почти университетѣ не читается теперь, ни профессорами, ни доцентами, полнаго курса всеобщей исторiи. Можно найти лекцiи о временахъ римской республики и императоровъ, о германской исторiи отъ вестфальскаго мира, о французской революцiи отъ 1789 года до консульства и проч. По филологiи также не найдете курсовъ греческой или римской словесности, а только сравнительныя чтенiя нѣкоторыхъ творенiй или нѣкоторыхъ частей творенiй Софокла, Эсхила, Ювенала, объясненiя (Erklärungen) анналовъ Тацита, рѣчей Демосѳена и т. п. Что же собственно отстаиваютъ въ систематическихъ курсахъ старинные ихъ приверженцы? Почему считаютъ эти лекцiи все-таки необходимыми для образованiя, хотя бы на нихъ то же читалось, что стоитъ и въ книгахъ? Vox viva,—говорятъ,—лучше книги. Но, на практикѣ, изъ трехъ голосовъ, вѣрно, найдутся два такiе, которые скорѣе усыпятъ, чѣмъ оживятъ слушателя. Да и тѣ изъ лучшихъ преподавателей, которые одарены отличнымъ органомъ, вѣрно, не разсчитываютъ въ своихъ аудиторiяхъ болѣе какъ на половину дѣйствительно слушающихъ, остальные—только присутствующiе. Дѣйствiе голоса, т. е. живой рѣчи на аудиторiю, правда, очень замѣтно, когда преподаватель имѣетъ даръ слова и когда онъ хочетъ не только убѣждать, но еще волновать и потрясать своихъ слушателей. Но если иногда это и бываетъ нужно, то уже, вѣрно, никакъ не для самой науки. Да и кто, гдѣ и когда полагалъ непремѣннымъ условiемъ при выборѣ профессора, чтобы онъ обладалъ особеннымъ органомъ или даромъ слова? Должно ли требовать отъ университетскаго преподавателя, чтобы онъ дѣйствовалъ не только на умъ, но еще волновалъ бы и потрясалъ аудиторiю? Хорошо ли, вообще, что до сихъ поръ, и у насъ, и на Западѣ, аудиторiи состоятъ изъ пассивныхъ слушателей? Это не значитъ, что я спрашиваю, хорошо ли, что лекцiи необязательны. Только огромная масса слушателей оправдываетъ беззаботность, съ которою мы относимся къ вниманiю нашихъ аудиторiй. «Пусть учится только тотъ, кто хочетъ учиться—это его дѣло. Но кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ чему-нибудь научиться—это мое дѣло»; такъ долженъ думать каждый совѣстливый преподаватель. Въ Германiи достигается это, въ извѣстной степени, посредствомъ различныхъ практическихъ (въ наукахъ не опытныхъ) и семинарскихъ (въ наукахъ отвлеченныхъ) упражненiй, существующихъ параллельно съ спецiальными научными курсами. Намъ стоило бы еще болѣе обратить вниманiя на эту сторону университетскаго преподаванiя. То, что въ англiйскихъ коллегiяхъ достигается въ образованiи достаточныхъ людей и богачей системою туторства, того можно было бы достигнуть особеннымъ способомъ преподаванiя и для нашихъ пролетарiевъ. При множествѣ слушателей, правда, не всѣ могутъ быть активными и занятыми; но все-таки и это множество, присутствуя при занятiяхъ своихъ товарищей съ профессорами, какъ аускультанты, сдѣлается, по крайней мѣрѣ, менѣе пассивнымъ,—и то хорошо.

Вотъ какъ бы, мнѣ казалось, можно было распорядиться съ аудиторiей. Во-первыхъ, при началѣ курса, я избралъ бы одно какое-нибудь руководство въ основанiе и вмѣнилъ бы въ нравственную обязанность, въ непремѣнное условiе, чтобы всѣ слушатели прочли его. И курсъ открыл-

ся бы въ томъ предположеніи—не иначе—что вся аудиторія знакома, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, съ основнымъ руководствомъ. Во-вторыхъ, въ этомъ же предположеніи, я избралъ бы одинъ изъ самыхъ главныхъ отдѣловъ и объявилъ бы его главнымъ предметомъ занятій, въ извѣстный срокъ времени. Въ-третьихъ, я потребовалъ бы отъ моихъ слушателей, чтобы каждый изъ нихъ принесъ на лекцію, въ одинъ для всѣхъ опредѣленный часъ, свои замѣчанія и вопросы на содержаніе этого дѣла. Замѣчанія эти, краткія и записанныя, относились бы до того только, что показалось каждому, при чтеніи, неяснымъ или сомнительнымъ. Разъясненіе этихъ-то неясностей и сомнѣній и составляло бы только предметъ лекцій. Способъ разъясненія зависѣлъ бы, конечно, отъ личности преподавателя, отъ свойствъ аудиторіи и отъ свойствъ излагаемаго предмета. Смотря по этому, и лекція принимала бы различный видъ: простой бесѣды или болѣе послѣдовательнаго изложенія. Варіацій на заданную тему можно было бы сдѣлать сколько кому угодно. Возраженій, конечно, и тутъ найдется довольно. А что, если замѣчаній и вопросовъ на каждой лекціи будетъ слишкомъ много? А что, если мало или вовсе никакихъ? Если много и разныхъ, то это лучшее средство узнать аудиторію. Ея вопросы и замѣчанія разомъ выскажутъ, чего ей недостаетъ и къ чему она не подготовлена. И, какъ бы ни были различны вопросы новичковъ, въ нихъ не трудно отыскать красную нитку; изъ нихъ много рѣшится однимъ хорошимъ отвѣтомъ. Но даже и тогда, если, за множествомъ вопросовъ и замѣчаній по одному отдѣлу, не останется времени на разрѣшеніе другихъ—все-таки не бѣда. Лучше показать аудиторіи на чемъ-нибудь одномъ хорошенько, какъ нужно обходиться съ наукой, лучше чѣмъ-нибудь однимъ расшевелить ея умственныя силы, чѣмъ проходить и цѣлую науку, да оставлять ихъ въ бездѣйствіи. Не скрою также, что этотъ способъ иному доценту покажется гораздо труднѣе обыкновеннаго. Но зато онъ, служа переходомъ къ спеціальнымъ занятіямъ наукою, потребовалъ бы вообще менѣе времени отъ преподавателя. Съ самаго начала довольно было бы четырехъ часовъ въ недѣлю собственно на лекціи, да часовъ десять въ недѣлю на домашнія приготовленія къ нимъ; а потомъ и еще менѣе (когда пониманіе слушателей сколько-нибудь изощрится). Все остальное время (до 30 и болѣе часовъ въ недѣлю) пригодилось бы молодому доценту на спеціальную разработку одного отдѣла науки. А если ни вопросовъ, ни замѣчаній, со стороны слушателей, вовсе не послѣдуетъ—знакъ, что аудиторія тупа, неразвита, равнодушна къ наукѣ—то что же? По совѣсти можно рѣшить, что такой аудиторіи покуда никакія лекціи не пойдутъ въ прокъ, и доцентъ могъ бы—все-таки въ предположеніи, что опредѣленный имъ отдѣлъ уже извѣстенъ ей изъ руководства—разъяснять только то, что онъ самъ считаетъ для нея неяснымъ. Какъ бы то ни было, выгоды этого способа очевидны. Вопервыхъ, не терялось бы для доцента множество времени понапрасну на изложеніе того, что можетъ каждый образованный гимназистъ усвоить собственнымъ трудомъ и безъ лекцій. Лекціи сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть — подмогою умственной работѣ слушателей. Слушатели сдѣлались бы нравственно обязанными не ограничиваться формально-пассивнымъ посѣщеніемъ лекцій. Если не любовь къ наукѣ, то самолюбіе заставило бы многихъ сдѣлаться дѣйствующими лицами на лекціяхъ. Руководства читались бы съ толкомъ. Спеціальные курсы сдѣлались бы необходимѣе систематическихъ. Занятія сдѣлались бы самостоятельнѣе. Было бы менѣе словъ и болѣе дѣла. Словомъ, только этимъ способомъ можно бы сдѣлать ненормальное положеніе нашей науки болѣе сноснымъ и менѣе вреднымъ. Молодымъ силамъ доцентовъ, которыя теперь тратятся на неисполнимыя для нихъ обязанности (преподаваніе цѣлой науки), давно было бы время окрѣпнуть надъ разработкою одного отдѣла науки и подгото-

виться къ обладанію цѣлымъ. Пусть они распространятъ этотъ вкусъ къ спеціальнымъ занятіямъ какъ можно скорѣе и между слушателями. Мы теперь знаемъ достовѣрно—и это фактъ для насъ чрезвычайно утѣшительный—что у молодыхъ людей, получившихъ общечеловѣческое образованіе, скорый переходъ къ изученію частностей въ наукѣ—лишь бы оно было серьезное и обстоятельное—нисколько не вредитъ, а скорѣе помогаетъ цѣлости знанія. Мы знаемъ теперь достовѣрно, какъ тщетны и неестественны попытки ума узнать что-нибудь общее безъ отчетливаго знанія частностей. Мы смѣло можемъ утверждать, что точное изученіе частнаго несравненно вѣрнѣе ведетъ къ познанію цѣлаго, чѣмъ наоборотъ. Общее и цѣлое—не забудемъ—это отвлеченія, выведенныя изъ знанія частностей. Къ чему же распространяться и терять время на длинные систематическіе курсы наукъ, тогда какъ оно могло бы употребиться, и доцентами, и студентами, на серьезное изученіе отдѣловъ? Посмотрите, какъ поступаютъ въ Германіи знатоки дѣла. Бунзенъ и Кирхгофъ въ одинъ семестръ оканчиваютъ цѣлый курсъ физики и химіи. Я сказалъ уже, какъ это нашихъ удивляетъ. Правда, прочесть цѣлый курсъ въ полгода и можетъ только знатокъ дѣла. Но такимъ нельзя иначе сдѣлаться, какъ испытавъ сначала свои силы въ разработкѣ частностей. Вотъ этого-то и должны стараться достигнуть наши доценты. Дайте же имъ время и средства. Не заваливайте ихъ съ самаго начала громаднымъ трудомъ, котораго не преодолѣешь безъ отчаянной усталости!

Я знаю, что введеніе этого способа преподаванія на практикѣ встрѣтитъ немаленькія препятствія, и со стороны профессоровъ, и со стороны слушателей. Можно ли предполагать столько самостоятельности и подготовки въ нашихъ студентахъ? Можно ли требовать отъ бѣдняковъ, чтобы они не только платили за лекціи, но еще и за руководства? Студенты скажутъ: мы и такъ едва находимъ время ходить на лекціи, а тутъ нужно будетъ еще читать и приготовляться къ каждой лекціи! Гдѣ взять руководствъ на русскомъ? и проч., и проч. Мораль всего этого будетъ та, что лучше оставаться по прежнему. Молодые доценты вступятъ на каѳедру и, побившись года два или три, кончатъ, по прежнему, тѣмъ, что составятъ записки, которыя налитографируются, напечатаются или останутся подъ спудомъ. Слушатели сохранятъ прежнее убѣжденіе, что лекціи назначены замѣнять книги, и потому нужно одно изъ двухъ: или читать, или слушать. Правда, что и въ Германіи есть еще довольно почтенныхъ профессоровъ, читающихъ систематическіе курсы, то по запискамъ, диктуя ихъ отъ слова до слова пишущей аудиторіи, то по руководствамъ, отъ доски до доски, то изустно, съ ежегодными варіантами. Но не забудемъ, что тутъ дѣлается многое изъ экономическихъ разсчетовъ. Если бы эти курсы не приносили значительнаго дохода, то, навѣрное, многіе изъ профессоровъ предпочли бы имъ чисто спеціальные. Да и духъ реформы въ Германіи долженъ вездѣ бороться съ средневѣковымъ обычаемъ, прежде чѣмъ одержитъ побѣду, что, конечно, и не худо съ другой стороны. Старинный нѣмецкій способъ преподаванія подъ диктовку и по тетрадкамъ есть, очевидно, остатокъ временъ до книгопечатанія, когда, кромѣ манускриптовъ и записыванія со словъ, не было другихъ средствъ къ распространенію свѣдѣній. А у насъ цивилизація началась не до книгопечатанія, и наши реформы, слава Богу, не встрѣчаютъ на пути отжившихъ преданій ученой старины. У насъ печатное слово можетъ пользоваться, и пользуется, такимъ же довѣріемъ, какъ и изустное. Оставимъ же предразсудокъ, раздѣляемый и профессорами, и студентами. Перестанемъ видѣть въ систематическихъ курсахъ и въ лекціяхъ единственный путь къ наукѣ. Обратимъ вниманіе на вопіющую бѣдность нашей научной литературы. Не забудемъ, что у насъ нѣтъ еще порядочныхъ современныхъ руководствъ даже и по такимъ предме-

тамъ, какъ анатомія и физика. Откроемъ комитеты для переводовъ и составленія учебныхъ книгъ при всѣхъ университетахъ. Распространимъ вкусъ и потребность къ чтенію научныхъ книгъ. Не будемъ терять время въ изложеніи такихъ вещей на лекціяхъ, которыя можно узнать и безъ нихъ. Потребуемъ отъ нашихъ студентовъ, чтобы они приходили на лекціи подготовленные уже чтеніемъ того, что можно узнать и безъ лекцій. Сдѣлаемъ наши лекціи незамѣнимыми для слушателей ни книгою, ни тетрадью. Сдѣлаемъ изъ нихъ незамѣнимое средство усвоивать знаніе, почерпаемое и изъ природы, и изъ книгъ. Укоротимъ и упростимъ систематическіе курсы, предоставивъ ихъ однимъ опытнымъ наставникамъ. А доцентовъ не будемъ отвлекать отъ спеціальныхъ занятій со студентами, налагая обязанности, вовсе для нихъ неисполнимыя. Будемъ заботиться объ общемъ и общечеловѣческомъ образованіи въ гимназіяхъ; а въ университетахъ примемъ принципъ современной науки, что чѣмъ кто скорѣе начнетъ изучать частное въ точности, тѣмъ вѣрнѣе узнаетъ и цѣлое. Не остановимся предъ трудностями въ приложеніи: онѣ не такъ велики, какъ кажутся. Смѣло введемъ способъ, отъ котораго наша аудиторія ничего не теряетъ въ настоящемъ, а въ будущемъ, вмѣстѣ съ наукою, выигрываетъ.

Изъ моихъ бесѣдъ съ нашими доцентами новаго поколѣнія я замѣтилъ, какъ многіе изъ нихъ озабочены будущею обязанностью, хотя и немногіе ясно видятъ необходимость реформы преподаванія. Духъ современной науки не могъ, однакожъ, не оказать своего дѣйствія на всѣхъ. Всѣ видятъ, что теперь не время уже играть въ системы и взгляды. Нуженъ трудъ сосредоточенный, и потому, по-неволѣ, ограниченный. А между тѣмъ, въ близкой перспективѣ, являются уже общіе систематическіе курсы, къ кототорымъ, также по-неволѣ, нужно подготовляться. Въ этой борьбѣ между современно-научнымъ стремленіемъ и оффиціально-учебными требованіями, конечно, нѣтъ ничего утѣшительнаго. Тѣ, которые берутъ дѣло близко къ сердцу, начинаютъ уже подумывать о подготовленіи записокъ. Могу-ли я имъ это отсовѣтовать? Я живо помню, какъ я самъ, вступивъ на каѳедру, терялъ и дни, и ночи на эту безжизненную работу, какъ — новичокъ въ дѣлѣ—терялся въ подробностяхъ, боялся выпустить то или другое и лишить моихъ слушателей того знанія, которое мнѣ такъ казалось необходимымъ—и тѣмъ болѣе необходимымъ, что я самъ еще имъ не владѣлъ хорошенько. Живо помню, какъ трудно было справляться, на первыхъ порахъ, съ громаднымъ матеріаломъ, какъ онъ росъ и безпощадно осиливалъ меня на каждомъ шагу. Не дай Богъ начинать учебное поприще систематическимъ преподаваніемъ цѣлой науки!

Сообщая наши свѣдѣнія другимъ, мы дѣлаемъ одно изъ трехъ: или мы, владѣя хорошо свѣдѣніемъ, извлекаемъ изъ него для другихъ только то, что принимаемъ за самое существенное; или, по пословицѣ: «что есть въ печи, все на столъ мечи»,—спѣшимъ изложить все, что знаемъ; или, наконецъ, мы сообщаемъ не только все, что знаемъ, но и то, чего не знаемъ. Это послѣднее кажется съ перваго взгляда парадоксомъ. Но, заглянувъ немного глубже въ себя, мы невольно сознаемся, что именно этотъ-то кажущійся парадоксъ всего чаще и осуществляется на дѣлѣ. Опытные наставники поступаютъ какъ дипломаты: они не высказываютъ всего, что знаютъ. Это правило имѣетъ глубокій смыслъ; но приложить его можетъ только тотъ, кто хорошо изучилъ и себя, и другихъ. Простой намекъ, недосказанное убѣжденіе иногда скорѣе пробудитъ любознательность въ слушателѣ, чѣмъ самое подробное изложеніе дѣла. Молодые доценты никогда этого не понимаютъ, да и не могутъ понять. Чѣмъ моложе, чѣмъ свѣжѣе, чѣмъ менѣе уложилось въ головѣ пріобрѣтенное свѣдѣніе, тѣмъ болѣе оно просится наружу. Безъ особаго навыка нельзя, въ одно и то же время, глотать новое и переваривать его такъ, чтобы оно сначала улеглось,

а потомъ перешло въ кровь и плоть. Еще хуже, если обязанность заставляетъ нарушать это правило. Жаль такого доцента, жаль его слушателей, жаль науку!

Наши кандидаты въ профессоры, зная, что я имъ отъ души желаю добра, вѣрно, не разсердятся на меня за сожалѣніе. Если-бы они знали навѣрное, какъ должны дѣйствовать, выступая на новое поприще, то, вѣрно, избрали бы заранѣе одну опредѣленную систему занятій. Теперь же, поставленные между требованіями современной науки и предстоящими обязанностями доцента, границы которыхъ не опредѣлены, они по-неволѣ колеблются въ выборѣ. И вотъ, одни изъ нихъ совѣстливо трудятся надъ разработкою того или другого отдѣла науки, сближаются съ профессорами-спеціалистами и пользуются ихъ совѣтами на самомъ дѣлѣ. Другіе стараются какъ можно скорѣе пополнить «пробѣлы знаній» усиленнымъ посѣщеніемъ различныхъ лекцій и курсовъ. Третьи предпочитаютъ занятія келейныя и книжныя, находя лекціи необходимыми только для изученія способовъ преподаванія. Очевидно, что каждый изъ трехъ родовъ занятій имѣетъ свои выгоды и недостатки. Посвятившіе себя изученію спеціальностей стоятъ на самой вѣрной дорогѣ. Они принесутъ съ собою знаніе, хотя и не такъ обширное и блестящее, но зато прочное. Сближеніе съ спеціалистами даетъ имъ возможность слѣдить за механизмомъ развитія науки подъ руками учителя, на самомъ дѣлѣ. Одно это преимущество уже ничѣмъ незамѣнимо. О невыгодахъ я замѣтилъ въ первомъ письмѣ. Второй родъ занятій—посѣщеніе курсовъ и лекцій—имѣетъ особую привлекательность для всякаго любознательнаго иностранца; для насъ—еще болѣе. Но онъ беретъ чрезвычайно много времени и рѣдко ведетъ къ настоящему сближенію съ профессорами. Поэтому немудрено, что германскіе корифеи многихъ нашихъ, ревностно посѣщавшихъ ихъ курсы, не знаютъ и по имени. Правда, не всѣ видятъ пользу отъ такого сближенія, а иные, признавая ее, жалуются на недоступность нѣмецкихъ ученыхъ. И то, и другое, мнѣ кажется отговорками, весьма извинительными и для меня понятными, но вовсе не справедливыми. Въ нѣмецкомъ характерѣ есть, дѣйствительно, особая щекотливость или то, что называется обыкновенно susceptibilité, которая иногда съ перваго раза отталкиваетъ; многіе изъ ученыхъ дѣйствительно, холодны и сдержаны въ обращеніи съ незнакомыми; есть изъ нихъ и подозрительные, которые опасаются проговориться и слишкомъ рано обнаружить мысль, думая, что ею могутъ воспользоваться въ ущербъ ихъ научной славѣ. Наши непрошенные критики успѣли уже, можетъ быть, усилить эту щекотливость. Но холодность замѣняется скоро самымъ непринужденнымъ радушіемъ и готовностью, какъ скоро германскій профессоръ убѣдится, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, преданнымъ наукѣ и желающимъ серьезно заняться. Въ этомъ, вѣрно, согласится со мною всякій, кто свыкся съ университетскимъ германскимъ бытомъ. Конечно, языкъ и нѣкоторое знакомство съ національнымъ образомъ мыслей здѣсь много значатъ.

Но иногда занятія, состоящія преимущественно въ посѣщеніи лекцій, приводятъ и къ результатамъ вовсе неожиданнымъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ нашихъ, вслѣдствіе самаго ревностнаго посѣщенія филологическихъ курсовъ знаменитѣйшихъ германскихъ профессоровъ, пришелъ уже къ убѣжденію, «что всѣ такія занятія въ Россіи немного имѣютъ практической (???) важности». Другой, на лекціяхъ германскихъ знаменитостей испыталъ «быстрое дѣйствіе недостатковъ и медленное достоинствъ». Кто не знаетъ, какъ важно для всѣхъ, занимающихся наукою, критическое направленіе ума. Но, не забудемъ, оно подвигаетъ науку впередъ, когда является какъ зрѣлый плодъ научнаго образованія. А хорошо ли, если этотъ плодъ приносятъ на рынокъ неспѣлымъ? Получивъ оскомину, невольно пожалѣешь, для чего ему не дали созрѣть. Но, принявъ отъ другихъ цѣликомъ и нравы, и науки, намъ нужно помириться и съ слѣд-

ствіями. Нечего дѣлать, если нашей сатирѣ суждено было явиться на свѣтъ прежде литературы, а критикѣ —прежде науки. На Западѣ критическое направленіе, какъ реакція противъ средневѣкового поклоненія авторитету, идетъ рука объ руку съ свободою научнаго разслѣдованія. Одно вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ другого. И несмотря—или, лучше, смотря на это—авторитетъ сохраняетъ въ западной наукѣ высокое нравственное значеніе. Основаніе его только перестало быть средневѣковымъ. Когда-то прежде оно было безсознательно, какъ преданіе. Теперь пользуется авторитетомъ въ наукѣ только тотъ, кто пріобрѣлъ его достовѣрностью открытыхъ фактовъ и логическою правильностью выводовъ. Подъ эти двѣ категоріи можно подвести всѣ достоинства современнаго научнаго авторитета. То и другое признается не прежде, какъ послѣ критическихъ анализовъ такими же авторитетами. Кажется, нѣтъ ничего справедливѣе. Откуда же тотчасъ недовѣріе и противодѣйствіе отъ лицъ, только что выступающихъ на научное поприще? Отчего критическій анализъ кажется намъ такъ легкимъ, что мы тотчасъ же бросаемся на него? Откуда это стремленіе низвести его на степень насмѣшки? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, только оттого, что недостатки другихъ на насъ быстро, а достоинства медленно дѣйствуютъ? Отчего на Западѣ, несмотря ни на борьбу враждебныхъ партій, ни на оппозицію политической власти, нигдѣ не видно такой несообразности, какъ у насъ: съ одной стороны, страшнаго равнодушія къ спеціальнымъ занятіямъ, а съ другой, наклонности разоблачать авторитеты пріобрѣвшіе себѣ имя въ наукѣ именно спеціальными занятіями. Какъ осмыслить это явленіе? Гдѣ, въ какомъ уголку нашей души искать его мотивовъ? Въ зависти ли, въ трусости ли, въ томъ ли, что можно бы назвать captatio malivolentiae? Можетъ быть, тутъ есть всего понемногу. Самолюбію не хочется признать и въ свободной области ума власть надъ собой. Разоблачая недостатки сильнаго, мы убаюкиваемъ трусость, увѣряя ее, что онъ вовсе не такъ силенъ, какъ кажется. Возбудивъ его противъ себя, намъ легко будетъ увѣрить другихъ, что онъ намъ недоброжелательствуетъ, если не признаетъ нашихъ достоинствъ. Но причину причинъ нужно все-таки искать въ обстановкѣ нашей школьной жизни.

Мы очень рано теряемъ довѣріе къ нашимъ учителямъ. И нужно, къ сожалѣнію, признаться, что и сами учители, и внѣшнія обстоятельства, привели насъ къ этому. Немногіе изъ нашихъ наставниковъ были представителями правды въ глазахъ дѣтей. А многіе ли изъ нихъ, не требуя отъ ученика вѣры на-слово, были такими, что имъ можно было бы вѣрить на-слово? «Учитель мой—врагъ мой» —вовсе не рѣдкость—правило въ нашихъ школахъ. Что же мудренаго, если, вступая съ такимъ направленіемъ въ область науки, мы въ ея свободѣ разслѣдованія и думаемъ найти полное оправданіе нашего образа мыслей? Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, границы? Наука оправдываетъ сомнѣніе; наука ничего не принимаетъ на-слово. Мы же забываемъ при этомъ одно. Принципъ свободнаго разслѣдованія въ наукѣ, предоставляя каждому право сомнѣваться и отвергать, принимаетъ самъ и цѣнитъ только то, что есть въ отрицаніи положительнаго. А этого-то именно и нельзя предъявить тому, кто съ самаго начала вступаетъ съ однимъ отрицательнымъ направленіемъ. Въ области науки, какъ бы она ни казалась демократическою, есть своя аристократія—ума и заслугъ. Въ сущности, она и заправляетъ всѣми дѣлами, хотя сама раздѣлена на враждебныя партіи. Кто начнетъ свое поприще оппозиціей, тотъ иногда можетъ угодить той или другой изъ нихъ, но рѣдко получитъ за то видное мѣсто.

Наконецъ, и третій родъ занятій —чисто келейный—едва-ли соотвѣтствуетъ цѣли путешествія за границу. Конечно, много значитъ свойство предмета и характеръ лица. Но каковъ бы ни былъ предметъ, каковъ бы ни былъ характеръ, я думаю, сближеніе съ людьми, пріобрѣвшими авто-

ритетъ въ наукѣ, никогда не помѣшаетъ; а тому, кто самъ хочетъ что-нибудь сдѣлать для науки—оно необходимо. Сблизившись, и можно только оцѣнить по справедливости научный авторитетъ наставника.

Нѣкоторые, сверхъ того, имѣя въ виду еще предстоящій экзаменъ (на степень магистра или доктора) и диссертаціи, должны поневолѣ удѣлять часть своего времени и на это. При обязанностяхъ, вовсе неопредѣленныхъ въ размѣрѣ, которыя предстоятъ вообще имъ всѣмъ, нужно опасаться не за бездѣйствіе, а за ту же неопредѣленность и безграничность въ образѣ занятій. Знай они, напримѣръ, навѣрное, что отъ нихъ не потребуютъ тотчасъ, при вступленіи въ доцентство, полнаго, систематическаго изложенія избранной науки,—я увѣренъ—большая часть изъ нихъ сосредоточила бы всѣ силы на одномъ изъ отдѣловъ науки, постоянно расширяя кругъ своей дѣятельности. Въ трудахъ обнаружилось бы тогда, можетъ быть, менѣе рѣзкихъ взглядовъ на дѣйствія другихъ, но за то гораздо болѣе взыскательности къ своимъ собственнымъ. А теперь какъ приготовишься къ тому, что не по силамъ? Съ чего начать, если придется излагать полный, систематическій курсъ будущей аудиторіи? Читать ей руководство отъ доски до доски—стыдно. Составить записки? во-первыхъ, этого въ первый годъ не сдѣлаешь, а потомъ развѣ не задашь себѣ вопроса: для чего же я не печатаю эти записки и не издаю ихъ, какъ руководство, если я по нимъ читаю, какъ по руководству? Если потому, что онѣ еще не выработаны, то, значитъ, я моей аудиторіи сообщаю то, чего еще самъ не переварилъ и не выработалъ. Если же записки изданы и напечатаны то опять вопросъ: что же я читаю на лекціи? Тоже, что въ нихъ, или другое? Если то же, то для чего? если другое, то почему не издаю этого другого? Правда, изданное руководство не остается теперь долго современнымъ. Но то новое, что сообщается ежегодно аудиторіи, не такъ громадно, чтобы не могло помѣститься въ прибавленіи къ рукободству, пока оно не потребуетъ основной передѣлки. Чтобы избѣжать этихъ возраженій, не натуральнѣе ли было бы ограничить дѣятельность доцента, какъ я предлагаю?

Мнѣ остается еще оговориться. Въ концѣ перваго письма я сказалъ, что не раздѣляю убѣжденія тѣхъ, которые хотятъ все время, или большую часть его, посвятить спеціальной работѣ, но я тогда же признался, что мой взглядъ справедливъ только относительно. При существующемъ порядкѣ вещей, я, кажется, ничего другого не могъ сдѣлать, какъ поставить тотъ же вопросъ: исполнимо ли назначеніе преподавателя науки въ полномъ ея объемѣ для молодого человѣка, только-что выступающаго на учебное поприще? Пусть же второе письмо служитъ отвѣтомъ на это.

III.

13-го (25-го) ноября 1863 г.

«Слава Богу и наши университеты уже начинаютъ пользоваться автономіею!» Такъ я подумалъ, взглянувъ на правила, составленныя для занятій студентовъ совѣтомъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Но, когда я читалъ эти правила, мнѣ вдругъ пришли на мысль слова, когда-то сказанныя Наполеономъ о Бурбонахъ. Видно, не одни Бурбоны не съумѣли забыть стараго! Видно забывать въ пору старое—это мудрость избранныхъ...

Вотъ онъ, вотъ этотъ 99-й параграфъ новаго устава; вотъ первые слѣды университетской автономіи, въ которой я, старый мечтатель, ищу такъ усердно спасенія для нашихъ университетовъ отъ рутины и формализма! Какъ же проявляется она на первый разъ? Какъ же воспользова-

лись на первый разъ наши университеты правомъ контроля, который предоставляется имъ этимъ параграфомъ надъ занятіями студентовъ?

Давно ли казалось намъ, что наша принудительная система ученія въ университетахъ отжила уже свой вѣкъ, и мы—такъ казалось—приготовлялись забыть ее? Оказывается, что мы забыли не ее самое, а только ея недостатки. Вотъ она опять налицо, со всѣми ея репетиціями, обязательными курсами, переводными экзаменами, колоквіями — недостаетъ только перекличекъ; но не безпокойтесь: онѣ, какъ неминуемое слѣдствіе, не замедлятъ также явиться на свѣтъ. Смотря на эти періодическіе возвраты къ старому и прожитому, и видя, между тѣмъ, какъ жизнь все-таки идетъ впередъ безъ остановки, поневолѣ махнешь рукой и скажешь: «вѣрно такъ ужъ должно быть!» А казалось бы, что именно тамъ, гдѣ репетиція, переклички и вся эта школьная обязательность совпадала нѣкогда съ похоронами анатомическаго музея, переживать ее снова куда какъ не весело! Но и то сказать къ нашему оправданію, вѣдь не мы одни ищемъ спасенія въ обязательности. Въ ученой Германіи слышатся также, порою, голоса за нее—правда, старыхъ профессоровъ и ультра-консерваторовъ. Въ Цюрихѣ, гдѣ студенты слушаютъ лекціи и въ университетѣ и въ политехникумѣ, директоръ политехники жалуется на университетскихъ, за то, что они нарушаютъ обязательныя студіи его учениковъ. Въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ профессора съ давняго времени обязаны каждое полугодіе свидѣтельствовать объ успѣхахъ своихъ слушателей. Деканъ боннскаго юридическаго факультета увѣрялъ меня даже, что онъ знаетъ наизусть, какъ занимается каждый изъ его слушателей и потому можетъ по совѣсти свидѣтельствовать объ успѣхахъ каждаго. А въ Англіи, въ Оксфордѣ, въ Кембриджѣ? Что и говорить! Принудительное ученіе не такъ еще безпомощно скитается въ европейскихъ университетахъ и высшихъ школахъ, чтобы ничего не нашлось сказать въ его защиту; а въ политехническія заведенія оно вводится вновь, да еще и съ германскою аккуратностью, которая не чета нашей.

Но неужели же, въ самомъ дѣлѣ, уроки своего прошедшаго для насъ химера? Неужели вездѣ и во всемъ, мы должны вѣрить другимъ болѣе, чѣмъ самимъ себѣ? Или прошедшее говоритъ намъ объ этой обязательности то же, что Эзопъ говорилъ объ языкахъ за обѣдомъ философа? Давно ли наши университетскіе курсы, благодаря переводнымъ обязательнымъ экзаменамъ, продолжались всего-навсего 7 мѣсяцевъ въ году, не включая еще сюда ни воскресеній, ни рождественскихъ праздниковъ, ни масляницы, ни святой, ни дней говѣнія, ни другихъ высокоторжественныхъ дней? Кто изъ насъ не знаетъ, что начать переводные экзамены (какъ излагаютъ именно это новыя правила) съ 1-го мая, продолжать ихъ три недѣли, да прибавить къ нимъ еще двѣ послѣднія недѣли семестра, для репетицій, значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ покончить со всѣми лекціями къ святой? Кто не пойметъ изъ насъ, что лекціи, начатыя послѣ переводныхъ экзаменовъ, то-есть съ 21-го мая, и оконченныя опять черезъ четыре недѣли, были бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Переведенныхъ учениковъ, хоть бы они назывались и студентами, не удержишь, развѣ придумаютъ новый экзаменъ, чтобы удержать! Все это мелочи, не правда ли? Что для насъ время! имъ не стоитъ заниматься—мы его выше. Студенты будутъ учиться—вотъ главное; не будетъ праздношатающихся. И откуда имъ взяться, «если каждый студентъ (какъ гласятъ правила), невыдержавшій переводнаго экзамена, не можетъ быть оставленъ въ томъ же курсѣ, развѣ только по ходатайству цѣлаго факультета», и, слѣдовательно, долженъ быть уволенъ. Если же послѣ увольненія ему позволятъ опять вступить, и онъ опять провалится на экзаменѣ, то будетъ исключенъ; а исключенный долженъ будетъ и совсѣмъ удалиться изъ города. Итакъ,

кажется, все придумано для тишины и порядка, нарушаемаго праздностью и лѣнью! Но поворотимъ медаль на другую сторону. Такъ ли будетъ на самомъ дѣлѣ? Будутъ ли лучше учиться и будутъ ли лучше знать? Сдѣлается ли университетская молодежь тѣмъ, чѣмъ она должна быть въ государствѣ, просвѣщенномъ наукой и честнымъ гражданствомъ? Законъ— будь онъ, пожалуй, драконовъ—долженъ быть справедливъ и, главное, исполнимъ. Конечно, подъ вліяніемъ предшествовавшихъ безпорядковъ въ нашихъ университетахъ, должна была родиться мысль, что безпорядки эти вышли отъ праздности и лѣни. «Студентамъ некогда бы было колобродить, еслибы они дѣльно занимались наукою»; это я слыхалъ не разъ и отъ начальниковъ, и отъ родителей, и отъ наставниковъ. Но никто не хочетъ вѣрить, между тѣмъ, что никогда лекціи, библіотеки, музеи, лабораторіи не посѣщались такъ ревностно, какъ въ послѣднее пятилѣтіе, несмотря на то, что университетское ученіе никогда не было такъ мало обязательнымъ, какъ въ это время. Можетъ быть, это не вездѣ такъ было. Но во время моего попечительства въ Кіевѣ, когда, по слухамъ, студенты обвинялись также въ праздности, я нарочно требовалъ объ этомъ мнѣнія совѣта, и совѣтъ, въ полномъ своемъ засѣданіи, объявилъ почти единогласно, что студенты не только посѣщаютъ лекціи, но и вообще занимаются гораздо прилежнѣе, чѣмъ прежде. Были, правда, и такія лекціи, которыя вовсе не посѣщались; но студенты въ этомъ были виноваты, по малой мѣрѣ, не болѣе профессоровъ. Это мое искреннее убѣжденіе—я достигъ его, наблюдая за ходомъ дѣла sine ira et studio.

Итакъ, не въ одной лѣни, не въ одномъ праздношатательствѣ скрывается главная причина зла. И лѣнь, и праздношатательство сами только слѣдствія другой, болѣе глубокой причины, про которую я уже сказалъ однажды (въ университетскомъ вопросѣ), гдѣ нужно ее искать; повторять не буду и предоставлю рѣшить времени, ошибаюсь я, или нѣтъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я вовсе отвергалъ учебныя мѣры, какъ средство противъ безпорядковъ, празднаго тунеядства и потери самаго золотого времени жизни. Я давно уже толковалъ, и готовъ толковать безъ умолку, что пора преобразовать систему университетскаго ученія. Но не такъ, не воскрешая отжившее; не мертвящею формою, а живымъ содержаніемъ. Я предвижу—для этого не нужно много соображенія—что послѣ всѣхъ репетицій, испытательныхъ колоквіи и переводныхъ экзаменовъ, студенты, дѣйствительно, будутъ чинно переводиться изъ курса въ курсъ, будутъ посѣщать и лекціи, будутъ выдерживать и окончательные экзамены на степень, будутъ, пожалуй, и тише воды, и ниже травы, но—и только. А далѣе? Развѣ это будетъ вѣрнымъ признакомъ истиннаго научнаго направленія? Развѣ всѣ стремленія нашей педагогіи должны ограничиваться одною отрицательною стороною дѣла? А гдѣ же гарантія для положительной, для главной? О, какую огромную отвѣтственность передъ судомъ будущей нашей науки берутъ на себя тѣ, которые хотятъ ея судьбу сдѣлать зависимою отъ обязательной формальности! Пусть каждый университетъ дѣйствуетъ, въ дѣлѣ образованія молодежи, по собственнымъ убѣжденіямъ—это прекрасно: 99-й параграфъ даетъ ему на это полное право—лишь бы убѣжденія были искренни. Пусть и ошибается каждый университетъ по своему; это неизбѣжно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чемъ-нибудь новомъ, неиспытанномъ. Но если наши университеты начинаютъ пользоваться съ перваго же раза автономіею для того только, чтобы поднимать на ноги старую мѣру, у которой не можетъ быть никакого неизвѣстнаго будущаго, то нельзя не быть взыскательнымъ, и это тѣмъ необходимѣе, что такое нововведеніе стараго можетъ возбудить подражаніе. А у насъ легко подражаютъ и безъ убѣжденія.

Тишина и порядокъ, конечно, важное дѣло въ университетскомъ быту, но не просто потому, что если тихо и спокойно, то и хорошо; а потому,

что и то, и другое—лучшія свидѣтельства уваженія студентовъ къ достоинству науки и университета. Если я завидую порядку и тишинѣ въ германскихъ университетахъ (на дняхъ былъ, къ сожалѣнію, скандалъ и въ одномъ изъ самыхъ чинныхъ геттингенскомъ, по поводу лейпцигскаго праздника), то именно потому, что вижу въ этомъ уваженіе къ наукѣ, къ наставникамъ, къ мѣсту образованія и къ общественному мнѣнію. А всего этого не достигнешь одною регламентировкою. Знаю, что безъ формальностей нельзя нигдѣ обойтись, знаю, что онѣ еще нужнѣе для незрѣлаго общества; но я слишкомъ близко знакомъ съ дѣломъ образованія, чтобы не понять какъ тутъ форма легко кабалитъ сущность, и какъ съ нею надо осторожно обходиться. Я, на моемъ вѣку, довольно экзаменовалъ; я вышелъ изъ того поколѣнія, которое еще застало и репетиціи, и переклички въ полномъ цвѣтѣ; я самъ экзаменовался восемь разъ, присутствовалъ при множествѣ различныхъ экзаменовъ, и сужу о ихъ значеніи не по одной наслышкѣ. Я знаю хорошую сторону экзамена; еще болѣе знаю худую. Его истинное значеніе заключается въ отчетливости и сдержанности, которыхъ онъ требуетъ отъ научнаго знанія. Кто занимался наукою, тотъ пойметъ, о чемъ я говорю. Молодой человѣкъ, и именно тотъ, которому ученье легко дается, почти всегда убѣжденъ, что онъ хорошо знаетъ то или другое, тогда какъ знаніе его еще неясно и сбивчиво. Это убѣжденіе у него родится потому, что онъ не умѣетъ еще совладать съ своею способностью представленія и фантазіею, и не умѣетъ еще сосредоточивать вниманія на существенномъ. Нерѣдко и всѣ мы, привыкши уже задавать себѣ, при нашихъ занятіяхъ, вопросы о существенномъ, узнаемъ мѣру своего знанія только тогда, когда разговоримся съ другимъ, хотя бы и мѣнѣе насъ знающимъ, о предметѣ нашего занятія. Итакъ, экзаменъ—предполагая, что экзаменаторъ владѣетъ искусствомъ — трезвитъ, сдерживаетъ и ограничиваетъ знаніе, но—и только. Съ другой стороны, экзаменъ легко совращаетъ съ настоящаго пути всѣ свойства духа, которыми мы пріобрѣтаемъ свѣдѣнія, и въ неискусныхъ рукахъ дѣлается изъ средства цѣлью. Это не преувеличеніе, а истинная правда. Механизмъ познанія чрезвычайно сложенъ. Стоитъ только остановить или испортить хотя одно изъ его колесъ, и все пойдетъ не на ладъ. Для нормальнаго его хода нужны, кромѣ цѣлости внѣшнихъ чувствъ, безъ которой нельзя получать впечатлѣній, еще память, фантазія и вниманіе. Безъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ способностей умъ безсиленъ, познанія невозможны. И вотъ, смотря по тому, какъ будетъ направлена воля на этотъ механизмъ, заставитъ ли она всѣ эти колеса дѣйствовать вмѣстѣ и гармонически, или одно на счетъ другого, результаты для знанія одного и того же предмета будутъ совершенно различные. Приучу я, напримѣръ, мою волю направлять и память, и фантазію на то, чтобы онѣ скопили какъ можно большую сумму представленій, а вниманіе—на одну ихъ формальную сторону, оставляя связь въ сторонѣ, то и знаніе мое будетъ имѣть характеръ чисто-формальный и вовсе не тотъ, который бы оно получило, еслибы вниманіе мое было обращено на связь представленій, или сосредоточилось на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Умъ нашъ дѣйствуетъ смотря по тому, въ какомъ видѣ доставленъ ему матеріалъ для разработки памятью и фантазіей. А какъ скоро мы обязуемся, что-нибудь узнавая, нести наше знаніе тотчасъ же на выставку, то непремѣнно и память, и фантазія, и вниманіе обратятся именно на сумму и форму представленій, т. е. на то, что легче выставляется, нежели понятіе о ихъ связи и сущности. Скажутъ, что все зависитъ отъ того, каковъ будетъ экзаменъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ чаще онъ будетъ повторяться, чѣмъ болѣе будетъ предметовъ испытанія и чѣмъ болѣе будетъ экзаменуемыхъ и экзаменующихся, тѣмъ скорѣе и легче онъ сдѣлается формальнымъ. Другое дѣ-

ло, еслибъ былъ преобразованъ способъ самаго пріобрѣтенія свѣдѣній, если-бы оно совершалось, напримѣръ, путемъ сократова ученія, если-бы знаніе пріобрѣталось не иначе, какъ при взаимномъ дѣйствіи всѣхъ духовныхъ способностей ученика и учителя: тогда все ученіе было бы постояннымъ испытаніемъ памяти, воображенія, вниманія и разсудка; тогда не было бы нужды и въ особенныхъ репетиціяхъ, и въ переводныхъ курсовыхъ экзаменахъ.

Но пока университетское ученье останется такимъ, какимъ оно есть —пассивнымъ посѣщеніемъ и слушаніемъ лекцій, до тѣхъ поръ знать и дать отчетъ о знаніи всегда будетъ двумя различными отправленіями въ понятіи учащихся. И если въ примѣненіи педагогическихъ способовъ трудно избѣгнуть крайностей, то ужъ лучше выбрать ту, которая устраняетъ всякій экзаменъ, какъ порчу ученія. Эта крайность, если-бы удалось всѣ наши свѣдѣнія пріобрѣтать путемъ непрерывнаго отчета (себѣ и другимъ), была бы даже важною педагогическою заслугою; во всякомъ случаѣ, она вовсе не такъ вредна и безсмысленна, какъ другая, которая даетъ ученью экзаменаціонное направленіе. Слѣдствія этого направленія я, къ сожалѣнью, узналъ слишкомъ хорошо, чтобы не объявить ихъ самыми убійственными для нашей науки. Если знаніе безъ испытанія теряетъ отчетливость и опредѣленность, то избытокъ испытаній дѣйствуетъ еще хуже, лишая знаніе глубины и самостоятельности. Ученикъ, имѣя постоянно въ виду экзаменъ, непроизвольно заботится о томъ, какъ бы скорѣе закончить, округлить, сформулировать пріобрѣтаемое знаніе, и этимъ мѣшаетъ ему созрѣть, углубиться и выработаться путемъ умственной самодѣятельности, которая такъ же необходима для развитія свѣдѣній, какъ самоуправленіе для развитія обществъ.

Неужели тѣ изъ нашихъ наставниковъ, которые не хотятъ «оставлять всѣхъ невыдержавшихъ переводное испытаніе въ томъ же курсѣ иначе, какъ по ходатайству цѣлаго факультета»—такъ мало знаютъ самихъ—себя, полагая, что между ними найдется много строгихъ исполнителей этого правила? На это не рѣшатся и нѣмецкіе экзаменаторы, а славянская натура нашихъ сдѣлаетъ и нетакія драконовскія, постановленія неисполнимыми. Кто изъ нихъ захочетъ выгнать студента за то только, что онъ не могъ перейти изъ одного курса въ другой? Кто не вспомнитъ, вздохнувъ, свое прошлое? Кто не видитъ, сколько изъ этого родится на свѣтъ уловокъ и лазеекъ разнаго рода? И что—такое—разсматривая даже съ одной формальной стороны—всѣ наши переводные и даже окончательные экзамены, когда ихъ набирается много? Если, напримѣръ, у профессора найдется человѣкъ 80 слушателей, то, полагая по шести минутъ на испытаніе каждаго изъ нихъ, ему придется уже экзаменовать цѣлыхъ восемь часовъ въ одно засѣданіе—а сдѣлать вмѣсто одного два или три, значило бы еще болѣе сократить учебное время. И что же онъ узнаетъ въ шесть минутъ о знаніи каждаго, особенно если придется экзаменовать изъ наукъ точныхъ и опытныхъ?

Но главное все еще не въ томъ. Переводный экзаменъ у насъ былъ уже не разъ, гробомъ любознанія. Я видѣлъ не разъ, какъ любовь къ спеціальному занятію наукою исчезала именно потому, что требованія переводнаго экзамена не дозволяли студенту заняться ею исключительно: ему хотѣлось бы работать цѣлые дни въ лабораторіи, въ анатомическомъ театрѣ, или у себя на дому—а ему приходилось бѣгать по аудиторіямъ и готовиться къ экзамену, пополамъ съ грѣхомъ, изъ пяти, шести предметовъ разомъ, и все въ теченіе одного года! Сколько есть такихъ новичковъ, которые, вступивъ въ научную сферу университета, идутъ какъ-будто въ туманѣ, до тѣхъ поръ, пока вдругъ или понемногу, просвѣтлѣетъ въ головѣ! Они, пожалуй, и отвѣчаютъ на переводныхъ экзаменахъ; но это вовсе не значитъ, что туманъ сошелъ, и имъ сдѣлалось ясно. Какое же значеніе имѣ-

ютъ для нихъ переводы; и, переведенные въ высшій курсъ, какъ смотрятъ они на науку? Не такъ ли, какъ одинъ слѣпой король въ Германіи смотритъ на захожденіе солнца, любуясь имъ изъ приличія? Не разъ я видѣлъ и такихъ, да и самъ нѣкогда принадлежалъ къ такимъ, у которыхъ призваніе и охота къ спеціальному занятію однимъ предметомъ проявлялись не тогда, когда они слушали, не понимая, изложеніе его на лекціяхъ, а когда, перейдя въ другой курсъ, перестали слушать. Я недавно говорилъ въ моемъ письмѣ, какъ нужны нашимъ университетамъ люди, у которыхъ есть охота къ этого рода занятіямъ. Но какъ же вы ее поддержите и разовьете, если будете гнать студентовъ изъ курса въ курсъ и заставлять ихъ заниматься не тѣмъ, чѣмъ бы имъ хотѣлось, а тѣмъ, чѣмъ велятъ? Скажутъ: нужно приготовляться общимъ, систематическимъ курсомъ прежде, чѣмъ перейдешь къ изученію спеціальности. Но неужели намъ еще неизвѣстно, что гораздо скорѣе и лучше узнаешь все, что нужно знать, когда, занявшись хорошенько однимъ предметомъ, убѣдишься на самомъ дѣлѣ, какъ необходимо это знаніе? И развѣ никто еще изъ насъ не испыталъ, что, избравъ по охотѣ, какъ можно ранѣе, одинъ предметъ занятій, мы не теряемся въ изученіи другихъ десяти или двадцати, а изучаемъ каждый изъ нихъ уже съ опредѣленною цѣлью, видя и необходимость и связь, и проводя одну красную нить чрезъ всѣ наши занятія? Если же наши свѣдѣнія и теряютъ тутъ притязаніе на обширность, то они выигрываютъ зато глубину и цѣлесообразность.

То и другое, обширность и глубина знанія, дается немногимъ; разсчитывать на это и гнаться за обѣими было бы промахомъ и самообольщеніемъ. Я зналъ на своемъ вѣку двухъ ученыхъ, изъ которыхъ одинъ чуть было не растерялся, а другой совсѣмъ потерялся, желая достигнуть и того и другого. Первый — человѣкъ даровитый, долго блуждалъ въ систематическомъ курсѣ, изучая, съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ, различныя отрасли медицины, но не рѣшаясь ни на одной остановиться и ничего не производя своимъ знаніемъ, пока, наконецъ, не избралъ одной, самой ограниченной, части анатоміи. Тогда онъ доказалъ, что значитъ сосредоточиться на одномъ предметѣ. Другой, убѣжденный, что медицинскія науки неразрывно связаны съ математическими, началъ систематически приготовляться къ медицинѣ математикою, и погубилъ свои умственныя силы въ квадратурѣ круга. Зналъ я еще одного—студента, подававшаго самыя блестящія надежды, но съ такимъ же направленіемъ. Онъ умеръ, отравивъ себя, съ отчаянія, синильною кислотою, которую еще и самъ, нарочно для этого, приготовилъ... Это, впрочемъ, исключенія; обыкновенно же дѣло кончается проще, но также неутѣшительно. Молодые люди, осужденные университетомъ на расточеніе ихъ силъ въ общихъ систематическихъ курсахъ, или приговоренные къ экзаменаціонному направленію, выносятъ, наконецъ, только то, на что мы всѣ такъ давно и такъ горько жалуемся.

Право, странно ведется наше образованіе! Учениковъ гимназій намъ бы хотѣлось сдѣлать спеціалистами, а студентовъ—энциклопедистами. Четырнадцатилѣтнему мальчику мы навязываемъ правовѣдѣніе, а въ университетахъ преподаемъ, переводя студентовъ изъ курса въ курсъ, греческую грамматику и катехизисъ! Нашихъ дѣтей, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, мы не перестаемъ запрятывать въ спеціальныя школы, а университеты пускаютъ блуждать нашихъ юношей въ безпредѣльномъ пространствѣ знанія... И вотъ, не для того ли, чтобы выйти изъ этого ложнаго положенія, мы снова прибѣгаемъ къ старому средствецу— обязательнымъ курсамъ и переводнымъ экзаменамъ, забывая, что въ нашихъ рукахъ это средствецо не замедлитъ сдѣлаться цѣлью? Нашъ недочетъ въ профессорахъ—и количественный и качественный—падающій упрекомъ на по-

слѣднее 25-лѣтіе университетской жизни, у насъ приписываютъ однѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ, недозволявшимъ высылать молодыхъ людей заграницу, а между тѣмъ не замѣчаютъ, что онъ еще болѣе зависитъ отъ обязательной системы съ ея формализмомъ и того экзаменаціоннаго направленія въ ученіи, которые господствовали у насъ въ теченіе этого времени и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, превращая содержаніе въ форму, парализируя призваніе къ наукѣ и заглушая всякую охоту къ самостоятельному научному труду. Что же, если и теперь наши университеты, начиная новую эру жизни, возвратятся опять къ тому же, что такъ недавно казалось намъ пережитымъ, испробованнымъ и неудавшимся? Vana est sapientia nostra! Казалось, въ настоящее время, съ введеніемъ новаго устава, взяло верхъ другое убѣжденіе. Казалось, наши университеты назначаются уже для образованія не большинства, не для званныхъ, которыхъ у насъ также не черезчуръ много, а избранныхъ, которыхъ гораздо меньше. Казалось, что наши университеты, принимая къ себѣ однихъ кончившихъ курсъ гимназическаго ученія или—что одно и то же—только выдержавшихъ гимназическій экзаменъ, начали уже слѣдовать принципу германскихъ, которые допускаютъ подданныхъ не иначе, какъ по свидѣтельствамъ зрѣлости. Но если бы все это было такъ, если наши университеты дѣлаются мѣстомъ образованія однихъ избранныхъ — меньшинства изъ меньшинства, то спрашивается: къ чему же подлежитъ принудительный способъ ученія, имѣющій одно отрицательное значеніе, направленный противъ недостатковъ, слабостей и пороковъ, а не на поощреніе способностей, дарованій и любви къ наукѣ? Если же разсчитываютъ на то, что при меньшемъ числѣ учащихся его можно провести строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ прежде, то забываютъ опять другое — то, что отъ этого дѣлается легче и забить все, всплывшее надъ уровнемъ. Или мы уже сдѣлались теперь такъ самонадѣянны, что собираемся распорядиться нашимъ умственнымъ капиталомъ по-англійски, и ввести систему туторства въ наши университеты? Да; какъ было бы не радоваться и за нашу науку, и за нашу молодежь, если бы обязательность и испытаніе, хоть бы подъ видомъ туторства, вносились въ систему ученія, лишь бы не регламентаціей, а убѣжденіемъ, извнутри, какъ способъ, замѣняющій пассивное слушаніе лекцій, какъ педагогическое средство сдѣлать знаніе отчетливымъ; но вѣдь мы знаемъ, что значатъ наши учебныя регламентировки; и намъ приходится не радоваться, а бояться, что у насъ всего скорѣе выразятся кровные недостатки этой системы, и оффиціальное признаніе ея будетъ только свидѣтельствомъ побѣды, формы надъ духомъ.

А эта побѣда не обходится дешево. Это намъ пора знать.

Жалуются, что наша молодежь заражена нигилизмомъ. Да не только жалуются, есть и такіе, которые вооружаютъ противъ нея за это цѣлое общество. Да, я знаю, что наши юноши болѣе германскихъ падки на всѣ крайніе взгляды; знаю и то, что человѣческая натура была бы слишкомъ хороша, если бы, при случаѣ, не находились мастера ловить рыбу въ мутной водѣ; но почему же наши моралисты, вмѣсто всѣхъ жалобъ и нареканій, не посмотрятъ началу зла прямо въ глаза, и не положатъ пальца прямо въ рану?

Нигилизмъ есть ничто другое, какъ выродившійся скепсисъ науки. Онъ, подъ какимъ бы видомъ ни проявлялся—научнымъ или противонаучнымъ — есть все тотъ же самый червь сомнѣнія, искони скрытый въ запрещенномъ плоду райскаго дерева. Таится ли онъ тамъ неподвижной личинкою до поры до времени, или вылетаетъ оттуда на свѣтъ молью, онъ остается все тѣмъ же неизбѣжнымъ и присущимъ человѣческому знанію паразитомъ. Искать различія въ сущности научнаго скепсиса и современнаго нигилизма было бы то же, что искать различія въ сущности льда отъ воды, воды отъ па-

ровъ, здоровья отъ болѣзни. Если же эта болѣзнь науки, заражающая новое поколѣніе, показалась у насъ слишкомъ рано, то это значитъ, что условія, скрытыя въ самой почвѣ, въ строѣ общества, во всемъ окружающемъ, способствовали ея развитію. Можете ихъ устранить—дѣлайте это скорѣе, если можете сдѣлать, не насилуя ни исторіи, ни настоящаго; но къ чему же одни обвиненія, упреки, жалобы на юношей, на литературу и даже на время? Хотите уничтожить зло въ зародышѣ, ищите его тамъ, гдѣ онъ зарытъ — въ сущности самого знанія. Не правда ли, странно? Вѣдь это значитъ долой науку, долой знаніе; значитъ, жан-жаковское отчаяніе и его рецептъ ходить на четверенькахъ! Нѣтъ, слава Богу, есть еще менѣе героическія средства и надежнѣе тѣхъ, которыя просятся на выручку обличителями. Лечите болѣзнь науки черезъ науку; не отдѣляйте только одну отъ другой; вспомните, что организмъ и здоровый, и больной, управляются одними и тѣми же законами. Изучайте ихъ, дѣйствуйте, сообразуясь съ ними, и увидите, что тотъ же самый законъ, которому подчиняется прогрессъ науки, послужитъ и къ уничтоженію недуга, развившагося изъ прогресса.

Чудное свойство нашего духа, которымъ мы сознаемъ себя въ насъ самихъ, по своей самосознательности стремится постоянно сдѣлать и то, что онъ полагаетъ внѣ себя, такою же для себя истиною, какъ и свое собственное *я*.

Мы не относимся къ истинѣ, какъ къ чему-то внѣшнему, и не открываемъ ее, какъ кладъ, зарытый въ землю. И истина, и сомнѣніе въ истинѣ, и заблужденіе заключаются въ томъ же самомъ процессѣ, которымъ наше *я* ищетъ внести и себя и все другое въ сферу своего самосознанія. Стремятся, съ самаго рожденія на свѣтъ, сдѣлать наше существованіе истиною для себя, потому же самому отыскивая ее и внѣ себя, и въ нашемъ не—*я*, мы и не замѣчаемъ, что ее нѣтъ тамъ, а она въ насъ самихъ. Это такое же невольное и неминуемое логическое заблужденіе, какъ и то, что не мы съ землею около солнца движемся, а солнце около земли ходитъ.

Все, что препятствуетъ свободному развитію нашего самосознанія, все, что препятствуетъ духу сдѣлать прямо и свободно свое не-*я* такою же для себя непреложною истиною, какъ и собственное *я*, усиливаетъ и это логическое заблужденіе, заставляя его принимать истину все болѣе и болѣе чѣмъ-то внѣшнимъ для себя.

Препятствія эти, если они лежатъ въ самой сущности предмета нашего знанія, конечно, неизбѣжны и неминуемы; но, сверхъ того, есть препятствія и условныя, и искусственныя, которыя поставляются обществомъ и его исторіею.

А такъ какъ человѣку не суждено, чтобы онъ когда-нибудь удовлетворилъ это присущее его духу и ничѣмъ непреодолимое стремленіе сдѣлать для себя все такъ же истиннымъ, какъ свое *я*, то сомнѣніе всегда есть и будетъ неразлучно съ истиною. Истина тѣмъ болѣе будетъ затемнена сомнѣніемъ, и сомнѣніе тѣмъ скорѣе перейдетъ въ заблужденіе, чѣмъ болѣе будетъ препятствій на пути къ ея достиженію, то-есть къ свободному развитію нашего самосознанія.

Мало этого: наше *я* въ безпрестанной дѣятельности своего самосознанія, скорѣе готово принять самое сомнѣніе и даже его переходъ въ заблужденіе за истину, чѣмъ оставаться въ бездѣйствіи—на нулѣ.

Вотъ въ этомъ-то переходѣ сомнѣнія, неразлучнаго съ стремленіемъ къ истинѣ, въ заблужденіе я и полагаю основаніе и нигилизма, и всѣхъ лжеученій, а причины ихъ въ препятствіяхъ — избѣжныхъ и неизбѣжныхъ — на прогрессивномъ пути этого стремленія.

Изучая же научный прогрессъ тамъ, гдѣ наука идетъ впередъ мѣрнымъ шагомъ, безъ толчковъ и безъ препятствій, или, несмотря ни на какія препятствія, не трудно убѣдиться, что онъ немыслимъ безъ обращенія умственнаго капитала; капиталъ этотъ, какъ и всякій другой, непроизводителенъ безъ кредита и искус-

ства распорядителей, а пріобрѣтеніе и ростъ его не возможны безъ свободы научнаго разслѣдованія.

Вотъ три главныя условія.

Не будь исполнено хоть одно изъ нихъ, и въ итогѣ окажется, вмѣсто истины, составляющей сущность научнаго прогресса—ложь и заблужденіе; лжеученія неминуемо станутъ на мѣсто свободнаго разслѣдованія правды.

А соблюдены ли эти условія у насъ, когда мы нашимъ способомъ ученія, нашею формальною обязательностью, нашимъ пренебреженіемъ къ спеціальнымъ, серьезнымъ занятіямъ наукою, не только стѣсняемъ свободное обращеніе, но еще препятствуемъ и самому пріобрѣтенію умственнаго капитала?

Вступая въ университетъ, едва подготовленный общечеловѣческимъ образованіемъ, я, по наслышкѣ и ощупью, избираю факультетъ, и меня тотчасъ же вталкиваютъ въ замкнутый курсъ. Проучившись года два, я только-что начинаю понимать, что мнѣ недостаетъ, только-что начинаю получать охоту къ занятію наукою, озираюсь назадъ, хотѣлъ бы вспомнить пробѣлы знанія, а мнѣ говорятъ: «некогда теперь— въ курсѣ нельзя оставаться болѣе года; держи экзаменъ; не хочешь или не выдержишь — ступай прочь». Мнѣ бы полезны были и раціональная обязательность и испытанія, если бы они вели меня къ отчетливости знанія, не мѣшая его свободному развитію, и если бы меня заставляли не только посѣщать и слушать лекціи, но дали бы мнѣ возможность, черезъ меня же самого, узнать то, къ чему я имѣю призваніе; но меня ведутъ избитымъ путемъ, не столько къ знанію, сколько къ оффиціальному отчету о знаніи. Какъ же я могу скопить какой-нибудь научный капиталъ и пустить его въ ростъ, когда меня заставляютъ расточать мою дѣятельность въ систематическихъ курсахъ и, переводя изъ одного курса на другой, держать безпрестанно экзамены для того, чтобы выдержать еще три или четыре на степень? Когда мнѣ тутъ думать объ истинѣ—этомъ свободномъ проявленіи моего самосознанія? Тутъ не до нея; тутъ какъ бы скорѣе все это сбыть съ рукъ и уйти въ жизнь безъ всякаго капитала за душою. Тутъ лучше было бы вовсе не имѣть стремленія къ истинѣ: если ему нельзя развиваться на свободѣ, такъ оно скорѣе приведетъ къ заблужденію, чѣмъ къ истинѣ. А если оно, къ несчастію, успѣло хоть сколько-нибудь развиться, то еще одинъ шагъ на этомъ пути и переходъ сомнѣнія въ нигилизмъ и въ лжеученіе готовъ. —Вотъ и другой мнѣ товарищъ; ограниченный въ средствахъ до нищеты; онъ ищетъ въ образованіи только средства къ пропитанію, безъ всякихъ притязаній на ученость, и готовъ бы посвятить себя скромной техникѣ. Университетъ вовсе не для него; но ему некуда дѣться, а толпа тянетъ его туда безсознательно. Чего онъ хочетъ, того онъ не получитъ: въ университетѣ нѣтъ политехническаго отдѣленія.

Между тѣмъ, его стремленіе, какъ бы оно ни было ограничено и матеріально, имѣетъ въ основаніи, все-таки, истину и науку. Государство, въ виду собственныхъ интересовъ, должно было бы удовлетворить его. Но онъ выходитъ въ жизнь обманутый въ надеждѣ, недовольный: образованіе, вмѣсто производительнаго капитала, дало ему одинъ пустой блескъ знанія, который его не охранитъ отъ заблужденія.—Вотъ еще и третій юноша, съ умомъ одностороннимъ, но не дюжиннымъ: сосредоточивъ его дѣятельность на самую малую частичку знанія, онъ могъ бы пріобрѣсти огромный капиталъ; съ самаго вступленія въ университетъ, его тянетъ къ занятію ограниченному, даже мелочному, но тѣмъ не менѣе почтенному; а тутъ всѣхъ стригутъ подъ одинъ гребень, говорятъ: учись, какъ другіе; послѣ успѣешь заниматься по своему! А стремленіе между тѣмъ изнасиловано; время проходитъ, съ нимъ и охота; и вотъ односторонность, при другихъ условіяхъ сдѣлавшаяся бы производительною, теперь сбивается съ толку и, прикрытая поверхностнымъ лоскомъ

знанія, производитъ не истину, а заблужденіе.

Часто я думаю, почему это тѣ же самыя мѣры, которыя вѣками и исторіей признаны необходимыми для матеріальнаго существованія государствъ, считаются также необходимыми и для ихъ умственнаго и нравственнаго быта? Развѣ это одно и то же? Или люди живутъ еще такъ недавно, что не успѣли узнать ни свойствъ нравственнаго начала, ни свойствъ истины и заблужденія? Иначе, можно ли было бы примѣнять тѣ же законы, которыми управляется физическая цѣлость государствъ, и къ управленію умственными и нравственными силами народовъ? Или все, что намъ твердятъ въ школахъ о свободѣ убѣжденія, о свойствахъ мысли, истины, и науки—пустыя слова и обольщенія? Или царство научной истины также не отъ міра сего и въ мірѣ суждено выдерживать страшную борьбу съ тѣмъ, что также, какъ и оно, существенно и необходимо для жизни? Или мы все живемъ еще подъ вліяніемъ древняго гнозиса, представляя себѣ и мысль, и научную истину, и заблужденіе въ видѣ личностей, съ которыми можно распоряжаться матеріально? Или, наконецъ, это примѣненіе оправдывается правилами практической жизни французскаго: «потопъ послѣ насъ» и нѣмецкаго: «выиграно время, выиграно все»? Тутъ кроется какой-то глубокій разладъ, глубокое недоразумѣніе между дѣйствительностью и убѣжденіемъ, несмотря на то, что убѣжденіе вытекаетъ изъ дѣйствительности.

Правда, мы не знаемъ еще, что бы вышло, если бы всѣмъ наукамъ, всегда и вездѣ, была предоставлена полная свобода развитія. Послѣ паденія античнаго міра, по крайней мѣрѣ, этого эксперимента еще не дѣлали. При первомъ возрожденіи наукъ, въ христіанскомъ мірѣ, уже старались дать имъ извѣстное направленіе—каждое государство и каждая нація по своему, и въ своихъ видахъ. Поэтому нельзя доказать фактически, что именно эта свобода дала бы самый благодѣтельный результатъ, и что именно она необходима для уничтоженія лжи и заблужденій? Но съ другой стороны, мы знаемъ навѣрное, что всѣ попытки дать наукѣ извѣстное направленіе если къ результатамъ вовсе не тѣмъ, которыхъ старались достигнуть; слѣдствія принудительныхъ мѣръ, обязательныхъ регулативовъ, инквизиціонныхъ правилъ были вовсе неожиданныя. Человѣческой предусмотрительности еще не удалось заставить научную истину остановиться или идти такъ, какъ бы ей хотѣлось, и, несмотря на это, она все еще не отчаивается въ успѣхѣ; она все еще продолжаетъ направлять ее по-своему. Между тѣмъ и непредвидѣнныя слѣдствія прошедшихъ распоряженій не перестаютъ накопляться съ вѣками. Искусно придуманная система направленій выводитъ на свѣтъ все болѣе или болѣе то самое зло, противъ котораго она придумана. Со дня на день являются и растутъ новыя заблужденія, новыя лжеученія, съ которыми все-таки хотятъ справиться вновь изобрѣтаемыми направленіями и искусственными мѣрами, не замѣчая, или не вѣря, что причина кроется не столько въ сущности дѣла, сколько въ средствахъ.

Направленіе ученія, стѣсняющее свободу научнаго изслѣдованія, является на свѣтъ въ двухъ видахъ: то подъ видомъ искусственной системы, изобрѣтаемой ревностными консерваторами, при первомъ появленіи новой научной истины или новаго взгляда, если они окажутся опасными для существующаго порядка вещей, то въ видѣ реакціи предшествовавшему, столько же вынужденному направленію науки, если оно уже достигло крайнихъ предѣловъ Въ обоихъ случаяхъ оно проводится путемъ доктринерства и бюрократизма, а затѣмъ начинается борьба доктрины противъ слѣдствій, ею же самою вызванныхъ.

Вотъ черты общія исторіи и наукъ, и лжеученій. Придетъ ли когда-нибудь человѣческое общество къ другимъ убѣжденіямъ или нѣтъ—неизвѣстно; но скопившихся слѣдствій уничтожить нельзя. Медленный про-

цессъ кристаллизаціи государственнаго быта не терпитъ насилій, даже и такихъ, которыя бы имѣли цѣлью служеніе истинѣ. Остается, мирясь съ дѣйствительностью, вникнуть въ тѣ начала, которыя выработало современное знаніе объ отношеніяхъ государства къ наукѣ. Только изучивъ ихъ сознательно и давъ имъ примѣненіе на самомъ дѣлѣ, можно надѣяться на успѣхъ въ будущемъ.

Современная же наука государственнаго права говоритъ, что «эти отношенія не могутъ быть прямыя и непосредственныя, и только въ Китаѣ глава государства есть вмѣстѣ и центральная власть науки, и высшій научный авторитетъ; тамъ для научной дѣятельности назначаются извѣстныя колеи и границы, въ которыхъ она должна двигаться опредѣленнымъ и мѣрнымъ шагомъ, и потому всякое отступленіе считается противогосударственнымъ поступкомъ. Но если человѣческій духъ (продолжаетъ она) хочетъ возвыситься до познанія истины, то онъ получаетъ свой полетъ отъ личной свободы. Она ему врождена и есть даръ Бога, а не государства. И наука не есть дѣятельность или откровеніе государства: она есть плодъ труда, совершаемаго свободно безсмертнымъ духомъ, жаждущимъ истины въ сознаніи своего начала отъ источника и исполнителя всякой правды—Бога. Государство не имѣетъ ни власти, ни права опредѣлять содержаніе науки и заграждать различные пути, по которымъ духъ стремится приблизиться къ истинѣ. Свобода личнаго знанія есть, потому, основной божескій законъ, который всякое государство обязано чтить и уважать. Но государство не можетъ оставаться индиферентнымъ и равнодушнымъ къ наукѣ. Оно само много обязано наукѣ своимъ могуществомъ, возвышеніемъ власти и возвышеніемъ себя самого въ собственномъ своемъ сознаніи.

Попеченія и заботы государства о наукѣ проявляются въ двухъ направленіяхъ: положительно, когда оно покровительствуетъ наукѣ, способствуетъ всѣми средствами ея процвѣтанію—или отрицательно, когда оно противодѣйствуетъ разрушительной порчѣ, запустѣнію и одичалости знанія. Первое направленіе выражается, со стороны государства, матеріальною поддержкою и уваженіемъ къ научнымъ заслугамъ. Дѣлая это, государство уважаетъ самого себя и возвышаетъ свое духовное значеніе.

Пруссія пріобрѣла въ нашъ вѣкъ, чрезъ уваженіе къ наукѣ, огромное вліяніе и власть, такъ что казалось, какъ-будто она уже могла бы заявить право и на гегемонію въ Германіи. Австрія, напротивъ, которая такъ долго не допускала къ себѣ германскую науку, ко вреду и ей и себѣ самой, не могла не только исполнить своей задачи, распространяя цивилизацію на востокъ, но вообще и подверглась опасности вовсе потерять свое нравственное значеніе. Власть духа обращается только къ тому, кто ее понимаетъ и чтитъ; она дѣлается врагомъ тому, кто ее презираетъ; и наука можетъ сдѣлаться такъ же легко могучимъ и вѣрнымъ союзникомъ, какъ и опаснымъ противникомъ, отъ котораго оборона трудна и всегда соединена съ огромнымъ пожертвованіемъ собственныхъ силъ. Конечно, государство должно дѣйствовать съ разборомъ. Оно должно уважать все, что способствуетъ общему благосостоянію и познанію истины. Чѣмъ яснѣе, чѣмъ плодотворнѣе научная заслуга для государства, тѣмъ болѣе она должна быть оцѣнена. Было бы нелѣпо со стороны государства поощрять ложный блескъ софистики, безграничную несдержанность скептицизма или пошлость и сплетничество, являющіяся также на свѣтъ, и даже въ привлекательныхъ видахъ, тамъ, гдѣ индивидуально-духовная жизнь можетъ обнаруживаться свободно. Въ такомъ случаѣ, неуваженіе и отказъ въ уваженіи есть обязанность государства, совершенно согласная съ его интересами. На сколько дѣйствія государства въ первомъ (положительномъ) направленіи должны быть обширны и сколько оно тутъ должно быть щедро на средства, столько же во второмъ

(отрицательномъ) направленіи должно дѣйствовать осторожно и ограниченно. Только тамъ, гдѣ научныя стремленія угрожаютъ опасностью для благосостоянія государства и общественной нравственности и гдѣ ихъ нельзя преодолѣть противодѣйствіемъ здоровыхъ внутреннихъ силъ, государство обязано имъ препятствовать, но не иначе, какъ прекращая свое покровительство.

И тогда оно все еще должно помнить, какъ жизнь науки духовна и нѣжна, и что всякое грубое и насильственное прикосновеніе скорѣе можетъ повредить здоровымъ органамъ науки, чѣмъ уничтожить ея болѣзненные наросты. Убѣдившись, что научная дѣятельность нѣсколькихъ лицъ или корпораціи приноситъ общій вредъ, государство имѣетъ право отнять у нихъ свое покровительство и помощь, которыми они пользовались. Было бы сентиментальною глупостью ожидать отъ государства, чтобы оно содержало и поддерживало на свой счетъ своихъ враговъ и давало имъ средства направлять ихъ умственную работу на разрушеніе общественнаго порядка и благосостоянія.

Вопросъ о томъ, какъ должно поступать государство при злопотребленіяхъ свободы ученія въ университетахъ, хотя и нетрудно рѣшить теоретически, но на практикѣ это дѣло требуетъ особенно тонкаго такта и много гуманнаго смысла. Было бы нонсенсомъ вмѣшательство со стороны государства, когда оно замѣчаетъ, что, уча истинѣ, ошибаются и заблуждаются. Заблужденіе есть неразлучный спутникъ знанія, и если научный геній случайно сбился съ пути, то можетъ ли государство, не имѣя научнаго авторитета, взять на себя такую обязанность, которая состоитъ въ отдѣленіи истины отъ заблужденія? если же не можетъ взять, то какъ же будетъ препятствовать? Если же все научное направленіе кажется государству ложнымъ и ошибочнымъ, то оно можетъ ему противодѣйствовать, увеличить силы истины и преодолѣть заблужденіе, опредѣливъ еще другого наставника, отъ котораго ожидаетъ болѣе спасительнаго вліянія. Это относится особенно до ученія философіи. Но ошибка и заблужденіе, сами по себѣ, не должны вести къ запрещенію со стороны государства. Если ученіе выродилось въ явную вражду противъ основъ общественнаго порядка и права, если съ университетской каѳедры провозглашаютъ революцію, какъ истинное политическое начало, или коммунизмъ, какъ самую вѣрную систему права частной собственности; если излагаютъ доктрины, очевидно, противорѣчащія назначенію цѣлаго учрежденія; если, напримѣръ, въ теологическомъ факультетѣ будутъ разрушать основы христіанства, или общественная нравственность будетъ нарушена развращающимъ преподаваніемъ—тогда наступаетъ право государства не только противодѣйствовать противоположнымъ ученіемъ, но и прямо препятствовать злоупотребленію свободы науки. Напрасно ссылались бы на свободу научнаго ученія, когда доктрина дѣлается не правомъ и кривдою противъ государства и учрежденія, доставившаго ей эту свободу.

Обязанность университетскаго наставника — обязанность общественная, потому и свобода его ученія необходимо ограничивается его отношеніями къ общественному порядку и благосостоянію. Тяжело погрѣшило бы государство предъ юношествомъ и само на себя наложило бы руки, если бы оно осталось спокойнымъ зрителемъ того, какъ молодое поколѣніе, отъ котораго зависятъ и его будущія судьбы, ведется наставниками, имъ же самимъ опредѣленными, къ духовной и нравственной порчѣ. Но въ приложеніи этого принципа на практикѣ, самое важное—не вредить истинной и необходимой свободѣ знанія. Вредъ, причиненный ослабленіемъ цѣлебныхъ силъ, можетъ сдѣлаться гораздо сильнѣе того, который зависитъ отъ злоупотребленія свободы. Рѣшеніе спорныхъ вопросовъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ независимыми и научно-образованными присяжными заслуживало бы болѣе довѣрія, чѣмъ рѣшеніе обыкно-

веннымъ, административнымъ порядкомъ».

Такъ говоритъ современная наука, въ лицѣ одного изъ знаменитыхъ ея представителей (Блунчли — на его лекціяхъ и въ его сочиненіи о государственномъ правѣ). Вникнувъ въ излагаемыя ею начала, мы видимъ, что она не опредѣляетъ отношеній государства собственно къ направленію науки; но изъ того уже, что она смотритъ на свободу личнаго знанія какъ на божественный законъ, который государство обязано чтить, и отвергаетъ всѣ прямыя и непосредственныя его отношенія къ наукѣ, можно заключить, что она не признаетъ за государствомъ и права измѣнять направленіе науки. Съ другой стороны, однако-же, мы видимъ, что государству предоставляется неотъемлемое право ограничивать вредное вліяніе научной порчи и противодѣйствовать злоупотребленіямъ свободы ученія. Чтобы согласить эти кажущіяся противорѣчія, нужно провести рѣзкія границы между направленіемъ науки и направленіемъ ученія, между свободою научнаго разслѣдованія и свободою ученія.

Направленіе дается наукѣ свойствомъ самаго объекта науки, господствующими убѣжденіями научныхъ дѣятелей и предшествовавшими историческими событіями въ дѣлахъ науки. Что современная медицина и естественно-историческія науки стремятся стать въ ряду точныхъ наукъ —это зависитъ отъ свойствъ объекта. Что химія искала нѣкогда панацеи и золота, астрономія увлекалась опредѣленіемъ человѣческой судьбы, грамматика учила говорить правильно, а логика мыслить, это зависѣло отъ убѣжденій алхимиковъ, астрологовъ и схоластиковъ. Что матеріалистическое направленіе беретъ, въ наше время, верхъ надъ идеальнымъ — это нужно разсматривать, какъ реакцію предшествовавшимъ событіямъ. Въ развитіи почти каждой науки можно встрѣтить всѣ эти три условія, дававшія ей то или другое направленіе. Всѣ они находятся въ зависимости другъ отъ друга. Истинное свойство объекта каждой науки, сначала не ясно опредѣленное въ убѣжденіяхъ ея адептовъ, разъяснялось, понемногу, вслѣдствіе прогресса другихъ сродныхъ наукъ и вслѣдствіе открытій, иногда чисто-случайныхъ. Государство ни на одно изъ этихъ условій не можетъ имѣть прямого вліянія; потому и отношенія его къ направленію науки не могутъ быть прямыя и непосредственныя. Итакъ, если бы за государствомъ и признано было право давать наукѣ, по произволу, то или другое направленіе, то пользоваться имъ вполнѣ оно могло бы тогда только, когда бы могло измѣнить свойство научнаго объекта, исторію науки и убѣжденія ея адептовъ, или же, наконецъ, пользуясь этимъ правомъ, оно должно было бы отказать наукѣ въ прогрессѣ, а себѣ въ выгодахъ, доставляемыхъ ему прогрессомъ.

Несмотря, однако-же, на это, исторія доказываетъ, что государство иногда присвоивало себѣ право вмѣшательства во внутреннія дѣла науки. Иногда, то или другое направленіе казалось ему, почему бы то ни было, опаснымъ, вреднымъ или противорѣчащимъ его интересамъ. А иногда, слишкомъ ревностные приверженцы одного какого-нибудь направленія, съ пристрастіемъ, свойственнымъ всѣмъ сторонникамъ одной доктрины, старались посредствомъ государства препятствовать другому, противоположному направленію. Въ этомъ случаѣ государственные интересы были, конечно, однимъ предлогомъ для достиженія личныхъ цѣлей. Тогда придумывалась, обыкновенно основанная на бюрократическомъ и инквизиціонномъ началѣ, система искусственныхъ препятствій къ распространенію направленія, почитавшагося вреднымъ; стѣснялось и ограничивалось не только то, что государство, въ видахъ самосохраненія и благосостоянія цѣлаго общества, имѣетъ полное и неотъемлемое право стѣснять и ограничивать, но и самая свобода личнаго знанія, и свобода научнаго разслѣдованія. Временная удача влекла за собою постоянную реакцію. А реакція, тѣмъ бо-

лѣе упорная и скрытая, чѣмъ насильственнѣе были мѣры, приводила окончательно къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые имѣлись въ виду. Кажется, это-то указаніе опыта, не менѣе логическихъ выводовъ, привело и государственное право къ тому началу, которое не признаетъ за государствомъ права прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла науки.

Но направленія науки и ученія совпадаютъ иногда вмѣстѣ, и именно, когда первое уже опредѣлилось и признается какъ истинное, или какъ наиболѣе соотвѣтствующее современному состоянію нашего знанія, общественнымъ мнѣніемъ всего научнаго міра. Въ этомъ случаѣ, направленіе науки должно, въ свою очередь, направлять и ученіе. Государство не имѣетъ ни раціональнаго права, ни раціональной возможности противодѣйствовать тому или другому, если бы даже и опасалось за будущее. Опасеніе это не могло бы служить оправданіемъ: тогда значило бы, что государство признаетъ современное направленіе науки и ученія или опасною для себя истиною, или вреднымъ заблужденіемъ; въ обоихъ случаяхъ значило бы, что убѣжденія, начала и интересы государства совершенно противорѣчатъ прогрессивному ходу знанія и науки, и оно объявляетъ себя врагомъ современнаго просвѣщенія. Конечно, ни одно изъ европейскихъ государствъ не согласилось бы принять на себя такую роль. Даже въ томъ случаѣ, когда правительство опасалось бы распространенія современныхъ научныхъ истинъ для общества, еще мало подготовленнаго, оно все-таки не имѣло бы возможности отнять всѣ средства узнать ихъ у того класса людей, который самъ ищетъ уже образованія. При настоящемъ состояніи европейской цивилизаціи подобныя препятствія со стороны государства повели бы къ научной и умственной контрабандѣ, во сто кратъ болѣе опасной тѣмъ, что она даетъ поводъ къ самымъ превратнымъ лжеученіямъ и толкамъ.

Другое дѣло, когда современныя убѣжденія о самыхъ опасныхъ началахъ какой бы то ни было науки еще не утвердились, мнѣнія научнаго свѣта еще раздѣлены и противорѣчатъ одно другому. Въ этомъ случаѣ государство, нисколько не стѣсняя свободы научнаго разслѣдованія и свободы ученія, имѣетъ право способствовать распространенію того ученія, которое признаетъ для себя и для общества болѣе доступнымъ, или болѣе согласнымъ съ своими насущными и нравственными интересами. Злоупотребленіемъ свободы ученія было бы тутъ то, если бы спорныя и недоказанныя научныя начала выдавались наставниками потому только за неоспоримыя истины, что онѣ противорѣчатъ интересамъ государства. Требовать подъ рукою или явно, чтобы никто не слѣдовалъ тому научному направленію, которое государство считаетъ вреднымъ въ отношеніи къ современному состоянію общества, или чтобы никто не зналъ его, значило бы не только подавать поводъ къ пропагандѣ тайныхъ лжеученій, но—что еще хуже—значило бы потрясать довѣріе въ молодомъ поколѣніи къ искренности и правдолюбію наставниковъ. Вообще, неосторожный и преувеличенный контроль надъ свободою ученія не въ интересахъ государства. Этимъ ослабляется или вовсе уничтожается критическій духъ знанія, то-есть, именно такое направленіе науки, которое вѣрнѣе всего предохраняетъ новое поколѣніе отъ ложныхъ воззрѣній и увлеченій.

Наконецъ, еще несравненно вреднѣе было бы для государства, если бы оно, вмѣстѣ съ свободою ученія, ограничило и самую свободу научнаго разслѣдованія. Отнимая, прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣла науки, самое главное средство къ прогрессу, оно способствовало бы застою умственнаго движенія и къ образованію въ обществѣ научнаго старообрядчества; а при вліяніи современной цивилизаціи другими путями — торговлею, самою администраціею и т. п.,—которыхъ ни одно государство теперь запереть не можетъ, оно произвело бы самое пагубное раздвоеніе

и вражду между различными слоями и поколѣніями общества.

Вопросъ о томъ, можетъ ли эта доктрина о свободномъ отношеніи государства къ наукѣ найти примѣненіе вездѣ и при всякомъ образѣ правленія, рѣшается современною наукою также положительно. Это и логически не можетъ быть иначе. Если бы государство, каковъ бы ни былъ его образъ правленія, и какіе бы догматы христіанской религіи оно ни признавало, запретило свободное разслѣдованіе и ученіе о другихъ образахъ правленія, другихъ догматахъ и вообще о другихъ религіяхъ, то оно этимъ не доказало бы ни твердости своей вѣры, ни твердой увѣренности въ томъ, что его подданные должны признавать для себя необходимымъ и прочнымъ. Такъ-какъ въ дѣлѣ вѣры истинная наука, почитая убѣжденія совѣсти каждаго народа и каждаго лица неприкосновенными, занимается только разслѣдованіемъ исторической ихъ стороны или общихъ всему человѣчеству источниковъ убѣжденій; такъ-какъ въ исторіи и наукѣ о государствѣ дѣло идетъ не о такихъ истинахъ, которыя для всѣхъ народовъ, для всѣхъ временъ и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ должны быть непреложными и единственно-возможными—то свобода ученія должна бы быть и тутъ ограничена только въ томъ случаѣ, когда оно потеряло бы чисто-научное, критическое направленіе и проводилось бы съ очевидною цѣлью потрясти, уничтожить свободу совѣсти и представить существующій порядокъ въ искаженномъ видѣ и неимѣющимъ никакой разумной причины бытія. Тогда это было бы уже не свободою, а злоупотребленіемъ свободы ученія. Истинная научная критика, какъ бы она ни была свободна, всегда строгая и трезвая, противорѣчила бы сама себѣ, если-бы стремилась не разъяснять, а ослаблять то, что имѣетъ глубокое основаніе въ народности и исторіи цѣлаго народа. Разсматривая всѣ событія, всѣ ученія и лжеученія, какъ совершившіеся факты, она, конечно, не скроетъ и тѣхъ изъ нихъ, которыя противны началамъ государства, дозволившаго ей говорить откровенно; но ни одно правленіе не ослабнетъ отъ того, если наука безпристрастно изложитъ выгодныя стороны и другихъ образовъ правленія, и ни одна господствующая вѣра не оскудѣетъ отъ того, если наука выяснитъ, также безпристрастно, всѣ нападки на нее безвѣрія и скептицизма.

Такъ и при изученіи другихъ наукъ неимѣющихъ прямыхъ отношеній ни къ вѣрѣ, ни къ правленію. Если-бы, напримѣръ, при изложеніи съ каѳедры естествовѣдѣнія, государство запретило разъяснять истины, признаваемыя современною геологіею, физіологіею нервной системы и исторіею развитія животныхъ, потому только, что онѣ ему показались бы вредными въ крайнихъ выводахъ, еще далекихъ, темныхъ и невѣрныхъ, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого запрещенія было бы, со стороны увлекающейся молодежи, исключительное занятіе именно этими, всего менѣе готовыми къ рѣшенію, вопросами—и оно привело бы непремѣнно одностороннія умы къ логическому ослѣпленію; эти выводы и предположенія, въ глазахъ неопытныхъ юношей, возвысились бы на степень неопровержимыхъ доктринъ. Напротивъ, всестороннее, свободное, критическое разслѣдованіе скорѣе всего докажетъ каждому, что чѣмъ далѣе онъ будетъ идти по этому открытому пути, тѣмъ яснѣе увидитъ, какъ мы далеки еще отъ рѣшительныхъ заключеній; онъ убѣдится тогда, что истинный прогрессъ поселяетъ сомнѣнія не въ дѣлахъ вѣры, которыя, вопреки извѣстной остротѣ Фохта, должны все-таки оставаться внѣ науки, а въ дѣлѣ самаго научнаго разслѣдованія. Не свобода и не объектъ науки, а пристрастное, реакціонное увлеченіе, отступленіе съ истинно-научнаго пути опасны для государства. Его обязанность не измѣнять по произволу и по временнымъ соображеніямъ сущность объекта и его направленіе, не ограничивать эту свободу, а возстановлять ее, устраняя всѣ поводы къ реакціи и къ страстному увлеченію. Пора, крайняя пора, государ-

ственнымъ людямъ, учителямъ вѣры и моралистамъ пристально всмотрѣться въ опасность, угрожающую грядущимъ поколѣніямъ. Если и въ наше время не будутъ вездѣ утверждены и упрочены нормальныя отношенія государства къ наукѣ, то влеченіе къ истинѣ, распространяясь вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, еще легче найдетъ случай переходить въ увлеченіе. А мы, еще болѣе, чѣмъ другіе народы, должны этого опасаться. Мы не сами себѣ родимъ нашу науку; достигнемъ ли когда нибудь этого— не знаемъ; но покуда, кромѣ западной, другой науки еще нѣтъ; она, что бы ни утверждали славянофилы, будетъ неминуемо и неизбѣжно, и все болѣе и болѣе, проникать къ намъ съ запада. Если же теперь отношенія государства къ ней не будутъ выяснены, точно опредѣлены и регулированы, если просвѣщеніе массъ не будетъ ведено такъ именно, чтобы онѣ постепенно подготовлялись къ принятію началъ этой науки, хотя бы и въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, то увлеченія, ведущія къ самымъ нелѣпымъ доктринамъ, будутъ непремѣнно распространяться и овладѣвать неподготовленными умами, а, съ другой стороны, раздвоеніе общества и неразлучная съ нимъ вражда усилятся отъ наплыва западныхъ идей въ верхнихъ и противодѣйствующей имъ инерціи въ нижнихъ слояхъ.

Никто болѣе въ государствѣ, какъ оно само, не можетъ быть убѣжденъ въ свойствахъ науки и научныхъ истинъ. Стремленіе современной цивилизаціи проникнуть въ массы распространяетъ, собственно, не самую науку, а только общіе результаты, добытые ею; механизмъ и вся умственная работа, которыми они добыты, остаются скрытыми для большинства. Но и эти результаты уже достаточны, чтобы перемѣнить все міросозерцаніе общества и увлечь его даже далѣе — за предѣлы науки. Чѣмъ болѣе будетъ затруднена и ограничена научная работа со стороны государства, чѣмъ менѣе она найдетъ поощренія, тѣмъ легче она раздражитъ вліятельное меньшинство тружениковъ, тѣмъ сильнѣе вызоветъ въ немъ противодѣйствіе и тѣмъ скорѣе выродится у него стремленіе къ истинѣ въ страстное увлеченіе, а слѣдствія его, какъ искаженные результаты науки, не замедлятъ перейти въ неразборчивую массу. Итакъ, къ нему, къ этому меньшинству, должно государство въ особенности примѣнять свое знаніе свойствъ науки, съ нимъ должно регулировать свои отношенія. Оно должно заботиться прежде всего, чтобы представители и наставники науки были снабжены вѣрными ручательствами глубокихъ и спеціальныхъ свѣдѣній. Это одно уже можетъ успокоить всѣ его опасенія за будущее. Какъ бы мало личныя убѣжденія такихъ лицъ ни соотвѣтствовали началамъ, принятымъ государствомъ, оно можетъ быть все-таки увѣрено, что вредныя для него увлеченія и доктрины не проникнутъ чрезъ нихъ въ массы; истинно-научное направленіе никогда и никого не допуститъ до этого, лишь бы ничто не препятствовало проявленіямъ ихъ умственной дѣятельности. Если мнѣ скажутъ, что многіе реформаторы были именно люди, пріобрѣвшіе авторитетъ въ наукѣ, то я отвѣчу, что ни одного не знаю такого, который бы былъ агитаторомъ. Встрѣчаются, правда, и между наставниками, осужденными государствомъ за распространеніе вредныхъ ученій, имена извѣстныхъ ученыхъ и спеціалистовъ. Къ такимъ, напримѣръ, относятся въ наше время Штраусъ и Ренанъ. Но, вникнувъ въ закулисныя подробности дѣла, мы увидимъ, что убѣжденія и доктрины этихъ лицъ, когда имъ поручались каѳедры, были извѣстны швейцарскому и французскому правительствамъ, и не только терпѣлись, но даже одобрялись молчаливымъ согласіемъ, пока это нужно было и совпадало съ интересами той или другой вліятельной партіи. Итакъ, тутъ въ распространеніи доктринъ, вредныхъ для общества, виноваты не эти лица— они не притворялись—а самыя правительства, которыя, зная всю опасность ихъ ученія, авторизировали ихъ учить съ каѳедры.

«Если существенное и ничѣмъ не-

замѣнимое достоинство университета, по прекрасному выраженію Савиньи, состоитъ въ томъ, чтобы представить современное развитіе науки олицетвореннымъ въ наставникѣ и, доведя весь процессъ научнаго мышленія до живой наглядности, пробудить и сдѣлать производительными духовныя силы ученика, то университетскимъ наставникамъ должна быть дана свобода проникать предъ учениками самостоятельно въ святилище знанія. Неестественна и безплодна была бы попытка направлять ихъ на другой, ими непризнанный путь!»

Такъ опредѣляетъ отношенія государства къ университетскимъ представителямъ науки тотъ же авторитетъ по государственному праву, который я приводилъ уже прежде (Блунчли).

Конечно, не всѣ правительства и въ Германіи руководствуются этими началами государственнаго права. Теологическіе факультеты, и протестантскіе и, особенно, католическіе стараются влiять на духъ преподаванія наукъ, находящихся въ связи съ богословіемъ; правительства наиболѣе консервативныя обращаютъ особое вниманіе на преподаваніе и даже направленіе наукъ историческихъ. Но общественное мнѣніе въ Германіи уже сильно развито, и правительства не могутъ пренебрегать имъ и въ отношеніи къ университетской наукѣ; процвѣтаніе университетовъ тѣсно соединено съ благосостояніемъ городовъ и цѣлыхъ государствъ, которыя смотрятъ на это дѣло, какъ на народное, близкое и къ сердцу, и къ карману. И потому, нигдѣ не проявляется ограниченіе свободы ученія прямо и непосредственно, а только подъ видомъ выбора лицъ, назначаемыхъ занимать каѳедру; только личныя убѣжденія и научное направленіе выбираемыхъ правительствомъ въ профессора свидѣтельствуютъ о взглядахъ его на свободу ученія. Да и эти выборы профессоровъ обращаютъ на себя особое вниманіе не столько въ видахъ ограниченія научной свободы, сколько потому, что многіе изъ университетскихъ наставниковъ дѣлаются членами представительныхъ собраній. Извѣстно, напримѣръ, изъ газетъ, что упрекъ короля прусскаго отосился къ Зибелю, котораго онъ самъ опредѣлилъ въ боннскій университетъ, не какъ къ профессору исторіи, а какъ къ члену оппозиціи въ палатѣ депутатовъ. Кажется, большая часть германскихъ правительствъ и всѣ государственные люди, знакомые съ духомъ науки не по однимъ слухамъ, уже достаточно убѣдились, что только выборомъ людей, пріобрѣтшихъ своими трудами безспорный авторитетъ въ наукѣ, можетъ быть гарантирована и свобода ученія отъ злоупотребленій. И для насъ нѣтъ другого, болѣе вѣрнаго средства противъ лжеученій, увлекающихъ умы, неприготовленные серьезнымъ знаніемъ, какъ спеціальное образованіе, соединенное съ полною свободою научнаго изслѣдованія. Спеціальность, дѣлая университетское образованіе болѣе опредѣленнымъ и точнымъ, удовлетворяетъ и талантъ, и посредственность; она же устранитъ и отъ большинства то опасное недовольство, которое обыкновенно слѣдуетъ за многостороннимъ, но поверхностныхъ образованіемъ, остающимся безъ примѣненія въ жизни. Непрочна была бы, однакожъ, и эта спеціальность въ образованіи, если бы государство приняло на себя обязанность давать ей заранѣе направленіе, соотвѣтствующее его видамъ и временнымъ интересамъ. Это значило бы, изъ узкихъ и преходящихъ цѣлей, насиловать свободу испытующаго ума и вовлекать его въ ненормальную односторонность, которую нельзя было бы удержать безъ сильной борьбы противъ общечеловѣческихъ стремленій знанія.

Не менѣе важно для государства, и именно у насъ, поддержать авторитетъ науки и наставниковъ въ глазахъ молодого поколѣнія. Это тоже одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ противъ увлеченій и ложныхъ доктринъ, тайныхъ и явныхъ. Но и этого нельзя достигнуть безъ той же свободы ученія и изслѣдованія. Безъ нея въ ученикахъ легко вкореняется мысль о неискренности учителя. А какъ скоро родилось подозрѣніе, что

учитель неоткровененъ въ изложеніи науки, что онъ не высказываетъ какихъ-то заднихъ мыслей, изъ страха, корысти и притворства, то умственная и нравственная связь между наставникомъ и ученикомъ уже нарушена, авторитетъ потрясенъ, и студентъ уже не видитъ того идеала, который Савиньи хотѣлъ осуществить въ лицѣ университетскаго профессора. Молодой человѣкъ, потерявшій это довѣріе, сомнѣвающійся въ искренности и считающій ученіе профессора не свободнымъ, а вынужденнымъ или притворнымъ, есть уже адептъ всѣхъ возможныхъ заблужденій; самыя нелѣпыя лжеученія легко западаютъ въ душу, отравленную сомнѣніемъ. И вотъ источникъ нашихъ золъ. Скажутъ, что вѣра въ какіе бы то ни было авторитеты потрясена давно, и не у насъ однихъ. «Не клянись словами учителя»—не мы выдумали. Скажутъ, что упадокъ этой вѣры вовсе не зависитъ теперь отъ способа или направленія ученія, а есть слѣдствіе той же свободы, которую я защищаю. Но такъ возразитъ только тотъ, кто вовсе не пойметъ меня. Не о безусловной, средневѣковой вѣрѣ въ слова учителя говорю я и не потому ставлю высоко научный авторитетъ, что онъ, будто бы, дѣлаетъ истину истиннѣе и ложь правдою. Я знаю, и вѣра и безвѣрье въ дѣлѣ науки пришли къ намъ, вмѣстѣ съ наукою, изъ-за моря. Но, живя за-границею и сравнивая здѣшній взглядъ на науку и ея авторитетъ съ нашимъ, невольно видишь, какъ тотъ и другой различны. Кто болѣе, какъ не нѣмецъ, съ его неодолимымъ любознаніемъ, склонностью къ отвлеченію и протестантскою свободою мысли, могъ поколебать схоластическую вѣру въ авторитетъ? Но сравните новое германское поколѣніе съ нашимъ и скажите, кто болѣе уважаетъ научный авторитетъ, кто болѣе вѣритъ своимъ учителямъ—наше или германское? Наше, можетъ быть, отъ природы смышленнѣе и бойче; оно скорѣе живетъ, да Богъ съ ней, съ этою смышленностью, если она заставляетъ насъ скорѣе сомнѣваться и блуждать безъ убѣжденій и безъ цѣли! Что въ этомъ, если наши юноши смотрятъ свысока на студентскія средневѣковыя продѣлки и смѣются надъ тѣмъ, что нѣмцу трудно отстать отъ своихъ устарѣлыхъ преданій? Вѣдь отъ этого намъ не лучше! Что пользы намъ отъ нашей младенческой сухотки? А иногда я думаю, ужъ не афектація ли это, не прикрывается ли нашею раннею умственною распущенностью, нашимъ скороспѣлымъ скептицизмомъ, что-то другое? Не переодѣтая ли это въ нѣмецкое платье наша родная славянская непослѣдовательность, та же самая, съ которою мужикъ такъ наивно говоритъ: «А Богъ его знаетъ» о томъ, что онъ могъ бы очень хорошо знать, и между тѣмъ, слѣпо вѣритъ тому, чего вовсе не знаетъ или что знаетъ только по слухамъ? Можетъ быть, нашъ модный нигилизмъ и есть что-то въ родѣ этого. Вѣдь онъ отвергаетъ и не хочетъ уже болѣе знать, Богъ вѣсть почему, ни Канта, ни Гегеля, а между тѣмъ очень наивно вѣритъ въ авторитеты Бюхнера, Молешота и Фохта. Вѣдь это собственно не отверженіе, а просто мѣна кукушки на ястреба! Да и можно ли, въ самомъ дѣлѣ, чему-нибудь научиться, не вѣря тому, у кого учишься? На Западѣ, въ отечествѣ тѣхъ доктринъ, на которыя ссылается нашъ юный нигилизмъ, и особенно въ Германіи, цѣна имъ скоро установилась. «Kraftstoffmensch»—такъ называютъ здѣсь Бюхнера, хотя и читается (нѣмцы все читаютъ), но не избирается никѣмъ въ оракулы и живетъ себѣ спокойно въ одномъ торговомъ городѣ. Не добился этой чести и также не попалъ въ оракулы и Молешотъ: онъ уѣхалъ въ Италію. Фохтъ, который посерьезнѣе и поталантливѣе обоихъ, несмотря на свой научный цинизмъ, тоже не считается у нѣмцевъ пиѳіей, хотя и свободно себѣ учитъ въ Женевѣ. Молодое германское поколѣніе, и при современной реакціи противъ отвлеченнаго направленія, и при господствѣ матеріализма, все-таки ведется путемъ философскимъ и чисто научнымъ, продолжая попрежнему искренно уважать авторитетъ своихъ университетскихъ наставниковъ. А у насъ

недовѣріе къ учителямъ, поселенное прежнимъ ограниченіемъ свободы ученія, отсутствіе научнаго специализма въ университетѣ и общечеловѣческаго образованія въ школѣ, а, наконецъ, въ свою очередь, и крайній славянизмъ, вооружившійся прямо и косвенно противъ западной науки, успѣли развить и въ области знанія нашъ кровный разумъ, угодивъ молодежь прямо въ руки крафштофныхъ спекуляторовъ. Голова кружится, когда подумаешь, сколько свѣжихъ, лучшихъ силъ истратится попустому въ этой непроизводительной распущенности мысли и знанія, которая прикидывается наукою! И когда же? Въ то самое время, когда имъ нужно было бы сосредоточиться, чтобы дать и пищу, и тепло, и свѣтъ, и правду, и добрый примѣръ коснѣющимъ въ невѣжествѣ массамъ. Можно ли же тутъ жаловаться съ нашими публицистами, что такъ много русскихъ семействъ ѣдетъ за-границу, отнимая и силу, и умъ у родины? Какъ требовать, чтобы тотъ, у кого есть и дѣти и средства, не вздумалъ, хоть на время, удалить своихъ дѣтей изъ хаоса превратныхъ убѣжденій, въ которыхъ запуталось наше образованіе? Тутъ уже нечего думать о національномъ воспитаніи, котораго еще нѣтъ: всякій хочетъ какъ бы дать хоть какое-нибудь, лишь бы не противорѣчащее человѣческому. Правда, воспитаніе и въ Германіи еще далеко отъ совершенства. Отъ нравственнаго яда нигдѣ не убережешься. Но здѣсь цивилизаціею выработались, на волѣ, и противоядія. Убѣжденія уже какъ-то установились. Ложный блескъ софизмовъ сдѣлался уже не такъ привлекателенъ для юношества. Маятникъ жизни, хотя и очень далекій отъ идеала, качается правильнѣе. Заднія мысли лжеучителей отгадываются легче и вызываютъ истинныхъ педагоговъ и представителей науки въ противодѣйствіе скорѣе и сильнѣе. Подземная литература не имѣетъ ни заманчивости, ни силы. Вкусъ и охота къ серьезнымъ занятіямъ пробуждаются ранѣе. Все это кидается въ глаза въ Германіи каждому безпристрастному наблюдателю. Можно ли же, по совѣсти, обвинять отцовъ въ индиферентизмѣ и хладнокровіи къ отечественнымъ интересамъ?

Исторія всѣхъ религіозныхъ, политическихъ и философскихъ лжеученій показываетъ, что причины ихъ развитія должно искать или въ специальныхъ условіяхъ народной жизни, или въ отношеніяхъ государственнаго начала къ научному. Различныя свойства самаго объекта доктринъ играютъ тутъ роль второстепенную и служатъ, по большей части, однимъ только предлогомъ. Общее всѣмъ пропагандамъ есть то, что онѣ проявляются не иначе, какъ въ видѣ реакціи. Но въ исторіи нерѣдко слѣдствія принимались за причины. Такъ, напримѣръ, и первую французскую революцію приписывали исключительно философскимъ доктринамъ XVIII-го столѣтія. Вникнувъ глубже, не трудно увидѣть, что лжеученія, распространяясь при однихъ и тѣхъ же или сходныхъ условіяхъ, не сами были причиною смутъ: и смуты, и лжеученія, начиная отъ самаго нелѣпаго толка до философіи энциклопедистовъ, были только слѣдствія тѣхъ же самыхъ причинъ. Такъ изъ специальныхъ условій распространенію лжеученій, обыкновенно, предшествовали: внутреннія злоупотребленія отъ непомѣрной централизаціи, сословная вражда, неравенство правъ и недовольство; изъ ненормальныхъ отношеній государства къ наукѣ способствовали ихъ развитію: гнетъ свободы научнаго изслѣдованія, упадокъ и ложная система образованія. Правда, иногда лжеученія быстро заражали массы или нѣкоторые слои общества, появлялись и исчезали періодически, какъ повѣтрія; сюда относится, напримѣръ, и современный спиритизмъ, начиная отъ ребяческаго столоверченія до сношенія съ загробнымъ міромъ; причина ихъ, какъ и всѣхъ эпидемій, еще темна; но онѣ рѣдко принимали видъ настоящихъ доктринъ, имѣющихъ практическія примѣненія, а оставались, со всею ихъ мистическою обстановкою, на степени отвлеченныхъ мечтаній. И наука о государственномъ правѣ,

и указанія исторіи приводятъ насъ къ тому заключенію, что однѣ чисто административныя и запретительныя мѣры служатъ только невѣрными паліативами противъ лжеученій. А если обстоятельства не дозволяютъ, какъ это случается при борьбѣ партій, проводить эти мѣры послѣдовательно, то результатъ дѣлается не только ненадежнымъ, но и опаснымъ для государства. Мы видимъ это теперь во Франціи. Наполеоновское правительство, въ угоду клерикальной партіи, сначала стѣсняло, сколько могло, свободу научнаго разслѣдованія и ученія, а теперь, когда усиленное вліяніе ультрамонтовъ сдѣлалось уже и ему самому не подстать, оно стало поблажать и такому направленію, представителемъ котораго служитъ Ренанъ. Здоровы ли обществу такіе переходы отъ холода къ жару? А при употребленіи паліативовъ ихъ избѣжать нельзя.

Итакъ, и логика, и исторія, и государственная наука, все доказываетъ, во-первыхъ, что самое вѣрное средство противъ вредныхъ для общества увлеченій и заблужденій ума заключается: въ свободѣ ученія и разслѣдованія, на которую прежде всего нападаютъ, потому только, что это кажется легко и безопасно, и въ распространеніи довѣрія къ авторитету науки и ея представителей; во-вторыхъ, что спеціальное направленіе ученія въ университетахъ, способствуя глубинѣ и трезвости мышленія, вѣрнѣе другихъ средствъ предохраняетъ государство отъ злоупотребленій этой свободы; въ-третьихъ, что современныя понятія объ отношеніяхъ государства къ наукѣ могутъ быть съ полною увѣренностью примѣнены ко всѣмъ образамъ правленія христіанскаго общества.

И я всѣ надежды полагаю на систему образованія, основанную на этихъ же самыхъ началахъ. Судьбы нашего будущаго поколѣнія зависятъ отъ раціональной подготовки народа къ принятію не другой какой-нибудь, еще неизвѣстной, а той же самой науки, которая выработалась цѣлымъ человѣческимъ обществомъ.

Мы не должны обольщать себя софизмами о какихъ-то особенностяхъ славянской натуры и нашего общественнаго строя, требующихъ, будто бы, и другихъ способовъ народнаго просвѣщенія. Мы должны пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ въ наукѣ и употреблять всѣ прогрессивныя средства, доставляемыя болѣе образованными націями, въ нашу пользу. Пусть наши университеты остаются, какъ вездѣ, для избраннаго меньшинства. Но пора, пора дать возможность спеціально-научнаго образованія и менѣе избранному большинству. Должно непремѣнно учредить и политехническія отдѣленія—и, сколько можно, въ связи съ университетскою наукою. Введеніемъ этого образованія въ университетахъ мы сбережемъ и образуемъ умственный капиталъ, растрачиваемый теперь безъ цѣли, и скрытый безъ оборота. Оно, вмѣстѣ съ свободою ученія и научнаго разслѣдованія, возстановитъ и потрясенное довѣріе къ авторитету представителей науки, а это спасетъ насъ и отъ лжеученій, и отъ злоупотребленій свободы.

Въ другомъ письмѣ я постараюсь показать, какъ нарушеніе нормальныхъ отношеній государства къ различнымъ отраслямъ знанія и науки способствовало одностороннимъ направленіямъ ученія, крайнимъ выводамъ и ложнымъ примѣненіямъ къ существующему порядку вещей.

IV.

По поводу занятій русскихъ ученыхъ за-границею.

12 (24 января) 1864 года.

На дняхъ я имѣлъ длинный, жаркій разговоръ съ нашими посланными. Къ сожалѣнію, не могу передать его слово въ слово. Но, во всякомъ случаѣ, онъ мнѣ кажется потому ин-

тереснымъ, что составляетъ живой комментарій и моихъ мыслей, и мыслей грядущаго поколѣнія профессоровъ о... будетъ сейчасъ видно—о чемъ.

Передавая его, я, можетъ быть, вложу слова *А* въ уста *Б*, и прибавлю къ моимъ словамъ то, что мнѣ пришло послѣ въ голову,—это я отмѣчу, пожалуй, скобками,—но истина, въ сущности, отъ этого не потеряетъ. Встрѣтятся кое-какія нѣмецкія фразы,—живя въ Германіи, это дѣлаешь какъ-то невзначай.

А. Изъ вашего второго письма, кажется, слѣдуетъ, что вы отвергаете пользу общихъ научныхъ курсовъ въ университетѣ?

Я. Сколько мнѣ помнится, при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, если студенты приготовлены къ самостоятельному труду, а, во-вторыхъ, если есть руководства.

А. Какъ же можно требовать отъ молодого человѣка въ 17 лѣтъ, чтобы онъ умѣлъ самостоятельно заниматься?

Я. Позвольте васъ спросить въ свою очередь: считаете вы возможнымъ, чтобы молодой, 17-лѣтній человѣкъ настолько былъ приготовленъ гимназіею къ самостоятельному труду, чтобы могъ самъ читать какое бы то ни было хорошее, дѣльное и современное руководство? Надѣюсь, вы понимаете меня, что я разумѣю подъ словомъ «читать».

А. Да.

Я. Такъ вы не отвергаете возможности для молодого образованнаго человѣка получить изъ руководства ясное понятіе о главныхъ основахъ науки, которою онъ хочетъ заниматься?

А. Да; но вѣдь дѣло университета—приготовить къ самостоятельному труду; дѣло и университетскихъ профессоровъ—учить; а учить—въ гимназіи ли, въ университетѣ ли, все равно—все учить: это прямая и главная обязанность профессоровъ. Они—не академики; имъ нечего отвлекаться чисто-научными занятіями. Я тутъ не вижу причины, почему вы переносите пріученіе къ самостоятельной работѣ въ гимназію, а не оставляете за однимъ университетомъ.

Я. Что профессора не академики, это я узналъ изъ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ московскаго университета, по случаю его 100-лѣтняго юбилея. Но вѣдь это не минералы, изъ которыхъ можно за одними оставлять тяжесть, за другими—тяжесть и блескъ. Кто учитъ, тотъ также подвигаетъ науку впередъ, а кто двигаетъ ее впередъ, тотъ также учитъ. Гдѣ тутъ предѣлы? гдѣ границы? Одинъ говоритъ, другой пишетъ, третій и говоритъ и пишетъ (а четвертый случай, ни для профессора, ни для академика, невозможенъ). Что учить въ гимназіи и учить въ университетѣ—огромная разница, не знаю, какъ вы можете оспаривать. Учитель долженъ быть педагогъ; иначе онъ не учитель; а профессоръ можетъ быть и вовсе не педагогомъ, и даже знаменитымъ.

А. Да учитель гимназіи также излагаетъ науку...

Я. Постойте, постойте... Вотъ это-то одна изъ 10.000 нашихъ ошибокъ. Я видалъ въ гимназіяхъ этихъ господъ, излагающихъ науки для гимназиста. Такое изложеніе не стоитъ выѣденнаго яйца. Это страшное непониманіе дѣла со стороны гимназическаго учителя, когда онъ пускается на профессорскія замашки и съ высоты каѳедры бросаетъ только высшіе взгляды на школьную аудиторію...

А. Да, я знаю, что онъ долженъ у своихъ учениковъ спрашивать урокъ и узнавать, поняли ли его; въ этомъ, положимъ, и проходитъ половина лекціи; но другая половина употребляется все-таки на изложеніе предмета.

Я. И съ этимъ не согласенъ. Учитель не долженъ дѣлать ни шагу, не удостовѣрясь, чѣмъ заняты ученики. (Не забудьте, нитка, которою привязано вниманіе у всѣхъ у насъ, а еще больше у гимназиста, такъ тонка, что она тотчасъ оборвется, если ее или не дотянешь, или перетянешь. Знайте, мнѣ—за 50, а я не ручаюсь за мое вниманіе ни на одной изъ вашихъ университетскихъ лекцій: чего же вы хотите отъ ребенка? Кто изъ учителей не знаетъ, чѣмъ занята голова каждаго изъ его учениковъ въ то время, когда онъ учитъ, тотъ не учи-

тель, и училище, которое дѣлаетъ это возможнымъ — не училище, а разсадникъ будущихъ мухоловов. Добрая половина нашей молодежи пропадаетъ для науки именно отъ того, что спозаранку не сумѣли обращаться съ ея внимательностью, не слѣдили за внутренней зѣвотой въ училищахъ и давали завестись въ душѣ той пустотѣ, которая проглядываетъ и въ нашихъ правахъ, и въ нашей литературѣ, и въ нашихъ убѣжденіяхъ).

Б. Вы правы. Учитель долженъ заботиться, чтобы ученикъ уяснилъ себѣ хорошенько и переварилъ все въ плоть и кровь, что слышалъ отъ учителя. Но, я думаю, главный недостатокъ нашихъ гимназій именно тотъ, что онѣ не развиваютъ въ ученикѣ здраваго критическаго сужденія. Я, напримѣръ, помню, что съ нами было. Мы въ гимназіи читали о русской литературѣ взгляды Бѣлинскаго, а когда вступили въ университетъ, тамъ профессоръ словесности и слышать не хотѣлъ про Бѣлинскаго; у него былъ свой, совсѣмъ противоположный взглядъ; мы и стали въ тупикъ: на кого положиться, чему вѣрить?.. Главное, по моему—развить въ ученикѣ критическое мышленіе.

Я. Я не иду такъ далеко. У меня есть minimum, котораго переступить нельзя, и безъ котораго нельзя являться въ университетъ. По моему, кончившій курсъ въ гимназіи и вступающій въ университетъ долженъ понимать каждое хорошее руководство—разумѣется, въ постепенной послѣдовательности научнаго ученія. Онъ долженъ быть въ состояніи, прочитавъ руководство, научиться изъ него столько же, какъ и изъ лекціи профессора. (Счастливъ профессоръ, если его лекціи стоятъ выше всякаго современнаго хорошаго учебника; но для него также есть свой minimum—онѣ не должны быть ниже такого учебника). Если ученикъ это условіе выполнитъ—ступай въ университетъ, дѣло въ шляпѣ...

А. Но гдѣ же гимназіи достигаютъ этой цѣли?

Я. Гдѣ?—а посмотрите кругомъ васъ: баденскія гимназіи считаются не лучшими въ Германіи,—и вотъ мой сынъ, который нынѣшній только годъ поступилъ въ университетъ, пробылъ цѣлый годъ въ послѣднемъ классѣ здѣшней гимназіи; спросите, чѣмъ онъ занимался тамъ? (Онъ долженъ былъ приготовлять самъ переводы изъ Геродота и Платона; долженъ былъ переводить съ греческаго на латинскій; долженъ былъ приготовляться изъ греческой исторіи по Дункеру, цѣлый семестръ проходить только одно время Перикла—развѣ это уже не самостоятельный трудъ для юноши въ 17 лѣтъ? Онъ поступилъ въ университетъ, и его занятія постепенно и безъ всякихъ скачковъ изъ гимназическихъ дѣлаются университетскими: натура и свойство научнаго труда не перемѣнились: онъ сдѣлается современемъ степенью выше—вотъ и все. Какъ здѣсь достигаютъ этого? Ужъ вѣрно не профессорскимъ изложеніемъ науки въ гимназіяхъ, не свысока, не разомъ).

А. Но вѣдь у насъ этого нѣтъ, такъ какъ же вы хотите, чтобы и университетъ не занимался тѣмъ, чѣмъ должны были бы заниматься гимназіи? А какъ онъ это сдѣлаетъ, если въ немъ не будетъ общихъ научныхъ курсовъ?

Я. Ваше предложеніе—понизить университетъ до уровня гимназій—не новость; это предлагали и другіе. Но я въ этомъ не вижу никакой пользы. Такое пониженіе не обойдется даромъ. (Вы понизите уровень университета, а гимназіи понизятъ свой уровень; уѣздныя училища свой—дойдетъ дѣло до нельзя, то есть до сельскихъ приходскихъ. Пожалуй, и тутъ еще можно ухитриться, изобрѣсти новый механизмъ пониженія и для народнаго образованія, хотя это и трудно сдѣлать тамъ, гдѣ его нѣтъ). Но къ чему вся эта механика? Къ чему такая заботливость? Кто изъ студентовъ когда-нибудь просилъ ея? (Я часто слышалъ жалобы отъ непониманія дѣла, когда одинъ или нѣсколько юношей положительно увѣряли, что имъ совсѣмъ не нужно того знать, что имъ преподаютъ. Слышалъ, правда, жалобы и на то, что профессоръ читаетъ непонятно, невнятно, требуетъ многаго, и все по своимъ запис-

камъ, на экзаменахъ сердится, когда ему отвѣчаютъ не его словами. Но посмотрите безпристрастно, на кого обыкновенно ропщутъ? Худо, очень худо, что такія жалобы существуютъ; но, разбирая ихъ по принципу «audiatur et altera pars», не трудно наткнуться на правду. Можно положительно сказать, что на недостижимо высокое нашихъ университетскихъ лекцій жалобъ нигдѣ не слышно. Правда, многіе профессоры понизили курсъ своего ученія proprio motu, видя сами, что ихъ лекціи для большинства недосягаемы; но это произошло оттого, что, въ одно время, между гимназическимъ и университетскимъ ученіемъ господствовалъ полный разладъ; въ гимназіяхъ отдавали на выборъ 13-ти и 14-лѣтнимъ мальчикамъ, спрашивая ихъ: «чему, душечка, хочешь учиться? хочешь учиться латыни или юриспруденціи?» Въ медицину тогда поступали (а въ то время на одной медицинѣ и основывалось все существованіе университетовъ) неумѣвшіе склонять mensa и дѣлавшіе, къ ужасу профессора рецептуры, страшные промахи въ окончаніяхъ, когда ихъ заставляли писать рецептъ безъ сокращеній. Въ это пасмурное для университетовъ время нечему было удивляться, что профессоръ латинской словесности съѣхалъ на Корнелія Непота, а греческой—чуть не на азбуку. Но вѣдь это миновало: для чего же воскрешать прошедшее? для чего хотѣть пониженія, когда нужно повышать? Ступайте выше, не робѣя; толпа полѣзетъ за вами, не безпокойтесь, вы все хотите сразу, хотите, чтобы разомъ все пошло какъ по маслу, и первая неудача васъ сейчасъ и испугаетъ: «ну, какъ не доберется до меня?» думаете вы—и начинаете тотчасъ же спускаться сами. Имѣйте терпѣніе—полѣзетъ, увѣряю васъ, полѣзетъ за вами,—стоитъ только не обсчитаться самому ступенями своей лѣстницѣ, а о прочемъ не заботьтесь).

А. Но тогда гимназіи наши и должны будутъ только о томъ заботиться, чтобы приготовлять къ университету. Можно ли же это провести у насъ?

Я. Какъ вамъ сказать! (До сихъ поръ, у насъ каждая гимназія двоилась: ей хотѣлось, или было приказано, приготовлять и къ университету, и къ жизни. Что же значило приготовленіе къ жизни? Учиться законовѣдѣнію, естественной исторіи, физикѣ? Были и такіе глубокіе педагоги, что хотѣли ввести въ гимназію преподаваніе политической экономіи; физіологія уже отчасти преподается и теперь, вмѣстѣ съ зоологіею; можно было бы еще ввести и анатомію—и вотъ перенесли бы университетъ въ гимназію, а понизивъ его уровень, сдѣлали бы его гимназіею; что же? хорошо?) Вы хотите,—сколько я понялъ вашъ вопросъ,—чтобъ гимназія приготовляла къ жизни. А знаете ли, что такое наша жизнь и какія ея требованія? Я былъ пять лѣтъ попечителемъ, и отчасти въ такомъ округѣ, гимназіи котораго считались, послѣ столичныхъ, самыми многолюдными: знаете ли результатъ этого приготовленія къ жизни? Вотъ онъ. Изъ первыхъ четырехъ классовъ я видѣлъ въ каждомъ по 80 и по 100 учениковъ; въ параллельномъ бывало по 70; а знаете ли, сколько было въ послѣднемъ, въ седьмомъ? По 6 въ иныхъ, и не болѣе 15 въ урожайные годы. Вотъ она жизнь, вотъ она чего у насъ требуетъ! (Дай Богъ, чтобъ это перемѣнилось теперь). Университетъ можно сдѣлать и для меньшинства изъ меньшинства, и для большинства изъ меньшинства — это зависитъ не отъ насъ съ вами. Но, какъ бы вы его ни учреждали, если вы не положите извѣстнаго minimum —не того minimum, которые выражается теперь гимназическимъ аттестатомъ, а моего, котораго я требую,—то, будете ли вы читать ваши любезные общіе курсы каждой науки, нѣтъ ли, по запискамъ ли, экспромптомъ ли—только не ждите. И если я сказалъ напрямикъ мое мнѣніе объ этихъ курсахъ, то именно хотѣлъ этимъ сказать, что гимназія и университетъ должны идти рука объ руку и однимъ путемъ.

Г. Да какъ же вы хотите избѣжать общихъ курсовъ? Положимъ, напри-

мѣръ, что я, возвратясь изъ-за-границы, получу каѳедру въ юридическомъ факультетѣ, по одному предмету изъ русскаго права. Мнѣ нужно будетъ, по вашему, сейчасъ руководство; а его вовсе нѣтъ, ни на русскомъ, ни на другомъ языкѣ, да на другомъ языкѣ и быть не можетъ. Что же прикажете мнѣ дѣлать? сидѣть, сложа руки, на лекціи, или не ходить вовсе на лекціи, а писать дома руководство? Спросите и у всѣхъ другихъ юристовъ.

Я. Послушайте: вы берете случай, именно не подходящій ни подъ одно изъ моихъ условій. Я сказалъ, или думалъ сказать, да не съумѣлъ, что общіе курсы вовсе не нужны тамъ, гдѣ есть слушатели, умѣющіе заниматься самостоятельно, и гдѣ есть хоть одно дѣльное руководство по каждой наукѣ, преподаваемой въ университетѣ. А по вашему предмету—вы говорите—нѣтъ такого, да и перевести съ другого языка такого нельзя. Вы спрашиваете, что тутъ дѣлать? Мнѣ кажется,—дѣло ясное. Васъ заставляютъ читать этотъ предметъ, вы беретесь за это—позвольте же в а с ъ спросить: что вы будете дѣлать и съ чего начнете?

Г. Я уже теперь подготовляюсь, справляюсь, составляю записки; буду продолжать это дѣлать и буду сообщать моимъ слушателямъ то, что успѣлъ скопить.

Я. Прекрасно. Теперь одно изъ двухъ: или вы составили уже ваши записки, когда принимаетесь преподавать, или будете ихъ составлять для каждой лекціи. Позвольте же узнать: кто вамъ препятствуетъ, въ первомъ случаѣ, ихъ тотчасъ же напечатать? Печатайте хоть теперь, если онѣ уже готовы: въ Лейпцигѣ вамъ въ половину дешевле будетъ это стоитъ; а министерство, безъ сомнѣнія, разрѣшитъ тотчасъ же ввозъ въ Россію. Во второмъ случаѣ, кто препятствуетъ вамъ печатать тотчасъ же каждую лекцію? Да сами ваши слушатели—я увѣренъ—возьмутся за это; я видѣлъ, съ какою жадностью бросаются они литографировать самыя жиденькія, по содержанію, записки, и ихъ покупаютъ нарасхватъ; есть между ними даже особые доки-спекуляторы на этотъ предметъ. Правда, ваши слушатели, на первый годъ, не будутъ избавлены отъ удовольствія посѣщать вашъ общенаучный курсъ, въ которомъ вы будете имъ излагать то, что успѣли собрать, какъ вы сами сказали и какъ иначе и требовать нечего отъ молодого доцента; но зато, на другой годъ, другіе ваши слушатели уже могли бы распорядиться иначе, или, лучше, вы бы съ ними могли бы распорядиться иначе, и по крайней мѣрѣ половину вашего драгоцѣннаго времени могли бы выдѣлить изъ вокальныхъ упражненій и переливаній буквъ въ звуки...

Г. Да помилуйте, вѣдь я не буду каждый годъ читать одно и то же! Можетъ быть, что нынѣшнегоднія мои записки вовсе не будутъ годиться для будущаго года. Я, можетъ быть, ихъ съ ногъ до головы передѣлаю.

Я. Тѣмъ лучше! Это значитъ, что вы идете впередъ. Vorwärts!—прекрасно. На другой годъ печатается новое изданіе, опять на прежнихъ основаніяхъ; ваши ученики, можетъ быть, на первый разъ будутъ озадачены этимъ форсированнымъ маршемъ учителя; немножко, по-русски, почешутъ затылки, но дѣло будетъ слажено—я въ этомъ увѣренъ. Другіе, на третій годъ будутъ счастливѣе: я надѣюсь, они тогда переплетутъ ваши лекціи съ бѣлыми листами, какъ академическій календарь, и всякое ваше нововведеніе уже впишутъ въ эти листы; а вамъ на этотъ счастливый третій годъ, знаете ли, что бы пришлось дѣлать? Ужъ вы, вѣрно, догадаетесь. Объявите вашимъ слушателямъ, чтобы они непремѣнно прочли ваши печатныя записки и не смѣли бы иначе къ вамъ являться на лекцію—вы ихъ иначе знать не хотите—и тогда, вмѣсто 8 часовъ въ недѣлю, назначьте 2 часа, въ которые изложите имъ все новое, чего не было въ вашихъ запискахъ, да назначьте имъ, пожалуй, еще 1 или 2 часа въ недѣлю, для объясненія того, что осталось темнымъ изъ стараго, или уже прочитаннаго. Остальные 4 часа у васъ въ выигрышѣ—

употребите ихъ на специальныя занятія. Замѣтьте, что я это беру въ большомъ, скажу—въ огромномъ, размѣрѣ, и дѣлаю это изъ уваженія къ вашему прогрессизму, предполагая, что вы каждый годъ имѣете чрезвычайно много новаго сообщить вашимъ слушателямъ.

А. Но кто же согласится печатать тотчасъ же по вступленіи на каѳедру свои записки? Nonum prematur in annum. Гдѣ же оно, это древнее правило?

Я. Позвольте узнать, что вы считаете болѣе важнымъ: излагать ваши мысли на лекціи или въ печати?

А. Въ печати, безъ сомнѣнія.

Я. А почему, позвольте узнать?

А. Потому что въ печати я отдаю мои мысли на судъ общественный; я долженъ, обнародывая мое сочиненіе, думать не только о содержаніи, но и о формѣ. Лекцію я могу читать по краткому конспекту, излагая по немъ каждую статью изустно и не имѣя даже надобности въ запискахъ; а при изустномъ изложеніи не всегда удерживается литературная форма: иногда встрѣтятся тутъ и повторенія, и нѣкоторыя уклоненія, тогда какъ, печатая, я не могу этого себѣ позволить: я долженъ дать приличную литературную форму тому, что пишу. Вообще, мнѣ кажется, различіе между изустнымъ изложеніемъ и печатнымъ такъ значительно, что я не понимаю, какъ можно смѣшиватъ одно съ другимъ.

Я. Это значитъ, мы расходимся въ началахъ. Чтобы показать несходство нашихъ основныхъ взглядовъ, я прибѣгну сначала къ сравненію. Вы знаете, что у насъ медицинскій факультетъ считаетъ степень доктора выше степени лекаря. Я, напротивъ, думаю, что медицинскіе германскіе факультеты, по крайней мѣрѣ большая ихъ часть, поступаютъ гораздо справедливѣе, считая докторскую степень не выше, а ниже лекарской. Давая степень лекаря, факультетъ даетъ самое главное: право на жизнь и здоровье другого; докторская же, какъ свидѣтельство одного ученаго достоинства, есть то, что нѣмцы называютъ: Sufusartikel. Такъ и въ нашемъ вопросѣ. Кому даютъ званіе доцента, живое слово того признаютъ, по моему мнѣнію, уже никакъ не ниже, а выше печатнаго; его облекаютъ правомъ (тамъ, гдѣ право образованія составляетъ исключительную монополію правительства)—учить публично, да не только публично, а учить избранную часть общества, его будущее поколѣніе; поэтому, его живое слово имѣетъ значенія болѣе, нежели печатное; если же онъ, какъ всѣ мы грѣшные, можетъ на лекціи ошибаться и заблуждаться, то эти ошибки и заблужденія ничѣмъ не ниже тѣхъ, въ которыя онъ можетъ впасть, печатая свои мысли; напротивъ, по своимъ слѣдствіямъ, онѣ во сто кратъ важнѣе: когда онъ напечатаетъ свою ошибку, ему замѣтятъ, его поправятъ, можетъ быть и съ насмѣшкой, но это нейдетъ къ дѣлу; а его ошибку изустную, сдѣланную на лекціи, кто исправитъ? Для студента она останется не ошибкой, а правдой. Для чего же не быть, а казаться? Вы молоды, вы понимаете всю важность вашего будущаго призванія, вы дорожите вашимъ именемъ въ наукѣ—прекрасно! Но оттого, что вы напечатаете то, что разъ сказали на вашихъ лекціяхъ, не уменьшится ваше достоинство. Это будетъ значитъ, что вы дѣйствуете по правдѣ внутренней, а не внѣшней: вы показываете ваше знаніе, ваше научное достоинство такимъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Это значитъ, что вы не хотите играть двусмысленной роли: предъ аудиторіей казаться верховнымъ жрецомъ науки, а свѣтъ оставлять въ таинственной неизвѣстности о вашихъ научныхъ достоинствахъ. Для чего?

Б. Да помилуйте—возьмите во вниманіе наше общественное мнѣніе: чѣмъ оно руководится? Вотъ хоть бы руководство знаменитаго Блунчли о государственномъ правѣ: книга въ Германіи, какъ и ея сочинитель, уважаема, а я твердо увѣренъ, что у насъ журналы ее непремѣнно разбранили бы, еслибъ кому-нибудь вздумалось перевести ее на русскій языкъ. А если этакъ въ одномъ изъ жур-

наловъ разругаютъ напечатанныя записки,—что тогда заговорятъ слушатели?

Я. Журнальную брань считать для себя обидою, я твердо увѣренъ, изъ васъ никто не будетъ; журналистъ, если захочетъ васъ разругать, можетъ легко достать ваши записки и у вашихъ студентовъ, но вѣдь, это такіе misères, о которыхъ человѣку, занимающемуся наукою серьезно, и говорить стыдно. (Другое дѣло, что соленая и пересоленая критика вашихъ записокъ можетъ васъ уронить въ глазахъ студентовъ, изъ которыхъ многіе находятся, правда, подъ вліяніемъ нашего журнализма. Но будьте только откровенны предъ ними вашимъ знаніемъ, не раздражайтесь ни справедливыми, ни ложными критиками, и—вѣрьте, побѣда останется за вами. Въ самый первый годъ моего профессорства въ Дерптѣ я вздумалъ издать мои клиническія лекціи и случаи (аннaлы клиники), написалъ изъ Ж. Ж. Руссо: „que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, je viendrai, ce livre à la main, devant le juge souverain“, etc. etc., и въ предисловіи сказалъ, что пишу книгу эту не для того, чтобъ молодымъ врачамъ служить примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобъ не служить. Критикъ, разумѣется, не обратилъ на это никакого вниманія, и началъ валять меня. Дѣло было, конечно, нетрудное. Я самъ облегчилъ ему этотъ трудъ, потому что, печатая свои ошибки, валялъ себя безъ милосердія. Я принесъ въ свою аудиторію критику и доказалъ, что въ ней еще многія изъ моихъ ошибокъ не были выставлены. Я выигралъ въ глазахъ моихъ слушателей, хотя и не искалъ, по правдѣ, этого—и, благодаря этой критикѣ, они мнѣ начали вѣрить вдвое болѣе прежняго, а одинъ старикъ профессоръ пришелъ ко мнѣ на домъ, ночью, принялся обнимать и сказалъ со слезами: Ich respectiere Sie». За это задушевное «respectiere» старика я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ).

А. Но, воля ваша, никто не согласится не исправивъ формы, слога и проч. въ запискахъ, издать ихъ; а это исправленіе потребуетъ времени, которое я могъ бы употребить на что-нибудь болѣе полезное, и потомъ,—я уже сказалъ,—можно читать и по конспекту, безъ записокъ; кто же тогда возьметъ на себя редакцію? Развѣ поручить студенту—что изъ этого выйдетъ?

Я. Если вы хотите знать мое откровенное мнѣніе, то я вамъ скажу, что этимъ господамъ доцентамъ, выступающимъ на каѳедру безъ записокъ (или, какъ ихъ болѣе нѣжно называютъ слушатели-подлипалы, записочекъ), я не много вѣрю. Я эту лямку самъ тянулъ,—такъ знаю; къ бесталантнымъ доцентамъ я не принадлежалъ, трусомъ также не былъ; но, не приготовившись, не изложивъ мысли на бумагу, не наведя справокъ и не записавъ ихъ точно, я никогда не рѣшался, въ первые годы, выступить на каѳедру. Правда, я долженъ былъ читать на чужомъ языкѣ (на нѣмецкомъ); но языкъ меня не затруднялъ—меня затруднялъ самый предметъ, который я зналъ не хуже другихъ, занимаясь имъ спеціально цѣлыхъ 8 лѣтъ до моего доцентства. Записки эти, правда, листовъ 300 мелкаго письма, я бы теперь сжегъ, если бы ихъ нашелъ; но тогда тотчасъ бы напечаталъ—да таки многое изъ нихъ и напечаталъ—и теперь въ этомъ также не раскаиваюсь. (Да и для чего? Что мы за совершенства такія? Кого мы этимъ надуемъ, еслибъ даже и захотѣли надуть? Всѣ знаютъ: молодо, зелено. Худъ ли, хорошъ ли, но разъ взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ, но и не притворяйся, что дюжѣе себя и другихъ. Взялся читать лекціи—пусть же всѣ знаютъ, что я читаю; не хочу казаться лучшимъ, чѣмъ я есмь на самомъ дѣлѣ; всѣ знайте, и ученики, и учители, мои научныя заблужденія, мои ошибки—а ученики пусть знаютъ всѣхъ больше; они отъ этого только выиграютъ: кто поумнѣе изъ нихъ, тотъ сейчасъ раскуситъ учителя, и пойметъ, что это за человѣкъ; кто назойливѣе, пусть себѣ хихикаетъ,—послѣ пойметъ, когда до него дойдетъ очередь. А фор-

ма, стиль—неужели же это должно останавливать? Да знаете ли, я и теперь нѣмецкій языкъ далеко не знаю въ совершенствѣ, а когда я начиналъ читать мои лекціи, такъ, за часъ до всякой лекціи, я заходилъ къ моему ассистенту—студенту, и онъ мнѣ въ полчаса весь стиль такъ исправлялъ, что я многое изъ этого печаталъ, и ни одинъ нѣмецъ на меня не былъ въ претензіи за стиль; даже и критикъ мой его не похулилъ. Слѣдовательно, была бы охота, да было бы содержаніе въ вашихъ записочкахъ, а форма найдется, и самъ «Современникъ» не будетъ надъ нею одною издѣваться).

Г. А вотъ здѣсь, въ Германіи, такъ на это иначе смотрятъ. Я, недавно, у одного профессора спросилъ: хорошо ли я сдѣлаю, если достану у студентовъ его записки 58 или 59 годовъ? Онъ мнѣ сказалъ: «Нѣтъ, я послѣ того ихъ не передѣлалъ». Такъ вотъ уже опытный доцентъ, а не рѣшается еще издавать своихъ записокъ.

Я. Вишь вы куда идете! Хотите брать тутъ примѣръ съ нѣмцевъ. Да кого у нѣмцевъ дѣлаютъ профессоромъ? Много ли вы найдете у нихъ такихъ молодцовъ на университетской каѳедрѣ, которые бы лѣтъ 15 не насидѣлись въ черномъ тѣлѣ, т. е. въ приватъ-доцентствѣ. Много ли вы найдете профессоровъ въ Германіи, которые бы до вступленія на каѳедру не написали чего-нибудь полновѣснаго? Развѣ какого-нибудь знаменитаго практика въ медицинскомъ факультетѣ, да и такихъ, ничего не писавшихъ, одинъ, другой—и обчелся. Такому господину, разумѣется, когда онъ вступитъ на каѳедру, ужасно не хочется, чтобы его собратія прокричали: «Er hat zu früh in's Horn geblasen», если книга выйдетъ хоть немного слабовата. Нѣтъ, это намъ не примѣръ. У нихъ сначала пишутъ, а потомъ читаютъ лекціи; а у насъ наоборотъ, да и наоборотъ-то не выходитъ: и прежде не пишутъ, и послѣ о себѣ вѣсточки не даютъ.

Б. Такъ вы думаете, что наши студенты будутъ покупать такія печатныя записки, если онѣ часто,—положимъ, хоть и не всякій годъ,—будутъ исправляться профессоромъ и снова перепечатываться?

Я. Это дѣло, конечно, щекотливое для студенческаго кармана. Но тутъ, на первое время, пока они во вкусъ не вошли и еще не поняли, какъ это для нихъ важно, могъ бы и университетъ кой-чѣмъ помочь. Деньги не пропащія. Вѣдь нужно подумать, что изъ этихъ студентовъ послѣ сдѣлаются профессоры, въ которыхъ—и вы знаете—у насъ оказался огромный недочетъ; такъ вѣдь не бездѣлица и для самого государства распространить въ университетской молодежи вкусъ къ научному чтенію; это, по моему, важнѣе, чѣмъ ихъ гонять съ лекціи на лекцію. А современемъ, Богъ дастъ, и у насъ такъ же будетъ, какъ въ Германіи. Вотъ, посмотрите здѣсь, напримѣръ, фрейбургскаго профессора Мюллера: онъ въ какихъ-нибудь 10 лѣтъ печатаетъ уже 14 изданіе своей физики, которая слыветъ подъ именемъ Пулье-Мюллера. Это былъ сначала переводъ съ французской книги Пулье, съ собственными примѣчаніями переводчика, а потомъ эти примѣчанія дѣлались все крупнѣе да крупнѣе, и теперь уже отъ Пулье, кромѣ имени, какъ отъ стараго ножа, которому нѣсколько разъ и черенокъ, и лезвіе перемѣнили, ничего не осталось. Послѣднее изданіе еще не все вышло, а когда я былъ, въ августѣ, у Мюллера, такъ онъ уже мнѣ показывалъ къ нему почти полъ-листа новыхъ примѣчаній. Руководство же дорогое, съ политипажами и рисунками. Дай Богъ, чтобъ и у насъ такой же вкусъ къ чтенію распространился! Объ этомъ похлопотать намъ всѣмъ не мѣшаетъ: все журналы, да журналы, да вѣдомости—вѣдь на этомъ одномъ цивилизація наша не выѣдетъ, какъ бы они тамъ громко ни кричали. А съ кого начать, какъ не съ молодежи? (Ваше дѣло позаботиться, чтобъ ваши записки оскомины не набили. Ну, а если это случится, такъ, значитъ, ваши лекціи уже давно въ зубахъ завязли. Добрые люди увидятъ все-таки, если вы ихъ напечатаете, чѣмъ вы кормите вашу аудиторію. Все-та-

ки болѣе надежды на успѣхъ, чѣмъ если эти записки останутся для свѣта канцелярскою тайною).

А. Такъ поэтому вы ни во что не ставите живую рѣчь профессора?

Я. Живой-то голосъ что называется? Вотъ видите, что я вамъ скажу на это. Я теперь перебывалъ почти въ 20 нѣмецкихъ университетахъ, и прежде въ нихъ бывалъ; слыхалъ и французовъ, и русскихъ,—но если я понялъ этотъ живой голосъ, какъ я его понимаю, у десяти, то слава Богу! Я на себѣ такъ замѣчалъ: полчаса можно еще слушать, а остальные четверть часа, или съ начала, или съ конца считая—различно—уже трудно дѣлается. Я думаю, что тутъ есть большой дозисъ мистификаціи, или, лучше, самообольщенія, со стороны слушателя. Если я именно то слышу, что мнѣ хотѣлось бы слышать, то мое вниманіе, пожалуй, и напряжено, но настолько же ко мнѣ самому, насколько къ оратору; а бѣда, если я примусь ему мысленно возражать—а это со мной часто случается—какъ разъ потеряю нить. Но это, разумѣется, дѣло личное и чисто субъективное; а вообще говоря, я готовъ признать вліяніе, какое угодно, даже магическое, голоса, только не замшеннаго, не хрипливаго, безъ покашливаній, безъ разныхъ междометій; но такихъ голосовъ, право, не очень много. Вы скажете: а Шлоссеръ, а Гегель? Послушайте,—будьде, сдѣлайте одолженіе, Шлоссеромъ, и я постараюсь васъ со вниманіемъ слушать, несмотря на вашъ хроническій катарръ; да и зачѣмъ вамъ тогда меня? У васъ будетъ довольно и другихъ. Кого—скажите—выбираютъ въ профессоры по дѣйствію рѣчи и голоса? Когда мы отправлялись въ профессорскій институтъ, въ Дерптъ, покойный профессоръ Мухинъ (въ Москвѣ), правда, заставлялъ насъ громко и безъ отдыха прочесть длинный періодъ изъ своей «кентрологіи»; но это онъ дѣлалъ потому, что ему мало были извѣстны аускультація и перкуссія; онъ хотѣлъ только узнать, здоровы ли у насъ легкія, а вовсе не потому, живой ли у насъ голосъ. Есть, безспорно, такіе профессоры, которыхъ можно съ необыкновенною пріятностью и тогда прослушать цѣлый часъ, когда они просто вслухъ читаютъ книгу; вотъ вамъ примѣръ передъ глазами: Гейзеръ. Но вѣдь это не правило, а исключенія. А большинство? Что стало бы изъ него, еслибъ его нужно было судить по жизни голоса и рѣчи? Вы понимаете, что, отвергая эту особенную, присущую, будто-бы, всѣмъ на свѣтѣ лекціямъ, силу жизни, я не говорю о лекціяхъ опытныхъ наукъ. Виртуоза можно слушать и нѣмого.

Г. Но тогда большая часть профессоровъ другихъ факультетовъ, напримѣръ, юридическаго и словеснаго, окажутся врядъ-ли необходимыми?

Я. Почему же такъ? Я раздѣляю всѣхъ профессоровъ на четыре категоріи. Одни—люди, имѣющіе талантъ объяснять и дѣйствующіе именно живою рѣчью, какъ вы говорите: ихъ немного; имъ почетъ, если только они содержаніемъ пожертвуютъ формѣ и не аффектируютъ, нарумянясь и набѣлясь. Вторая категорія—люди со всѣми возможными голосами, катаррами, даже съ горловою чахоткою, или вовсе нѣмые, но знающіе хорошо свое дѣло, т. е. науку, а главное, умѣющіе знакомить своихъ учениковъ съ механизмомъ научныхъ знаній: это университетскій кладъ; берегите его, какъ зѣницу ока; я желаю вамъ безгласія, но желаю вамъ всѣмъ принадлежать къ этой категоріи, если вы даже будете и безгласными. Третья категорія—молодежь-спеціалисты: они мало знаютъ, но что знаютъ, то хорошо знаютъ; я когда-то принадлежалъ къ такимъ, и потому имѣю къ этой категоріи непроизвольное пристрастіе; позвольте вамъ также пожелать того, чѣмъ я самъ былъ. Четвертая—излагатели или комментаторы трудныхъ мѣстъ изъ руководствъ для начинающихъ и составители записокъ, по которыя они непремѣнно печатаютъ—это неизбѣжное условіе: эти люди—могутъ быть и молоды, и стары—также весьма почтенные; нѣтъ никакой необходимости, чтобы они цѣлую жизнь оставались въ этомъ классѣ, занятія кото-

раго, á la longue, могутъ, дѣйствительно, наскучить. Вотъ мой университетъ. Про мою аудиторію я уже вамъ сказалъ; вы знаете, какого minimum я отъ нея требую.

А. Но, какъ хотите, требованія ваши мнѣ кажутся ненормальными; доцентъ, только-что вступающій на каѳедру, еще даже не державшій экзамена на доктора или магистра, за неимѣніемъ лучшаго, исправляющій должность профессора, заваленный, на первый разъ, работою, вынужденный преподавать огромный предметъ, будетъ обязанъ еще издавать свои записки, исправлять ихъ, держать корректуру, округлять слогъ—и все это при первомъ выступленіи на поприще!

Я. Вы правы; положеніе ненормальное. Я самъ въ немъ былъ. Я долженъ былъ читать всю науку и излагать такіе ея отдѣлы, которыхъ я и теперь не знаю. Это не весело. Но положеніе ненормальное—и слѣдствія его, и мѣры противъ нихъ ненормальны.

А. Какъ же это такъ? И положеніе ненормальное, и средства противъ него ненормальныя—чтобы его еще хуже сдѣлать?

Я. А скажите-ка мнѣ, много ли такихъ счастливцевъ, даже изъ великихъ міра сего, которымъ удавалось часто ненормальный порядокъ вещей устранить нормальными средствами? Чѣмъ хочетъ устранить теперь Линкольнъ ненормальное положеніе американскихъ штатовъ? Или вы утѣшаетесь словами Мефистофеля: das Blut ist ein besonderer Saft,—и потому пускать ее—это дѣло нормальное? Нѣтъ, я такъ думаю, что гдѣ только можно, тамъ и нужно, тамъ должно освободить молодого доцента отъ чтенія общихъ курсовъ—не навязывать ему работы не по силамъ; но гдѣ этого избѣгнуть нельзя—какъ, по вашимъ же словамъ, въ юридическомъ факультетѣ, тамъ противъ моего способа я все-таки не вижу ни одного полновѣснаго возраженія; читайте, если уже вамъ суждено читать по запискамъ, но печатайте ихъ тотчасъ же, говорите прямо и открыто, что вы знаете и чего не знаете, не имѣйте задней мысли: «Для свѣта это еще рано издавать, а для аудиторіи годится, съ рукъ сойдетъ». Уважайте вашу аудиторію, будетъ ли она достойна уваженія, нѣтъ ли; помните, что всякій вашъ ученикъ—это будущій вы; вы in statu nascente; это намъ, русскимъ, испытавшимъ уже не разъ, что значитъ университетскій дефицитъ, должно всего болѣе помнить, когда мы попадаемъ на каѳедру. Къ сожалѣнію, я узналъ самъ эту истину слишкомъ поздно, и совѣтую вамъ узнать ее какъ можно раньше. Да, знаете ли, я надняхъ узналъ, что печатаніе лекціи за лекціей теперь въ Парижѣ въ модѣ; лекціи всѣхъ профессоровъ—я слышу—такъ печатаются: стенографы сидятъ у нихъ на лекціяхъ, какъ въ парламентѣ, котораго въ Парижѣ покуда еще нѣтъ, записываютъ и тотчасъ же печатаютъ; на другой день, за нѣсколько сантимовъ, всякій можетъ прочесть вашу живую рѣчь, перенесенную на бумагу. Вы скажете, что это все—матадоры науки. Право, въ ихъ лекціяхъ отыщутся также порядочные промахи; но французы—народъ не робкій, и не имѣютъ такого суевѣрнаго почтенія къ печатному слову, какъ мы. Такъ вѣдь вы—молодое поколѣніе; кому же, какъ не вамъ, возставать противъ суевѣрій? Подумайте хорошенько, что это такое за идолъ—печать; вѣдь наши предки столкнули же своего идола въ воду, даже не совсѣмъ еще потерявъ въ него вѣру. Что же вы такъ боитесь вашихъ же собственныхъ словъ, вашей живой рѣчи, когда она попалась подъ станокъ? Что это за суевѣрный страхъ: учить словами—пожалуй, печатно — боюсь: убьютъ? Еще другое дѣло, если бы встрѣтили препятствія въ предварительной цензурѣ; но если не цензируютъ вашихъ изустныхъ лекцій—значитъ, вамъ довѣряютъ. Не будетъ же цензура считать печатную лекцію болѣе вредною, чѣмъ та, которая изъ вашихъ устъ переходитъ въ головы цѣлаго поколѣнія. Да и что можетъ быть въ научной истинѣ вреднаго, и что другое должны передавать лекціи, кромѣ того, что принято наукою или

какъ дознанная истина, или какъ одно спорное предположеніе?

А. Да, печатаніе лекцій можетъ быть полезнымъ, но только какъ одна гарантія.

Я. Да, какъ гарантія противъ апатіи и научнаго застоя. Но не одна внѣшняя—это ваша гарантія противъ васъ самихъ. Послѣ, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, вы взглянете на то, что вы всякій годъ поправляли и улучшали, вы увидите свою дѣятельность какъ въ зеркалѣ. Это—документъ. А общественное мнѣніе, какъ бы оно у насъ ни мало интересовалось университетскою наукою, увидитъ васъ также. Пріучайте его, чтобы оно васъ видѣло и интересовалось университетскою наукою. Съ перваго же года льва различать по когтямъ.

Г. Но, мнѣ кажется, лучше бы ужъ было требовать, чтобы доцентъ издавалъ свои лекціи не сейчасъ, а по крайней мѣрѣ лѣтъ черезъ пять.

Я. Я знаю, что значитъ у насъ въ университетѣ для доцента пять лѣтъ. Ему на каждомъ шагу придется, въ эти пять лѣтъ, просить: «Не введи насъ во искушеніе». Именно, эти-то первыя пять лѣтъ и самыя важныя для насъ. Если въ это время не будетъ для насъ стимула, такъ прощай наша будущая дѣятельность. Кто будетъ хлопотать только о томъ, лишь бы усѣсться поплотнѣе—а такіе найдутся: въ семьѣ не безъ урода—такъ тотъ можетъ въ это время пустить глубоко корни, такъ что ему послѣ, пожалуй, не нужно будетъ писать ни записокъ, ни руководствъ. (Я зналъ такіе примѣры, и зналъ людей недюжинныхъ, которые мнѣ, лѣтъ двадцать назадъ, говорили, что они составляютъ руководство по своему предмету, да такъ и теперь все еще составляютъ. Нѣтъ, такіе термины не по нашей славянской натурѣ: что съ самаго начала сдѣлано, то и сдѣлано; а откладывать въ длинный ящикъ—это намъ нездорово).

Б. Но вѣдь вы знаете, что обязательныя мѣры, въ этомъ случаѣ, никуда не ведутъ.

Я. Да напрасно вы и думаете, что я настаиваю на обязательности. Хотя обязательность чѣмъ бы то ни было доказать свое научное достоинство, и именно научно-литературное, принята въ Германіи, но у насъ, на нашемъ безлюдьи, покуда она какъ-то не клеится. Хотя, съ другой стороны, согласитесь, такой полный недостатокъ гарантій для доцента и профессорства—тоже крайность, по моему мнѣнію.

А. Какъ полный недостатокъ? Да здѣсь отъ доцента гораздо менѣе требуютъ. Онъ напишетъ легонькую докторскую диссертацію, да бездѣлицу pro venia docendi—и готовъ. А мы должны пройти чрезъ два или три экзамена, да диссертацію написать, не здѣшней докторской чета!

Я. Да; но вы забываете, что вы сравниваете двѣ неодинакія вещи—здѣшнихъ приватъ-доцентовъ съ нашими доцентами. Наши новые доценты, это все-таки прежніе адъюнкты: они на жалованьи; они одной ногой на профессорской каѳедрѣ; имъ не придется тереть лямку, какъ здѣшнимъ приватъ-доцентамъ, двадцать лѣтъ, дожидаясь смерти или увольненія пожизненнаго профессора и выручая за свои лекціи по 300 или 400 гульденовъ въ годъ. Наши, на ихъ мѣстѣ, давно бы ноги протянули. Нѣтъ, если сравнивать, такъ сравнивайте нашихъ доцентовъ съ здѣшними экстраординарными профессорами, и посмотрите, какихъ требуютъ научныхъ гарантій отъ нихъ здѣсь, и какихъ—у насъ. Диссертація и экзаменъ—это, конечно, хорошо.

А. Но вѣдь объ этомъ мнѣнія очень еще различны; есть и такое, что профессоромъ могъ бы быть каждый,—и его можно бы защищать; да, вообще, тутъ регламентировать едва-ли можно.

Я. Покуда образованіе, въ какомъ бы ни было государствѣ, правительственная монополія, до тѣхъ поръ совершенно сдѣлать профессуру свободной и совершенно обойтись безъ регламентировки нельзя. Но у насъ она должна быть, сколько можно, такая, чтобы въ первое время профессорской дѣятельности подстрекала мо-

лодого доцента безпрестанно идти впередъ. Это, какъ хотите, для насъ нужно. Но я совсѣмъ и не хотѣлъ изъ моей мѣры сдѣлать что-нибудь обязательное. Хорошо было бы, еслибъ общественное мнѣніе да ваши собственныя убѣжденія, проводимыя коллегіально всѣмъ новымъ поколѣніемъ доцентовъ, сдѣлали ее обязательной. Я понимаю, что одному или двумъ рѣшиться и принести себя въ жертву нашей журналистикѣ, при нашемъ образѣ мыслей, нашемъ страхѣ и суевѣріи,—дѣло было бы неслыханное; но дѣйствуй, по убѣжденію, всѣ вмѣстѣ, наука не была бы въ проигрышѣ—это опять мое убѣжденіе.

Г. А вотъ еслибъ можно было засчитывать составленныя записки или руководства вмѣсто докторской или магистерской диссертаціи; это дало бы болѣе возможности заняться составленіемъ ихъ хорошенько, въ первое время.

Я. Да, я думаю, что въ этомъ препятствія со стороны университетовъ не будетъ. И я считалъ бы, при нашемъ недостаткѣ въ хорошихъ учебникахъ, такую книгу полезною ничѣмъ не менѣе диссертаціи.

А. Но вѣдь вы же особенно налегаете на спеціальныя научныя занятія?

Я. Да, я и остаюсь при этомъ убѣжденіи. Если я самъ что-нибудь знаю, то я обязанъ этимъ именно тому, что, несмотря на всѣ препятствія, въ первое время моей учебной дѣятельности, я былъ спеціалистомъ до цинизма, и чѣмъ больше я разработывалъ какую-нибудь частичку моей науки, тѣмъ болѣе я убѣждался, сколько мнѣ необходимо заняться другими науками; эта частичка знакомила меня съ тѣмъ, что мнѣ съ перваго раза казалось или лишнимъ хламомъ, или вовсе постороннею вещью. Таковъ, какъ я вижу, ходъ занятій и у здѣшнихъ приватъ-доцентовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что они вообще общечеловѣчески лучше приготовлены, чѣмъ мы.

Г. Но здѣшніе доценты вовсе не такіе спеціалисты. Здѣсь я могу назвать нѣсколькихъ, знаю—также нѣкоторыхъ и въ Берлинѣ, которые преподаютъ не спеціальности, а читаютъ общіе курсы.

Я. Да, я знаю, есть и такіе, и знаю почему. Но это нисколько не измѣняетъ общаго принципа, чтобы доцентъ начиналъ свое поприще съ спеціальностей. Здѣшнихъ (т. е. германскихъ) приватъ-доцентовъ можно раздѣлить также на нѣсколько категорій: есть protegès нѣкоторыхъ вліятельныхъ профессоровъ и даже цѣлаго факультета; такихъ допускаютъ ко всякому чтенію, особенно когда есть вакантныя каѳедры или когда большинство факультета хочетъ выжить отжившую личность; оно протежируетъ тогда одного своего или нѣсколькихъ доцентовъ. Въ другихъ же университетахъ, напротивъ, факультеты, т. е. ихъ ординарные профессоры, ревниво смотрятъ на своихъ приватъ-доцентовъ, держатъ ихъ крѣпко въ рукахъ и не даютъ имъ читать не только общихъ курсовъ, но и большихъ отдѣловъ науки. Большая же часть доцентовъ сами останавливаются на спеціальностяхъ и это самые дѣльные изъ нихъ; къ нимъ принадлежала и большая часть теперешнихъ профессоровъ—они сами находятъ и научный интересъ, и матеріальную выгоду въ спеціальныхъ занятіяхъ, образуя около себя значительную аудиторію. Есть, наконецъ, и такіе, которые, изъ самонадѣянности, изъ разсчета и даже изъ политическихъ видовъ, бросаются и на общіе курсы. А тѣ, которые пробыли уже лѣтъ 15 или 20 доцентами, имѣютъ, и въ самомъ дѣлѣ, полное нравственное право на такое преподаваніе.

Не знаю, какъ мои собесѣдники, но я изъ этой бесѣды кое-чему научился.

Каѳедра географіи въ университетахъ.

Записка объ открытіи и учрежденіи каѳедры географіи при университетахъ.[51]

При отсутствіи особой каѳедры для преподаванія географіи въ университетахъ, нѣтъ науки, которая и связывала бы отдѣльныя отрасли естествознанія и служила-бы основаніемъ для изученія всеобщей исторіи и статистики.

Безъ географіи въ курсѣ естественныхъ наукъ не достаетъ широкаго воззрѣнія на природу, представителемъ котораго былъ Гумбольдтъ; безъ географіи во всеобщей исторіи и въ статистикѣ теряется связь между природою и общественными явленіями, разъясненіе которой составляетъ заслугу Риттера. Вліяніе этого пробѣла особенно замѣтно въ приготовленіи преподавателей географіи для гимназій.

Наставники по сему предмету, взятые изъ историко - филологическаго факультета, по незнакомству съ естественными науками, или вовсе не имѣютъ въ виду основной идей географіи, или не въ состояніи развить эту идею съ пользою для учениковъ. Наставники-же, взятые изъ физико-математическаго факультета, изучавшіе явленія природы независимо отъ вліянія ихъ на общественную жизнь, или вовсе не могутъ оцѣнить значенія физическихъ условій для человѣка, находящагося на различныхъ ступеняхъ общественности, или по крайней мѣрѣ, теряютъ изъ виду этнографическій элементъ.

Вслѣдствіе этого наука, которая могла бы въ гимназіяхъ содѣйствовать умственному развитію дѣтей и сообщать имъ много замѣчательныхъ и полезныхъ свѣдѣній, обращается въ мертвую номенклатуру, въ перечни: собственныхъ именъ, произведеній трехъ царствъ природы, историческихъ событій и проч.

Заучивъ на память этотъ лексиконъ словъ, съ которымъ не связано никакой мысли, ученики выносятъ одно отупѣніе, чувство умственной усталости, тогда какъ географія, при надлежащемъ преподаваніи, должна-бы возбудить охоту къ занятіямъ и къ чтенію, наконецъ дать наставнику нравственное вліяніе на учащихся.

Настоятельная потребность, ощущаемая гимназіями въ хорошихъ преподавателяхъ географіи, указываетъ на необходимость основательной подготовки учителей въ педагогическихъ курсахъ. Достиженіе-же этой цѣли условливается открытіемъ особыхъ каѳедръ при университетахъ.

О преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ.[52]

2 Апрѣля 1858 г.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа, я обратилъ первое мое вниманіе на значеніе учебныхъ заведеній округа и на то вліяніе, ту роль, которую сама мѣстность края предназначила имъ имѣть въ нравственно-духовныхъ дѣлахъ всего православно-славянскаго народонаселенія Востока. Всѣ наши восточные единоплеменники не имѣютъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы науки излагались на славянскомъ на-

рѣчи, и самое ближайшее для нихъ есть только одно: одесскій Лицей. Въ немъ постоянно воспитываются нѣсколько болгаръ изъ турецкихъ подданныхъ. Но большая часть изъ нихъ, по ихъ собственному сознанію, ищутъ образованія не у насъ, а на Западѣ, въ странахъ католическихъ; то-же самое, и еще въ несравненно большихъ размѣрахъ, дѣлаютъ и наши молдавскіе единовѣрцы. Причина очевидна. Одесскій Лицей, по его настоящей организаціи, не можетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ просвѣщенія.

И наши, и турецкіе подданные изъ славянъ, получивъ въ немъ одно только поверхностное образованіе, доканчиваютъ его на Западѣ и теряютъ тамъ, мало приготовленные въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, то сочувствіе, которое одушевляетъ всегда каждаго молодого человѣка, на цѣлую его жизнь, къ мѣсту, гдѣ онъ получилъ основательное, коренное образованіе.

Католицизмъ и грубое вольнодумство уже завладѣваютъ первыми начатками заграничной молдавской литературы, вліяніе которой быстро распространяется и на нашихъ молдавскихъ подданныхъ. Въ Константинополѣ уже издаются журналы на болгарскомъ языкѣ, которые хотя и не содержатъ покуда ничего анти-русскаго, однако-же, со временемъ они пробудятъ сочувствіе и въ нашихъ болгарахъ, но не въ нашу пользу, тѣмъ болѣе, что уменьшеніе господствовавшаго доселѣ вліянія фанаріотовъ, столь ненавистнаго славянамъ, и введеніе богослуженія на славянскмъ языкѣ въ Константинопольской болгарской церкви ихъ сильно расположитъ въ пользу турецкаго правительства. Католики и протестанты и въ Константинополѣ, и въ Бухарестѣ уже учреждаютъ училища для нашихъ единовѣрцевъ; въ Болградѣ, покуда онъ принадлежалъ намъ, не было ни одного болгарскаго училища и цѣлые годы проходили въ одной тщетной перепискѣ объ его учрежденіи; теперь, когда Болградъ отошелъ отъ Россіи, молдавское правительство уже ассигновало сумму для открытія народной школы. Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что наше нравственное и научно-образовательное вліяніе на нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе слабѣетъ; но безутѣшнѣе всего то, что оно ослабѣваетъ и для нашихъ пограничныхъ подданныхъ, соплеменныхъ съ турецкими и молдавскими ихъ единовѣрцами. Мысль дѣйствовать на нихъ посредствомъ нашего торговаго общества (Р. Об-во Пар. и Торговли), посредствомъ частныхъ пожертвованій на сооруженіе храмовъ и пріютовъ въ Палестинѣ и посредствомъ нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, превосходна. Но мы можемъ только тодать, что мы сами имѣемъ. А все, что мы имѣемъ, это преданность православію и Престолу, сочувствіе къ нашимъ собратамъ и нѣкоторыя матеріальныя пособія. Но этого уже теперь мало, когда вліяніе Запада на Востокъ обнаруживается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, когда оно поддерживается глубокимъ знаніемъ дѣла и систематически проводимою пропагандою. Вотъ почему я твердо убѣжденъ, что покуда мы сами не изберемъ равнаго по силѣ духовно-научнаго оружія, то наше противодѣйствіе Западу останется слабымъ и немощнымъ. Мы должны сначала учредить и усилить центръ нашихъ дѣйствій. Мы должны сначала образовать изъ нашихъ соплеменниковъ, нашихъ единовѣрцевъ и изъ насъ самихъ людей нравственно и научно способныхъ противодѣйствовать Западу. Единовѣріе и единоплеменность съ нашими восточными собратами на нашей сторонѣ; но нравственно и научно мы слишкомъ еще слабы.

Если обществу пароходства и удастся, при частныхъ пожертвованіяхъ, основать различные пункты сближенія на Востокѣ съ нашими единовѣрцами, то все еще не будетъ доставать самаго главнаго: тѣхъ дѣятельныхъ и нарочно для того приготовленныхъ распространителей нравственно-научнаго вліянія, которыми такъ изобилуетъ Западъ. У него есть миссіонеры, посвятившіе себя исключительно этой цѣли, въ его руки переходятъ теперь и образованіе учителей для нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Всѣ эти соображенія заставили меня еще за годъ передъ симъ обратиться къ г. министру народнаго просвѣщенія съ проэктомъ о преобразованіи Одесскаго Лицея въ высшее учебное заведеніе, съ цѣлью сообщить ему именно такую организацію, которая способствовала бы къ укрѣпленію нашихъ связей съ нашими восточными собратами по вѣрѣ и по племени. Очевидно, что Одесса, по ея мѣстности, могла-бы быть именно тѣмъ центромъ нашихъ дѣйствій и истиннымъ разсадникомъ людей, могущихъ осуществить эту важную политическую цѣль. Нѣтъ сомнѣнія, что такой разсадникъ, дѣйствуя сообща съ обществомъ торговли и пароходства, мощно бы противодѣйствовалъ усиливающемуся вліянію Запада на Востокъ. Въ Одессѣ-бы подготовлялись и учители, и врачи, и сестры для тѣхъ благотворительныхъ заведеній, которыя общество постепенно-бы учреждало въ избранныхъ имъ пунктахъ на Востокѣ. Для такого преобразованія Лицея въ Одессѣ я не требовалъ увеличенія штата отъ правительства; я указывалъ на другіе источники и именно на сборъ по 2½ коп. съ каждой четверти хлѣба, вывозимаго изъ всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Уже и прежде, съ 1817 г., Лицей получалъ на содержаніе до 4 коп. съ четверти пшеницы, вывозимой только изъ одного Одесскаго порта. Впослѣдствіи онъ передалъ этотъ доходъ, явственно къ своему ущербу, государственному казначейству и получилъ отъ него взамѣнъ по 16 т. руб. сер. ежегодно. Но государственное казначейство обязалось выдавать эту сумму только до новаго закона объ одесскомъ портофранко. Въ прошломъ (1857) году одесское порто-франко уничтожено, и я полагалъ, что это самое удобное время для предполагаемаго мною преобразованія. Но мой проектъ вѣроятно, встрѣтилъ препятствіе со стороны министерства финансовъ и до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Твердо убѣжденный, что Одесскій Лицей при предлагаемыхъ мною измѣненіяхъ можетъ осуществить то высокое назначеніе, къ которому онъ предопредѣленъ мѣстностью самаго края, я откровенно объяснилъ г. министру нар. просв., что, считая дѣятельность мою при настоящей организаціи Лицея лишенною существенной цѣли, оставаться далѣе его представителемъ in statu quo было-бы противно моимъ убѣжденіямъ и моимъ понятіямъ о долгѣ чести и службы.

III. Статьи публицистическія и рѣчи.

Письма мирового посредника.[53]

I.

Письмо изъ Каменецъ-Подольской губерніи мирового посредника Винницкаго уѣзда.

Начинаю мое знакомство съ вами письмомъ мироваго посредника 2-го участка Винницкаго уѣзда. Я получилъ объявленіе объ изданіи и приглашеніе ваше именно въ тотъ день, когда я собиралъ крестьянъ въ моемъ имѣніи для переговоровъ по уставной грамотѣ. Одно непредвидѣнное обстоятельство, встрѣтившееся при этомъ случаѣ, такъ поразило меня, что я счелъ необходимымъ довести его до всеобщаго свѣдѣнія. Прибывъ въ мое имѣніе въ концѣ апрѣля мѣсяца, я созвалъ крестьянъ и объявилъ имъ, что желалъ бы перевести ихъ съ издѣльной повинности на денежную, прочелъ имъ всѣ статьи Общаго Положенія, касающіяся до этого предмета, и старался, сколько умѣлъ, расчислить всѣ выгоды этого перехода. Крестьяне, казалось, меня поняли и согласились, что для нихъ будетъ выгоднѣе платить, сколько слѣдуетъ, за то количество земли, которымъ каждый пользуется, и работать у самаго же землевладѣльца, или гдѣ имъ покажется лучше, по вольнымъ цѣнамъ. Послѣ этого, въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, я велъ самый аккуратный счетъ всѣмъ ихъ работамъ на моихъ поляхъ, оцѣнивая ихъ по здѣшнимъ, сравнительно довольно высокимъ, мѣстнымъ цѣнамъ; такъ за оранку одного морга (1317 квадр. саженъ) назначена цѣна 1 рубль сер.; за скошеніе озимаго или яроваго съ одного морга 30 коп. сер. за жнитьбу одной копы озимаго 25 коп. сер.; за вязаніе одной копы скошеннаго озимаго 12½ коп. сер.; за перевозку одной копы съ поля на токъ (на разстояніи 2-хъ верстъ), 7½ коп. сер. Всѣ эти цѣны были опредѣлены по взаимному соглашенію съ крестьянами, и были тѣ же самыя, какъ и для вольнонаемныхъ, приходившихъ ко мнѣ на заработки изъ другихъ мѣстъ. Многіе изъ крестьянъ моего имѣнія, желавшіе болѣе заработать, или оставшіеся мнѣ должными, выходили почти ежедневно на полевыя работы. Въ началѣ сентября, по окончаніи трети года, всѣ крестьяне были призваны къ разсчету; оказалось, что тягловые (работающіе со скотомъ), которые въ моемъ имѣніи имѣютъ полевой надѣлъ въ 10 десятинъ, да усадебный отъ 2 до 3 и болѣе десятинъ, заработали столько, что не только уплатили мнѣ за полгода оброка, да еще получили отъ 3 до 5 рублей; изъ пѣшихъ многіе также уплатили заработанными деньгами за пользованіе усадьбою и 5 десятинъ полевой земли, выплатили весь долгъ или часть его (отъ 2 до 5 руб.), и все еще остались при деньгахъ. Каждаго изъ нихъ, разсчитываясь, опрашивалъ я: лучше ли такъ? и отъ всѣхъ получалъ въ отвѣтъ: «такъ лучше». Уплатившимъ оброкъ за полгода я объявилъ, что они могли бы попробовать и пойти въ другія мѣста на заработки, гдѣ еще выгоднѣе; но всѣ они мнѣ сказали, что желаютъ лучше остаться на мѣстѣ и зарабатывать деньги у меня. Я былъ очень радъ, что мнѣ удалось на самомъ дѣлѣ убѣдить крестьянъ

въ выгодахъ оброчнаго положенія предъ барщиною. Оброкъ же я старался ввести, имѣя въ виду: 1, увеличить благосостояніе всего сельскаго общества, въ рукахъ котораго останутся деньги, уплачиваемыя мною вольнонаемнымъ при существованіи издѣльной повинности: 2, заохотить крестьянъ къ совѣстливому исполненію работъ, и наконецъ 3, сдѣлать ихъ, какъ можно скорѣе, собственниками полнаго надѣла, такъ какъ выкупъ, при содѣйствіи правительства, по закону не можетъ иначе состояться какъ при оброчномъ положеніи крестьянъ; а я имѣлъ намѣреніе заявить въ уставной грамотѣ мое желаніе о выкупѣ и даже, въ случаѣ несоглашенія съ крестьянами, по требованію одного помѣщика и слѣдовательно съ уступкою 20 процентовъ. Мое имѣніе расположено такъ, что одна его часть, отдѣленная рѣчкою отъ другой, могла бы вся перейти въ собственность крестьянъ. Для нихъ было бы тогда очевидно выгоднѣе платить денежную повинность правительству, въ томъ же количествѣ, въ какомъ они платятъ ее теперь мнѣ, и даже въ меньшемъ, дѣлаясь чрезъ то собственниками довольно большого надѣла (10 десятинъ полевой земли для тягловыхъ и 5 десятинъ для пѣшихъ, да усадебной отъ 2 до 4 десятинъ). Но къ крайнему моему удивленію, когда я созвалъ ихъ снова для переговоровъ объ уставной грамотѣ (чрезъ 6 недѣль послѣ перваго разсчета), они всѣ объявили мнѣ, что не желаютъ быть на оброкѣ. Почему же? Потому что священникъ и помощникъ становаго пристава, утверждали крестьяне, объявили имъ при чтеніи Высочайшаго Манифеста, что они должны еще 2 года оставаться по прежнему на панщинѣ. Надобно замѣтить, что разсчитываясь со мною и получая отъ меня деньги за работу, никто изъ нихъ этого не утверждалъ; еще нужно замѣтить, что въ теченіе 6 недѣль, послѣ перваго разсчета, въ селѣ былъ храмовой праздникъ, на который приходили крестьяне изъ другихъ окрестныхъ селеній, тоже отстаивающіе панщину «до времени». И крестьяне въ моемъ имѣніи всѣ говорили, что они «мусятъ робить панщину до времени». Сколько съ ними ни толковалъ, что именно это время и пришло теперь, что теперь они могутъ прямо отказаться отъ панщины и перейти на оброкъ или заявить желаніе выкупить землю, если того желаютъ,—ничего не помогало. «До времени мы должны быть на барщинѣ»—былъ одинъ отвѣтъ. Не помогло также и разъясненіе, что послѣ введенія уставной грамоты издѣльная повинность будетъ другая, что имъ нужно будетъ работать за каждую десятину 20 дней, что день ихъ оцѣненъ въ 16 коп. сер. (тогда какъ я имъ плачу по вольнымъ цѣнамъ не менѣе 20, 25 и даже 35 коп. въ день), что цѣны на заработную плату поднимутся еще выше и мнѣ придется имъ платить, если они будутъ у меня работать, можетъ быть, и вдвое больше. На все это они отвѣчали: «а мы знаемъ?», то есть мы ничего не знаемъ. Мало этого; одинъ изъ крестьянъ, пошивальщикъ кровель, пришелъ послѣ ко мнѣ за деньгами, которыя слѣдовало ему заплатить; на вопросъ мой, какъ онъ хочетъ, чтобы я съ нимъ разсчитался—получить ли отъ меня, какъ оброчный, 1 рубль 80 коп., или, какъ барщинный 90 копѣекъ, отвѣчалъ тѣмъ же: «а я знаю?» Что тутъ прикажете дѣлать?—Крестьяне состояли de facto 4 мѣсяца на оброкѣ, получили отъ меня деньги за работы ихъ по вольнымъ цѣнамъ, каждый изъ нихъ казался при разсчетѣ довольнымъ и говорилъ: такъ лучше,—и вотъ, ни съ того, ни съ сего, чрезъ 6 недѣль послѣ разсчета, въ самый критическій моментъ, когда они должны были сказать послѣднее слово, всѣ утверждаютъ, что они на оброкъ не пойдутъ. Въ законѣ сказано, что помѣщикъ не имѣетъ права обращать оброкъ въ постоянную барщину и что ему дозволяется только временно и условно это дѣлать по соглашенію обѣихъ сторонъ (ст. 156 мѣстнаго Положенія для Кіев., Подольск. и Волын. губер.). Могу ли же я, по совѣсти, имѣя въ виду и настоящія выгоды крестьянъ, и ихъ

будущность, согласиться на обратный переводъ ихъ съ оброка на издѣльную повинность? Мнѣ, конечно, выгодно брать съ нихъ за землю не деньгами, не 3 руб. 30 коп. съ десятины полевой земли, а 20 дней работы за десятину, потому что въ первомъ случаѣ мнѣ необходимо платить имъ же въ день по 25, по 30 коп. и болѣе, а во второмъ посчитать ихъ день по 16 копѣекъ; но долженъ ли я это сдѣлать потому только, что крестьяне, не понимая дѣла, не думая о будущемъ или встревоженные какими нибудь ложными толками, упорствуютъ и хотятъ остаться по прежнему на барщинѣ? Вотъ вопросъ, который я долженъ рѣшить для самого себя, какъ помѣщикъ, какъ мировой посредникъ, и, наконецъ, какъ человѣкъ—отрицательно, какъ бы это ни не нравилось въ настоящее время крестьянамъ. Какъ онъ рѣшится независимо отъ меня и помимо меня, это другое дѣло. Я долженъ вамъ сказать еще, что нежеланіе крестьянъ поступить на оброкъ и настойчивое желаніе отбывать панщину «до времени» въ моемъ имѣніи, не есть фактъ одиночный; то же самое слышится и отъ крестьянъ въ другихъ имѣніяхъ здѣшней губерніи. Причина не вездѣ ясная; въ иныхъ мѣстахъ можно искать ее въ томъ, что здѣшніе крестьяне вообще мало предпріимчивы, мало видятъ денегъ въ рукахъ и цѣнятъ ихъ потому слишкомъ дорого; но я знаю и такія имѣнія, въ которыхъ не трудно заработать деньгу, поступивъ на сахарный заводъ, или нанимаясь везти пшеницу въ Одессу,—а крестьяне между тѣмъ всетаки не хотятъ поступить на оброкъ. Такъ и у меня въ имѣніи заработки по близости города (Винницы, въ 4-хъ верстахъ) весьма легки, да и не выходя изъ села каждый крестьянинъ на моихъ поляхъ, какъ я въ этомъ убѣдилъ опытомъ, можетъ заработать столько, что онъ можетъ выплатить безъ труда оброкъ за цѣлые полгода, да еще и нажить кой-что. Не смотря на это—оброка не хотятъ! Есть ли тутъ у крестьянъ какая нибудь задняя мысль, страхъ ли это рѣшиться на что нибудь не бывалое, — Богъ знаетъ, Никто изъ нихъ въ новомъ дѣлѣ не хочетъ быть первымъ; всѣ думаютъ и говорятъ: «посмотримъ, что сдѣлаютъ другіе, а мы что за выскочки». А въ одномъ имѣніи, при провѣркѣ уставной грамоты на мѣстѣ, крестьяне мнѣ прямо сказали: «прикажите, такъ перейдемъ на оброкъ, а сами не пойдемъ». Такъ неопытный и малоразвитый человѣкъ колеблется, когда ему предоставляютъ выбирать или то, или другое, или третье, когда онъ не узналъ и не испыталъ еще ни того, ни другого, ни третьяго; для него спокойнѣе исполнять приказанія, чѣмъ думать, сравнивать и рѣшаться—избирая, что лучше.

II.

Разговоръ мирового посредника о крестьянскомъ дѣлѣ съ любопытнымъ и недовольнымъ.

Любопытный. Что вы думаете начать весною?

Недовольный. Сложивъ руки, сидѣть у моря и ждать погоды.

Любоп. Помилуйте, въ такомъ имѣніи, какъ ваше, оставить все на произволъ! Вы шутите?

Недов. Нисколько. Развѣ можно теперь на что-нибудь разсчитывать? Развѣ можно знать, будутъ ли крестьяне выходить на работы? Развѣ можно знать, какія будутъ цѣны, когда придется нанимать рабочихъ?

Любоп. Да неужели вы не знаете, что чѣмъ дороже будетъ стоить обработка полей, тѣмъ дороже будутъ произведенія земли, и, платя дороже за работу, вы выручите и болѣе при продажѣ всякихъ продуктовъ?

Недов. Ничего не бывало. У насъ цѣна на главный нашъ продуктъ—пшеницу—установляется не нами, и не зависитъ отъ нашихъ издержекъ на обработываніе полей, а заграничною торговлею. Цѣны на пшеницу опредѣляетъ намъ Одесса. Три года тому назадъ у насъ было мало пшеницы, ее всю почти съѣла ржа, а цѣны на нее тогда были все-таки низкія, потому что въ Одессѣ на нее мало было требованій.

Любоп. Но согласитесь, что, какъ бы требованія въ Одессѣ ни малы, все-таки четверть пшеницы не продастся здѣсь, на мѣстѣ, дешевле 4 р. 40 к. сер. или 3 р. за корецъ. Ну, а при такой цѣнѣ, согласитесь, все-таки десятина вамъ принесетъ отъ 9 руб. 50 к. до 10 руб., по очень простому разсчету. Вы заплатите, положимъ, хотя 6 рублей за оранку (три раза вспашете по 2 рубля за десятину), три раза взбороните—вотъ еще 1 р. 50 к., на сѣмена положите 6 руб. въ десятину, сѣятелю заплатите 30 к., одинъ разъ еще заволочите за 50 к., скосите десятину хоть за 60 к.; получите, положимъ, самый посредственный урожай въ 10 копъ и посредственный умолотъ въ 5 четвертей и выручите за это 27 рублей на мѣстѣ; вычтите изъ этого 14 руб. 40 к. за обработку земли и косовицу, 1 руб. 25 к. за вязанку споповъ (по 12½ к. за копу), 75 к. за возовицу и столько же за молотьбу, разумѣется, машиною; слѣдовательно еще 2 руб. 75 к.—на все 17 руб. 15 к., и вотъ вамъ десятина уже дала около 10 руб. Согласитесь, что я цѣны рабочимъ клалъ не маленькія, вы вѣрно найдете за нихъ довольно еще охотниковъ, и если вы не мечтаете о 20% и болѣе,—то вы все-таки будете не въ накладѣ. Зачѣмъ же упывать и съ отчаянія складывать руки?

Недов. Но вы забыли паровое поле; положите его также на счетъ; тогда выйдетъ, что не десятина, а двѣ дадутъ дохода 9 или 10 рублей, да отсчитайте еще отъ этого, сколько нужно, для обработки одной десятины и ярового, которая вамъ дохода или вовсе ничего не приноситъ, или дастъ рубля 2, не болѣе. А содержаніе скота, прислуги, экономическихъ построекъ? Развѣ вы думаете—можно, въ самомъ дѣлѣ, теперь разсчитывать на то, что вы вовремя найдете наемные плуги и столько, сколько ихъ нужно? Нѣтъ, любезнѣйшій, теперь безъ своего скота, безъ годовой прислуги, безъ своихъ плуговъ, нельзя пускаться въ спекуляціи на производительность земли. На повѣрку и выйдетъ, что вашъ 10-рублевый доходъ съ десятины разлетится на всѣ стороны.

Любоп. Но кто же вамъ мѣшаетъ завести сѣвооборотъ, уничтожить вовсе паръ—остатокъ допотопныхъ временъ земледѣлія? Наймите годичную прислугу,—для этого вамъ стоитъ только обратиться въ волости казенныхъ селеній, и вы тотчасъ же можете заключить контрактъ по цѣнамъ вовсе не такъ высокимъ; да найдутся даже охотники и изъ временно-обязанныхъ крестьянъ вашего имѣнія. Я слышалъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ это уже дѣлается. Повѣрьте мнѣ, я хотя самъ и не хозяинъ, но меня интересуетъ хозяйство; и я разузналъ, что, взявшись за дѣло съ умомъ, можно и теперь еще извлечь большія выгоды изъ земледѣлія.

Недов. И по всему замѣтно, что вы сами никогда не были у насъ хозяиномъ, а то вы бы перестали мечтать о сѣвооборотѣ и плодосмѣнѣ. Какой тутъ плодосмѣнъ, когда крестьяне и слышать не хотятъ о разверстаніи полей! Они привыкли свой скотъ пасти на господскихъ поляхъ, да они и своихъ не жалѣютъ—эту справедливость надобно отдать ихъ безпристрастію,—тягловые то и дѣло загоняютъ свой скотъ на мѣщанскія поля. До плодосмѣна ли вашего теперь? Шесть лѣтъ дано намъ для обязательнаго разверстанія полей, но пройдетъ, я думаю, и еще 6 лѣтъ—оно все-таки не будетъ кончено, а до тѣхъ поръ нечего и думать о раціональномъ хозяйствѣ. Да, наконецъ, что намъ дѣлать съ плугопольными произведеніями? Бураки на нашей почвѣ производить невыгодно: на десятинѣ родится всего 50 или 60 бер-

ковцевъ, въ заводахъ платятъ всего по 80 или 90 коп. за берковецъ съ доставкою, да и того не платятъ; уже нѣсколько заводовъ обанкрутились, а 17—и вовсе закрылись; картофель также не нуженъ;—а безъ плугопольныхъ что за плодосмѣнъ! И гдѣ прикажете для него взять навозу? Заводить скотъ для этого? Шутка!—знаете ли вы, сколько нужно имѣть скота для самаго посредственнаго хозяйства, чтобы унавоживать поля? А падежъ? А конокрадство?—Оставьте всѣ эти несбыточныя мечты,—теперь не до нихъ. Свои плуги и свою прислугу къ нимъ, точно, нужно имѣть, но менѣе 25 рублей въ годъ нельзя получить годового парубка, да и то не вездѣ найдете и за эту цѣну. Нѣтъ, игра не стоитъ свѣчъ; и вы толкуете о доходахъ потому, что сами не занимаетесь дѣломъ, а живете себѣ припѣваючи, получая спокойно 5% съ вашего капитальца. Будьте-ка на моемъ мѣстѣ—запѣли бы другое.

Миров. посредн. Но позвольте вамъ замѣтить, что отъ васъ зависитъ ускорить разверстаніе полей, если бы вы дѣйствительно желали у себя ввести раціональное хозяйство. Требуйте скорѣе выкупа при содѣйствіи правительства. Подайте объ этомъ объявленіе мировому посреднику съ планомъ угодій, предназначаемыхъ для выкупа. Это объявленіе вы можете представить въ одно и то же время съ требованіемъ объ обязательномъ разграниченіи угодій на основаніи мѣстнаго положенія. Разграниченіе съ требованіемъ о выкупѣ кончится, безъ сомнѣнія, прежде 6-ти лѣтъ.

Любоп. Вы увѣрены въ этомъ?

Миров. посредн. Несомнѣнно, хотя и не могу вамъ этого доказать ни одною статьею закона.

Недов. Не въ томъ дѣло; вашъ совѣтъ, можетъ быть, и хорошъ; можетъ быть, требованіе о выкупѣ и точно ускорить развязку; но не забудьте,—послѣдовавъ вашему совѣту, я потеряю 20%; а если крестьянамъ вздумается уменьшить свой надѣлъ, такъ и 25%. А если, потерявъ 25%, я не буду еще имѣть и того утѣшенія, что выкупною суммою покростся весь банковый долгъ моего имѣнія?

Миров. посредн. Во-первыхъ, то, что вы сказали о потерѣ 25%, несправедливо: 25% вы потеряете только тогда, когда сами захотите уступить или подарить крестьянамъ, пожелавшимъ уменьшеннаго надѣла, 5%; иначе ваша потеря ограничивается только 20%. Да и тутъ,—не забудьте,—въ нашей мѣстности вы мало что потеряете. Помножьте слѣдуемый вамъ оброкъ съ полевой земли 3 р. 30 к. и усадебной—5 руб. 10 к. на $16^2/_3$, т. е. капитализируйте изъ 6%, то цѣна десятины вашей земли полевой будетъ почти 55 руб., да усадебной—102 р.; откиньте 20%, и все-таки цѣна будетъ немного менѣе, а для нѣкоторыхъ имѣній—и вовсе не менѣе той, за которую теперь продается земля въ нашихъ мѣстахъ. Итакъ, требуя выкупа при содѣйствіи правительства, вы совсѣмъ не такъ много теряете, какъ это вамъ кажется.

Недов. Но вы забываете, что, продавая мою землю по 44 или по 45 рублей за десятину, я продаю ее всю сподрядъ и беру деньги не за одну пахатную, а и за неудобную также; сюда входятъ и дороги, и рвы, и все возможное; а крестьянамъ за эту цѣну я долженъ отдать одну только удобную, пахатную землю.—Это большое различіе.

Миров. посредн. Правда, но не забудьте также, что вы, вмѣстѣ съ неудобною землею, продаете обыкновенно другому и лѣсъ по этой же цѣнѣ, а крестьянамъ вы лѣса не дадите на выкупъ, да еще возьмете и за усадебную вдвое больше, чѣмъ за полевую.

Недов. Не говорите мнѣ про лѣсъ; это—мертвый капиталъ, гдѣ нѣтъ вблизи сахарной фабрики; крестьяне его также не возьмутъ вмѣсто пахатной земли; а про усадьбы напрасно вы думаете, что онѣ высоко оцѣнены: я за мои не взялъ бы и 200 руб. за десятину, если бы пришлось ихъ продавать не вмѣстѣ съ другою землею. Всѣ съ фруктовыми садами.

Любоп. Да, мнѣ одинъ помѣщикъ сказывалъ, что онъ самъ далъ бы своимъ крестьянамъ по 200 руб. за десятину усадьбы, если бы они отказались отъ своихъ любезныхъ усадебъ.

Миров. посредн. Послушайте, господа, вы не хотите понять, что, сдѣлавъ даже уступку и потерявъ дѣйствительно нѣсколько процентовъ, 20% вы не потеряете ни въ какомъ случаѣ,—вы окончательно устроите и вашъ, и крестьянскій бытъ. Неужели вы не убѣждаетесь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, что нѣтъ другой раціональной развязки всему дѣлу, что безъ этого намъ дѣйствительно придется сидѣть у моря, сложа руки, и ждать погоды, или, лучше, непогоды? Можно ли обойтись безъ жертвъ? Но изъ всѣхъ жертвъ это—самая раціональная и самая справедливая.

Недов. Гдѣ же тутъ раціональность и справедливость, когда крестьяне и слышать не хотятъ ни о разверстаніи, ни о выкупѣ, ни объ оброкѣ,—ни о чемъ,—и съ пассивнымъ упорствомъ отвергаютъ все, что имъ предлагаютъ къ улучшенію ихъ быта? Можно ли тутъ что-нибудь предпринять и на что-нибудь рѣшиться, когда они не хотятъ вступать ни въ какіе переговоры, ожидая чего-то въ родѣ второго пришествія,—и когда всѣ увѣщанія ваши, гг. мировые, нисколько не помогаютъ?

Миров. посредн. Именно поэтому я и совѣтую вамъ: требуйте выкупа безъ ихъ согласія.

Любоп. Но, позвольте замѣтить, кажется, «добровольное соглашеніе» было признано главнымъ началомъ новаго порядка вещей?

Миров. посредн. Это—идеалъ, къ которому должно стремиться; но у недостигнувшихъ его законъ не отнимаетъ средства дѣйствовать и другимъ путемъ, не такъ удобнымъ, но, тѣмъ не менѣе, ведущимъ къ цѣли.

Недов. Вашъ идеалъ такъ поставленъ, что крестьянамъ, очевидно, выгоднѣе его не достигать. Согласись они, напримѣръ, со мною о выкупѣ, и имъ придется мнѣ приплачивать 20% за землю. А, съ моей стороны, уговаривать ихъ на соглашеніе, значитъ—ихъ обманывать; если выкупъ, какъ вы говорите, такъ необходимъ для меня, то послѣ добровольнаго соглашенія съ крестьянами мнѣ придется сдѣлать одно изъ двухъ: или взять съ нихъ понапрасну то, чего бы они, знавши все дѣло хорошенько, мнѣ не дали; или разыграть роль великодушнаго и простить имъ 20%, вытянувъ у нихъ сначала согласіе. Я не хочу быть ни обманщикомъ, ни шарлатаномъ.

Миров. посредн. Новый аргументъ и, съ вашей точки зрѣнія,—въ мою пользу. Требуйте выкупа, безъ соглашенія.

Любоп. Но какъ же,—позвольте узнать,—можно требовать выкупа, когда крестьяне не соглашаются перейти на оброкъ? Вѣдь содѣйствіе правительства распространяется только на крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ?

Миров. посредн. Повѣрьте, — есть средства перевести крестьянъ на оброкъ, и съ очевидною для нихъ выгодою, лишь бы только помѣщики искренно убѣдились, что выкупъ есть единственная мѣра, и не слишкомъ бы боялись необходимыхъ пожертвованій.

Любоп. А! вы, вѣрно, хотите сказать о предложенномъ недавно средствѣ: не называть оброкъ оброкомъ, а податью, и предоставить ее сбирать правительству въ пользу помѣщиковъ? Это, кажется, дѣйствительно соотвѣтствуетъ болѣе воззрѣнію крестьянъ на новое земское дѣло.

Недов. Ахъ, сдѣлайте одолженіе, избавьте меня отъ воззрѣній. Когда рѣчь пойдетъ о воззрѣніяхъ, тогда нѣтъ суда и правды; всякій и всѣ—мы будемъ правы; у каждаго найдется свое, и каждый будетъ справедливъ съ своей точки зрѣнія, и что такое тогда истина?

Любоп. Да вы задаете Пилатовскій вопросъ, на который онъ не получилъ отвѣта.

Недов. Именно потому, что увлекался воззрѣніями толпы, и не видѣлъ Истины, которая была передъ нимъ.

Миров. посредн. Господа, вы

уклоняетесь отъ предмета и переходите въ область, для меня вовсе недоступную. Я не знаю, съ чего вы вздумали, что хочу предложить мѣру, осуществленіе которой мнѣ вовсе непонятно! Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не видите ея недостатковъ, которые кидаются прямо въ глаза? Вѣдь дѣло идетъ о томъ, сколько я понимаю, какъ бы долженъ былъ законъ удовлетворить народному воззрѣнію, или, по-просту сказать, какъ бы подъ него поддѣлаться. Народъ, — говорятъ, — убѣжденъ, что земля есть общее достояніе всего народа, и всякій имѣетъ право на пользованіе ею. Но одно изъ двухъ: или это воззрѣніе дѣйствительно такъ сильно, такъ вкоренено и такъ распространено въ цѣломъ народѣ, что законъ долженъ былъ его признать, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нечего и толковать: народу нечего выкупать свое достояніе или платить за пользованіе имъ; пусть онъ платитъ за себя однѣ подушныя или другія подати; но, конечно, уже не помѣщикамъ, не землевладѣльцамъ, которыхъ по этому воззрѣнію не существуетъ, а государству, которое въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакой обязанности выплачивать собранныя съ народа подати помѣщикамъ, въ видѣ ренты. Во второмъ случаѣ, когда государственное начало, выработанное исторіею народа, такъ мощно, что не нуждается сообразоваться въ законодательствѣ съ народнымъ воззрѣніемъ, это воззрѣніе переходитъ въ область народной фантазіи. Скажите, что сталось бы съ законодательствомъ и со всѣми науками и искусствами, еслибы государство своими законами и распоряженіями должно было поддѣлываться подъ всѣ народныя воззрѣнія, повѣрья и преданія? Вы знаете, напримѣръ, какъ нашъ народъ не любитъ землемѣрія; вы, вѣрно, слыхали повѣрье, что земля не терпитъ желѣза; народъ приписываетъ и неурожаи желѣзу, когда оно слишкомъ сильно изрѣжетъ бѣдную землю. —Наше же правительство, принявъ въ принципѣ право крестьянъ на пользованіе землею за повинности и на пріобрѣтеніе ея въ собственность за плату, тѣмъ самымъ выразило, что оно несогласно съ вашимъ народнымъ воззрѣніемъ; а, съ другой стороны, и самый народъ, какъ мнѣ кажется, имѣетъ не совсѣмъ то воззрѣніе, которое ему приписываютъ.

Любоп. А какъ же вы объясните, что крестьяне, получивъ личную свободу, не хотятъ выбирать ни издѣльной повинности, ни оброка въ уплату за землю, назначенную въ ихъ пользованіе?

Миров. посредн. Во-первыхъ, временно-обязанные крестьяне, какъ это доказываетъ уже ихъ названіе, не получили еще полной личной свободы. Девять лѣтъ еще они обязаны держать въ своемъ пользованіи за повинности участокъ коренного надѣла, и отказаться отъ него или выйти изъ общества,—т. е. пользоваться вполнѣ личною свободою, — имѣютъ право только тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣтутъ извѣстную часть надѣла въ собственность; а до тѣхъ поръ они все еще остаются связанными съ землею. Во-вторыхъ, крестьяне отказываются избирать оброкъ или повинность, дѣйствительно, потому, что имѣютъ свое воззрѣніе на землю, которою пользуются, но не совсѣмъ такое, какъ вы утверждаете.

Недов. Да они просто-на-просто думаютъ, что вся земля ихъ, а мы остаемся покуда такъ, за штатомъ, чтобы платить за нихъ повинности въ казну.

Миров. посредн. Правда, и такія мысли бродятъ въ народѣ, но не у всѣхъ. А если и во всей Россіи повторяется одно и то же съ уставными грамотами, то все-таки одного и того же общаго воззрѣнія на землю я не находилъ у всѣхъ крестьянъ въ моемъ участкѣ, и думаю, что и другіе посредники также его не находили. Одни изъ здѣшнихъ крестьянъ, напримѣръ, вовсе не отвергаютъ, что земля принадлежитъ помѣщикамъ, и именно тамъ, гдѣ имѣніе, на ихъ памяти, было нѣсколько разъ перепродано изъ рукъ въ руки; тамъ они увѣрены, что земля покупалась помѣщикомъ вмѣстѣ съ ними. Въ другихъ селеніяхъ я слышалъ отъ

крестьянъ, что земля царская: но это мнѣніе они никогда мнѣ не передавали, какъ ихъ собственное; одни говорили, что имъ это сказали москали (солдаты), которые не хотѣли уйти съ ихъ огородовъ подъ предлогомъ, что это земля не ихъ, а царская; другіе разсказывали, что цыганка пришла въ хату, сѣла на полъ и никакъ не хотѣла сѣсть на лавку, потому,—говорила она,—что сидитъ на землѣ царской; а если цыганка-ворожея это сказала, то уже, должно быть, она про то навѣрное знала. Въ иныхъ мѣстахъ опять крестьяне говорили, что отцы и дѣды ихъ на той же землѣ сидѣли и ее «заробили». Но нигдѣ я не слыхалъ отъ нихъ, что земля есть собственность всего народа, т. е. ничья.

Любоп. Какъ же это ничья? Поэтому вы народъ считаете ни за что?

Миров. посредн. Нѣтъ, не потому ничья, что народъ ничто, а потому, что быть собственностью всѣхъ, по моему, значитъ быть ничьимъ, и тогда собственность была бы уже не воровствомъ, а прелюбодѣяніемъ. Личная собственность такъ близка сердцу человѣка, что и теперь, при взглядахъ на нее крестьянъ, еще вовсе не такъ установившихся, какъ это думаютъ, проглядываетъ у нихъ сильное желаніе имѣть положительно что-нибудь свое, что бы лично ему принадлежало. У насъ крестьянинъ иногда платитъ другому 4 или 5 цѣлковыхъ за хату, выстроенную помѣщикомъ, и твердо увѣренъ, что хата уже его, хотя помѣщикъ и считаетъ, что онъ заплатилъ другому только за право пользованія ею. Попробуйте нашимъ крестьянамъ предложить вычистить общими силами ихъ же сѣнокосъ въ лѣсу; они не согласятся. Почему? Потому,—говоритъ каждый изъ нихъ,—что я такъ, пожалуй, вычищу сѣнокосъ другого, а другой не придетъ и не вычиститъ моего. Лучше,—говорятъ,—чисти каждый у себя, какъ знаетъ.

Любоп. Значитъ, вы отвергаете пользу и необходимость для нашего народа общиннаго пользованія землею?

Миров. посредн. Если общинное пользованіе землею такъ укоренилось въ воззрѣніяхъ нашего народа, то не мнѣ отвергать его необходимость. Его нужно признать за существующій уже фактъ. Мнѣ мало извѣстны тѣ мѣстности, въ которыхъ община уже организирована съ давнихъ временъ; здѣсь же, у насъ, я не нахожу ясно развитаго понятія у крестьянъ объ общинномъ пользованіи землею. Правда, и здѣсь существуетъ «громада»; говорится: «Громада—великъ человѣкъ»; земля — «громадская»; но это говорится не про одну землю,—говорятъ и про скотъ «громадскій», т. е. крестьянскій, въ отличіе отъ помѣщичьяго. Здѣсь, когда сынъ женится, первая его забота—какъ бы отдѣлиться отъ отца и получить свой грунтъ. Но оставимъ эти разсужденія; я не берусь вамъ доказывать, что полезнѣе и необходимѣе для быта нашихъ крестьянъ: общинное ли, или личное владѣніе и пользованіе землею. Я хотѣлъ только вамъ доказать, что воззрѣнія крестьянъ на землю не вездѣ у насъ одни и тѣ же. Я не отвергаю, впрочемъ, что почти вездѣ у крестьянъ проявляется желаніе видѣть себя собственникомъ той земли, которую они столько времени орошали своимъ потомъ, — желаніе, доходящее у многихъ и до убѣжденія, что эта земля уже «зароблена» ихъ отцами. Но иначе и не могло быть. Прикрѣпите человѣка къ вещи, и чрезъ нѣсколько времени человѣкъ скажетъ: «Эта вещь моя, потому что она была ко мнѣ прикрѣплена». Но если здѣсь и существуетъ такое воззрѣніе въ народѣ, то оно, очевидно, не то, что будто земля есть коллективное достояніе всего народа. И, наконецъ, возвращаясь опять къ той мѣрѣ, которая будто-бы должна удаться, потому что прямо соотвѣтствуетъ воззрѣнію народа,—я позволю себѣ замѣтить, что эта мѣра заставила бы правительство говорить народу одно, а помѣщикамъ—другое.

Недов. Правительство не имѣетъ надобности ничего говорить ни народу, ни помѣщикамъ, а прямо дѣйствовать, какъ оно считаетъ нужнымъ для общей пользы.

Миров. посредн. Но оно, собирая съ крестьянъ оброкъ, назоветъ

его подушною податью, а, отдавая его помѣщикамъ, назоветъ рентою за землю; а потому вопросъ: чья земля?—этимъ самымъ будетъ рѣшенъ для крестьянъ—въ ихъ, а для помѣщиковъ—въ ихъ пользу, и то именно, что должно быть окончательно и навсегда рѣшено, останется тѣмъ, чѣмъ оно есть теперь: крестьяне будутъ думать о землѣ по своему, а помѣщики—по своему. Скажите: развѣ такое положеніе дѣла можетъ быть выгодно для государства? И развѣ такая двусмысленная роль прилична власти, которая должна рѣшить дѣло положительно, по сущей правдѣ, и такъ, какъ лучше для общей пользы?

Любоп. Какая же ваша мѣра? Нельзя же оставить все дѣло въ такомъ положеніи, какъ теперь, когда крестьяне не пристаютъ ни на оброкъ, ни на издѣльную повинность, и не принимаютъ уставныхъ грамотъ?

Недов. Говорятъ: «Мы будемъ робить панщину до времени»,—а на работу не идутъ.

Миров. посредн. Платите, и будутъ ходить.

Недов. А если игра не стоитъ свѣчъ?

Миров. посредн. Окончить начатое дѣло чего-нибудь да стоитъ.

Любоп. Такъ неужели ваша мѣра состоитъ только въ томъ, чтобы платить за работу?

Миров. поср. Именно въ этомъ. Гдѣ крестьяне не хотятъ переходить съ барщины на оброкъ, тамъ нѣтъ другого средства имъ доказать выгоду оброка и сдѣлать ихъ оброчными.

Недов. Это будетъ очень выгодный оброкъ для помѣщика; вмѣсто того, чтобы получить съ крестьянъ за землю, вы будете еще имъ платить за работу.

Миров. посредн. Платите за каждую работу по вольнымъ цѣнамъ, опредѣляя ихъ по совѣсти или по взаимному соглашенію, и высчитывайте изъ отработанныхъ денегъ—сколько приходится на каждаго крестьянина уплатить за землю. Это будетъ не что иное, какъ оброкъ.

Недов. Да это будетъ также своего рода двусмысленность, въ которой вы укоряете другую,—не вашу мѣру.

Миров. посредн. Законъ дозволяетъ, по обоюдному соглашенію, отбывать помѣщику, вмѣсто платимаго оброка, работою. А хотите еще точнѣе исполнить букву закона, уплатите крестьянину всю заработанную имъ сумму сполна, по вольнымъ цѣнамъ, и требуйте, чтобы онъ и вамъ заплатилъ за землю, по закону. Вы увидите, что у него останутся еще, за уплатою, въ рукахъ деньги, и онъ не останется въ накладѣ. А это—главное для него.

Любоп. Я слышалъ и объ этой мѣрѣ; но она, мнѣ сказывали, не удалась одному помѣщику; крестьяне все таки не хотѣли считать себя оброчными.

Миров. посредн. Но брали ли они отъ него деньги по вольнымъ цѣнамъ, разсчитываясь съ нимъ?

Любоп. Конечно, брали, и были очень довольны; но потомъ, когда услышали, что ихъ признаютъ всѣ оброчными, то не хотѣли-было и брать.

Недов. Вотъ вамъ и ваша мѣра.

Миров. посредн. Какъ! Всѣ не хотѣли брать?

Любоп. Нѣтъ, говорятъ, не всѣ.

Миров. посредн. Ну, такъ, повѣрьте, всѣ возьмутъ, подумавши; только не принуждайте, не уговаривайте, и дѣло помаленьку уладится само собою.

Любопыт. Странно, что вы—сами мировой посредникъ—совѣтуете не уговаривать, не убѣждать людей, столько нуждающихся въ убѣжденіи.

Миров. посредн. О, въ этомъ я убѣдился, что увѣщанія крестьянъ въ дѣлахъ, касающихся до ихъ собственныхъ выгодъ, не ведутъ къ цѣли. Крестьянинъ недовѣрчивъ,—онъ вездѣ видитъ западни; это у него и не могло быть иначе: крѣпостное право должно было вселить въ него недовѣрчивость къ помѣщикамъ и панамъ, а въ мировомъ посредникѣ, какъ бы онъ ни былъ благосклоненъ, крестьянинъ все-таки видитъ пана. Иногда, въ дѣлѣ для него новомъ, онъ не вдругъ понимаетъ выгоду; иногда притворяется нарочно, что ее не пони-

маетъ; но когда наличныя, добытыя имъ деньги доказываютъ ему ясно выгоду дѣла, то онъ отъ нея не откажется, и, наконецъ, убѣдится, что тутъ нѣтъ западни. Скажите, что вы слышали: перестали ли ходить крестьяне на заработки къ этому помѣщику?

Любоп. Напротивъ, онъ иногда ихъ отсылаетъ назадъ, потому что ихъ уже слишкомъ много приходитъ.

Миров. посредн. Вотъ видите. Пусть же, безъ всякихъ дальнѣйшихъ убѣжденій и переговоровъ, онъ продолжаетъ хорошо расплачиваться съ своими крестьянами, и вы увидите, что они поймутъ всю выгоду обратнаго положенія и сами привыкнутъ считать себя на оброкѣ.

Любоп. Но захочетъ ли правительство считать такихъ крестьянъ на оброкѣ?

Миров. посредн. Послушайте, вѣдь правительство, какъ это видно изъ Положенія 19-го февраля, считаетъ оброкъ для крестьянъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ издѣльную повинность. Оно не дозволяетъ помѣщикамъ, безъ взаимнаго, и то временнаго, соглашенія, переводить крестьянъ съ оброка на издѣльную повинность; оно дозволяетъ крестьянамъ, по истеченіи двухъ годового срока, самимъ переходитъ на оброкъ, не испрашивая на то согласія помѣщика; оно даетъ ссуду на выкупъ только оброчнымъ; а помѣщикъ, переводящій крестьянъ съ барщины на оброкъ, опредѣленный закономъ, очевидно, не имѣетъ въ этомъ никакой выгоды; напротивъ, терпитъ убытокъ уже и потому, что навѣрное долженъ разсчитывать на большія недоимки, если крестьяне не согласятся вмѣсто оброка отбыть ему работою. Если же все это правда, то почему бы правительство затруднялось считать крестьянъ оброчными, когда всѣ разсчеты, да и они сами, покажутъ, что достаточно заработали денегъ не только для того, чтобы уплатить за землю, а еще и для другихъ, собственныхъ нуждъ? Скажите: въ чемъ состоитъ разумъ закона, назначающаго только однимъ оброчнымъ содѣйствіе правительства для выкупа земли?

Любоп. Мнѣ кажется въ томъ, чтобы правительство было обезпечено въ полученіи съ крестьянъ тѣхъ 5%, которыми оно само будетъ уплачивать землевладѣльцамъ по кредитнымъ бумагамъ.

Миров. посредн. Да; а если землевладѣлецъ доказываетъ фактически, что крестьяне, не трогаясь съ мѣста, у него самого могутъ уже заработать столько, что уплатятъ и 6%, и пріобрѣтутъ еще для своихъ нуждъ, то что же можетъ препятствовать выкупу?

Недов. Вы все толкуете о выкупѣ, и совѣтуете его требовать съ потерею 20%; но кто вамъ поручится, что вы не потеряете еще столько же на курсѣ кредитныхъ бумагъ?

Миров. посредн. Земля и трудъ. И я не могу повѣрить, чтобы бумаги, обезпеченныя такими двумя капиталами, сколько бы этихъ бумагъ ни было выпущено, стояли курсомъ ниже другихъ, необезпеченныхъ.

Любоп. А если и земля, и трудъ упадутъ въ цѣнѣ?

Миров. посредн. Этого не можетъ быть. Можетъ случиться, что цѣны на земли перестанутъ на время возвышаться, какъ онѣ возвышались до сихъ поръ, на нашихъ глазахъ; но этотъ застой не будетъ продолжителенъ. Всѣ, отъ мала до велика, уже убѣждены, что земля не горитъ, не тонетъ, не вывѣтривается, какъ другіе капиталы въ рукахъ акціонеровъ, и что для нея у насъ, въ Россіи, есть огромная будущность.

Любоп. Но у насъ нѣтъ здѣсь денегъ на землю: онѣ—въ рукахъ евреевъ.

Миров. посредн. Правда, евреи не имѣютъ права покупать здѣсь земли; но всего вдругъ перемѣнить нельзя; вы сами, кажется, того мнѣнія, что законы должны сообразоваться съ народными воззрѣніями.

Любоп. А вы не читали въ газетахъ, что уже и въ Англіи начинаютъ сомнѣваться въ выгодахъ земледѣлія?

Миров. посредн. Да это уже давно замѣтно, что англійскіе фермеры находятъ болѣе выгоднымъ замѣнить хлѣбопашество скотоводствомъ. Но кто же будетъ препят-

ствовать и нашимъ землевладѣльцамъ сдѣлать то же, если найдутъ это выгоднымъ?

Недов. Падежи, низкія цѣны на скотъ и конокрадство.

Миров. посредн. Я вамъ на это выскажу только мое убѣжденіе: по мѣрѣ того, какъ уходъ за скотомъ у насъ будетъ дѣлаться раціональнѣе, и падежи сдѣлаются рѣже, цѣны на скотъ—это мы видимъ каждый день—повышаются: теперь зимою, когда множество овса было съѣдено саранчею, вы не купите лошадь дешевле 18—20 рублей, тогда какъ прежде за нее платили только 12 или 15 рублей. Конокрадство, съ организаціею сельской и волостной полиціи, уменьшится. А хлѣбопашество и скотоводство, въ нашихъ мѣстностяхъ, какъ занятія, предназначенныя намъ природою края, все-таки возьмутъ верхъ надъ тою фабричною промышленностью, которая поддерживается искусственно, регламентаціею. Что бы вы ни приводили въ доказательство тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаютъ теперь наши землевладѣльцы, желающіе основать свое хлѣбошество и скотоводство на болѣе раціональныхъ началахъ,—и недостатокъ капиталовъ, и недостатокъ въ техникахъ, и цѣны на пшеницу, установляемыя извнѣ, заграничною торговлею, и рискъ, соединенный съ переходомъ отъ 3-хъ-польнаго хозяйства къ плодосмѣну, и падежи на скотъ,—и все, все это должно будетъ уступить тому, что обусловливается почвою и вообще мѣстною природою страны; она все-таки возьметъ верхъ надъ всѣми препятствіями,—это неизбѣжно. Кто прежде пойметъ эту неизбѣжность, кто настойчивѣе и тверже будетъ въ борьбѣ съ временными препятствіями, тотъ и выиграетъ. Убѣдитесь, наконецъ, господа: вы жалуетесь теперь на безденежье; жалуетесь—и скоро еще болѣе будете жаловаться—на поднимающіяся заработныя цѣны; а для чего же вы не хотите уменьшить ваши запашки? Къ чему вамъ эти огромныя поля въ 500 и 1.000 морговъ, когда вы не въ состояніи ихъ хорошо обработать? Для чего у васъ даромъ пропадаетъ навозъ, изъ опасенія, что на унавоженной землѣ вылежитъ ваша пшеница?—Вы жалуетесь безпрестанно мировымъ посредникамъ, что крестьяне прогуливаютъ барщинные дни; а уменьшилъ ли кто-нибудь изъ васъ запашку на озимину и на зябль?—И, наконецъ, отчего вы не хотите какъ можно скорѣе покончить съ крестьянами, принявъ мой совѣтъ и заявивъ ваше требованіе о выкупѣ? Неужели вы не убѣждаетесь, что на панщину или на ея суррогатъ—издѣльную повинность—вамъ нечего болѣе надѣяться?

Любоп. Помилуйте, да и вашъ оброкъ, какъ вы его предлагаете, есть не что другое, какъ плата за землю издѣльною повинностью.

Миров. посредн. Ошибаетесь, не замѣчая огромнаго различія. Я плачу за работу по вольнымъ цѣнамъ, опредѣляемымъ самими же крестьянами,—и готовъ платить за все наличными деньгами, часть которыхъ, въ извѣстные сроки, опять перейдетъ изъ крестьянскихъ рукъ въ мой карманъ, какъ уплата за землю. Такъ, вы видите, что я цѣню работу временно-обязаннаго, какъ вольнаго работника, по взаимному условію, и потому моя цѣна за каждый рабочій день почти вдвое больше той, по которой оцѣненъ въ мѣстномъ положеніи день издѣльной повинности. Я плачу отъ 25 до 30 коп. за день,—такія у насъ вольныя цѣны,—а по положенію 20 рабочихъ дней за десятину равняются 3 руб. 30 коп. оброка; слѣдовательно день цѣнится въ $16^1/_3$ копѣекъ.

Любоп. Но что же вы сдѣлаете, если крестьяне, положимъ, сами изберутъ издѣльную повинность вмѣсто оброка? Это право имъ предоставлено также Положеніемъ, и, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ это будетъ для нихъ выгоднѣе.

Миров. посредн. Вотъ видите: я, какъ и всѣ мы, долженъ повиноваться закону; но я все-таки могу имѣть обо всемъ и мое личное убѣжденіе, и, откровенно говоря,—я не убѣжденъ, чтобы издѣльная повинность могла быть полезною и для крестьянъ и помѣщиковъ въ настоящее и на будущее время. Крестья-

намъ, конечно, можетъ показаться,—хотя это до сихъ поръ здѣсь и не случалось,—что издѣльная повинность для нихъ выгоднѣе оброка; но это можетъ имъ показаться только потому, что они привыкли къ панщинѣ, мало работали еще по вольнымъ цѣнамъ, а сравнительно съ панщиною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, издѣльная повинность за землю дѣйствительно можетъ быть выгоднѣе; у кого, напримѣръ, коренной надѣлъ только въ 3 десятины, тотъ будетъ работать—по Положенію—только 60 дней въ годъ, тогда какъ онъ работалъ до сихъ поръ 150 и болѣе; но, во-первыхъ, кромѣ этихъ 60 дней, онъ долженъ будетъ все-таки платить еще за усадьбу; во-вторыхъ, за такой малый коренной надѣлъ и оброка пришлось бы ему платить немного,—всего-на-все 9 руб. 90 коп. въ годъ,—сумму, которую онъ можетъ легко заработать въ 1 или $1\frac{1}{2}$ мѣсяца лѣтняго времени, работая по вольнымъ цѣнамъ; въ-третьихъ, наконецъ, если встрѣчаются иногда случаи такого малаго коренного надѣла, то есть, напротивъ, много и такихъ случаевъ, гдѣ коренной надѣлъ—въ 5 и въ 6 десятинъ, и тогда придется крестьянину на каждый домъ отработывать 100 и 120 дней, что, съ платою за усадьбу, не будетъ составлять для крестьянина никакого улучшенія его прежняго быта. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ крестьяне и говорятъ, «что имъ теперь горше будетъ». Они это теперь говорятъ еще и потому, что, не замѣчая улучшенія, уже должны платить волостнымъ старшинамъ и старостамъ жалованье, да еще давать содержаніе писарю и на волостное управленіе. Помѣщикамъ же издѣльная повинность уже потому одному невыгодна, что она есть не что иное, какъ панщина съ минусомъ; а панщина безъ вмѣшательства помѣщичьей власти невообразима. Какъ бы хорошо ни были организированы сельскія и волостныя управленія, какъ бы ни были дѣятельны мировые посредники,—все-таки будутъ нескончаемыя жалобы и столкновенія, и работы все-таки не будутъ исполняемы во-время; время же,—вы знаете,—для помѣщика—вещь неоцѣненная; никакіе штрафы не вознаградятъ его за потерю.

Недов. А оброкъ, вѣрно, по вашему мнѣнію, будетъ уплачиваться во-время безъ недоимокъ?

Миров. посредн. Нѣтъ, я не такой утопистъ, какъ вы думаете; но оброкъ, какъ я уже вамъ говорилъ, я могу замѣнить работою недоимщика по условнымъ цѣнамъ, и, сверхъ того, недоимки и неуплата оброка лишатъ меня денегъ, но не времени—тогда, когда оно для меня необходимѣе денегъ. Зная, что на первое время я не долженъ буду слишкомъ разсчитывать на аккуратность въ платежѣ оброка, я или заключу условіе съ временно-обязанными крестьянами моего имѣнія на заработки для лѣтняго времени, или же найму заблаговременно другихъ; а при издѣльной повинности, въ какія условія вы будете входить съ крестьянами и какъ разсчитать, сколько они вамъ отработаютъ? На урочное положеніе, на жалобы волостному управленію и посредникамъ за неисправность я не надѣюсь,—успѣхъ, во всякомъ случаѣ, сомнительный.

Любоп. Такъ, по вашему мнѣнію, было бы лучше оставить одинъ оброкъ обязательнымъ и для крестьянъ, и для помѣщиковъ?

Миров. посредн. Это мое убѣжденіе.

Любоп. А принципъ добровольнаго соглашенія?

Миров. посредн. Прекрасный,—я уже вамъ сказалъ,—какъ принципъ. Но чтобы добровольное соглашеніе было настоящимъ добровольнымъ соглашеніемъ, безъ всякой задней мысли, чистое, откровенное,—какъ оно должно быть въ дѣлѣ земскомъ,—необходимо, во-первыхъ, полное довѣріе обѣихъ договаривающихся сторонъ другъ къ другу, а во-вторыхъ,—также полное убѣжденіе, что договоръ выгоденъ или, по крайней мѣрѣ, безобиденъ, для обѣихъ сторонъ. А гдѣ вы найдете это довѣріе и это убѣжденіе? Нѣкоторыя счастливыя исключенія не доказываютъ, что эти два необходимыя усло-

зія добровольнаго соглашенія у насъ существуютъ; а скорѣе доказываютъ, что вообще ихъ нѣтъ, да и быть не можетъ, по весьма простой и очевидной причинѣ: нужно бы было удивляться, если-бы крѣпостное право ихъ не подъѣло и не разрушило при самомъ основаніи. Дайте время имъ водвориться, опредѣливъ положительно и обязательно отношенія обѣихъ сторонъ, интересы которыхъ еще не сходятся вмѣстѣ,—и добровольныя соглашенія родятся и выростутъ сами собою, безъ искусственной поддержки и безъ регламентаціи.

Любоп. Но кто же, если не сами заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, долженъ опредѣлить и избрать то или другое отношеніе одной къ другой, когда дѣйствительно могутъ существовать нѣсколько такихъ отношеній, и каждое изъ нихъ можетъ имѣть свои выгоды и невыгоды для обѣихъ сторонъ?

Миров. посредн. Тѣ, которые стоятъ выше ихъ обѣихъ и сверху могутъ лучше видѣть, что для обѣихъ выгодно.

Любоп. Такъ вотъ поэтому, «для сохраненія обычнаго порядка и для соблюденія обоюдныхъ выгодъ», и допущены добровольныя соглашенія.

Миров. посредн. Вы мнѣ отвѣчаете словами закона; я преклоняюсь предъ нимъ и стараюсь исполнить его, по крайнему моему разумѣнію; но тѣмъ не менѣе остаюсь при моемъ убѣжденіи, что изъ всѣхъ трехъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, опредѣляемыхъ закономъ для взаимнаго ихъ соглашенія, каждое имѣетъ свои невыгоды для договаривающихся,—невыгоды, которыя бросаются обѣимъ сторонамъ тѣмъ сильнѣе въ глаза, чѣмъ менѣе каждая изъ нихъ довѣряетъ другой. Съ одной стороны, какъ вы сами мнѣ сказали, у крестьянъ существуетъ воззрѣніе, что вмѣстѣ съ личною свободою они не должны ничего ни платить, ни работать за землю. Не будемъ теперь болѣе разсуждать о томъ, могло ли законодательство на немъ основываться; но согласитесь, что, при такомъ воззрѣніи, если оно дѣйствительно существуетъ, добровольныя соглашенія немыслимы. Да если-бы и не существовало этого воззрѣнія, все-таки крестьянинъ не выберетъ по соглашенію съ помѣщикомъ,—слѣдовательно охотно,—ни издѣльной повинности, ни оброка, ни выкупа,—о счастливыхъ исключеніяхъ говорить не будемъ,—первый, потому что боится закабалить себя въ ненавистную панщину...

Недов. А какъ же онъ и теперь не хочетъ съ нею разстаться?

Миров. посредн. Именно потому, что онъ не хочетъ вступать, изъ ложнаго страха или ложной надежды, въ добровольное соглашеніе съ помѣщикомъ, и предпочитаетъ ему свое ненавистное старое. Оброка крестьянинъ не выберетъ потому, что онъ ему кажется слишкомъ великъ; онъ ссылается на сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, которые дѣйствительно платятъ менѣе; сколько вы ему ни толкуйте, что у казенныхъ крестьянъ оброкъ отъ времени до времени увеличивается, а у него останется 20 лѣтъ одинъ и тотъ же по Положенію,—онъ не вѣритъ, или не хочетъ вѣрить. На выкупъ онъ не хочетъ согласиться съ помѣщикомъ потому, что при немъ необходимо разверстаніе полей, переносъ сѣнокосовъ и усадебъ; тутъ начинаются опять споры о качествѣ земли, о томъ, что лучше бы оставить поля, по прежнему, въ чрезполосномъ владѣніи и т. д. Съ другой стороны, и помѣщикъ предвидитъ: въ издѣльной повинности — неотработанные и недоработанные дни, столкновенія съ волостными управленіями и посредниками; въ оброкѣ—недоимки; въ выкупѣ — невозможность совершеннаго разграниченія. Скажите же откровенно: можно ли при такой обстановкѣ,—не будемъ говорить: у насъ, а у всѣхъ и вездѣ, гдѣ идетъ дѣло о матеріальныхъ интересахъ,—ждать истинныхъ добровольныхъ соглашеній? Можно ли винить ту или другую сторону въ упорствѣ, въ нежеланіи сдѣлать взаимныя уступки?

Любоп. Такъ вы отвергаете пользу добровольныхъ соглашеній и хотѣли бы однихъ обязательныхъ?

Миров. посредн. Зачѣмъ же

вы хотите такъ толковать мои слова! Я желалъ бы, для пользы общей, видѣть ограниченными добровольныя соглашенія однимъ извѣстнымъ и опредѣленнымъ кругомъ отношеній помѣщика къ крестьянину, и желалъ бы ограниченія только временнаго, покуда отношенія эти еще не состоялись и не окрѣпли.

Недов. Да, намъ придется еще долго ждать, покуда они состоятся и окрѣпнутъ.

Любоп. Но, знаете ли, что все-таки ограниченіе и обязательность,— это какъ-то неловко. Какъ, напримѣръ, приказать крестьянину: «плати оброкъ», когда у него нѣтъ заработковъ, и онъ не знаетъ еще цѣны денегъ? Это было бы уже слишкомъ.

Миров. посредн. Знаете ли что? Не будемъ себя пугать словами и не будемъ задумываться, сдѣлавъ шагъ впередъ. Вы все останавливаетесь на оброкѣ, и думаете, что я хотѣлъ бы его сдѣлать обязательнымъ. Можетъ быть, отчасти вы и угадали. Но я останавливаюсь на оброкѣ только потому, что законъ призналъ его необходимымъ условіемъ выкупа при содѣйствіи Правительства. А я вижу только въ одномъ выкупѣ окончательную развязку дѣла. Пріобрѣтеніе земли въ собственность и по закону прекращаетъ всѣ отношенія крестьянина къ помѣщику; оно соотвѣтствуетъ и народному воззрѣнію, которое я цѣню не менѣе вашего, хотя и не соглашаюсь съ тѣмъ, чтобы законодатель долженъ былъ всегда основывать свои дѣйствія на народныхъ воззрѣніяхъ. А если все это такъ, то въ чемъ же состоитъ неудобство опредѣлить одинъ обязательный для обѣихъ сторонъ путь къ достиженію конечной цѣли? Положимъ, напримѣръ, что вы —землевладѣлецъ, а я—проживающій съ давнихъ поръ на вашей землѣ; мы оба занимаемся земледѣліемъ; ваша выгода была, чтобы я какъ можно болѣе употреблялъ моего времени на обработку вашего участка, который я былъ обязанъ обрабатывать, а моя—въ томъ, чтобы я болѣе обрабатывалъ свой; между нами были отъ этого безпрестанныя несогласія; наконецъ, мы оба согласились обратиться къ третейскому суду. Судъ рѣшилъ, что для нашей общей пользы лучше бы было намъ раздѣлаться окончательно другъ съ другомъ, и чтобы я купилъ у васъ участокъ, находившійся такъ долго въ моемъ пользованіи, а вы бы мнѣ его продали.

Теперь спрашивается: что было бы удобнѣе для насъ обоихъ—то ли, что судъ, сдѣлавъ это важное рѣшеніе, предоставилъ бы намъ вѣдаться другъ съ другомъ чрезъ добровольныя соглашенія, или бы опредѣлилъ положительно одинъ обязательный для насъ способъ исполнить его рѣшеніе?.. Не правда ли, что въ первомъ случаѣ мы бы остались, и, можетъ быть, еще надолго, въ тѣхъ же самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ, которыя вызвали насъ обратиться къ суду, и его благое рѣшеніе для насъ осталось бы надолго недоступнымъ; во второмъ же случаѣ, напротивъ, на пути опредѣленномъ и для насъ единственномъ, не сдѣлались ли бы для насъ и добровольныя соглашенія болѣе возможными?

Любоп. Но вы сами сказали прежде, что и теперь, слѣдуя принципу добровольныхъ соглашеній, можно постепенно перевести крестьянъ на оброкъ, уплачивая имъ за работы по вольнымъ цѣнамъ и высчитывая за землю; а переведя на оброкъ, доказавъ имъ его возможность и выгоды, требовать выкупа при содѣйствіи правительства?

Миров. посредн. Дѣйствительно, я это совѣтую; но это въ моихъ глазахъ—то, что называется pis aller, необходимое только потому, что нѣтъ другого, лучшаго средства уладить все дѣло. Не забудьте, однако-же, что я и самъ испытываю это средство въ предположеніи, что окончательная развязка не замедлитъ совершиться; я разсчитываю на то только, что крестьяне очнутся отъ своихъ безпокойныхъ просонокъ, сдѣлавшись собственниками. Я готовлю имъ веселое пробужденіе; но для этого именно не нужно терять времени,

чтобы они прежде не пробудились;—тогда успѣхъ сомнителенъ.

Любоп. Что же,—вы думаете,—тогда будетъ?

Миров. посредн. Я вамъ не берусь этого рѣшать. Замѣчу только одно: не забывайте, что съ развитіемъ волостей и сельскихъ общинъ развивается, очевидно, и корпоративный духъ между крестьянами; за одного начинають уже говорить всѣ; это для меня знаменательно. И чѣмъ скорѣе будетъ сдѣлано наше требованіе о выкупѣ при содѣйствіи правительства,—какихъ бы пожертвованій оно намъ ни стоило,—чѣмъ скорѣе совершится самый выкупъ,—тѣмъ лучше для крестьянъ, тѣмъ лучше для насъ.

— Убѣдилъ ли я васъ?

Любопытный и Недовольный, вмѣстѣ.—Нисколько.

Письма къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ.[54]

I.

О христіанской любви. О юго-западномъ краѣ.

Кіевъ. 1860. Декабря 7.

Многоуважаемый другъ. Ваше письмо о христіанской любви было мною получено въ то время, когда я занимался разными приготовленіями, касавшимися будущаго моего положенія. Это совпаденіе настроило меня такъ своеобразно (вѣроятно вслѣдствіе страннаго смѣшенія христіанскихъ мыслей, содержащихся въ вашемъ письмѣ, съ чисто-полицейскими, вызванными моимъ положеніемъ), что у меня явилось желаніе продолжать недавно отправленное вамъ письмо.

Кто въ своей жизни почерпнулъ столь много утѣшенія въ христіанской вѣрѣ, какъ я, тотъ непремѣнно будетъ въ состояніи оцѣнить ваши чувства и взгляды относительно христіанской любви, тотъ не станетъ сомнѣваться, что если можно безпристрастно и самоотверженно любить что-нибудь въ мірѣ, то это конечно—Освободителя людей, дѣйствовавшаго такъ самоотверженно и такъ милосердно по отношенію къ міру. Нельзя также отрицать, что такая любовь, въ ея высшемъ проявленіи, можетъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ какое-либо другое человѣческое чувство, вести къ великимъ и благороднымъ дѣяніямъ. Равнымъ образомъ справедливо и то, что всѣ наши поступки, проистекающіе изъ другихъ душевныхъ движеній, чувствъ или воззрѣній, должны казаться ничтожными, даже нечистыми, въ сравненіи съ дѣяніями, имѣющими въ своемъ основаніи христіанскую любовь. Но даетъ ли это намъ право и больше чѣмъ право, оцѣнивать поступки другихъ людей въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно-хорошими и истинными мы должны признавать только тѣ, которые основаны на чистой христіанской любви? Даетъ ли это намъ право не признавать хорошее и истинное въ поступкахъ иного происхожденія? Развѣ человѣческая душа неспособна питать другія, глубокія и возвышенныя чувства? Развѣ развитіе и воспитаніе въ себѣ подобныхъ чувствъ столь тщетны, столь недостойны высокаго призванія человѣка въ мірѣ, что христіанская любовь одна только должна проникать все существо души? Я уважаю, я удивляюсь, я люблю всякаго, кто по милости Божіей нашелъ въ своей душѣ такъ много воспріимчивости, что могъ совершенно наполнить ее этою божественною любовію; но я опасаюсь произнести свое окончательное сужденіе о причинѣ другихъ хорошихъ поступковъ людей. Я содрогаюсь при мыслѣ о возможности быть

несправедливымъ, еслибъ я долженъ былъ искать источника всѣхъ хорошихъ поступковъ лишь въ христіанской любви. Гдѣ находится вѣрное средство для испытанія? И кто долженъ примѣнить критерій, еслибъ таковой вообще оказался? Самъ ли дѣйствующій? Но кто ручается, что онъ не запутается безвыходно въ глубокихъ складкахъ и темномъ лабиринтѣ собственной души? Посторонній ли судья? Но гдѣ же точки примѣненія для этого критерія въ рукахъ чужого человѣка? И такъ только тотъ, кто въ человѣческой душѣ возбуждаетъ любовь къ себѣ, одинъ лишь въ состояніи произнести свой приговоръ надъ дѣяніями людей. Если же мы, не смотря на эту затруднительность сужденія, тѣмъ не менѣе рѣшаемся доискаться источника хорошихъ дѣяній и объявляемъ дѣйствительно хорошими только тѣ, которыя проистекаютъ изъ вышеупомянутаго источника: то мы заходимъ невольно въ другую крайность и подвергаемся опасности считать даже скверныя дѣянія хорошими, если только они, по нашему убѣжденію, обязаны своимъ происхожденіемъ христіанской любви. Не говорите, что это невозможно. Нѣтъ! Развѣ мы убѣждены, что мы владѣемъ вѣрнымъ средствомъ испытанія для нахожденія источника человѣческихъ дѣяній, разъ мы увѣрены, что мы его нашли въ душѣ, подвергнутой испытанію. Увы! тогда мы болѣе не въ состояніи отличать въ ея дѣятельности хорошее отъ худого: все тогда намъ покажется хорошимъ, истинно-хорошимъ, такъ какъ изъ признаннаго нами источника не можетъ проистекать ничего другого, какъ хорошее. А разъ мы до этого дошли, то мы стоимъ совсѣмъ близко отъ заключенія, что цѣль оправдываетъ средства.

Ваше сердце содрогается при этомъ коварномъ выводѣ, ваше чувство препятствуетъ вамъ дать ему какое-либо примѣненіе. Но исторія доказываетъ, что этотъ ходъ мыслей возможенъ. Мы не должны вѣрить, что іезуитизмъ происходитъ всегда изъ нечистаго источника. Нѣжнѣйшее, исполненное любви, сердце, признающее христіанскую любовь единственнымъ источникомъ всего хорошаго, можетъ довольно легко заблудиться въ этой крайности. Начинаютъ съ того, что испытываютъ самого себя, стараются воспламенить и воодушевить свою душу этою любовью къ Спасителю, и чѣмъ сердце благочестивѣе и нѣжнѣе, тѣмъ будетъ казаться, что цѣль эта достигается; въ такомъ настроеніи переходятъ и къ испытанію другихъ людей. Высокій идеалъ покажется все ближе и ближе, или наоборотъ (смотря по личной особенности стремящагося) все дальше и дальше; стремленіе же дѣлается тѣмъ сильнѣе и наконецъ охватываетъ все существо человѣка. Тогда и настаетъ то время, когда хорошее и скверное, содѣянное простымъ практическимъ разумомъ, разсматривается съ этой лишь точки зрѣнія; наконецъ, высокая цѣль проникаетъ столь полно во всѣ умственныя способности, во всѣ движенія души, что всѣ оттѣнки выраженій исчезаютъ, и все безъ различія представляется въ освященіи величія и подъ непреодолимымъ вліяніемъ цѣли. Не видимъ ли мы въ жизни двухъ самыхъ великихъ апостоловъ, какъ два совершенно-противоположныхъ образа дѣйствія возникли изъ одного и того же могучаго чувства любви ко Христу? Если Петръ, вслѣдствіе этой любви, отличается нетерпимостью и является другомъ однихъ лишь Евреевъ; если Павелъ, напротивъ, называется апостоломъ язычниковъ; то никто, однако, не станетъ отрицать, что оба они глубоко и искренно любили Христа и что изъ за любви этой одинъ изъ нихъ сдѣлался нетерпящимъ иновѣрія, а другой, можетъ быть, отличался слишкомъ большою вѣротерпимостью. Нѣтъ, даже самое снисходительное, любящее существо должно, исполняясь священнаго трепета, заглядывать во мракъ человѣческой души, будь та душа наша собственная или чужая.

Теперь же, дабы выйти изъ этой неисчерпаемой психологической области на путь практической жизни, разсмотримъ безпристрастно общину, учрежденную у насъ на основѣ хри-

стіанской любви. Считаете ли вы возможнымъ организовать общину на такой основѣ при помощи какого-либо искусственнаго средства? По моему мнѣнію это было бы возможно только при наличности условій, способствующихъ образованію войска изъ чувства любви къ отечеству. Первое же изъ этихъ условій есть то, что любовь эта прежде всего должна находиться въ самомъ народѣ. Она можетъ быть возбуждена, если хотите и искусственно, посредствомъ событій, даже только посредствомъ событій, катастрофъ, въ томъ случаѣ, когда вся исторія народа не благопріятствовала развитію этого чувства. Если же патріотизмъ, чувство гораздо болѣе матеріальное и поэтому болѣе одностороннее, достигаетъ полнаго развитія въ народѣ не иначе, какъ при историческомъ стеченіи разныхъ условій, то какимъ же образомъ вы хотите искусственно взлелѣять въ народѣ самое высокое, самое чистое и идеальное изъ всѣхъ чувствъ—христіанскую любовь? Читайте же исторію русск. народа. Какимъ образомъ отцы нашей церкви питали и развивали любовь къ Христу въ нашихъ предкахъ? Только черезъ запрещенія и номоканоны. Они хотѣли превратить всю Россію въ огромный монастырь, они осуждали всѣ плотскія наслажденія, они хвалили одни духовные подвиги; хвалили, но не давали ничего вещественнаго для питанія превозносимыхъ ими чувствъ. Но если вообще трудно воспитать народъ въ духѣ христіанской любви, то указаннымъ способомъ развиваютъ лишь одну любовь къ запрещенному. Послѣ же того, какъ, въ позднѣйшее время, церковное воспитаніе было замѣнено полицейскимъ, любовь къ запрещенному сдѣлалась еще сильнѣе, и вотъ какова вся исторія нашей цивилизаціи. Я не отрицаю, что и въ настоящее время одаренная личность можетъ, посредствомъ благотворнаго вліянія воодушевляющей ее любви къ Спасителю и къ ближнему, привлечь сердца и сплотить ихъ въ общественную единицу; но это будетъ только счастливый случай (un heureux hasard), на который положиться нельзя; а то, что случай этотъ очень неправдоподобенъ, вновь доказываетъ наша церковная исторія, такъ какъ многія столѣтія не представляютъ намъ ни одного примѣра подобной личности и подобной общины. Но если, не взирая на это, желаютъ устроить обоснованную такимъ образомъ общину, то прежде всего слѣдуетъ въ сообществѣ съ церковнымъ вліяніемъ принять всѣ мѣры, чтобы воспитать въ этомъ духѣ любви отдѣльныя личности. Тогда община возникаетъ сама собою и безъ искусственныхъ способовъ. Вѣдь возникли же однажды въ нашей странѣ большіе монастыри и пріобрѣли же они, сами по себѣ, значительныя средства для устройства многочисленной общины; но почему эти церковные установленія, учрежденныя такъ же, какъ и нѣкоторые католическіе ордена, благочестивыми ихъ основателями во имя христіанской любви, не преслѣдовали цѣли означенныхъ орденовъ? Почему не вышелъ изъ ихъ среды какой-нибудь Paul St. Vincent? Почему призрѣніе больныхъ не было предметомъ ихъ заботъ? Почему воспитаніе дѣтей никогда не было цѣлью ихъ христіанской любви? Я полагаю, что это, по крайней мѣрѣ отчасти, объясняется тѣмъ, что наша религія, съ самаго начала и въ своемъ происхожденіи, заключала въ себѣ протестъ противъ католичества. И въ то время, когда католическая церковь постоянно стремилась къ гегемоніи въ государствѣ, въ томъ отношеніи, что она хотѣла властвовать, какъ надъ воспитаніемъ будущихъ поколѣній, такъ и надъ сердцами толпы (при посредствѣ благотворительныхъ дѣяній), восточная церковь старалась поставить себя подъ покровительство государства. Я поэтому не думаю, чтобы у насъ и особенно въ XIX столѣтіи, когда идеи и способности народовъ берутъ иное направленіе, могло удаться устроить значительную общину на основѣ чистой христіанской любви. Это, по крайней мѣрѣ, безъ большихъ преобразованій едва ли было бы возможно. Я одобряю и цѣню ваше стремленіе, какъ идеалъ; я вполнѣ съ вами соглашаюсь, что высокій идеалъ всегда долженъ быть положенъ въ основу нашихъ дѣяній;

но съ практической точки зрѣнія я не могу согласиться, что выборъ подходящихъ личностей для сооруженія будущаго зданія долженъ быть произведенъ по одному лишь началу христіанской любви. Въ такомъ случаѣ вы натолкнетесь на непреодолимыя препятствія и откроете широкій доступъ въ святилище, вмѣстѣ съ немногими избранными, также и большому потоку лицемѣровъ и тартюфовъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся. Но я больше не хочу васъ разочаровывать. Оставайтесь всегда при вашемъ высокомъ идеалѣ. Вы требуете отъ вашихъ отборныхъ людей слишкомъ много; но идеальныя стремленія въ семъ мірѣ являются всегда утѣшительными явленіями, особенно, когда убѣждаешься, что отъ отборныхъ людей въ самомъ государствѣ не требуется не только никакихъ недостижимыхъ добродѣтелей, но даже здраваго человѣческаго разума. Въ странѣ, гдѣ я теперь живу, я имѣю самыя наглядныя доказательства сказаннаго. Вы совсѣмъ не можете себѣ представить, и въ коренной Россіи себѣ вообще не представляютъ, какое странное смѣшеніе замѣчается въ здѣшнихъ губерніяхъ. Настоящій Русскій элементъ столь же слабо здѣсь представленъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, съ тѣмъ еще различіемъ, что въ названномъ краѣ дѣла гораздо лучше устроены, и ненависть къ Русскимъ менѣе разительна, чѣмъ здѣсь. Политика Поляковъ въ настоящее время преимущественно основана на томъ, что они стремятся убѣдить своихъ соотечественниковъ за границею и вообще всю Европу, что ихъ національность здѣсь на нашей сторонѣ не дремлетъ, а жива, а это при нынѣ господствующихъ національныхъ тенденціяхъ понятно весьма важно доказать. Поляки, при этой, довольно систематически проводимой, политикѣ стремятся съ одной стороны изобразить въ своей литературѣ старый Польскій міръ всюду въ блестящихъ краскахъ; съ другой стороны, они стараются дѣлать разныя эфектныя демонстраціи. Они, напр., въ прошломъ году подали Государю прошеніе о введеніи польскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ; они хотятъ и въ этомъ году отправить въ Петербургъ депутацію (съ просьбой объ учрежденіи каѳедры польской литературы въ университетѣ) и т. п.; все это очевидно съ цѣлью, чтобы заграничныя газеты поставили всю Европу въ извѣстность, въ какой степени ихъ національность еще жива. Они очень хорошо понимали въ прошломъ году (я это знаю изъ достовѣрнаго источника), что ихъ дерзкое прошеніе не будетъ принято; этого они именно хотѣли, чтобы имѣть право говорить: «Смотрите, какъ мы угнетены, и смотрите, какъ мы настроены». Два года тому назадъ я еще ходатайствовалъ въ министерствѣ о введеніи въ школахъ Польскаго языка, наравнѣ съ Французскимъ и Нѣмецкимъ, чтобы отнять у Поляковъ всякій предлогъ къ жалобѣ на угнетеніе. Но медлили рѣшеніемъ, находили разныя отговорки, и вотъ мѣшканіе послужило въ настоящемъ году лишь къ тому, что Польское дворянство само достигло этой цѣли, обратившись (на выборахъ) къ Государю. Ихъ просьба исполнена, хотя съ тѣмъ ограниченіемъ, что Польскій языкъ введенъ лишь въ гимназіяхъ, а не въ университетѣ, и что содержаніе учителей (послѣ первыхъ трехъ лѣтъ) предоставляется самому дворянству. Разъ же сказано *а*, то слѣдуетъ сказать и *б*, и каѳедра Польской литературы должна будетъ также открыться. Это не составляетъ бѣды, напротивъ того, это вполнѣ справедливо; но наше несчастіе состоитъ въ томъ, что всѣ эти необходимыя и своевременныя нововведенія только тогда разрѣшаются, когда они требуются самими Поляками. Это, по моему взгляду, неполитично; потому что такой способъ дѣйствія поддерживаетъ и усиливаетъ ихъ собственную политику.

Такіе faux pas я вижу на каждомъ шагу. Такъ въ настоящее время Поляки стремятся соединиться съ Малороссами, т. е. съ образованною частью ихъ, и что же дѣлаютъ противъ этого? Малороссамъ дозволяютъ броситься въ объятія Поляковъ, не стараются привлечь ихъ симпатіи, хотя Малороссійскія національныя

стремленія для Россіи нисколько не опасны; ихъ религія—наша и столь же, какъ наша, неблагопріятна католической; ихъ языкъ—только нарѣчіе нашего, и разработка его можетъ только содѣйствовать разработкѣ нашего языка. Поляки (Польскіе студенты) желаютъ во время возобновленія контрактовъ, когда вся публика состоитъ почти изъ однихъ Поляковъ, устроить въ пользу бѣдныхъ студентовъ театральное представленіе. Отъ нихъ требуютъ, не смотря на ихъ нежеланіе, чтобы они играли въ театрѣ не иначе, какъ въ сообществѣ съ Русскими студентами; Русскіе же, усматривая, что ихъ игра является лишь дополненіемъ Польской, отказываются. Поляки опять соединяются съ Малороссами и убѣждаютъ ихъ поставить лишь одни національныя, Малороссійскія пьесы. Такимъ образомъ выходитъ, что Поляки и Малороссы на сценѣ опять выступаютъ вмѣстѣ. Лучше ли это, чѣмъ если бы Поляки играли одни для себя? Я старался, правда, нравственнымъ путемъ и нисколько не посредствомъ принужденія, избѣгнуть всякой причины для демонстрацій со стороны Поляковъ. Но если мнѣ не помогутъ на этомъ пути, то Поляки вновь соединятся съ Малороссами: ибо тѣмъ, что не хотятъ признать раздѣленіе національностей, которое фактически все же существуетъ, у меня отнимаются всѣ законныя средства къ воздѣйствію на каждую партію въ отдѣльности. Все еще стараются примѣнять несчастную систему сертучиванія и покрыванія всего пустою формою. Какъ будто не легче совладать возмущающимся юношествомъ, когда оно раздѣлено въ явственныя партіи? Опасаются столкновеній между этими партіями, какъ будто столкновенія всей массы съ обществомъ и общественнымъ порядкомъ не опаснѣе? Развѣ не было бы раціональнѣе и выгоднѣе посредствомъ разумныхъ, своевременныхъ и исходящихъ сверху (но понятно не слишкомъ поздно сдѣланныхъ) уступокъ избѣгнуть всякихъ демонстрацій снизу, которыя, подавленныя силою, подливаютъ только масло въ огонь. Не возможно ли было бы этимъ самимъ избѣгнуть именно того, что Польская пропаганда всѣми возможными средствами старается осуществить? Почему смотрятъ такъ подозрительно на чисто-Русскую пропаганду, которая могла бы служить въ здѣшнемъ краѣ противоядіемъ Польской? Почему, наприм., не стараются улучшить здѣсь устройство Русскаго театра, этого могущественнаго средства, и допускаютъ, чтобы онъ оставался въ худшемъ состояніи, чѣмъ Польскій? Чего опасаются отъ организованной Русской пропаганды, на которую одну лишь можно положиться, какъ на средство противъ Польской? Демагогическихъ ли интригъ? Но становятся ли эти интриги слабѣе или менѣе опасными, вслѣдствіе недозволенія примѣнять могучее нравственное средство? Кто ручается въ томъ, что онѣ въ потемкахъ, въ связи съ Польскими и Малороссійскими интригами, не могутъ надѣлать гораздо больше бѣды? Почему отталкиваютъ отъ себя другую не столь безсильную, какъ она кажется, партію—партію находящагося въ періодѣ образованія еврейства*. Вліяніе его въ здѣшнихъ губерніяхъ не должно быть оцѣнено слишкомъ низко. Разъ же имѣешь на своей сторонѣ Малороссовъ, образованныхъ Русскихъ и Евреевъ, то можно быть вполнѣ безопаснымъ на счетъ Поляковъ. Какъ это хотятъ закрыть глаза и не видѣть того, что нравственно de facto существуетъ, хотя de jure не признается. Непостижимо! Но придетъ время, когда будутъ раскаиваться въ этихъ политическихъ ошибкахъ. Здѣшнія губерніи слишкомъ важны для Россіи и нуждаются въ свѣтлыхъ умахъ, которые могли бы правильно оцѣнить и вникнуть во всѣ обстоятельства. Если признано было цѣлесообразнымъ измѣнить порядокъ дѣйствія, который примѣнялся здѣсь

* Къ этимъ словамъ издатель „Р. Арх." П. Бартеневъ сдѣлалъ слѣд. примѣчаніе, когда настоящее письмо было впервые опубликовано въ его журналѣ: „Увѣряютъ, что мать автора была крещенная еврейка, о чемъ, впрочемъ, не говорится въ его извѣстныхъ автобіографическихъ очеркахъ". Объ этомъ см. въ концѣ примѣчанія 57-го. С. Ш.

въ теченіе почти двадцати лѣтъ, то нельзя безъ большаго вреда отступить, и отнюдь невозможно смѣшеніе прежняго способа дѣйствія съ новымъ.

Черезъ это постоянно подвергаешься опасности сдѣлать что-либо предосудительное. Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. Но я не дѣлаю и не сдѣлаю къ тому перваго шага, потому что я считаю такой образъ дѣйствій слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно, на 50-мъ году жизни, вступить на новое поприще; однако, я покоряюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между моими друзьями только очень мало глупцовъ, а между моими врагами много слабоумныхъ. Вашъ на всегда, вамъ преданный Пироговъ.

II.

О воспитаніи и обученіи. О крестьянахъ и помѣщикахъ.

С. Вишня, 3 февраля 1862 г.

Я начинаю мое письмо, многоуважаемый другъ, тѣмъ, чѣмъ вы кончили ваше письмо, т. е. обращеніемъ ко всемірной исторіи. Мнѣ кажется, будто именно всемірная исторія такъ противорѣчитъ нашей національной, что мы поневолѣ не можемъ слѣдовать ея указаніямъ. Мы ошибаемся вслѣдствіи аналогіи событій, смыслъ же таковыхъ совершенно другой въ нашей и во всемірной исторіи. Не заключайте отсюда, ради Бога, что я сдѣлался Славянофиломъ. Но когда видишь то, что творится вокругъ насъ, дѣйствительно совсѣмъ теряешься и въ концѣ концовъ вовсе не знаешь, при чемъ же остаешься. Возьмите университетскій или вообще школьный вопросъ, возьмите крестьянскій вопросъ, финансовый, возьмите всѣ вопросы, какіе вы хотите: на всѣ имѣется отвѣтъ, но такой запутанный, что по истинѣ было бы лучше, если бы не имѣлось на нихъ никакого отвѣта.

Должно ли воспитаніе и обученіе все еще оставаться монополіею правительства, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, гдѣ средства? Развѣ на самомъ дѣлѣ полагаютъ, что двухъ или трехъ милліоновъ рублей достаточно для воспитанія 60 или 70 милліоновъ людей, если правительство должно содержать учителей и заведенія, снабдить ихъ учебными пособіями и устроить за ними надзоръ? Что было сдѣлано въ теченіи 20 лѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ организовать самое важное во всемъ этомъ дѣлѣ, а именно, личный составъ учителей? Къ чему служитъ перемѣна министра, если главный вопросъ остается безъ отвѣта? Я говорю, какъ Антоній передъ трупомъ Цезаря: «и Брутъ, и Кассій, и всѣ они почтенные и достойные уваженія люди»; но гдѣ у нихъ средства, чтобы порядочно провести въ дѣлѣ воспитанія монополію правительства? Въ воспитаніи, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ вспаханное мѣсто обширнѣе, тѣмъ большій капиталъ долженъ быть затраченъ, и если таковаго не имѣешь, то слѣдуетъ или покориться, какъ я, бѣдный помѣщикъ, тому, чтобы видѣть, какъ наилучшія полосы заростаютъ плевелами и чертополохомъ, или же рѣшиться на отдачу пашни въ оброчное содержаніе. Я понимаю, что подобная аренда, какъ для меня, такъ и для правительства, не особенно выгодна: скорѣе бы хотѣлось самому обработать землю, но пусть тогда не требуютъ порядочнаго хозяйства. Хорошій сельскій хозяинъ, правда, всегда нуженъ, но изъ ничего онъ все же сдѣлаетъ ничто и не болѣе. Если министру не удается развить въ учебныхъ заведеніяхъ

(будь то приходскія школы или университеты), научный духъ или высшее стремленіе къ познанію, то онъ долженъ отказаться отъ притязанія на порядокъ и нравственность въ такихъ заведеніяхъ: они обращаются тогда въ мѣста волненій и безпорядковъ, которыя болѣе достойны полицейскаго присутствія, чѣмъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но гдѣ же у насъ средства, чтобы достигнуть въ учебныхъ заведеніяхъ развитія высокаго, научнаго стремленія? Гдѣ личный составъ, гдѣ деньги для этого? Отнимите теперь всѣ права у нашихъ учебныхъ заведеній (я не защитникъ этихъ правъ при совершенномъ упраздненіи таковыхъ въ одинаковой степени въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ министерствъ и департаментовъ), и число студентовъ при нынѣшнемъ направленіи умовъ въ нашемъ обществѣ останется тѣмъ не менѣе довольно значительнымъ: большинство учащихся предастся тогда ученію изъ за насущнаго хлѣба; хотя это стремленіе безъ сомнѣнія уже и теперь существуетъ. Какъ же можно полагать, что эта, собранная въ учебныхъ заведеніяхъ, учащаяся изъ за куска хлѣба, молодежь будетъ вести себя спокойно, пассивно и вполнѣ тихо, пока она не находитъ себѣ занятія, которое могло бы соотвѣтствовать ея склонности и стремленію къ выгодѣ? И нынѣ это такъ. Недостатокъ находящихся въ распоряженіи министерства учебныхъ средствъ выражается именно самымъ нагляднымъ образомъ, когда настаетъ необходимость удовлетворить инстинктивное чувство выгоды учащихся. Можно, конечно, разными искусственными регулятивами уменьшить число учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, можно, напр., открыть доступъ въ наши университеты только отборнымъ лицамъ. Но, во-первыхъ, весьма еще сомнительно, подобаетъ ли такое распоряженіе состоянію нашего просвѣщенія и, во-вторыхъ, (и это самое главное), что дѣлать съ тѣми, коимъ закрыть доступъ въ университетъ и коихъ личное стремленіе къ выгодѣ тѣмъ не менѣе, по всей справедливости, должно бы быть удовлетворено? Число ихъ, какъ сказано, въ настоящее время довольно значительно. Можетъ ли число этихъ неудовлетворенныхъ и обманутыхъ принести пользу государству? Если правительство дѣйствительно признаетъ удобнымъ открыть высшія учебныя заведенія только отбору (подъ нимъ у насъ, понятно, разумѣютъ лишь сыновей самыхъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, отъ этого fardeau не освободится у насъ ни одинъ министръ народнаго просвѣщенія), то оно должно, справедливымъ образомъ, учредить для учащихся изъ за насущнаго хлѣба другія заведенія: техническія, политехническія, назовите ихъ, какъ желаете. Но средства, средства! Кто, какъ я, по опыту знаетъ, съ какими трудностями сопряжено у насъ пріобрѣтеніе даже самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, тотъ, конечно, согласится, что при нынѣшнемъ положеніи нашихъ финансовъ всѣ проекты объ учрежденіи новыхъ порядочно и практически-устроенныхъ заведеній могутъ быть сдѣланы только на бумагѣ. Если дѣйствительно гдѣ-либо настояла крайняя необходимость въ устройствѣ новыхъ практическихъ учебныхъ заведеній, то это было несомнѣнно въ Кіевѣ, гдѣ стремленіе къ ученію изъ-за куска хлѣба очень распространено между молодыми людьми, и гдѣ удовлетвореніе этого стремленія могло бы имѣть существенную пользу и въ политическомъ отношеніи;—и именно въ Кіевѣ, въ которомъ болѣе 800 молодыхъ людей, изучаютъ медицину, ни мнѣ, ни моимъ предшественникамъ не удалось основать городскую клинику, хотя всѣ условія къ тому уже были на-лицо: и Государь, и министръ, и генералъ-губернаторъ дали свое согласіе. Тѣмъ не менѣе все дѣло сокрушилось, послѣ пяти или шести-лѣтней переписки, о пассивную vis inertiae нашей администраціи. Если же умы учащихся не находятъ въ учебныхъ заведеніяхъ полезнаго занятія, если они смотрятъ на пребываніе въ этихъ заведеніяхъ, которыя не доставляютъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для практическаго образованія, какъ на необходимый переходъ для полученія

диплома, то удивительно ли, что праздность и оставшаяся безъ удовлетворенія склонность даютъ имъ иное направленіе? Я не хочу утверждать, что это единственная причина всѣхъ волненій и безпорядковъ, которые въ послѣднее время возникали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но эта причина все же слишкомъ важная, чтобъ остаться безъ вниманія.

Другая причина лежитъ еще глубже и еще менѣе доступна Министерству Народнаго Просвѣщенія, хотябы оно проектировало какія угодно распоряженія противъ нея. Какъ можно на самомъ дѣлѣ не видѣть того, что такъ ясно? Гдѣ же, какъ не въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ молодежи, обнаруживается духъ всего просвѣщеннаго и полупросвѣщеннаго общества, дѣтищемъ и отраслью коего является эта молодежь? Если вся Германія послѣ французской войны была проникнута разными патріотическими и направленными на единство стремленіями, то таковыя обнаружились, задолго еще до 1848 года, въ университетахъ подъ видомъ товариществъ (Burschenschaft). Рыцарское и сепаратистическое стремленіе Нѣмецкаго общества въ Прибалтійскомъ краѣ выражается въ Дерптѣ посредствомъ землячествъ и дуэлей. Грубый славянскій матеріализмъ иногда проявлялся, сорокъ лѣтъ назадъ, въ Русскихъ университетахъ—въ дикихъ оргіяхъ, въ дракахъ въ публичныхъ домахъ и въ попойкахъ казенно-коштныхъ студентовъ?

Почему должно настоящее время представить исключеніе? Въ учебныхъ заведеніяхъ обнаруживаются польскія тенденціи наравнѣ съ современными русскими. Не университеты, не учебныя заведенія суть колыбели этихъ волненій, и не здѣсь слѣдуетъ имъ противодѣйствовать, пока это еще возможно. Учебныя заведенія могутъ только служить правительству барометрами, указывающими большее или меньшее давленіе воздуха. Я знаю, что общество, при такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно первое жалуется на университетскія и училищныя волненія; но оно при этомъ безсознательно жалуется на самого себя. Вѣдь случалось же здѣсь, что Польскіе родители обвиняли учителей и директоровъ учебныхъ заведеній за патріотическія демонстраціи своихъ дѣтей. Страннымъ остается всегда, что разумные люди занимаются тѣмъ, что изъ-за непогоды бьютъ по барометру, или такъ хотятъ его перестроить, чтобы онъ не показывалъ непогоды, когда давленіе воздуха значительно. Я не говорю, чтобъ эти изъявленія молодежи были сами по себѣ безразличны и могли бы быть поэтому безпрепятственно допустимы; я только говорю, что цѣлебное средство лежитъ не тамъ, гдѣ его ищутъ. Университетъ, какъ въ нынѣшнее время его понимаютъ учителя и учащіеся, есть нѣчто такое, что съ нашимъ порядкомъ управленія отнюдь несовмѣстимо. Пусть меня, за это побьютъ, но я останусь при своемъ мнѣніи. Пусть лучше не обманываютъ людей и пусть не даютъ обманывать себя. 25, 50 и 100 лѣтъ существуютъ наши университеты и мы дошли, наконецъ, до того, что никакихъ еще преподавателей мы не имѣемъ и, если одинъ изъ нихъ уходитъ, то съ большимъ трудомъ, для замѣщенія его, находятъ другого. Но что такое Министерство Народнаго Просвѣщенія безъ преподавателей и учебныхъ пособій? Теперь много говорятъ о народныхъ школахъ, говорятъ уже два или три года, что недостаетъ учителей, и, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго, дѣло это ввѣрили сельскимъ попамъ; но почему же не устраиваютъ, какъ можно скорѣе и coute qui coute, чего либо, чтобы образовать учителей? То говорили, что образованіе ихъ требуетъ слишкомъ много времени, то недоставало средствъ, и послѣднее остается именно главною причиною; потому что на самомъ дѣлѣ, когда такъ спѣшишь съ дѣломъ народнаго образованія, то не слѣдовало-бы отдавать его на такой продолжительный срокъ въ руки однихъ лишь поповъ. Только alter ègo правителя можетъ быть въ монархическомъ государствѣ министромъ народнаго просвѣщенія, если это просвѣщеніе должно быть дѣйствительно дѣломъ, а не призракомъ, и я теперь вполнѣ пони-

маю смыслъ тѣхъ словъ, которыя покойный Уваровъ сказалъ мнѣ при первомъ моемъ поступленіи на службу: «Не забывайте, что министръ народнаго просвѣщенія это Государь, а не я». Теперь, правда, это нѣсколько иначе; съ тѣхъ поръ власть министра была значительно ограничена; онъ болѣе не столь могущественъ, какъ прежде, и это хорошо. Но ни къ одной изъ разнообразныхъ отраслей администраціи коллегіальное устройство (которое можно найти какъ въ главномъ управленіи училищъ, такъ и въ цензурномъ комитетѣ) не подходитъ такъ хорошо, какъ именно къ министерству нар. просвѣщенія. При такомъ коллегіальномъ устройствѣ казалось бы невозможнымъ, чтобы министры народнаго просвѣщенія могли носить такую отвѣтственность передъ правительствомъ и столь легко и скоро быть смѣщаемы; а все-же, кажется, они слишкомъ мало воспользовались этимъ предохраняющимъ ихъ устройствомъ, или же не были въ состояніи, имъ воспользоваться.

Но не отпадутъ-ли или не уменьшатся ли по крайней мѣрѣ значительно всѣ эти затрудненія и невыгоды, связанныя съ монополіею правительства въ дѣлѣ воспитанія, если эта монополія прекратится? Я знаю, что это опять не согласуется съ монархическимъ государственнымъ началомъ; но должны-ли насъ останавливать противорѣчія, когда неумѣстность и недостатки монополіи стали столь очевидными. Меня радуетъ, что вы также убѣдились въ безполезности изданія уставовъ и правилъ, пока обстоятельства сами себя еще не привели въ порядокъ. Австрійская зараза регламентаціи не подходитъ къ славянской почвѣ.

Блестящее доказательство этого даетъ намъ нашъ крестьянскій вопросъ. Какъ прекрасно и систематически былъ онъ приведенъ въ порядокъ на бумагѣ; крестьяне дураки; должны были только открыть книгу, и они получили-бы тамъ отвѣтъ на всѣ ихъ безразсудныя сомнѣнія. Но, къ несчастью своему, они не умѣютъ читать, держатъ книгу закрытою у себя въ карманѣ и не вѣрятъ тому, что имъ изъ этой книги прочитываютъ. Столь колоссальное недоразумѣніе, каковымъ до сихъ поръ является здѣсь крестьянскій вопросъ, рѣдко можно встрѣтить въ народной исторіи. Сверху требуется точное исполненіе всѣхъ содержащихся въ Положеніи 19 февраля предписаній и законовъ, всѣхъ заключенныхъ между помѣщиками и крестьянами контрактовъ; снизу же, напротивъ, не принимаются ни законы, ни контракты, и ничего не исполняется. Новое высочайше утвержденное и столь хорошо и систематически выработанное Положеніе лежитъ передъ нами, а народъ продолжаетъ вполнѣ спокойно дѣйствовать по-старому.

Сколько времени продлится столь странное состояніе — то вѣдаетъ одинъ лишь Богъ. Вы говорите, что было-бы несоотвѣтственнымъ порвать насильно прежнія отношенія и не оставить никакой связи между господами и крестьянами; но вы, кажется, обращаете слишкомъ мало вниманія на матеріальные интересы въ крестьянскомъ вопросѣ и смотрите на него только съ нравственной стороны; между тѣмъ именно матеріальные интересы составляютъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ, рѣшительное «быть или не быть». Помѣщикъ говоритъ: «я теряю неизбѣжно и теряю такъ много, что долженъ отказаться отъ сельскаго хозяйства, если остаюсь на-половину связаннымъ съ крестьянами; я являюсь тогда въ слишкомъ незначительной степени господиномъ, чтобы всѣ мои требованія могли быть въ точности исполнены крестьянами, и въ слишкомъ незначительной степени свободнымъ предпринимателемъ, чтобы торговаться съ крестьянами, какъ съ свободными рабочими». Мужикъ говоритъ: «теперь гирше (хуже) прежняго; прежде я имѣлъ дѣло только съ однимъ моимъ господиномъ, онъ сѣкъ меня,—это правда, но онъ также платилъ за меня; теперь же волость сѣчетъ меня, и я плачу почти вдвое болѣе того, что я платилъ прежде, и кромѣ того я долженъ работать для господина или также платить; гдѣ-же моя свобода? Это быть не можетъ, меня об-

манываютъ, и то, что мнѣ говорятъ о царской волѣ вовсе не царская, а панская воля». Такое положеніе, такое среднее состояніе не можетъ долго продлиться; обѣ въ дѣлѣ заинтересованныя стороны не удовлетворены и именно потому, что старались удовлетворить обѣ. Принципъ «добровольныхъ соглашеній» былъ принятъ, и полагали узрѣть чудеса; къ сожалѣнію забыли, что для проведенія этого прекраснаго принципа взаимное довѣріе вполнѣ необходимо. Но гдѣ найти таковое? Крѣпостное право разрушило его въ корнѣ. Не то, что довѣріе, а полное недовѣріе замѣчается всюду. Это самое недовѣріе усилится, если узы между господами и крестьянами будутъ существовать еще долѣе. Крестьянинъ будетъ видѣть въ нихъ только нерасположеніе помѣщиковъ къ совершенному его освобожденію и постоянно будетъ стараться разорвать ихъ. Извѣстное ученіе о постепенномъ переходѣ отъ рабства къ свободѣ, отъ нежеланія къ склонности, теоретически неопровержимо; но на практикѣ невыгоды его столь-же очевидны, какъ недостатки внезапнаго и совершеннаго перехода, и именно потому, что, во-первыхъ, невозможно устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы всѣ ступени перехода постепенно и незамѣтно слѣдовали одна за другой; а во-вторыхъ, потому, что подобный переходъ никогда не удовлетворяетъ партійныхъ надеждъ и подастъ поводъ къ постояннымъ и продолжительнымъ раздраженіямъ обѣихъ сторонъ. Природа же дѣлаетъ внезапно изъ неуклюжей куклы летящую бабочку, и ни кукла, ни бабочка не жалуются на это.

Словомъ, я говорю только одно: пока отношенія между крестьянами и помѣщиками будутъ устанавливаться согласно этому ученію, матеріальные интересы обѣихъ партій испытаютъ только невыгоды, ни барщина, ни оброкъ не будутъ точно выполняться, и сельское хозяйство, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, ухудшится; никто изъ нихъ не будетъ удовлетворенъ, и государство не будетъ имѣть безопаснаго покоя. Крестьяне находятся теперь въ безпокойномъ снѣ и если они проснутся безъ имущества, тогда все будетъ слишкомъ поздно. Пусть поэтому не медлятъ. «Невозможно» говорятъ мужики, «чтобы царь насъ оставилъ безъ земли. Онъ имѣетъ достаточно земли, и хоть сколько-нибудь да дастъ намъ; но до поры до времени мы должны, какъ намъ при чтеніи манифеста было приказано попомъ и приставомъ, еще по-прежнему работать и терпѣливо ждать»; но, понятно, они работаютъ при этомъ не столь терпѣливо, какъ прежде. Пусть они только не будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ, пусть выкупъ земли совершится раньше, чѣмъ ихъ «до времени». Своихъ крестьянъ я поставилъ на оброкъ совершенно своеобразно, такъ какъ оброкъ (что вы знаете) необходимое условіе выкупа; я предложилъ имъ еще въ маѣ 1861 г. платить мнѣ за землю по законнымъ цѣнамъ, а такъ какъ они не имѣли наличныхъ денегъ, то я платилъ имъ наличными деньгами и по вольной цѣнѣ за ихъ работу на моихъ поляхъ; такимъ образомъ они пріобрѣли столько денегъ, что были въ состояніи не только заплатить за землю, но еще сохранили деньги для прочихъ своихъ потребностей. И при всемъ этомъ, такъ какъ они недовѣрчивы и имѣютъ arrière-pensée о лучшемъ будущемъ, они не хотятъ признать мою систему оброкомъ, наличныя-же деньги они совершенно спокойно берутъ отъ меня; работаютъ же они хорошо—въ этой справедливости имъ отказать нельзя. Положеніе всего дѣла, слѣдовательно, совершенно своеобразно: я и губернское присутствіе разсматриваемъ его какъ оброкъ, моя уставная грамота согласно сему также составлена и утверждена на оброкъ; крестьяне-же смотрятъ на свои отношенія ко мнѣ, какъ на status quo, и не хотятъ вовсе слышать объ уставной грамотѣ. Между тѣмъ,—я тѣмъ самымъ получилъ законное право требовать выкупа; дай Богъ только, чтобъ онъ поскорѣе состоялся: тогда крестьяне моего помѣстья пробудятся отъ своего сна, какъ свободные люди и собственники; тогда отъ нихъ будетъ зависѣть, сохранить или прекратить извѣстныя от-

ношенія ко мнѣ, ихъ ближайшему сосѣду; если они выберутъ первое, то эти отношенія конечно будутъ пріятнѣе какъ для меня, такъ и для нихъ, чѣмъ среднее состояніе между зависимостью и независимостью. Мое положеніе здѣсь, понятно, гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе другихъ помѣщиковъ въ Россіи. Помѣщики изъ Подольской губерніи почти всѣ Поляки; Поляки же, какъ извѣстно, сумасброды и дѣлаются, благодаря разнымъ мѣстнымъ распоряженіямъ, еще сумасброднѣе. Здѣсь запрещаютъ, напр., всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія имѣть оружіе, и вслѣдствіе этого ихъ всѣхъ обезоружили, крестьянамъ же разрѣшаютъ имѣть оружіе (для охоты, какъ сказано въ распоряженіи); вслѣдствіе этого помѣщики думаютъ или притворяются будто они думаютъ, что противъ нихъ хотятъ вооружить крестьянъ. Прекрасныя мысли! Прекрасный поводъ къ такимъ мыслямъ! Далѣе всѣмъ помѣщикамъ приказали завести справочныя книги, какъ въ ихъ домахъ, такъ и въ корчмахъ, о всѣхъ пріѣзжающихъ и посѣтителяхъ, чтобы, какъ говорятъ, ни одно подозрительное лицо не могло пріѣхать. Можно вообразить себѣ, какія имена вносятся въ такія книги въ каждой корчмѣ: тамъ появляются и Гарибальди, и Костюшко, и Кошутъ; корчмари, понятно, ничего въ этомъ не понимаютъ. Мировые посредники, которые, какъ извѣстно, должны были замѣнять продажную земскую полицію, здѣсь также Поляки, не пользуются слѣдовательно довѣріемъ правительства и состоятъ поэтому сами подъ наблюденіемъ той именно земской полиціи, которую они должны были замѣнить. Не правда ли, прекрасныя обстоятельства, интересная область для спокойныхъ наблюдателей! Съ одной стороны правительство, предписывающее точно наблюдать всѣ узаконенія, введенныя новымъ порядкомъ вещей, съ другой стороны крестьяне, для пользы и блага коихъ эти узаконенія установлены, не признающіе ихъ и не довѣряющіе всѣмъ законамъ еще менѣе, чѣмъ крестьяне (?),—это въ немногихъ словахъ наше здѣшнее положеніе: «Мы посмотримъ, мы поглядимъ»,—говорилъ старый императоръ Францъ всѣмъ, которые допускались Меттернихомъ къ его пріему. Послѣдуемъ также этому благоразумному совѣту, за недостаткомъ лучшаго. Но въ то время, какъ императоръ Францъ говаривалъ эти слова, онъ слушался принципа своего министра: «tout pour le peuple, rien par le peuple». Пусть и нашъ народъ неуклонно послѣдуетъ этому началу, хотя оно уже не такъ современно, какъ прежде. Я же съ своей стороны всегда остаюсь при томъ, что «выкупъ» единственное для насъ слово спасенія и не боюсь особенно бумажныхъ денегъ, такъ какъ все равно нельзя будетъ болѣе имѣть звонкую монету, разъ что она, старая и новая, постоянно отправляется гулять изъ Бердичева заграницу.

Извините, что я такъ много болтаю, но вы знаете Русскую пословицу: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Прощайте, высокочтимый другъ. Примите мою душевную благодарность за то, что Великая Княгиня еще помнитъ меня. Совершенно преданный вамъ Пироговъ.

III.

О великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. О Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія. О женскомъ вопросѣ.

С. Вишня, Винница. 1876. Февраля 27.

Многоуважаемый другъ! Вы затронули струны старой, разбитой скрипки,—такъ не смущайтесь же разладицей ея звуковъ. Я себя причисляю уже къ прошедшему, и потому не могу судить о немъ объективно: настоящее, въ которомъ я доживаю свои

дни, мнѣ, конечно, тоже не безразлично, но только я не могу анализировать его съ той точки зрѣнія, съ которой судитъ о немъ нынѣшнее поколѣніе. Мои воспоминанія принуждаютъ меня сравнивать прошедшее съ настоящимъ, и при этомъ въ моемъ умѣ сталкивается цѣлый рой идей самыхъ противоположныхъ. Вотъ почему прошу васъ не обвинять меня, если мое писаніе покажется вамъ неудобопонятнымъ изложеніемъ противорѣчій, переплетшихся въ моихъ мысляхъ. Въ этихъ листахъ вы прочтете также нѣсколько очерковъ моихъ субъективныхъ мнѣній, и пожалуй, что, въ концѣ концовъ, вы, вмѣсто ожидаемыхъ отъ меня и интересующихъ васъ историческихъ воспоминаній, найдете только одну смѣсь пережитыхъ идей и сужденій, которыя васъ нимало не интересуютъ. Я въ этомъ не виноватъ, какъ уже сказалъ: я долженъ, malgré moi, подѣлиться съ вами всѣми чувствами, которыя дорогія воспоминанія выманиваютъ изъ глубины моей души. Впрочемъ, вы еще получите (конечно, не чрезъ почту) нѣкоторые отрывки достовѣрныхъ документовъ, которые могутъ быть полезными въ составленіи исторіи. Сынъ мой* въ скоромъ времени отправляется въ Петербургъ, и я ему поручилъ передать вамъ лично эти документы. Межъ ними нѣкоторые отъ васъ самихъ, съ собственноручными письмами покойной великой княгини. Содержаніе послѣднихъ, если противопоставить съ ними мои письма, отъ 1854—1855 гг. (которыя вы легко отыщете въ своихъ бумагахъ), можетъ, безъ сомнѣнія, сильно способствовать для изображенія исторіи «Общества сестеръ милосердія».

Подвиги такихъ монарховъ, какъ наши Петръ, Екатерина, оба Александра, до того величественны и объемисты, что не нуждаются въ похвалахъ. Но дѣйствія нашей незабвенной великой княгини таковы, что ихъ и можно и должно прославить. Но зато біографу ея тѣмъ болѣе и слѣдуетъ остерегаться, чтобы не написать ея исторіи въ видѣ панегирика. Иногда

* Владимиръ Николаевичъ Пироговъ.

такъ бываешь ослѣпленъ блестящимъ результатомъ человѣческихъ дѣйствій, что черезъ-чуръ легко относишься къ самой человѣческой природѣ ихъ совершителя, а эта сторона именно и есть самая поучительная и привлекательная для насъ. Идеальность получаетъ еще болѣе рельефа, когда раскрываетъ неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ ошибки и слабости. Даже въ глубокой идеѣ нашей религіи человѣчество служитъ основаніемъ Божественнаго Искупителя...

И наши раскольники, предлагая свой вопросъ: «Коего духа человѣкъ сей?»—очевидно, стараются разрѣшить великую задачу познанія человѣка. По моему, и всякій біографъ, приступая къ своему дѣлу, тоже обязывается прежде всего разрѣшить себѣ этотъ самый вопросъ. Прежде всего слѣдуетъ ему ознакомить насъ съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь описываемой имъ особы и исполнить это сколь возможно ясно и искренно, и уже этимъ способомъ дать намъ понять и его собственное міровоззрѣніе или пониманіе жизни.

Я не пишу біографіи, а между тѣмъ куча мыслей насчетъ этого важнаго вопроса такъ невольно и наполняетъ мнѣ голову. Современное міровоззрѣніе, насколько я могъ его изучить, бываетъ четырехъ родовъ: либо оно раціональное, либо чисто формальное, нерѣдко и легкомысленное, но болѣе или менѣе мистическое. Въ большинствѣ случаевъ, можно убѣдиться, что одинъ родъ воззрѣнія переходитъ въ другой, и притомъ наши сужденія часто измѣняются въ теченіе жизни. Чисто-раціональное міровоззрѣніе рѣдко встрѣчается, особенно между женщинами (быть можетъ, къ счастію), но, къ несчастію, два другіе рода (формальный и легкомысленный) берутъ у нихъ верхъ. Мистическій элементъ всасывается отчасти во всевозможныя міровоззрѣнія, потому что онъ пустилъ глубокіе корни въ нашихъ душахъ, и самыя крупныя силы анализирующаго разсудка не въ состояніи вымолвить намъ послѣднее слово великой загадки. Современный реализмъ ни къ чему насъ не приводитъ своей тощей пустотой. Онъ убѣждаетъ толь-

ко игнорировать неисповѣдимое, а современный спиритизмъ доказываетъ ему въ то же время, что мы, т. е. родъ людской, вовсе даже и не чувствуемъ призванія къ реальной философіи. Мистицизмъ для насъ совершенно необходимъ: это—одна изъ естественныхъ потребностей жизни. Все насъ окружающее, по своему существу, неисповѣдимо и мистично. Если мы не довольствуемся однимъ fait accompli, то наше *я* объективно въ отношеніи насъ самихъ, а міръ, какъ цѣлое, мистиченъ. Гегель признавалъ мистицизмъ и въ безгласныхъ животныхъ. То ежедневное явленіе, которое, однако, играетъ такую важную роль въ дѣлахъ жизни, извѣстное подъ названіемъ: «случай», тоже содержитъ въ себѣ значительную долю мистицизма. Наконецъ, и основанія всякаго въ насъ религіознаго чувства не есть ли ясное стремленіе къ тому же мистицизму?

Если бы пришлось мнѣ теперь рѣшить, къ которой изъ четырехъ категорій принадлежало міровоззрѣніе нашей покойной великой княгини, то я бы причислилъ его къ умѣренно-раціональному. Ничто не внушало мнѣ столько уваженія, какъ основательность и строгость ея воззрѣній, что какъ извѣстно, очень рѣдко можно встрѣтить въ высшей сферѣ общества. Наша покойная великая княгиня не смотрѣла на жизнь, какъ на цѣль наслажденія, блеска и почестей. Она смотрѣла на жизнь, какъ на причину, вызывающую живущаго на дѣятельность и на исполненіе долга. Духъ мистицизма же высказывается, какъ всегда, въ этой же именно строгости воззрѣній.

— Грустно,—говорила она мнѣ однажды:—что мы не можемъ имѣть яснаго понятія о нашемъ загробномъ существованіи.

— Да именно это стремленіе постичь непостижимое чрезъ ясное изображеніе и доказываетъ сильную борьбу мистическаго элемента нашего духа съ раціональнымъ міровоззрѣніемъ.

— Такъ бы хотѣлось знать,—продолжала она потомъ:—какъ выскажется наша индивидуальность по смерти нашей?

И я въ то время имѣлъ наглость думать, что могу разрѣшить ея неразрѣшимый вопросъ:

— Если намъ покажется понятнымъ,—отвѣчалъ я:—что атомы могутъ проникнуть сквозь грубую оболочку относительно другой матеріи мірского эѳира, то позволительно полагать, что и для насъ предназначено нѣкое свойство, которое утонченнѣе самого эѳира; и тогда мы можемъ принять за правдоподобное и ту идею, что это сверхъ-эѳирное свойство уже и здѣсь есть интегрированная часть нашего бытія. Оно и сохранитъ намъ индивидуальность даже и по разрушеніи грубой оболочки тѣла.

Какъ видно, я былъ въ то время полу-спиритомъ.

При раціональномъ міровоззрѣніи нашей великой княгини, основаніе устроеннаго ею «Общества сестеръ» не могло выйти ничѣмъ другимъ, какъ раціональнымъ. Главнымъ двигателемъ этого учрежденія было желаніе ея принести практическую, неоспоримую пользу для блага отечества. Понятно, что она старалась, по примѣру католическихъ и протестантскихъ основателей, дать своему учрежденію видъ и направленіе религіозные. Успѣхъ въ этомъ зависѣлъ не отъ нея. Никто на свѣтѣ не въ состояніи внушить своему творчеству другой духъ, чѣмъ тотъ, которымъ одушевленъ самъ творящій. Религіозный видъ былъ данъ, но не былъ внушенъ тотъ религіозно-мистическій духъ, который такъ непоколебимо дѣйствовалъ и управлялъ въ древнихъ католическихъ учрежденіяхъ.

Протестантское спокойствіе и любовь къ порядку также не могли быть тамъ внушены. Наша православная церковь (не вѣра) сильно проникнута позитивизмомъ и формальностью: наше міровоззрѣніе, большею частью, также до того формально и къ тому же до того легкомысленно, что нѣтъ у насъ достаточно духовной силы, чтобы проникнуться мистично-религіознымъ элементомъ и на немъ основывать и строить дѣло. Оттого все религіозное направленіе

Крестовоздвиженской общины съ самаго начала было слабо и шатко. Я это вскорѣ замѣтилъ, когда принялъ на себя управленіе «Обществомъ», тотчасъ по его учрежденіи, во время осады Севастополя. Только спустя нѣкоторое время, по вступленіи блаженной памяти Хитрово, могъ я убѣдиться въ возможности ввести и въ нашихъ учрежденіяхъ извѣстную долю религіознаго элемента, безъ того, чтобы это не причиняло ущерба практическимъ тэнденціямъ и дѣятельности.

При всей строгости своихъ воззрѣній, наша великая княгиня обладала качествомъ неоцѣнимымъ въ нашей странѣ. Она понимала, или, вѣрнѣе, она не разучалась уважать человѣчество.

Величіе подвиговъ такихъ властелиновъ, какъ Петръ, Фридрихъ II, Наполеонъ и другіе, отнимаетъ у насъ право осуждать въ нихъ ихъ неуваженіе къ достоинству человѣческой личности, но тѣмъ болѣе мы обязаны цѣнить и восхвалять чувства такого уваженія къ человѣку въ людяхъ высокостоящихъ и призванныхъ къ общественной дѣятельности въ широкомъ масштабѣ. На высотѣ непремѣнно требуются благородное спокойствіе ума и человѣкоуваженіе. Это чувство приноситъ дѣятелю успѣхъ и призываетъ благословеніе на его предпріятія. Ученіе, данное намъ Христомъ: «То, что сотворишь твоему ближнему, то сотворилъ ты Мнѣ», содержитъ въ себѣ не только идею любви, но и уваженіе къ божественной сторонѣ человѣческаго существа. Мы, конечно, сознаемъ, что можемъ любить безъ уваженія и можемъ уважать безъ любви. Но подобная любовь и такое уваженіе—болѣе органическія (чувственныя), чѣмъ духовныя чувства. Евангеліе не этого требуетъ отъ насъ. Испытано и доказано, что тѣ дѣла успѣшнѣе, гдѣ люди, служащіе орудіями ихъ исполненія, не представляютъ собой существъ безъ воли и мышленія, существъ, которыя обязаны только слѣпо подчиняться высшей власти. Нельзя не сожалѣть, однако, что при этомъ гуманномъ воззрѣніи на человѣческое достоинство, уваженіемъ иногда пользуются и недостойные. Человѣческая природа болѣе склонна къ оптимизму, нежели къ противоположному, и поэтому лицемѣру часто не трудно бываетъ обмануть людей своимъ наружнымъ благочестіемъ. А между тѣмъ промахи и ошибки въ этомъ родѣ сильно оскорбляютъ нѣжное чувство благородной души и вредятъ самому дѣлу. То же случилось и въ предпріятіи великой княгини. Не трудно было замѣтить глубокую тоску и разстройство ея чувствительнаго сердца при неудачномъ выборѣ или назначеніи лицъ въ общинѣ. Мы знаемъ, каково было ея огорченіе при первомъ выборѣ сестеръ, гдѣ оказались многіе промахи. Чѣмъ мы болѣе что уважаемъ, тѣмъ сильнѣе боимся потерять это уваженіе и тѣмъ обиднѣе чувствуемъ всякій обманъ.

Неудивительно, что иногда благородная и уважающая человѣчество душа, послѣ частыхъ разочарованій, и сама гибнетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

Еще однимъ, не менѣе цѣннымъ душевнымъ качествомъ обладала наша покойная княгиня. Она высоко уважала знаніе, искусство и науку. Это уваженіе не было чѣмъ-нибудь представляемымъ, для подражанія или для моды, но искреннее, сознательное, добытое культурностью и настоящимъ образованіемъ, и потому оно было столь плодотворно и благословенно. Всякій научно-образованный человѣкъ могъ имѣть къ ней открытый доступъ и непремѣнно чувствовалъ на себѣ привлекательную и возбуждающую силу ея ума. Какъ небесная планета, такъ и умъ нуждается въ особой, сродной имъ атмосферѣ, и кто приближается къ настоящему уму, тотъ чувствуетъ его близость и его вліяніе.

Уже прошло 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, совершивъ научное путешествіе по Кавказу (1847 г.), въ первый разъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ, но впечатлѣніе моего перваго съ ней свиданія еще такъ живо, какъ будто бы это случилось только вчера. Никогда не забуду, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я тогда предсталъ предъ ней, почти немедленно послѣ

оффиціальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ о себѣ доложить военному министру, почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ насчетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (тогдашняго главы медико-хир. академіи). Я такъ былъ разсерженъ, что со мной приключился истеричный припадокъ (съ слезами и рыданіями; я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я твердо рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ. Великая княгиня выразила мнѣ своей любознательностью и уваженіемъ къ знанію то, что выразить слѣдовало бы главѣ научнаго заведенія. Она входила во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась различными результатами анестезаціи на полѣ сраженія (анестезація въ то время мною первымъ была введена на практикѣ); словомъ, обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился своей минутной слабости. Убѣжденный, что около трона я найду лучшихъ судей, одаренныхъ большимъ пониманіемъ, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своевольную грубость лакеевъ. Это сравненіе и этотъ выводъ до сихъ поръ крѣпко засѣли въ моей памяти, равно какъ и глубокое уваженіе къ благородному міровоззрѣнію великой княгини.

Второй разъ пришлось мнѣ явиться предъ ея высочествомъ въ ту незабвенную эпоху, когда каждое сердце въ Петербургѣ билось сильнѣе и тревожнѣе, ожидая результата битвы при Инкерманѣ. Уже нѣсколько недѣль передъ тѣмъ я себя объявилъ готовымъ употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанціямъ начальства. Соглашались и нѣтъ произнести рѣшеніе, а я начиналъ уже отчаиваться въ успѣхѣ, какъ вдругъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ. Къ большой моей радости, она мнѣ тотчасъ объявила, что взяла на свою отвѣтственность разрѣшить мою просьбу. Тутъ она мнѣ объяснила ея гигантскій планъ—основать организированную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы, и предложила мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всего дѣла.

Никогда болѣе не видалъ я великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту для меня памятную аудіенцію. Со слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ, она нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ:

— И зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ! Давно бы ужъ ваше желаніе быть полезнымъ на полѣ битвы было исполнено! И мой планъ тогда также давно бы уже состоялся.... Ступайте же и какъ можно скорѣе приготовьтесь къ отъѣзду. Время терять не слѣдуетъ... На дняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва. Прощайте... или нѣтъ... подождите.... я еще что-то хочу вамъ сказать насчетъ организаціи моей общины... или нѣтъ.... зайдите-ка лучше завтра ко мнѣ, въ этотъ же часъ... До свиданія!

Я вышелъ и запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери той же аудіенціонной комнаты, гдѣ увидѣлъ великую княгиню, стоящую въ глубокихъ думахъ или прохаживающуюся съ волненіемъ по комнатѣ. Я скрылся, и она, къ счастію, меня не замѣтила, а мнѣ удалось по-

пасть на настоящій путь для выхода изъ ея дворца.

Но къ вечеру того же дня великая княгиня прислала мнѣ собственноручную записку, съ извѣстіемъ, что просьба моя принята, и что она приглашаетъ меня на вторую аудіенцію на другой день. Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ я, какъ она желала устроить женскую службу—перевязочными пунктами и подвижными лазаретами. Я, однако, былъ принужденъ признаться, что я только разъ въ жизни, и то лишь поверхностно, въ мое пребываніе въ Парижѣ, посѣщая госпитали, увидѣлъ тамъ женскую службу, и болѣе по инстинкту, нежели по опытности, я былъ убѣжденъ въ великомъ значеніи женскаго участія.

Конечно, женская служба въ госпиталяхъ—далеко не новое учрежденіе. Сперва въ католическихъ, а потомъ и въ протестантскихъ странахъ (пасторомъ Флиндеръ въ Кайзервертѣ, въ 1836 году, гдѣ сестры были подъ именемъ діакониссъ) была введена женская помощь: наконецъ, и у насъ это было принято (сердобольныя вдовы въ Маріинской больницѣ, община на Пескахъ и проч.). Но еще нигдѣ не было испробовано посылать женщинъ на поле битвы. Поэтому идея учредить на полѣ сраженія организированное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительныя обстоятельства тогдашней войны и отдаленіе отъ образованныхъ мѣстностей усиливали трудности этого предпріятія. Энергія великой княгини превозмогла все это,—Общество сестеръ было составлено, и нѣсколько недѣль спустя онѣ были отправлены. Можетъ, конечно, носиться слухъ въ западной Европѣ и даже у нашихъ сосѣдей пруссаковъ (какъ я это и прочелъ въ рѣчи профессора Равотъ, на собраніи нѣмецкихъ медиковъ въ Берлинѣ), будто бы миссъ Нейтингель съ 37 сестрами, «дамами высокой души», какъ называетъ ихъ профессоръ Равотъ, была первая, которая, по собственному желанію, пріѣхала въ Крымскую войну, чтобы съ сестрами взять на свое попеченіе всѣхъ больныхъ и раненыхъ, находящихся въ амбулаторіи. Мы, русскіе, не должны дозволять никому передѣлывать до такой степени историческую истину. Мы имѣемъ долгъ истребовать нашей великой княгинѣ принадлежащую ей пальму первенства въ дѣлѣ столь благословенномъ, благотворномъ и нынѣ всѣми принятомъ. И это тѣмъ легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но онѣ оказали и нравственное вліяніе на дирекцію всего госпитальнаго корпуса во время войны.

Въ октябрѣ 1854 года Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволеніе, а въ ноябрѣ того же года она находилась уже на театрѣ войны въ полной дѣятельности. О миссъ Нейтингель и о ея «высокой души дамахъ», мы въ первый разъ услыхали только въ началѣ 1855 г., когда злоупотребленія англійской военной администраціи, во время зимнихъ мѣсяцевъ 1854 года, такъ же ясно обнаружились, какъ и у насъ. Мое предположеніе передать сестрамъ и нравственную дирекцію, и контроль перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ, конечно, только послѣ этого времени получило разрѣшеніе великой княгини, но на фактѣ женщины исполняли уже эти должности съ самаго дня своего прибытія въ симферопольскіе госпитали. Уже ранѣе этого, еще не бывъ ознакомленъ съ женской службой, я убѣдился a priori, что женскій тактъ, ихъ чувствительность и независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ оффиціальная служебная контрольная коммиссія. (Вы найдете эту идею развитою въ одномъ изъ моихъ проектовъ, между вашими бумагами).

Результатъ совершенно подтвердилъ мои предположенія, и, за исключеніемъ неудачнаго выбора одной изъ сестеръ, во время организаціи общины, всѣ ихъ дѣйствія, въ отношеніи госпитальной администраціи и попе-

ченія о больныхъ, были таковы, что самые лживые языки и худшіе враги новизны не могли рѣшительно ни къ чему придраться. Даже самъ главнокомандующій арміей, князь Меньшиковъ, убѣдился, что всѣ его опасенія, какъ бы не ввести безнравственности въ госпиталяхъ чрезъ постоянное присутствіе въ нихъ женщинъ, были напрасны. Однажды, когда я былъ представленъ Меньшикову, онъ (по пословицѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ) сказалъ мнѣ, что, на его взглядъ, сестры послужатъ только для любовныхъ интригъ съ венными*. Къ счастію, за исключеніемъ одного вышеупомянутаго случая, не оказалось ни единаго безнравственнаго поступка во все время ихъ службы на ѳеатрѣ войны.

Я нимало не смотрю на современныя учрежденія женскихъ обществъ (у насъ, въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ) какъ на продолженіе старой, традиціонной идеи католиковъ: они, напротивъ того, для меня служатъ знакомъ новыхъ временъ. Конечно, въ нѣкоторой степени они по наружности сохраняютъ свой древній видъ, заведенный католиками; но современный женскій вопросъ духовно паритъ въ этихъ учрежденіяхъ. Организаторы и основатели ихъ невольно, и сами того не сознавая, способствуютъ требованію правъ уже возбужденному женскому вопросу. Этотъ столь современный женскій вопросъ есть самъ по себѣ послѣдствіе и плодъ радикальнаго стремленія нашего времени и особаго рода міровоззрѣнія. Дѣло теперь не въ эманципаціи женщинъ, о которой я мечталъ еще 30 лѣтъ тому назадъ; но настоящимъ образомъ значеніе женщинъ я постигъ только позднѣе, при управленіи общиною сестеръ и по опытамъ во время крымской кампаніи. Тамъ я могъ ежедневно убѣждаться, присматриваясь къ ихъ обдуманнымъ сужденіямъ и аккуратнымъ дѣйствіямъ, что мы не умѣемъ ни достойно цѣнить, ни разумно употреблять ихъ природный тактъ и чувствительность.

— Женщины должны только быть направляемы мужчинами, — сказала мнѣ однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общинѣ.

— Это совершенно справедливо, ваше высочество, — отвѣчалъ я:— но справедливо только до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ воспитаны по нынѣшнему и съ ними будутъ обращаться все по той же устарѣлой и безсмысленной методѣ. Но это слѣдуетъ измѣнить, и женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ.

Я постарался изложить письменно всѣ собранныя мною впечатлѣнія во время моего управленія общиной (вы это найдете въ числѣ моихъ бумагъ) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій, болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины. Но я никакъ не могъ думать, что настанетъ время, когда разрѣшеніе этого диспута насчетъ умственныхъ дарованій обоихъ половъ будетъ представлено съ нынѣшнимъ безстыдствомъ. Теперь какъ бы хотятъ стереть всѣ признаки, отличающіе качества мужскія и женскія,—хотятъ всѣхъ остричь подъ одну гребенку.

Такой переходящій границы радикализмъ есть только плодъ не менѣе рѣзкаго современнаго міровоззрѣнія. Наше міровоззрѣніе должно быть ясно,—говорятъ теперь,—но въ сущности, и само нынѣшнее міровоззрѣніе не только не ясно, но оно даже есть чистая абстрактная мечтатель-

* Въ письмѣ къ д-ру К. К. Зейдлицу изъ Севастополя Н. И. Пироговъ подробнѣе говоритъ объ отношеніи князя А. С. Меньшикова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ къ участію женщинъ въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ. См. „Севастопольскія письма“ Н. И. Пирогова, изданныя подъ ред. д-ра Ю. Г. Малиса въ 1907 году (стр. 192). Въ „письмахъ“-же къ женѣ, изъ которыхъ составилась указанная книга, Н. И. много мѣста удѣляетъ самой дѣятельности сестеръ милосердія. С. Ш.

ность, какъ всѣ воззрѣнія натуральной философіи, по которой мы должны принимать за вѣрное, что природа «полна жизни», но живетъ безъ предварительнаго плана и безъ мысли, въ соединеніи съ существомъ сознательнымъ, понимающимъ и имѣющимъ цѣль сохраненія своего бытія. Слѣпой случай составляетъ третье лицо этой уродливой троицы. Чувствующій и мыслящій элементъ, стало быть, получаетъ жизнь изъ такого источника, который самъ въ себѣ не имѣетъ принципа жизни и самосознанія. Какая же жизнь можетъ находиться въ такомъ жизненномъ источникѣ природы? Откуда же взялись наши высшія умственныя дарованія, когда наначальный источникъ,—сама природа и ея агентъ, случай,—безъ жизни, безъ мысли и безъ чувства? Матеріальный человѣкъ содержитъ въ себѣ, какъ извѣстно, только то, что содержитъ природа. По этому ученію, всѣ высшія дарованія человѣка—не что иное, какъ плоды случайнаго сочетанія извѣстныхъ атомовъ, и больше ничего. И потому слюна, желчь, испражненіе—не что иное, какъ отдѣленіе работающаго мозга. Но существуетъ, стало быть, нѣкій сознательный и мыслящій элементъ, который беретъ свое начало не въ общемъ источникѣ жизни—природѣ, а только въ мозгу человѣческомъ. Тутъ уже просто молчитъ всякій здравый смыслъ человѣка. Наши создатели—природа и случай—даруютъ намъ то, чѣмъ они сами не одарены, и именно тѣмъ, что можно считать наидрагоцѣннѣйшимъ, что изъ насъ дѣлаетъ создателей (называется ли это матеріей, или духомъ—все равно) и посредствомъ чего мы познаемъ самую природу и случай. Къ концу концовъ выходитъ такъ: постижимое исходитъ изъ непостижимаго, и непостижимое сотворимо. Это знали мы и ранѣе, но, по неограниченности нашего ума, мы полагали, что эта непостижимая создательная сила заключаетъ въ себѣ всѣ наши духовныя силы, только въ наивысшей степени. Наше заблужденіе было, по крайней мѣрѣ, утѣшительное.

Такъ какъ матеріальное міровоззрѣніе легкомысленно признаетъ основаніемъ всякаго знанія одни чувственныя доказательства, то мнѣ совершенно непонятно, почему современные мыслители ставятъ одно только знаніе на высокій пьедесталъ, а всѣ остальныя, изъ той же чувственности исходящія чувства, дарованія и способности оцѣняютъ такъ слабо. Изъ этого я заключаю, что наша эманципація, которая есть плодъ того же или подобнаго сему міровоззрѣнія, ставитъ женщинъ не болѣе, какъ на равную степень съ мужчинами. Но если женщины обладаютъ одинаковыми съ мужчинами способностями къ знанію, то по ихъ высшей способности къ чувствованію (если чувствованіе—источникъ знанія) имъ слѣдовало бы стоять ступенью выше, чѣмъ мужчины. Такъ же неосновательно кажется мнѣ, что радикательные мыслители, будучи врагами всякаго автократизма, признаютъ, однако, полную гегемонію разума надъ всѣми прочими духовными способностями. Если мы, русскіе, смотримъ на разумъ (или, вѣрнѣе, на разсудокъ) какъ на «царя въ головѣ», то съ нашей стороны это только независящее отъ насъ послѣдствіе пережитыхъ нами историческихъ испытаній, тогда какъ со стороны секты радикаловъ это—чистая непослѣдовательность. Изъ этого видно, что мы, т.-е. родъ человѣческій, нимало не послѣдовательныя существа, и что вся наша строго выработанная послѣдовательность ведетъ насъ только къ тому, что французы такъ вѣрно называютъ «aveuglement logique». Одинъ математикъ, онъ одинъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдователенъ, потому что онъ своими аксіомами создалъ себѣ крѣпкій оплотъ,—во всѣхъ же другихъ случаяхъ мы должны чуть не колотиться головой объ стѣну, чтобы совершить послѣдовательно что-нибудь задуманное логично, и наше логическое ослѣпленіе на практикѣ иногда едва ли не вреднѣе, чѣмъ необузданность фантазіи и страстей. Инстинктъ, побуждающій насъ искать счастія, и стремленіе нашихъ духовныхъ способностей къ достиженію внутренней

гармоніи чувствъ, постоянно возмущаются противъ нападокъ деспотическаго разсудка, и нерѣдко мы принуждены даже избрать себѣ какъ щитъ мистическій элементъ.

Въ женскомъ вопросѣ позабыть также, или, вѣрнѣе, совершенно игнорировапъ давнишній, но столь естественный родъ воззрѣнія, по которому «человѣкъ» есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины, и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, по обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Что наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвратить имъ съ лихвой. Это справедливо и недорого обойдется. Притомъ, мы не должны забывать, что цѣль и путь къ цѣли—одни и тѣ же для мужчинъ и для женщинъ, но способы, употребляемые для совершенія этого труднаго пути, должны быть различные, если мы желаемъ быть полезными и пріятными одинъ другому.

Я всегда былъ и останусь искреннимъ поклонникомъ свободнаго слова и свободы въ изслѣдованіи, и я это въ моей жизни доказалъ достаточно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я и поклонникъ того, что такъ осмѣяно Карломъ Фохтомъ и названо имъ «двойною бухгалтеріею» жизни. Если это дѣло и непослѣдовательное, то оно потому-то вслѣдствіе нашей врожденной непослѣдовательности, необходимо. Я желаю свободно изслѣдовать и свободно говорить въ наукѣ, но въ примѣненіи результатовъ изслѣдованія я хочу дѣйствовать ограниченно и болѣе консервативно, такъ какъ гораздо легче уничтожить старое дурное, чѣмъ замѣнить его лучшимъ новымъ. Ни инстинктъ самосохраненія, ни безрадостное знаніе, ни жажда наслажденій, не сдѣлаютъ намъ жизнь сноснѣе, и какъ только мы запишемъ себя въ мірской метрикѣ незаконными дѣтьми природы и случая, намъ въ удѣлъ достанется одно отчаяніе. Конецъ тогда и нашему человѣческому достоинству, конецъ и нашимъ высшимъ стремленіямъ, лишь только мы признаемъ упомянутую прелестную чету за нашихъ родителей. Наше легкомысліе можетъ насъ только минутно успокоить, какъ наркотическое средство, но мистическій, врожденный намъ элементъ выпустить всѣ темныя силы нашего духа,—и начнется реакціонная борьба на жизнь и на смерть.

Вотъ по моему убѣжденію, какое будетъ послѣдствіе этого темнаго, безрадостнаго міровоззрѣнія, если только оно не послужитъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ, какъ плодъ свободнаго изслѣдованія, а прямо будетъ принято за новый фундаментъ общественнаго строенія.

Не удивляйтесь, что я такъ ревностно возстаю противъ такого мрачнаго міровоззрѣнія: я дѣйствую какъ дезертиръ очень сходнаго этому воззрѣнія, которому я, къ несчастію, поклонялся въ года моей юности. Любовь, страданіе и прожитые годы принесли мнѣ лучшія убѣжденія. Я, наконецъ, увѣровалъ, что мой Богъ —не безчувственное и безумное существо, которое, будто, даже ниже моего достоинства. Я чувствовалъ себя, въ числѣ милліоновъ моихъ ближнихъ, какъ достаточный esprit fort, чтобы отказаться отъ врожденныхъ сладкихъ утѣшеній и душевныхъ возбужденій, и мнѣ было непріятно призывать на помощь эти чувства хотя бы только въ минуты томленія отъ жизненной суеты.

Связано ли современное стремленіе къ метаморфозѣ женщинъ съ тѣмъ возмутительнымъ міровоззрѣніемъ (а мнѣ кажется, что это такъ), или мы должны взирать на женскій вопросъ какъ на неизбѣжную реакцію нашего невѣжества, неумѣнія, цѣнить и понимать превосходства женской натуры, но вѣрно то, что наше теперешнее «Общество сестеръ» не есть подражаніе древнимъ его предшественникамъ. Поэтому нельзя въ нихъ находить ни типа католическаго, ни протестантскаго, ни даже православнаго мистически-религіознаго чувства. Сестры ступили первый шагъ къ практической резолюціи женскаго вопроса.

Когда я переношусь назадъ, къ моменту развитія общины сестеръ, учрежденной великой княгиней, то я вижу ясно, что основная мысль ея жизни — практическая дѣятельность

женщинъ—была здѣсь приложена во всей полнотѣ. Крымская война доставила достаточно случаевъ для испытанія пользы отъ женской общины. Но чувствовался недостатокъ въ условіяхъ, которыя необходимы для солиднаго и продолжительнаго существованія общины. Самая дѣятельность женщинъ на полѣ битвы была слишкомъ бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишкомъ ничтожны для того, чтобы ихъ можно было раздѣлить ровно и съ пользой. Наша покойная великая княгиня справедливо полагала, что прибытіе сестеръ на театръ войны—лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства. Она пожелала поэтому, чтобы я въ самомъ скорѣйшемъ времени доставилъ женщинамъ занятія въ осажденной крѣпости. Таково было и мое собственное намѣреніе. Но когда, по пріѣздѣ своемъ въ Севастополь (1854 года, въ октябрѣ), я увидалъ, что медицинское пособіе и хожденіе за страдальцами нужнѣе въ лазаретахъ и баракахъ, чѣмъ на перевязочныхъ пунктахъ, то я рѣшилъ—всю пріѣхавшую общину занять дѣломъ въ Симферополѣ (1854 года, въ ноябрѣ). Здѣсь я и оставилъ ихъ съ ихъ начальницей (Стаховичъ) и распредѣлилъ по разнымъ лазаретамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ во всѣхъ публичныхъ зданіяхъ и во многихъ частныхъ домахъ въ Симферополѣ засталъ я въ это время (октябрь—декабрь 1854 года) нѣсколько тысячъ раненыхъ, послѣ битвы при Альмѣ, Инкерманѣ и послѣ первой бомбардировки. Несчастные, наполнявшіе дома, были лишены почти всякаго ухода. Многіе валялись безъ матрацовъ, въ грязнѣйшемъ бѣльѣ, на грязномъ полу, безъ всякаго разбора и безъ присмотра. Воздухъ былъ страшно испорченъ, раны смрадны и воспалены. Недоставало ни умовъ, ни рукъ, чтобы хоть немного привести весь этотъ невообразимый хаосъ въ извѣстность и въ порядокъ. Между тѣмъ сюда же ежедневно привозили новыхъ раненыхъ изъ Севастополя, тогда какъ на перевязочныхъ пунктахъ принимали очень малое число раненыхъ (послѣ 2-го ноября долго длилось спокойствіе со стороны осаждающихъ и осажденныхъ), и то ихъ отсылали тотчасъ для перваго пособія въ разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, безъ присмотра, службу въ госпиталяхъ занятіямъ на перевязочныхъ пунктахъ, подъ глазами начальства. Но медики, не подчиненные, находили болѣе полезнымъ и для нихъ болѣе поучительнымъ дѣйствовать въ баракахъ сѣвернаго пункта. Эти бараки мы нашли тоже переполненными и чуть-ли не зачумленными. Я зналъ впередъ, что, принявъ свое рѣшеніе насчетъ первой прибывшей партіи сестеръ, я поступаю несогласно съ воззрѣніями великой княгини, но, несмотря на то, я взялъ на себя всю отвѣтственность и спокойно выжидалъ пріѣзда второй партіи сестеръ, которая прибыла въ Севастополь послѣ Рождества 1854—1855 года, имѣя во главѣ Бакунину и Тарасова. Пріѣздъ этой второй партіи совпалъ какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда осада снова стала ожесточеннѣе. Я тогда взялъ на себя, попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Севастополѣ (Дворянское Собраніе) и о всѣхъ лазаретахъ въ Николаевскихъ казармахъ и разныхъ партикулярныхъ домахъ города. Я тотчасъ же распредѣлилъ на всѣ мѣста извѣстное число сестеръ и медиковъ. До этой минуты мнѣ не случалось почти совсѣмъ быть въ столкновеніи съ оберъ-медиками; но когда я на себя взялъ попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталяхъ, сейчасъ же начались разныя контры между мной и администраціей. Теперь никто себѣ представить не можетъ всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго оффиціальнаго, администрировавшаго, медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведетъ учрежденный мною нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями госпитальныхъ порядковъ. Дѣла эти были поручены мною с е с т р а м ъ,

женщинамъ и моимъ собственнымъ помощникамъ. Это смутило гг. администраторовъ, и они стали громко роптать на превышеніе власти (съ моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманію генераловъ Сакена и Васильчикова я обязанъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ интриги, за сестрами былъ удержанъ весь надзоръ надъ госпиталями. Е. М. Бакунина вела всѣ дѣла присмотра за уходомъ больныхъ съ такимъ тактомъ, энергіей и совѣстливостью, что полученный успѣхъ оказался блестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ. Она заботилась наравнѣ съ сестрами о доставленіи больнымъ надлежащей порціи пищи, и непремѣнно хорошаго качества; она смотрѣла за чистотой и смѣной бѣлья, за прачешными, за частой перемѣной соломы въ матрацахъ, и неотступно требовала отъ госпитальной администраціи всего, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и другихъ медиковъ предписанія, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмѣшательство и такая дѣятельность женщинъ не могли быть пріятны господамъ командирамъ и оффиціальнымъ инспекторамъ...

Въ началѣ марта 1855 года первая партія сестеръ, потерпѣвшая начальную тифозную эпидемію, перенеслась также изъ Симферополя въ Севастополь. Я встрѣтилъ начальницу Стаховичъ, еще не совсѣмъ оправившуюся отъ трехъ-недѣльнаго тифа,—въ слабости силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Я опасался болѣе всего столкновеній между такими двумя различными характерами, какъ Стаховичъ и Бакунина, и потому я уговорилъ первую помѣститься съ своей партіей на сѣверной сторонѣ, въ морскомъ госпиталѣ. Мартъ мѣсяцъ 1855 года былъ изобиленъ боевыми подвигами. Ночная атака непріятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинскій и Волынскій, обременили насъ тысячами тяжело раненыхъ, а наша администрація, какъ всегда, была мало подготовлена къ встрѣчѣ событій. Въ эту ночь (?) въ морскомъ госпиталѣ (раненые были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма. Въ полумракѣ отъ недостаточнаго освѣщенія медики работали въ темнотѣ и въ тѣснотѣ, среди страдальцевъ, валявшихся гдѣ попало; а тѣснота еще увеличивалась отъ постояннаго приноса новыхъ раненыхъ. Всѣ тутъ такъ долго и такъ много трудились, что, наконецъ, всѣ (а число ихъ было невелико) утомились донельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другимъ. Въ эту же ночь и въ два слѣдующіе дня перенесли отсюда почти половину раненыхъ на перевязочный пунктъ. Къ счастію, я съ самаго начала взялъ себѣ за правило, когда вдругъ разомъ нахлынетъ большое число раненыхъ, распредѣлять медицинскую помощь въ строго учрежденномъ порядкѣ,—чего и достигалъ сортированіемъ и раздѣленіемъ раненыхъ на категоріи. И еще не меньшимъ счастіемъ было то, что нашъ перевязочный пунктъ (Дворянское Собраніе) къ этому времени былъ отлично приготовленъ для принятія раненыхъ. Въ объясненіе этому, я долженъ сказать, что когда я, въ январѣ 1855 года, рѣшился занять эту квартиру, то я нашелъ это хорошее зданіе переполненнымъ людьми, сбитыми въ самой испорченной атмосферѣ. Порча воздуха была ужасна, и она явилась вслѣдствіе несчастной лѣни моего предшественника, который оставлялъ тутъ всѣхъ людей, перешедшихъ черезъ операціи (вмѣсто того, чтобы отсылать въ другіе госпитали). Отъ чрезвычайнаго переполненія въ комнатахъ между больными открылись антоновъ огонь и рожа, а также и другія госпитальныя заразы. Поэтому я принужденъ былъ выслать всѣхъ изъ дому, и нѣсколько недѣль производилъ въ немъ усиленную вентиляцію. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда зданіе перевязочнаго пункта было достаточно очищено и приготовлено. Тогда, по установленнымъ мною правиламъ, я тотчасъ раздѣлилъ сво-

ихъ медиковъ и сестеръ на четыре группы. Изъ нихъ первая была обязана сортировать раненыхъ по роду и по градусу болѣзни; принимать отъ нихъ деньги и вещи, имъ принадлежащія, и тѣхъ, которымъ слѣдовало сдѣлать немедленную операцію, тотчасъ передавать второй группѣ помощниковъ; легко раненыхъ же (для избѣжанія тѣсноты на перевязочномъ пунктѣ) тотчасъ послѣ поданія помощи отсылать въ другіе лазареты или возвращать въ ихъ полки. Вторая группа должна была принимать отъ первой раненыхъ для немедленной операціи, и тотчасъ же переносить ихъ въ смежную залу перевязочнаго пункта. Третья группа занималась уходомъ за ранеными, которымъ должно было дѣлать операціи только на слѣдующій день или даже позднѣе. Четвертая группа, состоящая изъ однѣхъ сестеръ и одного священника, была назначена для безнадежно больныхъ и умирающихъ, которымъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертныя утѣшенія. Наконецъ, двѣ сестры (хозяйки) были озабочены только тѣмъ, чтобы раздавать усталымъ и проголодавшимся или жаждущимъ раненымъ кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизію и должны были имѣть всегда все нужное на-готовѣ.

Когда весь этотъ порядокъ понемногу и безъ труда былъ введенъ въ перевязочномъ пунктѣ, тотчасъ же прекратились случаи изнеможенія и обмороковъ у самихъ служащихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ почти не стало и смраднаго запаха въ залахъ. Не всякій можетъ себѣ представить, какъ это важно, а между тѣмъ безъ этого легко потерять голову и силы отъ желанія и отъ невозможности подать помощь всѣмъ безъ разбора раненымъ, которые нетерпѣливо вопіютъ о помощи. Въ этой суетнѣ, того и гляди, что отъ утомленія и тормошенія во всѣ стороны какъ разъ упустишь изъ виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операція, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который могъ бы еще обождать, или который даже и вовсе въ тебѣ не нуждается. Медики и сестры перестали съ этого времени, при всякомъ сильномъ наплывѣ раненыхъ, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже прежде всего къ тѣмъ, которые громче другихъ кричатъ и стонутъ, такъ какъ крики и стоны не всегда указываютъ на особенную тяжесть ранъ и увѣчья. Съ марта мѣсяца до моего отъѣзда въ Петербургъ (въ іюнѣ 1855 года) сестры продолжали соблюдать всѣ мои правила въ наистрожайшемъ порядкѣ, да и послѣ, насколько я могъ узнать, сестры не переставали дѣйствовать такъ же. Въ этомъ періодѣ времени община сестеръ была въ непрестанныхъ трудахъ по лазаретамъ, а кромѣ того онѣ оказали благотворную помощь еще въ слѣдующихъ необыкновенныхъ случаяхъ: 1) во время ночныхъ атакъ противъ новыхъ редутовъ онѣ работали на перевязочномъ пунктѣ въ морскомъ госпиталѣ и въ баракахъ сѣверной стороны (мартъ); 2) во время другихъ, менѣе сильныхъ ночныхъ атакъ (мартъ); 3) во время ужаснаго бомбардированія на второй день Пасхи (апрѣль), которое продолжалось безъ отдыха всю недѣлю, гремя день и ночь, и посылало намъ на перевязочный пунктъ тысячами однихъ тяжело-раненыхъ. Въ это же время самое зданіе, гдѣ мы помѣщались (Дворянское Собраніе), само не разъ получало бомбы съ непріятельскихъ кораблей. Раны почти всѣ представляли страшные разрывы членовъ отъ бомбъ большого калибра. Отъ 150 до 200 ампутацій и другихъ тяжелыхъ операцій случалось исполнять каждый день, имѣя ассистентами однѣхъ сестеръ. Всѣ квартиры въ севастопольскихъ казармахъ, всѣ лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжело-раненыхъ, только-что перенесшихъ операціи, или умирающихъ; 4) во время одной сильной атаки непріятеля на наши отдаленныя траншеи (апрѣль); 5) въ непрестанныхъ атакахъ и взрывахъ минъ нашихъ четырехъ бастіоновъ, откуда также мы получали

однихъ тяжело - раненыхъ при взрывахъ (мартъ и апрѣль); 6) при невѣроятномъ транспортѣ, гдѣ везли 500 раненыхъ, только-что получившихъ операцію, и это было учинено вслѣдствіе неожиданнаго и, смѣю сказать, нелѣпаго приказанія, которое было прислано намъ черезъ пароходъ изъ Николаевской батарейной казармы. Когда всѣ эти пятьсотъ страдальцевъ (отъ бомбардированія на Пасхѣ)—съ величайшимъ трудомъ и попеченіемъ со стороны медиковъ и сестеръ—были поспѣшно высланы въ назначенное имъ начальствомъ мѣсто, то оказалось, что тамъ, куда ихъ повезли, не существуетъ даже никакого приготовленнаго зданія для ихъ принятія... И вотъ всѣхъ этихъ трудно-оперированныхъ свалили зря, какъ попало, въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними... Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ... А когда кто нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь. Отъ 10 до 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день. Здѣсь помощь и трудъ сестеръ оказались неоцѣненными. Стоя въ лужахъ на колѣняхъ предъ больными, наши женщины подавали посильную помощь, въ которой онѣ сами нуждались... И такъ онѣ трудились денно и нощно. Въ сырыя ночи эти женщины еще дежурили, и, несмотря на свое утомленіе, онѣ не засыпали ни на минуту, и все это подъ мокрыми насквозь палатками. И всѣ такія сверхчеловѣческія усилія женщины переносили безъ малѣйшаго ропота, съ спокойнымъ самоотверженіемъ и покорностью. Въ доказательство полнаго самозабвенія сестеръ при подаваніи помощи, слѣдуетъ здѣсь сказать, что десять изъ этихъ женщинъ не выдержали госпитальной заразительности, и сами поплатились жизнью. 7) Во время одного непріятельскаго нападенія на Камчатскій редутъ, попеченія о раненыхъ со стороны нашихъ медиковъ и сестеръ обнаруживались хотя и съ ревностью и неутомимостью, но были слабы въ результатѣ. Это произошло отъ недостатка въ средствахъ помощи (опять по винѣ администраціи), такъ какъ большая часть раненыхъ (тысячи двѣ) не тотчасъ была перенесена на перевязочный нашъ пунктъ. Почти всѣ раненые валялись на улицѣ всю ночь, а потомъ только часть изъ нихъ перенесли въ бараки на сѣверную сторону. Здѣсь дѣйствовала Стаховичъ съ своей партіей сестеръ, но въ этихъ баракахъ недоставало мѣста для произведенія операцій. 8) Наконецъ, съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до іюня, такъ какъ около этого времени осада съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе и дѣятельнѣе, и раненые почти со всѣхъ бастіоновъ присылаемы были на нашъ перевязочный пунктъ (Дворянское Собраніе), то и здѣсь дежурныя сестры были завалены работою, особенно прикладываніемъ бандажей при совершеніи операцій, отъ 20 до 30 въ день. Въ это же время я назначилъ также нѣкоторыхъ сестеръ для попеченія о раненыхъ на новомъ мѣстѣ, въ устроенномъ мною госпиталѣ-палаткѣ, изъ двойного солдатскаго сукна и изъ клеенки. Это учрежденіе на 30 кроватей, безъ тѣсноты, было сдѣлано на деньги, пожертвованныя графомъ Віельгорскимъ.

Въ іюнѣ я поѣхалъ въ Петербургъ, въ сентябрѣ же 1855 года снова вернулся въ Севастополь. Тамъ засталъ я множество раненыхъ, послѣ штурмованія Малахова Кургана (дней пять послѣ битвы). Несчастные раненые кучами лежали въ палаткахъ на сѣверной сторонѣ, а другихъ приготовляли къ отсылкѣ въ Симферополь или въ Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянскихъ телѣгъ.

Вторженіемъ своимъ въ крѣпость на сѣверной сторонѣ непріятель понудилъ общину сестеръ разбрестись съ мѣстъ, которыя онѣ тамъ занима-

ли, и я тотчасъ распредѣлилъ ихъ по разнымъ госпитальнымъ палаткамъ, заботясь прежде всего о томъ, чтобы не допустить, насколько возможно, никакихъ столкновеній между г-жею Стаховичъ и Бакуниной. Несогласіе этихъ двухъ особъ дошло, какъ я это скоро замѣтилъ, до высшаго градуса. Къ счастью, почти въ одно время со мной прибыла изъ Одессы покойная Хитрово. Обсудивъ натянутыя отношенія и совсѣмъ различные характеры обѣихъ начальницъ, она взяла сторону Бакуниной и вскорѣ, по желанію великой княгини, приняла главное управленіе общиной на себя. Сдѣлала это она не совсѣмъ охотно. Послѣ того Хитрово принялась распредѣлять всѣхъ сестеръ къ занятіямъ, отвѣчавшимъ ихъ личнымъ способностямъ.

Первый выборъ большей части сестеръ не могъ, конечно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, быть вполнѣ удачнымъ. Онѣ преимущественно были набраны въ Петербургѣ, притомъ съ большою поспѣшностью. Нѣкоторыя изъ нихъ были безъ всякаго образованія; напримѣръ, одна все твердила, что «слѣдуетъ намъ тотчасъ отправляться въ Англію, чтобы наказать проклятыхъ англичанъ за ихъ дерзость», и когда я ей растолковалъ, что Англія—островъ, то она отвѣчала: «Что-жъ за важность, что островъ,—какъ-нибудь да все-таки подойдемъ». Одна оконфузила себя самымъ легкимъ поведеніемъ, хотя, между тѣмъ, показывала себя всегда очень смышленой и дѣятельной женщиной. Другая—за все про все, кстати, и некстати, повторяла заученныя ею слова: «Я съ крестомъ и за Христа», что, впрочемъ, не мѣшало ей иногда страдать delirium tremens отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. У двухъ сестеръ было подмѣчено стремленіе къ платонической взаимной любви. Одна монашенка, довольно образованная, изъ дворянокъ, отличалась невыносимымъ талантомъ къ смутьянству и сплетнямъ. Темный невѣжда и злой интриганъ монахъ былъ данъ въ священники и въ духовные отцы всей женской общинѣ... Ко всему этому надо прибавить, что одна изъ начальницъ хотя на видъ казалась очень présentable, но въ сущности имѣла настоящую чиновническую натуру. А, все-таки, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, поведеніе сестеръ съ медиками и ихъ помощниками было примѣрное и достойное уваженія; обращеніе ихъ съ страждущими было самое задушевное, и вообще всѣ дѣйствія сестеръ, при уходѣ за больными, сравнительно съ поведеніемъ госпитальной администраціи, должны быть названы не иначе, какъ благородными. И замѣчательно, что самыя простыя и необразованныя изъ нихъ выдѣляли себя болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Многія изъ нихъ пали жертвами прилипчивыхъ госпитальныхъ болѣзней. Одна изъ нихъ, простая, но богопочтительная и прямодушная женщина, завѣдывала категоріей тяжело раненыхъ и безнадежныхъ къ излѣченію (солдаты звали ее: «сестричка» par excellence). Она удивительно умѣла своими простыми и трогательными молитвами у одра страдальцевъ успокоивать ихъ мучительныя томленія. Другая сестра, также простая и необразованная, посѣщала по собственному желанію наши форты и была извѣстна какъ героиня. Она помогала раненымъ на бастіонѣ, подъ самымъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Такъ, надо признаться, что наша община сестеръ вполнѣ достигла своей цѣли. Она почти, можно сказать, была съимпровизирована бѣдствіями военнаго времени, и поэтому имѣла свои слабыя стороны; но, несмотря на то, она отличалась въ уходѣ за ранеными и больными, презирая всѣ злоупотребленія администраціи, всѣ опасности войны и даже самую смерть. Залогъ этого замѣчательнаго явленія неоспоримо лежитъ въ кипучей дѣятельности и нервномъ возбужденіи въ военное время; изобиліе дѣла замѣняло недостающую въ общинѣ духовную силу и не совсѣмъ отличную организацію. Да послужитъ это урокомъ будущимъ основателямъ. Не абстрактный принципъ, не воз-

вышенное побужденіе сердца, а непрестанная и хорошо распредѣленная дѣятельность—вотъ главное условіе, которое надо имѣть при устройствѣ современныхъ общинъ. Старое правило: ora et labora—должно служить здѣсь девизомъ. Независимо отъ сего, для полезной организаціи общины, разумѣется, необходимъ разсудительный выборъ начальственнаго персонала. Наша община, съ самаго начала, получила трехъ начальницъ, и въ подробной исторіи этого учрежденія видно, какую важную роль онѣ играли.

Е. М. Бакунина, какъ уже было сказано, приняла управленіе общиной тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стаховичъ съ своими сестрами, Бакунина отказалась отъ управленія. Стаховичъ, какъ оффиціальная начальница общины, занималась гораздо болѣе администраціей общины, чѣмъ распредѣленіемъ и ученіемъ, какъ обходиться съ ранеными. Бакунина, напротивъ, тотчасъ съ увлеченіемъ предалась всецѣло служенію больнымъ и съ полнымъ самоотверженіемъ несла эту тяжелую службу. Она сдѣлалась примѣромъ терпѣнія и неустаннаго труда для всѣхъ сестеръ общины.

Неоцѣнимо было особенно то, что вся ея личность дышала истиной, что полная гармонія царствовала между ея чувствами и ея дѣйствіями. Она точно составляла слитокъ всего возвышеннаго. Чѣмъ болѣе встрѣчала она препятствій на своемъ пути самозабвенія, тѣмъ болѣе выказывала она ревности и энергіи. Она покорялась только тому, въ чемъ могла убѣждаться сама, обсудивъ полезную сторону всякаго дѣла; поэтому всѣ ея дѣйствія были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что неспособна, по своимъ идеямъ, влiять на общину съ религіозной точки зрѣнія. Это доказываетъ ея письмо (которое вы найдете вмѣстѣ съ отвѣтомъ моей жены въ моихъ бумагахъ). Письмо это она написала мнѣ изъ Франціи, и говоритъ въ немъ, какъ притягательно подѣйствовалъ на нее мистическо-религіозный элементъ старо-католическихъ учрежденій. Она съ восторгомъ внимала аккордамъ и чувствовала въ одно и то же время, что эта музыка ей чужда.

Иной духъ одушевлялъ покойную Е. А. Хитрово. Когда наша община (въ Симферополѣ, нъ концѣ сентября-декабря 1855 года) побыла подъ дирекціей этихъ двухъ женщинъ, я могъ ясно замѣтить разницу въ направленіи умовъ въ сестрахъ и придти къ убѣжденію, что раціонально-практическое міровоззрѣніе одной такъ же сильно и благотворно вліяло на дѣйствія сестеръ общины, какъ и формально-мистическое воззрѣніе другой. Это сравненіе невольно напоминаетъ мнѣ евангельскихъ Маρѳу и Марію: онѣ обѣ принадлежали къ малому стаду Христа, что намъ доказываетъ, что Онъ принимаетъ и высоко-практичную тенденцію жизни, и глубоко-религіозное чувство. Е. А. Хитрово принадлежала, однако, къ тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя способны соединять въ себѣ мистически-религіозное воззрѣніе съ формальнымъ и практически-полезную тенденцію съ возвышенными духовными чувствами. Поэтому-то она и была въ состояніи внушить смятенному элементу общины болѣе ровное религіозное направленіе. Слѣдующія ея слова, которыя она мнѣ однажды сказала, характеризуютъ отлично ея духовное настроеніе:

— Я искреннѣе и горячѣе молюсь въ бѣдной сельской церкви, слушая простое, монотонное пѣніе дьячка, чѣмъ въ пышномъ храмѣ и при торжественной обстановкѣ.

По ея наружности и манерамъ, она мнѣ сперва показалась чѣмъ-то въ родѣ монашенки; но ея образованность, практическій умъ и мистически-религіозное направленіе высказывались съ такой гармоніей во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, что жесткое, формально-аскетическое, монастырское существо никогда не выступало наружу. Позднѣе я слышалъ въ Одессѣ, что нѣкоторые приписывали этому благородному характеру извѣстную долю лицемѣрія; но что касается меня, то Е. А. Хитрово напоминаетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другую

очень извѣстную и очень достойную уваженія личность, именно покойную г-жу Тучкову, біографія которой недавно напечатана. Онѣ, вѣрно, были очень похожи одна на другую.

Какъ только Стаховичъ съ нѣкоторыми, ни на что негодными и утомленными трудами, сестрами отправлена была отъ насъ (въ концѣ сентября-октября 1855 года) и Е. А. Хитрово вмѣстѣ съ Е. М. Бакуниной взялись за дирекцію общины, тотчасъ же въ сестрахъ обнаружилось вліяніе совсѣмъ иного духа. Вскорѣ водворились тишина, порядокъ и строго установленная дѣятельность во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Когда же, наконецъ, прибыла и третья значительная личность нашей общины, Е. П. Карцева, съ нѣкоторыми новыми сестрами и прямо въѣхала въ Симферополь, гдѣ приняла дирекцію одной партіи сестеръ, то ужъ была введена настоящая гармонія въ воззрѣніяхъ и въ дѣйствіяхъ общины. Е. П. Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнѣе Хитрово и Бакуниной, притомъ она молчаливаго и тихаго нрава, показала, однако, что у нея много такта, послѣдовательности и особенной самостоятельности въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей. Попеченіе о больныхъ, надсмотръ и контроль госпитальной прислуги ведены были этими тремя личностями съ такою бдительностью и энергіей, что ихъ дѣйствія невольно повліяли на всѣхъ членовъ госпитальной администраціи, и всѣ отношенія къ общинѣ существенно измѣнились. Съ этой поры никто уже не осмѣливался дозволять себѣ неумѣстныхъ выраженій насчетъ контрольныхъ дѣйствій сестеръ, и даже лица изъ высшаго военнаго круга не осмѣливались, какъ бывало ранѣе, шутить надъ «небесно-голубыми глазами». А въ присутствіи Стаховичъ генералъ Х. однажды сказалъ одной хорошенькой сестрѣ: «Ваша голубая лента на шеѣ и ваши голубые глазки напоминаютъ мнѣ о небѣ».

Симферопольскіе лазареты и бараки были наполнены ранеными послѣ штурма Малахова, и межъ ними царствовали тифъ и кровавый поносъ. В. И. Тарасовъ и новые прибывшіе со мной въ сентябрѣ 1855 года медики способствовали улучшенію отношеній общины съ госпитальной администраціей. Они старались придать болѣе вѣса участію женщинъ, чтобы возвысить ихъ въ глазахъ администраціи. Я желаю назвать изъ этихъ медиковъ покойнаго Беккерса и горячо рекомендованнаго имъ мнѣ Боткина (С. П.), изъ Москвы.

Я заботился, насколько могъ, съ пользой распредѣлить сестеръ съ этими, подъ моей командой находящимися, молодыми врачами по разнымъ лазаретамъ. Присланныхъ же мнѣ покойной Императрицей «сердобольныхъ» я долженъ былъ, по желанію великой княгини, занять совершенно отдѣльно отъ сестеръ. Такимъ образомъ въ городскихъ лазаретахъ дѣйствовали Е. А. Хитрово и Е. М. Бакунина съ Тарасовымъ, Хлѣбниковымъ и другими врачами. На другой половинѣ симферопольскихъ госпиталей дѣйствовали сердобольныя съ военными медиками. Е. П. Карцеву съ Боткинымъ и еще нѣсколько молодыхъ врачей я занялъ въ баракахъ, лежащихъ внѣ города. Это былъ лучшій періодъ существованія общины во всей ея исторіи, и я не знаю, пережила ли она позднѣе такой чудный періодъ времени! Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную Е. А. Хитрово: распредѣленіе сестеръ по разнымъ мѣстностямъ и сопровожденіе транспортовъ больныхъ въ Перекопъ. По желанію великой княгини, мы устроили отдѣленія общины въ госпиталяхъ Перекопа въ овчарняхъ), Херсона и Николаева и отдали ихъ подъ надзоръ Хитрово и избранныхъ ею старшихъ сестеръ. Но, чтобы совершить большой транспортъ (въ ноябрѣ 1855 года) и при невыгодныхъ условіяхъ климатическихъ, я предложилъ Бакуниной принять на себя сопровожденіе и дирекцію онаго, вмѣстѣ съ попеченіемъ о транспортируемыхъ. Я зналъ, что она, насколько возможно, сумѣетъ облегчить страдальцамъ ихъ горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложеніе и исполнила его съ полнымъ самопожертвованіемъ. Въ боль-

шихъ сапогахъ и въ бараньемъ тулупѣ она тащилась пѣшкомъ по глубокой грязи (перекопская грязь — nota bene) и сопровождала мужицкія телѣги, биткомъ набитыя больными и ранеными; она заботилась, насколько было возможно, о страдальцахъ и ночевала съ ними въ грязныхъ, холодныхъ этапныхъ избахъ.

Старыя злоупотребленія администраціи, однако, не прекратились съ занятіемъ Севастополя. Недоставало множества необходимыхъ предметовъ, въ особенности въ то время, когда зима подошла къ дверямъ и повальныя болѣзни (тифъ, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и госпитали не оказались довольно просторными для принятія всѣхъ заболѣвавшихъ эпидеміей. Множество больныхъ опять было помѣщено подъ холодными госпитальными палатками. Тутъ оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестеръ были холодны, сыры и совершенно не имѣли вентиляціи. Администрація же, какъ всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительнымъ, и очень неохотно отпускала намъ дрова, теплыя платья и горячія кушанья. Я долженъ былъ неустанно жаловаться, требовать и писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ невозможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ оффиціальныхъ бумагахъ, и черезъ это нѣсколько разъ выходили непріятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоотвѣтственными» или недостаточно вѣжливыми. Особенно обидчивымъ на этотъ счетъ показалъ себя начальникъ госпитальной администраціи, г. Остроградскій. Однажды, послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ нему о томъ, чтобы онъ снабдилъ насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ бараковъ и помѣщеній сестеръ, Остроградскій напалъ на одно мое «неприличное выраженіе» въ письмѣ («имѣю честь п р е д с т а в и т ь н а в и д ъ») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вслѣдствіе этой жалобы мы д р о в ъ не получили, но я зато получилъ рѣзкій выговоръ сперва отъ Горчакова, а позднѣе— отъ самого Государя.

Въ декабрѣ 1855 года я снова отправился въ Петербургъ. Община сестеръ, въ это время состоявшая изъ 10 отдѣленій, во время моего отсутствія, перешла подъ попечительство генерала Сакена, но подъ непосредственнымъ надзоромъ Е. А. Хитрово. По дорогѣ я заѣхалъ посѣтить госпитали и другія отдѣленія общины въ Перекопѣ, Херсонѣ и Николаевѣ.

Всѣ эти хорошія и непріятныя, давно пережитыя мною испытанія въ жизни представляются теперь передо мной, какъ фигуры калейдоскопа, на которыя я смотрю сквозь тусклое, почернѣвшее стекло. Когда я теперь вспоминаю, какъ тогдашнія обстоятельства мало способствовали развитію только-что устроеннаго Общества сестеръ и какъ плохо эти обстоятельства соотвѣтствовали выгодамъ этой организаціи, то я чувствую, что въ самомъ дѣлѣ я принужденъ восторгаться отъ тѣхъ добрыхъ результатовъ, которые дало это женское учрежденіе. Р е з у л ь т а т ы э т и, в о в с я к о м ъ с л у ч а ѣ, д о к а з ы в а ю т ъ, ч т о д о с е й п о р ы м ы с о в е р ш е н н о и г н о р и р о в а л и ч у д н ы я д а р о в а н і я н а ш и х ъ ж е н щ и н ъ. Э т и д а р о в а н і я я с н о д о к а з ы в а ю т ъ, ч т о с о в р е м е н н ы й ж е н с к і й в о п р о с ъ и т о г д а у ж е б ы л ъ в ъ п о л н о м ъ п р а в ѣ т р е б о в а т ь с в о е г о r a i s o n d'ê t r e. То, что противники благоразумной эманципаціи женщинъ еще до сего дня утверждаютъ, будто бы велика разница въ организаціи половъ,—напримѣръ, меньшій вѣсъ въ мозгу и проч.,—этого нечего брать во вниманіе, и это никогда не выдержитъ серьезной критики. Женщина, если она получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина. При этомъ главное условіе только то, чтобы женщина всегда сохранила въ себѣ физіологическую и нравственную женственность и в ы у ч и л а с ь б ы н е р а з с т а в а т ь с я с ъ н е ю.

Это, конечно, нелегко, но, однако,

возможно, и это именно то, что защитники, какъ и противники женскаго вопроса, упускаютъ изъ вида. Женщина, съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ, всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы. И я рѣшительно не вижу, почему одинаковое общественное положеніе женщины съ мужчиной можетъ помѣшать такому развитію. Если же меня спросили бы: какое міровоззрѣніе должно служить основаніемъ для учрежденія общины сестеръ въ нашемъ отечествѣ, то я могу дать пока только отрицательные отвѣты. Я могу сказать одно, что старо-католическое и протестантское міровоззрѣнія для насъ, какъ основаніе, негодны. Православныя монахини, или учрежденіе діакониссъ, тоже въ наше время не годятся. Наша церковь не имѣетъ никакихъ преданій для подобныхъ учрежденій, и она настолько консервативна и формальна, что не въ силахъ примѣниться къ насущнымъ требованіямъ новаго времени. Поэтому я думаю, что наши учрежденія сестеръ не должны ничего заимствовать у западныхъ, а должны установиться на новыхъ началахъ. Конечно, онѣ не могутъ обойтись безъ извѣстной доли духовной и формальной религіозности, но католическая мистичность и протестантская сухость должны быть имъ чужды.

Наша сестра милосердія также не должна быть православной монахиней. Она должна быть простая, богопочтительная женщина, съ практическимъ разсудкомъ и съ хорошимъ техническимъ образованіемъ, а притомъ она непремѣнно должна сохранить чувствительное сердце. Но главное условіе для достиженія успѣха въ нашихъ подобныхъ учрежденіяхъ должно быть то, чтобы дѣятельность въ женщинахъ была поддерживаема непрестанно. А притомъ положеніе ихъ въ госпиталяхъ должно быть, насколько возможно, независимо отъ госпитальной администраціи. Самыя же образованныя сестры, которымъ будетъ поручаемъ надзоръ за общиной, должны быть такъ поставлены, чтобы онѣ могли нравственно вліять на весь персоналъ госпитальный. Если же мы вздумали бы вводить въ нашихъ общинахъ формально-религіозное направленіе, то непремѣнно случилось бы то же самое, что произошло при введеніи въ общину нѣкоей г-жи Вуичъ: мы получимъ женскихъ Тартюфовъ, но никакъ не истинно-религіозныхъ сестеръ.

Вотъ, насколько могу описать, каковъ идеалъ, который я себѣ когда-то составилъ, во время моего управленія общиной въ крымскую кампанію. Увы, я долженъ признаться: «разбитый идеалъ, который когда-то живилъ упоенное сердце».

Теперь прощайте, многоуважаемый другъ. Если вы когда-нибудь почувствуете усталость отъ суетъ при дворѣ и вздумаете путешествовать, ради душевнаго отдыха, то изберите направленіе юго-западное и дайте мнѣ счастіе видѣть васъ въ моемъ имѣніи и встрѣтить васъ на станціи желѣзной дороги Винница. Я вамъ отдамъ въ полное распоряженіе мой виноградникъ съ франкенталернымъ виноградомъ и мою коллекцію персиковъ и розовыхъ кустовъ, уходомъ за которыми я въ эту минуту ревностно занятъ.

Вашъ искренній другъ и поклонникъ—Н. Пироговъ.

Докладная записка относительно образованія евреевъ.[55]

Въ предписаніи отъ 11 іюля 1856 года за № 5538 предложены были три вопроса: 1) не пора ли уже сдѣлать обученіе евреевъ въ казенныхъ заведеніяхъ (преимущественно реальныхъ и общихъ) обязательнымъ; 2) не пора ли примѣнить къ евреямъ общихъ нашихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи, т. е. затруднять или и совсѣмъ прекратить выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ на домашнихъ учителей закона тѣмъ, кои не обучались въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ? и 3) соотвѣтствуетъ ли курсъ казенныхъ еврейскихъ училищъ цѣли ихъ учрежденія и не нужно ли сдѣлать въ этомъ курсѣ какихъ-либо перемѣнъ?

Для рѣшенія этихъ важныхъ вопросовъ я соображалъ всѣ доставленныя мнѣ отъ директоровъ училищъ ввѣреннаго мнѣ округа донесенія; входилъ въ сношенія по предмету образованія съ просвѣщеннѣйшими изъ евреевъ Одессы, наконецъ, старался лично убѣдиться, какъ въ степени образованности здѣшняго еврейскаго юношества, такъ и въ наклонности его къ просвѣщенію.

Но прежде, нежели я приступлю къ обсужденію сказанныхъ вопросовъ, я, руководствуясь желаніемъ общаго блага, считалъ себя обязаннымъ по долгу совѣсти и службы изложить со всею откровенностью мои убѣжденія, служащія основою излагаемымъ здѣсь взглядамъ и мнѣніямъ касательно просвѣщенія евреевъ вообще.

Есть два пути для того, чтобы дѣйствовать на укоренившіяся нравственно-религіозныя предубѣжденія народа.

Одинъ путь прямой; мы идемъ по немъ, дѣйствуя непосредственно на эти предубѣжденія, разъясняя ихъ, обнаруживая ихъ нелѣпость, предлагая на мѣсто ихъ другія понятія, болѣе современныя.

Другой путь косвенный. Слѣдуя ему, мы оставляемъ на время всѣ эти предубѣжденія, какъ бы неприкосновенными и показываемъ видъ, что не обращаемъ на нихъ никакого вниманія, а между тѣмъ уничтожаемъ ихъ постепенно распространіемъ общечеловѣческихъ научныхъ свѣдѣній, въ глазахъ простолюдина не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ его нравственнымъ повѣріямъ и религіознымъ убѣжденіямъ.

Если первый путь кажется очень близкимъ, то за то второй менѣе опасенъ. Онъ вѣрно ведетъ къ цѣли, хотя и не такъ скоро.

Какую бы религію ни исповѣдывалъ какой бы то ни было народъ, какъ скоро умственная его дѣятельность будетъ обращена на изученіе наукъ, художествъ и ремеслъ, сближающихъ его съ другими, болѣе просвѣщенными націями, онъ непремѣнно дѣлается менѣе воспріимчивымъ къ предразсудкамъ и предубѣжденіямъ, проистекающимъ нерѣдко, по слабости человѣческой натуры, изъ самыхъ высокихъ религіозныхъ истинъ.

Если, основываясь на этой исторической аксіомѣ, и при образованіи евреевъ умственныя способности этого племени, вообще отъ природы хорошо развитыя, были бы направлены на изученіе предметовъ, повидимому не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ народнымъ религіозно-нравственнымъ предразсудкамъ и предубѣжденіямъ, то можно смѣло утверждать, что эти предразсудки должны непремѣнно изчезнуть, сами по себѣ и безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ.

Пусть самое первое мѣсто въ курсѣ ученія еврейскихъ школъ займетъ изученіе языковъ (къ которымъ у евреевъ замѣтна особая склонность), какъ древнихъ,—исключая самого еврейскаго,—такъ и новыхъ (преимущественно нашего отечественнаго и нѣмецкаго), далѣе изученіе наукъ реальныхъ, и художествъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ занятіямъ этого племени, каковы математика, географія, естественныя науки, музыка, различныя ремесла, и тогда, нѣтъ

сомнѣнія, учебное начальство, оставивъ покуда въ сторонѣ, неприкосновеннымъ, религіозное ученіе евреевъ, непремѣнно достигнетъ желаемой цѣли правительства—сближенія еврейскаго народонаселенія съ христіанскимъ.

Евреи, убѣдясь на опытѣ, что образованіе, распространяемое между ними правительствомъ нисколько не касается ихъ религіи, будутъ сами охотно посылать своихъ дѣтей въ школы, приготовляющія людей къ практической жизни, пользы которой для нихъ слишкомъ очевидны. Правительству не будетъ надобности вести борьбу, обыкновенно упорную, какъ всѣ борьбы противъ нравственныхъ убѣжденій, и не всегда удачную.

Дѣти евреевъ, получившіе въ этихъ школахъ научное образованіе, обогащенные общечеловѣческими свѣдѣніями, получивъ новый взглядъ на вещи, не могутъ далѣе оставаться слѣпыми послѣдователями мертваго Талмуда.

Убѣжденія невѣжественной толпы не могутъ сохранить ихъ таинственную неприкосновенность въ умахъ, озаренныхъ свѣтомъ наукъ.

Такъ дѣйствовали и Пруссія, и Австрія, и Франція при образованіи евреевъ.

Это ходъ самый естественный просвѣщенія, онъ тихъ и скроменъ, какъ само просвѣщеніе. Онъ также и надеженъ, какъ само просвѣщеніе.

Въ Новороссіи и преимущественно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея (Одессѣ, Херсонѣ) въ настоящее время уже замѣтно существованіе д в у х ъ партій въ еврейскомъ народонаселеніи.

Одна еще сильно и упорно придерживается старыхъ повѣрій и предразсудковъ; другая находится уже на пути къ обновленію, благодаря успѣхамъ коммерціи, сношеніямъ, здѣшнихъ евреевъ съ заграничными ихъ соплеменниками и просвѣщенному рвенію нѣкоторыхъ наставниковъ, въ дѣлѣ просвѣщенія евреевъ.

Это раздѣленіе нравственныхъ убѣжденій представляетъ учебному начальству могущественное и вѣрное средство дѣйствовать къ распространенію просвѣщенія.

Не вооружая нисколько первую партію, помогая всѣми кроткими мѣрами къ усиленію вліянія второй, привлекая ее все болѣе и болѣе на сторону учебнаго начальства, подстрекая ея самолюбіе довѣріемъ правительства, наградами и общественными преимуществами, можно бы было, по моему убѣжденію, несравненно болѣе сдѣлать для просвѣщенія евреевъ, нежели самыми строгими полицейскими мѣрами.

Предлагаемая мною мѣра особливо важна въ самой Одессѣ, гдѣ образованная партія евреевъ уже весьма значительна и имѣетъ не малое нравственное вліяніе на все Новороссійское еврейское народонаселеніе.

Изложивъ исходную точку воззрѣнія моего на предметъ столь важный, каково образованіе цѣлаго народонаселенія евреевъ въ Россіи, я приступаю къ обсужденію трехъ сдѣланныхъ вопросовъ:

К а с а т е л ь н о п е р в а г о в о п р о с а. По правиламъ 13-го ноября 1844 года § 33 предполагается сдѣлать обученіе евреевъ въ казенныхъ училищахъ о б я з а т е л ь н ы м ъ только въ томъ случаѣ, когда «по всѣмъ мѣстамъ жительства евреевъ казенныя училища будутъ учреждены въ достаточномъ числѣ». Если для рѣшенія вопроса: наступило ли уже время сдѣлать обученіе евреевъ въ казенныхъ училищахъ обязательнымъ, мы будемъ руководствоваться этимъ правиломъ, то стоитъ только опредѣлить статистическое число казенныхъ школъ и учениковъ относительно числа еврейскаго народонаселенія въ округѣ, и отвѣтъ будетъ готовъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно намъ, что въ Новороссійскомъ краѣ на 97.000 душъ мужескаго пола еврейскаго народонаселенія считается учащихся мальчиковъ вообще во всѣхъ школахъ находящихся въ вѣдѣніи Министерства Нар. Просвѣщенія (частныхъ и казенныхъ) болѣе 4000. Казенныхъ училищъ въ Одесскомъ округѣ считается 14 и учащихся въ этихъ училищахъ 514, остальные же посѣщаютъ Хадаримы и Талмудъ-Торы. Это показываетъ, что вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ

(частныхъ и казенныхъ) учились только 1 изъ 24, а въ казенныхъ заведеніяхъ только 1 изъ 188 человѣкъ.

Эта цифра очевидно показываетъ, какъ мало стремится еврейское народонаселеніе отдавать дѣтей въ казенныя и частныя привиллегированныя учебныя заведенія.

Но достаточны ли одни статистическія данныя для рѣшенія этого вопроса? Если даже онѣ показали число казенныхъ училищъ достаточнымъ, то можетъ ли введеніе мѣры, столь рѣшительной и энергической, каково обязательное ученіе, основываться на одной только цифрѣ? Не нужно-ли, для блага цѣлаго общества, взять въ соображеніе еще и другія, болѣе важныя обстоятельства прежде, нежели рѣшено будетъ приступить къ такой мѣрѣ? Не нужно-ли прежде разсмотрѣть и цѣль и слѣдствія этой мѣры?

Очевидно, что обязательное ученіе должно произвести сильное нравственное сотрясеніе на умы племени, фанатически приверженнаго къ старому порядку вещей, укоренившемуся чрезъ обычай, повѣрья и народные предразсудки.

Но это было бы еще самою малою невыгодою, если бы можно было неоспоримо доказать, что введеніе обязательнаго обученія достигнетъ непремѣнно извѣстной, благой цѣли.

Эта цѣль есть именно та, которая выражена въ § 1 сказанныхъ правилъ; то есть «постоянное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ, искорененіемъ суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ Талмуда».

Очевидно, обязательнымъ обученіемъ—мѣрою при настоящемъ состояніи насильственною—нельзя уничтожить вдругъ предразсудка и вѣрованія цѣлаго племени, извнутри еще не приготовленнаго.

Итакъ, при введеніи этой строгой мѣры можно бы было только современемъ ожидать достиженія предполагаемой цѣли.

Но, если какая-бы то ни было насильственная мѣра не можетъ достигнуть предполагаемой цѣли и пресѣчь корень зла однимъ разомъ, то можно ли надѣяться, чтобы она выдержала долгую и ожесточенную борьбу со всѣми кознями и происками, которыя безъ сомнѣнія противопоставитъ ей цѣлое племя, отличающееся настойчивостью характера, находчивостью въ средствахъ и безпредѣльною привязанностью къ старинѣ?

И исторія образованія евреевъ въ другихъ странахъ, и познаніе ихъ семейнаго быта не подтверждаютъ нисколько надежду на успѣхъ отъ этой принужденной мѣры.

Школы въ Галиціи, учрежденныя въ половинѣ 18 столѣтія Императоромъ Іосифомъ, почти всѣ были закрыты чрезъ 15 лѣтъ ихъ существованія, не принеся никакой существенной пользы, не смотря на всѣ мѣры, предпринятыя Австрійскимъ правительствомъ. Теперь дѣти евреевъ въ Австріи посѣщаютъ общія христіанскія училища наравнѣ съ другими подданными; они обязаны только приносить свидѣтельства отъ школъ общинныхъ въ томъ, что они дѣйствительно обучались съ успѣхомъ еврейскому закону.

Бытъ нашего еврея-простолюдина таковъ, что онъ въ понятіи своемъ еще не научился раздѣлять домашнюю жизнь отъ школы. Онъ начинаетъ учить своихъ дѣтей съ 6 и даже съ 4-лѣтняго возраста, потому что у него понятіе объ ученіи тѣсно соединено съ понятіемъ о вѣрѣ. Ученіе и вѣра для нашего еврея одно и то же.

Что же можно противопоставить такимъ убѣжденіямъ народа, предпринявъ насильственно - побудительныя мѣры къ образованію его дѣтей?

Если въ настоящее время мѣры правительства для образованія евреевъ, вообще кроткія и еще мало противорѣчащія такимъ народнымъ убѣжденіямъ, встрѣчаютъ на всякомъ шагу препятствія и оказываются вообще еще мало дѣйствительными къ сближенію евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ; если и теперь Дирекціи Округа сильно жалуются на слабость исполнительной власти, то чего должно ожидать, когда эти мѣры сдѣлаются побудительно-насильственными.

Директора донесли слѣдующее:

1) Херсонскій: четыре года уже существуетъ въ Херсонѣ казенное еврейское училище 2 разряда и шесть лѣтъ, какъ существуютъ въ Херсонѣ и Елисаветградѣ казенныя еврейскія училища 1-го разряда; но не было еще примѣра, чтобы какой-либо содержатель или домашній учитель за незаконное обученіе дѣтей былъ подвергнутъ штрафу, не смотря на то, что при ревизіи неоднократно были открываемы и закрываемы ихъ заведенія съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Причина та, что полиція до сего времени не принимаетъ, или не можетъ принимать, надлежащихъ мѣръ взысканія, уклоняясь подъ разными предлогами отъ исполненія распоряженій начальства, и оправдываетъ свою медленность въ исполненіи тѣмъ, что по бѣдности помянутыхъ содержателей и учителей нечего съ нихъ взыскать, а потому и оставляетъ ихъ въ покоѣ.

2) Екатеринославскій: Предубѣжденные не въ пользу казенныхъ еврейскихъ училищъ, евреи уклоняются отъ опредѣленія дѣтей своихъ не только въ эти училища, но и въ тѣ частные хедеры, которые находятся подъ строгимъ надзоромъ учебнаго начальства и слѣдуютъ по его направленіямъ, стараясь отдавать ихъ въ скрывающіеся отъ надзора хедеры или приглашая къ себѣ меламдовъ, не выдержавшихъ экзамена и не имѣющихъ на право обученія свидѣтельствъ. Искоренить это зло возможно развѣ только учрежденіемъ особой полиціи отъ Министерства Народн. Просвѣщенія: ибо градская полиція не только не содѣйствуетъ къ искорененію этого зла, но скорѣе способствуетъ къ сокрытію его для личныхъ своихъ выгодъ.

3) Бессарабскій: существенное, по многимъ причинамъ, почти неотразимымъ, при существующихъ постановленіяхъ, зло—суть хадаримы, открываемые евреями безъ дозволительныхъ видовъ, и меламды, занимающіеся безъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ. Число этихъ хадаримовъ, мѣста, гдѣ они помѣщаются—не рѣдко въ погребахъ и подвалахъ, тщательность, съ которою ихъ скрываютъ содержатели и вообще всѣ евреи, чрезвычайно затрудняютъ постоянное преслѣдованіе сихъ училищъ равно какъ и меламдовъ; неограниченное же довѣріе къ нимъ еврейскаго общества, которое смотритъ на нихъ, какъ на людей, гонимыхъ за усердіе и преданность къ вѣрѣ и законамъ предковъ, дѣлаетъ особенно вреднымъ ихъ вліяніе.

Всякая правительственная мѣра, какъ бы цѣль ея ни была высока и благодѣтельна, можетъ тогда только принести желаемый успѣхъ, когда она будетъ исполнена послѣдовательно и ненарушимо.

Участь всѣхъ мѣръ въ рукахъ исполнительной власти.

Кому же собственно будетъ поручено у насъ введеніе столь нравственно-строгой побудительной мѣры, каково обязательное обученіе? Не тѣмъ-ли же самымъ исполнительнымъ лицамъ (полицейскимъ и смотрителямъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ), которыхъ дѣйствія теперь оказываются такъ малоуспѣшными?

Правда, Указомъ Правит. Сената отъ 28 ноября 1856 г. порученъ теперь надзоръ за противузаконными меламдами и хедерами Раввинамъ и помощникамъ ихъ; имъ же можно бы было поручить и надзоръ за обязательнымъ обученіемъ. Но, какъ бы это порученіе ни казалось болѣе надежнымъ обыкновеннаго, полицейскаго, все-таки на немъ не должно основывать большихъ надеждъ.

Раввины избираются Еврейскимъ Обществомъ и только на извѣстный срокъ. Находясь чрезъ это въ нравственной зависимости отъ общества, рѣшатся-ли они дѣйствовать строго и настоятельно наперекоръ общественнымъ убѣжденіямъ, безукоризненно и безпристрастно?

Рѣшась же однажды ввести обязательное обученіе Еврейскихъ дѣтей, обязать-ли родителей, чтобы они всѣхъ дѣтей отъ 5 до 17 лѣтъ исправно отдавали въ казенныя училища? Но зная находчивость злоупотребленій, не трудно предвидѣть,

что всѣ дѣти зажиточныхъ Евреевъ будутъ непремѣнно или 4-хъ или 18 лѣтъ.

Требовать непремѣнно училищныхъ аттестатовъ отъ всѣхъ Евреевъ новаго поколѣнія, записывающихся въ гильдіи, въ цехи, или при принятіи ими на себя какихъ либо общественныхъ должностей по выборамъ и т. п. (?) Но, пришло-ли уже время при настоящемъ состояніи нашей отечественной цивилизаціи осуществить такое узаконеніе?

Кромѣ этого, какъ бы число существующихъ уже казенныхъ Еврейскихъ училищъ ни казалось достаточнымъ, очевидно, при введеніи обязательнаго обученія оно должно быть еще вдвое и даже и болѣе увеличеннымъ, взявъ въ соображеніе эту жизненную или религіозную потребность ученія у Евреевъ и полагая навѣрное, что теперь самая большая часть изъ дѣтей учится въ законныхъ и незаконныхъ хадаримахъ.

Если это такъ, то спрашивается, откуда взять огромное число наставниковъ, которое понадобится при такомъ увеличеніи числа казенныхъ училищъ. Если бы у насъ число Еврейскихъ учителей, хотя нѣсколько образованныхъ, было достаточно, то нѣтъ сомнѣнія, давно бы меламды уступили уже имъ поле дѣятельности.

Наконецъ, если строгая, насильственная мѣра къ образованію должна непремѣнно осуществиться, то почему уже не требовать лучше, чтобы дѣти Евреевъ вступали въ наши христіанскія казенныя училища.

Такъ поступила Пруссія въ началѣ текущаго столѣтія въ Познанскихъ провинціяхъ. Евреи обязаны были посылать ихъ дѣтей въ школы, учрежденныя правительствомъ; но имъ дозволялось въ остальное время и дома учиться Еврейскому закону у частныхъ учителей.

Если главная цѣль учрежденія казенныхъ Еврейскихъ училищъ состоитъ именно въ «сближеніи Евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ» и если, повторяю, насильственная мѣра считается необходимою, то пусть же она ведетъ къ достиженію этой цѣли и прямѣе и скорѣе.

Пруссія, сдѣлавъ обученіе Евреевъ въ обще-христіанскихъ училищахъ обязательнымъ, не касалась нисколько религіознаго ихъ ученія. Слѣдствіемъ этого было то, что Еврейское юношество, получая съ христіанскимъ юношествомъ обще-человѣческое образованіе, само по себѣ постепенно оставило и закоснѣлые предразсудки и тотъ грубый фанатизмъ, который такъ отличаетъ поборниковъ талмудизма. Общечеловѣческое образованіе въ этомъ государствѣ должно было просвѣтить и дѣйствительно просвѣтило умы и сдѣлало ученіе, основанное на одной мертвой буквѣ, нелѣпымъ въ глазахъ юнаго поколѣнія.

Но если обязательное ученіе не можетъ и не должно быть еще введено въ казенныхъ Еврейскихъ училищахъ, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что и не предстоитъ никакой необходимости измѣнять ихъ способъ управленія или училищный уставъ и методу ученія?

Напротивъ. За исключеніемъ, можетъ быть, одной только Одессы, гдѣ, благодаря рвенію и образованности нѣкоторыхъ Еврейскихъ учителей, просвѣщеніе юношества въ казенныхъ училищахъ идетъ не совсѣмъ худо, во всѣхъ другихъ Дирекціяхъ Округа предстоитъ крайняя необходимость въ перемѣнахъ радикальныхъ, о которыхъ сообщу при обсужденіи третьяго вопроса.

Второй вопросъ: не пора-ли примѣнить къ Евреямъ общихъ нашихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи, связанъ неразрывно съ другимъ вопросомъ, котораго я уже нѣсколько коснулся, а именно, имѣемъ-ли мы достаточное число образованныхъ еврейскихъ учителей, могущихъ замѣнить меламдовъ и содержателей хадаримовъ?

При обсужденіи этого вопроса опять не нужно упускать изъ виду ту особенность Евреевъ, что они не раздѣляя понятіе ученія отъ вѣры, считаютъ первой и главною обязанностью начинать обученіе своихъ дѣтей, какъ можно ранѣе. Въ хадари-

махъ и Талмудъ-Торахъ встрѣчаешь нерѣдко дѣтей 5 и даже 4-хъ лѣтъ.

Итакъ, для племени, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что вѣра и грамота соединены неразлучно, требуется, очевидно, и несравненно большее число грамотныхъ.

А какъ эти учители еврейскаго юношества для него суть вмѣстѣ и наставники вѣры, то, очевидно, что въ ихъ рукахъ находится и будущее направленіе цѣлаго поколѣнія. Очевидно также, что образованность и вліяніе этихъ меламдовъ нельзя взвѣшивать на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ съ нравственнымъ значеніемъ учителей, занимающихся первоначальнымъ обученіемъ нашихъ христіанскихъ дѣтей.

Итакъ, видя съ одной стороны столь важное значеніе для евреевъ ихъ первоначальныхъ наставниковъ, а съ другой стороны потребность въ огромномъ количествѣ этихъ наставниковъ, проистекающую изъ народныхъ понятій о вѣрѣ и ученіи, спрашиваемъ: кѣмъ можемъ мы въ настоящее время замѣнить меламдовъ, чтобы удовлетворить хотя сколько-нибудь потребности внутренней и задушевной цѣлаго племени?

Если не можемъ, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что должно оставить ходъ образованія in statu quo?—Очевидно, нѣтъ.

Единогласно всѣ Дирекціи Округа, всѣ образованные и самые ревностные здѣшніе евреи соглашаются въ томъ, что наступило уже время требовать отъ меламдовъ педагогическихъ свѣдѣній, болѣе основательныхъ, и обратить преимущественное вниманіе на частныя еврейскія училища.

Вотъ мнѣніе одного изъ образованныхъ здѣшнихъ еврейскихъ учителей, члена экзаменаціонной коммиссіи: «при испытаніи меламдовъ нужно обращать вниманіе не столько на степень его свѣдѣній, сколько на его образъ воззрѣнія и на способъ преподаванія». По правиламъ испытанія (§ 5) отъ меламдовъ требуется, чтобы они «въ нѣмецкомъ языкѣ знали не только читать печатное, но и переводить легкія мѣста изъ Еврейской Библіи, хотя не чистымъ, но, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ и отвѣчать на вопросы о общепонятыхъ предметахъ». Это правило меня не разъ чрезвычайно затрудняло при испытаніи. Предсѣдатели испытаній, по различнымъ (не рѣдко корыстнымъ) причинамъ объясняютъ выраженіе «вразумительнымъ языкомъ», такъ, что испытуемый долженъ переводить съ еврейскаго текста на употребительный между евреями испорченный нѣмецкій діалектъ (жаргонъ), который съ чистымъ нѣмецкимъ языкомъ имѣетъ мало общаго. Еще труднѣе объяснить выраженіе правилъ: «отвѣчать на вопросы о общепонятыхъ предметахъ». Что значатъ эти общепонятные предметы? Должны ли они быть предметы научные или взятые изъ дневной жизни? И на какомъ языкѣ говорить объ нихъ съ испытуемымъ меламдомъ? Не на томъ-ли же испорченномъ діалектѣ? Но даже и эти поверхностныя требованія испытанія не всегда соблюдаются и свидѣтельство на право образованія еврейскаго юношества (которое, какъ мы видѣли, не есть только одно учебное, но и религіозное) не рѣдко продается какъ «дешевый товаръ». Можетъ ли послѣ этого еврейское народонаселеніе имѣть большое довѣріе къ экзаменованнымъ меламдамъ?

Меламды и содержатели хадаримовъ зависятъ отъ смотрителей еврейскихъ казенныхъ училищъ, отъ которыхъ получаютъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Одессѣ) свидѣтельства на право содержанія хедера. Но этимъ меламдамъ выдаются безъ затрудненія свидѣтельства, въ то время когда христіанамъ дозволеніе на содержаніе частнаго училища совершается со строгою разборчивостью, и кромѣ того учрежденіе пансіона или частнаго училища для христіанъ допускается только тогда, когда высшее начальство находитъ, что такая привиллегія на открытіе учебнаго заведенія необходимо нужна въ городѣ и не умножаетъ конкурренцію ко вреду другихъ учебныхъ заведеній, точно такъ какъ не дозволяется открывать въ одномъ го-

родѣ больше аптекъ, сколько нужно, по усмотрѣнію высшаго начальства, для числа народонаселенія.

Евреямъ же, понимающимъ немного по-еврейски, выдаются свидѣтельства на право содержать хедеръ (который есть ни что другое, какъ учебное заведеніе), прямо отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ (которые суть вмѣстѣ и предсѣдатели уѣздныхъ училищныхъ коммисій), не испрашивая на то согласія директоровъ гимназій и независимо отъ полученія разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Какъ полученіе права на содержаніе хедеровъ не подлежитъ затрудненію, то и число оныхъ умножилось до невозможности, такъ что въ большихъ городахъ, какъ напр. въ Кишиневѣ, считаютъ до 100 хедеровъ—это значитъ до 100 частныхъ училищъ. Содержатели оныхъ два раза въ годъ, въ праздникъ Пасхи и Кущей, ходятъ изъ дома въ домъ родителей, прося довѣрить имъ дѣтей для обученія; и евреи, погруженные въ невѣжество, соглашаются на это. (Это мнѣніе Маркуса Гуровича, состоящаго по особымъ порученіямъ при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Генералъ - Губернаторѣ, доставленное имъ въ 1854 г. исправлявшему эту должность генералъ-адъютанту Анненкову).

Тоже утверждаетъ и исправляющій должность директора училищъ Херсонской губерніи, который донесъ, что въ казенныя еврейскія училища поступаютъ ученики изъ частныхъ еврейскихъ заведеній и поступаютъ почти не приготовленными, сообразно программѣ министерства, ни въ еврейскихъ предметахъ, ни въ русскомъ языкѣ. Въ первыхъ отъ того, что содержатели, не получивъ сами необходимаго образованія, затрудняются въ преподаваніи оныхъ по программѣ и занимаютъ дѣтей преимущественно однимъ механическимъ чтеніемъ, руководствуясь при этомъ желаніемъ родителей, указывающихъ имъ на обученіе Талмуду. Въ послѣднемъ отъ того, что содержатели, едва умѣющіе читать и писать по-русски, поручаютъ преподаваніе русскаго языка такимъ же невѣжамъ, не имѣя средствъ пригласить хорошихъ учителей. Необходимо поэтому, прибавляетъ онъ, частнымъ еврейскимъ заведеніямъ дать новое устройство на началахъ общихъ съ христіанскими частными заведеніями.

Правда, слабыя испытанія меламдовъ оправдываются до сихъ поръ необходимостью; будь строже эти испытанія, то можетъ быть ни одинъ меламедъ не выдержалъ-бы экзамена.

По этому можно бы было меня упрекнуть въ непослѣдовательности, что я, считая весьма важнымъ и непреодолимымъ нравственное убѣжденіе въ необходимости религіознаго образованія, въ то же время предлагаю уничтожить строгимъ испытаніемъ меламдовъ, лишить возможности все еврейское поколѣніе удовлетворить этой потребности.

Но сдѣлавъ испытаніе меламдовъ строгимъ и отчетливымъ наравнѣ съ испытаніями христіанскихъ учителей, лишая этимъ все еврейское народонаселеніе возможности удовлетворить въ этомъ отношеніи ихъ вопіющей потребности первоначальнаго обученія, я вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю учебному начальству: способствовать всѣми мѣрами къ распространенію и улучшенію частныхъ еврейскихъ училищъ и Талмудъ-Торъ, которыя до сихъ поръ находятся вообще еще въ самомъ жалкомъ, первобытномъ видѣ.

Распространеніемъ, существеннымъ улучшеніемъ и обстановкою этихъ школъ (названіе хедеровъ лучше бы уничтожить въ училищныхъ уложеніяхъ) наравнѣ съ христіанскими частными школами можно достигнуть слѣдующихъ несомнѣнныхъ выгодъ:

1) Такія школы, подвергнуть наряду съ прочими христіанскими частными училищами общей, строгой учебной контроли.

2) Гораздо меньшее число образованныхъ учителей еврейскаго закона въ этихъ училищахъ удовлетворитъ болѣе потребности учиться еврейскаго поколѣнія, нежели огромное количество невѣжественныхъ мелам-

довъ, скитающихся между еврейскимъ народонаселеніемъ.

3) Въ этихъ училищахъ найдутъ мѣсто и пропитаніе и тѣ немногіе изъ меламдовъ, которые въ состояніи еще выдержать строгое испытаніе на настоящемъ нѣмецкомъ или русскомъ діалектѣ, которыхъ религіозные взгляды еще не совсѣмъ потускнѣли отъ загрубѣлыхъ предразсудковъ и фанатическаго приверженства къ мертвой буквѣ талмуда. Эти училища, правильно и законно управляемыя, могутъ служить мѣстомъ образованія для самыхъ учителей еврейской грамоты. Пусть меламды, желающіе законнымъ образомъ достигнуть званія учителя (и до сихъ поръ неимѣющіе никакой возможности образоваться) пріучатся, посѣщая эти школы, къ благоразумному способу преподаванія еврейской грамоты и еврейскаго закона и пріобрѣтутъ способъ выражаться на языкѣ общепонятномъ (русскомъ и нѣмецкомъ).

4) Эти частныя училища болѣе согласныя съ понятіями еврейскаго поколѣнія, не привыкшаго еще раздѣлять обученіе дѣтей отъ семейнаго быта, послужатъ незамѣтнымъ приготовленіемъ къ вступленію учениковъ въ высшія еврейскія и христіанскія учебныя заведенія.

5) Наконецъ, собственная выгода содержателей такихъ училищъ потребуетъ, чтобы они также контролировали тайные хадаримы.

Но если я объявляю себя защитникомъ частныхъ еврейскихъ школъ и Талмудъ-Торъ, то это не значитъ, что я хочу распространить тѣ хедеры и Талмудъ-Торы, которыя существуютъ въ избыткѣ въ настоящее время, или что я хочу замѣнить ими казенныя училища.

Нѣтъ. Я предлагаю, основываясь на мнѣніяхъ людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, слѣдующія правила, которыми должно руководствоваться при учрежденіи частныхъ училищъ.

Во-первыхъ. Число этихъ училищъ и пансіоновъ должно непремѣнно соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ. Конкурренція не должна слишкомъ увеличиваться ко вреду самыхъ школъ и ко вреду казенныхъ учебныхъ заведеній. При ограниченномъ числѣ достаточно образованныхъ учителей изъ евреевъ, при строгомъ и совѣстливомъ испытаніи этихъ учителей нельзя допустить, чтобы число частныхъ школъ было слишкомъ значительно. Это правило должно бы было распространить даже и на казенныя училища. Много изъ нихъ стояли почти пустыми. Пусть будетъ лучше не много, но дѣльныхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ ихъ назначенію.

Во-вторыхъ. Нужно, чтобы еврейскія школы служили не только къ образованію, но и къ надлежащему воспитанію дѣтей. Съ этой цѣлью необходимо бы учредить пансіонетты на счетъ пожертвованныхъ суммъ для воспитанія бѣдныхъ и осиротѣвшихъ. Нѣсколько такихъ воспитанниковъ внесли бы впослѣдствіи въ ихъ семейный кругъ понятія болѣе человѣческія. Нѣсколько такихъ воспитанныхъ въ заведеніи и слѣдовательно удаленныхъ изъ окружающей ихъ атмосферы, зараженной предразсудками и невѣжествомъ, были бы впослѣдствіи несравненно полезнѣе для искорененія предразсудковъ и для сближенія евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ, нежели цѣлыя сотни приходящихъ учениковъ. Это правило могло бы быть съ пользою распространено и на казенныя училища, если бы капиталъ, оставшійся отъ упраздненія нѣкоторыхъ пустыхъ и слѣдовательно безполезныхъ школъ, былъ употребленъ на воспитаніе пансіонеровъ.

А самое главное въ-третьихъ. Учебное начальство должно быть убѣждено, что главнѣйшій и существенный недостатокъ въ образованіи нашихъ евреевъ есть именно: недостатокъ въ пріуготовительномъ, первоначальномъ образованіи дѣтей.

Важность предмета требуетъ, чтобы я на немъ остановился.

Я былъ неоднократно свидѣтелемъ, какъ обучаются дѣти евреевъ первымъ основаніямъ языка и религіи и былъ пораженъ нелѣпостью общепринятой методы преподаванія въ хе-

дерахъ и Талмудъ-Торахъ. Дѣти съ неимовѣрною подвижностью языка, не переводя духа, переводили съ еврейскаго текста на испорченный нѣмецкій діалектъ одно слово за другимъ, не понимая нисколько ни смысла, ни значенія словъ.

Слѣдя пристально за ходомъ ученія въ тѣхъ хедерахъ, гдѣ слишкомъ много было дѣтей (вообще тѣсно помѣщенныхъ), я видѣлъ, что большая часть изъ нихъ сидѣла на заднихъ лавкахъ въ полномъ бездѣйствіи, въ то время, когда привиллегированный меламедъ занимался съ однимъ или двумя изъ нихъ сидящими на первой скамьѣ. Такъ проходитъ почти цѣлый день въ хедерахъ и Талмудъ-Торахъ. Бѣдныя дѣти, скученныя на заднихъ лавкахъ, остаются, по безсмысленности педагога, ничѣмъ не занятыми, и я удивлялся только тому, что несмотря на спертый компатный воздухъ, въ которомъ они проводятъ большую часть дня, еще мало замѣтилъ между ними нездоровыхъ лицъ. Понимая нѣсколько нѣмецко-еврейскій діалектъ, я заставлялъ нѣкоторыхъ дѣтей разсказать мнѣ своими словами смыслъ прочитаннаго ими періода. Никто изъ нихъ не могъ этого сдѣлать. И не мудрено. Можно ли требовать отъ ребенка какого-нибудь пониманія или смысла въ читанномъ имъ, когда мы узнаемъ, что и экзаменованный учитель не въ состояніи истолковать на его испорченномъ, разговорномъ языкѣ самыхъ обыкновенныхъ словъ, каковы напримѣръ добродѣтель, отношеніе и пр., по весьма простой причинѣ; потому что этихъ словъ дѣйствительно не существуетъ на нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ. Какія же понятія можетъ вынести ребенокъ-еврей изъ такой школы.

И родители и меламедъ Талмудъ-Торы или хедера считаютъ только одною первою и самою главною обязанностью, чтобы дѣти еженедѣльно прочитывали положенныя главы изъ Моисеева пятикнижія, нисколько не заботясь о томъ, почерпнули ли эти дѣти что-либо для ихъ нравственности изъ такого чтенія.

И такъ, очевидно, ни меламды, ни Хедеры, ни Талмудъ-Торы, не могутъ долѣе оставаться въ такомъ жалкомъ состояніи, если учебное начальство желаетъ мощною рукою подвигнуть впередъ образованіе нашихъ евреевъ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно бы было испытаніе меламдовъ подчинить слѣдующимъ правиламъ

1) всѣхъ меламдовъ безъ исключенія подвергнуть новому испытанію, покрайней мѣрѣ равному съ тѣмъ, которое полагается на званіе казеннаго училища 1-го разряда, не допуская раздѣленія на степени (на первостепеннаго и второстепеннаго меламда). Опытъ доказалъ, что нельзя усмотрѣть за тѣмъ, чтобы первостепенный меламедъ ограничивался только однимъ обученіемъ дѣтей самаго юнаго возраста.

2) Вмѣнить меламдамъ въ обязанность, чтобы они до испытанія въ теченіи 6 мѣсяцевъ посѣщали привиллегированныя частныя или казенныя училища и ознакомились съ введенными въ нихъ болѣе раціональными способами преподаванія и съ нѣмецкимъ и русскимъ языками. Этихъ испытуемыхъ меламдовъ можно бы было допустить подъ надзоромъ опытныхъ учителей къ практическимъ занятіямъ съ учениками и ознакомить на опытѣ со способомъ преподаванія. Этою мѣрою, нѣтъ сомнѣнія, можно бы было преобразовать многихъ меламдовъ, доставить имъ законное средство къ существованію и сдѣлать полезными для общества; да и учащіеся, гдѣ ихъ слишкомъ много, выиграли бы, получивъ занятія съ меламдами.

3) Испытаніе меламдовъ производить не въ уѣздныхъ училищныхъ коммиссіяхъ, какъ это теперь дѣлается, но въ канцеляріи попечителя округа, въ присутствіи ученаго еврея и инспектора казенныхъ училищъ, или же въ губернскихъ гимназіяхъ въ присутствіи директора или инспектора гимназіи и коммиссіи, составленной изъ учителей гимназіи и еврейскихъ учителей, не назначая именно одного только изъ нихъ, но непремѣнно того или другого по усмотрѣнію директора.

4) Требовать отъ меламдовъ положительныхъ свѣдѣній въ русскомъ и чистомъ нѣмецкомъ языкахъ и ни подъ какимъ видомъ не позволять имъ держать испытаніе на испорченномъ нѣмецко - еврейскомъ жаргонѣ.

5) Свидѣтельство на званіе должно быть подписано экамзенаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствующимъ директоромъ или инспекторомъ и должно быть не временнымъ, а постояннымъ.

6) Требовать отъ меламда при испытаніи не столько глубокости свѣдѣній еврейскаго языка, сколько правильной методы и способа изложенія религіи, припаровленнаго къ дѣтскому возрасту.

7) Данное свидѣтельство на званіе меламда не должно ему еще доставлять права содержать частное училище.

Касательно частныхъ еврейскихъ школъ. Изъ сообщенныхъ мною свѣдѣній о вопіющихъ недостаткахъ въ способѣ первоначальнаго обученія евреевъ, уже явствуетъ, что эти школы должны быть исключительно приготовительныя.

Должно положить правиломъ, что всякій изъ евреевъ, желающій открыть такое заведеніе, долженъ представить въ дирекцію училищъ планъ и надлежащіе документы, которые представлять на разрѣшеніе попечителя. Попечитель же долженъ разрѣшать открытіе училища только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ значительной конкурренціи, препятствующей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ процвѣтанію, какъ этихъ заведеній, такъ и казенныхъ еврейскихъ школъ.

Въ настоящее время еврейскія коммиссіи, находящіяся даже при уѣздныхъ училищахъ, а слѣдовательно, главное ихъ лицо, смотритель училища, имѣютъ право давать позволеніе открывать хедеры. Но очевидно этотъ надзоръ за ходомъ ученія въ частныхъ еврейскихъ школахъ недостаточенъ; онъ долженъ быть порученъ исключительно директорамъ гимназій, инспекторамъ казенныхъ училищъ, а за ходомъ преподаванія еврейскаго языка и закона Божія преимущественно ученому еврею при попечителѣ.

Сверхъ этого весьма бы полезно было для процвѣтанія частныхъ еврейскихъ школъ избрать почетныхъ попечителей изъ евреевъ, предоставя выборъ ихъ обществу и предоставя имъ нѣкоторыя преимущества. Извѣстно, что евреи, утвержденные въ какомъ-либо званіи по выборамъ (не на жалованьи) вообще ревностно и совѣстливо исполняютъ ихъ обязанности.

Способъ преподаванія въ частныхъ еврейскихъ школахъ долженъ преимущественно обратить вниманіе училищнаго начальства.

Нѣтъ другой возможности распространить болѣе здравыя религіозныя и нравственныя понятія въ обучающемся еврейскомъ юношествѣ, какъ искоренивъ до сихъ поръ употребляемый изустный способъ преподаванія содержателей хедеровъ, иссушающій умъ и сердце юныхъ питомцевъ.

Должно озаботиться распространить равномѣрно занятія въ классѣ между всѣми учащимися.

Должно распространить знаніе языка, болѣе способнаго къ выраженію чувствъ и понятій нежели каковъ господствующій въ хедерахъ полунѣмецкій жаргонъ.

Преподаваніе реальныхъ предметовъ также не мало бы привлекло евреевъ изъ ихъ подваловъ и подземелій на чистый воздухъ, дозволенный закономъ частныхъ школъ. Мнѣ бы казалось, что вмѣстѣ съ ученіемъ еврейской грамоты обученіе въ школахъ какому-либо искусству или мастерству (къ которымъ евреи имѣютъ и охоту и склонность) пріохотило бы ихъ немало къ школамъ.

Но всѣ эти предположенія не могутъ иначе осуществиться, какъ при точномъ совѣстливомъ и просвѣщенномъ надзорѣ со стороны учебнаго начальства.

Строго испытанные и опытные въ педагогикѣ учителя, знающіе сверхъ еврейскаго русскій или чистый нѣмецкій языкъ,—почетные попечители школъ, утвержденные по выбору изъ

значительнѣйшихъ евреевъ и хорошій выборъ училищныхъ смотрителей составляютъ conditio sine qua non успѣха.

Здѣсь нельзя не сдѣлать замѣчанія касательно смотрителей еврейскихъ училищъ. По уставу всѣ частныя еврейскія школы подчинены непосредственному надзору этихъ смотрителей. Но они вообще не оправдали ни надеждъ, ни довѣрія начальства. Выборъ ихъ, строго говоря, не былъ довольно счастливъ.

По всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, именно эти смотрители, можетъ быть болѣе, чѣмъ самые меламды, поселили недовѣріе евреевъ къ привилегированнымъ училищамъ.

Въ число этихъ смотрителей избирались до сихъ поръ люди не годившіеся по какой-либо причинѣ для нашихъ христіанскихъ школъ (изъ нихъ большая часть такихъ, которые даже не окончили гимназическаго курса ученія), неимѣющіе достаточнаго образованія, не знающіе даже нѣмецкаго языка (какъ самаго употребительнаго между евреями), и разсматривающіе ихъ должность, какъ выгодную синекуру. Между тѣмъ эти лица имѣютъ значительное вліяніе на ходъ еврейскаго образованія. Они, напр., какъ члены еврейской училищной коммиссіи имѣютъ самый главный голосъ при испытаніи учителей и при рѣшеніи вопросовъ объ открытіи хедеровъ. Въ мѣстахъ, гдѣ образованный классъ евреевъ довольно значителенъ (какъ, напр., въ Одессѣ), ревностнѣйшіе изъ этого класса еврейскихъ учителей считаютъ себя обиженными по оказанному къ нимъ недовѣрію въ дѣлѣ, столь близко касающемся блага ихъ соплеменниковъ. И такъ болѣе удачный и строгій выборъ смотрителей, безъ сомнѣнія, не мало бы содѣйствовалъ къ распространенію просвѣщенія между евреями.

Что касается до надзора за тайными частными училищами, то вотъ мое откровенное мнѣніе. Глубокія, нравственно-религіоныя убѣжденія, какъ бы онѣ ни были нелѣпы и безсмысленны, нельзя искоренить полицейскими мѣрами, какъ бы эти мѣры ни были строги и какъ бы точно онѣ ни исполнялись.

Исторія сектъ и расколовъ всѣхъ странъ свѣта подтверждаетъ эту несомнѣнную истину. Поэтому, пока просвѣщеніе не проникнетъ постепенно чрезъ всѣ слои нашего еврейскаго общества, нельзя ожидать и никакихъ вѣрныхъ успѣховъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, тѣмъ болѣе, что эти самыя преслѣдованія даютъ начало новымъ злоупотребленіямъ, вовсе непредвидѣннымъ и непредотвратимымъ. Это, впрочемъ, мое личное убѣжденіе.

Дирекціи Округа, напротивъ, всѣ жалуются на слабый полицейскій надзоръ за потаенными хадаримами въ губерніяхъ и требуютъ сдѣлать его какъ можно строже. Но мнѣ кажется, что эти жалобы дирекцій (въ которыхъ онѣ излагаютъ, какъ находчиво евреи скрываютъ злоупотребленія и какъ лично избѣгаютъ полицейскихъ преслѣдованій), именно и подтверждаютъ мое убѣжденіе.

Какъ бы то ни было, но если система преслѣдованій и штрафовъ принята уже однажды правительствомъ въ дѣлѣ образованія евреевъ, то преимущественно слѣдовало бы подвергнуть штрафу тѣхъ домовладѣльцевъ, которые допускаютъ учениковъ и содержателей хадаримовъ у себя собираться.

Нѣкоторыя дирекціи полагаютъ даже, что одни денежные штрафы недостаточны. Мѣры взысканія, относясь столько же, если не преимущественно, къ учащимся, какъ и къ учащимъ, должны бы состоять не въ одномъ денежномъ штрафѣ, котораго еврей не опасается, или въ надеждѣ избѣгнуть его какимъ-нибудь образомъ, или въ увѣренности, что, въ крайнемъ случаѣ, внесутъ за него штрафныя деньги родители тѣхъ же самыхъ дѣтей, которыя у него обучались.

Наконецъ, повторяю, если главная цѣль правительства при образованіи евреевъ состоитъ въ сближеніи ихъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ, то справедливость требуетъ, чтобы и еврейскіе учи-

тели, ревностно подвизающіеся, въ видахъ правительства, на поприщѣ просвѣщенія ихъ соплеменниковъ, были хотя сколько-нибудь сравнены въ ихъ правахъ съ христіанскими учителями, и тѣ изъ нихъ, которые, выдержавъ строгое законное испытаніе, дѣйствовали усердно на этомъ поприщѣ нѣкоторое число лѣтъ, пользовались бы сколько-нибудь равными правами и преимуществами съ нашими домашними наставниками и учителями или по крайней мѣрѣ были освобождены отъ податей и повинностей. Въ тѣхъ же мѣстахъ округа, гдѣ еще совсѣмъ нѣтъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, какъ, напр., въ Таврической губ. (исключая Симферополя), чтобы дѣти не оставались въ полномъ невѣдѣніи ихъ закона, я полагалъ бы необходимымъ поручить частное ученіе нѣсколькимъ надежнымъ, испытаннымъ меламдамъ съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за ихъ труды отъ правительства.

Третій вопросъ. Соотвѣтствуетъ ли курсъ ученія въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ цѣли ихъ учрежденія и не подлежитъ ли для большаго успѣха сдѣлать въ курсѣ какія-либо измѣненія?

Этотъ вопросъ касается только однихъ казенныхъ училищъ; но убѣжденный въ необходимости реформы и частныхъ еврейскихъ училищъ, я изложу мое мнѣніе касательно тѣхъ и другихъ.

Я обсужу этотъ вопросъ, имѣя постоянно въ виду самую главную цѣль правительства (сближеніе съ христіанскимъ народонаселеніемъ, § 1).

Начну съ Талмудъ-Торъ.

Основываясь на заповѣди Моисея: «учи слово Божіе дѣтямъ твоимъ», евреи съ древнѣйшихъ временъ вмѣняли себѣ въ священную обязанность содержать на общественномъ иждивеніи во всѣхъ еврейскихъ обществахъ религіозныя школы для дѣтей бѣдныхъ своихъ единовѣрцевъ. Такимъ-то образомъ удалось имъ присвоить слово Божіе всѣмъ сословіямъ еврейскаго народа, отчего оно почти болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ распространялось отъ поколѣнія къ поколѣнію до нашихъ временъ.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ, какъ скоро образовались еврейскія общества, учреждены Талмудъ-Торы.

Но какъ въ настоящее время вмѣстѣ съ преподаваніемъ религіи высказалась необходимость доставить дѣтямъ, и именно самыхъ бѣдныхъ родителей, возможность пріобрѣсть тѣ свѣдѣнія въ свѣтскихъ познаніяхъ, кои сдѣлали бы ихъ способными посвятить себя въ зрѣлый возрастъ порядочному и приспособленному роду занятій; то и въ Талмудъ-Торахъ обнаруживается очевидная потребность преобразованія и улучшенія, чтобы онѣ могли хотя сколько-нибудь приблизиться къ достиженію изложенной цѣли.

Бросивъ бѣглый взглядъ на таблицу еврейскихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Талмудъ-Торахъ по временнымъ правиламъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не трудно замѣтить, какое огромное количество свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ раввинской учености, требуется отъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ поприще жизни ограничивается обыкновенно ношеніемъ тяжестей и производствомъ другихъ самыхъ грубыхъ работъ. Имъ необходимо по таблицѣ, приложенной къ временнымъ правиламъ, заниматься ученіемъ на древне-еврейскомъ языкѣ безъ пунктовъ, упражняться въ переводѣ 2-хъ первыхъ книгъ пятикнижія, переводить изъ Мишны, знать молитвенникъ, писать еврейскими буквами, а для второстепенныхъ Талмудъ-Торъ, сверхъ этого, назначено чтеніе книгъ: Іисуса Навина, Судей, Пророковъ, Мишна, Гемара, Шульханъ-Арухъ, Сидра и Гафтора, и все это, еще съ объясненіями Раши, одного (по свидѣтельству знающихъ дѣло) изъ самыхъ ревностныхъ и самыхъ главныхъ послѣдователей мистическаго направленія.

Объ общественныхъ свѣдѣніяхъ, которыя бы могли руководить впослѣдствіи юношу въ практической жизни, или которыя бы могли содѣйствовать къ проясненію ума его и сближенію съ христіанскимъ народонаселеніемъ, нисколько не упоминается въ программѣ. Даже изученіе рус-

скаго отечественнаго языка въ Талмудъ-Торахъ ограничивается обыкновенно чтеніемъ по складамъ, какъ въ этомъ я убѣдился самъ при осмотрѣ Одесской Талмудъ-Торы. Въ этой-то Талмудъ-Торѣ я видѣлъ, какъ цѣлые десятки бѣдныхъ дѣтей оставались въ полномъ бездѣйствіи на заднихъ скамейкахъ, въ то же время, какъ меламдъ упражнялъ переднихъ учениковъ въ изустномъ ученіи произведеній раввинской учености.

Какъ Талмудъ-Торы, по многочисленности учениковъ и по довѣрію, которымъ онѣ пользуются въ еврейскомъ народонаселеніи, могли бы служить богатымъ разсадникомъ, приготовляющимъ евреевъ къ сближенію съ христіанскимъ народонаселеніемъ и къ другимъ еврейскимъ школамъ, то учебному начальству необходимо обратить на нихъ преимущественно все вниманіе; но, не обращая ихъ въ казенныя училища и не препятствуя вліянію самого общества, иждивеніемъ котораго содержатся Талмудъ-Торы.

Управленіе ихъ учебною частью нужно бы было поручить болѣе опытнымъ рукамъ и лицамъ, болѣе знакомыхъ съ просвѣщеніемъ народа, нежели существующіе теперь здѣсь смотрители казенныхъ училищъ. Необходимо, чтобы члены управленія имѣли европейское образованіе и пользовались бы полнымъ довѣріемъ общества, на счетъ котораго содержатся Талмудъ-Торы. Онѣ должны находиться подъ непосредств. надзоромъ ученыхъ евреевъ и инспектора казен. училищъ или директора губерн. гимназіи.

На изученіе русскаго и нѣмецкаго языковъ нужно бы было преимущественно обратить вниманіе. Какъ на испорченномъ полунѣмецкомъ жаргонѣ, по недостатку самыхъ необходимыхъ словъ на этомъ языкѣ, служащихъ къ развитію понятій, невозможно безъ знанія другихъ языковъ сообщать дѣтямъ ясныхъ свѣдѣній, то, очевидно, что безъ изученія языковъ (русскаго и нѣмецкаго)—этого мощнаго пособія—нельзя ввести никакихъ существенныхъ улучшеній въ направленіе умовъ учащихся.

Сверхъ этого ученіе по Ланкастерской методѣ (по причинѣ многочисленности учениковъ) первыхъ правилъ ариѳметики и грамотности, каллиграфія и первыя правила черченія, стройное хоральное пѣніе казались бы несравненно болѣе полезными для этого класса учащихся, нежели изученіе раввинскихъ произведеній.

Ученіе евреевъ Закону Божію могло бы ограничиться Моисеевымъ пятикнижіемъ, краткою библейскою исторіею (по руководству Переца-Бэра), объясненіемъ заповѣдей и пророковъ, prophetae priores, и другихъ еврейскихъ законовъ по руководству Имри Шеффера, изданному Герцъ-Гомбергомъ и друг. и по катехизису Бенъ-Зева. При этомъ нужно бы было вмѣнить учителямъ въ непремѣнную обязанность, чтобы они слѣдовали общепринятому въ христіанскихъ школахъ способу преподаванія предметовъ; требовали бы отъ дѣтей не одного только изустнаго, но осмысленнаго изложенія изучаемыхъ ими предметовъ и обращали бы вниманіе при ученіи Закону Божію болѣе на нравственно чисто религіозную, нежели на одну только обрядную сторону св. Писанія. Въ этихъ же школахъ по преимуществу полезно бы было обученіе различнымъ ремесламъ, основываясь на томъ, что еврейскія дѣти въ Талмудъ-Торахъ проводятъ большую часть дня, не имѣя пристанища и надзора въ ихъ жилищахъ.

Также учрежденіе полныхъ пансіонеровъ при Талмудъ-Торахъ на пожертвованныя суммы, по изложеннымъ выше причинамъ, могло бы способствовать къ улучшенію нравственности и къ истинному воспитанію бѣднаго народонаселенія.

Касательно казенныхъ еврейскихъ училищъ.

Я уже говорилъ о томъ, что евреи отдаютъ очень рано дѣтей своихъ (6—4 лѣтъ) въ хедеры. Дѣти приходятъ и приносятся на рукахъ (въ худую погоду) въ хедеры и Талмудъ-Торы съ самаго утра и остаются тамъ до 10 часовъ вечера подъ надзоромъ учителей или содержателей хедеровъ.

Напротивъ, въ училищахъ казенныхъ еврейскихъ даже самыхъ пер-

вопачальныхъ (1-го разряда) дѣти принимаются, начиная съ 8-лѣтняго возраста и остаются тамъ не болѣе 6 часовъ въ сутки.

Изъ такого различія возрастовъ дѣтей, принимаемыхъ въ хедеры и казенныя училища, и изъ различія времени занятій въ тѣхъ и другихъ школахъ необразованный классъ евреевъ-родителей заключаетъ, что дѣти ихъ не могутъ имѣть хорошихъ успѣховъ въ казенныхъ училищахъ; притомъ же, возвращаясь домой и имѣя свободное время, дѣти при отсутствіи родителей остаются безъ надзора и становятся занятымъ родителямъ въ тягость.

Сверхъ того въ казенныхъ первоначальныхъ еврейскихъ училищахъ (1-го разряда) требуется отъ дѣтей при вступленіи умѣнье читать на древнемъ еврейскомъ языкѣ, знать употребительныя молитвы и понимать двѣ первыя книги Моисеева пятикнижія (13 ст. правилъ о казенныхъ еврейскихъ училищахъ).

Это требованіе предполагаетъ уже довольно значительное приготовленіе ребенка къ школѣ. Родители сами не могутъ доставить дѣтямъ этихъ приготовительныхъ свѣдѣній или не имѣютъ къ тому времени; а бѣднѣйшіе изъ родителей даже не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ никакихъ средствъ пріобрѣсти всѣ эти свѣдѣнія, требующіяся отъ поступающихъ въ казенное училище.

Изъ этого очевидно, что и тѣ изъ евреевъ, которые не имѣютъ никакихъ предубѣжденій противъ образованія своихъ дѣтей въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, принуждены бываютъ отдавать ихъ въ хедеры или поручать меламдамъ для приготовленія къ вступленію въ казенныя школы. А меламды и содержатели хедеровъ, даже и привиллегированные отъ правительства, для собственной ихъ выгоды стараются удерживать отданныхъ имъ дѣтей и нарочно тянутъ время ученія.

И такъ, чтобы устранить эту важную невыгоду, низвергающую еврейскихъ дѣтей въ руки меламдовъ, и явно нарушающую дѣятельность первоначальныхъ казенныхъ училищъ, необходимо ввести при нихъ приготовительные классы, гдѣ бы дѣти подъ руководствомъ законныхъ меламдовъ, испытуемыхъ (см. выше въ 3 пунктѣ объ испытаніи меламдовъ) и подъ надзоромъ директоровъ училищъ упражнялись въ чтеніи на еврейскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ этихъ-то классахъ, при большомъ скопленіи учениковъ, нужно бы было также учредить взаимное Ланкастерское обученіе, по крайней мѣрѣ, для обученія русскому языку. Особливо, эта мѣра необходима въ тѣхъ мѣстахъ края, гдѣ еще мало законныхъ частныхъ еврейскихъ училищъ (какъ-то: Екатеринославъ, Таганрогъ).

Казенныя еврейскія училища раздѣляются на 2 разряда: перваго разряда соотвѣтствуютъ нашимъ приходскимъ, 2-го же разряда нашимъ уѣзднымъ училищамъ.

Если вообще это раздѣленіе едва ли соотвѣтствуетъ положенію еврейскаго народонаселенія (нераздѣленнаго рѣзко на отдѣльные классы) въ нашемъ обществѣ, то оно представляется еще менѣе необходимымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ вмѣстѣ оба разряда этихъ училищъ, какъ, напр., въ Одессѣ, Херсонѣ и Кишиневѣ.

Кромѣ того, что такое раздѣленіе сопряжено съ безполезными издержками, можно почти навѣрное сказать, что училище 2-го разряда всегда окажется пустымъ, какъ это я замѣтилъ въ Одессѣ, гдѣ училища 1 и 2 разрядовъ необходимо соединить въ одно, о чемъ я буду имѣть честь войти съ особымъ представленіемъ.

Да и въ другихъ мѣстахъ Новороссійскаго края полезно бы было, по крайней мѣрѣ, вмѣсто двухъ отдѣльныхъ смотрителей для каждаго училища, изъ которыхъ смотритель 1-го подчиненъ 2-му, опредѣлить одного, освободить его отъ обязанности преподавателя (каждый изъ двухъ смотрителей есть вмѣстѣ и преподаватель русскаго языка и ариеметики) и его уроки по русскому языку возложить на особаго учителя.

Такое измѣненіе будетъ имѣть несравненно лучшіе результаты. Управ-

леніе обоими училищами, даже если они останутся и раздѣленными, не многосложно, а между тѣмъ смотритель училищъ, будучи освобожденъ отъ уроковъ, удобнѣе можетъ наблюдать за ходомъ ученія.

Сумма, оставшаяся отъ упраздненія одного изъ разрядовъ этихъ училищъ, могла бы быть съ пользою употреблена для усовершенствованія другого. Такъ, для Одессы предстоитъ очевидная необходимость вмѣсто четырехъклассиаго училища основать шестиклассное; въ другихъ мѣстахъ нужно увеличить жалованье учителямъ. Таврическая дирекція училищъ особливо поставляетъ на видъ скудное содержаніе учителей и дома еврейскаго училища.

Она доказываетъ, что безъ этой мѣры въ училищѣ не будетъ никогда полнаго комплекта учителей (только недавно замѣщена бывшая долгое время вакансія одного учителя, другой же хочетъ уволиться) и самое училище не можетъ имѣть приличнаго помѣщенія.

Предлагаемая реформа еврейскихъ училищъ должна быть непремѣнно соединена съ введеніемъ реальныхъ предметовъ, чтобы тѣмъ привлечь какъ можно болѣе евреевъ къ образованію ихъ дѣтей въ училищахъ. Основываясь на вышеизложенныхъ началахъ, я убѣжденъ, что вообще однѣ чисто-реальныя (для низшихъ классовъ) и коммерческія (для зажиточныхъ евреевъ) школы, несравненно болѣе бы привлекли еврейскихъ дѣтей, нежели направленныя на ученіе Закона Божія.

Чѣмъ болѣе въ евр. школахъ обращается вниманія на ученіе и толкованіе Закона Божія, тѣмъ болѣе въ невѣжественномъ евр. народонаселеніи, соблазняемомъ нелѣпыми слухами (распространяемыми меламдами), развивается подозрѣніе, что въ училищахъ стараются дѣтей совратить съ прямого пути и измѣнить религію.

Напротивъ, чѣмъ болѣе будетъ обращено вниманіе учащихся на предметы реальные, тѣмъ скорѣе убѣдятся родители въ практической пользѣ, приносимой ихъ дѣтямъ образованіемъ въ училищахъ.

Такимъ образомъ, обученіе нѣкоторымъ художествамъ и даже ремесламъ, введеніе рисовальныхъ классовъ, черченія, даже нѣкоторыхъ ремеслъ (какъ, напр., лѣпнаго, картоннаго и переплетнаго, токарнаго) и нѣкоторыхъ предметовъ технологіи оказало бы несомнѣнную пользу въ этомъ отношеніи.

Напротивъ (и въ этомъ согласны и всѣ дирекціи округа, и всѣ истинно-образованные евреи) излишнія подробности въ толкованіи закона еврейскаго, особливо по Маймониду, введенному въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, ясно противорѣчитъ слабому и едва начинающему развиваться понятію дѣтей, и вообще программа этого предмета, введенная теперь въ училищахъ, неудобоисполнима, потому что:

1) многія статьи повторяются въ курсѣ ученія вдвойнѣ,

2) другія по содержанію своему должны быть изучаемы однимъ поколѣніемъ Ааронидовъ,

3) нѣкоторыя же доступны лишь юношамъ старшаго возраста и преимущественно только тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ посвятить себя званію раввина,

4) языкъ Маймонида труденъ.

Имѣвъ терпѣніе прочитать нѣкоторыя книги Маймонида въ нѣмецкомъ переводѣ, я, дѣйствительно, убѣдился, что чтеніе его для дѣтей (особливо по общепринятому способу въ еврейскихъ училищахъ), можетъ скорѣе притупить, нежели развить умственныя способности дѣтей.

Ко всему этому присоединяется еще одна важная причина замедленія успѣховъ дѣтей въ еврейскихъ училищахъ, это есть несоразмѣрная дороговизна учебныхъ еврейскихъ книгъ, изданныхъ отъ департамента. Большая часть учениковъ, принадлежащая преимущественно къ бѣдному классу евреевъ, лишена возможности, даже по этой причинѣ, продолжать ученіе въ заведеніи до конца курса.

Просвѣщенные и знакомые съ дѣломъ евреи предлагаютъ: замѣнить Маймонида, по крайней мѣрѣ, статьями, болѣе доступными дѣтскимъ понятіямъ, какъ-то: уваженіе святыни,

о почитаніи родителей, подаяніи милостыни и т. п., заключающимися въ книгѣ Хайе Адама, писанными болѣе легкимъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что (по свидѣтельству нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла) Хайе Адамъ и Маймонидъ, излагая однѣ и тѣ же узаконенія, отличаются только въ своихъ трактатахъ, а между тѣмъ евреями принятъ вообще трактатъ узаконеній по Хайе Адаму, который согласенъ съ Шульханъ-Арухомъ.

Сверхъ Хайе Адама предлагается также почти единогласно всѣми просвѣщенными еврейскими педагогами введеніе катехизиса по Бенъ-Зеву и нравственно-религіознаго руководства подъ заглавіемъ Имри-Шефера (изд. Гольберга),—Библейской исторіи Переца Бэра и чтеніе Седры и Гафторы.

На изученіе новыхъ языковъ должно быть обращено преимущественно вниманіе учебнаго начальства, какъ на самое мощное средство къ распространенію здравыхъ понятій и просвѣщенію ума, не способнаго къ развитію при употребляемомъ евреями жаргонѣ. Поэтому въ приготовительныхъ классахъ должно увеличить число часовъ, назначенныхъ для изученія русскаго и нѣмецкаго языковъ.

Введеніе преподаванія исторіи всеобщей, русской и естественной и географіи въ самомъ краткомъ объемѣ также предлагается нѣкоторыми дирекціями, какъ весьма полезное дополненіе къ образованію еврейскихъ дѣтей.

Какъ по изложеннымъ мною выше причинамъ умноженіе учебныхъ часовъ въ училищахъ не только не отяготительно для дѣтей, но, напротивъ, еще въ глазахъ родителей увеличитъ достоинство школы, то смѣло можно, къ выгодѣ самыхъ училищъ, ввести дополнительные курсы и усиленіе уроковъ нѣмецкаго и русскаго языковъ и другихъ реальныхъ предметовъ.

Но какъ бы курсы, часы, классы и руководства въ училищахъ ни были измѣнены и приноровлены къ потребностямъ образованія еврейскаго юношества, истинныхъ успѣховъ и распространенія просвѣщенія можно надѣяться только при слѣдующихъ условіяхъ:

1) Когда метода ученія, преимущественно, еврейскаго закона и языка будетъ болѣе раціональная и болѣе сходная съ общепринятою; когда способъ изученія другихъ предметовъ будетъ болѣе нагляднымъ, не ограничивающимся однимъ только буквальнымъ и изустнымъ изложеніемъ.

2) Когда выборъ директоровъ или смотрителей училищъ будетъ произведенъ самымъ тщательнымъ образомъ. Необходимо, чтобы эти начальники училищъ были люди болѣе просвѣщенные, знакомые преимущественно съ языками и именно нѣмецкимъ (болѣе близкимъ и учителямъ, и учащимся).

3) Когда кромѣ этихъ главныхъ христіанскихъ смотрителей будетъ находиться при каждомъ училищѣ еще и еврейскій почетный смотритель, утверждаемый по выбору цѣлымъ обществомъ и пользующійся полнымъ довѣріемъ этого общества, и снабженный нѣкоторыми общественными преимуществами.

4) Когда права еврейскихъ учителей будутъ хотя сколько-нибудь сравнены съ правами христіанскихъ учителей.

5) Когда самые ученики, обучающіеся въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ, будутъ привлекаемы къ ученію какими-нибудь правами или преимуществами; напримѣръ, освобожденіе или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе податей и налоговъ для отличнѣйшихъ учениковъ по окончаніи полнаго курса, безъ всякаго сомнѣнія, привлекло бы множество учениковъ и увеличило бы стократно въ глазахъ родителей, ищущихъ преимущественно матеріальныхъ выгодъ, достоинство училищъ.

Я выше изложилъ уже мое мнѣніе о пользѣ пансіоновъ при школахъ, основаніе которыхъ имѣло бы цѣлью удалить еврейскихъ дѣтей изъ окружающей ихъ атмосферы предразсудковъ и повѣрій. Если бы возможно было, въ видѣ опыта, основать при одномъ изъ казенныхъ училищъ такого рода пансіонъ для недостаточныхъ дѣтей, то, безъ сомнѣнія, также можно бы было ясно убѣ-

диться въ существенной пользѣ этой мѣры.

Извѣстно также, что ни что столько не способствуетъ къ распространенію просвѣщенія въ народѣ, какъ образованіе дѣтей женскаго пола—будущихъ матерей, наставницъ грядущаго поколѣнія. Поэтому распространеніе и поощреніе всѣми средствами частныхъ дѣвичьихъ еврейскихъ училищъ и образованіе, такъназываемыхъ, «Töchterschulen» по образцу заведенныхъ въ остзейскихъ провинціяхъ, служило бы самымъ мощнымъ рычагомъ къ просвѣщенію еврейскаго народонаселенія и сближенію его съ христіанскимъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ въ Новороссійскомъ краѣ въ настоящее время на 60.000 душъ женскаго пола еврейскаго народонаселенія считается всего на всего только 442 учащихся дѣвочекъ въ училищахъ и изъ нихъ большая половина (256 дѣвочекъ) въ одной Одессѣ; а казенное дѣвичье училище только одно—въ Одессѣ.

Не могу, наконецъ, не указать на одно важное неудобство, существующее въ настоящее время относительно содержанія казенныхъ еврейскихъ училищъ. Училища эти, содержимыя на счетъ свѣчнаго сбора, получаютъ суммы на содержаніе изъ думъ различныхъ, нерѣдко весьма отдаленныхъ городовъ (какъ, напримѣръ, нѣкоторыя училища Новороссійскаго края изъ Виленской и даже Витебской губерній). Эти суммы никогда своевременно не получаются и иногда проходитъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ онѣ получаются училищнымъ вѣдомствомъ; отъ этого училища терпятъ крайнюю нужду и прибѣгаютъ по необходимости къ займамъ изъ другихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, херсонское казенное еврейское училище еще въ прошедшемъ году сдѣлало заемъ изъ гимназической экономической суммы и понынѣ состоитъ должнымъ; тоже случилось съ Елисаветградскимъ и даже Одесскимъ. Этотъ порядокъ поступленія податныхъ суммъ долженъ быть непремѣнно измѣненъ; иначе можетъ случиться, что училища сдѣлаются несостоятельными и ходъ ученія чрезъ то будетъ нарушенъ.

Одесская талмудъ-тора.[56]

На-дняхъ я посѣтилъ талмудъ-тору, и вышелъ изъ нея съ такимъ чувствомъ, которымъ не могу не подѣлиться.

Можетъ быть, многіе изъ читателей «Одесскаго Вѣстника» скажутъ: какое намъ дѣло до жидовскаго приходскаго училища, когда насъ и наши христіанскія мало занимаютъ?

Но виноватъ ли я, если меня занимаетъ все общечеловѣческое, когда сущность его истекаетъ изъ вѣчныхъ истинъ откровенія, будутъ ли онѣ сознательно или безсознательно принимаемы націею?

Не болѣе, какъ за годъ, бѣдные, нищенствующіе сироты ветхозавѣтнаго поколѣнія гнѣздились скученные, одѣтые въ рубище, на лавкахъ прежней талмудъ-торы, читая на-распѣвъ съ утра до вечера подъ ферулой своихъ меламдовъ. Черствый кусокъ хлѣба, который эти несчастныя дѣти приносили съ собою въ училище, служилъ имъ единственною пищею. Казалось, и учители, и дѣти полагали всю свою надежду на духовное питаніе талмудическими сентенціями.

Всѣ занятія грязной, нечесанной толпы учениковъ и учителей ограничивались подстрочнымъ переводомъ съ еврейскаго на испорченный нѣмецкій жаргонъ, казавшійся для непривычнаго уха однимъ безтолковымъ крикомъ.

И вотъ, нѣсколько просвѣщенныхъ благотворителей, вникнувъ въ глубо-

кій смыслъ словъ вдохновеннаго пророка, движимые высокимъ милосердіемъ къ своимъ соплеменникамъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ измѣнили и сущность, и видъ училища.

Я, нимало не приписывая себѣ никакой заслуги,—потому что ходатайствовалъ только у правительства о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ программѣ ученія,—имѣю полное право безпристрастно хвалить то, о чемъ грѣшно бы было умолчать. Одну только приписываю себѣ услугу, оказанную дѣтямъ бѣдныхъ евреевъ: я содѣйствовалъ къ опредѣленію прусскаго подданнаго—г. доктора Гольденблюма. А ему, послѣ просвѣщенныхъ блюстителей школы, и должна быть отдана вся честь и вся заслуга преобразованія. Но ни онъ, ни блюстители не могли бы совершить такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ дѣло преобразованія, если бы все еврейское общество не приняло истинно-сердечнаго участія въ этомъ подвигѣ человѣколюбія. Нельзя довольно оцѣнить просвѣщенное милосердіе и ревность, съ которыми общество принялось за это дѣло.

Слишкомъ 200 мальчиковъ, преимущественно сиротъ, помѣщаются теперь въ чистыхъ и теплыхъ комнатахъ; всѣ одѣты въ опрятные байковые сюртуки; ни у одного не замѣтно нечесанныхъ, всклоченныхъ волосъ, грязныхъ ногтей, разорванныхъ сапоговъ; а что главное,—дѣти высшихъ классовъ уже объясняются съ главнымъ учителемъ ихъ, г. Гольденблюмомъ, не на несносномъ еврейскомъ жаргонѣ, отвѣчаютъ на вопросы со смысломъ, отстаютъ, доведенные неусыпными трудами этого педагога, отъ безтолковаго голословія. Не болѣе трехъ недѣль тому назадъ, г. Гольденблюмъ ввелъ хоральное пѣніе, и уже 30 или 40 мальчиковъ поютъ складно молитвы и стихи на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Прежде и въ хорошую погоду ученики не являлись по цѣлымъ недѣлямъ, предпочитая училищу праздное скитанье по улицамъ; теперь,—и въ грязь, и въ дождь,—училище полно учениками. Заведены печатныя журнальныя книги для отмѣтокъ, въ классахъ введены условные знаки, вездѣ господствуетъ порядокъ. Обхожденіе съ учениками также перемѣнилось. Правда, въ низшихъ классахъ еще замѣчается иногда, что иной школьникъ, отвѣчая на вопросы гнѣвнаго меламда, отклоняетъ отъ него невольно голову въ сторону; но это только доказываетъ извѣстную истину, что никто столько не консервативенъ, какъ земледѣлецъ и старый учитель.—Зато ни одинъ старосвѣтскій еврей не отыщетъ теперь въ талмудъ-торѣ своего сына, назвавъ его Мошкою или Гершкою.

Но мало еще этого. Милосердіе еврейскаго общества къ бездомнымъ сиротамъ не ограничилось тѣмъ, что оно доставило имъ ученье, одежду и обувь;—сверхъ этого, семьдесятъ изъ нихъ, бѣднѣйшихъ, обѣдаютъ въ училищѣ; имъ даютъ ежедневно въ часъ отличный хлѣбъ и сытный, хорошо приготовленный супъ съ мясомъ и картофелемъ,—и того, и другого, вдоволь. За столомъ—благочиніе и порядокъ. Еврейскія дамы, участвующія въ пожертвованіяхъ, ежедневно по-очереди, приглашаются къ столу и присутствуютъ при немъ, раздаютъ кушанье дѣтямъ и слѣдятъ за качествомъ пищи.

Итакъ, изумительные успѣхи учениковъ, перемѣна ихъ образа жизни, даже ихъ физіономій, получившихъ здоровый, веселый видъ—и все это въ девять мѣсяцевъ!

Если,—невольно подумалъ я, выходя изъ школы,—человѣкъ чрезъ девять мѣсяцевъ родится на свѣтъ, то во столько же времени онъ можетъ переродиться? Послѣ этого намъ ничего болѣе не остается, какъ благодарить Бога, что Онъ далъ намъ два чудесныя свойства: **привыкать** и **отвыкать**. Привычка удерживаетъ насъ идти слишкомъ скоро впередъ, дѣлаетъ насъ осторожно-консервативными; а, отвыкая, подъ руководствомъ благоразумныхъ наставниковъ, мы дѣлаемся прогрессистами. — Этими двумя неоцѣненными свойствами человѣка разрѣшается вся задача его общественной жизни. Кто умѣетъ хорошо, кстати, привыкнуть и отвыкнуть, тотъ и понялъ науку жить.

Мудрое и вѣчное правило, которое столько же относится до приходскаго школьника, сколько и до знаменитаго гражданина, какого бы ни былъ онъ рода и племени, въ какомъ бы вѣкѣ ни родился и въ которой бы изъ пяти частей свѣта ни обиталъ!

Но намъ ли, живущимъ въ вѣкѣ смѣлыхъ предпріятій, въ вѣкѣ прогресса, еще удивляться, что двѣ сотни еврейскихъ мальчишекъ переродились въ девять какихъ-нибудь мѣсяцевъ? Такія ли еще чудеса совершаются теперь предъ нашими глазами!

Однако-же, если наша гражданственность, глядя свысока, не позволяетъ намъ удивляться такой простой вещи, то почему же наши христіанскія приходскія училища въ эти девять мѣсяцевъ не сдѣлали никакого шага впередъ? Не я ли виноватъ?

По совѣсти говорю: нѣтъ. Или, если виноватъ, то безсознательно. Выслушайте и судите.

Если дѣла минувшихъ дней доказали намъ, что можно заставить и въ худыхъ училищахъ нехотя учиться, то еще никто не доказалъ, что можно заставить въ нихъ и хорошо учиться. Для этого необходимо одно изъ двухъ: или охота, или хорошее училище.

Извѣстно, охота пуще неволи; но тутъ нужно приманить, а не заставить.

А чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами.

Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять?

Словъ сколько угодно; а убѣжденій — это дѣло иное.

Вотъ въ этомъ-то отношеніи нельзя не указать на евреевъ.

Еврей считаетъ священнѣйшею обязанностью научить грамотѣ своего сына, едва научившагося лепетать; это онъ дѣлаетъ по глубокому убѣжденію, что грамота есть единственное средство узнать законъ. Онъ это дѣлаетъ потому, что убѣжденъ въ вдохновенной истинѣ словъ Моисея: «Слыши, Израилю: Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть, и возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея силы твоея, и да будутъ слова сіи въ душѣ твоей и сердцѣ твоемъ, и научи имъ сыновъ твоихъ» (5. 6. 5).

Въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка грамота и законъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое. У него нѣтъ ни споровъ, ни журнальной полемики о томъ, нужна ли его народу грамотность. Въ мысляхъ его, кто отвергаетъ необходимость грамотности, тотъ отвергаетъ законъ. Еврей, въ нашихъ глазахъ, есть старообрядецъ, старообычникъ, поклонникъ мертвой буквы, формалистъ,—все, что хотите, но все —по убѣжденію.

А мы, которымъ открыта и благодать, и истина, которымъ дѣти поставлены въ образецъ, мы, вѣрующіе, что «Богъ бѣ Слово», какъ мы убѣждены, что наши дѣти должны знать слово?—Мы вдаемся въ толки, разсуждая, споря и сомнѣваясь еще о томъ, что должно быть нашимъ кровнымъ убѣжденіемъ. Мы—и прогрессисты, и искатели сущности; но когда дѣло дойдетъ до дѣйствій по убѣжденію, то мы поспоримъ въ консерватизмѣ и съ евреями.

Я знаю,—за то, что я теперь сказалъ, меня будутъ упрекать въ пристрастіи, въ ослѣпленіи, въ напраслинѣ; мнѣ скажутъ, что я слѣпъ и глухъ, если, живя въ просвѣщенномъ и человѣколюбивомъ обществѣ, не слышу и не вижу ежедневныхъ фактовъ, доказывающихъ и любовь къ просвѣщенію и благотворительность, фактовъ погромаднѣе того, который я привелъ, говоря о какой-то мелочной талмудъ-торѣ. Я знаю, что многіе даже обидятся и за сравненіе, и за параллель. «Какъ можно смѣть сравнивать, — скажутъ,— нравственныя свойства, и еще чьи? семитическаго, отжившаго племени—съ нашими! Это неслыханная дерзость!».

Все это я знаю; но, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь говорить, что мнѣ кажется истинною правдою.

Не забудемъ: кому больше дано, съ того болѣе и спросится. Мы говоримъ, что мы любимъ просвѣщеніе. Да это немудренно: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ, потому что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-

вторыхъ, мы стыдимся сказать противное, точно также какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ. Вы приводите факты: вы содержите на вашемъ иждивеніи сиротскія и приходскія училища, вы дѣлаетесь ихъ почетными смотрителями и попечителями. Но вѣдь мы знаемъ, Кто у насъ истинный распространитель просвѣщенія; вѣдь мы знаемъ, какъ одно Его слово, Его желаніе, для насъ дорого. Мы знаемъ хорошо, что отъ Него не скроется ни одинъ добрый поступокъ на общую пользу. Что же тутъ собственно нашего? Это все Его. Мы творимъ только волю Пославшаго насъ. Но проникла ли эта высшая, благая воля до нашего сознательнаго, внутренняго убѣжденія? Сдѣлалась ли она нашею второю натурою, задушевною, неотъемлемою собственностью?—Вотъ это докажите мнѣ фактами.

Мы говоримъ, что мы благотворительны. Но, во-первыхъ, мы не должны бы были этого говорить: «Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя». А во-вторыхъ, если мы уже до того христіане, что милосердіе сдѣлалось нашимъ общимъ душевнымъ достояніемъ, то это значитъ — дѣла милосердія у насъ приняли уже характеръ общественнаго института. Но если такъ, то покажите мнѣ основныя начала этого института.—Мы всѣ, не отрекшіеся отъ свѣта и его прелестей, поступаемъ еще никакъ не лучше юноши, который просилъ наставленія у Спасителя о томъ, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную. Мы, благотворя, соблюдаемъ только главныя заповѣди. Но, соблюдая ихъ, какъ бы мы ни тщились общими силами совершать дѣла милосердія, мы подвергаемся опасности, при устройствѣ нашего общества, столько же повредить ему, сколько и помочь, если мы не согласимся сначала подчинить наши дѣйствія не только сердцу, но и разуму. Сердце требуетъ только, чтобы исполнена была заповѣдь; разумъ требуетъ, чтобы исполнилась не одна ея буква. Разумъ говоритъ, что въ настоящее время, какъ бы громадны ни были наши средства, мы все-таки только тогда сдѣлаемся истинными благотворителями, когда сосредоточимъ ихъ на одну, опредѣленную, сторону благотворительности, то-есть когда мы будемъ дѣйствовать ими для удовлетворенія одной какой-либо главнѣйшей потребности нищеты. Словомъ, при настоящемъ состояніи нашего общества и при ограниченности нашихъ средствъ,—которыя, какъ бы ни казались велики, все-таки, въ сущности, ничтожны относительно числа потребителей,—благотворитель долженъ быть непремѣнно спеціалистомъ. Какъ современная наука, въ ея примѣненіи къ обществу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлается спеціальною; какъ въ наукѣ едва-едва мы можемъ еще удержать общечеловѣческое направленіе въ школѣ, да и туда уже безпрестанно врывается ненасытная утилитарность съ ея спеціальными требованіями, такъ и въ общественной филантропіи общее безпредѣльное милосердіе съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе неудобнымъ и даже вреднымъ въ его практическомъ приложеніи.

Но въ настоящее время, чѣмъ менѣе распространена въ обществѣ гражданственность, тѣмъ сильнѣе должно быть общечеловѣческое направленіе науки, тѣмъ болѣе университетское должно преобладать надъ факультетскимъ. Напротивъ, въ филантропіи, чѣмъ менѣе развита гражданственность общества, чѣмъ менѣе оно обыкло дѣйствовать сознательно и послѣдовательно, тѣмъ спеціальнѣе, тѣмъ сосредоточеннѣе должны быть дѣйствія благотворительности.

Общество, стоящее на высшей степени гражданственности, уже до такой степени успѣло себѣ усвоить образованность, что, какъ бы сильно оно ни нуждалось въ спеціальности, все-таки спеціальность не истребитъ общечеловѣческаго начала науки. Спеціалисту въ такомъ обществѣ не такъ легко впасть въ рутину или сдѣлаться шарлатаномъ. Но попробуйте развить научную спеціальность на счетъ общечеловѣческаго въ обществѣ, еще не остепенившемся гражданственно, и

вы получите между множествомъ грубыхъ ремесленниковъ, можетъ быть, нѣсколько односторонне дѣльныхъ людей, но уже никакъ не представителей науки.

Въ филантропіи — другое дѣло. Интересы сословій и всѣхъ членовъ общества развитого такъ слиты между собою, всѣ отношенія и нищеты, и богатства, такъ сложны и такъ взаимно пересѣкаются, что трудно дѣлается, тронувъ одну сторону, не затронуть другую. Тутъ дѣла милосердія уже дѣйствительно должны быть возведены на степень общественнаго института, составленнаго изъ самыхъ различныхъ отраслей управленія; тутъ дѣлается уже необходимымъ и общій обзоръ, и централизація управленія, и общая систематичность дѣйствій.—Но этотъ же самый способъ филантропическихъ дѣйствій перенесите въ общество еще малоразвитое, и оно превратитъ сущность дѣла въ форму; оно понапрасну развлечется наружною громадностью обстановки, тогда какъ ему нужно бы было, сосредоточившись, избрать только одну, двѣ или нѣсколько сторонъ, смотря по величинѣ его средствъ.

Нетрудно научиться, а трудно умѣть приложить изученное къ дѣлу. Тутъ мѣшаютъ намъ и неумѣнье въ пору привыкнуть и въ пору отвыкнуть, и суетность, и другія дрязги жизни.

Пусть же общество, еще не достигшее зенита гражданственности, сознательно разберетъ, чѣмъ оно должно пользоваться изъ настоящаго того общества, которое ушло дальше, и чѣмъ изъ его прошедшаго, оставивъ спокойно до поры и до времени то, за чѣмъ ему еще рано гоняться.

Мы знаемъ, что высочайшее дѣло и христіанства, и народнаго просвѣщенія, съ каждымъ годомъ и каждымъ днемъ распространяющее все болѣе и болѣе свѣтъ евангельскаго ученія, началось тихо и скромно, копѣечнымъ сборомъ, и достигло огромныхъ размѣровъ только потому именно, что всѣ обширныя дѣйствія милосердныхъ распространителей слова Божія ограничивались и теперь ограничиваются одною опредѣленною цѣлью: дать желающимъ средство читать Ветхій и Новый Завѣтъ.

Вотъ такъ должны начинаться всѣ благотворительныя общества. Пусть благотворители изберутъ сначала только одну или двѣ изъ главныхъ потребностей нищеты,—будетъ ли то квартира, топливо, или пища,—и всѣ свои силы, все умѣнье, все милосердіе, всѣ средства, сосредоточатъ на этомъ одномъ предметѣ. Конечно, это не такъ легко, какъ кажется. Тутъ нужно: во-первыхъ, единодушіе, строгое подчиненіе одной предназначенной цѣли другихъ, болѣе безграничныхъ чувствъ и желаній, какъ бы они ни были справедливы и похвальны; даже нѣкоторая степень жестокосердія, если такъ можно назвать твердость души, необходима для достиженія этой цѣли. Во-вторыхъ, нужно прямое и истинное участіе въ нравственной судьбѣ бѣднаго. Никогда милостыня не должна быть чисто-матеріальною; надобно, чтобы она помогала нравственно. Никогда помощь тому, кто имѣетъ силу или возможность работать, не должна доставаться совершенно даромъ; по крайней мѣрѣ, онъ долженъ быть увѣренъ, что она не достается ему безъ труда и работы. Вспомнимъ, что случилось съ знаменитыми національными мастерскими въ Парижѣ. Сегодня вы накормите даромъ одного, не имѣвшаго ни пищи, ни работы, и завтра же къ вамъ придутъ за тѣмъ же двое, имѣвшихъ и пищу, и работу. Кто не хочетъ, чтобы милосердіе противодѣйствовало общественной нравственности, тотъ долженъ давать матеріальную помощь бѣдному не иначе, какъ принимая нравственно живое участіе въ судьбѣ его. Да и кто больше христіанинъ: тотъ ли, про кого всѣ нищіе говорятъ, что онъ даетъ милостыню, или тотъ, кто, истинно помогая, заставляетъ всѣхъ думать, что онъ только платитъ за труды, тогда какъ этотъ трудъ нуженъ не ему, а тому, кто трудился, и нуженъ нравственно?

Теперь, положимъ, что благотворители приняли мой совѣтъ; положимъ,

что они составили общество съ ограниченною цѣлью доставить извѣстному числу неимущихъ жилище и топливо. Благотворители купили домъ или наняли отдѣльныя квартиры, запаслись дешевымъ топливомъ; узнали обстоятельно положеніе нѣсколькихъ бѣдныхъ, трудящихся семействъ и отдали квартиры тѣмъ изъ нихъ, которыя платили прежде по 3 рубля въ мѣсяцъ, за одинъ рубль; которыя платили по 2 рубля — за полтину сер.; наконецъ, тѣмъ, которыя не имѣли ни крова, ни работы, дали квартиру безъ платы и работу, съ тѣмъ, чтобы одною частью дохода съ нея выплачивались квартира и топливо. Не развлекаясь удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей нищеты, ограничиваясь, по своимъ средствамъ, извѣстнымъ числомъ бѣдныхъ семействъ, всѣ члены этого спеціальнаго филантропическаго общества, сосредоточивая свое вниманіе на одинъ предметъ, изучили бы его основательно, узнали бы подробно и цѣну, и качество, и значеніе квартиры и ея отношенія къ работѣ въ жизни бѣднаго человѣка; а изъ суммы, собранной съ бѣдныхъ семействъ за помѣщеніе, составился бы новый капиталъ, который могъ бы быть обращенъ въ ихъ же пользу и для той же цѣли. Результатъ такой сосредоточенно-односторонней дѣятельности общества не замедлитъ обнаружиться, а примѣръ поощритъ другихъ благотворителей къ образованію новаго общества, которое изберетъ своею цѣлью — удовлетворить другой потребности нищеты. Если, наконецъ, образуется нѣсколько такихъ частныхъ, спеціальныхъ обществъ, если они достаточно организуются, тогда,—но только тогда,—наступитъ время всѣмъ вмѣстѣ сблизиться. И обнаружится существенная, а не формальная потребность придти къ одному знаменателю.

Но въ настоящее время, когда мы, кажется, начинаемъ уже серьезно убѣждаться, что мы истиннаго прогресса можемъ достигнуть однимъ, единственнымъ путемъ воспитанія, теперь,—говорю,—кто истинно любитъ отечество, для кого грядущее потомство проявляетъ собою идею земного безсмертія, тотъ долженъ и милосердіе посвятить исключительно д ѣ т я м ъ.

Дѣти — вотъ современная спеціальность для нашихъ благотворителей.

Невольно опять обращаюсь къ евреямъ. Ихъ Маймонидъ, основываясь на устномъ преданіи, утверждаетъ, что слово: с ы н ъ—въ Ветхомъ Завѣтѣ значитъ также и у ч е н и к ъ, приходская ш к о л а евреевъ, или талмудъ-тора, значитъ: и з у ч е н і е з а к о н а. И т а к ъ, г р а м о т а и з а к о н ъ, с ы н ъ и у ч е н и к ъ, у ч е н ь е и в о с п и т а н і е — сливаются въ одно въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка,—и эта тождественность, въ глазахъ моихъ, есть самая высокая сторона еврея.

Неужели же мы, озаренные свѣтомъ истины, должны въ этомъ отношеніи отстать отъ ветхозавѣтниковъ? Неужели толки о томъ, нужна ли грамота для дѣтей нашего народа, должны еще серьезно занимать насъ? Или еще болѣе: неужели мы еще должны бояться, что она вредна, и вѣрить въ цифру, будто бы математически доказывающую ея тлетворное вліяніе на нравственность простолюдина? Да развѣ благо Слова и его распространенія въ народѣ должно доказывать фактами и статистикой? Развѣ Истина, облеченная въ Слово, въ словѣ и чрезъ слово изучаемая, не есть сама себѣ доказательство? И если бы въ доказательство вреда приводили, что не только половина, а в с ѣ грамотные простолюдины сдѣлались пьяницами и ворами именно оттого, что учились грамотѣ, то можетъ ли глубоко вѣрующій въ Воплощеніе Слова сказать что-нибудь другое въ отвѣтъ, какъ одно: н е в ѣ р ю?!

Если же кто-либо изъ противниковъ просвѣщенія смѣшиваетъ грамоту съ приложеніемъ ея къ жизни, то тѣмъ хуже для него.

Нѣтъ, у насъ еще нѣтъ убѣжденій. Мы споримъ о первыхъ основаніяхъ, и, слѣдовательно, сомнѣваемся еще и въ нихъ. Евреи, въ этомъ отношеніи, со всѣмъ ихъ старообрядчествомъ, со всѣмъ ветхимъ консерватизмомъ, могутъ служить об-

разцомъ, какъ должно имѣть убѣжденія. Они, съ ихъ непреодолимою настойчивостью, успѣли въ дѣлѣ убѣжденія уничтожить тѣ огромные промежутки, которые у насъ раздѣляютъ мысль, слово и дѣло. Едва ребенокъ начинаетъ говорить, и еврей-отецъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, посылаетъ его уже къ меламду учиться. Большая часть этихъ доморощенныхъ учителей-самозванцевъ скрывается въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, преслѣдуемая штатными смотрителями и полиціей. Я сказалъ бы, что если еще кто на свѣтѣ злоупотребляетъ грамотой, то это именно одни меламды. Но, увы! даже и этимъ тяжкимъ порицаніемъ еврея не могу воспользоваться къ возвышенію нашего собственнаго достоинства. Безутѣшная цифра, сообщенная публикѣ моимъ другомъ. В. И. Далемъ, не позволяетъ похвалиться и нашимъ умѣньемъ въ распространеніи свѣта грамотою.

Итакъ, правда, грамотность не въ-прокъ суевѣрнымъ послѣдователямъ талмуда; не въ-прокъ она и нашимъ раскольникамъ. Несмотря на это, я уважаю и въ евреѣ, и въ раскольникѣ, глубокое, сознательное убѣжденіе, что она необходима,—убѣжденіе, котораго не имѣютъ не только многіе изъ православныхъ, но и такая голова, какъ В. И. Даль, которая одна многихъ стоитъ. Будемъ снисходительны и согласимся, что не одинъ еврей и раскольникъ, а вообще человѣкъ всѣмъ злоупотребляетъ, даже святынею. Этой нравственно-исторической аксіомы, кажется, доказывать не нужно. Итакъ, будемъ и правосудны — не станемъ общую человѣческую слабость сваливать на однихъ меньшихъ нашихъ братій. Откинемъ предубѣжденія, проникнемся мыслью сквозь безобразную груду зла до самаго основанія, и увидимъ, что это зло есть не что иное, какъ переродившееся и искаженное добро.

И вотъ, если бы мнѣ теперь, моими слегка набросанными мыслями, удалось убѣдить хотя бы одного христіанскаго благотворителя или благодѣтельницу, что все, сдѣланное еврейскимъ обществомъ для здѣшней талмудъ - торы, достойно подражанія, если бы мнѣ удалось обратить просвѣщенное милосердіе хоть на одну изъ нашихъ приходскихъ школъ, — цѣль моя была бы совершенно достигнута.

И у насъ, между многими учениками приходскихъ училищъ, посылаемыми обыкновенно въ школу только для того, чтобы сбыть ихъ съ рукъ, есть, однакожъ, и такіе, которыхъ отцы хотятъ, чтобы они научились читать псалтырь и другія церковныя книги. И у насъ приходскіе школьники ходятъ за три и за четыре версты въ училище, носятъ также, какъ въ прежней талмудъ-торѣ, изорванные сапоги, ѣдятъ одинъ хлѣбъ и часто не являются въ училище по недостатку обуви или отвлекаемые работами по домашнему хозяйству. Учители также ведутъ списки. Но чѣмъ имъ завлечь или принудить ребенка, чтобы онъ посѣщалъ школу? Желудокъ вопіетъ сильнѣе головы. И если ребенокъ знаетъ, что, сходя въ школу, онъ останется послѣ голоденъ, то и по методѣ Ланкастера не заставишь его учиться.

Вотъ гдѣ обширное поприще для истинно-христіанскаго и, слѣдовательно, просвѣщеннаго милосердія.

Хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду, —вотъ что дайте, христіане-благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества. Слейте въ умѣ вашемъ мысль о тѣлесной пищѣ въ одно съ мыслью о пищѣ духовной; дайте ту и другую тѣмъ существамъ, которыя разрѣшили устами Спасителя вопросъ: «кто убо велій есть въ царствіи небесномъ»,—и вы исполните завѣтъ Его лучше, чѣмъ раздавая пригоршнями милостыню встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Не безпокойтесь, что облагодѣтельствованные вами ученики приходской школы не будутъ подъ безпрестаннымъ надзоромъ вашимъ, какъ дѣти сиротскихъ училищъ, и, продолжая оставаться подъ вліяніемъ грубыхъ и закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ родителей, не принесутъ тѣхъ плодовъ, которыхъ вы въ правѣ были ожидать отъ вашего милосердія. разсудки и порокъ, не такъ вредно

разсудки и порокъ, не такъ вредно дѣйствуетъ на нравственность сына, какъ закрытое заведеніе, если порокъ и безнравственность прокрались въ него подъ эгидою формы.

Накормите, одѣньте, обуйте бѣдныхъ приходскихъ школьниковъ, пошлите вашихъ женъ посмотрѣть за раздачею пищи и ея качествомъ, хлопочите о выборѣ и достаточномъ содержаніи педагога, и у васъ также явится свой Гольденблюмъ, и ваша приходская школа также переродится, какъ еврейская талмудъ-тора.

Письма къ редакторамъ еврейскихъ журналовъ.[57]

I.

Письмо къ редактору „Разсвѣта".

Кіевъ, 14 ноября 1860 г.

Я горжусь тѣмъ, что содѣйствовалъ на сколько могъ осуществленію вашей благой мысли — издавать на русскомъ языкѣ журналъ, который долженъ былъ сдѣлаться органомъ русскихъ евреевъ. Вы знаете, что я и по обязанности, и по убѣжденію сочувствую горячо образованной части вашей націи. Это въ моихъ глазахъ долгъ каждаго просвѣщеннаго русскаго; онъ долженъ вамъ сочувствовать изъ любви къ своему отечеству. Если же, можетъ быть, не всѣ раздѣляютъ то убѣжденіе, то, вѣрно, не потому, чтобы имѣли свои предубѣжденія, а потому что дѣлаютъ уступку предубѣжденіямъ менѣе образованной части своего народа. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на нашихъ евреевъ, нѣтъ никакой раціональной причины почему бы мы имъ не пожелали того же, чего мы желаемъ и самимъ себѣ: уваженія къ убѣжденіямъ совѣсти, къ личности, къ заслугамъ каждаго; нѣтъ причины почему бы мы не желали, чтобы евреи вмѣстѣ съ нами приносили пользу нашему общему отечеству, и за то пользовались бы его благами. Да и самый предубѣжденный изъ насъ, считающій еврея потому только злымъ и неправеднымъ, что онъ еврей, не имѣетъ всетаки права желать ему ничего другого, какъ того, чего онъ себѣ желаетъ, потому что «Отецъ небесный велитъ восходить солнцу надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ». И такъ, не отрекшись отъ основныхъ истинъ нашей вѣры, никто изъ насъ не въ правѣ желать худого и тому, кого онъ считаетъ злѣе и неправеднѣе самаго себя. Если же предубѣжденіе у нѣкоторыхъ доходитъ до того, что еврея считаютъ вреднымъ для нашего общества, въ какомъ бы то ни было отношенія, то и тутъ неправы тѣ, которые, думая удалить отъ себя вредъ, заставляютъ евреевъ сосредоточиться. Если еврейство въ самомъ дѣлѣ ядъ для насъ, то не лучше ли его развести и тѣмъ ослабить, нежели допускать сосредоточеніе его дѣйствія хоть на одну частицу нашего организма. А если, наконецъ, предубѣжденіе выходитъ изъ границъ и дерзаетъ судить объ участи народа какъ Праведный Судья, —то оно ставитъ себя въ явное противорѣчіе со всѣми нравственными началами, и само себѣ подписываетъ приговоръ.—И къ сожалѣнію, все это еще не анахронизмъ, хотя и очень похоже на него.

Но не одни предубѣжденные не благоволятъ къ евреямъ. Главные недоброжелатели евреевъ, — сами евреи. Что ни говори ревностные защитники чисто-національнаго просвѣщенія, просвѣщеніе имѣетъ такое общительное, обчеловѣчивающее свойство, что ему уступаетъ и еврейство, и сла-

вяиство, и всякая другая, односторонне выразившаяся народность. Это инстинктивно чувствуютъ тѣ изъ евреевъ, которые во что бы то ни стало хотятъ сохранить за собою первобытную угловатость и внѣшней, и внутренней стороны. Они ни за что на свѣтѣ не хотятъ потерять эту одностороннюю угловатость, потому что безъ нея они легко могли бы очеловѣчиться, а очеловѣчиться они не хотятъ, потому что боятся потерять еврейство. И кто изъ евреевъ думаетъ и поступаетъ иначе, тотъ уже для нихъ не еврей. Бѣда, если такому и мы, русскіе, не окажемъ сочувствія,—что же ему тогда дѣлать? Онъ останется виноватымъ въ глазахъ своихъ соплеменныхъ--консерваторовъ, потому что захотѣлъ сдѣлаться прежде всего человѣкомъ; онъ виноватъ и въ глазахъ предубѣжденныхъ русскихъ, потому что родился евреемъ. Гдѣ же религія, гдѣ нравственность, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ современность, если тѣ евреи, которые отважно и съ самоотверженіемъ вступаютъ въ борьбу съ вѣковыми предубѣжденіями, не встрѣтятъ у насъ никого, кто бы имъ сочувствовалъ, поддержалъ ихъ и протянулъ бы имъ дружески руку помощи? Нѣтъ, для кого изъ насъ рѣшенъ уже вопросъ: «кто мой ближній?», кто изъ насъ научился сочувствовать безпристрастно всему истинно-человѣческому, тѣ должны открыть свои передовые ряды для всѣхъ отягченныхъ борьбою за общечеловѣческое просвѣщеніе и терпимость съ фанатизмомъ и тьмою. Это не заслуга, это долгъ. Но евреямъ, рѣшившимся на эту борьбу, нужно кромѣ сочувствія и участія съ нашей стороны, еще взаимное, дружное сочувствіе. Имъ не нужно забывать, что они еще не располагаютъ тѣми огромными матеріальными средствами, привлекающими большинство, которыя находятся въ рукахъ у ихъ соплеменныхъ противниковъ. И особливо евреямъ Новороссійскимъ нужно помнить, что они передовые люди на новомъ пути. Въ Россіи есть нѣсколько мѣстностей, гдѣ по счастливому стеченію обстоятельствъ, образованіе успѣло проникнуть въ еврейское общество, успѣло сдѣлаться потребностью цѣлыхъ семействъ, и перейти даже изъ одного поколѣнія въ другое. Одесса принадлежитъ къ такимъ мѣстностямъ. Кіевскій учебный округъ изъ пяти завѣдываемыхъ имъ губерній, къ сожалѣнію, не можетъ указать ни на одну. Только одинъ Могилевъ на Днѣстрѣ дѣлаетъ нѣкоторое исключеніе. Еще печальнѣе то, что самая столица нашихъ евреевъ—Бердичевъ, который также относится къ этому округу, такъ мало подаетъ собою примѣра и нисколько не стремится соперничать съ Одессою въ распространеніи просвѣщенія между евреями, хотя національное вліяніе его громадно. Въ Бердичевѣ нравственно обязательное ученіе дѣтей не оказало до сихъ поръ никакого нравственнаго вліянія. Хотя старожилы говорятъ, что Бердичева теперь, по образованію, и сравнить нельзя съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ за 20 лѣтъ тому назадъ; но, судя по относительному количеству учениковъ, посѣщающихъ школы, судя по тому, что, несмотря на нравственную обязанность предъ правительствомъ, городъ обильный капиталистами не учредилъ еще ни одного частнаго училища для образованія сыновей богатыхъ купцовъ, которые, какъ извѣстно, не посылаютъ своихъ дѣтей въ казенныя школы,—нужно признаться, что столица русскихъ евреевъ по стремленію къ цивилизаціи уступаетъ даже маленькому Могилеву на Днѣстрѣ. И что еще болѣе утверждаетъ меня въ этомъ убѣжденіи,—это частое появленіе цадиковъ въ Бердичевѣ, которые вслѣдъ за тѣмъ, какъ евреи взяли на себя предъ закономъ нравственную обязанность просвѣщать дѣтей своихъ, стали появляться чаще, чѣмъ когда-нибудь. Только одно утѣшительно: и въ Бердичевѣ прогрессивная часть еврейскаго общества уже поднимаетъ свой голосъ; она перестала молчать, бездѣйствовать и скрываться, несмотря на пересиливающее большинство, богатое матеріальными средствами и нравственнымъ вліяніемъ на толпу. Меня удивляетъ только, почему разсѣянные въ различныхъ мѣстно-

стяхъ сторонники просвѣщенія между евреями, не найдутъ средствъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ въ борьбѣ противъ обскурантизма. Она уже довольно ясно обозначилась въ послѣднее время. Если есть ходатаи за любителей тьмы, нужно искать ходатаевъ и желающимъ просвѣщенія. Если первые сильны нетерпимостью, нужно вторымъ противодѣйствовать самой гуманною терпимостію. Если первые всегда готовы прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, считая всякое изъ нихъ позволеннымъ для достиженія цѣли, вторымъ необходимо быть чрезвычайно осторожными въ выборѣ, употребляя только оправдываемыя нравственностью. Я знаю, что прошедшее и народныя предубѣжденія поставили евреевъ въ такое положеніе, которое дѣлаетъ для нихъ деньги чѣмъ-то въ родѣ быть или не быть, —признаться они и для насъ сдѣлались почти тѣмъ же,—поэтому о чемъ бы дѣло ни шло: о просвѣщеніи ли, о высшихъ ли общественныхъ интересахъ, о борьбѣ ли за убѣжденія, денежные интересы тутъ какъ тутъ; затронуть ихъ крѣпко значитъ испортить всю жизнь, — и вотъ поневолѣ замолчитъ и уступитъ тотъ, кто больше отъ нихъ зависитъ. Но безъ жертвъ нельзя бороться. Опять, повторяю, съ нашей стороны было бы непростительно оставаться хладнокровными зрителями этой борьбы, нисколько ни сочувствуя той сторонѣ, которая стремится къ одной цѣли съ нами. Это было бы не только не гуманно, но даже неестественно, потому что такой индифферентизмъ, съ нашей стороны, означалъ бы пренебреженіе собственныхъ же нашихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсчетливо ли оставлять людей безъ помощи, которые, вышедъ побѣдителями изъ борьбы съ фанатизмомъ и тьмою, могли бы принести существенную пользу и нашему обществу, и всему отечеству? Развѣ кто отвергаетъ въ евреяхъ хоть одинъ изъ тѣхъ даровъ Божіихъ, которые украшаютъ человѣческій родъ? Развѣ исторія ихъ, изучать которую вмѣняется въ обязанность всѣмъ націямъ съ самаго малолѣтства, не свидѣтельствуетъ о высокихъ доблестяхъ націи? Развѣ наука не произноситъ съ уваженіемъ имена многихъ евреевъ? Развѣ мало было евреевъ и между передовыми ея дѣятелями? — И развѣ Россія не нуждается въ истинно-образованныхъ людяхъ для различныхъ поприщъ гражданской дѣятельности?—Кто изъ знакомыхъ съ молодымъ поколѣніемъ образованныхъ евреевъ будетъ отвергать въ нихъ необыкновенное рвеніе къ научнымъ занятіямъ и способности къ изученію языковъ, математики, естественныхъ наукъ? Кто изъ слѣдившихъ за ходомъ образованія не знаетъ, что евреи и отличные ученики въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и отличные учители? Для чего же обществу не пользоваться этими натуральными склонностями, этимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, уже ясно обнаружившимся въ одной (хотя еще и небольшой) части еврейскаго народа въ Россіи?

Для чего не поддержать ее, для чего не усилить и не укрѣпить ея рвеніе, ея надежды, ея успѣхи въ борьбѣ съ противодѣйствующимъ невѣжествомъ и фанатизмомъ? Сколько наше общество, на своемъ пути къ развитію, пріобрѣло бы дѣльныхъ и полезныхъ людей, тогда какъ мы въ нихъ такъ нуждаемся, и заинтересовало бы ихъ къ дѣятельности въ нашу пользу? Уже не говоря о высшихъ мотивахъ, не будетъ ли это благоразумнымъ и хорошо обдуманнымъ разсчетомъ съ нашей стороны? Мнѣ кажется, что всякій, не только гуманный, но и просто всякій искренній патріотъ долженъ согласиться со мною въ томъ, что сочувствовать образованію евреевъ — и долгъ нашъ и прямой разсчетъ. Неужели, намъ, русскимъ, неиспорченнымъ средневѣковыми предубѣжденіями, можно смотрѣть на національныя слабости и пороки евреевъ, какъ на серьезное препятствіе къ общечеловѣческимъ стремленіямъ? Возможно ли именно намъ, не понять, что безнравственность, обнаруживающаяся чисто-матеріальными стремленіями націи, есть одно только слѣдствіе ея безвыходнаго положенія, составленнаго прошедшимъ, предубѣжденіями минув-

шихъ вѣковъ? И вмѣсто того, чтобы упорно придерживаться убѣжденій уже отживающихъ свой вѣкъ, не логичнѣе ли слѣдовать указаніямъ времени и здраваго смысла, и прокладывать новый путь?

Вотъ мои убѣжденія. Я ихъ провожу на сколько могу. Мнѣ не нужно вамъ объяснять до какой степени я сочувствую вашему изданію. Дай Богъ, чтобы и ему удалось распространить взгляды, сходные съ тѣми, которые я изложилъ. Еще болѣе желательно, чтобы «Разсвѣтъ», посредствомъ размѣна мыслей и убѣжденій, послужилъ къ соединенію и взаимодѣйствію всѣхъ образованныхъ евреевъ Россіи.

II.
Письмо къ редактору „Гамелица"

Кіевъ, 12 февраля 1861 г.

Искренно благодарю васъ за присылку издаваемаго вами журнала, къ обнародованію котораго я имѣлъ удовольствіе содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами; къ сожалѣнію, я лишенъ другого еще большаго удовольствія—быть постояннымъ и ревностнымъ его читателемъ. Незнаніе еврейскаго языка дѣлаетъ для меня невозможнымъ оцѣнить вполнѣ все достоинство статей, помѣщенныхъ въ «Гамелицѣ», столь богатыхъ по содержанію и столько же замѣчательныхъ и полезныхъ по направленію, какъ это вижу изъ доставленнаго мнѣ оглавленія въ переводѣ. Въ особенности, мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія то, что вы стараетесь придать вашему изданію эксактно-научное направленіе, приспособляясь, безъ сомнѣнія, къ понятіямъ вашихъ читателей.

Ничто не можетъ сравниться съ важностью цѣли, которую вы предполагаете достигнуть вашимъ журналомъ. Доказать единовѣрцамъ необходимость образованія, убѣдить односторонниковъ, что въ Божіемъ мірѣ есть много высокаго, полезнаго, и, кромѣ изученія талмудическихъ книгъ, есть, несомнѣнно, святая обязанность каждаго образованнаго гражданина, каждаго патріота, горячо любящаго своихъ соплеменниковъ, и еще болѣе, каждаго человѣка, любящаго своего ближняго. Если бы вамъ удалось, посредствомъ вашего журнала, убѣдить хотя нѣкоторую часть вашихъ односторонниковъ въ необходимости общеполезныхъ свѣдѣній, а, слѣдовательно, и въ необходимости общечеловѣческаго образованія, то вы соорудили бы себѣ памятникъ, превышающій крѣпостью мѣдь и гранитъ.

Нужно надѣяться, что при вашемъ рвеніи къ общему благу, при вашемъ знаніи дѣла и при сотрудничествѣ другихъ любителей просвѣщенія, — это вамъ рано или поздно удастся. Еврейская нація замѣчательна любознательностью, глубокомысліемъ и врожденнымъ уваженіемъ къ наукѣ. Самые отсталые обнаруживаютъ все-таки,—даже въ ихъ одностороннемъ изученіи Талмуда, какой-то научный интересъ. Самый простой еврей обнаруживаетъ несравненно болѣе уваженія къ медицинѣ,—какъ къ наукѣ,—нежели необразованная часть другихъ націй. Наука издавна считаетъ между ея корифеями многихъ знаменитыхъ евреевъ-автодидактовъ. Все это, въ моихъ глазахъ, показываетъ, что между нашими евреями не такъ трудно распространить общечеловѣческое образованіе, какъ это нѣкоторымъ кажется по обстоятельствамъ, не зависящимъ вовсе отъ склонностей и влеченій національныхъ, а болѣе отъ причинъ случайныхъ и внѣшнихъ.

Поболѣе статей такого содержанія, какъ: главныя основы образованія, религіи, исторіи, естествовѣдѣнія,—краткій очеркъ еврейской исторіи, служащій доказательствомъ, что израелитская религія вмѣняетъ образованіе въ обязанность,—и т. п., писанныхъ талантливыми людьми языкомъ,

общедоступнымъ для евреевъ, — и хорошее сѣмя вѣрно не вездѣ упадетъ на безплодную почву. Но, кромѣ такихъ статей, нѣсколько отвлеченнаго содержанія, я бы желалъ еще читать въ вашемъ журналѣ и такія, въ которыхъ бы наглядно, конкретно и такъ сказать, въ лицахъ излагалась необходимость образованія для вашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ.

Желая вамъ отъ души полнаго успѣха въ избранномъ пути, остаюсь искренно вамъ преданный

Пироговъ.

III.

Письмо къ редактору „Разсвѣта“.

Кіевъ 24 февраля 1861 г.

Въ университетѣ св. Владиміра почти цѣлая половина студентовъ (изъ 1049 человѣкъ) освобождается, по свидѣтельствамъ о бѣдности, отъ платы за ученіе. И изъ этой половины, за исключеніемъ казеннокоштныхъ, большая часть снискиваетъ себѣ пропитаніе своими трудами, отказывая себѣ перѣдко въ самомъ необходимомъ, да и казеннокоштные стипедіаты, безъ посторонняго пособія, не могутъ содержать себя 143 рублями, получаемыми ими ежегодно отъ казны съ обязательствомъ отслужить за стипендію извѣстное число лѣтъ. Еще печальнѣе была участь студентовъ изъ лицъ податнаго состоянія. До второй половины 1859 года они, по положенію о взиманіи платы за ученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 16 мая 1852 года § 16, «ни въ какомъ случаѣ не освобождались отъ взноса платы за ученіе». Многіе изъ нихъ, едва зарабатывая своими трудами скудное содержаніе, должны были еще уплачивать за ученіе 40 рублей въ годъ. Но всѣхъ хуже было бѣднымъ студентамъ изъ евреевъ (ихъ числится въ университетѣ до 27). Они не могутъ поступать на казенное содержаніе, и до истекшаго года не могли быть освобождаемы отъ платы за ученіе, потому что были евреи, и всѣ, разумѣется, податнаго состоянія. Такое безвыходное положеніе студентовъ-евреевъ подало въ 1858 году г. инспектору студентовъ, И. Л. Рейнгарду, и 1-й гильдіи купцу Райху мысль о составленіи капитала изъ пожертвованій для выдачи пособія несостоятельнѣйшимъ изъ нихъ. Г. бывшій попечитель кіевскаго учебнаго округа, Н. Р. Ребиндеръ, не мало содѣйствовалъ этому благому дѣлу. Изъ собирающихся на Крещенскую ярмарку (контракты) въ Кіевѣ еврейскихъ купцовъ 33 изъявили тотчасъ же готовность жертвовать ежегодно. Такимъ образомъ, составился капиталъ, который въ минувшемъ году дошелъ до 7589 руб., кромѣ единовременныхъ пожертвованій, изъ которыхъ оказывалось пособіе десятерымъ евреямъ-студентамъ по 100 руб. каждому въ годъ. Въ нынѣшнемъ году жертвователи согласились оставить этотъ капиталъ неприкосновеннымъ, и открыть новую подписку для единовременныхъ пособій и для умноженія капитала. Но изъ числа жертвователей Одесскій почетный гражданинъ Абрамъ Марковичъ Бродскій сдѣлалъ теперь предложеніе, которое по своей истинно-гуманной цѣли заслуживаетъ быть обнародованнымъ. Обращаясь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою дать мѣсто письму г. Бродскаго ко мнѣ, въ издаваемомъ вами журналѣ, я желаю не только заявить гласно мое искреннее сочувствіе, но полагаю еще, что благая мысль, выраженная въ предложеніи г. Бродскаго, найдетъ себѣ подражателей, какъ скоро сдѣлается извѣстною.

По моему убѣжденію, благотворительность нигдѣ не можетъ принести столько прекрасныхъ плодовъ, какъ въ дѣлѣ университетскаго образованія молодыхъ людей. Можетъ ли что-нибудь быть благодѣтельнѣе пособія, оказаннаго хотя бы одному бѣдному труженнику при его первомъ вступленіи на поприще науки? Кто, испытавъ на себѣ всю трудность борь-

бы, которую онъ, бывши студентомъ, велъ за науку съ нуждою, не скажетъ, что облегчать эту борьбу есть святая обязанность всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія и молодежи, стремящейся къ просвѣщенію? И кто не согласится со мною, что помочь бѣдному студенту такъ, какъ хочетъ то сдѣлать г. Бродскій, безъ различія вѣроисповѣданій, національности и сословія, значитъ понимать и благотворительность и просвѣщеніе въ самомъ высокомъ, истинномъ и современномъ смыслѣ.

Письма о печати и цензурѣ.[58]

I.

Письмо къ петербургскимъ студентамъ.

Предсказать участь желѣзныхъ до-
«Предсказать участь желѣзныхъ дорогъ и литературныхъ предпріятій въ Россіи, по малой мѣрѣ, трудно.

Покуда можно утверждать навѣрное только одно: и тѣ, и другія необходимы.

Покуда и этого убѣжденія достаточно, чтобы начинать.

Дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями.

Докажите, вспомнивъ Декартово: cogito ergo sum, что вы живете,—это будетъ уже огромная заслуга, когда еще не пришло время доказать, какъ вы живете.

Со временемъ обнаружится и это. Когда чувствуешь, что живешь нельзя не сочувствовать признакамъ жизни; и я, видитъ Богъ, имъ вполнѣ сочувствую.

Болѣе ничего сказать вамъ не умѣю и не могу,—да и считаю не нужнымъ.

Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденіе, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были:

Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ.

Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукою самопознанія, все равно, что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но рости не будетъ.

И такъ, хотите непремѣнно знать будущность вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже, и узнайте повѣрнѣе (что, конечно, не легко), есть-ли въ васъ убѣжденіе, что ваши труды должны непремѣнно достигнуть той цѣли, которую вы имъ предназначете.

Если да,—начинайте смѣло.

Остальное придетъ само собою, рано или поздно.

А я, благодаря васъ отъ души за вашу довѣренность ко мнѣ, буду ожидать, что это именно такъ и случится.

II.

Письмо редакторамъ „Одесскаго Вѣстника".

Г.г. Редакторы!

Вы принимаетесь за трудное дѣло. «Одесскій Вѣстникъ» дѣлается съ 1858 года органомъ Лицея.

Вы избраны Лицеемъ въ редакторы, и онъ въ правѣ требовать, чтобы вы дѣльно, достойно и громко говорили его органомъ.

А публика будетъ требовать отъ васъ... чего? Не знаю. Но знаю только, что нужно—её знать.

То и другое не легко.

Всѣ знаютъ, что слуга у двухъ господъ не уживается, что за двумя зайцами гоняться не должно.

Какъ-же вы приметесь вдругъ за два разныя дѣла?

Лицей и публика!

Вы вѣрно, не угодите лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ, или сдѣлаете его газету лавочною вывѣскою. Лицей хочетъ говорить съ Новороссіею и съ цѣлою Россіею о дѣлѣ. Онъ хочетъ сблизиться съ народонаселеніемъ края. Онъ хочетъ доказать, что онъ не просто только разсадникъ чиновниковъ двѣнадцатаго класса. Принявъ на себя изданіе газеты, онъ желаетъ доказать предъ правительствомъ, что онъ не понапрасну считается высшимъ образовательнымъ учрежденіемъ цѣлаго края, и что всѣ интересы, всѣ потребности края ему близки къ сердцу.

Программа, помѣщенная въ столбцахъ Одесскаго Вѣстника, ясно высказываетъ, что вы,—сами члены Лицея,—хорошо поняли его цѣль и намѣренія.

А публика? Чѣмъ ей вы угодите? и главное,—знаете-ли вы её хорошо? Какъ она посмотритъ на цѣль изданія? Желаетъ ли она также горячо и добродушно сближенія съ Лицеемъ? Интересуетъ-ли её короткое знакомство съ нимъ?

Казалось-бы: да.

Лицей есть центръ просвѣщенія всей Новороссіи.

Слишкомъ 11.000 учится въ заведеніяхъ Одесскаго учебн. округа. Это всякій можетъ прочесть въ Новороссійскомъ календарѣ на 1857-й годъ. Положимъ, что изъ этихъ 11.000, тысяча—бѣдные, бездомные сироты, до участи которыхъ нѣтъ никому дѣла; но все же, казалось-бы, по крайней мѣрѣ, 10.000 семействъ должны интересоваться короткимъ знакомствомъ съ учрежденіемъ, которому предоставлено вести и направлять воспитаніе ихъ дѣтей.

Казалось-бы каждому отцу, каждой матери 10.000 семействъ невольно должна придти мысль узнать покороче: «какіе взгляды у этого блюстительнаго учрежденія на воспитаніе и жизнь вообще?». «Чѣмъ руководствуется оно, заботясь о распространеніи просвѣщенія въ краѣ?» «Того-ли-же самого оно требуетъ отъ моихъ дѣтей, чего я,—отецъ,—буду впослѣдствіи требовать отъ нихъ?»

Казалось-бы, и тому, кому до дѣтей нѣтъ никакого дѣла, но кого, хотя сколько нибудь и чѣмъ нибудь занимаетъ край, интересно бы было знать: какъ думаютъ представители просвѣщенія въ краѣ о его потребностяхъ, его нуждахъ и его бытѣ. Недаромъ-же эти представители засѣдаютъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, толкуютъ и распространяютъ свои убѣжденія на лекціяхъ. Органъ Лицея вѣрно не замедлитъ высказать во всеуслышаніе эти убѣжденія; и если онѣ справедливы, то нужно будетъ ихъ принять и имъ слѣдовать; если нѣтъ,—то этотъ-же самый органъ доставитъ, всѣмъ и каждому, возможность и опровергнуть во всеуслышаніе ложь и заблужденіе.

Но все это только казалось-бы,—не болѣе.

А кто знаетъ, можетъ быть публика, которую вы, г.г. редакторы, еще не знаете, совсѣмъ и не интересуется вашими научными убѣжденіями и взглядами; можетъ быть и тысячи отцевъ, на участіе которыхъ вы разсчитываете, воспитываютъ своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ округа только для заведеннаго однажды порядка. Вѣдь читали-же мы еще недавно, въ полусмѣшной и въ полусерьезной статьѣ одного С.-Петербургскаго журнала, что: «воспитаніе учитъ только искусству хорошо представлять наружный видъ добродѣтели или добропорядочности, посредствомъ соблюденія такъ называемыхъ приличій». Что, если и въ нашемъ краѣ господствуетъ такой взглядъ на воспитаніе? тогда, кому какая надобность знать, къ чему стре-

мится Лицей и чего онъ хочетъ достигнуть воспитанiемъ?

Кто знаетъ, многихъ-ли будутъ занимать и другiе вопросы, жизненные для края, о которыхъ вы также намѣрены высказать ваши научныя убѣжденiя? Много-ли найдется охотниковъ заглянуть въ газету, если вы её сдѣлаете зеркаломъ нравовъ смѣшаннаго народонаселенiя?—Какъ ни просторны Новороссiйскiя степи, но ограниченные, частные интересы, съ узкими взглядами на жизнь, въ нихъ могутъ также гнѣздиться, какъ и въ тѣсныхъ улицахъ столицъ. А гдѣ господствуетъ близорукiй и щепетильный партикуляризмъ, тамъ—вы знаете—все общечеловѣческое прививается трудно.

Кто знаетъ, можетъ быть вашею добросовѣстною и дѣльною программою,—въ которой высказалась готовность сдѣлать «Од. Вѣстникъ» истиннымъ органомъ Лицея,—вы уже отбили у многихъ охоту подписываться на журналъ, и настращали тѣхъ, которые-бы хотѣли въ немъ читать преимущественно объявленiя о продажѣ и распродажѣ, объ отъѣзжающихъ и прiѣзжающихъ, или многомного, хотѣли-бы что нибудь прочесть въ фельетонѣ отъ безсонницы?

Кто знаетъ все это навѣрное? О вкусахъ спорить нельзя, особливо съ подписчиками.

Обсудите-же все это, г.г. Редакторы, хорошѐнько и заблаговременно.

Вспомните, что «Од. Вѣсти.» можетъ попасть въ руки и Великорусса, и Малороссiянина, и Молдавана, и Грека, и Еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницею, что степь плохой проводникъ убѣжденiй и просвѣщенiя. А убѣдить людей, даже и не степныхъ, что и пшеница и интересы разноплеменныхъ типовъ и все на свѣтѣ можетъ быть приводимо, и даже можетъ быть приведено, къ одному знаменателю,—не легко. Вспомните, что великое слово—«впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ такъ магически. Есть еще много на свѣтѣ господъ, и степныхъ и столичныхъ, которые не только не знаютъ, что можно и должно идти впередъ; но и вообще не знаютъ, что всякiй изъ нихъ какъ нибудь да идетъ впередъ, или назадъ.

Что-же, наконецъ, вы спросите, я хочу сказать? Совѣтую-ли я вамъ, слѣдуя точному смыслу вашей—то-есть Лицейской—программы, вступить тотчасъ-же и во что-бы то ни стало въ междоусобную борьбу со всѣми противниками новаго направленiя газеты? Или я совѣтую вамъ, произнеся знаменитое pereat mundus, fiat justitia, пренебречь численностью подписчиковъ, и наперекоръ вкусу проповѣдывать научныя истины и задушевныя убѣжденiя въ пустынѣ? — Или же, напротивъ, не совѣтую ли вамъ оставить вашу программу программою; и если бы вы дѣйствительно замѣтили, что попали не въ настоящую коллею, то сдѣлать une bonne mine au mauvais jeu, приняться угождать вкусу и наклонностямъ всѣхъ и каждаго и превратить органъ лицея, смотря по надобности, въ вывѣску, прейсъ-курантъ, сборникъ афишъ и объявленiй?

Нѣтъ. Мое дѣло было обратить ваше вниманiе на всевозможныя, хотя бы невѣроятныя, трудности новаго предпрiятiя, безспорно полезнаго, но все-таки новаго. Мое дѣло сказать вамъ во всеуслышанiе, что я отъ души желаю вамъ успѣть и преодолѣть всѣ трудности.

Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерною публикою. Его публика, также какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ—человѣкъ съ талантомъ и призванiемъ, то станетъ ли онъ, своею игрою, заискивать благоволенiя у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ, вверху и внизу?—Истинный талантъ и истинное искусство привлекаетъ, не спускаясь.

Вотъ этого-то именно я и желаю вамъ. Совѣтывать тутъ ужъ нельзя; —желать можно. А кто искренно желаетъ, тотъ и въ успѣхѣ не отчаивается.

III.
Замѣтка о цензурѣ.

Заключеніе г. автора: «Reponsé à l'invitation de l'Odessky Vestnik du 13 Fevrier», которое всякій можетъ самъ прочесть въ подлинникѣ (см. Journal d'Odessa, 1858 № 20 mercredi 19 fevr. (3 mars), относится, по тщательномъ обсужденіи, при существующихъ у насъ цензурныхъ постановленіяхъ, собственно не до сочинителя статьи «О существенныхъ условіяхъ процвѣтанія промышленности земледѣльческой», помѣщенной въ № 17 «Одесскаго Вѣстника», а во-первыхъ, до постановленій, допускающихъ подобныя статьи къ обнародованію, и во-вторыхъ, до лицъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ опредѣленныхъ закономъ постановленій.

Не принимая на себя права во всеуслышаніе давать совѣты, что можетъ и что не можетъ быть допущено къ перенесенію «sur le terrain brûlant de la presse», я не касаюсь перваго пункта; но считаю долгомъ замѣтить противъ второго, что лица, назначенныя блюсти за исполненіемъ законныхъ постановленій, не могутъ себѣ сдѣлать никакого въ этомъ случаѣ упрека, исполняя совѣстливо и по крайнему своему разумѣнію какъ возложенныя на нихъ обязанности вообще, такъ въ особенности § 6 устава о цензурѣ, въ которомъ сказано:

«Руководствуясь въ точности постановленными въ статьѣ третьей правилами, цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону».

IV.
Изъ письма къ Е. П. Ковалевскому.

...Запросъ цензорамъ и редакторамъ съ моей стороны тѣмъ болѣе казался необходимымъ, что, во-первыхъ, предписаніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія отъ 3-го апрѣля 1857 г. (№ 618) опредѣлялось, на основаніи ст. 22 т. XIV Свода Зак., уст. ценз. по II продолженію, чтобы въ случаяхъ сомнительныхъ цензоры допускали статьи, къ напечатанію не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальства края; во-вторыхъ, что еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1858 года, по случаю одной статьи, перепечатанной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» изъ «Русскаго Вѣстника», за которую г. новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ сдѣлалъ словесное замѣчаніе цензорамъ и редакторамъ, я самъ строжайше предписалъ какъ цензорамъ, такъ и редакторамъ, чтобы всѣ статьи, назначенныя для «Одесскаго Вѣстника», не исключая и моихъ собственныхъ, если онѣ возбудятъ хотя какое-нибудь сомнѣніе или если содержаніе ихъ касается преимущественно Новороссійскаго края, были предварительно подвергаемы на обсужденіе г. генералъ-губернатора и не иначе допускаемы къ напечатанію, какъ съ разрѣшенія его сіятельства. Сверхъ того, я извѣщалъ и словесно и письменно о сдѣланномъ мною распоряженіи и самого генералъ-губернатора. Мнѣ казалось послѣ всего этого непонятнымъ, какимъ образомъ столь многія статьи, подвергшіяся замѣчаніямъ главнаго управленія цензуры, могли быть допущены къ напечатанію, тогда какъ я положительно зналъ, что гг. цензоры и редакторы не однажды относились уже лично съ разными статьями къ генералъ-губернатору и что нѣкоторыя статьи не были имъ одо-

брены, а потому не были и обнародованы.

Дѣйствительно, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ отъ гг. цензоровъ оказалось, что:

1) Изъ трехъ статей, преимущественно подвергшихся осужденію со стороны главнаго управленія цензуры, двѣ: «О юридическомъ образованіи» въ № 6 «Одесскаго Вѣстника» и «Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ» въ № 7, одобрены къ напечатанію генералъ-губернаторомъ: первая словесно, а вторая за его собственно-ручною подписью; третья же статья: «Ab ovo» въ № 28, была разрѣшена цензорами на томъ основаніи, что въ ней хотя и представлено взяточничество въ рѣзкомъ видѣ, однакожъ, далеко не такъ рѣзко, какъ во многихъ другихъ столичныхъ, періодическихъ изданіяхъ («Спб. Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества» и друг.), обнародованныхъ въ то же самое время, и потому принятыхъ по необходимости въ соображеніе гг. цензорами одесскаго комитета, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ въ послѣднее время сдѣлался почти ежедневнымъ въ нашей литературѣ.

2) Статья «О степномъ хозяйствѣ», въ № 9 «Одесскаго Вѣстника» и «Отвѣтъ на замѣчаніе г. Гулака» (въ № 42) были также докладываемы г. цензоромъ Хрусталевымъ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору и имъ одобрены. При докладѣ второй статьи, г. Хрусталевъ упомянулъ о находящихся въ ней, по его мнѣнію, рѣзкихъ выраженіяхъ, отмѣтивъ нарочно краснымъ карандашемъ, на первой страницѣ рукописи, нумера тѣхъ страницъ, гдѣ подобныя выраженія встрѣчались. Его сіятельство генералъ-губернаторъ, оставивъ предварительно у себя рукопись, на другой же день возвратилъ ее съ собственно-ручною надписью: «дозволяю», отозвавшись о ней съ выгодной стороны, и потому она напечатана безъ всякой перемѣны противъ сдѣланныхъ цензоромъ замѣчаній.

3) Статья, помѣщенная въ № 5 «Одесскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей о таксѣ», была также представляема на разсмотрѣніе г. генералъ-губернатора цензоромъ Синицинымъ и, по предварительномъ исключеніи нѣкоторыхъ мѣстъ, была также одобрена его сіятельствомъ къ напечатанію.

4) Наконецъ, изъ статьи «О таксѣ на жизненные припасы» (№ 50 «Одесскаго Вѣстника») цензоръ Синицынъ исключилъ именно то мѣсто, которое осуждено въ предписаніи вашего высокопревосходительства за № 1325, а именно: «потому-то пора подумать, имѣя передъ глазами примѣръ Пруссіи и Греціи, объ увеличеніи жалованья (чиновниковъ)»; вслѣдствіе чего это мѣсто, какъ видно изъ рукописи, дѣйствительно и было замѣнено редакціею на полѣ страницы другимъ, болѣе приличнымъ; но при исправленіи корректурныхъ листовъ редакторы, работая въ ночное время, упустили изъ виду сдѣланныя ими же самими исправленія и потому это мѣсто прошло въ печать неисправленнымъ, за что они и получили отъ меня строгое замѣчаніе.

Итакъ, изъ всѣхъ статей «Одесскаго Вѣстника», какъ указанныхъ генералъ-губернаторомъ и херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, такъ и обратившихъ на себя вниманіе главнаго управленія цензуры, только четыре («Замѣтки и вѣсти изъ Подоліи», «О французской беллетристикѣ», «Письмо о докторѣ Линкѣ» и «Ab ovo») не были разсматриваемы мѣстнымъ начальствомъ края, и изъ этихъ четырехъ, только одна найдена главнымъ управленіемъ цензуры неприличною.

Изъ приводимыхъ мною объясненій, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что одесскій цензурный комитетъ, по крайней мѣрѣ, не въ такой степени виноватъ въ послабленіи и упущеніяхъ, чтобы могъ заслужить строгій упрекъ со стороны его начальства, за неисполненіе своихъ обязанностей. Онъ исполнилъ въ точности данныя ему предписанія и если допустилъ однажды къ обнародованію такую статью («Ab ovo № 28), которая, дѣйствительно, содержала въ себѣ изображеніе злоупотребленій чиновничества, то именно виновенъ только въ томъ, что слишкомъ увлекся примѣромъ другихъ

цензоровъ, наблюдающихъ за изданіемъ столичныхъ періодическихъ изданій. Не болѣе, мнѣ кажутся виновными и редакторы «Од. Вѣстн.»: они почти всѣ статьи, казавшіяся сомнительными, не исключая даже и моихъ собственныхъ, подвергали сами, по словесному приказанію г. генералъ-губернатора, его разсмотрѣнію и обнародовали не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Вся ихъ вина заключается въ томъ, что они однажды только допустили небрежность въ исправленіи корректуры (статья «О таксѣ на жизненные припасы» № 50 «Одесскаго Вѣстника») и пропустили неумышленно (какъ оказалось по справкѣ съ рукописью) мѣсто, вычеркнутое цензоромъ Синицынымъ. Но мнѣ кажется, что эта небрежность, за которую они и получили уже отъ меня строгое замѣчаніе, и нѣкоторые промахи, которые, какъ справедливо замѣчаетъ главное управленіе цензуры, должно болѣе приписать ихъ неопытности и недостатку такта, нежели какому-либо вредному умыслу, не могутъ уменьшить истинныхъ заслугъ, оказанныхъ редакторами «Одесскаго Вѣстника» всему краю и преимущественно учебному его сословію, а именно: 1) изданіе «Одесскаго Вѣстника» лицеемъ, существующее не болѣе 7 мѣсяцевъ, успѣло уже возбудить до такой степени литературную дѣятельность, что слишкомъ 60 сотрудниковъ приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Значительный гонораръ (до 40 руб. серебромъ за печатный столбецъ) улучшилъ средства существованія многихъ учителей и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, неимѣющихъ кромѣ ограниченнаго жалованья никакихъ другихъ пособій; 2) самый лицей получилъ 1.500 руб. сер. чистой выгоды отъ изданія; 3) мѣстные вопросы края, которые обсуждались въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», подали уже поводъ къ началу многихъ улучшеній. Статьи о воспитаніи и торговлѣ края, замѣтно уже начали интересовать и торговое и учебное сословіе и всѣхъ родителей, истинно пекущихся о воспитаніи ихъ дѣтей. Это свидѣтельствуютъ письма съ изъявленіемъ благодарности отъ помѣщиковъ и отъ купцовъ, адресованныя къ редакторамъ и ко мнѣ; 4) большая часть образованной публики замѣтно сочувствовала изданію. Наконецъ, та часть публики, которая не сочувствовала прогрессивному направленію «Одесскаго Вѣстника», намѣревалась уже приступить къ изданію другого антагонистическаго журнала, которое, вѣроятно, и положило бы конецъ всѣмъ неудовольствіямъ и нареканіямъ на редакторовъ «Одесскаго Вѣстника». Несмотря на всѣ изложенныя заслуги, редакторы, надѣявшіеся имѣть нѣкоторую выгоду отъ изданія, если бы оно продолжалось долѣе, доставивъ имъ большее число подписчиковъ, теперь, при неожиданной передачѣ «Одесскаго Вѣстника» мѣстному начальству края, понесутъ очевидный убытокъ, выплативъ впередъ значительную сумму лицею и совѣстливо уплативъ значительный гонораръ (на основаніи программы) своимъ сотрудникамъ.

Изложивъ, по долгу совѣсти и службы, весь ходъ изданія «Одесскаго Вѣстника», я не могу при семъ не упомянуть и еще объ одномъ важномъ обстоятельствѣ.

Еще до изданія «Одесскаго Вѣстника», я имѣлъ честь докладывать бывшему министру народнаго просвѣщенія о трудномъ и, такъ сказать, критическомъ положеніи провинціальныхъ цензоровъ. Какъ, съ одной стороны, всѣ прежнія цензурныя постановленія остаются до сихъ поръ въ полной силѣ, а, съ другой стороны, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ литература наша приняла столь отличное отъ прежней направленіе, что во всѣхъ столичныхъ, періодическихъ изданіяхъ (газетахъ и журналахъ) постоянно появляются такія статьи, которыя въ прежнее время ни одна цензура не взяла бы на свою отвѣтственность допустить къ печатанію,—то естественно, что авторы и редакторы, при строгомъ обсужденіи провинціальною цензурою статей, подвергнутыхъ разсмотрѣнію, постоянно приводятъ въ примѣръ статьи, помѣщаемыя въ столичныхъ изданіяхъ, считаютъ себя вправѣ упре-

кать цензуру въ пристрастіи и приносить мнѣ безпрестанныя жалобы на произволъ и отсталость нашихъ цензоровъ; да и вся читающая публика раздѣляетъ эти убѣжденія, сравнивая читанное ею и судя болѣе по слухамъ. Еще болѣе положеніе цензоровъ дѣлается затруднительнымъ, когда періодическое изданіе (какъ «Одесскій Вѣстникъ»), подвергается двумъ контролямъ: главнаго управленія цензуры и главнаго начальства края. Сверхъ того еще и книгопродавцы иностранныхъ книгъ, находя въ каталогахъ, издаваемыхъ столичными книгопродавцами, и давно уже публикованными названія тѣхъ книгъ, которыя, на законномъ основаніи, считаются мѣстною цензурою или неизвѣстными, или же недозволенными, также упрекаютъ цензоровъ въ пристрастіи и произволѣ. Входя въ столь трудное и непріятное положеніе цензоровъ въ здѣшнемъ обществѣ, я счелъ долгомъ представить всѣ исчисленныя обстоятельства на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, прося покорнѣйше обратить благосклонно на этотъ важный предметъ ваше просвѣщенное вниманіе...

V.

Письмо къ Е. Н. Ахматовой.

Берлинъ, 1864 г., 30 окт. (н. ст.).

Я только что на-дняхъ возвратился изъ Италіи, почтеннѣйшая Лизавета Николаевна, нашелъ ваше письмо ко мнѣ отъ 5 іюля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ писемъ, и спѣшу вамъ отвѣчать.

Я съ радостью исполнилъ бы, какъ умѣлъ, ваше предложеніе, но, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я рѣшился съ нѣкотораго времени ничего не печатать въ журналахъ, во-вторыхъ, я считаю статьи о такихъ предметахъ, какъ нервная система, для дѣтскаго журнала дѣломъ мало полезнымъ, скорѣе вреднымъ, съ педагогической точки зрѣнія. Я того мнѣнія, что дѣтей нужно учить немногому, но хорошо; а многому и хорошо, къ сожалѣнію, по слабости нашей натуры, учиться нельзя. Я знаю, вы мнѣ скажете, что здѣсь идетъ дѣло вовсе не объ ученіи, а о развитіи (понятія?) посредствомъ чтенія. Но въ этомъ-то вся и загадка воспитанія, чтобы развивать немногимъ,—немногое имѣя подъ руками. Тотъ не мастеръ воспитывать, кто беретъ горстями и охабками изъ всего окружающаго, чтобы развить ребенка.

Пользуйтесь немногимъ, но съ разборомъ, съ тактомъ и умѣйте имъ такъ ловко распорядиться, чтобы ребенокъ и не замѣчалъ, что вы его кормите однимъ и тѣмъ же. Старо сравненіе занятій съ пищею, но тѣмъ не менѣе справедливо. Если вы съ малыхъ лѣтъ начнете вашего ребенка кормить разными рагу и фрикассе, то желудку его не сдобровать.

Толковать же дѣтямъ о нервахъ и мускулахъ это—то же, что ихъ кормить соусами. Правда,—и безъ большого искусства, можно сдѣлать понятнымъ все главное; но не забудьте, что ребенку,—и при самомъ безъискусственомъ развитіи,—приходится каждый день, каждый часъ даже, осиливать множество новыхъ фактовъ изъ обыденной жизни,—и именно о с и л и в а т ь.

Убѣдитесь же, ради Бога, сначала, что онъ точно умѣетъ уже осиливать и справляться съ ними, прежде чѣмъ вы дадите ему переваривать другіе, болѣе запутанные для него представленія и факты. Мы часто думаемъ не только про дѣтей, но даже про самихъ себя, что мы хорошо понимаемъ уже давно извѣстныя намъ вещи,—и вдругъ, какъ часто,—оказывается, что мы вовсе ихъ не понимаемъ. Для будущности же человѣка нѣтъ ничего хуже,—вѣрьте мнѣ,—какъ нагрузить его тѣмъ, чего онъ не можетъ себѣ ясно пред-

ставить,—еще хуже, если онъ спозаранку пріучится думать, что онъ непонятное ясно понялъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что дѣтскій журналъ въ такихъ рукахъ, какъ ваши, принесетъ всегда громадную пользу.

О достоинствѣ профессора.[59]

Письмо къ генералу Анненкову.

Я объявилъ конференціи, сообразуясь съ правилами Академическаго устава, о намѣреніи моемъ оставить службу при Академіи. Желая, чтобы начальникъ Академіи зналъ истинную причину, побудившую меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, я счелъ нужнымъ объявить вамъ съ нѣкоторою подробностью всѣ предшествовавшія обстоятельства. Обращаясь къ вамъ путемъ неоффиціальнымъ, позвольте говорить откровенно. Достоинство наставника, руководящаго образованіемъ врачей, по моимъ понятіямъ, такъ важно, что каждый изъ насъ долженъ поставить себѣ за непремѣнную обязанность дорожить этимъ достоинствомъ въ той же или даже большей степени, какъ вообще дорожатъ въ обществѣ честнымъ и благороднымъ именемъ человѣка.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого взгляда есть: 1) попеченіе о томъ, чтобы и всѣ другіе члены общества, составляемаго наставниками, равно заботились о сохраненіи и поддержаніи этого достоинства какъ въ ученомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, потому что только этимъ общимъ стремленіемъ наставниковъ учебное заведеніе сохраняетъ почетное мѣсто, назначенное ему въ государствѣ; 2) попеченіе о сохраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ правительствомъ Обществу наставниковъ. Попеченіе о сохраненіи своего достоинства въ глазахъ учениковъ, будущее направленіе которыхъ утверждается примѣромъ наставниковъ.

Къ сожалѣнію, обстоятельства, встрѣтившіяся во время службы моей при Академіи, препятствуютъ мнѣ исполнить эти существенныя условія и даже заботиться объ ихъ исполненіи. Я не могъ, не смотря на всѣ мои старанія, быть полезнымъ Академіи въ выборѣ будущихъ наставниковъ. Попеченія мои о сохраненіи достоинства и славы заведенія тщательнымъ сужденіемъ о достоинствахъ избираемаго въ кандидаты, считались, къ сожалѣнію, личностями и пристрастіемъ. Коллегіальное общество наставниковъ Академіи избѣгаетъ смѣлаго и откровеннаго сужденія о достоинствахъ и заслугахъ избираемыхъ. Этому я могу представить нѣсколько уже несомнѣнныхъ доказательствъ. Но послѣдній выборъ въ кандидаты на каѳедру одного изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ это еще очевиднѣе.

Откровенное сужденіе, представленное мною и нѣкоторыми другими членами, о нравственныхъ достоинствахъ избираемаго было объяснено и принято въ совершенно другомъ смыслѣ. Намъ никогда и въ мысль не приходило, чтобы правило Академическаго устава, требующее нравственныхъ достоинствъ отъ избираемаго, было принято въ одномъ служебномъ значеніи послужнаго списка. Мы никогда не могли ожидать упрека отъ большинства членовъ, что мы не имѣемъ права разсуждать объ этихъ достоинствахъ, когда послужной списокъ избираемаго совершенно чистъ. Развѣ этимъ однимъ служебнымъ ручательствомъ мы должны руководствоваться при коллегіальномъ избраніи нашихъ будущихъ товарищей и будущихъ наставниковъ? Развѣ послужной списокъ опредѣляетъ нравствен-

ныя достоинства профессора, во многомъ отношеніи превышающія обыкновенныя, служебныя достоинства чиновника?

Наконецъ, дошло до того, что наши сужденія перенеслись незаконно изъ среды конференціи и дошли до журналиста, позволившаго себѣ вмѣшательство въ дѣла конференціи и объявившаго себя публично защитникомъ ученыхъ и нравственныхъ достоинствъ избираемаго. Можно ли же послѣ этого быть товарищемъ, не нарушая собственнаго достоинства, будущаго наставника, который жалобой на Конференцію и ея начальника и связями съ этимъ журналистомъ желаетъ достигнуть каѳедры?

2) Я былъ также причиною и того, что одно изъ важныхъ преимуществъ, дозволенное уставомъ Академіи членамъ Конференціи, несогласнымъ съ большинствомъ голосовъ, подавать особыя мнѣнія начальству, теперь, послѣ объявленія Президента Академіи въ прошедшемъ засѣданіи, существуетъ не иначе, какъ съ ограниченіемъ. Это право, которымъ начальство могло всегда убѣдиться въ причинахъ различныхъ взглядовъ членовъ Конференціи, ограничено теперь такъ, что отъ благоусмотрѣнія Президента будетъ зависѣть принять или возвратить обратно подателю его особое мнѣніе.

Съ нарушеніемъ права, которымъ мы всегда совѣстливо пользовались, нарушено еще 3), наконецъ, достоинство мое, какъ учителя, въ глазахъ учениковъ, судебнымъ слѣдствіемъ, возникшимъ въ госпитальной клиникѣ надъ моими врачебными дѣйствіями, по случаю смерти одного больного солдата.—Какъ уважаемый всѣми начальникъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, скажите, Ваше Превосходительство, можно ли быть истиннымъ врачемъ и хорошимъ наставникомъ, не имѣя убѣжденія о высокомъ достоинствѣ своего искусства? А можно ли требовать этого убѣжденія отъ будущаго врача, который будучи ученикомъ, видѣлъ униженіе учителя въ глазахъ свѣта.

Вотъ откровенное изложеніе причинъ, побуждающихъ меня оставить службу при Академіи. Въ службѣ моей я никогда не искалъ личныхъ выгодъ и потому я оставлю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить.

Рѣчи при прощаніи съ Одессой.[60]

I.

При прощаніи съ ученымъ сословіемъ.

М.м. Г.г.!!

Разставаясь съ вами, я уношу утѣшительное убѣжденіе, что мысль преобразованія Одесскаго лицея никогда еще не была такъ близка, къ осуществленію, какъ теперь.

Навѣрное вы всѣ не однажды испытали, какъ сильно волнуетъ насъ при разставаніи мысль о неизвѣстномъ будущемъ.

Потому неудивительно, что и мнѣ въ настоящую минуту приходитъ на мысль будущая участь лицея, который представляется моему воображенію уже преобразованнымъ въ университетъ.

Я того мнѣнія, что внутреннему устройству вообще всѣхъ университетовъ въ Европѣ предстоятъ радикальныя и существенныя преобразованія, отъ которыхъ и будетъ зависѣть будущее исправленіе всего образованія.

Если это правда, если трудно пред-

видѣть въ будущемъ значеніе и участь университетовъ, учрежденныхъ нѣсколько столѣтій тому назадъ въ самыхъ главныхъ центрахъ цивилизаціи, то еще болѣе трудно предсказать значеніе и участь такого университета, который учредится въ наше время на краю обширнаго государства, еще юнаго на поприщѣ гражданственности. Не говоря о степяхъ, —этихъ плохихъ проводникахъ просвѣщенія—которыя будутъ окружать предполагаемый университетъ, не говоря о пыльной атмосферѣ, грязи и другихъ предметахъ, какъ-то мало гармонирующихъ съ идеей прогресса въ Одессѣ,—намъ нужно опасаться еще другого болѣе важнаго антагониста истинно-университетскаго образованія. Этотъ противникъ, тѣмъ болѣе опасный, что повидимому онъ долженъ былъ бы быть скорѣе проводникомъ, чѣмъ противникомъ,—есть conditio sine qua non Одессы,—это ея коммерческій элементъ.

Хотя торговля всегда почти идетъ рука объ руку съ просвѣщеніемъ, но всегда и вездѣ она благопріятствуетъ исключительно одному только реальному направленію образованія. А истинное универс. образованіе, такъ какъ мы его понимаемъ, имѣя предъ глазами германскіе университеты (по образцу которыхъ устроены и наши), основано на неразрывной связи двухъ началъ просвѣщенія: общечеловѣческаго (гуманнаго) и прикладнаго (реальнаго). Безъ связи, безъ равновѣсія этихъ двухъ началъ одно имя университета, данное учрежденію, еще не можетъ быть залогомъ процвѣтанія и университетъ не будетъ университетомъ.

Между тѣмъ, духъ нашего времени, который, не преувеличивая можно назвать по преимуществу торговымъ, уже страшно нарушаетъ связь этихъ двухъ началъ; равновѣсіе уже сильно поколебалось; реальное превозмогаетъ. Прежняя формула связи оказывается недѣйствительною; и вотъ почему я думаю, что всѣмъ университетамъ предстоятъ радикальныя перемѣны организаціи въ будущемъ.

Но если въ странахъ, гдѣ цивилизація уже достигла высокой степени развитія, можно, можетъ быть, сомнѣваться въ необходимости неразрывной связи общечеловѣческаго (гуманнаго) начала образованія съ прикладнымъ, спеціально-реальнымъ его направленіемъ, если въ этихъ странахъ позволительно уже предполагать, что общечеловѣческое (гуманное) начало, достигнувъ апогея своего развитія, сдѣлало все, что оно могло сдѣлать для человѣчества, и потому должно болѣе и болѣе уступать реальному направленію; то все-таки не намъ еще возставать противъ необходимости этой кровной связи, не намъ сомнѣваться въ ея значеніи; не намъ нарушать равновѣсіе двухъ основныхъ началъ просвѣщенія.

Господа! На васъ лежитъ обязанность поддержать и въ настоящемъ и въ будущемъ связь гуманнаго съ реальнымъ въ нашемъ просвѣщеніи; нашъ долгъ сохранять ея цѣлость и равновѣсіе двухъ началъ; вы должны противодѣйствовать вліянію враждебныхъ элементовъ, стремящихся ее нарушить, и если вы находите что и для насъ уже прежняя формула этой связи устарѣла, то вамъ предстоитъ найти другую, новую, соотвѣтствующую требованіямъ вѣка и цѣлой націи.

И такъ, высказавъ предъ вами на прощанье мои убѣжденія, я поднимаю заздравный бокалъ, отъ души желая вамъ всѣмъ успѣха на этомъ пути, хотя и трудномъ, но ведущемъ къ высокой цѣли.

II.

При прощаніи съ еврейскимъ обществомъ.

М.м. Г.г.!!

Многіе изъ моихъ наставниковъ были евреи, многіе изъ евреевъ были моими добрыми товарищами, многіе изъ нихъ наконецъ, были и моими отличными учениками. Изъ нихъ наставники прі-

обрѣли огромную извѣстность, товарищи—почетъ и доброе имя, ученые отличились любовью къ наукѣ. Но всѣ они этого достигли не иначе, какъ слѣдуя прогрессивному направленію христіанскихъ націй. Я говорю это вполнѣ увѣренный, что всѣ присутствующіе здѣсь раздѣляютъ это убѣжденіе. Поэтому, навѣрное всѣ мы раздѣляемъ и мысль великаго Гумбольдта о томъ, что цѣль человѣчества состоитъ въ развитіи внутренней его силы, къ которой оно должно стремиться общими силами, не стѣсняясь различіемъ племенъ и націй. И вотъ я предлагаю тостъ за здравье всѣхъ присутствующихъ представителей прогрессивныхъ идей еврейскаго общества, стремящихся къ достиженію этой высокой цѣли.

Рѣчи при прощаніи съ Кіевомъ.[61]

I.

При прощаніи съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ.

Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится, ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда-ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ!

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими, и мои—вашими. Скажу болѣе: они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все-таки одно общее: это—понятіе, глубоко хранящееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантасмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы или для выгоды.

Я угадалъ, что наука—въ вашихъ глазахъ—не есть только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа—въ вашемъ понятіи—не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть безпрерывная, нерѣдко роковая борьба — всего чаще съ самимъ собою — на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ не остановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, правственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностью.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно, и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастенъ.

Время обсудитъ и оцѣнитъ лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, па землѣ,—гдѣ все проходитъ, — есть для насъ одно ненарушимое: это— господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ея вмѣстѣ съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей такъ же вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благодѣтельнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій, но все-таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись, можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединяютъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, останемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, несмотря ни на пространство, ни на время.

II.

При прощаніи со студентами университета св. Владиміра.

Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики — наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ; не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеж-

дою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ,—и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ нашу пользу, ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ, наконецъ, и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыхъ никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости, также, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ, вы,—думаю,—увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами.

Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта

свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ посторонних стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды — не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ въ основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнью мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ, прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы состарившись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.

III.

При прощаніи съ г. Кіевомъ.

Мм. гг.! То, что мнѣ теперь предстоитъ, сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

Позднею весною, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшейся вблизи саранчею.

Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по-прежнему.

И, можетъ быть, мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

Мудрено ли, что могли и тутъ найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей, искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и,—главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ; мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина, то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность—проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

Вотъ это-то полное нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ.

Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить, кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане — имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобы утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою, по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

Я зналь, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

Я не могъ дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг., членамъ общества, предстоитъ,—если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ,—поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.

IV.

При посѣщеніи Бердичевскаго каз. еврейскаго училища 2 разряда.

Милостивые государи! Всякому, кто искренно любитъ людей, вѣрно, не разъ приходилъ на мысль вопросъ: откуда происходитъ недружелюбіе, вражда и ненависть одной націи противъ другой? Начало этихъ чувствъ было бы естественно и извинительно, если бы оно происходило отъ того, что одна нація ненавидѣла бы другую или даже всѣ націи — за взгляды и убѣжденія, противные человѣчности и стремленію къ истинѣ.—Но какая изъ націй можетъ похвалиться, что всѣ ея убѣжденія дѣйствительно основаны на этихъ двухъ высшихъ стремленіяхъ и какую можно порицать за то, что всѣ ея убѣжденія совершенно имъ противны? Различіе въ убѣжденіяхъ религіозныхъ есть также только кажущаяся причина междунаціональной вражды. Она обыкновенно служитъ только предлогомъ. Мнѣ кажется, что причина есть та же самая, которая производитъ несогласіе, завистъ и вражду между различными классами одного и того же народа. Бѣдный классъ завидуетъ богатому; богатый презираетъ бѣднаго; сильный—слабаго; короче, причина лежитъ въ началѣ сословномъ, глубоко вкоренившемся въ человѣческое общество—до того, что каждая нація въ глазахъ другой представляетъ собою и другое, враждебно-настроенное, сословіе. Не подтверждаетъ ли этого и исторія? Не въ тѣ ли времена, когда духъ кастъ былъ господствующимъ, когда сословія рѣзко отличались одно отъ другого, не въ тѣ ли,—говорю,—времена, замѣчалась и самая сильная вражда христіанскаго общества противъ евреевъ? Не въ тѣхъ ли обществахъ евреи могутъ всего болѣе ожидать сближенія и дружбы и правоуравненій, въ которыхъ сословное начало уже замѣтно ослабѣло?

Вы, милостивые государи, выражаете мнѣ сочувствіе за то, что я самъ сочувствовалъ еврейской націи. Но это не заслуга, это лежитъ въ моей натурѣ: я не могъ дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между моими товарищами, такъ и между моими подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти же убѣжденія я перенесъ и на евреевъ, когда, по обстоятельствамъ жизни и службы, вступилъ въ прикосновеніе съ ихъ обществомъ. Эти же убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшись цѣлою жизнью, сдѣлались для меня уже второю натурою, и не покинутъ меня до конца жизни!

Рѣчи на юбилеѣ въ Москвѣ.[62]

I.

При встрѣчѣ на вокзалѣ.

Настоящая встрѣча, мм. гг., напоминаетъ мнѣ самое дорогое, отдаленное время, когда я, будучи студентомъ и по возвращеніи изъ-заграницы, мечталъ служить Россіи на моей родинѣ; я стремился занять ка-

ѳедру въ Москвѣ, я ѣхалъ туда, но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»; на дорогѣ постигла меня тяжелая болѣзнь, которая заставила много мѣсяцевъ пролежать въ Ригѣ, въ больницѣ; каѳедра въ это время была занята почтеннымъ моимъ товарищемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ московскимъ врачемъ Иноземцевымъ. Съ этого времени я сдѣлался бездомнымъ скитальцемъ, и, хотя не жилъ въ Москвѣ, но сердце всегда стремилось къ ней. Ваша встрѣча, повѣрьте, друзья, такъ тронула меня, что я не въ состояніи высказать всего, что чувствую я теперь на родинѣ, и отъ души благодарю всѣхъ за оказываемый мнѣ привѣтъ.

II.

На обѣдѣ въ университетѣ.

Мм. гг.! Считаю долгомъ заявить, прежде всего, что я, какъ вѣрноподданный, съ благоговѣніемъ принялъ привѣтственную телеграмму Государя Императора. Принимаю ее за самую высшую награду и сохраню ее навсегда, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о Высочайшемъ вниманіи къ моей долголѣтней дѣятельности.

Высокой нравственной наградой считаю я для себя и званіе почетнаго гражданина, которымъ удостоила меня моя родина. Дѣйствительно, можетъ ли быть что нравственно выше того, когда родина даетъ это званіе одному изъ своихъ сыновъ и при томъ не за блестящіе подвиги на бранномъ полѣ, не за матеріальныя выгоды, ей доставленныя, а за трудовую дѣятельность на поприщѣ просвѣщенія, науки и гражданственности. Представители города Москвы, удостоивъ меня званія почетнаго гражданина, какъ будто осуществили завѣтную мечту моей юности, когда я готовился посвятить всю мою дѣятельность исключительно Москвѣ—мѣсту моего рожденія и воспитанія.

Вамъ угодно было, мм. гг., чтобы я праздновалъ этотъ торжественный день моей жизни среди васъ, здѣсь, гдѣ я впервые «вкусилъ сладость бытія». И мѣсто и причина этого праздника возбуждаютъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о далекомъ прошломъ; и потому не посѣтуйте, если я не придумалъ ничего лучшаго въ отвѣтъ на ваши дружескіе привѣты и пожеланія, какъ сравнительный очеркъ настоящаго съ прошлымъ, пережитымъ мною на разныхъ поприщахъ моей подвижной жизни. Но не подумайте, что я, по обычаю старыхъ людей, намѣреваюсь восхвалять передъ вами прошлое и отдавать ему преимущество передъ настоящимъ.

Нѣтъ, напротивъ, складъ моего ума не позволяетъ мнѣ смотрѣть на предметы и событія съ односторонней и личной точки зрѣнія, а относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтенія послѣднему.

Беру для сравненія главное—п р а в д у, не ту, для насъ недоступную правду, на вопросъ о которой и Понтійскій Пилатъ не былъ удостоенъ отвѣта, а правду нашу, земную, человѣческую, постигаемую умомъ и чувствами. Начну съ п р а в д ы н а у ч н о й. Когда я вспоминаю, что въ стѣнахъ этого знаменитаго вмѣстилища наукъ, 53 года тому назадъ, я, 15-лѣтній подростокъ, также, какъ и другіе, зрѣлые и незрѣлые юноши, уже понималъ, что во многихъ аудиторіяхъ излагается намъ что-то не научное, а занимательное для насъ своимъ комизмомъ,—когда, говорю я, вспомню все то, то не могу не утверждать, что наука того времени и преподаваніе ея не могутъ выдержать никакого сравненія съ настоящими. Въ особенности же низокъ былъ уровень демонстративнаго преподаванія. Такъ, едва повѣрятъ мнѣ теперь, что я выдержалъ экзаменъ на степень лѣкаря, не видавъ ни одной операціи, сдѣланной на трупѣ, и не сдѣлавъ ни одной самъ. Впрочемъ, это было въ то время, когда и на западѣ Европы еще, въ

нѣкоторыхъ отдаленныхъ университетахъ, учили дѣлать кровопусканіе на кускахъ мыла, и ампутаціи на брюквѣ. Изъ всѣхъ частей врачебной науки еще одна анатомія пользовалась болѣе другихъ демонстративными пособіями, но не забудемъ, что это было время, когда хоронили анатомическіе музеи и задавались серьезно вопросомъ о возможности преподавать анатомію не на трупахъ, а на рисункахъ и манекенахъ. Современная молодежь иногда, я слышу, жалуется на недостатокъ демонстративныхъ пособій при изученіи медицины, но что сказала бы она во время моего ученія, когда мы не имѣли не только средствъ, которыми она теперь располагаетъ, но и самаго понятія о нихъ. Перейду теперь къ другой важной отрасли врачебной науки, занимавшей меня въ теченіе многихъ лѣтъ—это госпитальное и военно-врачебное дѣло. Первый большой госпиталь, въ которомъ я началъ мою военно-врачебную дѣятельность, былъ 2-й сухопутный и представлялъ собою ничто иное, какъ огромное вмѣстилище госпитальныхъ міазмъ, пагубныхъ и для больныхъ, и для здоровыхъ организмовъ. Далѣе, во время моей первой кавказской экспедиціи я, обозрѣвъ почти всѣ госпитали Кавказа, не нашелъ буквально ни одного раненаго, которому оказано было бы какое-нибудь серьезное хирургическое пособіе, а, напротивъ, встрѣчалъ очень многихъ съ застарѣлыми поврежденіями, находившихся по нѣскольку лѣтъ въ госпиталяхъ безъ всякой помощи. О достопамятной крымской войнѣ еще многое неизвѣстно современникамъ, и многіе изъ нихъ, вѣрно, помнятъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находились военно - врачебная администрація и полевая хирургія при осадѣ Севастополя. Правда, во время послѣдней восточной войны 1877 г. снова обнаружились и промахи, и недостатки, и злоупотребленія, но не надо забывать, что крымская война была только оборонительная, и велась не внѣ отечества. Но что всего болѣе отличаетъ обѣ войны, это научная дѣятельность врачебнаго персонала и частная помощь. Извѣстно, что всѣ профессора хирургіи русскихъ университетовъ съ ихъ ассистентами уже принимали участіе въ послѣдней войнѣ и про ихъ дѣятельность можно, по-истинѣ, сказать, что они превзошли самихъ себя. Что же касается до частной помощи, то могъ ли я 25 лѣтъ тому назадъ вообразить, что небольшая община, предоставленная мнѣ въ Бозѣ почившей великой княгиней Еленой Павловной для руководства въ госпиталяхъ, будетъ представлять зерно громаднаго учрежденія «Краснаго Креста», располагавшаго огромными средствами въ последней восточной войнѣ и служившаго важнымъ подспорьемъ военно-полевой администраціи.

Итакъ, мм. гг., что касается до правды научной, то настоящее время неизмѣримо ближе къ ней.

Обращусь къ правдѣ нравственной.

Воспитаніе молодежи, въ наше прошлое время, не руководилось основными нравственными началами. Насъ, т.-е., молодежь тогдашняго времени, не учили останавливаться съ благоговѣйнымъ почтеніемъ передъ однимъ опредѣленнымъ общечеловѣческимъ, нравственнымъ идеаломъ и не учили уважать человѣческое достоинство. Правда, насъ учили уваженію, но не тому глубокому и внутреннему, которое я здѣсь разумѣю, а болѣе внѣшнему,—учили бояться; но это былъ не тотъ страхъ, о которомъ говорится въ священномъ писаніи, что онъ есть начало премудрости, а страхъ чисто внѣшній; и все это было въ то время, когда въ болѣе культурномъ западномъ обществѣ еще господствовало идеальное направленіе воспитанія. Впослѣдствіи, когда мнѣ были поручены два учебные округа, я совѣстливо и съ увлеченіемъ старался пополнить эти важные пробѣлы въ нашемъ воспитаніи, но неблагопріятныя обстоятельства, краткость времени и уже перемѣнившееся направленіе на Западѣ препятствовали осуществленію моихъ цѣлей. Сторонники прошлаго и пессимисты отдаютъ ему предпочтеніе передъ настоящимъ, потому что по-

трясающія событія съ пагубными ихъ слѣдствіями преимущественно разразились въ нашемъ современномъ обществѣ, но и упускаютъ изъ виду, что корни современнаго зла лежатъ глубоко въ нашемъ прошломъ. И это, впрочемъ, не даетъ намъ еще права отчаиваться. Въ жизни великихъ націй и великихъ государствъ также, какъ и въ жизни вселенной, бываютъ циклоны и ураганы, но ни тамъ, ни здѣсь, они не могутъ измѣнить предвѣчныхъ законовъ жизни. Шекспиръ, въ одномъ изъ высочайшихъ произведеній своего генія—«Буря», изобразилъ намъ наглядно въ образахъ Калибана и Просперо грубую стихійную силу, гнѣздящуюся въ человѣческой натурѣ и подвластную только наукѣ и генію, но всегда готовую возмутиться, какъ скоро она выходитъ изъ-подъ вліянія этой власти. Мораль этого произведенія Шекспира можетъ быть выражена на нашемъ научномъ медицинскомъ языкѣ изрѣченіемъ Гиппократа: «contraria contrariis sunt remedia»; и всѣ опытные врачи, согласятся со мною, что недуги, нравственные и тѣлесные, пользуются успѣшнѣе по принципу Гиппократа, чѣмъ по новому гомеопатическому правилу: «similia similibus curantur.»

И вотъ, мм. гг.! Вы видите предъ собою человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему въ твердомъ упованіи, что Россія, предводимая своимъ Державнымъ Вождемъ, пойдетъ по тому великому пути, который открытъ для нея безсмертными дѣлами Царя Освободителя.

III.

На обѣдѣ въ благородномъ собраніи.

Пить за здоровье—значитъ желать здоровья; но это пониманіе вульгарное. Тостъ имѣетъ и другое значеніе: пожеланіе предохраненія отъ болѣзни. Такое пожеланіе особенно умѣстно и необходимо въ отношеніи насъ, нашего поколѣнія; нужно пожелать, чтобъ мы были предохранены отъ болѣзни, господствующей во всемъ образованномъ мірѣ. Болѣзнь эта — такъ называемая «міровая скорбь», Weltschmerz. Всѣ страдаютъ этою болѣзнью—и молодежь, и взрослые; объ этой болѣзни въ мое время ничего не знали, но не слѣдуетъ забывать, что въ ней есть и отрадная сторона: это— сочувствіе къ горю ближняго, возвышеніе надъ эгоистическими стремленіями. Эта болѣзнь «міровой скорби» нешуточная и леченіе ея трудно; но я высказываю убѣжденіе, что тутъ возможно леченіе только по правилу «contraria contrariis curantur». Не могу доказать своего взгляда данными болѣе или менѣе продолжительнаго опыта, но, по личнымъ соображеніямъ, считаю себя вправѣ утверждать это, потому что въ болѣзни есть и сторона благодѣтельная. Нельзя въ больномъ человѣческомъ организмѣ — особенно незрѣломъ — безпощадно отрѣзывать то, что близко къ сердцу. Пожелаемъ же, чтобъ насъ миновала эта болѣзнь и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы врачующіе ее, уничтожая болѣзнь, не разстроили самаго организма.

IV. Приложеніе.

Вопросы жизни.

Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неоффиціальными статьями Морского Сборника о воспитаніи.

Вторая редакція.[63]

„Къ чему вы готовите вашего сына?“—кто-то спросилъ меня.

— Быть человѣкомъ, — отвѣчалъ я.

„Развѣ вы не знаете, — сказалъ спросившій, — что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди“.

Правда это или нѣтъ?

Только два рода людей не задаютъ себѣ вопросовъ при вступленіи въ жизнь.

Во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привиллегію на идіотизмъ.

Во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчокъ, двигаются по силѣ энерціи въ данномъ имъ направленіи.

Оба эти рода не принадлежатъ къ исключеніямъ въ обществѣ, но и не могутъ считаться правилами.

Общество, къ счастію, успѣло такъ организироваться, что оно, для большей массы людей, само, безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ эти вопросы и даетъ этой массѣ, пользуясь ея силою инерціи, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія. Но, живя въ обществѣ и для общества, мы должны жить еще и индивидуально, для самихъ себя.

Нашу индивидуальную жизнь мы должны согласовать всегда, въ извѣстной степени, съ направленіемъ общества.

Безъ этого, или мы придемъ въ разладъ съ обществомъ и будемъ терпѣть и бѣдствовать, или основы общества начнутъ колебаться и разрушаться.

Итакъ, если мы, кромѣ силы инерціи, заставляющей насъ слѣдовать данному намъ обществомъ направленію, чувствуемъ въ себѣ еще довольно сознанія, чтобы вникнуть въ нашу индивидуальность, мы задаемъ себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего должны искать мы? Собственно, воспитаніе должно бы было намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предполагаетъ два условія:

Во-первыхъ, что воспитаніе должно быть принорowлено къ темпераменту и различнымъ способностямъ каждаго — развивать или обуздывать ихъ.

Во-вторыхъ, что нравственныя основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, должны совершенно соотвѣтствовать направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ.

Первое условіе необходимо потому, что врожденныя склонности каждаго и его темпераментъ подсказываютъ, вполнѣ и всегда, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо потому, что безъ него,—какое бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ,—мы, видя, что поступки общества не соотвѣтствуютъ этому направленію, непремѣнно удалимся отъ него и собьемся съ пути. Сбившись, намъ придется избирать одно изъ трехъ: или потерять всю нравственную выгоду нашего воспитанія, или вступить во вражду съ обществомъ, или же, наконецъ, отдаться на произволъ.

Къ сожалѣнію, это такъ и есть. Воспитаніе же начинается и оканчивается обыкновенно, для большей части изъ насъ, въ одни и тѣ же періоды жизни. Итакъ, если воспитаніе, начавшись для меня слишкомъ поздно, не будетъ соотвѣтствовать склонности и темпераменту, развившимся у меня слишкомъ рано, то какъ бы и что бы оно мнѣ ни говорило о цѣли жизни и моемъ назначеніи, мои рано развившіяся склонности и темпераментъ будутъ мнѣ все-таки нашептывать другое.

Отъ этого — сбивчивость, разладъ и произволъ.

Во-вторыхъ, талантливые и проницательные воспитатели такъ же рѣдки, какъ и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели.

Число ихъ не соотвѣтствуетъ массѣ людей, требующихъ воспитанія.

Это бы еще не бѣда. Добро и зло, вообще, довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности и темпераментъ влекли насъ болѣе къ худому, чѣмъ къ хорошему. А законы хорошо-устроеннаго общества, вкореняя въ насъ довѣренность къ прозорливости и правосудію правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу.

Но вотъ бѣда: самыя главныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество. Мы — христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ Откровеніе.

Всѣ мы, съ нашего дѣтства, ознакомились съ мыслью о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіи въ жизни здѣшней.

Убѣждаясь, при вступленіи въ свѣтъ, въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, мы впадаемъ въ одну изъ трехъ крайностей:

Или мы теряемъ всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекаясь матеріальнымъ стремленіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелькомъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасительному ея дѣйствію, чтобы подкрѣпить себя и утѣшить.

Или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ паганизма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или — мы отдаемся произволу. Но не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, не

имѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственности, чтобы отвергать высокое, мы оставляемъ основные вопросы нерѣшенными, избираемъ въ наши путеводители случай, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій.

Итакъ. вотъ какая жалкая участь ожидаетъ насъ.

Общество твердитъ намъ: хочешь быть счастливымъ со мною, оставь основную нравственную мысль твоего воспитанія.

Мы сами, неприготовленные, незнакомые съ тѣмъ, что нравственная основа нашего воспитанія рѣзко противорѣчитъ направленію общества, въ которомъ мы начинаемъ жить, колеблемся, блуждаемъ и отдаемъ кормило року.

Вступая въ свѣтъ, подвергнутые этимъ тремъ крайностямъ, еще колеблющіеся, мы осматриваемся вокругъ себя и видимъ, что общество, судя по его поступкамъ, раздѣлилось на толпы.

Самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ.

Другія толпы, несравненно меньшія въ объемѣ, болѣе или менѣе увлекаемыя въ направленіи огромной массы, слѣдуютъ различнымъ взглядамъ, стараясь то противоборствовать этому влеченію, то оправдать предъ собою свою слабость и недостатокъ энергіи.

Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется до десяти, а можетъ быть, и болѣе.

Вотъ первый взглядъ, очень простой и привлекательный:

Не размышляйте и не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, только потеря времени. Можно потерять и аппетитъ, и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ—для наслажденій и трудовъ. Сонъ—для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія—для счастья.

Учитесь философіи и особливо философіи Гегеля; размышляйте, отвлекайтесь, и вамъ все сдѣлается ясно.

Умъ вашъ просвѣтлѣетъ. Вы узнаете, кто вы, что вы.

Вы поймете, какъ дважды два—четыре, все, что кажется необъяснимымъ въ глазахъ ученой и неученой черни.

Вотъ другой взглядъ—высокій.

Ходите въ церковь, молитесь, вставая, ложась спать и даже предъ обѣдомъ, по святцамъ. Сохраняйте посты, не пропускайте обѣдни въ праздники, ежегодно говѣйте. Затѣмъ, не размышляйте и живите такъ, какъ живется.

Вотъ третій взглядъ—религіозно-простой.

Вы рождены наслѣдниками завѣтнаго грѣха. Вы живете въ юдоли бѣдствій и суеты, чтобы каяться и молить Искупителя о милосердіи. Только этимъ мы можемъ спасти себя отъ вѣчныхъ мученій. Безъ этого милосердія нѣтъ ни вѣры, ни добродѣтели, ни вѣчнаго блаженства. Молитесь, кайтесь, пойте псалмы и уповайте.

Вотъ четвертый взглядъ—религіозно-высокій.

Трудясь, исполняйте ваши обязанности. Будьте полезными другимъ и себѣ. Въ трудныхъ случаяхъ жизни, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте изъ двухъ золъ меньшее. Впрочемъ предоставьте спасаться каждому на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ и вкусахъ не спорьте.

Вотъ пятый взглядъ—практическій.

Хотите быть счастливыми,—думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но строго соблюдайте приличія и обряды и умѣйте съ людьми уживаться.

Про начальниковъ и нужныхъ людей худо не говорите.

При исполненіи обязанностей не горячитесь. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите. Только объ этомъ молчите и въ кулакъ себѣ смѣйтесь.

Вотъ шестой взглядъ—также практическій въ своемъ родѣ.

Не хлопочите и не заботьтесь. Стѣны лбомъ не прошибете. Что будетъ, то будетъ. Живите, покуда живется, а когда время придетъ, такъ умрите.

Червякъ на кучѣ грязи! вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что все стремится къ совершенству, и вы— членъ этого общества прогрессистовъ.

Зритель и комедiантъ по-неволѣ! какъ ни бейтесь, лучше ничего не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ! вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, умрите, не зная, зачѣмъ жили.

Вотъ седьмой взглядъ — очень печальный.

Заботьтесь, учитесь, работайте, наслаждайтесь, покуда живете. Идите, стремитесь безпрестанно впередъ, отыскивая счастья. Но не ищите его въ далекомъ небѣ; оно у васъ подъ ногами. Какой вамъ лучшей жизни еще нужно? У васъ есть тѣло, которое чувствуетъ, мыслитъ, судитъ, рядитъ и, умирая, но не уничтожаясь, какъ фениксъ, возрождается.

Вотъ восьмой взглядъ — немного болѣе веселый.

Все устроено и настроено къ лучшему Высшимъ Подателемъ благъ. У васъ есть заботливое Провидѣнiе. Зло —это одна фантасмагорiя, для вашего развлеченiя. Одна тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пойте благодарственные гимны и живите припѣваючи.

Вотъ девятый взглядъ — уже очень веселый.

Отдѣляйте теорiю отъ практики. Принимайте какую угодно теорiю для вашего развлеченiя. Но на практикѣ узнайте, главное, какую роль вамъ предназначено играть. Узнавъ, выдержите ее до конца. Счастье — искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пеняйте, а исправляйтесь.

Вотъ взглядъ десятый и очень благоразумный.

Вступившiй въ свѣтъ, ознакомившись понемногу съ этими взглядами, поступаетъ различнымъ образомъ, смотря по тому, какъ онъ былъ воспитанъ, какiя имѣетъ склонности и какой темпераментъ.

Если онъ родился здоровымъ, или даже черезъ-чуръ здоровымъ, матерiальный его бытъ развился энергически, чувственность преобладаетъ въ немъ, онъ склоняется на сторону привлекательнаго и веселаго взглядовъ.

Если мозгъ его развитъ хорошо, воображенiе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитанiе было болѣе реальное, онъ дѣлается послѣдователемъ благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

Если, напротивъ, при слабомъ или нервномъ тѣлосложенiи, мечтательность составляетъ главную черту характера, инстинктъ управляется не умомъ, а воображенiемъ, а воспитанiе не было реальнымъ, онъ увлекается то высокимъ, то религiознымъ взглядами, то переходитъ отъ печальнаго къ веселому и даже отъ веселаго къ привлекательному.

Если, наконецъ, воспитанiе сдѣлало изъ ребенка старуху, не давъ ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже старикомъ; если при тускломъ умѣ преобладаетъ воображенiе, или при тускломъ воображенiи простой, реальный умъ, то выборъ падаетъ на религiозные взгляды.

Воспрiимчивость къ тому или другому взгляду усиливается внѣшними обстоятельствами и состоянiемъ здоровья. Эти два условiя, живость ума, слабость воли, любознанiе и опытъ заставляютъ насъ нерѣдко перемѣнять взгляды и быть поочередно ревностными послѣдователями то одного, то другого.

Если кто изъ насъ, при самомъ вступленiи въ свѣтъ или послѣ, переходя отъ одного взгляда къ другому, наконецъ, совсѣмъ остановился на которомъ-нибудь, то это значитъ — ему перевоспитывать себя не для чего; это значитъ—онъ доволенъ своимъ выборомъ; это значитъ — для него рѣшены основные вопросы жизни: и цѣль жизни, и назначенiе, и призванiе его обозначены.

Лишается ли онъ, избравъ одинъ изъ этихъ взглядовъ, нравственныхъ выгодъ своего воспитанiя, или, пользуясь ими и придерживаясь не слиш-

комъ ревностно избраннаго имъ взгляда, думаетъ избѣжать этой альтернативы, мы едва-ли можемъ нарушить его убѣжденія. И должны ли? Онъ разрѣшилъ для себя роковые вопросы. Онъ счастливъ въ своемъ смыслѣ. Самъ Искупитель былъ посланъ благовѣствовать не для счастливыхъ и довольныхъ собою (Лук., гл. IV, 18).

Если бы наше поприще всегда и оканчивалось этимъ выборомъ одного изъ десяти взглядовъ, если бы послѣдователи этихъ взглядовъ шли параллельно другъ съ другомъ и съ толпою, движимою по силѣ инерціи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько небольшихъ; все шло бы спокойно по старому; жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда: люди, имѣющіе притязаніе на умъ и чувство, не довольствуются этимъ выборомъ. Переходя отъ одного взгляда къ другому, вникая, они испытываютъ, все глубже и глубже роются въ рудникахъ души и, не находя въ себѣ внутренняго спокойствія, оставляютъ эти взгляды, чтобы проложить себѣ новые пути.

А ревностные послѣдователи этихъ взглядовъ не идутъ параллельно ни другъ съ другомъ, ни съ толпою. Пути ихъ пересѣкаются, направленія сталкиваются. Менѣе ревностные, слѣдуя вполовину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, составляютъ новыя комбинаціи.

Этотъ разладъ и раздоръ сектаторовъ, и при болѣе твердыхъ политическихъ основахъ общества, могъ бы поколебать его.

На бѣду эти основы шатки, толпа, движущаяся на нихъ, громадна, а правители близоруки.

Люди съ притязаніемъ на умъ и чувство не хотятъ быть ни смиренными поклонниками мертвой буквы, ни дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, ни суемудрыми поборниками грубаго матеріализма, ни восторженными поклонниками одного разума.

Хотя этотъ идеалъ и пахнетъ проповѣдью, но онъ дѣйствительно таковъ. Я знаю это по опыту.

Недовольные, отставшіе отъ послѣдователей различныхъ взглядовъ, они съ энтузіазмомъ стремятся къ этому идеалу и съ самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни,—стараются даже, во что бы то ни стало, перевоспитать себя.

Вотъ механизмъ, которымъ они стремятся достигнуть своей цѣли.

Но чтобы вполнѣ понять его, начнемъ:

Пусть каждый или каждая изъ насъ представитъ себѣ, что вы принадлежите именно къ этому классу людей.

Итакъ, представьте же теперь, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лицо не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ.

Васъ, не спросясь, окрестили.

Вы, въ свою очередь, также никого не спросясь, выросли. Понемногу, Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе, что называется, осмотрѣться.

До сихъ поръ на всемъ пространствѣ земли вы составляли одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который самимъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

Теперь, осмотрѣвшись, вы уже распались на нѣсколько различныхъ видовъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ; всѣ пуговицы застегнуты и все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы — мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете, кто вы такой?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы — ученикъ гимназіи и со временемъ—прибавляютъ въ полголоса, — можетъ быть попадете въ кандидаты трехъ, сотъ (т.-е. въ университетъ). Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете, что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ самодовольно, что вы — ученикъ школы правовѣдѣнія,

будете навѣрное столоначальникомъ, потомъ прокуроромъ, и если, Богъ дастъ, успѣете состариться, то и сенаторомъ. Вы очень рады.

Вотъ второй видъ.

Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ кантикѣ мундира и на погончикахъ воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко и отрывисто, что вы — кадетъ и будущій офицеръ, генераль, адмиралъ, генералъ-губернаторъ, министръ или, по крайней мѣрѣ, попечитель учебныхъ заведеній. Вы въ восхищеніи.

Вотъ третій видъ.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Шнуровка, волосы и все въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы — дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, дѣлаете книксенъ и спрашиваете: что теперь дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь французскому языку, играйте на фортепіано, танцуйте и держите себя хорошо. Вы очень рады; дѣлаете опять книксенъ и ревностно принимаетесь за эти предметы.

Вотъ четвертый, но еще не послѣдній видъ.

Проходятъ годы. Выросши до-нельзя изъ себя, вы начинаете уже рости въ себя. Вы уже замѣчаете, что вы—студентъ, окончившій курсъ, правовѣдъ IX класса, офицеръ и дѣвушка-невѣста.

На этотъ разъ вы уже не спрашиваете, кто вы такой и что вамъ дѣлать? Вы увѣрены, что и сами знаете, что теперь дѣлать.

Священникъ объяснялъ вамъ Откровеніе. Привиллегированные гувернеры, инспекторы, субъ-инспекторы, гувернантки, а иногда и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Всевидящее око администраціи наблюдало, чтобы науки и искусства были вамъ излагаемы въ духѣ извѣстныхъ началъ. Прозорливая цензура не давала вамъ читать безнравственныхъ книгъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители, благодѣтельное начальство открыли вамъ путь къ карьерѣ.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали. Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ.

Звучать для общей гармоніи — согласитесь — есть завидная участь.

Но не тутъ-то было.

Вы достигли теперь уже того періода жизни, въ которомъ и умъ, и чувство, начинаютъ сильно тревожить васъ: первый — задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи еще рѣшить; второе—поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили и что дѣлается вокругъ васъ.

Вы вспоминаете — васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили, и поступали не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь просто, чтобы жить. Копили деньги и тратили ихъ. Ѣли, пили, пѣли, плясали, ходили въ бани, нѣжились, бранились, дрались и кутили на-пропалую. Хоть между ними были и добрые, умные и степенные люди, но всѣ они все-таки ходили въ потемкахъ, не зная, что есть еще что-то получше этой жизни. Правда, у нихъ былъ Аидъ и Елисейскія поля. Но эти мѣста были гдѣ-то также на землѣ или въ землѣ, и то не для души, а для тѣней. Тѣнямъ самыхъ великихъ людей, почти полубоговъ, жилось не очень весело. Напримѣръ, тѣнь Ахилла объ этомъ очень жаловалась Одиссею:

Лучше-бъ (говорила она) хотѣлъ я живой,
какъ поденщикъ работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ доставать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый.

(„Одиссея", пер. Жуковскаго).

Васъ учили, что Воплощенное Слово разсѣяло эту тьму и положило конецъ безтолковому разгулу. Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что Откровеніе, приподнявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: стремись туда.

Вы узнали, какая бездна отдѣляетъ васъ отъ развалинъ того міра,

который только въ себѣ самомъ искалъ препоны взрывамъ страстей, не имѣя никакого будущаго за своими предѣлами.

Одушевленные благодѣтельнымъ словомъ Откровенія, вы смотрите вокругъ себя, и что же?

Вы видите — окружающая васъ толпа разыгрываетъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Откровеніе объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастья.

Вступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію.

Видя это, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы.

Натурально, вы не хотите быть долго мистифицированными.

Вы начинаете еще глубже вникать, анализировать, и находите себя въ критическомъ положеніи.

Вамъ предстоитъ безутѣшная альтернатива: или дерзновенно отвергнуть заповѣдныя завѣщанія Откровенія; или вступить во вражду съ міромъ, исходъ которой предвидѣть не трудно.

Отдаться произволу не позволяютъ вамъ ни умъ, ни чувство.

Надобно быть атлетомъ святотатства или самоотверженія, чтобы избрать одно изъ двухъ этой роковой дилеммы:

Не удалиться ли отъ свѣта, не сдѣлаться ли монахомъ?

Фи! самоубійство не можетъ быть мыслью здраваго человѣка.

Вспоминая прежде съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о духѣ древняго міра, вы начинаете теперь ему завидовать. Онъ былъ послѣдователенъ. Вступающимъ въ свѣтъ нельзя было жаловаться, что ихъ мистифицировали. Но завидовать, сѣтовать и колебаться ни къ чему не ведетъ. Время летитъ, нужно дѣйствовать.

Вотъ теперь-то вы и начинаете пристальнѣе разсматривать окружающее васъ. Теперь-то вы замѣчаете, что, кромѣ огромной толпы, безсознательно влекомой невидимою силой, есть еще и нѣсколько другихъ, меньшаго объема, дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Теперь-то вы начинаете знакомиться со взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ. Сначала это васъ интересуетъ. Вы дѣлаетесь ревностными послѣдователями той или другой. Но вскорѣ то умъ, то чувство нашептываютъ вамъ возраженія. Снова колебаніе, сѣтованіе, упреки себѣ, другимъ и даже судьбѣ.

Вы сѣтуете: что стоило бы природѣ вылить насъ всѣхъ по этому благодатному типу круглоты и сочности, который всегда остается на сторонѣ веселаго взгляда? Тогда нашему праотцу, вѣрно, не вздумалось бы пускаться въ распознаваніе добра и зла,—не существовало бы истощенныхъ адептовъ анализа. Антоній окружилъ бы длинношейнаго Цезаря толстяками, а не тощими Брутами. Эпикуръ былъ бы совершенно лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Плѣшивый Сократъ не нашелъ бы себѣ послѣдователей, а, слѣдовательно, и противниковъ, и не умеръ бы отъ болиголова. Будь я государь, я непремѣнно велѣлъ бы развести поколѣніе по этому типу. Надобно же было вылиться другому, неокругленному, безсочному типу, который не хочетъ жить, наслаждаясь плодами земли. Это онъ все вверхъ дномъ поставилъ. Это онъ вѣчно роется, никогда не устаетъ и ничѣмъ недоволенъ. Для него все ни по чемъ: факты — Эзоповы языки; преданія — миѳы; внутреннія убѣжденія — предразсудки. Одинъ анализъ—его кумиръ.

Сѣтованіямъ конца нѣтъ. Нѣтъ отъ нихъ и пользы.

Вамъ приходитъ на мысль: чѣмъ бѣгать за этими толпами, и желать невозможнаго — переродиться, не лучше ли перевоспитать себя и потомъ уже серьезно и окончательно рѣшить вопросы жизни? Вздумано—сдѣлано. Вы тотчасъ же принимаетесь вникать въ себя; хотите вывести себя на чистую воду, узнать рѣшительно, что вы за человѣкъ?

Вы мало-по-малу узнаете, что внутренній человѣкъ въ васъ, слишкомъ рано развившись, пересиливалъ черезъ-чуръ наружнаго, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ,

безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ, тиранилъ слабый составъ и игралъ имъ по своему произволу, разливался, кутилъ и не имѣлъ времени вникнуть въ себя.

Но наружный, несмотря на врожденную хилость, былъ еще довольно упругъ и тягучъ, чтобы выдержать эти напоры. Измученный, онъ еще противодѣйствовалъ.

Воспитатели были слишкомъ близоруки, чтобы замѣтить эту борьбу. Такъ прошла юность.

Вашъ внутренній человѣкъ, убѣдившись опытомъ, что онъ дѣйствуетъ противъ себя же самого, наконецъ, остепенился. Онъ пріучается вникать въ себя и видитъ, что ему осталось еще одно изъ двухъ: или сказать вѣчное прости отвлеченіямъ, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь формы, одѣть жизнь въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юпку и въ книгѣ бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву; или, съ утра до ночи роясь въ рудникахъ души, подстерегая мгновенія ея свободы, заставить ее самое рѣшить вопросы жизни.

Вотъ послѣдній періодъ жизни, въ который вамъ или нужно навсегда отказаться отъ искомаго идеала и спокойно заснуть подъ тѣнью формы; или, вступивъ опять въ борьбу съ самимъ собою, искать отдохновенія, лишь на закатѣ жизни, въ словахъ: «да, я страдалъ, но не напрасно».

Но не забывайте: вы — человѣкъ, имѣющій притязаніе на умъ и чувство. Можно ли же сомнѣваться, на которое изъ двухъ падетъ вашъ выборъ?

Но не забывайте также: вы живете въ мірѣ противорѣчій и непослѣдовательности.

Проведя половину жизни, чтобы рѣшить ея роковые вопросы; испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ; предпринявъ, наконецъ, перевоспитать себя, и во что бы то ни стало, достигнуть своего идеала, вы на самомъ распутьи этого поприща иногда вдругъ останавливаетесь: лѣнь и страхъ одолѣваютъ васъ...

Наслажденіе подъ сѣнью мірского счастья и спокойной формы манитъ васъ на перепутьи. Тысячи и тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ такъ заманчиво около васъ располагаются, что всѣ предположенія, которыя было вытянулись предъ вами такою послѣдовательною нитью, вдругъ сбиваются.

Что вы привыкли было считать твердыми убѣжденіями, оказалось ничтожною паутиной предположеній. Вы, покидая вашъ путь, доказываете, что убѣжденія даются не каждому: это даръ неба. Ни опытъ, ни время, ни логика еще не могутъ образовать ихъ. Прежде чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать, можете ли вы ихъ имѣть.

Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто хоть однажды, но проницательно, взглянулъ на себя. На это также способенъ не всякій. Для этого нужны: вдохновеніе, способность отвлекаться и упражненіе. Я прибавилъ бы еще: и молитва, если бы я отличалъ ее отъ минуты отвлеченія и вдохновенія.

Итакъ, вы — человѣкъ съ умомъ и чувствомъ, вы — желающій перевоспитать себя, желающій достичь искомой цѣли жизни,—вы узнаете, наконецъ, что надобно начать съ отвлеченія, чтобы узнать себя, узнать, способны ли вы къ нравственнымъ убѣжденіямъ, и къ какимъ именно?

Иначе воротитесь лучше назадъ пристаньте лучше къ той или другой толпѣ и будьте счастливы по своему.

Прожить полжизни, чтобы узнавать и перевоспитывать себя!— неутѣшительно; но все же лучше, чѣмъ умереть, не узнавъ себя. А знаете, кто лучше всѣхъ себя знаетъ? — Дѣти. Изъ ихъ души еще не успѣлъ образоваться этотъ страшный двойникъ, убѣгая котораго, мы безпрестанно отыскиваемъ самозабвенія.

Дѣтьми и бѣдными умомъ нужно быть, по словамъ Искупителя, чтобы сдѣлаться причастниками Откровенія и вѣчнаго блаженства. Не значитъ ли это: знать самихъ себя, какъ это знаетъ дѣтская простодушность,

у которой нѣтъ другого себя, которой потому не нужно ни углубляться, ни отвлекаться? Не значитъ ли это довести себя, силою отвлеченія и вдохновеній, до полнаго самопознанія, слить свою двойственность, изгнать двойника изъ глубокихъ извилинъ души? Вотъ идеалъ, вполнѣ недосягаемый, но къ которому мы должны безпрестанно стремиться.

Только на пути къ этому идеалу мы достигаемъ способности имѣть нравственныя убѣжденія. Итакъ, вотъ начало перевоспитанія: узнать себя. Трудъ неимовѣрный! Постоянное напряженіе духа отвлеченіемъ, борьба съ самимъ собой, съ окружающимъ васъ. Вдохновеніе, может быть, разстроитъ ваши нервы, истощитъ вашъ матеріальный бытъ. Не опасайтесь этого. Если преобладающая матерія можетъ управлять духомъ и даже совершенно оцѣпенить его, то чего не можетъ сдѣлать духъ надъ матеріею, назначенный управлять ею?!

Стремясь къ своему назначенію, онъ лучше знаетъ, какъ удержать ее въ опредѣленныхъ границахъ, какъ укрѣпить, какъ направлять ее для своихъ цѣлей. Посмотрите на атлетовъ человѣчества — слабы ли были ихъ нервы? Не духъ, а инстинкты, то поощряемые, то удерживаемые воображеніемъ, бунтующимъ противъ воли,—вотъ что щекочетъ и бичуетъ ваши нервы.

Наконецъ, вамъ хотя однажды довелось, въ минуты вдохновенія, въ минуты внутренняго созерцанія, бросить одинъ изъ тѣхъ глубокихъ, рѣшительныхъ взглядовъ, и вы признали въ себѣ убѣжденіе.

Убѣдясь, что вы готовы выступить на путь самопознанія, вы становитесь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души, подстерегаете быстролетныя мгновенія, когда затихаетъ изверженіе вѣчно-клокочущей лавы, чтобы хоть украдкою взглянуть въ эту страшную глубину.

Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ, чтобы изобразить весь этотъ механизмъ наблюденія надъ собою. Ему нужны сравненія, которыя, хотя бы отдаленно, могли выразить, что съ вами происходитъ.

Таково нравственное отвлеченіе и созерцаніе, ведущее къ самопознанію. Отвлекаясь отъ себя, чтобъ созерцать самихъ себя, чтобъ углубиться въ сокрытые рудники души, вы убѣждаетесь въ существованіи вашей двойственности. Чѣмъ болѣе жили, думали и чувствовали вы, тѣмъ болѣе запуталась ваша двойственность въ извилистыхъ ходахъ, тѣмъ труднѣе проникнуть въ эти извилины, тѣмъ сложнѣе дѣлается механизмъ наблюденія, тѣмъ болѣе нужно отвлеченія твердости и постоянства.

Но и достигнувъ уже силою воли извѣстной опытности въ самосозерцаніи, не льстите себя надеждой когда - нибудь достигнуть матеріальной ясности и очевидности, не ищите строгой послѣдовательности въ вашихъ взглядахъ.

Кто думаетъ логически, посредствомъ силлогизмовъ, начертать начало самосозерцанія и составить изъ нихъ стройное, ясное цѣлое; еще болѣе,—кто, какъ абдеритскій Стильпонъ, предлагаетъ ихъ каждому встрѣчному и поперечному, заключая неизбѣжной дилеммою: «если не принимаешь, то ты или глупецъ, или злодѣй»,—тотъ не понимаетъ сущности отвлеченія, тотъ не только не рылся въ себѣ, но и не заглядывалъ въ свой сокровенный лабиринтъ.

Нестройный хороводъ однихъ завѣтныхъ предчувствій, однихъ туманныхъ призраковъ мысли, вызванный вдохновеніемъ изъ бездонной глубины на видимый горизонтъ души — вотъ сущность отвлеченія. Какъ связать въ цѣлое эти украдкой сдѣланныя наблюденія надъ собою, эти отрывки самопознанія?

Какъ нерѣдко эти призраки заставляютъ содрогнуться самую отважную душу при одномъ появленіи на ея небосклонѣ? Но вы бросаетесь въ бѣгство отъ себя, замѣтивъ, что тотъ или другой призракъ, рисовавшійся только блѣдными очерками вдали, приближается къ вамъ, какъ страшная личина въ фантасмагоріи, начи-

наетъ яснѣть, быстро принимаетъ огромные размѣры и уже готовъ охватить васъ.

Итакъ, не думайте, что сущность истины для насъ ясна. Одни проявленія ея свѣтлы; но и они такъ свѣтлы, что мы еще не привыкли смотрѣть на нихъ. Что кажется обыкновенному уму чрезвычайно простымъ, яснымъ и отчетливымъ, — еще не истина. Когда одни ея слабые проблески до насъ доходятъ отрывками; когда однимъ высокимъ умамъ, и то въ часы высокихъ вдохновеній, удается иногда постигнуть тотъ или другой отрывокъ проявленія истины въ мірѣ матеріальномъ;—то можемъ ли мы ожидать, чтобы мы могли получить ясныя свѣдѣнія о скрытомъ въ глубинѣ ея источникѣ?

Узнавъ въ самопознаніи, какъ много такого скрывается въ васъ, что при мгновенномъ появленіи уже наводитъ страхъ, вы начинаете постигать и какъ велико пространство, раздѣляющее мысль отъ ея проявленія въ словѣ и дѣлѣ?

И это первое открытіе въ самопознаніи — то доставляетъ вамъ утѣшеніе, то возбуждаетъ какую-то тоску по отчизнѣ.

Чѣмъ менѣе раздвоился внутренній бытъ вашъ, тѣмъ неразрывнѣе связаны у васъ мысль, слово и дѣло. Самая мысль тогда едва напоминаетъ вамъ о себѣ,—такъ она бываетъ тѣсно связана съ вашимъ сознаніемъ. Дитя не знаетъ или не чувствуетъ, что оно мыслитъ. Вы получаете свѣдѣніе объ ея существованіи только чрезъ слово и дѣло. Произнесенное и совершившееся дѣло, дѣйствуя обратно на ваши чувства, производитъ на васъ пріятное или непріятное впѣчатлѣніе, которое вы называете добромъ или зломъ. Вотъ весь нравственный процессъ, совершающійся въ нераздвоенномъ человѣкѣ. Но рано, необыкновенно рано, показываются въ нашемъ обществѣ начатки нравственной двойственности. Размышляя о нашемъ дѣтствѣ, мы едва вспоминаемъ о первомъ ея началѣ. По мѣрѣ вашего развитія, увеличивается и промежутокъ времени, раздѣляющій мысль отъ слова и дѣла. И въ этомъ промежуткѣ произносятся нерѣдко ваши слова, совершаются поступки, безсвязно противорѣчащіе слову и дѣлу, которымъ предстоитъ еще совершится. Не слѣдите за собой, не углубляйтесь въ самопознаніи, и вы запутаетесь въ этомъ лабиринтѣ противорѣчій и непослѣдовательности, въ отчаяніи начнете убѣгать себя и искать отрады въ самозабвеніи.

Но, находясь безпрестанно на стражѣ за собой, вы научаетесь мало-по-малу безстрашно и проницательно смотрѣть въ глубину души: вы узнаете, откуда берутся эти противорѣчія, и, проникая, взоромъ отвлеченія все глубже и глубже, вы открываете еще безконечный матеріалъ для новыхъ мыслей, готовыхъ выпрянуть изъ глубины и стать между словомъ, дѣломъ и мыслью, уже созрѣвшею для проявленія на свѣтъ.

Слѣдя за собою все далѣе и далѣе, вы научаетесь отсылать эти вставочныя или вводныя мысли назадъ къ ихъ первобытному источнику, и чрезъ это не допускать ихъ созрѣвать до проявленія въ словѣ и дѣлѣ. Вы можете достигнуть еще большаго совершенства въ самопознаніи: вы достигнете способности удлинять и укорачивать промежутки времени, раздѣляющіе мысль отъ слова и дѣла, и даже вызывать, по вашему произволу, другія мысли въ это время, созерцать ихъ, нѣкоторыя изъ нихъ проявлять словомъ и дѣломъ, а нѣкоторыя, не допустивъ проявиться, отсылать назадъ, къ ихъ сокровенному источнику.

Такъ вы достигаете послѣдовательности, воспользовавшись первымъ открытіемъ самопознанія, чувствуете себя и лучше, и крѣпче, и готовнѣе продолжать проложенный путь. Такъ доставляетъ утѣшеніе первое открытіе самопознанія.

Но оно же и возбуждаетъ въ насъ чувство тоски по отчизнѣ.

Вы погружены въ созерцаніе, вы уже начинаете проявлять въ словѣ и дѣлѣ высокую мысль, вызванную отвлеченіемъ изъ глубины души. Въ

это время неосуществленныя еще мысли, вызванныя вами цѣлымъ хороводомъ на горизонтъ души, то опять исчезаютъ, то снова появляются, по вашему произволу, и вдругъ вы ясно различаете между ними лишь тонкою пеленою мысли едва прикрытые инстинкты, а за ними поднимается грозною тѣнью и мысль о ничтожествѣ.

Перенесенные было отвлеченіемъ въ высшую сферу, вы вспоминаете теперь о вашемъ земномъ назначеніи, и тоска по этой отчизнѣ начинаетъ томить васъ, напоминая вмѣстѣ и ничтожность, и разрушеніе.

Но и увлеченные мгновенно вашей матеріею къ грубымъ наслажденіямъ, вы, сроднившись съ отвлеченіемъ, также между вызванными мыслями замѣтите и тѣ, которыя своей чистотою и свѣтлостью напоминаютъ вамъ живо, что есть для васъ и другая отчизна, за предѣлами этихъ наслажденій.

Теперь только, испытавъ въ первыхъ началахъ самопознанія и утѣшеніе, и чувство тоски по двумъ отчизнамъ, получая все болѣе и болѣе ясныя понятія о вашей нравственной двойственности, научившись уже нѣсколько управлять ею и сближать двѣ ея стихіи, вы убѣждаетесь, наконецъ, что борьба съ этою двойственностью и съ матеріальнымъ вашимъ бытомъ, безпрестанное стремленіе привесть ее къ одному знаменателю — есть цѣль здѣшней жизни, ваше прямое назначеніе на землѣ.

Борьба, но не вражда. Не враждуя съ вашей матеріей, не враждуя съ окружающимъ васъ, вы должны вступить въ эту высокую, идеальную борьбу для недосягаемаго на землѣ идеала.

Такъ отвлеченіемъ и самопознаніемъ вы достигаете и до познанія началъ святого Откровенія, основную мысль котораго составляетъ эта же самая борьба на землѣ, для достиженія блаженства за гробомъ. Теперь вотъ непосредственныя слѣдствія этихъ убѣжденій.

Предавшись со всею теплотою души утѣшительному вліянію отвлеченія, съ твердымъ намѣреніемъ совершить свое перевоспитаніе, вы не можете уже быть адептомъ схоластицизма, послѣдователемъ формы, толковникомъ мертвой буквы. Въ событіяхъ міра, въ событіяхъ вашей индивидуальной жизни, въ окружающемъ васъ, — вездѣ вы стараетесь постигнуть господствующую, основную идею, или ясно проявляющуюся, или скрытую подъ грузомъ формы и буквы.

Такъ и въ Откровеніи — этой основной книгѣ нашего нравственнаго бытія — васъ поражаетъ идеалъ жизни здѣшней, начертанный то въ умилительной простотѣ, то подъ видомъ цвѣтистыхъ иносказаній, и олицетворенный въ земной жизни и дѣлахъ Искупителя.

Сосредоточивъ всѣ силы отвлеченія, чтобы постигнуть неизмѣримо высокое этого идеала, ваши взгляды на это высокое не будутъ понятны послѣдователямъ формы и читателямъ буквы. Для васъ самихъ эти взгляды, какъ результаты самосозерцанія, не могутъ быть такъ ясны, какъ математическія аксіомы; но какъ предчувствія, при извѣстномъ состояніи духа, они могутъ для васъ сдѣлаться яснѣе всѣхъ математическихъ аксіомъ, всѣхъ выводовъ опыта и всѣхъ историческихъ истинъ на свѣтѣ.

Поэтому, не навязывая никому и не домогаясь доказывать логически (по законамъ одного ума) истину того, что открыло вамъ отвлеченіе и самосозерцаніе, вы, однако же, не скрывайте ея отъ другихъ, опасаясь упрековъ въ непослѣдовательности и неясности. Кто упражнялся уже въ искусствѣ самопознанія, кто чувствуетъ, кто убѣжденъ, что для насъ, кромѣ истины математической, опытной и исторической есть еще и другая, которая слишкомъ безпредѣльна, чтобы помѣститься въ тѣсныхъ границахъ этого размѣщенія, — тотъ пойметъ васъ. Но и тотъ, кто, повидимому, разгромилъ напоромъ своей логики несвязный рядъ вашихъ (отвлеченныхъ) убѣжденій,— и тотъ, повѣрьте, нерѣдко внутренно сознается: «еще такая побѣда, и

я потерянъ». Только не вдавайтесь въ схоластическія распри и произносите ваши убѣжденія настоящимъ ихъ голосомъ, т. е. голосомъ чувства.

Такъ самосозерцаніе сообщаетъ вамъ и свои убѣжденія о сущности зла и о безсмертіи—двухъ предметахъ, о которыхъ безъ отвлеченія мы не можемъ имѣть даже самаго слабаго понятія.

Если мы, разсматривая одинъ матеріальный окружающій насъ бытъ, легко убѣждаемся, что для творящей силы природы не существуетъ наше различіе добра отъ зла, то еще менѣе оно можетъ существовать для Того, Кто сотворилъ вселенную. Разрушеніе цѣлыхъ міровъ, въ отношеніи къ недосягаемо-высокой идеѣ о Творцѣ, такъ же ничтожно, какъ и разрушеніе ничтожнѣйшей изъ инфузорій, — совершающееся по тѣмъ же предвѣчнымъ законамъ. Дуализмъ исчезаетъ за предѣлами земли, за предѣлами человѣческой натуры и гроба.

Но самое простое наблюденіе открываетъ этотъ дуализмъ въ безпрестанной борьбѣ между наружнымъ и внутреннимъ человѣкомъ, между влеченіями инстинктовъ и силою воли; еще болѣе убѣждаемся мы въ существованіи другого, нравственнаго дуализма, чрезъ отвлеченіе и самопознаніе.

Эта-то двойственность и есть наше зло.

Оно обнаруживается въ мірѣ вещественномъ разладомъ чувственности съ волею и разсудкомъ; въ мірѣ же отвлеченной мысли, готовой обнаружиться чрезъ слово и дѣло,—съ призракомъ или отраженіемъ ея, обнаруживающимся въ насъ, какъ будто бы это было внѣ насъ. Чѣмъ яснѣе для насъ очерки этого превратнаго отраженія, этого миража нашей мысли, готовой выступить или уже выступившей на свѣтъ, чѣмъ менѣе мы упражнялись въ самопознаніи, тѣмъ болѣе мы подвержены оптическому обману души, считая то, что происходитъ въ насъ, происходящимъ внѣ насъ. Такъ простолюдинъ съ живымъ воображеніемъ представляетъ себѣ и совѣсть, и ангела хранителя, и лукаваго искусителя.

Тотъ для себя не золъ, кто не имѣетъ этой двойственности. Если природа снабдила организацію кого-нибудь всѣми свойствами къ убійству, грабежу, разврату, не давъ ему ни воли, ни разсудка, для удержанія инстинктовъ, ни малѣйшей способности къ отвлеченію, у того нѣтъ дуализма, и тотъ для себя не золъ. Онъ относительно себя совершенно таковъ же, какъ и другой, котораго организація устроена для любви, добродѣтели, но также не снабжена способностью отвлекаться и созерцать себя. Но другое дѣло—въ отношеніи къ другимъ, его окружающимъ.

Тотъ, чьи поступки производятъ на насъ непріятныя, тягостныя впечатлѣнія,—въ нашихъ глазахъ золъ, и, наоборотъ,—добръ, если эти впечатлѣнія пріятны и не противорѣчатъ нашимъ интересамъ.

Кто не видитъ изъ этого, что понятія наши о добрѣ и злѣ, выводимыя изъ поступковъ другихъ, должны быть чрезвычайно относительны?

Даже въ мірѣ христіанскомъ, гдѣ высшимъ авторитетомъ обозначено въ рѣзкихъ чертахъ, что худо и что хорошо, мы видимъ безпрестанно, какъ различны и относительны наши понятія о томъ, кто дѣлаетъ добро и зло. Самое убійство, грабежъ и ложь мы готовы извинить и считаемъ даже иногда высокимъ, если это только совершено подъ извѣстною формою. Это потому, что, во-первыхъ, тѣ самыя впечатлѣнія дѣйствуютъ не на всѣхъ одинаково пріятно или непріятно; во-вторыхъ, анализируя поступокъ, мы ищемъ познать мысль, управлявшую этимъ поступкомъ, и, несмотря на все наше отвращеніе къ іезуитамъ, судимъ также весьма нерѣдко по ихъ началу: цѣль оправдываетъ средства. Итакъ, въ предвѣчныхъ законахъ природы наше различіе добра отъ зла исчезаетъ.

Понятіе о добрѣ и злѣ въ мірѣ общественномъ есть только относительное.

Но въ мірѣ индивидуальномъ это различіе существуетъ и основано на

двойственности человѣческой нравственной природы.

Злодѣй,—если только природа не обидѣла его совершенно способностью отвлекаться,—дрожитъ, видя благодатный образъ иной мысли, являющійся туманнымъ призракомъ между мыслью, готовою олицетвориться въ убійствѣ и совершеніемъ кроваваго дѣла. Увидѣвъ этотъ призракъ, онъ уже знаетъ, что онъ—злодѣй.

Добродѣтельный, — также способный къ самосозерцанію между благою мыслью и добрымъ дѣломъ, пугается, видя уродливый призракъ на горизонтѣ души, напоминающій ему, что для него было бы выгоднѣе, еслибы онъ остановился въ совершеніи поступка. Увидѣвъ его, онъ вспоминаетъ, что въ немъ есть зло.

Откровеніе, поставивъ намъ въ образецъ первобытную, нераздѣленную дуализмомъ, природу человѣка: дѣтскій возрастъ и бѣдную простоту духа, повелѣло чрезъ борьбу съ собою и міромъ, стремиться къ уничтоженію нашей двойственности.

И злодѣю, и добродѣтельному, открыта эта цѣль; только каждый изъ нихъ можетъ достичь ее не иначе, какъ противнымъ путемъ. Первый—чрезъ борьбу и самопознаніе привлекая къ себѣ все ближе и ближе отдаленный призракъ благодатнаго; второй—все болѣе и болѣе удаляя искаженный призракъ злого.

Побѣда надъ дуализмомъ ведетъ къ безсмертію, обѣщанному Откровеніемъ.

Кто изъ насъ, одаренный умомъ и чувствомъ, перевоспиталъ себя, чрезъ отвлеченіе и самопознаніе, до убѣжденія въ необходимости борьбы съ дуализмомъ, тотъ долженъ быть убѣжденъ, вмѣстѣ съ этимъ, и о предстоящемъ ему безсмертіи. Но не думайте, чтобы истинное самопознаніе требовало вражды къ вещественному міру, къ обществу и къ самому себѣ.

Только близорукіе послѣдователи религіозныхъ взглядовъ, только выступившіе въ свѣтъ съ направленіемъ хотя и высокимъ, но основаннымъ на ложно-понятыхъ началахъ Откровенія, вступаютъ во вражду съ обществомъ, нерѣдко кончающуюся враждою къ себѣ.

Естественно ли думать, чтобы Искупитель, самъ Сынъ Человѣческій, требовалъ отъ насъ вражды къ обществу, къ нашимъ близкимъ, къ намъ самимъ, тогда какъ Онъ завѣщалъ намъ любовь и къ ближнимъ, и къ врагамъ, повелѣвалъ отдавать цезарево цезарю и пришелъ не разрушать, но возстановить ветхій завѣтъ?!

Вражда предполагаетъ ненависть, осуждаемую Откровеніемъ. Борьба же — присутствіе духа и сознаніе внутренней силы, доставляемое намъ вѣрою въ Откровеніе и самопознаніемъ.

Въ Откровеніи нужно отличать, что имѣло непосредственное приложеніе къ тогдашнему обществу, отъ того, что останется вѣчнымъ для цѣлаго человѣчества; нужно отличать идеалъ, къ которому мы должны безпрестанно стремиться, отъ дѣйствительности, съ которою мы должны безпрестанно бороться.

Это-то изложеніе рѣзкими чертами недосягаемаго и практически-дѣйствительнаго и свидѣтельствуетъ о святости и вѣчной ненарушимости началъ, благовѣствуемыхъ Откровеніемъ.

Итакъ, въ какое бы положеніе вы ни были поставлены обществомъ, обстоятельствами, судьбою, — боритесь безъ вражды. Любите то, съ чѣмъ вы вступаете въ борьбу; имѣйте привязанность къ тому, что вы хотите побѣдить. Тѣмъ слаще будутъ для васъ плоды побѣды, тѣмъ славнѣе торжество побѣдителя. Одно любите потому, что этого требуетъ ваша земная отчизна; имѣйте привязанность къ другому, потому что оно вселяетъ въ васъ смиреніе и скромность, напоминая вамъ о вашихъ слабостяхъ и несовершенствахъ, и заставляетъ васъ обращаться съ упованіемъ къ утѣшительнымъ источникамъ вашего нравственнаго бытія: святому Откровенію и самопознанію.

Вѣчное блаженство и небесное царство — за твердость и постоянство въ борьбѣ. Адомъ, вѣчною смертью и мученіемъ угрожа-

етъ Откровеніе за безсиліе и паденіе. Понятія — а потому и сужденія — наши объ отвлеченныхъ предметахъ всегда будутъ различны, смотря по различной степени образованія и организаціи общества, въ которомъ мы живемъ. Поэтому предоставимъ каждому представлять себѣ и вѣчное блаженство, и небесное царство, и вѣчное мученіе — такъ, какъ убѣждаетъ его собственное самопознаніе. Пусть матеріальный человѣкъ, не дошедшій еще чрезъ отвлеченіе до отдѣленія вполнѣ своего вещественнаго быта отъ духовнаго, представляетъ себѣ рай въ видѣ сада, адъ — въ видѣ раскаленной печи. Образуйте его, изощрите его самопознаніе; но безъ этого не нарушайте его убѣжденій. Результаты ихъ такъ же утѣшительны, благодатны и высоки, какъ и результаты вашихъ отвлеченныхъ убѣжденій. Отрицатели высокаго, вѣчнаго, неземного въ Откровеніи приводятъ, обыкновенно, въ доказательство своихъ мнѣній, что и міръ языческій зналъ безсмертіе, имѣлъ свой Аидъ и Елисейскія поля.

Если высокіе умы въ языческомъ мірѣ и имѣли убѣжденія о безсмертіи, сходныя съ нашими, то что доказываетъ это? Не то ли, что духъ Божій искони виталъ въ человѣчествѣ безъ его сознанія? Человѣчество, какъ и каждый человѣкъ, медленно совершенствовалось въ самопознаніи; шло же и идетъ не прямымъ путемъ къ этой высокой цѣли, но блуждая и уклоняясь, извилистыми тропами. Еще языческое осталось въ христіанствѣ; христіанское было и въ язычествѣ. И развѣ уменьшается благотворное дѣйствіе эѳированія и высокое достоинство этого открытія, когда мы скажемъ, что оно уже было извѣстно за нѣсколько тысячелѣтій китайцамъ?!

Каковы ни были понятія язычниковъ и наши о вѣчномъ блаженствѣ и адѣ, ожидающихъ человѣка за гробомъ, — въ томъ, вѣрно, согласится большая часть людей, упражнявшихся въ отвлеченіи, что самое утѣшительное въ этой мысли есть, именно, п р о д о л ж е н і е ж и з н и, п р о д о л ж е н і е с у щ е с т в о в а н і я, хотя и въ другомъ видѣ, — жизнь духа, лишеннаго всѣхъ слабостей и несовершенствъ матеріи. — Но и только. Будетъ ли это существованіе духа соединено съ сознаніемъ своего существованія, можетъ ли оно быть соединено съ наслажденіемъ или мученіемъ, объ этомъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія, покуда мы живемъ матеріально. Одна смерть можетъ рѣшить эти вопросы, да и то еще едва ли для каждаго изъ насъ.

Самое раздѣленіе духа отъ матеріи есть чисто условное, необходимое только при нашихъ настоящихъ, еще самыхъ поверхностныхъ понятіяхъ о матеріи. Если подумать, сколько заключается въ этомъ словѣ: матерія! Это — вся Вселенная, слѣдовательно, Безграничное, Безпредѣльное. Много ли же намъ извѣстно о свойствахъ этого Безграничнаго? Не смѣшна ли послѣ этого близорукость тѣхъ, которые думаютъ, что они въ состояніи опредѣлить матерію, опредѣлить Безпредѣльное?! Много, много, если мы можемъ сказать еще что-нибудь о нѣкоторыхъ свойствахъ матеріи нашей планеты, да и то давно ли самыя существенныя изъ нихъ (электричество, свѣтъ, магнетизмъ) подвергнуты тщательнымъ изслѣдованіямъ, и между нѣсколькими извѣстными намъ проявленіями этихъ свойствъ сколько еще скрывается неизвѣстныхъ!

Можемъ ли мы сказать съ увѣренностью: это — матерія, это — не-матерія, тогда какъ съ каждымъ днемъ мы узнаемъ существованіе новыхъ веществъ, которыя еще вчера для насъ не существовали? Даже на одной нашей небольшой планетѣ мы окружены, нѣтъ сомнѣнія, цѣлыми мірами неизвѣстныхъ еще существъ, требующихъ неимовѣрнаго изощренія нашихъ грубыхъ чувствъ для своего проявленія. Намъ неизвѣстны даже границы, до которыхъ наши чувства могутъ быть изощрены. Гдѣ былъ для насъ, за нѣсколько столѣтій, цѣлый міръ инфузорій? Что былъ для насъ вообще цѣлый микроскопическій міръ?

Кто же, самоувѣренный, убѣдитъ

насъ, что, кромѣ этого грубаго, вещественнаго міра, постигаемаго нашими чувствами, не можетъ существовать и вокругъ насъ еще другой, скрытый отъ нихъ, составленный изъ вещества несравненно болѣе тонкаго, такъ тонкаго, что оно для нашего ограниченнаго ума уже переступаетъ предѣлы матеріи и дѣлается духомъ?

Если же невѣсомыя тѣла могутъ проникать и выполнять всѣ поры нашей матеріи и своимъ сотрясеніемъ оживлять ее, то какія поры могутъ остаться непроницаемыми для того, что въ неизмѣримой степени тоньше и эѳирнѣе всѣхъ невѣсомыхъ?

Если же простыя чувства открываютъ въ невѣсомыхъ столько загадочныхъ, непостижимыхъ свойствъ, которыя рѣзко противорѣчатъ нашимъ понятіямъ объ обыкновенной матеріи, то какими свойствами не можетъ обладать это нѣчто, когда мы представимъ его несравненно менѣе матеріальнымъ, нежели всѣ невѣсомыя?

Если нашему разсудку трудно предположить въ матеріи сознаніе, то ему также трудно отвергать это свойство въ предполагаемомъ веществѣ, выступившемъ за предѣлы обыкновенныхъ понятій о матеріи.

Короче, нѣтъ опредѣленныхъ границъ, гдѣ оканчивается матерія, гдѣ начинается духъ, потому что намъ неизвѣстны еще ни границы, ни свойства матеріи.

Но если мы въ состояніи себѣ вообразить, что всѣ тончайшіе промежутки атомовъ, составляющихъ нашу грубую тѣлесную оболочку, содержатъ въ себѣ еще несравненно тончайшіе атомы духа, то можно также вообразить, что эти эѳирные атомы, безпрестанно колеблясь, сохраняютъ еще и прежнюю форму матеріальной оболочки, облекавшей ихъ, даже тогда, когда она уже разрушилась и слилась съ стихіями земли.

Какъ видѣнія, какъ безплотныя тѣни, могутъ намъ представиться колеблющіеся атомы душъ нашихъ ближнихъ, сохранившіе еще наружный видъ грубой ихъ оболочки, привлекаемые сродствомъ съ атомами нашей собственной души, въ минуты тождевременныхъ сотрясеній, во время всемірныхъ и частныхъ катастрофъ нашей жизни, когда нашъ духъ бываетъ сильнѣе расположенъ къ разъединенію съ тѣломъ.

Соединеніе грубой матеріи нашего тѣла съ эѳирною духа, можетъ быть тѣсно до совершеннаго слитія, слабо до разъединенія. Чѣмъ грубѣе матерія, чѣмъ менѣе она проникнута эѳиромъ духа, тѣмъ болѣе она препятствуетъ его колебаніямъ, тѣмъ тѣснѣе она облекаетъ его, тѣмъ менѣе способны атомы этого эѳира принимать и удерживать наружный видъ нашей тѣлесной оболочки.

У однихъ еще при жизни мы видимъ стремленіе къ разъединенію духовнаго эѳира отъ тѣлесной матеріи; у другихъ и самая смерть не способствуетъ его проявленіямъ; его индивидуальное существованіе оканчивается, сливаясь съ міровымъ эѳиромъ невѣсомыхъ.

Чѣмъ болѣе во время нашей жизни духъ былъ наклоненъ къ разъединенію отъ матеріи, чѣмъ болѣе онъ находилъ пространства въ матеріи для обнаруживанія своего главнаго свойства — безпрерывнаго колебанія, тѣмъ сильнѣе была его власть надъ тѣломъ, тѣмъ способнѣе онъ дѣлался индивидуализироваться, принимать видъ наружной ихъ оболочки, ощущать ея впечатлѣнія и, сообщая ей свои невещественныя свойства, возвышать и облагороживать ее.

Кто будетъ отвергать, что связь и отношенія атомовъ этого духовнаго эѳира къ атомамъ матеріи должны быть совершенно другія у Сократа и Ньютона, чѣмъ у кретина и идіота? Но у всѣхъ насъ и грубая матерія, и этотъ тончайшій эѳиръ безсмертны.

Матерія безсмертна, потому что, разрушаясь, принимаетъ новые виды, никогда не исчезаетъ; а духовный эѳиръ, оставивъ матерію, сливается съ міровымъ цѣлой вселенной.

Но сливаясь онъ или утрачиваетъ свою особость, или же, получивъ однажды отъ матеріи, сознаніе объ этой особости, сохраняетъ и ее навѣки.

Каждому изъ насъ дана, хотя и въ различной степени, способность обособить нашъ духовный эѳиръ, начиная его разъединять, еще въ нашей земной жизни, отъ тѣла, утончая, возвышая, облагороживая нашу матерію, раздвигая пространства между ея атомами, способствовать движеніямъ эѳира, дѣлать его все болѣе и болѣе воспріимчивымъ къ ощущеніямъ матеріальнымъ, изощрять его сознаніе чрезъ самую же матерію, приготовлять его, чтобы онъ и за гробомъ сохранялъ это сознаніе.

Пусть будетъ это мечта для недоступныхъ къ отвлеченію, по для насъ она все-таки останется утѣшительною и высокою.

Жить на землѣ для усовершенствованія, для облагороженія матеріи; приготовлять себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію, къ сохраненію сознанія о себѣ и за гробомъ;—кто, посмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія на жизнь, не пойметъ, что при такомъ взглядѣ наши мысли, намѣренія, рѣчи и поступки получаютъ другое направленіе?! Но что же будетъ, когда мы усвоимъ этотъ взглядъ до степени убѣжденія? Тогда какой завѣтный идеалъ высокаго и святого останется для насъ непривлекательнымъ, недостижимымъ? Какая жертва останется для насъ невозможною, чтобы жить для безсмертія, жить сознательно, вѣчно? Вотъ нашъ эдемъ, вотъ вѣчное блаженство Откровенія. Утратить духовное сознаніе и слиться съ грубыми стихіями земли —вотъ вѣчный адъ.

Пусть же каждый изъ насъ рѣшитъ съ убѣжденіемъ этотъ столбовой вопросъ жизни: жить, совершенствуясь; отвлеченіемъ развивать сознаніе въ эѳирѣ Творящаго, Который витаетъ въ насъ, стремясь безпрестанно слиться съ общимъ эѳиромъ вселенной; самопознаніемъ уничтожать дуализмъ, происходящій отъ сознанія бытія въ матеріи. Въ этой же жизни стремиться къ разъединенію духа отъ тѣла, возвышая его до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни проложилъ себѣ этотъ путь, достигнетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ, что его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностью человѣка —развивать сознаніе себя до самопознанія и одерживать чрезъ то верхъ надъ матеріею,—тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать. Много званныхъ, мало избранныхъ.

Итакъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, механизмъ,—если бы только слова достаточны были описать его, —которымъ руководствуется человѣкъ съ умомъ и чувствомъ въ разрѣшеніи главнѣйшаго вопроса жизни.

Убѣдившись изъ опыта, что вы уже потеряли эдемъ души: дѣтскую простоту и единство, испытавъ, что у васъ мысль, слово, поступокъ уже раздѣляются большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени, вы начинаете наблюдать, что происходитъ съ вами въ это время.

Вы вскорѣ узнаете (что, впрочемъ, вы уже и прежде чувствовали), что въ это время цѣлый сонмъ другихъ мыслей тѣснится между вашею главною мыслью и ея осуществленіемъ въ словѣ и дѣлѣ.

Эти вставочныя мысли — то слышатся вамъ, какъ отдѣльные, неясные звуки или какъ близкіе, вамъ знакомые, голоса, то являются предъ вами, какъ рѣзко обозначенныя тѣни вашей главной мысли, какъ призраки фантасмагорическаго калейдоскопа, безпрестанно принимая новые виды, сливаясь и раздѣляясь, приближаясь и удаляясь,—или какъ одни туманныя пятна мыслей на необозримомъ млечномъ пути души. А за ними во мракѣ исчезаетъ бездонная глубь!—Если вы, смущенные въ этомъ хаосѣ тѣней и звуковъ, испугаетесь, закроете глаза и уши и перестанете слѣдить за этими призраками, чтобы ихъ изслѣдовать вблизи, то вы поступаете какъ робкія дѣти, которыя боятся потемокъ.

Вы знаете, какъ ихъ пріучаютъ не бояться. Разсмотрите вблизи и раз-

слушайте, что васъ пугаетъ. Вы увидите тогда, что эти призраки—одни только миражи или одни только цвѣтные лучи вашей главной мысли, которая разложилась на нихъ чрезъ призму души, переходя въ поступокъ и слово. Вы разслушаете въ невнятномъ говорѣ аккорды созвучныхъ мыслей, голоса давно забытыхъ убѣжденій, шопотъ и вопли инстинктовъ.

Вникайте, не теряйте терпѣнія. Вы пріучитесь сначала разбирать въ этомъ хаосѣ тѣни отъ звуковъ, потомъ узнавать настоящій источникъ тѣхъ и другихъ, отличать грубые голоса матеріи отъ мелодическихъ звуковъ души; но, главное, для васъ прояснѣетъ связь между мыслью, которую вы хотите олицетворить, и этимъ хаосомъ, о существованіи котораго въ васъ вы, можетъ быть, прежде не догадывались.

Вотъ теперь-то начинаются судъ и расправа съ собою. Вы непремѣнно собьетесь съ толку, если вы не пріучитесь выслушивать каждый голосъ и разглядывать каждый призракъ мысли порознь, чтобы узнать ихъ источникъ. Прежде всего старайтесь различать мысль, диктованную инстинктомъ. Преслѣдуйте сначала ту, которая родилась изъ самаго грубаго инстинкта. Вотъ первый путь къ борьбѣ,—первый случай къ испытанію воли,—самый трудный, потому именно, что онъ первый. Но, не прошедъ чрезъ него, вамъ невозможно будетъ бороться и съ вашимъ нравственнымъ дуализмомъ.

Но не такъ легко отличить голоса вопіющихъ инстинктовъ отъ призраковъ, вышедшихъ изъ этого дуализма. Не всегда громки и рѣзки бываютъ вопли чувственности. Только грубая натура матеріи выражается грубыми инстинктами. Чѣмъ болѣе она утончена воспитаніемъ, тѣмъ скрытнѣе дѣлается ея голосъ, тѣмъ труднѣе различить его. Безпристрастно, открыто и строго судите себя, —тогда вы разслушаете его.

Итакъ, вы дошли до борьбы воли съ матеріей. Вы скажете, что для этого еще не нужно искусства самопознанія; вы и прежде, живя въ обществѣ, должны были испытывать эту борьбу; вы скажете, что и животныя такъ борются, какъ бы ни былъ силенъ ихъ инстинктъ. Но знайте, — въ обществѣ вы сражаетесь съ чувственностью безсознательной и, слѣдовательно, безъ нравственной воли. Правда, законы, налагаемые приличіемъ, упражняютъ волю, но не-сознательную; они исполняются чрезъ подражаніе —также родъ инстинкта, свойственнаго и животнымъ. То, что вамъ безъ искусства въ самопознаніи кажется побѣдою воли надъ чувственностью, есть только одна побѣда инстинкта надъ инстинктомъ. Хищный звѣрь, видя добычу, не бросится на нее, когда чувствуетъ, что не въ состояніи ее преодолѣть: инстинктъ самосохраненія торжествуетъ и надъ голодомъ. Но та борьба, къ которой ведетъ самопознаніе, основана на сознаніи нравственной воли. «Я хочу» торжествуетъ надъ инстинктомъ.

Чѣмъ грубѣе и громче вопль инстинкта, тѣмъ легче замѣтить, откуда онъ выходитъ, тѣмъ легче борьба съ открытымъ противникомъ. Несравненно труднѣе разслушать тѣ клики, которые произносятся голосомъ чувственности, скрытой подъ видомъ нравственнаго дуализма. Вотъ самый пагубный ядъ, который развивается въ насъ, изъ насъ самихъ. Представьте себѣ: въ васъ созрѣла мысль совершить поступокъ, о которомъ вы увѣрены, что онъ будетъ пагубенъ для вашего врага. Вы дышете местью, вы горите нетерпѣніемъ, какъ можно скорѣе осуществить вашъ замыселъ на дѣлѣ. Вдругъ между вашею мыслью и поступкомъ изъ глубины души поднимается грозный призракъ, указывая перстомъ на книгу Откровенія. Вы убѣждены—это совѣсть. Вы взволнованы, вы уже готовы молиться, готовы забыть и ненависть, и мщеніе. Призракъ исчезъ; свершилось доброе дѣло во имя самого Искупителя. Но душа не осѣнилась благодатью. Она не торжествуетъ побѣды.

Тотъ призракъ былъ не совѣсть. Онъ святотатнымъ перстомъ указалъ на Откровеніе. То былъ инстинктъ самосохраненія подъ личиною дуализма души.

Васъ ненавидитъ женщина. Она от-

равила всю вашу жизнь, запятнала ваше имя, разорвала вашу привязанность къ дѣтямъ. Вы клянетесь отомстить ей, преслѣдовать ее до гроба. Вдругъ вы останавливаетесь предъ плачущею Магдалиною Тиціана. Тихая скорбь о кающейся грѣшницѣ, томное сочувствіе къ слезамъ, струящимся изъ глазъ, поднятыхъ къ небу, волнуютъ васъ, и вотъ—опять предъ вами призракъ, но не грозный; какъ ангелъ-примиритель, тихо нисходитъ онъ. Улыбкою любви и мира привѣтствуетъ онъ васъ. Забыта ненависть, погасло мщеніе. Торжественное «прощаю» произнесено вами; вы молитесь за ту, которая смѣялась надъ вашими страданіями. Вы счастливы. Но благодатнаго мира опять нѣтъ въ душѣ. Тотъ призракъ былъ не эѳирный небожитель. То была одна чувственность пола подъ видомъ высокаго въ дуализмѣ души. Гдѣ же—вы спросите—взять разсудка, хладнокровія и воли, чтобы провести этотъ анализъ рѣзкою чертою чрезъ все поприще жизни?—Вы начинаете анализировать, судить себя, и цѣлый рой новыхъ призраковъ вашего дуализма, вашей же чувственности летаетъ и жужжитъ вокругъ васъ, безпрестанно мѣшая вести ваши судебные протоколы. Ваша тайная полиція оказывается ненадежною. Она также на жалованьи у инстинктовъ. Вы начинаете упражнять волю, а она заводитъ интриги, обманываетъ васъ; хочетъ, какъ Цезарь, управлять, раздѣляя; поджигаетъ одинъ инстинктъ противъ другого, и сама, наконецъ, запутывается въ этой дипломатической сѣти.

Вотъ, наконецъ, когда вы узнаете, что ваша воля не подвластна вамъ. Она—надъ вами. Матерія и чувственность, духъ, раздѣленный дуализмомъ, вотъ что ваше. А воля осѣняетъ васъ только какъ даръ верховной благодати. Одно лишь вдохновеніе сообщаетъ вамъ волю. Помните ли отвѣтъ Спасителя на слова Петра: «Посмотри: смоковница, которую ты проклялъ, засохла». «Имѣйте вѣру божію,—отвѣчалъ Искупитель:—истинно говорю вамъ, если кто скажетъ горѣ: двинься и бросься въ море—и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его: будетъ ему, что ни скажетъ».—Вникните въ глубокій смыслъ этого отвѣта.

Уничтожьте сомнѣніе въ себѣ, и мощная воля осѣнитъ васъ. А можно ли его уничтожить безъ вдохновенія?

Итакъ, вотъ финалъ самопознанія. Вы открыли въ себѣ храмъ святыни. Вступите въ него съ упованіемъ, и могучая высшая воля снизойдетъ на васъ. Недаромъ человѣчество было всегда влекомо къ вдохновенію. Оно безсознательно чувствовало, гдѣ оно должно было искать своей опоры. Самопознаніе приводитъ къ тому же путемъ отвлеченія и убѣжденія сознательнаго, которое потому непоколебимо и твердо.

Если послѣдователи торговаго направленія въ нашемъ обществѣ съ улыбкою намекаютъ намъ, что теперь вдохновенія нѣтъ и не нужно, то они не знаютъ, какая горькая участь ожидаетъ въ будущемъ человѣчество, пресыщенное жизнью, утратившее небесный даръ, единственную связь его съ Верховнымъ Существомъ.

Безъ вдохновенія нѣтъ воли. Безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы—ничтожество и смерть. Вотъ наша участь.

Не думайте, чтобы самопознаніе, открывъ предъ вами путь, заключило холоднымъ эпилогомъ: «имѣйте вдохновеніе». Оно само уже есть даръ высшей воли, и, проникнувъ съ нимъ, хотя однажды въ глубину души, вы уже выходите на свѣтъ другими; вы вынесли съ собою убѣжденіе о существованіи завѣтно-святого; вы молитесь, чтобы высшая воля одушевила васъ въ борьбѣ съ началомъ всѣхъ сомнѣній — дуализмомъ вашей души.

Мы всѣ способны къ вдохновенію, хотя не всѣ въ одинаковой степени и всякій по своему. Шаманъ и дервишъ дѣлаются вдохновенными чрезъ тѣлодвиженія. Для большей части изъ насъ нужны музыка и пѣніе. Спаситель показалъ намъ въ своей земной жизни, что для высшаго вдохновенія нужно извѣстное состояніе тѣла и духа, достигаемое постомъ и уединеніемъ. Самопознаніе учитъ насъ тому

же: не улучшивъ, не облагородивъ матеріи, не подвергнувъ ея грубыхъ атомовъ сотрясеніямъ эѳирныхъ атомовъ духа,—мы дѣлаемся неспособными къ высшему вдохновенію, развивающемуся изъ созерцанія и отвлеченія. Вседнeвная, дюжинная жизнь, съ торговыми ея взглядами, увлекши васъ однажды своимъ потокомъ, не располагаетъ ни къ тому, ни къ другому. Уединеніе необходимо для этого.

Изъ этого не слѣдуетъ, что вамъ непремѣнно нужно сдѣлаться аскетомъ. Живя наружно, какъ живутъ всѣ другіе, живите еще внутренно. Вы найдете тогда уединеніе и въ обществѣ; житейскія заботы не развлекутъ вашего отвлеченія. Среди шумящей толпы, въ самомъ разгулѣ ея вакханалій, вдохновеніе одушевитъ васъ.

Но покуда самопознаніе не привело васъ къ конечной ея цѣли, вы долго, долго не будете своими среди людей. Вы недовѣрчиво будете смотрѣть на нихъ. Вы будете любить ихъ, но по долгу, а не по убѣжденію. И можно ли ожидать, чтобы вы довѣрчиво и съ участіемъ смотрѣли на нихъ, когда цѣлый сонмъ противорѣчій и враждующихъ инстинктовъ—призраковъ вашей дѣйствительности—толпится въ душѣ, заставляя васъ безпрестанно сомнѣваться въ себѣ и недовѣрчиво смотрѣть на себя? Вы безпрестанно примѣняете къ другимъ то, что дѣлается въ васъ. И это такъ. Вы лучше знаете ихъ, нежели они сами. Вотъ въ этомъ-то періодѣ самопознанія любопытство, самолюбіе и корысть подстрекаютъ васъ *управлять* другими. Какъ не воспользоваться плодами наблюденій надъ собою? Какъ не увѣриться на опытѣ, что точно то же происходитъ въ другихъ, что и во мнѣ? Еще одинъ шагъ, и вы, со всѣмъ запасомъ самопознанія,—игрушка вашего же эгоизма. Не вдохновеніе, не высшая воля, одинъ разумъ ставитъ васъ въ челѣ другихъ. Но вотъ самопознаніе уже раскрываетъ предъ вами свой финалъ. Вдохновеніе все чаще и чаще навѣщаетъ васъ. Тогда другія желанія начинаютъ волновать васъ. Сомнѣніе и двойственность потрясены. Недовѣрчивость (къ себѣ и другимъ) ослаблена. Рождается *потребность, то сообщить другимъ*, что свыше осѣнило васъ. Уже не женское любопытство, не эгоизмъ поджигаютъ васъ,—верховная воля управляетъ вами и стремится чрезъ ваши собственныя убѣжденія излиться на другихъ. Какая загрубѣвшая душа не вспомнитъ безъ участія о тѣхъ вѣкахъ, когда міръ былъ потрясенъ этими убѣжденіями, когда вдохновенные ученики, презирая смерть, шли по стопамъ учителя, и ихъ вдохновеніе, съ потоками дымящейся крови, лилось на изумленное человѣчество?!

Итакъ, и бытописаніе, и наблюденіе самого себя, показываютъ, что, потребность сообщать другимъ, чѣмъ вы проникнуты сами, знаменуется торжествомъ надъ эгоизмомъ—*пожертвованіемъ*. Вы дѣлаетесь готовыми принести въ жертву ваши мечты о земномъ счастьи, которыми избалованное воображеніе и чувственность убаюкивали васъ съ вашего дѣтства. Вамъ не спалось спокойно безъ тихихъ колыханій вашей колыбели. Но вдохновеніе прогнало этотъ сонъ. Не здѣсь назначено вамъ отдыхать отъ утомленій.

Кто не насмѣхался изъ васъ надъ *искателями сильныхъ ощущеній*? Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ въ нашемъ вѣкѣ реализма начинаетъ распространяться эта болѣзнь временъ рыцарства (среднихъ вѣковъ)? Убѣдитесь же, что никакое матеріальное направленіе въ свѣтѣ не состояніи уничтожить вдохновенія въ человѣкѣ. Это исканіе сильныхъ ощущеній есть его проявленіе. Прежде цѣлыя массы людей, одушевленныхъ вдохновеніемъ, готовы были принести себя въ жертву и пролить кровь за свои убѣжденія. Теперь тѣ изъ нихъ, на которыхъ порою нисходитъ высшая воля, влекомые безъ сознанія этимъ ощущеніемъ, готовы также жертвовать собою. Но общество, уже привыкшее къ своей земной неволѣ, не требуетъ отъ нихъ ихъ жертвы. Что же остается имъ? Собою жертвовать для сильныхъ ощущеній! Посмотрите на искателей сильныхъ ощущеній съ этой точки, и смѣшныя восторжен-

ности донкихотства, странные припадки англійскаго сплина будутъ для васъ безсознательнымъ проявленіемъ высокаго въ человѣческой натурѣ,—борьбы и готовности жертвовать собою,—но покрытаго прахомъ земли, поднявшимся отъ скованныхъ стопъ рабскаго общества.

Такъ вы, наконецъ, разрѣшили для себя роковые вопросы жизни. Вы сдѣлались готовыми для нихъ пожертвовать и отдыхомъ, и сладкимъ сномъ земного бытія. Перевоспитаніе свершилось.

Вы озираетесь и видите, что уже давно истерты мундиръ и юпка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда-то восхищались, смотря на воротникъ мундира, на вашъ корсетъ и на то, что подъ нимъ такъ тихо и такъ сладко волновалось.

Жизнь приближается къ закату.

Вы, уже не сбиваясь, идете по начертанному пути. Безъ вражды, одушевленные упованіемъ, вы докапчиваете однажды начатую борьбу. Эгоизмъ уже замѣняетъ готовность къ жертвѣ. Но тихая грусть падаетъ въ сердце. Что это: не отдаленный ли вопль эгоизма? Нѣтъ, то голосъ тоски по отчизнѣ; онъ будетъ васъ провожать до самаго гроба. Онъ шепчетъ вамъ: «Ищи участія, ищи сочувствія; ты можешь жертвовать,—авось найдешь его».

Сочувствіе—это магнетизмъ души. Мы слишкомъ рано начинаемъ ощущать его присутствіе въ насъ, но слишкомъ поздно научены цѣнить его.

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, призывающій высшую волю.

Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣснь, манитъ насъ къ земной отчизнѣ.

Какъ борьба жизни покажется намъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ насъ?!

Небесное дѣлается намъ отверстымъ чрезъ вдохновеніе; земное—возвышается чрезъ сочувствіе. Но, прошедъ чрезъ школу самопознанія, боровшись полжизни съ окружающимъ и съ собою, узнавъ толпу,—кто не подумаетъ, въ минуты вдохновенія, когда сочувствіе напоминаетъ ему о родинѣ: «Не лучше ли хранить, какъ святыню, завѣтное, не расточать ея, потушить земную потребность участія, служить землѣ по долгу, по необходимости, не изъ любви къ отчизнѣ?»...

Не лучше ли, отчаявшись когда-нибудь найти участіе, сдѣлаться для людей холоднымъ исполнителемъ своего призванія, сочувствовать ихъ скорбямъ, помогать и утѣшать, не призывая ихъ взаимности ни голосомъ, ни взглядомъ?—И что въ этомъ суетномъ участіи Мареы!

Марій же—много-ль на землѣ?

И можно ли надѣяться, чтобы вамъ сочувствовали, т. е., чтобы взяли на себя трудъ узнать васъ, тогда какъ вамъ самимъ стоило столько неимовѣрнаго труда, столько борьбы и жертвъ, чтобы вымолить позволеніе отъ вашей собственной души смотрѣть въ нее, и то украдкою?

Посмотрите, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ!

Когда съ полнымъ сознаніемъ высокаго увлекалось оно вдохновеніемъ? Оно искони было только однимъ искателемъ сильныхъ ощущеній.

Ему нужны цѣпи, пытки, потоки крови.

Вотъ что возбуждаетъ его сочувствіе. Какое благодѣяніе принимало оно изъ рукъ своихъ покровителей, не омывъ его багряной влагою жизни? Не Онъ, не воплощенное Слово любви и мира но совершитель кровавыхъ дѣлъ—Варавва былъ подаренъ участіемъ. Вы скажете:—потомство? —Да, нѣтъ сомнѣнія, это—магнетическое слово, это—безсмертіе земли. Безспорно, мы должны дорожить его сочувствіемъ. Безъ этой мысли самъ Искупитель не совершилъ бы искупленія.

Все, что живетъ на землѣ животною жизнью, все и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ и безсознательно стремится жить въ немъ.

О, если бы самопознаніе, хотя бы только въ этой степени могло раз-

виться въ толпѣ, бѣгущей отъ отвлеченія! Если бы до этой степени только убѣдилась она, что она живетъ для будущей жизни въ ея потомствѣ! Хотя бы этотъ слабый проблескъ идеи безсмертія одушевилъ ее, то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, предъ которыми потомство преклонялось бы съ благоговѣніемъ. Тогда бы исторія человѣчества сдѣлалась для него святою скиніею завѣта. Одушевлять, а не остерегать, было бы ея назначеніемъ; передавая внукамъ дѣла отцовъ, завѣщевали бы жить для безсмертія въ потомствѣ.

Въ цѣлыхъ націяхъ, какъ и въ жизни частныхъ людей, направленіе различно. Есть націи, которыя живутъ для одного настоящаго. Онѣ кажутся намъ, также, какъ и частные люди съ этимъ направленіемъ, практическими. Но основы ихъ общества шатки, также, какъ шатокъ и семейный бытъ каждаго изъ членовъ этого общества.

Итакъ, когда потребность сочувствія однажды родилась въ васъ,—гдѣ естественнѣе искать ее, какъ не въ потомствѣ и всего человѣчества, и своей семьи? Что можетъ быть утѣшительнѣе мысли, какъ раздѣлить свои плоды, пріобрѣтенные самопознаніемъ, борьбою, жертвами и вдохновеніемъ, съ этими двумя семьями!

Не говорите, что не всякій можетъ дѣйствовать для потомства. Всякій—въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ.

Вы дошли теперь до убѣжденія, что, живя здѣсь, на землѣ, вы привязаны участіемъ къ этой отчизнѣ, вы должны искать его; но, отыскивая, должны жить не въ настоящемъ, а въ потомствѣ.

Вамъ предстоитъ теперь снова разрѣшить еще одинъ вопросъ жизни. Но прежде, чѣмъ вы займетесь его рѣшеніемъ, бросьте бѣглый взглядъ назадъ. Посмотрите, какъ вы дошли до этого вопроса. Этотъ взглядъ на прошедшее напомнитъ вамъ также, что не случаю, не произволу, не корыстной чувственности должны вы предоставить произнести приговоръ; его отголосокъ отзовется чрезъ четверть столѣтія, на поколѣніи, которое, быть можетъ, уже будетъ попирать ногами давно забытый вашъ прахъ.

Вспомните,—наряженные въ мундиры, затянутыя въ корсетъ, во всемъ нарядѣ, выступили вы на поприще жизни. Сердце билось у васъ отъ радости, глядя на Божій свѣтъ. Вамъ казалось, что все веселится и танцуетъ вокругъ васъ. А если горе съ этой ранней поры не принуждало орощать слезами нищеты насущный хлѣбъ; если думы заботъ и треволненія вседневной жизни не тревожили дѣтскаго сна, вамъ и самимъ такъ и рвалось кружиться и ликовать въ хороводахъ шумной толпы. Въ этомъ чаду разгулья вамъ и въ голову не приходило сначала, что вы еще не воспитаны.

Какъ это могло быть, когда разноцвѣтный воротникъ мундира, корсетъ и юпка, стройно облекавшіе вашъ станъ, французскій языкъ, на которомъ вы ловко объяснялись, стройные аккорды клавикордъ, на которыхъ вы бѣгло играли, такъ ясно показывали вамъ, что вы получили отличное воспитаніе.

Проживъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ этомъ убѣжденіи, и то, можетъ быть, случайно, вашъ умъ и чувство, которые, благодаря судьбѣ, какъ-то не успѣли еще оглохнуть и онѣмѣть отъ шума и гама, начали вамъ нашептывать что-то въ родѣ наставленій.

А, можетъ быть, еще къ тому само Провидѣніе послало вамъ благодѣтеля, который коснулся искусной рукой до ослабѣвшихъ струнъ забытой арфы,—и гармоническіе аккорды зазвучали въ васъ.

Вы вырвались изъ хороводовъ.

Конецъ ликованью.

Вы уже бросили испытующій взглядъ на кружащіяся толпы, съ которыми вы еще за часъ предъ этимъ такъ безсознательно кружились.

Предъ вашими глазами—Вальпургіева ночь земного бытія.

Во тьмѣ, блуждая между очарованными группами, вамъ не легко выбраться на свѣтъ изъ вакханаліи чародѣйства.

Вамъ слышатся еще гдѣ-то вдали призывные аккорды ума и чувства.

Толкаясь, падая, вотъ вы остановились, чтобы, собравшись съ силами, спросить себя: гдѣ вы, куда ведетъ дорога, куда хотите вы?

Вы постигаете, что вы стоите на распутьи. Вы постигаете, что вникнуть надобно въ себя. Теперь-то началось для васъ, съ чего бы нужно было давно начать вамъ; нѣтъ,—собственно не вамъ, а тѣмъ, которые пустили васъ въ будущій разгулъ, на этотъ пиръ своевольства.

Сѣтуя на прошлое, вы начинаете ужъ сами образовывать, перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ своей душѣ, вы, наконецъ, доходите до той степени самопознанія, до которой только суждено вамъ достигнуть на землѣ,—до вдохновенія.

Въ минуты вдохновенія вамъ открывается таинственный источникъ, струи котораго должны освѣжать и оживлять васъ на поприщѣ къ безсмертію, избранномъ вами.

Борьба пожертвованія уже не тревожитъ васъ.

То—долгъ вашъ, то—средство къ достиженію недостижимаго. И вотъ какъ.

Спокойно, свѣтло, какъ кристальная струя, слегка волнуемая житейскимъ вѣтромъ, течетъ ваша жизнь, чтобъ слиться съ волнами неизмѣримаго океана вѣчности.

Протекло полжизни.

Вы такъ уже сроднились съ мыслью о безсмертіи, предчувствія объ отдаленной вѣчности такъ утѣшительно господствуютъ въ васъ, что вы невольно переносите ихъ на земное бытіе,—и оно начинаетъ волновать васъ тайною тоскою по родинѣ. Оно напоминаетъ вамъ необходимость искать участія.

Вы убѣждаетесь, что, отыскивая земное участіе, вы проявляете вашу мысль о безсмертіи въ дѣлахъ и семьи, и общества.

Итакъ, вамъ предстоитъ рѣшить другой вопросъ жизни: какъ устроить вашъ семейный бытъ, какъ найти сочувствіе въ кругу вамъ близкихъ? Но знаете ли вы, что это—для того, кто цѣлыя полжизни провелъ, занимаясь рѣшеніемъ одного вопроса жизни?

Вы знаете ли, что это значитъ для него, когда онъ ищетъ сочувствія въ своей семьѣ?

Что, если онъ не будетъ понятъ тою, въ которой онъ искалъ сочувствія къ убѣжденіямъ, слившимся въ одно съ его существованіемъ, въ которой онъ искалъ сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?

Что, если—спокойная, безпечная въ кругу семьи—она будетъ смотрѣть съ безсмысленной улыбкой идіота на завѣтную борьбу?

Или, какъ М а р ѳ а, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одной лишь мыслью —угодить и улучшить матеріальное, земное бытіе?

Что, если, какъ К с а н т и п п а, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полжизнью перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

А знаете ли, что значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль.

Мужчина, обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту,—какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ,—еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла—найдутъ участіе въ потомствѣ.

А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе, и которой недоставало еще довольно опыта, чтобъ хладнокровнѣе перенести обманъ надежды!—скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?!

Гдѣ средства убѣжать всѣхъ этихъ

горькихъ слѣдствій заблужденія?

Гдѣ средства съ полною надеждою успокоить вопіющую потребность къ сочувствію?

Что можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ?

Ни возрастъ женщинъ, ни наше воспитаніе, какъ видите, ни опытъ жизни—не вѣрныя поруки.

Молодость влечетъ ихъ къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу. Опытъ жизни родитъ притворство.

Еще счастлива та молодость, въ которой суета не совсѣмъ искоренила воспріимчивость души; въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпенить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ высокомъ и святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ея для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падаетъ на колѣни предъ Провидѣніемъ, когда, положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святого вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли.

Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготѣетъ надъ нею.

Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но зато воспитаніе ея обыкновенно превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая ее, выставляя на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а чрезъ щели истертыхъ и изорванныхъ отъ времени кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація—вотъ эта мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не узнаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества.

Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однако же, раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужно, какъ и для мужчины.

Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ,—ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе—чтобъ избирать и чтобъ имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женщины-педанты, толкуя объ эманципаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эманципацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Женщина эманципирована и такъ уже, да еще, можетъ быть, болѣе, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя, по нашимъ законамъ, сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ. Но развѣ можно сдѣлаться мужчинѣ кормилицею и матерью-воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его?

Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя.

Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ,—искусство, вдохновеніе, наука,—не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнью: оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

Итакъ, пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ че-

ловѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками.

Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только-что отнятое отъ ея груди. И Марѳа, и Марія, сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

Не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея,—въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества,—вотъ что требуетъ перемѣны.

Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю,—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи.

Но если ни возрастъ, ни воспитаніе женщины, не служатъ ручательствомъ для разрѣшенія вопроса, то еще менѣе можетъ положиться искатель идеальнаго участія на опытъ жизни.

Если мужчину, который не жилъ отвлеченіемъ, холодитъ и сушитъ этотъ опытъ, то, пресыщенный, охолодѣвшій, обманутый жизнью, онъ рѣдко скрываетъ то, что онъ утратилъ безвозвратно. А женщина вооружается притворствомъ. Ей какъ-то стыдно самой себя — предъ свѣтомъ выказать эти горькія слѣдствія опыта.

Она ихъ прикрываетъ остатками разрушенной святыни. Инстинктъ притворства и наклонность нравиться помогаютъ ей выдержать прекрасно роль подъ маскою на сценѣ жизни. Подложная восторженность, утонченное искусство выражать, и взглядомъ, и рѣчью, теплоту участія, и даже чистоту души,—всѣмъ этимъ, всѣмъ снабжаетъ ее суета въ исканіи побѣды. Ей дѣла нѣтъ тогда, какъ дорого окупится эта побѣда, когда, достигнувъ цѣли, она сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ была.

Что же, послѣ этого, остается искателю идеальнаго въ земной жизни?—Неужели, употребивъ полжизни на самопознаніе, не найдетъ онъ довольно утѣшительнаго въ вдохновеніи, чтобы заглушить эту тоску по участію?

Нѣтъ, вдохновеніе открыло тотъ источникъ, гдѣ сомнѣніе превращается въ ничто. То — воля Высшаго. Опять подъ сѣнь священную верховной воли пусть склонитъ онъ главу свою. Тогда исчезнутъ призраки, затихнетъ гулъ различныхъ мыслей, поднявшихся изъ хаоса души.

Ихъ уничтожитъ и разсѣетъ свѣтлый лучъ и сладкозвучный голосъ этой воли.

Женщина, которой вдохновеніе не было сродно, которой не суждено быть Маріей, которая погружена въ житейскій бытъ, которая не научилась слышать гласъ этой воли,—та пусть останется въ своемъ кругу.

Она пусть ищетъ наслажденій, закабалитъ себя въ приличія и форму, эманципируется и дѣлаетъ что ей угодно съ послѣдователями разныхъ взглядовъ, съ людьми, которымъ хорошо живется и безъ рѣшенія вопросовъ жизни. Ея пути не сходятся съ путями вѣрующаго въ идеалъ.

Но та, которая въ минуты святого вдохновенія, услышавъ призывный голосъ Высшей Воли: иди,—на благородное призваніе сочувствіемъ утѣшить участь, для будущаго жить въ борьбѣ, взаимной жертвою одушевлять готовность жертвовать собою,—та пусть протянетъ руку, сказавъ: «да, я готова».

Примѣчанія.

Къ автобіографіи.

Къ страницѣ 1.

1) „Автобіографія“ Н. И. Пирогова представляетъ собою нѣсколько писемъ его къ лейбъ-медику І. В. Бертенсону, который, между прочимъ, по нимъ составилъ и напечаталъ въ „Русск. Стар.“ три статьи о Пироговѣ (1881 г., № 3, 1882 г., № 12 и 1885 г., № 1). Полностью эти письма впервые напечатаны въ „Русск. Школѣ“ (1896 г., № 1 и 2). Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Н. И.—въ его „Дневникѣ стараго врача“, „Севастопольскихъ письмахъ“, въ біографическомъ очеркѣ д-ра Ю. Г. Малиса (въ библіотекѣ Павленкова).

Нѣсколько дополнительныхъ къ „автобіографіи“ данныхъ приводимъ здѣсь. Н. И. Пироговъ родился 13 ноября 1810 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ казначеемъ провіантскаго депо. 11-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ пансіонъ выдающагося московскаго педагога В. С. Кряжева, а 14-ти лѣтъ поступилъ въ Московскій университетъ. Такъ какъ лица моложе 16 лѣтъ не допускались въ университетъ, то Ник. Ив. представилъ вмѣсто метрики свидѣтельство изъ московскаго коммиссаріатскаго депо, удостовѣрявшее, что Н. И. имѣетъ отъ роду „шестнадцать лѣтъ“.

Въ 1828 г. Пироговъ окончилъ медицинскій факультетъ со степенью лекаря и поступилъ въ Дерптскій профессорскій институтъ (при университетѣ) для подготовленія къ ученому званію; въ 1836 г. былъ избранъ профессоромъ въ Дерптѣ, въ 1841 г.—перешелъ въ медико-хирургическую академію, въ 1854 г. поѣхалъ въ Севастополь, въ 1856 г.—вышелъ въ отставку по военно-медицинскому вѣдомству. Въ іюлѣ 1856 года Николай Ивановичъ былъ назначенъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа, въ 1858 году —Кіевскаго, въ 1861 г. былъ командированъ за-границу для руководства молодыми людьми, подготовлявшимися тамъ къ профессорству въ Россіи, въ 1866 г. былъ „освобожденъ“ графомъ Д. А. Толстымъ отъ „возложенныхъ на него порученій, какъ по исполненію разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части, такъ и по руководству лицъ, отправленныхъ за границу для приготовленія къ званію профессоровъ и преподавателей“ Въ 1870 г. Пироговъ объѣхалъ, по приглашенію Краснаго Креста, театръ франко-прусской войны, въ 1877—8 г.г.—русско-турецкой. Въ маѣ 1881 г. вся интеллигентная Россія въ лицѣ Московскаго университета чествовала 50-тилѣтіе научно-общественной дѣтельности Ник. Ив., а 23 ноября 1881 г. онъ скончался въ селѣ Вишня, (Винницкаго уѣзда, Подольск. губ.) отъ ползучей раковой язвы слизистой оболочки рта.

Іос. Вас. Бертенсонъ—почетный лейбъ-медикъ, родился въ 1833 г. въ Николаевѣ, Херсонской губ. Въ 1849 г. окончилъ гимназическій курсъ при Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, въ 1857 г. —медицинскій факультетъ Дерптскаго университета.

Въ 1870 г. І. В. сопровождалъ Пирогова въ его поѣздкѣ на театръ франко-прусской войны и сблизился съ знаменитымъ хирургомъ. Въ 1877-8 г.г. вмѣстѣ съ Н. И. былъ на театрѣ русско-турецкой войны. Оставилъ много ученыхъ работъ. Писалъ, главнымъ образомъ, по вопросамъ общественной санитаріи и гигіены. Скончался въ 1895 г. Біографическій очеркъ Бертенсона и списокъ его трудовъ—въ статьѣ д-ра Г. М. Герценштейна („Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова, томъ 3-й, стр. 121—126).

Еще въ 1872 г. І. В. Бертенсонъ, по случаю устройства политехнической выставки въ Москвѣ, хотѣлъ написать біографію Н. И. Пирогова для Севастопольскаго отдѣла выставки. Въ отвѣтъ на просьбу Бертенсона о сообщеніи ему біографическихъ свѣдѣній, Пироговъ 11 марта 1872 г. писалъ слѣдующее:

Письмо Н. И. Пирогова къ І. В. Бертенсону.

„Вы хотите сдѣлать меня автобіографомъ, но для этого я, также какъ и вы, не имѣю никакихъ матеріаловъ подъ рукою и не собиралъ ихъ, потому что никогда не думалъ писать собственную біографію и, признаюсь, мало ею интересовался. Правда, я иногда мечталъ написать исторію моихъ заблужденій; но до сихъ поръ не имѣлъ достаточно досуга и не чувствовалъ себя достаточно объективнымъ для этой цѣли. Если дастъ Богъ, проживу еще, то, можетъ быть, соберусь. Но для московской выставки такая біографія не годится. Да и вообще, кого можетъ интересовать мое жизнеописаніе? Мои друзья знаютъ меня достаточно для того, чтобы остаться друзьями, а мои непріятели увидятъ въ этомъ одно самохвальство и само-

почитаніе. Если въ моей жизни и наберется кое-что, чѣмъ я могу гордиться, то я не на-столько самолюбивъ, или, если хотите, слишкомъ самолюбивъ, чтобы напоминать о себѣ публичнымъ изложеніемъ собственныхъ заслугъ. Лучше не знать меня вовсе, нежели знать изъ описанія самого себя. Вѣдь тутъ идетъ дѣло объ одной внѣшней сторонѣ; вотъ, если-бы шло дѣло о моемъ **я**, о внутреннемъ его бытѣ, извѣстномъ только одному этому **я**, тогда, точно, понадобилась-бы автобіографія; но уже, конечно, не для московской выставки написалъ-бы я ее. Для Севастопольскаго-же отдѣла достаточно упомянуть, если того непремѣнно требуютъ мои доброжелатели, только о моей дѣятельности на перевязочномъ пунктѣ и въ крымскихъ лазаретахъ, а она изложена довольно подробно въ моей военно-полевой хирургіи...“

Изложивъ вкратцѣ свѣдѣнія о своей дѣятельности въ Крыму, свѣдѣнія, приведенныя въ первомъ изъ писемъ, составляющихъ „автобіографію“, Пироговъ такъ заканчиваетъ письмо: „Этого, кажется, достаточно для выставки, если уже непремѣнно желаете выставить мои заслуги въ Севастопольскомъ отдѣлѣ“ (см. „Русск. Стар.“, 1882 г., № 12, стр. 655—7).

Евгеній Венцеславовичъ Пеликанъ, сынъ Венц. Венц. Пеликана (о немъ ниже), родился въ 1824 г. Окончилъ Московскій университетъ въ 1845 г. Одновременно съ Н. И. Пироговымъ былъ профессоромъ медико-хирургической Академіи. Съ 1858 по 1873 г. былъ вице-директоромъ, а затѣмъ директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. По смерти отца своего (1873 г.), занялъ мѣсто предсѣдателя медицинскаго совѣта. Умеръ въ 1884 г. Оставилъ много работъ по судебной медицинѣ и токсикологіи. Особенно цѣннымъ является его изслѣдованіе о скопчествѣ.

Къ страницѣ 1.

2) Профессорскую службу Пироговъ началъ въ 1836 г. (избранъ экстра-орд. профессоромъ въ Дерптѣ) и оффиціально оставилъ ее въ 1856 г., а фактически— въ 1854 г., съ отъѣздомъ въ Севастополь. Такъ какъ на Николая Ивановича было распространено дѣйствіе манифеста о зачетѣ мѣсяца севастопольской страды за годъ, то, за выслугу свыше 30 лѣтъ по учебной части, онъ получалъ (съ 20 сентября 1855 г.) пенсію въ размѣрѣ 8.000 р. въ годъ. При увольненіи Н. И. отъ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа, за нимъ была оставлена должность члена главнаго правленія училищъ. Когда-же онъ былъ командированъ заграницу для руководства занятіями молодыхъ русскихъ ученыхъ, то ему назначено было по 3.000 р. въ годъ „сверхъ получаемыхъ 2.000 р. по должности члена правленія училищъ“.

Къ страницѣ 1.

3) Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, оберъ-прокуроръ Свят. Синода и министръ нар. просвѣщенія при Императорѣ Александрѣ II, министръ внутреннихъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ III, родился въ 1823 г. Служилъ уже ранѣе по министерству народнаго просвѣщенія, но былъ устраненъ изъ этого вѣдомства съ назначеніемъ на постъ министра А. В. Головнина (о немъ см. ниже). Въ 1865 г. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода, а въ 1866 г. смѣнилъ Головнина на посту министра нар. просвѣщенія. 24-го апрѣля 1880 г. Д. А. Толстой былъ уволенъ отъ должностей министра народн. просвѣщенія и оберъ-прокурора Свят. Синода, а въ 1882 г. онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этой должности гр. Толстой оставался до смерти (25 апрѣля 1889 г.).

Къ страницѣ 1.

4) Н. И. Пирогову было предложено осмотрѣть всѣ русскіе университеты и представить свои замѣчанія по поводу ихъ состоянія. Въ описываемое время (1866 г.) онъ былъ еще заграницей, но срокъ заграничной командировки кончался, и А. В. Головнинъ рѣшилъ привлечь знаменитаго педагога къ внутреннему управленію по министерству. Къ этому-же времени относятся и слѣдующія слова проф. К. А. Тимирязева въ его статьѣ по поводу 150-лѣтія Московскаго университета: „Выслушаемъ, что говоритъ питомецъ Московскаго университета, правда, ничего отъ него не получившій, но за то отбросившій на него блескъ своего имени, профессоръ и гражданинъ, котораго когда-то мыслящая Россія надѣялась видѣть во главѣ своего просвѣщенія—Ник. Ив. Пироговъ“. („Русск. Вѣдом.“, 12 янв. 1905 г.).

Къ страницѣ 1.

5) Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа въ началѣ 60-хъ годовъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія. Былъ назначенъ министромъ (1882 г.) одновременно съ возвращеніемъ къ власти Д. А. Толстого въ качествѣ министра вн. дѣлъ. При графѣ Деляновѣ, между прочимъ, былъ изданъ циркуляръ отъ 18-го іюня 1887 г. о допущеніи въ гимназіи и прогимназіи „только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ представленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства“. „Такимъ образомъ, говорилось въ циркулярѣ, при неуклонномъ соблюденіи этихъ правилъ, гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ“ (см. „Историческій обзоръ м-ва нар. про-

свѣщенія" С. В. Рождественскаго, Спб. 1902 г., стр. 641). Графъ Деляновъ занималъ должность министра народнаго просвѣщенія до самой смерти (1897 г.).

Къ страницѣ 1.

6) Александръ Васильевичъ Головнинъ—министръ народнаго просвѣщенія въ 1861—1866 г.г., родился 25 марта 1821 г. въ семьѣ извѣстнаго адмирала и писателя В. М. Головнина. Выдвинулся вслѣдствіе близости своей къ великому князю Константину Николаевичу, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій по морскому вѣдомству. Тѣсно-дружескія и довѣренныя отношенія между великимъ княземъ и А. В. Головнинымъ начались, по словамъ біографа Константина Николаевича, съ 1850 г. Своимъ государственнымъ развитіемъ великій князь, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ реформаторской дѣятельности правительства въ 1856—1864 г.г.,—во многомъ былъ обязанъ Головнину. (см. Н. П. Павловъ-Сильванскій „Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в., Спб. 1910 г.).

А. В. Головнинъ принималъ ближайшее участіе въ подготовительныхъ работахъ по проведенію всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ. На постъ министра нар. просвѣщенія онъ былъ призванъ 40 лѣтъ отъ роду. Офиціальный историкъ министерства говоритъ, что подъ руководствомъ А. В. Головнина преобразовательная работа по министерству развилась особенно широко и подвигалась впередъ съ чрезвычайной энергіей и быстротой.

Головнинъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ гласности, и еще въ 1855 г. сталъ печатать въ „Морск. Сборникѣ" статьи о необходимости реформъ. При его содѣйствіи появились въ этомъ журналѣ знаменитые „Вопросы жизни" Пирогова.

14 апрѣля 1866 г. А. В. Головнинъ уволенъ былъ отъ должности министра. Объ его отставкѣ и разговорѣ съ нимъ по этому поводу Государя см. въ „Дневникѣ" Никитенко, т. 2-й, стр. 287. Скончался Головнинъ 3 ноября 1886 г.

Къ страницѣ 3.

7) Подразумѣвается покушеніе Каракозова.

Къ страницѣ 3.

8) Въ это время Пироговъ писалъ „Дневникъ стараго врача", которому далъ слѣд. заглавіе: „Вопросы жизни". „Дневникъ стараго врача", писанный исключительно для самаго себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда-нибудь прочтетъ и кто другой.

Къ страницѣ 3.

9) Федоръ Ивановичъ Иноземцевъ—извѣстный врачъ и профессоръ Московскаго университета, товарищъ Пирогова по Дерптскому профессорскому институту. О немъ подробнѣе—въ прим. къ „Дневнику стараго врача" (II томъ настоящаго изданія).

Къ страницѣ 3.

10) Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ (1794—1882 г.г.)—попечитель Московскаго университета (1835—1847 г.г.), впослѣдствіи воспитатель Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича (объ этомъ см. въ 22-й книгѣ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина", Н. П. Барсукова). Время попечительства Строганова считается блестящей эпохой Московскаго университета въ періодъ царствованія Николая Павловича. Попечитель оказывалъ поддержку и покровительство кружку Грановскаго, Кавелина, Соловьева и др., студентовъ любилъ и принималъ близко къ сердцу ихъ интересы. Некрологъ его—въ „Журн. М-ва Нар. Просв.", 1882 г., № 4.

Къ страницѣ 4.

11) Иванъ Филипповичъ Мойеръ (Johann Christian Moier)—учитель и покровитель Пирогова. Происходилъ изъ голландской семьи, переселившейся въ Россію. Родился 10 марта 1786 г. въ Ревелѣ, окончилъ богословскій факультетъ въ Дерптѣ (1805) и изучалъ медицину въ Вѣнѣ и Павіи, гдѣ занимался подъ руководствомъ знаменитаго Скарпы. Съ 1814 г.—профессоръ хирургіи въ Дерптѣ. „Лекціи М. отличались простотою, ясностью и наглядностью изложенія. Какъ операторъ, онъ владѣлъ истинно-хирургическою ловкостью, несуетливой, неспѣшной и негрубой" („Біогр. слов. профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевск., бывш. Дерптскаго, университета за 100 л. Юрьевъ 1903 г., т. II, стр. 259).

Въ 1828 г. въ Дерптѣ былъ открытъ профессорскій институтъ. Мойеръ былъ однимъ изъ его руководителей. Здѣсь-же готовился къ профессорскому званію Н. И. Пироговъ, вскорѣ подружившійся со своимъ учителемъ. Въ домѣ Мойера Пироговъ познакомился съ В. А. Жуковскимъ, сестра котораго Екатерина Афанасьевна Протасова, урожденная Бунина, была тещей И. Ф. Мойера. Здѣсь-же онъ познакомился и со своей будущей женой (первой)—Екат. Дм. Березиной (о ней—послѣднія страницы „Дневн. стар. врача", а также письма Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской).

Впослѣдствіи Мойеръ содѣйствовалъ избранію своего ученика на каѳедру хирургіи въ Дерптѣ, уступивъ ему, по выходѣ въ отставку, свое мѣсто (9 марта 1836 г.). И. Ф. Мойеръ скончался 1 апрѣля 1858 г.

Къ страницѣ 4.

12) Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель (1793—1869)—любимецъ и ближайшій сотрудникъ Аракчеева. Одинъ изъ реакціоннѣйшихъ дѣятелей царствованія Императора Николая I.

Объ отношеніи Клейнмихеля къ Медико-Хирургической Академіи и къ Пирогову—въ статьѣ д-ра Ю. Г. Малиса „Учрежденіе каѳедры госпитальной хирургіи

въ Петербургской медико-хирургической академіи" („Врачъ", 1896 г., № 3). П. А. Клейнмихель былъ уволенъ однимъ изъ первыхъ по воцареніи Императора Александра II. О настроеніи столичнаго общества въ связи съ этой отставкой —въ „Дневникѣ" А. В. Никитенка (т. I, стр. 464).

Къ страницѣ 4.

13) О дѣятельности Н. И. Пирогова въ качествѣ профессора медико-хирургической Академіи—диссертація д-ра П. А. Бѣлогорскаго „Госпитальная хирургическая клиника при Императорской военно-медицинской Академіи", Спб. 1898 г., а также обширныя мѣста въ „Дневникѣ стараго врача".

Къ страницѣ 5.

14) Въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія" напечатано слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Согласно представленію г. министра нар. просвѣщенія, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на предпріятіе ординарному профессору Дерптскаго унив-та Пирогову, въ теченіе перваго семестра настоящаго года, ученаго путешествія въ Парижъ, съ сохраненіемъ жалованія и съ выдачею ему сверхъ того на необходимыя издержки трехъ тысячъ руб. изъ штатной, опредѣленной на ученыя путешествія, суммы (1838 г., ч. 17-ая, февраль, стр. XXV).

Въ „Дневникѣ стараго врача" Пироговъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ знаменитымъ французскимъ хирургомъ А. А. Вельпо (Velpeau, род. 1795 г., ум. 1867 г.): „Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, то засталъ его читающимъ два первые выпуска моей „хирургической анатоміи артерій и фасцій". Когда я ему рекомендовался глухо:—Je suis un medecin russe,—то онъ тотчасъ-же спросилъ меня, не знакомъ-ли я съ le professeur de Dorpat, m-r Pirogoff, и когда я ему объявилъ, что я самъ и есть Пироговъ, то Вельпо принялся расхваливать мое направленіе въ хирургіи".

Къ страницѣ 5.

15) Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ—извѣстный анатомъ, (род. въ Богеміи въ 1814 г., скончался въ 1890 г.), профессоръ медико-хирургической академіи. Представлялъ фигуру чрезвычайно своеобразную. Проживъ въ Россіи свыше 40 лѣтъ, не научился русскому языку и, оставаясь австрійско-подданнымъ, грудью, что называется, отстаивалъ автономію высшей школы и права своихъ слушателей, особенно женщинъ, которыхъ онъ охотно допускалъ въ свой институтъ. Объ этой сторонѣ его дѣятельности—очень интересныя воспоминанія С. Л. Чудновскаго („Былое", сентябрь 1907 г., стр. 282) и г. А. Сталь („Пережитое и передуманное, книга I. Студенчество. Спб. 1908, стр. 39—59). Здѣсь-же и другія интересныя данныя о Груберѣ, „либералѣ и деспотѣ одновременно".

Къ страницѣ 5.

16) Венцеславъ Венцеславовичъ Пеликанъ (род. 1790 г., ум. 1873 г.)—въ 1851—1856 гг. президентъ медико-хирургической Академіи, съ 1865 г.—предсѣдатель медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. О немъ—прим. къ „Севастопольскимъ письмамъ", стр. 203—215.

Къ страницѣ 7.

17) Великая княгиня Елена Павловна—супруга великаго князя Михаила Павловича (род. 28 дек. 1806 г.—9 янв. 1807 г., скон. 9 янв. 1873 г.). Въ Россію пріѣхала въ сентябрѣ 1823 г. и всѣ остальные 50 лѣтъ своей жизни посвятила новому отечеству. Объ ея выдающемся государственномъ умѣ, объ ея огромномъ вліяніи на всю русскую, политическую и духовную, жизнь—невозможно говорить въ примѣчаніи. Въ красивой статьѣ А. Ѳ. Кони („Очерки и воспоминанія", Спб. 1906. стр. 447—491, а также „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ", Спб. 1903. стр. 11—23) эта высокоодаренная личность и ея чрезвычайно полезная для Россіи дѣятельность обрисованы весьма обстоятельно. Н. И. Пироговъ говоритъ о ней въ своемъ „Дневникѣ" и въ печатаемыхъ здѣсь письмахъ къ баронессѣ Э. Ѳ. Роденъ. Елена Павловна была въ дружественныхъ отношеніяхъ и вела обширную переписку съ крупнѣйшими государственными и общественными дѣятелями своего времени.

Къ страницѣ 8.

18) Литературнымъ памятникомъ этой поѣздки являются „Севастопольскія письма" (въ 1900 г. были изданы впервые вдовою Н. И.—А. А. Пироговой, въ 1907 г. выпущены въ исправленномъ и дополненномъ видѣ съ прим. д-ра Ю. Г. Малиса). По своему содержанію „Севастопольскія письма"—одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ по исторіи дореформенной Россіи, той Россіи, о которой поэтъ сказалъ, что на нее „увы, какъ много грѣховъ ужасныхъ налегло". Читаются эти письма съ неослабѣвающимъ интересомъ. Помимо своего чрезвычайнаго историко-политическаго интереса, „письма" имѣютъ большое значеніе для характеристики выдающейся личности знаменитаго общественнаго хирурга. Наряду съ публицистическими статьями Н. И. и „Дневникомъ" его, знакомство съ „Севастопольскими письмами" необходимо.

Къ страницѣ 9.

19) „Вопросамъ жизни" посвящается ниже особая замѣтка.

Къ страницѣ 20.

20) О дѣятельности С. С. Уварова вообще см. у С. В. Рождественскаго („Ис-

горич. обзоръ дѣятельности министерства"), въ „Дневникѣ" А. В. Никитенка, въ „Жизни и трудахъ М. П. Погодина" Н. П. Барсукова. Объ отношеніи его къ еврейскому вопросу и къ просвѣщенію евреевъ, отношеніи, въ общемъ благожелательномъ,—въ статьѣ М. Г. Моргулиса „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ" („Вопросы еврейской жизни", Спб. 1889, стр. 1—195) и въ книгѣ П. Марека „Очерки по исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи" (Спб. 1909 стр. 1—141). Взгляды Пирогова на вопросы просвѣщенія евреевъ и на еврейскій вопросъ изложены въ нѣкоторыхъ его рѣчахъ и письмахъ (ом. оглавленіе), а также въ статьяхъ: „О еврейскомъ образованіи" и „Одесская Талмудъ-Тора".

Къ страницѣ 25.

21) Рѣчь идетъ о стипендіи имени Н. И. Пирогова. Ихъ учреждено очень много въ русскихъ университетахъ и гимназіяхъ при жизни Н. И. и послѣ его смерти.

Къ страницѣ 26.

22) Андрей Александровичъ Сабуровъ (род. въ 1837 г.)—министръ народнаго просвѣщенія въ 1880—1881 г., въ эпоху „диктатуры сердца" при М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Сначала служилъ по судебному вѣдомству, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ дѣятелей. Съ 30 марта 1875 г. попечитель Дерптскаго учебнаго округа, съ 24 апрѣля 1880 г., послѣ увольненія гр. Д. А. Толстого,—министръ. Отъ Сабурова ждали либеральныхъ мѣропріятій по министерству, главнымъ образомъ въ смыслѣ возстановленія истиннаго духа университетскаго устава 1863 г., но министръ ничего не успѣлъ сдѣлать въ этомъ направленіи. На актѣ петербургскаго университета 8 февраля 1881 г., во время разбрасыванья прокламацій и вызваннаго этимъ въ залѣ шума, студентъ Подбѣльскій нанесъ министру оскорбленіе (объ этомъ подробнѣе—„Былое", 1906г.: № 4, стр. 231—2; № 5, стр. 146, 152, 161 и др, а также: А. А. Корниловъ—„Обществ. движеніе при Александрѣ II", М. 09,). 24-го марта того-же года Сабуровъ, по прошенію былъ уволенъ отъ должности министра.

Графъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликовъ (1825—1888), выдающійся государственный дѣятель конца 80-хъ гг. прошлаго столѣтія. О немъ—въ „Воспоминаніяхъ" д-ра Н А. Бѣлоголоваго и отд. брошюра „Конституція Лорисъ-Меликова" (Спб. 1906 г.). О дѣятельности графа писалъ также Н. К. Михайловскій (см. біографическій очеркъ Н. К., написанный Ю. Гарденинымъ, въ приложеніяхъ. Спб. 1906).

Къ страницѣ 27.

23) Проф. военно-медиц. академіи Серг. Петр. Коломнинъ (род. въ 1842; ум. въ 1886 г.)—редактировалъ переводъ съ нѣмецкаго „Хирургической Анатоміи артеріальныхъ стволовъ и фасцій Н. И. Пирогова" (Спб. 1881 г.). Имѣется рѣчь Коломнина „О значеніи Н. И. Пирогова въ военной хирургіи" С. П. Коломнинъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись послѣ неудачнаго примѣненія анестезіи кокаиномъ, повлекшаго за собою смерть больной.

Къ страницѣ 27.

24) Письма Н. И. Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской впервые напечатаны въ книгѣ: „Татевскій сборникъ С. А. Рачинскаго, съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова, Спб. 1899 г., стр. 278. Въ предисловіи къ „сборнику" С. А. Рачинскій, между прочимъ, писалъ: „Во всякомъ деревенскомъ домѣ, издавна и постоянно обитаемомъ людьми, не чуждыми интересамъ умственнымъ и художественнымъ, накопляется множество разнообразныхъ памятниковъ ближайщей и болѣе отдаленной старины—писемъ, семейныхъ записей... Издателю предлагаемаго „сборника" вздумалось подѣлиться съ публикою нѣкоторыми изъ такихъ реликвій, хранящихся въ старомъ домѣ села Татева, въ надеждѣ, что примѣръ его не останется безъ подражателей".

Въ „сборникѣ" письма занимаютъ 7 печатныхъ страницъ (134—141). Въ подстрочной выноскѣ къ „письмамъ" С. А. Рачинскій приводитъ слѣдующую справку: „Съ автографовъ. Екатерина Николаевна Огонь-Догановская, рожденная Потемкина (1789—1856), сестра моей родной бабки (Александры Николаевны Рачинской), была женщиною рѣдкаго ума и сердца. Искренняя преданность къ ней Н. И. Пирогова достаточно видна изъ его писемъ".

Въ послѣднихъ страницахъ „Дневника" Пирогова имѣется указаніе на то, что Е. Н. Огонь-Догановская принимала участіе въ дѣлахъ, касавшихся его женитьбы, Здѣсь она называется „высокочтимой дамой". Н. И. Пироговъ женился въ первый разъ въ 1842 г. Подробнѣе объ этомъ въ „Воспоминаніяхъ Е. Н. Ахматовой о баронѣ Брамбеусѣ, О. И. Сенковскомъ" („Рус. Стар.", 1890 г., августъ). Въ воспоминаніяхъ Ахматовой дана интересная характеристика первой жены Пирогова, Екатерины Дмитріевны Березиной (выдержки отсюда приведены въ примѣчаніяхъ къ „Дневнику стараго врача"—II томъ настоящаго изданія).

Даты певыхъ двухъ писемъ правильно указаны С. А. Рачинскимъ (годы въ его „Сборникѣ", проставлены всюду въ скобкахъ, повидимому, предположительно), но годомъ написанія слѣдующихъ двухъ должно считать не 1851, какъ обозначаетъ Рачинскій, а 1846. Соображенія въ пользу этой цифры слѣдующія: Екатерина Дмитріевна Пирогова скончалась въ началѣ 1846 года, послѣ родовъ. Вторично Николай Ивановичъ женился въ 1851 году (на дочери ген.-лейтенанта—Александрѣ Антоновнѣ Бистромъ). Третье письмо не-

полнено такой жгучей боли недавней утраты, что его слѣдуетъ отнести къ самому близкому времени послѣ смерти жены. Четвертое—написано, повидимому, нѣсколько позднѣе, но такъ какъ оно спеціально посвящено утратѣ, понесенной знаменитымъ хиругомъ, то и оно могло быть написано въ ближайшее послѣ смерти Ек. Дм. время. Во всякомъ случаѣ, оно не могло быть написано въ 1851 г., когда Пироговъ былъ уже оффиціальнымъ женихомъ А. А. Бистромъ.

Письма Н. И. Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской—необходимое дополненіе къ „автобіографіи" его, также составленной изъ нѣсколькихъ писемъ, но содержащей исключительно свѣдѣнія о внѣшнихъ событіяхъ жизни автора. Письма-же къ Огонь-Догановской дополняютъ характеристику знаменитаго ученаго и гуманиста съ нравственной стороны, которой онъ, конечно, не могъ касаться въ письмахъ къ Бертенсону, имѣвшихъ спеціальное назначеніе.

Къ I отдѣлу.

Къ страницѣ 37.

25) „Вопросы Жизни"—первая по времени появленія въ печати статья Н. И. Пирогова обще-литературнаго содержанія. Для того, чтобы дать полное представленіе объ ея историко-литературномъ и историко-педагогическомъ значеніяхъ, пришлось-бы написать спеціальное изслѣдованіе, въ которомъ должны быть затронуты различныя стороны общественно-политической жизни Россіи во второй половинѣ 50-хъ гг. XIX столѣтія. Это обстоятельство, а также необходимость коснуться въ такой статьѣ критической оцѣнки „Вопросовъ жизни" различными авторами,—не соотвѣтствуютъ цѣли и назначенію настоящихъ примѣчаній.

Однако, небольшое замѣчаніе объ условіяхъ, сопровождавшихъ появленіе „Вопросовъ жизни" въ печати, и именно въ „Морскомъ сборникѣ",—не будетъ здѣсь лишнимъ.

Письма Н. И. Пирогова изъ Крыма даютъ полное представленіе о задаткахъ крупнаго общественнаго дѣятеля, котораго Россія могла-бы имѣть въ знаменитомъ хирургѣ еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, если-бы условія благопріятствовали развитію какой-либо дѣятельности въ этомъ направленіи. Севастопольская кампанія раскрыла предъ глазами Пирогова глубокія соціальныя язвы русской жизни.

Въ декабрѣ 1855 года Н. И. совершенно оставилъ театръ войны, такъ какъ дѣлать ему уже тамъ нечего было. Оставивъ въ 1856 г. академію, Пироговъ былъ въ расцвѣтѣ силъ. Прославленный хирургъ, и раньше имѣвшій лучшую медицинскую практику въ Россіи, могъ, конечно, заняться ею снова и время его было-бы цѣликомъ поглощено этимъ дѣломъ. Но Пирогову предстояло другое поприще дѣятельности, ему суждено было прославиться въ качествѣ педагога-администратора, которому очень многимъ обязана реформированная русская школа. Сознавая необходимость всесторонняго преобразованія русской жизни, онъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе школы и на воспитаніе молодого поколѣнія.

Въ ряду другихъ вопросовъ, для обсужденія которыхъ глава морского вѣдомства, великій князь Константинъ Николаевичъ и его ближайшій сотрудникъ А. В. Головнинъ гостепріимно открыли свой журналъ, значился вопросъ о преобразованіи учебной части въ морскихъ кадетскихъ корпусахъ. Нѣсколько слабыхъ статей, напечатанныхъ по этому поводу въ „М. Сб.", побудили Пирогова опубликовать свои „Вопросы жизни", ставшіе отправнымъ пунктомъ для всякаго историка новой русской педагогики. Статья появилась въ іюльской книгѣ этого журнала за 1856 г.

„Вопросы жизни" произвели громовое впечатлѣніе на всѣхъ мыслящихъ людей того времени. С. А. Венгеровъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской литературы" сравниваетъ ихъ по значенію для того времени съ „Губернскими очерками". Всѣ журналы и газеты въ лицѣ своихъ лучшихъ сотрудниковъ отмѣтили появленіе этой статьи болѣе или менѣе обширными извлеченіями, сопровождаемыми вполнѣ сочувственными примѣчаніями. О „Вопросахъ жизни" писали также Чернышевскій и Добролюбовъ.

Въ ближайшей сентябрьской, книгѣ оффиціальнаго органа министерства нар. просвѣщенія, „Журналѣ" этого вѣдомства, „Вопросы жизни" были цѣликомъ перепечатаны со слѣдующ. примѣчаніемъ редакціи: „Эта прекрасная статья, извѣстная уже публикѣ изъ „Морского сборника" помѣщается здѣсь по волѣ г. министра народнаго просвѣщенія какъ соотвѣтствующая цѣли и назначенію журнала, обязаннаго между прочимъ заботиться о распространеніи въ обществѣ и въ кругу нашихъ воспитателей здравыхъ и вѣрныхъ идей о воспитаніи".

Въ это время министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ искалъ, сообразно требованіямъ времени, новыхъ попечителей учебныхъ округовъ и предложилъ управленіе одесскимъ учебнымъ округомъ автору „прекрасной статьи". Нѣсколько подробностей объ этомъ моментѣ приводитъ Н. И. Пироговъ въ „Автобіографіи".

3 сентября 1856 г. Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату повелѣно было „совѣщательному члену медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, заслуженному профессору д. с. с. Пирогову исполнять должность попечителя одесскаго учебнаго округа", а въ октябрѣ того-же года Н. И. былъ уже

въ Одессѣ. Въ этомъ разноплеменномъ городѣ Пироговъ сумѣлъ выказать разностороннія дарованія своей натуры и спустя короткое время присоединилъ къ своей славѣ лучшаго оператора славу искуснаго врачевателя духовныхъ болѣзней общества.

При отъѣздѣ Пирогова изъ Одессы въ Кіевъ, было издано „Собраніе литературныхъ статей“ его, въ которое были включены „Вопросы жизни“ въ той редакціи, въ которой они появились впервые въ „Морскомъ сборникѣ“.

Послѣ одесскаго сборника статей при жизни Пирогова былъ выпущенъ еще одинъ сборникъ („Собраніе литературно - педагогическихъ статей“. Кіевъ, 1861 г.), въ который были включены его работы, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ за время его попечительства въ Кіевѣ.

Первое „собраніе сочиненій“ Н. И. Пирогова было выпущено только послѣ его смерти въ двухъ томахъ въ 1887 году и было повторено въ 1900 году. Появившійся здѣсь текстъ „Вопросовъ жизни“ существенно отличался отъ первоначальнаго, трижды напечатаннаго при жизни автора въ одной и той же редакціи и по которому статья переведена на европейскіе языки.

Статья получилась почти вдвое большаго размѣра: начало и конецъ ея измѣнены, главнымъ образомъ, въ смыслѣ смягченія отдѣльныхъ выраженій.

Если-бы „Вопросы жизни“ появились послѣ смерти автора только въ расширенномъ размѣрѣ, но сохранили-бы ту-же яркость и красочность, которымъ, между прочимъ, эта статья обязана своею историко-литературною славой, то, несомнѣнно, слѣдовало-бы остановиться на позднѣйшей редакціи. Но здѣсь какъ разъ наблюдается явленіе обратное. Чтобы дать возможность читателямъ сопоставить оба текста, въ настоящемъ изданіи помѣщены обѣ редакціи „Вопросовъ жизни“,—первоначальнаго и позднѣйшаго. Подробнѣе о „Вопросахъ жизни“ составителю примѣчаній“ довелось говорить въ особой замѣткѣ („Рус. Школа“, іюль—августъ 1910, стр. 72—88).

Къ страницѣ 72.

26) Статья „Новоселье лицея“— рѣчь, произнесенная Н. И. Пироговымъ на торжественномъ актѣ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ (впослѣдствіи преобразованнаго въ Новороссійскій университетъ) 1 сентября 1857 года. Спеціально выпущенная по случаю этого акта книга имѣетъ слѣд. заглавіе: „Торжественный актъ Ришельевскаго лицея по случаю окончанія 1856—57 академ. года, и открытія курсовъ въ новомъ зданіи. Одесса, 1857 г.“. Книга составлена изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ статей: „Новоселье лицея, рѣчь, произнесенная его превосходительствомъ господиномъ попечителемъ од. учебнаго округа, Н. И. Пироговымъ, на торжественномъ актѣ лицея, 1-го сентября 1857 г.“ (брошюра, стр. 1—12); „Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея, съ 1817 по 1857 годъ. Составленъ инспекторомъ лицея Іос. Михневичемъ. Одесса 1857 г.“ (стр. 1—200); статьи (актовыя рѣчи) профессоровъ К. Зеленецкаго—о руской литературѣ въ эпоху преобразованія (стр. 1—41) и Р. Орбинскаго—объ отношеніи домашняго воспитанія къ общественному (стр. 1—25); историческая записка о Лицеѣ съ 28 августа 1856 г. по 1 сентября 1857 года (стр. 1—14). Въ этомъ сборникѣ статья Н. И. Пирогова напечатана въ видѣ отдѣльной брошюры, пущенной тогда-же и въ частное обращеніе. Первоначально статья была напечатана въ № 101 газоты „Одесскій Вѣстникъ“ отъ 12 сентября 1857 года.

Въ „собраніи литературныхъ статей Н. И. Пирогова“, изданномъ въ Одессѣ въ 1858 г. съ портретомъ автора и посвященномъ одесскому учебному округу, статья эта была перепечатана такъ, какъ впервые появилась въ газетѣ и отдѣльной брошюрой. Въ обоихъ изданіяхъ „собранія сочиненій“ Пирогова эта статья была перепечатана съ заглавіемъ „Новоселье лицея въ Одессѣ“ и съ подзаголовкомъ, имѣющимся и въ газетѣ, и въ отдѣльной брошюрѣ. Здѣсь печатается съ заглавіемъ, даннымъ ей самимъ авторомъ.

Хотя эта статья была опубликована Н. И. Пироговымъ въ видѣ рѣчи, но она, несомнѣнно, представляетъ собою дальнѣйшее развитіе мыслей автора о воспитаніи, изложенныхъ имъ въ „Вопросахъ жизни“, непосредственно послѣ которыхъ она и появилась въ печати. Въ такомъ-же смыслѣ разсматриваютъ эту статью историки педагогіи.

Къ страницѣ 79.

27) Статья „Быть и казаться“ впервые была напечатана подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ № 34 „Одесскаго Вѣстника“ отъ 29 марта 1858 года. Въ „автобіографіи“ Н. И. говоритъ: „Въ моей статьѣ „Быть и казаться“ я указывалъ и родителямъ на вредное вліяніе дѣтскихъ театровъ, баловъ и т. п., развивающихъ въ дѣтяхъ поддѣльность, тщеславіе и мишурность“.

Слѣдующія два письма Пирогова характеризуютъ его взгляды на вопросъ о дозволеніи студентамъ выступать предъ публикой на сценѣ и на концертной эстрадѣ.

Въ архивѣ Новороссійскаго ген.-губернатора (состоитъ въ вѣдѣніи одесскаго градоначальника) въ дѣлѣ № 638 за 1857 г.: „О дозволеніи студентамъ Ришельевскаго лицея занять Одесскій Городской театръ для представленія въ пользу своихъ недостаточныхъ товарищей“ имѣется слѣдующая, собственноручно Н. И. Пироговымъ подписанная, бумага попечителя одесскаго уч. округа отъ 28 января 1857 г., № 335, на имя генералъ-губернатора:

Письмо Н. И. Пирогова къ графу А. Г. Строганову.

„Студенты Ришельевскаго лицея, желая дать представленіе въ пользу своихъ недостаточныхъ товарищей, просятъ объ исходатайствованіи имъ дозволенія на занятіе для этого залы Одесскаго Городского театра. Находя желаніе студентовъ весьма похвальнымъ и просьбу ихъ заслуживающею уваженія, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство о разрѣшеніи имъ занять залу здѣшняго гор. театра. При семъ имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что содержаніемъ представленія будутъ: 1) Комедія Гоголя „Игроки" и 2) Сухово-Кобылина—„Свадьба Кречинскаго". Н. Пироговъ.

Генералъ-губернаторъ, графъ А. Г. Строгановъ, отвѣтилъ согласіемъ на ходатайство попечителя.

Не встрѣтилъ онъ также препятствій и къ удовлетворенію другой просьбы Н. И. Пирогова, имѣющейся въ дѣлѣ того-же архива подъ № 292, за 1858 г.: „Объ учрежденіи въ Ришельевскомъ лицеѣ музыкальныхъ концертовъ". Здѣсь имѣется слѣдующая бумага попечителя округа отъ 29 апрѣля 1858 г. за № 1126:

Письмо Н. И. Пирогова къ графу А. Г. Строганову.

„Прибывшій изъ Петербурга архитекторъ Яковлевъ, обладающій музыкальнымъ искусствомъ, обратился къ директору Ришельевскаго лицея съ просьбой объ учрежденіи въ лицейскомъ зданіи музыкальныхъ концертовъ для упражненія студентовъ, съ допущеніемъ постороннихъ любителей музыки и слушателей за особо установленную плату, сборъ которой предназначается для учрежденія въ лицеѣ музыкальной библіотеки и для оказанія вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Желая посредствомъ занятій искусствами, облагораживающими душу, подѣйствовать благотворно на нравственность и эстетическое образованіе студентовъ лицея, я нахожу предложеніе г. Яковлева въ этомъ отношеніи не только полезнымъ, но и крайне необходимымъ для Лицея, а потому, позволивъ студентамъ и членамъ музыкальнаго общества воспользоваться въ видѣ опыта лицейскою залою, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ, не встрѣчаются-ли препятствія къ продолженію концертовъ по воскреснымъ днямъ отъ 1—3 часовъ дня". П и р о г о в ъ.

К ъ с т р а н и ц ѣ 92.

28) Статья „Н у ж н о-л и с ѣ ч ь д ѣ т е й и с ѣ ч ь в ъ п р и с у т с т в і и д р у г и х ъ д ѣ т е й?" впервые напечатана въ № 41 „Одесскаго Вѣстника" отъ 15 апрѣля 1858 г. Къ ней примыкаютъ по содержанію статьи: „Основныя начала правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ" и „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ...", а также циркуляры №№ 3 и 5 по кіевскому учебному округу.

О происхожденіи статьи „Нужно-ли сѣчь?" въ ноябрьской книгѣ „Журн. М-ва Нар. Просв." за 1861 г. разсказывается слѣдующее: „Въ „Од. В." находимъ любопытныя извѣстія о прежнемъ состояніи Херсонской гимназіи, и объ улучшеніи въ ней, вызванномъ Н. И. Пироговымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Херсонская гимназія пользовалась самою дурною репутаціею въ округѣ; доходило до того, что учители смотрѣли на нее, какъ на мѣсто ссылки... Въ это время назначенъ былъ новый попечитель въ Одесскій уч. округъ, Н. И. Пироговъ,—и Херсонская гимназія, волею-неволею очнулась отъ летаргическаго сна...

Держась старой укоренившейся привычки, педагогическій совѣтъ гимназіи употреблялъ общеизвѣстныя мѣры для исправленія учениковъ: дѣлалъ замѣчанія, выговоры, оставлялъ пансіонеровъ безъ блюда, безъ двухъ, или вовсе безъ обѣда, сажалъ въ карцеръ, наказывалъ розгами, въ присутствіи другихъ или секретно.

Н. И. Пироговъ, желая знать мѣры, употребляемыя гимназіями какъ для исправленія, такъ и для поощренія воспитанниковъ, потребовалъ, чтобы каждая дирекція округа представила ему статистическія обо всемъ этомъ цифры. Херсонская гимназія, въ числѣ первыхъ, представила ему откровенно все требуемое. Николай Ивановичъ, замѣтя въ числѣ другихъ наказаній и тѣлесное наказаніе, въ присутствіи постороннихъ лицъ, написалъ бумагу, въ которой выставилъ директору и совѣту всю безнравственность такого наказанія.

Но директоръ и совѣтъ усомнились въ справедливости замѣчанія попечителя, и въ особомъ письмѣ къ нему выразили свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Тогда Н. И. Пироговъ подвергнулъ это дѣло суду публики, напечатавъ въ „Од. Вѣстн." статью „Нужно-ли сѣчь дѣтей и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей?"... (отд. IV, стр. 85—89).

См. еще примѣчанія къ циркулярамъ, гдѣ также говорится о распоряженіяхъ Н. И. Пирогова по тому-же вопросу.

К ъ с т р а н и ц ѣ 100.

29) Статья „О п р е д м е т а х ъ с у ж д е н і й и п р е н і й п е д а г о г и ч е с к и х ъ с о в ѣ т о в ъ г и м н а з і й" написана Н. И. Пироговымъ въ Кіевѣ. Уже изъ самаго содержанія ея видно, что она была впервые напечатана въ циркулярахъ по учебному округу, учрежденныхъ знаменитымъ попечителемъ. Затѣмъ она была перепечатана въ „Собраніи литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова", изданномъ въ Кіевѣ, въ 1861 году, съ портретомъ автора, съ учебно-благотворительною цѣлью, и посвященномъ Кіевскому учебному округу. Здѣсь подъ статьей появилась дата: „Май, 1859 г."

Въ такомъ видѣ она двукратно перепечатывалась и въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Пирогова.

Въ циркулярѣ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ", № 11, за 1859 г., напечатана слѣд. замѣтка подъ загол. „О постоянныхъ засѣданіяхъ въ педагогическихъ совѣтахъ": Вслѣдствіе расширенія дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ по обсужденію различнымъ мѣръ и правилъ въ учебномъ и административномъ отношеніи, всѣмъ дирекціямъ Кіевскаго округа предложено учредить постоянныя засѣданія педагогическихъ совѣтовъ по два раза въ мѣсяцъ и сверхъ того экстраординарныя собранія въ случаяхъ важныхъ, не терпящихъ отлагательства. Члены совѣта, въ случаѣ неявки въ засѣданіе, обязаны извѣстить о томъ предсѣдателя за нѣсколько времени. Въ протоколы засѣданія вносятся только имена бывшихъ въ немъ членомъ; но подписываются протоколы всѣми членами, за исключеніемъ подающихъ особыя письменныя мнѣнія, несогласныя съ рѣшеніемъ большинства. О предметахъ сужденія члены совѣта должны быть извѣщаемы по крайней мѣрѣ за сутки предъ засѣданіемъ".

См. также примѣчанія къ предыдущей статьѣ и къ „Циркулярамъ".

Къ страницѣ 110.

30) Статья „Основныя начала правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебн. округа" впервые опубликована въ „Циркулярахъ по округу". Затѣмъ она появилась въ № 11 „Журнала для воспитанія" за 1859 годъ подъ заглавіемъ „Правила о проступкахъ и т. д.", изданныя 22 іюля 1859 года. Въ кіевскомъ „собраніи статей" она помѣщена въ концѣ книги со слѣд. примѣчаніемъ: „Статья эта, по времени своего выхода, должна была занять третье мѣсто въ ряду прочихъ статей Сборника (т. е. между статьями, помѣченными „Май 1859" и „Январь 1860"). Но редакція, пропустивъ ее въ своемъ мѣстѣ, рѣшилась помѣстить ее послѣ всѣхъ статей, имѣя въ виду полноту и интересъ Сборника, не дозволявшіе такого важнаго пропуска". Въ этой книгѣ „Осн. начала" помѣщены съ привед. выше заглавіемъ и съ датой „августъ 1859". Въ посмертныя „Собранія сочиненій" Н. И. Пирогова настоящее произведеніе было включено не въ видѣ отдѣльной статьи, а какъ составная часть „Циркуляровъ по округу", подъ № 8-мъ, и съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: Изложеніе основныхъ началъ къ „Временнымъ правиламъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго уч. округа". Текстъже статьи былъ перепечатанъ полностью по кіевскому сборнику.

Возстановить самостоятельное значеніе этой статьи необходимо, какъ потому, что она обладаетъ таковымъ по своему содержанію, вызвавшему необычайную полемику, которая разрослась въ цѣлую литературу, такъ и потому, что въ такомъ видѣ она была перепечатана при жизни автора въ кіевскомъ сборникѣ, куда другіе „циркуляры" включены не были. Выше отмѣчалось, что и предшествующая статья („О предметахъ сужденій и преній") впервые появилась въ „циркулярахъ", но перепечатывалась во всѣхъ изданіяхъ (прижизненномъ и посмертныхъ) въ видѣ отдѣльной статьи. Такимъ образомъ, была опубликована и перепечатывалась статья „О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ".

Полемика, вызванная „правилами о проступкахъ", занимала буквально все русское интеллигентное общество въ 1860—61 гг., а отклики ея появлялись въ печати еще много лѣтъ спустя. Главными дѣйствующими лицами этой полемики считались Н. И. Пироговъ и Н. А. Добролюбовъ, вокругъ которыхъ сконцентрировались всѣ статьи и замѣтки по этому поводу. Въ январьской книгѣ „Современника" за 1860 г. появилась статья „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами", подписанная псевдонимомъ Добролюбова („Бовъ") и имѣющая эпиграфомъ изреченіе: „Ты также, Брутъ!..". Статья была написана спеціально по поводу „правилъ о проступкахъ".

Въ виду того, что сочиненія Добролюбова доступны всѣмъ, кто читаетъ педагогическія статьи Пирогова, излагать содержаніе „Иллюзій" представляется излишнимъ. Нѣтъ также необходимости говорить о содержаніи и другихъ статей, появившихся въ связи съ нею, такъ какъ въ статьѣ „Отъ дождя да въ воду", напечатанной въ № 8 „Современника" за 1861 г., Добролюбовъ подробно останавливается на нихъ. Здѣсь достаточно указать главнѣйшія изъ статей, имѣющія отношеніе къ этой полемикѣ. Наиболѣе шумной явилась статья Е. Судовщикова въ № 6 „Отечеств. Записокъ" за 1861 г. (Пироговъ и „Современникъ", письмо изъ Кіева). Она перепечатывалась и на нее ссылались противники Добролюбова. См. также интересную статью И. Д. Бѣлова „Необходимы-ли наказанія въ дѣлѣ воспитанія?" („Воспитаніе", 1860 г., ноябрь и декабрь), написанную по поводу „правилъ о проступкахъ". Въ ней Бѣловъ доказываетъ ненужность наказаній.

Въ № 54 „Русск. Рѣчи" за 1861 г. М. П. Драгомановъ помѣстилъ статью по тому-же вопросу. По поводу полемики высказывался К. Д. Ушинскій въ статьѣ о „Педагогическихъ сочиненіяхъ Пирогова" (Ж. Мин. Нар. Просв.", 1862 г., мартъ, и въ „собраніи педагогическихъ сочиненій Ушинскаго", Спб., 1875 г.). Въ журналѣ Ѳ. М. Достоевскаго „Время" (1862 г., № 4) помѣщена большая, неподписанная, статья о сочиненіяхъ Пирогова, въ которой также удѣлено мѣсто полемикѣ. О томъ-же говорится и въ „Отеч. Зап." за февраль 1860 г. („Современная хроника Россіи"). Спеціальную статью о Добролюбовѣ и

Пироговѣ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ за 1896 г. (№ 6) А. М. Скабичевскій, который говоритъ о томъ-же въ своихъ статьяхъ „Сорокъ лѣтъ русской критики“, впервые напечатанныхъ въ „Отечеств. Зап.“ за 1860 годъ и вошедшихъ въ I-ый томъ собранія его сочиненій. Много страницъ посвящаетъ этой полемикѣ А. Л. Волынскій въ книгѣ „Руcкіе критики. Литературные очерки“ (Спб., 1896 г., стр. 176—192). Въ очеркѣ „Пироговъ и Добролюбовъ“ А. Н. Острогорксій возвращается къ тому-же вопросу въ 1900 году („Педагог. сборникъ“, 1900 г., № 2, стр. 104—114). Интересное замѣчаніе объ отношеніи Добролюбова къ Пирогову имѣется въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы“ С. А. Венгерова (Спб., 1907 г., стр. 55—57). См. также примѣчанія къ „Циркулярамъ“ по Кіевск. уч. округу.

Въ „Циркулярѣ“ № 3 и 4 за 1860 г., между прочимъ, напечатана замѣтка подъ заглавіемъ „Нравственныя мѣры“ (изъ журнала надзирателя благороднаго пансіона Кіевской I-й гимназіи Пясецкаго). 1. Замѣтка объ общей жизни воспитанниковъ пансіона. 2. Разборъ случившихся проступковъ и наказаній за нихъ (Нарушено благочиніе въ классѣ свистомъ)“. Къ этой замѣткѣ сдѣлана слѣд. выноска: „Г. Пясецкому, также, какъ и другимъ надзирателямъ пансіона, было предложено отъ попечителя округа вести карманный журналъ, во время дежурствъ: о характерѣ направленія и образѣ дѣйствій учениковъ. Надѣюсь, что и другіе надзиратели послѣдуютъ примѣру г. Пясецкаго и сообщатъ намъ впослѣдствіи свои замѣчанія. Пироговъ.“

Въ „Дневникѣ стараго врача“, писанномъ Н. И. Пироговымъ въ возрастѣ 69-ти лѣтъ, имѣется такой отрывокъ: „Вообще, я ни дома, ни въ школѣ не былъ ни разу сѣченъ; помню только три наказанія отъ матери: пощечину (однажды) за пощечину: я ударилъ въ щеку какого-то мальчика, а матушка, бывшая свидѣтельницей самоуправства, расправилась точно такъ-же сама со мною. Я нахожу это весьма логичнымъ и педагогичнымъ; хотя эта расправа и не излечила меня отъ самоуправства радикально, но нерѣдко удерживала поднятую уже руку, припоминая мнѣ во-время, чо и на меня можетъ подняться болѣе сильная рука. Два другія наказанія дѣлались, сколько помню, не за шалости, а за капризъ (высылка въ переднюю и ударъ)...“...

Интересныя данныя объ условіяхъ, сопровождавшихъ выработку и введеніе въ жизнь „Правилъ о проступкахъ“, приведены въ воспоминаніяхъ инспектора и директора одной изъ кіевскихъ гимназій при Пироговѣ—М. Чалаго („Кіевская Старина“, 1900 г., № 6 и 7). „Запасшись матеріалами, пишетъ онъ,—Пироговъ составилъ комитетъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами комитета были: помощникъ его, Михневичъ, два директора, два инспектора кіевскихъ гимназій, инспектора казенныхъ училищъ, профессоры университета: исторіи—Шульгинъ и педагогики—Гогоцкій, и два учителя. Засѣданія комитета длились болѣе 3-хъ недѣль. Съ перваго-же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги...“

Къ страницѣ 122.

31) Статья „Школа и жизнь“—крупнѣйшая по размѣрамъ и содержанію работа Н. И. Пирогова по вопросамъ воспитанія и образованія послѣ знаменитыхъ „Вопросовъ жизни“. И появленіе ея въ печати сходно съ появленіемъ послѣдней статьи. По воспоминаніямъ современниковъ (см. А. Чумиковъ, „Р. Архивъ“, 1902 г., № 10, стр. 200) „Школа и жизнь“ могла увидѣть свѣтъ только благодаря появленію въ „Морскомъ сборникѣ“ (1860 г., № 1, отд. неоффиціальный, стр. 278—294). Затѣмъ статья была перепечатана въ кіевскомъ сборникѣ статей Н. И. и въ посмертныхъ собраніяхъ его сочиненій. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ текстъ статьи оставался одинъ и тотъ-же.

Къ страницѣ 140.

32) Статья „О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ“ была помѣщена впервые въ № 3 „Циркуляровъ“ по Кіевскому округу за 1860 г., откуда перепечатана въ № 7 журн. „Воспитаніе“ за тотъ-же годъ, а затѣмъ—въ кіевскомъ сборникѣ статей и въ послѣднихъ изданіяхъ безъ измѣненій, съ датой „мартъ, 1860“. Также, какъ и нѣкоторыя другія статьи, первоначально появившіяся въ видѣ циркуляровъ, статья „О цѣли литературныхъ бесѣдъ“ перепечатывалась въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій въ видѣ самостоятельнаго произведенія, каковымъ она по содержанію своему и является. Въ „Цирк.“ и въ журн. „Восп.“ статья имѣла помѣтку: „Сказано послѣ бесѣды 27 февраля“.

Литературныя бесѣды введены были Пироговымъ еще въ Одессѣ и имѣли здѣсь большой успѣхъ. Во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1857 г. министръ нар. просвѣщенія А. С. Норовъ удѣлилъ много мѣста реформаторской дѣятельности попечителя-хирурга. Указывая на ея полезные результаты, онъ, между прочимъ, писалъ: „Чтобы возбудить ревность къ изученію отечественнаго слова и доставить больше упражненія самостоятельной дѣятельности учащихся, введены при лицейской гимназіи литературныя бесѣды, которыя идутъ успѣшно“ (Ж. Мин. Нар. Прос., 1858 г., № 4—6).

Въ книгѣ В. А. Доброторскаго „50-лѣтіе Одесской 2-й гимназіи“ (Одесса, 1898) читаемъ: „Въ числѣ мѣръ, принятыхъ учебнымъ начальствомъ съ цѣлью ближайшаго ознакомленія учащихся съ русскимъ языкомъ и его литературою, упоминается устройсто, по распоряженію попечителя

округа Н. И. Пирогова (16 января 1857 г., за № 203), литературныхъ бесѣдъ между учениками VI и VII классовъ обѣихъ одесскихъ гимназій" (стр. 24). См. также примѣчанія къ „циркулярамъ" по одесскому округу".

Къ страницѣ 144.

33) Статья „Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній" первоначально была напечатана въ „Морскомъ Сб." (№ 13, за октябрь 1860 г., часть неоффиціальная, стр. 251—264) и перепечатывалась во всѣхъ отдѣльныхъ изданіяхъ по журнальному тексту. Только въ „Морск. Сборн." подъ статьей была дата „4 октября 1860 г.", а въ отдѣльныхъ изданіяхъ—„октябрь 1860 г.". Спеціальное заглавіе статьи послужило для Н. И. Пирогова поводомъ развить свои мысли по вопросамъ воспитанія въ журналѣ, который былъ болѣе другихъ свободенъ отъ цензурныхъ вліяній и въ которомъ болѣе свободно, чѣмъ въ другихъ, можно было говорить о реформахъ. Большая выдержка изъ статьи Шестакова сдѣлана Пироговымъ и приводится во всѣхъ изданіяхъ.

Къ страницѣ 158.

34) Статья „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ м-ва нар. просвѣщенія" написана въ октябрѣ 1860 г., когда Пироговъ былъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Къ ней примыкаетъ по содержанію небольшая статья Н. И., помѣщенная въ оффиціальномъ изданіи 1862 г. подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ" (см. ниже). Гдѣ первоначально помѣщена была статья „Мысли и замѣчанія...", не удалось установить. По крайней мѣрѣ, ея нѣтъ въ „Петерб. Вѣд.", „Морск. Сб.", „Ж. М. Н. Просв." за это время. Статьи-же Пирогова печатались тогда почти исключительно, въ названныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но что дата, находящаяся подъ этой статьей въ прижизненномъ кіевскомъ „собраніи статей Пирогова" (она опущена въ посмертныхъ изданіяхъ 1887 и 1900 годовъ) соотвѣтствуетъ времени ея написанія, подтверждается слѣдующими словами, взятыми изъ предисловія къ только-что упомянутому изданію („Замѣчанія и т. д., ч. I, 1862 г., стр. I—II): „Въ 1856 г. Мин-во Нар. Просв. поручило ученому комитету главнаго управленія училищъ пересмотрѣть Высочайше утвержденный 8 декабря 1828 г. уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ вѣдомства министерства и составить проектъ новаго устава болѣе сообразнаго съ современнымъ взглядомъ на обученіе и воспитаніе. Въ 1860 г. трудъ этотъ, оконченный подъ названіемъ Проекта устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства нар. просвѣщенія, по распоряженію бывшаго тогда министра нар. просвѣщенія, дѣйств. ст. сов. Е. П. Ковалевскаго, напечатанъ былъ въ журналѣ министерства, въ Санктпетербургскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ, съ цѣлію вызвать сужденія о немъ въ литературѣ, и препровожденъ ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій. По замѣчаніямъ, полученнымъ отъ учебныхъ заведеній и явившимся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, проектъ устава вновь напечатанный подъ названіемъ проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ Высочайшаго соизволенія,—по распоряженію управляющаго министерствомъ, ст.-секретаря Головнина, вторично былъ препровожденъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ совѣтахъ университетовъ и въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ". Новыя замѣчанія послужили матеріаломъ для 7-томнаго сборника съ приведеннымъ заглавіемъ.

Текстъ статьи въ Кіевскомъ сборникѣ (1861 г.) и въ послѣдующихъ изданіяхъ „сочиненій"—вполнѣ сходенъ.

Къ страницѣ 190.

35) Въ предшествующихъ изданіяхъ статья „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства нар. просв." имѣла слѣд. заключительныя строки: „Въ заключеніе прилагаю таблицы, для лучшаго обзора распредѣленія учебныхъ предметовъ и занятій въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ элементарныхъ школъ и доходя до классическихъ гимназій *).

Основаніемъ этого распредѣленія служатъ: 1) неразрывная связь въ учебномъ курсѣ всѣхъ училищъ, не препятствующая переходу изъ одного въ другое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и 2) законченность курса въ каждомъ изъ училищъ, придающая ему отдѣльную самостоятельность; 3) примѣненіе къ потребностямъ учащихся всѣхъ слоевъ общества; 4) постепенность въ распредѣленіи учебнаго времени для различныхъ возрастовъ, и 5) наконецъ, рѣзкое раздѣленіе классическаго и реальнаго направленія только въ однѣхъ гимназіяхъ (съ IV-го класса, соотвѣтствующаго 14-лѣтнему возрасту).

Къ страницѣ 190.

36) Статья „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій", какъ видно изъ вступительныхъ словъ ея, впервые опубликована въ видѣ „циркуляра по округу". Отчетъ былъ напечатанъ также

*) См. слѣд. двѣ страницы.

въ № 2—4 „Журн. для Воспитанія" за 1861 г. Статья представляетъ собою отвѣтъ знаменитаго гуманиста на полемику, вызванную его „правилами о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій" (см. выше, примѣч. 30).

Вскорѣ, послѣ ея напечатанія въ „Журналѣ для воспитанія" Н. И. Пироговъ былъ уволенъ отъ должности попечителя кіевскаго округа. Въ связи съ грандіозными проводами, устроенными Пирогову въ Кіевѣ, нѣкоторые журналы и газеты вспомнили статью Добролюбова „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами" и его стихотвореніе „Грустная дума гимназиста лютеранскаго исповѣданія не кіевскаго округа". (См. сочиненія Добролюбова, изд. 7, т. 4, стр. 370), причемъ по адресу геніальнаго критика раздавались упреки въ неуваженіи къ знаменитому ученому и педагогу. Н. А. Добролюбовъ написалъ по поводу этихъ нападокъ, въ связи съ „отчетомъ", статью „Отъ дождя да въ воду" („Современникъ", 1861 г., № 8). Слѣдуетъ также имѣть въ виду и другія статьи Н. А. о Пироговѣ: „О значеніи авторитета въ воспитаніи" („по поводу „Вопросовъ жизни") и „Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова" (по поводу одесскаго изданія ихъ въ 1858 г).

Къ страницѣ 244.

37) Статья „Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній" впервые напечатана въ № 2 „Морск. Сб." за 1861 г. (неоффиціальный отдѣлъ, стр. 213—229) съ подзаголовкомъ: „мнѣніе попечителя кіевскаго учебнаго округа". Въ кіевскомъ „собраніи статей" и въ позднѣйшихъ изданіяхъ она перепечитана полностью съ датой „февраль, 1861 г.".

Къ страницѣ 263.

38). Статья „Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ" перепечатывается изъ первой части 7-томнаго оффиціальнаго изданія тогоже названія, выпущеннаго министерствомъ нар. просвѣщенія въ 1862 г. Въ этомъ изданіи она занимаетъ страницы 5—18 и помѣщена второю въ общемъ порядкѣ расположенія статей. Проекты, которымъ статья посвящена, выработаны въ 1861 году. Статья эта по содержанію примыкаетъ къ статьѣ „Мысли и замѣчанія о проектѣ" (см. прим. 34-ое).

Къ страницѣ 280.

39). Статья „О воскресныхъ школахъ" напечатана въ „собраніяхъ сочиненій" 1887 и 1900 годовъ съ датой „Гейдельбергъ, 1863, апрѣля 20-го". Гдѣ она была впервые напечатана установить не

1) Для элементарныхъ училищъ.

I-й классъ	Часы	II-й классъ	Часы
1. Законъ Божій	5	Законъ Божій	2
2. Азбука	6	Чтеніе	6
3. Письмо	5	Письмо	4
4. Счетность	3	Ариѳметика	5
5. Наглядное ученіе	2	Наглядное ученіе	3
	21		20

2) Для реальныхъ прогимназій.

I-й классъ	Часы	II-й классъ	Часы	III-й классъ	Часы	IV-й классъ	Часы
Законъ Божій	3	Законъ Божій	3	Законъ Божій	2	Законъ Божій	1
Чтеніе и практич. грамматика	4	Чтеніе и разборъ	4	Русскій языкъ	4	Русскій языкъ	3
Письмо и орѳографія	2	Чистописаніе и орѳографія	2	Повтореніе: ариѳмет. и Алгебра	4	Алгебра и Геометрія	4
Именован. числа и дроби	4	Ариѳметика дроби	4	Естеств. и Геогр.	3	Естествовѣдѣніе	3
Нагляди. естествовѣд и перв. основ. географ., также наглядно	2	Естествовѣдѣніе и географія	3	Языки: французскій	5	Географія	2
Языки: французскій	4	Языки: французскій	4	нѣмецкій	5	Новые языки	3
нѣмецкій	4	нѣмецкій	4	Черченіе, рисованіе, различные реальные предметы, смотря по мѣстнымъ требованіямъ	3		3
						Исторія въ біограф. очеркахъ	3
						Реальные предметы	5
	23		24		26		27

удалось. Какъ разъ въ это время (въ 10 номерахъ газеты съ апрѣля 1863 г. по январь 1864 г.) Н. И. напечаталъ въ „Голосѣ“ Краевскаго четыре большія статьи изъ Гейдельберга по университетскому вопросу и было естественно искать статью „о воскресныхъ школахъ“ въ той же газетѣ. Однако, въ „Голосѣ“ ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ, за это время. Точно также не удалось розыскать этой статьи въ „Ж. Мин. Нар. Просвѣщ.“, „Морск. Сб.“ и „Петерб. Вѣд.“ за данный періодъ.

Статья „О воскресныхъ школахъ“ перепечатывается здѣсь по тексту посмертнаго изданія статей Пирогова.

Въ „Журн. М-ва внутреннихъ дѣлъ“ за февраль 1860 г., въ „Современной лѣтописи“ (стр. 25—6), въ статьѣ „Извѣстія внутреннія“, помѣщена слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ: „Воскресныя школы въ Кіевѣ“. Нѣкоторые изъ студентовъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ изъявили готовность, заняться безплатнымъ элементарнымъ обученіемъ дѣтей рабочаго класса мужского пола; Профессоръ того же Университета Павловъ, съ своей

3) Для реальныхъ училищъ.

V-й классъ	Часы	VI-й классъ	Часы	VII-й классъ	Часы
Законъ Божій	1	Законъ Божій	1	Законъ Божій	1
Русскій языкъ	2	Русскій языкъ	2	Русскій языкъ	2
Алгебра и Геометрія	5	Математика и Физика	6	Математика и Физика	7
Естествовѣдѣніе	3	Естествовѣдѣніе	2	Географія	2
Географія	3	Географія	2	Естествовѣдѣніе	2
Исторія	2	Исторія	2	Исторія	2
Языки:		Новые языки	3	Новые языки	3
Французскій	3		3		3
Нѣмецкій	3	Реальные предметы	6	Реальные предметы	6
Реальные предметы	5				
	27		27		28

4) Для классическихъ прогимназій.

I-й классъ	Часы	II-й классъ	Часы	III-й классъ	Часы	IV-й классъ	Часы
Законъ Божій	3	Законъ Божій	3	Законъ Божій	2	Законъ Божій	1
Чтеніе	4	Русскій языкъ	5	Русскій языкъ	4	Русскій языхъ	3
Ариѳметика	4	Ариѳметика	4	Метематика	4	Математика	4
Чистописаніе и орѳографія	3	Чистописаніе	2	Одинъ изъ новѣйшихъ языковъ	4	Латинскій яз.	5
Одинъ изъ новѣйшихъ языковъ	5	Одинъ изъ новѣйшихъ языковъ	5	Латинскій языкъ	6	Греческій яз.	6
Наглядн. ученіе: первоначальная географія и Естествовѣдѣніе	3	Историч. очерки	2	Историческіе и географическіе очерки	3	Исторія	3
		Наглядное Естествовѣдѣніе и Географія	3	Естествовѣдѣніе	3	Одинъ новѣйшій языкъ	4
	22		24		26		26

5) Для классическихъ гимназій.

V-й классъ	Часы	VI-й классъ	Часы	VII-й классъ	Часы
Законъ Божій	1	Законъ Божій	1	Законъ Божій	1
Русскій языкъ	3	Русскій языкъ	3	Русскій языкъ	4
Латинскій	5	Латинскій	5	Латинскій	4
Греческій	5	Греческій языкъ	5	Греческій языкъ	4
Новѣйшій языкъ	4	Новѣйшій языкъ и Сравнительн. Граммматика	5	Исторія	4
Математика	4	Исторія	4	Математика	4
Исторія	3	Географія	2	Географія	2
Географія	2	Математика (Во второй годъ Математика 4 ч., новый языкъ 4 ч.).	3	Новый языкъ и Сравнительн. Грамматика	5
	27		28		28

стороны, обѣщалъ содѣйствовать этимъ молодымъ людямъ въ педагогическомъ отношеніи, а Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа разрѣшилъ привести въ исполненіе это общеполезное и безкорыстное предпріятіе.

Обученіе производится въ зданіяхъ Кіево-Подольскаго дворянскаго и Кіевскаго уѣзднаго училищъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, съ 10 часовъ утра до 2 пополудни, при участіи и подъ наблюденіемъ Профессора Павлова и Штатныхъ смотрителей помянутыхъ училищъ. Занимаются этимъ обученіемъ, кромѣ двухъ преподавателей закона Божія, 36 студентовъ (20 въ первомъ и 16 во второмъ училищѣ) не поочередно, а всѣ въ одно время, каждый съ извѣстнымъ числомъ учениковъ; только законъ Божій слушаютъ всѣ ученики вмѣстѣ.

Въ школахъ этихъ, называемыхъ воскресными, преподаются законъ Божій, Русская и Славянская грамматики, русское письмо и ариѳметика. Законоучитель, познакомивъ учащихся съ важнѣйшими молитвами, обращаетъ особое вниманіе на нравственное значеніе Христіанскаго ученія. Исторія церкви, ветхаго и новаго завѣта преподаются преимущественно съ нравственной точки зрѣнія; изъ разсказовъ выводятся нравственные уроки; съ этой цѣлью обращается особое вниманіе на жизнь Спасителя и важнѣйшихъ сподвижниковъ Христіанства. Догматическая сторона Христіанскаго ученія будетъ развита въ объясненіи символа вѣры, молитвы Господней, девяти Евангельскихъ блаженствъ и десяти заповѣдей. Обученіе Русской грамматикѣ производится по методѣ Золотова. При обученіи ариѳметикѣ, преимущественно имѣется въ виду сообщать ученикамъ практическій навыкъ, дѣлать первыя четыре дѣйствія съ нихъ повѣрками, какъ цѣлыхъ, такъ и по возможности и дробныхъ чиселъ. Тѣ ученики, для коихъ это будетъ особенно полезно, познакомлены будутъ съ правилами тройнымъ, учета векселей, товарищества и смѣшенія. Учебныя пособія,—книги, аспидныя доски, грифели и т. п. доставляются учащимся даромъ, на счетъ пожертвованій лицъ, сочувствующихъ этому благому дѣлу.

Въ послѣднее время, содержательница одного женскаго пансіона и классныя дамы ея изъявили желаніе открыть, по примѣру воскресныхъ мужскихъ школъ, такую-же женскую, вслѣдствіе чего Попечитель Учебнаго Округа поручилъ Директору 2-й Кіевской гимназіи отвести для этой школы помѣщеніе въ зданіи гимназіи".

См. также книгу Я. В. Абрамова „Наши воскресныя школы, ихъ прошлое и настоящее". Спб., 1900.

К ъ с т р а н и ц ѣ 291.

40) Ц и р к у л я р ы п о о д е с с к о м у у ч е б н о м у о к р у г у издавались Н. И. Пироговымъ въ рукописномъ видѣ. Только одинъ небольшой отрывокъ былъ опубликованъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" Остальные-же сообщались немногочисленнымъ тогда гимназіямъ округа въ копіяхъ съ оригинала, остававшагося при дѣлахъ канцеляріи округа. Въ различныхъ историческихъ очеркахъ учебныхъ заведеній одесскаго округа нѣкоторые циркуляры незабвеннаго попечителя приводятся авторами этихъ очерковъ цѣликомъ или въ отрывкахъ. Тамъ, гдѣ они приведены цѣликомъ, циркуляры были извлечены для текста настоящаго тома, отрывки-же приводятся въ примѣчаніяхъ. Изъ архива попечителя одесскаго учебнаго округа былъ извлеченъ только одинъ обширный циркуляръ Н. И. Пирогова общепедагогическаго содержанія (см. слѣд. примѣчаніе), но, судя по реестровымъ книгамъ канцеляріи округа за 1856—8 годы, тамъ хранилось еще нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ произведеній знаменитаго гуманиста. Къ сожалѣнію, не удалось отыскать „дѣлъ", въ которыхъ, согласно реестромъ, были пришиты рукописи Пирогова.

Существеннымъ дополненіемъ къ Циркулярамъ Н. И. Пирогова служатъ нѣкоторыя выдержки изъ Всеподданнѣйшихъ отчетовъ за 1856 и 1857 г.г., напечатанныхъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія".

Въ отчетѣ за 1856 г. говорится: „Д. с. с. Пироговъ, обративъ вниманіе на положеніе преподавателей, убѣдился, что, при господствующей въ Одессѣ дороговизнѣ, существованіе большей части изъ нихъ рѣшительно не обезпечено, и потому ходатайствовалъ о дозволеніи имъ держать пансіонеровъ и давать частные уроки въ лицеѣ, при отвѣтственности съ его стороны" (Ж. М. Н. Просв.", іюль 1857 г.).

Въ отчетѣ за 1857 г. министръ говоритъ о переходѣ Ришельевскаго лицея въ новое зданіе и приводитъ весьма характерныя для Н. И. черты изъ его административной дѣятельности. При вступленіи Пирогова въ должность, лицей переходилъ въ новое зданіе и уже составлена была смѣта на обзаведеніе лицея новой мебелью. Эта смѣта простиралась до весьма значительной суммы 25.467 р. Нашедъ учебныя пособія лицея весьма скудными, попечитель полагалъ, что лучшимъ украшеніемъ новаго лицея будетъ служить не новая роскошная мебель, а обогащеніе библіотеки и музеевъ пріобрѣтеніемъ новыхъ сочиненій, періодическихъ изданій, физическихъ и химическихъ инструментовъ. Съ разрѣшенія министерства, болѣе половины этой суммы было обращено на учебныя пособія.

Въ отчетѣ за 1857 г. самое большое мѣсто удѣляется одесскому округу и его попечителю-реформатору. Весьма сочувственно говорится о введенныхъ Пироговымъ въ одесскихъ гимназіяхъ реформахъ. Чтобы возбудить ревность къ изу-

ченію отечественнаго слова и доставить больше упражненія самостоятельной дѣятельности учащихся, введены при лицейской гимназіи литературныя бесѣды (курсивъ въ отчетѣ), которыя, по словамъ министра, идутъ успѣшно. Попечитель предложилъ профессору Орбинскому открыть практическій курсъ педагогики и обязалъ всѣхъ учителей одесскихъ учебныхъ заведеній присутствовать на этихъ лекціяхъ.

„Съ цѣлью возбудить,—говоритъ далѣе министръ—по поводу учрежденія Н. И. Пироговымъ „циркуляровъ по округу", —во всѣхъ дирекціяхъ соревнованіе и сколько возможно гармоническое дѣйствіе на пользу учащихся, попечитель, по обозрѣніи округа, нашелъ полезнымъ сообщать каждой изъ нихъ циркулярно сдѣланныя имъ замѣчанія по всѣмъ дирекціямъ и по всѣмъ частямъ ихъ дѣйствій, для прочтенія въ полномъ засѣданіи педагогическаго совѣта".

„Для устраненія, по возможности, недостатковъ уѣздныхъ училищъ попечитель заботился о введеніи двухъ мѣръ: нагляднаго обученія и необязательнаго чтенія въ неклассные часы для желающихъ. „Эта мѣра,—говоритъ министръ,—будетъ способствовать развитію наблюдательности, мышленія и отчетливости у дѣтей. Попечитель предложилъ всѣмъ дирекціямъ озаботиться запастись средствами ввести наглядное обученіе вездѣ". Отчетъ констатируетъ, что въ другихъ округахъ не видно такой реформаторской дѣятельности, какъ въ Одессѣ. (См. „Ж. М. Нар. Просв.", 1858 г., часть 98, апрѣль—іюнь).

Въ книгѣ „Кишиневская областная, впослѣдствіи губернская, нынѣ 1 я гимназія", изданной въ 1908 г. по поводу 75-лѣтія существованія этого учебнаго заведенія, приводится довольно подробный перечень распоряженій и нововведеній Н. И. Пирогова по одесскому округу. Въ виду того, что не всѣ циркуляры знаменитаго педагога опубликованы, приходится ограничиться конспектомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, приведенныхъ въ названной книгѣ.

„Въ 1857 г. Пироговъ подтвердилъ: „чтобы каникулы лѣтнія начинались одновременно вездѣ; чтобы учителя занимались не съ однимъ ученикомъ, а всѣмъ классомъ, и тетради и книги были закрыты.

Н. И. Пироговъ запретилъ наказывать розгами учениковъ въ присутствіи другихъ учениковъ, находя это безнравственнымъ. Это-же повторено и въ 1859 году; онъ предложилъ назначить на должность надзирателей въ пансіонѣ по преимуществу учителей иностранныхъ языковъ; для практики пансіонеровъ въ новыхъ языкахъ назначены репетиторами по французскому и нѣмецкому языкамъ учителя гимназіи по этимъ предметамъ.

Чтобы поднять преподавателей въ умственномъ и моральномъ отношеніи Пироговъ усиленно рекомендовалъ имъ заниматься научными и литературными трудами. Въ 1856 г. онъ предложилъ собирать историко-статистическія свѣдѣнія о краѣ и печатать въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", обнадеживъ, что полезные труды не останутся затерянными для науки, а авторовъ сдѣлаютъ извѣстными начальству.

Въ 1857 г. Пироговъ отъ имени м-ва предлагалъ преподавателямъ писать статьи для французскаго журнала „Le Nord", чтобы правильно освѣтить для заграничной читающей публики явленія русской жизни. Изъ корпораціи на эти призывы никто не отозвался. Это побудило Пирогова въ 1857 г. запросить гимназіи, почему никто изъ преподавателей не занимается литературными трудами? Всѣ отозвались отсутствіемъ времени.

Въ 1857 г. Пироговъ, въ цѣляхъ поднять успѣхи въ занятіяхъ учениковъ гимназій, распорядился: 1) удовлетворительную отмѣтку получаютъ тѣ ученики, которые постоянно занимаются предметомъ и знаютъ существенное и необходимое; 2) по новымъ языкамъ незнаніе главныхъ основаній языка, въ той мѣрѣ, въ какой требуется въ извѣстномъ классѣ, лишаетъ ученика права на удовлетворительную отмѣтку; 3) такъ какъ по правиламъ при переводѣ ученика обращается вниманіе на общій результатъ отмѣтокъ годичныхъ и экзаменныхъ, который не долженъ быть менѣе 3, а по отдѣльнымъ предметамъ могутъ быть и 2, то для устраненія этого неудобства, наполняющаго классы гимназіи учениками весьма слабо знающими нѣкоторые предметы, а особенно языки; впредь съ неудовлетворительною отмѣткою по какому-бы то ни было предмету не переводить; 4) чтобы устранить распространенное между учениками расчисленіе своихъ успѣховъ по отмѣткамъ, строго наблюдать, чтобы отмѣтки были тщательно скрываемы и оставались между преподавателями канцелярскою тайною. Преподаватель записываетъ въ журналъ отмѣтку такъ, чтобы никто ихъ не могъ примѣтить: то-же дѣлаютъ и на экзаменахъ. Классные журналы должны храниться у инспектора, къ которому преподаватели еженедѣльно заходятъ для выставленія отмѣтокъ и каждый разъ сообщаютъ инспектору о лѣнивыхъ ученикахъ, чтобы тотчасъ были приняты мѣры къ ихъ исправленію. На экзаменахъ отмѣтки выставляются по уходѣ изъ классовъ всѣхъ учениковъ; 5) существующій порядокъ ежемѣсячной отсылки родителямъ отмѣтокъ учениковъ отмѣнить, а ограничиваться только общимъ отзывомъ объ удовлетворительности успѣховъ; что-же касается до чтенія отмѣтокъ въ общемъ собраніи всѣхъ учениковъ, то на будущее время читать только общую среднюю отмѣтку.

Этимъ-же распоряженіемъ Пирогова

устраненъ прежній порядокъ дѣленія предметовъ на главные и второстепенные, при чемъ по второстепеннымъ не вполнѣ удовлетворительная отмѣтка не лишала ученика права на переводъ въ высшій классъ.

Въ 1858 г. Пироговъ приказалъ вмѣсто маршировки и военной выправки ввести преподаваніе гимнастики. Для этого приглашенъ былъ опытный учитель иностранецъ Баронекъ.

Въ дѣлѣ Архива Новороссійскаго ген.-губернатора № 298 за 1858 г., нѣсколько неправильно озаглавленномъ: „О дозволеніи принимать въ пансіонъ гимназіи при Ришельевскомъ лицеѣ дѣтей не только дворянъ, но и купцовъ I II гильдіи", имѣется отношеніе Н. И. Пирогова (отъ 28 апрѣля 1858 г., № 1110) къ графу А. Г. Строганову. Знаменитый гуманистъ сообщаетъ, что въ пансіоны при гимназіяхъ принимаются дѣти дворянъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ I и II гильдіи, но циркуляромъ министра нар. просвѣщенія отъ 19 сентября 1849 г. воспрещено принимать туда дѣтей иностранцевъ. Указывая на то, что иностранцы— люди просвѣщенные и приносять городу пользу, попечитель заявляетъ, что онъ намѣренъ ходатайствовать о допущеніи въ пансіоны дѣтей иностранцевъ, и спрашиваетъ, не встрѣчается-ли къ этому препятствій со стороны ген.-губернатора. Графъ Строгановъ отвѣтилъ, что препятствій съ его стороны не встрѣчается.

Въ „Историческомъ очеркѣ одесскаго коммерческаго училища за 1872—1887 г." (Одесса, 1887 г.) находимъ интересныя данныя объ отношеніи Н. И. Пирогова къ спеціальному образованію. Приводимый отрывокъ имѣетъ близкое отношеніе къ статьѣ „Вопросы жизни". Проектъ устава училищъ, выработанный въ 1856 г. былъ предложенъ на разсмотрѣніе попечителя округа Н. И. Пирогова. „По приглашенію г. попечителя, коммиссія въ полномъ составѣ явилась къ нему 29 апрѣля, 1858 г. для совмѣстнаго обсужденія вопроса. Г. попечитель, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ ген.-губернатора, что учебная часть училища должна быть подчинена попечителю округа, предложилъ свое мнѣніе, которое и занесено въ протоколъ засѣданій коммиссіи въ слѣдующихъ словахъ: „въ видахъ будущаго не только образованія, но и самой участи юношества изъ купеческаго или другого званія, которое захочетъ посвятить себя изученію коммерческихъ наукъ, первымъ условіемъ должно быть то, чтобы дѣти поступали въ училище не въ раннемъ, такъ сказать, безотвѣтномъ возрастѣ, а напротивъ, съ сознаніемъ спеціальной цѣли, къ которой училище будетъ приготовлять юношество". Мнѣніе этого знаменитаго русскаго ученаго и педагога существенно измѣняло выработанный проектъ устава и оказало большое вліяніе на судьбу училища: принимать учениковъ въ возрастѣ, въ которомъ-бы они сознавали свое призваніе, значило уничтожить низшіе классы училища".

Такъ и было сдѣлано. Вмѣсто 8 или 6-лѣтняго курса, какъ предполагалось въ проектѣ, былъ назначенъ курсъ 4-хъ лѣтній, спеціально коммерческій. Въ низшій классъ училища принимались ученики съ свидѣтельствомъ объ успѣшномъ окончаніи первыхъ четырехъ классовъ гимназіи, или-же обнаруживавшіе на пріемномъ экзаменѣ твердое знаніе этого курса. Проектъ устава былъ разсмотрѣнъ затѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія и возвращенъ съ нѣкоторыми замѣчаніями".

Къ страницѣ 291.

41) „Циркулярное предложеніе гг. директорамъ училищъ одесскаго учебнаго округа" разослано Н. И. Пироговымъ 11 ноября 1857 г. за № 3168 и въ подлинникѣ хранится въ канцеляріи попечителя одесскаго округа при дѣлѣ № 30 за 1857 годъ. Здѣсь оно перепечатывается изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія" (№ 8, ноябрь, 1906 г.), гдѣ было опубликовано—со вступительной замѣткой автора настоящихъ примѣчаній—къ 25-лѣтію со дня смерти Н. И. Пирогова.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Одессу, въ мартѣ 1857 г. новый попечитель обратился къ одесскому градоначальнику съ просьбою выдать ему подорожную, такъ какъ онъ отправляется для осмотра учебныхъ заведеній округа. Черезъ нѣкоторое время попечитель возвратился въ Одессу и 28 іюля вновь выѣхалъ въ округъ, пробывъ въ отъѣздѣ до 28 августа. 10 октября Н. И. опять выѣхалъ для осмотра учебныхъ заведеній округа и находился въ поѣздкѣ 3 недѣли. Изъ отмѣтокъ на подорожныхъ (извлечено изъ „дѣла" № 30) видно, что Пироговъ посѣтилъ всякій даже незначительный городъ округа и вездѣ останавливался на время для ознакомленія съ состояніемъ училищъ и постановкой учебнаго дѣла. Послѣдній свой объѣздъ Н. И. Пироговъ закончилъ 1 ноября 1857 г., а 11 ноября онъ уже разослалъ дирекціямъ округа свое „циркулярное предложеніе".

Разсылая „циркулярное предложеніе", Пироговъ (въ препроводительной бумагѣ) просилъ завѣдующихъ дирекціями, „чтобы циркуляръ этотъ былъ прочтенъ въ полномъ засѣданіи педагогическихъ совѣтовъ, какъ гимназій, такъ и уѣздныхъ училищъ и чтобы затѣмъ сдѣлано было соображеніе объ устраненіи замѣченныхъ мною недостатковъ". („Дѣло" канцеляріи округа № 30 за 1857 годъ).

Замѣчанія и „сердечныя указанія" Н. И. Пирогова не прошли безслѣдно для педагогическаго персонала края. Извѣстный впослѣдствіи попечитель кавказскаго учебнаго округа, тогда директоръ кишиневской гимназіи, К. П. Яновскій писалъ въ 1865 г., въ № 3 „Циркуляровъ по одесскому округу" (когда они уже издавались въ

печатномъ видѣ): „Педагогическая литература послѣднихъ 6—7 лѣтъ и особенно нашъ незабвенный попечитель Н. И. Пироговъ возбудили въ насъ дѣятельность педагогическаго анализа и заставили насъ, хотя и не всѣхъ, смотрѣть на воспитаніе, какъ на дѣло великой важности, требующее самаго серьезнаго вниманія".

„Окончательный ударъ, говоритъ Яновскій въ другомъ мѣстѣ этой же статьи, по крайней мѣрѣ въ нашей гимназіи былъ нанесенъ ей (рѣчь идетъ о системѣ зубренія) Пироговымъ въ 1857 г.: одинъ изъ пожилыхъ учителей гимназіи не въ состояніи былъ разстаться съ методой зубренія; Пироговъ замѣтилъ на экзаменахъ недостаточные результаты этой методы и въ своемъ циркулярѣ сдѣлалъ объ его преподаваніи неблагопріятный отзывъ, послѣ котораго нашъ педагогъ заблагоразсудилъ оставить учебное поприще"..

Говоря въ той же статьѣ о вліяніи, которое оказали на провинціальныхъ педагоговъ знаменитые „Вопросы Жизни", Яновскій пишетъ: „Появились знаменитые „Вопросы Жизни" Пирогова, а за ними и вся наша литература стала поднимать одинъ за другимъ разные педагогическіе вопросы. Этотъ добрый починъ заставилъ насъ, педагоговъ, призадуматься надъ собою, надъ потребностью самообразованія, и въ этотъ-то періодъ нашего раздумья былъ назначенъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа Н. И. Пироговъ.

Дѣятельность Пирогова была направлена къ тому, чтобы пробудить въ воспитателяхъ и учащихъ, а также и въ учащихся то разумное сознаніе своихъ обязанностей, безъ котораго развитіе учебнаго заведенія не мыслимо. Онъ дѣйствовалъ съ этою цѣлью не только оффиціальными распоряженіями, бесѣдами, но и литературными статьями, появлявлявшимися время отъ времени въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" по поводу педагогическихъ фактовъ, требовавшихъ обстоятельныхъ обсужденій и необходимыхъ для принятія къ свѣдѣнію разными учебными заведеніями"...

„Изъ оффиціальныхъ его распоряженій", говоритъ далѣе К. П. Яновскій въ своей статьѣ,—слѣдуетъ упомянуть: 1) о переводѣ въ высшіе классы только тѣхъ учениковъ, которые по всѣмъ предметамъ получили удовлетворительную отмѣтку и и 2) о вмѣненіи въ обязанность педагогическимъ совѣтамъ подвергать обсужденію методы и пріемы преподаванія, употребляемые каждымъ изъ учителей, а также воспитательныя мѣры заведенія, съ условіемъ, чтобы протоколы засѣданій по поводу обсужденія такихъ предметовъ были представляемы попечителю на разсмотрѣніе. Описанія лучшихъ методовъ преподаванія были печатаемы въ „Одесскомъ Вѣстникѣ"... Эта мѣра Пирогова имѣла огромное вліяніе на возбужденіе педагогической и воспитательной дѣятельности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа. Къ несчастью, вскорѣ послѣ введенія ея Николай Ивановичъ былъ переведенъ въ кіевскій округъ, а затѣмъ и самая мѣра его мало-по-малу была оставлена"...

Цитируя изъ „циркуляра" **Н. И. Пирогова** нѣсколько строкъ, относящихся къ кишиневской гимназіи, К. П. говоритъ: „Ревизія кишиневской гимназіи, произведенная Пироговымъ, также не осталась безъ вліянія на ея дальнѣйшее развитіе. Онъ не только сумѣлъ поднять относительное достоинство преподавателей и успѣховъ различныхъ классовъ, но что самое главное, манерой экзамена, которую онъ употреблялъ, показалъ на дѣлѣ многимъ изъ тогдашнихъ преподавателей истинный способъ, какимъ преподаватель долженъ пользоваться для того, чтобы въ одно время имѣть цѣлый классъ занятымъ"...

Къ страницѣ 304.

42) Циркуляръ „О тѣлесныхъ наказаніяхъ" перепечатывается по книгѣ В. А. Добротворскаго „50-лѣтіе одесской 2-й гимназіи" (Од. 1898, стр. 26). Въ предшествующихъ этому циркуляру строкахъ авторъ книги пишетъ: „Часть воспитательная въ гимназіяхъ была предметомъ не меньшаго попеченія великаго педагога. Онъ первый обратилъ вниманіе на количество, качество и способы приведенія въ исполненіе наказаній. Характеренъ въ этомъ отношеніи циркуляръ его отъ 22 февраля 1858 г. (601 №), который привожу цѣликомъ". См. также статью „Нужно-ли сѣчь дѣтей..." и примѣчанія къ ней. Подзаголовки ко всѣмъ одесскимъ (кромѣ перваго) и кіевскимъ „циркулярамъ" сдѣланы нами соотвѣтственно содержанію замѣтокъ.

Къ страницѣ 304.

43) Циркуляръ „О методахъ преподаванія" перепечатывается изъ той же книги г. Добротворскаго, что и предшествующая замѣтка (стр. 25—26). Этому циркуляру авторъ предпосылаетъ слѣд. строки: „Программы предметовъ того времени, преподаваемыхъ въ гимназіи, указывали только учебный матеріалъ, который долженъ былъ быть пройденъ въ томъ или другомъ классѣ, не будучи снабжены никакими объяснительными записками, указывающими на дидактическіе пріемы, которыхъ должны были держаться преподаватели. Отсутствіе какой бы то ни было регламентаціи преподаванія давало полный просторъ и свободу преподавателямъ въ примѣненіи того или другого метода преподаванія. Несовершенство этихъ методовъ во многихъ случаяхъ, происходящее отъ различныхъ причинъ, вызвало со стороны попечителя одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогова, циркулярное предложеніе отъ 20 января 1858 г. съ выраженіемъ желанія, чтобы члены педагогическихъ совѣтовъ почаще соби-

рались для обсужденія и изложенія тѣхъ способовъ, которымъ они слѣдуютъ при преподаваніи предметовъ, представляя на судъ совѣта наглядные примѣры и результаты своихъ дѣйствій".

Къ сожалѣнію, г. Добротворскій не приводитъ Циркуляра отъ 20 января 1858 г., но онъ пишетъ, что циркуляръ отъ 13-го марта того-же года (къ которому относится настоящее примѣчаніе) служитъ поясненіемъ предыдущаго.

Къ страницѣ 305.

44) Эта замѣтка развиваетъ и дополняетъ предыдущій циркуляръ. Здѣсь она перепечатывается изъ № 62 „Одесскаго Вѣстника" отъ 5 іюня 1858 г. Разница въ текстѣ обѣихъ замѣтокъ настолько значительна, что перепечатаніе ея необходимо въ интересахъ полноты выраженія педагогически-практической мысли Н. И. Пирогова. Курсивъ сохраненъ по тексту „Од. В.". Непосредственно за этимъ циркуляромъ въ „Од. В." слѣдовали обширныя выдержки изъ протоколовъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ различныхъ гимназій. Здѣсь говорится, что совѣты гимназій обсуждали способы и методы преподаванія по разнымъ предметамъ „во исполненіе предписанія г. попечителя од. учебнаго округа отъ 13 марта 1858 г." („Од. В." 1858 г., № 62). Изъ этого и изъ самаго текста циркуляра отъ 5 іюня видно, что онъ изданъ въ развитіе и разъясненіе мыслей изложенныхъ въ циркулярѣ отъ 13 марта. Уже будучи попечителемъ кіевск. уч. округа, Н. И. продолжалъ вліять на ходъ дѣлъ въ Одесскомъ округѣ: „Распоряженія Н. И. Пирогова отъ 11 ноября 1854 г. и затѣмъ отъ 20 января и 13 марта 1858 г. о ежемѣсячныхъ собраніяхъ преподавателей для изложенія и обсужденія тѣхъ методовъ, которымъ они слѣдуютъ, и для представленія ему ежемѣсячныхъ свѣдѣній о результатахъ ихъ, отмѣненныя затѣмъ Н. Р. Ребиндеромъ (предложеніемъ отъ 22 октября 1858 г.), возобновляются предложеніемъ М. М. Могилянскаго отъ 2-го сентября 1859 г. за № 1967, вступившаго въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа",—говоритъ В. А. Добротворскій. „Съ тѣхъ поръ (со времени предложенія попечителя Н. Р. Ребиндера, отъ 22 октября 1858 г.) въ управленіе учебнаго округа ни отъ одной изъ дирекціи не доставлено никакихъ заключеній, касающихся учебной или нравственной части, что, при невозможности предполагать, чтобы въ жизни заведеній не возникало случаевъ, достойныхъ обсужденія педагогическихъ совѣтовъ, заставляетъ думать, что начальство заведеній не обращало на нихъ вниманія совѣтовъ, —писалъ М. М. Могилянскій. Такой ходъ дѣла я приписываю тому, что прекрасная мысль Н. И. Пирогова, не была ясно понята. Нынѣ, когда циркуляръ, печатаемый въ управленіи кіевскаго уч. округа, я надѣюсь, читается во всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ одесскаго округа, яснѣе видны мысль и предметъ требованія Н. И. Пирогова, изложенныя въ предписаніяхъ отъ 11 ноября 1857 г. и 20 января 1858 г., я, дабы дать поводъ къ исполненію ихъ предлагаю вамъ"... „...Заключу искреннимъ желаніемъ, чтобы по примѣру кіевскаго учебнаго округа, имѣющаго во главѣ своей человѣка, котораго мысли могутъ служить для насъ авторитетомъ, и въ Одесскомъ округѣ еще болѣе обнаружилась бы дѣятельность мысли и движеніе къ усовершенствованію нашихъ заведеній": (50-лѣтіе Од. 2-й гимназіи, стр. 33—34).

Къ страницѣ 308.

45) Циркуляры по кіевскому учебному округу, издававшіеся до Н. И. Пирогова въ видѣ справочника о наградахъ и перемѣщеніяхъ, при знаменитомъ попечителѣ превратились въ живой педагогическій журналъ, въ которомъ помѣщались статьи Н. И. Пирогова и учителей округа.

Указомъ 18 іюля 1858 г. „Всемилостивѣйше повелѣно попечителю одесскаго учебнаго округа т. сов. Пирогову быть попечителемъ кіевскаго учебнаго округа", а попечитель кіевскаго—д. с. с. Н. Р. Ребиндеръ назначался въ Одессу. Изъ Одессы Н. И. выѣхалъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа.

За время пребыванія въ Кіевѣ Н. И. Пироговъ написалъ и опубликовалъ много статей и замѣтокъ, часть которыхъ была напечатана впервые въ „Циркулярахъ по округу". Отсюда нѣкоторыя замѣтки были перепечатаны въ видѣ отдѣльныхъ статей въ „Собраніи литературно-педагогическихъ статей" (Кіевъ, 1861 г.) и въ такомъ же видѣ были перепечатаны въ 2-хъ посмертныхъ изданіяхъ, за исключеніемъ статьи „Основныя начала правилъ о проступкахъ"... которая была присоединена въ изданіяхъ 1887 и 1900 годовъ къ „Циркулярамъ" подъ № 8-мъ. Остальные же „Циркуляры" въ прижизненныхъ изданіяхъ статей Пирогова не перепечатывались. Впервые только семь замѣтокъ изъ тѣхъ, что оставались невключенными въ кіевское „собраніе статей", были включены въ „собраніе сочиненій" 1887 г. (и 1900 г.) подъ общимъ названіемъ „Изъ циркуляровъ Н. И. Пирогова по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ" (съ присоединеніемъ „Основныхъ началъ въ видѣ № 8-го).

Эти 7 „Циркуляровъ" и перепечатываются здѣсь съ сохраненіемъ ихъ общаго заглавія и съ подзаголовками по существу содержанія замѣтокъ. Но этимъ не исчерпывается все содержаніе „циркуляровъ" Н. И. Пирогова въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, попытка ознакомиться съ изданіемъ „Циркуляровъ" того времени (печатнымъ, составляющимъ библіографическую рѣдкость) не могла осуществиться. Пришлось ограничиться тѣмъ, что удалось

найти въ журн. „Воспитаніе“ А. А. Чумикова, который перепечатывалъ у себя почти полностью все содержаніе „Циркуляровъ по кіевскому учебному округу“. Изъ этого журнала (намъ удалось достать только экземпляры за 1857, 1858 и 1860 годы) извлечена для наст. изданія замѣтка подъ назв. „О врачахъ-педагогахъ“. Въ статьѣ „Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній“ Н. И. Пироговъ упоминаетъ объ интересныхъ по темѣ циркулярахъ №№ 10 и 12 за 1860 г. И безъ этого упоминанія можно было предположить, что въ „Циркулярахъ“ имѣются нѣкоторыя замѣтки, существенно дополняющія изложеніе педагогическихъ взглядовъ Пирогова, какъ они выяснялись у него въ практикѣ попечителя округа. Матеріалъ можетъ имѣться и въ журналѣ „Воспитаніе“ за 1859 и 1861 годы.

Въ воспоминаніяхъ А. А. Чумикова объ его цензурныхъ мытарствахъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, когда онъ издавалъ педагогическій журналъ („Ж. для воспитанія“), имѣется слѣдующая интересная замѣтка, относящаяся къ циркуляру „Преподаваніе закона Божія“. Г. Чумиковъ разсказываетъ („Р. Стар.“ 1899 г., № 12, стр. 594—8), что онъ хотѣлъ перепечатать изъ циркуляровъ по кіевскому учебному округу статью Пирогова о преподаваніи закона Божія, но цензоръ Ив. Ал. Гончаровъ (авторъ „Обрыва“ и „Обломова“) опасался разрѣшить перепечатаніе циркуляра. Предсѣдатель цензурнаго комитета, попечитель петербургскаго учебнаго округа И. Д. Деляновъ раздѣлялъ опасенія Гончарова, но, когда увидѣлъ перепечатку статьи въ другомъ педагогическомъ журналѣ („Педагогическій Вѣстникъ“),—счелъ возможнымъ дать разрѣшеніе.

Въ дополненіе къ циркуляру „О наглядномъ обученіи“ приводимъ слѣдующую замѣтку изъ № 11 „Циркуляровъ“ по кіевскому округу за 1859 годъ, гдѣ она напечатана подъ заглавіемъ: „О пріобрѣтеніи пособій для нагляднаго обученія“.

„Недостаточность учебныхъ пособій для уѣздныхъ дворянскихъ училищъ сдѣлалась для насъ въ настоящее время до того очевидною, что обратила на себя вниманіе непосредственнаго высшаго начальства. Такъ г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа, посѣтивъ около 20-ти дворянскихъ и уѣздныхъ училищъ, нашелъ, изъ числа ихъ, только въ Теофипольскомъ училищѣ нѣсколько портретовъ съ превосходными гравюрами, картами и т. д., которыя когда то служили пособіемъ для преподаванія, потомъ нѣкоторое время были преданы забвенію и сдѣлались опять доступными преподавателямъ, послѣ назначенія новаго штатнаго смотрителя училищъ. Между тѣмъ нельзя не согласиться, что учебныя заведенія, въ особенности среднія и низшія, нуждаются въ такихъ учебныхъ пособіяхъ, которыя могли бы служить для нагляднаго обученія предметамъ преподаванія въ означенныхъ училищахъ. Г. попечитель прибавляетъ, что потребность въ пособіяхъ для нагляднаго обученія особенно ощущительна въ училищахъ западныхъ и заднѣпровскихъ губерній, потому что тамошніе ученики едва знакомы съ чистымъ русскимъ языкомъ по слуху. Большая часть дѣтей, особливо въ низшихъ классахъ, не умѣютъ еще ни читать хорошо по-русски, ни понимать ясно читанное и слышанное. Поэтому не мудрено, что многіе ученики, знающіе уже довольно порядочно механизмъ чтенія, не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ словъ и не имѣютъ яснаго понятія объ окружающихъ ихъ предметахъ. Для учениковъ мало еще развитыхъ и мало приготовленныхъ, наглядность составляетъ жизненное условіе образованія. Безъ нагляднаго обученія они достигнутъ не болѣе, какъ одного механическаго знанія грамоты, которое не только не разовьетъ ихъ и не приготовитъ къ воспріятію другихъ свѣдѣній, но еще напротивъ повредитъ тѣмъ, что пріучитъ ихъ также механически учиться и всему остальному. Итакъ, чтобы по возможности содѣйствовать развитію дѣтей, г. попечитель считаетъ нужнымъ снабдить всѣ школы округа преимущественно тѣми учебными пособіями, которыя необходимы для нагляднаго обученія. Пособія такого рода можно пріобрѣсти по преимуществу въ Германіи, гдѣ какъ извѣстно, онѣ введены во всѣхъ народныхъ школахъ и продаются по весьма дешевымъ цѣнамъ. Для такой цѣли всѣ дирекціи округа обязаны представить свѣдѣнія о денежныхъ средствахъ, назначающихся исключительно для пріобрѣтенія учебныхъ пособій. Послѣ чего и должна послѣдовать выписка изъ-за границы дешевыхъ изданій (картинъ, атласовъ, картъ и проч.) для нагляднаго обученія, а затѣмъ—переводъ съ нѣмецкаго объяснительнаго текста“.

Ко II отдѣлу.

Къ страницѣ. 329.

46) Статья „Чего мы желаемъ“—первая печатная работа Н. И. Пирогова, спеціально посвященная университетскому вопросу. Написана она въ 1858 г. въ Одессѣ и впервые напечатана въ „Новороссійскомъ литературномъ сборникѣ“, изданномъ бывшими редакторами „Одесскаго Вѣстника“, профессорами лицея А. М. Богдановскимъ и А. И. Георгіевскимъ, въ Одессѣ, въ 1859 г. Первая страница занята слѣдующими словами: „Посвящается его Превосходительству Господину попечителю Кіевскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику и кавалеру Николаю Ивановичу Пирогову“. Въ предисловіи къ сборнику редакторы его сообщали, что „сборникъ предназначался къ выходу въ свѣтъ еще въ прошломъ году“, но прекращеніе „на-

шей дѣятельности по изданію („Одес. Вѣсти."—о чемъ смотрѣть въ примѣчаніяхъ къ статьямъ Н. И. о печати) разстроило всѣ наши планы"—говорится далѣе. Не желая покинуть дѣло, сдѣлавшееся имъ любезнымъ, профессора рѣшили издавать ежемѣсячный жруналъ. Не получивъ разрѣшенія на журналъ, они выпустили „сборникъ", посвятивъ его „имени человѣка, на котораго съ гордостью можетъ смотрѣть вся Россія, и котораго двухъ-годичная дѣятельность въ званіи попечителя одесскаго учебнаго округа, обѣщала столько добра впереди нашему молодому, требующему еще большой разработки краю".

Отсюда статья „Чего мы желаемъ?" перепечатана въ кіевскомъ „собраніи литературно-педагогическихъ статей". Статья Н. И. дала толчекъ къ обсужденію университетскаго вопроса въ современныхъ ей изданіяхъ.

Къ страницѣ 380.

47). Статья „Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ" написана Н. И. Пироговымъ въ мартѣ 1861 г., когда въ обществѣ заговорили о необходимости университетской реформы. Въ „Собраніи литературно-педагогическихъ статей" (Кіевъ, 1861 г.) статья эта носитъ дату „мартъ, 1861 г." и въ такомъ-же видѣ перепечатывалась въ „собраніяхъ сочиненій". Къ сожалѣнію, не удалось установить, гдѣ эта статья была напечатана до кіевскаго „собранія статей" Н. И. Пирогова. Къ ней примыкаютъ по содержанію „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ" (см. ниже). Въ предисловіи къ сборникамъ „Замѣчаній" сообщено, что въ началѣ декабря 1861 г. учреждена была при министерствѣ коммиссія для пересмотра нынѣ дѣйствующихъ университетскихъ уставовъ и всѣхъ вообще положеній, до университетовъ относящихся, и затѣмъ для начертанія новаго общаго проекта устава россійскихъ университетовъ. Составленный коммиссіею проектъ устава, по докладу управляющаго министерствомъ, А. В. Головнина, препровожденъ былъ, для предварительнаго разсмотрѣнія, въ университетскіе совѣты и къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Полученныя замѣчанія и напечатаны въ упомянутомъ сборникѣ.

Хотя „Взглядъ на общій уставъ" и примыкаетъ къ „замѣчаніямъ", но, какъ отмѣтилъ еще Н. Х. Бунге (см. слѣд. примѣчаніе), между этими двумя статьями—„цѣлая бездна". Такимъ образомъ, „Замѣчанія" имѣютъ свой самостоятельный интересъ.

Къ страницѣ 404.

48) Статья „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ" перепечатывается изъ двухъ-томнаго оффиціальнаго изданія того-же названія, выпущеннаго министерствомъ народн. просвѣщенія въ 1862 г. (ч. I, стр. 1—21). Въ этомъ изданіи статья Н. И. занимаетъ первое мѣсто въ порядкѣ общаго расположенія статей. Впервые, однако, она была опубликована въ „Спб. Вѣдомостяхъ", №№ 75 и 76, отъ 5 и 6 апрѣля 1862 г., подъ тѣмъ-же заглавіемъ и со слѣд. примѣчаніемъ редакціи: „Замѣчанія эти печатаются по желанію самаго Ник. Ив. Пирогова, который признаетъ „для самаго дѣла полезнымъ узнать путемъ гласности всѣ возраженія, которыя будутъ на нихъ сдѣланы" (какъ сказано въ письмѣ его къ г. управляющему минвомъ нар. просвѣщ. изъ села Вишня, Подольской губ., отъ 12 марта 1862 г.)" Подъ статьей въ газетѣ имѣется подпись и дата —„членъ главнаго правленія училищъ Пироговъ. 10 марта, 1862 г. Село Вишня".

Опубликованныя предварительно въ „Спб. Вѣдомостяхъ", замѣчанія Пирогова вызвали цѣлый рядъ статей, какъ спеціально написанныхъ по поводу мнѣній Н. И., такъ и относящихся непосредственно къ уставу университетовъ. Послѣднія принадлежатъ лицамъ, которыя не получили отъ министерства проекта устава и могли судить о послѣднемъ только по замѣчаніямъ Н. И., что они и отмѣчали въ своихъ статьяхъ. Изъ статей, появившихся въ тогдашней повременной печати по поводу „замѣчаній" Н. И. Пирогова, перепечатаны въ упомянутомъ оффиціальномъ изданіи работы Н. Х. Бунге, „Русскаго профессора", Окт. Мильчевскаго, П. Л. Лаврова, протоіерея Добротворскаго (о взглядѣ Н. И. на преподаваніе богословія въ университетахъ) и доктора философіи Г. Цунка (часть II, стр. 131—155 и 443—466). Сужденія другихъ лицъ о взглядахъ Н. И. Пирогова имѣются въ оффиціальномъ изданіи „Журнала засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ" (Спб., 1862 г., №№ 1—12 и приложенія).

Къ страницѣ 430.

49) Статья „Университетскій вопросъ" впервые появилась въ 1863 году отдѣльной брошюрой подъ такимъ заглавіемъ: „Дополненіе къ замѣчаніямъ на проектъ общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ". Университетскій вопросъ Н. И. Пирогова. Спб., 1863 г.". На оборотѣ титульной страницы имѣется надпись: „напечатано по распоряженію мин-ства нар. просв.". Въ концѣ брошюры (стр. 1 — 85) имѣется дата: „22-го декабря н. с. 1862 года". Н. И. Пироговъ въ своей автобіографіи говоритъ, что книга эта не была пущена въ продажу. Въ посмертныхъ изданіяхъ (1887 и 1900 годовъ) „собранія сочиненія" Н. И. Пирогова „Университетскій уставъ" перепечатанъ полностью.

Къ напечатанной по распоряженію минства-же книгѣ „Университетскій уставъ

1863 г.“ приложена статья „По поводу новаго университетскаго устава“ (изъ журн. министва нар. просв., авг., 1863 г.). Въ этомъ оффиціальномъ освѣщеніи устава, который является лучшимъ изъ всѣхъ до и послѣ него существовавшихъ, читаемъ: „Изъ всѣхъ высказанныхъ по поводу проекта мнѣній, какъ русскими, такъ и иностранными педагогами, наибольшею извѣстностью и полностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшею глубиною и гуманностью взгляда отличается мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Николая Ивановича Пирогова (оно напечатано по распоряженію мін-ства нар. просвѣщенія, особенною брошюрою, подъ названіемъ: Дополненіе...). Едва-ли между педагогами найдется лицо, которое было-бы болѣе компетентно въ вопросѣ университетской реформы, чѣмъ нашъ знаменитый авторъ „Вопросовъ жизни“, которое-бы лучше его знало какъ достоинства, такъ и недостатки нашихъ университетовъ и въ научномъ, и въ административномъ отношеніи. Поэтому, мнѣніе Н. И. Пирогова, не смотря на нѣкоторую идельность его взгляда, въ которой онъ самъ отчасти сознается, заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія“ (стр. 34).

Къ страницѣ 534.

50) „Письма изъ Гейдельберга“, посвященныя университетскому вопросу, напечатаны Н. И. Пироговымъ въ газетѣ „Голосъ“ (А. А. Краевскаго) въ 1863—1864 г.г.

Указомъ отъ 13-го марта 1861 г. „попечитель кіевскаго учебнаго округа т. сов. Пироговъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ сей должности, съ оставленіемъ членомъ главнаго правленія училищъ“, а членъ совѣта Кавказск. намѣстника д. с. с. баронъ Николаи назначенъ былъ попечителемъ Кіевскаго округа. Н. И. Пироговъ выѣхалъ послѣ этого въ деревню (см. „Рѣчи“).

Ближайшій участникъ кружка реформаторовъ, къ которому принадлежалъ и Н. И. Пироговъ, м-ръ нар. просв. А. В. Головнинъ, сознавалъ, что знаменитаго ученаго невозможно отставить отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Черезъ годъ ошибка была исправлена. Въ правительственныхъ распоряженіяхъ отъ 17 марта 1862 г. читаемъ: „Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ нар. просвѣщ., Высочайше соизволилъ на командированіе члена главнаго правленія училищъ т. с. Пирогова за-границу на 4 года для исполненія разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части“ (Ж. М. Н. Просв., 1862 г., мартъ, стр. 54.).

Въ цитированной уже выше оффиціальной статьѣ по поводу устава 1863 г. говорится, что отсутствіе хорошо подготовленныхъ преподавателей университетовъ „заставило министерство нар. просв. употребить самыя энергическія мѣры съ цѣлью приготовить новыхъ дѣятелей науки для нашихъ университетовъ. Съ апрѣля прошлаго (1862) года мин-во начало командировать за-границу для приготовленія къ профессорской должности, наиболѣе даровитыхъ магистровъ и кандидатовъ нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Они отправлены большею частью на два года, занимаются при разныхъ иностранныхъ университетахъ, подъ руководствомъ нашего знаменитаго ученаго Н. И. Пирогова, и обязаны представлять періодически въ министерство подробные отчеты о своихъ занятіяхъ“ („Унив. уст. 1863 г. Спб. 1863, стр. 84—85).

Среди этихъ молодыхъ людей были такіе крупные, впослѣдствіи, представители своей науки, какъ А. А. Потебня, В. И. Ламанскій, Е. Ф. Фортунатовъ, В. И. Герье, Александръ Н. Веселовскій, А. А. Вериго, А. Я. Пассоверъ, Н. И. Таганцевъ, А. Б. Думашевскій, В. И. Сергѣевичъ, Н. О. Ковалевскій и мн. другіе. Ихъ отчеты печатались въ „Ж. М. Н. Просв.“ за 1862—1864 г.г. и почти во всѣхъ имѣются указанія на то, что Н. И. имѣлъ большое вліяніе на ходъ ихъ занятій, что онъ серьезно и внимательно относился къ своимъ обязанностямъ по направленію дѣятельности будущихъ русскихъ профессоровъ и педагоговъ.

„Письма изъ Гейдельберга“ первоначально были напечатаны въ слѣд. номерахъ „Голоса“: 1) письмо отъ 24 марта (5 апрѣля) 1863 г.—въ №№ 77 и 78, отъ 3 и 4 апрѣля; 2) письмо отъ 3 (15) октября 1863 г.—въ №№ 281, 282, 283, отъ 24—26 октября; 3) письмо отъ 13 (25) ноября 1863 г.—въ №№ 317, 318 и 319, отъ 29 и 30 ноября и 1 декабря 1863 г. и 4) письмо отъ 12 (24) янв. 1864 г., въ №№ 25 и 26 за январь 1864 г. Всѣ четыре письма были также отпечатаны отдѣльными оттисками (въ 8-ю долю листа, отъ 17 до 30 стр., съ помѣтками о разрѣшеніи цензуры и т. д.). Одно изъ нихъ (отъ 3 октября 1863 г.) было перепечатано въ декабрьской книгѣ „Ж. М. Н. Просв.“ за 1863 г., изъ другого (отъ 5 апрѣля 1863 г.) были сдѣланы извлеченія въ августовской книгѣ за тотъ-же годъ.

Въ посмертныхъ изданіяхъ (1887 и 1900 г.г.) сочиненій Н. И. Пирогова были перепечатаны только письма отъ 3 октября 1863 г. и отъ 12 января 1864 г., не смотря на то, что всѣ они объединены общностью содержанія и являются продолженіемъ одно другого (на что имѣются даже указанія въ текстѣ писемъ). Въ этихъ-же изданіяхъ упомянутыя два письма имѣютъ заглавіе „По поводу занятій русскихъ ученыхъ за-границей“, какъ они озаглавлены и въ газетѣ. Другія, не включенныя въ предшествующія изданія, два письма имѣютъ въ газетѣ заглавіе „Изъ Гейдельберга“.

Къ статьѣ „Письма изъ Гейдельберга“ относится также письмо Н. И. Пирогова къ попечителю од. уч. округа А. А. Арцимовичу. Оно перепечатывается изъ книги

проф. А. И. Маркевича „25-ти-лѣтіе Императорскаго Новороссійскаго Университета“, Од. 1890 г.“, а имъ извлечено изъ архива попечителя од. уч. округа.

Излагая ходъ подготовительныхъ работъ по открытію Новороссійскаго Университета (1 мая 1865 г.), проф. Маркевичъ пишетъ: „Еще весною 1863 г. (12 апрѣля) получилъ Арцимовичъ отвѣтъ изъ Гейдельберга отъ Пирогова на письмо отъ 23 января. Приводимъ его (подлинникъ въ архивѣ попечителя въ университ. дѣлѣ 1856—1864 г.) въ виду заключающихся въ немъ отзывовъ о лицахъ, въ то время готовившихся за-границею къ профессорству“ (стр. 111—113).

Письмо Н. И. Пирогова къ А. А. Арцимовичу.

„На письмо Ваше отъ 23 января я не могъ отвѣчать до сихъ поръ, потому что оно получено во время моей отлучки изъ Гейдельберга. Только на-дняхъ я возвратился и спѣшу увѣдомить Васъ, что прежде 1½ года Вы не можете разсчитывать ни на одного изъ посланныхъ заграницу отъ Министерства и отъ университетовъ. По истеченіи этого времени изъ нихъ, безъ сомнѣнія, найдется много охотниковъ, и Вамъ не худо-бы было завербовать желающихъ какъ можно ранѣе, чрезъ сношеніе съ ними, Министерствомъ и со мною, для чего и предлагаю съ охотою мои услуги. Вѣроятно, многіе изъ бывшихъ профессоровъ Лицея останутся и послѣ, когда онъ сдѣлается Университетомъ, поэтому мнѣ нужно было-бы знать, на какія именно каѳедры ищете Вы профессоровъ; тогда я могъ-бы заблаговременно предложить нѣкоторымъ изъ посланныхъ за-границу. Теперь-же намекну Вамъ только о нѣкоторыхъ, а именно: по юридическому факультету о Пассауэрѣ *) (учился въ Од. гимназіи), изъ евреевъ, отличныя способности, кандидатъ Московскаго Университета, государственное право; Власьевъ и Сергѣевичъ (изъ Моск. университ., уголовное и гражданское судопроизводство). По математическому врядъ-ли кто захочетъ въ Одессу: почти всѣ изъ Петербурга. Есть по чистой математикѣ весьма дѣльный Бесель, если-бы захотѣлъ, то можно имѣть его въ виду. Химиковъ довольно; я думаю, нѣкоторые согласятся охотно; но большая часть занимается органической химіей преимущественно; есть одинъ отличный, лаборантъ Моск. университ., Семеновъ и еще Алексѣевъ изъ Петербурга; но, чтобы имѣть у себя дѣльнаго химика, нужно Вамъ позаботиться заблаговременно о порядочной лабораторіи: Ваша лицейская никуда не годится. На физиковъ немного разсчитывайте—ихъ нѣтъ, а если-бы могли пріобрѣсти Петрушевскаго, учителя въ 1-й Кіевской гимназіи, то были-бы въ большомъ выигрышѣ. По исторіи естественной есть весьма дѣльный Паульсонъ, но изъ Петербурга и его вѣрно не отпустятъ. Есть еще два: Степановъ и Головкинскій (Паульсонъ и Степановъ по зоологіи и сравнительной анатоміи, Головкинскій—по геогнозіи и минералогіи). По историко-филологическому факультету, по древнимъ языкамъ весьма дѣльный Іонинъ, онъ-же слабъ здоровьемъ, ему-бы въ Одессѣ было хорошо. Три другихъ: Новоселовъ, Модестовъ и Чистяковъ изъ Петербурга врядъ-ли согласятся. По исторіи лучшіе имѣютъ въ виду также Петербургъ, Москву и Кіевъ; но у Васъ для этого предмета есть свой Георгіевскій, который могъ-бы отправиться за-границу—въ Берлинъ, Вѣну и Гейдельбергъ (къ Дройзену, Моммзену, Зибелю и Гейссеру); по словесности и исторіи литературы есть также довольно, можете имѣть въ виду Веселовскаго и Михайлова (коихъ хорошо не знаю); по философіи—Фортунатова, дѣльный. Вотъ все, что могу покуда Вамъ сообщить“.

*) Знаменитый юристъ Ал. Як. Пассоверъ.

Приведя это письмо, историкъ Новороссійскаго университета сообщаетъ, что „въ бытность свою въ 1864 г. за-границей Арцимовичъ видѣлся съ Пироговымъ и совѣтовался съ нимъ о кандидатахъ на университетскія каѳедры изъ лицъ, командированныхъ за-границу“. Попечитель округа получилъ спеціальное разрѣшеніе Государя на проѣздъ изъ Петербурга въ Одессу для личнаго совѣщанія съ его знаменитымъ предшественникомъ.

Въ дѣлѣ № 76 архива Новороссійскаго ген.-губернатора о преобразованіи лицея имѣется слѣд. письмо А. В. Головнина къ А. Г. Строганову: „Министерство нар. просвѣщ. 29 февраля 1864 г. № 1810. По Высочайшему повелѣнію. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему Высочайше соизволилъ на дозволеніе вызванному сюда по дѣламъ службы попечителю од. уч. округа д. с. с. Арцимовичу возвратиться въ Одессу чрезъ Гейдельбергъ для личныхъ совѣщаній тамъ съ г. с. Пироговымъ по предмету учрежденія Новор. Университета и для ознакомленія съ нашими молодыми учеными, приготовляющимися за-границею на университетскія каѳедры...“.

Приведя далѣе списокъ лицъ, предлагавшихся самимъ министерствомъ въ профессора новаго университета, историкъ послѣдняго пишетъ: „конечно, нѣкоторые изъ этихъ лицъ были указаны Пироговымъ непосредственно министру, съ которымъ Пироговъ переписывался“.

Указаніе на то, что Пироговъ переписывался изъ за-границы съ министромъ, имѣется въ „Ж. М. Н. Просв.“. Такъ, въ статьѣ: „По поводу мѣръ, принимаемыхъ мин-вомъ нар. просвѣщенія съ 1862 г. для приготовленія кандидатовъ къ профессорскому званію“ читаемъ: „...Отзывы всѣхъ профессоровъ и ученыхъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, вообще благо-

пріятны для нашихъ кандидатовъ, занимавшихся подъ ихъ руководствомъ. Н. И. Пироговъ, принявшій на себя, какъ извѣстно, обязанность руководить занятіями кандидатовъ, занимающихся заграницей, постоянно свидѣтельствовалъ объ ихъ усердіи и ревностной любви къ наукѣ. Его отзывы имѣютъ для насъ особенное значеніе, потому что едва-ли найдется въ Россіи хоть одинъ благомыслящій человѣкъ, который-бы рѣшилъ усомниться въ правдивости того, о чемъ свидѣтельствуетъ Н. И. Пироговъ. Вотъ что сказано, между прочимъ, въ письмѣ его къ министру нар. просв. отъ 24 марта 1863 г.". (1866 г., январь, отд. IV, стр. 12).

Мы не приводимъ самой выдержки изъ письма Н. И. Пирогова къ А. В. Головнину, такъ какъ она представляетъ собою отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ „Голосѣ" отъ 3 и 4 апрѣля 1863 года. Однако, это замѣчаніе оффиціальнаго журнала можетъ навести на предположеніе о томъ, что всѣ письма Н. И. появившіяся въ „Голосѣ", первоначально были адресованы министру и съ его согласія печатались въ газетѣ. О сношеніяхъ-же Головнина съ „Голосомъ" можно заключить хотя-бы изъ слѣд. строкъ письма извѣстнаго педагога Л. Н. Модзалевскаго къ К. Д. Ушинскому изъ Гейдельберга отъ 11 сентября 1863 г.: „Пироговъ прислалъ мнѣ статью изъ „Голоса", которую ему прислалъ министръ; изъ этой статьи я усматриваю, что идетъ тайная борьба между министерствомъ и Катковымъ" („Къ біографіи К. Д. Ушинскаго", „Р. Школа", 1893 г. № 7—8, письмо № 11).

Что авторитетъ Н. И. привлеченъ былъ къ участію въ полемикѣ Каткова съ министерствомъ подтверждается также большой полемической передовой статьей „Голоса" въ № 281 за 1863 г., написанной спеціально по поводу помѣщеннаго тамъже начала письма Пирогова отъ 3-го октября и подкрѣпляющей свои полемическіе доводы мыслями знаменитаго хирурга. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ этой передовой видно, что письмо Н. И. отчасти было написано въ связи съ полемикой между „Голосомъ" и Катковымъ.

Къ страницѣ 651.

51) Статья „Каѳедра географіи въ университетахъ" перепечатывается въ настоящемъ изданіи изъ ноябрьской книги „Русской Старины" за 1887 г. (стр. 493—494), гдѣ она явилась подъ слѣд. заглавіемъ: „Николай Ивановичъ Пироговъ. Записка его объ открытіи и учрежденіи каѳедры географіи при университетахъ". Въ примѣчаніи къ „запискѣ" редакція журнала сообщаетъ слѣдующее: „Въ настоящее время, когда преподаваніе географіи установлено, наконецъ, въ университетѣ, интересно привести мнѣніе по сему вопросу знаменитаго нашего ученаго Н. И. Пирогова. Извлекаемъ эту записку изъ архива „Русской Старины", въ которой она сообщена 21 сентября 1883 г.".

Каѳедра географіи введена на естественныхъ факультетахъ россійскихъ университетовъ въ 1887 году; до того времени географія преподавалась на историко-филологическомъ факультетѣ, въ узкомъ, сравнительно съ настоящими планами, объемѣ.

Статья эта представляетъ собою прямое дополненіе къ изслѣдованію Н. И. объ университетскомъ вопросѣ.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду статьи Н. И. Пирогова о медико-хиругической академіи: 1) Отвѣтъ г. ученому секретарю Императорской медико-хирургической академіи" („СПетербургск. Вѣдом.", 1872 г., № 53 отъ 22 февраля) и 2) „О желательныхъ преобразованіяхъ медико-хирургической академіи" („Русск. Врачъ", 1902 г., № 1).

Первая написана Н. И. Пироговымъ по поводу полемики, возникшей на страницахъ газ. „Голосъ" (1872 г., №№ 11, 15, 20 и 35) между секретаремъ Академіи проф. И. М. Сорокинымъ и проф. Н. Ф. Здекауеромъ, другомъ Н. И. Пирогова Статья Пирогова устанавливаетъ истинное значеніе дѣятельности преподавателей Академіи 40—50-хъ годовъ и представляетъ собою какъ-бы сокращенное изложеніе соотвѣтственной части „Дневника стараго врача". Вторая статья опубликована въ „Р. Врачѣ" проф. Новороссійскаго унив-та Н. А. Батуевымъ, который въ № 2 того-же журнала помѣстилъ докладъ Н. И. Пирогова, А. П. Загорскаго и Бэра „о желательныхъ преобразованіяхъ медико-хирургической Академіи". (По поводу этихъ записокъ см. письмо доктора Ю. Г. Малиса, устанавливающаго въ № 48 журн. „Врачъ" за 1901 годъ приблизительное время написанія Н. И. Пироговымъ статьи „О желательныхъ преобразованіяхъ"). Содержаніе этой статьи, имѣющей много общаго съ докладомъ, Н. И. Пироговъ резюмируетъ такъ: „Предлагаемыя мѣры къ улучшенію врачебно-учебной части окажутся полезными въ слѣд. отношеніяхъ: 1) Военное вѣдомство, къ которому теперь принадлежитъ Академія, по многочисленности предметовъ, входящихъ въ его составъ и болѣе для него существенныхъ, не можетъ обращать такого вниманія на академію, какъ мин-ство нар. просв., имѣющее главною его цѣлью распространеніе просвѣщенія и наукъ.. 2) Учащіеся медицинѣ, пока Академія будетъ въ военномъ вѣдомствѣ, сообразно требованіямъ военной службы... всегда будутъ поставлены на ряду съ кадетами и юнкерами; между тѣмъ, всѣ усилія ввести строгую военную дисциплину между учащимися медицинѣ подобно той, которая введена между кадетами и юнкерами, должны или остаться тщетными, или-же уничтожить истинное научное направленіе, требующее и со стороны учащихъ и со стороны учащихся несрав-

ненно большей независимости и самостоятельности, несовмѣстимой съ военной дисциплиной... 3) Второе отдѣленіе предполагаемаго факультета (съ сокращеннымъ курсомъ преподаванія), доставляя арміи запасъ врачей, достаточно образованныхъ для этой спеціальной цѣли, послужитъ къ возвышенію и облагороженію врачебнаго сословія, привлекая къ себѣ всѣхъ, не имѣющихъ надлежащаго приготовительнаго образованія, или не желающихъ посвятить себя глубокому изученію науки...".

Статьи эти не включены въ собраніе педагогическихъ и публицистическихъ статей Н. И. Пирогова потому, что, не обладая достаточной самостоятельностью содержанія, до извѣстной степени являются повтореніемъ соотвѣтственн. мѣстъ другихъ статей автора. Считая ихъ необходимыми для полнаго собранія сочиненій Н. И. Пирогова, мы полагали возможнымъ ограничиться въ настоящее время только вышеизложеннымъ.

При обозрѣніи дѣятельности Н. И. Пирогова въ качествѣ профессора медико-хирургической Академіи, слѣдуетъ имѣть въ виду, помимо указанныхъ уже въ этихъ примѣчаніяхъ сочиненій, статью д-ра Ю. Г. Малиса „Учрежденіе каѳедры госпитальной хирургіи въ Петербургской медико-хирургической Академіи" (журн. „Врачъ", № 3 за 1896 г.).

Къ страницѣ 652.

52) Вопросу о необходимости преобразованія одесскаго Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій Университетъ Н. И. Пироговъ посвятилъ нѣсколько записокъ, посланныхъ имъ въ министерство въ 1857—58 гг., въ бытность попечителемъ одесскаго учебн. окр. Намъ извѣстны 4 такія записки. Изъ нихъ перепечатывается въ настоящемъ изданіи только одна, по мотивамъ, приведеннымъ въ примѣчаніи 51-мъ относительно статей, касающихся медико-хир. академіи. Беремъ записку отъ 2 апрѣля 1858 г., которая перепечатывается изъ декабрьской книги „Р. Старины" за 1887 г. (стр. 816—818). Никакого объясненія о способѣ и времени ея полученія редакція не даетъ, но такъ какъ она напечатана въ этомъ журналѣ вслѣдъ за статьею Н. И. о каѳедрѣ географіи въ университетахъ, которая передана „Р. Старинѣ" въ 1883 г. (см. примѣчаніе 51-е), то можно предположить, что обѣ рукописи поступили въ редакцію отъ наслѣдниковъ знаменитаго хирурга вмѣстѣ съ рукописью „Дневника стараго врача", которая передана была вдовою Пирогова М. И. Семевскому именно въ это время. Ни у проф. Маркевича, ни въ архивѣ попечителя одесскаго округа указаній на эту записку не встрѣчается. Особенный интересъ представляетъ эта записка, какъ документъ, въ которомъ, помимо соображеній о высшей школѣ, изложены общественно-политическіе взгляды автора.

Въ книгѣ проф. Маркевича „25-лѣтіе Императорскаго Новор. Унив-та" (Одесса 1890 г., стр. 14—30) опубликована извлеченная имъ изъ архива канцеляріи попечителя од. уч. округа рукопись Н. И. Пирогова подъ назв.: „Докладная Записка о ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вопіющей необходимости преобразованія учебныхъ заведеній". Отправлена эта записка въ министерство 20 января 1857 г.

По содержанію своему эта записка представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ въ ней, наряду со многими техническими подробностями, касающимся спеціально преобразованія лицея и занимающими сравнительно мало мѣста, заключаются мысли Н. И. Пирогова о преобразованіи учебныхъ заведеній—высшихъ и среднихъ—и о постановкѣ преподаванія въ нихъ.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этой запискѣ проф. Маркевичъ указываетъ источники заимствованія Н. И. Пироговымъ отдѣльныхъ мыслей и соображеній (изъ докладныхъ записокъ совѣта лицея и совѣтовъ гимназій). Относительно упоминаемаго въ запискѣ оффиціальнаго донесенія Н. И. объ испытаніяхъ и отмѣткахъ проф. Маркевичъ замѣчаетъ, что его не приводитъ, какъ не относящееся къ дѣламъ лицея. Автору настоящихъ примѣчаній не удалось отыскать этого донесенія при обозрѣніи дѣлъ упомянутаго архива.

Въ томъ же архивѣ находятся еще двѣ записки Н. И. Пирогова по вопросу о преобразованіи лицея въ университетъ. Обѣ онѣ опубликованы составителемъ этихъ „примѣчаній" въ журн. „Русск. Школѣ" (1910, № 7—8, стр. 58—71).

Къ III отдѣлу.

Къ страницѣ 657.

53) „Письма мирового посредника" напечатаны въ газетѣ „День" И. С. Аксакова за 1861—1862 годы. Первое помѣщено въ № 6 этой газеты отъ 18-го ноября 1861 года, въ областномъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ „Письмо изъ Каменецъ-Подольской губерніи, мироваго посредника Винницкаго у." и въ „собраніи сочиненій" (1887—1900 гг.) не перепечатано. Второе —въ №30 отъ 5 мая 1862 г. подъ заглавіемъ „Изъ подольской губ.. Разговоръ мироваго посредника о крестьянскомъ дѣлѣ съ любопытнымъ и недовольнымъ". Подъ этимъ письмомъ имѣется дата „с. Вишня. 24 января 1862 г.". Оно полностью перепечатано въ указанномъ „собраніи сочиненій" вмѣстѣ съ примѣчаніемъ редакціи газ. „День".

13 марта 1861 г. Пироговъ былъ уволенъ отъ должности попечителя кіевскаго учебнаго округа. Еще въ письмѣ отъ 7 декабря 1860 г. къ фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны, баронессѣ Э. Ф.

Раденъ, Пироговъ сообщалъ о своей предстоящей отставкѣ. О томъ-же писалъ А. В. Головнинъ 15 февраля 1861 года (когда онъ еще не былъ министромъ) Кавказскому Намѣстнику князю А. И. Барятинскому: „Министръ Нар. Просв. ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ благосклоннаго отвѣта на письмо, которое онъ послалъ вамъ въ январѣ, прося васъ уступить ему барона Николаи (А. П.) для назначенія его на постъ попечителя учебнаго округа въ Кевѣ. Настоящій попечитель Пироговъ будетъ отставленъ черезъ нѣсколько дней отъ своей должности" („Р. Архивъ". 1889 г., іюнь, стр. 267).

Въ воспоминаніяхъ о „попечительствѣ Пирогова" М. Чалый говоритъ „Натянутыя отношенія, возникшія между попечителемъ и ген.-губернаторомъ, не предвѣщали ничего добраго. Наконецъ, интриги обострили эти отношенія еще болѣе и, по представленію кн. Васильчикова (И. И.) онъ былъ уволенъ въ отставку" „Кіевская Старина". 1900 г., іюль).

Тотъ же авторъ пишетъ: „Предусматривая такой исходъ своей педагогической дѣятельности, Пироговъ заблаговременно приготовилъ себѣ пріютъ, купивши имѣніе подлѣ Винницы, и какъ только получилъ отставку, въ ту-же минуту сдалъ должность своему помощнику Михневичу и засѣлъ въ лабораторіи заняться химическимъ разложеніемъ почвы своего села Вишня. Недѣли двѣ его положительно никто не могъ видѣть. Съ ранняго утрі онъ отправлялся въ ліբораторію и совершенно отрѣшался отъ окружающей его среды".

Въ примѣчаніи отъ редакціи газеты „День" къ I письму Н. И. Пирогова читаемъ: „Мы не совсѣмъ согласны съ этимъ объясненіемъ нашего многоуважаемаго корреспондента. Крестьяне очень тонко и строго раздѣляютъ актъ согласія и актъ повиновенія, не смотря на то, что въ результатѣ можетъ и не быть разницы. Въ этомъ темномъ для нихъ дѣлѣ они опасаются освятить какимъ-либо участіемъ своего согласія, хотя бы и въ мелочахъ, распоряженіе, противорѣчащее, если не матеріальнымъ, временнымъ, ихъ выгодамъ, то ихъ ожиданіямъ и взгляду на самое дѣло и на свои права... Къ тому же, привыкши не довѣрять своимъ помѣщикамъ (на что, къ сожалѣнію, особенно въ томъ краю, имѣли, по большей части, полное право), они боятся промахнуться и ошибиться въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. То, что очень желалось помѣщикомъ, признавалось имъ для себя удобнымъ и выгоднымъ для крестьянъ. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы надѣемся въ скоромъ времени представить замѣчательный трудъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ, Д. Ѳ. Самарина".

Въ № 7 „Дня" отъ 25 ноября была помѣщена большая статья Дм. Самарина подъ заглавіемъ „Уставная грамота". О письмѣ Пирогова говорятъ также въ своихъ корреспонденціяхъ мировые посредники: Самарской („День", № 8, 2 декабря 1861 г.) и Воронежской губ. („День", № 11, 23 декабря 1861 г.).

Въ примѣчаніи ко II-му письму Пирогова (перепечатанному полностью въ собраніяхъ сочиненій 1887 и 1900 г.г.) читаемъ: „Приносимъ извиненіе почтенному автору въ томъ, что статья, присланная слишкомъ два мѣсяца тому назадъ, не была до сихъ поръ напечатана.

Причины такого промедленія заключаются, между прочимъ, въ слѣдующемъ: статья Н. И. Пирогова имѣетъ въ себѣ не одну положительную сторону практическихъ воззрѣній опытнаго хозяина и мирового посредника, но и полемическую, направленную противъ извѣстной статьи Д. Ѳ. Самарина, помѣщенной въ нашей газетѣ („День", № 7, „Уставная грамота"). Первое условіе полемики—чтобы обѣ полезимирующія стороны были равноправны въ свободѣ выраженя своихъ мнѣній; этого-то условія и нѣтъ въ настоящемъ случаѣ: двѣ статьи Д. Ѳ. Самарина,—въ отвѣтъ помѣщеннымъ въ разныхъ журналахъ противъ него возраженіямъ,—остались ненапечатанными.

Но такъ какъ мы обѣщали нашимъ читателямъ дать мѣсто въ Областномъ Отдѣлѣ, и именно по крестьянскому вопросу, всякимъ мнѣніямъ, даже положительно несогласнымъ съ нашимъ собственнымъ; такъ какъ въ статьѣ Н. И. Пирогова, кромѣ стороны полемической, есть много частныхъ практическихъ указаній и совѣтовъ,—можетъ быть, полезныхъ для хозяевъ и способствующихъ къ мирной развязкѣ дѣла,—то мы и не сочли себя въ правѣ оставить его статью ненапечатанною. Заявляемъ, однако-же, при этомъ, что мы рѣшительно несогласны съ нашимъ знаменитымъ педагогомъ въ оцѣнкѣ народнаго бытового воззрѣнія, къ которому онъ относится, какъ намъ кажется, слишкомъ легко, и которое онъ считаетъ возможнымъ обойти и пренебречь... безъ всякаго затрудненія! Какъ бы мы ни смотрѣли свысока на историческій взглядъ и убѣжденія народныя, они коренятся слишкомъ глубоко въ народной почвѣ, чтобы можно было ихъ оттуда вырвать удобнымъ и комфортабельнымъ способомъ законодательнаго заступа! Не всякую почву беретъ заступъ и, попавши на материкъ, можетъ притупиться или сломиться...".

Извѣстное отношеніе къ статьямъ по крестьянскому вопросу имѣетъ записка Н. И. Пирогова „О земской медицинѣ" (отъ 2 апрѣля 1872 года, впервые напечатанная въ ноябрьской книгѣ „Р. Старины" за 1886 годъ Д. Д. Смышляевымъ, который предпослалъ ей слѣдующую замѣтку:

„Въ началѣ 1872 г. пермская губернская земская управа, сообщивъ Н. И. Пирогову предположенія пермскаго губернскаго земства объ организаціи предупредительной медицины въ Пермской губерніи, просила

его совѣта и указаній по этому предмету. Николай Ив. со свойственнымъ ему сочувствіемъ всякому хорошему дѣлу, высказалъ въ отвѣтъ на просьбу управы, свой взглядъ на земскую предупредительную медицину...".

Н. И. Пироговъ пишетъ въ этой статьѣ: „Возможность (для земства) быть дѣйствительно полезнымъ для населенія, при существующихъ условіяхъ, я нахожу только въ сосредоточеніи наличныхъ силъ и средствъ, на нѣкоторые самые вопіющіе недостатки. Умѣнье ограничиться тѣмъ, чему есть возможность помочь въ настоящее время, тутъ главное". Н. И. предлагаетъ земству сосредоточить свою дѣятельность на оспопрививаніи и борьбѣ съ сифилисомъ, а также рекомендуетъ учредить санитарную комиссію.

Къ страницѣ 686.

54) Письма Н. И. Пирогова къ баронессѣ Раденъ представляютъ выдающійся общественно - историческій, а также значительный біографическій интересъ. Первыя два напечатаны въ февральской книгѣ „Р. Архива" за 1892 г., третье—въ ноябрьской книгѣ „Историч. Вѣстника" за 1886 г.

Первыя два письма опубликованы племянникомъ баронессы Раденъ, А. К. Тимротомъ, который снабдилъ ихъ слѣдующей вступительной замѣткой: „Извѣстный ученый, мыслитель и практическій дѣятель Николай Ивановичъ Пироговъ состоялъ много лѣтъ въ перепискѣ съ фрейлиной покойной Вел. княгини Елены Павловны, баронессою Эдитою Ѳедоровною Раденъ, съ которою его связывала искренняя дружба.

Баронесса Раденъ (ум. въ 1885 г.) была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ, если не исключительныхъ женщинъ, которыя соединяютъ въ себѣ высокія качества ума и твердый характеръ съ чисто женскою отзывчивостью на нужды страждущаго человѣчества. Совмѣстная дѣятельность по облегченію этихъ нуждъ должна была сблизить Эдиту Ѳед. съ Н. И. Пироговымъ, находившимся въ тяжелое время Севастопольской обороны во главѣ Крестовоздвиженск. Общины сестеръ милосердія, въ учрежденіи и устройствѣ которой бар. Раденъ принимала самое дѣятельное участіе. Впослѣдствіи Пироговъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминалъ о выносливости сестеръ этой общины въ письмѣ къ Э. Ѳ. отъ 27 февраля 1876 г... Того-же предмета, т. е. вопроса объ основѣ, на которой могла бы быть учреждена у насъ община сестеръ милосердія, касается также одно изъ находящихся въ моемъ распоряженіи и печатаемыхъ нынѣ (съ разрѣшенія А. А. Пироговой) писемъ покойнаго мужа ея къ Э. Ѳ. Раденъ.

Другое, помѣщенное ниже, письмо Н. И. къ бар. Раденъ посвящено отчасти вопросамъ о народномъ образованіи, объ устройствѣ университетовъ и надзорѣ за ними, т. е. такимъ вопросамъ, съ которыми Пироговъ, въ званіи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ то время постоянно встрѣчался, а отчасти мыслямъ и наблюденіямъ объ устройствѣ быта крестьянъ, послѣ ихъ освобожденія.

Предлагаемыя письма (писанныя по нѣмецки и переведенныя мною на Русскій языкъ) должны быть сохраняемы для исторіи".

Второе письмо (отъ 3 февраля 1862 г.) снова напечатано тѣмъ-же г. Тимротомъ въ № 9006 „Нов. Времени", отъ 25-го марта 1901 г., съ указаніемъ на то, что оно незаслуженно забыто со времени опубликованія въ „Р. Архивѣ".

Третье письмо опубликовано писателемъ Н. С. Лѣсковымъ, который въ обширномъ вступленіи излагаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ нашелъ письмо Пирогова. Статья Лѣскова имѣетъ заглавіе: „Загробный свидѣтель за женщинъ. Наблюденія, опыты и замѣтки Н. И. Пирогова, изложенныя въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ".

„Въ литературѣ, пишетъ Н. С. Лѣсковъ, —обнаруживается большое разногласіе по двумъ вопросамъ: 1) слѣдуетъ-ли сопротивляться злу и 2) благоразумно-ли открывать женщинамъ доступъ къ наукамъ и къ общественной дѣятельности, или-же благоразумнѣе устранить ихъ отъ большихъ знаній, и давать имъ только самое простое религіозное воспитаніе, а дѣятельность ихъ ограничить хозяйствомъ и семейными заботами.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ это дѣло вмѣшался графъ Левъ Ник. Толстой и необинуясь высказался за простое, религіозное воспитаніе, все воспріяло такой видъ, какъ будто графъ своимъ словомъ принесъ „огонь на землю". Женщины встревожились...

Не безполезно будетъ людямъ услыхать на этотъ счетъ слово такого лица, которое не можетъ быть заподозрѣно ни въ какомъ современномъ сторонничествѣ, и которое по своему умственному значенію стоитъ, по крайней мѣрѣ, не ниже того, кто „возжегъ огонь" нынѣшн. спора.

Дерзнемъ для этого потревожить священную тѣнь Ник. Ив. Пирогова и послушаемъ, что намъ скажетъ этотъ истинный мудрецъ и настоящій дѣловой человѣкъ. Письмо Пирогова, которое сейчасъ-же будетъ предложено вниманію читателей, писано въ 1876 г. къ высокообразованной и весьма уважаемой въ свое время фрейлинѣ усопшей великой княгини Елены Павловны бар. Эдифѣ Ѳедоровнѣ Раденъ. Баронесса Раденъ недавно скончалась, и о смерти ея въ свое время въ газетахъ были напечатаны обширныя статьи, въ которыхъ объясняли обществу, что покойная баронесса имѣла сильный умъ, блестящее образованіе и большое вліяніе на многія дѣла,—преимущественно на тѣ дѣла, которыми интересовалась покойная великая княгиня Елена Павловна.

Покойный Н. И. Пироговъ былъ особенно друженъ съ Э. Ѳ. Раденъ и состоялъ съ ней въ перепискѣ, которая по одному особому случаю сдѣлалась мнѣ извѣстна, а небольшею крупицею изъ нея я даже имѣю право пользоваться.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, баронессѣ Э. Ѳ. хотѣлось, чтобы я прочелъ нѣкоторыя хранившіяся у нея бумаги и сказалъ мои соображенія на счетъ ихъ пригодности къ особому литературному назначенію, какое она имъ желала дать. Я исполнилъ желаніе этой уважаемой дамы, и во время посѣщеній мною Эдифы Ѳедоровны въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца—она однажды дала мнѣ полученное ею письмо Пирогова (писанное по нѣмецки), съ тѣмъ, чтобы я прочелъ его и, если хочу, оставилъ-бы у себя съ него копію, которая „когда нибудь можетъ пригодиться для литературы".

Письмо было превосходно, и я воспользовался дозволеніемъ Раденъ: я сберегъ себѣ переводъ того письма на русскій языкъ. Переводъ весь сдѣланъ для меня по дружбѣ Юліею Денисовною Засѣцкою и болѣе чѣмъ на половину писанъ собственною ея рукою.

За симъ предлагаю теперь самое письмо, которое я, надѣюсь, способно доставить всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ очень чистое удовольствіе. Здѣсь читатель увидитъ, какія мысли имѣли о женскомъ участіи въ общественной жизни три достопримѣчательныя лица отошедшей поры: великая княгиня Елена Павловна, ея ближайшая придворная дама бар. Э. Ѳ. Раденъ и Николай Ив. Пироговъ" („Истор. Вѣстн.", 1886, ноябрь, стр 249—251. См. также письмо Лѣскова къ С. Н. Шубинскому отъ 22 мая 1886 г., въ книгѣ о Лѣсковѣ—А. И. Фаресовъ „Противъ теченій", Спб. 1904 г., стр. 178—179).

И г. Тимротъ, и Н. С. Лѣсковъ говорятъ объ обширной перепискѣ Н. И. Пирогова съ Э. Ѳ. Раденъ. Слѣдовательно, существуютъ еще неизданныя письма знаменитаго гуманиста къ фрейлинѣ вел. княгини, которая со всѣми своими друзьями сносилась при посредствѣ баронессы Раденъ. Такъ, имѣются въ литературѣ письма послѣдней къ Юрію Самарину и другимъ. Объ одномъ своемъ письмѣ, написанномъ до декабря 1860 г., Пироговъ говоритъ въ первомъ изъ напечатанныхъ здѣсь писемъ. Самое обширное изъ этихъ 3-хъ писемъ—третье—Лѣсковъ называетъ крупицей изъ всей переписки Пирогова съ бар. Раденъ.

Только одно письмо—третье—включено было въ собраніе сочиненій Н. И. Пирогова (1887 и 1900 гг.). Первыя два оставались въ книжкѣ „Р. Архива".

Подзаголовки къ первымъ двумъ письмамъ перепечатываются изъ „Р. Архива", къ третьему—сдѣланы нами по содержанію письма.

Болѣе подробно о дѣятельнсти сестеръ милосердія въ арміи Н. И. Пироговъ говоритъ въ „Севастопольскихъ письмахъ" и въ слѣдующихъ не включенныхъ въ только что названную книгу, письмахъ изъ Севастополя: 1) къ вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ—а) О подвигахъ сердобольныхъ вдовъ въ Крыму („Сѣв. Пчела", № 7 за 1856 г. и Сборникъ извѣстій о войнѣ, изд. Путилова, № 31 за 1857 г.), в) извлеченія изъ отчета о дѣятельности общины и врачей („Морской сборникъ", № 5 за 1855 г. и тотъ же „Сборникъ" Путилова), с) извлеченіе изъ донесенія о Крестовоздвиженской общинѣ отъ 4 января 1855 г. („Морск. Сб.", № 2, за 1855 г. и „Сборникъ" Путилова, № 30 за 1856 годъ); 2) къ Е. М. Бакуниной („Вѣстн. Европы", май—іюнь 1898 г.); 3) къ іеромонаху Веніамину—духовнику общины („Русск. Старина", іюль 1891 годъ).

Къ страницѣ 742.

55) Докладная записка Н. И. Пирогова относительно еврейскаго образованія опубликована авторомъ настоящихъ примѣчаній въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Р. Школы" за 1906 годъ и была въ 1907 г. издана редакціей назв. журнала отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „Н. И. Пироговъ. О еврейскомъ образованіи. Неизданная записка. Вступленіе С. Я. Штрайха".

Статья представляетъ собою „докладную записку", посланную въ министерство нар. просвѣщенія, датированную 4 февраля 1857 г. и снабженную надписью „секретно". Она хранится въ дѣлѣ канцеляріи попечителя одесскаго учебнаго округа „По Высочайшему повелѣнію относительно образованія евреевъ" (№15 за 1856 г. по еврейскимъ дѣламъ), откуда извлечена составителемъ примѣчаній въ 1906 году.

Докладная записка относительно образованія евреевъ" была написана Н. И. Пироговымъ по слѣдующему поводу. 13-го ноября 1844 года были утверждены главныя основанія образованія евреевъ, преслѣдовавшія цѣли сближенія еврейскаго населенія съ кореннымъ. „Мы не излагаемъ этихъ „основаній", такъ какъ это не соотвѣтствуетъ цѣли настоящей замѣтки; необходимое же, съ точки зрѣнія цѣльности общаго впечатлѣнія относительно „записки" Н. И., представленіе объ „основаніяхъ" читатель вынесетъ изъ чтенія самой „записки". 11-го іюля 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія по поводу этихъ „основаній послало попечителю одесскаго учебнаго округа „секретное" преложеніе „по Высочайшему повелѣнію относительно образованія евреевъ" (№ 5538). Въ этой бумагѣ попечителю предлагалось сообщить свои соображенія по вопросу о томъ: не наступило-ли время привести въ дѣйствіе предположенія о примѣненіи къ евреямъ общихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи и объявленіи обученія ихъ въ

казенныхъ, преимущественно-же въ реальныхъ и общихъ заведеніяхъ обязательнымъ, съ принятіемъ при томъ надлежащихъ мѣръ къ распространенію между евреями изученія и употребленія русскаго языка, и не надлежитъ-ли для большаго успѣха казенныхъ еврейскихъ училищъ сдѣлать въ курсѣ ихъ какія-либо измѣненія. Главнымъ образомъ имѣлось въ виду сближеніе еврейскаго населенія Имперіи съ кореннымъ населеніемъ. Исправлявшій тогда должность попечителя округа Н. Н. Мурзакевичъ разослалъ секретно-же копіи съ предложенія министерства всѣмъ директорамъ училищъ (по губерніямъ) съ просьбой представить ему свои соображенія по этому поводу.

Пока велась эта переписка въ Одессу прибылъ Н. И. Пироговъ, который 4-го февраля 1857 г. (№ 401) отправилъ министру народнаго провѣщенія слѣдующее письмо:

Письмо Н. И. Пирогова А. С. Норову.

„Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь! Представляя на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходит., въ особой запискѣ, мои заключенія касательно вопросовъ объ образованія еврейскаго народонаселенія въ Новороссіи, долгомъ считаю замѣтить, что я въ изложеніи моихъ взглядовъ на предметъ столь важный въ глазахъ моихъ и столь близко касающійся до блага цѣлаго племени постановилъ себѣ правиломъ, нисколько не стѣсняясь господствующими мнѣніями и постановленіями, высказать прямо и откровенно, по долгу совѣсти и службы, мои внутреннія убѣжденія. Я собиралъ мнѣнія, сравнивалъ, подвергалъ критическому разбору сужденія экспертовъ и старался съ возможнымъ безпристрастіемъ представить состояніе еврейскаго образованія въ настоящемъ его видѣ.

Хотя Вашему Высокопревосходительству и не благоугодно было принять мое предложеніе *) о введеніи преподаванія еврейскаго закона въ здѣшней второй гимназіи по образцу введеннаго уже въ гимназіи херсонской; хотя предложеніе мое дѣйствительно противорѣчитъ нѣсколько § 23 высочайше утвержденныхъ 13 ноября 1844 года правилъ, но тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь остаться при моемъ убѣжденіи, что евреямъ, воспитывающимся въ нашихъ гимназіяхъ (число ихъ не мало) предстоитъ безутѣшное нравственное положеніе въ будущемъ. Опытъ и знакомство мое со многими молодыми евреями не получившими въ нашихъ гимназіяхъ никакого религіознаго воспитанія, убѣдилъ меня уже давно, что они, не получивъ въ приготовит евр. школахъ никакого истинно-религіознаго направленія, обучаясь потомъ въ христіанскихъ школахъ, не имѣютъ ни времени, ни охоты обучаться еврейскому закону дома въ свободные отъ ученія часы, чрезъ что оставляютъ и ту формальную религіозность, которую они пріобрѣли въ ихъ дѣтствѣ, блуждая на пути къ невѣрію и безнравственности. —Мое намѣреніе было предупредить это зло и доставить имъ то нравственно-религіозное образованіе, которымъ они до сихъ поръ не могли пользоваться.—Эта же самая мысль одушевляетъ меня, несмотря на мой неуспѣхъ, и теперь, когда я обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ новымъ предложеніемъ о необходимости преобразованія здѣшней Талмудъ-Торы, о чемъ я вхожу съ особымъ представленіемъ. Я могу поручиться предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, что если предлагаемый мною планъ преобразованія будетъ въ видѣ опыта введенъ на 3 года въ здѣшней Талмудъ-Торѣ, оставивъ ее предварительно въ административномъ отношеніи въ завѣдываніи избранныхъ отъ общества старшинъ, то она сдѣлается образцовой для всего края. Я тогда обращу все мое вниманіе на эту школу и вспомоществуемый дознанною уже ревностью, доброхотностью и знаніемъ дѣла членовъ здѣшняго еврейскаго общества, вполнѣ надѣюсь достигнуть желаемой цѣли.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Н. Пироговъ“.

Что эти мнѣнія и соображенія Н. И. Пирогова имѣли вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла образованія евреевъ, видно изъ присланной министерствомъ одесскому попечителю (въ бытность Н. И. кіевскимъ попечителемъ) по Высочайшему повелѣнію бумаги (№ 3643, 19 мая 1859 года). Въ этой бумагѣ говорилось, что повелѣно: 1) обученіе дѣтей евреевъ купцовъ и почетныхъ гражданъ въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ, объявить обязательнымъ, дозволивъ евреямъ, если пожелаютъ, учредить на свой счетъ при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ особые для своихъ дѣтей пансіоны. 2) Предоставить евреямъ обучать дѣтей своихъ закону вѣры по собственной ихъ волѣ, въ училищахъ или у частныхъ учителей, и затѣмъ домашнее обученіе оставить на прежнемъ основаніи. 3) Меламедамъ, неопороченнымъ въ поведеніи или законопротивныхъ поступкахъ и незамѣченнымъ въ особомъ проявленіи фанатизма, продолжать выдачу свидѣтельствъ; по истеченіи же 10 лѣтъ выдавать свидѣтельства только прежнимъ

*) Это предложеніе не нашлось въ дѣлахъ архива. Не удалось также найти: „представленіе министру народнаго просвѣщенія о преобразованіи одесской Талмудъ-Торы“ (№ 400, 4 февраля, по „исходящему“ журналу за 1857 годъ). Объ этомъ „предложеніи“ Пироговъ также упоминаетъ въ „Запискѣ о еврейскомъ образованіи“.

меламдамъ, а вновь поступающихъ опредѣлять не иначе, какъ изъ обучавшихся въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1875 года домашними учителями могутъ быть исключительно только евреи, обучавшіеся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) Учителей въ Ешиботахъ и Талмудъ-Торахъ, какъ равно содержателей частныхъ училищъ и пансіоновъ и учителей оныхъ, опредѣлять съ настоящаго времени изъ людей, получившихъ надлежащее образованіе. 5) При каждомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ имѣть почетнаго блюстителя изъ евреевъ болѣе вліятельныхъ и образованныхъ. 6) Въ Талмудъ-Торахъ ввести преподаваніе общихъ предметовъ. 9) Открыть при училищахъ 1-го разряда приготовительные классы для дѣтей моложе 8 лѣтъ съ той цѣлью, чтобы еврейское юношество могло начинать свое образованіе съ раннихъ лѣтъ. 10) Поощрять учрежденіе частныхъ дѣвичьихъ училищъ съ выдачею содержательницамъ пособія. 11) Опредѣлить отпускъ суммы на учебныя пособія бѣднымъ ученикамъ...

Въ № 49 газ. „Разсвѣтъ“ за 1881 г., отъ 4 декабря, въ статьѣ М. К. „Памяти Пирогова“ сообщается, что незадолго передъ кончиной, Н. И. Пироговъ, назначенный членомъ Каменецъ-подольской коммисіи по еврейскому вопросу, написалъ „записку по этому вопросу, дышащую тѣми-же началами высокой любви и справедливости, которыя онъ всегда проповѣдывалъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ“.

Къ этой порѣ жизни Н. И. Пирогова и относится, повидимому, слѣд. письмо его къ неизвѣстному лицу. Письмо хранится въ музеѣ имени великаго хирурга въ Петербургѣ и опубликовано членомъ Госуд. Думы А. И. Шингаревымъ въ газетѣ „Рѣчь“ отъ 20 октября 1910 г., откуда оно перепечатывается въ наст. „примѣчаніяхъ“.

Письмо Н. И. Пирогова по еврейскому вопросу.

„М. г., Леонидъ Александровичъ!

Тяжелая болѣзнь не даетъ мнѣ возможности сообщить вашему превосходи... обстоятельное сужденіе на предлагаемый вами вопросъ. Впрочемъ, взглядъ мой на еврейскій вопросъ давно уже высказанъ и, полагаю, достаточно извѣстенъ.

Время и современныя событія не измѣнили моихъ убѣжденій. Теперь, какъ и прежде, я убѣжденъ, что средневѣковыя понятія о вредѣ, наносимомъ семитами другимъ народностямъ, неминуемо уступили бы мѣсто другимъ, болѣе гуманнымъ и логичнымъ понятіямъ нашего времени, если бы не служили тому препятствіемъ искусственно и періодично организуемыя антисемитическія агитаціи, причины и мотивы которыхъ, несмотря на придаваемый имъ всегда національный характеръ извнѣ, кроются гораздо глубже. Извѣстные недостатки и пороки евреевъ служатъ агитаторамъ только благороднымъ предлогомъ для возбужденія къ насиліямъ, настоящіе мотивы тѣ же самые, какъ и въ агитаціяхъ труда противъ капитала, праздности и лѣности противъ дѣятельнаго труда, пролетаріата противъ собственности, отсталости—противъ прогресса.

Этотъ взглядъ на современныя антисемитическія волненія заставляетъ такъ думать, что и всѣ мѣропріятія не будутъ успѣшны, пока основаніемъ ихъ будутъ служить предположенія о вредѣ, наносимомъ семитическимъ племенемъ другимъ національностямъ, настоящіе же, въ глубинѣ скрытые, мотивы, останутся нетронутыми“.

Къ страницѣ 774.

56) Статья „Одесская Талмудъ-Тора“ напечатана въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (№ 26 отъ 6 марта 1858 года) и отсюда перепечатывалась въ одесскомъ „Собраніи литературныхъ статей“ Пирогова и въ посмертныхъ собраніяхъ его сочиненій.

Когда въ концѣ 1858 г. велась переписка объ отобраніи отъ профессоровъ лицея, т. е. отъ Пирогова, права на руководительство „Одесскимъ Вѣстникомъ“, то въ числѣ обвиненій, направленныхъ противъ публицистической дѣятельности знаменитаго педагога-хирурга, упоминалось и помѣщеніе статьи „Одесская Талмудъ-Тора“ (см. ниже, примѣчанія къ статьямъ Н. И. Пирогова о печати).

Къ страницѣ 788.

57) „Письма къ редакторамъ еврейскихъ журналовъ“ посланы Н. И. Пироговымъ въ 1860—1861 гг. редакторамъ журналовъ „Разсвѣтъ“ и „Гамелицъ“.

Первое письмо снабжено слѣд. примѣчаніемъ редакціи газ. „Разсвѣтъ“ (Одесса, 1860 г., № 27, 25 ноября, стр. 429—431): „Г. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, въ бытность свою попечителемъ одесскаго уч. округа, принималъ самое теплое участіе въ исходатайствованіи разрѣшенія на изданіе „Разсвѣта“. О томъ же сообщалъ въ 1858 г. (письмо отъ 13 іюня) извѣстному еврейскому писателю Л. О. Левандѣ редакторъ „Разсвѣта“ О. А. Рабиновичъ, отмѣчающій энергичное содѣйствіе Н. И. Пирогова организаторамъ журнала (см. „Восходъ“, 1885 г., № 6, Л. О. Леванда „Къ исторіи возникновенія перваго органа русскихъ евреевъ“).

Въ майской книгѣ „Восхода“, за 1881 г. (стр. III—IV) приведенъ, между прочимъ, текстъ адреса, поднесеннаго Н. И. Пирогову отъ редакцій „Восхода“, „Гамелица“, „Разсвѣта“, „Русскаго Еврея“. Здѣсь говорится: „...Принося вамъ, наравнѣ со всѣми русскими, общую дань благоговѣнія и признательности, мы — представители отечественной еврейской прессы—вмѣстѣ съ тѣмъ приносимъ вамъ

и свое особое спасибо. Спасибо вамъ, Н. И., за ту поддержку, за то плодотворное содѣйствіе, которыя вы 22 года тому назадъ, оказали возникновенію органовъ, посвященныхъ нуждамъ еврейства въ Россіи. Вы безошибочно оцѣнили тогда все значеніе живого и правдиваго слова, этого могучаго оружія въ борьбѣ противъ вражды и недомыслія, сковывавшихъ еврейскую жизнь извнѣ, противъ темноты и косности, тормазившихъ ее извнутри. И намъ особенно дорого и памятно ваше участіе потому, что основывалось оно не на мимолетномъ порывѣ чувства, а на вѣчныхъ принципахъ справедливости и разумно-понятой любви къ отечеству лучшихъ и надежнѣйшихъ руководителей всѣхъ благородныхъ стремленій и начинаній. Не пройдутъ эти начинанія безслѣдно!..

...Не угаснетъ ваше имя среди людей, не забудется оно среди русскаго народа, но втройнѣ будутъ помнить и чтить это имя русскіе евреи, ибо вамъ они обязаны сочувствіемъ, помощью, какъ люди, какъ русскіе граждане и—какъ евреи".

Въ 1905 г. В. В. Стасовъ издалъ переписку М. М. Антокольскаго. Въ книгѣ, между прочимъ, находится письмо знаменитаго скульптора къ извѣстному критику отъ 11 іюня 1873 г. (слѣдовательно, задолго до юбилея, когда Н. И. Пироговъ находился въ деревнѣ). Антокольскій писалъ, что онъ имѣетъ въ виду заняться созданіемъ бюстовъ всѣхъ замѣчательныхъ людей. Первымъ М. М. хотѣлъ вылѣпить Пирогова, ибо онъ замѣчателенъ и какъ ученый, и какъ человѣкъ. „Онъ первый началъ говорить о равенствѣ евреевъ въ Россіи". Эту же мысль Антокольскій повторилъ и въ другомъ письмѣ (см. стр. 88 и 92).

Письмо къ редактору „Гамелица" перепечатывается изъ газеты „Р. Еврей" (1881 г., № 21, отъ 21 мая, стр. 808—809), гдѣ оно помѣщено въ статьѣ, посвященной юбилею Пирогова. По поводу этого письма въ статьѣ говорится: „Благодаря свѣтлому содѣйствію Пирогова, въ Одессѣ появились первые органы еврейской періодической печати: на рускомъ языкѣ „Разсвѣтъ" и на древне-еврейскомъ—„Гамелицъ". О значеніи и благотворномъ вліяніи органовъ печати распространяться нечего, но далеко не лишнимъ будетъ привести письмо Ник. Иван. къ редакторамъ „Гамелица". Такія письма составляютъ крупное явленіе въ исторіи евреевъ въ Россіи... Такое письмо могъ написать только Пироговъ. Въ этомъ письмѣ онъ вылился весь, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его гуманнымъ взглядомъ на вещи, съ его необъятнымъ чувствомъ справедливости и безпристрастія. Это письмо составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, и мы думаемъ доставить истинное удовольствіе нашимъ читателямъ, списывая эти слова великаго гражданина съ единственнаго, можетъ быть, уцѣлѣвшаго печатнаго экземпляра".

Третье письмо перепечатывается изъ газ. „Разсвѣтъ" (1861 г., № 42, 10 марта, стр. 669) и помимо даты снабжено еще № 1176, какъ посланное изъ канцеляріи попечителя округа. Письмо А. М. Бродскаго, о которомъ говоритъ Н. И. Пироговъ, напечатано въ томъ-же № „Разсвѣта".

Письмо о студентахъ-евреяхъ было послано его авторомъ также въ редакцію „Спб. Вѣдом." и напечатано въ № 71 за 1861 г., откуда было перепечатано въ апрѣльской книгѣ „Ж. М. Нар. Просв." за тотъ-же годъ (отд. IV). 1-го декабря того-же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи положенія о пожертвованіяхъ по кіевскому учебному округу для ученой цѣли по указанію т. с. Пирогова (см. Ж. М. Н. Просв., 1861 г., декабрь). Повелѣніе это относится къ пожертвованію А. М. Бродскаго, письмо котораго также было перепечатано въ ноябрьской книгѣ министерскаго журнала.

Въ примѣчаніи къ статьямъ Н. И. Пирогова по еврейскому вопросу кажется намъ умѣстнымъ остановиться нѣсколько и на вопросѣ о еврейскомъ происхожденіи Н. И. Пирогова (см. выноску къ первому письму Н. И. къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ). Откуда взялъ П. И. Бартеневъ эту версію—неизвѣстно. Въ своемъ примѣчаніи къ письму Н. И., напечатанному въ февральской книгѣ „Р. Арх.", за 1892 г., онъ объ этомъ ничего не говоритъ. Впервые намъ пришлось встрѣтить серьезное литературное указаніе на еврейское происхожденіе матери Н. И. Пирогова въ извѣстномъ „Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ" Д. А. Ровинскаго (стр. 1520, томъ II). Но и Ровинскій, въ своей маленькой біографической справкѣ къ портрету Н. И. не указываетъ источника этого свѣдѣнія. Мимоходомъ говорили о примѣси еврейской крови въ жилахъ Н. И. Пирогова различные русскіе публицисты въ своихъ злободневныхъ фельетонахъ, не указывая, конечно, источника, откуда они заимствовали эти данныя. Самъ Н. И. Пироговъ въ „Дневникѣ стараго врача" нѣсколько разъ упоминаетъ о своемъ дѣдѣ съ отцовской стороны, описывая его наружность простого крестьянина и называя его по имени. Говоря-же о своей матери, Н. И. проявляетъ въ описаніи ея происхожденія нѣкоторую скупость, лишь мимоходомъ упомянувъ, что она родилась въ московской купеческой семьѣ... Впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ „Дневника" Н. И. Пироговъ подчеркиваетъ глубокую обрядовую религіозность своей матери, ея истинно-московскую религіозность и т. д. Но вывести какое-нибудь опредѣленное заключеніе о происхожденіи матери Н. И. изъ многочисленныхъ упоминаній о ней ея знаменитаго сына, трудно, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Сынъ Н. И. Пирогова, нынѣ благополучно здравствующій

Владиміръ Николаевичъ Пироговъ, въ разговорѣ съ составителемъ этихъ примѣчаній, категорически опровергнулъ версію о еврейскомъ происхожденіи его бабки. В. Н. Пироговъ, со словъ своего отца, заявляетъ, что мать великаго хирурга и гуманиста была природной москвичкой и происходила изъ купеческой семьи.

К ъ с т р а н и ц ѣ 798.

58) П и с ь м а Н. И. П и р о г о в а о з н а ч е н і и п о в р е м е н н о й п е ч а т и почти всѣ относятся къ одесскому періоду дѣятельности знаменитаго ученаго, когда онъ въ качествѣ попечителя учебнаго округа, руководилъ цензурнымъ комитетомъ и содѣйствовалъ расцвѣту одесскихъ періодическихъ изданій. Отчасти эта дѣятельность Пирогова выяснена въ письмахъ по еврейскому вопросу (къ ред. „Разсвѣта" и „Гамелица"), но особенно ярко его отношеніе къ честному и свободному воздѣйствію печатнаго слова на общественную жизнь отражается въ нѣсколькихъ небольшихъ его замѣткахъ и письмахъ, опубликованныхъ при жизни Н. И. и послѣ его смерти.

П и с ь м о к ъ с т у д е н т а м ъ—редакторамъ студенческаго сборника, изданнаго въ 1857 г. Д. И. Писаревымъ и его товарищами по Петербургскому университету,—перепечатывается изъ „Од. Вѣстн." (№ 126, отъ 9 ноября за 1857 г.). Задумавъ изданіе сборника, студенты обратились ко всѣмъ выдающимся дѣятелямъ отечественной литературы за совѣтомъ и одобреніемъ, въ томъ числѣ къ прославленнымъ авторамъ „Семейной хроники" и „Вопросовъ жизни". Въ предисловіи къ сборнику студенты напечатали и письмо Пирогова, перепечатанное тогда-же многими журналами и газетами.

П и с ь м о к ъ р е д а к т о р а м ъ „О д. В ѣ с т н и к а"—перепечатывается изъ „Од. В." (№ 134, отъ 28 ноября 1857 г.), гдѣ оно имѣло слѣд. заглавіе: „**Письмо г. Попечителя одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогова, къ г. г. профессорамъ Ришельевскаго лицея, избраннымъ совѣтомъ его въ редакторы „Одесскаго Вѣстника на 1858-й годъ**".

Единственнымъ органомъ печати въ Новороссійскомъ краѣ къ прибытію Н. И. Пирогова въ Одессу былъ „Одесскій Вѣстникъ", редактировавшійся А. Г. Тройницкимъ. Направленіе и содержаніе газеты за годы во время и послѣ Крымской войны выяснятся изъ слѣдующихъ словъ П. Сокальскаго, ближайшаго сотрудника Тройницкаго въ указанные годы, подписывавшаго одно время газету за редактора. „Въ „Од. В." до 1858 г. излагались факты и извѣстія самаго безобиднаго свойства, въ родѣ, напр., археологическихъ открытій въ краѣ, статистическихъ цифръ, биржевыхъ курсовъ, числа прихода и отхода судовъ, цифръ торговаго вывоза и отпуска, распоряженій мѣстнаго начальства, описаній процессій или церемоніаловъ и т. п. („Од. В.", № 24 за 1877 г.).

Но съ прибытіемъ въ Одессу автора „Вопросовъ Жизни" для мѣстной печати наступила новая эра. „Сильно поднявъ своими циркулярами и статьями самосознаніе одесскихъ педагоговъ и всего общества—говоритъ проф. А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ „Умственная жизнь Одессы",—Н. И. Пироговъ значительно возвысилъ и уровень одесской литературы тѣмъ, что по его ходатайству, единственная въ то время одесская газета была передана въ вѣдѣніе Ришельевскаго лицея. Къ сожалѣнію, Н. И. Пироговъ былъ скоро переведенъ въ Кіевъ, да и „Од. В." всего только одинъ годъ былъ въ рукахъ лицея. Но добрыя сѣмена даютъ богатые плоды и пироговскія традиціи въ одесской умственной жизни не могли истребиться безслѣдно" („Очерки изъ исторіи новой русской литературы". Спб. 1896, стр. 415).

5 апрѣля 1857 г. Н. И. Пироговъ послалъ Новороссійскому генералъ-губернатору графу А. Г. Строганову слѣдующее письмо:

Письмо Н. И. Пирогова къ графу А. Г. Строганову.

„М. г., графъ Александръ Григорьевичъ! Узнавъ, что г. Тройницкій оставляетъ совсѣмъ Одессу и слѣдовательно перестаетъ быть редакторомъ „Од. В.", я предлагаю Вашему Сіятельству передать изданіе этой газеты Ришельевскому лицею, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ ее издавалъ г. Тройницкій. Многіе члены Лицея примутъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ и газета, безъ сомнѣнія, поднимется и въ литературномъ и въ научномъ отношеніи. Я убѣжденъ, что, принявъ мое предложеніе, Вы доставите мощное средство подвѣдомственному мнѣ заведенію дѣйствовать на просвѣщеніе края и слѣдовательно достигать главной цѣли. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, Вашего Сіятельства всепокорный слуга Н. Пироговъ".

Приводимое здѣсь письмо Н. И. Пирогова находится въ „Дѣлѣ о предоставленіи изданія газеты „Од. Вѣстн." Ришельевскому лицею", хранящемся въ архивѣ б. генералъ-губернатора Новороссійскаго края (см. дѣло № 840 за 1857 г., отношеніе № 983 отъ указаннаго числа). Оно было опубликовано нами въ статьѣ „Н. И. Пироговъ, какъ создатель независимой прессы въ Одессѣ" („Од. Новости", 23 ноября 1906 г.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель возбудилъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о передачѣ „Од. Вѣстника" лицею, который „посредствомъ его можетъ сильно дѣйствовать какъ на просвѣщеніе, такъ и на нравственную сторону всего русскаго народонаселенія Новороссіи". А. С. Норовъ по телеграфу удовлетворилъ ходатайство. По предложенію Пирогова, лицей избралъ въ ре-

дакторы газеты профессоровъ А. М. Богдановскаго, бывшаго впослѣдствіи ректоромъ Новороссійскаго университета, и А. И. Георгіевскаго, получившаго потомъ извѣстность въ качествѣ главнаго дѣятеля министерства народнаго просвѣщенія при Д. А. Толстомъ и И. Д. Деляновѣ.

Генералъ-губернаторъ передалъ дѣло градоначальнику для дачи заключенія и, послѣ продолжительной переписки запросилъ попечителя (12 іюня 1857 г.), согласенъ-ли будетъ лицей издавать газету по программѣ, утвержденной ген.-губернаторомъ. Попечитель (22 іюня, за № 1673) отвѣтилъ согласіемъ и принялъ также рядъ другихъ условій гр. Строганова. Между прочимъ, онъ писалъ (9 сентября) по поводу требованія увеличенной платы за пользованіе гор. типографіей, что „на первый годъ слѣдуетъ брать только половинный доходъ съ объявленій, а потомъ можно и увеличить. Нужно, чтобы газета солидно стала на ноги, а затѣмъ нужно платить сотрудникамъ приличный гонораръ“.

Наконецъ, 19 октября гр. Строгановъ извѣстилъ градоначальника, что, по его мнѣнію, газета будетъ успѣшно содѣйствовать развитію общеполезныхъ началъ въ управляемомъ имъ краѣ при нахожденіи ея въ завѣдываніи профессоровъ лицея и предлагалъ передать газету съ 1 января 1858 г. лицею. Въ тотъ-же день онъ извѣстилъ объ этомъ и Н. И. Пирогова.

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Пироговъ послалъ Строганову слѣд. письмо:

Письмо Н. И. Пирогова къ графу А. Г. Строганову.

„Господину Новороссійскому и Бессарабскому ген.-губернатору.

Получивъ отношеніе Вашего Сіятельства отъ 19 октября за № 10569 о сдѣланномъ Вами, М. Г., распоряженіи къ передачѣ съ 1-го Генваря 1858 г. изданія газеты „Од. Вѣстникъ“ Ришельевскому лицею, вмѣняю себѣ въ особенный долгъ принести Вашему Сіятельству душевную мою благодарность за это распоряженіе, доставляющее лицею, какъ матеріальныя выгоды, такъ въ особенности средства къ распространенію просвѣщенія въ краѣ. При семъ препровождая предложенную лицеемъ на опредѣленныхъ мною основаніяхъ, программу, по которой имѣетъ издаваться „Одесскій Вѣстникъ“,—имѣю честь присовокупить, что редакторами газеты избраны исправляющіе должность адъюнкта Лицея Богдановскій и Георгіевскій, преподаватели вполнѣ способные къ осуществленію главной цѣли изданія, добросовѣстные, дѣятельные, обладающіе всѣми необходимыми качествами для редактора. Объ утвержденіи ихъ въ этомъ званія я уже представилъ г. Министру нар. просвѣщенія.

Попечитель Пироговъ“.

Письмо это перепечатывается здѣсь по тексту, хранящемуся въ дѣлѣ архива генералъ-губернатора (№ 840). Къ нему приложена и самая программа, болѣе подробно развивающая положенія „письма къ редакторамъ“.

Въ № 127 „Од. В.“ отъ 12 ноября 1857 г. появилась замѣтка о переходѣ газеты къ лицею. Новые редакторы говорили, что они не будутъ „обходить вопросы, занимающіе въ настоящее время всякаго образованнаго человѣка“, и будутъ давать на нихъ серьезные отвѣты, имѣя прежде всего въ виду общее благо, удовлетвореніе насущныхъ требованій общества.

Въ теченіе 1858 г. газета дѣйствительно представляла собой выдающееся явленіе въ тогдашней провинціальной и столичной ежедневной прессѣ. Въ „Од. Вѣстникѣ“ тогда работали: Н. И. Пироговъ, О. А. Рабиновичъ (выдающійся еврейскій публицистъ), А. А. Скальковскій (историкъ Новороссійскаго края), А. М. Думашевскій (изв. юристъ), Р. В. Орбинскій (изв. одесскій педагогъ), А. Афанасьевъ-Чужбинскій (этнографъ) и др., помѣстившіе въ немъ не одну сотню статей педагогическихъ, философскихъ, этнографическихъ, историческихъ, юридическихъ и проч.

Новое направленіе газеты было встрѣчено весьма сурово. Съ „Одесскимъ Вѣстникомъ“ вступили въ полемику „Пет. Вѣд.“ и „Journal d'Odessa“. Обѣ газеты въ равной мѣрѣ спорили не со взглядами новой редакціи, не съ ея убѣжденіями, а съ Пироговымъ. Такъ, напр., „Петерб. Вѣд.“ не понравилось письмо Пирогова къ студентамъ петербургскаго университета и письмо къ редакторамъ „Одесск. В.“. Имъ не понравилось также, что Пироговъ въ своей статьѣ „Одесская Талмудъ-Тора“ предлагалъ благотворителямъ-христіанамъ заботиться, подобно евреямъ, объ утоленіи умственнаго голода дѣтей и г. Герсевановъ, авторъ отповѣди Пирогову въ столичной газетѣ обвиняетъ по этому поводу одесскаго попечителя въ отсутствіи патріотизма. („С.-П. Вѣд. №№ 22 и 81 за 1858 г.).

Не одну лишь печатную полемику вели съ Пироговымъ и руководимой имъ газетой противники прогресса. Провинціальное общество было очень слабо подготовлено къ пониманію истиннаго значенія свободы печатнаго слова. Почти всѣ слои мѣстнаго общества находили причины къ недовольству направленіемъ одесской газеты. Графъ Строгановъ пожалѣлъ о своемъ согласіи на передачу „Од. Вѣстника“ лицею и завелъ переписку съ министерствомъ объ отобраніи газеты отъ Н. И. Пирогова. Генералъ-губернатору энергично содѣйствовалъ губернскій предводитель дворянства Касиновъ и др. лица, отъ себя посылавшія въ министерство жалобы на развращающее вліяніе лицейской газеты.

Подробно всѣ обстоятельства, сопровождавшія обратный переходъ газеты въ вѣдѣніе генералъ-губернатора, изложены въ обширной, основанной на архивныхъ матеріалахъ, статьѣ г. Н. въ „Рус. Ст." за янв. и февр. 1898 г. („Московскій обѣдъ 28-декабря и его послѣдствія"). Въ этой статьѣ приведены жалобы А. Г. Строганова и другихъ лицъ и возраженія Н. И. Пирогова, а также заключенія кн. П. А. Вяземскаго и другихъ чиновниковъ, которымъ было поручено разслѣдованіе дѣла о вольнодумствѣ Пирогова и о вредномъ направленіи „Од. Вѣстника". Этихъ обстоятельствъ касаются также: проф. В. А. Яковлевъ въ статьѣ „Печать въ Новороссіи" (журн. „Югъ", № 1 за 1882 г.) и Н. П. Сокальскій въ „Од. В." (№ 75 и слѣд. за 1877 годъ).

Самъ Н. И. Пироговъ сообщаетъ въ „Дневникѣ стараго врача" слѣдующее о своемъ вынужденномъ переходѣ на постъ попечителя кіевскаго учебнаго округа: „Первая вѣсть объ эмансипаціи была доставлена въ Одессу газетою „Indépendance Belge", попавшею въ руки студентовъ, захотѣвшихъ отпраздновать это событіе. Жандармскій генералъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ и мнѣ, но я не находилъ въ этомъ ничего худого. Къ счастью, Строгановъ посмотрѣлъ, неожиданно для меня, слегка на это происшествіе, быть можетъ потому, что генералъ, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ, поторопился безъ него... Редакція „Од. В." издали коснулась горючаго матеріала по крестьянскому вопросу. Какая поднялась тревога! На меня въ Петербургъ полетѣли съ разныхъ сторонъ доносы"...

7 іюля 1858 г. Пироговъ представилъ министру нар. просвѣщенія Е. П. Ковалевскому подробное объясненіе по поводу всей исторіи съ „Од. В.". Черезъ 11 дней (18 іюля) состоялся указъ о назначеніи автора „Вопросовъ жизни" кіевскимъ попечителемъ и онъ въ первыхъ числахъ сентября выѣхалъ изъ Одессы. Проводы попечителя были чрезвычайно торжественны и трогательны. Вліяніе Н. И. Пирогова на развитіе одесской прессы продолжалось. (См. примѣчаніе 57).

Письмо къ Е. П. Ковалевскому перепечатывается изъ февральской книги „Рус. Старины" за 1898 г. Оно является отвѣтомъ Н. И. Пирогова на цѣлый рядъ жалобъ, отправленныхъ разными лицами, въ томъ числѣ и графомъ А. Г. Строгановымъ, въ министерство нар. просвѣщ. съ указаніемъ на необходимость устранить Пирогова отъ руководительства одесской прессой. Авторъ статьи, въ текстѣ которой опубликовано письмо, повидимому, не привелъ заключительныхъ строкъ письма знаменитаго попечителя, ибо его статья заканчивается (послѣ текста письма) слѣдующими словами: „Вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь отвѣчать цензорамъ, какими правилами они должны руководствоваться на будущее время при дозволеніи къ напечатанію тѣхъ статей, которыя будутъ разрѣшены къ помѣщенію новороссійскимъ ген.-губернаторомъ, Н. И. Пироговъ просилъ министра дать ему предписаніе (отношеніе къ цензурному комитету отъ 7 іюля, № 4231)".

Въ архивѣ министерства нар. просвѣщ., насколько можно судить по „Дневнику стараго врача", хранятся и другія письма Пирогова о цензурѣ.

Письмо къ Е. Н. Ахматовой напечатано впервые въ „Историч. Вѣстникѣ" (апрѣль, 1885 г.) со слѣдующимъ вступленіемъ редакціи: „Въ 1864 г. издательница дѣтскаго журнала „Дѣло и отдыхъ", Е. Н. Ахматова обратилась къ Н. И. Пирогову, находившемуся тогда за границей, съ просьбой прислать для журнала какую-нибудь статью. Пироговъ отказался исполнить просьбу Е. Н. Ахматовой и причину своего отказа объяснилъ въ письмѣ, которое по нашему мнѣнію, настолько любопытно по выраженнымъ взглядамъ на воспитаніе, что мы, съ любезнаго позволенія Е. Н. Ахматовой приводимъ его здѣсь въ подлинникѣ". Е. Н. Ахматова была близкой пріятельницей первой жены Н. И. Пирогова (см. примѣчаніе къ письмамъ къ Е. Н. Огонь-Догановской въ „Автобіографіи"). Письмо къ ней, помимо взглядовъ на воспитаніе, содержитъ весьма интересныя мысли о задачахъ печатнаго слова въ дѣлѣ воспитанія и является существеннымъ дополненіемъ къ письмамъ Н. И. Пирогова о печати.

Къ страницѣ 812.

59). Замѣтка „О достоинствѣ профессора,—письмо Н. И. Пирогова къ попечителю медико-хирургической академіи ген. Н. Н. Анненкову, написанное въ 1848 г. по поводу нападокъ Ѳ. В. Булгарина на знаменитаго русскаго ученаго въ связи съ его академической дѣятельностью. Письмо перепечатывается изъ книги д-ра П. А. Бѣлогорскаго „Госпитальная хирургическая клиника при Императорской военно-медицинской (б. медико-хирургической) Академіи. 1841—1898. Матеріалы для исторіи хирургіи въ Россіи. Диссертація на степень доктора медицины. Спб. 1898 г., стр. 1—279". Въ этой книгѣ оно напечатано на стр. 35—38. Здѣсь-же приводится и краткая исторія происхожденія письма. Тому-же вопросу посвящена очень интересная статья д-ра Ю. Г. Малиса въ „Истор. Вѣстн." (мартъ, 1902 г.) подъ заглавіемъ „Пироговъ и Булгаринъ", въ которой письмо приводится съ небольшимъ пропускомъ. Въ статьѣ д-ра Малиса подробно излагается исторія отношеній между Булгаринымъ и Пироговымъ, на котораго изд. „Сѣверной пчелы" нападалъ за его неодобрительный отзывъ о научныхъ достоинствахъ проф. Шипулинскаго, протеже Булгарина. Между прочимъ, д-ръ Ю. Г. Малисъ приводитъ отрывки изъ заявленія Н. И. въ Конференцію, поданнаго немедленнаго послѣ грубыхъ

выходокъ „Сѣв. Пчелы“ и до подачи прошенія объ отставкѣ.

Указывая, что Булгаринъ „позволилъ себѣ различныя обидныя для него выраженія“, Пироговъ писалъ: „что касается до личныхъ обидъ, нанесенныхъ мнѣ г. Булгаринымъ въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста и въ публичной газетѣ, то я обращаюсь къ Конференціи и прошу ее покорно представить мою жалобу къ высшему начальству академіи о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку, присоединяя къ тому, что теперь, когда письмо уже было прочтено въ засѣданіи Конференціи, а обидные намеки и клеветы публикованы въ газетѣ, читаемой во всей Россіи, то честь моя и достоинство занимаемаго мною мѣста не позволяютъ мнѣ удовольствоваться однимъ съ его стороны словеснымъ или письменнымъ извиненіемъ“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Булгаринъ былъ призванъ къ начальнику Академіи и ему было внушено истинное понятіе о разницѣ между нимъ и знаменитымъ ученымъ, а также было указано на необходимость соблюденія приличій при веденіи газеты. Пироговъ остался въ Академіи, чтобы совсѣмъ уйти изъ нея черезъ 6 лѣтъ.

Къ страницѣ 814.

60). Рѣчи при прощаніи съ Одессой перепечатываются изъ „Од. Вѣстника“ (№№ 95, 99 и 100 за 1858 г.), въ которомъ помѣщено подробное описаніе прощальныхъ обѣдовъ, даныхъ Н. И. Пирогову профессорами лицея и преподавателями гимназій од. уч. округа и еврейскимъ обществомъ. Здѣсь-же приведены всѣ рѣчи участниковъ обѣда о заслугахъ Н. И. Пирогова.

Первая рѣчь помѣщена въ изложеніи редакціи газеты—въ № 95, а полностью—въ № 99, вторая рѣчь—въ № 100. Первая рѣчь произнесена 23 августа на „обѣдѣ ученаго сословія“, вторая—3 сентября—на „обѣдѣ еврейскаго общества“. Въ № 99 „Од. В.“ первая рѣчь Пирогова помѣщена со слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: „Н. И. Пироговъ обратился къ намъ со слѣдующимъ письмомъ, которое спѣшимъ передать публикѣ: „Г.г. редакторы! Услышавъ, что нѣкоторые изъ читателей „Од. В.“ спрашивали, почему не напечатана вполнѣ моя прощальная рѣчь, я припомнилъ сколько могъ мои мысли и слова. Вотъ онѣ:“...

Въ 1858 г. нѣкоторые столичные журналы и газеты помѣстили описаніе проводовъ Н. И. Пирогова въ Одессѣ, перепечатавъ его рѣчи.

Приводимъ еще изъ „Одесскаго Вѣстника“ за 1866 г. (№ 207 отъ 22 сентября) описаніе обѣда, даннаго Н. И. Пирогову въ Одессѣ, когда онъ находился въ этомъ городѣ проѣздомъ. Это было въ 1866 г.—послѣ освобожденія Н. И. отъ исполненія обязанностей руководителя профессорскими стипендіатами.

„Вчера, 20 сентября, въ 3 часа пополудни, здѣшнія ученое и медицинское сословія давали обѣдъ бывшему попечителю одесскаго учебнаго округа, извѣстному нашему авторитету въ медицинѣ Н. И. Пирогову, прибывшему, какъ мы сообщили вчера, на нѣсколько дней въ Одессу изъ своей Подольской деревни. Обѣдъ состоялся въ залѣ А. Ѳ. Алексѣева. Немногочисленное общество было глубоко проникнуто уваженіемъ къ дорогому гостю.

Послѣобѣденные тосты начались тостомъ „за здравіе Государя Императора“, предложеннымъ профессоромъ Новороссійскаго университета А. М. Богдановскимъ. Затѣмъ помощникъ инспектора военно-медицинскаго управленія одесскаго военнаго округа А. А. Генрици прочелъ теплую рѣчь о важныхъ заслугахъ Н. И. Пирогова на медицинскомъ поприщѣ. Д-ръ Дитерихсъ говорилъ привѣтственную рѣчь отъ имени докторовъ Одессы. Профессора университета Григоровичъ и Маркузенъ припомнили эпизоды изъ прошлаго времени, когда Николай Ивановичъ былъ профессоромъ Дерптскаго университета; причемъ г. Маркузенъ, говорившій на нѣмецкомъ языкѣ, указалъ на ту рѣзкую реформу, какую произвелъ Николай Ивановичъ въ преподаваніи анатоміи и хирургіи при самомъ вступленіи своемъ на каѳедру. Воспоминаніе объ этой эпохѣ было изображено ораторомъ тѣмъ живѣе, что онъ находился въ числѣ слушателей Н. И. Пирогова. Затѣмъ д-ръ Мерингъ, отъ имени докторовъ, находящихся въ Одессѣ и окончившихъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ въ то время, когда Николай Ивановичъ стоялъ во главѣ управленія кіевскимъ учебнымъ округомъ, говорилъ о сочувствіи, какимъ всегда пользовался Николай Ивановичъ въ Кіевскомъ университетѣ и о главныхъ мотивахъ этого сочувствія. Привѣтственыя рѣчи были заключены словами д-ра Діамантопуло, который замѣтилъ, что въ первый разъ онъ узналъ и привыкъ уважать имя Пирогова—въ Парижѣ, въ аудиторіи извѣстнаго Неллатона, всегда вселявшаго въ своихъ слушателей глубокое уваженіе къ медицинскому авторитету перваго русскаго хирурга.

На всѣ эти рѣчи Николай Ивановичъ отвѣчалъ немногими, но, по обыкновенію, выразительными словами. Мы не въ состояніи передать ихъ съ непогрѣшительною точностью, и потому передадимъ лишь вкратцѣ ихъ содержаніе. Поблагодаривъ присутствовавшихъ за вниманіе, Н. И. Пироговъ замѣтилъ, что если онъ что нибудь сдѣлалъ и чего нибудь достигъ—то потому только, что смотрѣлъ всякой вещи прямо въ глаза и всегда руководствовался во всемъ здравымъ смысломъ. Для всѣхъ дѣятелей Россіи въ настоящее время особенно нуженъ здравый

смыслъ. „Высоко цѣню его, заключилъ Николай Ивановичъ, а потому предлагаю тостъ за здравый смыслъ!“.

Когда кончился обѣдъ, все общество соединилось тѣснымъ кружкомъ вокругъ глубокоуважаемаго хирурга, педагога и человѣка, и нѣсколько часовъ провело въ интересной и поучительной бесѣдѣ о настоящемъ положеніи учебной части въ Россіи и о настоятельныхъ ея нуждахъ. Затѣмъ въ 6 час. вечера все общество отправилось въ зданіе лечебницы для приходящихъ, гдѣ въ этотъ вечеръ назначено было засѣданіе „общества одесскихъ врачей“.

Къ страницѣ 818.

61) „Рѣчи при прощаніи съ Кіевомъ“ перепечатываются изъ собранія сочиненій, изд. 1900 г. Первоначально первыя три изъ нихъ были напечатаны въ двухъ брошюрахъ, изданныхъ по случаю оставленія Н. И. Пироговымъ должности попечителя кіевскаго учебнаго округа и содержащихъ полное описаніе проводовъ знаменитаго попечителя въ Кіевѣ. Брошюры эти имѣютъ слѣдующія заглавія: 1) „Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ. Кіевъ, 1861 г., стр. I—XXXIV“; 2) „Прощаніе Кіева съ Н. И. Пироговымъ, Кіевъ, 1861 г., стр. XXXV—LVI“. Обѣ имѣютъ на оборотѣ обложки помѣтку: „дозволено цензурою 14 и 18 апрѣля 1861 г., въ университетской типографіи“. Отсюда рѣчи Н. И. были перепечатаны въ кіевскомъ сборникѣ его статей. И рѣчи, и описаніе проводовъ вообще перепечатывались въ 1861 году, въ болѣе или менѣе подробныхъ извлеченіяхъ, почти во всѣхъ журналахъ и газетахъ 1861 года.

Первая рѣчь произнесена 4 апрѣля 1861 г. при прощаніи съ представителями учебнаго округа, вторая—8 апрѣля въ университетѣ при прощаніи со студентами. Обѣ онѣ помѣщены въ первой изъ названныхъ брошюръ. Третья рѣчь произнесена 9 апрѣля на обѣдѣ, устроенномъ кіевскими общественными дѣятелями—и помѣщена во второй брошюрѣ. Четвертая рѣчь произнесена 16 апрѣля въ Бердичевѣ при прощаніи съ мѣстнымъ еврейскимъ обществомъ.

Впервые она была напечатана въ журналѣ „Разсвѣтъ“ (№ 52 за 1861 г.) въ описаніи этого прощанія, составленномъ Н. Горнбергомъ, а также въ № 31 „Кіевскаго Телеграфа“ за 1861 г. (отсюда отд. оттискъ).

Въ предшествующихъ изданіяхъ сочиненій Пирогова (1887 и 1900 г.г.) помѣщено было также приложеніе, представляющее сокращенное изложеніе первой брошюры („Прощаніе кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ“). Въ этомъ „приложеніи“ приведены только нѣкоторыя изъ рѣчей, произнесенныхъ поклонниками Н. И. на обѣдѣ 4 апрѣля 1861 года.

Изъ Кіева Н. И. отправился въ деревню, откуда выѣхалъ черезъ годъ за границу для наблюденія за подготовкой молодыхъ русскихъ ученыхъ къ профессорству.

Къ страницѣ 828.

62) „Рѣчи во время юбилея 1881 года“ извлечены изъ описаній этого событія, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Въ частности, три помѣщенныя въ этомъ томѣ рѣчи перепечатываются изъ журналовъ „Историческій Вѣстникъ“ и „Дѣло“ за іюль 1881 г. Первая рѣчь была произнесена въ день прибытія Н. И. Пирогова въ Москву, на вокзалѣ, вторая—на обѣдѣ 24 мая въ университетѣ, третья—на обѣдѣ 25 мая въ московскомъ благородномъ собраніи. Матеріалы къ описанію чествованія 50-лѣтія научно-общественной дѣятельности Н. И. Пирогова помѣщены, помимо двухъ названныхъ журналовъ, еще въ „Русск. Старинѣ“, за сентябрь 1881 г., во „Всемірной Иллюстраціи“ (№ 649, отъ 13 іюня 1881 г.), въ „Моск. Вѣдом.“ (26 мая 1881 г.), „Моск. Телеграфѣ“ и другихъ современныхъ изданіяхъ. Имѣется брошюра „Рѣчь Н. И. Пирогова на торжественномъ юбилеѣ 24 мая 1881 г. въ Москвѣ, въ Университетѣ. Записана съ его словъ орд. проф. Э. Э. Эйхвальдомъ“ (М. 1881 г., стр. 1—6). См. также „Русскій Еврей“ (№ 21 и 22 за 1881 г.), „Восходъ“ (майская книга 1881 г.), гдѣ приведены адреса, поднесенные Пирогову отъ еврейскихъ обществъ и повременныхъ изданій.

Въ ноябрьской книгѣ „Р. Старины“ за 1881 г. Л. В. Малининъ помѣстилъ статью подъ загл.: „Н. И. Пироговъ. Посѣщеніе имъ перваго студенческаго общежитія при Московскомъ университетѣ“.

Посѣщеніе это состоялось 25 мая 1881 г., когда праздновался юбилей знаменитаго ученаго. Г. Малининъ подробно приводитъ слова Н. И. Пирогова, съ которыми онъ обратился къ студентамъ общежитія; при этомъ посѣщеніи Николая Ивановича сопровождалъ ректоръ Московскаго университета, проф. Ник. Сав. Тихонравовъ. Вотъ что говорилъ Н. И. Пироговъ студентамъ:

— Эхъ, какая разница,—говорилъ онъ, стоя въ первой квартирѣ во второмъ этажѣ,—между нашимъ бытьемъ студенческимъ, давнишнимъ, моимъ, напримѣръ, и вашимъ, господа студенты, настоящимъ! Вотъ я, Николай Савичъ,—обратился онъ къ ректору и взялъ его при этомъ за пуговицу сюртука,—вѣдь тоже жилъ во времена моего студенчества въ нѣкотораго рода общежитіи. Находилось оно у насъ гдѣ-то на Тверскомъ бульварѣ. Тамъ былъ такой домъ, съ балкономъ на улицу, и дома-то этого теперь уже давно нѣтъ: время все сокрушило. Такъ вотъ-съ, бывало, какъ первое число мѣсяца, такъ въ нашемъ, буду называть, общежитіи, дымъ коромысломъ шелъ, весь домъ шелъ вверхъ дномъ; шумъ, гамъ, гвалтъ, самое ужасное пѣніе, пляска, дикіе крики наполняли наше жилище и день, и ночь; вподрядъ дней пять или шесть продолжа-

лась у насъ такая жизнь, и почти поголовное пьянство. Тогда-то въ нашей квартирѣ появлялись какія-то совершенно незнакомыя личности, Богъ знаетъ, откуда взявшіяся. Помню, посѣщали насъ особенно въ эти дни какіе-то протодіаконы и діаконы, изъ которыхъ одинъ особенно выдѣлялся: здоровый, толстый, высокій, съ лоснящейся красной рожей, съ длинными, какъ грива, волосами; бывало, поднявши фалды своей рясы, онъ отчаянно отплясывалъ въ присядку трепака и удивительно громко, просто ревомъ какимъ-то, „велелѣпно", какъ онъ самъ выражался, провозглашалъ всѣмъ намъ многолѣтіе. Случалось даже, этотъ діаконъ у насъ ночи ночевывалъ: такъ, пьяный, и свалится гдѣ-нибудь подъ столъ и спитъ до новой оргіи. Публика въ это время сторонилась нашего дома, просто боялась близко подходить. „Чистые разбойники, оглашенные, вотъ проклятые-то!"—говорили многіе, проходя мимо и набожно крестясь, что благополучно миновали опасное мѣсто. И вотъ, такимъ-то образомъ продолжалось дней съ шесть, однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ деньги не пропивались. Тогда наше общежитіе снова погружалось въ свою обычную тихую жизнь; протодіаконы и діаконы и другія неизвѣстныя темныя личности насъ покидали, и тишина водворялась въ нашей квартирѣ до новой получки денегъ, которая обыкновенно происходила въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, такъ какъ въ это время мы получали стипендіи и деньги отъ родителей и родныхъ. Вотъ-съ какое общежитіе у насъ въ старину было; не чета вашему, господа студенты!"

Къ страницѣ 836.

63) Въ приложеніи дается позднѣйшая редакція „Вопросовъ жизни", т. е. текстъ, напечатанный въ посмертномъ собраніи сочиненій Н. И. Пирогова (изд. 1887 и 1900 годовъ).

Хронологическій Указатель

статей Н. И. Пирогова, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ. *)

*) Здѣсь показаны также статьи Н. И., помѣщенныя въ примѣчаніяхъ. Указатель составленъ по датамъ написанія статей, а въ случаяхъ, гдѣ этого не удалось установить,—по датамъ ихъ опубликованія.

Указатель личныхъ именъ.*)

*) Перечисленныя на стр. 560 561 лица -профессорскіе стипендіаты начала 60-хъ годовъ, занимавшіеся за-границей подъ руководствомъ Пирогова.

*) Въ Указатель не включены имена, встрѣчающіяся въ Примѣчаніяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.*)

---

*) Жирныя цифры поставлены передъ статьями, впервые включенными въ настоящее „Собраніе сочиненій“. Письма и замѣтки, напечатанныя въ „Примѣчаніяхъ“ также не помѣщались въ предшествующихъ изданіяхъ.

Циркуляры по Кіевскому округу.

Отдѣлъ II. Статьи о высшей школѣ.

Письма изъ Гейдельберга.

Отдѣлъ III. Статьи публицистическія и рѣчи.

Письма мирового посредника.

Письма къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ.

Письма къ редакторамъ еврейскихъ журналовъ.

Письма о печати и цензурѣ.

*) Въ „Примѣчаніяхъ“ въ разныхъ мѣстахъ напечатаны письма и рѣчи Н. И. Пирогова, также не включенныя въ предшествующія изданія его сочиненій. Эти отрывки (см. предисловіе) перечислены въ хронологич. указателѣ.

Типографія „Одесскихъ Новостей“, Одесса, Екатерининская, 8.

